UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324275 7

Bethune

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

ВЪ КАМЫШАХЪ

ПОВѢСТЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Отремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежд.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 іюня 1905 г.

PG
3467
K33
1904
t. 2

LIBRARY
APR 1 1976
UNIVERSITY OF TORONTO

Типографія П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

I. Семейство «Стараго пушкаря».

Волосы на головѣ его были коротко острижены, усы—длинные, совсѣмъ сѣдые; брови, тоже почти бѣлыя, нависли надъ глазами и придавали смуглому, изборожденному морщинами лицу суровый, нѣсколько даже сердитый видъ. Онъ былъ высокъ и сухощавъ, походку имѣлъ тяжелую и уже далеко не такую твердую, какъ въ прежніе годы... Онъ подошелъ къ окну, протеръ рукавомъ напотѣвшія стекла, поправилъ въ зубахъ коротенькую трубочку, такъ-называемую «носогрѣйку», и произнесъ:—Гм... подмораживаетъ къ ночи!

— Что значитъ—дѣло къ зимѣ становится! Какіе дни короткіе стали: не успѣли обернуться—накось—уже ночь!—произнесла полная, пожилая женщина, накрывая столъ красною камчатною салфеткою.—Петра Михайловича будемъ ждать къ чаю или нѣтъ?

— Еще бы, маменька, что это вы?!—раздался молодой женскій голосъ изъ сосѣдней комнаты.—Человѣкъ назябся, проголодался, вотъ уже второй день какъ на охотѣ; обѣщалъ быть непремѣнно сегодня къ вечеру... а вы—не ждать...

— Ну-ну, подождемъ. Ишь ты какъ!

Старикъ подмигнулъ глазами за перегородку. Пожилая женщина вздохнула и полѣзла въ шкафикъ за посудою.

— Огонь пора зажигать, а то перебьешь все въ потьмахъ-то. Федырычъ, черкни-ка спичкою!

— Ромку-бы къ чаю не мѣшало... Оно съ холоду-то первый сортъ!—заявилъ старикъ, зажигая спичку и прикрывъ ее ладонью. Онъ лукаво прищурилъ свой подслѣповатый глазъ и прищелкнулъ пальцемъ по воротнику своего затасканнаго форменнаго сюртука.

— У маркитанта—ромъ вонъ по два съ полтиной бутылка сталъ; не по карману покупать-то!

— Можетъ, прежняго осталось, что изъ Ташкента стрѣлки намъ къ именинамъ прислали?

— Эвось, когда хватился!

— Есть, маменька, есть; я сама видѣла внизу, въ поставцѣ, немного, а есть!—заявилъ голосъ за перегородкою.

— Да ты-то что?—вдругъ вспылила маменька.—Для своего Петра Михайловича все откопаешь—послѣднюю рубашку...

— Онъ такой-же мой, какъ и вашъ!—обидѣлась дочка.

— Какъ и вашъ!— ворчала маменька—и сердито, съ нескрываемой досадою, поставила на столъ подносъ съ чашками, такъ что на немъ запрыгала и зазвенѣла разнокалиберная чайная посуда.

— Расходилась старуха!—засмѣялся усатый старикъ и сталъ бережно перелистывать пожелтѣлыя страницы ветхаго календаря, чуть-ли не тридцатыхъ годовъ, отыскивая себѣ для чтенія что-нибудь поинтереснѣе.

— Да что, право, въ самомъ дѣлѣ! тоже жалованье получаетъ не меньше нашего... могъ бы когда нибудь... ну хоть-бы что по хозяйству...

— Онъ-же таскаетъ къ намъ всякой дичи; мало, что ли? Вотъ на прошлой недѣлѣ кабана привезли . вчера вотъ прислалъ...

— Еще бы не доставало этого! Неужели-же намъ эту дрянь, прости Господи, покупать, когда свой охотникъ...

— То-то вотъ, маменька! теперь вы сами говорите—свой!

— А то нѣтъ? я не къ тому, чтобы какъ понимаю иначе...

— Ну-ну, завирайся!...—предостерегъ старикъ.

— Да какже—сами знаете: если не на охотѣ, гдѣ Петръ Михайловичъ? у насъ,—гдѣ обѣдаетъ? у насъ,—чай пьетъ? опять же у насъ,—развѣ не ночуетъ... Да и то разъ, вонъ на томъ диванѣ... Казначейша приходила—видѣла... просто срамъ!.. что могутъ подумать! Ужъ и такъ пошли толки!

— А ты, матушка, не слушай, что говорятъ...

— И рада бы не слушать... да не затыкать-же себѣ уши пальцами! Пойдетъ слава не хорошая. Другой-бы радъ, какъ слѣдуетъ, подъ вѣнецъ—да послушаетъ и раздумаетъ...

— Эхъ, надоѣла ты мнѣ!.. Ну, что ты мелешь?.. Кто насъ знаетъ, тотъ худо не подумаетъ,—а кто не знаетъ, до тѣхъ мнѣ и дѣла нѣтъ... Наташа у насъ дѣвушка рабочая—добрая... да по нашему положенію ей отъ хорошихъ жениховъ отбою не будетъ! Да къ тому-же, я такъ полагаю,—старикъ понизилъ голосъ,—она уже себѣ намѣтила... Чтожь! я не прочь... онъ мнѣ тоже по душѣ!

— Добра не видали! хорошъ женихъ!.. ни за собою, ни передъ собою—а въ чинѣ-то и не говори, чуть-чуть отъ солдатъ отошелъ. Нѣтъ, ей нужно не такого!

— Какого-же?

— Да ужь я не знаю какого... а кое-что другое знаю!

— Что-же такое?

Старикъ заложилъ пальцемъ то мѣсто въ книгѣ, на которомъ остановился, и пытливо посмотрѣлъ на свою жену.

— Шубу кунью показывалъ,—серебра на двадцать четыре персоны, свой экипажъ, да еще два,—говорила маменька, равнодушно перетирая чашки,—«жениться, говоритъ, собираюсь... уже и невѣсту себѣ подыскалъ, да не знаю, какъ къ дѣлу приступить»...—Самъ говоритъ, а на меня такъ понятливо смотритъ—что я сразу вижу, къ чему рѣчь идетъ...

— Понимаю я самъ, про кого ты говоришь. Ну, дальше!

— А я ему говорю: «чтожь, дѣйствуйте смѣлѣе. Вамъ, я полагаю, отказа не будетъ: вы въ такомъ чинѣ и при мѣстѣ»!

— Да, въ маіоры произвели...—задумчиво произнесъ старикъ,—везетъ же людямъ счастье!..

— «Вы, говорю, знакомы съ вашею, что намѣтили?»—«Знакомъ,—говоритъ,—два раза былъ»... Помнишь, онъ у насъ на Святой былъ съ визитомъ, а потомъ на прошлой недѣлѣ заѣзжалъ, еще обѣдать у насъ остался?

— Ну, помню...

— «Зайдите еще разъ,—говорю,—примутъ васъ ласково... а вы подарочекъ хорошій приготовьте»...

— Ну, это ты напрасно...

Во время этого діалога, въ дверяхъ перегородки показалась высокая, стройная дѣвушка въ сѣромъ ситцевомъ платьѣ и стала, не спуская глазъ съ своей маменьки.

— Ну, будетъ схватка!..—пробормоталъ старикъ и поспѣшилъ углубиться въ чтеніе...

— Ужъ очень вы, маменька, нынче падки на подарки стали!—произнесла дѣвушка.—На чужихъ въ претензіи, что меня словомъ порочатъ, а сами хуже другихъ...

— Молчи, Наташа, молчи!

— Что молчать, я знаю, что говорю!

— То-то и есть, что очень много знаешь!

— Маменька!

— Я какъ разсержусь—себя не помню!

— Ну, да ты и заправду дурить начнешь!—приподнялся старикъ со стула.

— А тебѣ-то что?—напустилась теперь уже на него вспылившая маменька.

— Ничего!..—старикъ снова медленно опустился на стулъ и началъ перелистывать книгу.

Дѣвушка прошла быстро черезъ комнату и вышла въ сѣни. Она накинула на голову большой черный платокъ и оперлась на перила высокаго крыльца. Она пристально начала всматриваться въ темноту и прислушиваться.

На дворѣ было совсѣмъ темно; окошки чиназскихъ домиковъ рисовались яркими четыреугольниками. Вдали стояло красное зарево отъ костровъ на солдатскихъ кухняхъ, расположенныхъ на берегу рѣки; на этомъ пожарномъ фонѣ виднѣлись темные углы крѣпостныхъ стѣнъ и прямая черточка сигнальной мачты. Съ туземнаго базара доносились крики, пьяные голоса, пѣсни и звуки какого-то струннаго инструмента. Два полупьяныхъ матроса и между ними солдатъ линеецъ—шли самою серединою улицы, шлепая по густой грязи своими сапогами, и во все горло орали какую-то пѣсню; темная фигура верховаго прошмыгнула мимо самаго крыльца, проскрипѣли высокія колеса туземной арбы... У самыхъ воротъ, подъ навѣсомъ, деньщикъ-солдатъ ставилъ самоваръ, слышно было усиленное пыхтѣніе; вздутыя щеки и щетинистые усы ярко освѣщались отъ жерла самоварной трубы, всякій разъ, когда деньщикъ нагибался и дулъ во всю силу своихъ богатырскихъ легкихъ; красныя искры летѣли во всѣ стороны и шипя гасли, падая на мокрую землю.

— Петя, ты?.. —тихо произнесла Наташа и почувствовала, что кровь прихлынула къ ея лицу.

— Федотъ да не тотъ! — засмѣялся какой-то пѣшеходъ, поровнявшись съ крыльцомъ.

— Извините! — произнесла дѣвушка смущеннымъ тономъ.

— Ничего-съ!

Пѣшеходъ пошелъ дальше, придерживаясь поближе къ стѣнкамъ заборовъ, гдѣ было посуше.

Далеко, за тою бѣлою полосою тумана, что стояла надъ Сыръ-Дарьею, чуть слышались неясные крики.

— Чу! перевозу требуютъ! — приподнялъ голову солдатъ, ставившій самоваръ.

— То, должно быть, наши, Никита? — спросила его дѣвушка, нагнувшись черезъ перила.

— Нашимъ бы не должно быть: хотѣли на «Чирчикѣ» охотиться; развѣ гдѣ выше на тотъ берегъ перебрались...

— Вотъ уже второй день...— начала дѣвушка.

— Пріѣдутъ!..—утѣшилъ ее солдатъ. — Гляди, барышня, какихъ тебѣ поросятъ навезутъ; а можетъ, гляди, тигра ухлопаютъ!

Наташѣ стало холодно; она передернула плечиками подъ своимъ платкомъ, зѣвнула и вошла въ комнату.

— Ну, дождалась?!.—спросила мать.—Ишь, зубъ на зубъ не попадаетъ. Пей чай!

— Холодно!—лаконически отвѣчала Наташа, сѣла поближе къ отцу, въ темномъ уголкѣ, и задумалась.

Медленно взглянулъ на нее старикъ, медленно поднялъ худощавую руку и ласково, мягко погладилъ по головѣ свою дочку.

Въ сосѣдней комнатѣ захрипѣли часы и приготовились бить; подъ диваномъ заворошилась старая собака, громко зѣвнула и вылѣзла, потягиваясь и махая облѣзлымъ хвостомъ. Всѣ притихли.

II. Въ камышахъ.

Нѣсколько хохлатыхъ утокъ съ шумомъ снялись съ мутной пѣнистой поверхности воды, и хлопая крыльями, понеслись наискось черезъ отмели, къ камышамъ противоположнаго берега. Эти птицы до сихъ поръ спокойно плавали и ныряли въ густыхъ зарослях—и вдругъ, испустивъ тревожный, испуганный крикъ, быстро поднялись на воздухъ; высокіе, пожелтѣлые стебли камыша медленно колебались, потревоженные этимъ стремительнымъ полетомъ. По мѣрѣ того, какъ успокои-

лось движеніе камыша въ этомъ мѣстѣ, — въ другомъ, нѣсколько подальше, такое же движеніе замѣтно усиливалось и усиливалось. По временамъ слышался какой-то странный всплескъ и шелестъ и даже усиленное дыханіе чего-то живаго. Высокія метелки волновались, раздвигаясь и уступая дорогу какому-то плывущему тѣлу. Этотъ-то страшный шумъ и взбудоражилъ такъ мирное утиное общество, побезпокоилъ кстати и ту длинноногую цаплю, что до сихъ поръ стояла на одной ногѣ, спрятавъ подъ пепельное крыло свою носатую голову.

Вонъ между пушистыми метелками камыша мелькнулъ красный верхъ лисьей шапки, блеснули стволы ружья — показался верблюжій кафтанъ другого пловца, за нимъ желтѣлъ дубленый, русскій полушубокъ третьяго. Пловцы медленно подвигались впередъ, протискиваясь сквозь чащу и упираясь въ дно длинными жердями. Невозможно было разобрать сразу, на какомъ это суднѣ они совершаютъ свое путешествіе — и путешествіе должно быть весьма трудное, судя по тому, что они, обливаясь потомъ, съ трудомъ переводя дыханіе, поминутно подбодряли другъ друга разнообразными междометіями, возбуждая остывшую энергію.

— Ну, еще наддай! ну, еще!..— говорилъ дубленый тулупъ.

— Правую сторону береги, тамъ засядемъ!.. — кряхтѣла лисья шапка, упираясь всею грудью на жердь и покраснѣвъ до ушей отъ страшнаго усилья.

— Стой, завязли!—отчаявался опять дубленый тулупъ.

— Погоди, — говорилъ нерусскимъ акцентомъ верблюжій халатъ.—Переползай всѣ сюда, передъ и поднимется... Не съ разу—опрокинете!.. Легче!.. Ну, напирай!..

— Тронулся!..

— Идетъ, идетъ!..

— Фу ты, инда въ жаръ кинуло, чуть не подмочилъ патронташъ! «Діанка», сиди смирно, каналья!

— Еще два три удара — на просторъ выберемся. Вонъ виднѣется открытая вода!

— Упрись вонъ въ ту кочку. Такъ!

— Еще хорошо, что намъ теченье помогаетъ! а если бы напротивъ — низачто не выбраться бы изъ этой проклятой чащи!

— Да ну, «Кадо», не вертись, дьяволъ тебя побери! чуть не полетѣлъ изъ-за него...

Собака, которой дали порядочнаго пинка, завизжала.

— Не надо шайтана поминать, — внушительно замѣтилъ верблюжій халатъ.—Мѣсто нехорошее; ты вонъ сказалъ, а онъ, можетъ быть, подъ нами сидитъ въ тинѣ...

— Это онъ, можетъ, и задерживаетъ нашъ плотъ рогами?—засмѣялась лисья шапка.—Чего добраго!

— Не надо... оставь...

— Зажги-ко спичку: сигара потухла!

На просторъ широкой Сыръ-Дарьи, изъ густо заросшаго безымяннаго притока выбрался небольшой плотъ. Плотъ этотъ былъ кое-какъ связанъ изъ сноповъ камыша, сплоченныхъ попарно; онъ довольно устойчиво держался на водѣ, хотя почти все время кружился, уступая всѣмъ капризамъ прихотливаго теченія.

Подобные плоты въ большомъ употребленіи между прибрежными жителями, ихъ обыкновенно называютъ «саллы». Коль скоро какой-нибудь туземецъ найдетъ возможность сбыть кое-что изъ своего хозяйства на чиназскомъ базарѣ, онъ связываетъ десятка два камышевыхъ сноповъ, покрываетъ ихъ соломою, складываетъ на эту солому свой товаръ, садится самъ сверху и, совершивъ напутственный намазъ (молитву), смѣло спускается внизъ по рѣкѣ, довѣряясь теченію. Случается, что этакихъ «саллы» собирается разомъ десятка три и больше— и странно бываетъ смотрѣть на эту оригинальную флотилію, медленно подвигающуюся между пустынными, густо заросшими берегами. Дикое, заунывное пѣніе стелется надъ волнами; пугливо хрюкаютъ свиньи въ камышахъ, завидѣвъ плывущихъ; глухо рычитъ тигръ, припавъ между кочками и косясь на пловцовъ своими злыми полузакрытыми глазами; большими концентрическими кругами расходятся на поверхности рыбьи всплески — и пронзительно металлически кричатъ въ воздухѣ бѣлыя чайки, то спускаясь къ самой водѣ, то разомъ взлетая на страшную высоту, гдѣ ихъ болѣе ярко сверкающее брюшко совершенно исчезаетъ изъ глазъ пловца, глядящаго изъ подъ своего косматаго малахая (родъ шапки).

На нашемъ «саллы» сидѣло, какъ я уже сказалъ, три человѣка: двое русскихъ и одинъ туземецъ. По ихъ костюмамъ, по

оружію и прочимъ принадлежностямъ, наконецъ, по собакамъ,— которыя, вѣроятно, привыкши къ подобнымъ плаваніямъ, спокойно наблюдали своими умными глазами водную поверхность,— можно было догадаться, что промыселъ этихъ людей главнымъ образомъ—охота.

Едва только плотъ вытянулся на открытое мѣсто, какъ его тотчасъ же подхватило среднимъ теченіемъ «Дарьи». Вся эта спутанная, безобразная масса камыша быстро закружилась и понеслась къ отмелямъ. Было очень глубоко, и шесты не доставали илистаго дна рѣки. Пробовали грести какъ веслами,—справились было—и снова уступили вращающей силѣ теченія. Собаки завыли, пловцы крѣпко держались за выдающіеся снопы.

Охотникъ въ лисьей шапкѣ зорко приглядывался къ пѣнистой чертѣ береговаго прибоя.

— Я говорилъ,—произнесъ онъ,—надо было выше выбираться; теперь насъ верстъ за десять снесетъ. Потомъ опять какой крюкъ прійдется сдѣлать, чтобъ снова на «Тузъ-куль» выбраться!

— Хорошо, колибъ снесло подальше, а то...

— Что?

— Смотри впередъ: на отмели прямо!

— А ну, пробуй: досталъ дна?

— Есть!

— Держи, упрись!

Плотъ дрогнулъ и закачался на одномъ мѣстѣ. Вертлявая Діана свалилась въ воду, завизжала и принялась карабкаться; верблюжій халатъ перегнулся и поймалъ собаку за ошейникъ, та влѣзла и начала отряхиваться, обдавая всѣхъ мелкими брызгами. Послышался трескъ. Шестъ, которымъ упирался въ дно одинъ изъ охотниковъ, не выдержалъ напора и переломился. Весь плотъ словно подкинуло кверху, онъ скакнулъ впередъ, уперся «головою» въ песчаный наносъ и запрыгалъ на мѣстѣ, разрываемый напоромъ теченія.

— Ссаживай, ссаживай!..—крикнули разомъ три голоса.

Почти въ одно мгновеніе, всѣ были въ водѣ, забросивъ ружья за спину. Собаки принялись усиленно выть, поднявъ кверху морды, едва держась на сильно колыхающемся плоту.

— Патроны береги пуще всего... ахъ, скверно!

— Ничего, справимся!

— Какое «справимся», когда «его» весь растрепало!..

Дѣйствительно, засѣвшія на отмели «саллы» находились въ самомъ плачевномъ положеніи; нѣсколько сноповъ оторвались и поплыли по теченію; сумка съ провизіей пошла было ко дну, но ее успѣлъ во время подватить охотникъ въ тулупѣ.

— Послѣ такого милаго купанья рисковано остаться безъ глотка водки! — произнесъ онъ, перебрасывая себѣ черезъ плечо ремень спасенной сумки.

Придерживаясь за остатки плота, охотники разстегнули пояса съ патронташами и привѣсили ихъ на стволы своихъ ружей; такимъ образомъ заряды и порохъ были предохранены отъ подмочки. Въ томъ пунктѣ, гдѣ находились потерпѣвшіе крушеніе, вода была очень мелка и едва только достигла раструбовъ ихъ охотничьихъ сапогъ.

— Ну-съ, такъ какъ-же дальше-то?—заговорилъ дубленый тулупъ.

— Судя по этой извилистой ряби,—указалъ охотникъ въ лисьей шапкѣ,—мы можемъ добраться вбродъ вонъ къ тому мѣсту,—видите, выдался мысокъ? А тамъ и до берега не далеко!

Дѣйствительно, вся отмель сквозила желтоватою полосою; надъ нею водная поверхность была покрыта мелкою рябью, между тѣмъ въ глубокихъ мѣстахъ вздымались довольно крупныя, послѣдовательныя волны.

Собаки спрыгнули съ мелкихъ остатковъ растрепавшагося плота и плыли къ берегу. Охотники потянулись вбродъ другъ за другомъ; быстрое теченіе сбивало ихъ съ ногъ, и они принуждены были держаться взаимно за пояса. Впереди всѣхъ брелъ охотникъ въ лисьей шапкѣ, сзади туземецъ.

— Брр!.. подъ ложечку колетъ — какъ холодно!..—замѣтилъ дубленый тулупъ, — хорошо еще, что я не прозѣвалъ сумку!

— За это тебѣ первый глотокъ!—процѣдилъ сквозь зубы путеводитель.

— Яманъ... Суокъ!.. *)—стоналъ верблюжій халатъ.

— Будетъ тебѣ «суокъ»!.. шутка-ли, купанье въ декабрѣ мѣсяцѣ...

---

*) Дурно!.. холодно.

— Ухъ! словно глубже стало!..

— Въ яму попалъ...

— Смотри, смотри: тамъ что-то неладно!..

— «Валетъ», «Діана»... ну, впередъ... пиль!..

Собаки, добравшіяся уже до камышей, вдругъ стремительно ринулись назадъ къ охотникамъ — и съ пугливымъ лаемъ, почти вытьемъ, оглядывались на неподвижную стѣну береговыхъ зарослей. Шаговъ двадцать, не болѣе, оставалось до берега; охотники миновали уже быстрину, и вода была покойна. Вязкій илъ смѣнилъ крупный песокъ отмели, и между ногъ путались слизистые, темнобурые стебли водяныхъ растеній.

— Стой! осмотри замки!.. — распорядился охотникъ въ лисьей шапкѣ.

Ружейные курки начали тихо щелкать; капсюли были перемѣнены. Собаки вплотную жались къ охотникамъ, не переставая выть.

— Я ничего не вижу!

— Я самъ ничего не вижу...—Охотникъ въ лисьей шапкѣ крѣпко стиснулъ свою двустволку.—Я самъ ничего не вижу—но потому-то и говорю, что опасно: «онъ» не такой дуракъ, чтобъ раньше показаться, чѣмъ слѣдуетъ!

— Я знаю только, что если эта «каналья» продержитъ насъ еще хоть пять минутъ въ водѣ, то...

— Тсъ!..—теперь видишь?

— Шайтанъ...—бормоталъ верблюжій халатъ.

— Молчи, шутъ тебя дери!

Камыши сильно заколыхались. Послышался громкій шелестъ и глухое хрюканье.

— Кабаны!..—прошепталъ нагольный тулупъ.

Какія-то двѣ черныя массы, прокладывая себѣ дорогу, приближались къ водѣ; поминутно проваливались между кочекъ—и слышно было, какъ онѣ съ трудомъ вытаскивали изъ топкой грязи свои ноги. Переднее животное совсѣмъ показалось на виду: длинная черная морда, съ торчащими врозь ушами, испуганно захрюкала и, прищуривъ глаза, глядѣла на людей, что стояли въ водѣ. Вѣроятно, кабанъ никакъ не разсчитывалъ на эту встрѣчу. Ярко сверкали четырехвершковые клыки животнаго, которое медленно принялось пятиться назадъ, косясь на воющихъ собакъ. Дубленый тулупъ вскинулъ ружье

и готовъ былъ спустить курокъ, но вдругъ почувствовалъ, что его оружіе было отведено въ сторону; онъ изумленно посмотрѣлъ на охотника въ лисьей шапкѣ,—тотъ смотрѣлъ совсѣмъ въ другую сторону, не отнимая руки отъ ружья.

— Что ты?!

— Не глупи!.. —шептала лисья шапка. — Стрѣлять придется по чему-либо другому...

— Кабаны уходятъ!

— Великъ Аллахъ!..—началъ шептать верблюжій халатъ и не успѣлъ кончить...

Страшный ревъ покрылъ все. Громадный старый тигръ вылетѣлъ изъ камышей. Всѣмъ показалось, что высоко въ воздухѣ протянулось это длинное, полосатое тѣло; всѣ четыре лапы были почти крестообразно раскинуты въ стороны; хвостъ, напряженно вытянутый, дрожалъ; широкія бѣлыя бакенбарды животнаго придавали его головѣ оригинально-страшный видъ. Пронзительно завизжалъ кабанъ, придавленный къ землѣ тигромъ... онъ судорожно бился и зарывался мордою въ грязь, брыкался ногами, рвался. Комья илу, грязи, стебли и цѣлые корни камыша летѣли въ воздухъ.

Тяжело упираясь задними лапами, перегнувшись дугою, вцѣпившись зубами въ загривокъ кабана, тигръ поволокъ добычу въ глубину чащи... Пронзительный визгъ пойманнаго животнаго смѣнился храпѣніемъ; взбудораженные, обрызганные кровью стебли камыша волновались, успокоиваясь мало-по-малу.

— Я умру... у меня не хватаетъ терпѣнія... у меня сердце замерзаетъ!—стоналъ нагольный тулупъ.

— Ну, теперь впередъ! Теперь онъ его затащитъ отсюда далеко, а насъ оставитъ въ покоѣ... Гайда!.. (пошелъ!).

Собаки выбрались уже на берегъ и обнюхивали окрававленное мѣсто страшной борьбы.

— Совѣтую прежде всего снять сапоги долой и вылить изъ нихъ воду!—предложилъ охотникъ въ лисьей шапкѣ, и тотчасъ-же подтвердилъ свой совѣтъ примѣромъ.

Всѣ принялись переобуваться.

— Теперь намъ надо выбрать мѣсто посуше и разложить огонь!

— Огонь... какое чудное слово! Мнѣ кажется, оно одно способно согрѣвать!

— Толкуй!.. Вотъ тутъ будетъ не дурно!

Верблюжій халатъ уже кряхтѣлъ и надсаживался, срѣзывая своимъ туземнымъ ножомъ пучки камыша.

— А пока мы воспользуемся вѣтромъ и расчистимъ себѣ мѣстечко!..

Охотникъ снялъ шапку, порылся за ея отворотомъ и отыскалъ тамъ жестяную коробку со спичками; потомъ аккуратно сложилъ пучокъ сухихъ стеблей, перегнулъ его пополамъ и зажегъ; черезъ минуту, подожженные снизу густые пучки камыша и тальника быстро разгорались, охвативъ полукругомъ тѣсное пространство, занятое охотниками. Густой черный дымъ потянуло по вѣтру.

— Пошла потѣха!—говорилъ охотникъ, потирая руки и глядя, какъ въ этомъ черномъ дыму извивались красные языки пламени.

— А теперь за дѣло!.. Ну, гдѣ твоя спасенная сумка?

— Спасенная и вмѣстѣ съ тѣмъ спасительная... Вотъ она, вотъ! Будемъ пить прямо изъ горлышка. Душа мѣру знаетъ! Кому начинать?

— Огонь понесло какъ разъ въ ту сторону, куда ушелъ тигръ. Мы, значитъ, пока удалили это не совсѣмъ пріятное сосѣдство. Эй, Бабаджанъ, что-же ты съ костромъ копаешься? Да кстати, изжарь-ка намъ шашлыкъ изъ своей Діанки?

— Зачѣмъ изъ Діанки? Діанка—собака; у меня баранина есть немного!—отозвался верблюжій халатъ, хлопоча около костра, начинавшагося уже разгораться.

Первымъ дѣломъ—охотники позаботились о томъ, чтобы высушить свое нижнее платье и обувь... Всѣ непріятности неудачной переправы черезъ «Дарью» были забыты подъ вліяніемъ животворной теплоты костра, а главное, водки... Собаки, свернувшись клубкомъ, спали и взвизгивали во снѣ... Мало-по-малу темнѣло—и на прояснѣвшемъ небѣ кое-гдѣ замигали звѣзды. Къ ночи начинало морозить.

— Господа,—началъ охотникъ въ лисьей шапкѣ, — вотъ мое предложеніе:—мы сегодня не доберемся до «Уллаева аула», а малому не лучше-ли ночевать здѣсь?..

— Мнѣ все равно!—согласился тулупъ.

— Затѣмъ, мы на разсвѣтѣ пройдемъ всѣми затонами, пошаримъ по камышамъ и къ вечеру вернемся на курганы, а тамъ уже до Чиназа рукой подать!

— Еще бы! въ ясную погоду таловое дерево видно, что стоитъ у пароходной пристани!

— Ну, такъ вотъ;—сторожить будемъ по очереди, я пожалуй, начну. Огонь всю ночь поддерживать!

— Я уже сплю...—произнесъ Бабаджакъ, завертываясь съ головою въ свой халатъ. — Діанка, сюда!..—онъ приподнялъ полу халата.—Все теплѣе будетъ!

— А мнѣ что-то спать не хочется,—говорилъ нагольный тулупъ,—а впрочемъ...

Онъ тоже свернулся подъ своимъ тулупомъ и затихъ.

Охотникъ въ лисьей шапкѣ подкинулъ въ огонь еще вязанку тростника, пододвинулся поближе, положилъ къ себѣ на колѣна свое оружіе и задумался.

Черезъ минуту слышно было двойное усиленное храпѣніе, которому аккомпанировалъ трескъ горѣвшаго камыша и тихіе далекіе всплески берегового прибоя...

Охотника въ лисьей шапкѣ звали Петромъ Касаткинымъ, онъ служилъ офицеромъ въ мѣстномъ линейномъ батальонѣ. Попалъ онъ сюда уже давно, чуть-ли не съ шестнадцати-лѣтняго возраста, а теперь ему было по крайней мѣрѣ за тридцать. Глушь, скука, лишеніе всего, что хотя сколько-нибудь можетъ назваться умственной пищею, — это притупляющее, давящее однообразіе мѣстной жизни могло-бы совершенно убить его натуру, затянуть хмѣльною тиною все въ немъ живое, но этого не случилось. А случалось это со многими, почти со всѣми, кого только судьба забросила въ эту забытую дикую глушь.

Игра и пьянство, пьянство и игра, вотъ два главныхъ элемента мѣстной жизни. Трезвыя минуты считались положеніемъ ненормальнымъ, и если-бы въ человѣкѣ не нашлось какой-нибудь противодѣйствующей силы, если-бы эта сила оказалось несостоятельною въ борьбѣ съ своимъ страшнымъ врагомъ, тоскливою скукою, то ему приходилось бы только одно—окунуться съ головою въ этотъ ужасный, всепоглощающій омутъ.

Въ Касаткинѣ нашлась эта сила; она развивалась въ немъ еще съ ребяческаго возраста, она направляла въ немъ всѣ его инстинкты,—она спасла его и въ данномъ случаѣ, сдѣлавъ то, что годы степной жизни, тянувшіеся для другихъ

безконечно, пролетали для него какъ короткіе зимніе дни, когда не успѣешь налюбоваться солнечнымъ свѣтомъ, глядь, уже пора зажигать огни и садиться за ужинъ.

Эта спасительная, благотворная сила была любовь къ природѣ.

Во время длинныхъ, утомительно-однообразныхъ походовъ черезъ неизмѣримыя степи, когда полусонные его товарищи, понуривъ головы, брели, еле передвигая ноги, молодого Касаткина все занимало—занимало все, что онъ видѣлъ вокругъ себя; а онъ видалъ много новаго, много такого, что дѣйствительно могло интересовать—и видѣлъ тамъ, гдѣ другіе рѣшительно не ждали ничего, кромѣ однообразія мертвой степи.

— Посмотри! ты видишь, какъ вдали словно озерко протянулось? Вонъ еще,—обращался онъ къ кому-нибудь изъ товарищей,—ну, совершенно, какъ вода... и если-бы я не зналъ навѣрное, что это марево...

— Отстань...—угрюмо отвѣчалъ товарищъ соннымъ голосомъ,—эка невидаль!

— Черепахъ видалъ?.. Вотъ тутъ сейчасъ двѣ поползли...—обращался онъ къ другому.

— Мм?.. — мычитъ тотъ во снѣ и клюетъ носомъ, крѣпко ухватившись руками за переднюю луку казачьяго сѣдла.

— Я сейчасъ змѣю убилъ! мѣдянку... онѣ преопасныя: укуситъ—смерть!..—говоритъ онъ третьему.

— Экъ на тебя устали нѣтъ!—обрѣзаютъ его и съ этой стороны.

Тамъ на верхушкѣ небольшого бугра сидитъ орелъ; онъ сидитъ совершенно неподвижно и смотритъ на проходящій мимо отрядъ.

Касаткину вдругъ захотѣлось взглянуть: какъ это онъ взмахнетъ своими громадными крыльями? Его надо спугнуть. По бокамъ усталой лошаденки щелкаетъ плетка. Вотъ всадникъ близко къ степной птицѣ, гикнулъ на нее, та смотритъ изумленно, «что-молъ ему отъ меня надо?» Однако, всадникъ подъѣзжаетъ еще ближе; орлу приходится оставить свое насиженное мѣсто, и долго-долго слѣдитъ за орломъ молодой юнкеръ, любуясь его величественнымъ полетомъ.

— Ты, братъ, совсѣмъ какъ собака птицъ по степи гоняешь...—встрѣчаетъ его угрюмая фраза, когда онъ догоняетъ отрядъ.

— Да вѣдь занятно! — оправдывается Касаткинъ и уже посматриваетъ по сторонамъ: — нѣтъ-ли еще чего-нибудь «занятнаго?»

Годы шли за годами; изъ шестнадцати-лѣтняго мальчика развился и выросъ здоровый мужчина,—не красавецъ да и не уродъ, съ добрыми сѣрыми глазами, съ рыжеватою бородою, съ длинными мускулистыми руками, ногами, незнающими устали, съ сердцемъ, незнающимъ страха, съ головою, незнающей, что это за странное чувство — растеряться въ минуту опасности.

Подъ вліяніемъ разнообразной, дикой природы, не тронутой еще цивилизаціей, обильной всякаго рода дичью, крупною и мелкою, изъ него образовался охотникъ въ обширномъ значеніи этого слова... Еслибъ его учили чему-нибудь кромѣ одной грамоты, можетъ-быть, изъ него вышелъ-бы замѣчательнѣйшій натуралистъ,—но такъ какъ ему положительно не приходилось познакомиться съ наукою, то изъ него вышелъ только охотникъ.

Положимъ, что когда въ эту глушь пріѣзжали люди науки собирать свѣдѣнія по части фауны и флоры, — эти люди не брезгали нашимъ охотникомъ; да впрочемъ, имъ и не выгодно было бы брезгать имъ, иначе они вернулись бы съ пустыми руками и не привезли бы съ собою такихъ богатыхъ и разнообразныхъ коллекцій.

По цѣлымъ недѣлямъ бродилъ онъ по окрестностямъ, съ своею нехитрою двухстволкою тульскаго происхожденія, подбиралъ себѣ болѣе или менѣе подходящихъ товарищей и снабжалъ чуть-ли не весь гарнизонъ плодами своихъ похожденій.

Туземцы знали его всѣ очень хорошо; они постоянно являлись къ нему съ своими жалобами: у того кабаны вытоптали рисовый посѣвъ, у того тигръ уволокъ его любимую кобылу, у того волки совсѣмъ одолѣли его барановъ... и т. д. — На всѣ эти жалобы чутко отзывался средне-азіатскій Немвродъ и тотчасъ же являлся съ своимъ оружіемъ и собаками въ то мѣсто, гдѣ требовались его услуги.

Его закаленное здоровье выдерживало всѣ невзгоды охотничьей жизни: ему нипочемъ были купанья въ рѣкѣ, по которой шли льдины, ему нипочемъ было выдержать безъ капли воды переходъ верстъ въ пятьдесятъ подъ палящимъ, сорокаградуснымъ жаромъ. Даже царапины и весьма серіозныя заживали у него какъ-то очень скоро. Годъ тому назадъ тигръ

прокусилъ ему плечо: думали, прійдется отнимать руку; думали даже, что совсѣмъ пришелъ конецъ нашему охотнику;—но не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ снова отправился въ «чардари» отыскивать своего врага, который его чуть не искалѣчилъ.

Да, это было желѣзное тѣло.

Страсть къ охотѣ поглощала въ немъ всѣ остальныя страсти,—она даже не позволяла развиваться этимъ другимъ страстямъ, подкашивая ихъ въ самомъ зародышѣ. Да и когда было заняться чѣмъ-либо другимъ, когда Касаткину приходилось развѣ что одинъ день въ недѣлю провести дома въ обществѣ людей,—всѣ же остальное время было посвящено охотѣ... И Богъ вѣсть, до какихъ поръ шло бы этимъ порядкомъ, если бы не испортилъ всего дѣла одинъ случай.

Года три тому назадъ, пошелъ онъ въ камыши стрѣлять фазановъ. Рано утромъ, еще до восхода солнца началъ онъ свой обходъ, а когда сталъ выбираться къ старой чиназской дорогѣ, то солнце стояло уже надъ самою головою и пекло такъ, что прохватывало жаромъ даже его круглую бѣлую фуражку съ холщевымъ назатыльникомъ. Собака его замаялась окончательно и, опустивъ хвостъ, брела сзади, что называется на охотничьемъ жаргонѣ—чистила шпоры; да и самъ Касаткинъ, не смотря на свою неутомимость, почувствовалъ, что пора дать отдыхъ своимъ ногамъ и удовлетворить настойчивому требованію своего желудка.

Когда онъ взобрался на курганъ, возвышавшійся надъ волнующимся моремъ высокихъ стеблей, ему стало далеко видно кругомъ: видны были скалистые обрывы селенія Дзингаты, видна была высокая насыпь стараго Чиназа, видны были таловыя деревья на берегу Сыръ-Дарьи, бѣлѣла точка комендантскаго дома, и свѣтло-сѣрою полосою тянулась старо-чиназская дорога. Все это было видно далеко-далеко, и только привычный взглядъ охотника могъ распознавать кое-какія подробности.

«Развѣ направиться къ старому Чиназу? туда ближе всего будетъ,—подумалъ онъ.—Тамъ у пріятеля Курбанъ-бія можно поваляться въ тѣни навѣса, на узорной кошемкѣ, можно напиться чаю изъ хозяйскихъ зеленыхъ чашечекъ, можно закусить превосходными жирными пельменями...» Его собака «Альфа»

вѣрно понимала, о чемъ думаетъ хозяинъ, она завиляла своимъ пушистымъ хвостомъ и подхватила краснымъ языкомъ потянувшіяся съ отвислыхъ губъ слюни.

— Ну, Альфа, гайда!..—крикнулъ Касаткинъ и сбѣжалъ съ кургана.

Опять исчезла даль, закрытая непроницаемыми, однообразными стѣнами камыша. Бѣлыя клочковатыя облака быстро бѣжали по темно-синему небу, въ воздухѣ весело чирикали и щебетали розовые скворцы, цѣлыми стаями перелетая съ мѣста на мѣсто; длинно-хвостые фазаны поминутно вылетали почти изъ подъ самыхъ ногъ, сверкая на солнцѣ своими золотистыми перьями. Нашъ охотникъ не обращалъ уже на нихъ никакого вниманія — онъ даже до ружья не дотрогивался, и покойно висѣло оно за правымъ плечомъ, качаясь на шитой шелкомъ перевязи; весь поясъ охотника былъ унизанъ убитыми птицами, и больше не было мѣста для добычи. Только Альфа, казалось, еще не хотѣла прекратить охоты; она вздрагивала при каждомъ неожиданномъ вылетѣ, поднимала кверху свою голову, слѣдила за полетомъ птицы и косилась на стрѣлка, какъ бы говоря ему:—что же ты, братъ, валяй! или не видишь?..

Вдругъ онъ услышалъ голоса... Говоръ несся съ дороги, которая уже виднѣлась сквозь выгорѣвшій камышъ. Касаткинъ подбавилъ шагу: его заинтересовало не то, что на дорогѣ говорятъ,—мало ли кто ѣздитъ по этой дорогѣ, и рты ни у кого не завязаны, разговаривать можно, сколько угодно,—а то, что слышенъ былъ русскій говоръ, слышенъ былъ между прочимъ молодой, полный мелодіи женскій голосъ и вдобавокъ совершенно незнакомый. Касаткинъ зналъ хорошо всѣхъ чиновниковъ и положительно могъ быть увѣренъ, что на дорогѣ говорятъ люди пріѣзжіе, новые, голоса которыхъ онъ слышитъ еще въ первый разъ—особенно этотъ серебристый голосъ—экъ зазвѣнѣлъ!.. Экъ, заливается... хохочетъ!.. Вонъ старикъ на кого-то прикрикнулъ... опять смѣхъ... Альфа принялась рычать... Касаткинъ перелѣзъ черезъ широкую канаву, до половины наполненную водою; онъ раздвинулъ послѣдніе кусты и вскарабкался на дорожную насыпь.

Какъ разъ посреди дороги стоялъ большой, старый казанскій тарантасъ, заднее колесо котораго находилось въ самомъ безнадежномъ положеніи. Экипажъ не могъ продолжать дальше

своего путешествія. Около разбитаго колеса, въ раздумьи стоялъ высокій старикъ въ изношенномъ офицерскомъ пальто, онъ сосредоточенно разсматривалъ расколотый ободъ и разсыпавшіяся, торчащія врозь спицы. Въ тарантасѣ дремала толстая женщина въ чепцѣ, комично сбившемся на сторону. Выше всѣхъ, стоя на какомъ-то сундукѣ и ухватившись руками за фордекъ, расположилась молодая дѣвушка и сообщала самыя оригинальныя предложенія относительно продолженія пути.

Лошадей только пара находилась при экипажѣ; на третьей ямщикъ-татаринъ уѣхалъ куда-то, какъ предполагалъ старикъ—на станцію за новымъ колесомъ.

— Вѣдь экъ какъ разъѣхалось! — произнесъ старикъ и, переложивъ трубку изъ-за одной щеки за другую, потрогалъ пальцемъ искалѣченное колесо.

— А мама все не можетъ проснуться; — мама, да проснись—пріѣхали!

Дѣвушка расхохоталась.

— Отстань!..—зѣвнула маменька, — не могъ присмотрѣть раньше, разиня!—Она злобно покосилась на старика и опять погрузилась въ дремоту.

— Въ двадцать восьмомъ году...—началъ стирикъ.

— А знаешь, объ чемъ я думаю? — обратилась къ нему дѣвушка.

— А?..

— Помнишь, папа, намъ говорили, что въ этихъ камышахъ...—дѣвушка показала рукою всторону, — водятся кабаны и тигры...

— Водятся, водятся—самъ слышалъ; на той станціи, помнишь, слѣдъ видѣли, большой такой... Да куда же это онъ запропалъ? уѣхалъ и пропалъ!... Ахъ, чтобъ его волки съѣли!

— Здѣсь, папа, не волки, а тигры. — Вотъ я думала: ну, что если вдругъ, мы вотъ тутъ сидимъ... ничего не ожидаемъ...

— Ожидаемъ, матушка, ожидаемъ: подлеца ямщика ожидаемъ!

— Ты слышишь, что-то трещитъ?.. Вонъ тамъ.

Дѣвушка пристально начала всматриваться въ колеблющіеся камыши.

— Ахъ, чтобъ тебя, напугала... совсѣмъ!.. — заворчала старуха.

— Да и то правда, неровенъ часъ — мѣсто незнакомое... Подай-ка мое ружье, на всякій случай...

Старикъ взялъ протянутое къ нему ружье и поставилъ его у колеса, а самъ присѣлъ на подножку тарантаса.

— Скучно—ждать-то...—произнесъ онъ.—Ты бы, Наташа, что-нибудь спѣла!

— Ну, ну,—встрепенулась маменька,—на голосъ-то, пожалуй, скорѣе придутъ—эти-то какъ бишь ихъ?

— Тигры!

— Ну да, тигры — ой, батюшки, трещитъ!—теперь уже сама слышала!

— Что, бабы, перетрусили?—засмѣялся старикъ,—да отъ одного вашего визгу бабьяго всѣ тигры разбѣгутся! — А? что такое?..

— Смотри туда!

— Съ нами крестная сила!—задерните скорѣй фордекъ-то... Ахъ, Господи!

— Да ну, ничего: можетъ, это такъ только!

— Ай, ай!

Сильно зашелестѣвшіе камыши пропустили что-то мохнатое; это мохнатое приподнялось надъ самымъ гребнемъ дорожной насыпи; Альфа кубаремъ скатилась внизъ и съ веселымъ лаемъ ринулась къ оторопѣвшимъ путешественникамъ.

— Здравствуйте!.. Счастливаго пути!—забормоталъ растерявшійся Касаткинъ, снимая шапку и осторожно спускаясь на дорогу.

— Мое почтеніе... здоровье ваше какъ-съ?..—произнесъ не менѣе растерявшійся старикъ въ офицерскомъ пальто.

— Благодарю покорно—извините-съ!

— Ничего, помилуйте...

Богъ вѣсть, сколько бы времени протянулись китайскія церемоніи старика съ Касаткинымъ. Оба они почему-то были сильно сконфужены, особенно послѣдній, которому казалось, что дѣвушка какъ-то насмѣшливо и подозрительно осматриваетъ его комическую фигуру.

— А мы васъ за тигра приняли, папаша стрѣлять хотѣлъ!—расхохоталась блондинка.

— Тигры здѣсь водятся—и въ большомъ количествѣ!—отвѣчалъ охотникъ, неловко раскланиваясь.

— Ахъ, страсти какія!—высунулась маменька изъ тарантаса.—А вы изъ чиназскихъ, что-ли?

— Я здѣшній!

— Мы вотъ тоже въ Чиназъ!

— Да, на службу ѣдемъ,—перебилъ старикъ,—на старости лѣтъ экую дорогу ломаемъ!—вотъ со всѣмъ гнѣздомъ своимъ такъ и поднялся!

— Съ семействомъ?—Альфа, сиди смирно!

— Да, съ семьей — вонъ баба моя сидитъ, а это дочка, Наташа, смотри, какъ бы не укусила!

— Нѣтъ, нѣтъ—не бойтесь, она не злая!

— На охотѣ были? — спросила Наташа, — ухъ! сколько дичи набили — да какая красивая все, особенно эти, что съ длинными хвостами!

— Фазаны-съ; позвольте-съ...

Касаткинъ отвязалъ чуть не все, что было у него на поясѣ, и положилъ въ тарантасъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... что это вы...

— Ничего, ничего, пригодится,—заторопилась старуха.—Онъ себѣ еще настрѣляетъ. Спасибо родной, — какъ, бишь, звать-то васъ?

— Да и взаправду! мы вотъ тутъ разговариваемъ,—произнесъ старикъ,—а имени и отчества вашего не имѣемъ чести знать вовсе!

— Петромъ Касаткинымъ прозываюсь!

— А я, батюшка — артиллеріи подпоручикъ... Чижиковъ; вы что такъ смотрите? сѣдъ, что ли, для подпоручичьяго чина?.. ничего, фортуна не баловала; вотъ уже сороковой годъ при пушкахъ службу тяну. Еще при императорѣ Александрѣ Первомъ въ бомбардирахъ состоялъ. Да-съ, старый пушкарь азъ есмь—такъ и теперь товарищи кличутъ. — Такъ и говорятъ: «старый пушкарь Мартынъ Федоровичъ Чижиковъ, а это дочка моя, Наташа, — жена Маланья Ивановна. Ну, вотъ и всѣ!.. А ямщика подлеца все еще нѣтъ!—закончилъ старый пушкарь свой монологъ.

— Да тутъ близко до Чиназа—можно и на трехъ колесахъ добраться,—заговорилъ Касаткинъ, разсматривая поврежденіе экипажа, — теперь вашъ ямщикъ развѣ къ ночи пріѣдетъ;—а это все я вамъ сейчасъ устрою!

Онъ перелѣзъ черезъ насыпь и скрылся изъ вида, оставивъ въ недоумѣніи всѣхъ трехъ путешественниковъ.

— Да онъ прехорошенькій!—замѣтила Наташа.

— Медвѣдь неотесанный!..—заворчала маменька.

— Парень-душа, должно полагать! — рѣшилъ «старый пушкарь».

— Теперь мы это скоро уладимъ!—крикнулъ съ вершины насыпи Касаткинъ, таща длинную сухую жердь, которую онъ нашелъ въ камышахъ,—веревка найдется съ вами?

— Наташа, поищи-ка тамъ въ козлахъ — возжи должны быть старыя!

— Да они, папа, всѣ въ дегтю!

— Ничего, волоки!

— Мнѣ выйдти, что-ли?—спросила Маланья Ивановна.

— Ничего, сидите...

Старикъ артиллеристъ и Касаткинъ принялись подвязывать жердь подъ ось сломаннаго колеса, маменька считала фазановъ и укладывала ихъ подъ сидѣнье, Наташа играла съ Альфой, которая, забравшись подъ экипажъ, принюхивалась къ кулькамъ съ дорожной провизіей.

Черезъ нѣсколько минутъ все дѣйствительно было устроено.

Пара усталыхъ лошадей тащила тарантасъ самымъ медленнымъ шагомъ; экипажъ тяжело наклонился на одну сторону, скрипѣлъ, визжалъ и гремѣлъ своими расколоченными боками, раскачавшимися шалнерами и гайками; жердь, подвязанная въ видѣ саннаго полоза, бороздила глубокую пыль. Касаткинъ шелъ рядомъ съ старымъ пушкаремъ,—Наташа, сидя на козлахъ, держала возжи, хотя лошади вовсе не нуждались въ томъ, чтобы ими правили. Маланья Ивановна что-то ворчала себѣ подъ носъ; она была, видимо, недовольна чѣмъ-то;—ее, должно быть, сердили тѣ веселые, ласковые взгляды, которые шалунья дочка бросала по временамъ на широко-шагавшаго охотника.

Черезъ часъ ѣзды, они поравнялись съ первыми насыпями чиназскихъ укрѣпленій—на гребняхъ которыхъ виднѣлись жерла старыхъ орудій, почти негодныхъ для употребленія, которыми командовать пріѣхалъ изъ-за нѣсколькихъ тысячъ верстъ, со всею своею семьею, старый пушкарь—такой же старый, какъ и эти воинственныя на видъ, но мирныя на дѣлѣ, бракованныя пушки.

Съ этого дня въ сердцѣ Касаткина закопошилось что-то новое, до сихъ поръ ему незнакомое.—Теперь уже не одни взлеты фазановъ, хрюканье дикихъ свиней, страшные слѣды тигра—занимали нашего охотника; въ его воображеніи, въ его снахъ и думахъ началъ, хотя въ первое время довольно рѣдко, рисоваться другой образъ, болѣе граціозный, болѣе кокетливый, чѣмъ длинная, черная, вся ощетинившаяся, клыкастая морда кабана, или же страшная съ проницательными, огненно-зелеными глазами голова колоссальной кошки.

Нагольный тулупъ потянулся, зѣвнулъ и приподнялся на локоть. Охотникъ въ лисьей шапкѣ сидѣлъ все въ томъ-же положеніи; только рука его была протянута къ огню, и онъ чертилъ что-то по остывающей золѣ концомъ вынутаго шомпола.

«Гм!» подумалъ нагольный тулупъ, приподнялся, пододвинулся и заглянулъ черезъ плечо охотника, совсѣмъ погрузившагося въ свое занятіе.—«Наташа»—прочелъ онъ громко написанное слово.

— Ты чего не спишь?—обернулся къ нему охотникъ въ лисьей шапкѣ, вздрогнувъ отъ неожиданно-произнесеннаго—у самаго его уха—женскаго имени.

— Ложись-ка, Петя, теперь ты, да поспи маленько; можетъ, тебѣ во снѣ приснится кое-кто... Что это огонь совсѣмъ опадаетъ?—пойдти развѣ еще приволочь охапку?

Онъ потянулся еще разъ, надѣлъ свой тулупъ въ рукава и пошелъ къ камышамъ, мало-по-малу скрываясь въ ночномъ мракѣ.

Бабаджакъ съ своею Діанкою храпѣли взапуски: надъ водою уныло кричала какая-то птица, и глухо плескался пѣнистый прибой, дробясь о песчаную косу отмели.

III. Пассажиръ парохода «Аралъ».

На всѣхъ плоскихъ крышахъ чиназскихъ домовъ, между зубцами крѣпостнаго вала, на всякомъ возвышенномъ, болѣе или менѣе удобномъ для наблюденій пунктѣ, даже на развѣсистыхъ вѣтвяхъ стараго таловаго дерева, что поникло надъ водою, цѣпляясь за глинистый обрывъ своими подмытыми корнями,—пестрѣли самыя разнообразныя, оживленныя группы.

На базарѣ было какъ-то особенно суетливо, всѣ спѣшили наскоро окончить свои дѣла; изъ кабачковъ и туземныхъ чайныхъ лавокъ выбѣжали на улицу даже тѣ изъ привычныхъ посѣтителей, которыхъ въ другое время почти невозможно было согнать съ уютнаго насиженнаго мѣстечка,—и всѣ они спѣшили къ берегу Сыръ-Дарьи, пробираясь по узкимъ извилистымъ переулкамъ, ведущимъ къ водѣ.

На всѣхъ лицахъ было написано самое томительное, самое жгучее ожиданіе; вниманіе всѣхъ было устремлено на одну точку—далеко-далеко за тѣми песчаными буграми, тамъ, гдѣ въ блескѣ полуденнаго солнца сверкалъ послѣдній изгибъ рѣки, сливаясь съ синеватымъ горизонтомъ. Чуть замѣтная струйка бѣлаго дыма поднималась изъ-за желтоватой гряды обрывистаго берега; почти неподвижною казалась эта струйка, и только послѣ долгаго наблюденія можно было замѣтить, какъ дымъ мѣнялъ свое мѣсто, подвигаясь мало-по-малу къ городку.

Только опытный глазъ могъ узнать, что эта бѣловатая струя вырывается изъ трубы парохода; только въ очень сильный бинокль можно было различить за черною точкою трубы легкое очертаніе мачтъ баржи, которую пароходъ тащилъ за собою на буксирѣ.

Прибытіе парохода составляетъ самую крупную эпоху въ жизни чиназскихъ жителей. Сколько новостей, сколько новыхъ лицъ привезетъ пароходъ! какъ оживится слободка за это шумное время пароходной стоянки!.. Чиназскія солдатки, населяющія слободку, прихорашиваются и приготавливаютъ свои самые пестрые, самые парадные сарафаны. «Ну, ну—ты у меня гляди, Дарья, съ матросами не очень-то того, глазъ зря не пялить!»—ворчитъ усатый линеецъ, сердито поглядывая на свою жену. «Что же, нешто матросъ не человѣкъ?—бойко огрызается молодая Дарья,—тоже обхожденіе понимать можетъ, не то, что вы, мужичье сухопутное!».. «А вотъ я тебѣ покажу обхожденіе, коли ежели что замѣчу!»—ворчитъ мужъ и лѣзетъ на заборъ, оттуда на дрова, съ нихъ на крышу, садится на трубу и, приставивъ руку козырькомъ къ прищуреннымъ глазамъ, посматриваетъ въ даль, стараясь угадать: «Аралъ»-ли идетъ, или «Самаркандъ», или самъ «Фортъ Петровскій?» *).

*) Названіе рѣчныхъ, Сыръ-Дарьинскихъ пароходовъ.

— Пойди, «Шарипъ», выкатывай изъ подвала новую бочку,— говоритъ своему подручному маркитантъ, кабатчикъ «Шайтановъ»,—матросы не то, что наши, тѣ сразу!

— Ладно, братъ, наши тоже лакать мастера!—кричатъ изъ кабачка мѣстные солдаты, обиженные такимъ нелестнымъ замѣчаніемъ хозяина.

Всѣ туземцы, базарные торгаши и пріѣзжіе изъ окрестностей киргизы, кураминцы—всѣ заинтересованы прибытіемъ парохода, не менѣе русскаго населенія Чиназа. Суевѣрныхъ полудикарей занимаетъ самъ пароходъ, этотъ диковинный «шайтанъ-каикъ» (чортова лодка), какъ называютъ они невиданное судно. Недовѣрчиво киваютъ они головами и посмѣиваются себѣ подъ носъ: «знаемъ-молъ, въ чемъ дѣло», когда кто-нибудь изъ русскихъ пустится объяснять имъ устройство парового двигателя. Со страхомъ и тревожнымъ любопытствомъ поджидаютъ киргизы пароходъ. Лошади и верблюды, на которыхъ они пріѣхали на чиназскій базаръ, привязаны у базарныхъ навѣсовъ или загнаны во внутренности дворовъ; а сами владѣльцы ихъ рядами сидятъ, на корточкахъ, по самому краю берегового обрыва и не спускаютъ глазъ съ бѣлой струи пароходнаго дыма, которая растетъ все болѣе и болѣе, клубится по вѣтру и тянется черезъ всю рѣку, даже на тотъ берегъ, стелясь надъ камышами и расплываясь, наконецъ, въ душистомъ степномъ воздухѣ.

— Въ самой серединѣ, въ темномъ-темномъ ящикѣ сидитъ самъ шайтанъ, я видѣлъ,—говоритъ шопотомъ старикъ киргизъ своимъ сосѣдямъ,—лапы онъ съ боковъ просунулъ и гребетъ по водѣ... видите, видите, вонъ какъ пѣнится, даже шумъ слышно!.. а дышитъ чортъ черезъ трубу, а кормятъ этого чорта саксауломъ (кустарниковое растеніе, употребляемое здѣсь вмѣсто топлива) или углемъ изъ каменныхъ горъ — русскіе привозятъ!

— Страшно,—произноситъ косоглазый сосѣдъ и ежится подъ своимъ полосатымъ халатомъ,—страшно. Я, кажется, ни за что не поѣхалъ бы на этой лодкѣ!

— «Аралъ»!—говоритъ отставной солдатъ въ шинели, накинутой на плечи, и въ туземной шапочкѣ-тюбетейкѣ на головѣ.

— «Самаркандъ»!—возражаетъ писарь изъ крѣпостной канцеляріи, присѣвшій на бревнѣ съ папиросою въ зубахъ.

— Хошь на бутылку—«Аралъ»!

— Депеша была, я знаю, что «Самаркандъ»!—не соглашается писарь.

— Вретъ ваша депеша; я по дыму лучше знаю: этотъ, вишь ты, какъ разваливаетъ, а тотъ тонкою струею дуетъ!

— Гляди, гляди, цвѣ баржи за собою волочитъ, не одну... бабъ-то, бабъ что на баркахъ!—кричитъ съ крыши молодой солдатъ и лѣзетъ на трубу, чтобы получше можно было разглядѣть.

— Это солдатскихъ женъ на передовую линію сплавляютъ!—предполагаетъ кто-то на сосѣдней крышѣ.

— То-то, чай, сердечныя, ждутъ, не дождутся! Рады, чай, къ мужьямъ-то!

— Ужъ точно, есть чему радоваться!—презрительно сплевываетъ на сторону краснощекая бабенка въ шелковомъ платкѣ съ разводами.

— Отъ мужниныхъ кулаковъ-то отвыкли!—поддерживаетъ ее другая, щелкая орѣхами.

— Васъ не бить—любить не станете!—подзадориваетъ бабъ какой-то полупьяный деньщикъ.

— Анъ врешь, мы на ласку податливѣй...—хохочутъ веселыя бабы.

— Гляди въ-оба: самъ комендантъ идетъ!—предостерегаютъ съ другого конца улицы.

Все высшее чиназское общество, тоже подъ видомъ прогулки, собралось на пристань: пришелъ и казначей съ своею барынею и прочіе офицеры мѣстнаго батальона, кто съ семействомъ, а кто самъ по себѣ; а подъ самымъ таловымъ деревомъ, въ густой тѣни, на скамейкѣ давно уже сидѣлъ «старый пушкарь», рядомъ съ своею хорошенькой дочкою, за спиною которой помѣстился Петръ Михайловичъ, теперь уже не въ охотничьемъ костюмѣ, но въ бѣломъ форменномъ кителѣ съ офицерскими погонами. А не слѣдовало ему мѣнять на мундирную одежду своего вольнаго платья: молодцомъ, лихо смотрѣлъ онъ въ широкой рубашкѣ изъ туземной армячины, въ бараньей шапочкѣ, въ высокихъ сапогахъ, перетянутыхъ ремнемъ выше колѣна, съ двухстволкою, небрежно заброшенною за правое плечо, съ широкимъ поясомъ, обвѣшаннымъ всякимъ охотничьимъ припасомъ, — и не разъ любовалась имъ его Наташа, когда онъ, собираясь на охоту, подойдетъ, бывало, къ глиняному забору ихъ двора и крикнетъ: «Ну, до свиданья. Къ

ночи не ждите», а шопотомъ добавитъ: «поцѣловалъ бы тебя, Наташа, крѣпко-крѣпко, да руки коротки; смотри, вонъ «сама» въ окошко смотритъ».

Неловко, словно сшитый на другого, сидитъ на плечахъ Касаткина офицерскій китель. Красныя мускулистыя руки лѣзутъ изъ узкихъ рукавовъ, тѣсный воротникъ сжимаетъ горло и душитъ, форменное кепи ползетъ на затылокъ и липнутъ къ потному лбу растрепавшіеся отъ береговаго вѣтра волосы.

— Ты, Петя, словно ощипанный какой-то!— тихонько шепчетъ ему Наташа.

— Эхъ!..—только и могъ сказать Петръ Михайловичъ, потому-что и самъ ясно чувствовалъ, что онъ точно «ощипанный».

Толстый, лысый маіоръ, помощникъ коменданта, издали еще приподнявши фуражку, пошелъ къ Наташѣ, улыбнулся, откашлялся и низко раскланялся.

— Здравствуйте, барышня! Вотъ давненько я васъ не видѣлъ!—произнесъ онъ и хотѣлъ поцѣловать протянутую ему руку, да только поцѣлуй пришелся на воздухъ, потому что маіоръ и самъ не замѣтилъ, какъ изъ его руки выскользнули розовые пальчики дѣвушки.

— Дура, набитая дура!—шепнула ей на ухо маменька, которая до сихъ поръ разговаривала о чемъ-то съ казначейшей, а тутъ подошла къ дочкѣ, замѣтивъ приближеніе маіора.

— Что же вы, маменька, бранитесь?—вслухъ произнесла Наташа.

— Тс!.. что кричишь! Понятно, обращенія не понимаешь. Да вы присядьте, маіоръ, вотъ тутъ, рядышкомъ съ нами, — обратилась она къ маіору,—Федорычъ, подвинься!

Всѣ четверо усѣлись кое-какъ на скамейкѣ.

— Поджидаете кого, Наталья Мартыновна? — обратился маіоръ опять къ Наташѣ.

— Нѣтъ, я такъ!—замялась дѣвушка.

— Кого ей ждать,—отвѣтила за нее маменька,—мы здѣсь, въ Чиназѣ, найдемъ людей хорошихъ, если понадобится!

И старуха многозначительно взглянула сперва на толстаго маіора, потомъ на свою дочку.

— Еще бы, люди хорошіе вездѣ есть, и если только смотрѣть не на красоту, а на доброе сердце...—началъ было философствовать маіоръ, да и пріостановился.

— Пойдемте вонъ на тотъ обрывъ, Петръ Михайловичъ,— вдругъ поднялась со скамейки Наташа,—оттуда виднѣе!

— И прекрасно!—подхватилъ Петръ Михайловичъ и подставилъ руку калачикомъ.

Вздохнулъ глубоко маіоръ и развелъ руками — ничего не подѣлаешь.

— Вѣдь эдакой аспидъ-дѣвка!—сорвалось съ языка маменьки.

А старый пушкарь улыбнулся, крякнулъ, пораскурилъ потухшую трубку и произнесъ, обращаясь къ обезкураженному сосѣду:

— Вы бы къ намъ обѣдать сегодня пожаловали; запросто, по-походному. Что у насъ сегодня, эй ты, хозяйка-ворчунья?

— Борщъ и гусь дикій съ яблоками!—какъ ножомъ отрѣзала супруга. — А и взаправду приходите, господинъ маіоръ; а главное: куражу не теряйте!—добавила она, наклонившись почти къ самому маіорскому уху.

За линіей базарныхъ строеній тянулись по самому берегу склады привознаго топлива; изъ-за этихъ безобразно-нагроможденныхъ кучъ медленно двигалась высокая черная труба, словно стрѣлки рисовались на синевѣ неба желтенькія мачты, и, глухо шумя, буравили воду широкія лопаты пароходныхъ колесъ.

Пароходъ подчалилъ самымъ тихимъ ходомъ, придерживаясь почти около обрывистаго берега. Пестрая толпа провожала его по берегу, переговариваясь съ матросами и пассажирами. Рѣзкій пронзительный свистокъ покрылъ собою говоръ и шумъ собравшагося народа. Нѣсколько киргизъ стремительно отбѣжали подальше, заткнувъ себѣ пальцами уши.

А на обрывѣ, у самой крѣпостной стѣнки, стояла Наташа, опершись на руку Касаткина.

— Этого маіора маменька мнѣ въ мужья прочитъ,—говорила она своему кавалеру, — просто пилитъ меня съ утра и до ночи!

— Я ему ноги переломаю когда-нибудь—этому маіору!—сурово произнесъ Касаткинъ.

— Экой ты, Петя, еще неотесанный!—укорительно взглянула на него Наташа.—Ноги переломаю!..—передразнила она и стала смотрѣть на палубу парохода, въ эту минуту проходящаго какъ разъ мимо ихъ пункта.

— Да вѣдь досадно,—началъ было оправдываться Петръ Михайловичъ.

— Посмотри, какой красавецъ!—вдругъ обратилась къ нему Наташа и шагнула на самый край обрыва.

— Въ воду упадешь — осторожнѣй! — предупредилъ Касаткинъ.

— Какой красавецъ!—прошептала дѣвушка, а сама такъ и впилась глазами въ одну точку.

У Касаткина вдругъ сильно кольнуло въ сердце; онъ быстро окинулъ глазами всѣхъ пассажировъ, столпившихся на палубѣ,— и сразу инстинктивно угадалъ того, кто обратилъ вниманіе его шаловливой спутницы.

Прислонившись къ откосу лѣваго кожуха, стоялъ молодой человѣкъ, съ густыми, почти черными бакенбардами. Костюмъ на немъ былъ полу-военный, полу-штатскій, черезъ плечо висѣлъ на тонкомъ ремешкѣ маленькій сакъ-вояжъ и футляръ отъ походнаго бинокля, который находился въ данную минуту въ рукахъ у незнакомца; онъ только-что отнялъ его отъ глазъ и съ оживленнымъ любопытствомъ разсматривалъ пестрыя группы чиновцевъ.

Пароходъ пошелъ еще тише; десятка полтора матросовъ, въ бѣлыхъ рубахахъ съ отложными воротниками, торопливо пробѣжали по палубѣ; со свистомъ и шипѣніемъ вылетѣли излишніе пары; все судно дрогнуло и остановилось. Въ одну минуту перекинуты были доски съ борта прямо на берегъ; нѣсколько матросовъ перебѣжали по нимъ, перетянули толстый канатъ и принялись за-просто привязывать къ стволу таловаго дерева. Съ обѣихъ баржъ тоже были устроены сходы, и началась самая горячая, шумная бѣготня съ судовъ на берегъ, съ берега на суда.

Красивый пассажиръ, такъ заинтересовавшій Наташу, сойдя на берегъ, остановился какъ будто въ недоумѣніи и осмотрѣлся. Случилось такъ, что это пришлось не болѣе какъ въ двухъ шагахъ отъ «стараго пушкаря».

— Въ первый разъ пріѣзжаете?—спросилъ старикъ и приподнялъ фуражку.

— Вы со мною говорить изволите?—переспросилъ пріѣзжій, быстро раскланиваясь.—Багажъ пока не выбирать изъ каюты, я послѣ распоряжусь! — обратился онъ къ матросамъ, под-

хватившимъ было два громадные чемодана, помѣченные буквами С. Р.

— Я къ папашѣ побѣгу!—сказала Наташа Касаткину, освободила свою руку и бѣгомъ въ нѣсколько прыжковъ очутилась около старика.

— Наташа!—чуть не крикнулъ было Касаткинъ и хотѣлъ было остаться на мѣстѣ и смотрѣть издали, чѣмъ все это кончится.

— Коза ты моя, прыгунья!—приласкалъ «старый пушкарь» дочку.

— Я прежде былъ здѣсь, давно уже,—отвѣчалъ незнакомецъ. — Тогда еще ничего этого не было,—онъ указалъ рукою на крѣпостныя стѣны и бѣлѣющіе за ними, правильно-разбитые кварталы слободки.—Теперь какъ все перемѣнилось. Вотъ и люди все незнакомые!—онъ еще разъ осмотрѣлся кругомъ и съ нескрываемымъ удовольствіемъ остановилъ свои глаза на хорошенькой дѣвушкѣ, пріютившейся за широкою спиною старика.

— Дочка моя, — произнесъ отецъ,— такая шалунья... Не по лѣтамъ бы!.. Ну, что поталкиваешь, что?.. ха, ха! не бойся... Она думаетъ, что вотъ молъ, старый дуракъ, разоврался, лишнее, какъ бы что не сказалъ!

— И впрямь: старый дуракъ!—чуть не вслухъ произнесла Маланья Ивановна.

— Очень радъ познакомиться,—раскланялся пріѣзжій съ Наташей.—Сергѣй Николаевичъ Ровичъ!—протянулъ онъ руку старому пушкарю.

— Да вы бы къ намъ сегодня обѣд...—началъ было Мартынъ Федорычъ.

— Тс!..—толкнула его въ бокъ супруга.

— Удивительно, право, — началъ вполголоса маіоръ, все еще сидѣвшій на скамейкѣ и все время разговора сердито поглядывавшій на красиваго молодого пассажира — удивительно право, чему учатъ въ Петербургѣ этихъ господъ! Совершеннѣйшіе невѣжи!.. Видитъ, что сидитъ заслуженный штабъ-офицеръ съ крестомъ (маіоръ поправилъ рукою красную петличку)—и хотя какой-нибудь съ своей стороны авансъ...

— Гордецы!—поддакнула старушка.

— Либералы!—многозначительно повелъ бровями маіоръ.

— Я здѣсь буду недолго; можетъ быть, дней шесть-семь, но часто буду проѣзжать черезъ Чиназъ по службѣ,—говорилъ, обращаясь то къ старику, то къ Наташѣ, Сергѣй Николаевичъ.—Надѣюсь, что знакомство наше не ограничится одною этою встрѣчею, а пока до свиданья!

Онъ снова раскланялся съ Наташей, пожалъ руку старому пушкарю и пошелъ къ крѣпостнымъ воротамъ.

— Парень, кажется, добрый! — произнесъ «пушкарь» и, кряхтя, началъ подниматься со скамейки.

— Франтъ какой, словно съ балу, а не съ дороги!—неожиданно произнесъ Касаткинъ.

Онъ не утерпѣлъ и давно уже стоялъ позади Наташи.

— Петръ Михайловичъ, что онъ вамъ сдѣлалъ?—надулась Наташа.

— А что онъ мнѣ можетъ сдѣлать?.. я такъ свое личное замѣчаніе, а впрочемъ...

— Позвольте-съ, Наталья Мартыновна! — подставилъ ей руку маіоръ.

Наташа было взглянула на Касаткина, тотъ отвернулся; взглянула на маменьку, та дѣлала ей глазами самые выразительные знаки; взглянула еще разъ на Касаткина, тотъ теперь сердито скребъ себѣ рукою затылокъ.

«На же, молъ, тебѣ за это!»—подумала Наташа и, принявши руку маіора, пошла къ слободкѣ.

За ними зашагалъ Чижиковъ, подъ руку съ своею супругою. Сзади всѣхъ, понуривъ голову, шелъ Касаткинъ, усиленно теребя на ходу нижнюю пуговицу своего кителя.

Обѣдъ шелъ какъ-то вяло и молчаливо. «Старый пушкарь» принимался было два раза разсказывать, какъ ему разъ пришлось съ командою усмирить взбунтовавшихся рабочихъ на какомъ-то горномъ заводѣ; хозяйка все вскакивала изъ-за стола, бѣгала за чѣмъ-то на кухню и громко бранилась тамъ съ деньщиками; Наташа все отодвигалась подальше отъ маіора, по мѣрѣ того какъ тотъ, все ближе и ближе, пододвигалъ къ ней свой стулъ, и совсѣмъ не отвѣчала на всѣ любезности и «авансы» заслуженнаго штабъ-офицера съ крестомъ. Петра Михайловича вовсе не было, онъ отсталъ какъ-то отъ общества еще дорогою, свернулъ куда-то въ переулокъ и не явился къ обѣду. Маменька распорядилась такъ, чтобы Касаткина не

ждали. Наташа было хотѣла послать за нимъ, да раздумала: а самъ «старый пушкарь» только за дикимъ гусемъ съ яблоками и замѣтилъ отсутствіе «своего охотника».

— А вотъ эту штуку застрѣлилъ третьяго дня нашъ Петръ Михайловичъ,—произнесъ онъ, подхватывая на вилку жирный кусокъ жаркого.—Да гдѣ же онъ?..—удивился онъ, замѣтивъ его отсутствіе.

— А я почемъ знаю?..—отозвалась супруга.

— Не пришелъ отчего-то; вѣрно нѣкогда было... — проговорила Наташа, и въ голосѣ ея послышались какъ будто слезинки.

— Свой человѣкъ у васъ сталъ прапорщикъ Касаткинъ! — произнесъ не безъ двусмысленности маіоръ и налегъ особенно на слово «прапорщикъ» — знай, молъ, въ чинахъ разницу.

— Ну, ничего, можетъ, къ ужину придетъ. Ты, Наташа, припаси ему вонъ отъ крыла кусокъ побольше, онъ до гусей охотникъ!—обратился къ дочкѣ Чижиковъ.

— Давнишній знакомый, что же! — заговорила, какъ бы оправдываясь, Маланья Ивановна.—Съ самаго пріѣзда нашего познакомились, ну, и привыкъ къ нашему дому...

— Ну, конечно!—произнесъ маіоръ.

— А насчетъ чего другова, такъ это нѣтъ... это...

— Ну, баба, не ври, — остановилъ ее старикъ, — подико, вели намъ чайку сбирать; послѣ обѣда, особенно послѣ жирнаго, это лучше всякаго вина. Такъ господинъ маіоръ, что-ли?..

— Ну, само-собою!—согласился маіоръ.

— Такъ вотъ, батенька, я привелъ команду, оцѣпили казарму. «Стой, говорю, гляди въ оба»! А въ это самое время подполковникъ Набатовъ, Сысой Ипполитычъ, и кричитъ мнѣ изъ окошка комендантскаго: «До команды моей не палить! Ни Боже мой!.. Бунтовщики-же...

Но, вѣроятно, Наташѣ вовсе не интересно было знать, что въ то время дѣлали бунтовщики; она встала, высвободила свое платье, прижатое слишкомъ близко пододвинутымъ стуломъ своего сосѣда, и вышла изъ комнаты.

Она и сердилась на Касаткина, и жаль было его. Она догадалась, что тотъ сильно приревновалъ ее къ этому красивому

пассажиру парохода «Аралъ»; ей это понравилось было сначала, она захотѣла помучить хорошенько бѣднаго Петра Михайловича и рѣшилась нарочно другой разъ подольше посмотрѣть на Ровича, а ежели хватитъ смѣлости, то и поговорить съ нимъ, даже пококетничать. «Ишь, ты, какой сердитый!» подумала она, припомнивъ насупившуюся смѣшную физіономію Касаткина, — «да и какъ онъ посмѣлъ меня ревновать?! Что онъ думаетъ? да за кого меня считаетъ? Такъ вотъ и брошусь я на шею всякому встрѣчному! — «Всякому встрѣчному» повторила она почти вслухъ—и задумалась.

Она задумалась объ этомъ самомъ встрѣчномъ; онъ такъ и рисовался въ воображеніи. Вотъ онъ раскланивается съ нею, говоритъ, улыбается. Какіе у него славные глаза, добрые такіе, темно-синіе!—а одѣтъ какъ хорошо!.. Ловкій какой, статный; какъ сравнить съ... А развѣ тотъ не молодецъ?.. одинъ на тигра ходитъ—смѣльчакъ какой! И вотъ Наташа вспомнила: давно еще, въ прошедшемъ году, привезли его домой всего въ крови, какъ она испугалась тогда, какъ потомъ любовалась имъ, когда онъ бровью даже не повелъ, выдерживая тяжелую, мучительную перевязку; какъ она цѣловала его, улучивъ свободную минуту, когда маменька пошла на кухню мѣнять покраснѣвшую отъ крови воду...

— Слушайте, эй, Игнатьевъ! — крикнула она съ крыльца пробѣгавшему мимо юнкеру.

— Что прикажете, а?—остановился тотъ посреди улицы.

— Вы не видали Касаткина?

— Нѣтъ—не видалъ!

— Если увидите, скажите, чтобы поскорѣе къ намъ пришелъ; папенькѣ зачѣмъ-то нужно!

— Папенькѣ нужно!—передразнилъ старый пушкарь, слышавшій все изъ окошка.

— Да онъ, кажется, въ гостиницѣ, въ бильярдной, я проходилъ мимо окошекъ, слышалъ какъ будто бы его голосъ,—докладывалъ юнкеръ Игнатьевъ, — Пуговицынъ капитанъ, Трубаченко поручикъ и адъютантъ тамъ играютъ. Я добѣгу, скажу...

— А то не надо! — остановила его Наташа и вернулась въ комнату.

Она прошла прямо къ себѣ за перегородку, словно не за-

мѣчая вовсе маіора, собиравшагося сыграть партію въ пикетъ съ хозяиномъ, и сѣла къ своему рабочему столику.

Было страшно жарко; миріады мухъ влетали въ открытыя окна — и Наташа поминутно отмахивалась, бросая скучную иголку. Наконецъ, она встала, надѣла соломенную круглую шляпочку, захватила старенькій зонтикъ съ поломанной ручкою и черезъ заднее крыльцо вышла на улицу.

Она хотѣла пройти къ женѣ мѣстнаго священника, посидѣть съ нею въ ея крохотномъ садикѣ,—и направилась было прямо въ ту сторону, гдѣ, за крышею какого-то длиннаго сарая, виднѣлась высокая труба поповскаго дома, — да потомъ, совсѣмъ нечаянно, и сама не замѣтила, какъ очутилась на большой базарной улицѣ, свернула влѣво и стала приближаться къ большому одноэтажному дому, надъ дверью котораго, на маленькой доскѣ, написано было «Гостиница Старый Чиназъ и номера для пріѣзжающихъ и биллiардъ».

Два оборванныхъ солдата съ фурштатскаго двора, сидя на неосѣдланныхъ лошадяхъ, гнали съ водопоя весь казенный табунъ, и сотни конскихъ ногъ подняли густую пыль, сплошнымъ, удушливымъ облакомъ перегородившую улицу.

Наташѣ пришлось перейти на другую сторону; теперь она находилась не болѣе какъ въ десяти шагахъ отъ гостиницы, а проходить ей надо было какъ разъ мимо самыхъ оконъ, изъ которыхъ неслись шумные возгласы—звонъ посуды и сухое щелканье бильярдныхъ шаровъ. Вдругъ она невольно остановилась. Голосъ Касаткина ясно доносился до ея ушей.

— Да не стану же пить, ну, чего пристали!—кричалъ онъ.

— Врешь, выпьешь!..—хрипло настаивалъ кто-то другой.

— Не до того теперь!

— Ну, портеру?

— «Желтаго» рѣжу въ «среднюю»!

— Сукно прорвешь!

Наташа быстро пошла мимо окошекъ, рѣшившись, во что бы то ни стало, не заглядывать туда.

А Касаткинъ сидитъ у столика, на которомъ стояли остатки обѣда, и равнодушно смотритъ на играющихъ; передъ нимъ нѣсколько стакановъ, налитыхъ до краевъ различными питіями; стаканы эти были не тронуты, какъ ни настаивали подгулявшіе товарищи на немедленномъ ихъ осушеніи.

*

Касаткинъ страшно злился—и больше всего самъ на себя: ему ужасно досадно было, что онъ не пошелъ обѣдать къ «старому пушкарю»; тамъ бы онъ могъ поговорить съ Наташею наединѣ, оправдаться въ своей неумѣстной выходкѣ... Понятное дѣло, что дѣвушка пошутила, а онъ принялъ за серіозное. Не промѣняетъ же она его,—ни съ того, ни съ сего,—на перваго проѣзжаго красавца! да и что тотъ? сегодня тутъ, завтра тамъ, а онъ всегда при ней... Эхъ, право, вотъ наглупилъ-то!.. досадовалъ Касаткинъ и чуть не рвалъ себя за волосы... Да вотъ поди-жь ты — говорилъ: «часто буду проѣзжать по службѣ; здѣсь недѣлю проживу», припомнилъ онъ слова Ровича, и снова скверное чувство сжимало ему сердце, снова невольно сворачивались въ кулакъ плотно пальцы.— Сегодня же вечеромъ вызову ее на крыльцо и поговорю съ нею. Я скажу: не мучь ты меня; погляди-ка, что тутъ у меня дѣлается...

— Что же ты взаправду пить не будешь?—подошелъ, шатаясь, къ нему капитанъ Пуговицынъ.

— Отстань!

— Вотъ тебя хандра разбираетъ, а выпьешь—пройдетъ!—настаивалъ капитанъ.

— Я знаю, отъ чего онъ сычемъ сидитъ!—закричалъ изъза бильярда адъютантъ.

— Ну-же, братъ, не упирайся, пей! вотъ начинай, я тебѣ совѣтую, съ бѣлаго «Первушинскаго»!

«А что, развѣ и въ самомъ дѣлѣ?» подумалъ Касаткинъ и протянулъ руку за стаканомъ.

Вдругъ онъ взглянулъ въ окно и вздрогнулъ; стаканъ съ виномъ выскользнулъ у него изъ рукъ.

Мимо открытаго окна промелькнулъ знакомый, дорогой профиль. Тѣнь отъ полей шляпки закрыла всю верхнюю половину лица, голубыя ленточки путались съ свѣтло-русыми, почти пепельными волосами дѣвушки...

Онъ высунулся изъ окна, взглянулъ вслѣдъ прошмыгнувшей дѣвушкѣ и окаменѣлъ. Въ глазахъ у него стало зелено, въ ушахъ поднялся нестерпимый звонъ; стѣна, къ которой онъ прислонился, зашаталась у него за спиною. Ему, по крайней мѣрѣ, такъ показалось.

— Здравствуйте!—сказалъ пріятный баритонъ почти надъ самымъ ухомъ проходившей дѣвушки.

Наташа въ эту минуту поровнялась съ тѣми окнами гостиницы, гдѣ помѣщались номера для пріѣзжающихъ.

Она, сама не зная какъ, остановилась и обернулась.

— Здравствуйте!—повторилъ Сергѣй Николаевичъ.—Гуляете?

— Да... нѣтъ, я по дѣлу!—смутилась Наташа, покраснѣла до ушей, помялась немного на одномъ мѣстѣ, и вдругъ, чуть не бѣгомъ, пустилась по улицѣ.

А Сергѣй Николаевичъ, тоже какъ и Касаткинъ, высунулся изъ окна и долго-долго смотрѣлъ вслѣдъ блондинкѣ, пока за заборомъ поповскаго сада не скрылось ея сѣренькое платьице.

Вотъ все, что показалось такимъ ужаснымъ Петру Михайловичу Касаткину.

IV. Соперники.

Никто въ мірѣ не могъ бы увѣрить Касаткина, что Наташа совершенно случайно, безъ всякой преднамѣренной цѣли, прошла мимо оконъ гостиницы.

— Она знала, что этотъ «писаный франтъ» остановился именно въ этой гостиницѣ!..—пробѣгало въ воспаленномъ мозгу ревнивца. — Еще разъ взглянуть захотѣлось, невидаль какая, петербургскій хлыщъ!—горячился и бѣсновался Петръ Михайловичъ...

— Подъ окнами шляться! на показъ себя выставлять; на-те, молъ, вы, пріѣзжіе, какія у насъ въ Чиназѣ красавицы водятся! Полюбуйтесь!.. Эхъ-эхъ-эхъ! Господи, за что только ты меня такъ наказываешь!.. — самъ не понималъ Касаткинъ, что только лѣзло ему въ голову. — Ну, погоди-же!.. ну, погоди-же!..

— Да ты, братецъ, плюнь!.. Я тебѣ говорю, какъ честный товарищъ говорю—плюнь и выпей!—приставалъ къ нему капитанъ Пуговицынъ.

— А ты думаешь что?—думаешь, не выпью? накось!..

И Касаткинъ залпомъ хватилъ стаканъ — первый, что попался къ нему подъ руку.

— Не съ того начинаешь; не резонъ!—провозгласилъ поручикъ Трубаченко.

— Оставь; все къ тому же знаменателю приведетъ!—замѣтилъ адъютантъ и ловко срѣзалъ желтаго въ среднюю.

— Просты мы, глупы! степняки необразованные!... Любить-то насъ можно, только пока кто лучше не подвернется!..— неистовствовалъ Касаткинъ.

— Плюнь, говорятъ тебѣ!..

— Смазливая рожа, да сюртукъ въ обтяжку — ну, и готово... Господи, Господи!..

— Экая, братецъ, ты баба, какъ я посмотрю!—говорилъ капитанъ Пуговицынъ.

— Да, баба!.. ты погляди, что тутъ дѣлается!..

Касаткинъ схватился рукою за сердце и вдругъ зарыдалъ—зарыдалъ всею грудью, судорожно всхлипывая и ероша свои волосы. Выпитый залпомъ стаканъ разомъ ударилъ ему въ голову. Бильярдъ, стѣны, увѣшанныя дешевыми, лубочными литографіями, горка съ кіями въ углу, черная доска, на которой мѣломъ записывались билліардныя партіи, мальчикъ маркеръ въ татарскомъ халатикѣ, — адъютантъ, прицѣливающій кіемъ опять-таки въ желтаго,—Трубаченко, усердно опливающій кончикъ своего кія,—Пуговицынъ, положившій свою руку къ нему на плечо, — все завертѣлось и заплясало у него передъ глазами.

— А, дьяволъ побери мою душу, пить такъ пить!—чуть не завылъ Касаткинъ и принялся съ жадностью, поспѣшно, словно боясь, что у него отнимутъ, пить все, что только ни стояло у него предъ глазами.

— Поѣхало!—произнесъ Трубаченко.

— Нарѣжется до безчувствія!—авторитетно замѣтилъ адъютантъ.

— Надо за нимъ теперь въ оба приглядывать!—предложилъ капитанъ Пуговицынъ.

— Рому бутылку, коньяку!..—кричалъ Касаткинъ.

— Тс!.. куда?—произнесъ Пуговицынъ, замѣтивъ, что мальчишка-маркеръ ринулся было исполнить требованіе Петра Михайловича.

— Приказываютъ-съ...—остановился на порогѣ мальчикъ.

— Дуракъ!

— А *я ему* сейчасъ ноги переломаю!—вдругъ поднялся со стула Касаткинъ и шагнулъ къ дверямъ.

— Ну, голубчикъ, не дури, ты и взаправду буянить собираешься?!..—остановилъ его Пуговицынъ и силою посадилъ опять на прежнее мѣсто.

— Да вѣдь люблю-то я ее какъ!..—снова зарыдалъ Касаткинъ.

— Перетащите его на диванъ: онъ совсѣмъ валится. Ну, берись подъ мышки!—предложилъ Трубаченко.

— И то правда!.. ну, вставай, Петя, родной, поднимайся...

— Оставьте вы меня!.. оставьте!..

— Да ну, упирайся!..

— Пусти, я тебѣ говорю... Наташа, вотъ что... она теперь меня бросить хочетъ... а я ему ноги переломаю... Какъ по фазану — хлопъ!.. Альфа, назадъ, бестія!.. Тс!.. береги... Наташа, ты слышишь?.. Ой! плечо больно!..

— Осторожнѣй...—шепталъ Пуговицынъ.

— А я что, я ничего, я только говорю... подлецъ — петербургскій шелопай... фран-н-тъ!

— Ну, ладно, ладно,—подушку, пойди, отъ хозяйки принеси!

— Сподобился,—ухмыльнулся Трубаченко.

— А вы не смѣйтесь—со всякимъ бываетъ!—говорилъ Пуговицынъ.

— Альфа—назадъ!..

— Теперь онъ охотится!—засмѣялся адъютантъ.

Касаткина покойно уложили на диванѣ, подсунили ему подъ его взерошенную, воспаленную голову большую подушку въ пестрой ситцевой наволочкѣ и закрыли лицо салфеткою.

— Мухи безпокоить не будутъ!—замѣтилъ при этомъ болѣе всѣхъ хлопотавшій капитанъ.

— Сколько да сколько?—обратился Трубаченко къ маркеру.

— Двадцать два и очень много!—сообщилъ тотъ.

— Мѣлу давай—опять скиксуешь!

— Краснаго въ уголъ и карамболь по бѣлому!

Офицеры принялись оканчивать прерванную партію.

А между тѣмъ Ровичъ, сидя у окна занимаемаго имъ номера и смотря сквозь голубоватый дымъ сигары на зубчатыя сѣрыя полосы крѣпостныхъ стѣнъ, никакъ и не подозрѣвалъ, какую бурю въ сердцѣ Касаткина произвелъ онъ своимъ появленіемъ. Онъ если и замѣтилъ его, то развѣ только потому,

что тотъ стоялъ возлѣ Наташи. «Этотъ чиновецъ что-то не въ духѣ, должно быть», подумалъ онъ, взглянувъ на его нахмуренную физіономію, и совершенно далекъ былъ отъ мысли, что онъ-то именно и есть причина этого «не въ духѣ».

— Какая славная, свѣженькая дѣвушка!—замѣтилъ онъ про себя, всматриваясь въ симпатичныя черты личика дочки «стараго пушкаря».—Вотъ настоящая степная лилія...—продолжалъ онъ думать,—развилась здѣсь въ глуши, сорветъ ее какой-нибудь одичавшій линеецъ, и покончитъ она свое существованіе, ничего не видя, ничего не зная, кромѣ камышей, да плоскихъ степныхъ береговъ Сыръ-Дарьи.—Эге, тамъ никакъ буянить начинаютъ?.. шумятъ, какъ загуляли чиновцы!..—До слуха Ровича доносились пьяные возгласы Касаткина и голоса его товарищей... — Вотъ какъ, ноги кому-то ломать сбираются (онъ и не догадывался, что опасность угрожала именно его ногамъ, въ настоящую минуту такъ покойно помѣстившимся на подоконникѣ, по обычаю почему-то называемому американскимъ). — Профиль прямой, грубоватый немного, а очень-очень недуренъ,—снова началъ онъ припоминать, возстановляя въ своемъ воображеніи образъ Наташи.—Но что всего лучше, что всего больше имѣетъ обаянія — это полу-дикая грація, эта смѣлость въ каждомъ движеніи, эта сила еще ничѣмъ не подломанная.

— Осмѣлюсь просить дозволенія войти?

— А? кто тамъ? войдите!

Въ комнату вошелъ хозяинъ гостиницы, маленькаго роста, раскормленный жидокъ, отставной горнистъ Вульфзонъ, и почтительно остановился у самой притолки.

— Можетъ, побезпокоилъ, то я могу въ другое время — ежели?..

— Ничего, ничего, я свободенъ; говорите—въ чемъ дѣло?

— Ежели вашему сіятельству что угодно особеннаго къ обѣду или на ужинъ, то у меня есть рыба свѣжая, мѣстная: осетрина, карпы вотъ эдакіе (Вульфзонъ разставилъ руки насколько могъ широко), стерлядки живыя;—дичь: фазаны, гусь дикій, куропатки...

— Ну, хорошо, хорошо; это я все предоставлю вашему личному усмотрѣнію; постарайтесь, чтобы все было по возможности вкусно!

— Повѣрьте, ваше сіятельство, я уже самъ, и все самъ...

— Скажите, пожалуйста, вотъ тутъ у васъ, въ Чиназѣ, этотъ старикъ артиллеристъ... какъ его?..

— Чижиковъ поручикъ!—подсказалъ Вульфзонъ.

— Ну-да, давно тутъ живетъ?..

Ровичъ замѣтилъ словоохотливость экс-горниста, и ему пришла фантазія собрать свѣдѣнія о красивой блондинкѣ.

— Не такъ, чтобы очень, однако порядочно, — началъ распространяться хозяинъ, — пріѣхалъ со всей семьей... жена тутъ у него, такая, осмѣлюсь вамъ доложить, сварливая старуха — страсть! Дочка, ужъ какая дочка! Вы изволили видѣть?.. бѣловолосенькая такая, высокая; да вотъ она тутъ сейчасъ мимо окошекъ прошла!

— Да, видѣлъ!

— Хорошая барышня, по всему Чиназу первая;—попадья тутъ есть, опять у коменданта дочка, — ну, тѣмъ куда до этой, далеко!

— Чтожъ, женихи есть?.. да вы садитесь! — Сергѣй Николаевичъ указалъ на стулъ.

— Что вы, ваше сіятельство, помилуйте! я хоть и изъ солдатъ, однако всякое обращеніе до тонкости знаю и свое мѣсто завсегда понимать могу; и чтобы я могъ сѣсть въ присутствіи такой особы... да Боже мой!

— Ну, ну, хорошо!—не настаивалъ Ровичъ.

— Женихи есть — много жениховъ, собственно, настоящихъ два!

— Какъ два?!..

— Такъ точно, — маіоръ тутъ есть, хорошій человѣкъ и съ капиталомъ, собственный экипажъ, домъ строитъ на томъ концѣ слободки, ордена всякіе. Маменьки ихней весь этотъ женихъ желателенъ...

— Ну, а дочкѣ?

— Не нравится: «что же я, говоритъ, такая молодая, да за стараго—будь онъ хоть размаіоръ!» бѣдовая барышня!

— Ну, а другой женихъ?

— Другой!—тутъ Вульфзонъ понизилъ голосъ и покосился на дверь. — Другой, вонъ въ тѣхъ комнатахъ, на бильярдной половинѣ, сильно выпивши, изъ здѣшнихъ офицеровъ; это совсѣмъ настоящій!

— Этотъ молодой?

— Въ самый разъ, и уже у нихъ,—я самъ отъ себя не говорю, мнѣ что, а другіе говорятъ (хозяинъ еще болѣе понизилъ голосъ),—у нихъ уже все, какъ слѣдуетъ, прикончено!

— Вотъ какъ!—Ровичъ расхохотался.

— Да-съ...

— Ну, пріятель, идите теперь распорядитесь ужиномъ и пришлите сюда моего человѣка!

— Куропатки, фазаны, цыплятъ можно молоденькихъ...

— И куропатокъ, и фазановъ, и цыплятъ...

— Прощенья просимъ!

Вульфзонъ скрылся за дверью, а Ровичъ сталъ прохаживаться по комнатѣ, звеня шпорами по плитному полу.

— Прикончено, гм! однако, счастливецъ этотъ степнякъ!— вдругъ произнесъ онъ и остановился посреди комнаты. Какое-то непріятное чувство закопошилось у него въ сердцѣ.

— Фу, какая гадость, — подумалъ Ровичъ,—уже не ревновать ли я собираюсь? вотъ было бы оригинально...

Къ вечеру стало значительно прохладнѣе, и отъ рѣки понесло пріятною влажностію. Ровичъ надѣлъ бѣлую фуражку и вышелъ на крыльцо.

Первый, кто попался ему на глаза — былъ чей-то деньщикъ, на рысяхъ несшій отъ маркитанта двѣ бутылки водки и какой-то бумажный свертокъ.

— Послушай, эй!—остановилъ его Ровичъ.

Деньщикъ остановился, переложилъ всѣ покупки подъ лѣвую мышку и, не смотря на то, что былъ безъ шапки, приложилъ руку, какъ слѣдуетъ, къ тому самому мѣсту, гдѣ бы долженъ былъ находиться козырекъ.

— Гдѣ тутъ живетъ Чижиковъ, поручикъ?—самъ не зная по какому вдохновенію, спросилъ его Сергѣй Николаевичъ.

— По улицѣ прямо, поворотъ направо, опять по правой рукѣ длинный домъ такой будетъ, за домомъ баня, а тутъ сейчасъ крыльцо съ навѣсомъ; это самое и будетъ!—отрапортовалъ деньщикъ — и пустился, теперь уже совсѣмъ бѣгомъ, какъ бы желая скоростью наверстать потерянное время.

Ровичъ затѣялъ самую обширную прогулку: онъ хотѣлъ обойту весь Чиназъ въ качествѣ туриста и нѣсколько времени соображалъ планъ прогулки.

— Съ чего начать?—подумалъ онъ, стоя какъ разъ посреди улицы. Постоялъ-постоялъ, поправилъ въ зубахъ сигару и пошелъ *прямо, поворотъ направо, опять на правой рукѣ длинный домъ, баня, крыльцо* и т. д.

Словно разбитый, съ сильною головною болью, съ лихорадочнымъ ознобомъ во всемъ тѣлѣ, поднялся съ дивана Касаткинъ и началъ озираться мутными, полу-помѣшанными глазами.

Въ бильярдной уже никого не было изъ офицеровъ, и только мальчишка-маркеръ спалъ въ углу между двумя стульями, скорчившись точно обезьяна.

— Пить дай, эй! воды, квасу скорѣе! — прохрипѣлъ Касаткинъ.

Мальчикъ вскочилъ сразу и ринулся къ дверямъ.

Жадно, большими глотками пилъ Петръ Михайловичъ, прямо изъ поданной бутылки. «Умыться дай», произнесъ онъ и подошелъ къ открытому окну.

Совсѣмъ стемнѣло—и ночная свѣжесть такъ благотворно, такъ пріятно хлынула ему въ распаленное лицо, и легкій вѣтерокъ сталъ шевелить его растрепанные, безобратно-торчащіе волосы. Мало-по-малу голова его начинала отрезвляться, на сердцѣ становилось все покойнѣе и покойнѣе...

— Дуракъ я совсѣмъ сталъ; со всякаго вздора, со всякой малости—какую бучу заварилъ! можетъ, и совсѣмъ ничего нѣтъ, а я вотъ тутъ Богъ знаетъ, что думаю...

Онъ началъ приводить себя въ порядокъ; оправилъ платье, вытерся мокрымъ полотенцемъ и причесалъ волосы. Потомъ онъ надѣлъ фуражку, отысканную ему мальчикомъ гдѣ-то подъ диваномъ, и вышелъ на улицу. Онъ не раздумывалъ, какъ Ровичъ: куда-бы направиться, а прямо пошелъ на знакомые огни въ окнахъ дома стараго пушкаря.

Густая темнота южной ночи скрыла всѣ очертанія предметовъ, находящихся даже на очень близкомъ разстояніи, и только зарево огней на базарѣ да черныя линіи оконныхъ переплетовъ давали возможность хотя сколько-нибудь соображать дорогу. Какой-то фонарь медленно подвигался вдалекѣ; фонарь этотъ поминутно останавливался и отмахивался палкою отъ цѣлой стаи разношерстныхъ собакъ, съ свирѣпымъ лаемъ ата-

кующей этотъ свѣтлый кружокъ... Верблюды тяжело сопѣли носомъ и чавкали гдѣ-то неподалеку; нѣсколько балалаекъ и гармоній наигрывали въ кабакахъ развеселые напѣвы, тамъ гуляли неугомонные матросы съ «Арала». Тамъ же слышалась дикая туземная пѣсня и гортанные звуки киргизскаго языка; женскій голосъ нѣжно шепталъ что-то въ темномъ углу, у забора, — и далеко-далеко, по старой чиназской дорогѣ, тихо звонѣлъ удаляющійся почтовый колокольчикъ.

— Ого! да у насъ гости!—соображалъ Касаткинъ, глядя на тѣни, двигавшіяся въ окнахъ Чижикова.

Онъ перешелъ улицу, чуть не упалъ, споткнувшись на совершенно пьянаго матроса, мычавшаго что-то и шарившаго руками въ дорожной пыли, и ускорилъ шаги. Его разбирало самое жгучее нетерпѣніе.

Чу! голосъ Наташи ясно коснулся его слуха. Касаткинъ пустился бѣгомъ.

— Что, батенька, безъ двухъ? ха-ха! — весело кричалъ «старый пушкарь».—Въ червяхъ безъ двухъ—это съ консоляціей выйдетъ... того, многонько!

Касаткинъ подбѣжалъ къ самому окну, остановился, да такъ и замеръ столбомъ, схватившись руками за ставню.

Посреди комнаты стоялъ ломберный столъ. Самъ Чижиковъ, заслуженный маіоръ и еще кто-то играли въ преферансъ; Наташа стояла за стуломъ этого *кто-то* и со вниманіемъ слѣдила за его игрою; Маланья Ивановна хлопотала у стола съ закускою, разставляя въ симметрію тарелки съ селедками, грибами и маринованной осетриной. Кромѣ того были и еще гости: казначей съ казначейшею и священникъ съ своею половиною. Священникъ съ казначеемъ играли въ шашки, въ самомъ углу комнаты; а дамы, сидя на диванѣ съ вязаньемъ въ рукахъ, вели въ полголоса самую оживленную, даже нѣсколько азартную бесѣду.

— Я еще никогда не игралъ такъ счастливо,—говорилъ *кто-то*, оборачиваясь къ своей сосѣдкѣ,—я это приписываю вамъ!

— Это почему?—спрашивала Наташа.

— Съ той минуты, какъ вы подошли, у меня игры положительно не сходятъ съ рукъ; вотъ опять, посмотрите!

Ровичъ началъ подбирать въ порядокъ карты.

— А вы бы теперь, Наталья Мартыновна, ко мнѣ подошли бы—что все къ одному, да къ одному!—не безъ язвительности произнесъ заслуженный маіоръ.

— А и то правда, Наташа, постой-ко у Ефимъ Петровича за стуломъ; что же на самомъ дѣлѣ! — посовѣтовала Маланья Ивановна, сгоняя салфеткою мухъ, налетѣвшихъ на заманчивыя тарелки.

— Да развѣ, мама, это отъ меня?

— Ну, ну, поменьше разговаривать!

— А въ самомъ дѣлѣ,—произнесъ Ровичъ,—перейдите-ко, Наталья Мартыновна, къ моему визави; я, если и буду проигрывать въ картахъ, то вѣрно выиграю въ другомъ!

— Въ чемъ это?—спросила Наташа.

— Мнѣ будетъ удобнѣе любоваться вами!

— Гм! вотъ какъ!—шепнула попадья казначейшѣ.

— Понимаемъ!—шепнула въ отвѣтъ казначейша попадьѣ.

— Вамъ сдавать, молодой человѣкъ!—съ достоинствомъ напомнилъ Ровичу заслуженный маіоръ.

— Ишь, какой вы любезникъ!—потрепалъ его по колѣну Мартынъ Федоровичъ.

— Милости просимъ, господа, игру послѣ кончите!—пригласила къ столу Маланья Ивановна.

Въ комнату вошелъ Касаткинъ. Онъ былъ блѣденъ и словно растерянъ. Неловко поклонился онъ дамамъ, пожалъ руки Чижикову и маіору, окинулъ съ ногъ до головы, словно вымѣрялъ глазами Ровича и, не взглянувъ даже на Наташу, сѣлъ въ самомъ темномъ углу комнаты.

— Ты что это, Петя, такъ поздно? — обратился къ нему Мартынъ Федоровичъ.—Да и самъ словно какъ не по себѣ?

— Нездоровится!—коротко отвѣтилъ Петръ Михайловичъ и замолчалъ, косясь по сторонамъ, какъ волкъ, попавшій лапою въ поставленный ему на дорогѣ капканъ.

Наташа быстро подошла къ Касаткину, сѣла на подоконникъ рядомъ съ его стуломъ и приложила свою руку къ его лбу.

— Что съ тобою?—произнесла она шепотомъ.

— Наташа!—крикнула Маланья Ивановна.

— Ступайте, занимайте новаго гостя,—видите, какъ онъ на васъ уставился!—грубо отвѣтилъ Касаткинъ.

Наташа удивленно взглянула на Петра Михайловича, пере-

дернула плечами и отошла; а Маланья Ивановна, наливая собственноручно рюмку для *заслуженнаго маіора*, ворчала:

— И кой чортъ принесъ, вотъ ужъ совсѣмъ не кстати; шелъ бы себѣ домой, а то, на вотъ, привалилъ чуть не въ полночь!

— А вотъ мы съ Петею выпьемъ и закусимъ—у него вся хворь и пройдетъ,—ласково обратился къ Касаткину «старый пушкарь»,—да позвольте васъ познакомить!

— Я, кажется, имѣлъ уже удовольствіе видѣть васъ на берегу?—протянулъ Касаткину руку Ровичъ.

— Да-съ, видѣли-съ!—процѣдилъ сквозь зубы Касаткинъ и сильно стиснулъ руку Сергѣя Николаевича.

Тотъ улыбнулся. Ему не трудно было догадаться, что этотъ молодой офицеръ и есть *настоящій*, съ которымъ все *уже прикончено*, какъ выражался содержатель гостиницы, экс-горнистъ Вульфзонъ.

— Охотникъ, я вамъ доложу, такой, что и нѣтъ другого во всей окрестности! Вы, Сергѣй Николаевичъ, любите охоту?—говорилъ старый пушкарь, прожевывая кусокъ осетрины.

— Я самъ очень люблю охоту, и мнѣ давно хотѣлось поохотиться въ здѣшнихъ краяхъ. Въ Россіи я охотился много!—отвѣчалъ Ровичъ и подсѣлъ къ Касаткину. Того начало коробить.

— Да вы бы, господа, сюда, къ столу поближе!—пригласилъ въ свою очередь Мартынъ Федоровичъ.

Пришлось, волей-неволей, Касаткину выдвигаться изъ своего темнаго угла. Онъ проклиналъ себя за то, что рѣшился войдти въ комнату,—и готовъ былъ сквозь землю провалиться. А на бѣду еще Наташа, разсерженная выходкою Петра Михайловича, принялась кокетничать напропалую съ новымъ знакомымъ, увиваясь около того и пододвигая ему тарелки то съ тѣмъ, то съ другимъ кушаньемъ.

— Мнѣ давно хотѣлось поохотиться на тигровъ; я слышалъ, что здѣсь ихъ много,—и я полагаю, что мнѣ удастся, наконецъ, осуществить мое желаніе!—обратился Ровичъ къ Касаткину.

— Да-съ, тутъ очень много тигровъ! — отвѣчалъ тотъ, почти не глядя на спрашивавшаго.

— Вамъ случалось стрѣлять ихъ?

— Случалось!

— Господинъ Касаткинъ у насъ ходокъ по этой части,— вставилъ священникъ, расправляя складки своей рясы,—Юлій Жераръ въ нѣкоторомъ родѣ!

— Вотъ какъ?.. Такъ вы позволите мнѣ надѣяться, что подъ вашимъ руководствомъ и покровительствомъ мнѣ удастся дебютировать въ этой интересной охотѣ? оружіе у меня прекрасное!

— Нѣтъ, уже гдѣ намъ степнымъ дуракамъ!—ни съ того, ни съ сего бухнулъ Касаткинъ.

— Семнадцатаго тигра уложилъ!—произнесъ старый пушкарь, хлопая по плечу Петра Михайловича. Онъ замѣтилъ, что тотъ сердится, не догадался еще по какой причинѣ, но во всякомъ случаѣ поспѣшилъ замять непріятную фразу.

— Нѣтъ, уже лучше я уйду!—поднялся Касаткинъ со стула, сдѣлалъ общій поклонъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

— Онъ что-то сегодня не въ духѣ; простудился, должно быть, или такъ, можетъ быть, какая-нибудь непріятность!—оправдывалъ Чижиковъ своего любимца; а Наташа прошла въ свою комнату, оттуда черезъ черное крыльцо во дворъ, подбѣжала къ забору и стала присматриваться.

— Петя, поди сюда! слышишь?—поди, а то худо будетъ!

— Что вамъ отъ меня нужно? — спросилъ Касаткинъ и остановился.

— Ближе подойди, не стану же я кричать черезъ всю улицу...

Петръ Михайловичъ подошелъ, какъ бы нехотя, и облокотился на заборъ.

— Ну, разсказывай, что съ тобою?—ласково произнесла Наташа, погладила его по головѣ и улыбнулась.

— Наташа, не мучь ты меня, ради всего на свѣтѣ,—простоналъ Касаткинъ и прижалъ къ своему лицу обѣ руки дѣвушки.

— Ну, чѣмъ же я тебя мучу?

— Да вотъ съ этимъ петербургскимъ хлыщемъ, развѣ я не понимаю?

— Знаешь-ли, что я тебѣ скажу: если ты не перестанешь чудить,—холодно и спокойно произнесла Наташа,—то я тебя и въ самомъ дѣлѣ разлюблю. Понимаешь?

— Какъ не понять! тебѣ только этого и надобно,—желчно проговорилъ Касаткинъ, да и самъ испугался. Дорого далъ бы онъ, чтобы вернуть эти слова, но уже было поздно,—Наташа выдернула свои руки изъ его рукъ, отступила шага на два назадъ и засмѣялась, но смѣхъ этотъ не звучалъ прежнею веселостью, въ немъ теперь слышались другія ноты.

— Да, правда, правда,—вдругъ разгорячился Касаткинъ,—скажешь, ты не нарочно шлялась сегодня подъ его окнами? я видѣлъ, я все видѣлъ. Какъ онъ къ вамъ попалъ? тоже сама не знаешь? А за стуломъ его кто стоялъ весь вечеръ, да въ карты заглядывалъ? ты думаешь, я также и этого не видалъ? Загубить человѣка, втянуть его—это ваше бабье дѣло; а потомъ наплевать, да къ другому кинуться на шею...

— Ты пьянъ совсѣмъ, поди, проспись...

— А! не понравилось, когда правду въ глаза говорятъ!

Касаткинъ задыхался и конвульсивно обламывалъ пальцами заборную обшивку; онъ былъ положительно внѣ себя и совсѣмъ не понималъ, что кругомъ его дѣлается.

— А пока ты не перестанешь дѣлать и говорить глупости, до тѣхъ поръ не смѣй мнѣ и на глаза показываться!—понялъ?

Наташа повернулась и пошла въ комнаты.

— Я и себѣ горло перерѣжу, и ему тоже! — закричалъ Касаткинъ ей вслѣдъ.

Наташа хлопнула дверью. Заскрипѣлъ зубами несчастный, постоялъ немного на одномъ мѣстѣ и пошелъ, шатаясь, какъ пьяный, въ переулокъ, гдѣ стояла его хата въ два окошка на улицу.

А Сергѣй Николаевичъ очень просто попалъ въ домъ къ «старому пушкарю». Онъ проходилъ мимо оконъ и поглядывалъ: не увидитъ ли еще разъ гдѣ-нибудь интересной блондинки. А Мартынъ Федоровичъ, тѣмъ временемъ, вышелъ къ калиткѣ на крылечко и сѣлъ на ступеньки закурить на вольномъ воздухѣ свою трубочку.

— Мое почтеніе-съ!—произнесъ онъ, завидя пріѣзжаго...

— А, здравствуйте!—раскланялся тотъ.

— Прогуливаетесь?

— Такъ точно!

— Заходите къ намъ!

— Съ удовольствіемъ!

Сѣли чай пить, пришла Наташа отъ попадьи, пришелъ маіоръ, пришли гости—и сѣли за проферансъ, въ которомъ Сергѣй Николаевичъ не отказался принять участіе.

Все это болѣе чѣмъ просто кажется тому, кто здоровъ; но влюбленный—тотъ же больной,—а влюбленный ревнивецъ мало того что больной, но еще одержимый галлюцинаціями и бредомъ, и въ его раздраженномъ мозгу составляются изъ самыхъ простыхъ и несложныхъ матеріаловъ — самыя мрачныя, самыя раздирательныя картины. Такъ и въ головѣ Петра Михайловича—изъ этихъ простыхъ событій сгруппировалась такая ужасная картина, что онъ дѣйствительно готовъ былъ перерѣзать горло или пустить въ лобъ пулю,—да, вѣроятно, онъ и привелъ бы въ исполненіе высказанную имъ въ угрозу, если бы... если бы... мало ли какія въ данную минуту не встрѣчаются *«еслибы»*. Вотъ теперь, напримѣръ, это *«еслибы»* выразилось во томъ, что Касаткинъ, придя домой, вызвалъ свисткомъ свою красавицу «Альфу», сбросилъ съ себя китель и надѣлъ охотничью рубашку, перекинулъ черезъ плечо сумку, снялъ ружье со стѣны и пошелъ, не смотря на темноту ночи, прямо, не разбирая дороги, направляясь на далекій свѣтъ костровъ, горящихъ верстахъ въ двухъ отъ Чиназа, на самомъ берегу Сыръ-Дарьи, у того мѣста, гдѣ пристаетъ желѣзный паромъ, служащій для переправы съ одного берега на другой.

Быстро шелъ Касаткинъ, и все ярче и ярче становилось зарево отъ огня по мѣрѣ его приближенія; черные силуэты киргизовъ по временамъ закрывали огонь, и тихіе всплески берегового прибоя доносились до слуха охотника. Рядъ распряженныхъ арбъ торчалъ на спускѣ къ парому; высокія лошади, закутанныя въ теплыя попоны по самыя уши, стояли, привязанныя къ колесамъ,—развьюченные верблюды лежали въ плотныхъ кучахъ, а ихъ тяжелые тюки, словно груды камней, чернѣлись на песчаномъ откосѣ. Караванъ дожидался первыхъ признаковъ разсвѣта, чтобы начать свою переправу. Съ того берега доносились крики, требующіе парома; крики эти совершенно безплодно потрясали туманный, ночной воздухъ, потому что киргизы-перевозчики покойно себѣ спали у огня, завернувшись съ головою въ верблюжьи халаты; они хотя и слышали во снѣ призывные крики, но до разсвѣта вовсе не предполагали исполнять ихъ требованій.

Касаткинъ тоже подсѣлъ къ огню, подозвалъ поближе свою собаку; потомъ прилегъ немного на бокъ и задремалъ, прислушиваясь къ какой-то интересной сказкѣ, которую старикъ арбакешъ разсказывалъ своимъ товарищамъ.

V. Аулъ Гайнулы-бабая.

Утренній туманъ густыми бѣловатыми волнами расползался на поверхности Сыръ-Дарьи, забрался въ сплошные камыши противоположнаго берега и закрылъ его словно полупрозрачною, дымчатою занавѣскою. Предразсвѣтный вѣтерокъ поднялъ мелкую рябь на гладкой водной поверхности, взволновалъ высокія заросли, поигралъ немного въ длинныхъ косматыхъ гривахъ киргизскихъ степныхъ коней, сорвалъ и развѣялъ съ мѣста охолодившуюся золу потухшихъ костровъ и забрался подъ теплые, простеганные ватою, усѣянные цвѣтными заплатами халаты спящихъ арбакешей.

Поежились отъ холода сонные, пробормотали что-то во снѣ, инстинктивно подвинулись поближе къ кострамъ, а назойливый вѣтерокъ тѣмъ временемъ опять прошмыгнулъ подъ распахнувшіеся халаты, пустилъ дрожь по всѣмъ разлѣнившимся членамъ и шепнулъ на ухо каждому: — «ворочайся, не ворочайся, а подниматься надо—и костры твои давно уже потухли, и верблюды весь саманъ *) подобрали, и арбы пора запрягать, и паромщики допиваютъ послѣднія чашки своего жиденькаго чая, собираясь перевозить тебя на тотъ берегъ, и солнце скоро подымется,—гляди: вонъ уже золотится гребень той песчаной гряды, что темнымъ островомъ поднимается изъ всколыхнувшихся волнъ необозримаго моря-тумана.

Тяжело ступаютъ по косогору навьюченные верблюды, пятятся предъ паромомъ; страшно идти имъ на это невиданное судно: они еще не привыкли къ русскимъ сооруженіямъ и недовѣрчиво ощупываютъ своими мозолистыми ногами досчаные сходцы. Спереди тянутъ несчастнаго степняка за волосяной арканъ, продѣтый ему въ ноздри, съ боковъ подталкиваютъ пинками и ударами нагаекъ, сзади хлещутъ, чѣмъ ни попало.—

*) Мелкорубленная солома, обыкновенный кормъ верблюдовъ во время путешествій.

«Ну, ты, шайтанъ, собака, упирайся!» — кричатъ со всѣхъ сторонъ надрывающіеся голоса «лаучей» (верблюдовожатыхъ), и вваливается, волей-неволей, на паромъ горбатое чудище, кряхтя и сопя, продвигается на свое мѣсто и со стономъ ложится рядомъ съ своимъ предшественникомъ.

Много уже верблюдовъ перевели на палубу желѣзнаго парома, а все еще и половины его не заняли. Стали арбы спускать, лошадей вводить; стукотня поднялась такая, что уже отдѣльныхъ голосовъ не слышно. А изъ Чиназа чуть доносится по вѣтру дробь барабана, трель казачьей трубы, лай собакъ и завываніе ушастыхъ ишаковъ въ загородяхъ позади базарныхъ строеній.

Проснулся Касаткинъ, вскочилъ на ноги, потянулся и сталъ оправлять поясъ и припасы охотничьи.—Альфа его зѣвнула раза два, зарычала на облѣзлую, киргизскую собаку съ перебитою ногою, выглянувшую было изъ-за кибитки,—и завиляла хвостомъ, ласково, заискивающе глядя прямо въ глаза своего хозяина.

Золотой полукругъ солнца разомъ вынырнулъ изъ туманной дали, нагрѣвая воздухъ, — и съ каждою минутою становился прозрачнѣе туманъ, разлетаясь и исчезая въ пространствѣ.

Густая толпа людей, животныхъ и повозокъ — показалась на томъ берегу: тамъ тоже дожидались перевоза, проведя ночь у костровъ,—и въ данную минуту, тамъ тоже царствовала торопливая суматоха, и всякому хотѣлось какъ можно ближе къ пристани занять мѣсто, чтобы при первой возможности перебраться на палубу, уже начавшаго свою переправу, судна.

Касаткинъ закинулъ за плечо двухстволку, сбѣжалъ съ обрыва, перескочилъ черезъ низенькій бортъ парома и сталъ у руля, на верхней площадкѣ.

— На охоту собрался?—подошелъ къ нему знакомый его, широкоплечій татаринъ Нурмедъ, заправляющій всѣмъ механизмомъ несложной переправы.

— Да, похожу по затонамъ; можетъ, къ дальнимъ ауламъ пройду!—отвѣчалъ Петръ Михайловичъ.

— Къ ночи не будешь назадъ?

— А Аллахъ вѣдаетъ, можетъ, и совсѣмъ не приду!

— Что такъ?—татаринъ пытливо взглянулъ на печальное лицо русскаго охотника.—Какъ, совсѣмъ не придешь?

— Развѣ можно судьбу свою знать? — мало ли что случиться можетъ!

— Да у тебя что?—горе какое есть, что-ли?

— А что?

— Не такой ты теперь, какъ я тебя прежде видѣлъ!

— Не то и стало теперь, что прежде бывало!

— Все мѣняется.—На томъ берегу въ мою кибитку заходи; чай пить будешь—лепешки горячія есть, кумысъ и каймакъ привезли мнѣ вчера изъ Асланкина аула. Зайдешь, что-ли?

— Зайду;—мнѣ не спѣшно!

— По своей волѣ идешь, никто не гонитъ. Эй, вы, правыя весла, налегай шибче, налегай!..

— О-го-го-го!—заголосили шибче налегшія «правыя весла».

— Вчера, вотъ такъ прозѣвали!—меня не было, — обратился Нурмедъ къ Касаткину; — весь паромъ на ту вонъ отмель посадили; часа три бились!

— Сноситъ теченіемъ! — апатично замѣтилъ Касаткинъ.

— Гайнулу-бабая увидишь въ дальнихъ аулахъ, скажи: Нурмедъ кланяется, благоденствія дому, всякаго скота прибыли желаетъ. Онъ, Гайнула-то, старикъ хорошій и меня не забываетъ. Не забудь-же!

— Не забуду; увижу—все передамъ!

— Жеребчикъ у него есть пѣгій... Не съ разу—легче—бока переломишь, на себя потяни!—вотъ такъ!—ну, еще!.. ну, еще!.. стой. Вяжи причалы!—энергично распоряжался Нурмедъ, когда паромъ толкнулся своими желѣзными, звонкими боками о козла и камышевую настилку пристани.

Началась безпорядочная, шумная разгрузка; больше всего галдили и волновались торгаши евреи изъ Бухары, спѣшившіе занять мѣста на паромѣ, прежде чѣмъ очистится его палуба.

— Да дуй этихъ собакъ плетьми по мордамъ! чего они лѣзутъ какъ угорѣлые?!—горячился Нурмедъ, грозя на толпу кулакомъ съ своего возвышеннаго поста.

Касаткинъ сошелъ на берегъ, вскарабкался прямо на кручу, помимо тропинки, и пошелъ къ двумъ закопченымъ, остроконечнымъ, словно пчелиные ульи, кибиткамъ Нурмеда, гдѣ его ждалъ обѣщанный чай съ каймакомъ и кумысъ изъ Асланкина аула. Альфа весело прыгала и забѣгала впередъ; она знала, что и ей достанется не послѣдній кусочекъ.

Чудно хорошо было въ густыхъ камышахъ, когда Касаткинъ, плотно позавтракавъ у гостепріимнаго Нурмеда, выбрался изъ полувыгорѣвшей полосы, прилегающей къ самому берегу рѣки, и попалъ въ нетронутую, первобытную глушь почти тропическихъ джунглей. Все, куда только ни хваталъ глазъ,— представляло собою непроходимую, сплошную чащу гигантскихъ стеблей: — пушистыя метелки высоко колыхались, рисуясь въ дымчатой синевѣ утренняго неба; словно кусочки зеркалъ, блистали и искрились покойные затоны; нога вязла въ мягкомъ мхѣ болотистыхъ прогалинъ, а тысячи самыхъ разнообразныхъ, ярко окрашенныхъ птицъ поминутно вылетали изъ подъ ногъ, поднимались на недосягаемую высоту, исчезая въ воздушномъ пространствѣ, — или, стелясь надъ самыми зарослями, перелетали на другое, болѣе спокойное мѣсто.

Дикая свинья съ поросятами шарахнулась изъ-подъ густого куста джиди, хрюкнула, ощетинилась на подлетавшую къ ней съ лаемъ Альфу, но замѣтила парусинную рубаху охотника и тяжело побѣжала межъ кочекъ, спасая свое хрюкающее и подвизгивающее семейство. Острая, ушастая мордочка степного волка показалась невдалекѣ и спряталась; живая, блестящая, словно стальная пружина, змѣйка переползла черезъ кабанью тропу, по которой шелъ Касаткинъ, и стала зарываться во мху, шипя и выставляя по временамъ свою злую головку... Тс!.. Альфа сдѣлала мертвую стойку.

— Береги!..—чуть слышно произнесъ Касаткинъ и осторожно взвелъ курки, прижавъ спусковые крючки, чтобы не слышно было щелканья.

— Пиль!..

Глухо хлопая крыльями, вылетѣлъ громадный фазанъ-пѣтухъ, яркимъ пятномъ блеснувъ на солнцѣ.

Синій дымокъ выстрѣла закрылъ его на мгновеніе, вѣтеръ подхватилъ эту далекую струйку, подхватилъ и два-три цвѣтныхъ перышка, замелькавшія въ воздухѣ, а убитая птица, перекувырнувшись раза два, какъ камень, полетѣла внизъ, прямо въ чащу,—и ея длинный хвостъ показался еще длиннѣе, мелькая въ этомъ быстромъ полетѣ.

Не успѣлъ охотникъ продуть стволъ оружія, не успѣла Альфа принести отысканнаго фазана, а уже справа и слѣва

еще слышится тревожное хлопанье крыльевъ—и изъ камыша, словно ракеты, взлетаютъ красныя птицы.

Бухъ! бухъ! только и слышится въ камышахъ — и протяжное эхо несетъ далеко звукъ этихъ выстрѣловъ, несетъ до самаго аула, временно расположившагося у затоновъ, — и встревоженная киргизка внимательно прислушивается къ непривычному звуку, оставивъ на минуту тяжелый пестъ, которымъ она толкла сухое просо въ неуклюжей деревянной ступѣ.

Десятка два верблюдовъ паслись въ сторонкѣ,—и тѣ подняли глупыя мохнатыя морды и перестали пережевывать свою вонючую жвачку; тощія собаки, игравшія съ голыми закопченными ребятами,—подняли усиленный вой; а самъ старый пастухъ Гайнула прикрикнулъ на свою разыгравшуюся отару, прислушался еще немного и машинально пощупалъ ножъ за поясомъ, какъ бы думая; «все лишняя осторожность не помѣшаетъ. Мало ли какого дьявола принесетъ съ той стороны, гдѣ слышатся эти подозрительные выстрѣлы!»

А Касаткинъ, знай, палитъ и палитъ; и забылъ онъ въ эту минуту все на свѣтѣ, кромѣ ружья и на славу выдрессированной Альфы. Забылъ онъ и сцену у окна, забылъ онъ и преферансъ у стараго пушкаря, забылъ онъ и этого пріѣзжаго франта, забылъ и самую Наташу. Да, забылъ—да не совсѣмъ: вотъ сію минуту вспомнилось все, все сразу, защемило въ груди, дрогнула рука, и вылетѣлъ невѣрно выпущенный зарядъ, безплодно поражая пространство.

Солнце высоко поднялось, стало надъ самою головою и сильно припекаетъ верхушки зарослей. Усталъ Касаткинъ — сѣлъ на одну изъ кочекъ, что оказалось посуше; снялъ шапку и вытеръ платкомъ свой вспотѣвшій лобъ.

— Ѣсть хочешь? а!.. погоди: вотъ пріѣдемъ въ аулы—тамъ дадутъ тебѣ хорошую баранью кость, — погладилъ онъ по головѣ Альфу, все какъ-то жавшуюся къ его боку.

— Вѣрно въ сумкѣ кусокъ чего-нибудь съѣстнаго остался—она чуетъ,—подумалъ охотникъ и сталъ шарить рукою, именно въ томъ отдѣленіи, гдѣ могло бы оказаться что съѣстное. Однако, ничего не оказывалось.—Да ты чего визжишь?.. чего ластишься?.. эге, кто тамъ?.. Касаткинъ сталъ подозрительно оглядываться. Онъ замѣтилъ, наконецъ, что собака безпокоп-

лась — и ея гладкая шерсть, особенно на шеѣ, становилась дыбомъ, а въ визгѣ ея слышались то боязливыя, то сердитыя ноты.

Два желтыхъ, круглыхъ, какъ пятакъ, глаза пристально смотрѣли на Касаткина сквозь рѣшетку камышевыхъ стеблей. Отъ этихъ глазъ охотника отдѣляло не болѣе двадцати шаговъ. Вздрогнулъ Петръ Михайловичъ—и какъ ни привыкъ онъ къ подобнымъ встрѣчамъ, но все-таки невольный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ.

Не спуская глазъ съ страшнаго противника, охотникъ ощупалъ въ карманѣ свинцовыя круглыя пули и осторожно опустилъ ихъ въ стволы своего оружія поверхъ зарядовъ. Медленно сползъ онъ съ кочки, прижался къ ней бокомъ, ставъ на одно колѣно, почти присѣлъ къ самой землѣ и приложился.

— Альфа, тише... сиди смирно! — шепталъ онъ собакѣ, которая вертѣлась и грозила подтолкнуть руку охотника въ самую критическую минуту.

Страшные глаза вдругъ мгновенно исчезли. Только тихій шелестъ камыша послышался на томъ мѣстѣ, и какъ-то подозрительно колыхнулись высокіе стебли совсѣмъ не въ томъ направленіи, какъ колыхалъ ихъ налетѣвшій изъ степи горячій вѣтеръ.

«Что за чортъ!?.. удивился Касаткинъ.—Хитришь, братъ, знаемъ мы твои всѣ уловки!..» И, не мѣняя позы, остался на томъ же мѣстѣ, только сталъ пристально поглядывать по сторонамъ: не покажется ли врагъ гдѣ нибудь справа или слѣва.

Почти полчаса охотникъ находился въ такомъ положеніи: ноги затекали, колѣна онѣмѣли, руки дрожали, и глаза стали слезиться отъ постояннаго напряженія.

— Ушелъ, должно быть!.. — подумалъ онъ, нѣсколько приподнялся и сѣлъ опять на кочку, расправляя свои усталые члены.

Альфа тоже успокоилась и отбѣжала даже отъ ногъ своего хозяина за какимъ-то немаловажнымъ дѣломъ.

По всему видно было, что тигръ, замѣтившій, какъ охотникъ принялъ мѣры къ встрѣчѣ (вѣроятно, хищнику уже приходилось встрѣчаться съ человѣкомъ), поспѣшилъ отретироваться, благоразумно уклоняясь отъ невѣрнаго боя.

Проголодался Касаткинъ сильно и направился въ ту сторону, гдѣ стояли кибитки дальнихъ ауловъ. Шелъ онъ съ оглядкою, осторожно: не выскочитъ ли засѣвшій на тропѣ врагъ? и часа черезъ полтора ускоренной ходьбы выбрался на просторъ, гдѣ по извилистому берегу солонцоватаго затона стояло нѣсколько киргизскихъ кибитокъ.

— Ой-ой!.. — неистово завизжала краснощекая толстая дѣвка — и спряталась за кучи нарѣзаннаго камыша. Она была совсѣмъ голая и чинила кривою иголкою свою синюю бумажную рубашку. Касаткинъ поделикатничалъ и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ сконфузившейся степной красавицы.

— Аманъ (будь здоровъ!)—произнесла старушка, что толкла въ ступѣ просо.

— Откуда Аллахъ принесъ? — произнесъ старый-престарый киргизъ съ совершенно пожелтѣвшею бородою, весь темно-коричневаго цвѣта, и казалось, можно было пересчитать всѣ, самыя мельчайшія косточки подъ этою жесткою старческою кожею.

— Изъ камышей,—отвѣчалъ Касаткинъ.—Да будетъ надъ тобою милость пророка, Мулла Ашикъ!—привѣтствовалъ онъ старика и пожалъ протянутую ему костлявую руку.

Это былъ отецъ стараго Гайнулы, къ которому у Касаткина было порученіе отъ Нурмеда перевозчика.

— Много настрѣлялъ красной птицы! — сказалъ Мулла-Ашикъ, указывая за поясъ охотника, весь увѣшанный дичью.

— Да, чуть такого не подстрѣлилъ, что самъ не радъ бы остался! — сказалъ Касаткинъ, опускаясь на войлокъ рядомъ съ старымъ киргизомъ.

— Все каргаулы *) больше! — замѣтилъ другой киргизъ, помоложе, неожиданно вывернувшійся изъ-за кибитки.

— А чего же еще? я шелъ больше все сухимъ мѣстомъ; другой птицы не попадалось!

— Кого же ты чуть не подстрѣлилъ?—спросилъ старикъ.

— Джулъ-барса (тигра). Подобрался онъ ко мнѣ тихо-тихо, еще бы минута—пропалъ бы совсѣмъ, да спасибо—собака почуяла; ну, я и успѣлъ приготовиться!

---

*) По-киргизски—фазаны.

— Она у тебя умная, — замѣтилъ Мулла-Ашикъ и поласкалъ Альфу. — Не то, что наши поджарыя! — онъ кивнулъ готовою десятка на два тощихъ борзыхъ собакъ, лѣниво грѣвшихся на самомъ припекѣ.—Тѣ глупыя ничего не понимаютъ!

— Ну, что-же джуль-барсъ-то?—полюбопытствовалъ другой киргизъ.

— Ушелъ!

— Ой, ой! ну, спасъ тебя Аллахъ, а то бы опять, какъ въ прошломъ году... Помнишь?

— Еще бы забыть! А Гайнула гдѣ?—спросилъ у старика Касаткинъ.

— На степи, въ ту сторону, гдѣ гнилые колодцы; верблюдовъ пасетъ и отары тамъ же напои, съ нимъ и ребята. Къ ночи пригонятъ сюда поближе. Ты здѣсь ночевать будешь?

— Конечно!

Касаткинъ разулся, снялъ съ себя все лишнее, остался въ одномъ бѣльѣ и прилегъ на войлокѣ въ ожиданіи обѣда. Альфа побѣжала сводить знакомство съ борзыми и сейчасъ же съ визгомъ вернулась назадъ, недовольная сердитой встрѣчею какого-то безхвостаго пса, обгладывавшаго и безъ того обглоданный черепъ жеребенка. Молодой киргизъ опять скрылся за кибиткою: у него вѣрно было свое дѣло; старикъ замолчалъ и погрузился въ какое-то созерцательное состояніе, тихо шевеля своими тонкими сухими губами; принарядившаяся въ кумачный халатъ дѣвка занялась приготовленіемъ къ обѣду, а старуха пошла въ камыши сбирать и розыскивать разбѣжавшихся, голыхъ, черныхъ, какъ тараканы, ребятишекъ.

Подали обѣдать. Въ плоскихъ деревянныхъ чашкахъ поставлены были на войлокѣ передъ гостемъ: вареная, мелко изрѣзанная баранина, лапша и кумысъ. Все общество собралось и усѣлось вокругъ чашекъ: мужчины у самыхъ кушаньевъ, на почетныхъ мѣстахъ, женщины немного подальше, а ребятишки—тѣ уже совсѣмъ въ сторонѣ, вмѣстѣ съ сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ собаками, въ ожиданіи, когда и имъ перебросятъ кусочки аппетитно пахнувшаго мяса и отдадутъ въ полное распоряженіе чашки съ остатками лапши и прочіе

объѣдки. Краснощекая дѣвка—та совсѣмъ не садилась, ходила все, то въ кибитку, то изъ кибитки, возилась у огня, звякала какими-то металлическими посудинами и, видимо, хозяйничала, подгоняемая одобрительными понуканіями стараго Муллы-Ашика.

Пообѣдали, натянулись кумысомъ и залегли спать до вечера; вернется Гайнула съ работниками, подгонятъ стада—и надо будетъ доить кобылъ и собирать ужинать усталымъ, проголодавшимся пастухамъ.

Крѣпко спалъ Касаткинъ, крѣпко спала подлѣ него и визжала во снѣ его Альфа; словно мумія, неподвижно лежалъ на спинѣ старый Ашикъ; густымъ басомъ храпѣлъ молодой киргизъ за кибиткой, спала старушка, прикурнувши головою на мохнатое верблюжье сѣдло; спала красавица и вѣрно видѣла во снѣ гарцующихъ джигитовъ, потому что ея ротъ, обрамленный толстыми, красными, какъ свѣжая кровь, губами, изъза которыхъ сверкали ярко-бѣлые, здоровенные зубы, широко улыбался, пропуская какія-то безсвязныя бормотанія; спали всѣ псы, спали ребятишки, разползшіеся, куда ни попало... Все спало... И только легкій степной вѣтерокъ тихо проносился надъ соннымъ ауломъ, пошевеливая легонько какими-то цвѣтными тряпками, развѣшанными для просушки между кибитками, на тонкихъ волосяныхъ арканахъ.

Опять два желтые круглые глаза осторожно выглянули изъ-за опушки камышей и скрылись; показались съ другой стороны и тоже спрятались. Выдвинулась круглая морда, обрамленная бѣлыми бакенбардами; показалась лапа, вооруженная вершковыми когтями; лапа эта была приподнята, какъ у кошки, когда та сторожитъ отверстіе въ углу комнаты, изъ котораго должна, по ея разсчету, выглянуть вороватая мышка,— какъ у охотничьей собаки, когда она, почуявъ притаившуюся межъ кочками птицу, дѣлаетъ мертвую стойку,—такъ у тигра, готоваго сдѣлать послѣдній прыжокъ на обреченную погибели жертву.

Страшный дѣтскій визгъ разомъ поднялъ на ноги весь уснувшій аулъ; затрещали камыши, раздвигаемые прыжками полосатаго хищника... Между ребятами не досчиталось одного, самаго большого, что ушелъ подальше отъ кибитокъ и спалъ на тропинкѣ въ тѣни куста джиди, отдѣльно растущаго у самой опушки.

— Вотъ уже третьяго!.. — завывая и всхлипывая, говорила Касаткину старая киргизка, когда все понемногу успокоилось, и затихла поднятая тигромъ суматоха.

— Вторая недѣля, какъ пришли сюда *эти дьяволы* и не даютъ намъ совсѣмъ покою! — сообщалъ молодой киргизъ, сильно жестикулируя руками и натравливая въ камыши на весь аулъ развывшихся собакъ.

— Воля Аллаха, и никто противъ нея не станетъ! — нараспѣвъ произнесъ Мулла-Ашикъ и сталъ моститься на кошмѣ, предполагая снова погрузиться въ созерцательное состояніе.

Одна только краснощекая дѣвка бѣгала по аулу, скликала и сгоняла въ кучу перепуганныхъ ребятъ, провѣряя: котораго-же это изъ этихъ чумазныхъ карапузиковъ уволокъ джуллъ-барсъ, такимъ разбойникомъ подкравшійся къ сонному аулу.

— Что же вы не прислали сказать въ Чиназъ? — говорилъ Касаткинъ молодому киргизу. — Мы бы собрались и постарались избавить васъ отъ этого сосѣдства. Сколько ихъ тутъ?

— Два: отецъ съ женою. Та больше при дѣтяхъ, должно быть, еще подростки; наши при стадахъ видѣли разъ; совсѣмъ маленькіе, а отецъ здоровенный, такого большого мы еще съ роду и не видѣли,—отвѣчалъ джигитъ. — Это, должно быть, отецъ приходилъ!

— Это я вѣрно съ нимъ и встрѣтился сегодня, когда шелъ солончаками понизу,—тотъ порядочный!

— Лошадь задушили, вороную, лысую, что, помнишь, я къ тебѣ въ Чиназъ пріѣзжалъ—еще хромала тогда!

— Ну, помню!

— Верблюжатъ двоихъ; джигиту Байтаку бедро измочалилъ совсѣмъ—тотъ померъ. Да что, самаго Гайнулу чуть не съѣлъ,—ужъ мы и не знаемъ, какъ его Аллахъ уберегъ!

— Надобно сейчасъ-же дать знать, а то теперь они разлакомились у васъ на свободѣ, еще и не такой бѣды надѣлаютъ!

— Гайнула самъ собирался къ тебѣ ѣхать, да что-то раздумалъ, до слѣдующаго базарнаго дня отложилъ!

— Ну, ладно, ладно, — утѣшалъ ее Касаткинъ, — вотъ,

можетъ быть, убьемъ — шкура моя, деньги отъ губернатора ваши *)!

Погоревали-погоревали еще о случившемся, да и перестали. Къ вечеру, только стало заходить солнце, и красный дискъ его опустился къ самымъ камышамъ, что синею полосою тянулись по горизонту, послышалось вдалекѣ, со стороны степи, разнообразное блеяніе овецъ, звонкое ржаніе лошадей и рѣзкіе, пронзительные крики верблюдовъ; то Гайнула съ джигитами гнали стада на ночлегъ. Изъ всѣхъ остальныхъ кибитокъ высыпали женщины въ бѣлыхъ тюрбанахъ и синихъ рубахахъ; у каждой въ рукахъ была какая-нибудь посудина — онѣ поджидали прибытія кобылъ, которыхъ нужно было доить на кумысъ.

Гайнула пріѣхалъ верхомъ на тощемъ жеребцѣ карабаирѣ, слѣзъ съ лошади, бросилъ ее такъ у кибитки, безъ привязи, и подошелъ къ Касаткину,

— Ну, здравствуй. Вотъ спасибо, что къ намъ зашелъ! А я было самъ къ тебѣ собирался!—сказалъ онъ нашему охотнику.

— Знаю,—отвѣчалъ послѣдній.—Мнѣ уже все разсказали!

— Да, чего разсказали, — вмѣшался въ разговоръ старикъ.—Самъ своими глазами видѣлъ!

— Бабы у тѣхъ еще кибитокъ мнѣ говорили!—замѣтилъ Гайнула, кивнувъ головою назадъ.

— Безъ настоящаго припаса пришелъ я,—началъ Касаткинъ,—собираться долго некогда было, да, признаться, я и не думалъ, что *они* къ вамъ забрались, полагалъ, что у Чирчика теперь держутся!

— Эти съ низу пришли;—я по слѣдамъ видѣлъ: изъ тѣхъ камышей, что за гнилыми колодцами; даже черезъ степь шли—немного, а шли. Мы съ джигитами, какъ увидали слѣды въ степи—просто глазамъ не вѣрили...

— Такъ ты вотъ что устрой мнѣ... — перебилъ его Касаткинъ.

— Вотъ садитесь, за ѣдою и будете говорить! — пригласилъ старикъ пастуха и гостя ко вновь поставленнымъ на войлокѣ чашкамъ.

---

*) Ссылка на установленный обычай платить по 25 рублей за каждаго убитаго тигра.

— А и то правда... Садись, пріятель!

Всѣ усѣлись.

— Пошли ты въ Чиназъ кого-нибудь къ Бабаджаку!— продолжалъ Касаткинъ.

— Это что у базара живетъ?

— Тотъ самый!

— Ну, пошли ты къ Бабаджаку и скажи ему все, что знаешь о тиграхъ; да увѣдомь, что я уже здѣсь и, чтобы онъ, захвативъ съ собою ружья (онъ уже знаетъ какія), немедленно сюда пріѣзжалъ. Трубаченко, высокому, толстому...

— Знаю и Трубаченко—тюра (начальникъ)!

— Ну, такъ, вотъ, ему тоже скажи: можетъ, и онъ соберется. Водки чтобы привозили съ собою бутылокъ десятокъ...

— Ой, ой, много!

— Рому тоже... Мы у васъ тутъ, можетъ, недѣли двѣ поживемъ; что тамъ въ Чиназѣ-то дѣлать?

— А тигра убивать когда будешь?

— Вотъ у насъ вчера новолуніе было. Дней черезъ пять ночи посвѣтлѣе будутъ, мы ихъ всѣхъ передушимъ!

— А то они васъ, можетъ!

— А то они насъ, какъ случится!

— Воля Аллаха, а отъ судьбы не уйдешь! — возразилъ старикъ.

— А пока спать будемъ ложиться!—предложилъ Гайнула, и не дожидаясь отвѣта, легъ на войлокѣ, положивъ сѣдло подъ голову, и заснулъ почти мгновенно,—заснулъ такъ, какъ можетъ спать киргизъ, весь день прокараулившій свои несмѣтныя отары.

Вѣтеръ подулъ со степи на рѣку—и сплошная стѣна камышей была подъ вѣтромъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались, чтобы разчистить какъ можно больше мѣста вокругъ аула и предотвратить насколько-нибудь возможность повторенія атакъ со стороны колоссальныхъ кошекъ.

Нѣсколько женщинъ, съ пучками зажженнаго камыша, пошли къ зарослямъ, размахивая вокругъ своими незатѣйливыми факелами. Какими-то адскими фуріями казались Касаткину эти полунагія дикарки, съ пѣснями и воемъ устремившіяся къ камышамъ; искры разлетались во всѣ стороны и

осыпали бѣгущихъ, собаки съ лаемъ и визгомъ обгоняли женщинъ, ребятишки прыгали и бѣсновались, верблюды глупо смотрѣли на эту оригинальную сцену, а лошади испуганно жались ближе другъ къ дружкѣ и фыркали, готовыя сорваться съ своихъ прочныхъ приколовъ. Одни только мужчины спокойно лежали на своихъ мѣстахъ, равнодушно ожидая гомерическаго фейерверка.

Тамъ и сямъ вспыхнули отдѣльные кусты камыша, и яркій, кроваво-красный свѣтъ озарилъ все становище. Длинные извилистые языки пламени потянулись по вѣтру, слизывая сначала вершины стеблей, а потомъ все глубже проникая въ самую густоту чащи... Въ озаренныхъ заревомъ полосахъ густого дыма замелькали крылья птицъ, встревоженныхъ ночнымъ пожаромъ, — и глухой гулъ, сопровождаемый трескомъ горѣвшаго камыша, волнообразными перекатами проносился въ ночномъ воздухѣ.

По темно-синему небу расползлись кровавыя полосы зарева,—и скрылись въ немъ, до этой минуты ярко сверкавшія, звѣзды.

Словно островки посреди яркаго моря пламени, чернѣли водные затоны, огибаемые разрушительнымъ потокомъ; и сколько скопилось тамъ всего живого,—спасавшагося отъ гибели подъ благодѣтельнымъ покровомъ болотной сырости!

„Уходите, черти полосатые, уходите подальше!
„Не ищите нашихъ дѣтей и не трогайте нашу скотину!“

Нараспѣвъ причитали фантастическія фигуры, перебѣгая отъ одного куста къ другому.

Долго во всемъ кочевьѣ было свѣтло, какъ днемъ, отъ зарева; старуха, что хозяйничала въ кибиткѣ Гайнулы-бабая, успѣвшая выспаться до-сыта днемъ, принялась было чинить какое-то тряпье, пользуясь этимъ даровымъ свѣтомъ,—но вотъ съ лѣвой стороны мгновенно потухла огненная стѣнка: она налетѣла на цѣлую болотную полосу; прямо тоже низко-низко опало пламя, и густой дымъ заглушилъ его послѣдніе проблески, только справа больше всего боролась съ влажностью разрушительная сила, но и здѣсь она принуждена была уступить—и разомъ погрузилось все въ непроницаемую темноту, которая казалась еще темнѣе вслѣдствіе мгновеннаго перехода отъ свѣта.

«Пообчистили эспланаду, какъ выражается нашъ крѣпостной инженеръ-нѣмецъ!»—подумалъ Петръ Михайловичъ, завернулся съ головою въ полосатый халатъ Гайнулы-бабая и сталъ дремать, мечтая о предстоящей охотѣ на *полосатыхъ чертей*...

А изъ уцѣлѣвшихъ камышей донесся слабый отдаленный ревъ—и въ этомъ ревѣ слышались угрожающія ноты, словно животное говорило:

Погодите, пріятели, вы меня подпалить хотѣли; ладно, я еще съ вами перевѣдаюсь!

Утромъ, только загорѣлась на востокѣ полоска зари—какъ изъ аула Гайнулы-бабая скакалъ уже джигитъ въ войлочномъ малахаѣ (родъ шапки), осторожно поглядывая по сторонамъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ камыши черезчуръ уже близко подступали къ противоположной тропѣ.

— А ну, какъ вскочитъ?—думалъ киргизъ и подгонялъ плетью своего горбоносаго иноходчика, разсчитывая съ восходомъ солнца быть у чиназской переправы.

Джигитъ этотъ везъ Бабаджаку и Трубаченкѣ приглашеніе участвовать въ грандіозной тигровой охотѣ, которую затѣялъ Касаткинъ и за идею которой онъ ухватился, какъ утопающій хватается за соломинку обѣими руками,—надѣясь, что въ тревогахъ этой опасной борьбы съ хищниками затихнетъ мучительная боль въ сердцѣ, все еще по временамъ напоминавшаго о себѣ острыми болѣзненными уколами.

VI. Подъ окнами.

А между тѣмъ обыденныя событія въ Чиназѣ шли да шли своимъ неудержимымъ чередомъ—и хотя Петръ Михайловичъ не получалъ еще никакихъ извѣстій изъ слободы, но сердце-вѣщунъ постоянно нашептывало ему, что событія эти складываются далеко не въ такомъ порядкѣ, какой-бы могъ понравиться нашему охотнику.

Вернувшись въ комнаты, послѣ ночной сцены у забора, Наташа была сильно раздражена противъ Касаткина. Она даже не съумѣла скрыть своего раздраженія — и лишь только подошла она къ столу, какъ оно прежде всѣхъ замѣчено было Ровичемъ, который, дожидаясь возвращенія дѣвушки, не спускалъ глазъ съ выходной двери.

— Вы взволнованы чѣмъ-то?—тихо спросилъ онъ.

— Вотъ еще!—произнесла Наташа.—Есть отъ чего волноваться!—вдругъ бухнула она, да и вспохватилась:—«что это я вдругъ въ откровенности такія пустилась!»—подумала она и поспѣшила опять уйти изъ комнаты, чтобы хотя немного оправиться.

— Ты, послушай Наташа,—остановилъ ея Мартынъ Федоровичъ,—ты чего же это въ самомъ дѣлѣ?

— Да что?..—отозвалась Наташа.

— Взбѣленилась чего такъ?— вставила съ своей стороны Маланья Ивановна.

— Эхъ, отстаньте!..

Наташа порывисто выбѣжала и опять дверью хлопнула.

— Гм!.. понимаемъ; все, все понимаемъ!—шепнула на ухо казначейша попадьѣ.

— Не трудно понять; дѣло очевидное!—отвѣтила ей также на ухо послѣдняя.

— Все оставляетъ насъ Наталья Мартыновна; не хочетъ посидѣть съ нами стариками...—не безъ иронiи произнесъ заслуженный маіоръ.

— И метеоры на тверди небесной—тоже; чѣмъ ярче, тѣмъ непродолжительнѣе; блеснетъ и исчезнетъ, снова блеснетъ и снова исчезнетъ...—привелъ при сей вѣрной оказiи отецъ іерей свое поэтическое сравненiе.

— Дуритъ!—во всеуслышанiе изрекла Маланья Ивановна и вышла вслѣдъ за дочкою.

— Ну, господа, на столѣ осталось уже не много,—напомнилъ Мартынъ Федоровичъ о брошенной игрѣ.—У васъ сколько ремизу, Сергѣй Николаевичъ?

— Благодарю васъ, я сытъ...—отвѣтилъ тотъ совсѣмъ уже невпопадъ.—Ахъ, извините-съ!—поспѣшилъ онъ поправить свою ошибку, когда старый пушкарь, озадачившись немного разсѣянностью своего гостя, повторилъ вопросъ.

— Гм!.. понимаемъ!—снова отнеслась по секрету къ своей сосѣдкѣ казначейша.

— Удивляюсь только, удивляюсь и ничего больше!—согласилась съ нею попадья.

Обѣ онѣ успѣли замѣтить и эту разсѣянность петербургскаго гостя, и въ головахъ ихъ сформировались уже и мотивы этой разсѣянности.

Черезъ полчаса игра кончилась, всѣ взялись за фуражки, выпили еще по приглашенію стараго пушкаря «посошокъ», что означало послѣднюю рюмку передъ уходомъ, и стали расходиться по домамъ. Сергѣй Николаевичъ какъ-то нечаянно замѣшкался и, несмотря на всѣ противодѣйствующіе маневры заслуженнаго маіора, все-таки послѣдній вышелъ на улицу.

Проходя мимо втораго крыльца Чижиковскаго дома, Сергѣй Николаевичъ замѣтилъ темную фигуру, опершуюся на перила крыльца. Не смотря на темноту, еще не трудно было узнать Наташу, и онъ поспѣшилъ подойти поближе.

— Я не имѣлъ случая проститься съ вами,—началъ онъ,—вы такъ скоро ушли изъ комнаты.

— Мнѣ нездоровится... голова болитъ ужасно...—говорила Наташа, первую минуту хотѣвшая было улизнуть въ темныя сѣни, но почему-то не исполнившая своего намѣренія.

— Ваша головка заболѣла очень-очень недавно; я даже знаю, съ какого именно времени!—шутливо говорилъ Ровичъ и, подойдя вплотную къ крыльцу, оперся на перила съ другой стороны.

— Я васъ не понимаю!

— Я вамъ скажу это понятнѣе. Васъ взволновалъ тотъ молодой и, скажу мимоходомъ, очень симпатичный молодой человѣкъ въ линейномъ мундирѣ, что сидѣлъ въ углу, надувшись, какъ мышь на крупу. Правда?

— А вы зачѣмъ подсматриваете? какъ вамъ не стыдно!—чуть не заплакала Наташа.

Ровичъ расхохотался.

— Плохой же вы дипломатъ, Наталья Мартыновна! сразу и проговорились. Ну, да это ничего, это даже хорошо; это доказываетъ, что вы еще хитрить не научились...

— Идите спать, покойной ночи!—обрѣзала его Наташа и отошла отъ перилъ.

— Подождите одну минуту!—остановилъ ее Сергѣй Николаевичъ.

— Это зачѣмъ?

— А вотъ я вамъ разскажу маленькую, хорошенькую сказочку, а вы ее терпѣливо выслушайте,—и тогда, я вамъ ручаюсь въ этомъ, чѣмъ хотите, пойдете спать не такая раз-

строенная, какъ въ настоящую минуту, а по-прежнему: веселая, смѣющаяся... Ну, будете слушать?

— Говорите!

Наташа присѣла на перила, а одно изъ оконъ, почти у самаго крыльца, тихо-тихо отворилось, откуда показались сѣдые усы стараго пушкаря и локоть его руки, придерживающей легонько оконную створку, чтобы та какъ-нибудь не щелкнула бы невпопадъ и не выдала бы присутствія невидимаго наблюдателя.

— «Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, гдѣ-то очень далеко, жила прехорошенькая дѣвушка,—началъ Сергѣй Николаевичъ свою сказку.—Дѣвушка эта была добрая и, какъ кажется, очень умненькая... Ну-съ, тамъ-же жилъ одинъ молодой человѣкъ, тоже хорошій человѣкъ... и оба они другъ къ другу были не совсѣмъ, какъ бы это выразиться лучше... оба они попривыкли другъ къ другу, а можетъ быть, и любили; по-крайней мѣрѣ, имъ казалось, что любили. Долго-ли, коротко-ли тянулось это — не знаю, но только пока все шло хорошо». Не скучно слушать, а то я перестану?

— Продолжайте!—задумчиво произнесла Наташа.

— «Вдругъ, невѣсть откуда, точно съ облака свалился, является другой молодой человѣкъ, гораздо хуже перваго—такъ казалось ему самому, но другіе, можетъ быть, находили его лучше». Вы, кажется, зѣвнули? Ну, виноватъ; я послѣ доскажу. Покойной ночи?

— Да разсказывайте же, какой несносный!..

— «Нарочно-ли, нечаянно, но только дѣвушка раза два взглянула на пріѣзжаго молодца, слово ласковое ему сказала и не подозрѣвала она по своей простотѣ, что это могло очень не понравиться ея прежнему другу. А между тѣмъ это дѣйствительно ему не понравилось, а когда это еще разъ повторилось, то тотъ и совсѣмъ разсердился. Сперва надулся, потомъ упрекать сталъ въ вѣтренности, въ непостоянствѣ,—лишнее, можетъ быть, что сказалъ. Понятно, человѣкъ приревновалъ, а въ такую минуту человѣкъ не всегда сознаетъ, что дѣлаетъ. А дѣвушка не подумала объ этомъ, что надо приласкать ревнивца, успокоить его прежде, а потомъ уже распечь за неумѣстную ревность,—накинулась на него сразу: какъ смѣетъ! да за кого онъ ее считаетъ! Какъ могло явиться такое оскор-

бительное недовѣріе!..» И пошла потѣха! Другъ ушелъ совсѣмъ огорченный; можетъ быть, и теперь волосы рветъ себѣ и ногти до крови кусаетъ. Дѣвушка совсѣмъ разстроилась (вотъ такъ точно, какъ вы теперь)—и не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, да котъ у ней былъ, такой большой, сѣрый; подошелъ онъ къ ней, вскочилъ на колѣна и началъ мурлыкать;—и такъ онъ понятно мурлыкалъ, что дѣвушка разобрала все отъ слова до слова.

— «Ты не кокетка по натурѣ, а такъ, спроста приласкала проѣзжаго,—мурлыкалъ котъ,—это все ничего; только не забывай слѣдующаго: съ другомъ своимъ тебѣ придется, можетъ быть, всю жизнь прожить, а тотъ—сегодня здѣсь, завтра, Богъ вѣсть, гдѣ, да онъ тебѣ совсѣмъ и не пара. Не раздражай же ты понапрасну своего друга. Ревность хотя и скверное чувство, но отъ него никто никогда не отвертится, а потому и не мучь даромъ того, кто любитъ такъ, какъ, можетъ быть, другой кто и не подумаетъ полюбить».—«А котъ-то мой правду говоритъ!»—подумала дѣвушка и сказала проѣзжему: «покойной ночи!..»—Ну, прощайте же, спите покойно! — добавилъ онъ, перемѣнивъ сказочный тонъ на обыкновенный.

— Прощайте!—протянула ему руку Наташа.

Ровичъ отошелъ.

— Сергѣй Николаевичъ, — вдругъ остановилъ его голосъ «стараго пушкаря»,—подойдите-ко сюда!

Сергѣй Николаевичъ даже вздрогнулъ отъ этой неожиданности, а Наташа вскрикнула и бросилась бѣжать въ комнаты.

— А хорошій вы человѣкъ, ей Богу, хорошій! ну, спасибо!—крѣпко стиснулъ ему руки Мартынъ Федоровичъ.

— А вы подслушивали... развѣ это хорошо?.. — полушутливо, полу-укорительно замѣтилъ Ровичъ.

— А ничего, мнѣ можно, я отецъ... Слышу: говорятъ; думаю: что такое? ба-ба-ба! эге, куда пошло! думаю; хотѣлъ было уже того — прислушиваюсь: а оно совсѣмъ другое. Ну, спасибо, ей Богу, спасибо! Да вы приходите къ намъ обѣдать завтра; а то, знаете что? вотъ вы недѣлю будете жить у насъ въ Чиназѣ; чѣмъ вамъ ѣсть всякую дрянь въ жидовскомъ трактирѣ, приходите-ко къ намъ обѣдать каждый день. Послѣ обѣда—въ картишки; рыбку ловить поѣдемъ вмѣстѣ съ дамами. Ладно, что-ли? ну, ладно-ладно, никакихъ разговоровъ...

*

— Мнѣ, право, совѣстно...

— Да полно... что тутъ?!. Вѣдь я почему больше? вѣдь я Петю страсть люблю. Парень онъ славный, душа человѣкъ; простъ только очень! Да вотъ вы сами увидите, какъ покороче съ нимъ познакомитесь!

Въ свою очередь, такъ же тихо и незамѣтно, какъ отворилось окно во время разсказа Ровича, тихо и незамѣтно пріотворилось другое окно, изъ комнаты Наташи, и шевельнулась тонкая кисейная занавѣска, отодвинутая маленькою ручкою.

— Я знаете,—разчувствовался старикъ, — лучшаго мужа и не желаю моей Наташѣ, какъ Петя, да вотъ старуху свою уломать никакъ не могу; а поступить круто, по-солдатски: «не дури, молъ, старая!..» (Мартынъ Федоровичъ осторожно оглянулся и понизилъ голосъ, Ровичъ улыбнулся), пока еще, полагаю, не время... Вотъ тутъ маіора этого, изволите помнить, что съ нами игралъ,—пустился старикъ въ откровенность,—нелегкая подослала... А Маланья Ивановна моя на стѣну лѣзетъ, хочу, молъ, выдать Наташу за маіора, ха-ха. За стараго-то дьявола, ха-ха!.. по крайности, штабъ-офицершей будетъ... А Касаткина-то...

— Мартынъ Федорычъ!..—послышался голосъ его супруги изъ-за ширмъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Тс!..—старый пушкарь приподнялъ палецъ кверху.

— Съ кѣмъ это ты тамъ разговариваешь? — спрашивала Маланья Ивановна.

— А это мы... тутъ... фейерверкеръ пришелъ съ батареи... говоритъ, случай тамъ одинъ пустячный... Ну, покойной ночи... идите себѣ съ Богомъ,—шепнулъ онъ Сергѣю Николаевичу.—Перепились канальи,—говоритъ фейерверкеръ...—Да я сейчасъ къ тебѣ прійду...

— Прощайте!—тихо произнесъ Ровичъ.

— Обѣдать завтра приходите, не забудьте-же!

— Непремѣнно!

Окошко захлопнулось. Ровичъ отошелъ.

— Сергѣй Николаевичъ!—чуть слышно долетѣло изъ другаго окна. Ровичъ чуть не расхохотался на всю улицу, однако удержался и опять подошелъ къ окну, гдѣ бѣлѣла фигура Наташи.

— Слушайте, Сергѣй Николаевичъ, я вамъ что-то хочу сказать...—начала Наташа.

— Слушаю...

— Или нѣтъ — лучше послѣ. Приходите же завтра обѣдать... Покойной ночи...

Ровичъ вдругъ вообразилъ, что всѣ окна длиннаго дома стараго пушкаря начнутъ теперь отворяться по очереди, и изъ каждаго окна долетитъ до его слуха: «покойной ночи. Приходите завтра обѣдать». Въ избѣжаніе этого усиленнаго приглашенія, онъ поспѣшилъ выбраться поскорѣй изъ-подъ выстрѣловъ Чижиковскихъ оконъ и, чуть не бѣгомъ, пустился къ гостинницѣ «Старый Чиназъ».

Когда Ровичъ, выслушавъ сообщенія содержателя гостинницы, экс-горниста Вульфзона, шелъ къ старому пушкарю, ему не трудно было понять несложные мотивы семейнаго романа; остальныя событія вечера пополнили всю картину, и онъ рѣшилъ непремѣнно поправить въ ней все то, что могло попортить его появленіе. Особенно эта рѣшимость созрѣла къ концу вечера — и созрѣла главное потому, что хотя Ровичъ едва нѣсколько словъ успѣлъ сказать съ Касаткинымъ, хотя тотъ волкомъ смотрѣлъ на него во время разговора, но эта полудикая натура чрезвычайно понравилась Сергѣю Николаевичу. Онъ угадалъ въ охотникѣ то, что «старый пушкарь» называлъ «душа человѣкъ»,—и теперь думалъ, во что бы то ни стало разрушить то ревнивое недовѣріе, то озлобленіе, съ которымъ встрѣтилъ его Петръ Михайловичъ.

Онъ, пожалуй, готовъ былъ сію минуту идти къ нашему охотнику... Въ головѣ его рисовалась вся роль, которую ему хотѣлось взять на себя. Успокоить два любящихъ сердца, позаботиться о ихъ скорѣйшемъ сближеніи; явиться надъ ними, въ нѣкоторомъ родѣ, добрымъ геніемъ и т. д. На него вдругъ, ни съ того, ни съ сего, напало что-то вродѣ состоянія душевнаго умиленія, легко стало какъ-то на сердцѣ; онъ даже, перепрыгивая черезъ маленькую канавку, сдѣлалъ такой усиленный скачекъ, что годился бы даже для крѣпостнаго рва.

— Кочетковъ, ты, что-ли?..—послышался вдругъ пьяный сильный голосъ, не то мужской, не то женскій. Посреди улицы копошилось что-то, силясь подняться на ноги; вокругъ распространялись винные пары.

— Гдѣ тутъ живетъ Касаткинъ—Петръ Михайловичъ?

— Какой-такой Касаткинъ, что мнѣ лѣшаго въ твоемъ Касаткинѣ? Я ежели теперь выпивши, это точно... а все-таки свое дѣло могу...

„Я по травкѣ шла—да,
„По муравкѣ шла—да..

— Чего разоралась, тетка Городиха! — кричалъ изъ-за стѣны другой голосъ.—Слышь, вставай! дежурный подъѣдетъ—онъ тебѣ накладетъ!

— Ничего не накладетъ, онъ мнѣ кумъ приходится... я ему бѣлье завсегда мою, ну, и шабашъ!

„Я по травкѣ шла—да...

— Караулъ!.. — ревѣлъ полупридавленный голосъ съ базару.

— Васька! — вопилъ другой. — Зови конюховъ съ фуршатскаго двора: матросы нашихъ бьютъ...

„По муравкѣ шла—да...

Съ берега послышались полицейскіе свистки.

— Каждую ночь вотъ такъ у насъ въ Чиназѣ!—докладывалъ Сергѣю Николаевичу экс-горнистъ Вульфзонъ, внося ему въ номеръ зажженныя свѣчи.

— Что-же, живутъ, значитъ, весело!—зѣвалъ во весь ротъ Ровичъ.

Сергѣй Николаевичъ отложилъ свое намѣреніе сдѣлать визитъ Касаткину до другого, болѣе удобнаго времени.

— Это всю ночь у васъ на бильярдѣ играютъ? — спросилъ онъ Вульфзона, прислушиваясь къ щелканью бильярдныхъ шаровъ.

— Иногда случается, особенно ежели на интересъ какой игра идетъ; вотъ, напримѣръ, послѣ раздачи жалованья. Вчерашняго числа фуражныя деньги выдавали. Такъ я уже распорядился, чтобы хозяйка моя подушки положила въ бильярдной на диванахъ; все, знаете, покойнѣй, чѣмъ такъ...

— Ну, конечно, эта предупредительность съ вашей стороны, господинъ Вульфзонъ, даже очень похвальна... Можете теперь идти и прикажите плотнѣе запирать двери, а то это щелканіе на меня не очень усыпительно дѣйствуетъ!

— Счастливо оставаться; завтра рано разбудить прикажете?

— Пораньше!

Эксъ-горнистъ ушелъ, а Сергѣй Николаевичъ завернулся въ одѣяло и приготовился помечтать немного передъ сномъ.

— Ахъ, чортъ возьми! — вдругъ произнесъ онъ и почесался. — Ой, ой, однако !— онъ почесался въ другомъ мѣстѣ. — А вѣдь что ни говори, а прехорошенькая эта степная барышня — и еслибы только—фу, ты, гадость какая!..—онъ усиленно принялся тереться бокомъ о жесткую спинку дивана...

— Ага, какъ я его лупонулъ!..—чуть слышно донеслось изъ бильярдной.

Сергѣй Николаевичъ чиркнулъ спичкою, зажегъ свѣчу и началъ осматривать простыни.

Какъ Сергѣй Николаевичъ провелъ безсонную ночь, ворочаясь съ боку на бокъ, зажигая безпрестанно свѣчу и потомъ снова туша ее, едва только ему казалось, что борьба его съ паразитами достигла какихъ-либо утѣшительныхъ результатовъ;—такъ и Наташа всю ночь не смыкала глазъ, хотя постелька ея и не похожа была нисколько въ данномъ отношеніи на трактирный диванъ — въ гостиницѣ «Старый Чиназъ». Дѣвушкѣ не спалось отъ другихъ, не такихъ прозаическихъ причинъ. Передъ нею все время рисовались два образа: одинъ неясными, туманными чертами; другой, опредѣленный, блестящій такой, такъ и выдѣляющійся изъ густого мрака, царствующаго въ комнатѣ. Первый образъ насильно вызывался, словно изъ-за какого отдаленнаго пространства. Второй самъ лѣзъ передъ глаза дѣвушки, незванный, непрошенный—и тихо, нѣжно склонялся къ самому ея лицу, шепталъ ей на ухо такія хорошія, успокоительныя сказки...

Первый образъ — принадлежалъ Петру Михайловичу, второй—былъ Ровича. Наташа, сама не сознавая, анализировала оба эти видѣнія; она проводила между ними параллель, и чѣмъ подробнѣе развивалась эта параллель — тѣмъ дальше и дальше, въ самые темные углы спальни, отступалъ первый призракъ... Вотъ уже чуть-чуть, словно блики на черной доскѣ стариннаго образа, виднѣлись только неопредѣленныя свѣтлыя пятна. За то второй — такъ и сверкаетъ, такъ и блещетъ, разгоняя сонъ и, капля по каплѣ, пропуская въ сердце

чиназской красавицы что-то такое пріятное, сладкое, и какъ казалось Наташѣ, до сихъ поръ вовсе ей незнакомое.

Проснулась Наташа на другой день поздно, не такъ какъ обыкновенно, встала такая бодрая, веселая и принялась гладить горячимъ утюгомъ свое новое шерстяное платье, — то самое, что выражался отецъ іерей, «шло къ ея личику, какъ капля алмазной росы — къ благоуханному лепестку майской розы».

— Ты что это франтить собираешься? —спросила ее Маланья Ивановна, проходя изъ кухни черезъ сѣни, гдѣ гладила Наташа,—съ сковородкою, на которой шипѣли и ворчали въ кипящемъ маслѣ выпущенныя наскоро яйца.

— Сегодня у насъ Сергѣй Николаевичъ обѣдаетъ! — проболталась Наташа.

— Это ты почему знаешь?—подозрительно посмотрѣла на нее Маланья Ивановна.—Кто тебѣ сказалъ?..

— Я сама слышала—папаша приглашалъ его, и онъ обѣщалъ непремѣнно!—поправилась дѣвушка.

— Когда-же это онъ приглашалъ его? я что-то не помню!

— А вотъ ночью, когда разошлись всѣ;—вотъ тутъ подъ окошкомъ, Сергѣй Николаевичъ шелъ себѣ домой, а папаша остановилъ его и пригласилъ!

— Мартынъ Федоровичъ, ты дома, что-ли?.. — возвысила голосъ Маланья Ивановна.—Мартынъ Федоровичъ!

— Здѣсь, матушка, здѣсь, не ушелъ еще... Что тебѣ надо?—старый пушкарь показался на порогѣ.

— Ты съ кѣмъ вчера подъ окномъ разговаривалъ? а?..

— А съ фейерверкеромъ, матушка, съ фейерверкеромъ Афросимовымъ; — говоритъ, перепились канальи; — а я ему говорю...

— Врешь!

— Вотъ тебѣ разъ!..

— Съ Сергѣй Николаевичемъ говорилъ, къ обѣду его приглашалъ; а то, что ты хитрить началъ!.. «съ фейерверкеромъ»... какъ-же!

— Ну и съ Сергѣй Николаевичемъ говорилъ, и къ обѣду его приглашалъ, а съ фейерверкеромъ тоже говорилъ, что-же такое?

— Ничего... обдурить меня хотите съ дочкою; врете, не

проведете, я все на свѣжую воду выведу... «Съ фейерверкеромъ!..»

И Маланья Ивановна, разсерженная, ушла къ себѣ на кухню и принялась тамъ звякать на весь дворъ посудою, поднявъ ворчню и брань съ оторопѣлою прислугою.

— Попались-было мы съ тобою, а?..—засмѣялся старикъ, потрепавъ по плечу Наташу.—А все ты, егоза, проболталась!.. Что, послать узнать: дома-ли Петръ Михайловичъ, а?.. или не нужно?

— Самъ придетъ, коли захочетъ!—произнесла Наташа, и легкая тѣнь пробѣжала по ея веселому личику.

— Да ты на него не сердись! —помнишь сказку, что котъ тебѣ на ухо разсказывалъ?

— Ахъ, папа, отстань!..—Наташа сильно покраснѣла и сосредоточенно принялась водить утюгомъ, разглаживая сыроватыя складки какой-то вычурной оборки.

Мартынъ Федоровичъ натянулъ на себя сюртукъ, нахлобучилъ старую фуражку, съ надорваннымъ козырькомъ, и пошелъ въ крѣпость, по службѣ, посидѣть съ полчасика въ казармѣ и потолковать съ фейерверкеромъ Афросимовымъ: удачно-ли ловятся щуки въ чирчикскихъ затонахъ, и починилъ-ли пьяница шорникъ хомуты, что послала ему третьяго дня Маланья Ивановна.

Сергѣй Николаевичъ проснулся тоже очень поздно, поднялся онъ съ дивана измученный, словно разбитый, съ сильною головною болью и съ зудомъ по всему тѣлу, и немедленно потребовалъ къ себѣ эксъ-горниста Вульфзона...

— Это свинство, это подлость! — напустился Ровичъ на содержателя гостинницы.—Такая неопрятность!..—кричалъ онъ, схвативъ за рукавъ Вульфзона и оглядывая съ нимъ всѣ углы и щели обильно-населенной паразитами мебели.

— А ей же Богу это только съ непривычки, — оправдывался Вульфзонъ.—Нашихъ, кто ежели привыкъ, совсѣмъ не трогаютъ. Ну, дай мнѣ Богъ съ этого мѣста не сойти! Вы извольте посмотрѣть, что у другихъ, а это еще ничего...

Сергѣй Николаевичъ кончилъ тѣмъ, что приказалъ разставить посереди комнаты свою складную кровать, спросилъ, гдѣ самое удобное мѣсто въ рѣкѣ для купанья и пошелъ, съ простыней подъ мышкою, по указанію нѣсколько сконфуженнаго эксъ-горниста.

Ему пришлось проходить мимо пароходной пристани; тамъ все уже было убрано, палуба «Арала» начисто вымыта, все металлическое ярко сверкало на солнцѣ—и только вахтенные матросы клевали носами, дремля кое по какимъ укромнымъ мѣстечкамъ парохода. Неподвижно, совершенно отвѣсно висѣли флаги на тонкихъ мачтахъ—и маленькій дымокъ лѣниво вился въ жаркомъ воздухѣ, поднимаясь изъ закопченнаго отверстія камбузной трубы. Далеко влѣво, у самыхъ казармъ, гудѣла труба съ барабаномъ и десятка два линейныхъ солдатъ маршировали въ одну шеренгу, стараясь подладить свой шагъ къ тихому напѣву какого-то патріотическаго марша. Поручикъ Трубаченко — согнувшись совсѣмъ на бокъ и держа на отлетѣ руку, вооруженную ногайкою—ходко пронесся мимо Ровича, на своемъ чубаромъ иноходцѣ... Сотня уральскихъ казаковъ, расположенная бивуакомъ на самомъ берегу рѣки, распространяла вокругъ себя на далекое разстояніе прѣлый запахъ конскаго навоза, печенаго хлѣба и табачнаго дыма. Лошади стояли группами у приколовъ, дремали, лѣниво опустивъ свои головы и развѣсивъ уши,—и то и дѣло отмахивались хвостами отъ миріадъ докучливыхъ мухъ, густыми роями носившихся надъ бивуакомъ. Нѣсколько голыхъ тѣлъ купались въ рѣкѣ на самомъ припекѣ—сверкая на поверхности воды своими мокрыми спинами.

— Вотъ сюда на лодочку пожалуйте, ваше благородіе; тамъ можно раздѣваться будетъ...—кричалъ, высунувшись изъ воды, старый уралецъ урядникъ, замѣтивъ недоумѣвающіе взгляды Сергѣя Николаевича.

Тотъ не медля воспользовался его совѣтомъ, перебрался на старую лодку съ пробитымъ дномъ, засѣвшую на отмели и до половины наполненную застоявшейся водою, и началъ раздѣваться.

Купанье освѣжило Сергѣя Николаевича и разогнало нѣсколько головную боль. Онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи поближе сойтись съ Касаткинымъ и прямо съ рѣки отправился разыскивать его квартиру. Первый солдатъ линеецъ, попавшійся ему на встрѣчу, проводилъ его до самыхъ воротъ домика нашего охотника.

— Петръ Михайловичъ дома?—спросилъ Ровичъ деньщика, промывавшаго солдатскій штуцеръ на порогѣ сѣнной двери.

— Никакъ нѣтъ-съ! — вскочилъ солдатъ на ноги и вытянулся.

— Ушелъ куда-нибудь?—скоро прійдетъ... что-ли?..

— Вчерась еще съ ночи ушли — на перевозъ коканскій; должно—на ту сторону переправятся...

— Ничего не говорилъ—когда назадъ будетъ?

— Никакъ нѣтъ, надо полагать: нескоро...

— Жаль!..

Ровичъ сталъ рыться въ карманѣ, вытащилъ свою карточку и отдалъ ее деньщику. Тотъ посмотрѣлъ на нее недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Отдашь барину, когда прійдетъ...

— Слушаю-съ!

Сергѣй Николаевичъ вышелъ опять на улицу, прошелъ базаромъ—и на него напала невыносимая скука. Все или дремало, или спало совсѣмъ... Отъ мясныхъ лавокъ несло падалью,—изъ подъ навѣсовъ, гдѣ помѣстились туземные повара, приготовляющіе на продажу пельмени и жареную рыбу, несло конжутнымъ масломъ и подгорѣлымъ саломъ.

Ровичъ поспѣшилъ выбраться изъ этой невыносимой атмосферы, постоялъ въ недоумѣніи на перекресткѣ,—пошелъ было къ себѣ въ гостинницу, да потомъ, какъ-то совершенно нечаянно, свернулъ направо и черезъ нѣсколько минутъ очутился около крыльца дома «стараго пушкаря».

VII. Рыбная ловля.

Весь этотъ день прошелъ довольно весело для Сергѣя Николаевича. Наташа почти не отходила отъ него; отъ души, на весь домъ хохотала, когда тотъ разсказывалъ ей что нибудь очень смѣшное,—хохоталъ и самъ старый пушкарь, хотя нѣсколько разъ заявлялъ сожалѣніе о томъ, что молъ «куда Петька Касаткинъ запропастился?» Недовольна была Маланья Ивановна съ своимъ заслуженнымъ маіоромъ, совершенно отодвинутымъ на второй планъ,—отодвинутымъ до того, что къ вечеру не составился даже преферансъ—любимое и неизбѣжное вечернее препровожденіе времени заслуженнаго штабъ-офицера.

Когда солнце сѣло, и надъ слободкою повѣяло пріятною прохладою — предпринята была прогулка по старой чиназской

дорогѣ. Все общество пошло пѣшкомъ, Сергѣй Николаевичъ подъ руку съ Наташей, старый пушкарь — съ Маланьей Ивановной, маіоръ—самъ по себѣ, замыкая шествіе... Прогулка тянулась довольно долго — и когда вернулись домой, то была уже полночь, такъ что всѣ разошлись по домамъ, не заходя въ гостепріимныя комнаты Мартына Федоровича.

— Вы завтра опять съ утра приходите!—сказала Наташа Ровичу и сказала такъ тихо, что казалось только могла сама себя слышать.

— Хорошо!—произнесъ Ровичъ и почувствовалъ, что руку его сильно сжали и нѣсколько секундъ не выпускали тонкіе, слегка-дрогнувшіе пальцы дѣвушки.

«Гм!» — подумалъ Сергѣй Николаевичъ и наклонился къ самому уху своей спутницы; — помните, что вамъ мурлыкалъ котъ?.. Ну, смотрите же—не забывайте!

— Хотѣлось бы не забыть!—произнесла Наташа, вся покраснѣвъ, и быстро взбѣжала на ступеньки крыльца.

На другой день затѣяна была поѣздка всѣмъ обществомъ на затоны, на противоположномъ берегу Сыръ-Дарьи. Предполагалось устроить рыбную ловлю въ самыхъ широкихъ размѣрахъ—и еще съ вечера отправлены на мѣсто ловли телѣги съ палатками, посудою и разнымъ провіантомъ.

Въ прогулкѣ этой приняли участіе почти всѣ привилегированные жители Чиназа: комендантъ съ семействомъ, офицеры мѣстнаго баталіона тоже съ семействами, гости случайно пріѣзжіе изъ Ташкента, — и такимъ образомъ цѣлая вереница парныхъ и троечныхъ тарантасовъ, поднимая густые клубы дорожной пыли, звеня на всѣ лады колокольчиками и бубенчиками, потянулась изъ слободки къ коканскому перевозу. Между экипажами гарцовали отдѣльные всадники, заскакивая то съ правой, то съ лѣвой стороны тарантасовъ и любезничая съ разряженными дамами. Всѣмъ было чрезвычайно весело, и звонкій смѣхъ покрывалъ собою даже стукотню колесъ, особенно когда кавалькада катила по легкому грунту песчанаго берега.

Длинныя дрожки, такъ называемыя «долгуши», запряженныя парою раскормленныхъ лошадокъ, неслись впереди всѣхъ Тамъ сидѣло семейство стараго пушкаря, къ которому пристроился и Сергѣй Николаевичъ, помѣстившись на одной сто-

ронѣ съ Наташей; противоположную сторону занимали Мартынъ Федоровичъ съ супругою, а заслуженный маіоръ галопировалъ рядомъ, ловко подбоченясь и подпрыгивая на сѣдлѣ своимъ толстенькимъ туловищемъ.

Наташа говорила съ Сергѣемъ Николаевичемъ вполголоса, и какъ ни старался маіоръ нагибаться съ сѣдла въ ихъ сторону, онъ положительно не могъ ничего разслышать.

— Сегодня утромъ пріѣзжалъ киргизъ?—спрашивалъ Ровичъ свою сосѣдку.

— Да, очень-очень рано, — отвѣчала Наташа, — еще до солнечнаго восхода. Петръ Михайловичъ на дальнихъ аулахъ, тамъ киргизы жаловались ему, что тигры ихъ очень обижаютъ, онъ и послалъ за Бабаджакомъ и Трубаченко, — хотятъ охоту на звѣрей устроить!

— Мартынъ Федоровичъ видѣлъ этого киргиза?

— Да, пока велѣлъ ему передать Петру Михайловичу, что мы всѣ рыбу будемъ ловить на затонахъ, а это въ ту же сторону будетъ, такъ чтобы онъ приходилъ туда!

— Онъ пріѣдетъ навѣрное!

— Не знаю!—задумчиво проговорила Наташа.

— А вамъ бы очень хотѣлось? — Ровичъ наклонился къ самому личику дѣвушки.

— Сказать вамъ правду?

— Конечно!

— Нѣтъ!—произнесла она чуть слышно, и Сергѣй Николаевичъ почувствовалъ, какъ дрогнуло плечо дѣвушки, легко прикоснувшись къ его локтю.

— А мнѣ бы очень хотѣлось,—произнесъ Ровичъ.—Во-первыхъ, потому, что иначе мнѣ не придется и познакомиться съ нимъ хорошенько до моего отъѣзда; а во-вторыхъ, потому, что мнѣ очень бы хотѣлось принять участіе въ этой интересной охотѣ!

— Наталья Мартыновна, у васъ подольчикъ у самаго колеса,—предупредительно сообщилъ маіоръ,—въ дегтю, пожалуй, замарается!

Тарантасы подъѣзжали къ переправѣ. Передніе остановились и начали распрягать лошадей. Пассажиры повылѣзли изъ экипажей и стали переходить на возвышенную палубу парома. Старый Нурмедъ перевозчикъ встрѣтилъ гостей низкими покло-

нами и безпрестанными прикладываніями рукъ ко лбу, губамъ, сердцу и животу.

Спустя часъ времени, вся кавалькада была уже на противоположномъ берегу, и экипажи понеслись къ камышамъ, постепенно исчезая изъ глазъ въ густыхъ зарослякъ; только тамъ и сямъ мелькали изрѣдка шапки верховыхъ, и длинная пыльная полоса стлалась надъ пожелтѣлыми вершинами камышевыхъ стеблей.

Громадные затоны, на берегу которыхъ расположилось лагеремъ все чиназское общество, состояли изъ большихъ, извилистыхъ, обрамленныхъ камышами, водныхъ массъ, уцѣлѣвшихъ послѣ разлива Сыръ-Дарьи и не успѣвшихъ испариться во время лѣтнихъ жаровъ, до самой осени, то-есть, до новаго разлива. Воды этихъ покойныхъ, нѣсколько солоноватыхъ на вкусъ, озеръ, періодически сообщающіяся съ проточными водами великой средне-азіатской рѣки, кишатъ рыбою. Аршинные карпы, толстые и жирные лещи лѣниво плаваютъ въ нагрѣтой водѣ цѣлыми полчищами, или неподвижно покоятся на одномъ мѣстѣ, сквозя на поверхности своими длинными темными спинами. Молодой усатый сомъ, прозѣвавшій стокъ воды и непопавшій обратно въ рѣчныя воды, зарылся въ самый покойный уголокъ илистаго дна, и только слабое движеніе его усовъ выдаетъ притаившагося разбойника. Тамъ и сямъ, словно воры, избѣгая ярко-освѣщенныхъ солнцемъ пространствъ, бродятъ одинокія, зубастыя щуки: тѣсно имъ въ этихъ мелководныхъ затонахъ, ждутъ не дождутся онѣ новаго разлива и злобно посматриваютъ направо и налѣво — не подвернется-ли какая-нибудь зазѣвавшаяся рыбка, предназначенная судьбою для утоленія голода ненасытной зубатой мегеры.

Цапли попарно бродятъ по берегамъ этихъ затоновъ и ощупываютъ своими длинными носами каждую кочку, каждую кучу сырого, темно-зеленаго, лоснящагося илу. Чайки носятся надъ водою, бороздятъ ее своими крыльями и высматриваютъ: не серебрится ли гдѣ-нибудь на поверхности брюшко уснувшей рыбки.

Мѣстами камышъ подступаетъ къ самымъ берегамъ затоновъ, заходитъ даже далеко въ воду, образуя густыя, подводныя чащи—пріютъ всякой водяной твари; мѣстами же тянутся широкія, свободныя отъ всякой береговой раститель-

ности береговыя полосы, покрытыя мелкимъ сыпучимъ пескомъ и бѣловатыми ракушками. На пескѣ этомъ частенько встрѣчаются отпечатки кабаньихъ ногъ, легкіе оттиски сайгачьихъ копытъ; а иногда и внушающіе невольное почтеніе слѣды тигра. Кучки потухшей золы и чернѣющіяся головешки старыхъ костровъ пестрятъ тамъ и сямъ желтоватыя массы песку— это рыбаки изъ Чиназа, а можетъ, кто изъ сосѣднихъ кочевниковъ, варили себѣ уху изъ продуктовъ удачной ловли. И надъ всѣмъ этимъ, высоко, словно неподвижно стоитъ жаркое лѣтнее солнце и обдаетъ все ровнымъ, монотоннымъ, разслабляющимъ жаромъ: а лишенный лучей дискъ его дрожитъ и сверкаетъ сквозь знойную мглу, нависшую надъ безлюдною пустынею.

Выбрали мѣсто, гдѣ было посвободнѣе отъ зарослей и сдвинули тарантасы оглоблями вмѣстѣ. На поднятыя и связанныя попарно оглобли были накинуты ковры, попоны, все, что только могло защитить отъ солнечныхъ лучей, — и такимъ образомъ составился громадный навѣсъ, подъ которымъ расположилось все общество. Лошади были привязаны поодаль, къ отдѣльнымъ повозкамъ, и фыркали, отмахиваясь отъ миріадъ докучливыхъ оводовъ. У самаго берега конюхи и прочая прислуга возились надъ громадными самоварами, раздувая ихъ и распространяя вокругъ цѣлыя облака густого, чернаго дыма. Поодаль на пескѣ разостлали мокрые невода—и старый пушкарь опытнымъ взглядомъ оцѣнивалъ ихъ прочность и годность, покрикивая на солдатъ-рыбаковъ, которые, въ однѣхъ рубахахъ, босоногіе, возились съ старою плоскодонною лодкою, привезенною съ собою изъ Чиназа.

— Стой. Ну, а эта дыра какъ же?—недоумѣвая произнесъ Мартынъ Федоровичъ.

— Дыра!.. Эта дыра ничего. Въ нее нешто мелочь какая проскочитъ, а ежели что путное—ни-ни!—говорилъ солдатъ-рыбакъ и просовывалъ въ дыру по локоть свою мохнатую руку, какъ бы желая удостовѣриться: въ самомъ ли дѣлѣ не можетъ проскочить въ нее что-нибудь «путное?»

— Надо зашить, раза два на крестъ проштопать! — рѣшаетъ старикъ.

— Можно и проштопать!—соглашается рыбакъ.

— А что, лодка сильно течетъ?—кидается Чижиковъ въ другую сторону.

— Самую малость,— отзывается чей-то голосъ, — одинъ грести будетъ, двое съ бичевою, двое ковшами отливать будутъ; поспѣютъ!

— Спускай!

— Легче, не черти по песку, днище отвалится!

— Ну, разомъ!

— Господи благослови!

— Пошли Царица Небесная!

— Сперва отсюда, потомъ эдакъ тѣмъ берегомъ, волокомъ-волокомъ, а потомъ на ту отмель, вонъ кустики торчатъ, а вытаскивать сюда! — распоряжается Мартынъ Федоровичъ.

— Батенька, послушайте-ка,—подходитъ нѣмецъ комендантъ подъ руку съ своею супругою, — надо выволакивать поближе, чтобы дамамъ видно было. Я бы совѣтовалъ сюда!— комендантъ показалъ рукой на часть берега почти у самыхъ тарантасовъ.

— А вотъ, когда стемнѣетъ немного, а то теперь неловко, — возражаетъ Мартынъ Федоровичъ. — Тутъ, знаете, народъ въ однѣхъ рубахахъ, почитай нагишемъ. Суета, горячка, не остережется какъ-нибудь... Неловко! а вотъ въ сумеречки, при огонькѣ, ну, тутъ ничего, все не такъ замѣтно...

— А, это правда!—соглашается комендантъ.

Въ ожиданіи ловли все общество разбрелось по берегу попарно и болѣе многочисленными группами. Подъ навѣсомъ, двѣ барыни съ помощью адъютанта сервировали обильную выпивку и подзакуску, распаковывая объемистыя корзинки со всякою провизіею; въ сторонѣ пылалъ громадный костеръ, грозя выпалить всѣ сосѣдніе камыши; на высокихъ жердяхъ прилаживали котелъ для варки ухи.

А въ верстѣ отсюда, въ камышахъ, стоялъ неподвижно и прислушивался къ разнообразнымъ звукамъ, несущимся съ береговъ затона, Петръ Михайловичъ. Ему говорилъ киргизъ, пріѣхавшій съ перевозу, что сегодня ловля назначена,—и онъ не утерпѣлъ, чтобы не, пойти въ ту сторону; гдѣ, можетъ быть, да даже и навѣрное могъ увидѣть свою вѣтренную Наташу. Онъ не хотѣлъ показаться на глаза, ему почему-то было совѣстно; ему казалось, что, при взглядѣ на него, на губахъ

каждаго появится самая насмѣшливая улыбка... Онъ слышалъ далекій смѣхъ — и ему казалось, что это именно смѣются надъ нимъ, и больше всѣхъ хохочетъ и издѣвается этотъ пріѣзжій щеголь, что... Да вонъ онъ, или это бредъ его воспаленной фантазіи?.. Нѣтъ, это точно онъ... Вонъ онъ, чуть замѣтный сквозь густую чащу, идетъ подъ руку съ Наташею, съ ними еще кто-то—это маіоръ; онъ не отстаетъ отъ нихъ ни на шагъ... А! не нравится?! Вамъ бы хотѣлось однимъ остаться?.. Мѣшаетъ этотъ старый дуракъ!.. Еще какое-то красное платье мелькаетъ въ камышахъ, вонъ зеленѣетъ шелковая ряска священника... Чу! выстрѣлъ раздался: кто-то забавляется—стрѣляютъ въ подброшенную кверху шапку...

Касаткинъ ползкомъ пробрался еще ближе къ гуляющимъ. Альфа его чуяла знакомыхъ, порывалась впередъ, махала хвостомъ и радостно повизгивала, готовая разразиться самымъ веселымъ, самымъ неудержимымъ лаемъ.

— Мимо-съ!—произнесъ священникъ.

— Какъ мимо? задѣлъ!—говорилъ Пуговицынъ, осматривая тщательно фуражку, служившую цѣлью.—Вотъ, извольте видѣть, въ козырькѣ, дробина—разъ, дробина—два, вотъ еще одна... Какъ же-съ мимо!..

— А позвольте, у васъ лѣвый стволъ заряженъ? позвольте мнѣ!—спросилъ священникъ...

— Извольте, я бросаю...—Пуговицынъ приготовился подбросить шапку.

— Хотя не по моему сану упражняться въ употребленіи разрушительныхъ, смертоносныхъ орудій... однако!..

Отецъ іерей взвелъ курокъ.

— Разъ-два-три!..

Раздался выстрѣлъ. Всѣ расхохотались.

— Во что же вы стрѣляли, батюшка?

— А въ шапку. Развѣ не поналъ?

— Да я ее и не бросилъ вовсе — вотъ она! — говорилъ капитанъ сквозь хохотъ. — Я только такъ примѣрно, а вы сейчасъ бацъ!..

— Ну, какъ же это, господа?..

— Да это что — въ шапку! въ шапку — пустяки, все ровно что въ стѣнку. А вотъ Касаткинъ, такъ тотъ безъ

промаха катаетъ въ куриное яйцо... Чуть блеснетъ оно высоко-высоко, а онъ хлопъ — и почти что совсѣмъ не цѣлясь — только и видѣлъ... въ дребезги!..—говорилъ капитанъ Пуговицынъ.

— А вы, Сергѣй Николаевичъ, хорошо стрѣляете? — кокетливо улыбаясь, спрашивала своего кавалера Наташа и почти повисла у него на рукѣ, ласково, весело глядя ему въ лицо изъ-подъ своей густой вуалетки.

— Порядочно. По крайней мѣрѣ прежде стрѣлялъ; теперь давно, вотъ уже съ мѣсяцъ, какъ не упражнялся.

— Это много,—вмѣшался капитанъ,—стрѣльба, все равно, что игра на бильярдѣ, требуетъ постояннаго упражненія, а то сейчасъ въ рукѣ чувствуется уже что-то не то, музыка не та совсѣмъ. Это вѣрно!

— У васъ хорошее ружье?—спрашивала Наташа, поглядывая на щегольской двухствольный штуцеръ, ловко висѣвшій на шитой перевязи за плечомъ Ровича.

— А вотъ—хотите попробовать?!

Сергѣй Николавичъ улыбнулся, снялъ штуцеръ и подалъ его своей дамѣ.

— А вотъ вамъ мишень!

Капитанъ взялъ свою фуражку и повѣсилъ ее на высокую камышину.

— Штуцеръ заряженъ пулями! — предупредилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ахъ, да какой онъ тяжелый! — произнесла дѣвушка, взвѣшивая оружіе.

— Ну, стрѣляйте!

— Это очень далеко, я стану поближе!

— Да и такъ не болѣе двадцати шаговъ!

Наташа приложилась... жалобно визжа, безплодно разсѣкая воздухъ, понеслась освобожденная пуля.

— Мимо!..

— Я еще-еще, это не считается!

— Вы еще не приноровились къ оружію!—шутилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ай!—неистово завизжала казначейша.

— Стойте, стойте!—крикнулъ весь блѣдный Пуговицынъ,—тамъ человѣкъ, я сейчасъ видѣлъ... Вотъ онъ сюда идетъ!

Какъ бомба, неожиданно-ворвавшаяся черезъ потолокъ въ домъ осажденнаго города, такъ изъ-за кустовъ стремительно вылетѣла красавица Альфа и принялась визжать и виться около Наташи, прыгая верхъ и стараясь лизнуть въ лицо.

— Ба, да это нашъ охотникъ!—вскричалъ капитанъ,— молодецъ что пришелъ, молодецъ!.. Ну, распотѣшилъ.

Капитанъ пошелъ на встрѣчу приближающему охотнику.

— Петръ Михайловичъ, какими судьбами? — привѣтствовалъ Касаткина отецъ іерей.

Наташа поблѣднѣла и молча смотрѣла на своего Петю, полу-раскрывъ ротъ и машинально лаская рукою голову собаки.

— Мнѣ такъ пріятна здѣсь встрѣча съ вами, — началъ Ровичъ, протянувъ обѣ руки Касаткину. — Я былъ у васъ въ домѣ, но мнѣ сказали, что вы уѣхали на долго, на охоту!

— Да уѣхалъ! — отрывисто произнесъ Касаткинъ и не подходилъ къ Наташѣ.

— Вы меня не замѣчаете, кажется?—холодно произнесла Наташа, успѣвшая уже нѣсколько оправиться отъ этого неожиданнаго явленія.

— А мы было тебя чуть-чуть не подстрѣлили,—хохоталъ Пуговицынъ. — ну, кой чортъ могъ знать, что ты тамъ сидишь въ кустахъ? Да хорошо, что во время замѣтили, а то барышня вторую пулю собралась посылать...

Касаткинъ поздоровался со всѣми, пожалъ даже руку Сергѣя Николаевича и неловко раскланялся съ Наташею. Онъ былъ совсѣмъ не по себѣ и казался какимъ-то растерянным.

— Господа, такъ какъ теперь лучшіе наши стрѣлки въ сборѣ, — вотъ жаль только, что Трубаченко и Бабаджанка нѣтъ!—мы послѣ, вечеромъ, устроимъ призовую стрѣльбу... А тѣ, братъ, къ тебѣ, въ аулъ къ Гайнулѣ бабаю поѣхали, — обратился Пуговицынъ къ Касаткину,—тигровъ стрѣлять. Ты ихъ видѣлъ?

— Нѣтъ еще, они должны были пріѣхать послѣ моего ухода оттуда; теперь они, должно быть, тамъ и ждутъ меня!

— Вы не откажетесь принять мое участіе въ вашей охотѣ?—спросилъ Ровичъ.

— Коли не боитесь, пріѣзжайте!

— Въ обществѣ такого опытнаго стрѣлка — опасность весьма незначительна!

— Гм!..

— А не пора-ли къ тарантасамъ?—предложилъ казначей.

— Время такое, знаете-ли!—отецъ іерей потеръ рукою по желудку.

Все общество тронулось къ берегу.

Наташа поспѣшила взять подъ руку Сергѣя Николаевича, она безсознательно боялась Касаткина; она боялась, что тотъ предложитъ ей руку, какъ это бывало прежде: она готова была отказать ему, еслибы это случилось.

— Что съ вами; вы вся дрожите?..—спросилъ ее Ровичъ.

— Я сама не знаю! —отвѣчала Наташа, и въ голосѣ ея ясно дрогнули навер[illegible]вающіяся слезы.

— Нѣтъ, моя пѣсня спѣта!—думалъ Касаткинъ, глядя на нашу пару.

Онъ шелъ сзади всѣхъ и такъ и порывался снять свое ружье, прицѣлиться и влѣпить зарядъ въ этотъ затылокъ съ англійскимъ, словно по шнурку разрѣзаннымъ проборомъ.

Этотъ взглядъ чувствовала Наташа, и ея страхъ все увеличивался и увеличивался, она просто стиснула локоть своего кавалера и невольно усиливала шагъ.

— Успокойтесь, дитя мое!—тихо, чуть слышно ободрялъ ее Ровичъ.

— «Дитя мое»,—еще тише повторили поблѣднѣвшія губы Наташи.

Ловля была въ самомъ разгарѣ, и уже около котла судорожно бились по песку крупные карпы, нанизанные на тростинки, продѣтыя сквозь окровавленныя жабры. Рыбаки вытаскивали на берегъ неводъ и торопливо подхватывали на руки кромку кормы, чтобы помѣшать добычѣ выпрыгивать во время выволока. Кольцами извивались и плескались аршинныя щуки; словно золотыя овальныя блюда, сверкали на солнцѣ бока десятифунтовыхъ лещей; усиленно дрыгали ножками кстати захваченныя по пути, пятнистыя, зеленоватыя лягушки; въ густомъ илу, вытащенномъ съ самой глубины затоновъ, копошилась какая-то мелочь, — и даже маленькая водяная

змѣйка туда и сюда поворачивала свою оживленную головку, пытаясь прорваться сквозь опутавшую ее предательскую сѣтку.

Въ ожиданіи ухи все общество засѣло подъ навѣсъ пить чай. Прибытіе Касаткина было встрѣчено всеобщимъ изъявленіемъ радости. Его распрашивали о предстоящей охотѣ, выражали шутливое опасеніе, какъ бы тигры эти не пожаловали теперь сюда, принять участіе въ ихъ пикникѣ. Кавалеры пугали дамъ, увѣряя, что слышатъ чрезвычайно подозрительный трескъ въ камышахъ, и даже видятъ страшныя головы звѣрей, выглядывающія изъ чащи. Дамы притворно пугались, взвизгивали — и это давалъ имъ случай придвигаться поближе къ своимъ защитникамъ. Вообще всѣмъ было очень весело, кромѣ Касаткина, который все время угрюмо сидѣлъ, забившись въ въ самую глубину навѣса, давая только самые короткіе отвѣты—и то лишь тогда, когда этого избѣжать было рѣшительно невозможно.

Нельзя сказать, чтобы и Наташа была въ хорошемъ расположеніи духа; ее, видимо, смущало присутствіе Петра Михайловича, и когда послѣ чая Мартынъ Федоровичъ сказалъ, обратясь къ ней: «А что, Наташа, ты вотъ въ лодкѣ любишь кататься — теперь ребята позамазали дно—течетъ немного—хочешь, садись къ рулю?», то Наташа не заставила повторять предложеніе и быстро выскочила изъ подъ навѣса, словно ее душила тамошняя атмосфера, и ей хотѣлось поскорѣе выбраться на вольный воздухъ. Сергѣй Николаевичъ, несмотря на краснорѣчивый взглядъ Наташи, брошенный вскользь на него, не поѣхалъ и, подойдя къ берегу, занялся разсматриваніемъ добычи.

— Ты куда же это? — обратился Пуговицынъ къ Касаткину, замѣтивъ, что тотъ собирается уходить.

— Пойду опять къ Гайнулѣ, ты видишь—пора!—отвѣчалъ тотъ.

— Ничего не пора—сиди; ужинать будешь съ нами, а тамъ мы тебя довеземъ до дороги!

— До заката осталось не болѣе двухъ часовъ, я только-только успѣю выбраться изъ камышей. Ну, прощай! Прощайте, господа!

Упрямство и настойчивость Петра Михайловича были всѣмъ извѣстны—и никто не настаивалъ на томъ, чтобы охотникъ

оставался доканчивать пикникъ вмѣстѣ съ другими. Только комендантъ напомнилъ, что высшее начальство, кажется, ожидаютъ черезъ четыре дня въ Чиназъ, для какой-то ревизіи, и потому не мѣшаетъ, чтобы къ тому времени всѣ офицеры были въ сборѣ.

— Буду!—лаконически отвѣчалъ Касаткинъ, поклонился, подозвалъ Альфу и пошелъ, даже не взглянувъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ на берегу Ровичъ и смотрѣлъ, какъ въ покойномъ зеркалѣ воды отражалась плывущая лодка, маститая фигура стараго пушкаря и свѣтлое платьице хорошенькой, задумчивой Наташи.

— Послушай-ко! — остановился Касаткинъ и подозвалъ Пуговицына.

— А, что скажешь?

— Скажи ты этому... вонъ сидитъ,—Касаткинъ кивнулъ на Ровича,—что ежели онъ хочетъ стрѣлять тигровъ, такъ пріѣзжалъ бы завтра къ закату солнечному въ аулъ. Завтра мы первую ночь въ засаду пойдемъ; лабазы сегодня я рыть велѣлъ... Такъ и скажи ему!

— Скажу... Да ты самъ пойди, вонъ онъ сидитъ!

— Ну его!..

Касаткинъ махнулъ рукою и быстро пошелъ, мелькая въ чащѣ своею бѣлою фигурою. Альфа побѣжала за нимъ, подцѣпивъ на бѣгу какую-то, должно быть, превкусную кость.

Лодка причалила къ берегу. Наташа выскочила на песокъ, съ помощью протянутой руки Сергѣя Николаевича.

— Петръ Михайловичъ Касаткинъ просилъ меня передъ уходомъ своимъ передать вамъ... — обратился Пуговицынъ къ Ровичу.

— А развѣ онъ ушелъ? — быстро произнесла Наташа и вся вспыхнула.

Ушелъ, только что ушелъ!—отвѣтилъ ей капитанъ и, оборотясь къ Ровичу, передалъ ему предложеніе Касаткина.

— Зачѣмъ же откладывать до завтра? я сейчасъ отсюда и пойду,—покойно произнесъ Сергѣй Николаевичъ.—Оружіе со мною, а дорогу я найду. Тутъ, сколько я помню по разсказамъ, въ аулы Гайнулы только и есть одна дорога!

— Поздновато будетъ!—замѣтилъ Пуговицынъ.

— У меня просьба къ вамъ, капитанъ!

— Чѣмъ прикажете служить?

— Да вашею верховою лошадью. Я ѣздокъ довольно порядочный и ручаюсь, что возвращу вамъ ее въ совершенной исправности.

— Э, помилуйте, это совершенные пустяки... Архипъ!— крикнулъ капитанъ конюху. — Отвяжи-ко «Лысаго», да подтяни подпруги!

— Гм!—началъ священникъ и замялся.

— Сергѣй Николаевичъ,—обратилась къ нему Наташа и отошла въ сторону.—Не ѣздите—не надо...—сказала она, когда тотъ подошелъ къ ней.

— Это отчего?—удивился Сергѣй Николаевичъ.

— Я не знаю—я не могу вамъ сказать, у меня есть тяжелое предчувствіе.

Наташа едва удерживалась, чтобы не разрыдаться...

— Ну, полноте, ну, успокойтесь! Посмотрите, на васъ смотрятъ!—говорилъ ей Сергѣй Николаевичъ.

— Пока, передъ ужиномъ, давайте играть въ горѣлки, это возбудитъ аппетитъ!—предложила одна изъ дамъ.

Побѣгали, покричали; устали страшно, усѣлись на коврахъ и принялись пѣть хоромъ. Хоръ положительно не клеился. Какъ ни взвизгивала казначейша, вытягивая—«Я посѣю—я по—сѣю»... какъ ни надсаживался басомъ капитанъ, выдѣлывая рулады на словахъ «Воръ воробей»,—ничего хорошаго не выходило. Попробовали пѣть соло... Сергѣй Николаевичъ пропѣлъ довольно недурно романсъ—«Поймешь ли ты души моей волненье». Капитанъ Пуговицынъ началъ было: «Сѣдлайся вновь, конь вѣрный мой», но на первомъ куплетѣ объявилъ, что онъ теперь положительно не въ голосѣ... Вообще пикникъ не клеился. Появленіе Касаткина, его угрюмый видъ, внезапный уходъ его, потомъ спѣшные сборы на охоту пріѣзжаго гостя, — все это какъ-то странно, тяжело подѣйствовало на всѣхъ, словно всякъ чуялъ, что это добромъ кончиться не можетъ. Если каждая мелочь въ семейномъ быту одного не остается тайною для всѣхъ другихъ,—явленіе самое обыкновенное въ маленькихъ обществахъ нашей такъ-называемой глуши,—то драма, разыгрывающаяся въ семействѣ стараго пушкаря давно уже не была ни для кого тайною—и потому, при первомъ появленіи Касаткина, всѣ съ лихорадочнымъ любопытствомъ и вниманіемъ

слѣдили за каждымъ моментомъ встрѣчи его съ Сергѣемъ Николаевичемъ. Всѣ чего-то ждали, и, по соображеніямъ каждаго, ждали чего-то непремѣнно недобраго.

— Хоть бы онъ убирался отсюда скорѣе въ Самаркандъ, что-ли?..—думалъ казначей, поглядывая на Ровича.

А когда Ровичъ сѣлъ на лошадь, чтобы ѣхать въ дальніе аулы, то отецъ іерей многозначительно произнесъ:

— Не слѣдовало-бы: по многимъ даннымъ не слѣдовалобы, и еслибы я былъ начальство (священникъ искоса взглянулъ на коменданта), то я бы непремѣнно воспрепятствовалъ!

— А по мнѣ, хоть бы они оба сквозь землю провалились!—обратилась Маланья Ивановна къ заслуженному маіору.— Право, и не пожалѣла бы нисколько!

— Ты совсѣмъ дура стала...—словно про себя замѣтилъ Мартынъ Федоровичъ.

— Все по волѣ Господней!—вздохнулъ заслуженный маіоръ.

— Я вамъ послѣ завтра привезу отличную полосатую шкуру, а вы изъ нея сдѣлайте себѣ коверъ! — весело говорилъ Сергѣй Николаевичъ, сидя на лошади и разбирая поводья.

Наташа стояла шагахъ въ трехъ и грустно смотрѣла на отъѣзжающаго своими большими, заплаканными глазами.

Густыя сумерки спустились надъ землей; а пламя зажженныхъ костровъ было не достаточно сильно, чтобъ выдать окружающимъ печаль на лицѣ дѣвушки. Никто даже не замѣтилъ, какъ Наташа быстро перекрестила рукою вслѣдъ— отъѣхавшему крупною рысью Ровичу.

Пора было собираться домой. Тарантасы раздвинули и уложили, лошади были запряжены, и вереница экипажей потянулась обратно къ берегамъ Сыръ-Дарьи.

А тѣмъ временемъ Петръ Михайловичъ быстро шагалъ по направленію къ дальнимъ ауламъ. Его и усталость не брала, не смотря на то, что вотъ уже верстъ восемь какъ шагаетъ онъ, да такъ шагаетъ, что только на лошади развѣ можно поспѣть за этимъ быстроногимъ охотникомъ.

Касаткинъ, не смотря на быструю ходьбу, былъ блѣденъ— во рту у него все пересохло—и глаза, неподвижно устремленные впередъ, смотрѣли какъ-то странно, словно у помѣшаннаго.

Нѣсколько фазановъ вылетѣло у него изъ подъ самыхъ

ногъ — онъ ихъ даже и не замѣтилъ. Даже Альфа подозрительно оглянулась на своего господина, такъ странно показалось для нея это необыкновенное равнодушіе въ пылкомъ охотникѣ.

— Очевидно, она меня любитъ!—думалъ Сергѣй Николаевичъ, покачиваясь въ покойномъ казачьемъ сѣдлѣ.

Лысый шелъ крупною иноходью, отфыркиваясь отъ пыли и изрѣдка звякая подковами, когда задняя нога цѣпляла на ходу за шипъ передней подковы.

— Ну-съ? какъ же теперь вы поступите, Сергѣй Николаевичъ? будете продолжать вашу неблагодарную роль добраго генія, или же вспомните, что самое выгодное и современное быть эгоистомъ?.. Гм!.. а вѣдь дѣвушка такая, что...

Сергѣй Николаевичъ поправилъ кончики усовъ, подхлеснулъ Лысаго и поскакалъ крупнымъ галопомъ.

Вѣроятно, мечты его были самаго пріятнаго свойства, потому что онъ нѣсколько разъ весело улыбнулся и даже громко засмѣялся и сталъ напѣвать какую-то французскую шансонетку...

Топотъ скачущей лошади отчетливо раздавался въ ночной тишинѣ и далеко разносился въ камышахъ. Этотъ топотъ коснулся и до ушей Касаткина, онъ удвоилъ шагъ, почти побѣжалъ... Вдругъ онъ замеръ, остановившись на одномъ мѣстѣ.

Сквозь чащу ясно мелькнулъ бѣлый китель скачущаго; этотъ голосъ, эти французскія слова пѣсни не допускали никакого сомнѣнія—кто былъ ночной ѣздокъ.

Согнувшись къ самой землѣ, прыжками, какъ тигръ на добычу, ринулся Касаткинъ къ опушкѣ дороги и припалъ между двумя частыми кустами камыша.

— Одинъ... съ глазу на глазъ... кругомъ пустыня... мелькнуло у него въ головѣ.

Онъ приложился.

Прямо противъ прицѣла виднѣлась бѣлая фигура наѣздника—фигура эта все росла, по мѣрѣ приближенія.

— Судьба, сама судьба!—прошептали дрожащія губы Касаткина

— Et beaucoup d'autres choses...

Ясно слышались слова куплета.

Сухой, обрывистый выстрѣлъ разомъ прервалъ шансонетку, и глухо понеслось перекатами пустынное эхо, разнося этотъ звукъ далеко-далеко, вплоть опять до тѣхъ же ауловъ Гайнулы-бабая.

III. Начало слѣдственнаго дѣла.

Русская, простая телѣга, въ одну лошадь, потихоньку катилась по дорогѣ изъ дальнихъ ауловъ въ Чиназъ. Въ телѣгѣ этой сидѣло два солдата-линейца: одинъ правилъ откормленною ротною лошадью, другой напѣвалъ что-то въ полъ-голоса и слегка кивалъ носомъ, когда его уже черезъ-чуръ одолѣвала неотвязная дремота, нагоняемая и теплымъ ночнымъ воздухомъ, и тихимъ шелестомъ окружающаго камыша, и мягкимъ, покойнымъ стукомъ некованныхъ колесъ, да слабымъ побрякиваніемъ наборной упряжи.

Солдаты эти привозили матеріалы для постройки лабаза *), колья, жерди и проч., потомъ, всю остальную половину дня провозились за рытьемъ ямы и постройкой, а теперь возвращались домой, такъ какъ Касаткинъ объявилъ имъ, чтобы только черезъ недѣлю пріѣзжали забрать матеріалъ обратно.

— Надысь къ самому, почитай, комендантскому дому подходилъ — фурштаты сказывали! — произнесъ одинъ изъ ѣхавшихъ.

— Кто подходилъ-то?—спрашивалъ другой.

— Тигра...

— Чаво-жъ ему надыть было?

— Такъ, можетъ, что чуялъ... На часахъ тогда Корюшкинъ третьей роты стоялъ, сказываетъ: обомлѣлъ совсѣмъ!

— Страшно — извѣстно!

— Пришелъ это онъ, на краю постоялъ; сюда-то, черезъ канаву, не перелазилъ, ну, и пошелъ. Собаки, это, всѣ на крышу, вой такой подняли—страсть!

— Подлецъ-звѣрь, одно слово!

— И вотъ у насъ, въ Костромѣ, на что лѣса дремучіе, а его нѣту, не слыхать вовсе!

— Холоду боится!

— Да нешто здѣсь тоже не бываетъ холодно?—все одно.

*) Далѣе читатель узнаетъ, что именно такое называется лабазомъ у тигровыхъ охотниковъ.

— Опять же онъ лѣсу не любитъ!

— Нешто въ лѣсу ему хуже?

— Хуже—вотъ болотина, это, камыши—чаща всякая, ну, тутъ ему самый водъ и есть!

— Вотъ, типерича, какъ здѣсь?

— Въ самый разъ—чу-кось!..

— Ахъ чортъ те дери!..

Солдаты притихли, а лошадь стала по немногу упираться на ходу, задерживать шагъ и изрѣдка похрапывать.

— Береги, дядя Наумъ, что-то впереди не ладно!

— Можетъ, онъ...

— Трещитъ... что-то сюда топочетъ... Слышишь?

— Слышу, тс!.. остановилось...

— Капсюль на стержнѣ?

Солдатъ посмотрѣлъ на замокъ своего штуцера и произнесъ:

— Есть, готово!

— А то что стоитъ?

— Гдѣ?

— Вонъ прямо, ровно какъ на дорогѣ. Пригнись, лучше увидишь!

Солдатъ пригнулся къ облучку. Теперь ему ясно видны были, на свѣтлой полосѣ горизонта, очертанія какого-то крупнаго животнаго.

Вдругъ лошадь, везшая повозку, тихо заржала, въ отвѣтъ послышалось другое ржаніе.

— Лошадь, дядя Наумъ. Вотъ те крестъ—она самая

— То-то, я самъ гляжу, что лошадь!

Дѣйствительно, по дорогѣ на встрѣчу скакала свободная отъ всадника лошадь. Заслышавъ стукъ телѣги, она разомъ остановилась на ходу, дико всхрапнула, оглянулась назадъ, и не знала, повидимому, на что рѣшиться. Привѣтственное ржаніе «чалаго» въ ротной повозкѣ вывело ее изъ сомнѣнія, и лошадь осторожно подбѣжала къ повозкѣ и стала обнюхивать своего товарища. Одинъ изъ солдатъ соскочилъ и взялъ ее за волочившійся по дорогѣ, порванный поводъ.

— А вѣдь это капитанская лошадь!—сказалъ дядя Наумъ.

— Она и есть; теперь это она безпремѣнно ушла съ затоповъ, конюхи не доглядѣли, она оторвалась и ушла, вотъ те оказія!

— Хорошо, что ордѣ какой не попалась, а то бы и поминай, какъ звали!

— Нѣтъ, ничаво, привели бы; на нихъ этого грѣха нѣтъ. Вотъ, надысь, у коменданта какой ушелъ рыжій, что на пристяжкѣ ходитъ, одначе черезъ недѣлю привели; изъ-подъ Нураты, сказывали, привели!

— Ну, какъ на кого прійдется!

Солдаты привязали къ облучку телѣги лошадь капитана Пуговицына и тронулись дальше. Погнали шибче, проѣхали еще съ полчаса; вдругъ, опять упряжный конь уперся на ходу, опять всхрапнулъ и теперь уже кинулся въ сторону, чуть не опрокинувъ телѣгу, наскочивъ на высокую болотную кочку.

— Что тамъ опять за оказія?

— Лежитъ кто-то поперегъ дороги!

— Слѣзай, дядя,—фонарь съ тобою?

— Никакъ капитанъ?

Не смотря на темноту, можно было разсмотрѣть бѣлый китель лежащаго, крестообразно раскинутыя руки и ноги въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ. Одинъ изъ солдатъ принялся чиркать объ обшлагъ сѣрною спичкою мѣстнаго приготовленія; голубоватый огонекъ вспыхнулъ, затрещалъ, чуть было не погасъ,—однако, солдатъ справился, прикрылъ огонь отъ вѣтра шапкою и зажегъ фонарь.

— Свѣти!

— Это тотъ, что на пароходѣ пріѣхалъ... Крови-то что, страсть! гляди, весь бокъ запакощенъ!

— Словно дышитъ еще...

— Поправь сѣно въ телѣгѣ, бери подъ мышки, легче.

Ровичъ застоналъ, тихо, чуть слышно.

— Ты сказалъ, дядя Наумъ?

— Тише!..—дядя Наумъ кивнулъ на раненаго.

— Поднимай. Легче, за колѣно задѣнешь. Сними подушку съ сѣдла, клади ее подъ голову, вотъ такъ: сѣна подложи. Ладно!

— Что за притча такая?!!

— Кабы что на насъ не подумали?.. Вотъ грѣхъ-то будетъ. Мещерякъ, въ третьемъ году, тоже такъ ни за что пропалъ!

— Не пропадемъ, не бросить же такъ на дорогѣ!

— Кто говоритъ бросать!

Раненаго бережно уложили въ телѣгу, онъ стоналъ и слегка метался въ безсвязномъ бреду. Одинъ изъ солдатъ сѣлъ на облучекъ и поддерживалъ голову Сергѣя Николаевича, другой велъ лошадь въ поводу. Поѣхали шагомъ, осторожно выбирая дорогу, чтобы какъ нибудь не побезпокоить офицера.

Еще не совсѣмъ разсвѣло, какъ тревожный слухъ разнесся по всей чиназской слободкѣ: «Ровича привезли убитаго,—Ровича разорвалъ тигръ,—на Ровича напали барантачи и отрѣзали ему голову, а тѣло прислали въ Чиназъ; теперь они, т. е. барантачи, стоятъ лагеремъ на томъ берегу и готовятся къ нападенію на слободку». Вотъ говоръ, который пошелъ ходить по домамъ, разростаясь въ колоссальную нелѣпицу. Говорили уже, что «и Касаткинъ убитъ, и Трубаченко... всѣ уже убиты, кто только на томъ берегу...» Какой то отдаленный барабанъ, Богъ вѣсть по какому велѣнію, заколотилъ тревогу. Это усилило суматоху... кричали даже «пожаръ!» и лѣзли на крыши смотрѣть: гдѣ же это пламя...

Къ утру, наконецъ, все разъяснилось и успокоилось, и только около дома «стараго пушкаря» бродили вереницы любопытныхъ, заглядывали въ окна и забѣгали въ кухню съ распросомъ о всемъ тамъ происходившемъ.

Мартынъ Федоровичъ настоялъ, чтобы раненаго непремѣнно помѣстили у него въ домѣ. Какъ ни противилась Маланья Ивановна, какъ ни кричала она на своего мужа, однако побѣда осталась на сторонѣ соединенныхъ силъ—отца и дочери. И въ настоящую минуту въ залѣ дома стараго пушкаря происходила слѣдующая сцена.

Сергѣй Николаевичъ лежалъ на диванѣ, въ совершенномъ безпамятствѣ; около него, засучивъ рукава рубахи и снявъ сюртукъ, возился мѣстный докторъ. Мартынъ Федоровичъ сидѣлъ на стулѣ около подушекъ — и внимательно, съ видомъ знатока, наблюдалъ, какъ Наташа обмывала губкою кровь, запекшуюся вокругъ маленькой ранки. Спокойно, твердою рукою она нажимала губку на окровавленное тѣло, ловко очищала присохшую кровь — и только изрѣдка капавшія на подушку слезинки выдавали душевное волненіе дѣвушки. Комен-

дантъ и два офицера сидѣли въ сосѣдней комнатѣ; передъ ними стояли недопитые стаканы чая, и лежали письменныя принадлежности. Они собирались составлять протоколъ о всемъ случившемся, для начала слѣдственнаго дѣла.

Священникъ въ эпитрахили, съ дарами, приглашенный на всякій случай, стоялъ у окна и набожно вздыхалъ, выглядывая по временамъ на улицу, изъ-подъ опущенной занавѣски.

— Я говорилъ: не слѣдовало *имъ* ѣхать, по многимъ соображеніямъ не слѣдовало-бы!—укорительно произносилъ уже въ шестой разъ отецъ іерей.

— Э, батюшко, еще ничего не извѣстно, что и какъ, а вы уже намеки дѣлаете! — съ досадою произнесъ Чижиковъ.

— Начните такъ, — диктовалъ комендантъ одному изъ офицеровъ.—«Сего такого то числа», какое нынче число?

— Двадцать третье!

— Сего двадцать третьяго числа, въ четыре часа утра, рядовые ввѣреннаго мнѣ батальона, такіе-то... Они оба здѣсь?

— Въ кухнѣ сидятъ!

— Допросъ особо снимите!

— Ой!..—застоналъ раненый.

Докторъ въ эту минуту принялся зондировать уже обмытую рану. Эта операція и вызвала болѣзненный стонъ прервавшій диктовку протокола.

— Глубоко сидитъ, — говорилъ докторъ. — Подай пинцетъ!—обратился онъ къ суетившемуся около фельдшеру.

— Опухоль успѣла затянуть ранку; надо сдѣлать надрѣзецъ... это мы сейчасъ, это мы сразу! — бравировалъ докторъ.—Придержите-ко, Мартынъ Федоровичъ, руку; онъ хотя и въ безпамятствѣ, а на всякъ случай покойнѣй!

— Да вы не мучьте его очень!—вырвалось у Наташи.

— Хе-хе, не бойтесь, будетъ живъ, не бойтесь! — улыбнулся докторъ.

— Тутъ сейчасъ у васъ будетъ слѣдовать все, что вы извлечете изъ допроса обоихъ солдатъ! — доносилось изъ сосѣдней комнаты.

— Батюшко, чайку стаканчикъ!—приглашала священника Маланья Ивановна, высунувшись изъ-за двери.

— Ну, вотъ вамъ и пулька!.. кругленькая!..—вытащилъ докторъ что-то маленькое, обмылъ это что-то и положилъ на столъ.

— Эхъ! — крикнулъ Мартынъ Федоровичъ, отвернулся и уставилъ глаза въ одну точку.

— Петя, Петя, пропащая ты голова! — чуть слышно прошептали сухія губы старика.

Наташа поблѣднѣла, какъ полотно, и начала поправлять подушки. Наконецъ, она быстро поднялась, будто не выдержала болѣе гнетущей ей сердце тяжести и вышла изъ комнаты.

Докторъ промылъ рану, вложилъ туда корпію, залѣпилъ полосками пластыря и принялся бинтовать.

— Покой прежде всего... онъ скоро прійдетъ въ себя. Говорить много не позволяйте, пусть лучше не говоритъ ни слова. Рюмку краснаго вина и ложки двѣ крѣпкаго бульона; черезъ мѣсяцъ будетъ здоровъ... — отчеканилъ докторъ, потянулся и началъ надѣвать свой сюртукъ.

— Ну, благодареніе Господу за его милости! — вздохнулъ отецъ іерей.

— Пулю же надо завернуть въ бумагу и припечатать къ протоколу...—докторъ началъ шарить на столикѣ, передвигая футляры съ инструментами, перещупывая клочья корпіи и обрѣзки пластыря.

— Надо припечатать... да гдѣ же она?..

— Что вы ищете, докторъ?—спросилъ Чижиковъ.

— Пулю, пулю, что вытащилъ изъ раны!

— Да вы гдѣ же ее дѣли?

— Сюда вотъ, на столъ положилъ... куда же это она запропастилась?

Мартынъ Федоровичъ смутился, онъ догадался о чемъ-то, онъ началъ быстро соображать.

— Какая пуля была?—спросилъ онъ.

— Круглая, обыкновенно. Я же говорилъ!

— Вы, докторъ, ничего не говорили!

— Какъ не говорилъ?!

— Вы ничего не говорили. Да не уронили-ли вы ее какънибудь? Давайте искать!

Искали. Искали долго, выметали даже и полъ—и ничего не нашли, кромѣ костей, оглоданныхъ собаками, подъ диваномъ.

Рѣшили, что все это очень подозрительно, — и отложили составлять протоколъ до того времени, какъ очнется Ровичъ.

Наташа, выйдя изъ комнаты, стремительно прошла черезъ кухню на заднее крыльцо и оглянулась. Кругомъ никого не было видно. Только за стѣною слышался глухой гулъ собравшагося народа. Въ углу двора, за кучами неубраннаго навоза, былъ старый заброшенный и засоренный до послѣдней возможности колодецъ; его вырыли, разсчитывая имѣть хорошую прѣсную воду, но ошиблись въ разсчетѣ—вода оказалась солоноватая и негодная для употребленія. Давно уже обвалился срубъ, заросла бурьяномъ зіяющая дыра, и только по ночамъ синеватый паръ вился надъ этою забитою, загнившею ямою. Наташа еще разъ робко оглянулась. Никого. Она быстро, въ три прыжка перебѣжала дворикъ, нагнулась надъ колодцемъ и тотчасъ же отбѣжала назадъ къ крыльцу. Со дна колодца донесся обрывистый звукъ упавшаго предмета; что-то булькнуло. Дѣвушка перевела духъ, обошла кругомъ и взошла въ комнаты.

— Вы это куда ходили? —спросилъ ее докторъ подозрительно глядя на заплаканные глаза Наташи.

— Куда? да вамъ-то что за дѣло? — удивленно спросила та.

— Нѣтъ, однако,—переспросилъ докторъ.

— Выплакаться ходила, — вы думаете, мнѣ легко было смотрѣть на *все это*?

— Кто говоритъ,—пойдите-ко сюда!

Докторъ подманилъ ее рукою, та подошла.

— Барышня вы хорошая и умная,—тихо сказалъ ей докторъ,—сообразить вы скоро умѣете...

Наташа поблѣднѣла.

— Не бойтесь—я человѣкъ добрый; случившагося не поправить, а зла *никому* я дѣлать не хочу—поняли? Что въ томъ толку!

Наташа стала перебирать пальцами свой передникъ и тихо вышла въ другую комнату.

— Опустите шторы, лишняго свѣта не надо,—говорилъ докторъ,—народу тоже лишняго не требуется; когда очнется — сейчасъ мнѣ дайте знать, я буду дома. Прощайте!

Докторъ собралъ свои инструменты и пошелъ къ дверямъ.

Въ комнатѣ съ больнымъ остался только Мартынъ Федоровичъ, который, подсѣвъ къ окну, гдѣ сквозь щель въ ставнѣ прорывался тоненькій лучъ свѣта,—развернулъ осторожно свой древній календарь и сталъ по прежнему отыскивать въ немъ чего-нибудь поинтереснѣе для чтенія.

Черезъ часъ на смѣну пришла Наташа. Долго пристально смотрѣлъ старикъ въ лицо своей дочери.

— Да что ты, папа?—смутилась та наконецъ.

— А гдѣ пулька?

— Какая?..

— Кругленькая, что Петя самъ льетъ для своей двустволки. Ты знаешь—какая.

— Ничего я не знаю...

— Ну хорошо, посиди же ты теперь здѣсь, а я пойду сосну немного, прощай.

Мартынъ Федоровичъ ушелъ, а Наташа пододвинула стулъ къ дивану, сѣла да такъ и впилась глазами въ блѣдное неподвижное лицо Сергѣя Николаевича.

Тихо было въ комнатѣ, только мухи гудѣли и щелкались объ стекла, да съ улицы несся обыденный говоръ, топотъ конскихъ ногъ и отдаленный ревъ верблюдовъ. День былъ базарный—и къ Чиназу съѣхались со всѣхъ сторонъ окрестные кочевники.

Долго сидѣла дѣвушка, не мѣняя положенія; она, казалось, сама ничего не чувствовала, сама ничего не сознавала, она даже не могла бы отдать себѣ отчета: долго-ли тянулось это безмолвное ожиданіе первыхъ признаковъ пробуждавшейся жизни. Вдругъ она вся встрепенулась. Ей показалось, что опущенныя рѣсницы Сергѣя Николаевича слегка дрогнули, губы зашевелились. Наташа взяла ложечку, зачерпнула изъ стакана краснаго вина и влила жидкость въ ротъ больного. Конвульсивное движеніе горла показало, что вино было проглочено. Черезъ нѣсколько минутъ Ровичъ открылъ глаза—и долго, почти безъ всякаго выраженія, смотрѣлъ въ одну точку; потомъ въ этомъ взглядѣ мелькнуло что-то осмысленное—показалось изумленіе. неожиданность...

— Сергѣй Николаевичъ,—тихо говорила Наташа, наклонившись къ самому уху раненаго.—Вы у насъ въ домѣ... Вы узнаете меня?—это я... Наташа...

Глаза больнаго опять закрылись, но Наташа успѣла замѣтить, что Сергѣй Николаевичъ узналъ ее; она по крайней мѣрѣ была убѣждена въ этомъ.

Тихое, ровное, хотя едва замѣтное дыханье больного показало, что обморокъ смѣнился сномъ. Здоровая натура Сергѣя Николаевича взяла свое.

Наташа нагнулась къ нему, прижала свои горячія губы къ его лбу и долго-долго не отрывала ихъ, едва удерживаясь, чтобы не разразиться самымъ неудержимымъ историческимъ рыданіемъ.

Ночь прошла относительно довольно покойно для больного. Къ утру, лихорадочное состояніе значительно ослабѣло, бредъ прекратился—и Сергѣй Николаевичъ въ первый разъ сознательно открылъ глаза и попросилъ пить. Онъ уже всѣхъ узналъ; онъ понялъ изъ разсказа Наташи все, что произошло съ нимъ,—только крайняя слабость не позволяла ему даже пошевелиться на постели—и каждое слово, произнесенное имъ, сопровождалось сильнѣйшею усталостью и болью въ груди. Пришелъ докторъ—осмотрѣлъ раненаго, пощупалъ пульсъ, посидѣлъ на стулѣ около больного, разсказалъ анекдотъ, весьма, по его мнѣнію, забавный, сообщилъ, что слѣдователемъ по всему этому дѣлу назначенъ заслуженный маіоръ,—и ушелъ, обѣщавъ навѣдаться передъ вечеромъ.

Когда докторъ сообщилъ послѣднее обстоятельство, Ровичъ открылъ глаза—и на его лицѣ выразилось сильное безпокойство. Онъ нѣсколько разъ взглядывалъ то на доктора, то на дверь, какъ будто бы ждалъ съ нетерпѣніемъ его ухода. Едва только сутуловатая фигура доктора скрылась за дверью, Ровичъ кивнулъ Наташѣ; та подошла и нагнулась. Тихо, едва шевеля губами, почти у самаго уха дѣвушки Ровичъ произнесъ:

— Ружье мое... оно заряжено... мнѣ нужно, чтобы одинъ стволъ былъ разряженъ...

Больше ничего не сказалъ Сергѣй Николаевичъ, и это усиліе стоило ему обморока. Онъ вдругъ осунулся и затихъ; казалось, даже дыханіе прекратилось въ груди раненаго... Наташа громко вскрикнула... Эта внезапная перемѣна была такъ похожа на смерть.

Взошелъ Мартынъ Федоровичъ.

— Ну, что ты?!. Что случилось? — заботливо произнесъ старикъ.

Наташа разсказала.

— Поздно!.. Я предчувствовалъ...—говорилъ Чижиковъ.— Утромъ сегодня я видѣлъ маіора: онъ ѣздилъ верхомъ, съ двумя казаками. Онъ возвращался съ мѣста происшествія— онъ не дуракъ, этотъ проклятый маіоръ, знаетъ свое дѣло хорошо... Солдаты, что привезли Сергѣя Николаевича, не нашли ружья въ потемкахъ-то, а казаки нашли. Я у одного изъ нихъ видѣлъ штуцерокъ въ рукахъ. Теперь же онъ припечатанъ и описанъ и стоитъ въ квартирѣ у маіора. Петенькино дѣло проиграно до чиста.

Наташа потупила голову.

Оборванный, полуголый киргизенокъ Гайтакъ, племянникъ стараго Гайнулы, прискакалъ въ Чиназъ на буромъ поджаромъ иноходцѣ и остановилъ свою лошадь передъ крыльцомъ комендантскаго дома. Онъ должно быть очень спѣшилъ, потому что даже не поѣхалъ на перевозъ, что составляло значительный крюкъ, а для *выигрыша времени*, переправился черезъ Сыръ-Дарью вплавь, противъ пароходной пристани, и въ настоящую минуту съ его лошади текли обильныя струи грязной воды и образовали лужу у столба съ кольцомъ, врытаго для привязи лошадей, передъ окнами дома.

— Ты куда прешь прямо въ домъ — кого тебѣ надо?— грубо остановилъ мальчика часовой-линеецъ, когда тотъ сталъ взбираться на ступеньки крыльца...

— Тюра-коменданта—надо... Самого коменданта надо! — говорилъ киргизенокъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, — скоро надо... Сейчасъ надо...

— Что тамъ такое?..—Часовой позвонилъ.

— Скоро надо... Тюра-Касатка велѣлъ скоро — байтакъ надо... Пусти.

— Поди—нельзя!

Изъ дверей выглянулъ одинъ изъ комендантскихъ деньщиковъ.

— Доложи, Егоръ, его высокоблагородію, джигитъ пріѣхалъ,— произнесъ часовой.

— Онъ на фурштатскомъ дворѣ,—сообщилъ деньщикъ. — Эй, ты!—обратился онъ къ посланцу,—знаешь, гдѣ фурштат-

*

скій дворъ, гдѣ арбы солдатскія стояли?—пояснилъ деньщикъ мальчику...

— Знаю... я тамъ бывалъ...

— Ну, бѣги туда; слышишь, это онъ самъ на кого-то кричитъ!..

Съ фурштатскаго двора, дѣйствительно, доносился нѣсколько сиплый голосъ коменданта, громогласно дѣлавшаго какія-то распоряженія.

Гайтакъ вскочилъ опять на своего поджараго и поскакалъ ко двору—онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ—чуть не вылетѣлъ изъ сѣдла—кое-какъ уцѣпился руками за шею коня — и черезъ полминуты слѣзъ передъ комендантомъ, глядѣвшимъ уже, что за джигитъ такой несется по его задворкамъ.

— Ты отъ кого?

— Вотъ, тюра-Касатка кагасъ (бумагу) прислалъ,—сказалъ Гайтакъ, снялъ малахай и началъ тщательно рыться въ его подкладкѣ... Онъ вытащилъ оттуда четвертушку смятой бумаги и подалъ коменданту...

«Увѣдомляю васъ, господинъ комендантъ, что я убилъ Ровича. Распоряженіемъ объ арестованіи меня не спѣшите; я самъ, тотчасъ же какъ только буду въ состояніи, явлюсь въ Чиназъ... Вы меня настолько знаете, чтобы повѣрить моему слову... Я только потому не являюсь сейчасъ же, что разсчитываю на услугу тигра, которая можетъ быть избавитъ меня отъ суда и всякихъ проволочекъ...

П. Касаткинъ».

— Вотъ такъ!—развелъ руками комендантъ, прочтя это посланіе, далъ киргизу немного мелкихъ монетъ и, потупивъ голову, пошелъ къ себѣ домой... Ему жаль было Петра Михайловича. «Значитъ солоно пришлось бѣднягѣ, когда дошелъ до такого пассажа», думалъ комендантъ, направляясь къ канцелярскому флигелю.

Не прошло и часу, какъ объ этомъ письмѣ Касаткина зналъ весь Чиназъ,—узнали, конечно, и Мартынъ Федоровичъ съ дочкою и убѣдились окончательно, что всѣ попытки къ спасенью Петра Михайловича окончательно парализованы.

— Воля Божія!—сказалъ старикъ и даже на образа перекрестился.

А заслуженный маіоръ—пришивая и припечатывая письмо къ слѣдственному дѣлу, процѣдилъ сквозь зубы:—«Ну, голубчикъ, теперь ты отъ меня не отвертишься».

На площади передъ домикомъ адъютанта стояла конная группа, готовая, по всѣмъ признакамъ, отправиться въ путь; ждали только самого адъютанта, осѣдланная лошадь котораго стояла у дворовой калитки. Это былъ конвой, назначенный для арестованія Касаткина. Адъютантъ, которому поручена была эта печальная обязанность, посланъ съ шестью казаками въ дальніе аулы—и, въ настоящую минуту, наскоро доѣдалъ свой легонькій завтракъ, разговаривая кое съ кѣмъ изъ пришедшихъ его проводить товарищей.

— Эхъ, жаль—то есть такъ жаль, что и словъ не нахожу!..—вздыхалъ Пуговицынъ, пережевывая кусочекъ селедки.

— Не говори! — махнулъ рукою адъютантъ, пристегивая шашку.

— И кой чортъ дернулъ меня лошадь свою дать этому барину? Вѣдь откажи я, пожалуй бы всего этого и не случилось бы.

— Не случилось бы.

— Я говорилъ, не слѣдовало ѣхать; по многимъ психическимъ причинамъ и соображеніямъ, не слѣдовало!—въ сотый разъ говорилъ отецъ іерей.

— Ну, да ужъ что же! теперь дѣла не поправишь.

— Ты, братъ, слушай,—говорилъ тихонько Пуговицинъ адъютанту,—ты не спѣши очень... Онъ не уйдетъ. Дай ему хоть поохотиться въ послѣдній разъ какъ слѣдуетъ.

— Да, какъ же! ты читалъ, что пишетъ онъ: «Тигры, говоритъ, можетъ предупредятъ и прочее»... Онъ, братъ, можетъ, что такое затѣваетъ, что потомъ намъ своей шкурой придется отвѣчать... Дѣло уголовное.

— Кто говоритъ! а все-таки жаль... ты пойми—жаль!..

Капитанъ отъ излишнихъ припадковъ жалости совершенно раскисъ, наливая себѣ восемнадцатую, и не замѣчалъ, что стаканчикъ давно уже переполнился до краевъ и по грязному столу расползались во всѣ стороны зеленоватыя струи полынной водки.

— Ну, однако, пора ѣхать, прощайте!—коснѣющимъ языкомъ говорилъ тоже расчувствовавшійся адъютантъ.

— Прощай, голубчикъ!.. прощай, родной!..

— Вотъ что значитъ пренебрегать разумными предостереженіями!—укоризненно и съ сознаніемъ своей правоты произносилъ отецъ іерей.—И въ писаніи сказано...

— Садись!.. — скомандовалъ адъютантъ, показавшись на порогѣ.—Лошадь подай, эй!

Вся кавалька рысью тронулась черезъ площадь, пронеслась по базарной улицѣ и скрылась въ облакахъ пыли, поднятыхъ по дорогѣ къ перевозу.

А Наташа, улучивъ удобную минуту, все сообщила Сергѣю Николаевичу. Если тому и запрещено было говорить, что могло принести безусловный вредъ, за то слушать онъ могъ сколько угодно и совершенно безопасно для своего здоровья. Этимъ обстоятельствомъ и пользовалась его хорошенькая сидѣлка, прерывая свои разсказы страстными поцѣлуями въ лобъ, когда Маланья Ивановна уходила къ себѣ на кухню, а Мартынъ Федоровичъ—сперва дѣйствительно ничего не замѣчалъ, а потомъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

Выздоровленіе, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ и предупредительности со стороны ухаживающихъ, должно было, по словамъ доктора, итти весьма быстрыми шагами, и, дѣйствительно, докторъ въ данномъ случаѣ не ошибался.

IX. Охота на тигровъ.

Солдаты окончили постройку лабазовъ, убрали лишній матеріалъ, чтобъ не валялся на виду и не внушалъ подозрѣнія тиграмъ, запрягли лошадей и уѣхали въ Чиназъ. Имъ уже не разъ приходилось строить этого рода сооруженія, и Касаткинъ даже не присутствовалъ самъ при постройкѣ, только мѣсто указалъ,—а самъ, тѣмъ временемъ, прошелъ на затоны, гдѣ и случилось все нами разсказанное.

Трубаченко и Бабаджакъ сидѣли въ аулѣ Гайнулы-бабая и поджидали Петра Михайловича. Снаряды для охоты были давно уже приведены въ полнѣйшій порядокъ. Самъ Гайнула взялся ножи переточить охотничьи, и тутъ же на ручномъ точильномъ колесѣ, а потомъ на сырой бараньей кожѣ, исполнилъ это въ совершенствѣ,—такъ что когда Трубаченко держалъ ножъ прямо концомъ кверху, Гайнула взялъ маленькій

листокъ бумаги, спустилъ его на остріе—и листокъ единственно только дѣйствіемъ своей незначительной тяжести наткнулся на это остріе и сползъ по немъ почти до самой рукоятки. Даже самъ точильщикъ не ожидалъ такого блестящаго результата; попробовали еще на конскомъ волоскѣ—тоже хорошо вышло.

— Эхъ, якши исякъ, копъ якши исякъ *),—сказалъ Гайнула и добавилъ, хлопнувъ по плечу Трубаченко,—теперь проклятый пусть въ тройную шкуру влѣзетъ, а отъ твоего ножа не отвертится.

— Ну, не дай Богъ, чтобы до ножей дѣло дошло,—произнесъ Трубаченко,—тамъ уже игра невѣрна—послѣднее дѣло.

— Тогда уже и самъ чѣмъ нибудь да поплатишься,—добавилъ Бабаджакъ.—Вонъ пріятель мой, Монтыкъ, въ фортѣ Перовскомъ что жилъ, головой поплатился: промахъ далъ онъ по тигру,—то есть оно не то, чтобы совсѣмъ промахъ, а не положилъ его сразу; сцѣпились они съ звѣремъ... На другой день отыскали обоихъ—у тигра животъ весь какъ есть распахнутъ ножемъ и кишки всѣ вывалились, а у Монтыка черепъ прокушенъ зубами въ шести мѣстахъ, плечо словно подъ пушечнымъ колесомъ было, чисто измолото, да и голова-то вся выворочена лицомъ къ затылку,—хо-хо-хо!.. вотъ какъ обработалъ. Нѣтъ, до ножей дойдетъ—ужъ это совсѣмъ скверно! — закончилъ охотникъ и сталъ поправлять угольки въ своемъ кальянѣ, поковыривая въ чашечкѣ проволочнымъ протравникомъ.

— Ничего, Аллахъ милостивъ,—произнесъ старый Ашикъ, сидѣвшій поблизости и слушавшій, какъ разговариваютъ русскіе охотники,—Аллахъ милостивъ и до бѣды не допуститъ. Жаль, вотъ нѣту близко Каратай-Хаира колдуна! онъ бы намъ помогъ сильно.

— Чѣмъ же это онъ помогъ бы намъ?—полюбопытствовалъ Трубаченко.

— Какъ чѣмъ? онъ «Ярупча» (нѣчто въ родѣ колдуна), во-первыхъ, впередъ все знаетъ какъ что случится, а во-вторыхъ, на ружье заговоръ дѣлаетъ. Посмотритъ на пулю, помажетъ ее чѣмъ-то (ужъ онъ знаетъ чѣмъ), поговоритъ и значекъ ножемъ положитъ, тогда стрѣляй смѣло; хоть не гляди

*) Хорошій ножъ—очень хорошій ножъ.

совсѣмъ куда стрѣляешь, а только задумай — пуля уже сама найдетъ дорогу куда слѣдуетъ.

— Вотъ хорошо бы,—обрадовался суевѣрный Бабаджакъ,—гдѣ же это теперь этотъ Каратай-Хаиръ вашъ?

— А Аллахъ его вѣдаетъ гдѣ. Колдуны что птицы: сегодня здѣсь—завтра тамъ, ходятъ по всей землѣ. Гдѣ ихъ хорошо принимаютъ—дольше живутъ; гдѣ худо—туда и совсѣмъ не заходятъ, а зайдутъ такъ уже вѣрно не за добрымъ дѣломъ, а что нибудь напакостятъ. У насъ три года тому назадъ былъ, верблюдовъ двухъ вылѣчилъ и черта выгналъ изъ бабы... Мы его хорошо принимали.

— Да у васъ колдунамъ хорошо въ степи живется,—улыбнулся Трубаченко,—вотъ когда изъ службы выгонятъ, непремѣнно къ вамъ въ «Ярупчи» пойду.

— Отъ пророка такая наука дается: отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ, изъ рода въ родъ переходитъ, такъ ты надъ этимъ дѣломъ не смѣйся! — важно произнесъ старый Аппикъ и укорительно поглядѣлъ на невѣрующаго русскаго.

— Однако, гдѣ же это нашъ «Касатка» запропастился?—перемѣнилъ разговоръ Трубаченко,—вотъ скоро солнце сядетъ, а его нѣтъ какъ нѣтъ, что за диковинка?

— Забрелъ далеко, къ ночи будетъ,—произнесъ Бабаджакъ,—выстрѣловъ не слышно, значитъ по близости нѣту, къ затонамъ прошелъ вѣрно или на Дарьѣ... Чу!..

— Что тамъ?

— Нѣтъ, мнѣ такъ показалось, Альфа его будто тявкнула.

— Обѣщалъ нынче ночью залечь въ лабазы.

— Лошадь, что вчера околѣла,—началъ Гайнула, — уже тамъ: мои работники еще до полудня сволокли ее въ то мѣсто.

— На падаль пожалуй не пойдетъ,—усумнился Бабаджакъ.

— А не пойдетъ, на живого козла манить будемъ... вотъ возьмемъ того чернаго, что гляди какъ прыгаетъ, вонъ и съ собаками играетъ.

Трубаченко указалъ на молодого, чернаго какъ смоль козленка, весело заигрывающаго съ четырьмя киргизскими собаками.

— Такъ я вамъ его и отдала! — огрызнулась изъ-за желомейки краснощекая дѣвка,—другихъ, что ли, нѣту?

— Ужъ очень намъ этотъ нравится,—заигрывалъ съ степною красавицею Трубаченко.

— А этого хочешь?..—пальцы красавицы приняли такую нецензурную форму, что Бабаджакъ плюнулъ, а Трубаченко расхохотался и швырнулъ въ дѣвку обуглившейся головешкою. Та отвернулась.

— Вотъ замужъ скоро выдавать будемъ, — сказалъ Гайнула, подмигивая на веселую дѣвку,—изъ Курамы присылали сватать да калыму мало даютъ, а за такую красавицу да хозяйку ханскаго калыму мало.

— А за меня пойдешь?—спросилъ Трубаченко.

— А что дашь?—крикнула красавица изъ-за желомойки.

— У насъ еще за женою норовятъ взять приданнаго, а не то что ей платить. Ничего не дамъ.

— У васъ одни порядки, у насъ другіе,—произнесъ Гайнула.

— На свадьбу позови хоть, когда женихъ подходящій найдется;—позовешь, что-ли?.. гляди, кто-то идетъ въ камышахъ, вонъ чуть шапка чернѣетъ... никакъ нашъ Петръ Михайловичъ?

— Никого не вижу,—присмотрѣлся Бабаджакъ.

— А можетъ только показалось,—согласился Трубаченко.

Всѣ молчали.

Солнце сѣло, темнѣть начало, чуть уже краснѣлась на западѣ потухающая вечерняя заря, а Касаткина все не было. Недоумѣвалъ Трубаченко, недоумѣвалъ его товарищъ; даже самъ Гайнула—и тотъ, наконецъ, сказалъ: «Да гдѣ же это онъ въ самомъ дѣлѣ»?

Вздрогнулъ Бабаджакъ и попятился, широко раскрылъ глаза Трубаченко, а краснощекая дѣвка даже взвизгнула во весь ауль,—такъ неожиданно въ освѣщенномъ костромъ пространствѣ появилась фигура Петра Михайловича. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно его рубахи, безъ шапки, глаза смотрѣли тускло; ружье свое онъ лѣниво несъ, почти волокъ за собою, словно его одолѣла самая сильная усталость. Той граціи и ловкости, съ которою онъ обыкновенно закидывалъ за плечо свое оружіе, какъ не бывало.

— Наконецъ пришелъ, а мы тебя ждали-ждали!—началъ Трубаченко,—ждали-ждали... — повторилъ онъ какъ-бы про

себя.—Да что это, чертъ возьми, съ тобою? Боленъ, что-ли?—спросилъ онъ громко, всталъ съ земли и подошелъ къ охотнику.

— Оставь,—глухо произнесъ тотъ,—дайте напиться... Чаю бы сварить...

Онъ приставилъ къ желомейкѣ ружье, поправилъ рукою сбившіеся на лобъ волосы и опустился, почти повалился на песокъ, какъ человѣкъ, совершенно потерявшій силы.

— Можетъ ты взаправду заболѣлъ,—приставалъ къ нему Бабаджакъ.

— Усталъ очень, прошелъ много... Пить дайте...

Гайнула поднесъ ему чашку съ холоднымъ кислымъ молокомъ, тотъ впился въ ея края сухими губами и долго тянулъ не отрываясь.

— Что онъ говоритъ?—неожиданно спросилъ Касаткинъ. Онъ вдругъ оставилъ чашку, приподнялся и началъ вслушиваться.

Какой-то киргизъ шепталъ что-то на ухо старухѣ и нечаянно взглянулъ на Касаткина, тотъ замѣтилъ это.

— Кто говоритъ?

Вотъ онъ...—Петръ Михайловичъ протянулъ руку.

— Въ камышахъ,—говоритъ, былъ, на падаль натянулся—спрашиваетъ...

— На дорогѣ?.. На дорогѣ?..

Что-то дикое, тревожное слышалось въ этомъ вопросѣ.

— Нѣтъ, тутъ влѣво, верблюдъ, что съ третьяго дни пропалъ—лежитъ, такъ спрашивалъ: можетъ его стащить къ лобазамъ?

— Сегодняшнюю ночь мы перегодимъ, можетъ? Поздно!—замѣтилъ Трубаченко.

— Зачѣмъ ждать! Мы сейчасъ поѣдемъ.

Касаткинъ всталъ и покачнулся.

— Поздно, пока дойдемъ. Да ты вотъ на ногахъ еле стоишь.

— Гайнула лошадей даетъ, верхомъ доѣдемъ,—собирайтесь!

— Кони давно готовы,—сказала Гайнула.

— Ѣхать такъ ѣхать,—рѣшилъ Бабаджакъ и сталъ подпоясывать свой архалукъ ремнемъ, на которомъ висѣлъ въ чахлѣ, на диво выточенный Гайнулою, ножъ.

— А и то правда! Коли усталъ—не бѣда: въ лабазѣ все равно лежать будемъ. Отдохнешь. Ѣдемъ.

— Альфу привяжи на веревку, пусть здѣсь останется,— распорядился Касаткинъ,—намъ ея теперь не надо. Гайда!

Всѣ трое начали садиться на лошадей.

Гуськомъ, всадникъ за всадникомъ, ѣхали наши охотники, съ трудомъ пробираясь по камышамъ. Чуть виднѣлись въ темнотѣ силуэты конныхъ фигуръ, и только мигали красноватыя искорки сигаръ въ зубахъ всадниковъ. Ѣхали молча, не разговаривая; киргизкія лошаденки фыркали и мотали головами, чуть брякали металлическія украшенія туземныхъ уздечекъ.

Сзади всѣхъ ѣхалъ киргизъ, который долженъ былъ пригнать обратно лошадей въ аулъ, когда всадники достигнутъ мѣста охоты. Впереди всѣхъ ѣхалъ Касаткинъ; онъ находилъ дорогу въ темнотѣ, руководясь единственно лишь какимъ-то охотничьимъ инстинктомъ. Человѣку непосвященному вся окрестность представлялась сплошнымъ, однообразнымъ моремъ темнаго тумана, въ которомъ чуть виднѣлись и кивали отдѣльные камышевые стебли, что вправо, что влѣво, что впереди, что сзади—все одно и тоже; даже звѣздъ на небѣ не было видно, т. е. не то, чтобы совсѣмъ не было видно, а чуть теплились сквозь туманъ неясныя точки, и только привычный глазъ могъ разсматривать тамъ отдѣльныя группы и созвѣздія. Багровымъ приплюснутымъ шаромъ медленно поднималась луна изъ-за горизонта, и надъ нею вставало и росло красное зарево — блѣднѣлъ туманъ, по мѣрѣ того какъ выше и выше поднималась луна, и словно фантастическія привидѣнія рисовались въ сторонѣ его причудливыя, клубящіяся волны.

Стало свѣтлѣе—поѣхали шибче; черезъ полчаса прибыли на мѣсто.

Небольшое, возвышенное пространство, свободное отъ камыша, представилось глазамъ охотниковъ;—нѣсколько въ сторонѣ были врыты въ землю четыре толстыхъ столба — и на нихъ, на высотѣ пяти аршинъ, прилажено было нѣчто въ родѣ площадки, устланной нарѣзаннымъ камышомъ. На одномъ столбѣ врублены были поперечныя полочки, на аршинъ одна отъ другой; этотъ столбъ служилъ лѣстницею для подъема на вершину лабаза. Другой лабазъ былъ построенъ съ противополож-

ной стороны полянки—это было сооруженіе, совершенно отличное отъ перваго.

Яма, аршина въ три въ діаметрѣ, прикрыта была сверху фашинами, туго связанными изъ камыша, установленными конусообразно и связанными вверху всѣ вмѣстѣ веревкою:—затѣмъ эта крыша была забросана камышомъ, бурьяномъ и хворостомъ, что совершенно придало ей видъ чего-то случайнаго, а не умышленно построеннаго. Лабазы подобнаго рода предпочтительнѣе первыхъ, потому что животное не пугается громоздкости и дикаго вида первыхъ сооруженій—и довѣрчивѣй подходитъ къ приманкѣ; но за то первые совершенно предохраняютъ охотника, даже послѣ промаха,—между тѣмъ какъ въ ямѣ стрѣлокъ можетъ расчитывать и на рукопашную свалку съ разъяреннымъ звѣремъ.

Посрединѣ полянки, на самомъ видномъ мѣстѣ, вытянувъ длинныя, мускулистыя ноги и запрокинувъ голову съ вытаращенными тусклыми глазами и съ вывалившимся языкомъ, лежала палая лошадь, и ея бѣлая масса отчетливо рисовалась на темномъ фонѣ песка, залитая луннымъ свѣтомъ.

— Пора,—произнесъ Касаткинъ,—до разсвѣта осталось часа три, это самое настоящее время; ну, Батуйка, веди лошадей въ аулъ.

Всадники слѣзли и начали расправлять свои ноги. Киргизъ позавязалъ поводья на шеи лошадямъ и приготовился ихъ гнать.

— Гляди, какъ бы тебя полосатый дорогою не пощупалъ!—крикнулъ ему вслѣдъ Трубаченко.

— Тише!—произнесъ Петръ Михайловичъ.

— Аллахъ милостивъ, — прошепталъ киргизъ и во всю прыть понесся къ ауламъ.

Охотники полѣзли въ засаду.

Бабаджакъ и Трубаченко заняли высокій лабазъ, Касаткинъ влѣзъ въ яму—нѣсколько секундъ былъ шорохъ и шуршаніе; то охотники возились, умащиваясь и принимая позы покойнѣе; наконецъ, все затихло, и на верху, и внизу, — и никто бы не услышалъ теперь ни одного подозрительнаго звука, кромѣ однообразнаго шелеста камыша, когда легкому ночному вѣтру приходила охота пробѣжать по верхушкамъ и всколыхнуть эти легкія, пушистыя метелки, потереть одинъ о другой эти тонкіе, трубчатые стебли.

Замерли охотники въ нѣмомъ ожиданіи—и, казалось, дыханіе затаили. Вотъ къ шуму вѣтра прибавилось еще что-то длинное, протяжное, заунывное... Бабаджакъ толкнулъ локтемъ своего сосѣда. «Далеко!»—прошепталъ тотъ.

А Касаткина попеременно бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Темно и тѣсно было лежать ему въ этой ямѣ. «Какъ въ могилѣ», промелькнуло у него въ головѣ ужасное сравненіе; «какъ въ могилѣ», повторили его ссохшіяся, наболѣвшія губы. Сквозь щели, образовавшіяся въ томъ мѣстѣ, гдѣ крыша соединялась съ поверхностью земли, видѣлъ онъ мертвую лошадь... Какъ выдались, какъ отчетливо очерчиваются исхудалыя ребра!.. Лежитъ она неподвижною глыбою, глаза словно стекло, налитое саломъ... мертво-тупые... А на дорогѣ, тамъ, въ пыли, ничкомъ, развѣ не такъ лежитъ? Ноги раскинуты, руки накрестъ, затылокъ съ англійскимъ проборомъ кверху... Спина вздрагиваетъ въ послѣднихъ предсмертныхъ конвульсіяхъ...

— Берегись!—донесся шепотъ съ верхняго лабаза...

Касаткинъ вздрогнулъ.

Съ другой стороны послышался ревъ тигра, ближе... Рявкнулъ звѣрь и оборвалъ,—словно накололся лапою на что нибудь занозистое.

Еще разъ почувствовалъ Трубаченко, какъ его бока коснулся твердый локоть товарища... Какая-то тѣнь мелькнула на самой опушкѣ и скрылась... нѣсколько кустовъ колыхнулось подозрительно.

— Видишь?—шепталъ Трубаченко, и такъ тихо, что, казалось, только самъ себя могъ услышать.

— Вижу...—такъ же тихо отвѣтилъ Баладжакъ.

И опять все затихло кругомъ, опять ничего не слыхать, кромѣ шелеста вѣтра... Чу! вотъ замурлыкало что-то въ камышахъ, какъ котята мурлычатъ, когда ихъ щекочутъ рукою за ухомъ... Два зеленыхъ уголька вспыхнули у самой земли, между темными кустами выдвинулось что-то круглое, ушастое, проползло шага два, выползло наполовину изъ чащи и припало на переднія лапы... Прямо на бѣлѣющуюся конскую тушу были устремлены эти двѣ фосфорическія точки, по каждому изъ охотниковъ казалось, что это именно на него смотритъ хищный звѣрь и не спускаетъ глазъ, готовясь къ послѣднему, рѣшительному прыжку.

Трубаченко припалъ головою къ прикладу ружья; онъ взялъ на прицѣлъ узкій промежутокъ между двумя свѣтлыми точками.

Попятился звѣрь назадъ, — остановился, опять попятился, и скрылся...

— Бывалый,—подумали охотники.—Остороженъ, каналья...

Вздрогнулъ Касаткинъ и быстро повернулъ голову... Шагахъ въ четырехъ отъ него длинная тѣнь загородила узкій лучъ луннаго свѣта, пробивавшійся между щелями крыши. Тигръ лежалъ на брюхѣ, положивъ голову между переднихъ, протянутыхъ впередъ лапъ, и, заложивъ уши, прищуривъ глаза, вздрагивалъ щетинистыми усами.

Другое полосатое тѣло, быстро какъ молнія, пронеслось, почти не касаясь земли, и обрушилось на павшую лошадь. Длинныя ноги брыкнули въ воздухъ; казалось, что конь воскресъ и сопротивлялся усиліямъ звѣря,—а это только трупъ поддался натиску животнаго, которое, уцѣпившись за бедро лошади зубами и передними лапами, сдвинуло его съ прежняго мѣста.

Двѣ молніи блеснули съ вершины лабаза—и два сухихъ, короткихъ выстрѣла тотчасъ же были покрыты свирѣпымъ, пронзительнымъ ревомъ. Тигръ взвился на дыбы, запрокинулся и покатился съ холмика, загребая взбудораженный песокъ своими лапами.

И изъ-подъ шалаша вспыхнулъ третій выстрѣлъ, но выстрѣлъ этотъ былъ направленъ совсѣмъ въ другую сторону. Страшная тяжесть обрушилась сверху на ненадежную крышу— и во всѣ стороны полетѣли разметанные пучки камыша. Пуля Касаткина скользнула по плоскому черепу втораго тигра, пробила ему ухо—и полетѣла дальше по камышамъ, сбивая его метелки...

— Внизъ!—крикнулъ Трубаченко,—тамъ бѣда, внизъ!..— и онъ спустилъ ноги и сталъ ощупывать на столбѣ первыя ступеньки.

— Погоди—ружье заряди, тогда только толкъ будетъ!..— остановилъ его Бабаджакъ.—Мое готово...

Онъ спрыгнулъ прямо, упалъ ничкомъ, вскочилъ, и кинулся къ лабазу-ямѣ...

Придавленный страшною тяжестью, Касаткинъ лежалъ на правомъ боку, силясь высвободить свою руку... земля и пыль

набивали ему носъ и ротъ. Онъ чувствовалъ, какъ страшныя костистыя лапы добирались до него, роясь въ развалинахъ крыши. И тигръ чуялъ подъ собою что-то живое, чуялъ врага и бѣсновался, встрѣчая преграду.

Наконецъ, Касаткину удалось лечь навзничъ; рука была свободна, — ножъ, гдѣ же ножъ?.. Онъ шарилъ онѣмѣвшими пальцами, онъ искалъ рукоятку... вотъ она!.. Ножъ былъ длинный, гиссарскій, и долго не вытаскивался изъ притиснутыхъ ноженъ... Вдругъ прямо ему въ лицо ударилъ ослѣпительный лунный свѣтъ—какъ ярокъ показался онъ послѣ темноты! — послѣднія вязанки полетѣли въ сторону, страшная морда была въ полуаршинѣ отъ его лица, лапа упиралась въ грудь—и въ тѣло впивались острые ногти. Но въ то же мгновеніе, вдоль по этой самой лапѣ скользнула стальная змѣйка. Ударъ ножа пришелся какъ разъ подъ лѣвую переднюю лопатку звѣря, прямо въ сердце — и рухнулъ пораженный на смерть тигръ, навалившись на застонавшаго охотника.

Два выстрѣла въ упоръ, въ голову животнаго, прогремѣли въ ушахъ теряющаго сознаніе Петра Михайловича.

— Тащи—тащи за хвостъ—стаскивай! — суетился Трубаченко...

— Подсунь прикладъ подъ животъ, ворочай!—приступилъ Бабаджакъ. Понатужились, покряхтѣли—и кое какъ сволокли убитаго тигра.

Касаткинъ лежалъ безъ движенія и тихо стоналъ, но глаза его были закрыты... Вся рубаха его была изодрана въ клочки, залита кровью—и человѣческою, и тигровою. Когда его вытащили изъ ямы и положили на песокъ, Бабаджакъ принялся осматривать искалѣченнаго охотника.

— Обработалъ, нечего сказать!—грустно произнесъ Трубаченко и съ горя закурилъ свою сигару.

— Ничего, поправится, — утѣшительно произнесъ Бабаджакъ,—воды вотъ жаль нѣту, а то бы хорошо обмыть, да голову примочить.

— Ну, до разсвѣта ждать нельзя; надо дѣлать носилки да тащить его въ аулъ... принимайся!

Устроили носилки изъ жердей, взятыхъ изъ разрушеннаго лабаза, настлали на нихъ камышу и положили раненаго. Тотъ стоналъ и метался, особенно когда его поднимали съ земли,

и тихо бормоталъ что-то несвязное, — такое, что не могли ничего разобрать ни Трубаченко, ни Бабаджакъ, какъ ни прислушивались они, неся несчастнаго по кабаньей тропинкѣ, камышами.

Начало разсвѣтать, когда охотники завидѣли сквозь камышъ чернѣющіяся верхушки кибитокъ Гайнулы-Бабая. Дымъ поднимался густыми столбами надъ ауломъ и пахло гарью;— бараны блеяли невдалекѣ, ревѣли верблюды и звонко ржалъ какой-то молодой жеребчикъ, задравъ хвостъ трубою и носясь по пробуждающемуся аулу.

Всполошился аулъ, завидя печальную процессію; все высыпало изъ кибитокъ; даже пастухи, собиравшіеся было угонять скотъ, и тѣ бросили свое дѣло и прискакали къ кибиткѣ Гайнулы-Бабая.

Осторожно опустились носилки, сняли Петра Михайловича, раздѣли и принялись обмывать страшныя, рваныя раны. Старый Ашикъ и Трубаченко занялись этимъ—и зорко слѣдилъ сѣдой киргизъ за каждымъ проявленіемъ жизни у своего паціента.

— Якши—будетъ здоровъ! Крови потерялъ только много— оттого и лежитъ какъ пластъ,—произнесъ Ашикъ, кончая перевязки.

У Касаткина оказались проломлены два ребра, обнажено почти до самыхъ костей лѣвое бедро и кромѣ того, на лѣвомъ же боку и рукѣ, нѣсколько глубокихъ рваныхъ царапинъ когтями.

Коверъ, на которомъ лежалъ Касаткинъ, осторожно оттащили къ сторонѣ кибитки, разсчитавъ, чтобы онъ пришелся въ тѣни, когда поднимется солнце. Гайнула, съ четырьмя киргизами и верблюдомъ, отправились на мѣсто охоты поднять убитыхъ тигровъ, Ашикъ остался съ раненымъ, а Трубаченко съ Бабаджакомъ подсѣли къ огню, гдѣ закипалъ для нихъ чай и стояло блюдо баранины, приготовленное заботливою красавицею... Аппетитъ у нихъ былъ волчій и, не смотря на грустное настроеніе духа, зубы работали превосходно.

— Далъ бы знать въ Чиназъ, чтобы доктора выслали, да не стоитъ,—говорилъ Трубаченко, прихлебывая чай изъ маленькой зеленой чашки.

— Не надо посылать,—рѣшилъ Бабаджакъ.

— Насчетъ ранъ и всего этого киргизскіе знахари гораздо лучше нашихъ. Нашъ пріѣдетъ, еще чего добраго уходитъ совсѣмъ. Помнишь Тыркина?..

— Есть тутъ недалеко Али-Турсукъ, кураминецъ,—вмѣшался старый Ашикъ, такъ какъ наши пріятели говорили по-киргизски и онъ понялъ о чемъ шла рѣчь.—Онъ старикъ уже—и для другого не поѣдетъ пожалуй, а для меня поѣдетъ. Я самъ, вотъ, какъ вернется Гайнула, съѣзжу.

— Ну, привези сюда твоего Али-Турсука,—согласился Трубаченко.

— Я видѣлъ его уже разъ какъ-то: хорошій знахарь,—заявилъ Бабаджакъ.

Часа черезъ два вернулся Гайнула и привезъ тигровъ. Самка, убитая охотниками верхняго лабаза, была не изъ крупныхъ; зато самецъ, отдѣлавшій такъ Петра Михайловича, заставилъ весь аулъ раскрыть ротъ отъ изумленія: это былъ положительно великанъ—и старый Ашикъ, увидѣвши его, произнесъ: «Аллахъ, Аллахъ, вѣдь есть же такіе звѣри на свѣтѣ! Я такого еще въ первый разъ въ жизни вижу, а видалъ я ихъ на своемъ вѣку довольно».

Вдругъ послышался слабый голосъ Петра Михайловича; вниманіе всѣхъ было обращено на тигровъ — и раненый долженъ былъ повторить призывъ.

— Что, голубчикъ? Что, очнулся? Ну, какъ ты себя чувствуешь?—подсѣлъ къ нему Трубаченко.

— Плохо...— раненый произнесъ это слово и закрылъ глаза.

— Глоточекъ водки бы ему,—шепнулъ Бабаджакъ.

— Вотъ я сейчасъ за Али-Турсукомъ поѣду, — поднялся на ноги и старый Ашикъ.—Гайнула, давай мнѣ своего чалаго.

Тихо высвободилъ Касаткинъ правую руку, приподнялъ ее и сдѣлалъ пальцами жестъ, какъ бы желая писать... Трубаченко не понялъ.

— Ну-же, ну-же,—нетерпѣливо простоналъ раненый,—бумаги—карандашъ, скорѣе...

Трубаченко оторвалъ отъ книжечки въ бумажникѣ листокъ, досталъ изъ кармана обломанный карандашъ и подалъ Касаткину.

Слабо, чуть шевелились блѣдныя руки, водя карандашемъ по бумагѣ. Трубаченко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ этихъ

худыхъ пальцевъ, въ которыхъ дрожалъ карандашъ, выводя какія-то каракули. Но по мѣрѣ того какъ подвигалось письмо, красное угреватое лицо поручика все темнѣло и темнѣло, глаза открывались шире, — и даже сигара, оставленная на минуту, попала опять въ ротъ, только не тѣмъ концомъ какъ слѣдуетъ.

— Фью, фью!..—свистнулъ Трубаченко.—Вотъ исторія... Эхъ ты, горемыка, горемыка!.. Что же теперь дѣлать будешь?— произнесъ онъ, положилъ свою руку на лобъ несчастнаго Петра Михайловича и изобразилъ на своемъ грубомъ лицѣ какую-то пресмѣшную гримасу, а по этой гримасѣ прокатилась какая-то грязноватая капелька, еще и еще, повисли онѣ на кончикахъ щетинистыхъ усовъ и упали на окровавленныя тряпки, которыми обмотано было тѣло Касаткина.

— Пошли въ Чиназъ коменданту, сейчасъ, слышишь!— произнесъ больной.

— Пошлю;—что уже тутъ! Конечно пошлю,—угрюмо отвѣчалъ Трубаченко.—Бабаджакъ, на, читай, коли хочешь...— онъ протянулъ записку своему товарищу.

Черезъ четверть часа въ камышахъ мелькала только спина киргизенка, скакавшаго въ Чиназъ съ запискою Петра Михайловича.

X. Чуть не до драки.

Усиліе, которое сдѣлалъ Касаткинъ, для того, чтобы написать нѣсколько строкъ коменданту, не прошло ему даромъ; онъ вытянулся и закрылъ глаза; его грудь даже не шевелилась, такъ слабо было дыханіе... Трубаченко подумалъ было, что это смерть. Быстро нагнулся поручикъ къ своему несчастному товарищу, положилъ ему руку сперва на лобъ... лобъ былъ сухой и холодный; тронулъ то мѣсто, гдѣ должно было биться сердце,—ничего неслышно.

— Готово, Бабаджакъ,—произнесъ негромко Трубаченко.

— Готово такъ готово!—угрюмо согласился татаринъ, отвернулся и сталъ пристально разсматривать что-то на концѣ своего сапога. Но кажется, этотъ порыжѣлый, растрескавшійся сапогъ, зачиненный чуть не въ десяти мѣстахъ, мало интересовалъ опечаленнаго охотника.

— Смотри, послѣдняя кровь уйдетъ изъ него! — сказалъ

Гайнула и показалъ на свѣжія красноватыя пятна, проступившія сквозь повязки.

— Перевязать надо,—говорилъ Трубаченко,—эй, воды тащи чистой!—крикнулъ онъ краснощекой дѣвкѣ (теперь, впрочемъ, вовсе не краснощекой), пугливо, озабоченно метнувшейся исполнять приказаніе поручика.

— Какъ бы хуже не было, если мы его развязывать опять будемъ?.. Еслибы такъ какъ-нибудь...—замялся Бабаджакъ.— Вотъ, помнишь Трифона казака, пока не трогали—живъ былъ, а начали перевязывать—онъ...

— Ахъ я дуракъ-дуракъ! Эхъ я скотина безмозглая!—хлопнулъ себя по-лбу Трубаченко.

Бабаджакъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Что ты?—произнесъ онъ и даже отодвинулся немного.

— Да какъ же?! Не написалъ отъ себя, въ какомъ онъ положеніи. Доктора бы прислали, тарантасъ, либо фуру лазаретную.

— Это зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? А какъ же мы его въ Чиназъ повеземъ? На рукахъ развѣ донести? И то правда, на рукахъ ему покойнѣе будетъ. Мы возьмемъ коверъ у Гайнулы и положимъ его между двухъ жердей.

— Да зачѣмъ въ Чиназъ тащить? Здѣсь лучше пускай останется,—вотъ Али-Турсукъ пріѣдетъ, онъ лѣчить его станетъ.

— Да по мнѣ-то пожалуй лучше; да какъ бы за нимъ не прислали архаровцевъ?! Дѣло вѣдь, во всякомъ случаѣ, уголовное—и его арестуютъ.

— Чего его арестовать?.. Онъ развѣ уйдетъ?..

— Положеніе такое. Вотъ, гляди, что къ вечеру пріѣдутъ изъ Чиназа. Ну, принесла воды? Чистыхъ тряпокъ тащи, какія только есть у тебя, тюрбанъ свой размотай съ головы!.. Бабаджакъ, развязывай осторожнѣй!..

Дѣвка поставила на кошму около раненаго большое коженое ведро съ водою и отошла въ сторону, вытирая глаза рукавомъ своей синей рубахи. Трубаченко, Гайнула и Бабаджакъ принялись осторожно перевязывать Петра Михайловича. Тотъ лежалъ почти безъ всякихъ признаковъ жизни, даже не застоналъ, когда начали отдирать отъ ранъ присохшія, покрытыя кусками запекшейся крови, тряпки.

Кое-какъ перевязали. Больной все еще находился въ безчувственномъ состояніи. Грустно прошелъ день. Во всемъ аулѣ Гайнулы-бабая царствовала какая-то тоскливая печаль и скука. Всѣ ходили повѣсивши носы; даже красавица дѣвка не подавала голоса; разъ какъ-то впрочемъ попробовала она затянуть какую-то пѣсню—начала и вдругъ замолчала, такъ это вышло некстати. Ребятишки — и тѣ не возились и не шумѣли; кучею сидѣли они въ тѣни желомейки и пугливо смотрѣли на длинное вытянутое тѣло Петра Михайловича. Старый Ашикъ какъ уѣхалъ съ утра, такъ и не возвращался; должно быть знахарь Али-Турсукъ былъ дѣйствительно далеко.

Къ вечеру, только-только начало садиться солнце и по камышамъ пошли красноватые отблески, а отъ кибитокъ потянулись на востокъ длинныя синеватыя тѣни, — поднялась густая пыль на тропѣ, что вела къ чиназской пристани. Въ этой пыли мелькали бѣлыя шапки, концы казачьихъ винтовокъ, конскія головы; а впереди всѣхъ, обскакавъ приближающуюся группу, какъ стрѣла несся киргизенокъ, который возилъ письмо къ коменданту, и безпощадно гналъ свою заморенную, изо всей мочи скакавшую лошадь.

— Бѣда!—хрипло крикнулъ мальчикъ и почти кубаремъ на всемъ скаку свалился съ коня у кибитки Гайнулы-бабая.

— Что тамъ такое?—сердито сказалъ Гайнула, приподнялся и подозрительно смотрѣлъ на пыльное облако.

— За этимъ ѣдутъ,—онъ указалъ на Касаткина,—его брать хотятъ отъ насъ... онъ тамъ бѣду сдѣлалъ... его за это убютъ... говорилъ, задыхаясь и захлебываясь, киргизенокъ, — я пойду подыму тревогу по ауламъ.

— Дуракъ!—улыбнулся Трубаченко.

— Изъ моей кибитки не возьмутъ, — мрачно произнесъ Гайнула - бабай и покосился въ тотъ уголъ, гдѣ на рѣшеткѣ висѣла его кривая туземная сабля (клычъ) въ зеленыхъ кожаныхъ ножнахъ и стоялъ мултукъ фитильный (ружье) на подсошкѣ.

— Чудаки!—произнесъ поручикъ, слышавшій все это,— эй, Бабаджакъ, гляди, какъ бы косоглазые и вправду какой бѣды не надѣлали.

— Да неужели же его отдавать такъ?..—заворчалъ Бабаджакъ.

— Ты что это?—удивился Трубаченко,—чай, тоже офицеромъ считаешься, порядки знать долженъ.

— Черта мнѣ въ вашихъ порядкахъ!

— Сбивай аулъ на ноги!—тихо сказалъ Гайнула киргизенку.

Тотъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ по кибиткамъ.

— Ну, будетъ исторія! — вздохнулъ Трубаченко и сталъ присматриваться къ приближающейся кавалькадѣ: «кого, молъ, это Богъ посылаетъ?»

— Э, да это адъютантъ нашъ! ну, съ этимъ, пожалуй, сговоримся какъ-нибудь!

Поручикъ пошелъ навстрѣчу казакамъ. Онъ хотѣлъ предупредить о возможности столкновенія.

— Гудятъ въ аулахъ,—прислушался Бабаджакъ.

Гайнула-бабай вышелъ изъ кибитки. Онъ надѣлъ на себя красный халатъ, обложенный позументомъ, тотъ самый, что надѣлъ на него губернаторъ, когда Гайнула представлялся ему въ числѣ представителей Кураминскихъ кочевій. Киргизъ надѣлъ даже медаль жалованную: онъ не забылъ ничего, чтобы могло придать ему значенье во время переговоровъ... Онъ разсчитывалъ на успѣхъ этихъ переговоровъ — и думалъ только въ крайнемъ случаѣ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Гайнула сталъ около раненаго и ждалъ. Старый киргизъ, весь въ красномъ, облитый лучами заходящаго солнца, былъ необыкновенно картиненъ въ эту минуту.

— Совсѣмъ дьяволъ!— проворчалъ Бабаджакъ, взглянувъ на Гайнулу-бабая.

— Здорово, братяга, надѣлали вы тутъ дѣловъ! — привѣтствовалъ еще издали адъютантъ, завидѣвъ быстро идущаго ему навстрѣчу Трубаченко.

— Да... оказія!..—развелъ тотъ руками,—постой-ка... къ аулу сразу не ѣзди, мнѣ поговорить съ тобой надо.

— Что тамъ еще? Стой!..

Адъютантъ слѣзъ съ лошади, казаки по его командѣ остановились и тоже начали слѣзать. Такова уже казачья привычка: какъ «стой» — такъ долой съ коня, поразмяться немного.

— Что за дѣло? да на тебѣ лица нѣтъ!

— Вы за Касаткинымъ пріѣхали?

— Да, за нимъ. Онъ этого, какъ бишь его, питерца-то ухлопалъ было—теперь у Чижикова чуть-живой лежитъ.

— Ну, и этотъ не лучше... Вчера ночью тигръ его такъ отрепалъ, на-чистоту; я такъ думаю, что не выживетъ.

— Какъ мы его повеземъ?..

— Да я такъ думаю, что совсѣмъ его трогать не слѣдуетъ. Тутъ еще одна оказія есть... Ты, братъ, осторожнѣе.

— Что за вздоръ! я присланъ, чтобъ его арестовать.

— Не трогай, говорю тебѣ.

— А! ну, тамъ поглядимъ... Садись!..

Адъютантъ сѣлъ на лошадь и шагомъ поѣхалъ къ кибиткѣ, гдѣ словно вся огненная, виднѣлась фигура Гайнулы-бабая. Трубаченко пошелъ напрямикъ, туда же.

— Здравствуй, Гайнула, — произнесъ адъютантъ, остановивъ свою лошадь у кибитки и слѣзая.

— Будь здоровъ и ты, коли гостемъ пріѣхалъ! — мрачно произнесъ Гайнула, въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

— Бѣдняга!—протянулъ адъютантъ и нагнулся надъ Петромъ Михайловичемъ.

— Эка, братцы, народу валитъ, со всѣхъ то есть концовъ!—говорилъ сзади казакъ урядникъ, подозрительно поглядывая на всполошившіеся аулы.

— Чего это они?—удивился адъютантъ, и вопросительно смотрѣлъ то на Гайнулу, то на Бабаджака, то на Трубаченко. Онъ немного растерялся...

— Я тебѣ предупреждалъ, что оказія вышла... они тебѣ не хотятъ давать его,—шепнулъ ему Трубаченко.

— Что? какъ?.. э!.. что за глупости!.. — пробормоталъ адъютантъ и подумалъ: «Вѣдь дернула же меня нелегкая только шесть казаковъ взять! чтобы было полъ-сотни?!.. такъ нѣтъ вотъ...» Слушай, тамуръ (пріятель), какъ бы это носилки устроить?—обратился онъ къ Гайнулѣ.

— Зачѣмъ тебѣ носилки?—спросилъ тотъ, а самъ кивнулъ кое-кому изъ киргизовъ.

Тѣ подошли къ Касаткину и сѣли около него, положивъ на виду свои клынчи.

— А вотъ я его хочу въ Чиназъ везти, такъ чтобы покойнѣе было.

— Онъ мой гость и у меня останется, везти въ Чиназъ его не нужно,—рѣшительно произнесъ Гайнула.

— Ну, тутъ тебя спрашивать не будутъ: нужно или не нужно. Это лучше тебя знаютъ!—вспылилъ адъютантъ.

— Не горячись, а то сглупишь что нибудь такое, что послѣ не расхлебаешь,—шепталъ ему Трубаченко.

— Слушай ты, теперь—Гайнула выступилъ впередъ.—Что онъ сдѣлалъ, за что его брать хотите?

— Человѣка убилъ, вотъ что...

— Что же ему за это будетъ?

— Судить его будутъ... а тамъ...

— Разстрѣляютъ можетъ какъ того солдата, что въ прошломъ году вы разстрѣляли?

— Можетъ и разстрѣляютъ,—невпопадъ совралъ адъютантъ.

— Не трогайте его... Коли онъ зло сдѣлалъ, его Аллахъ прежде васъ наказалъ. Смотрите, онъ самъ на дорогѣ къ смерти... Роднымъ же убитаго, если они потребуютъ, мы пеню заплатимъ и верблюдами, и лошадьми, и баранами, какъ тамъ захотятъ; всѣмъ кочевьемъ своимъ сложимся и заплатимъ.

— Они говорятъ, заплатятъ за него... лошадей дадутъ, барановъ... чего же тебѣ еще надо? — объяснялъ Бабаджакъ рѣчь Гайнулы, несовсѣмъ хорошо понимавшему по-киргизски, адъютанту.

— Это не мое дѣло, я долженъ его привезти—и шабашъ!—произнесъ адъютантъ въ отвѣтъ на предложеніе Гайнулы.

— Ну, подожди, мы его вылѣчимъ, можетъ онъ живъ будетъ, тогда и пріѣдешь за нимъ; а теперь, что вамъ въ немъ толку?—лукавилъ Гайнула-бабай, а самъ думалъ: «мы его въ это время туда припрячемъ, что вамъ его и съ собакажи не сыскать».

— Э, да что тутъ вздоръ болтать даромъ! Ребята, бери вотъ жерди, подсовывай подъ коверъ!

Казаки тронулись было. Киргизы загудѣли.

— Ну. же!...—горячился адъютантъ.

— Не трогай!—важно произнесъ Гайнула, — оставь, иди себѣ съ Богомъ домой, а то дойдетъ до крови.

Молодцоватый урядникъ мигнулъ казакамъ и кинулся къ ковру, на которомъ неподвижно лежалъ Петръ Михайловичъ—

все еще въ забытьѣ, нисколько не подозрѣвавшій какая драма разыгрывается надъ его тѣломъ.

Дюжій киргизъ, весь рябой, со всего размаху ударилъ кулакомъ подскочившаго казака. Тотъ упалъ.

— А, бунтъ!..—заревѣлъ адъютантъ,—шашки вонъ! руби ихъ, мерзавцевъ!..

— Дур-ракъ, братъ, ты совсѣмъ или пьянъ, какъ свинья!—крикнулъ на него Трубаченко,—куда лѣзете? или головъ своихъ не жалко?—остановилъ онъ сунувшихся было казаковъ.

— Меня убьешь прежде, а потомъ руки на него положишь,—спокойно произнесъ Гайнула-бабай и сталъ передъ тѣломъ Касаткина.

Сѣдой старикъ поднялъ тяжелый мултукъ своими трясущимися руками и приложился. Краснощекая дѣвка подбиралась сзади къ адъютанту, сжимая что-то въ своей правой рукѣ...

— Ради самого Бога, не дѣлай глупостей,—убѣждалъ адъютанта Трубаченко,—перебьютъ васъ всѣхъ здѣсь, только тѣмъ и кончится.

— Да какъ же я-то? Вѣдь я же долженъ?..

Адъютантъ спохватился, что дѣло зашло уже очень далеко... Онъ оглянулся, со всѣхъ сторонъ видны были скуластыя, озлобленныя лица, торчали пики, въ стиснутыхъ кулакахъ блистали кривые ножи... Горсть казаковъ, въ бѣлыхъ парусинныхъ рубахахъ, совершенно терялась въ этой толпѣ.

— Оставь, ужъ я устрою все какъ слѣдуетъ; ты лучше не суйся. Повѣрь мнѣ, я говорю, какъ товарищъ твой.

— Да, пожалуй!..

— Онъ его не возьметъ!—изо всей мочи крикнулъ Трубаченко, и его голосъ едва только покрылъ гулъ и ропотъ собравшейся толпы.

— Хвала Аллаху, что не попустилъ даромъ литься крови человѣческой!—произнесъ Гайнула.

Сквозь толпу пробирался Ашикъ-Мулла и тащилъ за рукавъ другого старика въ полосатомъ халатѣ, пугливо озиравшагося, особенно когда онъ замѣтилъ казачьи рубахи... Это былъ Али-Турсукъ—знахарь, котораго разыскалъ таки старый Ашикъ и привезъ лѣчить Петра Михайловича.

— Онъ его не возьметъ,—повторилъ Трубаченко,—онъ завтра утромъ поѣдетъ въ Чиназъ и скажетъ коменданту, что

Касаткинъ больной лежитъ здѣсь; комендантъ вѣдь не зналъ этого... Можетъ-быть ему и простятъ вину его. Богъ милостивъ и избавитъ его отъ всякаго худого.

Одобрительный ропотъ послышался въ толпѣ.

— Вѣрно ли это? нѣтъ ли тутъ какой хитрости?—подозрительно произнесъ одинъ изъ толпы.

— Моя голова въ томъ порука,—сказалъ Трубаченко и провелъ пальцемъ по шеѣ, какъ бы показывая, что могутъ ее отрѣзать у него, если онъ сказалъ неправду.

— Пускай казаки дальше отойдутъ и тамъ вонъ станутъ. Мы имъ туда и сѣна, и ячменю принесемъ, и плову имъ сваримъ, только бы близко не подходили,—говорилъ Гайнула.

— Это можно, это можно сейчасъ,—поспѣшилъ согласиться адъютантъ.—Эй, ребята, отойди вонъ туда, къ камышамъ; огонекъ разведите... Да, полно, ночевать ли мнѣ здѣсь? я, можетъ, лучше теперь въ Чиназъ отправлюсь?—обратился онъ къ Трубаченко.

Онъ немножко трусилъ, то есть оно и несовсѣмъ немножко, и радъ былъ совсѣмъ отойдти отъ ауловъ Гайнулы-бабая.

— Нѣтъ, отчего же, переночуй! Видишь, темно совсѣмъ стало; опять же и кони притомились; вѣдь вы все рысью гнали...

— Да, поспѣшали таки... А какъ бы чего не вышло?... ночью-то...

— Что же, и тебѣ, что ли, порука моя нужна, какъ этимъ? Пожалуй, я готовъ... Вотъ и Бабаджакъ тоже пойдетъ къ тебѣ въ заложники,—усмѣхнулся Трубаченко.

— Тебѣ все, братецъ, шутки!

— Да и ты нынче такъ было пошутилъ, что... эхъ, да и говорить не хочется, что бы было!..

— Милости просимъ подъ мою крышу,—поклонился Гайнула адъютанту,—коли добрымъ гостемъ будешь, всякій почетъ и пріемъ тебѣ сдѣлаютъ. Эй, бабы, кумысу давай!.. огонь подъ котлы положите, живо!...

Гайнула-бабай расходился и началъ хозяйничать; онъ былъ видимо радъ, что дѣло кончилось мирно. Радъ былъ и Трубаченко, улыбался и Бабаджакъ, оскаливъ свои широкіе бѣлые зубы; радъ былъ и адъютантъ, но скрывалъ свою радость

и пытался придать своей физіономіи самое солидное выраженіе.

Казаки разнуздали лошадей, распустили подпруги у сѣделъ и разбили коновязь. Два или три киргиза усердно помогали имъ, натаскали камыша для костровъ и привезли два большихъ турсука съ хорошею родничною водою.

Давно уже сѣло солнце и даже луна поднялась и освѣтила аулы; всюду горѣли костры, блистало оружіе; группы киргизовъ, не расходясь, толпились у огней, лошади ржали на приколахъ, чуя какъ въ ихъ торбы засыпали ячмень... Женскіе голоса пѣли какую-то торжественную пѣсню-импровизацію, въ которой описывалось событіе этого дня. Громче всѣхъ раздавался голосъ краснощекой красавицы.

Гайнула распорядился, чтобы киргизы не расходились и провели ночь у его кибитокъ: онъ боялся немножко казаковъ и подозрѣвалъ ихъ въ желаніи ночью, пользуясь сномъ своихъ противниковъ, овладѣть Касаткинымъ.

Ночная свѣжесть привела немного въ чувство Петра Михайловича, онъ открылъ глаза; но въ этомъ тупомъ взглядѣ, какъ-то странно устремленномъ впередъ, было что-то тяжелое, безотрадное.

— А, ты еще шевелишься... зубы-то какіе...—шепталъ Касаткинъ.

— Тс!..—произнесъ Трубаченко и поднялъ палецъ кверху.

— Очнулся?—спросилъ адъютантъ и подползъ къ Петру Михайловичу.

— Наташа... больно!.. у тебя когти острые... плечо больно... пароходъ Аралъ... Наташа... тише!.. лошадь скачетъ... топочетъ... Альфа, назадъ!..

— Бредитъ,—прошепталъ адъютантъ и поползъ на свое мѣсто...

На другой день чуть свѣтъ адъютантъ съ казаками уѣхалъ въ Чиназъ. Къ вечеру самъ комендантъ съ докторомъ пріѣхали въ тарантасѣ къ Гайнулѣ въ гости. Пріѣхалъ и маіоръ слѣдователь, пріѣхалъ и Мартынъ Федоровичъ, только безъ Наташи; она осталась ухаживать за своимъ больнымъ и наотрѣзъ отказалась отъ поѣздки.

Докторъ осмотрѣлъ Петра Михайловича и рѣшилъ, что

ему жить осталось не болѣе какъ двое сутокъ. Маіоръ составилъ протоколъ и занесъ въ него докторское заявленіе. Комендантъ заявилъ, что въ виду всего этого «арестъ можетъ быть только такъ... для формы больше... нельзя же...» и дозволилъ оставить въ аулѣ Гайнулы, только съ тѣмъ, чтобы тутъ же находились два казака въ видѣ часовыхъ... Хозяинъ аула остался совершенно доволенъ этимъ распоряженіемъ.

Гости провели часа два въ аулѣ, напились кумысу, покормили лошадей и поѣхали обратно въ городокъ. Знахарь Али-Турсукъ принялъ больного на свое попеченіе.

Трубаченко видѣлъ, что докторъ произнесъ свой приговоръ и отказался отъ лѣченія, а потому допустилъ кочевого мудреца дѣлать надъ Касаткинымъ все, что ему будетъ угодно.

— Живой будетъ, помни мое слово!—говорилъ таинственно Ашикъ.—О, мой тамыръ Али—великій знахарь и свое дѣло знаетъ.

— Посмотримъ,—произнесъ Трубаченко,—поставитъ на ноги—подарю ему своего караковаго иноходца—помнишь того, что купилъ въ Джюзакѣ третьяго года?

— Эге, какой ты добрый!—сказалъ Али-Турсукъ (онъ слышалъ обѣщаніе Трубаченко),—только мнѣ твоей лошади не надо. Понимаешь?

— Что такъ?—удивился поручикъ.

Махнулъ рукою въ отвѣтъ Али-Турсукъ и наклонился къ своему паціенту.

IX. Усердная сидѣлка.

Оставимъ израненнаго Петра Михайловича на попеченіе медика-киргиза, знахаря, какъ ихъ называютъ, тѣмъ болѣе, что русскій докторъ уже изрекъ свой приговоръ, и будемъ увѣрены, что въ аулѣ Гайнулы-бабая ему будетъ ни чуть не хуже, чѣмъ въ чиназскомъ лазаретѣ. Съ этимъ мнѣніемъ совершенно согласились всѣ его друзья и Трубаченко, и Бабаджакъ, и Пуговицынъ, и даже самъ Мартынъ Федоровичъ, который, впрочемъ, на другой день намѣревался еще разъ посѣтить Петра Михайловича, и уже въ этотъ разъ непремѣнно съ дочкою, а можетъ быть, и съ самою Малапьей Ивановной.

Если Али-Турсукъ, знахарь, готовъ былъ служить Касат-

кину своимъ знаніемъ, то въ свою очередь Гайнула и краснощекая киргизка не оставляли его своими заботами, до такой степени утонченными, что хоть бы и не въ камышахъ въ полудикомъ кочевомъ аулѣ. Особенно послѣдняя—та положительно не оставляла не на одну минуту больного: сгоняла мухъ и оводовъ, смачивала губы водой съ примѣсью водки, по указанію Али-Турсука терла въ деревянной чашкѣ какія-то сушеныя травы табачнаго цвѣта, которыя знахарь привезъ съ собою, и собственноручно зарѣзалъ чернаго барана съ бѣлою головою, выбраннаго изъ стада для необходимыхъ заклинаній.

И такъ, зная, что нашему больному тамъ не хуже, чѣмъ гдѣ либо, оставимъ его въ покоѣ доживать, по мнѣнію доктора, послѣднія сутки и перейдемъ въ Чиназъ взглянуть на другого больнаго.

Шторки у оконъ опущены; въ комнатѣ самый мягкій, пріятный для глазъ полусвѣтъ,—и скользитъ этотъ полусвѣтъ по высокой спинкѣ мягкаго зеленаго кресла, по округленными формамъ подушекъ безукоризненной бѣлизны, по столику, заставленному полудюжиной пузырьковъ съ этикетками, двумя графинами съ чѣмъ-то красноватымъ, недопитымъ стаканомъ, въ которомъ торчитъ ложечка, и тому подобнымъ, скользитъ по пряди темныхъ волосъ, рѣзко обозначившихся на подушкѣ, по матовому блѣдному лбу, по острымъ угламъ приподнятыхъ колѣнъ, прикрытыхъ только легкимъ лѣтнимъ одѣяломъ,—задѣваетъ чуть-чуть уголъ передника и кончикъ ноги въ красненькой туфелькѣ, и чуть замѣтнымъ четыреугольникомъ рисуется на чисто-вымытомъ деревянномъ полу, на которомъ въ растяжку спитъ на боку старая лягавая собака Мартына Федоровича.

— Наташа,—шипитъ Маланья Ивановна, чуть-чуть пріотворивъ дверь сосѣдней комнаты,—Наташа, заснула что-ли?

— Тс!.. тише вы, маменька! — зашевелилась на креслѣ Наташа.—Сергѣй Николаевичъ только-что задремалъ. Тише же, Бога ради!

Въ голосѣ дѣвушки послышалась мольба; несносная дверь такъ громко заскрипѣла, стоптанные башмаки Маланьи Ивановны такъ противно шаркаютъ по полу.

— Ну, что вамъ?..

Наташа на цыпочкахъ, какъ тѣнь, словно не прошла, а пронеслась надъ поломъ, проскользнула къ дверямъ.

— Ну, что же вамъ нужно?—проговорила она съ досадою.

— Ватрушки съ ежевикою будешь ѣсть? я для тебя оставила... вонъ, пойди, они тамъ на блюдѣ... сегодня удались отлично... я ихъ на сметанѣ ставила, а ягоду распарила заранѣе.

— Ахъ, маменька, ну что вы съ своими ватрушками!..— Наташа рванулась назадъ и притворила дверь.

— Рехнулась совсѣмъ дѣвка, — произнесла Маланья Ивановна, постояла немного подъ дверью, послушала и пошла къ себѣ, нарочно вотъ тяжело шмыгая башмаками. «На-молъ тебѣ, вотъ на зло-те!..»

Опять тишина, опять гробовое молчаніе; чуть шелестятъ только листки какой-то книги, осторожно перелистываемой тонкими пальчиками, да слышно ровное, покойное дыханіе больного.

Грохотъ экипажныхъ колесъ и разнокалиберный звонъ бубенчиковъ такъ и ворвался въ комнату, разомъ нарушивъ эту могильную тишину... Усталыя лошади фыркали, особенно одна—та даже принялась рыть землю ногою, когда тарантасъ остановился у крыльца Чижиковскаго дома, и какъ нарочно подъ кованное копыто коня попадались осколки какой-то разбитой бутылки.

— Это несносно, это невыносимо!—простонала Наташа.

— Добрый ангелъ мой!—отчетливо произнесъ другой голосъ.

Открытые глаза больного смотрѣли такъ нѣжно, въ нихъ такъ много свѣтилось чего-то такого, что... такого, что... Наташа и сама не понимала, чего въ нихъ много свѣтилось...

— Васъ разбудили... Сергѣй Николаевичъ... васъ обезпокоили...

Слегка влажная, исхудалая рука приподнялась, протянулась и повисла въ воздухѣ. Сергѣй Николаевичъ былъ еще очень слабъ и не могъ долго держать руку на вѣсу; она начала опускаться на прежнее мѣсто, ее поддержали.

— Добрый мой ангелъ!.. — еще разъ нѣжно произнесъ Ровичъ и сжалъ эти тонкіе дрожащіе пальцы.

— Наташа,—снова зашипѣла Маланья Ивановна, и снова ея потное лицо въ чепцѣ кивало въ дверяхъ, заскрипѣвшихъ еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Наташа не отвѣчала.

— Наташа, да ты слышишь? я тебя зову... слышишь-ли?.. пойди сюда.

— Не нужно мнѣ вашихъ ватрушекъ, отстаньте Бога ради.

— Иди, а то громко закричу... Наташа... громко закричу!..

Маланья Ивановна разинула ротъ и собиралась исполнить свое намѣреніе.

Еще разъ черезъ всю комнату пронеслось легкое видѣніе.

— Маіоръ пріѣхалъ, онъ въ садикѣ сидитъ! Пойди займи его, пока начинку для индюка приготовлю.

— Маменька, да что вы меня мучите?

— Дура, набитая дура!.. и въ кого ты только вышла? вся въ отца должно быть.

— Да какъ же я Сергѣя Николаевича брошу? вы поймите это.

— Я буду навѣдываться. Иди же!..

— Маменька...

— Опять?! дура, вѣдь самъ слѣдователь, надо ублажить, а то въ такую бѣду втянетъ... Напакостили вотъ, теперь идите расхлебывайте... Самъ въ аулы ѣздилъ и дорогу опечатывалъ; не всю, а то мѣсто самое, понимаешь?—таинственно прошептала Маланья Ивановна и протянула Наташу за рукавъ ея платья—какъ бы она опять не юркнула на свое кресло.

Сильный свѣтъ незавѣшанныхъ оконъ сосѣдней комнаты заставилъ Наташу на минуту зажмурить глаза. Она была блѣдна и сильно похудѣла за это время; подъ глазами ея протянулись дугообразныя, синеватыя полосы.

— Ишь какъ обработалась дѣвка! — произнесла Маланья Ивановна, косясь на свою дочку. — Ну, что щуришься, или на бѣлый свѣтъ смотрѣть стыдишься? Потемошница! Иди въ садъ, что-ли!

— Вы ужъ, маменька, послушайте тутъ у двери!—чуть не плакала Наташа, выходя на крыльцо.

А заслуженный маіоръ уже минутъ десять ходилъ взадъ и впередъ по единственной дорожкѣ садика и все поглядывалъ на калитку. На зеленой деревянной скамейкѣ, стоящей у большого куста сирени, лежали портфель съ бумагами, маіорская фуражка и старыя грязныя перчатки съ прорванными пальцами.

Маіоръ похаживалъ съ заложенными назадъ руками и поводилъ носомъ. Его аппетитъ, возбужденный утреннею поѣздкою

въ камыши, пріятно раздражался запахомъ изъ раскрытаго кухоннаго окна; да притомъ же голосъ Маланьи Ивановны говорилъ кому-то: «Ты его не очень прижаривай, и какъ только съ одного боку зарумянится, ты сейчасъ его и окати сметаною».

— Гм! окати сметаною,—повторилъ маіоръ,—а давненько не ѣдалъ хорошаго карася въ сметанѣ!.. Ты чего?

Изъ-за стѣнки выглядывала голова его кучера.

— Я насчетъ, ежели, здѣсь мнѣ ждать что-ли, или на фатеру ѣхать.

— Ахъ, да! поѣзжай, братецъ, домой. Да слушай: выводишь когда тройку, натри рыжему саломъ лѣвую ляжку, всю какъ есть постромкою обтеръ; не могъ лоскутъ кожи подшить, каналья!

— Я войлочекъ подложу.

— Подложи. Макаркѣ шельмецу скажи, чтобы чистый китель принесъ сюда и платокъ носовой спросилъ бы у Агафьи... слышишь?

— Слушаю-съ.

Голова исчезла. Черезъ минуту задребезжали колеса маіорскаго тарантаса; опять на весь Чиназъ загудѣли бубенцы наборной сбруи... Маіоръ получилъ отъ Маланьи Ивановны приглашеніе обѣдать и потому распорядился отсылкою экипажа.

Калитка скрипнула. Наташа взошла въ садикъ, потупя глазки и перебирая кончикъ своего фартука; она теперь немножко покраснѣла, а можетъ быть этотъ оттѣнокъ придалъ ей красный платочекъ, который она накинула себѣ на голову. Маіоръ разлетѣлся къ ней на встрѣчу и ловко раскланялся.

— Здравствуйте, барышня! здравствуйте, шалунья! что, испугались?

— Чего мнѣ пугаться? здравствуйте.

— Какъ чего? тоже—слѣдователь, не кто другой... Ну-съ готовьтесь къ допросу, присядемъ-ка!

И маіоръ осторожно взялъ дѣвушку подъ руку, подвелъ ее къ скамейкѣ, посадилъ, взялъ свой портфель и съ важностью началъ перебирать въ немъ исписанные листы бумаги.

— Ну-съ...—онъ долго и пристально глядѣлъ на личико дѣвушки, обтеръ усы фуляромъ, откашлялся и произнесъ:

— Эге! да вы никакъ и взаправду струсили?.. Ну, ничего; дайте мнѣ ручку только поцѣловать вашу, вѣдь я добрый. Ну,

давайте же: вотъ такъ! Теперь извольте слушать. Вотъ ваше показаніе; я его самъ уже составилъ, а вы только возьмите перышко и имечко ваше подмахните, вотъ въ этомъ мѣстечкѣ, на самомъ кончикѣ... Да, можетъ, я прочту прежде?

— Къ чему все это?

— Нѣтъ, позвольте... это будетъ лучше. Слушайте.

И маіоръ, откашлявшись, началъ читать сочиненное имъ показаніе.

«Мая такого-то года, въ шесть часовъ утра»... Гм!.. ну, это мимо, а вотъ оно: «по принесеніи онаго тѣла въ безчувственномъ состояніи и уложеніи его на диванъ, въ домѣ отца моего, крѣпостной артиллеріи поручика Мартына Федоровича Чижикова... Я, нижеподписавшаяся»... э, гм!.. «единственно влекомая только чувствомъ христіанскаго милосердія, какъ научаютъ насъ божественныя слова»... Это я, знаете, нарочно чувствительнѣе написалъ; такъ слѣдуетъ, потому генералъ-губернаторъ читать будутъ; ну и можетъ, дальше пойдетъ... «Божественныя слова...» да! — «присутствовала самолично при осмотрѣ и перевязываніи тѣлесныхъ поврежденій вышереченнаго гвардіи капитана...»

— Пожалуйте водку кушать!—взвизгнула, высовываясь изъ окна, Маланья Ивановна, — *я* въ сѣняхъ приготовила; тутъ прохладно и мухъ нѣтъ. Пожалуйте, милости просимъ!

— Э, позвольте, мы сейчасъ вотъ кончимъ... замахалъ маіоръ рукою. — «Вышереченнаго гвардіи капитана Сергѣя Николаевича Ровича и вынутія пули доподлинно не замѣтила, ибо какъ по своему женскому дѣлу и разуму...» я, знаете, это нарочно для того, чтобы подумали: что-же съ нея взять, въ самомъ дѣлѣ!

— Идите водку кушать, маменька зоветъ, а прочтете послѣ. Да я и такъ подпишу, если это нужно,—остановила чтенія показанія Наташа.

— Да оно, положимъ... а все бы не мѣшало... Въ сѣняхъ, маменька сказывали?

— Да, въ сѣняхъ, изъ калитки налѣво—переднее крыльцо заперто.

— Увидимся еще надѣюсь?

— Можетъ быть.

Маіоръ собралъ снова свои бумаги въ портфель, любезно раскланялся и пошелъ къ калиткѣ.

— Ваше высокоблагородіе!

— А!.. это ты, братецъ? Ну что, принесъ?

У куста стоялъ его Макарка съ чистымъ кителемъ подъ мышкою.

— Пожалуйте переодѣваться. Вотъ здѣсь за кустомъ не видно.

— Да смотри, точно-ли не видно? озирался маіоръ во всѣ стороны и юркнулъ за кустъ.

— А пуговицу опять не пришилъ, каналья?

— Дорогою несъ, оторвалась. Шаровары мѣнять не будете? я и шаровары захватилъ.

— Ну, ужъ давай... тащи, осторожнѣе!.. Барышня ушла?

— Ушли-съ... Маменька изъ окошка смотрятъ...

— Не видятъ?

— Немножко должно замѣчаютъ.

— Загороди! вотъ такъ.

Черезъ минуту, маіоръ вышелъ изъ-за куста весь бѣлый какъ снѣгъ, въ бѣломъ кителѣ и таковыхъ же шароварахъ. Онъ обтиралъ лицо чистымъ платкомъ — и въ чаяніи «пропустить рюмашку», какъ выражался капитанъ Пуговицынъ, пошелъ отыскивать входа въ прохладныя сѣни, гдѣ нѣтъ ни мухъ, ни тому подобнаго, но за то на чистой скатерти стоятъ ватрушки съ ежевикою, что-то окаченное сметаною и графинчикъ съ изумрудной, цѣлительною.

Ровичъ приподнялся и полусидѣлъ на диванѣ. Онъ чистилъ себѣ ногти обгорѣлымъ остаткомъ сѣрной спички; заслышавъ шаги Наташи, онъ бросилъ свое занятіе, откинулся на подушки, вытянулъ руки вдоль и полузакрылъ глаза.

Дѣвушка вошла на цыпочкахъ, осторожно притворила дверь и подошла къ дивану. Она начала прислушиваться къ дыханію спящаго; она слушала долго, внимательно, пока не почувствовала, какъ къ ея виску прикоснулись влажныя губы Сергѣя Николаевича.

— Вы проснулись?—прошептала Наташа и покраснѣла до ушей. Ее кинуло въ жаръ. Она едва успѣла опуститься въ кресло. Даже вся комната завертѣлась передъ ея глазами и запрыгали свѣтлые четыреугольники оконъ.

Съ этого дня выздоровленіе Сергѣя Николаевича пошло самыми быстрыми шагами. Черезъ недѣлю онъ уже стоялъ на

ногахъ, а еще черезъ недѣлю онъ вдвоемъ съ Наташей дѣлалъ даже довольно продолжительныя прогулки по берегу и позволялъ себѣ легкія катанья въ лодкѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ сидѣлъ на рулѣ, а Наташа гребла веслами, такъ какъ Сергѣю Николаевичу строго запрещено было дѣлать усиленныя движенія.

И пошли ходить по всему Чиназу новыя варіаціи старой, избитой пѣсни.

XII. Грустные признаки.

Прошли сутки, прошли другія, прошли третьи, наконецъ, прошла цѣлая недѣля, — Касаткинъ не умиралъ да и только, вопреки всѣмъ предсказаніямъ ученаго доктора. На четырнадцатый день у больного появился довольно сильный аппетитъ; онъ выпилъ чашку кумыса, хотѣлъ еще, да ему Али-Туркусъ не далъ. Краснощекая киргизка пѣла самыя веселыя пѣсни и сердито хмурилась, когда пріѣзжалъ кто нибудь изъ Чиназа; особенно она озлилась, когда (давно это было, еще въ самомъ началѣ) пріѣхалъ Мартынъ Федоровичъ съ своимъ семействомъ. Ревнивая дикарка глазъ не спускала съ Наташи, а когда замѣтила, что та нагнулась было къ лежащему на коврѣ Петру Михайловичу, то, не стѣсняясь, схватила ее за плечо и чуть не отбросила въ сторону.

— Кой (оставь)!—крикнула киргизка,—это не твой!.. ступай откуда пріѣхала.

Гайнула-бабай прикрикнулъ на свою дочку и унялъ ее немного, а то бы дѣло дошло до чего нибудь худшаго.

Трубченко—тотъ ненадолго уѣзжалъ въ Чиназъ по службѣ и опять вернулся въ аулъ; онъ почти совсѣмъ поселился въ аулѣ, и Гайнула поставилъ для него особенную желомейку, гдѣ онъ и устроился вмѣстѣ съ Бабаджакомъ, Діанкою, Венеркою и скучающей, вѣчно-воющей Альфою.

Али-Турсукъ теперь рѣшился въ первый разъ перевязать раны—долго онъ отмачивалъ просохшія тряпки теплою водою; осторожно, чуть не по ниточки разбиралъ онъ ихъ и съ нескрываемымъ удовольствіемъ наблюдалъ затянувшіяся, расползшіяся самыми замысловатыми рубцами, рваныя раны.

— Лѣвая рука совсѣмъ испорчена, она больше не го-

дится и скоро высохнетъ,—произнесъ Али-Турсукъ и тутъ же добавилъ, какъ бы въ утѣшеніе, — э! это ничего, бѣда не большая; можно сто лѣтъ жить безъ руки. У «Басмака», въ Дзингатахъ, обѣихъ рукъ не было, да на стодвадцатомъ году померъ.

Гайнула пиръ задалъ по случаю благополучнаго исхода болѣзни своего гостя. Собрались всѣ сосѣди, варили пловъ; вечеромъ огни зажгли, музыку позвали, состоящую изъ рожка, двухъ бубновъ, одной балалайки и трехъ чугуновъ, натянутыхъ бараньимъ пузыремъ и замѣняющихъ литавры. Пѣли почти всю ночь и плясали. Краснощекая веселилась больше всѣхъ и поминутно носила больному то лапши въ чашкѣ, то кумысу, то жирные кусочки баранины. Послѣдніе она таскала пальцами изъ котла, и прикрывъ концомъ кушака, спѣшила пробѣжать освѣщенное свѣтомъ костра пространство, пока не замѣтили похищенія зоркіе глаза главной хозяйки.

Нѣжность и предупредительность добрѣй дикарки простиралась даже на Альфу, которая, получая ежедневно отъ своей новой покровительницы самыя вкусныя кости, растолстѣла такъ, что уже, безъ продолжительной тренировки, положительно не годилась для охоты.

Выздоравливало тѣло Петра Михайловича не по днямъ, а по часамъ; но не радовался Трубаченко, слѣдя за этимъ быстрымъ выздоравливаніемъ, уныло поглядывалъ старый Гайнула и даже поутихла немного живая, вертлявая его дочка.

Что-то странное дѣлалось съ Касаткинымъ... Его душа не поддавалась лѣченію Али-Турсука — и грустное предчувствіе закрадывалось въ сердца окружающихъ.

Смотрѣлъ Касаткинъ какъ-то вяло, безжизненно, безучастно слѣдя за всѣмъ, что вокругъ него происходило... По цѣлымъ часамъ иногда онъ смотрѣлъ въ одну какую-нибудь точку и бредилъ съ открытыми глазами, да бредилъ вдобавокъ безъ всякой связи, что-то неразборчивое. Разъ какъ-то сорвалось у него слово «Наташа»—онъ вдругъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, оглянулся испуганно, пошарилъ около себя руками и засмѣялся, да такъ странно засмѣялся: безстрастно, однотонно, безъ всякаго измѣненія въ чертахъ лица...

Бродилъ онъ иногда вокругъ кибитки Гайнулы и все прицѣливался руками, будто у него былъ его штуцеръ и онъ за-

*

мѣтилъ что-то въ камышахъ у самой опушки. А разъ цѣлыхъ два дня пролежалъ навзничъ, не шевелясь и не закрывая глазъ, и все пѣлъ что-то вполголоса.

— Петя, не поѣдемъ ли мы рыбу половить на затоны?— подошелъ къ нему Трубаченко и тронулъ его за плечо.

Онъ думалъ, что это развлечетъ немного больного и отгонитъ отъ него неотвязныя видѣнія... Поохотиться онъ не предлагалъ Касаткину, потому что уже какая охота однорукому...

Ничего не отвѣчалъ Петръ Михайловичъ на предложеніе поручика, только пѣть пересталъ и сталъ откручивать пуговицу отъ его кителя.

Заплакалъ Трубаченко и отошелъ въ сторону.

Альфа начала бояться своего хозяина, недовѣрчиво косилась на него, особенно когда тотъ начиналъ жестикулировать, обращаясь къ чему-то невидимому. Собака залаяла даже разъ какъ-то и потомъ каждый разъ принималась выть, едва только Касаткинъ выходилъ изъ спокойнаго состоянія.

Ночью пришла къ нему «краснощекая», обняла его крѣпко-крѣпко и легла рядомъ съ нимъ подъ кошму. Тотъ даже не пошевелился.

Ночь была тихая, темная: все спало въ аулѣ, никто не могъ видѣть продѣлокъ молодой киргизки.

— Милый ты мой, душа ты моя, козликъ мой бѣленькій!— шептала ему на ухо дѣвушка и сильно прижималась къ нему, цѣлуя это лицо, холодное, безотвѣтное.—Вотъ, погоди, пріѣдетъ еще знахарь изъ степи, умнѣе Али-Турсука; онъ тебя совсѣмъ вылѣчитъ, тогда я за тебя и безъ калыма пойду. Отецъ отдастъ, онъ тебя любитъ.

— Слышишь? скачетъ!..—внезапно приподнялся Касаткинъ и вскочилъ на ноги.—Тише, тс!..

Онъ началъ прислушиваться... Какъ тигрица вскочила киргизка и тоже вся обратилась въ слухъ — такъ и пронизывая темноту своими блестящими, разгорѣвшимися глазами...

Все было тихо, никакого подозрительнаго шума и топота не слышала краснощекая.

— Хвостомъ шевелитъ,—внушительно, съ удареніемъ произнесъ Петръ Михайловичъ и залопоталъ опять что-то непонятное.

— Ложись, ложись!—повелительно произнесла киргизка и почти силою повалила его на прежнее мѣсто.—Это въ твоемъ

черепѣ черный духъ сидитъ. Пріѣдетъ знахарь «Ярунча», онъ тебѣ его выгонитъ...

Уложила больного степная красавица, помочила ему водою голову, стала перебирать ему волосы пальцами и запѣла киргизскую колыбельную пѣсню... Усыпительно дѣйствовали эти монотонные звуки дикаго напѣва; словно наркотическіе пары опіума туманили мозгъ и застилали все передъ глазами... Петръ Михайловичъ заснулъ подъ пѣсню своей покровительницы.

— Что, братъ, а вѣдь дѣло-то его плохо!—говорилъ Трубаченко Бабаджаку, на другой день утромъ, сидя за промывкою ружей.

— Нехорошо. Совсѣмъ нехорошо. Сегодня колдуны пріѣдутъ, будутъ заклинанія дѣлать; можетъ помогутъ,— отвѣчалъ Бабаджакъ.

— Помогутъ, черта съ два!..

— Али-Турсукъ помогъ-же, а русскій докторъ говорилъ: умретъ непремѣнно, сутокъ не проживетъ, умретъ.

— А по мнѣ такъ лучше бы померъ! что ему жизнь теперь, на радость, что ли?

— Да, безъ руки плохо. Стрѣлять нельзя.

— А безъ мозговъ-то еще плоше... Ишь, гляди, бродитъ какъ волкъ какой въ засадѣ, даже смотрѣть страшно!

Трубаченко взглянулъ въ ту сторону, гдѣ по утоптанной площади, между кибитками Гайнулы-бабая, словно часовой, бродилъ Петръ Михайловичъ и опять рукою размахивалъ, а неподалеку сидѣла Альфа и, поднявъ кверху свою острую морду, выла, прерывая по временамъ свое жалобное вытье озлобленнымъ прерывистымъ лаемъ.

Къ вечеру пріѣхали въ аулъ два старика. Пріѣхали они на высокихъ, старыхъ какъ сами хозяева, аргамакахъ; слѣзли съ лошадей и были встрѣчены Гайнулою съ самою утонченною вѣжливостью и вниманіемъ. На головахъ пріѣхавшихъ были лисьи малахаи; крытые краснымъ сукномъ, верблюжьи халаты были выложены цвѣтными шнурками и даже галуномъ; пояса увѣшаны всевозможными принадлежностями дороги, письма, куренья и спеціальными принадлежностями ихъ промысла. Это и были сами колдуны: «Магома-Тузай» и «Султанъ-Берды»,

пріѣхавшіе выгонять чернаго духа изъ-подъ черепа Петра Михайловича.

Самый процессъ изгнанія отложили до завтра, такъ какъ завтра должно было наступить новолуніе, самое удобное время для всякаго колдовства, да и сами колдуны побаивались русскихъ, которыхъ видѣли въ первый разъ въ своей жизни, и недовѣрчиво поглядывали на своего «невѣрнаго» паціента. Гайнула далъ имъ присмотрѣться къ Петру Михайловичу, а пока пошелъ заботиться, чтобъ колдунамъ устроить пріемъ и ужинъ сообразно ихъ высокому званію.

XIII. Заклинаніе.

На другой день, еще съ полудня, чуть не удесятерилось населеніе аула Гайнулы-бабая: со всѣхъ сторонъ пріѣхали киргизы смотрѣть, какъ такіе мудрецы, какъ Магома-Тузай и Султанъ-Берды будутъ выгонять чернаго духа изъ-подъ черепа Касаткина. Даже перевозчикъ оставилъ свой паромъ на попеченіе работниковъ и пріѣхалъ провѣдать своего тамыра (пріятеля) Гайнулу и навѣстить больного охотника.

— Ужъ позволятъ ли имъ мудровать надъ Петей?—спросилъ тихонько Бабаджака Трубаченко. — Какъ-бы чего худаго не вышло? Я ужъ лучше оповѣщу въ Чиназъ.

— Чего оповѣщать? Хуже не будетъ, — говорилъ Бабаджакъ, — пускай дѣлаютъ свое дѣло! Эти колдуны извѣстны, они умные.

— Умные!.. Дичь одна!.. Ну, какого черта они подѣлаютъ?

— Не поминай шайтана, не надо.

— Какъ бы намъ отвѣчать потомъ не пришлось?

— За что такое отвѣчать?

— А за то, скажутъ, какъ-молъ не донесли?

— Ты мнѣ повѣрь, я тебѣ говорю, повѣрь. Они вылѣчатъ Петьку. Я самъ, у насъ въ Башкаріи, видѣлъ какъ у одного чернаго духа выгоняли. Ну, и выгнали.

— Да по мнѣ пожалуй, хуже не будетъ,—согласился Трубаченко и сообразилъ при этомъ, что теперь уже все равно ничего не подѣлаешь; соглашайся не соглашайся, а ужъ они Касаткина изъ своихъ рукъ не выпустятъ—и всякое вмѣшательство ихъ не поведетъ ровно ни къ чему.

Такъ какъ наѣхало много гостей, а гость—лицо священное для каждаго киргиза, то поэтому всѣ аульники позаботились о томъ, чтобы пріѣхавшіе были сыты и не жаловались послѣ, что въ «Дальнихъ Аулахъ» ихъ держали съ пустыми желудками. Штукъ десять барановъ были зарѣзаны и варились въ большихъ котлахъ, поставленныхъ на открытомъ воздухѣ. Киргизы сидѣли пестрыми кружками у кибитокъ, женщины сновали взадъ и впередъ съ чашками молока и подносами съ разными сластями. Гайнула-бабай и его отецъ сидѣли въ кибиткѣ, полы которой были подняты такъ, что всѣ могли видѣть сквозь рѣшетку (телѣга) все, что тамъ происходитъ. На почетномъ мѣстѣ, за очагомъ сидѣли колдуны и созерцали тлѣющіе уголья очага, какъ бы отыскивая тамъ въ этихъ, то вспыхивающихъ, то погасающихъ искрахъ, совѣта и указанія, какъ приступить къ такому важному дѣлу. Пришли въ кибитку и наши офицеры: Трубаченко съ Бабаджакомъ, поздоровались съ хозяиномъ, съ его гостями и сѣли.

— Ну вотъ, Аллахъ милостивъ, онъ пошлетъ выздоровленіе вашему больному,—произнесъ Гайнула.—Вотъ эти люди знаютъ, что надо сдѣлать; они его вылѣчатъ.

— Хорошо бы, коли такъ,—произнесъ въ отвѣтъ Трубаченко.

— Вылѣчатъ,—съ увѣренностью произнесъ Бабаджакъ.

А Касаткинъ лежалъ въ своей кибиткѣ на коврѣ и думалъ. Онъ провелъ безсонную ночь — и теперь его клонило ко сну, несмотря на окружающій шумъ и движеніе. Молодая киргизка не отходила отъ его кибитки и безпрестанно заглядывала туда подъ различными предлогами. До ушей больного достигалъ шумъ и говоръ; онъ видѣлъ, что собралось много народу, что происходитъ что-то необыкновенное, но совершенно равнодушно относился ко всему этому. Онъ не понималъ ничего и не пытался даже понять; онъ былъ далекъ отъ всякой мысли, кромѣ одной, гвоздемъ засѣвшей въ его воспаленномъ, больномъ мозгу, поражавшей его слухъ, рисующей передъ его глазами несуществующія картины. Ему все чудился далекій топотъ коня, и онъ напряженно прислушивался; ему чудилось что-то, ничкомъ лежащее поперегъ дороги... Англійскій проборъ такъ вотъ и лѣзъ въ глаза; а въ сердцѣ его копошилось, грызло, терзало что-то словно живое, то отыскивая его словно клещами, то

раздвигая широко-широко, такъ что занимался духъ и не хватало больше мѣста въ этой впалой, наболѣвшей груди.

Иногда на лицѣ его мгновенно явилась спокойная ясная улыбка—и еслибъ не эти глаза, неопредѣленно и тускло смотрящіе куда-то въ пространство, то можно было бы подумать, что настала минута спасенія... Но эта улыбка исчезала такъ же мгновенно, какъ и появлялась, и снова эти блѣдныя исхудалыя черты искажало тяжелое, безъисходное страданіе. Быть можетъ въ эти минуты онъ видѣлъ другой образъ — другой, свѣтлый... быть можетъ...

Красивая дочь Гайнулы-бабая вздрагивала каждый разъ, когда замѣчала эту улыбку; она до крови закусывала себѣ губу и звѣремъ смотрѣла въ ту сторону, гдѣ за камышами стлалась широкая Дарья, а за нею виднѣлись низенькіе домики и флагштокъ чиназской слободки. Ревнивая киргизка чутьемъ угадывала, что это была за улыбка и что ее вызывало.

Ждали вечера, когда покажется на потемнѣвшемъ небѣ тонкій сербъ новой луны, и до тѣхъ поръ не приступали къ заклинаніямъ. Всѣхъ присутствующихъ такъ и подмывало самое жгучее нетерпѣніе, за малѣйшимъ движеніемъ Магомы-Тузая и Султана-Берды слѣдили суевѣрные, любопытные и жадные до всего таинственнаго дикари; но колдуны не двигались съ мѣста и даже не удостоивали отвѣтами никого, кто только не подходилъ къ нимъ съ какимъ бы то ни было вопросомъ.

Наконецъ наступилъ давно ожидаемый вечеръ. Пора была начинать заклинанія — и поднялись съ своихъ насиженныхъ мѣстъ старики Магома-Тузая и Султанъ-Берды. Между кибитками Гайнулы-бабая и той, гдѣ лежалъ Касаткинъ — образовалась улица: такою тѣсною толпою стояли по обѣимъ сторонамъ всѣ собравшіеся; каждому хотѣлось протискаться какъ можно болѣе впередъ, задніе поднимались на цыпочки, упирались локтями на плеча переднихъ, тѣ ворчали и протестовали, глухой говоръ стоялъ надъ ауломъ, и этотъ шумъ едва покрывался дробью литавръ и грохотомъ большого барабана. Колдуны пошли къ своему паціенту. Впереди шелъ Магома-Тузай въ длинной бѣлой рубахѣ, въ бѣлой же чалмѣ, и только темно-коричневое, загорѣлое лицо да такія же кисти высох-

шихъ отъ старости рукъ—оттѣняли эту типичную бѣлую фигуру. За нимъ шелъ маленькій мальчикъ лѣтъ восьми, въ красной рубашенкѣ и, пугливо поглядывая по сторонамъ своими большими глазенками, держалъ въ обѣихъ рукахъ тыквенный кальянъ, заправленный и готовый для куренія; синеватый дымокъ поднимался надъ этимъ кальяномъ, забивался въ носъ мальчика, тотъ морщился, чихалъ и отворачивалъ въ сторону свою кошачью мордочку. За мальчикомъ шелъ Султанъ-Берды, тоже весь въ бѣломъ, и несъ въ рукахъ длинную, камышевую трость, обвѣшанную кисточками изъ крашенной шерсти и конскаго волоса.

Магома-Тузай, по обычаю всякаго гостя, не могъ сразу войти въ чужую кибитку, не опросивъ прежде хозяина: будутъ ли довольны его посѣщеніемъ. Онъ остановился, не доходя шаговъ двухъ до входа, и громко произнесъ:

— Суллесъ, суллесъ (отвѣчай)!

Вздрогнулъ Касаткинъ отъ этого голоса, рванулся и сѣлъ, прижавшись спиною къ стѣнѣ кибитки.

— Ну, чего испугался? — нѣжно успокоивала его дочь Гайнулы,—ну, чего? это пришли къ тебѣ добрые люди, хорошіе. Они въ гости пришли къ тебѣ.

— Суллесъ!—повторилъ свой окликъ Магома-Тузай.

— Суллесъ!—произнесъ вслѣдъ за нимъ Султанъ-Берды.

— Кудакъ кунакъ (божій гость)! — отвѣтила за больного красавица. Она видѣла, что отъ Касаткина не дождешься отвѣта.

Согнулся Магома-Тузай и пролѣзъ въ кибитку, за нимъ пробрался второй колдунъ. Мальчикъ съ кальяномъ остался на порогѣ, поставилъ на землю кальянъ и сѣлъ около на корточки.

Гайнула велѣлъ снять совсѣмъ прочь боковыя кошмы—и всѣ, кто желалъ присутствовать при заклинаніяхъ, усѣлись вокругъ кибитки въ нѣсколько рядовъ. Оригинальную картину представляли эти обручи живыхъ лицъ, типичныхъ, косоглазыхъ, скуластыхъ, затаившихъ дыханіе, даже поблѣднѣвшихъ отъ наплыва нетерпѣливаго волненія. Мертвая тишина настала кругомъ, только слышалось дыханіе зрителей и сухой трескъ угольковъ въ сѣткѣ кальяна... Кто-то до того струсилъ, что у него запрыгали челюсти — и этотъ характе-

ристическій стукъ зубовъ ясно слышенъ былъ въ наступившей тишинѣ. Вдругъ Альфа, до сихъ поръ покойно лежавшая у ногъ Касаткина, жалобно завыла.

— Аллахъ, помилуй насъ и спаси!—послышался шепотъ въ толпѣ.

— Это хорошо, — ясно произнесъ Магома-Тузай. — Собака чуетъ того чернаго духа, который боится уже нашего присутствія.

— Уйди, Джанымъ (душа)!—шепнулъ Гайнула своей дочери.

Та неохотно повиновалась, и безпрестанно оглядываясь на Петра Михайловича лѣниво вышла изъ кибитки.

— Ну, будь здоровъ! — началъ колдунъ, обращаясь къ паціенту.

Улыбнулся Петръ Михайловичъ, подвинулся къ старику, протянулъ свою руку и слегка дотронулся до его пожелтѣвшей, длинной бороды. Потомъ онъ указалъ ему пальцемъ въ темный уголъ кибитки и тихо произнесъ.

— Слышись? скачетъ...

Султанъ-Берды досталъ изъ кармана кожаный мѣшочекъ, вышитый шелкомъ и серебряною проволокою; онъ взялъ оттуда щепотку чего-то зеленоватаго и всыпалъ въ сѣтку кальяна. Дымъ вмѣсто синеватаго повалилъ густой молочный и заглубился въ воздухѣ, поднимаясь подъ самый верхъ кибитки. Онъ передалъ кальянъ своему товарищу, сидѣвшему рядомъ съ Касаткинымъ; тотъ сдѣлалъ видъ, что покурилъ изъ этого кальяна и передалъ его паціенту. Машинально принялъ Касаткинъ кальянъ изъ рукъ колдуна, поднесъ камышевую трубку къ своимъ ссохшимся, растрескавшимся отъ горячечнаго жара, губамъ—и усиленно затянулся.

— Ну, довольно,—сказалъ Магома-Тузай, видя, что больной слишкомъ уже жадно вцѣпился въ дымовую камышину. Онъ отнялъ кальянъ и залилъ водою тлѣющіе уголья.

— Это они ему ганаши (родъ опіума) дали, — шепнулъ Бабаджакъ Трубаченко.

— Эхъ, какъ бы не уморили они его совсѣмъ! — вздохнулъ поручикъ.

Наши офицеры находились въ самыхъ первыхъ рядахъ зрителей, вмѣстѣ съ Гайнулою-бабаемъ и его отцомъ, Муллою Ашикомъ.

Вдругъ Касаткинъ какъ-то странно пошатнулся, сперва сильно качнулся впередъ, потомъ откинулся назадъ, голова его запрокинулась, словно шейные мускулы потеряли всякую силу, руки вытянулись, глаза закрылись. Магома-Тузай поддержалъ его и осторожно положилъ навзничъ, подсунувъ подъ голову маленькую цилиндрическую подушку.

Тогда оба колдуна встали съ своихъ мѣстъ, обошли нѣсколько разъ вокругъ лежащаго и стали: одинъ у головы, другой у ногъ, лицомъ другъ къ другу. Альфу вытащили за ошейникъ изъ кибитки, потому что она все время злобно рычала и чрезвычайно подозрительно посматривала на полы длинныхъ рубахъ колдуновъ.

— Албасты-бассу *), слушай, я тебѣ говорю, — началъ Магома-Тузай, нагнулся, прикоснулся концами пальцевъ до лба больного и держалъ ихъ нѣсколько въ такомъ положеніи.

„Албасты-бассу! Не отъ насъ самихъ,
„А отъ самого Аллаха
„Имѣемъ мы нашу силу.
„Слушай волю его. Слушай и повинуйся“!

началъ Магома-Тузай свои заклинанія.

„Слушай волю его и повинуйся“!

повторилъ Султанъ-Берды. Колдуны переглянулись и разомъ произнесли громко, почти вскрикнули:

„Оставь, проклятый ты, это тѣло!..“

Нѣкоторые изъ переднихъ зрителей вдругъ отшатнулись отъ рѣшетки; они вѣроятно подумали, что вотъ, сію минуту, вслѣдъ за этимъ крикомъ вылетитъ черный духъ и, пожалуй, еще заберется къ кому нибудь изъ нихъ, благо недалеко ходить.

Послѣ этого заключенія, Магома-Тузай взялъ камышевую трость и слегка дотронулся до груди больного. Онъ замахивался сильно, будто бы хотѣлъ ударить, что есть мочи — и ловко удерживалъ свою руку въ тотъ моментъ, когда трость готова была прикоснуться къ тѣлу паціента.

Это дѣлалось для того, чтобы испугать чернаго духа и

*) Названіе чернаго духа. (Все заклинаніе передано мною буквально).

заставить его убраться вонъ изъ подъ черепа больного. Затѣмъ оба колдуна вышли изъ кибитки и велѣли, не трогая спящаго подъ вліяніемъ паровъ опіума, разобрать всю кибитку. Пять или шесть женщинъ приступили къ этому дѣлу. Онѣ ловко стащили кошмы, свернули ихъ, положили въ сторону и принялись за крышу; ребро за ребромъ вся крыша была разобрана менѣе чѣмъ въ пять минутъ и снятъ верхній кругъ: осталось только сложить «телѣгà» — и Касаткинъ остался совершенно на открытомъ мѣстѣ, навзничъ лежащій на мохнатомъ красномъ коврѣ.

Барабанъ и литавры все время гудѣли не переставая; Магома-Тузай и Султанъ-Берды совѣщались въ сторонѣ, пожимая плечами и разводя руками, какъ бы говоря, что дѣло-то трудновато.

— Ну, что?—подошелъ къ нимъ Гайнула.

— Силенъ духъ, очень силенъ, трудно съ нимъ сладить,—вздохнулъ Магома-Тузай.

— А главное дѣло, засѣлъ онъ въ невѣрное тѣло, ужъ очень для него удобное,—поддержалъ Султанъ-Берды.

— Постарайтесь, — низко поклонился Гайнула, — ничего для васъ не пожалѣю: по двѣ лучшихъ лошади выберете изъ косяка и барановъ по десяти головъ на каждаго.

Говоря это, Гайнула покосился на свою дочь, грустно стоящую неподалеку, порывавшуюся подойти поближе къ *тому*, что неподвижно (словно тѣло, ожидающее похоронъ) лежало на самомъ видномъ мѣстѣ, въ центрѣ свободнаго круга, обрамленнаго толпами зрителей.

Работники Гайнулы натаскали цѣлыя горы вязанокъ камыша и разложили громадные костры. При красномъ свѣтѣ огня вся картина приняла еще болѣе дикій оригинальный характеръ.

— Раздайся, раздайся! — слышались голоса въ темнотѣ. Конскій храпъ и топотъ дали знать о приближеніи какихъ-то всадниковъ; раздвинулась толпа — и въ освѣщенное пространство въѣхали два конныхъ киргиза на неосѣдланныхъ табунныхъ лошадяхъ и втащили за собою на арканахъ еще третью лошадь, всю вороную безъ отмѣтинъ, сердито прижимающую назадъ свои надрѣзанныя уши и поминутно брыкающую задомъ. Конь былъ положительно дикій, необъѣзжен-

ный, можетъ быть въ первый разъ почувствовавшій прикосновеніе аркана къ своей щекотливой шеѣ.

— Осторожнѣй, берегись, не подходи близко! — предостерегали конные киргизы.

— Ну, что, легко его взяли? — спросилъ у одного изъ нихъ Гайнула-бабай.

— Съ самаго заката солнечнаго бились; не дается, да и все тутъ. Мы его уже въ топь загнали, тамъ и зааркапили.

Дѣйствительно, ноги пойманнаго коня, по самое брюхо, были покрыты грязью и иломъ. Отъ животнаго валилъ густой паръ, большіе дикіе глаза искрились, красныя ноздри громко фыркали и сопѣли.

— Шайтанъ-звѣрь... го-го-го!—окликнулъ Гайнула коня.— Годится этотъ?—обратился онъ къ колдунамъ.

— А чистая масть?—спросилъ его Магома-Тузай.

— Ни одного волоса бѣлаго, весь черный, какъ воронъ.

— Ну, ведите!

Широко раздалась толпа. Всѣ знали уже, что это такое готовится—и потому позаботились о просторѣ.

Пойманную лошадь прихватили для большей прочности еще двумя арканами. Всадники размѣстились такъ, что вороной конь пришелся какъ разъ между ними, — и когда имъ надо было обскакать лежащаго Касаткина, справа и слѣва, вороной непремѣнно долженъ былъ перепрыгнуть черезъ тѣло, а это считается однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, для того, чтобы окончательно испугать чернаго духа.

Всадники гикнули, пригнулись къ лошадямъ и поскакали; нѣсколько пѣшихъ палками и крикомъ побуждали упрямаго коня скакать куда ему слѣдуетъ.

Дико фыркнулъ конь, подбѣжалъ къ больному, нагнулъ голову къ самой землѣ, сильно обнюхалъ лежащаго, насторожилъ уши и попятился. Натянутые до послѣдней возможности арканы трещали; оба всадника чуть не свалились на землю.

— Гайда, гайда! — кричали они. — Гайда, гайда!—орала толпа и гикала, и свистала, швыряла въ упершагося на одномъ мѣстѣ коня комками земли, палахаями, чѣмъ ни попало.

Неожиданно взвился конь на дыбы, перескочилъ черезъ Касаткина, стащилъ на землю одного изъ арканщиковъ и понесся вонъ изъ аула.

— Держи, держи!—кричалъ Гайнула.

— Держи, еще два раза надо!—кричали оба колдуна.

Пѣшіе ринулись на-перерѣзъ къ бѣглецу, навалились на арканъ, волочившійся по землѣ, и остановили таки вороного коня.

Еще два раза повторилась эта дикая сцена. Со всѣхъ трехъ лошадей мыло валилось бѣлыми, пѣнистыми хлопьями.

— Ну, довольно!—произнесъ Магома-Тузай и добавилъ:— если и теперь черный духъ не оставитъ его въ покоѣ, такъ уже ничего больше нельзя сдѣлать.

Султанъ-Берды потребовалъ себѣ чашку съ холодною водою и красный кумачный платокъ. Когда ему подали то и другое, онъ намочилъ въ водѣ, выжалъ платокъ и положилъ на лобъ Петра Михайловича.

Потомъ оба колдуна взяли по куску бараньяго жира и бросили ихъ въ самый пылъ горящаго костра. Старики усѣлись у этого огня и внимательно слѣдили за горѣвшимъ жиромъ; они по цвѣту и формѣ пламени хотѣли угадать, насколько успѣшны будутъ результаты ихъ леченія.

Трубаченко и Бабаджакъ подошли къ своему несчастному товарищу. Тамъ уже сидѣла красавица Джанымъ и наблюдала, чтобы платокъ на лбу больного былъ постоянно влаженъ. Это нужно было для того, чтобы больной скорѣе избавился отъ непріятнаго дѣйствія одуряющаго курева.

— И ты говоришь, что онъ будетъ здоровъ? — говорилъ Гайнула, пристально глядя въ глаза Магомы-Тузая.

— Къ слѣдующей новой лунѣ, не раньше!—отвѣчалъ Магома-Тузай.

— Не раньше,—подтвердилъ Султанъ-Берды.

— Будемъ ждать,—рѣшилъ Гайнула.

— Да, жди черта съ два! — махнулъ рукою Трубаченко и усиленно, всею грудью, затянулся изъ своей трубочки.

Ночью оба колдуна уѣхали.

XIV. Исчезновеніе.

Сильная усталость взяла верхъ надъ чувствомъ красавицы Джанымъ. Она долго сидѣла надъ спящимъ Петромъ Михайловичемъ, внимательно слѣдила за его неестественнымъ сномъ, прислушивалась къ его сонному лепету и неразборчивому бреду... и не забывала понемногу поливать водой быстро высыхающій платокъ, покрывавшій голову спящаго. Наконецъ, она раза два какъ-то странно наклонилась впередъ, выпрямилась, опять раза два клюнула носомъ, тихо прилегла головою на колѣна Петра Михайловича—и не поднималась уже болѣе. Она заснула, заснула крѣпко, насколько можетъ крѣпко спать здоровая, степная натура, изнуренная четырехсуточнымъ, безсоннымъ дежурствомъ около безпокойнаго, помѣшаннаго больного.

И весь аулъ спалъ такъ же крѣпко, какъ спала красавица Джанымъ; даже вѣтеръ, казалось, заснулъ въ камышахъ, — и неподвижно, таинственно, беззвучно дремали густыя камышевыя чащи.

Альфа лежала у ногъ своего хозяина. Подняла голову вѣрная собака, вскочила и смотрѣла на Касаткина. Тотъ зашевелился, глубоко вздохнулъ и сѣлъ. Онъ проснулся, пошарилъ рукою подлѣ себя, дотронулся до головы Джанымъ, оперся даже на ея плечо, поднимаясь на ноги; та ничего не слышала и не чувствовала. Сильно покачнулся на своихъ ослабѣлыхъ ногахъ охотникъ, чуть опять не повалился на коверъ, и пошелъ прямо впередъ, туда, въ темноту, не разбирая дороги, не глядя по сторонамъ, словно его тянула какая-то сверхъестественная сила... Слѣдомъ за нимъ, не отставая ни на шагъ, побѣжала его Альфа, и ея бѣлая фигурка долго еще мелькала въ темнотѣ, пока охотникъ и его спутница не скрылись въ густотѣ чащи, словно проглоченные этими темными зарослями. А Джанымъ крѣпко спала, охвативъ руками скомканный коверъ, словно жарко обнимая кого-то во снѣ и не слышала она, не чувствовала, что такое около нея дѣлается.

Заря свѣтлою полосой отдѣлила темный горизонтъ; шире и шире расползалась эта полоса... Туманъ заклубился по низу и зашелестили, загудѣли проснувшіеся камыши. Лошади заржали

въ загородьяхъ; заревѣлъ ишакъ гдѣ-то за кибитками; фыркая и отряхивая росу, поднялась изъ-за вязанокъ камыша косматая верблюжья морда и зашевелились спящіе кочевники, потягиваясь и зѣвая подъ своими ватными и верблюжьими халатами.

Вскочила на ноги Джанымъ, вскрикнула и глазамъ своимъ не повѣрила. Нагнулась она къ ковру, ощупала его своими руками... Никого!.. Вотъ платокъ ея красный лежитъ, онъ еще не высохъ, онъ мокрый совсѣмъ, вотъ шапка его лежитъ неподалеку. Грязная нога наступила на нее, ясно видѣнъ этотъ слѣдъ, примявшій козырекъ, приплюснувшій твердый околышекъ; вотъ еще тѣ же слѣды перешли черезъ золу потухшаго костра, опрокинули чашку съ сухимъ просомъ, скрылись на твердомъ, утоптанномъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде кибитка, опять показалась на пескѣ и потянулась къ камышамъ, сопровождаемые малыми звѣздообразными слѣдками собаки.

— Онъ ушелъ! — на весь аулъ взвизгнула краснощекая киргизка.—Гайнула, отецъ! Онъ ушелъ.

Она не дождалась отвѣта... Какъ гончая собака, пригнувшись къ самой землѣ, почти ощупывая каждый слѣдъ руками, она пустилась по этимъ слѣдамъ...

— Ты куда, Джанымъ?—хотѣла было остановить ее какая-то женщина, вышедшая изъ сосѣдней кибитки.

Джанымъ на нее даже и не взглянула.

— Онъ ушелъ!—крикнула еще разъ красавица, обернувшись къ аулу, уже около самой опушки.—Онъ ушелъ, отецъ, посылай на розыскъ!..

— Что тамъ еще? — вышелъ изъ своей кибитки Трубаченко.

— Кто ушелъ, кто?—спрашивалъ Бабаджакъ, высовывая изъ подъ кошмы только свою широко-скулую стриженую голову.

— Эй! Керимъ,—говорилъ спокойно Гайнула одному изъ работниковъ, — собери людей человѣкъ пять, что-ли! Пусть поищутъ въ камышахъ... Какъ бы и взаправду куда не забрелъ въ худое мѣсто!.. Черный духъ силенъ и къ доброму не поведетъ.

— Давно онъ ушелъ?—спросилъ, подойдя къ нему, Трубаченко.

— А не знаю... Прежде всего, чтобы къ топямъ шли искать! Влѣво, около соленаго плеса. Тамъ всего хуже мѣсто.

— Пойду и я. Бабаджакъ, вставай, пойдемъ Касатку искать. Онъ въ бреду ушелъ куда-то...

— Дочь, если скоро найдете, назадъ приведите,—произнесъ Гайнула. — Да онъ тутъ близко гдѣ-нибудь. Гдѣ ему далеко уйти! Онъ и на ногахъ-то, я думаю, путемъ не могъ держаться.

— Хороши колдуны, нечего сказать! — разводила руками старуха,—не могли выгнать чернаго духа, а напугать напугали,—теперь онъ и увелъ съ собою русскаго; боялся, что опять пугать будутъ.

— Это вѣрно,—поспѣшилъ согласиться кое-кто изъ окружающихъ.

— Гей! Гей!—носились по камышамъ крики.

— Гей! Гей!—вторило имъ эхо...

Тамъ и сямъ мелькали верхушки малахаевъ и красныя тюбетейки искавшихъ бѣглеца.

Почти весь аулъ разбрелся на поиски.

Высоко поднялось солнце, перешло уже оно далеко за полдень, когда начали понемногу возвращаться посланные... Ничего не нашли они... Касаткинъ и его собака словно сквозь землю провалились.

Привели Джанымъ, измученную, изцарапавшуюся, въ обрывкахъ красной рубахи, изодравшейся въ клочья въ густыхъ, колючихъ зарослях. Она выла на весь аулъ и, захлебываясь, заикаясь отъ волненія, говорила всѣмъ и каждому, будто-бы сама видѣла, какъ между двухъ кочекъ, у самой топи, горѣло зеленое пламя, а въ немъ-то именно и пропалъ русскій охотникъ, вмѣстѣ съ своею бѣлою собакою. Кто не вѣрилъ, кто повѣрилъ сразу. А Трубаченко отвелъ своего товарища въ сторону и говорилъ:

— Ну, братъ, собираемся-ко, да идемъ въ Чиназъ. Намъ здѣсь больше дѣлать нечего. Надо все объявить коменданту. А то пожалуй опять-таки за все отвѣчать прійдется.

— Пойдемъ, согласился Бабаджакъ.

И оба они стали собирать свои несложные пожитки.

XV. На новой квартирѣ Сергѣя Николаевича.

Былъ превосходный лѣтній вечеръ. Пыль улеглась, и въ чистомъ прозрачномъ воздухѣ вѣяло прохладою. По дорогѣ извилистою лентою, тянувшейся между пепельнозелеными кустарниками джиди и стройными колонками тополей, тихонько, шажкомъ ѣхали два всадника. Дорога въ этомъ мѣстѣ съузилась до того, что двѣ лошади не могли идти рядомъ.

— Твоя лошадь боится... Вотъ этого пня,—обратился Сергѣй Николаевичъ къ своей прелестной спутницѣ.

— Пустяки, она должна идти... Ну, «Голубокъ», впередъ!

Наташа энергично щелкнула языкомъ и тронула своего караковаго коня хлыстикомъ... Голубокъ попятился и началъ подозрительно похрапывать.

— Ну, за мной!..

Сергѣй Николаевичъ ударилъ своего коня шпорами, проскочилъ впередъ и выбрался изъ тѣснины: Голубокъ, не упрямясь болѣе, послѣдовалъ за переднею лошадью.

Онѣ поровнялись.

— Однако, мы ужасно отстали!—замѣтила Наташа.—Тарантасы уѣхали очень уже далеко, и я даже не слышу стука колесъ...

— Ну, и пускай себѣ спѣшатъ! Мы дорогу знаемъ... Вѣдь ты со мною не боишься?

— Нѣтъ, не боюсь...—вздохнула Наташа и наклонилась въ сторону своего кавалера.

Тотъ слегка обнялъ ея талію и нѣжно поцѣловалъ это упругое, молодое плечо, дрогнувшее при поцѣлуѣ подъ тонкою косыночкою...

— Тс!.. кажется, ѣдетъ кто-то сзади!..

— Нѣтъ, это стучитъ здѣсь, вотъ тутъ... слышишь? Ровичъ взялъ руку дѣвушки и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Дорогой мой!..

Наташа сильно наклонилась опять въ ту же сторону... Сѣдло покачнулось и начало сползать... Ровичъ поддержалъ наѣздницу и соскочилъ съ своей лошади.

— Ну, вотъ и остановка!.. Давай я пересѣдлаю твоего Голубка...—говорилъ онъ, наматывая поводья своего коня на руку и снимая съ сѣдла Наташу.

— Какой ты сильный!..

— Ангелъ милый!..

Сергѣй Николаевичъ поддержалъ нѣсколько секундъ Наташу на рукахъ, та притворно сопротивлялась, пытаясь ступить на землю. Маленькая голубая туфля свалилась съ ноги дѣвушки, и яркимъ бирюзовымъ пятнышкомъ рисовалась на темномъ грунтѣ, влажной отъ росы, дороги.

Они возвращались съ прогулки по окрестностямъ Чиназа, устроенной въ видѣ пикника, т. е. съ самоварами, выпивкой и подзакускою. Все общество уѣхало впередъ въ своихъ экипажахъ; Сергѣй же Николаевичъ и Наташа, совершенно впрочемъ случайно (такъ по крайней мѣрѣ, казалось имъ самимъ), отстали—и теперь не очень спѣшили нагонять передніе экипажи.

Понѣжничали, поцѣловались разъ десять, подтянули подпруги у дамскаго сѣдла, сѣли и опять поѣхали, пустивъ коней небольшимъ галопомъ.

— Что съ тобою, Наташа, ты вдругъ нахмурилась и поблѣднѣла? — отнесся къ дѣвушкѣ Сергѣй Николаевичъ, когда всадники выбрались изъ садовъ и передъ ихъ глазами раскинулись безконечные камыши съ сверкающей вдали лентой великой среднеазіатской рѣки.

Наташа не отвѣчала и, опустивъ глазки, пристально разглядывала сѣдые волосы въ черной гривѣ своего «Голубка».

— Наташа!.. — нѣжно произнесъ Ровичъ и хотѣлъ было опять обнять ея талію. Та вздрогнула и поблѣднѣла еще сильнѣе.

— Другъ мой, да что съ тобою?

— Оставьте, оставьте!.. Я не могу этого видѣть...

Наташа судорожно ударила хлыстомъ коня и поскакала... Ровичъ за нею. Она неслась въ карьеръ между двухъ сплошныхъ стѣнъ волнующагося камыша... Пыль, взбитая скачущими лошадьми, поднялась и неподвижно стояла въ покойномъ воздухѣ; впереди тоже показались облачка пыли, въ которыхъ замелькали головы пристяжныхъ, взмахивающіе кнуты и бѣлыя фуражки сидящихъ въ экипажахъ.

Наши всадники быстро догоняли всю кавалькаду. Ровичъ недоумѣвалъ и кусалъ губы съ досады. Наташа видимо успокоивалась, и на ея лицѣ началъ понемногу проступать прежній румянецъ.

— А ужъ мы было безпокоиться начали... — любезно от-

несся комендантъ, когда Наташа придержала лошадь, поровнявшись съ экипажемъ.

— Чего безпокоиться... Она у меня молодецъ: сама дорогу знаетъ, — засмѣялся Мартынъ Федоровичъ и, протянувъ руку, потрепалъ по шеѣ Голубка. — Ага, взмылился, разбойникъ!.. усталъ!..

— Я полагаю, что съ такимъ надежнымъ кавалеромъ всякое безпокойство излишне,—произнесъ заслуженный маіоръ, сидѣвшій на козлахъ тарантаса, и пріударилъ на словѣ «надежный».

— Наталья Мартыновна!.. — взвизгнула казначейша изъ другого тарантаса.

— Сергѣй Николаевичъ!..—не менѣе пронзительно позвала попадья изъ того же экипажа.

— У насъ маленькая непріятность случилась, ослабли подпруги и надо было пересѣдлать, что заняло немного времени... — словно оправдывался Ровичъ и, замѣтивъ, что Наташа подъѣхала къ тарантасу казначейши съ одной стороны, поспѣшилъ заскакать съ другой, гдѣ сидѣла толстощекая, румяная попадья, въ шляпѣ, украшенной цѣлымъ цвѣтникомъ, и съ зонтикомъ, распущеннымъ, несмотря на то, что солнце уже сѣло и надъ туманнымъ горизонтомъ виднѣлся только самый крохотный, красный, какъ раскаленное желѣзо, его краюшекъ.

— Хотите персикъ?—продолжала попадья, протягивая всаднику что-то мокрое, сочное до того, что съ него капало, вынутое изъ корзинки, наполненной до самыхъ краевъ переспѣлыми, сильно-помятыми фруктами.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не хочу. Что вы такъ на меня пристально смотрите?

— Вовсе не на васъ, а на вашу лошадь...—улыбнулась полная дама.

— Что вы въ ней находите особеннаго?..—вы такъ внимательно ее осматриваете, отъ ушей до кончиковъ копытъ.

— Меня удивляетъ немного эта перемѣна... Прежде на ней ѣздилъ Петръ Михайловичъ...

Сергѣй Николаевичъ закусилъ губу и слегка сдвинулъ брови, Наташа поблѣднѣла и отвернулась.

— Ну, такъ что-же?

— Прежде, подъ Касаткинымъ,—эта лошадь шла всегда такъ вяло, некрасиво. Ну, совсѣмъ, какъ оселъ! Уши, бывало, развѣситъ, спотыкается; а теперь я ее просто не узнаю... Это прелесть, что за красивая лошадка! шейка кольцомъ! танцуетъ, а не ѣдетъ... Чудо!

— Это очень просто,—подхватила казначейша. — Новый наѣздникъ правитъ конемъ лучше, чѣмъ прежній... Поздравляю!..

И она начала хихикать и подталкивать локтемъ свою сосѣдку.

Сергѣй Николаевичъ тоже улыбнулся, но какъ-то неестественно кисло. Онъ крѣпко стиснулъ рукоять своего хлыста. Онъ въ эту минуту съ большимъ удовольствіемъ приложилъ бы свой хлыстъ къ этому пошловатому, красному, смѣющемуся лицу, сбилъ бы однимъ ударомъ эти цвѣтники, гдѣ яркими пятнами алѣлъ макъ, топорщились колосья и бѣлѣли звѣздочки полевой ромашки.

Послѣ ужина Сергѣй Николаевичъ, закуривъ сигару, вышелъ на крыльцо. Заслуженный маіоръ остался съ Мартынъ Федоровичемъ доигрывать въ пикетъ. Наташа повертѣлась немного въ комнатѣ, такъ больше для виду, и, улучивъ удобную минуту, юркнула въ дверь и очутилась на крыльцѣ, гдѣ сидѣлъ на перилахъ Ровичъ и дѣлалъ видъ, будто вовсе не замѣчаетъ появленія дѣвушки.

— Сережа!..—шепнула Наташа.

— А, это ты?.. Я думалъ, ты уже ушла спать.

— Не простившись съ тобою... развѣ это можно?

— Отчего-же?!.

Онъ притянулъ къ себѣ Наташу. Та тяжело дышала — и косилась на дверь.

— Въ окно увидятъ, что ты дѣлаешь?! Боже мой!

— Никто не увидитъ, радость моя!.. Ангелъ мой милый!..

Онъ взялъ ея руку и тихонько свелъ ее съ крыльца. Та шла, не сопротивляясь, не отнимая своей головки отъ плеча Ровича. Галунъ офицерскаго погона теръ ей плечо... Они пошли по улицѣ.

Было темно и тихо. Весь Чиназъ спалъ и только въ окнахъ Чижикова видѣнъ былъ свѣтъ, да въ какомъ-то узкомъ и темномъ переулкѣ кто-то усердно и терпѣливо щелкалъ кремнемъ, высѣкая искорки для своей потухшей трубочки.

— Хорошо тебѣ, Наташа?

— Хорошо... хорошо!.. — почти простонала та и жалась къ своему кавалеру, вздрагивая каждый разъ при всякомъ подозрительномъ шумѣ.

— Скажи мнѣ, Наташа, что это сдѣлалось съ тобою во время прогулки?

— Когда?..

— А вотъ, когда мы выбрались изъ садовъ, ты вдругъ перемѣнилась; ты поблѣднѣла; ты словно испугалась чего-то...

— Это такъ, это ничего... Ну, зачѣмъ ты вспоминаешь объ этомъ?

Въ голосѣ дѣвушки послышался страхъ... Словно ее пугало одно воспоминаніе.

— Но, Боже мой, да говори же, говори!..

— Ну... не надо...

— Наташа!..

— Знаешь, я не могу видѣть этого... Ну, не могу... Мнѣ все кажется...

— Да что именно?..

— Этихъ камышей... Тамъ такъ страшно!.. Мнѣ все представляется онъ. Бродитъ онъ, дикій, безумный; на меня смотритъ съ такимъ укоромъ, съ такою тоской... Господи!.. Да чѣмъ же я виновата? Что я ему сдѣлала?.. Вѣдь не могу же я не любить тебя!.. Виновата ли я, что какъ только я увидѣла тебя, со мною сдѣлалось что-то такое странное!.. Я все забыла на свѣтѣ, все, кромѣ одного тебя... Ты вездѣ стоялъ передо мною... Что пережила я въ эти минуты!.. Господи, Господи!.. Ты видѣлъ, что я долго боролась... Я не хотѣла измѣнять ему. Я молила Бога, чтобы ты уѣхалъ скорѣе... Остальное ты знаешь...

— Крошка моя!..

Ровичъ остановился, сильно обнялъ Наташу и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Я благословляю случай, пославшій мнѣ эту пулю; благодаря ей, ты сблизилась со мною, моя болѣзнь дала мнѣ этого ангела.

— Милый!.. милый!..

Двѣ косматыя собаки съ хриплымъ лаемъ кинулись на нашихъ голубковъ; кто-то наускивалъ изъ-за угла забора,

темною массою видиѣвшагося неподалеку. Ровичъ началъ отмахиваться хлыстомъ, Наташа подобрала свои юбочки. Оба они отступили по направленію къ главной улицѣ.

— Ты не испугалась? — ласково спрашивалъ Ровичъ, когда собаки отстали и затихло ихъ послѣднее ворчаніе.

— Нѣтъ... ничего.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— А знаешь что? Мнѣ все кажется, что онъ еще живъ... Мнѣ это такъ живо представляется, что я даже увѣрена въ этомъ.

— Пустяки, ты знаешь, что послѣ того, какъ Трубаченко съ Бабаджакомъ донесли тогда обо всемъ, что случилось съ Касаткинымъ...

Наташа опять вздрогнула, при одномъ только этомъ имени.

— Ну, тогда вѣдь цѣлую недѣлю отыскивали его — все обшарили по обоимъ берегамъ; кажется, булавку— и ту бы можно было найти при подобныхъ розыскахъ.

— Да куда же онъ дѣлся?.. Куда же?..

— По всей вѣроятности, утонулъ. Изъ всѣхъ предположеній, это самое вѣрное.

— Бѣдный, бѣдный!.. и я, я виновата во всемъ этомъ...

— Наташа!..

— Я, я виновата!.. Господи, за что ты послалъ мнѣ такое испытаніе?..

Дѣвушка принялась судорожно рыдать, почти повиснувъ на рукѣ Сергѣя Николаевича.

— Да успокойся, дитя мое, успокойся! И себя ты мучишь напрасно, и меня тоже.

— Ну, не буду, не буду...

Опять они остановились; опять начались утѣшенія съ одной стороны, обѣщанія утѣшиться съ другой, ласки, самыя пламенныя съ обѣихъ...

— Ну, пора домой! мама браниться будетъ,—вздохнула Наташа...

— Ночь такъ прекрасна...—заявилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Вотъ и твоя квартира,—указала Наташа, когда они поровнялись съ небольшимъ домикомъ, смотрѣвшимъ на улицу четырьмя окнами, заставленными войлочными ставнями. — Ты здѣсь останешься, я уже пойду одна.

— Хочешь зайти ко мнѣ? Погляди, какъ я устроился. Я вѣдь только вчера перебрался изъ гостиницы... Зайдемъ!..

— Что ты, что ты!—Ни за что!..

— Да полно! ну, чего ты боишься? Неужели ты мнѣ не вѣришь?.. Ангелъ мой...

— Ни за что!..

Она уперлась и старалась вырвать свою руку.

— Увидитъ кто-нибудь... Оставь...

Однако, она вошла въ дверь—и Сергѣй Николаевичъ принялся чиркать спичкою. Двѣ свѣчи, зажженныя на столикѣ у зеркала, освѣтили чистую комнату, убранную со вкусомъ и и обставленную съ самою изысканною предупредительностью ко всякимъ потребностямъ комфорта.

Наташа дрожала какъ въ лихорадкѣ и стояла посреди комнаты, словно не рѣшаясь сдѣлать какое либо движеніе.

— Ну, вотъ ты и у меня—это ты мнѣ отдала визитъ...—шутилъ Сергѣй Николаевичъ, лаская дѣвушку.

— Ты тутъ спишь?..—сама не зная что говоритъ, спросила Наташа, кивнувъ глазами на складную кровать, застланную дорогимъ хивинскимъ ковромъ.

Вдругъ обѣ свѣчи погасли... Онѣ погасли вслѣдствіе какого-то маневра со стороны Ровича.

Въ комнатѣ воцарилась непроницаемая темнота.

— Ай!—вскрикнула Наташа.

Но этотъ крикъ былъ прерванъ самымъ пламеннымъ неотразимымъ поцѣлуемъ.

XVI. Опять въ камышахъ.

Большой, старый кабанъ - одинецъ взъерошилъ на спинѣ свою сѣдую, длинную щетину, громко хрюкнулъ и попятился. Клыкастый бродяга сопѣлъ носомъ, злобно щелкалъ челюстями—и все пятился и пятился задомъ, пока не протискался между двухъ кочекъ въ камышъ и не завязъ въ илистой топи по самое брюхо. Здѣсь онъ успокоился немного и прищурилъ глаза; жидкая грязь засасывала его мало - по - малу по самое рыло; густое облачко комаровъ совсѣмъ облѣпило его, набивалось въ уши, лѣзло въ ноздри—и заставляло кабана все глубже и глубже зарываться въ прохладную грязь, пока на ея по-

верхности не остались только отфыркивающіяся, запѣнившіяся ноздри.

А животное вовсе не туда пробиралось, куда попало. Предположенія щетинистаго обитателя болотистыхъ береговъ были совсѣмъ иного рода. Онъ, во-первыхъ, намѣревался выбраться на берегъ Сыръ-Дарьи, поваляться въ сухомъ горячемъ пескѣ на отмели, пошарить—не валяется-ли гдѣ нибудь между блестящими бѣлыми ракушками какой-нибудь, выброшенный волнами, уснувшей рыбки (дикія свиньи очень любятъ лакомиться этими подачками щедрой кормилицы-рѣки). Мало-ли что еще предполагалъ кабанъ—но... но его предположенія не сбылись, потому что ему помѣшали.

Раздвигая камыши, спотыкаясь и махая въ воздухѣ руками, словно разрушая какія-то невидимыя преграды, показалась странная человѣческая фигура. Рубаха и штаны на ней были изодраны въ клочья. Рваныя, грязныя, окровавленныя тряпки болтались и трепались отъ вѣтра; глаза у этой фигуры были неподвижно устремлены впередъ, смотрѣли тускло, безжизненно. Исхудалое, покрытое струпьями и кровавыми ссадинами, лицо было искажено отвратительной улыбкой идіота.

Слабый, тощій, сухой какъ скелетъ, онъ шелъ — и его дрожащія слабыя ноги подгибались, словно не могли уже сдерживать это больное, страдальческое тѣло.

За человѣкомъ шла собака — такая же худая, какъ и ея хозяинъ,—она тоже понурила свою голову и высунула на бокъ сухой воспаленный языкъ.

Собака шла и думала:—куда это идетъ ея хозяинъ,—когда и гдѣ остановится? Человѣкъ ничего не думалъ. Онъ ничего не могъ уже думать.

Какъ живая мать носитъ въ своемъ чревѣ мертваго ребенка, такъ въ его живомъ черепѣ лежалъ мозгъ, умершій уже для всякой опредѣленной мысли.

Человѣкъ былъ Петръ Касаткинъ,—собака—его вѣрная Альфа.

Вдругъ ноги несчастнаго подкосились — его тѣло какъ-то странно откинулось назадъ, колыхнулось впередъ... руки безнадежно взболтнули въ воздухѣ...

Касаткинъ упалъ.

Упалъ ничкомъ, затылкомъ кверху; только на затылкѣ этомъ не было англійскаго пробора.

И собака его уныло, жалобно завыла и легла у ногъ Петра Михайловича, то замолкая на минуту, то снова начиная свое грустное вытье, такъ сильно побезпокоившее того стараго кабана, отложившаго свою прогулку по берегу до другого, болѣе благопріятнаго случая.

Солнце перешло уже за полдень и спустилось низко, почти къ самымъ холмамъ на томъ берегу Дарьи. Жаръ смѣнился вечернею прохладою, поднялся туманъ надъ рѣкою; шумныя стаи утокъ и дикихъ гусей спустились на затоны... Быстро набѣгали сумерки, а за ними слѣдомъ надвигалась густая темнота—безлунной южной ночи...

А Касаткинъ все лежалъ—и не двигался въ немъ ни одинъ мускулъ, не шевелилась ни одна тряпка... Неподвижною безобразною массою виднѣлась эта жалкая фигура, лежащая ничкомъ, какъ разъ поперекъ утоптанной двойными копытцами кабаньей тропы.

Два глаза - изумруда сверкнули въ сторонѣ... Быстро, неслышно шагая, выползло изъ чащи полосатое тѣло... Взвизгнула Альфа и юркнула за кочки.

Осторожно подкрался тигръ шаговъ на десять къ охотнику, прилегъ, вытянулся, прыгнулъ, тряхнулъ головою, поморщилъ носомъ и отошелъ прочь.

Этотъ тигръ былъ гастрономъ и баловень. Онъ не ѣлъ труповъ.

XVII. Письмо.

Прошло мѣсяца два съ тѣхъ поръ какъ Сергѣй Николаевичъ уѣхалъ въ Самаркандъ. Передъ своимъ отъѣздомъ Ровичъ обѣщалъ Наташѣ: во-первыхъ, аккуратно писать—не менѣе какъ разъ въ недѣлю—и извѣщать ее въ письмахъ объ всемъ что только съ нимъ ни дѣлается. «Все, все пиши, слышишь?—говорила ему Наташа, сидя съ нимъ въ своей комнатѣ, за перегородкою, наканунѣ отъѣзда,—всякую мелочь—все пиши... Ты думаешь, это пустякъ какой-нибудь? Для меня далеко не пустякъ... для меня все важно, что хотя сколько-нибудь имѣетъ общаго съ тобою».

А Сергѣй Николаевичъ говорилъ ей на это,—улыбаясь и обнимая ея полненькую талію:

— Все буду писать,—даже что у меня бываетъ за обѣдомъ—такъ и буду выписывать тебѣ *меню* за всю недѣлю...

Во-вторыхъ, Ровичъ обѣщалъ, покончивъ всѣ дѣла, вернуться черезъ два, много два съ половиною мѣсяца, обвѣнчаться и ѣхать съ ней въ Петербургъ.

Первое исполнялось довольно аккуратно: письма были длинныя, довольно пламенныя, какъ будто-бы даже задушевныя, но какъ-то нѣсколько насмѣшливыя, шутливыя,—такъ иногда говорятъ съ дѣтьми, когда не знаютъ что имъ отвѣчать на ихъ вопросы, или же желаютъ протянуть время, чтобы ребенокъ не успѣлъ раскапризничаться до прихода няньки.

На Наташу эти письма дѣйствовали всегда такъ; она порывисто, лихорадочно радовалась, когда къ ихъ крыльцу подходилъ дневальный солдатъ изъ комендантскаго управленія, черезъ которое обыкновенно шла вся корреспонденція. Печать срывалась, конвертъ рвался на клочья отъ нетерпѣнія... Затиснувъ письмо подъ лифъ своего платьица, Наташа словно боялась, что кто-нибудь отниметъ у нея эту драгоцѣнность,—и читала,—читала всѣмъ своимъ существомъ: глаза горѣли и забѣгали все передъ и впередъ, — губы шевелились и вслухъ повторяли каждую фразу письма... Но вотъ оживленіе мало-по-малу исчезало, лицо блѣднѣло, глаза смотрѣли задумчиво... чтеніе окончено, — въ результатѣ тоскливая скука и опасеніе чего-то невѣдомаго; и такъ — до полученія слѣдующаго посланія.

— Да ты что это?—спрашивала ее въ подобныя минуты Маланья Ивановна.

— Ужъ не случилось-ли чего съ Сергѣемъ? — озабоченно спрашивалъ Мартынъ Федоровичъ. Онъ уже позволялъ себѣ фамильярность относительно Ровича.— Покажи-ко письмо,—ну покажи, чѣмъ это онъ тебя такъ разстроилъ?

Письмо перечитывалось Маланьей Ивановной. Старики терялись въ догадкахъ и ничего не понимали. По ихъ мнѣнію, въ письмахъ этихъ было все какъ слѣдуетъ: и описаніе проведеннаго времени, и разныя любезности и поклоны съ самымъ искреннимъ почтеніемъ и преданностью имъ, родителямъ. Кончалось всегда такъ: «твой вѣрный и горячо-любящій другъ»... Чего-же больше!?

— Ничего не понимаю; съ чего это ее такъ разогорчило?—недоумѣвала Маланья Ивановна.

«А и въ правду, что-то какъ будто-бы не то!»—думалъ Мартынъ Федоровичъ, но только думалъ; вслухъ же онъ ни за что не рѣшился бы заявить подобно сомнѣніе.

Письмо тщательно разглаживалось, тщательно ставился на немъ нумеръ по порядку и подшивалось оно въ общую тетрадь съ предъидущими. Тетрадь эта подавала надежду быть весьма увѣсистою.

И такъ, первое обѣщаніе Сергѣя Николаевича исполнялось,—оставалось только ждать исполненія второго. А такъ какъ срокъ этому обѣщанію подходилъ, то понятно, что каждый колокольчикъ, со стороны паромной пристани заставлялъ вздрагивать и томиться помолвленную невѣсту Сергѣя Николаевича Ровича.

Былъ базарный день. Окрестные кочевники навезли на чиназскій базаръ—масла, каймаку, сыру, зелени разной. Изъ ближайшихъ кишлаковъ (деревень) привезли сухаго клеверу (дженушки), ячменю, дровъ... Съ краснымъ товаромъ наѣхали торгаши—и Чиназъ оживился. Вся базарная улица кипѣла; громадная площадь, тянувшаяся по берегу Дарьи, по обѣимъ сторонамъ дороги была заставлена арбами, верблюдами и лошадьми; всюду виднѣлись зеленые холщевые и плетеные изъ циновокъ временные навѣсы. Прямо на открытомъ воздухѣ работали туземцы-сапожники и чинили обувь всякому, кто только въ томъ нуждался... Звенѣли наковальни переносныхъ кузницъ, щелкали нагайки и рыскали всадники тамъ, гдѣ отведено было мѣсто для конной спеціальной ярмарки. Мясники, туземцы и солдаты мѣстнаго батальона бродили между группами овецъ и мелкихъ коровенокъ, пригнанныхъ тоже для продажи и ощупывали имъ загривки и паха, испытывая степень откормки... Индѣецъ-мѣняла съ краснымъ значкомъ на лбу, изображающимъ священное пламя, сидѣлъ верхомъ на своемъ кованомъ сундучкѣ-кассѣ и внимательно свидѣтельствовалъ какую-то рваную, засаленную бумажку,—всученную ему плутомъ-артельщикомъ... Евреи—продавцы крашенаго шелка—засѣдали, окруженные грудами своего красиваго ярко-цвѣтнаго товара. Полупьяный солдатъ, шатаясь и спотыкаясь, продавалъ съ рукъ пару казенныхъ шароваръ и шинель, выслужившую срокъ и ставшую уже его неотъемлемой собственностью... Однимъ сло-

вомъ: все ходило, бѣгало, суетилось, толкало, спорило, бранилось, мирилось, продавало, покупало, мѣняло... Однимъ словомъ, базарная жизнь находилась въ полномъ разгарѣ.

Подобными базарными днями пользуется обыкновенно все населеніе Чиназа, чтобы закупить себѣ провизіи и заготовить все необходимое вплоть до слѣдующаго базара.

Всѣ чиназскія барыни, сопровождаемыя денщиками, навьюченными не хуже верблюда, бродили по линіямъ ятокъ и навѣсовъ, любезно улыбались и раскланивались при встрѣчѣ другъ съ другомъ,—ссорились иногда, когда вкусы ихъ относительно какой-нибудь необыкновенно жирной и дешевой утки или же вязки фазановъ сходились—теребили товаръ другъ у друга и даже устраивали нѣчто вродѣ аукціона, надбавляя на товаръ по копѣйкѣ и болѣе, лишь бы перебить ее у этой «скаредной Марчихи» или же «низкой, презрѣнной Исаихи»...

Маланья Ивановна закупила уже почти все, что ей было нужно, отправила своего Евдокима деньщика домой разгрузиться, второй разъ навьючила и второй разъ отправила домой, а сама пока вольготно похаживала по зеленному ряду—и такъ, больше изъ любопытства, прицѣнивалась къ огурцамъ и коровьему маслу, переговариваясь съ попадьею, торговавшей въ эту пору осетра у отставнаго солдата промышленника.

— Ну, нынче базаръ хорошъ, давно уже такого не было!—заявила Маланья Ивановна.

— Бойко!..—согласилась попадья.—Ну, такъ какъ же?—обратилась она въ десятый разъ къ рыбаку.

— А все такъ же,—спокойно отвѣчалъ тотъ.

— То есть, какъ же—четыре съ полтиною?

— Нѣтъ, не четыре съ полтиною, а шесть.

— Богъ въ тебѣ есть.

— Надо быть имѣется. Какъ безъ Бога жить!..

— Ахъ, какая дороговизна! — сочувственно произноситъ Маланья Ивановна.

— Избалованы очень...—замѣчаетъ попадья.—Ну, что, вы уже все покончили?..

— А все. Такъ вотъ брожу; можетъ, что еще навернется.

— Ко мнѣ кофе пить милости просимъ.

— Охъ, что-то мнѣ не до кофію!..

— Что такое?...

— Подъ ложечкой что-то пониже, ровно что сосетъ да и только...

— Краснымъ перцомъ натереться въ банѣ... Четверговую соль къ лѣвой пяткѣ хорошо тоже прикладывать...

— Пробовала, уже попробовала. Ну, что батюшка?..

— Новую ризу шьетъ... Вѣнцы золотить въ Ташкентъ отослалъ... Время вотъ уже подходитъ... Что, что вѣсточки?

— Третьяго дня получили, пишетъ, черезъ двѣ недѣли безпремѣнно пріѣдетъ.

— Ну, вотъ славу Богу!.. Пристроите дочку... Людей по крайней мѣрѣ увидитъ, въ Петербургъ поѣдетъ...

— Жалко дочку-то... Тоже въ какую дальность...

— Можетъ Мартынъ Федоровичу мѣсто какое-нибудь подходящее выхлопочетъ въ Петербургѣ... Ну, и вы переѣдете. Прощайте тогда, Маланья Ивановна, объ насъ, провинціалахъ, чай и не вспомните никогда.

— Э, нѣтъ, матушка, этого во мнѣ нѣтъ, гордости во мнѣ нѣтъ никакой... Вотъ, на что, напримѣръ, казначейша... что она мнѣ, родня ли въ самомъ дѣлѣ? а я всегда съ лаской,—въ своемъ домѣ принимаю, наравнѣ съ комендантшей почетъ дѣлаю...

— Это точно... Потише, вонъ она сюда пробирается.

— Ишь, вѣдь купила много на три рубля всей-то провизіи, а идетъ ровно весь базаръ одна забрала.

— Деньги легко достаются... Ахъ, голубушка моя, Марина Львовна, ну, какъ васъ Господь Богъ милуетъ?..

— Фу!.. совсѣмъ измучилась!—Карпъ, иди домой, скажи барину, чтобы зелень на ледъ спряталъ, а корзину чтобы до меня не разбирать... Здравствуйте, родныя мои!..

— Покончили, душенька, Марина Львовна? — облобызалась съ нею Маланья Ивановна.

— Ухъ, покончила!..

— Кофе пить ко мнѣ пожалуйте,—приглашала и эту попадья.

— Охъ, ужъ мнѣ этотъ кофій!..

— А что?

— Въ голову это ударяетъ сильно; опять въ сердце, ровно кто буравомъ.

— Перцемъ натер...—начала было попадья, но, вспомнивъ,

что это средство предложено уже было Чижиковой отъ другихъ недуговъ, остановилась — и, помолчавъ, закончила:—у батюшки іерея—рецептъ, въ памятникѣ записанъ; я вамъ покажу дома.

— А докторша-то... слышали?—начала Марина Львовна.

— Что такое?

— Все какъ есть съ «укціона» продаетъ; съ своимъ-то съ «смантомъ»-то этимъ расходится, ну, и продаетъ, чтобы ничего, говоритъ, объ этомъ анафемѣ, подлецѣ, измѣнщикѣ не напоминало. Завтра съ барабаномъ извѣщать будутъ.

— Скандалъ!.. Право!..

— Совѣсти нѣтъ, ни на вотъ-сколько!

Казначейша показала на своемъ пальцѣ, насколько именно нѣтъ у докторши совѣсти.

Всѣ три чиназскія дамы выбрались изъ толпы и пробирались узенькимъ переулочкомъ на главную улицу, чтобы оттуда направиться къ попадьѣ въ ея палисадникъ.

— Ну, что, голубочка моя, Маланья Ивановна, чай наши птенчики-то теперь ручка въ ручку сидятъ — не налюбуются другъ на друга, не надышатся? — лукаво спрашивала казначейша.

— Какіе это птенчики?—недоумѣвала Маланья Ивановна.

— Ну, какъ какіе!.. — женихъ съ невѣстою. Будто не знаете?

— Гдѣ же сидятъ?..

— Ну, гдѣ тамъ имъ сподручнѣе. Да что вы, словно... Я уже и не знаю. Я про Сергѣя Николаевича съ Натальей Мартыновною говорю.

— Да онъ еще въ Самаркандѣ. Онъ не пріѣхалъ.

— Ну, полноте, полноте, сюрпризъ намъ дѣлаете. Будто я не знаю...

— Да право же нѣтъ, не пріѣзжалъ;—будетъ не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли. Третьяго дня писалъ.

— Странно!..

— Да что странно-то, что?..

— Сама видѣла. Неужели же я ошиблась?.. Диковина!..

— Да вы гдѣ его видѣли?—спросила попадья,—скажите, душечка, потому надо поскорѣе батюшкѣ оповѣстить... Вѣнцы послалъ золотить, такъ чтобы задержки какой не было...

— Ровно третьяго дня была я въ банѣ, часу этакъ въ одиннадцатомъ, ночью уже... Иду назадъ... Только успѣла посторониться съ дороги, узелъ съ бѣльемъ грязнымъ еще чуть не выронила, гляжу тарантасъ... Приглядываюсь: Сергѣй Николаевичъ сидитъ, сигарку куритъ, въ самый задъ прижался и фартукомъ задернулся... Ну, ладно. Я сейчасъ домой, Пашку посылаю къ Вульфзону, чтобы разузнать; приходитъ Пашка, говоритъ—точно пріѣхалъ и чай пьетъ; самъ, говоритъ, въ окошко видѣлъ...

— Не знаю...—задумчиво протянула Маланья Ивановна—и съ ея толстыхъ красныхъ щекъ началъ пропадать румянецъ.—Третьяго дня, вы говорите?

— Третьяго дня... вечеромъ; этакъ часу въ одиннадцатомъ, либо маленько позже. Изъ бани это я шла, узелъ съ бѣльемъ выр...

— Писалъ, самъ писалъ, черезъ двѣ недѣли и письмо цѣло...

— Ну, можетъ мой Пашка ошибся, это бываетъ. Да чего же это вы такъ разстроились?.. Можетъ Пашка и ошибся;—кто другой пріѣхалъ, а онъ думалъ, что Сергѣй Николаевичъ...

Всѣ трое остановились передъ узенькою калиткою палисадника.

— Пожалуйте, проходите...—приглашала попадья.

— Развѣ чашечку...—согласилась казначейша.

— Повремените немного, матушки, я сейчасъ прійду, заторопилась Маланья Ивановна.—Я сейчасъ, вотъ только тутъ не подалечку сбѣгаю и мигомъ вернусь... Тутъ близко вотъ...

И Маланья Ивановна быстро зашагала къ заведенію Александра Вульфзона, гдѣ, не умолкая во весь день и большую половину ночи, слышалось щелканье бильярдныхъ шаровъ и неслись разные подходящіе къ дѣлу возгласы.

Маланья Ивановна не шла, а просто неслась по улицѣ. Она было совсѣмъ готова была, подобравъ юбки, пуститься бѣгомъ—да ее удержало отъ этого пасажа только чувство собственнаго достоинства и боязнь замелькать голыми икрами на соблазнъ чиназцевъ, такъ какъ Маланья Ивановна, по случаю жаркой погоды, надѣла туфли безъ чулокъ, прямо на босую ногу.

— Справку наводить покатила!—засмѣялась ей вслѣдъ казначейша.

— Да въ чемъ дѣло?.. въ чемъ?..

— А то, что жениха только и видѣли. Удралъ!..

— Да не можетъ быть... писалъ недавно...

— Сама, сама видѣла; я только такъ сказала, что Пашку посылала. Сама я пошла въ гостинницу-то смотрю, на дворѣ тарантасъ стоитъ Ровическій, вѣдь я его знаю, у моего же мужа на казенной кузницѣ чинился; закатываютъ его подъ навѣсъ, чтобы не видали. Я къ жиду. Кто, молъ, пріѣхалъ?.. «Чиновникъ Маклаковъ, сейчасъ дальше ѣдетъ». Я въ сѣни, да къ дверямъ, а подлецъ-то, Вульфзонъ, сталъ на дорогѣ, говоритъ: «бѣлье мѣняютъ, нагишемъ стоятъ, пускать никого не приказали»... Я это вышла, какъ будто домой, а сама къ окошку, пріотворила ставень, гляжу—шторки спущены; а въ одномъ углѣ, промежь двухъ цвѣточныхъ горшковъ и видно... Сергѣй Николаевичъ сидитъ—бумаги перебираетъ, и сидитъ онъ какъ есть во всей одеждѣ, даже сумки съ плеча не снимаетъ... Я къ мужу; говорю: такъ молъ и такъ. Тотъ на почтовую станцію, подорожную смотритъ: что за диковина! Точно, «Маклаковъ, чиновникъ казенной палаты, значится: проѣзжаетъ въ Ташкентъ, по дѣламъ службы, давать трехъ лошадей съ проводникомъ, безъ всякаго задержанія»... Пришелъ это мужъ со станціи и говоритъ мнѣ: «дура!» А я ему: «самъ дуракъ! коли того пустяка не понимаешь, что люди могутъ по чужимъ подорожнымъ ѣздить, особливо когда это имъ потребуется».

— Ай! Ай! Ай!

— Ну, само собою разумѣется, что удралъ... Чего ему въ другомъ случаѣ прятаться?..

— Ай! Ай! Ай!.. Отецъ іерей вѣнцы золотить послалъ,— ризу новую дѣлаетъ...

— Пригодится для другого случая.

— Ай! Ай! Ай!..—еще пропѣла попадья.—Пожалуйте-же!..

И они прошли, наконецъ-таки, въ калитку палисадника.

Александръ Вульфзонъ, снявъ съ себя сюртукъ, въ одномъ жилетѣ, разгружалъ ящики съ портеромъ, присланные ему отъ Филатова, изъ Ташкента... Супруга его ему помогала, два сартенка мальчики таскали бутылки на погребъ.

— Опять разбитая!..—произнесла супруга.

— Ужасно непріятно!.. Такъ много «бою», надо опять по полтиннику на бутылку набавлять, господа обижаются.

— А что на нихъ смотрѣть-то?..

— Эй, ты!—эти, что съ длинными горлышками, эти здѣсь ставь, въ сѣняхъ на полкѣ...

— Окорока бы давно пора вывѣсить,—напомнила супруга.

— А икру протерла? —напомнилъ ей супругъ.—Ахъ! извините-съ, сударыня. Рахиль, подай сюртукъ!

Вульфзонъ замѣтилъ Маланью Ивановну, стремительно ворвавшуюся въ гостиницу.

— Послушай, ты! говори сейчасъ! всю правду говори! вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ, говори... Кто третьяго дня вечеромъ проѣзжалъ?

Чижикова была внѣ себя и крѣпко ухватилась за борта жилета содержателя гостиницы; она словно боялась, что тотъ убѣжитъ отъ нея и оставитъ ее безъ отвѣта.

— Пожалуйста садись, сударыня... да что же ухватились?

— Кто проѣзжалъ третьяго дня вечеромъ, въ двѣнадцатомъ часу?.. Слышишь, говори сейчасъ, а то удушу.

— Помилуйте, зачѣмъ же человѣка душить?..—улыбался эксъ-горнистъ.—Я и такъ скажу, я все какъ слѣдуетъ скажу. Мнѣ что, я человѣкъ посторонній...

— Мы знаемъ свое дѣло и въ чужія не вмѣшиваемся,—заявила отъ себя Рахиль.

— Кто проѣзжалъ?

— Пожалуйста, садитесь... Ну-съ... Поручикъ Карманчиковъ проѣзжалъ.

— Врешь, не объ этомъ тебя спрашиваю. Еще кто?..

— Еще... кто же еще проѣзжалъ?... Рахиль, кто еще проѣзжалъ?..

— Азе право не помню... Повивальная бабка Ракитина проѣзжала съ офицеромъ артиллеристомъ, что въ Джюзакѣ стоитъ...

— Врешь, не тотъ... Еще кто?..

— Ахъ! да, Маклаковъ, чиновникъ, проѣзжалъ, Дуйгороевъ купецъ, полковникъ Направоналевскій...

— Ровичъ проѣзжалъ, Сергѣй Николаевичъ?..

Маланья Ивановна такъ и впилась глазами въ Вульфзона.

— Ровичъ?! Нѣтъ. Ровичъ не проѣзжалъ.

— Врешь!

— Это какъ вамъ будетъ желательно;—мнѣ все равно...

— Побожись!..

— Зачѣмъ же я божиться буду! божиться большой грѣхъ божиться никогда не слѣдуетъ...

— Подлецы вы, христопродавцы!..—порывисто поднялась со стула Маланья Ивановна и пошла прямо къ себѣ домой, не заходя уже къ попадьѣ пить кофе.

Вечеромъ того же дня, въ семействѣ стараго пушкаря разыгралась слѣдующая сцена.

За чайнымъ столомъ сидѣлъ Мартынъ Федоровичъ и перелистывалъ свой календарь. Наташа наливала чай, Маланья Ивановна сидѣла въ сторонѣ и подозрительно поглядывала на свою дочку.

— Ты что-то блѣдна, Наташа; тебѣ какъ будто нездоровится? Ты бы сказала; я за Богданъ Карлычемъ, докторомъ, пошлю. А?..—говорилъ Чижиковъ, оставивъ чтеніе и пристально посмотрѣвъ на дочь.

— Нѣтъ, ничего, папа, такъ пустяки, что-то грустно стало...

— Ну, вотъ, получишь скоро еще письмецо и развеселишься;—а тамъ, глядь-поглядь, двѣ-то недѣлки и не замѣтите, какъ пролетятъ...

Наташа покраснѣла, Маланья Ивановна завозилась на стулѣ.

— Тебя тошнитъ?—спросила Маланья Ивановна.

— Нѣтъ,—Наташа вспыхнула еще больше.

— Умнѣе ничего не придумала?—укорительно взглянулъ на свою супругу Мартынъ Федоровичъ.

— Нѣтъ, я къ тому только говорю, какъ бы чего не вышло...

— Что же такое можетъ выйти, маменька?—холодно обернулась къ ней Наташа.

— Мало ли что? Да чего хитришь-то передъ матерью; не знаю развѣ?..

— Что вы знаете?..

— Платья зачѣмъ всѣ поразставляла!.. Узки небось стали?..

— Маменька!.. маменька!... Да вы хоть бы изъ жалости не мучили меня!...

*

Наташа разрыдалась и вышла изъ комнаты.

— Эхъ, палка по тебѣ плачетъ!—поднялся со стула Мартынъ Федоровичъ.—Бить бы тебя, да бить слѣдовало?..

Онъ замахнулся чубукомъ на свою половину, потомъ одумался, поставилъ трубку въ уголъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Ну чѣмъ ты ее попрекнула? Чѣмъ? Бога въ тебѣ нѣтъ, совѣсти ни на грошъ, чувства материнскаго на на волосъ.!..

— На весь Чиназъ сраму нажили, во всякомъ углѣ говорятъ,—заплакала было Маланья Ивановна.

— Великъ весь-то твой Чиназъ!.. Ну, хоть бы и случился грѣхъ какой, такъ вѣдь Сергѣй Николаевичъ— ни кто другой, человѣкъ честный... Предложеніе сдѣлалъ публично, почитай, вотъ скоро женится и все обстоитъ благополучно, на нашу радость, на ихъ счастье. А ты попрекать... Эхъ, ты дура, дура непокрытая!..

— Хорошъ коли женится, а то какъ-бы...

— Это еще что!

— Да ничего... Сомнѣніе есть у меня такое, что его коломъ не вышибешь...

— Ври больше, да Наташу смущай... ей и безъ того тошно.

— Отъ судьбы не уйдешь...

— Вотъ черезъ двѣ недѣли пріѣдетъ...

— Кто это?

— Кто? Сергѣй Николаевичъ.

— Да онъ гдѣ?..

— Въ Самаркандѣ, чай сама знаешь... Да ты что въ самомъ дѣлѣ? У тебя никакъ на умѣ есть что-то. Что такое?..

— Охъ, хорошо бы коли онъ въ Самаркандѣ! Охъ, хорошо бы!

— А то гдѣ-же, гдѣ? Все то вы, бабы, врете, Одна дура сбрехнула, другая подхватила, третья понесла по вѣтру... Пошли благовѣстить... А я самъ справлялся и на почтѣ и на паромѣ, вездѣ справлялся, и знаю что говорю...

— Охъ, хорошо бы... Охъ, хорошо бы...

— Да уймись ты съ своимъ оханьемъ! Только тоску нагоняешь!

— Чукось?

— Что тамъ?

— Кто-то на крыльцѣ топчется. Эй, кто тамъ?..

Маланья Ивановна выглянула за дверь.

— Вотъ письмо тебѣ,—говорилъ сартенокъ, что служилъ у Вульфзона, протягивая конвертъ, тщательно запечатанный и надписанный крупнымъ почеркомъ.

— Какое письмо?

— Я почему знаю. Тамъ написано все. Проѣзжій передалъ, говоритъ изъ Самарканда.

— Вотъ тутъ письмо какое-то,—взошла въ комнату Маланья Ивановна.

— Покажи... Ну вотъ оно и есть, отъ Сергѣя Николаевича къ Наташѣ. Вѣрно опоздалъ къ почтѣ-то и послалъ съ проѣзжимъ. Ну-ко, что онъ пишетъ хорошенькаго?.. Эхъ, вы вороны! каркаете только безъ всякаго пути...

— Наташа, Наташа! Иди, письмо тебѣ! крикнула Маланья Ивановна.

Быстро вбѣжала Наташа, чуть не вырвала конвертъ изъ рукъ отца, распечатала и стала читать.

«Наталья Мартыновна!

«Я пишу къ вамъ только потому, что у меня не хватило ни силъ, ни твердости духа говорить съ вами лично.

Обстоятельства мои сложились такъ, что я долженъ отказаться отъ того счастія, которое мнѣ предстояло.

Я не могу быть вашимъ мужемъ...

Не проклинайте меня и сохраните сожалѣніе къ тому, кто васъ любилъ, любитъ и будетъ любить... Силы судьбы непреоборимы... Все противъ нашего брака—и какъ мнѣ ни болѣно, я покорился. Совѣтую, отъ души совѣтую тоже и вамъ.

Когда вы будете читать это письмо, я буду уже далеко на пути въ Россію, къ Петербургу, съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не возвращаться въ Азію.

Мой привѣтъ всѣмъ вашимъ роднымъ... Прощайте!..

Сергѣй Ровичъ».

«P. S. Если вы позволите мнѣ, какъ другу, дать вамъ совѣтъ, вотъ онъ: не пренебрегайте исканіями маіора; онъ васъ любитъ и *ни на что* не посмотритъ».

Слова *ни на что* были подчеркнуты.

Покойно дочитала Наташа это письмо и протянула его къ Мартыну Федоровичу. Потомъ она сняла съ шеи маленькій медальонъ, бросила его на кирпичный полъ и въ дребезги растоптала каблукомъ...

— Наташа, Наташа! Что ты?—кинулась къ ней Маланья Ивановна.

— Подлецъ! подлецъ!—шепталъ старый пушкарь.

Холодно посмотрѣла вокругъ себя дѣвушка, улыбнулась и покойно произнесла:

— Еще палить тебѣ чаю, папаша?

Вздрогнулъ старикъ отъ такого, повидимому совершенно обыкновеннаго, вопроса. Начала креститься Маланья Ивановна.

— Наташа, родная моя,—крѣпко обнялъ Чижиковъ свою дочь,—не отчаявайся! Не губи ты себя...

Онъ не договорилъ и зарыдалъ, прижавъ къ своей груди голову Наташи.

— Эхъ, папа, не знаешь ты меня! Если я погубила Петю и перенесла это, такъ отъ этой потери вѣрно не расплачусь.

И она спокойно принялась разливать чай.

Эпилогъ.

За полдень.

Солнце печетъ невыносимо. Кругомъ ни кустика, ни деревца, ничего, гдѣ бы можно было укрыться отъ этихъ жгучихъ, почти отвѣсныхъ лучей безпощаднаго солнца.

Кое гдѣ только, отъ скалъ и отдѣльныхъ камней, выступающихъ по гребнямъ холмовъ ломанными линіями, причудливыми, острыми углами, тянется что-то сѣроватое, мглистое, чуть-чуть намекающее на тѣнь... Да, это дѣйствительно только намекъ. Путешественникъ, не ищи себѣ тамъ отдыха и прохлады! Какъ отъ стѣнъ и сводовъ натопленной печи пышетъ удушливымъ жаромъ, такъ и отъ этихъ накаленныхъ камней бьетъ горячимъ воздухомъ; одно неосторожное прикосновеніе къ этимъ камнямъ можетъ причинить серьезные обжоги.

Здѣсь, на совершенно отрытомъ мѣстѣ, есть еще надежда, что нѣтъ-нѣтъ да и набѣжитъ на тебя легкій порывъ освѣжающаго вѣтра... Тамъ же—одна смерть!

Волнистою линіей тянется однообразный, печальный горизонтъ; только на востокѣ поднимаются темносинія громады горнаго хребта.

Ниже чернѣетъ ущелье. Глухіе удары доносятся оттуда... разъ—два, разъ-два... разъ!..

Не то дымъ, не то пыль, не то туманныя полосы клубами вылетаютъ изъ этого ущелья и тянутся по низу, сливаясь съ общимъ тономъ сѣдой, знойной мглы.

Блеснуло раза два что-то. Красныя пятнышки замелькали между камнями... Болтнулъ въ воздухѣ бѣлый значокъ на курганѣ и спрятался... Затихло все, замерло... и снова слышны грозные, таинственные удары.

Тамъ, въ этомъ ущельѣ—дерутся.

Какъ орлиное гнѣздо, на самой кручѣ, повиснувъ надъ горою, бѣлѣетъ аулъ-кишлакъ. Это ключъ въ горы. Мимо него нѣтъ дороги...

Стойко защищаютъ горцы свое, уже дымящееся мѣстами, гнѣздо. Изстари насижено оно ихъ прадѣдами, и куда-какъ не хочется отдавать его ненавистнымъ бѣлымъ рубахамъ, «Акъ-кульмакъ».

А здѣсь, на совершенно открытомъ мѣстѣ, стоятъ рядами туземныя, двухколесныя арбы, лежатъ и дремлютъ верблюды, бьются на приколахъ и храпятъ неспокойные кони, прислушиваясь къ долетающимъ звукамъ недалекаго боя. Яркозелеными конусами сверкаютъ вершины палатокъ. Повсюду снуютъ бѣлыя, рваныя рубахи линейцевъ, бродятъ пестрые и полосатые халаты туземцевъ «лаучи» и «арбекешей» *). Дымятся костры подъ чудовищными котлами, тянетъ по воздуху гарью и саломъ, — пьяные возгласы рѣжутъ ухо, звенитъ битая посуда подъ навѣсами походныхъ маркитантовъ... Душу надрывающій стонъ несется оттуда, гдѣ въ красномъ кругу виднѣется бѣлый крестъ, намалеванный на дверцахъ лазаретной фуры.

Здѣсь расположились обозъ и резервъ аттакующаго отряда.

— Это наши «батарейныя» жарятъ... слышишь, дядя Наумъ?—говоритъ часовой на курганѣ своему товарищу, стоящему шагахъ въ двадцати, пониже, и приглядывающемуся въ

*) Верблюжьи и арбяные возчики.

даль, къ этимъ бѣловатымъ дымкамъ, что порою вылетали изъ ущелья.

— Батарейныя...—соглашается дядя Наумъ.

— Конныхъ отседова видно...

— Наши аль ихъ?

— Красные, значитъ не наши. Чу-кось!..

— Гранатами валяютъ. Въ атаку, значитъ, еще не скоро.

— А по мнѣ бы сразу.

— Потому ты некрутъ (рекрутъ), ну, значитъ и глупъ.

— Гляди, дядя Наумъ, запалили... экій дымъ повалилъ!..

— Сѣно у нихъ на крышахъ загорѣлось, это отъ гранатъ и есть.

— Батюшки! обходятъ!.. Вона, какъ нашихъ казаковъ поперли... страсть!..

— Кошемники *), одно слово.

— А вонъ и наши стрѣлочки!.. ишь-ты, прикрыли казаковъ, а тѣ и рады.

— Третья рота...

— Нѣтъ, наша никакъ: значекъ синій безъ полосы.

— Хорошо бы воды ведерку принесъ кто сюда въ цѣпь изъ обоза. А то индо все нутро пересохло.

— Вотъ какъ!

— Съ нами крестная сила!..

Первый часовой даже зажмурилъ глаза отъ неожиданности; второй не донесъ до носу понюшки зеленаго, тертаго табаку, и его грязная мозолистая рука, съ характерно-загнутымъ крючкомъ большимъ пальцемъ, такъ и остановились на полудорогѣ.

Грохотъ и трескъ взрыва, усиленный до безконечности горнымъ эхомъ, потрясъ накаленный воздухъ. Густые клубы чернаго дыма, мелькая обломками крышъ, пылающими хлопьями сѣна и хвороста, взлетѣли высоко и стали раскидываться кудреватою шапкою надъ злополучнымъ селеніемъ. Тамъ и сямъ замигали красные языки пламени. Пальба страшно усилилась... Сплошной гулъ несся по горамъ.

Вдругъ все затихло разомъ.

---

*) Кошемниками, обыкновенно, называютъ туркестанскіе солдаты оренбургскихъ казаковъ. Слово это для нихъ весьма обидно.

— Ну, теперь, братъ, держись... на штурмъ пошли!— вздохнулъ дядя Наумъ; снялъ свое кепи съ назатыльникомъ, встряхнулъ его, перехватилъ въ лѣвую руку, вздохнулъ еще разокъ и началъ креститься.

Часовой на курганѣ тоже зачастилъ правою рукою, перенося ее отъ лба къ желудку, съ одного плеча на другое...

Изъ ущелья потянулась вереница, направляясь къ вагенбургу. Это были носилки съ убитыми и ранеными. Ихъ конвоировали человѣкъ двадцать оборванныхъ, усталыхъ солдатъ, закинувшихъ за-плечо свои штуцера и оживленно толкующихъ объ чемъ-то на холоду. Они то и дѣло оборачивались назадъ и съ нескрываемою досадою поглядывали то на аулъ, то на своихъ искалѣченныхъ товарищей.

Они были очень недовольны, что штурмъ обойдется безъ нихъ.

— Эхъ ты, волкъ-тя заѣшь, теперь пока дотащимъ, пока что — назадъ не скоро вернемся... они базаръ-то безъ насъ обработаютъ!..—горячился рыжій унтеръ.

— Наддай ходу, братцы!

— Бѣгомъ!..

— Легче, голубчики мои! легче, родимые!.. Ой, ой!.. Смерть моя пришла!—застоналъ одинъ изъ раненыхъ.

— А вправду, осторожнѣй! куда спѣшить—поспѣемъ.

— Еще гляди, пожалуй, оттедова турнутъ, какъ подъ Ташкентомъ. Больно прытки, скоро не на базаръ попасть... не ровно облопаетесь.

— Ничего не облопаемся... Теперь наша взяла; сады-то пообчистили картечью... Теперь легко...

— Сторонись!.. Ишь, дьяволъ!..

Какое-то шальное ядро щелкнуло о камень неподалеку, отскочило, и пошло скакать по откосу, отчетливо, со звономъ рикошетируя по каменистому грунту.

— Наше, аль ихнее?

— Откедова наше?.. Это та пушенка, что у нихъ надъ оврагомъ стояла. Спервоначалу которая палить начала...

— Она самая.

— Вы меня уже, братцы, бросьте: потому мнѣ ужъ совсѣмъ смерть... Только мука лишняя!..—стоналъ раненый ка-

закъ, свѣсившій изъ носилокъ свою разможженную ногу, чертившую по землѣ... Кровавый слѣдъ тянулся за этою ногою, и при каждомъ толчкѣ трещали раздробленныя кости.

— Потерпи, казакъ, атаманомъ будешь!—съострилъ рыжій унтеръ.

Изъ обоза высыпало все его населеніе, встревоженное гуломъ взрыва, и, взобравшись на арбы, толпою стоя у главнаго прохода, дожидалось, подхода транспорта раненыхъ.

— Ну, нынче насъ того... пощипали... пощипали!— суетился толстенькій, краснолицый докторъ, съ необыкновенно веселой и довольной физіономіей. Онъ былъ безъ сюртука, рукава его ситцевой рубахи были засучены выше локтей.

Жидокъ, помощникъ фельдшера, держалъ передъ нимъ жестяную лохань, въ которой веселый докторъ, чуть не въ сотый разъ, промывалъ свои окровавленныя руки.

— Да, не безъ потерь,—согласился капитанъ Пуговицынъ, командующій резервною ротою и вагенбургомъ.

— Офицера одного никакъ волокутъ?

— Гдѣ? гдѣ?

— Вонъ первыя носилки... сапогъ со шпорою видѣнъ.

— Кто бы это могъ быть! Эй, фельдшеру Мандельбергу сказать, чтобы бинты и корпію свѣжіе досталъ изъ аптечнаго ящика...

— Да гдѣ его, этого жида, сыщешь теперь?

— Посмотри у маркитанта подъ фурою.

Докторъ бѣгомъ спустился съ холма, навстрѣчу носилкамъ; капитанъ Пуговицынъ зашагалъ за нимъ слѣдомъ.

Какая-то женщина, вся въ бѣломъ, вышла изъ-подъ большого полотнянаго навѣса, гдѣ лежали больные, и, прикрывъ отъ солнца глаза своею исхудалою рукою, смотрѣла, какихъ еще страдальцевъ вынесли изъ этого проклятаго боя, къ звукамъ котораго она все время прислушивалась, съ тоскою въ душѣ и жгучею болью въ сердцѣ. До этой минуты она, не разгибаясь, ухаживала за тѣми, что лежали подъ навѣсомъ грустными, печальными рядами.

Съ какою любовью, больше: съ какимъ благоговѣніемъ, эти несчастные слѣдили за каждымъ движеніемъ женщины!

Принесли новыхъ раненыхъ, уложили ихъ покойнѣе. Мѣста

подъ навѣсомъ оказалось мало, подкатили нѣсколько арбъ, связали сверху ихъ платформы, накрыли войлоками... Устроилось что-то въ родѣ длиннаго навѣса, подъ которымъ даже можно было ходить, чуть-чуть только нагнувъ голову.

— Матушка, Наталья Мартыновна... государыня моя распрекрасная!—говорилъ улыбаясь толстенькій докторъ.—Я уже вамъ послѣ ручки разцѣлую... Теперь некогда...

— Некогда... «дѣла много», — тихо произнесла Наталья Мартыновна.—Я... я, знаете ли, докторъ, уже начинаю немного привыкать... Уже теперь могу не плакать... Черствѣть начинаю...

— Привыкайте!..—одобрительно кивнулъ головою докторъ.

— Скоро, такъ же какъ и вы, буду смѣяться...

— Т. е. вѣрите-ли, голубушка моя, ангелочекъ первостатейный, если бы не вы — не поспѣлъ бы, ни за что не поспѣлъ бы.

А Наталья Мартыновна теперь уже ничего не отвѣчала—дѣйствительно некогда было. Присѣвъ надъ носилками, въ которыхъ лежалъ молодой солдатъ, весь разметавшійся въ предсмертномъ, горячечномъ бреду, она промывала ему лицо и голову, отыскивая, подъ этимъ слоемъ запекшейся крови и грязи, рубцы сабельныхъ ударовъ. Руки ея были заняты, сухія губы придерживали конецъ бинта, глаза сосредоточенно, съ самымъ горячимъ участіемъ, смотрѣли на несчастнаго...

Поднялись отяжелѣвшія, словно свинцовыя рѣсницы, раненый взглянулъ, поднялъ руку, будто хотѣлъ перекреститься,—мгновеніе, эта рука повисла въ воздухѣ и упала, безсильная, похолодѣлая... Онъ вытянулся и умеръ...

Онъ умеръ съ покойною улыбкою на лицѣ. Въ минуту смерти онъ видѣлъ передъ собою не красную, угреватую рожу полупьянаго фельдшера... Нѣтъ, надъ нимъ склонилось прелестное лицо ангела и освѣтило умирающему его послѣднюю минуту.

— Наталья Мартыновна!.. Ваше благородіе!..

Сѣдая, обросшая щетинистыми бакенбардами, голова денщика Дементія заглянула подъ навѣсъ.

Задумалась женщина надъ умершимъ и не слыхала, что ее зовутъ.

— Матушка!.. Ваше благор...

— А? что ты, Дементій? что Петя?

— Пищитъ маленько; а то все хорошо спалъ... Пожалуйте.

Быстро встала Наташа и вышла изъ подъ лазаретнаго навѣса. Чувство матери взяло верхъ надъ святымъ чувствомъ милосердія.

Въ углу вагенбурга стояла арба, крытая полосатымъ ковромъ; подъ-аркою, къ высоко-поднятой оси была подвѣшена корзинка-люлька; въ ней копошилось что-то маленькое, жалобно попискивающее.

— Иду, мой птенчикъ; иду, моя радость, иду!..

И здѣсь Наташа наклонилась надъ живымъ существомъ, требующемъ отъ нея помощи и покровительства... Только здѣсь ей пришлось накинуть на себя большую легкую косынку. Дѣло требовало нѣкоторой таинственности...

— Хе, хе!.. Это онъ почуялъ, что къ ротному котлу сзывали похлебку хлебать... Тоже, значитъ, поѣсть захотѣлъ!— подсмѣивался старый Дементій, присаживаясь около и пересматривая на свѣтъ какія-то ветошки...

Бой затихалъ. На вершинѣ обгорѣлой цитадели трепались два или три русскихъ значка... Съ базара доносились крики, стукъ разбиваемыхъ дверей, ругань, а иногда и запоздалые выстрѣлы...

Навьюченные всякимъ добромъ ослы, лошади, даже верблюды тянулись изъ аула къ маркитанскимъ палаткамъ...

Нѣсколько барабановъ били сборъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВЫ.	СТР.
I. Семейство „Стараго пушкаря“	3
II. Въ камышахъ	7
III. Пассажиръ парохода „Аралъ“	24
IV. Соперники	37
V. Аулъ Гайнулы-Бабая	50
VI. Подъ окнами	63
VII. Рыбная ловля	75
VIII. Начало слѣдственнаго дѣла	90
IX. Охота на тигровъ	102
X. Чуть не до драки	114
XI. Усердная сидѣлка	123
XII. Грустные признаки	130
XIII. Заклинаніе	134
XIV. Исчезновеніе	143
XV. На новой квартирѣ Сергѣя Николаевича	146
XVI. Опять въ камышахъ	152
XVII. Письмо	154
Эпилогъ	166

Опредѣленіемъ Отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Просвѣщенія по начальному образованію, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, постановлено: *всѣ изданныя въ 1904 г. приложенія и преміи къ журналу „Природа и Люди“ РАЗРѢШИТЬ къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ читальняхъ и библіотекахъ* за исключеніемъ ром. „Кулисы“

(Журн. Мин. Нар. Пр. Апрѣль 1905 г.)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ПОЛНЫЙ ТОМЪ ЖУРНАЛА

ПРИРОДА и ЛЮДИ

за 1904 годъ,

СЪ СЛѢДУЮЩИМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Кн. 1. **Королева въ лохмотьяхъ**. Романъ *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко*
Кн. 2 и 3. **Подъ звонъ колоколовъ.** Романъ *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 4. **Святочные разсказы**. *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 5 и 6. **Горные орлы.** Историч. романъ *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 7 и 8. **Горе забытой крѣпости**. Романъ *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 9. **Кама, рѣка былыхъ легендъ.** Очерки *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 10 и 11. **Уралъ.** Очерки и воспоминанія. *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 12. **Соловки**. Воспоминанія и разсказы. *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 13. **Женскій монастырь. Святыя горы.** *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 14. **Крестьянское царство**. Часть I. *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 15. **Крестьянское царство**. Часть II. *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 16. **Незамѣтные герои.** Повѣсть. *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 17. **Кулисы**. Ром. (изъ театрал. жизни) *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 18. **Городской голова**. Романъ. *Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.*
Кн. 19. **Царственный плѣнникъ.** Романъ *А. Гопа.*
Кн. 20. **Вулканъ и динамитъ.** Романъ *Поль д'Ивуа.*
Кн. 21. **Неуловимый врагъ.** Романъ *Поль д'Ивуа.*
Кн. 22. **Юные путешественники.** Романъ *Жюля Верна.*
Кн. 23. **Герои Малахова кургана.** Романъ *А. Буссенара.*
Кн. 24. **Западня любви.** Романъ *А. Марчмонта.*
Кн. 25. **Подводное жилище.** Романъ *Макса Пембертона.*
Кн. 26. **Трагедія съ кораблемъ „Короско“.** Романъ *Конанъ Дойля.*
Кн. 27. **Отважные.** Романъ *Рудіарда Киплинга.*
Кн. 28. **Гигантъ лазури.** Романъ *А. Лори.*
Кн. 29. **Кровавое утро.** Романъ *Макса Пембертона.*
Кн. 30. **Островъ д-ра Моро**. Романъ *Уэльса.*

ОПИСАНІЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

(СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ),

съ массою иллюстрацій, картинъ, рисунковъ и портретовъ

И ПРЕМІЕЮ

ВЪ ВИДѢ СЕНСАЦІОННОЙ ОПТИЧЕСКОЙ НОВИНКИ

СТЕРЕОБИХРОМОСКОПЪ

И КЪ НЕМУ

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ.

Цѣна за томъ „Природа и Люди“ 1904 г. со всѣми вышеперечисленными приложеніями и премією **5** руб. безъ перес., съ перес. **7** руб. Желающіе имѣть журналъ и приложенія въ коленкоровыхъ переплетахъ доплачиваютъ: за переплетъ журнала „Природа и Люди“ 1 руб., за 5 перепл. для 18 книгъ соч. В. И. Немировича-Данченко 1 руб. 50 к., за 4 переплета для 12 книгъ „Библіотека Романовъ“ 1 р. 50 к.

Съ треб. обращ. въ Книжн. Складъ П. П. СОЙКИНА, Спб., Стремянная ул. № 12, соб. д.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежд.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 15 ІЮНЯ 1905 г.

ТИПОГРАФІЯ П. П. СОЙКИНА, С.-ПЕТЕРБУРГЪ, СТРЕМЯННАЯ, 12.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. «Двуногій волкъ».

Въ желтомъ накаленномъ пескѣ торчалъ деревянный колъ, выкрашенный красною краскою. Нижняя часть этого кола, воткнутая въ песокъ, была окована желѣзомъ, на верхней-же части укрѣплена была короткая поперечная перекладина, — и на ней, нахохлившись, истомленный зноемъ, сидѣлъ красивый охотничій соколъ и дремалъ, дернувъ своими желтоватыми, поперечными вѣками зоркіе, разбойничьи глаза.

Эта птица олицетворяла собою полную неподвижность, начиная отъ красной шапочки на своей маленькой головкѣ и кончая серебряною цѣпочкою, которою она была привязана къ поперечинѣ за лапку, все казалось какимъ-то изваяніемъ... Не шевелился, не звякалъ даже ни одинъ бубенчикъ, украшавшій ожерелокъ на шеѣ сокола, — и, словно нарисованная, виднѣлась короткая, голубоватая тѣнь, отброшенная птицею на горячемъ красновато-желтомъ фонѣ мертваго песка.

Двѣ борзыя собаки, тощія, почти голыя, высунувъ сухіе, воспаленные языки, лежали на боку, въ растяжку; и если бы только не чуть замѣтное движеніе ясно-очерчивающихся реберъ, — ихъ скорѣе можно было принять за падаль, чѣмъ за существа живыя, готовыя въ одно мгновеніе, по одному призывному свистку хозяина, вскочить и воззриться въ безконечную степь — и стрѣлою понестись по этимъ волнистымъ, сыпучимъ пескамъ, которымъ, казалось, не предвидится ни конца, ни начала.

Красивый, гордый конь, кровный тюркменскій жеребецъ, несмотря на духоту и палящій зной, покрытый ковровою теплою попоной, тоже неподвижно стоялъ на своемъ приколѣ, привязанный за сухую жилистую щиколотку передней ноги

тонкимъ волосяпымъ арканомъ. Поводья дорогой, разукрашенной серебромъ бирюзою и сердоликами уздечки были слегка притянуты къ высокой рогообразной лукѣ сѣдла и поддерживали красивый изгибъ лебединой шеи.

Остальной конскій вьюкъ лежалъ неподалеку, въ самомъ тщательномъ порядкѣ. Видно было, что весьма опытная рука укладывала его, и эта же рука могла въ одно мгновеніе вскинуть его на крупъ коня и ловко приторочить, несмотря на его кажущуюся сложность. Тутъ была пара переметныхъ сумъ «*коржуновъ*», сдѣланныхъ изъ тонкаго, дорогого хивинскаго ковра, «*кызылъ-тырнакъ*», кожаный чехолъ съ чашками, такъ-называемый, «калмыкъ-башъ» или «теркешь», украшенный длинною кистью изъ сыромятной кожи, тыквенный кальянъ въ серебряной оправѣ съ сѣткою, съ длиннымъ камышевымъ чубукомъ, мѣдный, хитро-чеканенный кунганчикъ, козлиный турсукъ для воды, скоробившійся отъ жара, пара персидскихъ пистолетовъ — длинноствольныхъ съ раструбами на концахъ, и шерстяной тканый мѣшокъ для ячменя, наполненный до половины.

Кромѣ сокола, коня и борзыхъ собакъ, было еще одно живое существо, хотя бы никто не подумалъ: зачѣмъ живому существу такъ долго и неподвижно лежать въ такомъ, повидимому, неудобномъ положеніи.

Это существо былъ человѣкъ. Онъ лежалъ совершенно навзничь, закинувъ руки себѣ за голову, уставившись глазами въ безконечную, сѣроватою даль знойнаго, раскаленнаго неба.

Рогатыя поля его войлочной, разрѣзной шапки защищали эти, наискось прорѣзанные, полу-прищуренные глаза и бросали густую тѣнь, раздѣляющую его темно-бронзовое, скуластое лицо какъ на двѣ половины.

На человѣкѣ надѣтъ былъ халатъ изъ верблюжьяго сукна, подъ этимъ халатомъ виднѣлся другой, ярко-красный, прошитый по бортамъ золоченымъ галуномъ а красные же широкіе шаровары такъ и горѣли на солнцѣ своимъ яркимъ узоромъ, вышитымъ разноцвѣтными шелками. Ноги были обуты въ мягкіе кожаные чулки «мусса» съ зелеными пятками и башмаки съ высокими остроконечными каблуками, окованными сталью съ серебряною насѣчкою...

Рядомъ съ нимъ лежала дорогая сабля «клычъ» въ чер-

ныхъ шагреневыхъ ножнахъ, съ бѣлою костяною ручкою, украшенною разноцвѣтными камнями, бирюзою и кистями, двухствольное ружье русской работы и русскій же револьверъ въ чехлѣ, бѣлымъ шнуркомъ привязанный къ широкому, усаженному бляхами поясу. Кромѣ этого оружія виднѣлось еще цѣлая коллекція ножей, подвѣшенныхъ къ поясу, и разныя дорожно-боевыя мелочи: кремни, чресла, проволочные протравники и кошелекъ изъ краснаго сяфьяна съ серебряною узорною вышивкою.

Подальше отъ этой неподвижной группы, всторонѣ въ неглубокой лощинѣ, поросшей сухою колючкою, лежалъ другой конь, безъ сѣдла и сбруи. Широко вытаращилъ этотъ конь свои глаза, уже подернутые холодомъ смерти; судорожно взбороздивъ песокъ, протянулись окоченѣлыя, длинныя, кованныя по-тюркменски ноги.

Здѣсь была уже не временная неподвижность. Это былъ дѣйствительно трупъ. Сомнѣваться въ этомъ невозможно было уже потому, что если бы кто-нибудь вздумалъ присмотрѣться къ поблекшимъ сухимъ ноздрямъ животнаго, — онъ навѣрное замѣтилъ бы миріады крохотныхъ, песчаныхъ муравьевъ, совершенно безцеремонно забирающихся туда, въ самую глубь, и безнаказно выползающихъ оттуда, снова на свѣтъ божій.

Да и не стоило присматриваться къ такой мелочи; довольно было только потянуть носомъ воздухъ...

«А хорошо,—несъ меня затрави!—пахнетъ... Особенно на тощій желудокъ!.. Какъ это дня четыре ничего не поѣшь,—такъ оно весьма пріятно... Съ какой бы только стороны удобнѣе зайти?»..

Такъ, вѣроятно, думалъ малорослый степной бродяга-волкъ, давно уже потягивавшій воздухъ въ данномъ направленіи, и все еще не рѣшавшійся выбраться изъ за песчанаго наноснаго бугорка въ самомъ концѣ лощины и подобраться поближе къ этому лакомому куску, повидимому предназначенному для насыщенія такихъ же, какъ и его, отощалыхъ, истерзанныхъ голодомъ, желудковъ.

«И что это *онъ* расположился тутъ съ *своими собаками*! думалъ волкъ, вытянувшись на брюхѣ и еле отдѣливъ отъ земли свою воровскую морду. — Ну, отдохнулъ, поѣлъ самъ, покормилъ коня и ступай своею дорогою, не мѣшай и дру-

гнимъ поѣсть. Пшь развалился какъ важно, каналья! словно для одного его эта вся степь! Небось, коли бы у тебя подцялась такая рѣзь въ брюхѣ... Эхъ! хоть бы кусочекъ рвануть! Авось не замѣтитъ»..

И попробовалъ-было волкъ чуточку продвинуться впередъ. Только-только тронулся — глядитъ, пошевелилъ конь своимъ стройнымъ ухомъ; медленно открылся красный, словно кровавый, глазъ у пса!.. Чу! слышится никакъ глухое, зловѣщее ворчаніе... Смертельный ужасъ охватываетъ все существо мелкаго бродяги, мгновенно заглушая рѣзкій позывъ мучительнаго голода.

Попятился волкъ задомъ, спрятался, проползъ подальше, вскочилъ на ноги—и ходу, по за буграми и песчаными наносами... И долго-долго не рѣшался онъ ближе подходить къ этому мѣсту, откуда, въ жаркомъ степномъ воздухѣ, тянулась такая соблазнительная струя, возбуждавшая нервное подергиванье всей его хитрой, острорылой мордочки.

Прошелъ часъ, прошелъ другой... Прошелъ и страхъ волчій, и еще злѣе заворочался голодъ въ его внутренностяхъ. Снова подкрался волкъ... глядитъ!—также неподвижно стоитъ конь, на тѣхъ же мѣстахъ лежатъ ненавистныя собаки, словно мертвое чучело для приманки торчитъ соколъ на своей перекладинѣ,—и, не пошевельнувшись ни однимъ мускуломъ, не мѣняя своего положенія, бездушнымъ трупомъ лежитъ, растянувшись на пескѣ, отдыхающій батырь...

И взяло раздумье отощалаго звѣря... «Что за дьяволъ!.. вѣдь это онъ съ самаго утра лежитъ такъ! Уже не думаетъ ли онъ, что снова вскочитъ на ноги—павшій конь... и вотъ теперь онъ поджидаетъ его, не рѣшаясь продолжать свой путь на одной только лошади»...

Къ западу склонялось жгучее солнце. Багровыя сумерки расползались понизу; чуть-чуть потянуло прохладою. Пожарнымъ заревомъ вспыхнулъ горизонтъ, и, словно политыя свѣжею кровью, заалѣлись вершины бугровъ и наносовъ, вершины отдѣльныхъ, разбросанныхъ по степи камней, отбрасывая отъ себя безконечно-длинныя, расползающія тѣни...

Поднялся батырь, сѣлъ, кругомъ осмотрѣлся... Протеръ кулакомъ свои глаза, поправилъ рогатую шапку на головѣ, оружіе...

Фыркнулъ конь и метнулся на приколѣ; словно ужаленные

змѣею вскочили псы и дико завыли; загремѣли бубенцы на соколиномъ ожерелкѣ...

— Пора въ дорогу! на одномъ доѣду, коли тотъ не вынесъ. Эхъ ты, русская кляча!..—произнесъ про себя батырь, и пошелъ, шатаясь, къ своимъ вьюкамъ, гдѣ замѣтнѣе всего торчалъ длинный чубукъ его дорожнаго кальяна.

Здѣсь онъ привелъ въ порядокъ курительный приборъ, прочистилъ сѣтку, наложилъ свѣжаго табаку изъ замшеваго мѣшка, высѣкъ огня и захрипѣлъ на всю степь, пуская густую струю бѣловатаго дыма.

Темнѣе и темнѣе становилось кругомъ; погасли и верхушки холмовъ. Синеватый туманъ поднялся со дна лощинъ и промоинъ.

Задумался батырь, тусклыми, сонными глазами глядя на степь, сквозь густую пелену табачнаго дыма...

Когда одинокій конь видитъ, или даже чуетъ приближеніе другого коня — онъ самъ не свой; то рвется на привязи, то мечется изъ стороны въ сторону, то вытягиваетъ длинную шею, раздуваетъ ноздри, прядетъ ушами, тихо, привѣтливо ржетъ, волнуется и на мгновеніе замираетъ въ выжидательной позѣ, словно статуя, прислушиваясь къ приближающемуся топоту, приглядываясь къ издали замѣтнымъ взмахамъ хвоста и гривы незнакомаго животнаго.

И собаки не могутъ покойно—словно не замѣчая—относиться къ приближенію чуждаго всадника. Лай сейчасъ поднимутъ, то грозный, злой, то веселый, привѣтливый, навстрѣчу понесутся въ перегонку. Не нужно ихъ и науискивать!...

Въ настоящую же минуту и конь, и псы оставались въ полнѣйшемъ покоѣ, а между тѣмъ, къ бивуаку, тихо, неслышно вовсе, подъѣзжалъ всадникъ. Батырь ясно видѣлъ его между клубами дыма, застилавшими степь передъ его глазами.

Онъ видѣлъ, какъ ровною поступью еще не утомленнаго коня, не разбирая дороги, прямо на него такъ и рѣзалъ всадникъ, полуголый, въ однихъ кожаныхъ штанахъ. Его босыя ноги упирались въ обвернутыя войлокомъ деревянныя стремена. Руки у этого всадника не держали ни поводьевъ, ни плети; онѣ, словно параличемъ разбитыя, безжизненно висѣли по сторонамъ его въ струну вытянутаго тѣла. На головѣ всадника не было шапки, и батырь ясно видѣлъ его багровосинее, на-

литое кровью, лицо съ вытаращенными, пожелтѣвшими бѣлками глазъ, съ распухшимъ концомъ языка, судорожно закушеннаго между оскаленными зубами. На затылкѣ всадника виднѣлся узелъ волосянаго аркана, и отъ этого узла, вдоль спины, болтался—конецъ его, оборванный и размочалившійся отъ постояннаго ерзанья по деревянному арчаку непокрытаго попоною киргизскаго сѣдла.

Рыжая тощая лошадь, повѣсивъ голову, кивая своимъ лысымъ лбомъ на каждомъ шагу, шла не шла, а словно только такъ ноги переставляла. Она даже земли не касалась. Сухой бурьянъ и колючки не гнулись и не шуршали подъ ея ногами. Черезъ рытвину перешла она и не спустилась на ея дно, а словно по воздуху перебрела съ одного берега на другой.

Чудно какъ-то ѣдетъ чудный всадникъ: казалось давно бъ ему пора прямо наткнуться на курящаго кальянъ батыря, а между тѣмъ не уменьшается да и не увеличивается промежутокъ между тѣмъ и другимъ... Всадникъ словно на одномъ мѣстѣ держится, словно остановился, и только такъ, для примѣра, переступаютъ расходившіяся ноги, киваетъ разкивавшаяся, лысая конская морда...

Одна только пара глазъ, неподвижно уставившаяся на дымъ, видѣла этого всадника; ни тюркменскій жеребецъ, ни собаки, ни даже соколъ изъ-подъ своей красной шапочки не видали его вовсе. Они и не слышали его, и не чуяли. Передъ ними мертво и тихо разстилалась въ мракѣ безконечная пустыня, и спокойно оставались они на своихъ мѣстахъ. Какое имъ дѣло до того, что, подъ одуряющимъ вліяніемъ «ганаши», грезится ихъ хозяину!

— Оставь ты меня, *Юнусъ*, оставь! чуть—слышно шевелятся губы батыря. — Ну, что ты все за мною гоняешься?.. Ну, чего ты отъ меня хочешь? Ну, виноватъ я передъ тобою... Продалъ тебя!.. Продалъ!.. Да, продалъ!.. Уйди... Уйди... Оставь!..

И батырь опрокинулъ кальянъ порывистымъ движеніемъ назадъ. Онъ отшатнулся, уперся локтями въ землю и все не спускалъ глазъ съ одного и того же мѣста, ничего не замѣчая кругомъ... не замѣчая даже, какъ дымитъ и тлѣетъ пола его верблюжьяго халата отъ выпавшаго изъ горячаго сѣтки угля.

II. На добромъ мѣстѣ добрые люди.

— Мирза!..

— Эге?

— Ты не спишь?

— Зачѣмъ спать!.. Днемъ выспался... Все въ ту сторону гляжу.

— Что видишь хорошаго?

— Понизу темь одна, наверху—звѣзды... Больше ничего не видно...

— Да и не увидишь!

— Пріѣдетъ. Если не этою ночью — завтра пріѣдетъ... Ужъ это вѣрно! Такъ вѣрно, какъ меня зовутъ вотъ Османъ, тебя Шарипъ, земляка твоего коряваго—Саидъ-бае...

— Пора-бы! Одвуконь на четвертыя сутки попасть можно съ текинскихъ кочевокъ, а мы здѣсь вотъ уже скоро шестой разъ восходъ солнца увидимъ; у меня, вонъ, въ торбахъ послѣдняя горсть ячменя вчера вышла.

— Можетъ на пути что повстрѣчалось?! Въ дорогѣ все случается... и хорошое, и худое...

— Худое-то еще скорѣе. Особенно когда за плечами черный духъ гнѣздится...

— Духъ... Ишь ты!

— А то, скажешь, нѣтъ! Мало онъ его изъ одного конца степей въ другой перегоняетъ... То-то... Небось я видѣлъ. Да и не я одинъ...

— Что ты видѣлъ, мирза?

— Что? Ночь теперь—вотъ что. Днемъ разскажу.

— Пустое болтаютъ... Эхъ-эхъ-эхъ! На все воля Аллаха!..

— Свѣтать начнетъ скоро! Что-то холодновато становится.

— Да! поверху вѣтромъ тянетъ. Слышишь, какъ шуршитъ колючка?.. Оно всегда такъ подъ утро...

Такъ переговаривались, больше отъ скуки, джигиты Османъ и Шарипъ, величая другъ друга аристократическимъ титуломъ «мирзы».

Одинъ изъ нихъ лежалъ ничкомъ, на брюхѣ, на самомъ

гребнѣ каменистаго берега сухой балки, и, покрывшись съ головою суконнымъ халатомъ, выглядывалъ изъ-подъ него, силясь что-либо разсмотрѣть въ этомъ мракѣ туманной, непроглядной, настоящей степной ночи. Другой джигитъ лежалъ немного пониже, на полускатѣ и тоже съежившись подъ теплымъ халатомъ.

Обоимъ не спалось—также, вѣроятно, какъ и тѣмъ четыремъ джигитамъ, темноватые, неясные силуэты которыхъ рисовались совсѣмъ уже внизу, въ самомъ днѣ лощины, гдѣ чуть-чуть краснѣли остатки костра, отбрасывая на сложенное оружіе и сбрую легкіе металлическіе отблески.

Это была маленькая партія бродячихъ «Яу», вотъ уже нѣсколько дней бивакирующая въ балкѣ «Учь-кудукъ» (Три колодца), названной такъ потому, что по близости ея находились, да и теперь еще находятся три полузасыпанныя пескомъ ямы, въ которыхъ періодически скопляется небольшое количество мутной, солоноватой воды, достаточное для удовлетворенія десятка-другого жаждущихъ желудковъ.

Вода эта была очень дурная—«джаманъ су»; люди должны быть слишкомъ неприхотливыми, чтобы ее пить, или же умирать отъ жажды. Лошади пили ее неохотно, маленькими глотками, видимо только изъ необходимости; верблюды—не пренебрегали и съ большимъ аппетитомъ вылизывали даже вонючую, илистую грязь, оставшуюся на днѣ колодца.

Кругомъ—выжженная солнцемъ пустыня, сѣрая, угрюмая... Вѣтры по ней гуляютъ своенравные, непостоянные, и по всѣмъ направленіямъ гоняютъ пыльные столбы, засыпающіе глаза путникамъ, захватывающіе на своемъ полетѣ и сѣдую полынь, и шаровидное перекати-поле, и высохшій пометъ, и птичьи перья, оставшіяся послѣ орлинаго обѣда, и даже клочекъ какой-то синей бумаги, брошенной проѣзжимъ человѣкомъ.

Лѣтомъ—безлюдье, жаръ, золистая пыль, безводица-безкормица и тощіе, голодные волки... Зимою—опять безлюдье, гололедка, суровая заметь и тѣ же тощіе, голодные волки, озлившіеся подъ вліяніемъ мучительнаго голода до того, что другъ на друга бросаются, ради куска жилистаго, сухого мяса.

Недоброю славою пользуется это непривѣтливое, мертвое урочище... Да и неоткуда было ему набраться хорошей, доброй молвы!

Большіе караваны далеко стороною обходятъ это проклятое мѣсто; выбираютъ они дорогу хоть и подальше, да гдѣ бы воды было побольше. Маленькіе караваны — тѣ другаго опасаются и держатъ путь гдѣ полуднѣе... Да какъ и не опасаться имъ, когда на «Учь-кудукѣ» того и гляди наткнешься на хорошихъ людей, такихъ вотъ какъ и теперь здѣсь засѣли... А отъ этихъ хорошихъ людей—чѣмъ дальше, тѣмъ лучше!

— Дорога намъ скоро длинная будетъ!..—началъ, помолчавъ немного Османъ.—Эй, мирза! ты слышишь, что ли?!

— А что?! А я было вздремнулъ... Кто, ты говоришь, кого пырнулъ?

— Очнись! Тебя шайтанъ своимъ кривымъ рогомъ. Далеко, я говорю, идти намъ придется.

— Ничего не далеко, мы туда къ нимъ не пойдемъ; мы на Адамъ-крылганѣ Садыка ждать будемъ. А тамъ, слышь, ханъ не приказалъ русскихъ до тѣхъ поръ трогать, пока въ самые пески съ хвостомъ не уберутся.

— Пески для нихъ смерть, пески и для насъ смерть... — задумался вслухъ Османъ.

— Небось, не помремъ, мы стороною... Слышишь?

— Что!..

— Лошадь бѣжитъ.

— Тс!.. Да ну, не возись!..

Оба джигита прилегли ухомъ къ землѣ и принялись слушать. Секунды три была мертвая тишина, прерываемая только легкимъ потрескиваніемъ огня внизу и шелестомъ утренняго, предразсвѣтнаго вѣтра...

— Четыре ноги — надо восемь...—приподнялъ голову Османъ.

— Четыре...—согласился Шарипъ.

Размѣнявшись этими лаконическими замѣчаніями, джигиты снова принялись слушать.

Блѣдная полоса свѣта протянулась на горизонтѣ; блѣднѣе и блѣднѣе становилось мерцаніе звѣздъ, и гасли онѣ совсѣмъ, захваченныя этой полосою, все болѣе и болѣе разгорающеюся... Утренняя заря сметала съ небосклона всѣ эти мелкія искры свѣта; только одна звѣзда долго еще боролась, вспыхивая алмазомъ, вздрагивая своими мигающими лучами... Потухла и она... Розовымъ блескомъ загорѣлось полнеба... Золотистый свѣтъ по-

лился по степи, гоня передъ собою голубоватыя, дымчатыя тѣни...

— Вотъ онъ!..—крикнулъ Османъ.

— Ѣдетъ!—произнесъ Шарипъ.

И это восклицаніе разомъ подняло на ноги всѣхъ его товарищей, и заставило ихъ выбраться изъ своего оврага.

— Лошадь одна... Человѣка нѣтъ... Лошадь его... Гнѣдой аргамакъ... Бѣлаго коня нѣтъ... Сѣдло на боку... Была бѣда... На все воля Аллаха!..

Проговоривъ эту обрывистую рѣчь, Шарипъ поправилъ поясъ, подтянулъ халатъ и пошелъ потихоньку къ своимъ конямъ, стоявшимъ неподалеку, на приколахъ...

Три человѣка уже неслись во всю прыть своихъ лошадей къ одинокому аргамаку со сбившимся на сторону дорогимъ сѣдломъ.

Испуганно, тревожно поглядѣлъ имъ на встрѣчу аргамакъ... повелъ ушами, попятился, фыркнулъ и сталъ, распознавъ наконецъ, должно быть, знакомыхъ коней, знакомыхъ джигитовъ.

Привели аргамака на мѣсто стоянки, окружили, начали осматривать...

— Крови нѣтъ... Конь не тронутъ ни пулею, ни клычемъ, ни пикою... Конь въ бою не былъ...—сообщилъ свои замѣчанія Османъ-джигитъ.

— Да, конь въ бою не былъ!..—подтвердилъ это замѣчаніе старый, бѣлый совсѣмъ разбойникъ, пристально посмотрѣвъ въ большіе черные глаза кровной лошади.

Даже и слова никто не сказалъ на это... Всѣ только покосились на чудака и презрительно сплюнули...

Кто изъ ихняго брата—степныхъ бродягъ—не зналъ батыря «Атамъ-кула», что бѣжалъ отъ русскихъ!—кто не видалъ его на этомъ лихомъ аргамакѣ, которому по всему правому берегу «Аму» не находилось равнаго!..

Озадачились «Яу», — порастерялись немного; — на всякаго изъ нихъ напало тяжелое раздумье... Ждали батыря Атамъ-кула... *Слово* онъ имъ прислалъ, что будетъ къ этому времени на Учь-кудукѣ... «Вотъ пріѣдетъ мирза»—думалъ каждый изъ нихъ,—«пріѣдетъ, заберетъ ихъ, на «Трехлапомъ верблюдѣ» (названіе другого сосѣдняго колодца) — еще семерыхъ

захватитъ... Дальше къ «Хала-атъ» еще партія ждетъ... Вотъ, соберетъ мирза Атамъ-кулъ ихъ всѣхъ подъ свой бунчукъ... Поведетъ... Куда поведетъ?.. А Аллахъ знаетъ куда!.. Про то имъ и знать нечего; его—Атамкулова—забота... А теперь вотъ что-же! Какъ теперь?! Вмѣсто батыря—одинъ конь пришелъ... Что тутъ дѣлать будешь!?..»

Долго совѣщались нерѣшительные, оробѣвшіе бродяги—да ужъ Османъ всѣхъ выручилъ...

И по его слову — сѣли всѣ на своихъ коней, захватили прибылаго аргамака съ собою и пошли легкою трусцею — по слѣду, что остался отъ ковaныхъ ногъ коня Атамкулова.

— Можетъ узнаемъ, что намъ знать нужно!.. — говорилъ Османъ.—Можетъ еще самого отыщемъ...—сообщилъ онъ свои надежды...

— Дохлаго?..—буркнулъ бѣлобородый.

— А хоть бы и дохлаго...—заговорила вдругъ ржавая кольчуга.—Халаты на немъ хорошіе... Клынчь... Топанча... Ножи... Кошель есть съ деньгами;—зачѣмъ имъ пропадать безъ проку?..

И въ этомъ восклицаніи выразилась... Вся наружу вылилась волчья натура бродяги, всѣ его совершенно волчьи помышленія...

Бредетъ гуськомъ вереница голодныхъ звѣрей!.. Старый, опытный волкъ идетъ передомъ... Чу!.. Выстрѣлъ... Шарахнулись звѣри, озираются... Еще путемъ и врага не разсмотрѣли, а уже накинулись на своего вожака, околѣвающаго съ кускомъ свинца подъ лѣвою лопаткою... «Зачѣмъ, молъ, даромъ пропадать мясу?... Тамъ еще будетъ либо нѣтъ, а тутъ вотъ готовое!»

И вотъ, такая же точно вереница потянулась изъ балки «Учь-кудукъ» въ ту сторону, куда Османъ съ Шарипомъ всю ночь проглядѣли, поджидая себѣ вожака—мирзу «Атамъ-кула».

III. Передъ грозою.

Года четыре тому назадъ, еще послѣ бухарскаго погрома, начали по всѣмъ степямъ ходить тревожные, предостерегательные слухи.

Во всѣхъ свободныхъ кочевыхъ аулахъ, державшихъ болѣе или менѣе сторону Хивы, только и думали о томъ, что

скоро придется опять браться за оружіе и продолжать борьбу, Богъ вѣсть когда начавшуюся, — Богъ вѣсть когда кончащуюся... Они были увѣрены, что *Самаркандъ* и *Зира-Булакъ* *) подорвавшіе такъ бухарскаго эмира, не пройдутъ безслѣдно и для хана, котораго большинство порицало за его слабую поддержку сосѣдняго правителя въ войнѣ съ «бѣлыми рубахами» **).

Враждебные Россіи «*роды*» были убѣждены, что эта уклончивость и нерѣшительность хана были умышленны.

«Погоди!.. пойдутъ и на тебя русскіе — тогда изъ Бухары тебѣ тѣмъ же откликнутся!» — слышалось въ средѣ кочевниковъ, гудѣло подъ войлочными крышами ихъ кибитокъ и и желомеекъ, носилось съ вѣтромъ по степи и залетало даже въ роскошныя сакли самихъ приближенныхъ хана.

Чодоры, Солоры, Кара, даже отдаленные Теке открыто готовились къ войнѣ; мирные узбеки, землепашцы и садоводы хивинскаго оазиса тоже брались за оружіе; послѣдніе не знали, впрочемъ, противъ кого придется употреблять эти допотопные фитильные мултуки, эти кривые, серпообразные клынчи и тростниковыя пики—противъ ли бѣлыхъ рубахъ, которыя еще, впрочемъ, не показывались, или же противъ своихъ буйныхъ кочевыхъ сосѣдей, тюркменъ, уже дававшихъ знать по окраинамъ о своей готовности ополчиться за вѣру, пророка, за самобытность своихъ обычаевъ, за свою необузданную волю, прикрывая все это благонамѣренной маской своихъ обязанностей относительно хивинскаго хана, ихъ феодала.

Положеніе хана въ данное время было самое странное, почти комическое. Шахъ Назаръ, въ своихъ изустныхъ разсказахъ о положеніи дѣлъ въ хивинскомъ дворцѣ въ это смутное время, такъ обрисовываетъ это положеніе:

У хана Сеидъ-Магомедъ-Рахима—два уха и одинъ мозгъ, двѣ руки и одно тѣло. Въ одно ухо говорятъ ему одно, въ другое—другое; за одну руку тащутъ тюркмены, въ поле, за другую—узбеки дома удерживаютъ. Что было дѣлать хану? Или пополамъ разорваться, или на одну какую-либо сторону

---

*) 1 мая 1868 года и 2 іюня того же года въ Самаркандѣ и 2 іюня подъ Зарабулакомъ—страшные военные удары заравшанскаго похода, рѣшившіе участь Бухарскаго ханства.

**) Такъ обыкновенно называютъ русскихъ по цвѣту ихъ одежды.

склониться. Чья сторона сильнѣе? Узбеки просятъ: «Не ходи! не затрогивай! пожалѣй наши поля, сады, огороды, дома наши и наши семьи». Тюркмены—шайтановы правнуки, тѣмъ беречь нечего, кричатъ: «Иди!.. чего боишься? или насъ не знаешь? Не пройдетъ и двухъ лунъ, какъ мы привеземъ тебѣ полные коржуны русскихъ головъ; всѣ пески уложимъ бѣлыми рубахами. А не пойдешь, такъ тебѣ же хуже будетъ!.. А вотъ тебѣ пока отъ насъ задатокъ, чтобы ты не забылъ, какое такое войско изъ себя изображаемъ»...

И въ ханскую лѣтнюю ставку то и дѣле стали приходить жалобы отъ мирныхъ узбековъ: тамъ Чодоры скотъ отогнали; тамъ Кара цѣлый кишлакъ ограбили и всѣхъ дѣвокъ съ собою угнали; тамъ каики на Аму-Дарьѣ захватили и такую цѣну за перевозъ берутъ, что выходитъ одинъ грабежъ и разореніе. «А что ханъ Рахимъ могъ противъ нихъ сдѣлать!»

«Вотъ, погодите, писалъ онъ къ кочевникамъ по лѣвому берегу. Придутъ русскіе, встрѣтимъ ихъ войною... не помирюсь! А не придутъ—не мнѣ же самому начинать!»

Узбеки втайнѣ радовались, узнавъ объ этомъ письмѣ... Они были увѣрены, что «бѣлыя рубахи» сами не начнутъ враждебныхъ дѣйствій.

— Придутъ скоро!—утѣшали себя тюркмены.—А будутъ мѣшкать—поторопимъ... за живое задѣнемъ, такъ вызоветъ!..

И вотъ началось это систематическое задѣваніе за живое.

Эмисары Хивы, подосланные, конечно, партіей, желавшей войны во что бы то ни стало, разсыпались по степямъ и начали показываться въ средѣ кочевыхъ народовъ, подчиненныхъ намъ уже десятки лѣтъ.

Эти ловкія «ищейки», у которыхъ были «длинные носы и гибкіе языки, смѣлость тигра, жадность волка, хитрость лисицы и прытость зайца» *), пробирались песками между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; они доходили даже до «Эмбы» и волновали киргизовъ, подстрекая ихъ къ поголовному возстанію, обѣщая со стороны хивинскаго хана самую дѣятельную поддержку и покровительство.

Кочевники слушали этихъ эмисаровъ съ большимъ любо-

---

*) Буквальный переводъ—отрывокъ изъ одной писанной инструкціи при одномъ изъ попавшихся эмисаровъ.

нытствомъ и вниманіемъ. Старики подсмѣивались и недовѣрчиво покачивали головами. Они хорошо понимали еще неудачные опыты прежнихъ лѣтъ. Молодежь, пожалуй, и не прочь бы идти на призывъ, но воздерживалась пока, видя недовѣріе старшихъ. Послѣдніе взяли перевѣсъ—и большинство подстреканій не достигло желанныхъ результатовъ.

Но зато около этихъ бродячихъ, удалыхъ головъ сгруппировались тѣ, въ комъ проснулась, уснувшая было, жажда къ грабежу и набѣгамъ, къ разнообразію и превратностямъ боевой, попросту—разбойничьей жизни.

Въ пескахъ «малыхъ и большихъ Бурсуковъ» сформировались небольшія шайки барантачей и начались частые «поиски» на казалинскихъ караванныхъ путяхъ. Чаще и чаще стали въ форты доходить слухи о дорожныхъ безчинствахъ. Случались даже нападенія на почтовыя станціи Орско-казалинскаго тракта. Такъ пострадали нѣсколько станцій въ Каракумахъ, откуда были отогнаны лошади и уведены въ плѣнъ казаки, находившіеся въ станціонныхъ кибиткахъ.

Въ Казалинскъ то и дѣло стали привозить раненыхъ и убитыхъ съ дороги. Начинала развиваться повсемѣстная паника. Купцы требовали себѣ защиты вооруженной силы и, не получая ея, останавливали торговлю.

Маленькіе конные отряды, высланные въ степь, безплодно гонялись «за вѣтромъ въ полѣ» (по удачному выраженію казаковъ), томили себя, томили своихъ коней—и возвращались на стоянки, не достигнувъ никакихъ опредѣленныхъ результатовъ.

Весь награбленный товаръ, отогнанный скотъ, плѣнные люди—все свозилось къ Хивѣ и ея окрестнымъ селеніямъ и на тамошнихъ рынкахъ находило себѣ покупателей.

Совершенно независимое отъ происковъ Хивы, возстаніе въ степяхъ Средней орды 1870 года нашло себѣ на берегахъ «Аму» самое горячее сочувствіе. Отдѣльныя лица, виновные „*роды*“ и аулы откочевывали къ этой рѣкѣ и спасались отъ заслуженнаго возмездія.

Громкое по разбоямъ имя Садыка—племянникъ извѣстнаго *Аблая-кенисара*—опять загремѣло по степямъ, и потянулись со всѣхъ концовъ безшабашные бездомники-бродяги, собираясь подъ его знакомые значки.

Въ отвѣтъ на запросы русскихъ властей, хивинскій ханъ отвѣчалъ, что онъ всѣмъ этимъ безчинствамъ не причина,— что ему самому плохо приходится отъ этихъ разбоевъ, а справиться съ тюркменами онъ, молъ, не въ силахъ. «Пускай, молъ, сами русскіе попробуютъ съ ними поладить!»—добавлялъ онъ не безъ двусмысленности.

И въ то же время, изъ лѣтняго ханскаго дворца, ежедневно скакали гонцы къ бухарскому эмиру — съ письмами и цѣнными подарками.

Сеидъ-Магомедъ-Рахимъ-ханъ спрашивалъ эмира Мозафора, что думаетъ дѣлать этотъ послѣдній, если русскіе пойдутъ на Хиву мимо предѣловъ его ханства.

Партія войны въ Бухарѣ тоже подняла голову и начала шумѣть. Но эмиру Мозафару слишкомъ памятны были бѣдствія 1868 года. Онъ не могъ забыть Самарканда и Зарабулака, не могъ забыть и рыцарскаго возмездія «Карши» и «Шегрисябзь»... Теперь эмиръ зналъ что дѣлать—и нѣсколько особенно крикливыхъ головъ, отдѣленныхъ отъ своихъ туловищъ, разомъ успокоили воинственныхъ проповѣдниковъ.

А надъ безконечными степями «злой туманъ» все сгущался и сгущался, и въ этомъ «зломъ туманѣ» слышался возбуждающій запахъ крови...

Долго тянулось это смутное время: гроза, скопившаяся надъ головами, томила только и не разражалась. Кому было плохо, кому хорошо...

Первые робко жались по своимъ домамъ и кибиткамъ, стягивали поближе свои разбросанныя стада и табуны. Послѣдніе рыскали по степямъ, особенно по тѣмъ, гдѣ разсчитывали прежде всего столкнуться съ бѣлыми рубахами.

Въ пустыняхъ «Кизилъ-кумъ» стало людиѣе.

Это обстоятельство не трудно было замѣтить сразу. Даже волковъ и орловъ-стервятниковъ стало какъ будто больше въ этихъ роковыхъ мѣстностяхъ.

Четвероногіе и крылатые хищники должно быть предчувствовали скорую добычу.

И вотъ, съ востока, изъ-за Нуратынь-тау, порывы степнаго вѣтра, вмѣстѣ съ пескомъ и клубами перекати-поля, донесли тревожный кликъ:

— Идутъ бѣлыя рубахи!..

IV. «Заметались».

И двухъ угоновъ, какъ слѣдуетъ, не успѣла сдѣлать учь-кудукская шайка... Придержали коней, перевели духъ, хотѣли было опять тронуть, смотрятъ, а на горизонтѣ, на самомъ томъ краю, гдѣ дрожитъ и волнуется туманная, дрожащая полоса озера-миража, замелькали черныя, крохотныя точки...

Первый замѣтилъ ихъ зоркій Османъ, перегнулся на сѣдлѣ назадъ, онъ рысилъ въ головѣ, и тревожно произнесъ:—А то что?

— Наши...—отвѣчалъ ему сосѣдній джигитъ.—А самъ поблѣднѣлъ, какъ пыль на дорогѣ, и мултукъ свой изъ-заплеча сталъ поспѣшно отпутывать.

Встревожились бродяги, въ кучу сбились и стали.

— Что же ты это?—усмѣхнулся сквозь зубы Османъ, кивнувъ на оружіе.—По своимъ, что ли, хочешь?.. Вѣдь наши?!

— Гонятъ шибко... за ними *тѣ* идутъ.... это вѣрно... Ишь какъ, гляди, гляди! Ишь какъ лошадей нахлестываютъ!

— На утекъ!—крикнулъ Шарипъ и закачался на сѣдлѣ отъ смѣха.

Такъ охотно послушались барантачи этого крика... шарахнулись съ мѣста въ карьеръ, да замѣтили, что самъ Шарипъ не трогался... удержали лошадей и назадъ по одиночкѣ вернулись.

— Ловко, пріятели, ловко!.. Ай да батыри!.. хо-хо-хо!—покачивался Шарипъ.—Ой, якши! бекъ якши!.. Ахъ, вы, чортовы дѣти!..

— Самъ-то ты, должно быть, близко бѣлыхъ рубахъ не былъ. А то бы не далъ такъ глотку!—огрызнулся одинъ изъ джигитовъ.

— О-хо-хо! А ну-ко... я погляжу, какъ вы на русскихъ... такъ ли вотъ какъ и теперь, по одному клику мирзы Садыка кинетесь?.. Погляжу, погляжу!

— Гляди вонъ лучше туда... видишь?.. Вѣдь это наши съ «Трехлапаго верблюда», съ ними еще народъ...

— Съ «Хала-атъ» тоже съ ними!—крикнулъ Османъ.—Вонъ Байтакъ—тамыръ мой! я его по конскому скоку узнаю... Ишь какъ машетъ! совсѣмъ какъ козелъ. Вонъ-вонъ... Ну, что-нибудь да не ладно!..

Разстояніе между тѣми, что скакали, и тѣми, что стояли на мѣстѣ,—становилось все менѣе и менѣе.

Масть лошадей уже различалась довольно легко... можно было видѣть, какъ яростно нахлестывали они своихъ измученныхъ коней.

— И чего это они такъ дуютъ?—неудомѣвалъ Османъ.

Два джигита значительно опередили другихъ и скакали рядомъ почти бокъ-о-бокъ... Коржуны вьючные у одного оторвались—отъ быстрой ѣзды, а можетъ и не были совсѣмъ приторочены отъ спѣху, джигитъ ихъ одною рукою придерживалъ... Лица обоихъ были тревожныя... глаза пугливо бѣгали по сторонамъ, словно отыскивали что-то на горизонтѣ... Пересохшія—отъ быстраго движенія—растрескавшіяся губы были полураскрыты, жидкія бороды встрепаны и густо напудрены степною пылью...

Взмыленныя лошади тяжело дышали на скаку, особенно одна, у которой изъ воспаленныхъ ноздрей вмѣстѣ съ каплями крови, горячій воздухъ вырывался съ какимъ-то порывистымъ хриплымъ свистомъ.

— Загналъ!—рѣшилъ Шарипъ,—услыхавъ еще издали этотъ звукъ...

— Что поваго?!..—гаркнулъ имъ навстрѣчу во все горло Османъ...

Подскакалъ первый... осадилъ коня... хотѣлъ сказать что-то... да только махнулъ рукою въ сторону Учь-кудука и хотѣлъ было гнать дальше...

— Русскіе...—словно выстрѣлилъ другой... и перелетѣлъ чрезъ голову лошади, со всего маху вспахавшей своей мордою рыхлую почву...

Несчастное загнанное животное не выдержало-таки и невольно измѣнило своему хозяину...

Тревожный говоръ пошелъ по всей кучкѣ всадниковъ... одинъ за другимъ подскакали остальные бѣглецы. Скоро набралось человѣкъ двадцать...

Между прибывшими были два настоящихъ тюркмена съ того берега Аму-Дарьи. Они были въ полосатыхъ халатахъ. Оба они скакали позади всѣхъ, но не потому, чтобы это зависѣло отъ слабости ихъ лошадей. а потому, что такъ сами хотѣли... Поводья ихъ были вытянуты—тонкія цѣпныя

удила рвали рты разгорячившихся, порывающихся впередъ лошадей...

— Къ Учь-кудуку гони!—повелительно крикнулъ одинъ.

— Дорогой говорить будемъ!—произнесъ другой.—*Атамкуловы?*—добавилъ онъ, обращаясь къ Шарипу.

— *Можетъ и его*—отвѣчалъ тотъ уклончиво.

— Гдѣ самъ?..

— А мы вотъ тебя спросить хотѣли объ этомъ...

—Гм!..—откашлялся тюркменъ и передернулъ поводья.

— Гайда, гайда!..—крикнулъ другой.

Сбились всѣ въ кучу, погнали...

— Русскіе... на «Хала-атъ» пришли!.. Матъ-муратъ опоздалъ, не прикрылъ дороги... Ніазъ и Садыкъ, слышали, на Минъ-булакѣ ихъ дожидаются... говорилъ отрывисто тюркменъ.—*Вороны*! на «Трехлапаго верблюда» казаки пришли, насъ сбили... На «Учь-кудукъ» придутъ, мы тогда совсѣмъ безъ воды останемся... День этотъ можетъ нашъ... надо покормить коней, напоить ихъ и воды въ турсуки набрать,—пока еще тѣ не пришли... гяуры! А то опоздаемъ!.. Они идутъ тихо, да безъ устали... *много дороги подъ себя забираютъ*... Повозокъ нѣтъ съ ними. Верблюдовъ много!.. Въ два часа по всему каравану не проѣдешь... Много животовъ идетъ,—много воды потребуютъ... Отгонятъ насъ отъ колодцевъ,—тогда хоть десять Садыковъ приходи, безъ боя на Аму отступать придется...

— Вода въ степи—жизнь... Воды нѣтъ—смерть!—лаконически произнесъ другой тюркменъ...

И эти слова какъ-то странно подѣйствовали на сердца степныхъ бродягъ... Имъ стало жутко... Нѣкоторые даже вздрогнули—и оглянулись... Всѣ безъ исключенія поддали лошадей...

Эта паника, охватившая бѣглецовъ съ «Трехлапаго верблюда», сообщилась и учь-кудукскимъ бѣглецамъ... Теперь уже всѣ скакали—скакали какъ изъ степного пожара, какъ отъ разлива водъ... Скакали какъ сайгаки отъ свиста охотничьей пули... неслись какъ дикіе тарпаны отъ звенящаго розмаха арканной петли...

Они спѣшили захватить эту гнилую, соленую воду, въ которой была жизнь... Они робко косились на безводную, знойную, спаленную солнцемъ степь, гдѣ была смерть...

И кромѣ нихъ по степи метались такія-же маленькія конныя партіи; рыскали одиночные, растерявшіеся всадники.

Бѣлыхъ рубахъ ждали, бѣлыя рубахи пришли словно нежданныя... Это былъ расплохъ, но расплохъ странный,—къ которому степь цѣлыхъ четыре года готовилась...

«Вода—жизнь... безъ воды—смерть!»

Въ этихъ словахъ тюркмена было что-то пророческое.

V. Лагерь «бѣлыхъ рубахъ».

Эти желтые, сыпучіе барханы, по которымъ носился жаркій, порывистый вѣтеръ, сметая и разнося по степи ихъ зыбкія вершины, никогда еще не видали столько людей!.. и людей совершенно чуждыхъ имъ, незнакомыхъ; одѣтыхъ въ короткія бѣлыя рубахи и красныя кожаныя шаровары; вооруженныхъ винтовками Берданы; людей въ первый разъ пришедшихъ на эти мѣста — и расположившихся здѣсь, на этихъ *барханахъ*, совсѣмъ какъ у себя дома—по-хозяйски.

Широко раскинулся ихъ бивуакъ... Всюду, у подножій холмовъ виднѣлись металлическія рогатки составленнаго въ козлы оружія... красныя тряпки значковъ, потрепанныхъ-таки непогодою... Тамъ и сямъ дымились маленькіе костерчики; мѣстами поднимались вершины палатокъ... Неподвижно, увязнувъ въ песокъ—почти по ступицу—стояли оружія; за ними ряды зеленыхъ ящиковъ, за ними вереницы приземистыхъ, неуклюжихъ лошадей въ коновязяхъ... Потомъ опять—ряды ружейныхъ козелъ, опять значки, опять какіе-то шатры, навѣсы и палатки... И между всѣмъ этимъ, снующія по всѣмъ направленіямъ, толпящіяся въ кучкахъ, лежащія въ растяжку, сидящія на корточкахъ, все чѣмъ-то занятыя, суетливыя на бивуакахъ, спокойныя въ *дѣлѣ*, «бѣлыя рубахи».

На вершинахъ отдѣльныхъ, болѣе возвышенныхъ бархановъ торчали одиночные часовые пѣшіе... Подальше чуть-чуть виднѣлись сквозь пыль и дымъ костровъ конные пикеты... Одиночные всадники рыскали отъ одного пикета къ другому, выѣзжали за нихъ, взбирались на пригорки и все вглядывались вдаль, словно дожидаясь чего-то, что неизбѣжно должно появиться на этомъ зеленомъ, волнообразномъ горизонтѣ...

У черныхъ зіяющихъ отверстій—колодцевъ—больше всего

толпились народу, больше всего слышалось голосовъ и шуму... Шли къ нимъ, шли отъ нихъ. Къ нимъ шли бѣгомъ, помахивая пустыми котелками, ведерками, чайниками и всякой походной посудою; отъ нихъ шли потихоньку, не торопясь, бережно неся съ трудомъ добытую воду.

Колодцы находились не въ одномъ мѣстѣ; они были разсыпаны по извилистымъ лощинамъ. Еслибъ соединить эти точки, то получилась-бы ломаная линія того самаго вида, въ какомъ представлялся весь бивуакъ, если на него смотрѣть сверху, съ высоты полета тѣхъ двухъ орловъ, что съ самой первой стоянки слѣдили за отрядомъ и теперь носились надъ нимъ, словно выбирая себѣ подходящую добычу...

Вся дѣятельность бивуака, вся его общественная жизнь, всѣ живые интересы сосредоточивались у колодцевъ...

Эти колодцы были его нервные узлы.

Еще вчера пришелъ туркестанскій отрядъ на урочища Халаата. Всѣ знали, что отсюда идти дальше придется еще не скоро; а потому всякій старался устроиться попокойнѣй, поудобнѣй — если только возможны покой и удобства на этой ужасной, проклятой небомъ мѣстности.

Впереди, то-есть въ той сторонѣ, куда глядѣли пушечныя жерла, заложенныя деревянными втулками, разстилалась совершенно невѣдомая пустыня, страшная по своимъ мрачнымъ легендамъ, по тѣмъ разсказамъ, которые передавались бывалыми людьми, съ таинственнымъ, почти суевѣрнымъ ужасомъ.

— Смотри... видишь?..—говорилъ тихонько бывалый джигитъ-туземецъ своему русскому тамыру (пріятелю).

— Чего смотрѣть-то?! — сплевывалъ тотъ послѣ богатырской затяжки махоркою:—одинъ песокъ—ничего больше!..

— Смотри! Тамъ вонъ нынче горы, а тамъ лощины,—указывалъ джигитъ вдаль своимъ крючковатымъ, чернымъ, словно обугленнымся пальцемъ,—подымется ночью ураганъ... посмотришь, что завтра будетъ... Тамъ, гдѣ гора была—будетъ лощина, гдѣ лощина—гора...

— Ну, а дорога-то какова?—освѣдомился «тамыръ».

— Дорога?.. Дороги нѣтъ... Тамъ нѣтъ дороги... Тамъ дорога та, по которой поведетъ тебя воля Аллаха!.. Другой нѣтъ дороги...

— Ну, сторона!..

— Зачѣмъ туда идти?.. Не надо! Ни человѣкъ, ни верблюдъ, ни лошадь не стерпитъ...

— Ишь ты!..

— Слышалъ я, братцы мои, ротный сказывалъ... Амиръ бухарскій однова раза войско свое повелъ туда, значитъ,— и все это войско его пескомъ занесло, такъ и не знаютъ до сей поры, гдѣ оно сгинуло... слышится еще молодой голосъ, въ другомъ кружкѣ «бѣлыхъ рубахъ».

— Ври больше!—сурово обрѣзываетъ его обросшій щетиною, угреватый унтеръ...

— Адамъ-крылганомъ прозывается...—разсказываетъ кто-то въ третьемъ мѣстѣ, — а по нашему слово это человѣчью погибель означаетъ.

— А вотъ поглядимъ эти «человѣчью погибель!»—похвалится бойкій горнистъ. — Не по такимъ палестинамъ хаживали!.. Что братъ, Косолапкинъ, аль прогнали отъ колодцевъ, съ чайниками-то?.. Что пустую посуду приволокъ?..

— Прогнали... — ворчитъ недовольный Косолапкинъ. — Нѣтъ, не прогнали!.. Дорогою стрѣлки вылокали... «Ты, говорятъ, еще сходишь, а намъ въ цѣпь надоть—не-коли!..

— Эко горе! Давай я смахаю...

— И птица туда не летитъ, братцы мои, и звѣрь не бѣжитъ...—опять слышится сдержаный, боязливый голосъ.

— Перво-на-перво судьба; а второе—начальство. Прикажутъ пройти, пройдемъ. А коли ежели птица не летитъ—ну, и пущай ее!— потому — намъ она совсѣмъ не требуется!..— отчеканиваетъ статный фельдфебель съ двумя георгіевскими крестами. — Кошмы разстилать!.. Вздору не болтать! Вторая смѣна становись въ ружье, живо!..—покрикиваетъ онъ, сидя на неразобранномъ еще тюкѣ.

Солдаты были покойны, такъ по крайней мѣрѣ казалось всякому, кто бы только ни взглянулъ на эти усатыя и безусыя лица, то загорѣлыя—почти бронзовыя, то матово-блѣдныя—словно чахоточныя, то расплывшіяся, красныя, обрамленныя щетинистыми бакенбардами, всѣ безъ исключенія занятыя, повидимому, исключительно обыденными интересами: расчисткою старыхъ, полузасыпанныхъ колодцевъ, рытьемъ

новыхъ, добываніемъ воды, потребность въ которой не истощалась, а напротивъ все увеличивалась и увеличивалась... Колодцы едва могли удовлетворить ее. На вершинѣ пологаго кургана закладывалось небольшое укрѣпленіе, воздвигалась какая-то сторожевая башня, поднимающаяся мало-по-малу надъ окрестной пустыней... Кое-гдѣ трещалъ барабанъ, гдѣ-то завывала унылая, надтреснутая труба. Хоръ пѣсенниковъ началъ было тянуть что-то охрипшими, словно задавленными голосами—да бросилъ... Видно не до пѣсенъ было!..

Несмотря на этотъ наружно-покойный видъ, на сердцѣ у каждаго шевелилось скверное чувство...

И эти прищуренныя, нѣсколько воспаленныя отъ жара и пыли глаза, отрываясь отъ обыденной работы, все чаще и чаще поглядывали вдаль—въ эти безконечные сыпучіе пески, въ ту сторону, гдѣ находилось урочище «Адамъ-крылганъ»—что значитъ «человѣчья погибель».

И въ офицерскіе шатры заглядывало это тревожное безпокойство... Все въ русскомъ лагерѣ боялось этихъ роковыхъ песковъ, и все рвалось туда. За спиною остались цвѣтущія, населенныя мѣста, — полныя жизни, — впереди простирались пески, гдѣ царила смерть. Еслибъ каждому изъ нихъ предоставили свободный выборъ — идти назадъ или впередъ, то не нашлось бы ни одного человѣка, пожелавшаго бы возвратиться.

Строили укрѣпленія, — значитъ предполагали оставить въ немъ небольшой гарнизонъ. Это было необходимо—всѣ знали это. И хуже песковъ, хуже пятидесяти-градуснаго жара—хуже смертельной жажды, хуже всего на свѣтѣ, — боялись только одного, чтобы не вынуть жребія «оставаться».

Больные собирались съ силами, — бодрились и притворялись здоровыми; слабые старались казаться сильными...

Они строили эти приземистыя глиняныя стѣны, эту башню—и проклинали свою—неизбѣжную работу...

Это все были русскіе солдаты, мало того, это были старые батальоны туркестанскихъ «бѣлыхъ рубахъ»; въ ихъ рядахъ были герои Ташкента, Уратюбе, Джюзака, Ирджара, Самарканда, Ургута, Шегри-сябзя, Каршей и Зарабулака.

Рѣдко можно было встрѣтить «рубаху», не украшенную грязной, затасканной полосатой лентой.

VI. Плѣнный.

Уральская казачья полусотня, посланная еще третьяго дня на рекогносцировку въ окрестности Хала-ата, только-что возвратилась въ лагерь.

Казаки вываживали потныхъ, запыленныхъ лошадей и расправляли свои усталыя отъ долгой ѣзды ноги. Небольшая группа, человѣкъ шесть, оставалась еще на коняхъ, окружая какого-то страннаго всадника.

Этотъ всадникъ по костюму рѣзко отличался отъ его окружавшихъ. Онъ сидѣлъ на сѣдлѣ не по своей собственной волѣ; ноги его были связаны веревкою подъ брюхомъ лошади, руки скручены за спиною. Недовѣрчиво, боязливо смотрѣлъ онъ и, словно пойманный волкъ, озирался по сторонамъ изъ-подъ своей рогатой войлочной шапки. Верблюжій халатъ на немъ былъ изорванъ и мѣстами даже окровавленъ. Эти лоскутья, эти черныя пятна, наконецъ эти синяки на лицѣ и подбитый глазъ — свидѣтельствовали ясно о той усиленной борьбѣ, которую выдержалъ онъ прежде чѣмъ отдаться во вражескія руки...

Кромѣ этихъ синяковъ и ссадинъ, все лицо его было покрыто пылью, превратившеюся отъ пота въ полосы грязи. Трудно было разсмотрѣть черты этого скуластаго лица подъ этой отвратительной маскою.

Около лошади плѣннаго вертѣлись двѣ борзыя собаки, одна съ перебитою ногою, и, поднявъ кверху свои острыя морды, жалобно выли, глядя на всадника.

Одинъ изъ казаковъ держалъ у себя на плечѣ охотничьяго сокола въ красной шапочкѣ; за сѣдломъ у другого приторочено было, свѣрнутое вмѣстѣ въ общій пучокъ, оружіе пойманнаго.

Командиръ пришедшей полусотни поѣхалъ съ докладомъ къ начальнику отряда. Чуть не со всего лагеря собрались пѣхотинцы, артиллеристы и казаки—смотрѣть на попавшагося батыря. Пришли и туземцы, киргизы-лаучи изъ верблюжьяго обоза, взглянуть: какого молъ звѣря изловили бородатые уральцы?

Заходили справа, заходили слѣва, сзади, спереди, разсматривали во всѣхъ подробностяхъ, руками даже потрагивали; казаковъ разспрашивали...

— Гдѣ сцапали?—освѣдомился тощій артиллеристъ, глядя на плѣннаго въ упоръ, и пощупывая даже его угловатыя колѣна, вздрагивавшія съ этого прикосновенія.

— Ишь какого!—удивлялся приземистый пѣхотинецъ, поскребывая свой дубленый затылокъ.

— Верстовъ, почитай, за сорокъ отсюда. Страсть бился какъ, когда брали... Насилу справились!—говорилъ одинъ изъ конвойныхъ казаковъ.

— Что-же, поймали что-ли, али какъ?—допрашивалъ артиллеристъ.

— На соннаго наскочили... А то бы гдѣ поймать! Конь, это, у него лихой, здоровенный аргамакъ; тутъ-же на приколѣ, стоялъ, да вырвался, чортовъ сынъ; такъ и удралъ въ пески... Не догнали!..

— Удралъ?!. А-а жалость какая!..

— Совсѣмъ, значитъ, снарядомъ захватили,—пояснялъ другой уралецъ.—И кальянъ это у него заправленъ былъ... Сбруя, вся какъ есть, въ порядкѣ сложена; самъ навзничь лежитъ, кверху носомъ и на всю степь дрыхнетъ. Мы бы такъ и связали его соннаго, да вотъ эти псы «поштрѣли ихъ лукавый!» все дѣло испакостили. Ну, проснулся это онъ; какъ вскочитъ на ноги, да къ лошади. А Сысоевъ-урядникъ, вонъ энтотъ самый, что съ командиромъ поѣхалъ, какъ налетитъ на него; конемъ съ ногъ сшибъ и самъ свалился... Такъ оба по песку и покатились.

— Подпруга лопнула у него; какъ тутъ усидишь!—отозвался одинъ изъ казаковъ.

— И такая-то, братцы мои, свалка поднялась у насъ... Страсть!

— Волкъ матерой, одно слово, медвѣдь да и шабашъ! Подходу просто не даетъ... Бились мы бились! Пристрѣлить было хотѣли; Басюнъ уже винтовку снялъ съ плеча, намѣрился, да есотенный говоритъ, чтобы ни Боже мой!.. живьемъ чтобы взять, непрекословно... Ну, опять возиться начали...

— А тотъ-то что? не стрѣлялъ развѣ?

— Стрѣльнулъ раза-два, успѣлъ... Мнѣ вотъ маленько бедро ссадило. Нашъ косоглазый арканъ на него сзади накинулъ, ну, и сладили.

— Откуда родомъ?

— Изъ-за Аму-дарьи, сказывалъ. Да нѣшто ему можно вѣрить? Теперь вотъ по степи ихъ видимо-невидимо... сила таскается; что мы слѣдовъ видѣли, страсть!

— Вчера ночью къ цѣпи нашей подъѣзжали четверо. Постояли-постояли на барканѣ и прочь поѣхали,—замѣтилъ пѣхотинецъ.

— На «Трехлапаго верблюда» пришли мы. Тамъ тоже была ихняя стоянка; сами ушли, одинъ колодецъ обвалили, каторжные, въ другой дохлую собаку кинули, третій цѣлъ остался. Орда треклятая! Ишь!

Казакъ притворно замахнулся на плѣннаго; тотъ заморгалъ глазами и конвульсивно отшатнулся.

— Небось, дуракъ, не трону!..—успокоилъ его казакъ.

Кое-кто въ толпѣ засмѣялись. Начали расходиться мало-по-малу. Любопытство было удовлетворено.

Вернулся «сотенный» изъ генеральской ставки; сняли съ сѣдла несчастнаго батыря, развязали ему ноги, руки распустили. Тотъ тяжело упустился на песокъ, легъ ничкомъ и потянулъ себѣ на голову отрепья своего халата. Два часовыхъ казака—пѣшихъ, стали около него; прочіе повели своихъ лошадей въ общія коновязи.

Въ эту минуту—изъ удаляющейся толпы зрителей выдѣлился одинъ туземецъ-лауча, совсѣмъ почти голый, только въ мѣховомъ бараньемъ малахаѣ на головѣ и короткихъ, кожаныхъ, истертыхъ до-нельзя штанахъ, подошелъ шага на три къ лежащему, сѣлъ на корточки и, подперши голову руками, принялся его разглядывать, не сводя съ того мѣста, гдѣ подъ халатомъ должно было быть лицо его, пристальнаго, сосредоточеннаго на одномъ только этомъ пунктѣ взгляда...

— Ты чего?—огрызнулся часовой казакъ.

— Я тебѣ развѣ мѣшаю?—почти шопотомъ произнесъ лауча.

— Пущай сидитъ—коли дѣлать ему больше нечего!—произнесъ другой часовой.

— Пущай сидитъ,—согласился первый.

Всѣ въ лагерѣ хорошо знали стараго лаучу-Досщака: знали его и въ конномъ и пѣшемъ бивуакѣ, знали его и въ пушечномъ обозѣ. Всѣ знали и были увѣрены, что ничего худого онъ не сдѣлаетъ, а хорошаго—по своей части, какъ верблюдовожатый,—онъ дѣлалъ не мало.

И послѣднее обстоятельство нисколько не показалось казакамъ подозрительнымъ. Досщакъ сидѣлъ и никого не трогалъ. и его никто не трогалъ и не сгонялъ съ мѣста, не прерывалъ его странныхъ наблюденій надъ спавшимъ, а можетъ быть притворившимся спящимъ, плѣннымъ батыремъ.

VII. Сестра милосердія.

Хриплый, отвратительный ревъ верблюдовъ, то злобный, то пронзительно-болѣзненный, фырканье, сапъ и отрыганіе жвачки... Ржаніе лошадей, вытье и лай собакъ... Грубые охрипшіе мужскіе голоса... Изрѣдка выстрѣлы... Топотъ копытъ, тяжелые шаги по сыпучему песку, стукотня саперныхъ лопатъ и кирокъ... Вотъ звуки, наполняющіе воздухъ на всемъ протяженіи русскаго лагеря, разносящіеся по печальнымъ окрестностямъ, вмѣстѣ съ вѣтромъ, пескомъ и пылью. Сурово, непривѣтливо поражали они ухо. Ничего въ нихъ не было отраднаго, ничего такого, чтобы хотя сколько-нибудь ласкало слухъ, на чемъ могло бы отдохнуть тоскливое, сдержанно бьющееся сердце.

Все здѣсь говорило о томъ, что не для мира, не для веселья и покоя собрались сюда всѣ эти живыя существа.

Но вотъ въ жаркомъ воздухѣ прозвучала какая-то странная нота.

Это былъ звукъ слабый, едва слышный. Онъ могъ бы быть неожиданнымъ; онъ могъ изумить, озадачить каждаго, до чьего бы уха онъ ни коснулся.

Этотъ звукъ совершенно не подходилъ ко всей обстановкѣ; онъ былъ чуждъ, несвойственъ всему тому, что видѣлъ глазъ. Въ общемъ хорѣ прозвучалъ поражающій диссонансъ.

Все кругомъ говорило о войнѣ,—этотъ же звукъ напоминалъ о томъ, что прямо противоположно ей: о семьѣ, о любви, мирѣ.

Это былъ плачъ ребенка.

И этотъ звукъ тотчасъ же вызвалъ другой, такой же нѣжный, ласковый, полный самой могучей, чарующей гармоніи— голосъ женщины.

Шагахъ въ двадцати отъ одного изъ колодцевъ, защищенная отъ вѣтра гребнемъ холма, стояла небольшая кони-

ческая палатка туземнаго покроя. По наружному виду палатка эта не представляла собою ничего такого, чтобы отличало ее отъ прочихъ; тѣ же туго-натянутыя веревки, тѣ же грубые швы, тянущіеся отъ верхней шишки до самаго низу; тѣ же сугробы песку, напирающіе на нее съ подвѣтренной стороны. Все то же, что и у той, и другой, и у третьей...

Эта палатка обладала, впрочемъ, какой-то особой нравственной силою. Всѣ, проходя мимо другихъ палатокъ, относились къ нимъ совершенно равнодушно; никакого измѣненія не замѣчалось въ выраженіи лицъ проходящихъ, развѣ только привычная рука машинально дотрогивалась до козырька холщевой фуражки—и то только если въ откинутой палаточной полѣ, въ этомъ узкомъ темноватомъ треугольникѣ, виднѣлся офицерскій погонъ, блестѣла пуговица, торчалъ сапогъ со шпорою, или какой-нибудь подобный признакъ начальства.

Совсѣмъ другое явленіе совершалось здѣсь. На эту палатку смотрѣли; къ этой палаткѣ прислушивались, даже торопливый шагъ задерживали. Суровый, нахмуренный взглядъ становился мягче, привѣтливѣй: на пересохшихъ губахъ мелькало даже что-то, весьма близко похожее на улыбку.

А если и здѣсь откидывались входныя полы, то уже просто прикладываніе руки къ козырьку, казалось, не имѣло ни чѣста, ни смысла. Какъ передъ чѣмъ-то чистымъ, святымъ, какъ передъ алтаремъ обнажались гладко остриженныя «не ладно кроеныя да крѣпко сшитыя» простыя солдатскія головы.

Внутреннее убранство этой палатки значительно отличалось отъ прочихъ. Прежде всего бросалось въ глаза полное отсутствіе оружія; здѣшнимъ обитателямъ оно было совершенно лишнее. Затѣмъ, ковры и войлоки, покрывавшіе землю, были чисто выметены и не засыпаны, какъ обыкновенно, окурками сигаръ и папиросъ, погнутыми, исковерканными картами, кусками мѣлу и наскоро-смахнутыми со стола объѣдками. Внутреннія стѣнки палатки изъ полосатаго «адрасса» не были заплеваны; большая, складная желѣзная кровать была поверхъ ковра покрыта чистымъ бѣлымъ одѣяломъ, и бѣлая наволочка на подушкѣ поражала своею свѣжестью. Большіе вьючные сундуки, обитые кожею и окованные желѣзомъ, служили диванами и креслами. Въ углу стояла девевянная баклага съ водою, прикрытая отъ песку и пыли, врывающейся даже и въ

это опрятное жилище. Каждая мелочь: крохотное зеркальце, повѣшенное на колокъ полотенце, походные чайники, стаканы, погребецъ съ посудою, все носило на себѣ печать уютности и комфорта; во всемъ видна была предупредительная, опытная рука, рука хозяйки—женщины.

Въ свѣтло-сѣромъ коленкоровомъ платье, короткомъ и почти въ обтяжку, въ бѣломъ кисейномъ платкѣ на головѣ, сидѣла на кровати сама хозяйка и что-то говорила ребенку, мальчику лѣтъ двухъ-трехъ (можетъ-быть немного болѣе), сидѣвшему у ней на колѣняхъ.

Мальчикъ капризился и хныкалъ, видимо безъ всякой особенной причины, а просто такъ, потому что ему пришла охота похныкать, похандрить немножко. Женщина старалась какъ-нибудь разсѣять эту дѣтскую хандру, разогнать набѣжавшее хмурое облачко.

Прекрасные, большіе сѣрые глаза женщины смотрѣли на ребенка съ такою нѣжностью, съ такимъ глубокимъ, любящимъ выраженіемъ, что не трудно было догадаться, какая связь была между тою и другимъ. Только мать можетъ смотрѣть такъ; такіе глаза могутъ быть только у матери.

Загрубѣлыя, но безукоризненно чистыя руки женщины гладили мальчика по его свѣтло-русой головѣ, трепали эти пухлыя розовыя щечки; тонкіе пальцы щекотали его подъ горлышкомъ. Улыбка скользила по загорѣлому лицу. Въ этой улыбкѣ было много любви, кротости. Въ этой улыбкѣ было много отраднаго, успокаивающаго, но въ ней не было ничего, чтобы хотя немного напоминало веселье и радость. Въ ней не было и горя, не было ничего грустнаго, горькаго. Это была какая-то странная, безплотная улыбка.

Такъ улыбаться могутъ только ангелы.

А эта женщина была дѣйствительно ангелъ для всѣхъ тѣхъ, кто ее окружалъ.

Эта была, знакомая уже намъ*) Наталья Мартыновна Чижикова, дочь «стараго пушкаря»—героиня, не боявшаяся лишеній и опастностей тяжелаго похода, смѣло взявшая на себя на свои слабыя силы, тяжелую, но зато—святую задачу.

Она знала, что въ самыя тяжелыя минуты болѣзненныхъ

*) Повѣсть „Въ камышахъ“.

страданій, въ тоскливыя минуты смертельной агоніи, въ минуты унынія и безнадежности, ея участіе, ея уходъ, ласка, успокоивающее слово святой любви и надежды—не разъ еще понадобятся для этихъ грубыхъ съ виду, чуткихъ своимъ простымъ сердцемъ, скромныхъ, безъизвѣстныхъ героевъ — тѣхъ самыхъ что въ грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ, въ вытертыхъ кожаныхъ штанахъ, въ сапогахъ, закорузлыхъ отъ жара, снуютъ мимо ея палатки, снимая свои холщевыя шапки съ назатыльниками.

Материнская любовь къ человѣчеству, преимущественно къ человѣчеству страдающему, заставила ее идти. Материнская любовь къ своему ребенку не позволила ей съ нимъ разстаться.

Вотъ почему и мать и сынъ вмѣстѣ находились въ этомъ суровомъ боевомъ лагерѣ, раскинувшемся посреди песковъ, подъ знойнымъ раскаленнымъ, мглистымъ, безцвѣтнымъ небомъ.

VIII. Въ офицерскомъ кружкѣ.

Стемнѣло. Въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то, весьма мало, но все-таки похожимъ на свѣжесть.

Передъ одною изъ офицерскихъ палатокъ былъ разостланъ на пескѣ большой пестрый коверъ—и на немъ сидѣли и полулежали человѣкъ десять офицеровъ. Они пили мутный, солоноватый чай и пускали въ воздухъ струи табачнаго дыму.

Эта относительная ночная свѣжесть вызывала ихъ изъ своихъ душныхъ палатокъ; скука согнала ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Разговоръ шелъ вяло, неоживленно; должно быть обо всемъ было переговорено, но уже давно, а новаго матерьяла не представлялось.

Неподалеку два деньщика подогрѣвали маленькіе походные самоварчики, подкидывая въ ихъ трубы кусочки высохшаго помета, распространявшаго вокругъ особый горѣлый запахъ, свойственный только этому роду топлива. На желѣзномъ таганѣ кипятилось какое-то мясное варево и шипя сбѣгало, обливая края и бока закопченой кострюли. Сквозь полотно палатки мигалъ огонекъ свѣчи и очерчивалась темная силуэтная тѣнь чьей-то спины и локтя руки, пишущей что-то, судя по ея движенію. Кудлатая собака безъ хвоста, высунувъ на бокъ языкъ и прищуривъ глаза, преусердымъ образомъ служила, хотя ее никто не просилъ объ этомъ. Заблудшій ишакъ, хло-

пая ушами, бродилъ вокругъ, безпрестанно спотыкаясь и путаясь въ натянутыхъ палаточныхъ веревкахъ. Солдатскіе огоньки мигали въ почтительномъ отдаленіи отъ начальства; а подальше, за поясными группами сидящихъ и лежащихъ человѣческихъ фигуръ, искрились красноватые металлическіе блики на концахъ штыковъ составленныхъ въ козлы ружей.

— Какъ выдрыхнешься, этакъ, днемъ,—къ ночи никакого сна нѣту... Скука!—произнесъ маіоръ Пуговицынъ, и тутъ-же едва не свихнулъ челюсти отъ зѣвоты, растянувшей чуть не до ушей его усатый ротъ и вызвавшей на его засыпанные глаза какую-то влажность.

— Смэр-рть!—согласился съ нимъ его товарищъ, маіоръ Биранапсъ.— Никакого развлеченія, кромѣ нашей фортификаціонной работы, которая, если не ошибаюсь, приближается къ окончанію.

Маіоръ Биранапсъ родился въ Россіи, мало того—въ Сибири, совершенно не зналъ нѣмецкаго языка, но говорилъ по-русски все-таки съ нѣмецкимъ акцентомъ и даже не совсѣмъ правильно. Такова уже, должно быть, сила породы.

— Знаете-ли, господа, чего-бы мнѣ захотѣлось?..—заговорилъ, приподнявшись немного, поручикъ Кустиковъ, сконфузился и остановился.

— Прохоръ,—чаю!—пробасили рыжія бакенбарды.

— И будемъ мы стоять здѣсь до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ отрядъ изъ «большого форта»,—произнесъ адъютантъ Лохматовъ, лежа на животѣ и пощелкивая шпорами.

— Дабы продолжать наступательное движеніе соединенными силами...—пояснилъ маіоръ Биранапсъ.

— Знаете-ли, господа... началъ опять поручикъ Кустиковъ.

— Да, братъ, постой-ка, остановилъ—его Пуговицынъ.— Я, вотъ, хотѣлъ все спросить тебя—за что это тебя сегодня Наталья Мартыновна за ухо выдрала?

Всѣ засмѣялись.

— Шадрину, барабанщику, въ морду далъ... Наталья Мартыновна видѣла должно быть, подозвала... ну и...

— И взлупку дала—превосходно!.. Прохоръ, чаю!..

— Господа, что-то тамъ на правомъ флангѣ стрѣляли сегодня. Вы не слышали?

— А чертъ его знаетъ! Должно быть, въ цѣпи отъ скуки

забавлялись. Опять какъ третьяго дня, по орламъ, надо полагать!

— Тревогу на весь лагерь только даромъ подняли.

— Не по орламъ, а тюркмены близко шляются,—замѣтилъ адъютантъ. — Я самъ трехъ вдали видѣлъ. Съ той стороны, вонъ, гдѣ наши верблюды пасутся, подъѣзжали. Генералъ приказалъ «полусотнѣ» выдвинуться имъ навстрѣчу.

Какой-то казачій офицеръ, съ костылемъ въ рукахъ, подошелъ къ офицерской группѣ и сталъ сзади, вслушиваясь въ разговоръ.

— Мои джигиты говорили...—началъ онъ.

Всѣ обернулись въ его сторону.

— Да, джигиты говорили, Садыкъ подошелъ и стоитъ на слѣдующихъ колодцахъ. Народу съ нимъ тысячи полторы .. Атамкулъ тоже съ ними...

— Какой это Атамкулъ?.. Это тотъ, который...—началъ маіоръ Бирнапсъ.

— Да, тотъ, который,—передразнилъ его казакъ.—Нашъ Атамкулка... Вотъ-бы поймать шельмеца!..

На лицѣ казака показалась болѣзненная гримаса. Онъ нагнулся и потеръ свое больное колѣно.

— Что ноги?—спросили рыжія бакенбарды.

— Ничего, пѣшкомъ ходить тяжело... на конѣ, ничего, можно...

— Вѣдь этакое животное!—произнесъ Пуговицынъ. —Былъ, чертовъ сынъ, простой лауча... джигитъ каналья... Дали скоту крестъ, въ офицеры произвели. Совсѣмъ было обрусѣлъ. Да вдругъ, на-ко вотъ, бацъ!.. тягу далъ...

— Замотался, я слышалъ; его, вѣдь, за какими-то сборами посылали къ кочевникамъ.

— Просто проворовался!—замѣтилъ казакъ. — Теперь у нихъ однимъ изъ предводителей считается.

— Припоминаю,—началъ Бирнапсъ.—У полковника Горластаго, еще въ Самаркандскомъ походѣ, играли въ карты...

— Эка диковина!—перебилъ его Пуговицынъ.—Ты вотъ припомни такой походъ, въ которомъ не играли бы въ карты...

— Я говорю, что я припоминаю... Я металъ—многіе господа штабъ и оберъ-офицеры мнѣ понтировали...

— Ну?

— Понтировалъ совмѣстно съ ними и Атамкулъ, и за нимъ сто десять рублей осталось, кои онъ и по сіе время...

Раздался общій взрывъ хохота.

— Вотъ тебѣ теперь отличный случай, — послышался голосъ изъ палатки.—Возьми его въ плѣнъ и взыщи.

— И взыщу,—серьезно произнесъ маіоръ.

— Что, господа, если его поймаютъ—повѣсятъ, или разстрѣляютъ?—освѣдомился поручикъ Кустиковъ.

— Разстрѣляютъ, потому все-таки бывшій офицеръ.

— А кромѣ того, предварительно на четверть часа повѣсятъ. Это уже за неуплату карточнаго долга...—сострили рыжія бакенбарды и сами поспѣшили засмѣяться своей остротѣ.

Помолчали всѣ немного.

— Вотъ кстати!—началъ адъютантъ.—Надо будетъ завтра объ этомъ Натальѣ Мартыновнѣ сказать...

— О чемъ это?..

— Да вотъ насчетъ Атамкула. Вѣдь это ея самый надоѣдливый поклонникъ былъ. Я помню, говорить не могъ даже, когда ее видѣлъ. Глаза, это, у него разгорятся, самъ весь дрожитъ... Разъ, мы съ Спѣлохватовымъ насилу оттащили его...

— Вотъ какъ!..—началъ было хромой казакъ... и словно подавился своими словами.

— Все просилъ замужъ за него выйти; десять тысячъ барановъ въ калымъ предлагалъ.

— Разъ меня чуть ножомъ не пырнулъ изъ ревности,— улыбнулся офицеръ-стрѣлокъ. — Ночь была темная... поздно... ни зги не видать... Мы еще тогда на вечерѣ были у коменданта... Ну, Наталья Мартыновна просила меня проводить ее до квартиры... А этотъ, скотъ, за нами слѣдомъ... просто совсѣмъ какъ бѣшеный сталъ... Хорошо еще, что насъ Трубаченко съ Бабаджакомъ догнали...

— Да я бы его убилъ, подлеца, на мѣстѣ...—не выдержалъ казакъ.—Я бы его...

Онъ продвинулся впередъ, неловко переставляя свою ногу: костыль, на который онъ опирался, вздрагивалъ и буравилъ песокъ своимъ окованнымъ наконечникомъ.

— Звѣрь, дикарь... за что его убивать?—произнесъ чей-то покойный голосъ...

— А все-таки поймать его слѣдовало бы... Поймать и для примѣра...

Маіоръ Пуговицынъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою.

— Часа три тому назадъ,—говорилъ тотъ-же спокойный голосъ,—я думалъ, что Атамкулъ попался уже намъ въ руки. Я даже заговорилъ съ нимъ, то-есть пытался заговорить... Онъ не отвѣчалъ. Рожу распознать почти невозможно... Оброслъ и весь въ шрамахъ; опять: грязь, кровь. Посмотрю завтра, когда его вымоютъ немного.

— Я самъ замѣтилъ, — заговорилъ адъютантъ. — Когда снималъ его съ лошади, онъ шагнулъ, помните, онъ немного правую ногу оттягивалъ? Ну, вотъ и теперь...

— Ну, это, положимъ, не доказательство,—произнесъ Пуговицынъ. — Когда у человѣка нѣсколько часовъ подъ рядъ ноги скручены арканомъ, что же тутъ удивительнаго, что онъ ихъ оттягивать будетъ на ходу?.. Это не доказательство.

— Это о томъ батырѣ вы говорите, что уральцы привезли?.. Ну какой же это Атамкулъ?! Я его очень хорошо помню; этотъ у ростомъ ниже и по-русски совсѣмъ не говоритъ; а что на счетъ рожи... вздоръ! Эти косоглазые всѣ на одинъ покрой.

— Это вѣрно!—подтвердилъ маіоръ Бирнапсъ.—Я своихъ джигитовъ, не всѣхъ конечно, но трехъ изъ нихъ, только по халатамъ и отличаю.

— А все-таки это обстоятельство подозрительно,—глубокомысленно произнесъ офицеръ съ погонами генеральнаго штаба.— Надо все это привести въ полную ясность... допросить, изслѣдовать фактъ, однимъ словомъ...

— «Моментъ»,—словно про себя произнесли рыжія бакенбарды.

Офицеръ генеральнаго штаба поднялъ голову, сдвинулъ брови, презрительно пожалъ плечами и тоже словно про себя произнесъ:

— Свинья...

— Господа, господа... — возвысилъ голосъ Пуговицынъ и придержалъ руку бакенбардиста, потянувшуюся было за бутылкою.

Эта бутылка была пуста... Всѣ отлично знали объ этомъ, зналъ также и тотъ, кому она понадобилась. Значитъ маіоръ

очень хорошо сдѣлалъ, помѣшавъ рыжимъ бакенбардамъ дать бутылкѣ несвойственное ей назначеніе.

— Шиломординъ, не дури, брось! А хорошая, господа, сегодня ночь, знаете-ли, какъ будто прохладнѣй вчерашняго... Вася, ну-ка хвати «Горныя вершины», ну-ка затягивай!

— Но вѣдь, однако...—бормоталъ обиженный и, приподнявшись на колѣняхъ, всматривался въ темноту.—Однако, это чертъ знаетъ что такое... ишь вѣдь! удралъ!

„Горныя вершины—спятъ во мглѣ ночной..."

затянулъ теноркомъ поручикъ Кустиковъ.

„Тихія долины...

въ разладъ подтянули нѣсколько голосовъ.

— Я тѣ дамъ «свинью»!—все еще не могли успокоиться рыжія бакенбарды, и поймавъ тонъ пѣсни, рявкнули басомъ...

„Не шумя-ятъ листы..."

— Ну, и принялись они его колошматить,—разсказывалъ шепотомъ одинъ денщикъ другому какіе-то эпизоды изъ прежней деревенской жизни.

— За что это?—спрашивалъ тотъ.

— Да за то же.

— Это за сноху-то, за бабу?

— А то нѣтъ?.. теперича если онъ свекоръ, ну, значитъ, и шабашъ... Опять и сыновья узнали... А ломъ-то въ углу стоялъ.

— Важно!.. Смотри-вонъ карій бьется, не запутался-ли?

— А ну его!..

— Бей, бей ее! Дави сапогомъ, сапогомъ! такъ, разъ! Ну, еще! уйдетъ, уйдетъ, эка живущая; сдерни коверъ! гляди, въ чемоданы залѣзетъ... Ахъ ты! готово!—послышались энергичныя, оживленныя восклицанія и усиленная возня въ палаткѣ.

Это туда, на свѣтъ фонаря, заползла громадная фаланга и вызвала своимъ появленіемъ обычную, чуть не ежедневную охоту... Отвратительное насѣкомое преслѣдовалось съ ожесточеніемъ.

IX. Тѣни.

Казакъ съ костылемъ шагалъ, между тѣмъ, по бивуаку, лавируя между рядами спящихъ солдатъ, шагая черезъ веревки палатокъ, осторожно обходя стоящихъ на приколахъ

офицерскихъ лошадей, прижимающихъ уши и подозрительно косящихся на проходившую мимо нихъ темную хромую фигуру. Онъ прошелъ уже всю лѣвую половину бивуака, обогнулъ песчаный гребень, поровнялся съ колодцами, у которыхъ, несмотря на позднее время ночи, все еще была оживленная толпа жаждущихъ и сквозь говоръ отчетливо слышался скрипъ веревки, огибающей блокъ, и плескъ воды, выливаемой въ турсуки,—остановилъ одного солдата съ ведромъ, наполненнымъ до половины, хлебнулъ изъ него и произнесъ:

— А, стала какъ будто свѣтлѣе—чище...

— Точно такъ, ваше благородіе, таперича послаще пошла, а спервоначалу—страсть солона была!—отвѣчалъ солдатъ.

— Ну, волоки дальше... спасибо!

— На доброе здоровье!..

Солдатъ, оттопыривъ свободную руку и перегнувшись на бокъ, торопливо зашагалъ дальше; офицеръ постоялъ на мѣстѣ, словно въ раздумьѣ, и снова пошелъ по тому-же направленію, то исчезая въ темнотѣ, то освѣщаясь свѣтомъ костровъ, снова пропадая и снова обрисовываясь. Онъ шелъ все вдоль бивуака, и наконецъ остановился прямо, противъ небольшой палатки, не доходя до нея шаговъ десять.

Здѣсь онъ осторожно сѣлъ на песокъ, устроилъ попокойнѣй свою больную ногу и задумчиво сталъ смотрѣть на то, что было передъ его глазами.

Палатка была освѣщена внутри. На четвероугольномъ красновато-сѣромъ фонѣ палатки, какъ на щитѣ волшебнаго фонаря двигались темные силуэты. Силуэтовъ этихъ было два, и хотя очертанія ихъ были несовсѣмъ ясны, но всякій, самый непроницательный даже наблюдатель, могъ бы смѣло рѣшить, что одна изъ этихъ фигуръ была женщина, другая—ребенокъ.

Ребенокъ былъ на рукахъ у женщины. Повременамъ она его приподнимала, подхвативъ подъ мышки. Такъ обыкновенно подбрасываютъ дѣтей, когда съ ними играютъ. При этомъ движеніи маленькія ножки энергично болтались въ воздухѣ, уморительно рисуясь на полотнѣ палатки.

Обѣ тѣни, вообще, принимали часто чрезвычайно странныя, даже уродливыя очертанія. То носъ вытягивался, вдругъ, какъ-то необыкновенно длинно, переламывался на угловомъ швѣ и тянулся дальше, совсѣмъ уже по другому направле-

ленію, — то кисть руки со всѣми своими пятью пальцами, словно гигантскій темный паукъ, захватывала собою всю палатку; складка платка на головѣ, прядка волосъ, отдѣлившаяся на лбу, вдругъ превращались въ какіе-то безобразные рога и затѣмъ снова принимали на мгновеніе свои естественныя формы.

Проходящіе мимо не обращали вниманіе на эту дикую фантасмагорію, но еслибы кто-нибудь изъ нихъ вздумалъ наблюдать за нею повнимательнѣй, онъ навѣрно не удержался-бы отъ веселой улыбки, а пожалуй даже и отъ взрыва гомерическаго хохота.

Помню, я разъ наблюдалъ подобную сцену, послѣ одного боя, залившаго кровью чуть не десяти-верстное пространство. Это былъ одинъ изъ тѣхъ колоссальныхъ, наводившихъ на всю мѣстность роковую панику, незабываемыхъ вѣками, погромовъ, въ которыхъ, благодаря усовершенствованному цивилизаціей оружію, гибнетъ очень мало *нашихъ* и черезчуръ уже много *ихнихъ*.

Ночью, незадолго до разсвѣта, утомленный кровавыми сценами дня, я сидѣлъ на складномъ стулѣ, неподалеку отъ палатки одного изъ раненыхъ офицеровъ и наблюдалъ за этою палаткою. Какія уродливыя, комичныя карикатуры рисовались на грязномъ, забрызганномъ кровью холстѣ!

— Я умру... да!..—тоскливо шепталъ раненый.—У меня, тамъ, дочь есть. Ой!.. Она одна у чужихъ... Батюшки!.. Ой, ой! горитъ все!.. спасите, докторъ! ну же!.. Я не хочу умирать... я не могу... не смѣю...

— Ну, ничего, ничего... поправитесь еще... что-же такого?.. чего тутъ! Пустяки...—бормоталъ какую-то успокоительную нелѣпицу докторъ.

— И за этою кратковременною жизнью, темною, полною страданій, горя, воздыханій — есть другая, вѣчная! — торжественно декламировалъ голосъ священника.

— Что мнѣ до той жизни!.. Я теперь жить хочу... теперь... моя дочка... Надя...—хрипѣлъ и захлебывался голосъ, въ которомъ уже слышались всѣ признаки смертельной агоніи.

А на полотнѣ, туда — сюда, вправо — влѣво, вверхъ и внизъ неистовствовали и метались безобразные, смѣшные силуэты.

Хмѣльная пляска въ присядку подъ напѣвъ «вѣчная память»...

. . . . . .

Глаза хромого казака были пристально устремлены на палатку и слѣдили за движеніемъ тѣней. Они не замѣчали уродливости формъ; они сквозь двойной холстъ, видѣли то, чего не могли видѣть ничьи другіе. Передъ нимъ носились граціозные, стройные образы. Его слухъ поражали милые, дорогіе звуки...

Люди — мужчины, столько времени не видавшіе ничего, что хотя сколько-нибудь напоминало-бы женщину, обставленные всѣми условіями, предрасполагающими къ разнузданности животной страсти: жаркій климатъ, возбуждающій воздухъ весны, обиліе мясной пищи, непрерывное возбужденіе всей нервной системы видомъ крови и разнообразіемъ событій,— люди, у которыхъ одно слово — «женщина» мгновенно вызывало цѣлый рядъ страстныхъ, циническихъ иллюзій, — эти люди могли-ли покойно относиться къ присутствію женщины среди ихъ лагеря, и женщины молодой, красивой? Казалось, что присутствіе должно было вызвать всѣ страсти, — и эти страсти, сосредоточенныя на одномъ только предметѣ, должны были-бы разразиться цѣлымъ рядомъ преступныхъ столкновеній.

Ничего этого не было здѣсь, въ лагерѣ, расположенномъ въ пескахъ, въ преддверіи Адамъ-крылгана.

Если у кого-нибудь и начинало копошиться грязное чувство—тотъ старался задавить его, уничтожить прежде, чѣмъ оно могло бы развиться въ осязательную форму. Онъ просто дѣлалъ это изъ боязни, что его, уличеннаго въ святотатствѣ, побьютъ камнями...

Понятно, что это побитіе могло быть только нравственное. Но Богъ вѣсть что бы предпочелъ уличенный: просто-ли камень, пущенный въ високъ сильною рукою, или же то презрѣніе, ту печать отверженія, которая немедленно легла бы на него, — тотъ нѣмой укоръ, который бы онъ видѣлъ въ взглядѣ каждаго встрѣчнаго.

Монахи-аскеты часто видятъ на мрачныхъ стѣнахъ своихъ храмовъ чудныя черты женщины въ образѣ Богоматери; развѣ эти черты волнуютъ ихъ кровь, развѣ онѣ возбуждаютъ въ нихъ животное чувство?..

Наташа, съ своею спокойною, грустною улыбкою, со своими чудными глазами, всегда устремленными туда, гдѣ царитъ страданіе и горе, Наташа — мать съ своимъ крошкою сыномъ на рукахъ, въ глазахъ всѣхъ людей, ее окружающихъ, не была женщиною.

И то чувство глубокой любви, которое свѣтилось въ глазахъ хромого казака, было слишкомъ похоже на боготвореніе.

Дикарь-язычникъ такими глазами смотритъ на свое доброе божество, когда проситъ у него защиты отъ другого божества, не менѣе могучаго, но злого...

Затихли голоса, мгновенно погасъ свѣтъ, исчезли движущіяся тѣни. А казакъ все находился на томъ-же мѣстѣ, только припалъ на локоть и вытянулся во всю длину на мягкомъ пескѣ, все еще тепломъ, несмотря на ночную прохладу.

— Что ты?—вздрогнулъ онъ и приподнялся.

— Это я, ваше благородіе, войлочекъ принесъ вамъ и подушку сѣдельную,—говорила стоявшая передъ нимъ высокая, темная фигура.

Казакъ узналъ старика, денщика покойнаго «стараго пушкаря», неизмѣннаго дядьку и спутника его дочери.

— Спасибо, Дементій, спасибо!—заговорилъ онъ, немного смѣшавшись.

— До лагеря вашего казачьяго далеко,—говорилъ Дементій, разстилая войлокъ,—а тутъ все одно... А я къ лошадямъ пойду.

— Ну, что Наталья Мартыновна? что Петя?.. — началъ было казакъ.

— А слава Богу! ничего...—произнесъ старикъ и пошелъ себѣ по своему дѣлу, улыбаясь и ворча сквозь сизые косматые усы.

— Вѣдь ишь ты!.. которую уже ночь такъ-то!..

X. Что разсказывалъ старый лауча Досщакъ своимъ товарищамъ.

Въ сторонѣ отъ верблюжьяго обоза, въ рытвинѣ, гдѣ не такъ задувало вѣтромъ пламя костра, у огонька, уже потухающаго, скруппировалось нѣсколько полуголыхъ, темныхъ, какъ старая бронза, худыхъ какъ скелеты, тѣлъ. То эти тѣла ка-

зались совсѣмъ черными, когда загораживали огонь отъ глазъ наблюдателя, то по нимъ скользилъ красноватый свѣтъ, рѣзко очерчивая глубокими тѣнями впадины подъ мышками и между реберъ. Мелькнетъ конецъ какой-то тряпки, намотанной на головѣ, и скроется, — заискрится бляха на рукояткѣ ножа и потухнетъ,—протянется костлявая рука надъ огнемъ, кинетъ туда горсть сухого навоза и исчезнетъ въ общемъ тонѣ темной, южной ночи.

Говоръ тихій, гортанный слышится въ той сторонѣ, шипитъ и бурлитъ въ плоскомъ котлѣ на треножкѣ, и паръ красноватый чуть-чуть поднимается оттуда. Хрипитъ и сопитъ незатѣйливый кальянъ изъ тыквы горлянки, и медленно переходитъ изъ рукъ въ руки. Вздохнетъ кто-нибудь полною грудью, протяжно такъ, словно за весь жаркій, томительный день отдышаться хочетъ, сплюнетъ другой накопившуюся слюну отъ табачной жвачки и прокашляется, затянетъ въ полголоса третій безконечную пѣсню, съ неизбѣжнымъ припѣвомъ «Адалай-га», да сразу и кончитъ, на первой же строфѣ импровизаціи. Все видно давно перепѣлось. Зѣвнутъ уже разомъ нѣсколько ртовъ—и Аллаха съ его пророками при этомъ непремѣнно помянутъ. И снова стихнутъ всѣ, словно сговорились; и слышенъ тогда только трескъ огня да легкій шелестъ чего-то невидимо ползущаго по песку, изъ мрака, на заманчивый свѣтъ костра пробирающагося. Тутъ засѣли лаучи коротать лѣтнюю ночь, благо днемъ достаточно выспались.

— Досщакъ пришелъ?—проговорилъ одинъ.

— Не пришелъ,—отвѣтилъ другой.

— Не пришелъ,—подтвердилъ третій.

И снова воцарилось молчаніе.

Къ свѣту дѣло подходило. «Плеяда» поднималась надъ горизонтомъ, «поясъ Оріона» такъ и сверкалъ своими тремя звѣздами, почти навзничъ запрокинулась «Большая Медвѣдица». Скоро сѣроватый отблескъ протянется надъ восточнымъ горизонтомъ, предвѣстникъ разсвѣта... Легкіе шаги по мягкому песку приближались къ костру, темная фигура вырисовалась неподалеку.

— Досщакъ—ты?

— Я,—отвѣтила фигура.—Да, это я, Досщакъ, какъ вотъ ты Алай, ты Узень, ты Шарипъ... у всякаго есть свое имя...

И тотъ, кто лежитъ, тѣмъ, кого казаки поймали и теперь стерегутъ, только плохо,—тоже свое имя имѣетъ.

— Ѣсть хощешь?

— Я-то? Я хочу ѣсть! очень хочу!.. И тотъ хочетъ, да только сказать объ этомъ не смѣетъ. Онъ и лица своего показать не смѣетъ, боится... А потому и боится, что его зовутъ не Досщакомъ, какъ меня, не Алаемъ, какъ тебя, не Узенемъ, не Шарипомъ, какъ васъ вотъ двоихъ, а иначе... Еслибъ его не звали такъ, какъ зовутъ, — чего бы ему бояться?..

Проговорилъ это Досщакъ и сѣлъ къ котлу, снялъ крышку, запустилъ туда руку, не горячо-ли,—вынулъ оттуда и начисто облизалъ свои пальцы.

— Кто же лежитъ «тамъ»?—спросилъ Алай.

— Какъ-же зовутъ его?—обернулся Шарипъ.

— Досщакъ намъ скажетъ,—заявилъ не безъ увѣренности Узенъ.

— Скажетъ, — лаконически произнесъ Шарипъ и началъ ѣсть.

И остальные придвинулись поближе къ котлу и запустили туда руки. Они только и ждали прихода Досщака, чтобъ начать ѣсть свою болтушку изъ муки, солоноватой воды и пригоршни солдатскихъ сухарей, захваченныхъ Узенемъ изъ казеннаго, верблюжьяго вьюка.

— Тогда мы жили около «Токмака» по рѣкѣ «Чу», только повыше, въ самыхъ горахъ стояли наши аулы,—разсказывалъ Досщакъ послѣ ужина.—Своей кибитки у меня не было, хозяйства тоже никакого. Послѣ смерти моей второй жены ничего и заводить не хотѣлось. Пріютился же я у одного богатаго человѣка; біемъ онъ былъ...

— Бикетаемъ звали,—перебилъ Узень.

— Бикетаемъ. Вотъ у него то я и жилъ. Надъ всѣми его стадами и табунами надзоръ имѣлъ; да и съ самимъ Бикетаемъ, старикомъ, мы въ большой дружбѣ жили. И ему хорошо и мнѣ тоже было. Да, хорошее тогда было время!..

Досщакъ вздохнулъ и потянулъ изъ кальяна; потомъ сплюнулъ по обыкновенію и продолжалъ:

— Было у Бикетая два сына: старшему двадцать лѣтъ ровно тогда было, а младшему пошелъ только четырнадцатый.

Старикъ младшаго любилъ, а старшаго нѣтъ. Да и не за что любить было того: ужъ очень онъ былъ человѣкъ нехорошій!.. Нашему муллѣ, старому Гассуну, разъ въ бороду плюнулъ... Отецъ бить его хотѣлъ; онъ покосился на свой ножъ и говоритъ: «вотъ только тронь, хоть пальцемъ»... Разбойникъ!..

— Ой-ой!—покачали головами слушатели.

— Да. Сколько бѣдъ, сколько зла всему аулу нашему отъ него приходилось, да и другимъ сосѣдямъ тоже доставалось не мало! У насъ горная страна, глушь. Всякаго народа бездомнаго, бродячаго много шляется, — и отъ этихъ людей, все равно что волковъ, оберегаться надо. А тутъ мы узнали, что старшій Бикетаевъ сынъ за одно съ тѣми бродягами, на ихъ силу и опирается больше. Начались грабежи по тогдашней русской границѣ... Говорятъ, мы причиною. На насъ солдатъ посылали, разореніе какое терпѣли мы тогда, а все этотъ проклятый подводилъ... На стараго Бикетая напустились тогда. «Уйми, говорятъ, ты отецъ». «Уймите сами, отвѣчалъ Бикетай, — я отъ него отступился». Ну, хотѣли унять... А тутъ, кстати, еще пакость одна случилась. Въ сосѣднемъ аулѣ, разъ ночью, невѣсту украли, хорошую дѣвку, красивую. Погнали по слѣду, не догнали... Такъ и пропала дѣвка. Узнали уже послѣ, что помогъ всему этому дѣлу Атамкулъ, старшій-то сынъ Бикетаевъ...

Пріѣхалъ къ отцу женихъ, и говоритъ: «мнѣ твой сынъ обиду нанесъ; я его убью!» «Убей», говоритъ Бикетай. «Не будетъ», говоритъ женихъ, «*крови отъ тебя на семью нашу...**) «Не будетъ», говоритъ Бикетай, «я отъ него отрекся. Не сынъ онъ мнѣ больше!»

Поѣхалъ тогда женихъ въ горы Атамкула искать, да такъ и не возвращался больше. А черезъ два дня самъ Атамкулъ вернулся. «Поѣзжайте, тѣло Ахметово уберите; его, говоритъ, убилъ кто-то, а можетъ и самъ какъ-нибудь убился...» Вотъ и уняли!

Долго онъ такъ-то мучилъ всѣхъ насъ, просто черною болѣзнью въ аулахъ нашихъ считался. И не звали его иначе, какъ «проклятый»... Семь лѣтъ бились мы съ нимъ такъ-то, на восьмой самъ ушелъ.

---

*) Кровавая месть, переходящая изъ рода въ родъ по завѣщанію.

Проходили тогда мимо Токмака «бѣлыя рубахи». «Аулье-Ата» воевать хотѣли. Велъ ихъ генералъ. У него всякому джигиту, кто только хотѣлъ идти при немъ, находилось мѣсто. Съ нимъ и ушелъ Атамкулъ; такъ и пропалъ безъ вѣсти, просто какъ умеръ совсѣмъ. Не слышно о немъ ничего не было, не видалъ его никто изъ нашихъ. Покойно стало по всей окружности. Благодарили мы тогда Аллаха; и къ святому, что на обрывѣ могила стоитъ, у самой караванной дороги, всѣмъ ауломъ молиться ѣздили... Такъ-то рады всѣ были, что съ «проклятымъ» своимъ развязались!

Остался тогда при Бикетаѣ одинъ только младшій сынъ Юнусъ... этотъ хорошій джигитъ былъ, добрый, ласковый, и меня старика «дядею» называлъ.

А любилъ я Юнуса не меньше, какъ и самъ отецъ любилъ его...

Прошелъ годъ, прошелъ—другой... третій прошелъ,—все какъ слѣдуетъ время шло, какъ Аллахъ всемогущій указываетъ... Умеръ старый Бикетай, и все, что послѣ него осталось—все Юнусу переходило по волѣ умершаго... Старшему-то Атамкулу ни одной овцы даже паршивой не отказано... Всѣ мы рѣшили тогда, что такъ и слѣдуетъ... Прошелъ еще годъ, а за нимъ еще, сосватали Юнусу дѣвку изъ хорошаго рода, пришла вѣсть и объ Атамкулѣ...

Узнаемъ мы, что нашъ «проклятый» въ большіе люди вышелъ у русскихъ... чинъ ему дали съ золотыми наплечниками, крестъ съ птицею... а потомъ еще старше чѣмъ-то сдѣлали; и кто видалъ его говорилъ, что такой изъ себя важный сталъ, что важнѣе Алматинскаго бія, у котораго тоже золотые наплечники были... Задумался Юнусъ, да такъ, что и объ дѣвкѣ-невѣстѣ пересталъ говорить... не пьетъ кумыса, не ѣстъ ничего... плохо спитъ даже, и все сидитъ въ кибиткѣ, да думаетъ...

Понялъ я тогда, о чемъ онъ задумался: да и сказать ему объ этомъ страшно; думать даже боюсь... Ну, вотъ будто мое сердце все напередъ чувствовало.

Я молчу, все жду: вотъ самъ Юнусъ заговоритъ... Заговорилъ тогда мой Юнусъ.

«Что, говоритъ, я здѣсь?.. ничего! простой киргизъ—только! Что въ томъ проку, что у меня скота и всего много,

а на что мнѣ это все одному-то?..» — «Какъ на что,—говорю я ему,—вотъ женишься; семья будетъ, дѣти... Будешь жить какъ отецъ твой жилъ,—богато привольно»... «Я, говоритъ, въ джигиты къ русскимъ пойду—тамъ война идетъ у нихъ. Я не хуже брата въ большіе люди выйду». Такъ онъ меня тогда этимъ словомъ и срѣзалъ.

«Долго я его тогда уговаривалъ; не я одинъ—много стариковъ приходило говорить со мною... черезъ мѣсяцъ собираться началъ»...

— Это Юнусъ-то?

— Юнусъ... Сталъ и я собираться... Думаю—не оставлю его, ни на одинъ мигъ изъ глазъ не выпущу... Оно бы ничего!.. отчего не пойти — коли-бы тамъ брата старшаго не было!.. А слышали мы тогда, что этотъ, старшій-то, сильно золъ на Юнуса, что наслѣдство не пополамъ, а ему одному осталось... Атамкула я и боялся пуще всего... Ну, думаю, Аллахъ не попуститъ зла!.. Поѣхали».

Разсказчикъ перевелъ духъ и опять попыхтѣлъ кальяномъ... Полоса свѣта на востокѣ все расползалась и расползалась,— и отъ контраста съ этимъ блѣднымъ, золотистымъ свѣтомъ, внизу, особенно въ лощинахъ, стало еще темнѣе! Только тамъ и сямъ, на самомъ краю, словно разставленные столбики, зачернѣлись часовые, медленно похаживающіе по своимъ утоптаннымъ за ночь дорожкамъ...

— Много земли отошло за то время подъ Бѣлаго царя,— продолжалъ Досщакъ,—мы и не знали тогда объ этомъ хорошенько. «Аутье-Ата» проѣхали—тамъ давно уже поселились русскіе; въ Чикментъ пріѣхали — тамъ уже и крѣпость построили, въ Ташкентѣ—цѣлый городъ построили они больше прежняго, бухарскаго... «Гдѣ война?» — спрашиваемъ. — «Въ Самаркандѣ, говорятъ, даже дальше!..» Поѣхали и мы въ Самаркандъ... Долго ли ѣхали, не помню, однако, пріѣхали, хвала Аллаху благополучно.

«Начальникъ въ Самаркандѣ былъ тогда строгій.—На головѣ у него шапочка черная была, на носу стекла носилъ круглыя съ золотыми рамками... Я, потомъ припомнилъ, еще прежде видѣлъ его въ Алматахъ, только онъ тогда былъ моложе... Прежде чѣмъ къ начальнику итти, объ Атамкулѣ справились, говорятъ намъ—«здѣсь, только уѣхалъ верстъ за сто,

скоро назадъ будетъ». А рѣшили мы тогда, не переговоривъ съ Атамкуломъ, никакого дѣла не начинать. «Ты, молъ, старшій братъ—ты и укажи какъ дѣлать»—задобрить хотѣли его тѣмъ, что совѣта у него просимъ.—Пріѣхалъ, наконецъ, Атамкулъ.

Не сразу узнали мы его... Даже ростомъ показался онъ намъ выше на цѣлую голову... Свои уже джигиты у него были—и много... Казаки даже русскіе были у него подъ начальствомъ, цѣлая сотня. По-русски такъ и рѣжетъ... вино пьетъ съ начальниками и за руку съ самимъ генераломъ здоровается...

Пошелъ я напередъ; Юнусу дожидаться велѣлъ.—Думаю: «дай прежде вывѣдаю, что у него на душѣ такое?..» «Чего принесло?..» такъ и бухнулъ онъ мнѣ съ перваго раза... Сказалъ я ему... «Ишь ты! говоритъ.—Теперь братъ Юнусъ человѣкъ богатый... а въ джигиты простые лѣзетъ... странно!..» Сказалъ онъ это, а самъ такъ зло усмѣхнулся, что у меня даже въ животѣ все застыло... Молчу—жду... «Ну, ладно, говоритъ, пускай съ моими идетъ;—я тамъ послѣ можетъ и генералу скажу. Гдѣ, спрашиваетъ, остановились?..» «На базарѣ, за городомъ, говорю, пустая сакля съ дворомъ тамъ есть,—гдѣ еще три тополя растутъ,—тутъ и остановились...» «Хорошо, вечеромъ самъ пріѣду. Прощай, старая собака!..» Это онъ мнѣ-то... Ну, и взорвало же меня это слово! то-есть если бы не Юнусъ, не его дѣло, такъ бы и вцѣпился ему въ горло, благо бороду онъ обрилъ, поганецъ, по русскому обычаю... Ушелъ я отъ него... Слышу тотъ кричитъ въ догонку: «Эй-ты, такъ послѣ отца, дурака, много добра Юнускѣ досталось?..» Я уже промолчалъ на это...

Братья вечеромъ свидѣлись... Ничего, безъ ссоры. Обнялись даже... только все у Атамкула губы не ладно сжимались, все онъ что-то зло на него поглядывалъ...

А черезъ два дня, слышимъ, въ походъ собираются русскіе. Уже не противъ эмира, а за него; городъ «Карши» отнимать, что сынъ старшій эмировъ отъ отца отбилъ... Пошли и мы...

Прошли свою землю; разсыпались джигиты по кишлакамъ, по чужимъ-то. Ну, извѣстно—война! Грабить начали, скотину отбивать и все прочее... Къ генералу съ жалобою пришли отъ тѣхъ—отъ бухарскихъ жителей... Генералъ велѣлъ, чтобъ не

трогали... А генералъ это такой былъ, что ежели что велитъ, такъ ужъ никто не смѣй ослушаться. Прошелъ день... Лагеремъ стали наши около Джама... опять пришли съ жалобами— разсердился генералъ; спрашиваетъ «кто?»—узнали его офицеры, говорятъ: «Атамкуловы джигиты...» Позвалъ онъ Атамкула,—тотъ пришелъ; стоитъ блѣдный такой, даже дрожитъ, даромъ что важный... И велѣлъ ему генералъ сказать своимъ джигитамъ, что перваго, кто только поѣдетъ барантовать, для примѣра прочимъ, повѣситъ. Это мы уже послѣ узнали, въ томъ и бѣда вся вышла...

Только выступили мы къ Каршамъ, началась перестрѣлка. Джигиты наши всѣ врозь! Атамкулъ при генералѣ... Ищу я Юнуса, нѣтъ Юнуса... страхъ на меня напалъ такой, что коня подъ собой не слышу... Къ вечеру уже глядимъ: ѣдетъ Юнусъ и четырехъ коровъ передъ собою гонитъ, да верблюда ведетъ въ поводу, и какъ разъ мимо генеральской ставки... Увидалъ строгій генералъ... «Повѣсить!» говоритъ. Я такъ и обмеръ...

А у генерала, что сказано то и сдѣлано... Сбилъ я сейчасъ народъ, бросились мы въ палатку генеральскую... человѣкъ пятнадцать... всѣ на колѣни!.. «Прости! говоримъ, для перваго раза, онъ еще совсѣмъ молодой... не зналъ ничего, ему братъ и не говорилъ объ твоемъ строгомъ приказѣ...» «Какой братъ?» спрашиваетъ генералъ. «Атамкулъ», говоримъ... «Я и не зналъ, что у него братъ есть... Это братъ твой?» спрашиваетъ у Атамкула... А тотъ—о, проклятый! о, чтобъ кости его ни на землѣ, ни подъ землею не знали покоя, чтобъ его заживо огненная болѣзнь пожрала! — тотъ отказался... «Нѣтъ, говоритъ, я его не знаю—это не мой братъ...» «Все равно—повѣсить!» сказалъ генералъ и даже бровью не повелъ... Повели бѣднаго Юнуса... Опять стали просить мы, клялись, что это братъ Атамкула, чтобъ ради заслугъ братнихъ... «Это братъ твой?» еще разъ спросилъ генералъ; Атамкулъ засмѣялся и говоритъ: «Такихъ братьевъ много у меня найдется. Всякій пріѣдетъ, да братомъ называться, пожалуй, станетъ...» Нахмурился генералъ и сказалъ свое послѣднее слово: «Если это братъ твой—я прощу его...» Кинулись мы тогда всѣ въ ноги Атамкулу... сапоги его цѣловали, просили всѣ что ни на есть, заклинали... ждемъ... А ужъ тамъ казаки веревку приготовили. Юнуса къ дереву подтащили... все готово... А мы—ждемъ слова

Атамкулова. Стоитъ онъ, въ землю потупился, молчитъ. Темный такой лицомъ сталъ, вотъ какъ земля... То на генерала покосится, то на насъ, то въ ту сторону, гдѣ Юнуса связаннаго держали...

Молитву начали мы тогда Аллаху всемогущему... Отвернулся генералъ и пошелъ въ свою палатку... У самаго входа остановился, посмотрѣлъ на Атамкула и проговорилъ: «Ну?» Мы такъ и затаили духъ...

Нѣтъ, онъ не братъ мой», тихо-тихо проговорилъ Атамкулъ... Только чуть губы зашевелились у него... Однако всѣ мы, сколько ни на есть, хорошо эти слова его послѣднія слышали.

Повѣсили Юнуса! Ушелъ я тогда отъ русскихъ... далеко ушелъ—и только издали присматривался.. Все злодѣя этого изъ виду не упускалъ, все слѣдилъ за нимъ, за каждымъ его шагомъ и ждалъ, когда справедливый Аллахъ пошлетъ на него свою кару.

Замолчалъ Досщакъ и подкинулъ въ огонь еще горстку помета...

— Ну, что-жъ дальше?—спросилъ Узень...

— Я дождался!—произнесъ Досщакъ и понурилъ свою голову. Понурили свои головы и слушатели.

Послышались глухіе барабанные перекаты; труба взвыла въ казачьихъ коновязахъ. Свѣтлѣе и свѣтлѣе разгоралось небо на востокѣ; по вершинамъ холмовъ заиграли лучи восходящаго солнца, ниже спустились, и загорѣлись рогатки солдатскихъ ружей... Зашевелился лагерь «бѣлыхъ рубахъ», и принялся за свою обыденную работу...

Скоротали лѣтнюю ночь лучи и разбрелись во всѣ стороны, кому куда надо. Только скоро всѣ въ одно мѣсто собрались... Тамъ Досщака стараго нашли... Много народу столпилось около «связаннаго». Его подняли на ноги и собирались вести къ допросу въ генеральскую ставку...

XI. Переметка.

Въ лощинкѣ, между двумя грядками песчаныхъ наносовъ, за четверть версты впереди цѣпи парныхъ часовыхъ, залегъ небольшой «секретъ» изъ десяти стрѣлокъ съ офицеромъ.

Дѣло было подъ-утро, начиналъ брезжить сѣроватый свѣтъ

надъ восточнымъ горизонтомъ; началось легкое движеніе въ лагерѣ, невидное для «залегшихъ», потому что лагерь скрытъ былъ отъ нихъ буграми и туманною дымкою, но за то хорошо слышное для ихъ привычнаго уха.

Солдаты сильно утомились за ночь продолжительною, упорною борьбою съ самою неотвязною сонливостью. Если часовой, стоя и прохаживаясь, не всегда можетъ удержаться отъ подозрительнаго кивка носомъ, то каково же бороться со сномъ, лежа въ очень удобной позѣ, закутавшись въ теплыя шинели!.. А бороться пришлось всю ночь—и зорко поглядывать, во всѣ двадцать два глаза, за тою чертою, что едва отдѣлала горизонтъ: — не покажется ли на той, относительно свѣтлой, полоскѣ подозрительная черная точка,—чутко прислушиваться, не услышатъ ли топота конскихъ копытъ, или легкаго шороха ползущаго по песку тѣла.

Но въ этомъ «секретѣ» все были охотники, любители ночныхъ и всякихъ приключеній,—а потому, находившемуся при нихъ офицеру совершенно лишнее было наблюдать за своими подчиненными, не заснулъ ли кто-нибудь изъ нихъ, убаюканный этою мертвою тишиною и неподвижностью.

Съ разсвѣтомъ — стрѣлки могли возвратиться въ лагерь (секретъ днемъ не имѣетъ никакого значенія). Имъ предоставляется право хорошо выспаться послѣ трудовой ночи, а потому, понятно, съ какимъ удовольствіемъ наблюдали солдаты— и за разширяющеюся съ каждою минутою движеніемъ въ лагерѣ.

— Гляди! — шепнулъ одинъ стрѣлокъ, тихо, словно про себя, не оборачиваясь къ своимъ товарищамъ, не мѣняя своей лежачей позы, прямо въ упоръ глядя куда-то впередъ, въ пространство.

Всѣ и безъ этого предостереженія «глядѣли», и вѣрно всѣ увидѣли разомъ то, что видѣлъ сказавшій. Всѣ словно зарыться поглубже въ песокъ хотѣли, такъ плотно прижались они къ землѣ и затаили дыханіе... Только пальцы лѣвой руки сильно стискивали ружейные стволы, да указательный палецъ правой руки чуть-чуть ощупывалъ гладкую поверхность спускового крючка.

Это залегли тигры, когда они подстерегаютъ подходящую къ водѣ добычу... Такіе же, вытянувшіеся во всю длину тѣла,

такіе же замершіе, неподвижные,—только двуногіе и сѣрые, а не четвероногіе и полосатые.

На холмъ, на самую его верхушку, что виднѣлась темнымъ силуэтомъ передъ глазами стрѣлковъ, выскакала черная точка—всадникъ, постояла мгновеніе и скрылась. Неопытный глазъ не могъ бы съ увѣренностью опредѣлить, куда она спряталась: назадъ-ли спустилась за бугоръ, или перевалилась на эту сторону; но опытный глазъ ясно видѣлъ послѣднее.

Вслѣдъ за этою точкою, на бугрѣ показалась цѣлая группа, но уже не пряталась, а такъ и осталась, занявъ вершину и гарцуя по ней въ разныхъ направленіяхъ.

— Слышь!—также тихо сказалъ первый стрѣлокъ, тотъ же что и сказалъ «гляди», и опять напрасно предупредилъ, потому что и безъ того всѣ хорошо слышали.

Они слышали топотъ. Топотъ торопливый, топотъ коня усталаго, сбивающагося съ ноги на скаку, топотъ быстро приближающійся съ каждою минутою.

Шесть человѣкъ изъ секрета сбросили шинели, быстро поползли вправо, на перерѣзъ скачущему; остальные не спускали глазъ съ борхана.

А всадникъ былъ уже близко. Онъ внимательно осматривался вокругъ себя, конь его фыркалъ и подозрительно озирался, вытягивалъ сухую, красивую морду по вѣтру—и прялъ ушами; всадникъ былъ вооруженъ, но отцѣпилъ свое оружіе и держалъ его въ пучкѣ, подъ лѣвой мышкою такъ, какъ держатъ вещь, которую употребить въ дѣло въ виду не имѣютъ.

— Переметка,—шепнулъ одинъ стрѣлокъ другому.

— Должно полагать; тѣ видно, гнались за нимъ, да не догнали,—шепнулъ другой,—а дальше гнаться боятся стали.

Всадникъ тронулъ коня впередъ, конь взвился на дабы, сильно осѣлъ на заднія ноги, всадникъ свалился, или, вѣрнѣе, его сняли съ сѣдла... Онъ не могъ крикнуть, потому что ротъ у него зажгли двѣ сильныя мозолистыя ладони, — не могъ пошевелиться, потому что его мгновенно обвила и скрутила тонкая, упругая веревка, такъ и впившаяся въ его смуглое, бронзовое тѣло.

Звонко, словно серебряная струна звякнула въ утреннемъ воздухѣ, донеслась изъ лагеря сигнальная труба: «снимать секреты!»

— Ну, слава те, Господи!—съ удовольствіемъ воздохнулъ одинъ изъ стрѣлковъ, — нонѣшнюю ночь хоша не даромъ маялись, послалъ Господь какую ни на есть дичину.

Привели пойманнаго въ лагерь, разглядѣли «дичину»: лицо у него не киргизское—и не узбекское, на тюркмена тоже не похоже: глаза большіе, черные, брови густыя—дугою, борода длинная, густая, курчавая, хоть и сѣдая отъ пыли, однако черная какъ смоль—по натурѣ. Самъ пойманный,—одѣтъ въ рваный халатъ, самый бѣдный, ноги босыя, желѣзными стременами до крови стертыя; оружіе плохонькое: клынчь въ протершихся ножнахъ и мултукъ короткій съ кремнемъ; конь же у него такой, что и за пятьсотъ «тилей» *) не легко купить, и уздечка съ сѣдломъ на конѣ вся чеканеннымъ узоромъ серебрянымъ и бирюзою украшены. Всадникъ былъ не по коню,—и это обстоятельство показалось страннымъ.

— Я «иране» (персіянинъ),—разсказывалъ пойманный,—служилъ конюхомъ у самаго Матъ-Мурада. Слышалъ, что русскіе близко — идутъ моихъ земляковъ освобождать —теперь я бѣжалъ отъ хозяина и коня у него укралъ со всею сбруею. За мной долго гнались, до самаго почти русскаго лагеря, да не догнали, потому что такой лошади, что была подо мною, нѣтъ равной во всей конницѣ Матъ-Мурада. Меня еслибъ поймали—шкуру съ живого содрали-бы, да и теперь, если попадусь какъ-нибудь въ ихъ руки—пропаду... Все мнѣ спасеніе у русскихъ, и служить я буду имъ усердно... Каждую каплю крови своей отдамъ въ жертву русскимъ... А служить хорошо я умѣю. Всѣ дороги хорошо знаю; все, что дѣлается у нихъ, все знаю... Сколько у нихъ войска, сколько пушекъ, все знаю; у меня даже для памяти все на бумагѣ записано...

И пойманный персіянинъ, — перебѣжчикъ или переметка, какъ ихъ называютъ солдаты, — вытащилъ изъ-за пазухи ласкутокъ желтоватой бумаги, тщательно, мелко исписанный красивымъ персидскимъ шрифтомъ.

Спросили стрѣлковъ, тѣхъ, что были въ секретѣ, — говорятъ: «точно гнались за нимъ человѣкъ десять, можетъ и больше, сами видѣли...»

---

*) Хивинская золотая монета въ рубль восемьдесятъ копеекъ.

— Вотъ одинъ выстрѣлъ въ меня,—продолжалъ иранецъ,—смотрите, вонъ и знакъ отъ пули. Вотъ глядите.

Онъ снялъ халатъ съ одного плеча, и всѣ видѣли красный, словно обожженный знакъ отъ скользнувшей по тѣлу пули.

— Ну, хорошо,—сказалъ ему генералъ.—Будь спокоенъ, служи намъ хорошо и тебѣ будетъ хорошо—мы тебя хивинцамъ не выдадимъ, а измѣнишь — сами повѣсимъ... такъ и знай!

Толмачъ перевелъ иранцу эту рѣчь, тотъ сдѣлалъ низкій поклонъ, приложивъ обѣ руки къ сердцу, просіялъ весь отъ радости и попросилъ только одной милости: — не отнимать у него *его* лошади. На это тоже согласились. Но, на всякій случай, замѣтили ему, что за нимъ будутъ очень зорко поглядывать, пока не убѣдятся въ его вѣрности.

Иранца велѣно было отвести въ бивуакъ туземныхъ милиціонеровъ-джигитовъ, и онъ, довольный совершенно своимъ положеніемъ, пошелъ черезъ весь лагерь, сопровождаемый двумя пѣшими казаками.

Голову свою иранецъ держалъ прямо, а глаза его такъ и бѣгали по сторонамъ, такъ и выглядывали все, что только есть въ лагерѣ. И вотъ, видитъ онъ: стоитъ часовой, около него сидитъ на пескѣ человѣкъ, «тотъ кто имени своего назвать боится»; голова у человѣка этого внизъ опущена, на колѣна, лица не видно...

— Скверный народъ хивинцы! Чтобъ имъ всѣмъ передохнуть отъ стараго до малаго! — громко сказалъ иранецъ и засмѣялся.

Услышавъ эти слова сидящій, поднялъ голову, взглянулъ и вздрогнулъ, глаза у него широко раскрылись.

— Аллахъ да поможетъ тебѣ послѣ - завтра... жди и готовъ будь! — произнесъ иранецъ, только теперь онъ сказалъ это по-персидски, а передъ тѣмъ говорилъ все узбекскимъ нарѣчіемъ.

Казаки, что вели его, хорошо понимали все, что говорилъ онъ прежде; этихъ-же послѣднихъ словъ не поняли вовсе.

— Это онъ ругаетъ его, надо полагать,—замѣтилъ одинъ казакъ другому,—ну, и не любятъ-же эти иранцы хивинскаго человѣка—страсть!

— Кто любитъ кнутъ да палку!—замѣтилъ не безъ основанія другой.

А «сидящій» опять поникъ головою, и никто - бъ не замѣтилъ того оживленія, что на секунду вспыхнуло на его лицѣ и заронило въ его сердцѣ искру надежды на спасеніе.

Въ то же утро пришелъ Досщакъ-лауча въ своей верблюжій станъ. Онъ опять ходилъ провѣдать того человѣка, что имени своего боится.

— Ну это?—полюбопытствовалъ Узень.

— Какъ что просты русскіе, Аллахъ ихъ бережетъ! всякому бѣглому, что съ вѣтра нарвался, такъ сразу и вѣрятъ на слово. Надо глядѣть зорко, какъ бы чего худаго не вышло!

Хлопотъ было лаучамъ много въ то утро. Верблюдовъ — тысячи двѣ штукъ —надо было въ степь вывести близъ лагеря на паству, благо въ степи было тихо и разъѣзды принесли самыя успокоительныя вѣсти.

«Все-молъ спокойно и обстоитъ благополучно!»

XII. Работники ограбленнаго каравана.

Вотъ уже третій день, какъ былъ пойманъ казаками неизвѣстный батырь. Его допросили, узнали все, что могъ только сообщить попавшійся въ плѣнъ простой джигитъ, и оставили на время въ покоѣ, какъ обыкновеннаго плѣннаго... Но вотъ, по лагерю стали все болѣе и болѣе распространяться слухи о томъ, кто такой этотъ плѣнный. Было много знавшихъ лично Атамкула, еще въ то время, когда онъ находился на русской службѣ; были между ними и такіе, что очень коротко его знали—и не могли бы ошибиться, встрѣтивъ его теперь, спустя почти пять лѣтъ. Но... и тутъ явились сейчасъ безчисленныя «но», мѣшавшія высказаться точно и опредѣленно, тѣмъ болѣе, что это рѣшительное признаніе личности Атамкула равнялось для него смертному приговору.

А кому охота взять на свою совѣсть этотъ приговоръ, когда шевелится, хотя бы самая микроскопическая, капля сомнѣнія!

Причинъ же объяснять все только однимъ сходствомъ—было слишкомъ много. Какимъ, напримѣръ, образомъ можно

было допустить въ откровенномъ, грубомъ и нѣсколько простоватомъ Атамкулѣ, какимъ его всѣ знали, такое самообладаніе и находчивость во всѣхъ испытаніяхъ, такое тонкое искусство замаскировать свое лицо, замаскировать всѣ привычки, знакомыя движенія,—однимъ словомъ: все, что только могло хотя сколько-нибудь его выдать?

Его, совершенно неожиданно, громко называли сзади,— онъ не оборачивался, даже движеніемъ плечъ не выдавалъ себя; его распрашивали о разныхъ предметахъ, незамѣтно наводя на что нибудь подозрительное,—и этого подозрительнаго не высказывалось ни въ одномъ его словѣ...

Лицомъ онъ былъ похожъ на Атамкула, это правда, но борода, хотя и жидкая, — киргизская,—нѣсколько его измѣняла... *Тотъ* былъ краснощекій, откормленный, лоснящійся, съ наглымъ взглядомъ и самоувѣренными движеніями; *этотъ* былъ худъ, блѣденъ, держался сутуловато и казался даже много ниже ростомъ... А тутъ еще шрамъ на лицѣ совершенно искажалъ черты и придавалъ имъ особенное выраженіе. *Тотъ* говорилъ громко и звучно: *этотъ*—какъ-то глухо, словно слова вылетали изъ самой глубины разбитой, чахоточной груди... А несмотря на все это, многіе говорили:

— Однако, чертъ его побери, до какой степени похожъ, бестія!

И «бестія» оставался простымъ джигитомъ изъ шайки Садыка, слышавшимъ что-то объ Атамкулѣ, но никогда не видавшимъ его лично.

Два только лица, во всемъ лагерѣ, не сомнѣвались въ его личности: однимъ изъ нихъ былъ, какъ уже извѣстно, Досщакъ, — молчавшій до поры до времени; другимъ — Наташа, молчавшая изъ человѣколюбія...

А между тѣмъ въ русскій лагерь прибыли еще новыя личности. По той дорогѣ, откуда пришелъ русскій отрядъ, показались четыре пѣшихъ человѣка: одинъ изъ нихъ былъ раненъ чѣмъ-то острымъ по головѣ, трое другихъ—здоровые. Всѣ были почти голы, только кожанныя шаровары прикрывали ихъ наготу; всѣ были сильно измучены продолжительною ходьбою, и повалились на землю, едва только добрели до русской цѣпи. Ихъ, конечно, взяли и привезли въ лагерь.

Это оказались бухарскіе подданные, работники одного изъ тамошнихъ купцовъ, шедшіе съ караваномъ изъ «Нуръ-ата», ограбленнымъ бродячими шайками. Они разсказывали, какъ на нихъ напали человѣкъ сто конныхъ джигитовъ, отобрали верблюдовъ съ товарами, двухъ людей убили совсѣмъ, а одного ранили, вотъ этого самаго, что пришелъ съ ними,—и обобрали всю ихъ одежду, оставили только шаровары.

Они просили у русскихъ прежде всего пить и ѣсть, такъ какъ, вотъ уже вторыя сутки, они не пили и не ѣли; затѣмъ, они просили, какъ милости, пріюта, т. е. позволенія итти пока съ русскими,—а тамъ они увидятъ, что имъ будетъ предстоять удобнаго къ возврату на родину.

Дѣйствительно, по слухамъ, знали уже въ лагерѣ, что какой-то караванъ изъ Бухары былъ ограбленъ тюркменами, и рѣшили, что эти люди и есть изъ того разграбленнаго каравана.

Прибывшихъ напоили, накормили и позволили остаться. Они были очень довольны, благословляли русскихъ и молили Аллаха о ниспосланіи имъ всего хорошаго.

Иранецъ-переметка прежде всѣхъ познакомился съ ними, много распрашивалъ ихъ, самъ разсказывалъ, и въ тотъ же день они стали друзьями. Къ тому-же, между прибывшими оказались тоже два персіянина, земляки, а это служило совершенно достаточнымъ поводомъ къ сближенію. Русскіе солдаты вообще очень дружелюбно относятся къ туземцамъ, особенно пострадавшимъ,—и въ тотъ же день стали называть ихъ «тамырами» (пріятелями).

Въ тотъ же день всѣ и забыли объ этихъ пострадавшихъ, и они совершенно безпрепятственно ходили по всему лагерю,—всѣ видѣли, и, конечно, не могли не замѣтить также и плѣннаго батыря, съ которымъ пытались даже заговаривать.

И опять одинъ старый Досщакъ, брюзга и ворчунъ, былъ очень недоволенъ положеніемъ дѣлъ,—такъ недоволенъ, что рѣшился даже преодолѣть свой страхъ къ высоко-поставленнымъ лицамъ, надѣлъ свой новый красный халатъ, долго молился, стоя на колѣняхъ, на разостланной кошемкѣ, махнулъ рѣшительно рукою, да и пошелъ — по лагерю, направляясь прямо къ большой палаткѣ, у которой легонько покачивалось, полинялое отъ дождя и солнца, красное знамя съ семью бѣлыми звѣздами.

XIII. Доносъ.

Пришлось тутъ Досщаку лавировать, пока не увидѣлъ онъ ставки—цѣли своего хожденія... Тутъ надо было обойти длинный рядъ ружейныхъ козелъ, мимо котораго бродитъ задумчивый часовой,—тамъ тюки какіе-то сложены въ порядкѣ—тоже обходить надо... Большой крюкъ далъ онъ, огибая артилерійскій паркъ, наткнулся на лазаретные шатры—опять обходи стороною... Споткнулся Досщакъ на протянутыя палаточныя веревки,—палатка дрогнула,—его выругали... Солдаты знакомые заговаривали съ нимъ поминутно, да и незнакомые то и дѣло приставали...

— Эй, тамыръ, куда?

— А, другъ! старый огрызокъ! чаю хочешь? иди сюда, красный чертъ, съ сахаромъ дамъ; садись!..

— Гляди, ребята, онъ съ медалью... вишь на халатѣ болтается. Досщанка, здравствуй, правдивая душа!

— Осторожнѣй, лѣшій,—ружья поваляешь!..

Подобные возгласы со всѣхъ сторонъ сыпались на Досщака; а онъ все шелъ да шелъ, не заговаривая ни съ кѣмъ, даже не оборачиваясь на всѣ эти восклицанія и призывы,—и наконецъ дошелъ.

Вотъ и значокъ красный, экъ у него края отрепаны! бывалъ передѣлкахъ; вотъ и часовой стрѣлокъ стоитъ; кастрюлька мѣдная такъ и горитъ на солнцѣ, паръ отъ нея идетъ, огонекъ дымится подъ желѣзнымъ таганомъ... Денщикъ бутылку откупориваетъ и полою своего кителя горлышко обтираетъ... Казачій офицеръ, только что вышелъ должно быть, на лошадь садится; а лошадь пятится задомъ, тому и неловко... Однако сѣлъ, чуть не наѣхалъ на Досщака, едва тотъ посторонился... Вотъ еще кто-то изъ палатки выходитъ, гремя саблею; бумаги изъ портфеля выронилъ—ихъ и подхватило вѣтромъ... Казаки откуда-то выскочили, подбирать начали,—одну бумагу и Досщакъ поднялъ, подалъ, а самъ сказать что-то хотѣлъ, да побоялся должно быть и промолчалъ... «Ну да и вѣтеръ съ утра нынче — просто такъ и рветъ!» замѣтилъ кто-то... «Начальника кавалеріи пригласить ко мнѣ»—говорилъ пріятный баритонъ въ палаткѣ... «Нарѣжь кусками—да и подавай», говорилъ кто-то за палаткою...

— Тебѣ что надо?

Досщакъ обомлѣлъ.

Усатая физіономія прямо въ лицо ему смотритъ, глазъ не спускаетъ, да скверно такъ, ну сейчасъ вотъ зубы оскалитъ, ротъ разинетъ и... цапъ! — пропалъ тогда старый Досщакъ-лауча вмѣстѣ съ своимъ краснымъ халатомъ, съ медалью, съ бараньей шапкою, что мнетъ и коверкаетъ въ закорузлыхъ рукахъ.

«Знакомая морда! думаетъ Досщакъ,—въ обозѣ видѣлъ; разъ даже нагайкою ударилъ, только не больно...»

— Джандаралъ нада—арзымъ-баръ *)!—произнесъ онъ рѣшительно и громко, и сѣлъ на песокъ, противъ самого входа; принявъ обычную почтительную позу.

Досщакъ говоритъ по-русски очень дурно, однако могъ объясняться обо всемъ довольно понятно. Онъ, въ виду важности дѣла, рѣшился вести съ генераломъ разговоръ по-русски, чтобы избѣжать толмача, переводчика, которому обыкновенно туземцы не очень-то довѣряютъ.

Не успѣлъ Досщакъ произнести эти слова, какъ генералъ самъ подошелъ за чѣмъ-то изъ палатки; красный халатъ сразу бросился ему въ глаза...

— Что тебѣ?—громко спросилъ ганералъ.

— Когда Атамкулку вѣшать будешь?—сразу повелъ дѣло Досщакъ, поднялся на ноги и большой кулдукъ (поклонъ) отвѣсилъ.

Засмѣялся генералъ, даже жилетъ бѣлый съ золотою цѣпью запрыгалъ у него на желудкѣ.

— Поймай, приведи—тогда и повѣшу,—произнесъ генералъ, смѣясь. — Я этого чудака помню, это заклятый врагъ Атамкула—я помню, кто-то говорилъ мнѣ...

— Точно такъ, ваше п—тво!—почтительно проговорилъ кто-то очень маленькій, за генеральскою спиною.—Это было, ваше п—тво, на переходѣ къ Нур-еку; огни тогда разложили обогрѣть озябшихъ людей...

— Джандаралъ!—заговорилъ Досщакъ,—джандаралъ, зачимъ не вѣшалъ Атамкулка? зачимъ поймалъ—не вѣшалъ?.. убижалъ будетъ Атамкулка—нельзя будетъ вѣшать... Атам-

*) Просьба есть.

кулка скоро убижалъ будетъ, — одинь день, два день—убижалъ... Нехорошіе люди въ лагерѣ есть:—одинъ человѣкъ нехорошій, четыре нехорошій—Атамкулъ возьметъ и убижалъ будетъ. Сичасъ, джандаралъ, вѣшать Атамкулка — тогда не будетъ убижалъ.

Въ этой рѣчи лауча, несмотря на комизмъ выговора и положеній, было такъ много искренности, такъ много неподдѣльнаго увлеченія и настойчивости, дышала такая увѣренность въ справедливости сказаннаго, что генералъ невольно нахмурился и задумался на минуту.

— Да ты почему же говоришь, что *это* Атамкулъ,—можетъ быть это и не онъ?—произнесъ генералъ.

— Пускай Атамкулка приводилъ—Досщанка показалъ будитъ.

— Распорядитесь,—сказалъ генералъ тому маленькому, что стоялъ сзади.—Садись!—обратился онъ къ Досщаку.

Лауча тотчасъ же сѣлъ и словно закоченѣлъ, словно это сидѣлъ на нескѣ не живой человѣкъ, а манекенъ въ костюмѣ; генералъ опять шагнулъ въ палатку,—маленькій человѣкъ побѣжалъ куда-то въ сторону.

— Аллахъ всемогущій, всезнающій, справедливый! не дай злому дѣлу смѣяться надъ добромъ, не клади черную грязь на чистую голову мою... Аллахъ великій, ты одинъ Богъ надъ всѣмъ міромъ, и нѣтъ кромѣ тебя другого!..—тихо бормоталъ Досщакъ, едва шевеля своими сухими, старческими губами.

XIV. «Атамкулъ».

Наташа, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, вышла изъ своей палатки и прогуливалась по громадному, хорошо ей знакомому лагерю. Хромой казакъ, прихрамывая съ своимъ костылемъ, шелъ рядомъ съ нею и заигрывалъ съ маленькимъ Петею. Ребенокъ крѣпко уцѣпился за платье матери, стараясь подлаживать своими маленькими ножками къ шагамъ взрослыхъ; ему это было не слишкомъ трудно, потому что Наташа сама шла, приравниваясь къ сыну,—и вся прогуливающаяся группа подвигалась впередъ очень медленно.

Давнымъ-давно переговорили обо всемъ интересномъ, и за неимѣніемъ въ данную минуту матерьяловъ для разговора, шли

молча; кто-то вполголоса напѣвалъ какой-то маршъ; всѣ машинально шли въ тактъ этому напѣву.

— Петя,—прервалъ молчаніе казакъ,—садись ко мнѣ верхомъ на плеча,—я понесу. Ну, полезай, молодецъ! Кустиковъ, да посадите его...

— Не хацу!..—увернулся ребенокъ, и еще крѣпче ухватился за платье,—я пискомъ!.. пискомъ!..

— Ничего, пусть привыкаетъ ходить, — говорила Наташа.—Ну, что твоя спина, Карповъ?—обратилась она къ молодому солдату-линейцу, надорвавшемуся недавно при вытягиваніи изъ колодца тяжелой бадьи съ водою.

— Прошло, матушка, Наталья Мартыновна, какъ рукою сняло!—весело отвѣчалъ солдатъ, вскочивъ на ноги и вытянувшись въ струнку.

— Они отъ одного слова вашего выздоравливаютъ; вы намъ—докторамъ—просто практику отбиваете...—шутилъ старичекъ-докторъ, въ сѣромъ нанковомъ кителѣ, выходя изъ ближайшей палатки и присоединяясь къ прогуливающимся.

— Да ужъ, конечно, для солдата ласковое слово да чарка водки полезнѣй цѣлаго пуда вашего поганаго аптечнаго снадобья, отъ котораго у меня до сихъ поръ во рту горько,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Вотъ моя нога все хуже и хуже... Какъ прійдется совсѣмъ отрѣзать... э-эхъ!—грустно произнесъ казакъ.—Давно бы пулю въ лобъ пустилъ, если бы...

— Наталья Мартыновна, полѣчите его ласк...—началъ было тотъ же офицеръ, да и замолчалъ, словно проглотилъ остальное, что хотѣлъ сказать, такъ строго взглянула на него Наташа.

— Диссентерія полегчала, много тише стала; скорпіоны восьмерыхъ покусали, палецъ указательный отмахнулъ сегодня барабанщику, двѣ бутылки портвейну изъ аптеки украли...—докладывалъ докторъ.

— Эге! смотрите, господа, что это за сходбище у генерала? посмотрите народу сколько! пойдемъ и мы туда!—вскрикнулъ Кустиковъ.

— Крайне интересно узнать—въ чемъ состоитъ дѣло,—замѣтилъ маіоръ Бирнапсъ.

— Пойдемте,—сказала покойно Наташа.

И вся группа, свернувъ мимо длинныхъ артиллерійскихъ коновязей, направилась къ генеральской ставкѣ.

А передъ генеральскими палатками, дѣйствительно, собралась довольно значительная толпа и полукругомъ стояла передъ лицевою стороною главнаго шатра, слѣдя съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за всѣмъ, что тамъ происходило.

Передніе ряды толпы занимали преимущественно офицеры, за ними стояло нѣсколько пѣхотинцевъ въ амуниціи и съ ружьями, десятка два казаковъ и больше всего туземныхъ джигитовъ-милиціонеровъ, красиво пестрившихъ толпу своими яркими халатами. Конные подъѣзжали сзади и останавливались, приподнимаясь на стременахъ и глядя съ высоты своихъ сѣделъ, черезъ головы переднихъ. Со всѣхъ сторонъ все прибывали и прибывали новые любопытные, такъ что, когда подошла Наталья Мартыновна,—ей, несмотря на полнѣйшую готовность, съ большимъ трудомъ расчистилась узкая дорожка, по которой и прошла она съ своими спутниками.

Генералъ сидѣлъ у входа въ палатку, на складномъ желѣзномъ стулѣ; около него и сзади стояли нѣсколько штабныхъ офицеровъ; въ темномъ четвероугольникѣ палаточнаго входа виднѣлись еще неясныя фигуры.

Шагахъ въ трехъ, не болѣе, передъ генераломъ стоялъ плѣнникъ; онъ не былъ связанъ, и руки его свободно были спущены по сторонамъ тѣла; голова плѣнника была нѣсколько нагнута напередъ, весь корпусъ былъ какъ-то странно сгорбленъ, даже колѣна чуть-чуть согнулись и слегка вздрагивали, можетъ быть отъ усталости, а можетъ и отъ скрытаго волненія; мозолистыя, босыя ноги плотно врылись въ песокъ и словно закаменѣли тамъ, не мѣняя ни на минуту своего положенія; пальцы рукъ нетерпѣливо перебирали грязное тряпье халата; гладко обритая голова была совершенно обнажена, ее не прикрывала даже обыкновенная тюбетейка; нѣсколько грязныхъ струпьевъ и продольный, заживающій уже шрамъ, виднѣлись на этомъ угловатомъ, кровномъ монгольскомъ черепѣ; глаза глядѣли исподлобья, прямо въ упоръ на генерала,—и глядѣли довольно спокойно, почти апатично...

Рядомъ съ нимъ стояли два пѣхотинца съ ружьями у ноги и казакъ съ обнаженною шашкою; позади ихъ—немного сво-

боднаго мѣста, а потомъ—плотно сдвинутые, замершіе въ неподвижности, передніе ряды зрителей. Досщака-лаучи пока не было видно.

— Конечно, сходство большое, — говорилъ генералъ по-французски,—но больше данныхъ, что это не онъ. Еслибъ не заявленіе этого лаучи, чертъ бы его взялъ—я пока еще ихъ не сводилъ вмѣстѣ, а надо...—генералъ сдѣлалъ досадливый, нетерпѣливый жестъ,—нельзя же!.. И зачѣмъ этотъ дуракъ попался!..

— Можно позвать этого иранца, что вчера поймали; онъ долженъ знать Атамкула—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть въ настоящее время,—посовѣтовалъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ съ золотыми погонами на помятомъ китилѣ,—у Матъ-Ніаза онъ видѣлъ вѣроятно его...

— Распорядитесь...

— Ну, конечно это Атамкулъ...—говорилъ кто-то въ палаткѣ, вполголоса, — какъ онъ тамъ ни присѣдай, какъ ни увертывайся, а это *онъ*. Я готовъ даже держать какое угодно пари!

— Пойдите—заявите ваше мнѣніе; вы такъ увѣренно говорите...

— Ну его къ черту!..

— То-то!.. Какія это доказательства неопровержимыя представитъ Досщакъ? интересно! Я думаю: вздоръ какой-нибудь.

— Онъ такъ увѣренъ... Тьфу! мнѣ даже смотрѣть жалко на этого несчастнаго... Повѣсятъ подлеца непремѣнно. А это еще кого привели?.. тоже свидѣтель должно быть; рожа знакомая.

— Это перебѣжчикъ, что вчера поймали, персіянинъ... Слушайте, слушайте!

Изъ-за палатки, униженно припадая, согнувшись почти въ дугу, проскользнулъ иранецъ; онъ былъ блѣденъ, скорѣе какого-то пепельнаго цвѣта, и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ... Онъ не зналъ зачѣмъ его позвали, и, увидавъ плѣнника, видимо растерялся, даже назадъ попятился.

— Иди!—толкнулъ его сзади колѣномъ презимистый-казакъ-уралецъ.

— Здравствуй!—сказалъ генералъ.

Иранецъ задрожалъ и опустился на корточки.

— Ты знаешь этого человѣка?—спросилъ генералъ, кивнувъ въ ту сторону.—Экъ онъ струсилъ!—обратился онъ къ штабъ-офицеру...

Иранецъ молчалъ и блуждающими глазами посматривалъ по сторонамъ, видимо избѣгая того пункта, на который ему указывали.

— Туда гляди!—толкнулъ его казакъ.

— Кто это?—повторилъ свой вопросъ генералъ.—Ну, не бойся! чего боишься?.. Посмотри хорошенько и скажи, кто это... Переведите ему.

Маленькаго роста офицеръ—съ нерусскимъ типомъ смуглаго лица — перевелъ. Иранецъ внимательно слушалъ, бѣгло взглянулъ на плѣнника и замоталъ головою.

— Я не знаю его... Это хивинскій человѣкъ—я знаю, а кто онъ—не знаю.

— Ты знаешь въ лицо Атамкула, того, что отъ насъ бѣжалъ и теперь служитъ у хивинскаго хана?—допрашивалъ переводчикъ.

— Атамкула?—повторялъ вопросъ иранецъ.

— Ну, да.

— Того, что большой начальникъ у русскихъ былъ—онъ большой человѣкъ у хана, Атамкулъ-дахта! *). Я видѣлъ Атамкула, я знаю его... какъ мнѣ не знать Атамкула!.. Три раза, нѣтъ, четыре,—да, такъ точно, четыре раза солнце всходило, послѣ того какъ Атамкулъ велѣлъ мнѣ сто палокъ дать, да я ушелъ... Я знаю хорошо Атамкула...

Всѣ невольно улыбнулись. Въ толпѣ послышался даже сдержанный смѣхъ. У всѣхъ на душѣ какъ-то стало легче...

— Что, батенька, это Атамкулъ, да? вы такъ же увѣрены и теперь? хотите, можетъ быть, на двѣ бутылки и консервъ съ омаромъ!..—тихо, но не безъ ядовитости, говорилъ голосъ въ палаткѣ.

— А, чертъ! Мнѣ это рѣшительно все равно!..

— Вретъ, братцы, этотъ иранецъ! — шепталъ одинъ изъ казаковъ своимъ товарищамъ,—видимо дурака ломаетъ; и какъ это господа только вѣрятъ!

---

*) Дахта—одинъ изъ крупныхъ военныхъ чиновъ.

— Вѣшать, аль къ разстрѣлу?..—освѣдомился молодой пѣхотинецъ.

— Пластовать, а потомъ шкуру спущать ремнями... Тебѣ что пріятнѣй будетъ—ась?

— Тише тамъ!

— Гдѣ теперь Атамкулъ?—спросилъ генералъ иранца.

— Атамкулъ теперь, какъ мнѣ знать, гдѣ онъ теперь? Четыре раза солнце всходило, былъ Атамкулъ у Мать-Ніаза; четыре тысячи коннаго народу, четыре тысячи пѣшаго и сто пушекъ у Атамкула было. Атамкулъ-дахта большой человѣкъ у хивинскаго хана.

— Прогоните этого дурака!

— Пошелъ, пошелъ—ну, уходи, благо цѣлъ!..

Иранцу не дали даже и докланяться какъ слѣдуетъ — по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета—и выпроводили съ арены.

Передъ плѣнникомъ появился новый свидѣтель; свидѣтель этотъ былъ все время за палаткою и его не видно было; свидѣтель этотъ все слышалъ и ждалъ... Онъ подошелъ теперь къ плѣнному сзади, совершенно неожиданно, и дотронулся до его плеча, тотъ быстро обернулся, зашатался и поднялъ руки... Онъ будто бы хотѣлъ,—такъ по крайней мѣрѣ показалось всѣмъ, кто замѣтилъ этотъ жестъ—онъ хотѣлъ закрыть руками свое лицо. Онъ опомнился и его ладони остались на половинѣ дороги...

— Здравствуй, Атамкулъ!.. Вотъ мы опять увидѣлись,—произнесъ Досщакъ,—здравствуй!.. Братъ твой Юнусъ прислалъ меня тебя провѣдать... Джандаралъ, вѣшай пожалиста Атамкулка...

— Я тебя не знаю...—хрипло, давясь своими словами, произнесъ плѣнникъ.

— Нѣтъ, ты меня хорошо знаешь.

Досщакъ отошелъ отъ плѣнника, посмотрѣлъ на него еще разъ, долго такъ, прямо въ упоръ, и обратился къ генералу:

— Атамкулъ маленькій былъ, вотъ такой!—Досщакъ показалъ рукою на аршинъ отъ земли,—и Юнусъ, братъ его, маленькій былъ, еще меньше... Я у отца ихъ служилъ, мыть водилъ ихъ, и отца-старика мылъ... Я ихъ всѣхъ трехъ знаю, и мать знаю, всѣхъ знаю... У отца на спинѣ, какъ разъ между лапатокъ, на ладонь отъ поясницы пятно есть, тем-

ное, какъ войлокъ этотъ, такого вида, какъ луна, когда она въ первый разъ показывается на небѣ... вотъ такъ!

И Досщакъ нагнулся и начертилъ пальцемъ на пескѣ форму полумѣсяца.

— Я говорю по-русски; ты тоже знаешь по-русски и понимаешь, о чемъ говорю я, ты теперь съѣсть меня хочешь, да зубы коротки, хоть ты и не человѣкъ, а волкъ... Да ты волкъ, ты даже хуже волка,—обратился Досщакъ къ плѣнному.—У старшаго сына, вотъ у него, у Атамкула, тоже на спинѣ, на томъ же мѣстѣ такое же пятно есть... Прикажи, джандаралъ, съ него халатъ снять и рубаху.

Досщакъ замолчалъ, отошелъ въ сторону и спокойно сѣлъ на песокъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло—и теперь ждалъ, чѣмъ все это разрѣшится.

— Раздѣть!

Въ одно мгновеніе нѣсколько рукъ протянулось къ плѣнному, тотъ сильно рванулся; одинъ солдатъ упалъ, другой отскочилъ, хватаясь за бокъ.

— Силенъ, дьяволъ!

— Навались! разомъ!

Навалились... Несчастный захрипѣлъ и упалъ на колѣна. Съ него сорвали халатъ и рубаху... его подняли на ноги и повернули спиною...

— Вотъ это пятно!—сразу нашелъ переводчикъ и ткнулъ туда пальцемъ. Отъ этого прикосновенія, по обнаженной спинѣ пробѣжала нервная дрожь...

— Да это положительное доказательство,—произнесъ штабъ-офицеръ.

— Сейчасъ вѣшать будешь, джандаралъ?

— Экъ торопится!

— А если это несчастная случайность?—произнесъ генералъ опять по-французски.—Показаніе простаго лаучи, видимо озлобленнаго на этого человѣка,—Атамкулъ онъ или нѣтъ—это все равно... Весьма возможно, что Досщакъ хочетъ за что-то мстить ему... Если онъ для своей цѣли рядитъ его въ Атамкулову шкуру?.. Странно, что ни одинъ солдатъ, ни одинъ офицеръ... а вѣдь его многіе изъ васъ, господа, хорошо знали...

Въ эту-то минуту въ кругъ вошла Наталья Мартыновна. Наташа взяла сына на руки, когда проходила черезъ

толпу, хромой казакъ не успѣлъ въ этомъ предупредить ее. Ребенокъ испугался такого многочисленнаго общества, обвилъ ручонками шею матери и глядѣлъ кругомъ широко-раскрытыми глазками... Продѣвая руку въ рукавъ халата, плѣнникъ повернулъ голову—и увидѣлъ женщину...

Онъ взглянулъ на нее. Этотъ взглядъ былъ странный... въ немъ сверкнула самая жгучая, дикая страсть... Этотъ взглядъ былъ мгновенный, но его успѣлъ уловить хромой казакъ.

— Атамкулъ!—вскрикнулъ онъ громко.

Наташа вздрогнула и опустила ребенка на землю.

— Атамкулъ, Атамкулъ... никакого нѣтъ сомнѣнія... это Атамкулъ,—заговорили кругомъ голоса. Всѣ почти давно убѣждены были въ этомъ и молчали, словно ихъ что-то сдерживало—и это *что-то* прорвалось разомъ, когда казакъ назвалъ его громко... Быть можетъ каждый изъ нихъ думалъ въ эту минуту: «не я первый!»

— А Атамкулъ, такъ Атамкулъ, чортъ его возьми!..—всталъ со стула генералъ.—Кричатъ во все горло: «Атамкулъ, Атамкулъ!..» будто я самъ давно не вижу, что Атамкулъ...—ворчалъ онъ про себя, уходя въ палатку.—Подъ строгій караулъ—и дать знать въ военно-судную комиссію...—слышались уже оттуда сухія отрывистыя приказанія...

— Онъ погибъ?—тихо спросила Наташа.

— Да, ужъ теперь не вывернется,—пробасилъ капитанъ Пуговицынъ.

Хромой казакъ стоялъ какъ ошеломленный, прижавъ кулакъ къ своему пылающему лбу.

Необузданная, дикая страсть къ женщинѣ вызвала предательскій взглядъ, этотъ взглядъ проскользнулъ бы незамѣтнымъ для толпы; но та же глубокая страсть сдѣлала его понятнымъ для хромого казака, и вырвала у него это роковое восклицаніе.

— Кровь Юнуса взыщется!..—торжественно объявилъ Досщакъ своимъ товарищамъ въ тотъ же вечеръ.

XV. Ката-Джиль *).

Часа два послѣ полудня, странная духота стала распространяться въ воздухѣ. Это не былъ обыкновенный солнечный

*) Большой вѣтеръ.

двуногій волкъ.

жаръ; это было что-то иное, до сихъ поръ еще «бѣлыми рубахами» не испытанное... Дышать становилось все труднѣе и труднѣе, тѣло покрывалось сильною испариною, весь организмъ слабѣлъ, а между тѣмъ кровь обращалась быстрѣе и сердце билось усиленнѣе... Клонило ко сну, а сна не было... Жажда усилилась до невѣроятной степени, и у колодцевъ толпилось несравненно больше народу чѣмъ прежде... Накаленный, неподвижный воздухъ—словно давилъ все, что находится на землѣ, и располагалъ къ лѣни, къ полному бездѣйствію... Всякая работа валилась изъ рукъ; тоскливое чувство овладѣло всѣми; всѣ испытывали на яву давящій, невыносимый кошмаръ.

И животныя видимо раздѣляли это чувство съ человѣкомъ: всѣ въ поту, уставивъ неподвижно безцвѣтные, словно мертвые глаза, широко раздувъ крававо-красныя ноздри, тревожно настороживъ уши, стояли лошади въ своихъ коновязяхъ и не ѣли корма. Ноги у нихъ подгибались, но онѣ не ложились и инстинктивно повертывались крупами всѣ въ одну и ту же сторону—къ сѣверо западу.

Собаки зарывались въ песокъ и жалобно выли. Верблюды—тѣ всѣ полегли, вытянули головы, и странное дѣло: крупами къ тому-же сѣверо-западу.

Если всадникамъ приходилось ѣхать на сѣверо-западъ, лошади шли неохотно, упирались, и тотчасъ же сами поворачивали назадъ, едва только, на одну секунду, ослабѣвалъ поводъ и отдѣлялись отъ взмыленныхъ боковъ острыя, понуждающія шпоры. Тѣ же, которымъ приходилось ѣхать въ обратную сторону, едва могли сдерживать прыть своихъ коней, не въ мѣру уже порывающихся впередъ.

Ишаки сбились въ кучу и пронзительно орали... Этотъ ревъ вмѣстѣ съ унылымъ вытьемъ собакъ еще болѣе усиливалъ общую тоску и наводилъ на людей уныніе...

Природа готовила что-то нехорошее. Это нехорошее, очевидно, должно было прійти съ сѣверо-запада.

А между тѣмъ въ воздухѣ было тихо; вѣтеръ, расходившійся такъ наканунѣ и нагнавшій за ночь цѣлые бугры песку, совершенно стихъ—и въ настоящую минуту пламя свѣчи, зажженной прямо на открытомъ воздухѣ, было неподвижно, словно въ стекляномъ футлярѣ.

Небо стало какого-то красновато-желтаго цвѣта и солнечный дискъ сквозилъ мутнымъ шаромъ, безъ лучей, безъ блеска; на него можно было смотрѣть совершенно свободно, словно сквозь стекло закопченное.

Такъ продолжалось часовъ до семи вечера.

Чѣмъ болѣе склонялось солнце къ западу, тѣмъ оно становилось все багровѣе, и этотъ кровавый свѣтъ разливался по скатамъ холмовъ, очерчивая противоположные скаты— темными, синеватыми тѣнями.

Грозная черная стѣна поднималась изъ-за горизонта, поднималась медленно, расползаясь направо и налѣво, мало-помалу захватывая половину всего горизонта...

Вотъ, эта стѣна поровнялась съ солнцемъ. Багровый дискъ спрятался за нее на половину, вотъ и совсѣмъ скрылся—и густыя сумерки пастали почти мгновенно...

— Крѣпить палатки, смотрѣть за ружейными козлами въ оба... огней не раскладывать, которые есть—тушить!..—раздавались тревожныя приказанія...

— Ката-джиль—ката-джиль!—говорили туземцы, отыскивая себѣ пріютъ между тяжелыми тюками верблюжьихъ вьюковъ.

— Ну, братцы, держись эту ночь! такой ураганъ будетъ—страсть!—переговаривались бѣлыя рубахи.

Первый порывъ вѣтра разразился спустя полчаса послѣ солнечнаго заката. Это былъ шквалъ, налетѣвшій разомъ, но также разомъ стихнувшій. Онъ принесъ съ собою тучи мелкой песчаной пыли, повалилъ нѣсколько ружейныхъ козелъ и сорвалъ крышу съ одной изъ палатокъ; безпорядокъ въ лагерѣ, произведенный этимъ сухимъ шкваломъ—отъ темноты казался несравненно большимъ... Послышались тревожные возгласы, засновали по всѣмъ направленіямъ темныя фигуры, ловящія свои сорванныя шапки, натыкающіяся другъ на друга, падающія,—вскакивающія снова на ноги и снова куда-то бѣгущія...

Еще разразился ударъ, вслѣдъ за нимъ другой, гораздо большій... По черному небу забѣгали красноватыя, огненныя пятна, словно оно накаливалось мѣстами. Послышался глухой, словно подземный гулъ—и въ воздухѣ сильно запахло сѣрою.

Теперь уже крупный степной песокъ несся вмѣстѣ съ вѣ-

*

тромъ; этотъ песокъ обжигалъ лицо, руки, шею, затылки,— все, незащищенное одеждою.

Лошади дико ржали и рвались на своихъ коновязяхъ... «Крѣпи приколы! береги коней, сохрани Богъ разбѣгутся!»— то и дѣло слышались во мракѣ предостерегающіе возгласы казаковъ и артиллеристовъ.

Удары урагана все усиливались и усиливались... Всякъ занятъ былъ только однимъ: это — удержаться на погахъ, удержать то, что ему ввѣрено... Ничего невозможно было разобрать въ этомъ свирѣпствующемъ хаосѣ... Чу!.. такъ и есть... это выстрѣлъ! Это звукъ слишкомъ хорошо знакомый, чтобы не различить его въ бѣшеномъ свистѣ и ревѣ бури... Вотъ другой... третій... Звукъ сигнальной трубы пронзительно прозвонилъ, оборвался,—еще разъ прозвонилъ, едва слышно, словно отголосокъ далеко крикнувшей птицы.

Тревога!.. Тревога въ такую страшную минуту...

— Сюда братцы!.. помогите!..—раздался отчаянный, задавленный голосъ.

Голосъ этотъ донесся оттуда, гдѣ былъ связанный Атамкулъ. Караульные солдаты бросились въ ту сторону. Темно, ничего не видно, песокъ засыпаетъ глаза... Прямо передъ однимъ изъ нихъ, словно изъ-подъ земли поднялась массивная, темная фигура и шарахнулась къ сторону.

— Лови!.. лови!.. Эй, чертъ, чего меня схватилъ, не видишь что ли?.. А врешь, не уйдешь!..

— Атамкулка убѣгъ!

— Умираю, братцы! охъ, смерть моя пришла! охъ, тошнехонько!.. Господи!.. —стоналъ кто-то, корчась на пескѣ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

— Ихъ много было, много — человѣкъ пять. Трое сразу навалились на часового. Я видѣлъ своими глазами... послать за докторомъ; носилки несите, что ли!

— Упокой Господи!

Новый порывъ вѣтра принесъ новыя волны сыпучаго, горячаго песку.

— Живьемъ засыплетъ, Пресвятая Богородица помилуй!..— слышится невдалекѣ жалобный голосъ оторопѣвшаго солдатика, рекрута, новичка еще въ степныхъ передѣлахъ.

Старый Дементій, еще заблаговременно, засвѣтло, хорошо укрѣпилъ палатку своей барыни. Онъ обнесъ ее двойною веревкою, крѣпко вколотилъ колья, вбилъ еще пару, на всякъ случай, для прочности, и осмотрѣвъ работу, рѣшилъ что «выдержитъ».

— Вы, матушка Наталья Мартыновна, не сумлѣвайтесь, не унесетъ, крѣпко! извольте покойно почивать съ Петею... и не услышите за ночь-то, а ужъ я постерегу, доложилъ онъ своей госпожѣ, съ безпокойствомъ поглядывавшей на подозрительное небо.

— Не за себя я боюсь, Дементій, не за себя...—произнесла Наташа.

— Знаю, матушка ваше благородіе, знаю. Я вотъ пока чайнички согрѣю; оно хоша и не велѣно огней раскладывать, да я тихимъ манеромъ, въ ямочкѣ, — никто и не увидитъ...

Пошелъ старикъ распоряжаться «тихимъ манеромъ, въ ямочкѣ»—выглянула еще разъ изъ палатки Наталья Мартыновна. Темнѣетъ быстро... даже страшно становится.

Ея овладѣло тоскливое безпокойство, безотчетное какое-то, будто предчувствіе чего-нибудь недобраго роковаго.

— Петя, милый, ты не бойся—ласкала она ребенка:—это пустяки: это вѣтеръ большой будетъ, онъ пройдетъ и будетъ хорошо такъ, прохладно... вѣдь тебѣ очень жарко было сегодня?.. да?..

— Залко...—лепеталъ ребенокъ, лѣниво потягиваясь на кровати, въ одной рубашенкѣ съ разстегнутымъ воротомъ.—Мама, пить чаю хочу... мама, дай чаю...

— Сейчасъ, крошка, сейчасъ. Дементій пошелъ сварить чаю, принесетъ—мы и будемъ пить съ кисленькими конфетками. Ты любишь кисленькія конфетки? да?

— Кисленькія.. —повторилъ ребенокъ.

— Милый мальчикъ мой!..

Наташа взяла сына на руки и крѣпко сжала въ своихъ объятіяхъ. Ею овладѣлъ какой-то странный, усиленный припадокъ любви и нѣжности къ своему ребенку; она покрывала его поцѣлуями.

Вся палатка вдругъ затряслась, стѣнки ея вздулись какъ паруса, что-то лошуло снаружи.

— Держи, держи! ребята, подсоби это...—слышался тре-

вожный голосъ Дементія. — Ну, и вѣтрище же! этакій арканъ какъ ножемъ... Ничего, не робѣйте, матушка, удержимъ!..

Порывъ вѣтра затушилъ свѣчу, — стало темно какъ въ могилѣ, ребенокъ заплакалъ...

— Свѣтоприставленіе—одно слово!—говорилъ старикъ.— Осторожнѣе, дьяволы, задавите! Не видятъ, ошалѣли, такъ и прутъ на человѣка... Что ты, что ты?!.. Ой, батюшки!..

Нѣсколько конныхъ фигуръ наскакали прямо на палатку и сбили съ ногъ старика. Вдругъ вся палатка сильно нагнулась на сторону, послѣднія веревки лопнули, полы распахнулись, крыша поднялась вертикально и улетѣла по вѣтру; словно крыло какого-то гигантскаго чудовища—мелькнуло въ воздухѣ громадное полотно и скрылось... Въ ту же минуту Наташа, испуганная, ошеломленная, крѣпко прижавшая ребенка, почувствовала какъ ее стянули за талію двѣ чужія руки и потащили... чье-то горячее, непріятное дыханіе пахнуло ей въ самое лицо... Надъ самымъ ухомъ слышала она киргизскую рѣчь: «тащи—вяжи на сѣдло—проворнѣе!..» Этотъ голосъ былъ ей хорошо знакомъ, она узнала говорившаго—и пронзительно, съ невыразимымъ отчаяніемъ вскрикнула: «спасите, помогите!..»

Ноги у нея уже стояли на землѣ!.. Она чувствовала, какъ ее подняли и втягивали на лошадь. Ребенокъ вывалился у нея изъ рукъ. Наташа отчаянно рванулась и вцѣпилась зубами за то, что ей первое попалось.

Кто-то застоналъ,—уперся ей въ лобъ ладонью и отогнулъ ея голову.

Наташа потеряла сознаніе.

Хромой казакъ, верхомъ на своемъ «степнякѣ», пробирался сквозь всю эту сумятицу. Вокругъ него толпились пѣшіе и конные, переговариваясь и окликая другъ друга. Онъ ѣхалъ шагомъ, осторожно, перегнувшись на сѣдлѣ и пристально всматриваясь въ эту непроницаемую мглу волнующагося песка и пыли. Онъ направлялся къ знакомой ему палаткѣ, но потерялъ теперь должное направленіе и, съ отчаяніемъ въ душѣ, проклиналъ свою разсѣянность. Какъ теперь отыскать ее?.. гдѣ она? Онъ даже не зналъ, гдѣ югъ, гдѣ сѣверъ...

Вотъ онъ наткнулся на фронтъ пѣхотинцевъ, стоящихъ въ ружьѣ. Длинные ряды едва-едва видѣлись. Онъ окликнулъ:

— Какая часть?

— Третій стрѣлковый батальонъ.

— На своемъ мѣстѣ стоите, или пришли откуда?

— На своемъ.

«А! значитъ надо ѣхать значительно правѣе,—думалъ и соображалъ казакъ,—здѣсь сейчасъ будутъ саперы, вотъ это, кажется они и есть; гдѣ же ящики зарядные? они должны быть впереди, а за ними...

— Какая часть?.

Что-то круглое подкатилось подъ ноги коня, тотъ взвился на дыбы и отскочилъ.

— Господи! въ такую пору и я не при ней... Что-то она теперь, бѣдная, дѣлаетъ!.. — тоскливо шепталъ казакъ.—Ну, степнякъ или другъ, смѣлѣе, не упирайся...

Словно фейерверкъ вспыхнули краснымъ снопомъ огненныя искры съ трескомъ понеслись по вѣтру. Это разнесло и притушенный костеръ на одной изъ походныхъ кухонь.

— Сюда, сюда, теперь вѣрно!—обрадовался казакъ, узнавъ наконецъ мѣстность.

Вдругъ до его слуха долетѣлъ пронзительный вопль. Это былъ вопль женскій, а женщина только одна и была во всемъ лагерѣ.

Не разбирая теперь уже ничего, втиснувъ шпоры въ бока лошади, гикнувъ такъ, что чуть не лопнуло у него въ горлѣ, ринулся казакъ прямо на этотъ призывный вопль и врѣзался въ самую свалку.

Какого-то коннаго окружили и тащили съ сѣдла; другой, тоже конный свирѣпо отбивался, пробираясь черезъ толпу; онъ тоже скоро упалъ, а лошадь брыкалась и рвалась, схваченная за поводья нѣсколькими руками.

— Не бей, живьемъ захватывай! — распоряжался чей-то густой басъ.—Главное, того подлеца не упусти... Лови, лови!..

— Наталья Мартыновна! гдѣ вы?—во все горло крикнулъ хромой казакъ.

— Здѣсь, здѣсь!—отвѣчали мужскіе голоса.

Казакъ не слѣзъ, а скорѣе свалился съ лошади, бросилъ ее на произволъ судьбы, хотѣлъ побѣжать, но больная нога дала себя почувствовать разомъ. Онъ стиснулъ зубы отъ боли и поспѣшно заковылялъ туда, гдѣ крикнули «здѣсь!»

Нѣсколько человѣкъ хлопотали и суетились надъ чѣмъ-то, лежащимъ на пескѣ; храмому казаку такъ и мелькнуло въ глаза свѣтлое платье Наташи... Она лежала неподвижно, безъ всякихъ признаковъ жизни...

— Убита!—зарыдалъ казакъ и опустился около тѣла.

— Жива, Богъ съ вами! обмерла только съ перепугу... Ребенка отыскали? нѣтъ? Ребенка ищите, ребенка!..

— И меня около нея не было!—рыдалъ казакъ.—Господи, не допусти, помилуй!..

XVI. Печальное утро.

Наступило утро, сѣрое, мглистое, удушливое.

Порывы урагана значительно ослабѣли, но по всему лагерю все еще носились цѣлыя тучи песку и пыли. Ураганъ стихъ и замѣнился ровнымъ вѣтромъ, нагонявшимъ на лагерь эти тучи, слѣпившія глаза, затрудняющія дыханіе, мѣшающія ясно видѣть, даже на небольшихъ разстояніяхъ.

Принялись кое-какъ исправлять ночныя поврежденія, ставить сорванныя палатки, собирать все разнесенное вихремъ по степи. Разослали по разнымъ направленіямъ усиленные казачьи разъѣзды.

Вѣсть о случившемся ночью несчастьѣ облетѣла уже весь лагерь. Тяжело было на сердцѣ у всѣхъ, отъ генерала до послѣдняго солдата; грусть и тоска отражались въ каждомъ взглядѣ, а подчасъ и слезинки сбѣгали по загорѣлымъ лицамъ, оставляя на щекахъ грязныя отъ пыли полосы. Не нашлось бы ни одного, кто-бы не желалъ, цѣною какого угодно самопожертвованія, помочь горю, а помочь, всякій ясно сознавалъ, не было никакой возможности, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту.

Когда разсвѣло настолько, что можно было разсмотрѣть слѣды ночной катастрофы, дѣло оказалось въ слѣдующемъ положеніи:

Палатка Натальи Мартыновны была повалена вѣтромъ; одною своею стѣнкою она прикрыла все тамъ находившееся; рѣзкими углами выступали изъ-подъ полотна спинка желѣзной кровати, углы чемодановъ, еще какой-то кованый желѣзомъ уголъ, прорвавшій плотно, и разные другіе предметы незатѣйливаго, походнаго быта.

Крыша отнесена была шаговъ на двадцать и застряла въ песчаномъ наносѣ, уткнувшись въ него концами своихъ заостренныхъ реберъ; словно громадный, исковерканный бурею, зеленый зонтикъ—виднѣлась она сквозь пыль, все еще парусила и вздрагивала отъ ударовъ вѣтра.

Другая стѣнка, разорванная пополамъ, лежала ближе; изъподъ нея торчали до колѣнъ босыя ноги, одѣтыя въ рваныя кожаныя чамбары; вытащили—оказался трупъ съ проколотымъ штыкомъ бокомъ, головою, разможенной ударомъ увѣсистаго приклада. Присмотрѣлись—узнали: это былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ мнимыхъ работниковъ бухарскаго купца, изъ разграбленнаго каравана...

Немного подальше, солдаты, тѣсною толпою, обступили еще одного лежащаго: это былъ старикъ Дементій, оглушенный ударомъ въ голову; несчастный лежалъ безъ всякихъ признаковъ жизни; въ конвульсивно-сжатомъ кулакѣ его виднѣлся клокъ верблюжьяго сукна—цѣлая пола халатная.

Три солдата тащили волокомъ по песку еще одного убитаго; за тѣломъ безобразно волочились оборванные лоскутья халата, перепачканные кровью и грязью...

— Иранца того, собаку, ухлопали, говорили тащившіе.— Онъ, видно, не тутъ околѣлъ, подальше отполз; мы его инда, у самой цѣпи отыскали...

— Тамъ за цѣпью лошадь подстрѣленная лежитъ, не изъ нашихъ,—замѣтилъ казакъ, сопровождавшій тащившихъ.— Знать, дьяволы, къ Адамъ-Крылгану погнали; слѣду-то, окромя этой падали, не видать,—все чисто замело ураганомъ!..

Въ карауль нѣ, гдѣ находился Атамкулъ, нашли трупъ солдата часового; самаго же плѣнника и слѣдъ простылъ; два-три отпечатка босыхъ ногъ виднѣлось тутъ же. Богъ вѣсть какъ оти отпечатки уцѣлѣли...

Ясное дѣло было, кто былъ виновникъ всего происшедшаго: Атамкулъ не удовольствовался представившимся ему случаемъ къ побѣгу и спасенію, онъ еще хотѣлъ захватить съ собою слишкомъ дорогую, богатую добычу. Онъ и захватилъ ее, только отчасти. Маленькаго Пети нигдѣ не могли отыскать,— ни живаго, ни мертваго.

Наташу привели въ чувство. Она не плакала, не жаловалась, она молчала; но въ этомъ безмолвіи было столько страданій, столько горя, что ни у кого изъ окружающихъ не хватило силы не только пытаться утѣшать ее словами, но даже смотрѣть на нее... Также молча, потупивъ глаза въ землю, стояли вокругъ нея офицеры...

— Да вы бы... — началъ было одинъ изъ нихъ, разрыдался вдругъ, какъ ребенокъ, и ушелъ поскорѣе подальше: что, молъ, еще больше ее разстраивать своими неумѣстными слезами...

Словно окаменѣвшая статуя, сидѣла Наташа на одномъ изъ чемоданомъ; глаза ея смотрѣли апатично, безжизненно, словно стеклянные; густая прядь русыхъ волосъ свисла со лба на лицо; обнаженное плечо виднѣлось сквозь разорванное во время борьбы платье... Это плечо слегка вздрагивало, только вѣрно не отъ холода.

Кустиковъ снялъ съ себя пальто и накинулъ его на плеча Наташи; она даже и не замѣтила этого...

Солдаты ставили ея палатку и переговаривались шепотомъ; толстенькій докторъ примачивалъ голову Дементію; фельдшеръ изъ жидковъ суетливо приготовлялъ инструменты для кровопусканія и шепотомъ спрашивалъ «полотенчика и чашечку»...

Поставили палатку, исправили поврежденія, привели все въ порядокъ.

— Ну, голубушка моя, пойдемьте, родная...—подошелъ къ Наташѣ докторъ. — Лягьте въ постельку, одохните, капельки дамъ вамъ, пріймите... Ну, пойдемьте-же...

— Куда?..—глухо такъ, почти безсознательно, произнесла Наташа.

— Господа, подсобите поднять, возьмите вотъ такъ подъ мышки,—суетился докторъ.—Ну, вотъ и отлично... да лягьте-же, лягьте... Дастъ Богъ оправитесь, ободритесь; вѣдь вы молодецъ у насъ... А тамъ, можетъ, все къ лучшему... можетъ, найдутъ.

Наташа громко, пронзительно крикнула и опять впала въ безпамятство.

— Эхъ, я скотина! — ударилъ себя по лбу докторъ. — Это я ее словомъ «найдутъ» доняль такъ... Ахъ, я старый дуракъ!..

Остановившаяся у палатки лошадь храпнула и начала рыть песокъ ногою. Съ сѣдла слѣзъ генералъ, бросилъ казаку поводья и вошелъ въ палатку.

— Ну, что? какъ?.. — началъ онъ, осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на лежащую уже на кровати Наталью Мартыновну, развелъ руками и вышелъ...

А разъѣзды еще не возвращались. Хромой казакъ былъ въ одномъ изъ нихъ... Онъ еще до разсвѣта ушелъ съ своею полусотнею... Отъ него было уже двѣ вѣсти въ лагерь: одну привезъ казакъ, съ просьбою выслать вслѣдъ за нимъ какое-нибудь подкрѣпленіе, на всякъ случай; другую вѣсть привезъ джигитъ-туземецъ,—и эта послѣдняя вѣсть заронила въ души оставшихся въ лагерѣ свѣтлую искру надежды.

«Я на слѣду» только и было сказано въ запискѣ карандашемъ, на клочкѣ газетной бумаги.

Обо всемъ случившемся уже производилось самое тщательное слѣдствіе.

XVII. Въ разъѣздѣ.

Полною рысью гнали казаки. Полусотня растянулась на большое разстояніе... Всадники, нагибаясь съ сѣделъ, приглядывались къ каждому сѣду на пескѣ, къ каждой подозрительной ямкѣ, пристально всматривались вдаль, оглядывались по сторонамъ, — и все гнали и гнали впередъ безостановочно, похлестывая нагайками своихъ коренастыхъ монтачковъ, худо поенныхъ, худо кормленныхъ, безотвѣтныхъ, всевыносливыхъ...

Хромой казакъ несся впереди; около него, приставъ на стременахъ, подпрыгивалъ молодой юнкеръ-казакъ и старикъ-урядникъ съ раскидистою бородою, рыжею съ просѣдью; на армячинной рубахѣ его виднѣлись два креста...

Всѣ внимательно слушали, еще того внимательнѣе вглядывались, изрѣдка перебрасывались короткими замѣчаніями...

Эта полусотня очень похожа на стаю гончихъ, впущенныхъ въ кнею *); даже это отрывочное переговариваніе напоминало нѣсколько тявканье и ворчню собакъ, еще не понавшихъ на слѣдъ, что называется, не справившихся...

---

*) Захваченный для облавы участокъ лѣса называется кнеею на охотничьемъ жаргонѣ.

— Замело! — потрясъ головою урядникъ съ крестами и подхлестнулъ своего бѣлоногаго...

— Не слишкомъ ли забрали мы вправо, эсаулъ? — перѣшительно вставилъ свое замѣчаніе юнкеръ.

— Въ самый разъ гонимъ,—авторитетно произнесъ урядникъ,—больше никуда, какъ «туда».

А эсаулъ ничего не отвѣчалъ, глаза его пристально устремлены были впередъ, на ту черту, что уже ясно опредѣлилась разсвѣтомъ, волнистою темною линіею...

— Коли «они» на нашихъ коняхъ дуютъ, что у насъ въ лагерѣ украли,—говорилъ урядникъ,—то далеко не уйдутъ... а коли имъ тутъ свѣжихъ подготовили, ну, тогда «поштрѣли-те въ бороду» скверное дѣло! что вѣтеръ въ полѣ, что тюркменъ въ степи—все едино.

— Стой!..

Одинъ изъ казаковъ чуть не кубаремъ свалился съ лошади, присѣлъ на песокъ... разглядываетъ...

— Это что, братцы?..

Остановились.

— Кованая, али нѣтъ?

— Наша подкова—оренбургской ковки... эта наша...

— Они!

Песчаный наносъ, словно ворвавшійся въ промежутокъ между двухъ бархановъ, пересѣкалъ дорогу, а за этимъ наносомъ виднѣлась полоса чистая, съ которой все смело вѣтромъ, а на этой полосѣ ясно сохранилось нѣсколько конскихъ слѣдовъ... Эти-то слѣды и разсматривали теперь остановившіеся казаки...

— Они! Кому быть другому?..

Джигитъ-туземецъ и Досщакъ-лауча находились при этомъ же разъѣздѣ. Оба всадника значительно опредѣлили полусотню... Старикъ Досщакъ такъ и носился передъ казаками, какъ борзой песъ передъ гончими; то онъ вскакивалъ на гребни бархановъ, приглядывался, принюхивался, прислушивался, то снова появлялся гдѣ-нибудь, совершенно тамъ, гдѣ его не ожидали.

— Экъ старается нашъ Досщанка! — покачивая головами казаки, слѣдя за юркимъ наѣзникомъ.

— Эй, тюра (начальникъ), что это?—подскакалъ онъ къ

хромому казаку, держа въ рукѣ замаранную, красную ленточку... За тѣмъ вонъ барханомъ мало-мальски стоялъ, лошадь дышать давалъ, песокъ мокрый и это вотъ лежалъ...

— Поясокъ Петинъ, — вздохнулъ казакъ; глаза у него вспыхнули, даже на щекахъ показался пятнистый румянецъ...

Пользуясь минутной остановкой, казачьи кони перевели духъ, нѣкоторые успѣли поваляться на пескѣ (привычка степныхъ лошадей), встряхнулись и погнали дальше.

Отсюда-то хромой казакъ послалъ джигита въ лагерь съ своею короткою, лаконическою запискою.

Направленіе, выбранное погонею, оказалось вѣрнымъ. Подошли къ тому мѣсту, о которомъ говорилъ Досщакъ... Да, такъ; это они останавливались... Слѣды были только трехъ лошадей; съ Атамкуломъ должно было быть пять человѣкъ, онъ шестой; два трупа осталось въ лагерѣ, конскій трупъ найденъ одинъ, значитъ—на трехъ лошадяхъ было четыре всадника, на одной изъ нихъ сидѣло двое... Свѣжихъ лошадей не было заготовлено, какъ предполагалъ урядникъ... Бѣглецы, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, не должны быть далеко,— кони ихъ утомились, особенно тотъ, что несъ на своей спинѣ двухъ... Кромѣ этихъ слѣдовъ, никакихъ другихъ не было; это доказывало отсутствіе по близости непріятельскихъ партій... Да если бы и встрѣтилась небольшая партія во сто, или нѣсколько болѣе, всадниковъ, то для хорошо вооруженной казачьей полусотни, она была не страшна... Оставалось не терять времени—его и не теряли.

Ободренные первою удачею, казаки съ новой энергіей продолжали преслѣдованье.

Вотъ еще что-то видиѣется впереди... Это лежитъ павшая лошадь... Ноги животнаго судорожно вытянуты, брюхо вздулось, какъ бочка, глаза на выкатѣ... Съ одной стороны навалило на трупъ цѣлый сугрубъ песку...

— Знать давно лежитъ она тутъ,—замѣтилъ одинъ изъ казаковъ, указывая на этотъ наносъ.

— Теплая еще...—освидѣтельствовалъ урядникъ.—Песокъ что! песку долго ли занести, коли вѣтеръ силенъ... Околѣла коняка може полчаса времени—не больше... Вотъ и ногу согнуть можно; не закостенѣла...

Опять виденъ слѣдъ... Теперь уже между отпечатками ко-

пытъ нашли и отпечатки босыхъ ногъ. Шагъ широкій, размашистый; пальцы глубоко уходятъ въ песокъ, пятки чуть къ нему прикасаются. Бѣжитъ разбойникъ за стремя держась, оттого и шагаетъ такъ широко... Теперь близко. Этакимъ манеромъ далеко не уйдутъ...

Лицо хромого казака сіяло надеждою, радостью... «Еще нѣсколько минутъ», думалъ онъ... «Вотъ, можетъ, за тѣми барханами»...

— Гей!—словно изъ одной груди вылетѣлъ общій крикъ—крикъ изумленія, восторга... Досщакъ-лауча взвизгнулъ, словно его въ бокъ кольнули...

Не болѣе, какъ въ ста шагахъ впереди ихъ, изъ лощины, вялою, утомленною рысью выѣхалъ всадникъ... Всѣ разомъ узнали эту широкую, сутуловатую спину... Всадникъ одною рукою обхватилъ что-то маленькое, завернутое въ халатную полу, въ этой же рукѣ были у него поводья; другая рука, вооруженная плетью, безпощадно била несчастную лошадь по головѣ, по крупу, подъ брюхо, по чемъ ни попало... За этимъ всадникомъ, цѣпляясь за песокъ руками, выбиралось изъ лощины двое пѣшихъ, въ однѣхъ рубахахъ... они озирались, какъ волки, и силились догнать передняго, чтобы снова уцѣпиться за стремена... Еще показался всадникъ, но у него лошадь уже шла шагомъ, качаясь подъ сѣдломъ, готовая уже пасть отъ изнеможенія.

Казаки гикнули и поддали въ карьеръ.

Но въ тоже мгновеніе другой гикъ, болѣе громкій, рѣзкій, оглушительный, пронесся по песчанымъ барханамъ, вылетѣлъ изъ каждой лощины.

Все кругомъ запестрѣло черными высокими шапками, грязно-красными халатами... Загудѣла степь отъ топота безчисленныхъ конскихъ ногъ...

Полусотня сбилась въ кучу... казаки инстинктивно послѣзали съ лошадей... Партія тюркменъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, сплошнымъ кольцомъ окружила полусотню и охватила уральцевъ, справа, слѣва, сзади и спереди.

— А! пэштрѣли-те въ бороду!—проворчалъ старикъ-урядникъ и закачался на сѣдлѣ...

— Убили, убили, братцы... — какъ снопъ повалился съ сѣдла еще одинъ изъ казаковъ.

— Держись плотнѣй!.. коней береги!.. не выпускай поводьевъ!—крикнулъ хромой казакъ.—Не робѣй!.. Отобьемся!..

Первые выстрѣлы не были слышны казакамъ.

XVIII. Выручка.

Изъ лагеря вышло «подкрѣпленіе».

Подкрѣпленіе это послано было на всякій случай; вышедшіе не знали еще, что этотъ случай уже представился. Верстъ за двѣнадцать, а можетъ быть и болѣе, какъ предполагали въ отрядѣ, могли уйти казаки, верстъ за пять уже могли бы быть слышны выстрѣлы, особенно при благопріятномъ вѣтрѣ; отрядъ прошелъ почти столько же, даже больше, ничего не слыхать, должно-быть все обстоитъ благополучно...

Такъ думали въ высланномъ отрядѣ, а потому шли ровно, не спѣша, сберегая силы людей и коней,—тѣмъ болѣе, что по сыпучему песку, да еще въ жаръ итти трудновато.

Впереди шла казачья сотня, за нею рота пѣхотинцевъ, послѣдніе поотстали значительно (пѣшій конному не товарищъ).

— Конечно,—говорилъ капитанъ Пуговицынъ (онъ велъ эту роту),—рекогносцировка не лишнее дѣло, отчего не пройтись, а все-таки вздоръ, прошляемся даромъ. Толкуютъ—провалъ ихъ побери!—«ночное нападеніе», демонстрація какая-то... партіи тамъ большія подходили... все чепуха!.. Всю суматоху Атамкулка натворилъ «со товарищи»... А ловкая же бестія этотъ иранецъ!

— Поплатился!..—замѣтилъ Кустиковъ.

— Поплатился... Ну, да это уже такъ, несчастная случайность, пуля въ догонку... Темно какъ у арапа въ желудкѣ... Хорошо, что еще своихъ не задѣла!

— Головинъ сейчасъ же погналъ слѣдомъ... можетъ быть догонятъ... поймаютъ Атамкула, выручатъ Петю... Ахъ, Господи, чего бы я не далъ, чтобы такъ случилось!

— Третное жалованье отдашь? — улыбнулся Пуговицынъ.

— Ну, полно, вы все шутите... А тутъ, ей Богу, не до того!.. А хорошо быть казакомъ, кавалеристомъ!..

— Что такъ?

— Я бы сейчасъ, вмѣстѣ съ Головинымъ, поскакалъ... О! я бы всѣ уголки обшарилъ... все бы осмотрѣлъ, догналъ

бы... А то вотъ тащись съ пѣшими, по двѣ версты въ часъ; а тамъ казаки все кончатъ безъ насъ...

— Небось, безъ насъ не обойдется...

— Тоска, скука!

— Да, братъ, терпѣніе требуется... Не отставать тамъ! Эй, четвертый взводъ, чего растянулись?.. Унтеръ-офицера чего смотрятъ!..—пріостановилъ капитанъ своего махнатаго конька и оглянулся назадъ, на хвостъ колонны.

Усталые солдаты стали подбѣгать и подравниваться къ шагу переднихъ.

— Эй, Прошка! неужели-жъ ты, косолапый чортъ, на ходу трубки набить не можешь?—гаркнулъ басомъ унтеръ Бубновъ.

— Табакъ просыпалъ, дяденька... я сейчасъ, однимъ духомъ!

— Не оттягивать!—прикрикнулъ отъ себя Кустиковъ.

— А хорошо бы, знаешь, братъ,—заговорилъ опять Пуговицынъ, немного спустя,—хорошо бы: Наталья Мартыновна, сидитъ тамъ убивается,—шутка ли горе какое, не всякая мать пережить въ состояніи,—потеряла уже всякую надежду; полное отчаяніе... Вдругъ, всадникъ на взмыленномъ конѣ подъѣзжаетъ къ палаткѣ, слѣзаетъ и подаетъ ей потерянаго сына. «Возьмите, вотъ онъ, онъ живъ, здоровъ»... Знаешь что?—хорошо-бы, еслибъ при этомъ легкая рана какая-нибудь, въ руку ли что-ли или въ плечо, чтобъ не опасно и не слишкомъ больно... крови пожалуй побольше,—это не мѣшаетъ для декораціи... А? хорошо бы?

И капитанъ нагнулся къ лошади и потрепалъ по плечу молодого офицера, шутливо посмѣиваясь сквозь густые клубы табачнаго дыма дешевой сигары.

— Шутите вы все... а мнѣ такъ горько, такъ грустно, какъ только вспомню...

— Грустно!.. А мнѣ, думаешь, весело! Только вотъ, сколько васъ тамъ около нея ни было, всѣ вы чуть не расхныкались, рожи повытянули, а отъ того ей не легче... Знаю я эту барыню, давно знаю, она умѣетъ горе переносить, она въ этомъ опытна... Она васъ всѣхъ покрѣпче... Сразу-то ее точно громомъ хватило, а вотъ погодите, оправится—она сама лучше васъ найдетъ, что дѣлать надо, какъ поступить... Она въ утѣ-

шеніяхъ да въ слезахъ сочувственныхъ не нуждается, и ваши рожи ей будутъ вовсе некстати...

Пуговицынъ замолчалъ и, усиленно пыхнувъ нѣсколько разъ своею сигарою, швырнулъ окурокъ на песокъ...

— Что-то пріостановились наши казаки, тише пошли! мы догонять начинаемъ,—проворчалъ онъ, прищурясь изъ-подъ длиннаго козырька своей шапки.—Да-съ, дѣло дрянь, Атамкулку не догонятъ, не для того онъ ушелъ, чтобы опять попасться... знаю я этого волка, не найдете вы и мальчишку нашего; хорошо еще, что мать выручили!..

— Нѣтъ надежды?—не то спросилъ, не то машинально произнесъ Кустиковъ.

— Я не говорю... мало ли чего не бываетъ!—пожалъ плечами Пуговицынъ.—Гляди, сюда скачутъ никакъ?..

— Сюда... двое... что случилось?.. Вы слышите?

На лицѣ молодого офицера промелькнуло тревожное выраженіе... Солдаты поддали шагу; они почти бѣжали... Они забыли усталость, они забыли, что ноги ихъ по щиколотку уходятъ въ песокъ... Вся рота теперь уже положительно шла бѣгомъ; многіе на бѣгу осматривали замки своихъ ружей...

— Выстрѣлы! произнесъ Пуговицынъ.

— Палятъ, братцы, палятъ,—казаки спѣшиваются, что такое! гляди—и наши казаки палить начали...

— Замашка такая! легче однако, братцы, гляди, загорстишься—съ ногъ свалитъ...

— Наддай, наддай... Эва какъ пальнулъ!..

— Полконетъ *), надо полагать...

Перебрасывались солдаты замѣчаніями, задыхаясь отъ бѣга, прихватывая свободными руками свои мѣшки и патронныя сумочки...

Кустиковъ вытянулъ плетью свою лошадку и понесся впередъ, безпощадно колотя животное и каблуками, и нагайкою... Онъ уже ничего не видѣлъ, не слышалъ, кромѣ отдаленныхъ звуковъ, выстрѣловъ, кромѣ этой сотни казаковъ изъ отряда, остановившейся какъ разъ на гребнѣ песчанаго наноса... Эти казаки то слѣзали съ сѣделъ, то снова садились, подвинулись немного вправо, потомъ назадъ отошли, опять впередъ на гре-

*) Фальконетъ—большое ружье на подставкахъ, туземное оружіе.

бень выдвинулись... Они, видимо, были въ нерѣшительности и поджидали пѣхоту, постоянный оплотъ казаковъ, когда дѣло имъ кажется не по силамъ...

А этотъ оплотъ, горсть бѣлыхъ рубахъ, маленькая кучка человѣкъ въ семьдесятъ, подходила быстро,—и въ этомъ подходѣ, въ противуположность казакамъ, не было ничего похожаго на сомнѣніе, на нерѣшительность.

«Бѣлыя рубахи» знали куда идутъ и что будутъ дѣлать...

— Не пори горячки!.. легче! поспѣемъ... небось не уйдутъ! слышался спокойный басъ капитана Пуговицына.

Онъ только-что закурилъ новую сигару, тщательно откусивъ, за неимѣніемъ ножа, ея кончикъ.

Вышли на гребень «бѣлыя рубахи»; теперь все видно.

Всѣ барханы впереди усѣяны всадниками, — халаты на всадникахъ темно-красные, всѣ какъ одинъ, шапки черныя... То они съѣзжаются въ кучи,—то опять разбѣгаются въ разсыпную; гарцуютъ, горячатъ своихъ долгоногихъ коней, покрытыхъ попонами... Вонъ съѣхалась кучка побольше... два значка треугольные надъ нею виднѣются...

Всадники выносятся впередъ, на полномъ скаку осаживаютъ коней, и назадъ несутся еще скорѣе... Каждый разъ, когда остановится всадникъ,—вспыхиваетъ бѣлый клубочекъ дыма—и слышенъ короткій, обрывистый звукъ выстрѣла... Тамъ и сямъ, безпрестанно вспыхиваютъ такіе клубочки, летятъ по вѣтру, разносятся, сливаются въ длинныя полосы,—и стелятся эти полосы надъ песчаными холмами, поднимаясь все выше и выше...

Все въ одну и ту же сторону выскакиваютъ джигиты... Они бьются съ кѣмъ-то, а съ кѣмъ—не видно; должно-быть за тѣмъ вонъ холмомъ скрытъ невидимый врагъ...

— Тамъ Головинъ съ своею полусотнею, говоритъ казачій офицеръ,—это на него такъ насѣдаютъ...

— «Вдарить» бы намъ отселева разомъ!..

— Опасно! Вишь ихъ вѣдь сколько... Какъ бы чего... Подождемъ пѣхоту...

— Тоже поди-сунься,—расчешутъ... Нешто пальнуть!..

— Не замай... погоди...

Переговариваются казаки и нерѣшительно толкутся на мѣстѣ. Подошла рота; ободрились, на коней сѣли. Сотникъ поѣхалъ къ Пуговицыну...

— Здравствуйте, капитанъ!

Командиръ сотни приложилъ всю пятерню къ козырьку своей шапки и не безъ ловкости перегнулся на сѣдлѣ; вышло что-то въ родѣ поклона.

— Непріятель въ весьма громадномъ количествѣ,—продолжалъ онъ,—видимо-невидимо! при семъ неравенствѣ силъ, соблюдая, примѣрно, осторожность въ наступленіи и все прочее...

— Горнистъ, дуй наступленіе!—произнесъ Пуговицынъ, не обращая вниманія на краснорѣчіе казачьяго офицера.

Дунулъ горнистъ въ свой рожокъ,—ничего не выходитъ, засорило; продулъ малость, откашлялся... завылъ сигнальный рожокъ, подвторилъ ему барабанъ, началась атака...

Нѣсколько паръ стрѣлковъ выбѣжали впередъ. Странно было смотрѣть на эту горсть пѣшихъ людей, такъ самоувѣренно идущихъ противъ непріятеля, разъ въ десять превышавшаго ея силы.

Сплотившись въ небольшую колонну, подъ звуки какой-то ерунды, выбиваемой двумя барабанами и надтреснутымъ рожкомъ,—шли впередъ «бѣлыя рубахи».

— Огонь! — проговорилъ Пуговицынъ, не выпуская сигары...

Нѣсколько солдатъ изъ цѣпи пріостановились, одинъ на землю даже присѣлъ... приложились... Гулко пронесся первый выстрѣлъ «берданки», за нимъ второй... Уныло провизжали въ воздухѣ пули.

Тронулась и сотня, шагомъ впередъ, не обгоняя, впрочемъ, пѣхоту...

— Какъ скомандую—такъ сразу чтобъ въ карьеръ—одначе съ оглядкою—прислушивайся, — какъ скомандую «стой, къ пѣшей оборонѣ!» — такъ чтобы сразу тоже...—дѣлалъ наставленіе сотенный командиръ, рисуясь передъ своимъ фронтомъ.

— Сопрѣлъ, братъ, страсть, столько-то бѣжамши; рубаху теперь хоть выжми,—сообщалъ шепотомъ пѣхотинецъ своему товарищу...

Маленькій отрядъ все подавался впередъ и впередъ, безостановочно, неуклонно, неотразимо, прямо — въ центръ раскинувшагося по барханамъ непріятеля,—прямо туда, гдѣ гуще были толпы, гдѣ колыхались два треугольные значка... За этимъ центромъ какъ разъ приходился тотъ барханъ, охва-

ченный тюркменами, на которомъ сосредоточены были до сихъ поръ всѣ ихъ выстрѣлы, все ихъ вниманіе.

А изъ-за этого бархана выдвигалась уже небольшая кучка людей; они вели въ поводу своихъ коней, по три и по четыре на человѣка, — а прочіе, окруживъ коноводовъ жиденькою цѣпью, отстрѣливались изъ своихъ маленькихъ винтовокъ.

Хромой казакъ услышалъ выстрѣлы подмоги и рѣшился вывесть свою полусотню изъ занятой ею позиціи.

При звукѣ первыхъ выстрѣловъ пѣхоты, тюркмены заволновались и разомкнули свое живое кольцо... Изрѣдка только долетали со свистомъ ихъ маленькія пульки и глухо шлепались о песокъ, невдалекѣ отъ колонны... Нѣсколько подстрѣленныхъ лошадей валялись тамъ и сямъ, нѣкоторыя изъ нихъ пытались встать на ноги, приподнимались и снова падали; нѣсколько человѣческихъ труповъ, — то ничкомъ, то крестообразно навзничь, краснѣлись на желтомъ фонѣ песка, къ этимъ тѣламъ подскакивали наѣздники, нагибались, не слѣзая съ сѣделъ, втаскивали ихъ на крупъ коней—и рысцею догоняли отступающихъ товарищей... Свободныя отъ всадниковъ лошади носились по барханамъ, съ растрепанными сѣдельными вьюками, и звонко ржали; за ними гонялись, ловили ихъ за поводья, или-же просто гнали вслѣдъ за прочими.

— Эхъ, кабы словить аргамачковъ пары двѣ!—завистливо поглядывали казаки и не рѣшались отдѣлиться отъ фронта для этой ловли.

И гдѣ же было казаку, на его миленькомъ мошгачкѣ, рискнуть конь на конь сцѣпиться съ джигитомъ-тюркменомъ, подъ которымъ горячій, выдресированный на диво—аргамакъ, прыгающій черезъ двухсаженныя канавы, черезъ стѣнки въ ростъ человѣка,—прыгающій такъ свободно, какъ будто этихъ препятствій и не существуетъ.

— Въ кучѣ-то ничего, отсидѣться можно, а врозсыпь—оборони Господь!—разнесутъ, собаки, «поштрѣли ихъ въ пузо!»—разсуждаетъ, и совершенно справедливо, осторожное казачье войско.

— Потрепали!! — подъѣхалъ Пуговицынъ къ хромому казаку и протянулъ ему руку.

— Да, братъ, спасибо—выручилъ... Бѣда какъ сгиснули! патроны разстрѣляли,—думали—конецъ пришелъ, — говорилъ казакъ...

— Много потери?

— Шесть—и съ десятокъ коней:—которыхъ побили—которые повырвались... А вѣдь я «его» нагналъ «проклятаго»; вѣдь я чуть не въ рукахъ держалъ его... Петю было выручилъ... Эхъ, судьба-судьба!

И Головинъ отвернулся и вытеръ глаза рукавомъ кителя...

— Теперь уже пиши пропало!—грустно добавилъ онъ.— Ну, а что тамъ, какъ?..

— Пріѣдешь, увидишь,—угрюмо произнесъ Пуговицынъ.

— Въ какомъ порядкѣ отступленіе полагается? Будетъ отъ васъ, капитанъ, ордеръ на сей предметъ?..

— Лошадей давайте подъ тѣла и раненыхъ—какого еще вамъ ордера!—досадливо проворчалъ капитанъ и скомандовалъ своимъ:

— Съ Богомъ, братцы!

Небольшой отрядъ сталъ отступать по направленію къ лагерю. Тюркмены не преслѣдовали. Они видѣли «бѣлыхъ рубахъ». Они знали уже ихъ, и только издали рѣшились задѣвать, посылая на вѣтеръ свои шальныя пульки.

XIX. Ожиданіе.

Тотчасъ-же, какъ была получена въ лагерѣ лаконическая записка Головина,—ее, первымъ дѣломъ, показали Наташѣ.

— Онъ найденъ, спасенъ... его отняли?!—проговорила она, задыхаясь.—Да говорите-же, говорите...

Нервная дрожь охватила ее всю, щеки вспыхнули, глаза загорѣлись живымъ блескомъ... Она вся словно преобразилась и бросилась къ выходу палатки.

— Да куда-жъ вы, Наталья Мартыновна? куда, матушка?..—остановилъ ее докторъ.—Да вы постойте, чего вы...

— Я сама поѣду. Лошадь мою, ради Бога, лошадь... Дементій, сѣдлай... скорѣе, скорѣе!..

Наташа заметалась по палаткѣ... Она чего-то искала; она совершенно растерялась — и только машинально повторяла:— «лошадь, скорѣй, скорѣе!..» Она говорила это все тише и тише, наконецъ, почти шепотомъ... пошатнулась—докторъ поддержалъ ее и подвелъ къ постели.

Наталья Мартыновна опять стала приходить въ безпамятство: сильное нервное потрясеніе, произведенное запискою,

вызвало этотъ энергичный порывъ,—за этимъ порывомъ наступило полное ослабленіе всего организма.

— Ну, вотъ видите, хорошо... — говорилъ докторъ. — А еще сами скакать собирались... сѣдлать велѣли Дементію,—а Дементій вашъ...

Докторъ не договорилъ, сообразивъ, что разсказывать ей о бѣдномъ старикѣ въ данную минуту совсѣмъ будетъ неумѣстно.

— Головинъ пока на слѣдъ напалъ только,—продолжалъ онъ. — Вотъ и слава Богу! Онъ навѣрное догонитъ ихъ теперь — и все будетъ благополучно... Къ ночи, вѣрно, назадъ вернутся, привезутъ вамъ Петю... А ужъ какъ теперь сторожить мы васъ будемъ—право! изъ офицеровъ караулъ къ вашей палаточкѣ назначимъ, всю окружимъ... А вы, голубушка наша, успокойтесь, лежите смирно; вотъ я вамъ опять примочу головку уксусомъ, это хорошо! Вотъ такъ... Карпушка, что, готово вамъ у тебя?.. давай, коли готово!..

— Сей минутъ, ваше высокоблагородіе, сичасъ поспѣетъ, — отозвался изъ-за палатки Карпушка, тотъ самый солдатикъ, что надорвался у колодца, замѣнившій пока старика Дементія...

— Горяченькаго чайку съ краснымъ виномъ выпейте... Вотъ я самъ напою васъ... вотъ хорошо, вотъ прекрасно!.. Эге, что это? опять глазки мокрые, — стыдно!.. Ну-ка я ихъ оботру...

Докторъ вытащилъ изъ своего кармана платокъ грязный, порванный, взглянулъ на него и опять въ карманъ спряталъ— не годится значитъ... Схватился за полу своего кителя — еще того хуже вышло.

— Э-эхъ! — крякнулъ онъ и началъ осматриваться.—Ну вотъ, вотъ (онъ нашелъ полотенце, относительно чистое), вотъ хорошо. Ну и надѣлали же вы, родная, всему-то лагерю горя. Всѣ справляться ходятъ, солдатики пріуныли совсѣмъ, озлились страсть какъ. Вотъ бы ихъ теперь въ дѣло пустить!.. отъ генерала шестой разъ присылаютъ справиться; — самъ пріѣзжалъ два раза... У «Горластаго», проходилъ мимо, въ карты даже не дуются... Такой переворотъ... Тише, тише, братъ, легонько!—проговорилъ докторъ, уже шепотомъ, Карпову, вошедшему съ подносикомъ, на которомъ стояли малень-

кій мѣдный чайникъ и стаканъ въ серебряной кружкѣ.—Тс!.. не разбуди... Боже тебя сохрани!.. Выйди, братецъ, и кругомъ тамъ скажи, чтобы тихо, ни-гу-гу... такъ и скажи— започивала...

И докторъ неловко поднялся съ кровати,—на цыпочкахъ отошелъ въ уголъ палатки, осторожно опустился на складной стулъ, покосился еще разъ на больную — и тихонько, чтобъ не шевелить бумагою, вытащилъ изъ кармана и развернулъ затасканный, скомканный листъ — новый нумеръ «Русскаго Инвалида», вышедшій всего только семь съ половиною мѣсяцевъ тому назадъ.

Весь лагерь, съ самымъ жгучимъ нетерпѣніемъ, ожидалъ возвращенія Головина и его полусотни.

На всѣхъ барханахъ, въ вершины которыхъ можно было видѣть подальше, толпился народъ, пѣшій и конный — и всѣ не спускали глазъ съ той стороны, откуда должны были вернуться казаки.

Солнце жгло невыносимо, на него не обращали вниманія и не прятались въ тѣнь палатокъ... На башенкѣ, которую возвели уже до верха, на стѣнкахъ новаго укрѣпленія, всюду виднѣлись бѣлыя рубахи солдатъ и кителя офицеровъ... Поминутно къ этимъ группамъ подходили все новые и новые наблюдатели.

— Ну что, не видать еще? — спрашивали они, щурились и прикрывали отъ солнца глаза рукою, приглядываясь къ холмистому горизонту.

— Не видно что-то...

— Отошли знать далеко.

— Пымаютъ, аль не пымаютъ?

— Ахъ ты, Владычица небесная! Вотъ бы важно...

— Коли ежели пымаютъ, чай, молебенъ служить будутъ!

— А «сама» то что, какъ? не видали, братцы?

— Гляди, гляди—пыль никакъ!.. эвося, видишь?

— Капитанъ, одолжите на минуту вашего бинокля... я только взгляну; на одну секундочку.

— Идутъ!..

— Нѣтъ, это такъ, вѣтеръ носитъ песокъ... Вишь, вонъ, поулеглось—и опять ничего не видно.

— Раньше ночи не вернутся,—это вѣрно...

Носился смутный говоръ по барханамъ урочища Хала-Атъ, по гребнямъ вновь-возведеннаго Георгіевскаго укрѣпленія.

Цѣлый день прошелъ въ этомъ томительномъ нетерпѣливомъ ожиданіи. Солнце стало опять какъ-то подозрительно закатываться; опять подулъ вѣтеръ и затуманилъ горизонтъ облаками пыли... Темнѣть начало; не возвращается что-то Головинъ съ своею полусотнею. Отъ Пуговицына тоже нѣтъ извѣстій...

«Далеко же зашли, однако!» думаютъ въ лагерѣ.

Всѣми начало одолѣвать безпокойство: «ужъ не случилось ли чего-нибудь съ ними въ самомъ дѣлѣ»?..

Заискрились огоньки въ темнотѣ; конское ржанье чуть-чуть донеслось по вѣтру — ему отвѣтили въ лагерныхъ коновязяхъ... Только что за диво!.. видимое дѣло наши возвращаются, наконецъ; только что же пѣсенъ не слышно? не въ обычаѣ туркестанцевъ возвращаться домой безъ пѣсенъ съ барабаннымъ подбоемъ и бубнами...

«Видно, плохо дѣло, не до пѣсенъ»... опять думаютъ въ лагерѣ. Пріуныли всѣ, голоса смолкли, ждутъ, къ темнотѣ приглядываются.

А оттуда, между барханами, движутся темныя массы, одна пониже—пѣхота, другая повыше—кавалерія... Отдѣльныя точки отходятъ отъ этихъ массъ, быстрѣе приближаются къ лагерю. Въ передовой цѣпи окликъ слышится... Все такъ и ринулось изъ лагеря навстрѣчу.

Вернулся капитанъ Пуговицынъ со своею ротою; вернулись казаки, что съ нимъ ходили; вернулся и Головинъ съ полусотнею, и прямо поѣхалъ къ генеральской ставкѣ.

XX. Корреспондентъ New-York's Herald.

Одиноко, уныло, непривѣтливо торчали круглыя башенки вновь построеннаго форта. Окруженное барханами мертваго сыпучаго песку, Хала-атъ казалось какимъ-то забытымъ могильнымъ памятникомъ.

Горсть людей, оставленная въ этомъ фортѣ, уныло смотрѣла на степь съ высоты стѣнокъ, въ ту безконечную даль, гдѣ скрылись уже послѣдніе остатки хвоста ушедшей колонны.

Тихо, печально было въ укрѣпленіи; ни пѣсенъ, ни говора... лица у всѣхъ были пасмурныя, грустныя... Самая злая тоска, самая жгучая досада и жалоба на слѣпой жребій — такъ и сквозили въ выраженіяхъ этихъ смуглыхъ, загорѣлыхъ физіономій, на которыхъ не отражались до сихъ поръ никакія чисто-физическія лишенія, но за то съ большей силою отразилось лишеніе нравственное — «оставаться», когда другіе «ушли».

А куда ушли тѣ? очень можетъ быть, что въ тѣхъ самыхъ пескахъ, что тянутся на юго-западъ,—въ этомъ страшномъ урочищѣ, заклейменномъ грознымъ именемъ Адамъ-Крылганъ, всѣ ушедшіе найдутъ себѣ могилу; можетъ быть цѣлый рядъ мучительнѣйшихъ лишеній и страданій будетъ предшествовать этой могилѣ...

Все можетъ быть.

Однако тѣ, что ушли—были веселы, бодры, отважно глядѣли впередъ; кипучая жизнь и энергія сверкала у нихъ въ глазахъ...

Тѣ, что остались, — считали себя точно заживо погребенными.

Слѣды громаднаго лагеря, еще не занесенные пескомъ, еще болѣе усиливали эту тоску одиночества...

Вонъ—виднѣются утоптанные четвероугольники, гдѣ стояли палатки; вонъ, длинною полосою видны остатки корма, смѣшанные въ навозомъ,—это бывшія коновязи... Вонъ колеесныя борозды,—тамъ прошли орудія... Въ лощинахъ чернѣютъ обвалившіяся, закопченыя печи, гдѣ варилась неприхотливая солдатская пища... Клочья войлоковъ и соломенныхъ рогожъ, обрывки веревокъ, лоскутки бумаги и цвѣтныхъ тряпокъ—пестрили песокъ... Словно алмазы сверкали на солнцѣ осколки битой посуды... Два-три туземца-оборвыша, словно шакалы, бродили по всему этому пространству, нагибались, — подбирали то, что имъ было нужно, оглядывались на фортъ, словно воры, и снова принимались за поиски...

Десятка два верблюдовъ, оставленныхъ за слабостью, виднѣлись на барханахъ, гдѣ они тщетно отыскивали себѣ на прокормъ — хотя какую-нибудь сухую былинку... Все давно было вытравлено въ окрестностяхъ форта и искать-то нечего; подальше отойти-бы, да страшно: — стаи волковъ, такихъ-же

голодныхъ, остервенѣлыхъ, бродятъ тамъ, привлеченные запахомъ отъ разлагающихся труповъ, верблюжьихъ и конскихъ, валяющихся за барханами... А этихъ жертвъ голода и чрезмѣрныхъ усилій набралось не мало — и окружили они фортъ «Хала-ата» своею зловонною, заражающей воздухъ цѣпью...

Вотъ уже третій день, какъ ушли бѣлыя рубахи, третій день, какъ улеглись столбы пыли, долго виднѣвшіеся на горизонтѣ... Вѣстей нѣтъ,—ни оттуда, ни отсюда... скука,—тоска!

А дни-то тянутся какіе длинные — изъ одного, пожалуй, цѣлую недѣлю выкроить можно!

Кончится день—темнота охватитъ окрестность, загорятся огни въ фортѣ: спать бы теперь, коротать во снѣ тихоползущее время, — а сна нѣтъ... тоска гложетъ сердце и гонитъ этотъ спасительный сонъ прочь; и также какъ и днемъ—бродятъ по стѣнкамъ молчаливыя тѣни...

Мяса нѣтъ; давно уже послѣднее вышло... сухарей довольно-бы, да больно они выглядываютъ неаппетитно... Да все бы это еще полгоря, все бы «наплевать», еслибъ только скорѣе прислали спасительную смѣну, скорѣе бы услышать приказъ—благовѣсть: «Выступать вслѣдъ за отрядомъ».

— Эка темь! — произнесъ часовой, сойдясь носъ съ носомъ съ товарищемъ своимъ, другимъ часовымъ, какъ разъ на углу, у орудія.

— Темь!—согласился товарищъ.

Оба повернулись спинами другъ къ другу и опять разошлись по стѣнкамъ...

— Чу-кось! братъ, слышишь?—снова при встрѣчѣ, произнесъ первый.

— Поглядывай!..—произнесъ второй.

Теперь они уже не расходились, а остановились на мѣстѣ, замолчали и стали прислушиваться; одинъ даже присѣлъ, чтобы на свѣтъ виднѣе было.

— Топочетъ,—тихо шепнулъ одинъ.

— Три коня бѣгутъ — сюда подходятъ... Кто бы это?.. Вишь ты съ какой стороны подъѣзжаютъ...

— Бродяги, чай...

Нѣтъ, прямо на фортъ прутъ: надо быть почта, аль курьеръ какой...

— Гляди!

Невдалекѣ обрисовались три темные силуэта: два повыше, одинъ ниже;—два повыше—это были всадники; пониже—лошадь, навьюченная чѣмъ-то. За плечами у всадниковъ торчали концы карабиновъ.

Костюма въ темнотѣ разсмотрѣть не было никакой возможности.

— Кто идетъ? — раздался громкій окликъ съ верхушки сторожевой башенки.

— Кто идетъ?—послышалось со стѣнъ.

На стѣнахъ, кромѣ часовыхъ, появились силуэты любопытныхъ, поднятыхъ на ноги этими окликами.

Всадники остановились шагахъ въ двадцати.

Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, другой оставался на сѣдлѣ.

— Ми свой... наши; ми—хорошій человѣкъ... тохта! (постой), ни стрѣляй пожалуста...—торопливо заговорилъ слѣзшій съ лошади.

— Nous sommes vos amis... Eh bien! Ou est monsieur le chef du camp?.. —произнесъ громко и отчетливо сидящій на конѣ.—Шарипъ,—обратился онъ къ своему спутнику, уже по-русски,—огонь, чай... бутылка и коверъ...

Отдавъ эти приказанія, всадникъ неторопливо слѣзъ съ лошади, порасправилъ ноги, присѣлъ на песокъ и аккуратно, не спѣша, размѣривая всякое движеніе, вытащилъ изъ сумки сигару и ножичекъ, обрѣзалъ кончикъ, зажегъ спичку, ярко вспыхнувшую во мракѣ и на мгновеніе освѣтившую конецъ носа, рыжеватые усы и короткую подстриженную прямоугольникомъ бороду, и принялся курить, распространяя въ ночномъ воздухѣ ароматическій запахъ дорогой гаванны.

— Что за шута такого принесло, диковинка!—озадачились было солдаты.—Что это онъ пробормоталъ такое, по-нѣмецкому знать!..

— Ты Васька не понялъ?

— Ну-те къ лѣшему!.. Шелдыханъ-балдаганъ, поди самъ разбери!..—покачалъ головою Васька.—Одначе, ребята, подь кто доложь полковнику, въ самъ дѣлѣ...

Но докладывать не было никакой надобности: нѣсколько офицеровъ подходили уже къ толпѣ, собравшейся около пріѣзжихъ.

— Что тамъ такое?—раздался голосъ полковника. Солдаты разступились и почтительно дали дорогу.

Черезъ полчаса, въ одной изъ офицерскихъ палатокъ, попросторнѣе прочихъ, — при яркомъ освѣщеніи костра, разложеннаго у входа,—пріѣзжій сидѣлъ уже на коврѣ, съ стакаиомъ чая въ рукахъ, разсказывая о своихъ похожденіяхъ, смѣясь и весело болтая съ собравшимся вокругъ него офицерствомъ.

Разговоръ шелъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. По-русски-же пріѣзжій зналъ только тѣ слова, которыя произнесъ, отдавая приказаніе своему слугѣ—джигиту—киргизу изъ «Перовска»; кромѣ этого онъ зналъ еще: «сколько верста, кушать, буди-рано» — и только недавно обогатилъ свои познанія русскаго языка словомъ «ухъ, жарко!..» Далѣе этихъ словъ познанія его не простирались.

Одѣтъ онъ былъ весь въ свѣтло-сѣромъ; фуражка у него была американскаго покроя съ широкимъ назатыльникомъ,— высокіе сапоги съ толстыми подошвами, стянутые ремнями выше колѣна, дополняли его костюмъ; за плечами—на перевязи—висѣлъ короткій карабинъ, стрѣляющій чуть не сорокъ разъ въ минуту, пара револьверовъ у пояса, сумочка черезъ другое плечо, футляръ съ бинокломъ и записная книжка, тоже на ремешкѣ и въ футлярѣ.

Его приземистая, широкоплечая фигура показывала необыкновенную ловкость, выносливость и силу; умные темносѣрые глаза смотрѣли покойно и весело, стрижка усовъ и бороды обличали въ немъ кровнаго янки.

— Мистеръ Генри Блэкъ... корреспондентъ New York's Herald...—отрекомендовался онъ на вопросъ полковника, начальника хала-атинскаго форта...

Онъ разсказывалъ, какъ онъ одинъ съ своимъ киргизомъ, проѣхалъ болѣе тысячи верстъ степью, руководясь только картою и компасомъ, не довѣряясь особенно знанію дороги своего проводника; какъ онъ прибылъ, наконецъ, на Хала-ата, разсчитывая здѣсь найти всѣ русскія войска и ихъ начальника;

что онъ очень жалѣетъ, что отрядъ этотъ уже ушелъ, но это не бѣда; онъ увѣренъ, что скоро нагонитъ его на пути— и завтра же чуть свѣтъ выѣдетъ въ дорогу, опять тѣмъ же способомъ, какъ и сюда пріѣхалъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, отсюда-то мы тебя не выпустимъ,— какъ бы про себя, однако вслухъ, произнесъ полковникъ по-русски.—Кто его знаетъ—что за гусь, еще отвѣчать за тебя прійдется...

— A la votre!..—пріятно улыбнулся полковнику м-ръ Генри Блэкъ, словно въ отвѣтъ на его замѣчаніе... и залпомъ выпилъ рому изъ походнаго серебрянаго стаканчика...

Сообщили пріѣзжему—насколько только можно было смягчить и усладить—рѣшеніе начальника форта задержать корреспондента New York's Herald въ фортѣ, пока не напишутъ въ отрядъ къ главнокомандующему и не получатъ отъ него отвѣта, сообразно съ которымъ и поступятъ; а пока, молъ, просятъ уважаемаго гостя принять радушное гостепріимство въ укрѣпленіи, предлагая къ его услугамъ все, что имѣютъ сами—относительно комфорта и прочаго...

М-ръ Генри Блэкъ слегка озадачился, выслушавъ это заявленіе, сначала было немного нахмурился, но скоро оправился, развеселился попрежнему и пошелъ разсказывать различные эпизоды изъ своего труднаго и обильнаго приключеніями путешествія...

Время было однако спать—американецъ наотрѣзъ отказался отъ палатки и складной кровати, говоря, что привыкъ уже къ своему ковру; переговорилъ съ своимъ джигитомъ, легъ въ растяжку, закурилъ на сонъ грядущій сигару, отмѣтилъ, что слѣдуетъ въ записной книжкѣ,—и крѣпко заснулъ, оглашая тишину ночи здоровымъ, басовымъ храпомъ.

Къ утру корреспондента New York's Herald въ укрѣпленіи не оказалось. Онъ уѣхалъ еще за часъ до разсвѣта, въ ту сторону, куда ушелъ отрядъ, оставивъ начальнику форта короткую, но весьма любезную записку, гдѣ говорилъ, что очень благодаритъ за вниманіе и гостепріимство, оказанное ему въ фортѣ и надѣется, если не скоро, то навѣрное въ Хивѣ увидѣться снова съ своими хала-атинскими друзьями.

— Да это просто дьяволъ!—рѣшилъ полковникъ, прочитавъ записку...

— А молодецъ!..—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ...

— Свободенъ какъ птица — счастливецъ! — вздохнулъ другой.

— Вотъ перехватятъ его въ дорогѣ, да на колъ посадятъ, а то пожалуй еще чего бы хуже не было!.. — мрачно замѣтилъ третій.

Но полковникъ возразилъ на это, что хуже того, какъ посадить на колъ—уже не можетъ быть положенія.

Такъ и согласились всѣ на этомъ, поговорили еще немного и предались своимъ обыденнымъ занятіямъ: скучать, хандрить, поглядывать вдаль и поджидать спасительной смѣны.

XXI. „Бѣлая рубаха".

Вотъ ужъ не одинъ день какъ идутъ «бѣлыя рубахи» сыпучими песками.

Впередъ идетъ авангардъ: казаки и пѣхоты немного... Идутъ они бодро, особой устали почти незамѣтно... Только ближе присмотрѣться надо къ этимъ исхудалымъ лицамъ, къ этимъ конямъ, у которыхъ давно уже сквозятъ ребра и бока подвело отъ недостатка питья и корма... За авангардомъ тянутся остальныя массы... Пыль тучами носится надъ ними.

Неслышно ни конскаго топота, ни пѣшаго шага, ни колеснаго грохота орудій: мягкій песокъ заглушаетъ эти звуки, и только тяжелое дыханье да усталый храпъ измученныхъ лошадей слышится въ этихъ пыльныхъ тучахъ.

Росту солдатъ небольшого, сложенъ кремнемъ, идетъ твердо, хотя подъ ногами и мягко, спину согнулъ немного, вѣдь на этой спинѣ и мѣшокъ съ пожитками, и сухари на трое сутокъ, и сапоги запасные, и шинель свернутая, всего безъ малаго полтора пуда, да еще у пояса сумки съ патронами, берданка въ рукахъ... А палатки переносныя, а бутылки съ водою, зашитыя въ кошму?.. Все ничего! спина уже привыкла давно къ этому вьюку, словно верблюдъ къ своему сѣдлу... Сколько уже тысячъ верстъ отмѣрили «бѣлыя рубахи» подъ этимъ вьюкомъ—и не считаютъ они уже этихъ верстъ; сколько сзади осталось, сколько еще предстоитъ впереди...

Ночь не доспитъ—ничего, ѣсть почти нечего—не бѣда, питья нѣту—это скверно, однако обойдутся...

Выбьется изъ силъ солдатъ—умретъ безъ ропота; похоронятъ его другіе, дальше пойдутъ... И ни изъ одной груди не вырвется упрека, не вырвется раскаянія, не прозвучитъ тоскливая жалоба...

Вотъ казачья сила—та другое дѣло: ее къ своему очагу да семьѣ, къ станицѣ такъ и тянетъ.

Скажи казаку:—а домой хочешь?.. чѣмъ тебѣ въ походъ итти, оставайся, братъ, дома...

Такъ и просіяетъ казакъ, такъ и расползется по его лицу широкая улыбка... Заторопится сборами такъ, что горитъ все у него въ рукахъ...

Скажи это «бѣлой рубахѣ», скажи ей: «Тебѣ оставаться»,—бродитъ бѣдный солдатъ послѣ такого приговора, какъ въ воду опущенный: не ѣстъ, не пьетъ, тоскуетъ и съ самою жгучею завистью поглядываетъ на тѣхъ счастливцевъ, что въ далекій походъ собираются...

Такова-то «бѣлая рубаха»!

XXII. Слѣды.

Небольшая степная шайка, въ двадцать коней и десять всадниковъ, такъ какъ каждый былъ о дву-конь, прорвалась между фортомъ Хала-ата и русскими войсками и шла теперь по ихъ слѣду.

Это не были опасные соперники,—это были просто волки, трусливые, готовые уступать тотчасъ же свою дорогу передъ малѣйшею для нихъ опасностью.

Они шли по слѣдамъ, разсчитывая, что на ихъ долю выпадетъ какая-нибудь случайная добыча: верблюдъ-ли пристанетъ, или упадетъ отъ изнеможенія, вьюкъ-ли какой-нибудь бросятъ, потеряютъ-ли что нибудь, а можетъ и зазѣвается отсталый человѣкъ и дастъ накинуть себѣ на шею веревочную петлю аркана.

Шайка шла вразбродъ, рысцею, не спѣша очень, чтобы не догнать колонны, однако и не медля, чтобы ее сзади самое не догнали...

Разбойники зорко глядѣли впередъ, глядѣли по сторонамъ, а чаще всего назадъ оглядывались.

Широкою полосою видѣлись передъ ними слѣды прошедшихъ войскъ... Степные вѣтры не задули, не закрыли пескомъ

эти страшные слѣды; а передъ глазами барантачей развертывалась ужасающая картина человѣческихъ страданій и выносливости.

Темными, зловонными массами виднѣлись на красноватомъ пескѣ трупы павшихъ верблюдовъ... Тамъ и сямъ виднѣлись и конскія тѣла... Попадались лошади, которыя еще держались на ногахъ, но уже стояли совершенно неподвижно, готовыя съ минуты на минуту рухнуть на горячій песокъ съ тѣмъ чтобы уже больше никогда не подниматься... Глаза такого несчастнаго животнаго потеряли уже свой живой блескъ, они глядѣли мутно, куда-то въ пространство. Лошади эти даже головы не поворачивали, ухомъ не шевелили, когда подъѣзжалъ къ нимъ барантачъ, разсчитывая поживиться брошеннымъ... И часто одно первое понуканіе разбойника вело за собою паденіе животнаго на землю...

Попадались разбойникамъ и слѣды какихъ-то странныхъ костровъ; громадными черными пятнами виднѣлись они еще издалека,—и вѣтеръ разносилъ по степи пепелъ и обуглившіеся комья...

Видно было, что не для тепла, не для варки пищи раскладывались эти громадные огни...

Случалось, что еще не успѣвало дотлѣть горѣвшее, и въ этомъ пожарищѣ виднѣлись клочья обгорѣлыхъ войлоковъ,—обрывки веревокъ, исковерканныя, раскаленныя желѣзныя части...

Это «бѣлыя рубахи» жгли за собою безъ разбора все то, что не могли уже поднять оставшіеся въ живыхъ верблюды,—все то, что должно было быть брошено.

Имъ сказали, что каждая мелочь, каждый пустякъ, попавшійся въ руки непріятеля, будетъ считаться «трофеемъ», а бѣлыя рубахи никогда во вражескихъ рукахъ трофеевъ не оставляютъ.

— Ишь, дьяволы, собаки!—проворчалъ одинъ изъ разбойниковъ,—все пожгли, чтобъ намъ не осталось... и швырнулъ на песокъ только что поднятый лоскутъ, за его окончательною негодностью.

— Сколько верблюдовъ пало, Аллахъ, Аллахъ!—замѣтилъ другой.—Вчера я заѣзжалъ со стороны, поднялся на бугоръ и видѣлъ, какъ шли ихъ караваны... Сколько ихъ!..

— Да,—подъѣхалъ къ нимъ третій.—На три часа пути въ длину вся дорога покрыта ими... Если половина ихъ дойдетъ только до Аму-Дарьи, и то на ста каикахъ не перевезутъ ихъ на ту сторону.

— Не дойдутъ они до воды!..—задумчиво произнесъ старикъ въ рваномъ халатѣ, въ большой косматой шапкѣ,—нельзя дойти... въ колодцахъ воды на сто животовъ, а ихъ тысячи... Гдѣ эти колодцы—они даже не знаютъ...

— Да, какже! не знаютъ! — недовѣрчиво покачалъ головою одинъ.—Съ прежнихъ колодцевъ согнали Садыка, согнали всѣхъ нашихъ,—значитъ, знали... У нихъ, я слышалъ, трубы такія есть, что за тысячу верстъ все видно; у нихъ книги такія есть, что все въ нихъ написано...

— За нами Аллахъ, за ними шайтанъ!—произнесъ старикъ,—Аллахъ сильнѣе шайтана... Увидитъ, что вотъ мы теперь все верблюдовъ да лошадей палыхъ видимъ, а скоро и люди будутъ встрѣчаться...

— Здѣсь я вижу другіе слѣды, — подъѣхалъ въ эту минуту тотъ, что шелъ правѣе всѣхъ, стороною.—Вотъ, смотрите, — указалъ онъ на песокъ, — эти прошли давно, еще вчера,—а эти только сегодня; тѣхъ много — не перечесть, этихъ только двѣнадцать ногъ: три коня бѣжали здѣсь... Два подъ слѣдами, одинъ такъ, просто въ поводу—вотъ его ноги... Ихъ только двое идутъ—и они не съ тѣми, а одни,—насъ десять...

— Насъ десять,—повторили нѣсколько голосовъ.

Бандиты очень хорошо поняли, что хотѣлъ сказать ихъ товарищъ словами: «насъ десять».

— Не поймаемъ,—замѣтилъ старикъ,—кони у насъ плохіе, а эти на добрыхъ бѣгутъ, видишь, какъ широко шагаютъ!

— Эхъ, кабы мы ихъ раньше увидѣли!..

— На одного тигра десяти волковъ мало...—опять произнесъ старикъ...

— «Вечеромъ узнаютъ, каковъ день былъ», — отвѣтилъ ему пословицею тотъ, кто первый отыскалъ эти одинокіе слѣды...

— Гонимъ!

И вся шайка сбилась въ кучу и пошла гораздо быстрѣе...

Волки погнали по слѣду тигровому... Этотъ слѣдъ былъ оставленъ корреспондентомъ «New-York's Herald» и его слугою...

М-ръ Генри Блэкъ и не подозрѣвалъ въ эту минуту, что по немъ открыта безпощадная травля.

XXIII. Адамъ-Крылганъ.

Бѣлыя рубахи пришли къ Адамъ-Крылгану.

Въ этомъ мѣстѣ песчаные барханы сдвинулись кольцомъ, образовавъ въ серединѣ просторную котловину.

Словно накаленная печь, вѣяла удушливымъ, сухимъ жаромъ эта котловина. На самомъ днѣ ея зіяли черными точками небольшія отверстія колодцевъ. Ихъ было не много; они были глубоки и узки. Воду надо было доставать ведрами, опуская ихъ въ глубь колодцевъ на длинныхъ веревкахъ: способъ трудный, утомительный, медленный.

А тысячи жаждущихъ пришли къ этимъ колодцамъ... Пить и пить—это была одна преобладающая мысль у всѣхъ... «Воды!»—это было единственное слово, произносимое пересохшими языками.

А воду эту доставали капля по каплѣ.

Колодцы оберегались, какъ святыня. У нихъ поставлены были караулы. Очередь въ питьѣ, разъ установленная, не измѣнялась ни для кого, ни въ какомъ случаѣ. Генералъ и послѣдній солдатъ были равны въ этой очереди.

Если-бы жизнь кого нибудь держалась на одномъ волоскѣ, еслибъ она зависѣла отъ одного глотка воды, отданнаго не въ свою очередь,—его бы не дали.

Потому что жизнь каждаго была тоже въ такомъ точно положеніи.

И несмотря на все это, даже этихъ взвѣшенныхъ и размѣренныхъ капель — не хватало. Колодцевъ оказалось менѣе, чѣмъ ожидали.

Трудно даже было назвать водою то, что извлекалось изъ колодцевъ. Мутно-желтая, густая, съ противнымъ гнилымъ вкусомъ, эта вода пилась съ жадностью и тщательно вылизывалось даже мокрое дно сосуда. Въ одномъ изъ колодцевъ нашли дохлую собаку. Отвратительный, разбухшій трупъ жи-

вотнаго, вытащенный на песокъ, заражалъ воздухъ; отъ этого оскверненнаго колодца сразу всѣ инстинктивно отшатнулись, но жажда побѣдила эту брезгливость, и вонючую воду пили; ради стакана этой воды, готовы были отдать все что имѣли...

Обезсиленные длиннымъ, тяжелымъ переходомъ, люди—по десяти и болѣе часовъ, какъ тѣни, стояли у колодцевъ, ожидая очереди; и боялись они отойти отъ нихъ, боялись сѣсть, боялись отдыхать, чтобы какъ нибудь не пропустить очереди. А они знали, что пропустить этой очереди нельзя: офицеры съ именными списками въ рукахъ распоряжались раздачей, и всякій заснувшій въ свое время былъ бы разбуженъ. Но эта была безсознательная боязнь... потому что эти колодцы были единственнымъ источникомъ жизни; безъ нихъ кругомъ безпощадная, неминуемая смерть, потому что возвратиться уже не было силы...

Изнуренные люди, измученные двухсуточною жаждою, не перенесли-бы того пути, что прошли; а кто упадетъ дорогой, тотъ уже больше на ноги не встанетъ.

Это всѣ хорошо знали.

Пришелъ на Адамъ-Крылганъ не весь отрядъ; пришли только пѣшіе люди; казаки съ своими лошадьми остались пока на прежнихъ колодцахъ, и должны были прійти сюда, когда пѣхота выступитъ дальше. Еслибы и тѣ, и другіе очутились здѣсь вмѣстѣ,—то пришлось бы этому урочищу оправдать второй разъ свое страшное названіе: «Адамъ-Крылганъ» — (человѣческая погибель).

И вдругъ, раздался крикъ, — полный отчаянія крикъ, отъ котораго потемнѣло въ глазахъ у каждаго.

— Кавалерія идетъ... она вонъ за тѣми барханами!

Еще лишняя тысяча жаждущихъ людей, еще столько же лошадей, едва дотащившихъ сюда свои ноги...

И эти вновь-пришедшіе разсчитывали на воду колодцевъ Адамъ-Крылгана; они хотѣли пить сами, хотѣли напоить своихъ лошадей, когда еще не были удовлетворены всѣ тѣ, которые пришли сюда сутками раньше.

Неожиданной приходъ кавалеріи былъ чьей-то роковой ошибкой.

Паника быстро начала распространяться по войскамъ. Эта паника могла разразиться общей деморализаціей... Но инстин-

тивному чувству самохраненія, каждый могъ бы, съ оружіемъ въ рукахъ, броситься добывать себѣ воду... Сильный задавилъ бы слабаго, подчиненный не призналъ бы въ этой смертельной борьбѣ своего начальника, дисциплина разлетѣлась бы какъ дымъ, и окрестности «Адамъ-Крылгана» представляли бы такую, полную ужаса картину человѣческаго изступленія, что трагическая легенда прежняго времени поблѣднѣла бы предъ настоящей.

И все это было бы такъ, еслибы это были другіе люди. Но это были баталіоны «бѣлыхъ рубахъ,» а они умѣли гибнуть, не теряя человѣческаго достоинства.

Собрался экстренный военный совѣтъ... Сѣдой старикъ, имя котораго заняло теперь лучшія страницы исторіи русскаго оружія, сталъ во главѣ этого совѣта...

XXIV. Досщакъ и его бутылка.

Опять, какъ тотъ разъ, предшествовавшій допросу Атамкула, черезъ бивуакъ пробирался лауча Досщакъ, и опять прямо къ генеральской ставкѣ.

Въ очереди къ водѣ забыты были—туземцы-лаучи и джигиты при отрядѣ; съ запекшимися губами, съ помутившимися глазами, безъ силъ, безъ голоса, многіе изъ нихъ уже корчились на пескѣ, въ предсмертной агоніи... «Су, су» *)—это все, что можно было разслышать въ ихъ хрипящемъ шепотѣ...

Шатаясь и падая не разъ, пробирался Досщакъ къ генералу, ходатайствовать за своихъ несчастныхъ товарищей...

— Назадъ!—остановилъ его часовой.

— Пускай пожалиста, пускай!.. — просился Досщакъ, силясь отстранить ружье, загородившее ему дорогу...

— Назадъ!—еще разъ произнесъ часовой, только не такъ уже рѣшительно и грозно, какъ первый разъ.

— Ты пустилъ — человѣкъ живетъ; не пустилъ — умираетъ!—проговорилъ лауча, и сѣлъ на песокъ, у самыхъ ногъ часоваго.

Въ этомъ движеніи было столько рѣшимости дождаться во что бы то ни стало нужныхъ результатовъ... Въ этомъ взглядѣ

*) „Су“ — вода.

старческихъ глазъ, сверкнувшихъ какимъ-то живымъ блескомъ, вспыхнуло такое убѣжденіе въ необходимости видѣть того, къ кому пришелъ Досщакъ, что солдатъ опустилъ ружье и спросилъ:

— Что тебѣ надо?..

Вышелъ другой солдатъ изъ палатки, еще кое-кто подошли къ старику. Вышелъ и генералъ.

— На сѣверъ отсюда... вонъ туда! — сказалъ генералу Досщакъ, — хорошій конь одинъ часъ ходу — еще есть колодцы... Ихъ вы не знаете, я знаю... Я вспомнилъ... Я узналъ это мѣсто... Давно, очень давно, я былъ здѣсь... это вѣрно! тамъ должны быть колодцы... Скажи, джандаралъ, своимъ солдатамъ; пусть идутъ они сзади. Я, Досщакъ, пойду впереди... я приведу ихъ къ водѣ... Здѣсь воды мало — людей много... Одни люди здѣсь, другіе тамъ,—для всѣхъ воды будетъ довольно... Послушай меня, скажи своимъ солдатамъ, чтобы шли за старымъ Досщанкою... А теперь дай воды моимъ людямъ, они умираютъ, прикажи имъ только мокрымъ поясомъ губы помазать... джандаралъ... сжалься надъ ними!..

Такъ говорилъ старикъ, то поднимаясь съ колѣнъ, то снова падая... А въ то время еще человѣка два изъ джигитовъ, что оказались посильнѣе, подползли сзади и, приподнявшись на локтяхъ, смотрѣли на генерала, какъ голодная, забитая собака смотритъ на своего хозяина.

— Я еще и самъ не пилъ,—спокойно и твердо произнесъ генералъ.—Я вамъ отдамъ свою воду, когда дойдетъ моя очередь; другой воды для васъ мнѣ взять не откуда.

Солдатъ, стоявшій на часахъ, вдругъ пошатнулся... ружье выпало у него изъ рукъ... онъ пошатнулся еще разъ — и какъ снопъ, ничкомъ, повалился на землю. Его поразилъ солнечный лучъ.

— Воды, скорѣе воды... къ вискамъ и въ ротъ!..—заторопился одинъ изъ офицеровъ...

А откуда взять этой воды?.. Странное требованіе, вылетѣвшее совершенно безсознательно, машинально. Даже самъ крикнувшій словно сконфузился своей ошибки и, смущенный, отвернулся въ сторону...

Наталья Мартыновна, Богъ вѣсть откуда явившаяся, совершенно неожиданно для всѣхъ, очутилась около упавшаго...

У нея въ рукахъ была маленькая бутылочка съ закругленнымъ дномъ... она уже намочила платокъ и покрыла имъ голову солдата, она даже зубы ему разжала и силилась вставить туда горлышко своей бутылки...

А тутъ умирающіе джигиты увидѣли, какъ сверкнуло на солнце зеленоватое стекло... Собравъ послѣднія силы, они доползли до Наташи и крѣпко ухватились за ея платье...

Солдаты подошли, чтобы ихъ оттащить.

— Оставьте...—тихо произнесла Наталья Мартыновна,— тутъ и для нихъ останется по каплѣ — имъ вѣдь много не нужно... Держите имъ только руки, чтобы они у меня бутылки не вырвали... Вотъ такъ...

И солдаты держали крѣпко руки джигитовъ, пока Наташа вливала тѣмъ въ ротъ остатки изъ бутылки, а сами готовы были также точно судорожно сжать зубами горлышко спасительнаго сосуда... готовы были вырвать сами эту бутылку.

Джигиты плакали и цѣловали слѣды, оставшіеся на пескѣ отъ ногъ женщины... Солдаты крестились ей вслѣдъ...

Колыхнулъ вѣтеръ концы легкой кисейной косынки на головѣ Наташи, концы эти развѣвались изъ-за ея плечъ... Страшный зной, эта дрожащая мгла туманила зрѣніе и мѣшала ясно видѣть предметы, измѣняя ихъ очертанія...

Должно быть по этой причинѣ концы косынки казались всѣмъ длинными, свѣтлыми крыльями...

Повѣрить прямо на слово Досщаку въ томъ, что сообщилъ онъ насчетъ какихъ-то другихъ колодцевъ, было невозможно. Тѣмъ болѣе, довѣрившись ему, послать часть отряда на эти другіе колодцы... Лауча былъ здѣсь уже давно... онъ самъ говорилъ, что много времени прошло уже съ тѣхъ поръ; этихъ колодцевъ могло уже не существовать теперь, хотя бы они въ то время и были...

Ему сообщили эти соображенія...

— Дай мнѣ лошадь, джандаралъ,—говорилъ онъ,—хорошую лошадь... Видишь—вотъ бутылка...

Досщакъ вытащилъ изъ-за-пазухи халата бутылку обшитую войлокомъ.

— Видишь, — продолжалъ онъ, — эта бутылка пуста... на, посмотри самъ... Въ ней нѣтъ ни капли, въ ней давно уже нѣтъ ничего... О, если бы тамъ что нибудь было!.. Я

пойду одинъ; если меня не убьютъ тюркмены, тамъ, у тѣхъ колодцевъ, я вернусь и привезу тебѣ эту бутылку полную... Ну, тогда... тогда ты пошлешь людей за мною, пошлешь?

Возражать противъ этого предложенія было невозможно.

Досщаку дали лошадь—и онъ поѣхалъ.

XXV. На другихъ колодцахъ.

Пусто, мертво было въ этой песчаной пустынѣ, когда Досщакъ выѣхалъ изъ лагеря; послѣдній говоръ и шумъ бивуака давно уже стихъ за барханами...

Изнуренная лошадь, хотя и хорошая, тихо шла подъ сѣдокомъ, не слушая ни толчковъ каблуками подъ исхудалыя бока, ни ударовъ плети нетерпѣливаго джигита...

Пристально всматривался Досщакъ въ окрестность... Все одно и то же: одинъ песчаный холмъ смѣняется другимъ, одинъ волнообразный гребень — другимъ, точно такимъ же, словно по одной формѣ отлитымъ... Рѣзко граничитъ желтый песокъ съ сѣровато-синимъ, безоблачнымъ небомъ... Пусто на землѣ, пусто и на небѣ: ни облачка, ни птицы... Зачѣмъ сюда летать вольной твари—въ эту страну смерти?!. Съ чуть слышнымъ шорохомъ ползаютъ по песку большія головастыя ящерицы, тѣмъ должно быть воды не надо;—и смотрятъ гадины на проѣзжающаго мимо человѣка, смотрятъ и не прячутся... «И зачѣмъ это тебя принесло сюда?» должно быть думаютъ эти ящерицы, роясь въ пескѣ, «мы и такъ много уже костей находили—и конскихъ, и людскихъ, и верблюжьихъ... должно быть тебѣ увеличить число этихъ костей хочется!..»

— Гайда, гайда!—подгоняетъ Досщакъ своего коня.—Этакъ мы съ тобою нескоро до воды доѣдемъ...

Не узнаетъ лауча мѣстности, а ужъ какъ онъ на это памятенъ! Вотъ на томъ бугрѣ большой бѣлый камень торчалъ .. Гдѣ же онъ?.. Вѣрно пескомъ занесло... Теперь бы все подъ гору должна быть дорога,—нѣтъ, все такъ же...

«А ну какъ не найду?» подумалъ старикъ и назадъ оглянулся.

Проложенный его лошадью слѣдъ далеко-далеко тянется, пропадая въ мглѣ... Верстъ пять уже отъѣхалъ всадникъ... Пожалуй, уже половина пути осталась только.

Осмотрѣлъ лауча свою бутылку—здѣсь; ощупалъ за сѣдломъ—тутъ-ли арканъ?—тутъ, все въ порядкѣ. Осмотрѣлся самъ: конь киргизскимъ сѣдломъ осѣданъ, узда тоже самая простая; на джигитѣ халатъ такой же, какъ и на всякомъ тюркменѣ, такая же шапка баранья, клынчъ (шашка) торчитъ сбоку, на поясѣ...

— А хорошо, что я все это устроилъ, по крайности съ тюркменами встрѣчусь, за своего признаютъ... Тс!..

Два всадника ѣдутъ, также потихоньку,—между собою разговариваютъ... Вонъ еще одинъ изъ-за холма выѣзжаетъ... Вонъ и впереди кучка виднѣется...

Ѣдетъ себѣ покойно Досщакъ, дѣлаетъ видъ, что и вниманія на тѣхъ не обращаетъ.

— Ѣздили на русскихъ смотрѣть, говорилъ одинъ изъ всадниковъ, близко не подъѣзжали; у нихъ ружья проклятыя, далеко хватаютъ... а издали ничего не видно...

— Я пушки видѣлъ... Блестятъ на солнцѣ, такъ и замѣтно,—произнесъ другой.—А немного у нихъ этихъ пушекъ; у нашего хана больше...

— У нашего хана больше,—замѣтилъ и отъ себя Досщакъ.

Поглядѣлъ на него тюркменъ, зорко такъ, и отвернулся...

— Давно коня поилъ?—спросилъ у Досщака другой.

— Давно, еще до свѣту; думалъ, тамъ еще напою разъ, своихъ застану, а ужъ тамъ русскіе — такъ и отъѣхалъ ни съ чѣмъ... Пошли Аллахъ всякія бѣды на ихъ головы!.. Заморилъ совсѣмъ жеребца... Ну, да ничего, на Алты-кудукѣ напою... Вы давно оттуда?..

— Съ полудня... Ты самъ изъ чьихъ?

— Я Божій...—уклончиво отвѣтилъ Досщакъ.

Поѣхали джигиты молча... Теперь уже Досщакъ старался не отставать отъ нихъ; онъ зналъ, куда они ѣдутъ. Ему тоже туда надо было. Только объ одномъ онъ думалъ: какъ бы назадъ вернуться, воды въ свою бутылку набравши...

— Темная ночь, да воля Аллаха, что будетъ, то будетъ!.. рѣшилъ онъ и вполголоса затянулъ длинную, монотонную пѣсню...

Густымъ столбомъ вилась пыль надъ котловиной; много коннаго народу толпилось тамъ: сотни четыре коней, если не больше. Это всадники бивуакировали вокругъ колодцевъ, поставивъ коней на приколы и сидя въ кружкахъ, у самыхъ

отверстій. Кожаныя ведра спускались въ эти отверстія на длинныхъ волосяныхъ арканахъ, и назадъ вытягивались. Вода плескала черезъ край и смачивала отсырѣвшій песокъ... Задрожалъ Досщакъ, увидавъ эту воду,—и конь его рванулся какъ бѣшеный, широко вздувъ красныя какъ кровь ноздри.

Лауча едва сдерживалъ прыть своей лошади; онъ тихонько слѣзъ, расправилъ ноги и сталъ арканъ отъ сѣдла отвязывать...

— Эхъ, ведро потерялъ, вотъ горе! произнесъ онъ громко.—Мулла!—обратился онъ къ дюжему джигиту у колодца,—дай своего, коня напоитъ...

— Бери,—произнесъ джигитъ, оставилъ ведро на пескѣ, а самъ отошелъ въ сторону...

Тихо, не торопясь, принялся Досщакъ распутывать веревку, заглянулъ въ колодецъ, почесался... поплевалъ на руки, сталъ быстро ведро спускать, опять вытащилъ, а зубы его такъ и стучали другъ о друга, глаза такъ и горѣли, устремленные на черное, зіяющее отверстіе...

«Будешь торопиться — еще пожалуй подумаютъ, что... счастье еще, что народъ все сборный, отъ значковъ отсталые, ну имъ и нѣтъ дѣла до чужого человѣка, за такую же бродячую собаку, какъ и они сами, принимаютъ...»

Выволокъ Досщакъ полное ведро... отхлебнулъ самъ, напоилъ лошадь—та чуть съ ногъ его не свалила, такъ на это ведро кинулась...

— Ну, будетъ, а то лопнешь, пожалуй!—прикрикнулъ лауча и отнялъ ведро, выплеснулъ остатокъ на песокъ и прилегъ, намотавъ себѣ на руку длинный поводъ.

А ужъ солнце стало закатываться... Синія тѣни поползли по песку—потемнѣло въ лощинѣ и сырью пахнуло отъ колодцевъ...

«Эка благодать, эко счастье мнѣ!—а тамъ?..» И задумался Досщакъ, припоминая, что творится тамъ, на оставленныхъ имъ колодцахъ.

«А прійди на *это* мѣсто разомъ столько же народу—и здѣсь было бы то же самое. — Половину,—разсчитываетъ Досщакъ,—все-таки перевести можно»

Еще разъ подошелъ онъ къ жерлу, еще разъ коня напоилъ, самъ напился, въ бутылку набралъ украдкой (теперь это легко было сдѣлать, потому что въ сгустившихся сумеркахъ трудно

было разсмотрѣть такія мелочи) и сталъ опять въ дорогу собираться...

Вдругъ до ушей Досщака долетѣло слово, заставившее его сначала вздрогнуть, а потомъ сосредоточить все свое вниманіе на томъ, что говорилось неподалеку...

— Не вѣрятъ они ему и боятся... говорилъ кто-то въ темнотѣ.

— Кого боятся?..—спрашивалъ другой.

— Да все его же, Атамкула... я самъ слышалъ, какъ у Матъ-Ніаза говорили, что хорошо бы, еслибъ шайтанъ сверпулъ ему шею...

— Мало-ли всякаго вздору съ языка слетаетъ!..

— Такъ-то такъ, а все не вѣрятъ... А какъ онъ опять передастся русскимъ—они вѣдь не очень зло помнятъ... Тутъ еще говорили, что будто Атамкулъ бумагу посылалъ русскимъ и отъ нихъ получалъ...

— И то можетъ быть... Я вотъ слышалъ, какъ онъ ушелъ отъ нихъ—увезъ съ собою кого-то,—дѣвку, говорили, а можетъ и врали...

— Нѣтъ, мальчика...

— А ханъ что,—не слыхать?

— Ханъ къ нему милостивъ... Вотъ это-то больше всего Матъ-Ніазу досадно... Садыкъ тоже на него зубы точитъ, еще за старое. Они передъ ханомъ-то помирились, а вѣдь Садыка всякъ знаетъ, онъ обиды во всю жизнь не прощаетъ...

— Вѣрно!.. Куда же отсюда?

— На Сардыба-куль, сказывали...

Примолкли голоса... Опять потомъ стали говорить, только тише. Некогда было Досщаку все переслушивать, взялъ онъ лошадь за поводъ и потихоньку повелъ ее отъ колодцевъ подальше.

Какъ никто не обратилъ вниманія на Досщака при его появленіи, такъ и теперь никто и головы не обернулъ, когда онъ снова сѣлъ на коня и выѣхалъ съ бивуака.

Свѣжѣе дышалось ночью, добрѣе шелъ въ волю напоенный конь,—и скоро багровое зарево, пятнами вспыхивающее надъ горизонтомъ, указало Досщаку, куда держать дорогу.

XXVI. «Сардыба-куль» и «Учь-чучакъ».

Съ своей страшной, полной смертельныхъ лишеній, стоянки на колодцахъ Адамъ-Крылганъ и Алты-кудукъ—«бѣлыя рубахи» выступили.

Если бы ихъ сломили эти лишенія,—они бы не могли выступить—и должны были бы погибнуть, но у нихъ сохранилось еще настолько силъ, чтобъ итти.

Путь назадъ былъ хорошо извѣстенъ; по этому пути они скоро могли найти воду, они знали—гдѣ она и сколько.

Путь впередъ былъ теменъ, неизвѣстенъ, какъ сама будущность. Вода была—это всѣ знали; эта вода—Аму-Дарья—цѣль похода; но гдѣ она? далеко-ли еще, близко-ли—этого не зналъ никто.

Между колодцами, съ которыхъ выступилъ отрядъ, и Аму залегало пространство мертвыхъ песковъ. Это пространство надо было пройти.

Кто говорилъ, что впереди, — не болѣе сутокъ похода; кто говорилъ, что три дня; кто говорилъ, что еще болѣе ста верстъ,—то есть почти недѣля.

Если два дня пути, не болѣе—люди дойдутъ; можетъ быть дойдутъ и верблюды, и лошади; если-же болѣе—то не дойдетъ никто.

Всѣ эти вопросы были рѣшены разомъ.

«Стоять на мѣстѣ — смерть; итти назадъ — позоръ; итти впередъ—ставить на карту все—ва банкъ!»

А бѣлыя рубахи такъ любятъ эту послѣднюю, критическую, роковую карту.

И они пошли впередъ.

Слѣдующая ночь проведена была безъ воды, на пескахъ. Мертвая тишина царствовала въ лагерѣ... странные звуки неслись изъ степи, со всѣхъ сторонъ, и эти звуки заставляли опытныхъ солдатъ держать ухо востро.

Не разъ многіе припадали ухомъ къ землѣ, и тогда ясно слышался топотъ коней—движенія цѣлыхъ массъ всадниковъ... Молчаливая до сихъ поръ пустыня, тихая, какъ могила, словно ожила. Въ воздухѣ носились слабые, чуть слышные звуки.. Но ничего не было видно, потому что было темно.

— Слышь, галдятъ?..—шепталъ солдатъ въ уши своему товарищу.

— Галдятъ... много народу. Чу-кось!—такъ-же шепотомъ отвѣчалъ товарищъ.

— Конь заржалъ... вонъ еще, въ той сторонѣ...

— Орда гуляетъ.

— Ты видѣлъ вечеромъ, какъ солнце садилось?..

— Чего?

— Наши всѣ видѣли; ротный шапку снялъ, перекрестился, да и сказываетъ: «Аму-Дарья, братцы, близко. Молись ребята, Богу!»

— Что-же видѣли-то?..

— Орла въ небѣ. Минуту одну только и видѣли... Поднялся это онъ, птица Божія, высоко-высоко, постоялъ, а опосля этакъ бокомъ, наискось, за барханы спустился. А ужъ коли орелъ есть, сказано: вода близко.

— За тридцать верстовъ — болѣ она, птица-то, отъ воды не отлетаетъ... это вѣрно.

— Да, тридцать верстовъ... можетъ и ближе будетъ. Опять вотъ орда гудетъ, слышь, тамъ позади, за арьеградомъ...

— Да, слышно...

— Тоже и она—отъ воды далеко не пойдетъ, коли много ея. По малости шляется, а вкупѣ,—ни Боже мой!

— Теперь она, вишь, весь лагерь охватила: надо быть, ея много...

— Съ разсвѣтомъ и глазомъ увидимъ то, что теперь одно ухо слышитъ... Гляди, объѣздъ идетъ... Кто идетъ?..

— Рундъ!—отозвались въ темнотѣ, въ группѣ приближающихся пѣшихъ людей, идущихъ вдоль цѣпи.

Старикъ-генералъ, тяжело ступая по сыпучему песку, самъ обходилъ передовую цѣпь, ласково кивая козырькомъ своей шапки, когда солдаты бодро вытягивались на своихъ мѣстахъ, узнавая слишкомъ знакомую, характеристическую фигуру своего главнокомандующаго.

И каждый разъ, при видѣ этого молодцоватаго подбодриванія,—при видѣ того лихого, полнаго энергіи взгляда, которымъ встрѣчали его солдаты, отдыхала наболѣвшая душа старика—и думалось ему:

«Счастливъ тотъ генералъ, которому довелось командовать такими войсками».

Было ещё далеко до разсвѣта, когда отрядъ выступилъ далѣе. Темное небо горѣло миріадами звѣздъ... но звѣзды эти сверкали, а не свѣтили. Темно было внизу, и чуть-чуть обозначались во мракѣ черныя горбатыя массы верблюдовъ, сведенныхъ въ густую колонну, и болѣе свѣтлыя массы пѣхотинцевъ, охватившія эту громадную колонну вьючныхъ животныхъ...

Отрядъ выступилъ въ строгомъ боевомъ порядкѣ. Врагъ былъ близко и имъ пренебрегать было нельзя.

Стройно, словно это не походъ по мертвой пустынѣ изнуренныхъ войскъ, а какой-то срепетированный, заученный парадъ, подвигались впередъ туркестанскіе батальоны.

Стало свѣтать.

Обозначилась волнистая линія далекаго горизонта; эта линія стала предметомъ наблюденія каждаго, отъ генерала до послѣдняго лауча при верблюжьемъ обозѣ-караванѣ. Эта линія вся была усѣяна черными, передвигающимися точками.

Врагъ увидалъ, наконецъ, что мертвая пустыня, которая по ихъ предположеніямъ должна была быть могилой «гяуровъ», оказалась *имъ*, правовѣрнымъ, плохою союзницею. Русскіе не знали еще, что пустыня пройдена, что они уже у воротъ культурной, орошенной богатыми водами, полосы хивинскаго ханства, но *тѣ* знали уже, что теперь имъ остается разсчитывать только на свои силы, чтобы удержать наплывъ «бѣлыхъ рубахъ», и стали со всѣхъ сторонъ сбираться въ густыя массы, чтобъ загородить могучему врагу его безостановочную дорогу.

Впереди—далеко еще, но совершенно ясно—обозначались три плоскія возвышенія. Это былъ «Учь-чучакъ» (три вершины, три тычка), за ними—Аму, а съ нею конецъ мученіямъ, конецъ всѣмъ бѣдамъ!

Безъ всякаго понуканія—всѣ, словно подъ напоромъ одной общей мысли, прибавили шагу, кони натянули поводья, верблюды натягивали шеи, фыркали своими разорванными ноздрями и глухо ворчали.

— Вода!..—донеслось изъ авангарда.

— Вода!.. Вода!..—прогремѣло по всему отряду...

Свѣтлая полоска, отражавшая въ себѣ золотистый багрянецъ утренней зари, мелькнула влѣво отъ Учь-чучака...

Какъ будто гальваническая искра пронизала отрядъ отъ передняго человѣка до самаго задняго.

По вершинамъ бархановъ заклубились бѣловатые дымки, — все чаще и чаще, больше и больше. Это тюркмены пытались остановить отрядъ, гикая, бѣснуясь и носясь по холмамъ, заскакивая съ боковъ, спереди и сзади.

Имъ не отвѣчалъ ни одинъ выстрѣлъ.

Видѣнная вода не была Аму, какъ оказалось впослѣдствіи; до великой рѣки невѣдомаго міра былъ еще одинъ добрый переходъ. Это было пока озеро Сардыба-куль, лежащее свѣтлымъ полукругомъ въ небольшой котловинѣ, у подножья Учь-чучака. Зеленоватая полоска камышей обрамляла свѣтлое, прозрачное зеркало. Какъ пріятно ласкала глазъ эта зелень, признакъ жизни! Такъ давно уже не видѣли русскіе ничего, что бы, хотя сколько-нибудь, ее напоминало.

Съ большимъ трудомъ можно было удержать лошадей, чтобъ онѣ не ворвались въ воду и не поколѣли-бы, опившись послѣ такого продолжительнаго воздержанія.

Оживленный бивуакъ охватилъ берега Сардыба-куль... Дымились веселые огоньки, отовсюду неслись звуки пѣсенъ, музыка... Лицо каждаго сіяло восторгомъ, побѣдою. Съ этой минуты участь Хивинскаго ханства была рѣшена. Главный и самый могучій врагъ былъ побѣжденъ; этотъ врагъ—природа. Оставались такіе пустяки, на которые «бѣлыя рубахи» привыкли смотрѣть съ полнымъ презрѣніемъ.

— Ну, ребята, слава тѣ Господи, добрались! — говорилъ солдатикъ, торопливо снимая рубаху.

— Теперь вода вольная, не мѣренная—хоть опейся!..

— Эй, другъ, что, не больно глубоко?..

— Важно!

— Сюда не ходи—яма... Благодать!..

— Третій-то мѣсяцъ не мывшись.

— Тутъ, сказывали, дневка, мы рубахи-то всѣ, и портянки перестираемъ...

— У ротнаго жеребецъ сдохъ; горнистъ Демка не доглядѣлъ, а тотъ вырвался, да въ озеро. Пилъ-пилъ, покедова не лопнулъ...

— Тутъ и человѣкъ обопьется — не токмо что скотина глупая... Гляди, гляди!.. какъ казаки тѣхъ-то красныхъ чертей погнали!..

А пока солдаты беззаботно, весело купались и мылись, обрадовавшись обильной «немѣренной» водѣ, вокругъ озера шла оживленная перестрѣлка—массы непріятельской кавалеріи отступали за Учь-чучакъ; казаки и часть пѣхоты ихъ преслѣдовали. Между дробными перекатами ружейной пальбы по временамъ слышались отдѣльные громкіе удары пушечныхъ выстрѣловъ.

Къ полудню непріятель исчезъ... Все вернулось въ лагерь и уже отдыхало. Послѣ столькихъ лишеній, отдыхъ былъ совершенно заслуженной наградой.

У ставки главнокомандующаго гремѣлъ хоръ музыки. Все горе было забыто. Страшная степь осталась позади, а впереди широкая, торная дорога.

Колоссальный подвигъ нѣсколькихъ туркестанскихъ батальоновъ былъ совершенъ. Этотъ подвигъ заставилъ весь міръ взглянуть на нихъ съ изумленіемъ и произнести: «Да это—солдаты!»

XXVII. Вѣсти.

Чудное утро!

Крутой, обрывистый берегъ Аму-Дарьи спускался почти отвѣсно. Въ розливъ вода подходитъ вплотную къ этому берегу, поднимается и подмываетъ его снизу, образуя длинныя параллельныя борозды, въ глубинѣ которыхъ остается осадочный илъ, и разная водяная растительность; затѣмъ вода спадаетъ, отходитъ отъ этой обрывистой, подрытой стѣны и образуетъ плоскія, сырыя отмели, тянущіяся у подножья обрыва. Эти отмели—второй ярусъ береговъ, онѣ на туземномъ языкѣ зовутся—«туги», любимое мѣстопребываніе чаекъ-рыболововъ, куличковъ, пчелоѣдовъ и прочей водяной птицы... Червяки, водяныя насѣкомыя, а иногда и мелкая рыбка—во множествѣ находятся птицами на этихъ отмеляхъ,—и обиліе добычи сбираетъ сюда, со всѣхъ концовъ, рѣчное, пернатое населеніе.

Мутно-желтая глинистая вода катится беззвучно, ни одной лодки не видно на ея поверхности, но за-то—то и дѣло показываются громадные рыбьи всплески и расходятся кольцеобразными кругами...

Жарко. Всѣ чайки устали летать — и неподвижно сидятъ по отмелямъ, отдыхая отъ ранней работы; словно снѣгъ бѣ-

лѣютъ массы птицъ на красноватомъ пескѣ отмелей; нѣкоторые изъ этихъ отмелей-притоновъ покрыты тонкимъ слоемъ воды,—тогда блескъ солнца на поверхности рѣки совершенно скрываетъ желтизну песка этихъ отмелей, и все, что на нихъ сидитъ, кажется будто покоится на гладкой водной поверхности.

Легкая полоса тумана скрываетъ далекій противоположный берегъ; чуть-чуть синѣютъ на немъ какіе-то, возникающіе надъ туманомъ, синеватые холмы...

Отрядъ сталъ лагеремъ на вершинахъ береговыхъ обрывовъ; оттуда внизъ на тугаи протоптаны многочисленныя крутыя тропинки.—По этимъ тропинкамъ спускаются и поднимаются почти непрерывныя цѣпи солдатъ: внизъ съ пустою посудою, вверхъ съ налитыми до краевъ котелками, бадейками и фляжками... У самой воды расположены были кухни, и изъ-подъ котловъ поднимались густые, черные столбы дыма... Тутъ же, неподалеку, сбирали и спускали на воду—привезенныя съ собою на верблюжьихъ спинахъ—сборныя маленькія лодки—«кауфманки» *), нѣчто въ родѣ понтоновъ. Матросы и солдаты-пѣхотинцы, съ видимымъ наслажденіемъ, садились на эти лодки и пробовали ихъ, дружно работая короткими веслами...

Всѣ туземные каики были заранѣе убраны тюркменами съ этого берега,—и потому основаніемъ переправы только и служили эти понтоны; съ помощью ихъ, а главное отваги и находчивости матросовъ, разсчитывали добыть какъ-нибудь съ того берега эти увезенные каики, для чего надо было, конечно, прежде вырвать ихъ изъ рукъ непріятеля.

Все вражеское давно очистило нашу сторону и перебралось на лѣвый берегъ; между нами и непріятелемъ пролегала теперь широкая рѣка, и потому въ лагерѣ все было совершенно спокойно и не принимались многія обычныя мѣры осторожности. Незачѣмъ было даромъ утомлять солдатъ, нуждавшихся въ хорошемъ отдыхѣ.

Общая бодрость и веселье, по достиженіи цѣли похода, отразились на всѣхъ здоровыхъ; это веселье не могло не отразиться и на больныхъ:—лазаретныя носилки, съ каждымъ

---

*) Эти лодки построены были по идеѣ генерала Кауфмана, и потому получили свое названіе.

днемъ все пустѣли и пустѣли... Докторамъ работы съ каждымъ часомъ становилось все менѣе и менѣе.

Усиленная работа и заботливость заглушала нѣсколько жгучую тоску въ сердцѣ Натальи Мартыновны; но теперь, въ относительномъ бездѣйствіи, эта тоска начинала развиваться снова, съ прежнею, разрушительною силою.

Жалко было смотрѣть на эту женщину. Прежней, хотя и задумчивой, всегда серьезной, но цвѣтущей здоровьемъ и силою, Наташи не было и тѣни. Блѣдная, исхудалая, съ вѣчно опущенными внизъ глазами, словно въ чемъ виноватая, она казалась олицетвореніемъ тоски и грусти.

Къ ней приходили, заговаривали съ нею, старались занять ее чѣмъ-нибудь, развлечь; всѣ усилія эти оставались тщетными, а малѣйшее слово, неосторожно сорвавшееся съ языка, малѣйшій намекъ, вызывали тотчасъ же тихія, беззвучныя слезы... Самое тяжелое страданіе отражалось въ такія минуты на ея, и безъ того изстрадавшемся, лицѣ, и неосторожный говорунъ проклиналъ себя, свой языкъ, и долго послѣ этого не рѣшался не только заговорить, но даже подходить къ несчастной матери.

Одинъ только Головинъ никогда не проговаривался и умѣлъ поддержать съ Наташею разговоръ о чемъ-нибудь посторонемъ, вызывая даже съ ея стороны нѣкоторый интересъ и вниманіе...

Но за то хромой казакъ измѣнился не хуже самой Наташи. Онъ тоже походилъ скорѣе на ходячій трупъ, чѣмъ на живого человѣка... Тяжелая борьба сломила и его желѣзную натуру,—и часто, пріѣдя въ свой казачій бивуакъ, легши ничкомъ на коверъ и уткнувшись въ кожанную подушку, онъ рыдалъ подолгу, а потомъ спѣшилъ скрыть поскорѣе на своемъ лицѣ слѣды этой слабости, для того, чтобы снова итти къ той женщинѣ, за одну каплю крови которой онъ готовъ былъ пожертвовать своею до послѣдней капли...

Хромой казакъ потерялъ уже всякую надежду спасти сына и возвратить его матери; но онъ, понятно, не высказывалъ этого Наташѣ. Наташа была увѣрена, что рано или поздно, ея сынъ будетъ въ ея объятіяхъ,—и тоже никогда не проронила объ этой надеждѣ ни слова. Она словно боялась, что найдутся люди, готовые однимъ словомъ разбить вдребезги эту

надежду, и ревниво оберегала ее, тая отъ всякаго посторонняго взгляда... Эта надежда поддерживала ее въ минуту тяжкаго испытанія, но она же за то и служила источникомъ самыхъ сильныхъ огорченій...

«Онъ живъ,—но гдѣ онъ? что съ нимъ? въ какихъ грубыхъ, ненавистныхъ рукахъ этотъ ребенокъ? какія страшныя лишенія испытываетъ онъ? что терпитъ и переноситъ этотъ бѣдный мальчикъ?..»

Иногда Наташѣ казалось даже, что легче было бы увидѣть трупъ своего сына, чѣмъ эта мучительная неизвѣстность.

За вѣсть о немъ она готова была бы пожертвовать всѣмъ. О, еслибъ хотя откуда нибудь,—хоть вонъ съ тѣмъ порывомъ степнаго вѣтра, хотя на крыльяхъ вонъ той серебристой чайки, скользнувшей надъ рѣкою, — прилетѣла эта свѣтлая вѣсть!.. И Наташа, по какому-то непонятному, инстинктивному чувству, ждала этой спасительной вѣсти.

И она дождалась.

Разъ, подъ вечеръ, когда стало прохладнѣе и розовый свѣтъ заходящаго солнца пріятно ласкалъ глазъ, утомленный однообразіемъ пейзажа, Наташа шла вдоль берега, любуясь золотистыми всплесками воды и чайками, по всѣмъ направленіямъ шныряющими надъ ея поверхностью... Она была одна, даже хромой казакъ не провожалъ ее.

Большая собака «Куцый» подбѣжала къ ней, ласково повертѣла своимъ обрубленнымъ хвостомъ; Наташа погладила по головѣ доброе животное—и собака, оставшись вѣроятно совершенно довольна этой честью, запрыгала, залаяла и понеслась снова къ своему мѣсту на ротной кухнѣ.

У самой воды толпилось нѣсколько туземцевъ-лаучей и милиціонеровъ. Къ этому сброду присоединились еще десятка два бродягъ, Богъ вѣсть откуда явившихся; ихъ не гнали. Всѣ они называли себя персіянами-рабами, бѣжавшими отъ своихъ господъ подъ покровительство русскихъ, и наши солдаты охотно ютили ихъ около себя, дѣлясь съ пришельцами своимъ незатѣйливымъ, скуднымъ обѣдомъ...

Вообще, за послѣднее время, въ лагерѣ значительно прибавилось разнаго пестраго, неопредѣленнаго народа, на что, вообще, какъ и прежде, особаго вниманія не обращалось.

Вотъ мимо подобной-то группы и проходила Наталья Мартыновна.

Весь оборванный, полуголый, черный, какъ уголь, подошелъ къ ней туземецъ и, глядя на нее просительными, слезящимися глазами, протянулъ къ ней свою руку, завернутую полокоть въ тряпку.

Несчастный должно быть былъ раненъ, потому что на этой грязной тряпкѣ не трудно было замѣтить ржаво-красное пятно высохшей крови...

Бѣдняга бормоталъ что-то на непонятномъ для Наташи языкѣ, протягивалъ руку и, подойдя шага на три, опустился на колѣна...

Наташа подошла къ нему и нагнулась. Туземецъ принялся медленно разворачивать тряпки... Наталья Мартыновна вздрогнула и отскочила... она почувствовала въ своей рукѣ кусокъ свернутой бумаги...

— Возьми это и читай...—тихо, почти шепотомъ произнесъ по-русски туземецъ.—Тамъ все узнаешь...

Наташа хотѣла крикнуть и не могла... хотѣла поднять руку, чтобы знакомъ подозвать кого-нибудь на помощь, но у ней не хватило на это силы... Земля стала уходить изъ-подъ ея ногъ... она зашаталась... А рука, стиснувшая поданный ей клочекъ бумаги, такъ и не разжималась, словно эта бумага судорожно стянула въ кулакъ ея исхудавшіе пальцы.

Человѣкъ въ лохмотьяхъ исчезъ—словно его не бывало... Онъ успѣлъ замѣшаться снова въ толпу такихъ же жалкихъ оборвышей...

Прохладный рѣчной вѣтеръ скоро благодѣтельно подѣйствовалъ на нервы Наташи... Она оправилась и быстро пошла черезъ лагерь, къ своей палаткѣ...

Какое-то тайное предчувствіе говорило ей, что въ этомъ клочкѣ бумаги таится разгадка, таится вѣсть, такъ давно жданная, желанная...

«Твой сынъ у меня,—ему хорошо. Приходи ты—и тебѣ будетъ хорошо. Не прійдешь,—и ему будетъ худо, и тебѣ худо... Пройдетъ день, русскіе на томъ берегу будутъ: наши ихъ не удержатъ... Въ тотъ-же день къ тебѣ прійдутъ люди; иди за ними! Пропадутъ мои люди, не прійдешь ты—я за твоего сына не отвѣчаю. Мулла-Атамкулъ».

Вотъ что было написано въ этой запискѣ..

*

— Наталья Мартыновна, можно къ вамъ? — раздался за палаткою голосъ хромого казака.

Наташа хотѣла отвѣтить и не могла... Она дрожала какъ въ самой сильной лихорадкѣ — она стояла какъ разъ посрединѣ своего шатра; одною рукою она придерживалась за столбъ, другою — торопливо, судорожно прятала за пазуху роковую записку...

— Наталья Мартыновна!.. — послышался снова голосъ за палаткою.

XXVIII. Досщакъ лауча что-то замышляетъ.

Бѣлыя рубахи перешли на *тотъ* берегъ.

Они перешли не тутъ, гдѣ остановились лагеремъ, пріѣдя на воду. Нѣсколько дней тянулся отрядъ по правому берегу, спускаясь все ниже и ниже. Главныя силы шли по кручамъ, то удаляясь отъ воды, углубляясь снова въ пески, то снова приближаясь къ рѣкѣ, на которой и становились всегда ночлегомъ. Небольшой легкій отрядъ тянулся тугаемъ, то-есть прибрежною отмелью, переходя иногда въ бродъ значительныя пространства; этотъ отрядъ служилъ конвоемъ нашей крошечной флотиліи кауфманокъ, шедшей водою, и съ каждымъ днемъ все обогащающейся и обогающейся пріобрѣтеніемъ новыхъ туземныхъ каиковъ, которые захватывались, гдѣ только ихъ ни завидятъ лихіе матросы, съ боемъ или борьбой,—какъ выходило счастье.

Къ мѣсту переправы набралось, такимъ образомъ, столько перевозочныхъ средствъ, что уже можно было рискнуть на болѣе отважный, рѣшительный шагъ, — и этотъ шагъ свершился. Русскіе батальоны врѣзались въ самое сердце Хивинскаго ханства.

Лагерь раскинулся въ салахъ, въ тѣни колоссальныхъ карагачей, въ окрестностяхъ Хазаръ-Аспа—хивинскаго укрѣпленнаго города.

Доносились уже слухи о томъ, что съ другихъ сторонъ, съ Кавказа и Оренбурга, отряды уже подходятъ къ Хивѣ тоже, что они близко,—и эти слухи подстрекали и торопили туркестанцевъ къ стѣнамъ Хивы,—чтобы, во что-бы то ни стало, не уступить другимъ пальмы первенства...

Говорили даже, что пароходы нашей Аральской флотиліи изъ Казалинска уже вошли въ дельту Аму-Дарьи, что эти суда уже на водахъ Аму...

Участь Хивы подходила къ послѣднему акту—къ развязкѣ.

У стараго Досщака былъ большой праздникъ.

Надѣлъ онъ свой самый лучшій красный халатъ, тотъ что ему подарилъ самъ главнокомандующій еще на прошлой недѣлѣ, надѣлъ онъ шаровары желтыя, вышитыя шелками,—эти шаровары купилъ Досщакъ у солдатика одного—послѣ фуражировки. Дешево тогда продавались многія хорошія вещи, и за шаровары, о которыхъ и во снѣ не грезилось бѣдному лаучѣ, онъ заплатилъ всего только два кокана (сорокъ копѣекъ). Надѣлъ онъ еще поверхъ своей замасленной тюбетейки, шерстяную чалму—пеструю...

— Чисто мулла самаркандскій...—такъ и развелъ руками лауча Шарипъ, какъ только увидѣлъ Досщака въ его полномъ нарядѣ...

— Батырь!—произнесъ лауча Каримъ и даже головою покачалъ и губами почмокалъ.

— Ого!..—только и крикнулъ генеральскій джигитъ Узепь.—А у тебя даже *моей* будетъ больше! право больше! и лента твоя краснѣе, смотри: у ней по бокамъ двѣ дорожки желтенькія выведены—это вотъ та, по которой ты къ колодцамъ ѣздилъ, а это—та, по которой назадъ возвращался; вотъ онѣ, обѣ эти дороги!..

И джигитъ слѣзъ съ лошади (онъ верхомъ подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли лаучи), подошелъ близко къ Досщаку и долго у него на груди, на лѣвомъ борту халата, что-то разсматривалъ, потомъ отступилъ на шагъ, еще посмотрѣлъ, склонивъ голову немного на бокъ и прищурясь, крикнулъ еще разъ: «Ого!..» и пошелъ привязать своего рыжаго жеребца, покрытаго, отъ самыхъ ушей до хвоста, теплою попоною.

А на груди у лаучи, стараго Досщака, блестѣла на солнцѣ большая золотая медаль на красно-огненной лентѣ. Такъ и сверкало жаркое солнце, отражаясь отъ диска этой медали; а отъ нея уже это отраженіе и на лицо старика переходило; и сверкало, сіяло это сморщенное, изрытое шрамами и морщи-

нами, старческое лицо,—такъ и видны были на немъ довольство, радость, полнѣйшее, безграничное счастіе...

Досщакъ лауча получилъ эту медаль сегодня отъ генерала. Онъ получилъ ее за смѣлую поѣздку къ колодцамъ Алты-кудукъ, и теперь онъ собралъ своихъ друзей, чтобы вмѣстѣ радоваться его радости.

И товарищи его радовались не меньше самого Досщака. Они сообща купили барана у казаковъ,—тоже не дорого пришелся,—зарѣзали его, достали рису и собрались варить пловъ, котораго они, вотъ уже скоро полгода, и близко не видѣли.

Солдаты мимо ходили, останавливались,—ихъ тотчасъ же зазывали; и радовались наивные лаучи всякому гостю, безъ разбора... Да и чего разбирать или считать гостей, когда Шаринъ цѣлый мѣшокъ рису засыпалъ въ громадный котелъ? а котла этого смѣло хватило-бы на половину роты.

Хорошее мѣсто выбрали лаучи для своего пира. Три карагача росли почти рядомъ одинъ отъ другого,—какъ разъ на берегу арыка. Тѣнь, густая такая, прохладная, разстилалась отъ этихъ деревьевъ; и на воду тѣнь эта падала, и на ту сторону переходила, такъ что Узенева лошадь — даромъ что въ десяти шагахъ отъ пирующихъ стояла, а тоже этою тѣнью пользовалась.

Высокая стѣнка тянулась за этими карагачами, за стѣнкою виднѣлся рядъ стройныхъ тополей, а черезъ гребень ея смотрѣли темнозеленыя вѣтви урюковыхъ деревьевъ, на которыхъ, словно янтарные, желтѣли спѣлые фрукты. И какъ только этихъ фруктовъ оборвать еще не успѣли?.. Должно быть много-же ихъ было, когда уцѣлѣли они,—на самой окраинѣ этого шумнаго, многолюднаго лагеря.

За тополями возвышался полукруглый куполъ мечети, а наверху этого купола чернѣло большое косматое гнѣздо аиста.—Длинноногая птица, вся бѣлая, съ черными крыльями, съ краснымъ клювомъ — сидѣла на этомъ гнѣздѣ, и не боялась она людей, что собрались внизу, хотя она такихъ именно людей съ роду своего и не видывала.

Музыка играла гдѣ-то далеко-далеко; звуки ея и сюда достигали и джигиты слушали. Вышло, что у нихъ не только что пиръ, а еще пиръ съ музыкою.

— Такъ-то!..—погладилъ себя по животу джигитъ Узень

и посмотрѣлъ кругомъ: согласны ли съ нимъ другіе члены компаніи.

— Это ты правду сказалъ,—важно кивнулъ своею новою чалмою Досщакъ,—это правда.

— Писалъ ханъ письмо къ джандаралу,—говорилъ джигитъ,—и просилъ, чтобы стоялъ малость на мѣстѣ, а дальше не шелъ-бы;—ты, пишетъ, постой, пока я тѣхъ прогоню, а то всѣхъ разомъ для меня очень трудно.

— Ну?..

— Зачимъ, говоритъ, тибѣ Хива? Не надо тибѣ Хива, а мнѣ говоритъ, надо... Ты, говоритъ, постой пожалиста, а я тебѣ сорокъ халатовъ пришлю, сорокъ верблюдовъ, сорокъ барановъ, сорокъ лошадей и сорокъ баба, хорошихъ хивинскихъ и иранскихъ баба, а ты постой пожалиста...

— Кто это тебѣ, землякъ, сказывалъ?..—полюбопытствовалъ солдалъ-стрѣлокъ, сплюнувъ съ своей коротенькой трубочки...

— Минѣ кто говорилъ?.. минѣ?..

— Да, тебѣ...

— Джандаралъ куритъ маленькій трубка изъ бумага?

— Цыгары куритъ.

— Казакъ Демьянка носитъ огня джандаралу?

— Носитъ.

— Джандаралъ куритъ, казакъ Демьянка огня даетъ, вотъ столичка мѣста бываетъ отъ казака до джандарала.

И джигитъ показалъ, сколько именно мѣста, разставивъ свои руки на полъ-аршина одну отъ другой.

— Ну, пожалуй,—согласился стрѣлокъ.

— А на такой дорога маленькій все слышно бываетъ?

— Бываетъ.

— Этотъ самый казакъ Демьянка и говорилъ мнѣ, что писалъ ханъ джандаралу, а я вотъ вамъ разсказываю...

— Это ты правду говоришь,—опять согласился Досщакъ.— Хотѣлось бы мнѣ такой бумага смотрѣть; тамъ ханское имя золотою краскою написано.

— А ты читать знаешь по ихнему, альбо по вашему, это все единственно?— освѣдомился ротный писарь Кузька, покачиваясь и придерживаясь рукою за сосѣдній карагачъ, чтобъ на ногахъ устойчивѣе держаться...

— Ты братъ, Кузьма, гдѣ это заложилъ?—щелкнулъ пальцами по вороту рубахи солдатикъ-стрѣлокъ.

— Я то? я завсегда помню! мое не пропадетъ, потому я кто? а? Я кто? писарь я ротный, одно слово начальство... Эй, тамыръ, какъ тебя звать, шалтай-болтай что-ли, умѣешь ружьемъ на караулъ дѣлать?..

— Зачѣмъ ружьемъ караулъ дѣлать... не надо ружьемъ караулъ дѣлать...—отпѣкивался тамыръ...

— Читать мало-мало умѣю; меня мулла въ Алматахъ еще училъ,—говорилъ Досщакъ,—а вотъ писать не могу, не выучился. И трудно-же писать, больно тяжело!..

— Да, трудно...

— А что трудно? русска писать трудно, татарска писать трудно?

— По-татарски труднѣе много,—вставилъ свое замѣчаніе писарь Кузька.—Я вотъ по нашему лихо отхватываю, а по вашему, даже когда пьянъ, ничего не выходитъ. Лѣшій васъ не разберетъ, что вы тамъ навыворотъ свой выводите. Такіе-то разводы да закорюки...

— А русска хорошо знаешь?—пытливо посмотрѣлъ на него Досщакъ, и сталъ соображать что-то, шевеля пальцами.

— Лихо!..

— Какъ джандаралъ писать знаешь?..

— Не токмо что генералъ, министру потрафлю, я-те, вотъ гляди, въ одинъ моментъ... разъ-два—полъ-листа готово... Я, надысь, въ недѣлю четырнадцать книгъ шнуровыхъ отмахалъ, вотъ оно что, ежели образованіе настоящее!..

— Садысь, пожалиста, садысь тутъ, пловъ ашать *), махаць **) ашать, садысь пожалиста!

И Досщакъ торопливо принялся расчищать около себя удобное мѣсто для гостя.

Пловъ поспѣлъ. Стали его раскладывать въ большія плоскія чашки, разостлали попоны, коврики, что нашлось подходящаго, поставили эти дымящіяся чашки передъ гостями и потянулись къ нимъ десятки рукъ, зарываясь въ этомъ облитомъ жиромъ, горячемъ варевѣ.

---

*) Ѣсть.
**) Баранина.

Ѣли на славу, съ аппетитомъ; ѣли такъ, чтобы вознаградить себя съ лихвою за всѣ перенесенныя лишенія. Вѣдь такой пловъ не часто въ жизни ѣсть приходится!

Весь день ѣли. Къ вечеру двухгодоваго барана какъ и не бывало, мало тоже рису осталось и въ мѣшкѣ Шариповомъ.

Все время Досщакъ-лауча первый почетъ оказывалъ писарю Кузькѣ, ужъ онъ его и муллою величалъ, и мирзою, самъ ему лучшіе куски выбиралъ, самъ даже и въ ротъ клалъ собственными пальцами...

Тутъ и свалился на мѣстѣ писарь Кузька. Захрапѣлъ пьяный да сытый. Взялъ его Досщакъ съ товарищемъ бережно на руки, отнесъ къ стѣнкѣ, навѣсъ надъ головою устроилъ, чтобы со стороны не видно было.

— Что ты такъ за нимъ стараешься?—спросилъ старика генеральскій джигитъ Узень, — Видишь, онъ какъ свинья нажрался, да напился: развѣ такъ можно хорошему человѣку?..

Джигитъ по своему говорилъ; кто и были изъ солдатъ поблизости, не поняли.

— Это нужный человѣкъ, — сообщилъ потихоньку Досщакъ,—охъ, какой нужный человѣкъ! онъ писать, какъ самъ джандаралъ умѣетъ...

— Да тебѣ это-то зачѣмъ?..

— Этотъ человѣкъ... — началъ лауча, замолчалъ на минуту, прислушался, подошелъ тихонько къ шалашу, заглянулъ туда, нашелъ вѣроятно все въ исправности, и продолжалъ:

— Этотъ человѣкъ хорошее дѣло мнѣ, Досщаку, можетъ сдѣлать. И отъ этого дѣла его, хорошему человѣку, хорошее будетъ, дурному—дурное...

— Ты загадки говоришь...

— Да, загадки... Досщакъ долго думалъ, еще когда на колодцы ѣздилъ, на тѣ, что видишь?..

Онъ показалъ рукою на свою медаль и этимъ движеніемъ совершенно ясно обозначилъ, какіе именно колодцы.

— Еще тогда Досщакъ думалъ, и теперь думаетъ, и завтра думать будетъ, и не скажетъ никому, что онъ думалъ, а узнаютъ то, въ свое время, всѣ люди, и скажутъ. Вотъ

старый Досщакъ, даромъ что старъ, а умъ у него не ушелъ отъ его старости.

Разбрелись и послѣдніе гости.

Темная, тихая ночь настала, ни зги не видно. Луна еще не всходила, а звѣзды мало свѣту давали; особенно подъ деревьями темно было: тамъ сама кошка не разглядѣла бы ничего, даже бѣлой рубахи писаря Кузьки, храпѣвшаго во снѣ на весь околотокъ.

Словно гигантскіе фонари, свѣтились во тьмѣ разноцвѣтныя офицерскія палатки; словно свѣтляки, искрились тамъ и сямъ огоньки закуренныхъ сигаръ. А въ той сторонѣ, гдѣ находился Хазаръ-Аспъ, вспыхивало и разгоралось красное зарево, не то луна всходила, не то пожаръ: и то, и другое часто очень похоже бываетъ; объ этомъ предметѣ спорили невдалекѣ два офицера, и голоса ихъ ясно доносились до ушей Досщака, сторожившаго ночной покой своего гостя, *нужнаго* человѣка.

XXIX. „Я — м а т ь".

— Что бы это значило?—размышлялъ Головинъ, сидя въ своей палаткѣ, на складномъ табуретѣ,—чтобы это значило?.. «Весь этотъ день не приходить къ ней»! Гм!.. ночью тоже... утромъ завтра навѣдаться... Ничего не понимаю...

И онъ еще разъ принялся прочитывать записку, отданную Наташею лично, часъ тому назадъ, когда она опустила, передъ самымъ его носомъ, полы своей палатки, и оттуда уже просунула эту маленькую, сложенную вчетверо бумажку, исписанную почеркомъ, хотя и женскимъ, но твердымъ, рѣшительнымъ.

Въ этой запискѣ сказано было, чтобы весь этотъ день онъ ни раза не заглядывалъ къ ней въ палатку, ночью тоже не навѣдывался, а что завтра, рано утромъ, можетъ прійти, и тогда узнаетъ причину такого страннаго запрещенія...

Прочелъ эту записку хромой казакъ чуть ли не въ двадцатый разъ, приставивъ палецъ ко лбу и опять произнесъ:

— Что бы это значило?..

Одного ли его не хочетъ видѣть цѣлые сутки Наталья

Мартыновна, или всѣхъ вообще, и всѣ-ли получили подобныя посланія?.. Нѣтъ, очевидно, нѣтъ!—разсуждалъ Головинъ. Ни бумаги, ни времени не хватило бы у ней заготовить столько писемъ: должно быть ему одному... Да другіе и такъ, за хлопотами, рѣдко бывали у ней, не то, что онъ; а онъ вѣдь дежурилъ съ утра до вечера, глазъ-на глазъ, а по ночамъ тоже у ея палатки сторожилъ, значитъ, вѣрно это запрещеніе относится къ нему одному. Что бы это значило?

Сталъ припоминать Головинъ, не обидѣлъ-ли онъ чѣмъ-нибудь ея, не сказалъ ли чего-нибудь такого, что вызвало съ ея стороны эту кару. Всѣ мелочи перебралъ, все припомнилъ; каждый мельчайшій шагъ, каждое движеніе, самое ничтожное слово, все припомнилось ему, съ такою отчетливою ясностью, словно все это сію минуту происходило... Нѣтъ, ничего такого не вышло. Она ласкова была съ нимъ, даже вчера и сегодня гораздо ласковѣе, чѣмъ когда нибудь. Да, такъ. Онъ ей руку поцѣловалъ, она его въ лобъ, и даже голову его рукою своею придержала, обняла будто...

— Прощайте, другъ мой!—это она сказала въ послѣдній разъ. Зачѣмъ же «прощайте»? Она всегда говорила: до свиданья», или «до завтраго», или что-нибудь въ этомъ родѣ, а тутъ вдругъ: «прощайте»...

Даже страшно немного стало Головину отъ этого «прощайте»; всталъ онъ, накинулъ китель, шашку черезъ плечо повѣсилъ, потянулся за фуражкою и снова сѣлъ.

— Нѣтъ, не приказала и не надо. Завтра, такъ завтра! Недолго потерпѣть, всего одну ночь; засну и не замѣчу, какъ эта ночь пролетитъ, а завтра рано утромъ... Развѣ издали посмотрѣть? Можетъ быть выйдетъ она зачѣмъ-нибудь, я и увижу издали-то... Эхъ! вѣдь, вотъ подумаешь-то малодушіе! Нѣтъ, буду терпѣть! тамъ что будетъ, то будетъ, а потерплю... Она такъ сказала, значитъ, такъ надо!

И съ новою рѣшимостью хромой казакъ сбросилъ китель, шашку, легъ навзничъ на свою койку и закурилъ сигару.

Темнѣть стало, звѣзды заискрились на небѣ, послѣдняя полоска золотистаго свѣта потухла на западѣ, утихъ лагерный шумъ. Наступила ночь, та самая, которую скоротать во снѣ предполагалъ хромой казакъ... Не приходитъ этотъ спа-

сительный сонъ!.. и чувствуетъ Головинъ, что и вовсе не прійдетъ... Горитъ голова, усиленно стучитъ и прыгаетъ сердце, воздуху все требуетъ взволнованная грудь. Вонъ изъ палатки! вонъ изъ-подъ этого холщеваго свода, хотя и легкаго на самомъ дѣлѣ, а теперь кажущагося тяжелымъ, могильнымъ склепомъ.

И на воздухѣ все тоже... Не спится Головину—и бродитъ онъ въ темнотѣ, то и дѣло спотыкаясь о палаточныя веревки да колья.

— Которая смѣна?—окликаетъ онъ ближайшаго часового.

— Первая,—отвѣчаетъ тотъ.

— Еще долго,—вздыхаетъ Головинъ и снова шагаетъ, не разбирая дороги, немилосердно сжигая свои сигары, одну за другою.

— Эхъ!—махнулъ онъ рукою и пошелъ рѣшительно впередъ. Дошелъ до казачьяго лагаря, прошелъ обозы, прошелъ мимо генеральской ставки. Вотъ уже близко. Вотъ она — эта палатка!..

Казакъ остановился—и ему стало стыдно. Онъ быстро повернулъ и пошелъ потихоньку обратно.

«Огня нѣтъ, значитъ спитъ...—думалъ онъ.—Эхъ! да скоро-ли это утро?! Коротка лѣтняя ночь, а какъ она, проклятая тянется!»

Измучился Головинъ за эту ночь, точно горячку двухнедѣльную выдержалъ. Съ томительнымъ замираніемъ сердца наблюдалъ онъ, какъ все шире и шире, свѣтлѣе и свѣтлѣе разгоралась утренняя заря; какъ запылали багровыя пятна на горизонтѣ, какъ озолотились верхушки тополей и карагачей, мечеть съ своими аистами, какъ снова оживалъ громадный, безконечно-раскинувшійся бивуакъ.

«Пора! нѣтъ, еще рано,—соображалъ онъ.— Пора! она встаетъ всегда съ разсвѣтомъ; теперь уже можно, рѣшено: иду!.. Она пойметъ, какъ много я выстрадалъ за эту ночь, она проститъ мнѣ мою торопливость...»

Головинъ уже подходилъ къ Наташиной палаткѣ... Карповъ пыхтѣлъ уже и суетился за ставкою самоварчика. Въ палаткѣ было тихо.

— Еще спитъ... Здравствуй, Карпушка!—обратился Головинъ къ денщику... и сѣлъ на опрокинутое ведро.

— Здравія желаю!—отозвался солдатъ.—Лимончиковъ хотѣла барыня, я вчера досталъ у маркитанта пару; хорошіе такіе: одинъ-то высохъ, а другой важный...

— Лимоновъ досталъ? — произнесъ Головинъ, а самъ не то хотѣлъ спросить, другое, только языкъ какъ-то не поворотился.

— Пора бы вставать, нешто разбудить?—посовѣтовался денщикъ.

— Поздно вчера заснула?—спросилъ Головинъ.

— А не могу знать... Я отлучался часа на два; вернулся, а палатка уже изнутри завязана, значитъ—почиваетъ... Часовъ шесть есть?

— Половина седьмаго.

— Нешто и вправду разбудить?.. Самоваръ-вотъ давно вскипѣлъ...

— Гм! гм!—откашлялся хромой казакъ.

— Ничего, время,—одобрительно произнесъ Карповъ.

— Наталья Мартыновна!—окликнулъ Головинъ.

Отвѣта не было.

— Да вы громче...—посовѣтовалъ Карповъ.

— Наталья Мартыновна!..

Полная тишина царствовала въ палаткѣ... Головинъ приложилъ ухо къ полотну и сталъ прислушиваться. Ни малѣйшаго шелеста не было слышно. Стѣны палатки вовсе не такія непроницаемыя, чтобы нельзя было слышать дыханія спящей.

Головинъ поблѣднѣлъ и ноги стали у него подкашиваться.

— Что же это?—прошепталъ онъ...

Карповъ опять нагнулся къ самоварной трубѣ и не слышалъ этого вопроса.

Осторожно раздвинулъ Головинъ полы палатки—и заглянулъ.

Кровать Натальи Мартыновны была пуста... Въ палаткѣ не было ни души.

На маленькомъ столикѣ лежали двѣ записки. Эти бѣлые четвероугольники такъ и лѣзли въ глаза; они словно говорили: «Бери скорѣе и читай!»

И Головинъ прочелъ.

Одна изъ этихъ записокъ была та самая бумажка, что сунулъ въ руки Наташѣ оборвышъ-иранецъ, другая, писанная ея собственною рукою. Въ этой запискѣ было мало словъ.

«Я мать. Простите меня вы всѣ и не забывайте. Прощайте! Дай Богъ, чтобы не навсегда».

Вотъ и все, что было тамъ написано.

— А вотъ и самоварчикъ! — просунулся въ палатку съ подносомъ денщикъ Карпушка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Побѣгъ.

Наташа рѣшилась итти.

Съ той минуты, когда всякія колебанія уступили мѣсто этой рѣшимости,—весь умъ, всѣ способности мышленія были устремлены исключительно на обстановку побѣга.

Да, это былъ побѣгъ. Могла-ли Наташа хотя кому нибудь высказать свое рѣшеніе? могла-ли хотя съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться? Никому и ни съ кѣмъ.

Еслибъ она сказала хотя слово—со всѣхъ сторонъ посыпались бы протесты, убѣжденія, и наконецъ приняты были бы такія мѣры, при которыхъ личная воля Наташи была-бы парализована.

Ее просто не пустили-бы силою.

А день, назначенный въ запискѣ Атамкула, приближался. Русскіе перешли на ту сторону. Съ минуты на минуту она должна была ожидать прихода тѣхъ людей, за жизнь которыхъ отвѣчалъ своею головою ея сынъ... Эти люди должны были помочь ей выйти изъ лагеря и провести ее къ сыну...

И съ тѣмъ вмѣстѣ—къ Атамкулу.

Но Наташа отстраняла отъ себя это послѣднее, она избѣгала даже думать объ немъ, она вся сосредоточилась на первомъ, внѣ котораго, въ настоящую минуту, для нея ничего не существовало.

Она почувствовала себя совершенно чужою въ этомъ лагерѣ: словно лопнуло, порвалось все, что до сихъ поръ ее съ нимъ связывало...

Она пережила уже самую тяжелую минуту—и послѣ этой минуты ничего уже не было для нея страшнаго, никакой шагъ не былъ для нея невозможенъ.

Вчера вечеромъ пришли *эти люди*—одинъ изъ нихъ былъ даже у нея въ палаткѣ. Опять какой-то иранецъ незамѣтно подползъ подъ полу, а это было такъ удобно: палатка стояла у самой стѣнки—рядомъ росли два развѣсистые карагача, внизу кусты виноградника. Иранецъ перелѣзъ чрезъ стѣну, спустился на нижнія вѣтки карагача и ждалъ, пока сама Наташа не отстегнула внизу полы палатки и не указала ему, куда онъ можетъ пробраться. А передъ этимъ, за полчаса, она написала извѣстную намъ записку къ Головину и кликнула Карпова.

— Карповъ!..

— Что, матушка, ваше благородіе?

— Ты собирался сегодня въ гости куда-то...

— Точно такъ, ваше благородіе... Такъ какъ, значитъ, онъ мнѣ землякъ доводится, изъ одной деревни...

— Ну, ступай. Можешь попозднѣе прійти...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе...

И ушелъ Карповъ къ своему земляку на другой конецъ лагеря, не подозрѣвая, что, вернувшись, онъ уже не найдетъ своей барыни, а можетъ быть никогда ея и не увидитъ.

Затаивъ дыханіе, скорчившись и слегка вздрагивая, какъ волкъ въ западнѣ, сидѣлъ иранецъ между сундукомъ и столомъ, прикрытый на всякій случай конскою попоною... Оборвышъ зналъ, что рискуетъ своею головою, если попадется, если его выдадутъ; но онъ также зналъ, что вернувшись одинъ къ Атамкулу—онъ попадетъ изъ одной петли въ другую... Безпокойно бѣгали его черные живые глаза изъ-подъ попоны; въ ту минуту, когда Наташа разговаривала съ Карповымъ, онъ даже зажмурилъ свои глаза и бормоталъ про себя что-то изъ корана, перепутывая все, что только зналъ на память изъ той книги... Однако, онъ слышалъ все, что говорила Наташа, и успокоился.

Наталья Мартыновна начала поспѣшно собираться.

Она связала небольшой узелъ — и умышленно связала въ черный платокъ... бѣлый-бы могъ ночью броситься въ глаза часовымъ и обратить на себя ихъ вниманіе... Въ этомъ заключались всѣ ея сборы; потомъ она тщательно завязала тесемки входа изнутри, чтобы вернувшійся Карповъ подумалъ, что она спитъ, и не безпокоилъ-бы своей барыни заглядыва-

ніемъ въ палатку. Сдѣлавъ это, Наташа сѣла на кровать, опустила голову и задумалась.

— Пора, уже темно...—прошепталъ оборвышъ.

Наташа вздрогнула, словно проснулась отъ этого шепота и испуганно посмотрѣла вокругъ себя...

— Пора,—произнесла она также тихо, почти беззвучно, и поднялась съ кровати.

Иранецъ выползъ изъ-подъ попоны и полѣзъ изъ палатки опять тою же дорогою, какъ и пришелъ; Наташа послѣдовала за нимъ.

— Было свѣтло,—шепталъ иранецъ,—и тамъ нельзя итти было;—теперь ночь, темно,—тамъ итти можно... Иди слѣдомъ, не отставай... Вотъ сюда, держись за этимъ кустомъ... иди...

И Наташа шла, не разсуждая, не думая даже ни о чемъ, вся отдавшись на волю проводника, шла не какъ живое существо, а какъ машина.

Пройдя шаговъ двадцать вдоль стѣны, иранецъ ощупалъ проломъ, промытый водою арыка; въ этотъ проломъ свободно могла проскочить развѣ только собака.

— Ложись!—говорилъ иранецъ.

Платье Наташи мгновенно намокло, она почувствовала какъ холодная вода охватила ея тѣло, она задрожала, зубы у нея нервно застучали...

— Ползи!—слышался впереди указывающій голосъ.

«Словно въ могилѣ», промелькнуло въ головѣ Наташи, когда она почувствовала надъ собою и съ боковъ глиняныя массы стѣны такъ близко, что она прикасалась къ нимъ локтями рукъ и головою, если только чуть-чуть поднималась повыше.

Впереди блеснула звѣздочка, одна-другая-третья... Они выбрались изъ пролома и могли стать на ноги, грязная вода текла съ намокшихъ тряпокъ иранца, все платье и бѣлье Наташи прилипло къ тѣлу и стало тяжело, какъ свинцовое...

— А этотъ, вотъ видишь, сухой,—показалъ ей иранецъ на узелокъ,—я его въ зубахъ несъ, оттого и сухой... Теперь сюда; тамъ ваши солдаты стоятъ...

Русскій говоръ слышался не болѣе, какъ въ десяти шагахъ... Наташа видѣла даже, какъ искрился огонекъ солдатской трубочки...

— Говорятъ, Оренбургскіе уже подошли къ Хивѣ?

— Слыхать, что подошли.

— Эхъ, раньше нашего поспѣли, черти!..

— Ничего,—мы своего не упустимъ—безъ насъ тоже ни въ какомъ случаѣ не обойдется дѣло...—слышалось въ той сторонѣ.

— Да будетъ воля Аллаха!—шепталъ иранецъ, — теперь сюда... сюда...

Листья густого виноградника зашелестѣли вокругъ Наташи... Она поминутно спотыкалась на узловатые корни и перепутанные стебли, ноги вязли въ сухомъ, рыхломъ грунтѣ разработанныхъ грядокъ...

Виноградниками они шли довольно долго. По временамъ пригибались къ землѣ, ложились совсѣмъ и выжидали... Часто имъ слышался говоръ солдатъ то справа, то слѣва, то довольно далеко, то уже совсѣмъ близко... Стреноженная лошадь навострила уши и испуганно фыркнула, почуявъ вѣроятно ползущихъ.

— Здѣсь дальше, много дальше, но здѣсь нѣтъ собакъ,— шепталъ проводникъ.—Человѣка всегда обмануть можно—собаку никогда... Увидитъ собака, услышитъ только, пропалъ бѣдный иранецъ... Сюда-сюда!..

Бѣглецы проползли опять въ какое-то отверстіе и очутились на дворикѣ пустой сакли. На этомъ дворикѣ виднѣлись слѣды ожесточенной борьбы; валялась разбитая посуда, сломанная деревянная утварь, разное тряпье...

— Здѣсь подожди—я пойду узнаю: какъ русскіе поставили часовыхъ въ эту ночь. Они вѣдь всякую ночь мѣняютъ мѣсто... Я знаю, какъ было вчера, я не знаю, какъ сегодня. Сиди здѣсь и жди.

Онъ посадилъ Наташу въ углу темной сакли—и еще разъ добавилъ:

— Жди — я прійду скоро. Если услышишь тамъ (онъ кивнулъ рукою) шумъ,—или выстрѣлъ—или я кричать буду, я непремѣнно кричать буду,—тогда иди себѣ домой... поняла?

— Поняла,—прошептала Наташа и стала ждать...

Какъ темно было въ этой саклѣ, какъ душно! какъ безконечно долго тянулось время!..

Невидимая рука дернула ее за платье.

— Иди!—прошепталъ надъ самымъ ухомъ знакомый голосъ...

— Слава Аллаху,—говорилъ иранецъ, — въ этой сторонѣ казаки стоятъ — легко пройти будетъ; а вотъ еслибы стояли пѣшіе,—тогда все дѣло пропало-бы; а эти спятъ, эти ничего не видятъ и очень мало слышатъ... Пойдемъ!

— Знаешь, гдѣ теперь стоятъ послѣдніе русскіе часовые?—спросилъ вдругъ Наташу проводникъ—и спросилъ уже не шепотомъ, а во весь голосъ, такъ что Наташа вздрогнула и невольно обернулась.

— Они теперь тамъ, и ты знаешь, какъ далеко летаютъ пули изъ ихъ ружей — теперь-же эти пули едва-едва долетать до насъ могутъ. Аллахъ къ намъ въ эту ночь былъ милостивъ.

II. Внѣ русскаго лагеря.

— Еще пройдемъ немного, а тамъ наши люди ждутъ; тамъ и лошади есть, не пойдемъ же мы пѣшкомъ всю дорогу... — говорилъ весело иранецъ и крѣпко держался за платье Натальи Мартыновны...

Онъ вѣроятно боялся, что она еще раздумаетъ и захочетъ бѣжать...

— А намъ еще далеко надо уйти въ эту ночь — далеко, теперь Атамкулъ за Хозаръ-Аспомъ стоитъ, Матъ-Ніазъ къ Хивѣ отошелъ, Матъ-Мурадъ не далеко отъ Атамкула, а всѣ остальные—тамъ, въ западной сторонѣ съ русскими, что отъ моря подошли, бьются.

Иранецъ началъ по временамъ посвистывать. Сперва никто не отзывался на этотъ свистъ; потомъ, пройдя еще съ полверсты, вправо отъ дороги, гдѣ силуэтомъ видѣлись шесть съ конскими хвостами на могилѣ какого-то святаго, послышался другой свистъ, отвѣтный.

— Сюда! — командовалъ иранецъ и потянулъ за собою Наташу.

Человѣкъ шесть вооруженныхъ джигитовъ со всѣхъ сторонъ окружили пришедшихъ.

— Привелъ,—самодовольно произнесъ иранецъ,—хорошій баба привелъ. Атамкулъ большое спасибо скажетъ и дастъ мнѣ халатъ, лошадь и сто кокановъ, какъ обѣщалъ.

— Можетъ дастъ, а можетъ и не дастъ,—усомнился одинъ изъ джигитовъ.

— Дастъ!—увѣренно замѣтилъ другой.

— Давай лошадей!—распорядился иранецъ.

— Да она вся мокрая,—ощупалъ Наташу джигитъ: — видишь, дрожитъ вся, озябла... Ты озябла, да?

— Совсѣмъ не жирная,—ощупалъ другой...

— Эй, снимай съ нея это... такъ негодится. У меня два халата надѣто: я ей дамъ одинъ, все теплѣе будетъ,—снимай!..

Неумѣлыя руки грубо принялись стаскивать съ Наташи ея платье—крючки лопались и отлетали, шнурки рвались...

— Вишь сколько тутъ напутано!.. Нѣтъ, наши бабы одѣваются лучше,—толковали джигиты, хлопоча около Натальи Мартыновны, — снимай, снимай, чего упираешься!.. Подержи ей руки.

Наташа машинально защищалась отъ этихъ заботливыхъ попеченій; она была въ какомъ-то полузабытьѣ; ей казалось, что все, что съ ней происходитъ, происходитъ не на яву, а во снѣ. Съ нея сняли рѣшительно все, кромѣ рубашки, и накинули ей на плеча ватный стеганый халатъ. Отъ этого халата пахло чѣмъ-то весьма неблаговоннымъ, но въ немъ было тепло, — и эта теплота пріятно охватила окоченѣвшіе члены женщины.

— Давай и шапку свою,—говорилъ кому-то иранецъ,—ты и въ тюбетейкѣ одной поѣдешь, давай сюда... Вотъ такъ! совсѣмъ джигитъ сталъ, а не баба... ха-ха-ха! днемъ поѣдемъ, никто и не узнаетъ... Ну, теперь на лошадей.

— Бери ее, подсаживай... вотъ такъ! на, держи поводья: не надо нагайки, зачѣмъ? ты валяй впередъ, вы по бокамъ, а мы сзади... Трогай!

Высокій тюркменскій аргамакъ покойно несъ на своей спинѣ Наташу... Мягкая подушка на сѣдлѣ и высокія стремена позволяли сидѣть совершенно покойно, какъ въ креслѣ; Наталья Мартыновна выпустила изъ рукъ поводья и взялась за луку сѣдла... У ней кружилась голова и въ ушахъ стоялъ смутный гулъ, такъ что голоса ѣдущихъ съ нею рядомъ, казалось, неслись откуда-то издалека...

Тюркменскія лошади не знаютъ другого аллюра, какъ широкій размашистый шагъ и полный карьеръ. Теперь вся ка-

валькада шла шагомъ, но подвигалась впередъ такъ скоро, что обыкновенныя лошади должны были-бы поспѣвать за ними полною рысью...

— Намъ нужно много уйти до свѣту,—говорили джигиты:— теперь мы и русскихъ должны бояться, да и своихъ тоже:— увидятъ, сохрани и помилуй Аллахъ, текинцы—отобьютъ; увидятъ чодоры *) — тоже не дадутъ спуску, драться прійдется; іомуды увидятъ—и говорить нечего...

— Большіе безпорядки пошли у насъ теперь... Самого хана не боятся: всякъ что хочетъ то и дѣлаетъ... Эй, подгоняй, передніе!.. давай ходу больше!..

Кавалькада шла по узкой дорогѣ, между стѣнами садовъ; по сторонамъ виднѣлись темныя группы деревьевъ, кое-гдѣ блистала вода, часто приходилось переѣзжать черезъ зыбкіе мостики, перекинутые надъ арыками.

Все кругомъ было пусто и тихо... Такъ много обработанной земли, такъ много жилья—и полное отсутствіе людей. Все бѣжало или попряталось, услышавъ о переходѣ русскихъ на этотъ берегъ Аму,—и оставило свои дома и сады на разореніе и гибель отъ рукъ жадныхъ побѣдителей.

Послѣ уже, когда вернулись бѣглецы на свои насиженныя мѣста, они глазамъ своимъ не вѣрили и ощупывали руками чуть-ли не каждый предметъ своего хозяйства. Они не разсчитывали найти все цѣлымъ и нетронутымъ.

Къ разсвѣту кавалькада отошла отъ русскаго лагеря по крайней мѣрѣ на сорокъ верстъ. Городъ Хозаръ-Аспъ съ своею крѣпостью былъ обойденъ далеко стороною... Надобно остановиться и дать отдохнуть лошадямъ: но это еще не главная причина остановки; лошади могли бы сдѣлать еще столько-же, не отдыхая, но наступило утро, а съ нимъ денной свѣтъ—и этого-то свѣта боялись джигиты, хотя уже находились внѣ всякой опасности отъ преслѣдованія.

Выбрали удобное, скрытое отъ проѣздной дороги, мѣсто и расположились на отдыхъ.

Это былъ дворъ старой мечети, обнесенный высокою стѣною. Посреди двора былъ четыреугольный маленькій прудикъ «хаузъ» съ заплѣсневѣлою стоячею водою, надъ прудомъ не-

*) Чодоры, текке и іомуды—тюркменскіе роды.

избѣжные карагачи, покрывающіе своею тѣнью чуть не все пространство двора; у наружной стѣны, въ которой были продѣланы широкія ворота, тянулся полуразрушенный навѣсъ для лошадей, съ выбитыми въ стѣнѣ впадинами для корма. Навозъ и остатки золы отъ костровъ показывали, что этимъ мѣстомъ многіе уже пользовались для остановокъ... Одна изъ кучекъ золы еще даже не совсѣмъ остыла, и это обстоятельство возбудило между джигитами муллы-Атамкула не мало тревожныхъ толковъ и предположеній, но выбирать было не изъ-чего и поневолѣ пришлось оставаться здѣсь, а потому тотчасъ-же и приступили къ устройству денного бивуака.

Наташу отвели въ одну изъ заднихъ сакель, постлали ей тамъ конскую попону, дали подушку отъ сѣдла и приставили караульнаго.

— Я тебѣ сейчасъ чаю сварю и принесу, — сказалъ ей иранецъ. — У меня есть кунганъ, я разведу огонь... Живо поспѣетъ чай!.. Вотъ только жаль, что я не успѣлъ захватить сахаръ, что у тебя лежалъ на столѣ, я видѣлъ въ палаткѣ, и хлѣбъ, что висѣлъ въ мѣшкѣ, — я тоже видѣлъ... Ну, да что есть, того и довольно будетъ, пока спи.

Но Наташа не нуждалась въ этомъ послѣднемъ приглашеніи. Едва только она слѣзла съ лошади, какъ ея ноги совершенно отказались ей повиниться. Кое-какъ дотащилась она до указаннаго мѣста, опустилась на попону, и тотчасъ же заснула какъ убитая... Это былъ сонъ крѣпкій,—сонъ, который не могъ-бы быть прерванъ никакимъ шумомъ—это былъ сонъ-обморокъ.

Нервное напряженіе, давшее ей силы перенести эту ночь, со всѣми своими треволненіями, уступило мѣсто полному физическому ослабленію...

Когда иранецъ принесъ ей кунганчикъ съ чаемъ, половину сухой лепешки изъ кукурузы и маленькую зеленую чашечку, онъ не могъ добудиться своей добровольной плѣнницы—какъ ни хлопоталъ объ этомъ; потомъ плюнулъ, поставилъ около все принесенное, легъ у ногъ, свернулся какъ собака и захрапѣлъ на всю саклю...

III. Атамкулова курама *).

Передъ вечеромъ опять пустились въ дорогу.

Паташу разбудили съ большимъ трудомъ. Проснувшись, она долго не могла еще прійти въ себя, не узнавала мѣста, не узнавала людей, и дикими, блуждающими глазами смотрѣла на все окружающее... Она будто забыла все, что случилось вчера и этою ночью... Она не понимала, что это такое съ нею происходитъ...

Все тѣло ея было разбито, она чувствовала неимовѣрную слабость, и ее почти на рукахъ вынесли изъ сакли и посадили на лошадь. Прохладный вечерній воздухъ и сырая свѣжесть испареній отъ безчисленныхъ арыковъ, вода которыхъ выступала изъ береговъ и мѣстами затопила дорогу, подѣйствовали благодѣтельно на добровольную плѣнницу—и она мало-по-малу стала овладѣвать собою.

Всадники выбрались снова на большую дорогу. Отсюда весь путь былъ испорченъ въ ожиданіи русскихъ... Мостики сломаны, на дорогѣ стояли сплошныя лужи грязи, въ которыхъ ноги лошадей вязли почти выше колѣна... Кромѣ того, мѣстами, дорогу перегораживали баррикады изъ арбъ, поломанныхъ и сваленныхъ въ кучи; цѣлыя деревья были срублены и повалены на дорогу... Приняты были всѣ мѣры, чтобы задержать движеніе нашихъ войскъ и выиграть время для переговоровъ... Тамъ и сямъ показывались изъ-за стѣнъ испуганныя головы, въ большихъ бараньихъ шапкахъ, изрѣдка въ чалмахъ... Эти головы тотчасъ-же прятались до приближенія кавалькады и потомъ глядѣли ей вслѣдъ, съ любопытствомъ и страхомъ.

Въ ханствѣ начала уже разыгрываться та неурядица, при которой осѣдлое населеніе, собственники домовъ и обработанныхъ земель, не различало уже ясно кто врагъ, кто другъ, кто чужой, кто свой. «Бѣлая-ли рубаха» несетъ съ собою огонь и мечъ или черная тюркменская шапка... Фанатическая ненависть къ русскимъ стала уступать мѣсто страху передъ грабителями тюркменскихъ степей, нахлынувшими на оазисъ ханства, какъ волки на издыхающаго верблюда.

---

*) Курама — сбродъ.

Роль тюркменъ во время послѣднихъ хивинскихъ событій весьма близко походила на ту роль, которую разыгрывали у насъ въ тяжелую годину междуцарствія украинская и запорожская вольница.

Тюркмены, «любимое войско Аллаха», гроза всего міра, оплотъ величія и силы хивинскаго хана (какъ ихъ величаютъ разные письменные источники) оказались несостоятельными передъ «бѣлыми рубахами» и уступили имъ поле. Побѣжденные—они не могли разсчитывать на военную добычу, но съ пустыми руками нельзя-же было имъ вернуться въ свои кочевыя становища—и вотъ они принялись за осѣдлыхъ жителей ханства... Войска хана—его регулярная пѣхота, артиллерія и вооруженный сбродъ—были стянуты къ «Клычъ-Ніазъ-баю» — откуда напирали уже Оренбургскій и Кавказскіе отряды... А съ востока уже подходили болѣе страшные враги—туркестанскіе батальоны; кого имъ противоставить, что предпринять?.. Оставалось одно: загородить путь, задержать хоть на день роковую минуту...

Матъ-Ніазъ и Матъ-Мурадъ теряли уже головы и метались то туда, то сюда съ своими полуразбитыми отрядами; Атамкулъ съ своею вольницею, Садыкъ съ Бизылъ-Кумскими киргизами обдумывали уже планъ отступленія въ тюркменскія степи, къ Мерву, оставляя на произволъ судьбы своего хана...

Громче и громче, въ самой Хивѣ, раздавались голоса о мирѣ, о пощадѣ.

— Отвернулся Аллахъ отъ нашего хана,—задумчиво говорилъ старый джигитъ, изъ тѣхъ, что конвоировали Наталью Мартыновну...

Кавалькада подвигалась теперь медленно; наступившая темнота еще болѣе затруднила прокладываніе пути по этимъ исковерканнымъ пространствамъ... Часто приходилось останавливаться, слѣзать съ лошадей и руками растаскивать нагроможденныя арбы, чтобы прочистить узенькій проходъ, достаточный только для того, чтобы кое-какъ могли проскользнуть въ него осѣдланныя лошади. Случались остановки, при которыхъ тратилось по получасу времени и даже болѣе.

Вотъ чуть-чуть донеслись какіе-то странные звуки; не то надтреснутый рожокъ, не то флейта... Однообразная заунывная трель дрожала и замирала въ ночномъ воздухѣ. Это были

звуки чебызги, незатѣйливаго инструмента изъ камышины съ прорѣзными дырочками... Иногда эти звуки прерывались, и тогда слышались глухіе удары въ бубенъ и такой же монотонный напѣвъ, словно вытье какое-то, словно тамъ не люди, а волчья стая собралась вмѣстѣ и воетъ, глядя на добычу, хотя и заманчивую, но для нихъ недоступную...

— Тамъ наши,—протянулъ руку съ нагайкою джигитъ...

— Э, гей!—окликнули ихъ неожиданно справа.

Кони вздрогнули и попятились... всадники инстинктивно потянулись за оружіемъ.

— Кто на дорогѣ?—послышался снова окликъ...

— Это Достъ-Магометъ кричитъ, это его горло, я слышу,— произнесъ иранецъ...

— Свои... свои...—окликнулъ джигитъ...

Нѣсколько всадниковъ словно вынырнули изъ мрака и подъѣхали къ нимъ... Несмотря на темноту, они разглядѣли Наталью Мартыновну, несмотря даже на ея халатъ и шапку.

— Баба?..—спросилъ одинъ.

— Баба, да не твоя,—огрызнулся иранецъ.

— Гдѣ взяли?..

— А тамъ, гдѣ ея теперь нѣтъ... Эй, пріятель, отъѣзжай-ка подальше; ну, пошелъ!

— Ишь, молодая! полегче, чего ты? у меня у самого ножъ близко... чего пугаешь!

— Это жена Атамкула,—произнесъ иранецъ. — Вотъ онъ вамъ дастъ, когда я раскажу ему, погодите... Онъ вамъ покажетъ!.. Ишь какіе охотники до чужихъ бабъ выискались!

— Да мы что-же, мы только посмотрѣли... Мы развѣ до нея дотрогивались?..

— Гдѣ самъ?

— Въ Рустемовой саклѣ, въ саду сидитъ... только не идите: такой злой, что и подступиться нельзя, что-то съ Матъ-Ніазомъ не поладилъ.

— Намъ нестрашно. Трогай!..

Кавалькада въѣхала въ ворота, между двухъ приземистыхъ, широкихъ башенъ съ зубчатыми вершинами. Ноги лошадей застучали по плитному мощеному двору... Опять всадники въѣхали въ какой-то темный, крытый проѣздъ и потянулись гуськомъ

другъ за другомъ по узенькой тропинкѣ, извивавшейся между абрикосовыми деревьями и кустами винограда.

Впереди виднѣлось еще какое-то темное массивное зданіе... тамъ мигали на стѣнахъ красноватыя отраженія костровъ и слышались голоса... Иранецъ слѣзъ съ лошади, передалъ поводья джигиту, ощупалъ Наташу, какъ-бы удостовѣрился тутъ-ли она, и пошелъ пѣшкомъ къ входу въ Рустемову саклю...

Всадники остановились и начали тоже слѣзать съ своихъ измученныхъ аргамаковъ. Впереди замелькали бѣлыя и красныя точки бумажныхъ фонарей... Кто-то торопливо шелъ имъ навстрѣчу...

— Аллахъ былъ къ намъ милостивъ...—слышался голосъ иранца...

IV. Разладъ.

Въ Хивѣ, въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, по ставкамъ разбитыхъ и окончательно деморализованныхъ ханскихъ войскъ, въ этой общей неурядицѣ и паникѣ, охватившей все ханство, все низовье великой «Аму», начали ясно обрисовываться двѣ, совершенно противоположныя одна другой, партіи.

Одна партія требовала мира, требовала немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, цѣною какихъ бы то ни было соглашеній съ русскими. Если бы послѣдніе предложили этой партіи самыя тяжелыя условія—эти условія были-бы приняты безъ возраженія...

Другая партія настаивала на продолженіи войны, и на продолженіи самаго упорнаго, фанатическаго сопротивленія.

Приверженцы первой партій совѣтовали хану послать къ русскимъ «мудрѣйшихъ людей», просить генерала изъ Ташкента остановиться, обѣщать все, что онъ пожелаетъ, и подкрѣпить свои обѣщанія клятвою. Они говорили, что русскихъ удержать силою уже невозможно. «*Дуй ртомъ навстрѣчу урагана, удержи его!*» приводили они картинное сравненіе. «Если ханъ съ покорностью явится къ русскому генералу»,—предполагали они, — «тотъ не захочетъ его конечной погибели и преложитъ гнѣвъ на милость». «Вотъ въ Бухарѣ, въ 1868 году, — припоминали эти сторонники мира,—тоже самое съ эмиромъ бухарскимъ, Мозофаромъ было: вѣдь ужъ

какъ на него злы за Самаркандъ были, да за сговоры съ сосѣдними беками... Всѣ мы тогда думали, что послѣ зарабулакскаго боя пришелъ конецъ Мозофарову ханству; а попросилъ онъ покорности, поклонился, — русскіе остановились, дальше не пошли. Правда, они у него полъ-ханства забрали, лучшую его половину, да все же кое-что и оставили, не все отняли. И теперь Мозофаръ спокойно себѣ въ Бухарѣ благоденствуетъ... А кому онъ обязанъ этимъ?—все вѣдь бѣдному Рахмедъ-Ишаку, что его на миръ подбивалъ, вопреки муллъ-горлановъ *). Послѣ-же еще сами русскіе эмиру помогли, совсѣмъ изъ бѣды выручили, когда сынъ его на отца войной пошелъ; города, отобранные имъ, выручили... И теперь эмиръ-Мозофаръ не своею больше, а русскою силою на ханствѣ держится... Такъ-то!»

— И хивинскаго хана, Сеидъ-Рахимъ-Богадура, русскіе не тронутъ; оставятъ его-же въ Хивѣ царствовать, сами уйдутъ, — только порядки, можетъ, по своему заведутъ, новые.

— На все, на все соглашайтесь,—лукавили они, — русскіе уйдутъ, тогда опять втихомолку на старый ладъ повернуть можно... Когда еще русскіе спохватятся, замѣтятъ, да назадъ вернутся, много лѣтъ пройдетъ, много въ море воды Аму-дарьинской утечетъ... Вѣдь вотъ, между тѣмъ, послѣднимъ разомъ, когда Перовскій изъ Оренбурга ходилъ, и нынѣшнимъ, безъ малаго полъ-вѣка прошло, а въ такое долгое время *можетъ и вѣтеръ станетъ дуть иначе.*

— Русскіе — народъ не злопамятный; они покорность шибко любятъ; только не перечь имъ и выходи навстрѣчу, съ хлѣбомъ и подарками... А что ужъ тутъ намъ и перечить, когда на ихъ сторонѣ вся сила.

— Вся да не вся! — отвѣчали сторонники сопротивленія, укоризненно поглядывая на *трусовъ и людей забывшихъ, что они не въ бабьихъ рубахахъ.*

— Сколько вѣковъ стоитъ Хива благочестивая! Въ ней лучшіе святые могилы свои построли. Къ ней со всѣхъ сто-

*) „Рахмедъ-Ишакъ-бекъ Заадинскій“, уговорившій эмира бухарскаго заключить миръ съ нами въ 1868 году.—Несчастный погибъ, имѣвъ несчастіе попасться въ руки инсургентовъ при набѣгѣ „Кататюра“ на Заадинъ и Хатырчи.

ронъ тысячи ходжей, богомольцевъ собираются. Въ Хиву вольный народъ добычу свою привозитъ, и самъ богатѣетъ, и городъ богатитъ... Не можетъ нога невѣрнаго попирать благочестивую землю хивинскую! Ни святые, ни пророкъ, ни даже самъ Аллахъ не попуститъ этого позора и посрамленія. Если онъ послалъ теперь испытаніе и кару на хивинскій народъ, то скоро надо ожидать отъ него и помилованія, а не вымаливать это помилованіе у невѣрныхъ собакъ, предупреждать волю Аллаха.

— Пусть все забираютъ русскіе силою, послѣ всегда отнять назадъ будетъ можно забранное, когда счастье повернется въ нашу сторону.

— Хану говорятъ: «уйти некуда!» — неправда! Говорятъ: «все равно въ плѣнъ попадетъ къ русскимъ»—не правда и это! А Мервъ на что, а тюркменскія вольныя степи?! Ханъ къ тюркменамъ уйти можетъ, а то такъ и къ самому хану кабульскому; тамъ его «инглизы» поддержатъ, имъ это даже на руку будетъ... Мы вѣдь тоже кое-что да смыслимъ... Да развѣ русскіе пойдутъ дальше Хивы? это только дѣти такой вздоръ выдумать могутъ. Нѣтъ, они остановятся. Что имъ за охота въ тюркменскія степи забираться?! Они знаютъ, что *въ степи эта дорога широкая, да назадъ оттуда узкая.*

— И сюда-бы даже не пришли русскіе, еслибъ не наши безпорядки, да неурядицы... Песками-бы ихъ не пропустили, не то что на этотъ берегъ перебраться дали... Сами мы все грызлись между собою, да спорили, а дѣла не дѣлали настоящаго: потеряли головы—оттого все и вышло, а не отъ силы русской.

— Вотъ какъ надо намъ теперь дѣйствовать: далеко отошли русскіе отъ своей земли; широкія, безводныя пустыни легли за ними; — можно ихъ совсѣмъ теперь отрѣзать; замучить ихъ исподволь, истомить и погубить потомъ разомъ, однимъ дружнымъ натискомъ...

— Мало-ли русскихъ головъ торчало и гнило на копьяхъ, на этихъ же самыхъ стѣнахъ? Погодите, прійдетъ время, и мы увидимъ еще цѣлые ряды такихъ же стриженыхъ головъ..

— Пусть поднимется всякъ, кто въ силахъ взяться за ножъ; пусть даже старики и дѣти идутъ сражаться. Во всѣхъ мечетяхъ, на всѣхъ перекресткахъ молитесь объ одномъ: о по-

бѣдѣ надъ невѣрными... Аллахъ смилуется и не станетъ губить въ конецъ своихъ дѣтей вѣрныхъ.

На сторонѣ первой, мирной партіи, былъ Матъ-Ніазъ, подкрѣпленный осѣдлыми хлѣбопашцами и садоводами, народомъ городскимъ и торговымъ; къ сторонѣ противной, враждебной, требующей «*хазавата*», явно пристадъ Матъ-Мурадъ, а съ нимъ и вся вольница. Тюркмены отступили къ своимъ предѣламъ и выжидали: ханъ колебался между тою и другою сторонами.

V. Матъ-Мурадова ставка.

Верстъ двадцать не доѣзжая Хивы, по Хазаръ-Аспской дорогѣ, весь заросшій садами, таится кишлакъ Чаганакъ. Кишлакъ это маленькій, всего изъ восьми сакель; сакли эти стоятъ по четыре на каждой сторонѣ улицы; съ крыши каждой изъ этихъ сакель на крыши противоположныхъ перекинуты тонкія жерди, а на жерди хворостъ настланъ, а сверху все циновками прикрыто; этотъ навѣсъ прикрываетъ всю улицу; темно такъ въ ней, прохладно, и жители чаганакскіе съ утра и до ночи сидятъ въ своихъ лавкахъ, пользуясь этою тѣнью, заманивая ею всѣхъ проѣзжающихъ остановиться покурить кальяна, напиться чаю и дать, тѣмъ временемъ, отдохнуть своей лошади.

Чаганакцы всѣ торговые люди; держатъ кальяны, самовары, и торгуютъ всѣмъ, что только нужно всякому дорожному человѣку... Они и живутъ только этими дорожными людьми, а потому всякая остановка проѣзжаго, подъ тѣнью ихъ базара-улицы, приноситъ имъ, хотя и небольшую, за то вѣрную прибыль.

Особенно доходны чаганакцамъ большіе арбяные обозы... Чуть только услышатъ они скрипъ незамазанныхъ осей по дорогѣ, сейчасъ торопятся раздуть уголья въ потухшихъ самоварахъ, подбросить хворосту въ огонь, въ холодное зимнее время... Выглядываютъ изъ-подъ своихъ навѣсовъ и ждутъ... И не спѣшатъ они другъ передъ другомъ зазывать къ себѣ проѣзжихъ, знаютъ, что на всѣхъ хватитъ; всего вѣдь только восемь лавочекъ—«восемь караванъ-сараевъ»—какъ они сами свои эти лавочки величаютъ.

Въ настоящее время много народу чужого занимало Чаганакъ; вся улица была запружена лошадьми, мѣста не было проѣхать по дорогѣ, не было мѣста и въ лавкахъ, даже во дворахъ, занятыхъ биткомъ, отъ воротъ, вплоть до заднихъ стѣнокъ.

Только на этотъ разъ, отъ такого наплыва чужаго народу, чаганакцамъ выгоды не было. Самихъ хозяевъ даже не было дома, всѣ разбѣжались и попрятались; остались только два сѣдыхъ старика, которымъ и ходить уже было не подъ силу, не то что бѣгать.

Со вчерашняго дня пришли сюда эти чужіе люди, заняли кишлакъ, да вотъ уже сутки какъ изъ него и не выходятъ. Весь кормъ, что только былъ заготовленъ, потравили лошадямъ, весь табакъ выкурили, весь чай выпили, все попріѣли... Хозяйничаютъ такъ, что послѣ хозяйства имъ въ годъ не поправиться.

Это пришелъ самъ Матъ-Муратъ съ своими конными и пѣшими. Мало у него уже и тѣхъ, и другихъ осталось, все поразбрелось, кому куда глядѣлось охотнѣе; однако сотенъ до пяти еще насчитывалось вооруженнаго сброда... Слишкомъ мало, чтобы встрѣчать русскихъ боемъ; слишкомъ зато много для бѣдныхъ чаганакцевъ.

Да объ этихъ послѣднихъ, впрочемъ, никто и не заботился.

Далеко слышенъ былъ шумъ и говоръ, несшійся изъ подъ чаганакскихъ навѣсовъ, звякало оружіе, ржали и грызлись злые тюркменскіе жеребцы, собаки хозяйскія выли подъ заборами; дымъ столбами валилъ изъ-за стѣнъ, коптя черные бока чугунныхъ и мѣдныхъ котловъ, блеяли бараны, сбитые въ кучу; у крайней сакли звонко похлопывали ременныя нагайки джигитовъ...

— Аллахъ, Аллахъ! пронеси дальше и скорѣе эту тучу!.. — молились, глядя на все издали, настоящіе чаганакскіе обитатели.

Но Аллахъ вѣроятно не слышалъ ихъ жаркой молитвы— Матъ-Мурадъ не уходилъ и не уводилъ съ собою своей «тучи».

Самъ датха *) занялъ вторую саклю, муллы Аманджула. Эта сакля была просторнѣе другихъ; на дворѣ у ней былъ вы-

---

*) Датха (полководецъ).

рытъ прудъ, а у пруда росли четыре тѣнистые карагача. Подъ этими карагачами и расположился Матъ-Мурадъ, на разостланныхъ дорогихъ тюркменскихъ коврахъ; а по близости, въ томъ же дворѣ у стѣнъ, стояли его лошади и лошади его приближенныхъ нукеровъ... У воротъ сакли сидѣли два часовыхъ, въ темнокрасныхъ халатахъ, съ длинными ружьями, съ подвязанными къ стволамъ подсошками, и никого не впускали во дворъ, безъ особаго приказанія или разрѣшенія самого датхи. Много народу развелось двуличнаго и двуязычнаго за послѣднее время, нельзя было знать навѣрное—съ добромъ или со зломъ идетъ человѣкъ, а потому никого незнакомаго и не впускали, безъ строгаго опроса и провѣрки.

Матъ-Мурадъ не одинъ сидѣлъ въ своей ставкѣ, подъ карагачами; передъ разсвѣтомъ къ нему пріѣхалъ самъ Мулла-Садыкъ съ своими киргизами. Извѣстный агитаторъ кочевниковъ привелъ съ собою до двухсотъ всадниковъ, рѣзко отличающихся своимъ видомъ отъ нукеровъ Матъ-Мурада.

Большинство садыковцевъ были кызылъ-кумскіе киргизы; пришли они на приземистыхъ киргизскихъ лошадяхъ, одѣты были большею частію въ желтоватые халаты изъ верблюжьей ткани, и на головахъ у нихъ были лѣтніе малахаи изъ бѣлой тонкой кошмы.

Киргизы особнякомъ держались отъ тюркменъ и нукеровъ; они расположились по степному: стреножили коней и пустили ихъ прямо на траву, за околицею кишлака; человѣкъ десять стали поочередно сторожить пасущійся табунъ, а остальные разсѣлись группами на самомъ солнцепекѣ; огни разложили и начали потрошить пригнанныхъ съ собою барановъ.

Мулла-Садыкъ былъ одѣтъ какъ самый простой киргизъ, въ такомъ же халатѣ верблюжьемъ, въ такой же войлочной шапкѣ, въ красныхъ штанахъ, вышитыхъ цвѣтнымъ шелкомъ, потертыхъ и засаленныхъ... Онъ прилегъ на коврѣ, шурясь поглядывалъ вокругъ своими узко-прорѣзанными, настоящими киргизскими глазами, и съ хрипѣніемъ пропускалъ сквозь зубы струю кальяннаго дыма.

Матъ-Мурадъ сидѣлъ сановито, безпрестанно поглаживая густую, черную бороду съ просѣдью и сердито хмуря совершенно сѣдыя брови... Онъ былъ видимо раздраженъ и говорилъ рѣзко, пересыпая разговоръ бранью. Садыкъ-же, казалось,

совершенно равнодушно относился къ предмету разговора; только скулы его, сильно выдававшіяся, слегка вздрагивали и на узкихъ губахъ показывалась, по временамъ, не то насмѣшка, не то гримаса отъ боли — вѣрнѣе послѣднее, потому что старая рана, полученная имъ еще пять лѣтъ тому назадъ подъ Хатырчами, все еще не заживала какъ слѣдуетъ, и часто открывалась вновь, особенно въ жаркое лѣтнее время.

Кромѣ этихъ вождей, непреклонныхъ сторонниковъ сопротивленія русскимъ, еще пришло на совѣтъ нѣсколько человѣкъ и съ ними Ата-Назаръ-ханъ, высокій тюркменъ іомудъ, впослѣдствіи передавшійся русскимъ, и даже оказавшій намъ не мало услугъ, не въ пользу своихъ соотечественниковъ. Тутъ же сидѣлъ и посланный отъ Матъ-Ніаза, Каримъ-Ходжа, въ большой чалмѣ и свѣтло-зеленомъ шелковомъ халатѣ, обличавшемъ его духовный санъ. Несмотря, впрочемъ, на этотъ санъ, Каримъ-Ходжа былъ вооруженъ съ ногъ до головы, и около него лежало двуствольное тульское ружье, съ придѣланною къ нему новою ложею, позолоченною и раскрашенною по золоту красками.

Одинъ изъ нукеровъ только-что поставилъ передъ вождями блюдо съ пловомъ; два мальчика въ красныхъ халатикахъ и золотыхъ шапочкахъ услуживали гостямъ, подавая кальяны, ловко шныряя между сидящими... Головки этихъ мальчиковъ не были обриты по мусульманскому обряду, а заплетены въ косички и выбивались изъ-подъ шапочекъ, придавая лицамъ ихъ довольно миловидную женственность, такъ что мальчики напоминали своимъ видомъ скорѣе дѣвочекъ... Это были «Минъ» и «Балта-Ніазъ», любимые пажи Матъ-Мурада.

— Хазаръ-Аспъ безъ боя отдали — бабы! По такимъ-то дорогамъ не могли задержать русскихъ, пока я не подойду... бабы вы, не батыри!..—произнесъ Матъ-Мурадъ.

— А ты бы еще дольше сидѣлъ у хана,—милостей выпрашивалъ!—скривилъ губы Садыкъ.

— Что мнѣ ханскія милости! тьфу!..—Матъ-Мурадъ презрительно сплюнулъ,—самъ ханъ теперь мною держится, моею живетъ милостью...

— Не ты одинъ хану слуга и помощникъ,—словно про себя проговорилъ посланный отъ Матъ-Ніаза.

— Ты уже не говори! Вы тамъ съ своими давно-бы по-

шли хвосты цѣловать у гяуровъ: перетрусили ихъ пушекъ, все отдать готовы... Ты мнѣ не говори!..—Накинулся на него Матъ-Мурадъ.

— Время покажетъ, чьи глаза лучше вдаль смотрятъ — покойно отвѣтилъ Каримъ-Ходжа.

— Если-бы не нашъ разладъ, если-бы дружнѣе за дѣло брались, если-бъ между нами собакъ двуязычныхъ не развелось, русскимъ и до Аму не дойти-бы. Кто ихъ на Сардыбакуль пустилъ? чьи трусы, какъ зайцы отъ волка, по степи скакали? вы все, наемники! ты вѣдь былъ съ ними, ты тогда еще по совѣту Ніаза все дѣлалъ.

— Со мною немного людей было... Тюркмены силою стояли, да ушли прежде; Садыкъ за ними; что я одинъ дѣлать буду?

— Я ушелъ, когда Атамкулъ повернулъ спину,—улыбнулся Садыкъ.—Мнѣ нѣтъ разсчета попасть въ русскіе когти... Сами мое дѣло знаете. «Волкъ не пойдетъ къ пастухамъ, когда не его, а ихъ сила».

— То-то вотъ все и бѣжите отъ первой ошибки... Каики даже съ того берега не позабирали—русскимъ оставили..,

— Кто отъ того, кто отъ другаго, — оглянулся Садыкъ, будто высматривалъ: нѣтъ-ли еще кого здѣсь по близости, посторонняго.—Другому можетъ быть разсчетъ былъ безъ боя уступить поле...

— Кому это?—сдвинулъ брови Матъ-Мурадъ.

— Не тебѣ, чего ѣшь глазами!?. тебѣ русскіе денегъ не платятъ... А, можетъ быть, пытались... а?!.

Покосился Садыкъ пристально на хозяина ставки, такъ и пронизалъ его глазами...

— Я-бы съ живаго съ него кожу содралъ, — крикнулъ Матъ-Мурадъ,—еслибъ зналъ навѣрное! А то, положимъ, идетъ молва, бродятъ по народу слухи... Только не всегда этимъ слухамъ вѣрить можно.

— Гдѣ онъ теперь шляется?

— Пріѣзжали люди, на Шейхъ-арыкѣ стоялъ, потомъ сюда перешелъ, на Мервскую дорогу. Теперь близко стоитъ...

— Что, сюда не пріѣзжалъ? Его давно не видно.

— Давно что-то; все какъ будто умышленно прячется, на глаза не показывается... Я посылалъ звать.

— Видно совѣсть не чиста, — процѣдилъ Садыкъ.—Вотъ и прячется.

— Ужъ поймаю я его, если только вѣрно, что народъ толкуетъ. Посидитъ онъ у меня на колѣ: безъ суда ханскаго обойдусь... На дняхъ вотъ слово ему сказалъ, онъ огрызнулся. Счастье его тогда, что со мною народу мало было, у него больше... А то бы онъ заговорилъ со мною другимъ голосомъ.

— Оттого вотъ, что всѣ вы другъ друга на колъ сажать собираетесь, отъ того и пришлось намъ миру просить у русскихъ,—произнесъ Каримъ-Ходжа. — Сами вы виноваты, во всемъ, сами же намъ поправить дѣло своимъ задоромъ, мѣшаете... Этотъ вотъ все на него, за старые счеты, зубы остритъ,—кивнулъ онъ на Садыка,—ты вотъ тоже не ладишь съ нимъ, грозишься коломъ; а ему передадутъ—поневолѣ его отъ общаго дѣла въ сторону тянетъ. Вѣрьте мнѣ, вѣрьте Матъ-Ніазову слову: «лучше какой ни на есть миръ съ русскими, чѣмъ конечная гибель и разореніе!»

— Старая пѣсня! Намъ прежде ее пѣвали, а выходило по нашему, не по вашему.

— Посмотримъ...

— Вамъ хорошо, — заговорилъ Садыкъ, словно такъ, про себя, ни къ кому особенно не обращаясь, — вамъ хорошо: помиритесь вы съ русскими, васъ не тронутъ, земель вашихъ, садовъ и сакель не отберутъ, нищими не сдѣлаютъ, будете вы попрежнему жить и привольно, и покойно; развѣ только силы да власти прежней не будетъ... Вамъ хорошо... А вы въ мою кожу влѣзьте... Врагъ я *ихъ* заклятый, давній. Мнѣ въ руки къ нимъ попасться—живому не быть... Моего добра мнѣ крохи не оставятъ; мнѣ миръ вашъ не на руку: все равно пропадать приходится. Когда уже вся сила выйдетъ, живъ буду, уйду въ Мервъ, къ текинцамъ, и оттуда стану выглядывать и выжидать, когда въ нашу сторону повернется счастье... Вотъ что я сдѣлаю, это вѣрно!..

— Атамкулъ не такъ думаетъ...—проворчалъ Матъ-Мурадъ.—Ему, можетъ, отъ «бѣлыхъ рубахъ» большой бѣды не будетъ, они вѣдь незлопамятны...

— Давно онъ уже хлопочетъ о томъ, да хитеръ, не попадается, а ужъ я его подкараулю, собака перебѣглая!

— Такъ какое же слово твое послѣднее Матъ-Ніазу?— поднялся на ноги Каримъ-Ходжа.

— Все то же, — обернулся къ нему, не вставая, Матъ-Мурадъ.—А хану скажи: «не слуга я ему, коли русскимъ рабомъ сдѣлается». Такъ скажи—не мѣняй мои слова на другія, мягкія,—слышишь?..

— Сумасшедшій!—пожалъ плечами Каримъ-Ходжа и пошелъ къ воротамъ.

А тамъ уже его нукеры выводили со двора лошадей, высокихъ аргамаковъ, покрытыхъ роскошными цвѣтными попонами, гремящихъ подвѣсками и кистями уздечекъ..

Сталъ Каримъ-Ходжа садиться на лошадь, одинъ нукеръ стремя держалъ, другой подсаживалъ старика. Выпрямился тотъ на сѣдлѣ, придержалъ разгорячившагося коня, осадилъ его и снова посмотрѣлъ на Матъ-Мурада, словно этимъ взглядомъ требовалъ отъ него послѣдняго, рѣшительнаго отвѣта.

— Аллахъ да благословитъ путь твой! — не безъ иронiи произнесъ Матъ-Мурадъ и махнулъ рукою.

Каримъ-Ходжа съѣхалъ со двора, окруженный своею свитою... Съ трудомъ протискались всадники по загроможденной улицѣ, выбрались на дорогу и погнали ходкимъ проѣздомъ, по направленію къ хивинскимъ садамъ, чуть-чуть синѣвшимъ на горизонтѣ.

— Пора и мнѣ,—съ трудомъ поднялся Садыкъ, приложилъ пальцы къ губамъ и пронзительно свистнулъ...

Такъ свистятъ табунщики, когда хотятъ заставить разомъ встрепенуться весь косякъ; отъ такого свиста, разбредшіеся по степи, кони вздрагиваютъ, настораживаютъ уши и начинаютъ сбѣгаться въ кучи, предчувствуя какую нибудь скрытую опасность. Это свистъ—предостереженіе...

Свисту Садыка отвѣчалъ такой же, за воротами; потомъ еще, дальше; потомъ еще донесся чуть-чуть слышный отголосокъ. Киргизы, сторожившіе табунъ, начали стягивать свою цѣпь... Степной бивуакъ закопошился.

— Въ Мервъ собираешься?—усмѣхнулся Матъ-Мурадъ.

— Нѣтъ, пока еще здѣсь пошатаюсь: съ пустыми руками нечего въ чужой край собираться,—нахально произнесъ Садыкъ.—Еще кое-кого пощупаю.

— Своихъ?..

— Кого придется. Ты вотъ спроси Ата-Назаръ-хана, гдѣ онъ сорокъ четыре верблюда навьючилъ и куда отослалъ? можетъ въ тѣхъ мѣстахъ и про меня осталось.

— А ты видѣлъ? — сердито проговорилъ тюркменъ. — А коли видѣлъ, другимъ не говори — я вотъ про тебя молчу-же...

— Да по мнѣ хоть всему свѣту труби!.. Заверну къ Атамкулкѣ, поболтаю съ нимъ... Мы вѣдь пріятели.

Въ голосѣ Садыка звучала самая злая иронія.

— Да что-же я — одинъ, что-ли, дожидаться русскихъ буду?—гнѣвно вскочилъ Матъ-Мурадъ, глаза у него загорѣлись, сѣдая борода затряслась отъ злости...

— Загороди имъ дорогу, держи ихъ на мѣстѣ, а мы сзади пособимъ. Гайда!..

Согнулся Садыкъ на сѣдлѣ, щелкнулъ нагайкой и юркнулъ въ ворота.

— Отходи-ка къ Хивѣ лучше, чѣмъ здѣсь стоять,—посовѣтывалъ Матъ-Мураду Ата-Назаръ-ханъ.

— Еще посчитаемся,—проговорилъ упрямый датха.—Вотъ смотри: въ тучахъ, въ туманную полосу солнце садится, а ты знаешь, какъ оно завтра поднимется?.. Все въ волѣ Аллаха—и гнѣву его когда нибудь конецъ да будетъ...

Задумался Матъ-Мурадъ, глядя какъ багровѣло вечернее небо. Синія тѣни поползли отъ стѣнъ и деревьевъ, ярче засвѣтилось подъ навѣсами костровое зарево... Стихалъ бивуачный шумъ—и ночная свѣжесть, возбуждая легкую дрожь, пробиралась подъ двойные, ватные халаты.

Вдругъ послышались два короткихъ выстрѣла; потомъ тревожные голоса... «Кто, что? Лови его, лови!.. перехватывай черезъ дорогу... не уйдетъ... держи»!..

Это были крики погони; они слышались все ближе и ближе.

VI. Гаремъ Муллы-Атамкула.

— Здравствуй!—сказалъ Атамкулъ и обнялъ Наталью Мартыновну за шею.

Та не сопротивлялась и стояла, какъ окаменѣлая.

Одинъ изъ джигитовъ поднялъ бумажный промасленный фонарь и поднесъ его почти къ самому лицу несчастной женщины.

— Она мертвая!—вскрикнулъ ренегатъ и отшатнулся.

Лицо Наташи было блѣдно, какъ полотно; глаза смотрѣли тускло, неподвижно, даже ротъ полуоткрылся, какъ у покойницы, нижняя челюсть отвисла, словно мускулы лица потеряли уже способность движенія.

Казалось, она даже не дышала.

Это былъ дѣйствительно мертвецъ, но мертвецъ страшный, стоящій на ногахъ безъ посторонней помощи...

На суевѣрнаго дикаря напалъ какой-то мучительный страхъ... Атамкулъ отступилъ шага на два назадъ...

Наташа пошатнулась, едва только онъ снялъ съ ея плеча свою руку.

— Это ничего, это отойдетъ, — суетился иранецъ, — это она съ усталости... столько ѣхали... Она ничего... крѣпкая баба, хорошая баба... совсѣмъ джигитъ... Это ничего...

Богъ вѣсть, что происходило въ эту минуту въ душѣ Атамкула... Только онъ отодвинулся еще дальше, въ самую темь, куда не достигалъ свѣтъ фонаря, и отвернулся...

— Веди въ саклю... туда, къ тѣмъ,—глухо и хрипло проговорилъ онъ.—Тамъ женщины есть, веди туда...

Тупой, мягкій стукъ, упавшаго на землю тѣла, вызвалъ изъ груди Атамкула пронзительный, раздирающій вопль; но онъ не трогался съ мѣста, онъ дрожалъ и боялся даже взглянуть на упавшую...

— Неси!.. бери на руки... неси!..—крикнулъ онъ и бѣгомъ бросился черезъ садъ, прямо въ ту саклю, откуда еще неслись голоса его джигитовъ, доѣдавшихъ руками какое-то жирное, мясное варево...

Иранецъ съ однимъ изъ пріѣзжихъ подняли Наташу и понесли. Впотьмахъ трудно было что-нибудь различить впереди, но скоро иранецъ толкнулся объ шероховатую поверхность стѣны, ощупалъ засовъ калитки, отворилъ ее и всѣ трое очутились въ еще болѣе густомъ мракѣ; даже звѣзды, усѣявшія ночное небо, исчезли... Всѣ трое были подъ крышею.

— Эй, вороны, огонь зажигай!.. чего притаились?.. Ну, проворнѣй!..—распорядился иранецъ.

Послышался пугливый женскій шепотъ и шелестъ въ углу...

— Я принесу фонарь... съ ними нескоро управишься,— произнесъ джигитъ, и сталъ осторожно опускать на полъ ноги Натальи Мартыновны.

Въ темнотѣ заискрилась красноватая точка, около этой точки чуть-чуть обозначились сухія губы беззубаго рта и конецъ старушечьяго носа. Искра стала разгораться, пучокъ сухихъ щепокъ затрещалъ, охваченный пламенемъ, и, наконецъ, ярко вспыхнулъ; пятнистый, мигающій свѣтъ озарилъ все окружающее.

Это была сакля, довольно богато убранная, сообразно съ мѣстными условіями роскоши: стѣны ея были гладко выштукатурены алебастромъ и расписаны аляповатыми узорами въ видѣ цвѣтовъ и какихъ-то фантастическихъ листьевъ; на брусчатомъ потолкѣ блеснуло даже что-то похожее на позолоту. Мягкій войлокъ покрывалъ сплошь весь полъ сакли, а у стѣнъ были разостланы пестрые ковры и стеганыя ватныя одѣяла. Посерединѣ, на непокрытомъ пространствѣ, виднѣлась груда золы, а рядомъ вязанка хвороста и соломы. Тутъ же стояла разная домашняя посуда съ остатками ужина и мѣдные луженые кунганы съ чаемъ. Кошма, по близости очага, была усѣяна огрызками дынныхъ корокъ и фисташковой шелухою... Неконченная работа, какія-то красныя тряпки, валялись тутъ же, и молодой ощипанный котенокъ выглядывалъ изъ-подъ этихъ тряпокъ на вошедшихъ, щуря на свѣтъ свои зеленоватые глазки...

Въ саклѣ были три женщины: двѣ еще молодыя, которыя закрылись съ головами своими сѣро-синими халатами и, прижавшись въ уголъ, выглядывали оттуда съ еще болѣе пугливымъ выраженіемъ, чѣмъ котенокъ, и старуха, безобразная, желтая, съ лицомъ, изуродованнымъ оспою и лишаями, торопливо вставлявшая въ мѣдный подсвѣчникъ огарокъ сальной свѣчки... Работа эта у ней не ладилась, догоравшая щепка обжигала пальцы, свѣча скользила въ дрожащей рукѣ...

— А вотъ и фонарь!—вошелъ въ саклю джигитъ и покосился въ ту сторону, гдѣ сидѣли молодыя.—Ишь, съежились! — проговорилъ онъ, вѣшая фонарь на крюкъ, у самой двери...

— Ступай, ступай... чего глазѣешь?.. ступай! — прошамкала старуха. — Закона нѣтъ сюда ходить... ступай!.. за-

чѣмъ пришли чужіе мужчины?.. Кого принесли?.. кто позволилъ?..

— Погоди, дай поглядѣть...—усмѣхнулся джигитъ.

— Нечего глядѣть... Скажу завтра хозяину, онъ тебѣ покажетъ. Ступай!

— Чего ступай!.. Все равно намъ отдадутъ, тѣхъ-то... Мы *ему* новую привезли; такую, что послѣ нея онъ и смотрѣть на ту *падаль* не станетъ.

— Ты самъ *падаль*, дохлая собака!—отозвалась одна изъ женщинъ, горловымъ, нѣсколько хриплымъ голосомъ.

— Откуда привезли?..—полюбопытствовала другая.

— Русская... не везли, сама ѣхала. Да вотъ что-то съ дороги расхворалась; гляь, пластомъ лежитъ, ужъ сколько мы возились съ нею, дорогою-то...

— Ты-то много возился!—огрызнулся иранецъ,—ступай, я тутъ безъ тебя все справлю; уходи, а то ножалуй *самъ* какъ бы не вернулся. И что это только съ нимъ сдѣлалось? то ждалъ, не дождался, а то вдругъ ушелъ и не поглядѣлъ даже!..

— Молодая!..—шамкала старуха, присѣвъ на корточки и разсматривая лицо лежащей... Она безцеремонно повернула голову Наташи къ свѣту и стала ощупывать крючковатыми пальцами ея грудь, плеча и руки.—Молодая, еще совсѣмъ не старая... Вѣдь онѣ, эти русскія, нескоро старятся... У насъ вотъ была одна, такъ до сорока лѣтъ хорошая еще баба была, свѣжая; другимъ нашимъ даже смотрѣть завидно было... чуть разъ было не удавили съ зависти...

— Ты вотъ прибери ее какъ слѣдуетъ,—я, видишь, тебѣ живую сдаю... видишь, дышитъ еще... гляди сама... Завтра чтобъ совсѣмъ годилась; помой и одѣнь, какъ очнется... Атамкулъ-Мулла прійдетъ, чтобы какъ слѣдуетъ встрѣтила... Уложи ее покойнѣе, да покрой чѣмъ потеплѣе, голову намочи—это помогаетъ... Жаль водки русской нѣту... а то бы очень хорошо... я знаю... Пятки натри перцемъ, это тоже оттягиваетъ...

— Уходи, уходи! мы и безъ тебя знаемъ, что дѣлать надо, недаромъ на свѣтѣ шестой десятокъ живу! — Уходи, да скажи тамъ всѣмъ, чтобы въ дверь не толкались; покою не даютъ, псы голодные!.. Я запру дверь засовомъ изнутри, а ты все-таки скажи имъ... Ступай!

— Ну, такъ гляди-же, я тебѣ ее живую сдалъ, помни,— еще разъ повторилъ иранецъ.—Ну, будь здорова, прощай!

— Иди!..

Иранецъ попятился задомъ къ двери, еще разъ взглянулъ на добровольную плѣнницу и вышелъ изъ сакли, плотно прихлопнувъ за собою низенькую рѣзную дверь, украшенную крупными шляпками гвоздей, вбитыхъ какъ попало, безъ рисунка и симметріи...

Женщины остались теперь одне.

Едва только мужчины ушли и старуха плотно заперла за ними дверь сакли, какъ любопытство — эта преобладающая страсть женщинъ вообще и азіатскихъ въ особенности—охватило обѣихъ женъ Муллы-Атамкула.

Онѣ однимъ прыжкомъ, какъ кошки, подскочили къ Наташѣ и принялись ее разсматривать. Женщины сбросили съ себя свои верхніе халаты и остались въ однѣхъ длинныхъ шелковыхъ рубахахъ... Свѣтъ фонаря ярко освѣщалъ обѣ эти оригигинальныя головы...

Одна изъ нихъ, та, что переругивались съ джигитомъ, была персіянка—высокаго роста, съ красивыми, рѣзкими чертами лица. Большіе черные глаза съ синеватыми бѣлками, окаймленные длинными рѣсницами, смотрѣли нѣсколько дико и даже отталкивающе. Въ этомъ взглядѣ постоянно мѣнялись два преобладающія выраженія—злости и какого-то особеннаго, рабскаго страха... Такъ смотритъ собака, когда ее наказываетъ нехозяйская рука; она вотъ-вотъ готова укусить эту руку, она такъ и ловитъ удобную минуту для этой цѣли—и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ передъ этою рукою беретъ верхъ, парализуя способность къ сопротивленію... Даже въ визгѣ и ворчаніи,— то злобномъ, то просительномъ, — слышатся отголоски этой борьбы, этого колебанія между злобою и боязнью...

Оторочка красной шапочки, унизанная металлическими подвѣсками, сдвинувшись на лобъ, почти на самыя густыя, черныя брови, придавала всему лицу еще болѣе непривѣтливое выраженіе... Крупный, длинный носъ, съ красиво прорѣзанными, дрожащими ноздрями напоминалъ что-то хищное, а между тѣмъ ротъ улыбался самою доброю, симпатичною улыб-

кою; даже окрашенные черною краскою зубы не безобразили этого рта, не искажали граціозныхъ его очертаній...

Черныя косы выбивались изъ-подъ шапочки и, покрытыя металлическими цѣнными украшеніями, звонили при каждомъ движеніи женщины. Въ ушахъ продѣты были массивныя серьги, доходящія до самыхъ плечъ, на шеѣ пестрѣли и сверкали цѣлые ряды стеклянныхъ бусъ, а вся грудь красной рубахи ушита была золотыми и серебряными монетами, расположенными довольно красивымъ, оригинальнымъ узоромъ. Длинные, тонкіе пальцы были тоже унизаны перстнями, съ преобладающими бирюзою и сердоликомъ; ногти ея, тоже какъ и зубы, были выкрашены, только не черною, а ярко-красною, кровавою краскою.

Персіянка была еще молода, лѣтъ семнадцати, не больше; ея рубаха, не стянутая поясомъ, обрисовывала стройныя, упругія формы... Она была любимѣйшая изъ женъ Муллы-Атамкула — и понятно, съ какимъ чувствомъ страха и ревности осматривала она теперь свою, вновь привезенную, соперницу...

Она словно сравнивала себя съ нею, она отыскивала и въ себѣ и въ ней все, что можетъ быть въ ея пользу, и повидимому не совсѣмъ осталась довольна этимъ вопросомъ... Больше всего ее смущали длинные, шелковистые волосы Наташи, свѣтло-русые, переливающіеся при свѣтѣ фонаря такимъ нѣжнымъ блескомъ... Она пальцами перебирала эти волосы, взвѣшивала ихъ на рукѣ, измѣряла длину косъ... и вдругъ расхохоталась...

Зоркіе глаза ревнивцы замѣтили въ этихъ нѣжныхъ локонахъ нѣсколько сѣдыхъ волосковъ, и это открытіе вызвало такой энергичный припадокъ веселости.

— Ну, чего заржала, кобыла иранская,—замахнулась на нее старуха.—Молчать!.. я тебя!..

— Сама ударю, смотри! — сверкнула на нее глазами персіянка, однако немного отшатнулась и замолчала.

— Ишь, звонкая! — ворчала старуха, наливая воды изъ глинянаго кувшина въ плоскую чашку. — Завѣсь поди двери ковромъ, опять кто-то въ щель заглядываетъ... Я вѣдь слышу.

Другая жена Муллы-Атамкула была киргизка. Стоило только разъ взглянуть на эти выдающіяся скулы, на эти глаза, узко-

прорѣзанные, живые, бѣгающіе, на эти ярко-бѣлые, крупные зубы, чтобы не сомнѣваться въ ея происхожденіи. На головѣ этой дочери степной навернутъ былъ громадный бѣлый тюрбанъ (джавлукъ) съ концами, висѣвшими до плечъ и обшитыми золотою бахромою, — это была женщина толстая, ожирѣлая, и ея бешметъ плотно облегалъ массивныя, округленныя формы...

Удовлетворивъ своему любопытству, киргизка усердно принялась помогать старухѣ въ уходѣ за больной. Она намочила уже конецъ полотенца въ водѣ съ уксусомъ, распустила поясъ Наташи, стащила съ ея ногъ тяжелые мужскіе сапоги, приподняла голову и подложила круглую цилиндрическую подушку.

Добрая женщина даже поцѣловала при этомъ нѣсколько разъ свою паціентку и подвинула ближе къ огню чайникъ, чтобъ послѣ напоить Наташу горячимъ чаемъ, когда та очнется отъ своего обморока.

Она со старухою только и возилась около русской женщины, между тѣмъ какъ иранка, окончивъ свой осмотръ, усѣлась опять къ стѣнѣ, обнявъ руками свои колѣна и положивъ на нихъ свой подбородокъ.

Въ душѣ киргизки на мгновеніе только шевельнулось ревнивое чувство — и тотчасъ погасло, едва только она разглядѣла истомленныя, печальныя, полныя самой глубокой горести, хотя и безжизненныя, черты лица новой обитательницы гарема Муллы-Атамкула.

Наташу раздѣли совсѣмъ — и стали вытирать все ея тѣло теплою водою съ уксусомъ, потомъ покрыли ее ватнымъ одѣяломъ...

— Теперь она уже ожила, — проговорила старуха, — она уже не мертвая; смерть ушла, сонъ пришелъ... Она спитъ... видишь, какъ хорошо дышитъ?.. Она спитъ... Ну, и пускай спитъ, а потомъ я разбужу ее и одѣну... Я знаю, когда будить можно будетъ... Завтра же совсѣмъ будетъ здорова — и Мулла мнѣ подарокъ дастъ, и тебѣ дастъ, Айбулганъ, а той не дастъ, та ничего не дѣлала, такъ только сидѣла, да смотрѣла какъ другія работаютъ...

Старуха злобно покосилась въ ту сторону, гдѣ сидѣла персіянка...

— Джелли тоже работала, она голову мочила, — заступилась за подругу киргизка Айбулганъ, — я сама видѣла...

— А я слышала, какъ она шептала и что такое шептала въ это время; если я только заикнусь объ этомъ хозяину, онъ ей минуты не дастъ жить, велитъ зарѣзать... Я слышала.

— Что-же ты слышала?—тихо спросила персіянка.

— А то, что слышала...

— Что-же я сказала?..

— «Давнуть бы ее разъ за горло хорошенько—вотъ бы и не ожила», вотъ что ты сказала... Что, развѣ не такъ?.. Я хоть и стара, да еще не оглохла.

— А что-жъ, я и Атамкулу скажу то же, какъ только прійдетъ ко мнѣ, такъ и скажу. Онъ любитъ меня; онъ еще вчера говорилъ мнѣ, что лучше меня нѣтъ женщины на свѣтѣ. Еще посмотримъ, чей верхъ будетъ: мой или ея... Еще посмотримъ... Айбулганъ хорошо! Онъ и безъ того на нее рѣдко взглядывалъ; ей все равно...

— Молчи, носатая ворона! Карга! — накинулась на персіянку Айбулганъ.

— А ты безносая... вишь торчитъ точно пуговица на животѣ, кромѣ скулъ да зубовъ ничего не видно.

— Смотри, не попадись на эти зубы!.. — взвигнула киргизка...

— Тише, вы! что орете!.. — закричала старуха — Опять драться какъ утромъ собираетесь... Вонъ еще старыя царапины не зажили... Молчать...

Эта выходка нѣсколько успокоила раздраженныхъ женщинъ и предовратила на этотъ разъ драку, обыденное явленіе гаремной жизни.

Наталья Мартыновна застонала во снѣ и пошевелилась.

— Что, разбудили?.. гадины!.. ей теперь спать надо, а вы шумъ подняли... Тише! можетъ не проснется еще; тише сидите...

— Сказку разскажи, вотъ мы и будемъ сидѣть, да слушать...—предложила сразу успокоившаяся Айбулганъ...

— Погоди!.. — ворчала все взволнованная, злопамятная Джелли...

— Ну, слушайте...—произнесла старуха и еще разъ наклонилась надъ лицомъ спящей, прислушалась, откашлялась и начала тихо, почти шепотомъ.

Обѣ слушательницы придвинулись поближе.

Старуха говорила тихо, словно ворчала что-то себѣ подъносъ. Айбулганъ, забывши ссору, положила свою голову на колѣна персіянки, та опустила глаза и сидѣла неподвижно, перебирая пальцами концы своихъ косъ... Монеты на ея груди чуть-чуть побрякивали, при каждомъ дыханіи женщины. Нѣсколько ночныхъ бабочекъ и мотыльковъ кружились около фонаря, шелкаясь о его промасленную бумагу.

Въ углу сакли тихо вздохнуло что-то, невидимое за складками ковра и большой шелковой подушкой...

Старуха начала свою сказку.

VII. Сказка о ханѣ-женщинѣ *).

— «Давно это было,—разсказывала старуха.—На землѣ совсѣмъ все не такъ дѣлалось, какъ теперь, совсѣмъ иные порядки, иные обычаи... Все иное. — Даже люди были иные, на теперешнихъ людей вовсе не похожіе...

— Ну, какую начала!.. — недовольнымъ тономъ затянула Айбулганъ. — Это больно короткая — скоро кончишь... А ты такую разскажи, чтобы до самаго утра хватило-бы...

— Конца у сказки нѣту,—внушительно замѣтила разсказчица.—Конецъ всякой сказки у сказочника на языкѣ; хочу—коротко кончу, хочу—на трое сутокъ позатяну... Молчи, значитъ, и слушай...

— Все равно вѣдь тебѣ—скоро захрапишь!..—улыбнулась Джелли.—Вонъ ужъ и теперь глаза какъ щелки сдѣлались...

— Ты не спи, глазастая,—я не засну...

— Опять!.. Да замолчите-же, сороки-тараторки... цыцъ!.. Замолчали и притихли.

— «Да,—продолжала старуха,—совсѣмъ все было не по нынѣшнему... Ханомъ надъ всей землей была тогда женщина—баба; и всѣ слуги ханскіе, старшіе, самъ даже «диванъ-беги», были бабы...

Джелли глубоко вздохнула, словно пожалѣла, позавидовала тѣмъ временамъ. Айбулганъ клюнула носомъ, но поправилась, выпрямилась и протерла кулаками свои косопорѣзанные глазки.

---

*) Сказка эта, переведенная подстрочно, передана мною въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

— «Хана того, женщину, звали «Занай» и жила она въ большомъ городѣ «Самирамѣ»; городъ этотъ не на землѣ стоялъ, а на тысячи высокихъ столбахъ, и никто не могъ ни попасть въ этотъ городъ, ни назадъ спуститься, пока ему не подадутъ лѣстницы... Оттого и городъ этотъ крѣпко держался, что высоко до него было: никакой тюркменъ не могъ достать, съ самой большой лошади, самою длинною пикою...

«Женщины въ этомъ городѣ всѣмъ заправляли, а мужчины такъ вотъ, какъ мы, сложа руки сидѣли и ничего не дѣлали,— только спали, да ѣли, да дѣтей еще няньчили—и то мальчиковъ, а дѣвочекъ въ ханскій дворецъ всѣхъ сносили и за тѣми былъ уходъ совсѣмъ особенный.

«Всѣхъ мальчиковъ, что родятся въ годъ, считали, и оставляли въ живыхъ только изъ ста одного, а прочихъ выбрасывали,—и пожирали ихъ волки, тигры, да птицы хищныя.

«Такой уже былъ заведенъ порядокъ, никто противъ этого порядка не могъ и слова сказать: — отсчитаютъ сотню, приведутъ слѣпую старуху, — она сама уже выберетъ того, кому живымъ оставаться.

«Разъ пришло время родить самой Занай—хану Семирамскому... Долго гадали тогда всѣ: мальчика родитъ ханъ или дѣвочку? Всѣ говорили, что навѣрное дѣвочку; одна только женщина, именно та самая слѣпая старуха, завѣряла, что будетъ «мальчикъ». Сказала старуха слѣпая это слово, «*мальчикъ*» то-есть, и заплакала, да такъ горько заплакала, что полились у ней слезы внизъ, на землю, потекли по всѣмъ тысячи столбамъ и пыль дорожную смочили у ихъ подножій...

— «О чемъ же ты такъ плачешь? спросили старуху старшіе слуги и совѣтники хана-женщины, Заная...

— «А о томъ плачу, что будетъ этотъ мальчикъ не такой какъ прочіе, а совсѣмъ особенный, и будетъ отъ этого мальчика всему нашему царству погибель и разореніе.

«Сказала старуха слѣпая—зарыдала еще пуще, такъ вся и вышла на слезы; стала таять какъ снѣгъ, когда его пригрѣетъ солнце,—мокнуть, все меньше да меньше становиться; такъ вся и растаяла старуха — и осталась отъ нея, въ городѣ Самирамѣ, одна только небольшая лужица, да и та скоро высохла...

«Задумались тогда всѣ въ ханствѣ, а пуще всѣхъ задума-

лась сама Занай... Каково вѣдь матери, въ самомъ дѣлѣ, родить на свѣтъ погибель для своего же народа и царства!

«Собрали весь диванъ *), стали думать. Думали тридцать семь дней и тридцать семь ночей и ничего не выдумали...

«Потомъ собрали весь народъ, кому только больше двухъ десятковъ лѣтъ было, опять думали тридцать семь дней и тридцать семь ночей—и опять ничего не выдумали.

«Созвали наконецъ всѣхъ двадцатилѣтнихъ: опять столько же думали—и опять ни съ чѣмъ разошлись.

«Рѣшили собрать дѣтей малолѣтнихъ, — можетъ они, по своей по глупости, что-нибудь хоть нечаянно умное скажутъ...

«Думали дѣти недолго; самая маленькая дѣвочка, совсѣмъ отъ земли не видно, и говоритъ:—«да вѣдь у насъ убиваютъ всѣхъ мальчиковъ, только одного изъ ста оставляютъ... Возьмите и убейте ханскаго сына, прежде всѣхъ, прежде чѣмъ пустите старуху выбирать кому жить»...

«Вѣдь какъ просто, подумаешь, дѣло-то было, — а никто до него не додумался. Вѣдь только и страху всего оттого было, что боялись, какъ бы этому злополучному сыну ханскому жить не пришлось...

«Пошло веселье по всему городу Самираму, а оттуда и по всему ханству; всѣ обрадовались, что такъ легко отъ бѣды отдѣлались. Стали пировать, да спокойно поджидать, когда начнетъ ихъ ханъ Занай разрѣшаться...

«Вотъ и пришло это давно жданное время.

«Загрустила ханъ-Занай, повѣсила голову... И ребенка-то своего жаль—и ханства жаль. Глядятъ другіе, что *сама* задумалась—стали нехорошее подозрѣвать: какъ бы Занай ихъ, ради своего дѣтища, не обманула, погибели бы царству не сберегла бы—сына не спрятала-бы. Приставили къ ней карауллить двухъ женщинъ, самыхъ злыхъ, самыхъ зоркихъ да опытныхъ, такихъ, что провести ихъ никто не смогъ бы.

«Заперли хана-Заная съ приставленными сторожами въ саклю, сами кругомъ сидятъ, стерегутъ, времени родовъ поджидаютъ.

«А ханъ-Занай, какъ осталась одна съ тѣми женщинами, долго крѣпилась, а потомъ и говоритъ имъ:

---

*) Совѣтъ.

— «Слуги вы мои добрыя, хорошія, сослужите мнѣ службу,— вѣкъ я ее не забуду.

— «Какую службу тебѣ надо? спрашиваютъ приставницы, а сами переглянулись между собою; догадываются тоже вѣдь— хитрыя...

— «А такую, говоритъ Занай, — спасите сына моего, не выдавайте его на убой, волкамъ, тиграмъ, да птицамъ хищнымъ на растерзаніе...

— «Нѣтъ, этого нельзя, говорятъ приставницы.

— «Просите отъ меня чего хотите—все сдѣлаю, говоритъ Занай: — золота дамъ столько, сколько унести сможете, халатовъ столько, что всю улицу до своихъ сакель выложите... Всю кладовую отворю для васъ—только спасите...

— «Нѣтъ, этого нельзя, говорятъ приставницы.

— «Дамъ вамъ мѣста самыя послѣ меня первыя: — будете всѣхъ сами судить, рядомъ со мною на золотомъ коврѣ сидѣть, и будетъ вамъ почетъ въ ханствѣ послѣ меня самый великій.

— «Нѣтъ, этого нельзя, говорятъ приставницы.

— «Позволю вамъ выбирать себѣ мужей, какихъ хотите, безъ жребія, позволю даже отъ другихъ женъ отбирать мужей,—только спасите моего сына.

— «Нѣтъ, этого нельзя, говорятъ непреклонныя приставницы.

«Заплакала тутъ Занай, — видитъ, что дѣло плохо; ужъ коли этимъ подкупить бабу упрямую невозможно, значитъ ничего не подѣлаешь, — отдавай сына волкамъ, тиграмъ, да птицамъ хищнымъ на растерзаніе.

«Такъ думала Занай, что дѣлу конецъ; однако вышло напротивъ. Сказать-то сказали приставницы: «нѣтъ», а сами задумались... Цѣлый день все ходили по саклѣ размышляючи, а потомъ сговариваться между собою начали...

«Вотъ и приходятъ онѣ къ Занай-хану передъ вечеромъ, а въ ту ночь и родить надлежало той-то; всего можетъ до родовъ часа три осталось. Приходятъ и говорятъ:

— «А повтори то, что ты намъ, Занай, послѣднее обѣщали,— повтори еще разъ.

«Занай повторила. А у самой на сердцѣ такъ и заиграло отъ радости—поняла мать, къ чему дѣло клонится.

— «Нѣтъ, говорятъ приставницы, — намъ выбирать себѣ мужей изъ здѣшнихъ нѣтъ большой корысти; а позволь выбрать себѣ изъ чужихъ, изъ тѣхъ, что внизу ѣздятъ, у насъ между столбовъ, подъ городомъ, и въ городъ попасть не могутъ.

«А въ городѣ Самирамѣ былъ такой законъ, чтобъ именно съ чужими-то мужчинами, подъ страхомъ смерти лютой, отнюдь не водиться.

«Крѣпилась Занай часъ — не давала этого позволенія; крѣпилась другой — не давала; а какъ пришелъ послѣдній, — махнула рукою, да и говоритъ: — дѣлайте по-вашему, даю вамъ это разрѣшеніе, и на-завтра велю «диванъ-беги» такую бумагу изготовить, съ моими золотыми и серебряными печатями, чтобы никто вамъ въ томъ не препятствовалъ бы.

«И родила ханъ-Занай сына.

«И придумали тутъ хитрыя приставницы такую штуку: — взяли этого мальчика, черезъ задній ходъ вынесли; обмѣняли на дѣвочку — и отворили ворота ханскія всему народу, что всю ночь дожидался, чѣмъ дѣло кончится.

«Объявили тутъ всѣмъ привратницы, что обманула ихъ слѣпая старуха, вздору наговорила передъ смертью, оттого и умерла — слезами разошлась, что на старости лѣтъ *языку повернуться криво* дозволила.

«Кто повѣрилъ, кто нѣтъ, а потомъ ребенка новорожденнаго смотрѣть начали. Видятъ: правду говорятъ приставницы — дѣвочку родила Занай — всѣ въ томъ своими глазами увѣрились, значитъ о чемъ же тутъ безпокоиться.

«На другой же день и выбрали себѣ приставницы мужей. Два молодые тюркмена давно уже подъ городомъ между столбовъ ѣздили, — статные такіе, красивые, глаза какъ уголья сверкаютъ изъ-подъ ихъ шапокъ высокихъ; халаты шелковые, сапоги золотомъ шитые, — кони такіе, что вѣтеръ съ ними спорить не можетъ, а на коняхъ сѣдла и сбруя ярче самаго солнца блестятъ дорогими каменьями...

«Вотъ этихъ-то двухъ тюркменъ и выбрали себѣ въ мужья лукавыя приставницы, спустили имъ лѣстницы и подняли ихъ наверхъ, въ городъ Самирамъ, вмѣстѣ съ ихъ конями разукрашенными.

«Стала рости, да поживать ханская дочь-подростокъ; сталъ рости и поживать ханскій сынъ, въ чужой саклѣ, у чужой

матери... Прошло десять лѣтъ, ничего не случилось въ городѣ Самирамѣ...

«Занай издали смотритъ на сына, любуется, надъ слѣпою старухою подсмѣивается, а приставницы съ своими мужьями «снизу-взятыми» всласть утѣшаются, никому о своемъ дѣлѣ пока не проговариваются.

«Прошло еще десять лѣтъ... Надвинулась на Самирамъ черная туча — и оттуда надвинулась, откуда ея и не ждали совсѣмъ и не чуяли.

«Зашевелилось зло черное въ самомъ городѣ Самирамѣ, и долго шевелилось тихо, такъ тихо, что его и не замѣчалъ никто, а замѣтили уже тогда, когда съ малой искорки раздулось, разгорѣлось большое пламя, пожарище.

«Поднялись, взбунтовались мужчины въ городѣ Самирамѣ; хоть и мало ихъ, а какъ собрались всѣ вмѣстѣ въ одну кучу— стало довольно. Говорятъ эти мужчины, что не хотятъ они больше бабьяго ханства, не хотятъ знать хана-женщину, Занаи,— не хотятъ, чтобы ихъ, въ дѣтствѣ, внизъ бросали, волкамъ, тиграмъ, да птицамъ на съѣденіе, — не хотятъ, чтобы ихъ выбирали въ мужья женщины, а чтобы они сами женъ себѣ выбирали...

«Хотятъ эти мужчины подлые сами запрявлять всѣми дѣлами, а женщинъ въ сакли запереть, засадить за домашнюю работу, за шитье, да тканье, за котлы да таганы... Хотятъ своего суда, не бабьяго, хотятъ своего хана выбрать, и выбрали уже такого...

«А выбрали они молодаго хана себѣ Искандера, того самаго сына неизвѣстнаго Занаина, потому что всѣхъ умнѣе, всѣхъ красивѣе этотъ Искандеръ оказался, да и бунту мужскому онъ самъ былъ главною причиною.

«Стоитъ Искандеръ посреди толпы и грозитъ матери своей Занай, чтобы сейчасъ все имъ, мужчинамъ, въ руки сдавала, и народу своему бабьему бросить сабли, и пики, и луки, и стрѣлы, и топоры, и баты—все оружіе, прик азала бы на колѣна чтобы становились и кланялись мужчинамъ съ покорностью.

«Собрались и женщины всѣ вокругъ своего хана-Занаи... Много ихъ собралось, на одного мужчину сто женщинъ, и начался бой на улицахъ Самирамскихъ...

«Долго бились мужчины съ женщинами, къ ночи бабы

одолѣвать начали. Окружили непокорныхъ крѣпкою желѣзною стѣною, а самого хана ихняго, новаго Искандера, арканами по рукамъ и по ногамъ опутали...

«А потому и верхъ бабій вышелъ, что бабы бились желѣзомъ, а мужчины только голыми руками, а то-бы гдѣ же бабѣ противъ мужчины сладить.

«Начали судить хана самозваннаго, Искандера, и осудили его на смерть, самую злую, лютую.

«Сама ханъ-Занай должна была кривымъ ножемъ ему сердце вырѣзать и это сердце на высокомъ шестѣ надъ городомъ выставить, на солнцѣ пускай сушится.

«Собрался народъ смотрѣть на эту казнь лютую, пришла и Занай съ своими старшими слугами. Подали ей ножъ и на Искандера, связаннаго, указываютъ, говорятъ:—«ну, начинай, потѣшайся надъ своимъ врагомъ всласть, а мы, глядя на эту потѣху, посмѣемся, порадуемся...»

«И случилось тутъ съ ханомъ Занай странное дѣло: поблѣднѣла она вся, стала точно молоко бѣлая, не можетъ даже смотрѣть на Искандера приговореннаго, и изъ обоихъ глазъ, двумя рѣками широкими, слезы катятся...

— «Рѣжь, чего ждешь! кричатъ кругомъ всѣ, и старухи и самыя маленькія-дѣвочки. — Рѣжь... да смотри потише, побольнѣе, чтобы намъ отъ *его* стоновъ веселѣе было бы...

«Никто не зналъ — на кого Занаю приходилось подымать свою руку материнскую; никто не зналъ, какой змѣй грызетъ ея бѣдное сердце...

«Посмотрѣла Занай на ножъ, посмотрѣла на сына, высоко взмахнула рукою и остановилась на минуту.

«Всѣ такъ и замерли, смотрятъ, дышать перестали, ждутъ...

«И начала тутъ Занай, передъ всѣмъ своимъ народомъ женскимъ каяться:

— «Правду говорила слѣпая старуха: должна я была сына родить, не дочку, и надо было сбыться ея предсказанію: «*будетъ погибель отъ новорожденнаго на насъ и городъ нашъ съ его порядками*». Обманула я васъ: точно родила сына и спрятала его, — и вотъ онъ, сынъ мой, на котораго я же должна поднять свою руку... Не въ силахъ того сдѣлать мать, что должна сдѣлать я, какъ ханъ вашъ, — и легче мнѣ свое сердце вырвать, чѣмъ его ножемъ этимъ ударить.

«Какъ сказала это, такъ и сдѣлала: засадила себѣ ножъ въ грудь, по самую рукоятку, и упала навзничь, бездыханная...

«Ахнулъ народъ кругомъ, и на всѣхъ страхъ напалъ, да смущеніе; разбѣжались всѣ по домамъ и на улицу выйти боятся; а тѣмъ временемъ Искандеръ съ мужчинами и воспользовался — отобралъ оружіе, заполонилъ женщинъ и сталъ надъ ними властвовать...

«Разлетѣлись прахомъ старые порядки, закатилось въ тучи бабье солнышко, и настали для насъ времена тяжелыя, не лучше, какъ вотъ теперь, нынѣшнія...

«И сбылись предсказанія слѣпой старухи: отъ того сына, отъ Заная рожденнаго, погибла воля женская, разсыпалось наше бабье царство...» . . . . . .

. . . . . .

— Да, вотъ оно, что значитъ—мать!—добавила старуха разсказчица, уже не пѣвучимъ, сказочнымъ тономъ, а обыкновенною рѣчью.—Ну, кончилась моя сказка. Что, какъ она вамъ понравилась?.. Тс!.. гляди, никакъ наша проснулась!

Наталья Мартыновна давно уже открыла глаза—и осматривала все окружающее. Въ настоящую минуту, она приподнялась на локтѣ, откинула со лба прядь волосъ и глубоко вздохнула...

Вдругъ, въ углу, тамъ, гдѣ виденъ былъ только скомканный край ковра, закопошилось что-то маленькое, тоже вздохнуло и широко раскрыло свои глазки...

Раздался невыразимый, потрясающій душу и сердце, дѣтскій крикъ...

«Мама! мама!»

Никто не сообразилъ въ первую минуту, что произошло.

Наташа съ быстротою молніи вскочила на ноги, задрожала, вскрикнула что-то непопятное и ринулась въ уголъ. Маленькія ручонки обвились вокругъ ея шеи, маленькое, рыдающее личико прижалось къ ея лицу...

Мать отыскала своего сына.

Поняли тогда и Джелли-персіянка, и Айбулганъ, и старуха-разсказчица, что такое произошло въ ихъ саклѣ...

Улыбнулся доброю, беззубою улыбкою старушечій ротъ. Смотритъ онъ на русскую женщину, и ея языкъ безсознательно лепечетъ послѣднія слова сказки: «Да, вотъ оно, что значитъ—мать...»

Джелли отвернулась въ уголъ, прижалась лицомъ къ стѣнѣ, и стояла такъ, не оборачиваясь; только плеча ея да локти вздрагивали, и при каждомъ такомъ вздрагиваніи, серебристо звенѣли нашитыя на рубаху монеты.

Айбулганъ припала къ ногамъ Наташинымъ, обняла ихъ крѣпко, прижалась къ нимъ своими толстыми губами, и по саклѣ такъ и раздавались звучные поцѣлуи расчувствовавшейся киргизки...

Разсвѣтать начало; золотистый свѣтъ зари пробрался въ саклю, сквозь щели дверей, сквозь промасленную бумагу верхняго окошка, заставленнаго гипсовой, рѣшетчатой рамой...

Заходилъ, затоптался народъ по всему двору и саду... Злые жеребцы ржали и грызлись, сталкиваясь на утреннемъ водопоѣ...

— Эй, бабы, приготовься!—раздался за дверью голосъ иранца.—Мулла-Атамкулъ идетъ... отодвинь засовъ, проворнѣе...

VIII. Провидѣніе.

Двери женской сакли растворились настежъ. Утреннее солнце своими золотистыми лучами ярко освѣщало прилегающую къ сторонѣ сакли часть сада—и блестящая, изумрудная зелень виноградниковъ искрилась, вся обрызганная дрожащими капельками росы, еще неуспѣвшей испариться.

Изъ-за виноградныхъ лозъ, изъ-за этого ковра зелени, поднимались рядами сѣрые стволы тополей, а за ними, темнозелеными массами, виднѣлись группы карагачей, закрывавшія собою даль, мѣстами только виднѣвшуюся въ проломахъ противоположной стѣны.

Свѣжій утренній воздухъ, ворвавшійся въ отворенную дверь, освѣжилъ затхлую, тяжелую атмосферу внутри сакли; обитательницы ея, въ первую минуту, инстинктивно, съ нескрываемымъ наслажденіемъ вздохнули полною грудью... Эта благодѣтельная, животворная струя возбуждающимъ образомъ подѣйствовала на Наташу, — она почувствовала въ себѣ приливъ бодрости и силы, а то и другое такъ нужно было ей въ эту минуту...

Всѣ зажмурили глаза, ослѣпленные на мгновеніе яркимъ четвероугольникомъ, блеснувшимъ въ растворенной двери...

Черный силуэтъ сутуловатой, колоссальной фигуры заслонилъ этотъ четвероугольникъ. Громадная чалма и широкія складки неподпоясаннаго халата еще болѣе увеличивали размѣры вошедшаго.

За нимъ виднѣлись еще два-три смуглыя лица, сверкнулъ на мгновеніе рогатый стволъ мултука съ подсошками, зачернѣли высокія тюркменскія шапки... послышались сдержанныя, отрывочныя фразы...

Но дверь захлопнулась снова, и все это стихло и исчезло изъ глазъ обитательницъ женской половины двора, очутившихся снова во мракѣ, въ густой, непроницаемой темнотѣ, казавшейся еще большей, послѣ этого минутнаго, яркаго свѣта.

Атамкулъ самъ притворилъ за собою дверь и заложилъ ее засовомъ, оставивъ на дворѣ свою свиту, даже сопровождавшаго его, преданнаго иранца... Онъ вошелъ въ саклю одинъ.

Онъ тоже не видѣлъ ничего въ темнотѣ въ первую минуту и остановился у порога; но скоро тусклый, красноватый свѣтъ окна надъ дверью, заклееннаго промасленною бумагою, и еще изъ какого-то дымоваго отверстія въ углу, подъ самою крышею, слегка обрисовалъ размѣстившіяся по саклѣ женскія фигуры.

Айбулганъ, при первомъ звукѣ голосовъ мужчинъ за дверями еще, отскочила въ самый дальній уголъ, повернулась къ нему лицомъ и присѣла; она даже халатъ накинула поверхъ своего тюрбана, и виднѣлась въ своемъ убѣжищѣ, въ видѣ неуклюжей, безформенной массы...

Джелли быстрымъ движеніемъ разстегнула, почти разорвала воротъ своей рубахи, обнажила до половины грудь и растянулась навзничь, на коврѣ, заложивъ обѣ руки себѣ за голову... Эта поза была очень эффектна и красива, и обличала въ красавицѣ опытную кокетку азіатскихъ гаремовъ...

Старушка-разсказчица подобострастно присѣла и съежилась, невдалекѣ отъ дверей; она дрожала какъ собака подъ занесенною надъ нею палкою, и слезливыми, часто моргающими глазками, смотрѣла прямо въ глаза Атамкула.

Этотъ робкій, рабскій взглядъ такъ и ловилъ, такъ и подстерегалъ малѣйшее желаніе, малѣйшій намекъ грознаго властелина... Вся фигура женщина одушевлена была однимъ инстинк-

томъ предупрежденія и мгновеннаго исполненія этого желанія, этого намека...

Наташа подняла голову, взглянула на эту темную массу, загородившую свѣтлый четвероугольникъ дверей, и еще съ большею силою прижала къ своей груди, все еще плачущаго, нервно-дрожащаго ребенка.

Въ настоящую минуту она чувствовала въ себѣ приливъ такихъ колоссальныхъ нравственныхъ силъ, такого мужества, что готова была на борьбу, самую безобразную по неравенству силъ... Она даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ болѣе сильный къ слабѣйшему, отнеслась къ человѣку — источнику всѣхъ ея страданій, мучителю, въ полной власти котораго она теперь находилась...

— Уйдите всѣ вонъ!—произнесъ Мулла-Атамкулъ, шагнувъ впередъ.

Онъ положилъ свою руку на плечо Натальи Мартыновны и даже наступилъ ногою на подолъ ея халата, какъ бы говоря этимъ движеніемъ, что приказаніе его относится не къ ней, а къ остальнымъ тремъ женщинамъ.

Старуха-разсказчица шмыгнула къ противоположной стѣнкѣ и начала поспѣшно отворять дверку, ведущую во второй, внутренній дворъ женскаго отдѣленія... Айбулганъ пробралась вдоль стѣнки, не оборачиваясь сюда лицомъ, и первая проскочила, едва только эта внутренняя дверь отворилась.

Джелли не трогалась съ мѣста. Она лѣниво потянулась и притворно зѣвнула, вскинувъ на Атамкула глубокій, продолжительный взглядъ, въ которомъ отражалось наивное непониманіе: что, молъ, это такое передъ нею происходитъ?.. Она даже улыбнулась — и хотѣла что-то сказать, вѣроятно спросить поясненія...

— Иди и ты,—коротко пояснилъ ренегатъ.

Персіянка снова улыбнулась и отрицательно покачала головою.

— Ну,—повторилъ Атамкулъ.

Медленно поднялась на ноги Джелли, опять потянулась, уже стоя, при чемъ все ея молодое тѣло красиво выгнулось, и серебристо зазвенѣли металлическія украшенія, и подошла къ Атамкулу. Тотъ невольно попятился.

— Что-же, ты меня хочешь промѣнять на *эту*?!..

Джелли указала на русскую женщину.

— Вонъ!—заревѣлъ ренегатъ, выхватилъ изъ-за пояса нагайку и замахнулся.

За внутренними дверями послышался легкій, испуганный крикъ подслушивавшей Айбулганъ... Персіянка и не вздрогнула, только быстро поднесла руки къ лицу, какъ бы защищая его отъ готоваго разразиться удара.

— Хорошо-же,—произнесла она.—Помни. Прійдешь ты ко мнѣ, я знаю, это будетъ скоро, можетъ сегодня-же,—тогда я сама скажу тебѣ: вонъ! Ты меня велишь зарѣзать, — и это, я знаю, съ тебя станется, а все-таки живая Джелли больше твоею женою не будетъ, развѣ по рукамъ и по ногамъ связанная... Помни и ты!—обратилась она къ Натальѣ Мартыновнѣ: — хоть ты и не по своей волѣ, а все-таки помни; я тебѣ *этого* не забуду...

Персіянка медленно пошла къ дверкѣ, остановилась еще разъ на порогѣ, звонко засмѣялась и хлопнула дверною щеколдою.

Атамкулъ и Наташа остались одни. Не совсѣмъ одни, между ними былъ ребенокъ.

Двуногій волкъ стоялъ теперь передъ нею и молчалъ.

Онъ не зналъ, что ему говорить, съ чего начать, какъ приступить къ дѣлу.. Дикарь совсѣмъ растерялся въ эту минуту, и только машинально сжималъ въ своемъ кулакѣ тяжелую рукоять нагайки, посматривая исподлобья то на дверь, въ которую ушла Джелли, то на свою добровольную плѣнницу.

Петя выглядывалъ на Атамкула изъ-подъ обнимающихъ его рукъ. Онъ привыкъ уже немного къ своей новой обстановкѣ, къ новымъ лицамъ, къ этому пирату степей, ласкавшему его такъ часто, особенно въ послѣднее время, — и не понимая вполнѣ всего происходящаго передъ его глазами, казалось, одинъ оставался совершенно равнодушнымъ зрителемъ.. Только, въ моментъ взмаха нагайки, ребенокъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и крѣпче прижался къ груди матери; но онъ скоро замѣтилъ, что ударъ назначался не ему, и успокоился...

— Здравствуй!—опять началъ, съ того же, какъ и наканунѣ, Атамкулъ.

— Я пришла...—тихо, чуть слышно, произнесла Наталья Мартыновна.

Ренегатъ тяжело опустился на коверъ и чуть-чуть прикоснулся руками къ одеждѣ женщины... Та отодвинулась...

— Зачѣмъ?..— хрипло спросилъ онъ и покосился на нее исподлобья...

Глаза Атамкула разгорались, какъ уголья; его начала трясти нервная лихорадка, онъ быстро рванулся къ Наташѣ и обхватилъ ее обѣими руками... Онъ ничего не сознавалъ въ эту минуту, кромѣ одной ненасытной, жгучей страсти... Подставь ему къ груди ножъ—онъ бы не замѣтилъ его, не чувствовалъ бы какъ остріе проникаетъ въ его внутренности...

Ребенокъ попалъ какъ разъ между ними. Атамкулъ одною рукою отшвырнулъ его въ сторону, и Петя какъ мячикъ покатился по ковру, не успѣвъ даже крикнуть.

— Проклятый звѣрь!—дико вскрикнула Наташа, вырвалась и бросилась поднимать ребенка.

За дверями опять послышался звонкій смѣхъ персіянки...

— Гей!—крикнулъ задыхаясь ренегатъ...

Старуха догадалась, что этотъ призывный крикъ относился къ ней и вошла въ саклю. Она знала, какого рода услуги отъ нея требуетъ хозяинъ...

— Бери ее! бери ее!—прокричалъ Атамкулъ. — А этого щенка въ мѣшокъ и въ воду!..

Старуха какъ кошка шмыгнула черезъ саклю и вцѣпилась въ Наталью Мартыновну: она ловила сзади ея локти, стараясь стянуть ихъ за спиною.

— Вѣдь пришла я къ тебѣ,—съ отчаяніемъ въ голосѣ заговорила несчастная женщина, — вѣдь пришла... Зачѣмъ же насиліе... зачѣмъ? Ты самъ звалъ меня, чтобы отдать мнѣ моего сына... Утопить?.. Петю утопить!.. Я на все готова, на все; а ты его не трогай... Онъ вѣдь не твой; онъ мой!.. Его убьешь—меня убьешь, а развѣ ты моей хочешь смерти?!..

Она освободилась изъ рукъ старухи и сама бросилась на шею Атамкулу.

— Погоди-же ты, русская собака!—ясно послышалось за дверью...

— Мулла! Эй! Таксыръ!.. Мулла-Атамкулъ!—раздались за противоположною дверью тревожные, призывные голоса.

Послышалось фырканье лошадей и топотня кованыхъ копытъ, будто весь садъ наполнился конными людьми. Атамкулъ слышалъ голоса и своихъ нукеровъ, и чужихъ... Голосъ Матъ-Мурада покрывалъ все... Датха отчетливо и ясно отдавалъ приказанія прибывшимъ всадникамъ.

— Съ той стороны смотрите, чтобы не ушелъ онъ черезъ стѣнку! Выбивайте дверь, если самъ не отпираетъ. — Попалась ты мнѣ теперь, перебѣглая собака! Попался «языкъ раздвоенный!..»

Атамкулъ ничего не понималъ, что дѣлается. Онъ чуялъ врага, врага страшнаго, онъ чуялъ смертельную опасность, не зная ея происхожденія.

Дверь, вытиснутая напоромъ нѣсколькихъ дюжихъ плечъ, сорвалась съ петлей и съ трескомъ обрушилась внутрь сакли...

Ренегатъ выхватилъ ножъ и бросился къ внутренней двери. Эта дверь была снаружи приперта чѣмъ-то несокрушимымъ... Тамъ слышался все еще смѣхъ персіянки и отрывистыя ея фразы:

— Нѣтъ, не уйдешь... я здѣсь сторожу... Эй, сюда, сюда идите!.. Онъ ломится!..

Сакля наполнилась людьми. У Атамкула вырвали ножъ, его сбили съ ногъ и связали; его подняли снова и повели къ Матъ-Мураду, стоявшему верхомъ посреди сада и смотрящему изъ-подъ чалмы на плѣнника, прямо въ глаза, съ самою злорадною, торжествующею улыбкою.

На Наталью Мартыновну—спрятавшуюся съ своимъ ребенкомъ въ уголъ сакли — въ первое время даже и не обратили вниманія.

IX. Досщакъ лауча попался.

Едва только Садыкъ съ своими джигитами оставилъ ставку Матъ-Мурада и направился по Хазаръ-Аспской дорогѣ, какъ на первой же верстѣ отъ кишлака, они встрѣтили чрезвычайно подозрительнаго всадника.

Этотъ всадникъ былъ киргизъ: онъ ѣхалъ легкою рысью, съ той стороны, откуда дожидали русскихъ. Лошадь у всадника была еще довольно свѣжа, и судя по ея виду, путешественникъ недавно только оставилъ мѣсто отдыха.

Всадникъ былъ одѣтъ по-киргизски, а лошадь осѣдлана по-русски, хотя эта подозрительная сѣдловка и была прикрыта

полосатою попоною. Но это послѣднее обстоятельство еще болѣе увеличивало подозрѣніе...

Кромѣ того, едва только всадникъ замѣтилъ приближающуюся къ нему конную группу, какъ тотчасъ же поспѣшилъ свернуть въ сторону и скрылся за стѣнками одной придорожной сакли... Всѣ видѣли, какъ торопился онъ исполнить этотъ маневръ, какъ усердно хлесталъ нагайкою свою лошадь, заставляя ее перескочить арыкъ у дороги, какъ боязливо оглядывался онъ въ это мгновеніе на приближающихся и даже трогалъ рукою прикладъ ружья, бывшаго у него за плечами, словно готовился употребить въ дѣло это оружіе.

Приказанія Садыка никто и не дожидался. Не успѣлъ батырь раскрыть ротъ для этого приказанія, какъ уже киргизы разсыпались цѣпью поперегъ дороги, гикнули и понеслись впередъ, заскакивая справа, слѣва, всматриваясь во всѣ предметы, чтобы только не потерять, не проглядѣть какъ-нибудь скрывшагося. Началась охота за этимъ подозрительнымъ всадникомъ.

Вотъ онъ снова показался между деревьями, замѣтилъ погоню и завертѣлся на мѣстѣ... Онъ находился какъ разъ въ центрѣ полукруга... Ему оставался только одинъ путь къ бѣгству—назадъ. Всадникъ, однако, колебался и мѣшкалъ—и вдругъ, завидѣвъ промежутокъ между двумя наѣздниками пошире, стремительно ринулся туда, не обращая вниманія ни на какія препятствія...

Вотъ тутъ - то раздались крики: «лови, лови!» услышанные въ ставкѣ Матъ-Мурада и надѣлавшіе тамъ такой тревоги.

Всадникъ проскочилъ; его лошадь оказалась лучшимъ скакуномъ, чѣмъ лошади его преслѣдователей...

Садыкъ снялъ съ плеча свое ружье, прицѣлился и, выждавъ минуту, когда бѣглецъ выбрался на чистое мѣсто, выстрѣлилъ... Нѣсколько пуль еще понеслось по тому же направленію... Лошадь подъ бѣглецомъ споткнулась и упала какъ разъ посреди дороги; всадникъ перевернулся черезъ голову... Не успѣлъ онъ крикнуть, не успѣлъ стать на ноги, какъ уже почувствовалъ себя окутаннымъ волосяными арканами.

Его поймали.

— Э, да это лауча Досщакъ, изъ русскаго лагеря!.. — сразу узналъ пойманнаго одинъ изъ киргизовъ, присмотрѣвшись къ запыленному, покрытому грязью и потомъ, его лицу.

— Ну да, Досщакъ, кому же больше? — также сразу сознался и этотъ послѣдній.

Подъѣхалъ Садыкъ, начался допросъ и обыскъ лаучи Досщака.

X. Генеральское письмо.

— Ты откуда ѣхалъ?—сталъ Садыкъ допрашивать пойманнаго джигита.

— Я?.. откуда ѣхалъ?.. — повторилъ Досщакъ и началъ озираться во всѣ стороны, словно отыскивалъ кого-нибудь глазами, въ этой толпѣ вооруженныхъ людей, окружавшихъ его плотнымъ, непроницаемымъ кольцомъ.

Большинство смотрѣло на пойманнаго только съ однимъ чувствомъ живаго любопытства, свойственнаго вообще всѣмъ азіатамъ. Одинъ Садыкъ внимательно осматривалъ джигита съ ногъ до головы, и особенно подозрительно посматривалъ на ременную перевязь сумки, спрятанной за пазухою Досщака... Этотъ ремень надѣтъ былъ петлею на шею, и только одинъ уголъ подозрительной сумки виднѣлся изъ-за борта полосатаго, бумажнаго халата.

— Ну, говори, не вертись! а то я тебѣ развяжу языкъ, повытяну его наружу!..—прикрикнулъ батырь...

— Откуда ѣхалъ, тамъ меня теперь нѣтъ; а ѣхалъ я не къ тебѣ, а къ Муллѣ-Атамкулу... вотъ что... Ты вотъ перехватилъ меня, задержалъ... Мулла разсердится...

— А это у тебя что?..

Садыкъ взялся рукою за сумку и потянулъ. Досщакъ увернулся и поспѣшилъ запрятать эту сумку подальше... Его схватили за руки, сорвали ремень съ шеи; послѣ минутной борьбы—сумка была отнята...

— Ухъ!.. экіе они у тебя сердитые!.. — засмѣялся Досщакъ.—Ну, если отняли силою, не моя вина, такъ и скажу Атамкулу...

Развернули сумку, вытащили оттуда большой бумажный пакетъ, разорвали обертку, стали разсматривать, что тамъ написано...

— По-русски... я не знаю, — проговоридъ Садыкъ, — на коней и назадъ! Тамъ, у Матъ-Мурада есть человѣкъ знающій, тамъ разберутъ. Гайда!.. А его держи крѣпко, гони пѣш-

комъ, между лошадей, чтобы не ушелъ... Собака! собакамъ служитъ, собачью и смерть получитъ... гони!..

— Погоди еще смертью грозиться!..—проговорилъ довольно ясно Досщакъ, — можетъ быть еще большое спасибо скажете лаучѣ Досщаку, халатъ дадите новый шелковый и конемъ его подарите...

— Ишь ты какой до халатовъ охотникъ! — засмѣялся одинъ изъ джигитовъ. — Ну, иди—не упирайся, не привыкъ пѣшкомъ за лошадью бѣгать!..

— Недалеко...—засмѣялся другой.

— А вонъ и самъ Матъ-Мурадъ навстрѣчу ѣдетъ... Эй, тамъ, очищай дорогу!..

Нашелся у Матъ-Мурада человѣкъ знающій, разобрали письмо, что у Досщака въ сумкѣ хранилось...

— Что я говорилъ?..—зло такъ улыбнулся Садыкъ.—Моя правда выходитъ, не вѣрили прежде.

— Проклятый песъ, двудушный, двуязычный,—произнесъ Матъ-Мурадъ.—А ну, прочитай еще разъ, я не все понялъ...

Знающій человѣкъ опять прочиталъ письмо, и снова началъ построчно передавать его содержаніе... Всѣ слушали молча, съ самымъ сосредоточеннымъ вниманіемъ... Одинъ только Досщакъ, казалось, оставался совершенно равнодушнымъ зрителемъ всего происходящаго у него передъ глазами... Онъ посматривалъ по сторонамъ, переговаривался шепотомъ съ джигитами и только передергивалъ локтями, стараясь растянуть и тѣмъ ослабить немного веревки, связывающія его руки.

«Храброму батырю Муллѣ-Атамкулу, отъ русскаго генерала письмо...»—читалъ знающій человѣкъ.

«...Да пошлетъ ему Богъ всякую благодать, всякихъ успѣховъ, побѣду надъ врагами... и миръ въ его домъ... За то, что отвелъ своихъ отъ колодцевъ и отдалъ намъ воду—благодарность; посылали обѣщанные десять халатовъ и тысячу золотыхъ тиль, не получили еще отвѣта; дошло-ли все въ цѣлости?.. За послѣднее письмо, въ которомъ извѣщаешь насъ о смутахъ въ вашемъ ханствѣ и о томъ, что дорога въ Хиву съ этой стороны открыта, благодаримъ тоже—слѣдующую тысячу тилей и десять халатовъ вышлемъ немедленно... Обѣщалъ ты намъ этого подлаго Матъ-Мурада и злого человѣка, Муллу-Садыка, живыми захватить и выдать намъ въ руки — мы за

это согласны выдать, какъ ты просишь, по десяти тысячъ тилей за голову; такъ и знай. А за каики, что твои люди доставили намъ для переправы, генералъ тебѣ большой крестъ съ орломъ у «бѣлаго царя» выхлопочетъ и чинъ полковника... Да хранитъ тебя Аллахъ!.. Увидимся скоро въ Хивѣ, только ты помогай намъ попрежнему...»

Кончилъ знающій человѣкъ, посмотрѣлъ Матъ-Мурадъ на Садыка, тотъ на него вскинулъ глаза изъ-подъ малахая...

— Прежде чѣмъ ты наши головы выдашь, мы съ тебя самого съ живого снимемъ шкуру! — процѣдилъ сквозь зубы датха.— А съ тобою тоже дѣло скоро покончимъ,—обратился онъ съ послѣдними словами къ Досщаку...

— За что, тюра, за что казнить бѣднаго джигита, чѣмъ я виноватъ? меня послали, ну, я и повезъ; развѣ я зналъ, что тамъ написано?.. Я служилъ у русскихъ поневолѣ, меня силою взяли; я потому и повезъ письмо къ Муллѣ-Атамкулу, чтобы отъ русскихъ уйти, да у васъ остаться... За что же меня убивать?..

Бѣдный Досщакъ такъ жалобно глядѣлъ на Матъ-Мурада, такъ наивно приводилъ свои оправданія, что тотъ невольно улыбнулся.

— Еслибъ я зналъ, что тамъ написано, такъ я бы прямо къ тебѣ, датха, привезъ эту бумагу... Что мнѣ Атамкулъ?.. онъ мнѣ чужой!.. хочешь, я при тебѣ своими руками его зарѣжу?..

Послѣднія слова Досщака сопровождались слишкомъ выразительнымъ жестомъ; внезапное бѣшенство, заступившее мѣсто наивности, мгновенно исказило черты его лица. Эта перемѣна невольно поразила Садыка.

— А ты его знаешь?..—пытливо взглянулъ батырь ему въ глаза.

— Я? нѣтъ, я не знаю... видѣлъ его разъ только, когда онъ у русскихъ служилъ, а больше ни разу... Нѣтъ, я его не знаю...

— Въ Рустемовъ садъ, тамъ разберемъ,—махнулъ нагайкою Матъ-Мурадъ;—дать ему лошадь, онъ намъ еще понадобится,—кивнулъ онъ на Досщака.—Ночью пойдемъ, какъ разъ къ свѣту нагрянемъ... Гайда!

Досщаку дали его же лошадь, связали, ему ноги подъ брюхомъ коня, на всякій случай, прихватили за шею арка-

номъ для предосторожности, и вся кавалькада потянулась рысцею въ сторону отъ Хазаръ-Аспской дороги, по направленію къ ставкѣ Муллы-Атамкула.

Садыкъ съ своими киргизами пошелъ обходомъ... Онъ разсчитывалъ заѣхать съ другой стороны, чтобы отрѣзать Атамкулу отступленіе, если тотъ во-время замѣтитъ угрожающую ему опасность.

Письмо—улику, работу писаря, *знающаго писать такъ, какъ генералъ пишетъ*, Матъ-Мурадъ тщательно сложилъ и спряталъ къ себѣ на грудь, за пазуху своего роскошнаго, шитаго золотомъ халата.

Едва только взошло солнце—Рустемовъ садъ и сакли были уже окружены.

XI. Судъ и казнь.

Матъ-Мурадъ и Садыкъ слѣзли съ лошадей. Имъ разостлали на землѣ большой хивинскій коверъ, на который и сѣли они оба, приготовляясь чинить судъ и расправу надъ обвиненнымъ.

Остальные люди обоихъ полководцевъ заняли кругъ, усѣлись тоже, и молча ждали развязки этого импровизированнаго судилища.

Атамкуловы джигиты толпились издали... Ихъ было мало, а потому о попыткѣ выручить силою своего батыря не могло быть и рѣчи. Большинство изъ нихъ предпочло даже заблаговременно удалиться, и въ числѣ спрятавшихся былъ иранецъ. Онъ только прошмыгнулъ въ женскую саклю, шепнулъ: — «бѣда, уходи скорѣе!» и полѣзъ черезъ заднюю стѣнку, къ выходу въ поле.

Атамкула посадили какъ разъ напротивъ судей-обвинителей.

Онъ угрюмо смотрѣлъ въ землю и, казалось, былъ совершенно покоенъ... Онъ чувствовалъ, что дѣло кончится скверно. Онъ зналъ, что отношенія его къ Матъ-Мураду и Садыку въ послѣднее время были далеко не дружелюбны; онъ не боялся ихъ до сихъ поръ, потому что не зналъ за собою ничего такого, что бы могло дать имъ право на его голову... Онъ считалъ себя ихъ товарищемъ, лицомъ совершенно равноправнымъ, на жизнь котораго они бы не осмѣлились покуситься... Однако онъ сознавалъ, что въ настоящую минуту они обла-

дают этимъ правомъ; есть что-то, что развязало руки его врагамъ... Его занимала мысль: что же это именно такое?

Атамкулъ сталъ перебирать у себя въ памяти всѣ мелочи, всѣ обстоятельства послѣдняго времени, и невольно пожималъ плечами, теряясь въ недоумѣніи. «За старое мстятъ?» думалъ онъ про Садыка, но тутъ же отбрасывалъ это предположеніе и переходилъ къ новому...

Иногда онъ косо посматривалъ черезъ головы сидящихъ джигитовъ въ ту сторону, гдѣ находилась женская сакля, и тогда его взгляды напоминали взгляды собаки на приготовленную для нея чашку съ съѣстнымъ, къ которой ее пока еще не пускаютъ, а чужая собака ходитъ близко и вотъ-вотъ доберется до этой соблазнительной чашки...

Была минута, когда ему послышался женскій крикъ... Ему показалось, что это голосъ Натальи Мартыновны. Онъ вздрогнулъ и вскочилъ на ноги.

— Куда!—процѣдилъ сквозь зубы Садыкъ...

Руки у Атамкула были связаны, конецъ этой веревки былъ напутанъ на его лѣвую ногу, движенія несчастнаго были стѣснены, и двое джигитовъ, безъ труда, усадили его на прежнее мѣсто.

Ему прочли обвинительное письмо.

— О чемъ тутъ писано, я ничего не понимаю, я не знаю...— угрюмо отвѣтилъ Атамкулъ и поблѣднѣлъ.

Онъ сталъ соображать и догадываться.

— Дешево наши головы цѣнишь,—проговорилъ Матъ-Мурадъ,—а впрочемъ и за эту оцѣнку спасибо. Все-таки честь и почетъ намъ сдѣлалъ: шутка-ли—*десять тысячъ тиль!*

— А вотъ за твою я и фальшиваго кокана не далъ бы!— засмѣялся Садыкъ. — Такая дрянь стала, что за негодностью придется тебѣ ее, кажется, сбросить...

— Свою береги... и до тебя еще дойдетъ дѣло,—огрызнулся Атамкулъ.

— Побережемъ...

— Мусульманинъ-ли ты, или совсѣмъ особачился? — укоризненно покачалъ головою Матъ-Мурадъ. — Своихъ продавать началъ?..

— Неправда въ томъ письмѣ писана... Покажи мнѣ того джигита, что везъ эту бумагу; откуда вы взяли ее?.. Мало-ли, что можно написать по злобѣ... Кто привезъ эту бумагу?..

— Давай сюда его!—крикнулъ Матъ-Мурадъ.

Досщака ввели въ кругъ.

Атамкулъ заскрежеталъ зубами... Съ пѣною у рта онъ рванулся къ лаучѣ. Онъ бы задушилъ его на мѣстѣ, еслибы въ эту минуту лопнули какъ нибудь веревки, связывающія ему руки...

— Когда я былъ въ плѣну у русскихъ,—захрипѣлъ обвиненный, — онъ погубить меня хотѣлъ, онъ мнѣ смерть готовилъ... Это врагъ мой... это ложная бумага... Кораномъ присягну... пусть сожжетъ меня молніей, пусть покроется тѣло мое проказою, пусть гніетъ мой языкъ, если лгу я теперь... Ложная это бумага! Врагъ я русскимъ, не якшался я съ ними... это письмо мнѣ на погибель писано...

Несчастный говорилъ горячо, дрожа всѣмъ тѣломъ; все лицо его разгорѣлось, жилы напряглись на лбу, глаза безпокойно бѣгали... Атамкулъ почти бѣсновался...

Досщакъ сложилъ свои руки на желудкѣ и отвѣсилъ Матъ Мураду *большой кулдукъ* (поклонъ). Онъ выдвинулся впередъ и, замѣтивъ беззащитное положеніе Атамкула, сталъ отъ него шагахъ въ двухъ...

— Позволь, датха, мнѣ, червяку, по землѣ ползающему, недостойному рабу твоему, слово сказать. Позволь правдою глаза ослѣпить этому злому человѣку. Я, Досщанка-лауча, много такого скажу хорошаго... Позволь говорить только...

— Говори,—произнесъ Матъ-Мурадъ.

— Этотъ человѣкъ много зла вашему ханству сдѣлалъ, позволь я его самъ спрашивать стану...

— Пусть спрашиваетъ,—рѣшилъ Садыкъ.

— Такъ не получалъ ты отъ русскихъ халатовъ... Не получалъ?.. Ой-ой!

Досщакъ укоризненно покачалъ головою и съ упрекомъ посмотрѣлъ на обвиняемаго.

— Неужели скажешь — не получалъ...

— Нѣтъ, ты врешь, собака!..

— Погоди... и денегъ не получалъ?

— Нѣтъ...

— И жену не получилъ?.. хорошую жену, что самъ просилъ у генерала?

— Врешь, проклятый!

— Ой-ой-ой... какою злою неправдою языкъ твой ворочается!.. Поспроси, датха, у его людей: привезли-ли ему надняхъ, вчера еще должно-быть, русскую женщину, изъ ихняго лагеря, и какую женщину! самую у нихъ лучшую... спроси-ка!

— Есть, тюра, — выдвинулся одинъ изъ джигитовъ.— Самъ видѣлъ: сидитъ тамъ у него въ саклѣ русская баба... говорятъ: точно привезена вчера—самъ видѣлъ.

— Сюда ее!..

Нѣсколько человѣкъ бросились въ саклю, Атамкулъ заметался на мѣстѣ.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія...

Изъ-за кустовъ показалась Наталья Мартыновна; ее вели, подхвативъ подъ мышки. Ее почти несли... Она неловко держала своего сына обѣими руками, ребенокъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, и озирался кругомъ растерянным, полупомѣшаннымъ взглядомъ...

Наташа едва шла; она, казалось, ничего не видѣла передъ собою. Какое-то оцѣпенѣніе охватило все ея существо; она не понимала, чего отъ нея ждутъ, чего требуютъ.

— Моя правда... видишь?.. Моя правда!—засуетился лауча Досщакъ.

— Ты изъ русскаго лагеря привезена? — спросилъ Матъ-Мурадъ.

Она молчала.

— Эй, толмачъ, спроси ее по-ихнему, — поправилъ дѣло Садыкъ.

Знающій человѣкъ перевелъ вопросъ.

— Да, русская... да, я русская... отпустите меня, это мой ребенокъ... не твой... отпусти!—проговорила Наталья Мартыновна, не обращаясь ни къ кому особенно... такъ куда-то въ пространство.

Она говорила, какъ будто не сознавая того, что говоритъ... ея рѣчь была очень похожа на бредъ сонной...

— Бѣдная, бѣдная! — произнесъ Досщакъ. — И для тебя, звѣря подлаго,—обратился онъ къ Атамкулу,—для тебя, чтобы ножъ твой купить братоубійственный, чтобы измѣну твою купить, отдали тебѣ эту женщину...

— Кончимъ съ нимъ, что даромъ время терять...—лѣниво зѣвнулъ и потянулся Садыкъ,—дѣло ясное.

Матъ-Мурадъ задумался...

Настала еще тяжелая, невыносимая минута общаго молчанія... Все притихло; только лошади грызли удила и отфыркивались, да стая розовыхъ скворцовъ суетливо возилась и щебетала въ густыхъ кронахъ сосѣдней группы карагачей.

Атамкулъ поникъ головою...

— Прикончить!.. — тихо произнесъ Матъ-Мурадъ, и сдѣлалъ рукою характеристическій жестъ, черкнувъ пальцемъ по воротнику своего халата.

— Вставай, таксыръ (грѣшный)! — подошли къ приговоренному два рослыхъ киргиза.

— О, великій судья, да пошлетъ Аллахъ много милостей на твою мудрую голову! — обратился Досщакъ къ Матъ-Мураду. — Позволь мнѣ самому этому злому человѣку горло перерѣзать...

— Свое береги... прочь! — грозно прикрикнулъ датха и энергично плюнулъ на землю.—Кончайте скорѣе!

— Что вы лукавите? — пронзительно вскрикнулъ Атамкулъ,—что вы судьями прикидываетесь?! разбойники вы оба— и только!.. Давно моей смерти хотите. На-те же, подавитесь моей головою, захлебнитесь моею невинною кровью — и пусть она тяжелымъ камнемъ повиснетъ у васъ на шеяхъ! пусть проклятіе вѣчное падетъ на головы ваши!.. пусть...

Его повалили, накинули на голову халатъ и потащили въ саклю.

. . . . . .

— Брось эту падаль! — брезгливо отвернулся въ сторону Матъ-Мурадъ, когда ему принесли голову «двуногаго волка», Муллы-Атамкула.

— Зачѣмъ бросать! — остановилъ Садыкъ, — эй, ты (онъ обратился къ Досщаку) возьми эту голову и отвези русскому генералу отъ меня и Матъ-Мурада въ подарокъ... бери!..

Досщакъ порывисто схватилъ этотъ безобразный остатокъ обѣими руками, на колѣняхъ подползъ къ Садыку и униженно поцѣловалъ полу его халата.

Его Юнусъ, его воспитанникъ, былъ отомщенъ.

А въ то же время, по дорогѣ изъ Хивы, къ Гурленю, къ іомудскимъ кочевьямъ, спѣшно пробиралась группа всадниковъ. Посреди этой кавалькады ѣхалъ человѣкъ, еще молодой, но уже съ сильно поношеннымъ, поблекшимъ лицомъ и апатично обвислою нижнею губою; на немъ былъ халатъ изъ кашемировой шали и на головѣ высокая тюркменская шапка.

Высокій аргамакъ шелъ плавно, широко шагая, остальныя лошади трусили вокругъ него рысцею.

За кавалькадою тянулось десятка два арбъ, запряженныхъ гуськомъ, по двѣ лошади въ каждой. Арбы эти были безпорядочно нагружены. Видно было, что съ этою нагрузкою торопились и кое-какъ складывали все вмѣстѣ: дорогіе ковры, кованные сундуки, узлы съ платьемъ и множество металлической посуды.

Все это спѣшило, словно бѣжало, словно спасалось отъ чего-то страшнаго, что находилось сзади, за ихъ спинами.

Они бѣжали дѣйствительно.

Это былъ ханъ хивинскій, Сеидъ-Рахимъ-Богадуръ, сбитый совершенно съ толку своими совѣтниками, окончательно потерявшій голову...

Русскіе были уже подъ стѣнами Хивы... Ханъ бѣжалъ. Куда?—онъ и самъ не зналъ этого, онъ объ этомъ и не думалъ... Его словно пугали и заставляли вздрагивать эти отдаленные, глухіе удары, слышавшіеся по временамъ за его спиною.

То были русскія пушки.

XII. Нѣсколько словъ о ханѣ и его подданныхъ.

А политическія событія шли своимъ чередомъ, развертываясь отчасти въ предугаданныя формы, отчасти поражая своею неожиданностью.

Развязка всей драмы уже была подготовлена; паденіе Хивы было неизбѣжно, и безполезное кровопролитіе подъ ея стѣнами нисколько не ускорило хода дѣла, а только вырвало нѣсколько лишнихъ жертвъ изъ нашихъ рядовъ—и безъ того немногочисленныхъ. Я говорю о попыткѣ взять городъ штурмомъ Оренбургскимъ и Кавказскимъ отрядами, въ тотъ самый моментъ, когда этотъ городъ выслалъ уже мирную депутацію къ главнокомандующему и отворилъ ему восточныя ворота.

Хивинскій ханъ бѣжалъ.

Это была его непростительная ошибка, глупость, подсказанная фанатиками, и чуть было не приведшая его къ потерѣ трона.

Вѣроятно эта ошибка была понята Сеидъ-Рахимомъ-Богадуромъ во-время, или же совѣты другихъ приближенныхъ, глядящихъ немного далѣе своего повелителя, взяли верхъ надъ фанатическими противниками русскаго вторженія, потому что черезъ нѣсколько дней ханъ написалъ русскому генералу о своей полной готовности отдаться на волю побѣдителей и увѣдомилъ о своемъ возвратѣ въ городъ.

Составленъ былъ соединенный совѣтъ изъ русскихъ и туземныхъ представителей ханства. Этотъ совѣтъ обсудилъ ходъ дальнѣйшихъ дѣлъ и рѣшилъ участь Аму-Дарьинскаго оазиса. Миръ былъ заключенъ.

По этому миру мы возвращали хану его городъ и власть надъ всѣми племенами, населяющими большую часть Хивинскаго ханства; только правый берегъ Аму и ея дельта оставались въ нашей власти и были присоединены къ обширной русской территоріи.

На хана и его подданныхъ наложена была денежная контрибуція, чтобы хотя отчасти покрыть значительныя издержки, вызванныя этимъ тяжелымъ походомъ. *Эту контрибуцію оставалось только собрать.*

Эту фразу написать очень легко, еще легче произнести, но не такъ легко примѣнить къ дѣлу, исполнить главнѣйшій параграфъ мирнаго договора.

Большая часть подданныхъ хана были весьма плохіе подданные—это подданство было почти фиктивно и ханская власть оказалась, относительно ихъ, болѣе чѣмъ слабою.

Я говорю о тюркменскихъ вольныхъ родахъ, селящихся или (какъ говорятъ здѣсь) сидящихъ вдоль лѣваго берега Аму и дальше, къ югу, въ глубину необъятныхъ степей, отдѣляющихъ ханство отъ Персіи и горныхъ странъ Гималая.

Полукочевые, полуосѣдлые разбойники, они не знали до сихъ поръ другихъ отношеній къ хану, какъ повинность нукерами, т.-е. вооруженными всадниками, которые являлись къ услугамъ хана, когда тому это требовалось. Затѣмъ они, въ видѣ почетныхъ подарковъ, доставляли своему повелителю

извѣстную часть добычи отъ грабежей и разбоевъ, что и узаконивало для нихъ этотъ родъ жизни, старый, привычный, облюбленный тюркменами, разстаться съ которымъ вовсе не входило въ ихъ дальнѣйшіе планы.

Тюркменскіе роды составляли большую часть населенія ханства, они большею же частью и были причиною войны, они вызвали своими набѣгами и безчинствами эту кару, это возмездіе; понятно, что на нихъ должна была лечь и большая часть денежной контрибуціи, а эту часть они отказывались платить начисто.

Ханъ Сендъ-Рахимъ не имѣлъ силы принудить тюркменъ къ повиновенію и откровенно сознался передъ русскими въ своемъ безсиліи.

А между тѣмъ давать потачку своевольнымъ разбойникамъ было бы болѣе чѣмъ безтактно; ихъ надо было заставить повиноваться, надо было—во что бы то ни стало—сломить ихъ заносчивость, подорвать вѣру въ привычную безнаказанность.

Война съ хивинскимъ ханствомъ окончилась, но тотчасъ же приходилось вести другую войну — обуздываніе непокорныхъ.

Съ этою цѣлью стали формироваться въ нашихъ лагеряхъ отдѣльные, экспедиціонные легкіе отряды, которые должны были итти къ тюркменамъ, въ самое сердце ихъ становищъ и кочевокъ.

XIII. Опять въ офицерскомъ кружкѣ.

Подъ густою тѣнью громадныхъ карагачей, въ окрестныхъ хивинскихъ садахъ, происходила оживленная, блестящая военная сцена.

Еще съ ранняго утра, вдоль дороги, у самыхъ стѣнъ пригородныхъ садовъ, вытянулись фронтомъ войска Кавказскаго и Оренбургскаго отрядовъ. Все это было одѣто въ мундиры и блестѣло, какъ на мирномъ парадѣ, на площадяхъ столицы: пѣхота въ оригинальныхъ папахахъ, кавалерія въ своихъ красныхъ и бѣлыхъ черкескахъ, офицерство въ блестящихъ эполетахъ, громъ музыки, живая русская рѣчь,—все это заставляло наблюдателя забывать о томъ, что онъ находится въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ, дикихъ пунктовъ центральной Азіи, и переносило его назадъ, въ Европу.

И рѣзкимъ контрастомъ, — рядомъ съ этими парадными фронтами, — стояли другіе, полные простоты, почти какого-то нищенства, грозные батальоны туркестанцевъ... Запыленныя бѣлыя рубахи, бѣлыя кепи съ холщевыми назатыльниками, побурѣвшія отъ времени и пыли, когда-то красныя, кожаныя шаровары, закорузлые отъ зноя и грязи саноги, мѣшки за плечами,—все это такъ рѣзко отличалось отъ красивой одежды кавказцевъ.

Но въ этой простотѣ чуялась страшная, могучая сила, какое-то неотразимое обаяніе непобѣдимости... Та сила, что заставляла туземцевъ, спокойно смотрящихъ на другіе отряды, потуплять глаза въ землю, и съ уваженіемъ, доходящимъ до фанатическаго ужаса, стороною, издали обходить эти скромныя на видъ колонны.

Первою просьбою хивинскаго хана, когда тотъ явился къ намъ въ лагерь, была просьба показать ему, хотя издали, *тѣхъ страшныхъ солдатъ, что прошли мертвою степью.*

Властелинъ Хивы не вѣрилъ, что это были обыкновенные смертные. Его воображеніе рисовало ему вѣроятно «Анъ-Кульмакъ» въ видѣ какихъ-нибудь фантастическихъ, баснословныхъ чудовищъ. Надобно было видѣть съ какимъ вниманіемъ разсматривалъ ханъ смуглыя лица солдатъ, проходя вдоль фронта. Его губы шевелились и шептали что-то... Не творилъ ли онъ въ это время какія-нибудь заклинанія?

Смотръ окончился. Войска заняли мѣста, назначенныя имъ для бивуакированія. Офицеры соединившихся отрядовъ начали сходиться въ кружки.

Нашлись и друзья, и знакомые, и даже родственники; начались обниманія, поздравленія; полилась самая шумная, веселая, оживленная бесѣда.

Въ палаткѣ маіора Пуговицына собрались его товарищи, человѣкъ десять. Денщикъ маіора, его бойкій Прошка, успѣлъ уже справиться у маркитантовъ Оренбургскаго отряда о состояніи ихъ походныхъ погребовъ, притащилъ цѣлую полдюжину пузатыхъ бутылокъ съ *бѣлою смолкою,* съ соблазнительно-блестящими ярлыками.

Какое наслажденіе предстояло гостямъ маіора Пуговицина, послѣ цѣлаго ряда невольныхъ постовъ и лишеній!

Маіоръ еще не зналъ: увѣнчался или нѣтъ успѣхомъ походъ его вѣрнаго слуги въ сосѣдній лагерь, и, входя въ только что разставленную палатку, покосился на Прошку и вопросительно произнесъ:

— Ну?..

— Есть!—таинственнымъ шепотомъ отвѣтилъ денщикъ, а потомъ, нѣсколько погромче, добавилъ:—Да у *нихъ* чего только нѣтъ, ваше высокоблагородіе!.. Я заглянулъ это—просто разливное море! Въ два дня не выкушать...

— Посуду!—скомандовалъ хозяинъ.—Ну, господа, милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ... Эй, земляки, стели коверъ, подыми полы... вотъ такъ!.. Садитесь, господа!

Нѣсколько солдатъ бросились поднимать полы палатки,—образовался тѣнистый навѣсъ, подъ которымъ пахнуло свѣжестью и прохладою.

— Сидишь это, ну точно у Доминика или у Донона!..—потянулся толстенькій капитанъ съ лысиною черезъ всю голову, чрезвычайно любившій эти два сравненія, несмотря на то, что никогда въ своей жизни не былъ ни у Доминика, ни у Донона; не былъ только по той простой, маловажной причинѣ, что ни разу не довелось ему быть въ Петербургѣ.

— Развѣ у васъ, въ Чебоксарахъ, есть Домникъ или этотъ, какъ бишь ты его назвалъ?..—полюбопытствовалъ сосѣдъ.

— Аншанте-деликате-премьеръ-калите!—разсматривалъ лысый капитанъ одну изъ бутылокъ и не удовлетворилъ любопытству сосѣда.

И хромой казакъ пришелъ сюда-же, кивнулъ съ улыбкою головой всей компаніи и, не дожидаясь приглашенія, присѣлъ на коврикъ.

Оживленный говоръ замѣтно стихъ при его приходѣ. Печальное выраженіе лица пришедшаго, хотя съ виду совершенно спокойное, даже улыбающееся, не шло какъ-то къ этимъ веселымъ физіономіямъ.

— Сюперьоръ-экскюзе...—продолжалъ было лысый капитанъ, поднявъ голову, произнесъ отрывочное, недоумѣвающее: «э!?.» и поставилъ бутылку на мѣсто.

— Господа, я уйду. Что же вы это?!—заговорилъ казакъ.—Что же вы это, словно я помѣшалъ вамъ?.. я не понимаю... Я бы не ходилъ, да вѣрите-ли: тоска такая одолѣваетъ од-

ного—просто околѣть легче... Ну, и идешь въ народъ, гдѣ полюднѣе, да смѣху больше слышится... а вы вотъ... я, пожалуй, уйду...

— Ну, полно, голубчикъ, ну, чего?!—придержалъ его за руку Пуговицынъ.—Сиди! Хорошій ты парень, только—баба... Вотъ, на-ка выпей, стаканъ шипучки;—смотри какую досталъ мой Прошка... Какъ ты говоришь: экскюзе?..

— Монъ-плезиръ де-бонъ-бонъ...

— Слышишь какое? Садись...

— Опять вчера цѣлый день по городу ѣздилъ,—шепталъ одинъ офицеръ другому, косясь на хромого казака,—все еще надежды не теряетъ, разыскиваетъ.

— Конечно!—пожалъ тотъ плечами.

— А я такъ говорю: пиши пропало. Это вѣрно! Ну посуди ты самъ, ежели принять въ соображеніе: сколько времени, неизвѣстность направленія...

И онъ началъ шептать что-то на ухо, загибая и отгибая пальцы на рукѣ, и придерживая за пуговицу слушателя.

— Нѣмца видѣли, господа?—звонко спросилъ молодой прапорщикъ.

— Это гусара-то? вотъ чучело!..

— Ну, ужъ вы и «чучело»! Человѣкъ, какъ человѣкъ, только въ ногахъ тонковатъ, а пьетъ хорошо, я видѣлъ...

— Вѣрите-ли: налилъ водки, положилъ туда кусокъ сахару, лимонной кислоты, стоитъ, прихлебываетъ и знай себѣ помѣшиваетъ сухарикомъ... Меня чуть не стошнило... Вотръ санте-съ!.. Эхъ, ледку бы! хоть чуточку!..

— Коня, коня—полцарства за коня, то бишь—за кусочекъ льду!—поправился одинъ изъ гостей.—Погодите, обживемся—всего достанемъ: дѣло бывалое.

— «Съ окончаніемъ!»—громогласно провозгласилъ Пуговицынъ.

— И въ ожиданіи будущихъ благъ свыше!—продолжалъ тостъ маіоръ Бирнапсъ.

Офицеры начали чокаться налитыми до краевъ стаканами.

Въ первую минуту катастрофы, когда въ палаткѣ Натальи Мартыновны хромой казакъ прочелъ роковую для него за-

писку,—онъ совершенно потерялъ голову. Онъ не зналъ, что дѣлать, что предпринять...

«Догнать!» это первое, что мелькнуло въ его головѣ, и онъ выбѣжалъ изъ палатки; но тутъ силы совершенно оставили его; онъ схватился за грудь обѣими руками, шатаясь прошелъ нѣсколько шаговъ и сѣлъ на землю.

Къ нему подошли, его разспрашивали, онъ не отвѣчалъ ничего. Молча протянулъ онъ записку первому, кто очутился ближе всѣхъ къ нему. Эту записку прочли, и черезъ четверть часа вѣсть о побѣгѣ Натальи Мартыновны разнеслась по всему лагерю.

Тотчасъ же снаряжена была погоня, начались розыски, слѣдствіе, но все не привело ни къ чему; не получили даже и тѣхъ результатовъ какъ въ тотъ разъ, когда гнались за бѣжавшимъ Атамкуломъ, -тамъ по крайней мѣрѣ видѣли слѣды, видѣли самаго разбойника, догнали и упустили изъ рукъ,— здѣсь же не нашли ни малѣйшихъ признаковъ, ни самаго ничтожнаго намека. Время было упущено: его слишкомъ достаточно было, чтобы отойти отъ лагеря на такое разстояніе, на которомъ розыски уже немыслимы.

Оставалось только покориться судьбѣ и ждать.

Съ какимъ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидалъ несчастный Головинъ каждаго шага впередъ, какъ мучила его малѣйшая остановка, малѣйшее замедленіе!.. Самыя ужасныя предположенія, самыя раздирающія душу мысли неотвязно лѣзли ему въ голову.

Были минуты, когда всѣ думали, что его мозгъ не выдержитъ этого испытанія.

Она навѣрное у Атамкула—это знали... Атамкулъ отступилъ куда-то въ глубину тюркменскихъ степей — это тоже знали. Но куда именно?..

Кровавая развязка въ Рустемовомъ саду не была еще извѣстна.

Блѣдный, исхудалый, съ сильно посѣдѣвшей за это время головою, бродилъ несчастный по лагерю, инстинктивно подходилъ къ кружкамъ, гдѣ только слышался болѣе оживленный говоръ, и вносилъ въ эти кружки только тоску и печаль, напоминая своимъ появленіемъ грустное событіе.

Разъ даже онъ рѣшилъ бросить все, тихонько уйти изъ

лагеря и отправиться одному на розыски... Его поймали на первой же попыткѣ,—не придали ей, конечно, характера дезертирства, и только съ той минуты за Головинымъ постоянно наблюдали, дѣлая, или по крайней мѣрѣ стараясь дѣлать эти наблюденія для него незамѣтными.

Исчезновеніе Досщака, скоро замѣченное, показалось подозрительнымъ; его связывали съ бѣгствомъ Наташи, и на голову бѣднаго, преданнаго лаучи напрасно взваливали тяжкое подозрѣніе.

Сильные, энергичные порывы тоски и грусти стали мало-по-малу стихать и смѣнились тупымъ, тяжелымъ чувствомъ какого-то страннаго оцѣпенѣнія. Къ Головину шли, съ нимъ заговаривали, его старались утѣшать, развлекать: всѣ радовались, когда онъ подходитъ, бывало, къ какому-нибудь изъ кружковъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ его присутствіе тамъ было тяжело, подчасъ невыносимо.

Онъ не могъ не замѣчать этого, сильно огорчался каждый разъ, упрекалъ, жаловался, доходилъ иногда до слезъ, а все-таки шелъ, гдѣ людиѣе и шумнѣе, инстинктивно боясь тишины и одиночества.

Въ такомъ душевномъ настроеніи человѣкъ долго жить не можетъ, и сильный организмъ казака видимо слабѣлъ, уступая давленію тяжелаго гнета.

— Кончитъ чахоткою, что ужъ тутъ!—говорилъ обыкновенно отрядный докторъ, глядя издали на Головина, и тотчасъ же пускался въ объясненіе связи между *физическою и моральною жизнью субъекта*, заканчивая всегда свой протестъ латинскимъ изреченіемъ, большею частью вовсе *къ дѣлу* не идущимъ.

— Ну-ка, братъ!—протянулъ маіоръ Пуговицынъ стаканъ своему печальному гостю и дружески обнялъ его за талію.

Тотъ выпилъ молча, однимъ духомъ, отвернулся, подтянулъ къ себѣ сѣдельную подушку и легъ, отвернувшись отъ своихъ товарищей.

— А знаете-ли, господа, кого я встрѣтилъ сегодня?—началъ подпоручикъ Кустиковъ.

— Ну?

— Иду я сегодня по кавказскому лагерю — и какъ имъ не жарко въ этихъ дурацкихъ папахахъ?! Наши кепки гораздо

лучше... Объ чемъ, бишь, я говорилъ?.. да. Иду я по ихъ лагерю, смотрю: что за чертъ, знакомое лицо? Положительно гдѣ-то видѣлъ!.. Прошелъ еще разъ мимо, уже нарочно... да, онъ, вылитый онъ!.. Я еще разъ, а денщикъ его, точно на зло мнѣ, опустилъ полу палаточную—ничего и не видно, что тамъ внутри дѣлается... Такая досада!

— Да кто *онъ?*

— Можетъ быть и не онъ, кто его знаетъ? Мало-ли сходство какое бываетъ!

— Да на кого же ты намекаешь?

— Помните Ровича, въ Чиназѣ еще...

— Не можетъ быть?!

— Ну, честное слово... и посадка на сѣдлѣ его, помните-ли онъ все еще этакъ на бокъ кривился, перегибался, и затылокъ тоже раздвоенный по-англійски... ну, все, все... ей Богу же, онъ!

— Съ оренбургцами?

— Нѣтъ, денщикъ въ черкескѣ, должно быть съ кавказцами... Штабный должно быть; вонъ тамъ они всѣ, въ саду, на отлетѣ стоятъ.

— Надо поразузнать... Господа слышите, что Кустиковъ говоритъ? Ровичъ тутъ.

— Подай его сюда!

— Ну его къ черту...

— Тс!—приподнялъ руку Пуговицинъ и покосился на хромого казака... Тотъ внимательно прислушивался.

XIV. Воспоминанія.—Старый знакомый.

Къ небольшой палаткѣ, раскинутой отдѣльно отъ прочихъ, въ саду, гдѣ помѣстился штабъ Кавказскаго отряда, подъѣхалъ всадникъ, въ короткомъ китель съ офицерскими погонами, красиво облегавшемъ его стройный корпусъ; медленно, лѣниво слѣзъ онъ съ лошади, бросилъ поводья въ руки подбѣжавшаго денщика и, волоча свою саблю въ металлическихъ ножнахъ, вошелъ согнувшись подъ тѣнь холщевой крыши своего походнаго жилища.

Этотъ офицеръ былъ нѣсколько взволнованъ и какъ будто озабоченъ чѣмъ-то: это замѣтно было и въ его разсѣянномъ, безпокойномъ взглядѣ, какимъ онъ окинулъ внутренность по-

мѣщенія, и въ его движеніяхъ нерѣшительныхъ, даже въ его жестѣ рукою, совершенно непонятномъ для его денщика, поглядывающаго вопросительно на господина. Этотъ жестъ долженъ былъ бы что-то означать, выражать какое-нибудь приказаніе, онъ даже сопровождался словами: «эй, послушай!»; но только тотъ, къ кому это относилось, болѣе ничего не слышалъ, и стоялъ, терпѣливо выжидая, держа въ поводу взмыленную, хотя и неусталую, лошадь.

А господинъ его минуту постоялъ у средняго столба палатки, потомъ подошелъ къ складной кровати, подогнулъ немного колѣна, словно собирался на нее лечь, да видно раздумалъ, снялъ фуражку и снова надѣлъ ее, отодвинулъ ногою табуретъ, тотъ запнулся о коверъ и перевернулся кверху ногами; тогда нога въ ботфортѣ со шпорою потянулась за другимъ табуретомъ, притянула его удачнѣе, и офицеръ сѣлъ у стола, побарабанилъ немного пальцами, вынулъ портъ-сигаръ, оттуда сигару, откусилъ кончикъ, черкнулъ спичкою, выждалъ, пока она догоритъ до самыхъ кончиковъ пальцевъ, бросилъ, но другую не зажигалъ, и швырнулъ подъ столъ приготовленную сигару...

Денщикъ все еще терпѣливо ждалъ и оглаживалъ терпѣливаго коня, — господинъ сидѣлъ и казалось разсматривалъ тѣнь отъ вѣтки, пересѣкавшую противоположную холщевую стѣнку палатки.

— Самоваръ прикажете, ваше благородіе?—рѣшился прервать молчаніе деньщикъ.

— Да, выводи его хорошенько, а поить подожди...—отвѣтилъ, словно проснувшись, офицеръ.

Очевидно, что отвѣтъ не шелъ къ вопросу, но вѣрный и смѣтливый слуга понялъ, что ему надо дѣлать.

«Должно хмѣленъ... зашибъ на завтракѣ у генерала,—соображалъ онъ, проваживая коня вдоль стѣны, не выходя изъ ея голубоватой, относительно прохладной тѣни, — теперь, значитъ, завалится спать, проспитъ часа полтора, тутъ безпремѣнно, чтобъ самоваръ ему поспѣлъ; крикнетъ «чаю!..» чтобы сію минуту и лимону подать надо... Тамъ кто изъ господъ подойдетъ, пошлютъ къ маркитанту Груздеву за чѣмъ слѣдуетъ, въ карты это сядутъ; мнѣ тоже перепадетъ по положенію... Такъ до ночи... Ну, не шали, «Голубокъ»... Го-го!

И денщикъ погладилъ по шеѣ лошадь, собиравшуюся было пошалить и подняться на заднія ноги...

Но всѣ эти соображенія приземистаго, коряваго солдатика, съ жесткими щетинистыми бакенбардами, съ добродушными, узенькими глазками-щелками, на этотъ разъ оказались невѣрными. Его господинъ и не думалъ ложиться, а все еще сидѣлъ у стола на табуретѣ, подперевъ голову обѣими руками, его господинъ вовсе не былъ хмѣленъ, и ничего «не зашибалъ», хотя и точно завтракалъ у генерала, и въ настоящую минуту онъ и не думалъ о постели, потому что въ головѣ его ворочались и возставали такія воспоминанія, роились такія соображенія, которыя навѣрно-бы разогнали сонъ, хотя бы и въ привычную для того пору.

И вотъ, этотъ офицеръ сидѣлъ и разсматривалъ тѣнь вѣтки... эта вѣтка должно быть принадлежала большому кусту серебристой акаціи, судя по перистымъ формамъ листьевъ, отчетливо рисовавшихся на полотнѣ...

Пристально глядя впередъ, не сводя глазъ съ этихъ голубоватыхъ, причудливыхъ очертаній, офицеръ, казалось, видѣлъ въ этихъ очертаніяхъ другія формы, другія линіи... Маленькое облачко набѣжало и поглотило узоры на полотнѣ, но наблюденія офицера не прекратились, его взглядъ все-таки былъ устремленъ по тому же направленію, только слегка прищурился, когда снова ярко засвѣтилась стѣна и снова повторились знакомыя очертанія...

Двѣ палевыя бабочки, гоняясь одна за другою, впорхнули въ палатку, замелькали здѣсь двумя свѣтлыми, золотистыми точками, спустились на плечо къ сидящему, сѣли на самый погонъ, опять поднялись и опять засновали, словно переплетаясь между собою, и защелкали о туго натянутое полотно...

Кто-то изъ мимо идущихъ споткнулся на веревку и выругался. Вся палатка затряслась, что-то даже лопнуло... Большой бархатистый паукъ, весьма подозрительнаго вида, бойко перебирая своими мохнатыми ногами, пробѣжалъ по столу и сталъ спускаться внизъ, по одной изъ его ножекъ... Два всадника въ карьеръ пронеслись по дорогѣ, поднявъ цѣлыя облака пыли, пахнувшей даже во внутренность палатки, — опять появился на столѣ тотъ же самый паукъ и остановился, словно раздумывая, куда бы ему лѣзть: проходить-ли мимо, или не

забраться ли въ рукавъ офицерскаго кителя, казавшійся ему, вѣроятно, тѣнистымъ и заманчивымъ тунелемъ...

Ни бабочки, ни прохожій, такъ неловко шагнувшій черезъ веревку палатки, ни паукъ, ни всадники — ничто не обратило на себя вниманія задумавшагося офицера, и только благодаря совершенно случайному движенію руки сидящаго, скверное насѣкомое измѣнило своему намѣренію и поспѣшило ретироваться по знакомой дорогѣ.

Заглянулъ деншикъ въ палатку, и его маленькіе глазки нѣсколько расширились... Заглянулъ онъ опять, уже спустя, по крайней мѣрѣ, часъ, и опять увидѣлъ тоже самое...

Давно уже былъ вывоженъ и разсѣданъ «Голубокъ» давно уже кипѣлъ маленькій походный самоварчикъ, давно уже прошло обычное для чаепитія время, а офицеръ все сидѣлъ и думалъ, все еще смотрѣлъ на стѣну палатки, хотя тамъ давнымъ-давно исчезла перистая тѣнь и смѣнилась другою, эта другая—третьею, наконецъ все затянулось сплошь, безъ просвѣтовъ... Солнце уже стало должно быть спускаться къ горизонту... Затрубили къ водопою въ казачьемъ лагерѣ, заигралъ пѣхотный рожокъ, зовущій стрѣлковъ сосѣдняго бивуака къ котламъ, на ротныя кухни... Совсѣмъ дѣло становилось къ вечеру, а офицеръ все сидѣлъ и думалъ; только теперь онъ курилъ свои сигары, одна за другою, и окружилъ себя, какъ Юпитеръ на Олимпѣ, волнующимися облаками синеватаго табачнаго дыма.

Этотъ офицеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, уже былъ въ центральной Азіи, если и не здѣсь, на берегахъ Аму, въ окрестностяхъ Хивы, такъ въ другихъ пунктахъ: въ Ташкентѣ, въ Самаркандѣ, въ Чиназѣ... Изъ его головы не могли еще совсѣмъ изгладиться всѣ воспоминанія о томъ времени... Передъ нимъ рисовались, воскресая, мало-по-малу, разныя картины недавняго прошлаго, проходили знакомые образы, нѣкоторые въ болѣе ясныхъ, отчетливыхъ формахъ, другіе чуть замѣтными, неопредѣленными, туманными силуэтами...

Чѣмъ дальше вдумывался офицеръ, тѣмъ яснѣе и яснѣе выступало то, что заставляло его погрузиться въ это созерцательное состояніе; одинъ образъ обрисовывался все яснѣе и яснѣе, раздвигая все остальное — этотъ образъ словно живой

стоялъ передъ его глазами, словно говорилъ ему: «ну, другъ мой, припоминай... припоминай... да смотри все... всѣ мелочи, всѣ подробности... ничего не пропусти, взвѣшивай и обдумывай, а я буду наблюдать за тобою: если что забудешь, я напомню, я ничего не дамъ тебѣ обойти... Я, какъ непрошенный, незваный суфлеръ, буду подсказывать тебѣ, буду диктовать тебѣ отъ слова до слова всѣ твои воспоминанія... Не щади же себя, мой милый! Вѣдь никого нѣтъ, кромѣ насъ съ тобою, никто насъ не подслушиваетъ... припоминай-же... Итакъ ты пріѣхалъ въ Чиназъ на пароходѣ «Аралъ» и здѣсь начались твои похожденія...

«А вотъ и старый пушкарь съ своей добродушною, веселою физіономіею, съ длинными, сѣдыми усами и еще длиннѣйшею трубкою... А вотъ и сварливая расплывшаяся старуха, съ запахомъ кухни... А вотъ и еще около нихъ кто-то, стройное, миловидное существо съ безконечно-добрыми, любящими глазами. Ты узнаешь ее? Вглядись хорошенько . . . . .

«А вотъ сутуловатая фигура въ сѣрой рубахѣ, нѣсколько грубая на видъ, но... Имени ты не можешь вспомнить, вертится что-то въ головѣ, только никакъ навернуться не можетъ, успѣло уже испариться изъ памяти, да это не бѣда, не въ имени дѣло...

«Потомъ эта непріятность... Ты ѣхалъ верхомъ и пѣлъ... ты былъ веселъ, беззаботенъ и не подозрѣвалъ, что врагъ страшный, смертельный близко... Онъ засѣлъ вонъ въ тѣхъ кустахъ и навѣлъ на тебя стволы своего штуцера... Здѣсь нить воспоминаній твоихъ прерывается... еще бы! иначе и быть не можетъ... пораженный никогда не слышитъ звука поразившаго его выстрѣла, конечно, если этотъ выстрѣлъ смертельный или близко подходящій къ таковому...

Снова туманъ разсѣивается... покойная постель... опять чьи-то добрые, любящіе взгляды, нѣжная рука на твоемъ лбу и груди... Ты думалъ тогда, что ангелъ сидитъ около тебя и вѣетъ на тебя своими чудными, свѣтлыми крыльями. Ты боготворилъ этого ангела... еще-бы не боготворить посланника Божія? Съ благоговѣніемъ ты прикоснулся къ этимъ тонкимъ, нѣжнымъ пальчикамъ... Не правда-ли, ты все это очень хорошо помнишь?.. то-есть припоминаешь теперь, а то было совсѣмъ забылъ, совсѣмъ прогналъ изъ своей памяти, замѣ-

нивъ все это новыми, болѣе яркими, болѣе сильными впечатлѣніями.

«Мало-по-малу ангелъ терялъ свои безплотныя свойства, онъ спускался на землю и воспринималъ въ себѣ все земное... Онъ превратился въ женщину... и въ женщину любящую... Ты помнишь-ли что было дальше... ну?..

«Вздоръ, пустяки! ну какой молодой человѣкъ не воспользуется случаемъ, если хорошенькая дѣвушка сама такъ охотно идетъ къ нему въ объятія! Кто-же тутъ станетъ соображать, да обдумывать послѣдствія?!. Да и что за бѣда? Мимолетное увлеченіе проходитъ само собою... Никто отъ этого ничего не теряетъ... Хотя бы и она, напримѣръ, ну что она потеряла? Навѣрное уже давно успокоилась, забыла объ немъ; десять разъ уже, можетъ, успѣла выйти замужъ, народила дѣтей, нянчитъ ихъ и хозяйничаетъ, печетъ пироги и вотрушки по примѣру своей маменьки—и совершенно счастлива... Тамъ вѣдь кромѣ него много было вздыхателей—какой-то потѣшный, толстый маіоръ... опять хоть бы и этотъ сутуловатый, угрюмый... Впрочемъ... позвольте... кажется, съ тѣмъ сутуловатымъ что-то случилось... да... такъ... неужели-же и это тебѣ въ вину поставятъ?.. Всякій сумасшедшій ревнивецъ...

«...Исхудалый, оборванный, больной, съ дикими, блуждающими взглядами, бродящій по камышамъ, будто звѣрь какой-то, потерявшій разумъ и волю...»

Офицеръ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, боязливо оглянулся и провелъ рукою по своему лицу, будто снялъ съ него насѣвшую паутину.

«...Ребенокъ—это дѣло другое... Конечно, тутъ надо было подумать; надо было, можетъ быть, нѣсколько иначе. Эхъ... опять вздоръ... что за бѣда, что ребенокъ!.. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, жениться на всякой женщинѣ, если только ей пришлось быть матерью твоего ребенка... это невозможно—уже потому... ну хоть бы потому, что мы не турки, и у насъ многоженство не имѣетъ гражданственности, незаконно, такъ сказать... Какъ же этого не могутъ понять люди?.. Не можешь, наконецъ, понять ты, неотвязный, непрошенный суфлеръ... Да и его ли это еще ребенокъ? кто можетъ поручиться ему, что онъ одинъ...»

Офицеръ покраснѣлъ до ушей и опять оглянулся, опять провелъ по лицу обѣими руками.

«Что, вѣрно еще несовсѣмъ заглохла у тебя совѣсть?.. видишь: проснулась; тебѣ даже самому стыдно за себя стало; ты самъ сознаешь теперь всю гнусность своего грязнаго предположенія», шепнулъ ему на ухо знакомый голосъ.

И надо же было, чтобы теперь, когда все давно уже улеглось, забылось... этотъ разсказъ, слышанный имъ въ офицерскихъ кружкахъ когда-то знакомаго лагеря, разомъ перевернулъ все верхъ дномъ, смутилъ его самодовольное спокойствіе... и вызвалъ весь этотъ рядъ томительныхъ воспоминаній.

Она, опять она, заняла все его сердце; она взошла туда какъ въ свое собственное, давно ей знакомое, привычное жилище и расположилась тамъ полновластною госпожею, разомъ вытѣснивъ оттуда все остальное...

«А гдѣ же она сама? Въ рукахъ дикарей, въ неволѣ... жива-ли... или умерла, успокоилась навѣки многострадальная мать? и этотъ ребенокъ, его сынъ, что съ нимъ... гдѣ онъ?..»

Болѣзненный стонъ вырвался изъ груди офицера, этотъ стонъ былъ услышанъ даже внѣ палатки, на довольно значительномъ разстояніи. Денщикъ-бакенбардистъ, дремавшій на войлокѣ, встрепенулся, вскочилъ на ноги, кинулся къ давно уже потухшему самовару, схватилъ его и столкнулся съ своимъ господиномъ, у входа въ палатку...

Офицеръ вышелъ оттуда, слегка пошатываясь; онъ съ видимымъ наслажденіемъ дышалъ свѣжимъ вечернимъ воздухомъ, пропитаннымъ смолистымъ запахомъ тутовника... Нѣсколько минутъ онъ постоялъ у входа, а потомъ началъ медленно прогуливаться по утоптанной тропинкѣ, извивающейся между корявыми, узловатыми стволами деревьевъ.

— Чудной день какой выпалъ сегодня!..—недоумѣвалъ бакенбардистъ, поставивъ самоваръ на свое мѣсто...

Этотъ офицеръ былъ нашъ старинный знакомый, Сергѣй Николаевичъ Ровичъ *).

XV. Досщакъ и его багажъ.

Въ ту же ночь, въ передовой цѣпи казачьяго лагеря раздался одиночный выстрѣлъ. Этотъ тревожный звукъ поднялъ

*) См. повѣсть „Въ камышахъ".

было на ноги весь лагерь, но все скоро успокоилось, когда разобрали дѣло и разъяснилась причина тревоги.

Казакъ-часовой выстрѣлилъ по какому-то подозрительному всаднику, пробиравшемуся вдоль цѣпи... Всадникъ этотъ не отвѣтилъ на троекратный окликъ часоваго, и попытался было скрыться за стѣнкою какого-то строенія... Пуля изъ казачьей винтовки помѣшала ему исполнить свое намѣреніе, и онъ, какъ снопъ, свалился съ сѣдла, а его лошадь понеслась по дорогѣ, растрепавъ вдребезги свою сѣдловку... Первое, что оторвалось и упало на землю, были переметныя сумы-коржуны; ихъ и подняли тотчасъ же подбѣжавшіе на выстрѣлъ казаки — подняли и трупъ неосторожнаго всадника, уже безъ всякихъ признаковъ жизни...

Въ темнотѣ можно было узнать только то, что всадникъ, надо полагать, не изъ нашихъ, — на этомъ и успокоились... Зато, заглянувъ въ коржуны, казаки плюнули и отшвырнули отъ себя свою находку...

— Одначе это, ребята, не модель!..—рѣшилъ старый урядникъ,—и обо всемъ, значитъ, происшествіи—надоть доложить сотенному. Это, вонъ, что бросили, подбери-ка, братъ, потому можетъ она для какого-нибудь слѣдствія потребуется... Положь сюда, рядомъ съ тѣломъ, вотъ такъ...

— Ишь ты какая падаль!..—плюнулъ казакъ, исполнявшій приказаніе урядника.—Что съ собою таскаетъ лѣшій! эко дѣло, поштрѣли-те лукавый, тьфу!..

Положили убитаго, рядомъ съ нимъ его сумку, прикрыли все войлокомъ и приставили караульнаго.

А утромъ, когда разсвѣло и собрался народъ на мѣсто ночнаго происшествія, нашлись тогда люди, которые узнали и убитаго, и то, что заключалось въ сумкѣ.

Убитый оказался — старый лауча Досщакъ; въ сумкѣ лежала голова Атамкула-двуногаго волка.

— Эхъ, судьба, судьба!—говорилъ спустя нѣсколько времени маіоръ Пуговицынъ въ своей палаткѣ.

— Да,—соглашался маіоръ Бирнапсъ,—не подвернись *онъ* подъ выстрѣлъ, мы бы можетъ быть узнали что-нибудь о Натальѣ Мартыновнѣ...

— Да, судьба!—еще разъ повторилъ Пуговицынъ. — Пойдемъ-ка къ Головину, онъ, бѣдняга, говорятъ, такъ пораженъ случившимся, что пожалуй и не вынесетъ.

— Я не понимаю, — горячился Кустиковъ, — я этого не понимаю... неужели-же нельзя принять мѣры? Ну, напримѣръ, окружить всѣ туркменскія степи, перешарить всѣ аулы, подвергнуть всѣхъ поголовно строжайшему допросу... ну и нападемъ на слѣдъ; по крайней мѣрѣ, узнаемъ что-нибудь, если не отыщемъ...

— Это ты вѣрно говоришь, — серьезнымъ тономъ замѣтилъ Пуговицынъ, — вотъ что: мѣсяца два тому назадъ, не помню гдѣ именно, только гдѣ-то въ Кызылъ-Кумахъ, потерялъ я, братецъ мой, пуговицу отъ кителя — вѣдь что бы стоило окружить всю степь, изрыть ее пальцами, просѣять, наконецъ, сквозь рѣшето, тогда бы навѣрное нашлась моя пуговица...

— О-хо-хо-хо!.. — засмѣялся, потряхивая плечами маіоръ Бирнапсъ.

— Вы все шутите...—смущеннымъ голосомъ пробормоталъ Кустиковъ.

И всѣ трое пошли утѣшать Головина, на котораго ночное происшествіе подѣйствовало такъ сильно, что онъ долженъ былъ слечь въ постель по приказанію доктора, а главное потому, что не могъ уже удержаться на ногахъ, подкошенный возвратною горячкою, результатомъ новаго нервнаго потрясенія.

На выздоровленіе хромого казака не было уже никакой надежды: самый неунывающій докторъ отряда рѣшилъ, что спасти больного можетъ только чудо.

А чуда ожидать не откуда.

XVI. Суета и сборы.

Пошла суета по всему лагерю.

— Выступать! выступать!—только и слышалось во всѣхъ его концахъ, во всѣхъ кружкахъ: и въ офицерскихъ палаткахъ, и въ казачьихъ коновязяхъ, и у артиллеристовъ, засновавшихъ между своихъ пушекъ и зарядныхъ ящиковъ, и въ приземистыхъ «тантабри» пѣхотинцевъ, смазывавшихъ свои высокіе сапоги, первымъ дѣломъ, при одномъ только намекѣ на выступленіе..

*

— Кому выступать?.. кто остается?..

— Вашъ батальонъ идетъ, что-ли?

— Вѣрно стрѣлкамъ опять счастье!.. чертъ бы ихъ побралъ!..

— Сбѣгай кто въ штабъ, узнай повѣрнѣе: что, кто и какъ?

— Десять орудій идетъ, говоришь ты?

— Вотъ горе!.. мой лысый захромалъ, провалъ его побери! вѣдь каждый разъ такъ!

Только и слышались подобныя, отрывочныя, недоумѣвающія, безпокойныя рѣчи, по всему протяженію длиннаго лагеря, огибающаго Хиву растянутымъ полумѣсяцемъ.

Тюркмены зашалили. Они наотрѣзъ отказались платить возложенную на нихъ долю военной контрибуціи... Наши лазутчики привезли самыя безпокойныя вѣсти... Высшее начальство задумалось; низшіе и солдаты стали веселѣе поговаривать и потирать себѣ руки отъ удовольствія. Шутка-ли, почти мѣсяцъ даромъ простояли! Тоска, одурь возьметъ сидѣть безъ дѣла!.. Добро-бы еще на мѣстѣ, на постоянныхъ квартирахъ... ну это все-бы еще ничего, дѣломъ какимъ ни на есть можно заняться, а то торчи тутъ на солнопекѣ, вѣчно застегнувшись... ни взадъ, ни впередъ... удивительно весело! То-ли дѣло «тюркмены, милые люди, зашалили». Вотъ пойдемъ къ нимъ, въ ихъ кочевки, недѣльки двѣ пошатаемся, новыя мѣста увидимъ, перепалочка можетъ, дастъ Богъ, выйдетъ, тоже не безъ пользы по службѣ... отлично!..

— Слушай, братъ Раскатовъ,—говорилъ Пуговицынъ своему фельдфебелю: — первымъ дѣломъ, чтобы у меня ни одинъ сапогъ не зѣвалъ, каши бы не просилъ... самъ огляжу... У кого неисправенъ—вздую и вонъ изъ фронта: со слабыми дома останется...

— Слушаю-съ... ваше высокоблагородіе!—бурчалъ въ рыжеватые, щетинистые усы фельдфебель Раскатовъ...

— Ничего чтобы лишняго... этой дряни разной въ мѣшки не набирать, все равно дорогой огляжу—велю вышвырнуть.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе!

— По двѣ рубахи... сухарей на пять дней, патроновъ полтора комплекта... двадцать рядовъ во взводѣ, да смотри, чтобы сквозныхъ не было... «чай-сахаръ» съ вечера принять... пошли капральныхъ... понялъ?..

— Понялъ, ваше высокоблагородіе!.

— Ну, пошелъ, хлопочи!..

— Да, господа, иначе нельзя, ей Богу нельзя!—обращался заботливый командиръ, словно въ чемъ-то оправдывался, къ небольшой группѣ офицеровъ, стоявшей неподалеку.—Иначе нельзя... не ткни ты его рыломъ во всякую малость, потомъ наплачешься... это вѣрно...

— Понятно, заранѣе распорядиться нужно...—соглашался одинъ изъ офицеровъ.

— Это все такія мелочи! — небрежно, но все-таки какъ будто про себя, замѣчалъ другой...

— А видѣли, господа, Бирнапса?.. совсѣмъ очумѣлъ...

— А что?

— Да опять его батальонъ остается... незадача ему, да и только: не повезло, значитъ.

— Да, братъ, какъ не повезетъ, такъ оно того...

— Засуетился... все бѣгаетъ по штабамъ, хлопочетъ... Я встрѣтилъ его, такъ просто и не кланяется, раскраснѣлся какъ ракъ...

— Опять будетъ говорить: «интрыги, интрыги»... Потѣха!.. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, господа, это немного несправедливо: ну, посудите сами...

— Э, полноте! А шестнадцатаго кого въ авангардъ выслали? А къ Хазаръ-Аспу кто ходилъ?.. Ну полноте, пожалуйста... какія тутъ интриги! надо вѣдь и очередь соблюдать... Ты мнѣ не одолжишь своего револьвера?.. у моего барабанъ что-то плохо ворочается...

— Не дамъ.

— Ну, чертъ съ тобою!.. и не надо...

— Да Боже тебя сохрани, если хоть одинъ нарѣжется передъ выходомъ... Боже сохрани, живого съѣмъ и назадъ не верну; такъ и пропадетъ, собака, безъ вѣсти! — докрикивалъ свои распоряженія маіоръ Пуговицынъ.—Боже тебя сохрани!..

— А знаешь что? — говорилъ хромому казаку поручикъ Кустиковъ, навѣдавшись въ его шалашъ.—Знаешь что?.. Оно конечно, разсчитывать трудно, а все-таки...

— Что такое?.. — досадливо спрашивалъ Головинъ.— Въ чемъ дѣло?..

— Да я все про то же; конечно, навѣрное разсчитывать трудно... а все-таки...

— Экой у тебя языкъ непутевый... отстань!..

— Конечно... я не говорю, чтобы навѣрное... ужъ почти совсѣмъ про себя бормоталъ Кустиковъ и бѣжалъ дальше, сообщать другимъ свои догадки и предположенія...

— Въ самый центръ кочевокъ ихнихъ идемъ...—говорилъ онъ, нѣсколько минутъ спустя, уже въ другомъ мѣстѣ, другимъ лицамъ.—Кавалеріи дано приказаніе идти обходомъ, на рысяхъ... Они поспѣваютъ захватить *ихъ* еще на мѣстѣ... и вдругъ!..

— Несбыточно, братъ, а впрочемъ...

— Вотъ это я и говорю... конечно, навѣрное разсчитывать нельзя; а все-таки... Ну захватятъ ихъ, окружатъ... ни одна живая душа не выскочитъ... Вотъ мы тутъ и обшаримъ всѣ закоулочки, всѣхъ переберемъ... и вдругъ... Вотъ было бы счастье!.. Да я, кажется, отъ всѣхъ наградъ отказался бы — ничего этого мнѣ бы не нужно... А вѣдь можетъ случиться, можетъ... да?..

И Кустиковъ конфузился, и на его лицѣ появлялась самая печальная мина, когда слушатель говорилъ ему: «Да ну, не мели, братъ, статочное ли это дѣло»... За то приходилъ въ восторгъ и готовъ былъ прыгать подъ самый верхъ палатки, когда слышалъ въ отвѣтъ, что его надежды и предположенія раздѣляются...

Но еслибъ только юный поручикъ получше зналъ человѣческое сердце, онъ понялъ бы, что надежды эти шевелились положительно въ каждомъ сердцѣ безъ исключенія, что надежды эти не только копошились въ сердцѣ хромого казака, но рвались въ немъ, чуть на части его не разрывали, — что не было ни одного скептика, кто бы не думалъ того же самаго... Д только вотъ бѣда! сама-то эта надежда была до того слаба, а между тѣмъ такъ завѣтна, что даже языкъ не поворачивался выразить ее въ словѣ. Словно всякій изъ нихъ думалъ, что если онъ умолчитъ объ этомъ, то легче само разочарованіе; и вотъ ради этого тяжелаго разочарованія — эти мнимые скептики сберегали для себя впослѣдствіи мнимо-же утѣшительную фразу:

— Ну, вотъ видите, я же говорилъ, что *это* невозможно!

И странное дѣло: разговоры по поводу этой завѣтной надежды вертѣлись только на общихъ фразахъ: «очень можетъ случиться»... «хорошо бы если бы *такъ* случилось»... «нѣтъ, *это* невозможно»... и въ родѣ того; но никто не говорилъ точно и опредѣленно, никто не рѣшался произнести прямо завѣтное, дорогое имя...

Только въ солдатскихъ кружкахъ слышалась иногда, полная простаго, но сильнаго чувства, фраза:

— Эхъ, хоть бы ее-то, *нашу голубушку*, выручить!..

Выступленіе отряда назначено было еще до свѣта, ночью. Ночь была темная, безлунная... Пѣхота поднялась безъ особаго шума и, рота за ротою, стала вытягиваться по дорогѣ къ Кунграду.. Это не было настоящее направленіе экспедиціи—впослѣдствіи въ свое время, предполагалось свернуть лѣвѣе, къ Чандыру.

Между стѣнъ, виднѣвшихся въ темнотѣ болѣе свѣтлыми массами, потянулись «бѣлыя рубахи», навьюченныя своими мѣшками и палатками... Почти безъ стука покатились орудія, оставляя своими колесами глубокія борозды дорожной пыли. Мѣстами, гдѣ прерывались стѣны и не было деревьевъ, рисовавшихся неопредѣленными силуэтами, тамъ показывались вмѣсто нихъ иные силуэты, иныя формы; то запестрятъ черточки скрещивающихся ружейныхъ стволовъ съ примкнутыми штыками; то мелькнетъ рваный лоскутъ ротнаго значка, косматая шишка пушечнаго банника... Всадники показывались словно фигуры, вырѣзанныя изъ чернаго картона, и снова исчезали, поглощенные сплошной массой тѣни... Все это двигалось тихо, хотя и безостановочно... ни говору не было слышно, ни пѣсенъ, неизбѣжной приправы всякаго выступленія.

Шли ощупью, осторожно подвигаясь впередъ... И безъ того было темно, а тутъ еще поднялись цѣлыя облака пыли изъ-подъ ногъ пѣхотинцевъ, изъ-подъ колесъ орудій. Совсѣмъ ничего не стало видно; стали натыкаться другъ на друга — задніе стали находить на переднихъ... чаще и чаще слышался металлическій звукъ сталкивающагося оружія... предостерегательные возгласы: «Легче тамъ! Ну, не напирай... Да что тамъ впереди такое? Осторожнѣй!..»

Какъ маячные огоньки, тамъ и сямъ, повыше и пониже, мигали красноватыя точки раскуренныхъ солдатскихъ трубочекъ и офицерскихъ папиросъ... Эти точки больше и обозначали движеніе всей массы, они видимо передвигались, между тѣмъ какъ постороннему наблюдателю казалось бы съ перваго взгляда, что весь этотъ хаосъ, хотя и бурлитъ, хотя издаетъ неопредѣленные, глухіе звуки, хотя и шевелится... но не подвигается впередъ, будто на мѣстѣ топчется и ворочается вся эта неопредѣленная масса людей и животныхъ.

Клонитъ ко сну, одолѣваетъ неотвязная дремота... всадники какъ-то подозрительно киваютъ всѣмъ своимъ корпусомъ... даже пѣхотинцы дремлютъ на ходу, спотыкаются, вздрагиваютъ и тупо озираются кругомъ, не узнавая въ первое мгновеніе—что съ ними, гдѣ они... куда идутъ, гдѣ находятся въ настоящую минуту.

Походъ ночью, да еще лѣтомъ, когда весь воздухъ наполняется густою, удушливою пылью, затрудняющей дыханіе, — такой походъ—дѣло тяжелое... Каждая верста, пройденная при такихъ условіяхъ, стоитъ, по-крайней мѣрѣ, пяти пройденныхъ при условіяхъ лучшихъ...

— Тутъ, братъ, вотъ какъ,—говорятъ бывалые солдаты:— идешь это идешь, думаешь и ни вѣсть сколько ушелъ... Анъ взошло солнышко, глядишь—и двухъ верстъ не отошелъ отъ мѣста... такъ-то!

И недолюбливаютъ, шибко недолюбливаютъ солдаты этихъ ночныхъ выступленій.

Вотъ сзади послышался гулъ какой-то большой приближающейся массы. Эта масса нагоняла двигающуюся пѣхоту... Послышались тревожные оклики и команды:

— Вправо-влѣво раздайся!..

— Возьми въ сторону... съ дороги прочь!..

А куда? Справа и слѣва высокія стѣны, а гдѣ этихъ стѣнъ нѣтъ—тамъ глубокія канавы, арыки... Блеститъ въ темнотѣ вода, нога вязнетъ въ топкую грязь...

Кое-какъ прижались пѣхотинцы къ стѣнамъ, образовался посрединѣ небольшой промежутокъ: въ этотъ промежутокъ вдвигалась масса конныхъ... фыркали и храпѣли лошади, звенѣли сабли въ металлическихъ ножнахъ, задѣвая за стремена... послышалось нѣсколько картавое:

— Здорово, пѣхота! какой батальонъ?..

Загудѣло по рядамъ хриплое, разбросанное, словно недовольное:

— Здравія желаемъ, ваше—ство!..

Проѣхало впередъ начальство, промелькнули высоко въ воздухѣ, надъ головами колонны, генеральскіе значки... и снова сплотилась вмѣстѣ пѣшая сила, снова началось задержаніе на минуту движеніе...

Опять нагоняютъ сзади... земля просто дрожитъ подъ ногами отъ топота безчисленныхъ копытъ; опять голоса: «Раздайся!.. Вправо-влѣво! Пропусти!»

Это кавалерія, тронувшаяся послѣ пѣхоты и получившая приказаніе обогнать ее и итти въ головѣ отряда...

Еще гуще стала пыль; сосѣдъ сосѣда уже не видитъ вовсе, удушливый кашель надрываетъ грудь, на зубахъ скрипитъ песокъ какой-то... горло пересохло...

— А чтобъ чертъ взялъ, кошемники!.. *)

— Молчи, колючка **), сторонись! Ладно!

— Легче, дьяволъ, ноги отдавилъ!.. Эко претъ, глаза залилъ; не видишь?..

— Да что, волкъ васъ заѣшь... много-ли еще васъ? Проѣзжай, что-ли!

— Не сердись, землячекъ, чего надрываешься... Тамъ за нами еще три сотни...

— Хоть бы водицы хлебнуть, горло промочить; что, Митька, не всю еще изъ манерки вылокалъ?

— На, получай, малость осталась...

— Проѣзжай, казаки, проѣзжай, чего стали!..

— Справа рядами!..

Прошла казачья сила; стала пыль понемногу укладываться... Чуть-чуть на горизонтѣ протянулась свѣтлая полоска, предвѣстница разсвѣта. Кончились безконечныя, надоѣдливыя, скучныя стѣны, шире стала дорога... Пахнуло свѣжимъ вѣтеркомъ, потянуло сырью отъ какого-то болота, лежащаго вправо... пугливо заметалась на немъ встревоженная птица. Стая скворцовъ съ шумомъ поднялась съ вершины раскидистаго карагача;

---

*) Обидная кличка казаковъ.

**) Такая же кличка пѣхотинцевъ.

аистъ встрепенулся на своемъ косматомъ гнѣздѣ; завыли туземныя собаки гдѣ-то въ сторонѣ...

— Стой!..—пронеслась давно-жданная, желанная команда.— Оправься, ребята, переведи духъ, пока подтянутся задніе!

И снова стало веселѣе на сердцѣ солдата, ушли прочь тяжелыя впечатлѣнія тяготы и невзгодъ походнаго быта.

XVII. А что если?...

Сергѣй Николаевичъ Ровичъ состоялъ при штабѣ, и въ настоящую минуту находился въ генеральской свитѣ.

Онъ тоже былъ въ числѣ тѣхъ всадниковъ, что обогнали пѣхоту. Совсѣмъ больной, съ разстроенными донельзя нервами, онъ самъ напросился въ этотъ походъ, чтобы въ пылу болѣе сильныхъ впечатлѣній забыть сколько-нибудь тоску, завладѣвшую его мозгомъ, его сердцемъ, всѣмъ его существомъ, — съ самой той минуты, когда судьба столкнула его съ обстоятельствами, вызвавшими цѣлый рядъ воспоминаній—такихъ воспоминаній, которыя прежде, при другихъ условіяхъ, располагали его только къ веселой улыбкѣ шалуна, вспомнившаго о своей удавшейся шалости.

И вдругъ эти самыя воспоминанія, совершенно неожиданно для него самого, превратились въ такой тяжелый, невыносимый укоръ, въ грозное «memento mori», преслѣдовавшее его ежеминутно, отнявшее у него сонъ, перевернувшее разомъ вверхъ дномъ все его настроеніе, до сихъ поръ безпечное, самодовольное, веселое...

— Если вы больны, вы можете остаться,—говорилъ ему еще вчера утромъ генералъ, взглянувши вскользь на его осунувшееся, блѣдное лицо.

— Благодарю васъ, ваше п—ство!—отвѣчалъ Ровичъ, и все-таки поѣхалъ.

«А что если?..» ворочалось то же самое и въ головѣ Сергѣя Николаевича—и это «а что если» наэлектризовывало всю его натуру, возбуждало энергію и подкрѣпляло силы, подорванныя уже безсонными ночами и этимъ болѣзненнымъ напряженіемъ мозга, все на одной и той же роковой идеѣ...

Чувство какого-то омерзѣнія къ самому себѣ росло у него въ каждую минуту, и это чувство онъ самъ еще разжигалъ

и усиливалъ, словно находилъ въ немъ какое-то утѣшеніе, облегченіе своимъ нравственнымъ страданіямъ.

«А что если...» продолжалъ онъ развизать передъ собою цѣлый рядъ предположеній; если сама судьба привела его сюда, заставила совершенно неожиданно столкнуться съ людьми имъ позабытыми, хотя когда-то коротко знакомыми... Если даже сама катастрофа съ Натальей Мартыновной предназначена судьбой для того только, чтобы вызвать этотъ нравственный толчекъ, переворотъ во всей его натурѣ... Если эта судьба вернетъ ему когда-то дорогое, но неоцѣненное имъ, опозоренное существо... что тогда будетъ?

О, тогда онъ бросится передъ нею на колѣна... онъ выскажетъ ей всѣ эти муки, которыя онъ испытываетъ, онъ вымолитъ себѣ прощеніе, и она, такая добрая, такая любящая, сниметъ съ него это тяжелое ярмо и протянетъ ему руку...

Съ какимъ бы восторгомъ, съ какимъ благоговѣніемъ онъ прикоснулся бы къ ея рукѣ, покрылъ бы ее безчисленными поцѣлуями... какъ онъ горячо прижалъ бы къ своему сердцу еще другое существо, ему не чужое...

«Господи, неужели все это не такъ должно случиться!?»

У него голова закружилась; онъ схватился рукою за луку сѣдла, чтобы не упасть... Это случилось какъ разъ въ ту минуту, когда они протискивались между рядами пѣхоты...

— Вправо-влѣво раздайся!—рявкнулъ около самаго Ровича голосъ Пуговицына.

Сергѣй Николаевичъ узналъ этотъ голосъ... Онъ поблѣднѣлъ, притаился—и боялся какъ бы его не замѣтили, не узнали... Онъ даже не сообразилъ, что въ этомъ хаосѣ мрака и пыли трудно узнать кого бы то ни было...

Онъ проѣхалъ мимо Пуговицына, какъ преступникъ, еще неузнанный, проходитъ мимо судьи и чувствуетъ на себѣ его пристальный взглядъ, взглядъ, за которымъ должно послѣдовать роковое: «А постой-ка, братъ... Наконецъ-то ты мнѣ попался!»

И Сергѣй Николаевичъ злился и досадовалъ на эту полоску свѣта на горизонтѣ. Онъ боялся солнца, которое ему помѣшаетъ прятаться, быть незамѣченнымъ, неузнаваемымъ.

Это нравственное состояніе могло бы окончиться умопомѣшательствомъ.

XVIII. Нежданная-негаданная перекочевка.

Всполошились аулы тюркменъ-іомудовъ.

Прискакали гонцы и развѣдчики изъ-подъ Хивы, говорятъ торопливо, другъ друга перебиваютъ; ничего не разберешь съ перваго раза, только чудится въ ихъ рѣчахъ одинъ кликъ, одинъ набатъ: «спасайся кто можетъ!»

— Наши рѣшили русскимъ не поддаваться, говорилъ одинъ,—за что имъ платить будемъ?.. за то, что насъ же они побили, въ наши же земли пришли, да здѣсь же и хозяйничаютъ?..

— Сильно генералъ русскій сердится,—перебивалъ другой.— Тамъ уже выходить собираются; это на насъ итти хотятъ...

— Эхъ, жаль, хлѣбъ собрать не поспѣли! Мы бы имъ показали, гяурамъ, какъ совать носъ въ чужую кибитку... Мы бы имъ показали!.. Аллахъ да поможетъ намъ въ этомъ!..

— Уже выступили!..—прискакали новые гонцы.—Идутъ... Черезъ два дня здѣсь будутъ... Наши всѣ къ Такыру собираются: пѣшіе и конные... Вы чего тутъ сидите? идите тоже. Исметъ всѣхъ звать велѣлъ.

— Сбирай все на арбы, сгоняй скотъ въ кучи... уходи куда дальше!—распоряжались старшины.—Пусть «собаки» приходятъ на голое мѣсто, пусть жрутъ навозъ да золу, что послѣ насъ останется...

— Они у насъ женъ отобрать хотятъ, да держать ихъ въ залогѣ...—предполагали многіе и спѣшили прежде всего укрыть свои семейства, откочевать съ ними подальше, въ самую глубину своихъ степей, хоть за предѣлы орошеннаго пространства, хоть въ самые пески мертвые... Авось не доберутся туда «бѣлыя рубахи!..»

— Идутъ, близко!..—раздавались почти отчаянные вопли.— Сейчасъ нагрянутъ!

— Нѣтъ, еще далеко... еще и Улькунъ-Арыкъ не переходили... Еще не скоро прійдутъ, тутъ вѣдь не близко...—раздавались другіе крики, болѣе успокоительнаго свойства.

Послѣ первыхъ суматоха въ кочевьяхъ поднималась страшная; все сбивалось въ кучи, путалось и не знало за что взяться, какъ приняться за внезапную укладку и разборку своихъ кочевыхъ кибитокъ.

Вторые возгласы возстановляли нѣкоторое спокойствіе, давали старшинамъ возможность, хотя сколько-нибудь обдумать пути отступленія, направить обозы по болѣе удобнымъ и надежнымъ направленіямъ.

Имъ приходилось оставлять плодородныя, обильныя водою, насиженныя мѣста и уходить въ пески... Надо же было запастись всѣмъ необходимымъ, и для себя, и для своего скота; иначе, въ этихъ пустыняхъ, они точно спасутся отъ страшнаго врага «бѣлой рубахи», но за то встрѣтятся лицомъ къ лицу съ другимъ врагомъ, не менѣе страшнымъ: голодомъ и жаждою...

А русскіе идутъ, все идутъ, не останавливаясь, не давая имъ время устроиться—идутъ впередъ, распространяя передъ собою паническій страхъ и смятеніе...

Еще и не видѣли бѣлыя рубахи ни одного врага, еще ни одинъ ружейный стволъ, вычищенный еще въ Хивѣ, не закоптился вновь отъ выстрѣла, ни одно орудіе съ передковъ не снималось, а уже въ аулахъ тюркменъ-іомудовъ, солоровъ и чадоровъ слышались вдали грозные перекаты пальбы, слышались ясно, будто стрѣляютъ близко, вотъ сейчасъ за этимъ бугромъ, за тѣми зубчатыми линіями садовъ,—межъ тѣмъ какъ эти звуки существовали только въ разстроенномъ воображеніи кочевниковъ, совершенно потерявшихъ головы отъ неожиданности, на которую впрочемъ они давно разсчитывали, посылая къ русскому генералу свой рѣшительный отказъ повиноваться новому порядку.

Большой іомудскій аулъ, расположенный близъ Змукшира, тоже поднимался на ноги, встревоженный этими страшными вѣстями.

Это былъ очень богатый аулъ. Въ немъ насчитывалось до двухсотъ кибитокъ... Всѣ эти кибитки стояли просторно, съ большими промежутками... Тутъ же находились и зимовки тюркменъ, въ видѣ дворовъ, обнесенныхъ высокими, глинобитными стѣнами, съ навѣсами и даже саклями... При аулѣ существовалъ даже постоянный базаръ, куда два раза въ недѣлю съѣзжалось все окрестное населеніе, свозило свой товаръ, сгоняло скотъ и вымѣнивало все это на товары, привезенные изъ Хивы тамошними купцами.

Ярко-зеленѣющія поля окружали кочевье... Разбитыя правильными четырехугольниками, онѣ представляли чудную картину, дышащую довольствомъ и миромъ. Между этихъ полей, словно серебристыя жилки, змѣились безчисленные арыки, покрывающіе сплошною сѣтью все обработанное пространство; тамъ и сямъ сверкали четвероугольные пруды-резервуары, обсаженные деревьями.

Пшеница уже дозрѣвала и ярко золотились на солнцѣ засѣянныя ею поля, волнующіяся отъ вѣтра. Черные верхи кибитокъ, словно шапки грибовъ, виднѣлись за этими полями... Поднимались столбы костроваго дыма; всюду замѣтно было движеніе, жизнь... Стада рогатаго скота и овецъ паслись въ окрестностяхъ, охватывая живымъ кольцомъ все кочевье...

И вотъ, теперь все это разомъ тронулось съ мѣста.

Снимали кибитки, укладывали по частямъ на арбы, нагружали на другія узлы съ пожитками, сундуки, свертки ковровъ и войлоковъ... Наскоро жали еще не совсѣмъ дозрѣвшую пшеницу, чтобы все-таки гяурамъ не все осталось.

Женщины возились съ арбами и разборкой кибитокъ; мужчины сгоняли скотъ, или такъ больше рыскали на своихъ коняхъ по аулу, торопя и подгоняя женщинъ, и безъ того уже потерявшихъ головы отъ торопливости...

Да и немного мужчинъ осталось при аулѣ, всего ихъ до трехсотъ всадниковъ насчитывалось, а въ настоящую минуту, дай Богъ, чтобы три десятка набралось. Всѣ ушли къ сборнымъ пунктамъ, подъ значки Исмета, Иртыкъ-Мергеня и другихъ вождей, не терявшихъ еще надежды удержать русскихъ, дать имъ почувствовать свою силу, а если Аллахъ поможетъ, то надолго отбить охоту къ новымъ походамъ въ ихъ благодатныя, до сихъ поръ недосягаемыя для враговъ, кочевья.

Штукъ пятнадцать арбъ, еще незапряженныхъ, но уже готовыхъ къ отъѣзду, стояло вмѣстѣ, въ нѣсколько рядовъ, на утоптанной площадкѣ, передъ отдѣльною группою кибитокъ.

Съ нѣкоторыхъ кибитокъ уже сняты были войлоки, и ихъ оголенныя ребра виднѣлись словно какія-то огромныя клѣтки изъ красноватыхъ прутьевъ... Женщины въ бѣлыхъ чалмахъ, и просто повязанныя цвѣтными платками, надрывались, сворачивая кибиточные войлоки въ цилиндрическіе свертки, другія

поштучно разбирали самые остовы и связывали ихъ въ пучки, третьи тащили къ арбамъ большіе сундуки, окованные желѣзомъ и выкрашенные яркими цвѣтами по красному и золотому полю...

Все это сносилось къ арбамъ и здѣсь уже распредѣлялось, что куда, для равномѣрной нагрузки...

Разная домашняя птица: куры съ цыплятами, прирученные фазаны и цесарки съ крикомъ бѣгали между тюками и арбами, поминутно попадаясь подъ ноги... Поджарыя, борзыя собаки жалобно выли, глядя на всю эту суету... Полуголые ребятишки толпились группами, посматривая недоумѣвающими глазенками на все происходящее, не понимая, что это происходитъ передъ ними, что за странную несвоевременную перекочевку затѣяли ихъ отцы и матери... Тамъ и сямъ, прямо на солнопекѣ, виднѣлись люльки съ грудными дѣтьми, и въ этихъ люлькахъ ворочались и пищали какія-то смуглыя, крохотныя тѣльца, барахтаясь въ тряпьѣ ножками и ручонками. Нѣкоторыя изъ нихъ успѣли уже вывалиться изъ люлекъ и, незамѣчаемыя захлопотавшимися матерями, ползали въ пыли и рылись въ кучахъ полувысохшаго навоза...

Вотъ прискакалъ всадникъ на взмыленной лошади... Крикнулъ во все горло:

— Скорѣе, скорѣе! Ишь не успѣли до сихъ поръ выбраться!..— щелкнулъ опять плетью по боку коня и поскакалъ дальше, цѣликомъ, безъ объѣздовъ, прямо черезъ тюки и канавки.

Встрепенулось все отъ этого крика, и еще торопливѣе принялись за работу...

Арбы росли все выше и выше... вотъ уже словно горы виднѣлись какія-то на высокихъ колесахъ; стали ихъ увязывать веревками... Ждутъ когда-то пригонятъ лошадей и воловъ, чтобы тащить все это, нагруженное и готовое къ отъѣзду.

На нѣкоторыхъ арбахъ были устроены навѣсы холщевые, растянутые на четырехъ прикрѣпленныхъ вертикально палкахъ; эти повозки предназначались для семей: женъ и дѣтей,— это были собственно пассажирскія арбы...

Впрочемъ, большинство женщинъ сѣдлало себѣ лошадей и садились на нихъ иногда по двѣ на одну — одна на сѣдлѣ, какъ слѣдуетъ, а другая — сзади, на крупѣ коня, держась за поясъ впереди-сидящей.

Вотъ еще прискакали новые всадники.

— Да что же вы, коровы лѣнивыя, скоро-ли? Надо итти пока солнце не сѣло, въ ночь, чтобы отойти подальше.

— Смотри, завтра утромъ какъ бы не нагрянули *они!* Они уже близко, Будаевскіе аулы уже захватили, дорогу имъ отрѣзали... Проворнѣе, проворнѣе!

Пригнали воловъ и коней подъ арбы; облако пыли налетѣло на аулъ, поднятое ногами животныхъ... Суматоха усилилась...

Волы всѣ были приземистые, малорослые, но мускулистые, сильные; на каждомъ сѣдло было надѣто, съ высокою деревянною лукою спереди; на шеяхъ войлочные хомуты съ веревочными петлями и деревянными накладками.

Привычныя животныя охотно становились между оглобель; лошади злились, брыкались и кусали другъ друга, когда слишкомъ близко приходилось сталкиваться... Волы протяжно мычали и сопѣли своими ноздрями, прорванными желѣзными кольцами, а то и просто веревкою, продернутой въ окровавленное отверстіе.

Къ нѣкоторымъ повозкамъ не хватало скота...

— Ну ихъ, пускай пропадаютъ—некогда!—торопятъ опять прискакавшіе откуда-то мужчины. — Бросай все!.. иди!.. — Что, готово?

А бросить жаль. Какъ нарочно остались такія арбы, на которыхъ лежали болѣе цѣнные предметы: одежда и металлическая посуда. Началась поспѣшная перекладка: тюки распадались, тазы, чашки и кунганы звеня сыпались на землю... Халаты изъ блестящихъ шелковыхъ тканей безжалостно пачкались въ пыли и грязи... Зло взяло женщинъ отъ этихъ неудачъ, послышались попреки, укоры, брань...

И одна только женщина во всемъ аулѣ, равнодушно безучастно смотрѣла на эту сумятицу; какъ неподвижная статуя сидѣла она на землѣ; только руки ея почти безсознательно перебирали въ волосахъ прижавшагося къ ней ребенка...

— Да что ты сидишь, сложа руки!—крикнула не нее старуха-тюркменка,—бери это... тащи!..

Сунула ей старуха какой-то мѣшокъ, сама дальше побѣжала, а все ругается, даже бить грозится...

Встала на ноги женщина, взяла мѣшокъ—тяжелъ, не поднимешь. Потащила его волокомъ, а куда—сама не знаетъ...

Ребенокъ упирается ручонками, помогаетъ матери, не плачетъ, а смотритъ серьезно, знаетъ, что не до слезъ теперь. А глаза у этого ребенка не такіе, какъ у другихъ дѣтей, — голубые, большіе такіе, и волосы на головкѣ русые, а не черные, гладко остриженные... и у матери его—свѣтлыя запыленныя косы висятъ сзади, ничѣмъ не покрытыя... прикрываютъ прорѣхи въ ея рубахѣ, изорванной, затасканной, не разберешь какого и цвѣта...

— Сюда тащи, ты, русская собака! — кричитъ съ арбы румяная, толстая тюркменка, подпершись въ бока руками. Чалма у ней сбилась на сторону, косички, бусами переплетенныя, по вѣтру треплятся, по лицу струится потъ грязными полосами...

— Не туда, сюда!—кричитъ другая, стройная, высокая, гремя ожерельями и безчисленными монетами, нашитыми на груди и бортахъ верхняго халата...

— Сторонись, раздавлю! — визжитъ и хохочетъ третья, гарцуя на пѣгомъ жеребцѣ, покрытомъ съ хвоста до ушей попоною и коврами...

— Куда-же?— недоумѣваетъ бѣдная женщина...

— Вотъ-же тебѣ!..—слышится сзади.

Кто-то больно ударилъ ее по спинѣ веревкою.

— Не тронь... брось ее! пускай здѣсь остается, ей ничего не сдѣлаютъ русскіе, вѣдь она имъ *своя*... Брось!—совѣтуетъ совсѣмъ молоденькая, лѣтъ четырнадцати дѣвушка, выглядывая изъ-подъ арбянаго навѣса.

— Да, брось, какъ же вотъ! — ворчитъ все та же старуха,—Ибрагимъ съ меня послѣ спроситъ, меня бить за нее будетъ... Ну, садись на арбу проворнѣе, тащи своего щенка... садись!..

Солнце стало уже замѣтно спускаться къ горизонту, а обозъ все еще не можетъ выбраться... Нѣсколько арбъ вытянулись уже на дорогу, остановились, поджидаютъ, когда остальныя подойдутъ... А оттуда опять клубится пыль, опять несутся всадники, опять слышны понуканія и повтореніе все того же крика:

— Да скорѣе, близко же! говорятъ вамъ. Бросай все и трогайся!

Стемнѣло уже, когда послѣдняя арба выѣхала на дорогу и торопилась догнать, виднѣющійся у поворота, хвостъ всего обоза.

XIX. Враги.

Сергѣй Николаевичъ Ровичъ не зналъ Головина во время перваго своего пребыванія въ Азіи. Въ настоящее время онъ изъ разговоровъ въ офицерскомъ кружкѣ легко могъ догадаться, какія чувства питалъ хромой казакъ къ Натальѣ Мартыновнѣ. И этого одного слишкомъ было достаточно для того, чтобы возбудить въ Ровичѣ сильнѣйшую ненависть къ своему сопернику.

Тѣмъ болѣе, что изъ подобныхъ же толковъ и разговоровъ, къ которымъ Сергѣй Николаевичъ такъ жадно прислушивался, онъ рѣшилъ, что и Наташа, хотя и отчасти, но раздѣляла чувство Головина, и одна эта идея доводила Ровича до изступленія.

Впрочемъ, до сихъ поръ онъ избѣгалъ встрѣчъ со своимъ соперникомъ—и избѣгалъ довольно тщательно, предупреждая всякую случайность, могущую свести ихъ вмѣстѣ.

Сергѣй Николаевичъ избѣгалъ даже встрѣчъ со своими старыми чиназскими знакомыми, и съ самыхъ тѣхъ поръ, когда отряды соединились вмѣстѣ, подъ стѣнами Хивы, онъ, узнавъ о ихъ присутствіи здѣсь, съумѣлъ до сихъ поръ даже уклониться отъ необходимости раскланяться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, не только что вступать съ ними въ какіе бы то ни было разговоры.

Инстинктивно чувствуя, какую роль онъ игралъ въ ихъ глазахъ, — какъ должны были бы смотрѣть на него эти его старые знакомцы, друзья Натальи Мартыновны, онъ возненавидѣлъ ихъ всѣми силами своей души,—и въ минуты самыхъ пылкихъ своихъ мечтаній и предположеній, въ минуты своего нравственнаго покаянія и самораскаянія—его не покидала одна злорадная идея, что: «вотъ будетъ потѣха, когда они, всѣ эти ея друзья и поклонники, останутся съ своимъ хромымъ казакомъ на бобахъ, и какія рожи примутся строить, глядя, какъ онъ, Сергѣй Николаевичъ Ровичъ, будетъ владѣть ихъ богатствомъ, ихъ «святымъ ангеломъ».

«Безъ дуэли, пожалуй, не обойдется...» — думалъ онъ въ такія минуты,—и эта только добавочная идея охлаждала немного пылъ его предположеній.

Мелочный характеръ Сергѣя Николаевича высказывался весь въ этихъ его думахъ: его поверхностная натура не могла догадаться, не могла понять, что если бы онъ откровенно, хотя бы въ тяжелыя минуты своего раскаянія, явился бы въ этотъ кружокъ «друзей Натальи Мартыновны», — если бы у него хватило силы и способности высказаться передъ ними, предстать хотя такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, въ эти тяжелыя, безсонныя ночи... онъ бы потушилъ разомъ эту ненависть въ ихъ сердцахъ,—и, очень можетъ быть, что, если бы они увидѣли вновь пробудившіяся у Наташи чувства нѣжности къ отцу своего ребенка, они бы первые искренно, дружески, протянули ему руку...

Но это естественное и прямое отношеніе къ дѣлу было не по силамъ Сергѣя Николаевича...

Вотъ въ отношеніяхъ хромого казака къ Ровичу — тутъ ничего не было натянутаго, неопредѣленнаго. Отношенія эти ясно опредѣлились уже давно, когда Головинъ и не видалъ въ глаза Сергѣя Николаевича, и только усилились съ той минуты, когда ему указали на него издали, черезъ длинный столъ, за завтракомъ съ тостами въ генеральской ставкѣ.

— На сто шаговъ не промахнусь—это вѣрно!—сообщилъ въ то время Головинъ своему сосѣду, указавшему ему на противоположный конецъ стола. — Это вѣрно, потому на такую гадину у меня рука не дрогнетъ...

И хромой казакъ помѣнялся своимъ мѣстомъ съ другимъ офицеромъ, чтобы сидѣть спиною къ Ровичу и не видѣть передъ собою *«эту гадину»*.

Впрочемъ, онъ не могъ его видѣть, вѣроятно, только за этимъ завтракомъ, потому что съ тѣхъ поръ Головинъ вовсе не избѣгалъ случаевъ встрѣчъ съ своимъ врагомъ, а напротивъ, искалъ встрѣчъ, и, завидѣвъ, бывало, вдали идущаго или ѣдущаго Ровича, онъ шелъ къ нему прямо навстрѣчу, пристально, даже не безъ нѣкотораго нахальства, глядя ему прямо въ глаза, и этимъ заставлялъ несчастнаго поспѣшно сворачивать въ сторону и уклоняться отъ непріятнаго столкновенія.

А столкновеніе это, рано или поздно, должно было случиться. Оно было неизбѣжно.

---

*

XX. Погромъ.

Большой отрядъ кавалеріи, въ нѣсколько казачьихъ сотенъ, растянувшись чуть не на двѣ версты, шелъ по пересѣченной, изрѣзанной арыками мѣстности іомудскихъ кочевій... Этотъ отрядъ не зналъ дороги, по которой онъ шелъ... Вся мѣстность вокругъ него была ему неизвѣстна и нова; онъ теперь только изслѣдовалъ ее, такъ сказать, изучалъ: то подвигался впередъ довольно быстро, то бралъ вправо и влѣво, словно отыскивалъ болѣе удобные пути, то даже пріостанавливался на нѣкоторое время въ недоумѣніи, и потомъ торопился впередъ, когда недоумѣніе разрѣшалось,—торопился такъ, что, очевидно, хотѣлъ быстротою слѣдованья выиграть, вознаградить время, потраченное на остановку.

Отрядъ этотъ имѣлъ проводниковъ, но эти проводники, умышленно или неумышленно съ ихъ стороны, оказывались очень плохими колонновожатыми: для отряда гораздо лучше было-бы, еслибъ онъ не имѣлъ ихъ вовсе... проводники только сбивали съ толку, предлагая самыя сбивчивыя, противорѣчащія одно другому свѣдѣнія... Эти проводники были большею частью туземцы, даже изъ такихъ, по мѣстности которыхъ и шелъ отрядъ въ настоящую минуту.

Весь этотъ многочисленный отрядъ, хотя и быстро двигаясь, утомляя своихъ коней и всадниковъ, очевидно шелъ ощупью...

Это не былъ обыкновенный переходъ съ одного пункта на другой, — иначе незачѣмъ было-бы итти такъ много и часто на рысяхъ, или-же самымъ размашистымъ, ускореннымъ шагомъ, почти проѣздомъ.. Кромѣ того, люди этого отряда были нѣсколько въ взволнованномъ состояніи, чего никогда не бываетъ при простыхъ походахъ, гдѣ все спокойно и даже дремлетъ, утомленное однообразіемъ дороги, однообразіемъ цѣли—прибытія на мѣсто ночлега... Напротивъ, здѣсь всѣ всадники тревожно и пытливо посматривали по сторонамъ, а больше всего впередъ, словно отыскивая тамъ, въ этой волнистой линіи, пересѣченнаго мѣстами, заросшаго деревьями и кустарниками, горизонта—именно то, къ чему направлено было все ихъ вниманіе.

Это было преслѣдованіе, но преслѣдованіе при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: безъ знанія мѣстности и дорогъ, безъ надежныхъ проводниковъ, съ безпрестанными остановками и потерей времени.

Преслѣдуемые-же были въ совершенно иныхъ условіяхъ: они знали хорошо мѣстность, ибо сами-же ее населяли; они могли итти безъ остановокъ, и, проходя извѣстное пространство, портить его и дѣлать неудобопроходимымъ для преслѣдователей... Ко всему этому, преслѣдуемые были во-время предупреждены о приближеніи опасности, и выиграли этимъ уже болѣе сутокъ времени. А сутки времени значатъ слишкомъ много въ подобномъ случаѣ...

Но «Аллахъ прогнѣвался на своихъ правовѣрныхъ, закрылъ имъ глаза и уши, помутилъ разумъ туманомъ *)—посѣялъ между нихъ смятеніе и страхъ — и прояснилъ глаза враговъ невѣрныхъ, далъ тѣмъ крѣпость ногъ, быстроту и силу,—и свершилось все по волѣ Аллаха, для примѣра всѣмъ, для указанія воли Его въ будущемъ». А воля Аллаха—слишкомъ серіозная причина, чтобы перевернуть все верхъ дномъ и сдѣлать именно такъ, какъ бы оно не могло сдѣлаться ни въ какомъ случаѣ, идя естественнымъ порядкомъ.

Это былъ тотъ самый отрядъ, который отдѣлился отъ главной массы нашихъ войскъ, выступившихъ для наказанія непокорныхъ тюркменъ... Цѣлью движенія этого отряда было проникнуть въ самую глубину ихъ кочевій, обойти ихъ, захватить все еще на мѣстѣ и отрѣзать путь отступленія и бѣгства.

Отрядъ этотъ, съ перваго взгляда, очень мало походилъ на регулярное войско — это былъ какой-то сбродъ, смѣшеніе костюмовъ и типовъ; да и самый характеръ его движенія напоминалъ что-то азіатское, полудикое.

Казаки шли вразсыпную, то вытянувшись гуськомъ другъ за другомъ по узенькой, чуть замѣтной тропинкѣ, то сбиваясь въ кучу, когда передніе останавливались въ недоумѣніи передъ какимъ-нибудь непреодолимымъ препятствіемъ... Орудія были немыслимы при подобномъ движеніи, а потому ихъ и не было

*) Это заимствовано буквально изъ толкованій одного муллы-политика, разсказывавшаго намъ эпизоды послѣдней войны въ хивинскомъ оазисѣ, оригинально освѣщая ихъ съ своей точки зрѣнія.

видно вовсе... Вмѣсто нихъ при сотняхъ ѣхали группами всадники, у которыхъ, за плечами, вмѣстѣ съ винтовками, торчали какіе-то удлиненные, съ закругленными оконечностями, предметы довольно страннаго вида; это были ракетныя команды, съ своими ракетами и станками,—оружіемъ столь-же шумнымъ и эффектнымъ, сколько и безполезнымъ, хотя и дорого стоющимъ...

Тамъ и сямъ трепались по вѣтру цвѣтные значки отдѣльныхъ сотенъ и личные значки начальниковъ.

Почти каждая сотня шла отдѣльно, сама себѣ отыскивая и выбирая дорогу. Тамъ собралась группа оренбургцевъ, въ своихъ широкихъ сѣрыхъ армячинныхъ рубахахъ и желтыхъ кожаныхъ шароварахъ... Казаки послѣзали съ лошадей и растаскиваютъ руками барикаду изъ поломанныхъ арбъ и срубленныхъ деревьевъ, загородившую дорогу. Тамъ сибирцы, въ своихъ безобразныхъ косматыхъ шапкахъ съ красными суконными верхами, дѣлаютъ громадный обходъ, чтобы обогнуть временное болото—рисовыя поля, на которыя нарочно пустили воду, чтобы обратить ихъ въ непроходимую топь... Тамъ кавказцы, сунженцы, въ папахахъ, козлами прыгаютъ черезъ арыкъ, на своихъ тонконогихъ, горныхъ лошадкахъ. Туземные джигиты и милиціонеры, въ цвѣтныхъ халатахъ и въ тюркменскихъ шапкахъ и чалмахъ, на разномастныхъ лошадяхъ, покрытыхъ попонами, рыскаютъ взадъ и впередъ, снуютъ между казаками, кричатъ и переговариваются на своемъ нарѣчіи, и еще болѣе пестрятъ общую картину, придаютъ ей еще болѣе дикій, азіатскій характеръ... Одна сотня долго очень провозилась надъ какимъ-нибудь препятствіемъ, отстала, дала обогнать себя другимъ сотнямъ, а потомъ выбралась, наконецъ, сама попала на хорошую дорогу и въ карьеръ торопится выиграть пространство и время... Тамъ изъ-подъ ногъ лошадей поднимаются густые клубы бѣловатой пыли и совершенно скрываютъ идущую сотню, только значекъ мелькаетъ надъ нею грязною, изорвавшеюся тряпкою; тамъ, наоборотъ, — жидкая грязь плещется подъ ногами лошадей... кони вязнутъ по брюхо, падаютъ... Все, отъ головы до ногъ, покрыто грязью; хвосты и гривы облипли, одежда тоже, всадники берегутъ только патроны и оружіе отъ подмочки... Но вотъ выбрались на сухое мѣсто и жаркое солнце почти мгно-

венно высушиваетъ всю эту грязь, возвращая всадникамъ опять ихъ прежній видъ, до новаго купанья въ другихъ топяхъ, которыхъ еще не одну придется переходить на пути слѣдованія.

Возможность пройти на рысяхъ извѣстное пространство вызываетъ общую радость и оживленіе; препятствіе, потребовавшее значительной потери времени, наводятъ на всѣхъ нѣкоторое уныніе, неудовольствіе, и во всѣхъ взглядахъ, нетерпѣливо устремленныхъ впередъ, становится замѣтна злость, зависть къ другимъ, болѣе счастливымъ, — то самое чувство, которое ощущаетъ ѣздокъ на призовой скачкѣ, запнувшійся на препятствіи, видящій, какъ другой въ тоже время приближается къ цѣли, къ завѣтному флагу съ колокольчикомъ...

Энергія уступаетъ наконецъ физическимъ силамъ... эти силы слабѣютъ... И конями, и всадниками начинаетъ овладѣвать утомленіе... Лошади тяжело переводятъ своими впалыми боками, фыркаютъ и сопятъ красными, воспаленными ноздрями. Это движеніе продолжается уже почти десять часовъ: съ разсвѣта чуть не до вечера... Пройдено уже много, а сколько впередъ итти — неизвѣстно. Можетъ быть еще день, два; можетъ быть только часъ, не болѣе... Кто знаетъ, что тамъ впереди? Можетъ быть сейчасъ, вотъ-тотъ за тою чертою, они увидятъ то, за чѣмъ гонятся уже столько времени.

Хриплый, надтреснутый звукъ трубы несется съ той стороны, гдѣ виднѣется большой красный значекъ, съ діагональною полосою бѣлаго цвѣта... Звукъ досадный, проклятый, совершенно какъ будто неожиданный, хотя его давно уже ожидалъ всякій.

Это сигналъ «стой», и потомъ—«стягиваться къ головной сотнѣ»,—надо сдѣлать отдыхъ, привалъ, иначе рискуютъ замучить лошадей окончательно.

Начинается это стягиванье: задніе мало-по-малу приближаются къ переднимъ... сотни, ушедшія впередъ, съ видимымъ неудовольствіемъ возвращаются, осаживаютъ... Располагается пространный бивуакъ, такой же безпорядочный, оживленный, пестрый, какъ и само движеніе.

Зажигаются костры, дымъ которыхъ поднимается черными высокими столбами; варятъ чай, жарятъ мясо прямо на угольяхъ, благо дорогою попалось нѣсколько штукъ забытыхъ барановъ

и телятъ... Лошади стоятъ на приколахъ, понуривъ отъ усталости головы; нѣкоторыхъ заботливо вываживаютъ... Въ грязныхъ арыкахъ моются и купаются; тутъ же берутъ воду для варки и питья... Всюду устраиваютъ кое-какіе импровизированные шалаши и палатки, какое-нибудь убѣжище отъ палящихъ лучей солнца... Гдѣ только есть одинокое дерево, или группа кустовъ, дающая тѣнь,—тамъ уже толпится густая толпа, несутся оживленные, шумные разговоры, то недовольные, ворчливые, то веселые, полные самой беззаботной и безшабашной удали...

Стоять предполагалось недолго: часа два, не больше; это совершенно достаточное время для того, чтобы привычные, крѣпкіе, степные кони отдохнули, оправились и снова могли бы быть готовы на подобную-же усиленную работу.

Со всѣхъ сторонъ несутся вѣсти и предположенія... И то, и другое высушивается съ жадностью, съ лихорадочнымъ, нетерпѣливымъ блескомъ во взорахъ. А эти вѣсти такъ обильны, одна другой подстрекательнѣй...

— Теперь они близко, — горячился одинъ, — это уже по всему замѣтно.. И на кой чертъ останавливаться? все равно послѣ отдохнуть можно... Э-эхъ! досадно!

— А почемъ знать, что близко? Заморятся кони, тогда и совсѣмъ станешь; это бывало.

— Еще бы хоть съ полчасика погнать... Вонъ до того лѣса; вотъ гдѣ карагачи виднѣются.

— Жаль, Головина съ нами нѣту!..—сѣтовали въ другой группѣ. — Вотъ, я вамъ доложу, мастеръ высматривать.. Вѣрите-ли? Такъ навѣрнякъ и говоритъ: «быть *имъ* вотъ тутъ»... «нагонимъ, говоритъ, черезъ часъ и три четверти»... И какъ сказалъ, такъ оно и есть, ровно черезъ три четверти и часъ времени—видимъ, глазомъ видимъ уже, только догоняй и бей... Знатокъ!

— Нюхъ дьявольскій... я знаю; охотничья собака какая-то!.. Помните, къ Ухуму ходили, послѣ Джюзакскаго нападенія насъ выслали?

— Да что съ нимъ? кажется, какъ будто онъ выступилъ тоже. Я видѣлъ...

— Нѣтъ, лежитъ; совсѣмъ ослабѣлъ; плохъ сталъ... Экъ его подкосило, здоровяка этакого!..

— Господа, казаки лошадь нашли приставшую, арбяную, хомутъ спятъ, а шея еще горячая, потная, простыть не успѣла; видимо близко, недавно только брошена!—сообщалъ торопливо только-что подошедшій казакъ...

— Ну вотъ, видите, видите!.. Я говорилъ, что близко! Теперь это очевидно.

— Сунженцы сейчасъ вернулись,—золу нашли горячую—огонь-то залили, а простыть не успѣла... котелъ нашли брошенный, притащили съ собою даже.

— Э, да что мы, въ самомъ дѣлѣ, медлимъ! надо съ полковникомъ поговорить... Онъ знаетъ про это?

— Пошли докладывать.

— Смотрите, смотрите: вонъ сибиряки садятся на коней... чу-кось! трубятъ!

— Къ конямъ! трубачъ играй: «впередъ».

Послѣднія извѣстія о горячей шеѣ коня и еще не простывшей костровой золѣ ускорили время, назначенное для отдыха... Сотни снова сѣли на коней и стали вытягиваться.

Мѣстность началась еще пересѣченнѣе и непроходимѣе. Узенькія дорожки вились то между стѣнокъ, то между обрывистыхъ канавъ, то пробираясь сквозь густую чащу кустарниковъ, — эти дорожки путались, перекрещивались между собою или же вдругъ мѣняли направленіе и шли совершенно въ другую сторону... На подобные сюрпризы натыкались поминутно.

Справа и слѣва, между полями, засѣянными рисомъ и пшеницею, виднѣлись слѣды только-что снятыхъ кибитокъ... эти круги, вытоптанные и засоренные золою, отчетливо обозначались на поверхности земли... Ихъ тщательно изслѣдовали, пытаясь найти здѣсь хотя какія-нибудь указанія.

А вотъ и свѣжіе арбяные слѣды! Здѣсь тяжелыя колеса прокатились черезъ вспаханное пространство и оставили тамъ глубокія борозды, тутъ вотъ они перебирались черезъ арыкъ, завязли; ихъ вытаскивали съ трудомъ; ишь сколько босыхъ ногъ топталось около!.. Забытыя куры бѣгали и путались между ногами казачьихъ лошадей, на нихъ не обращали вниманія, слишкомъ ничтожная добыча, сравнительно съ тѣмъ, что имѣется тамъ, впереди... А вонъ и арба видна! лошадь выпряжена и уведена, но арба осталась, со всѣмъ своимъ грузомъ, и одиноко торчитъ посреди дороги...

Къ ней поскакали со всѣхъ концовъ отдѣлившіеся всадники, повертѣлись около нея, потеребили ее, понюхали и пристроились къ сотнямъ.

— Что взялъ?—кричитъ одинъ.

— А чертъ знаетъ что! некогда копаться съ нею... Гайда, ребята, вонъ скотъ пасется, ишь—отгоняютъ! на перерѣзъ, братцы... Гайда!..

А вдали, въ сторонѣ отъ дороги, дѣйствительно пестрятъ, за полемъ съ джугарою, какія-то точки; можетъ быть и скотъ, а можетъ и что-нибудь другое? Казаки увѣряютъ, что тамъ коровы; они видятъ даже людей, которые торопятся гнать ихъ куда-то...

— Нѣтъ, братъ, врешь! это уже наши!—несутся въ карьеръ нѣсколько оренбургцевъ.

Опять попалась арба, за нею другая... Тамъ вонъ разомъ три, у одной колесо сломалось, на боку стоитъ... Тамъ и люди!

На одной изъ арбъ стоитъ большая корзина плетеная, изъ нея выглядываютъ двѣ козьихъ головы и одна человѣческая; послѣдняя принадлежитъ ребенку, не болѣе года... Черные глазенки испуганно смотрятъ на чужихъ людей, рыскающихъ вокругъ повозокъ... маленькій ротикъ полураскрытъ, рученки крѣпко вцѣпились въ края корзины, словно этотъ крошечный сынъ степей боится, чтобы его не вырвали изъ его убѣжища.

Должно быть теперь близко, если торопятся такъ, что забываютъ захватить своихъ малютокъ...

Вонъ стоятъ кибитки, еще неубранныя. Ихъ не успѣли, не могли увезти; однѣ стоятъ безъ войлоковъ, а другія даже въ полномъ убранствѣ... Вонъ даже люди копошатся и торопятся укладывать...

Теперь уже поздно .. наскакали!

— Кто остается на мѣстѣ, у того ничего не тронутъ, тому ничего не сдѣлаютъ! наказываютъ только тѣхъ, кто бѣжитъ и сопротивляется!..—кричатъ имъ казаки переводчики (толмачи).

Бѣглецы ничего не понимаютъ... Они можетъ быть даже и не слышатъ этихъ успокоительныхъ фразъ Женщины сбились въ кучу, присѣли и закрыли лица... Какой-то тюркменъ легъ ничкомъ и притворился убитымъ... другой выстрѣлилъ

въ упоръ въ наскакавшаго казака, свалилъ его съ сѣдла, и горячитъ своего бѣшенаго коня; онъ пытается пробиться и ускакать... Тщетная попытка!

Впереди слышны выстрѣлы...

— Ракетную команду впередъ!..—несутся запыхавшіеся офицеры.—Сунженцевъ рубятъ... на выручку!..

Происходитъ что-то ужасное, какой-то хаосъ, въ которомъ ничего разобрать невозможно.

А впереди, за этимъ косымъ пригоркомъ, тянется безконечный, громадный обозъ, арба за арбою; гонятъ стада, рыскаютъ вокругъ джигиты и отстрѣливаются... Тамъ сбились они въ кучу и пытаются противостоять казачьему натиску... Тамъ они заняты только одною мыслью: пробиться, спастись...

Все это уже окружено, сгоняется вмѣстѣ; дороги въ степь, въ спасительные пески, отрѣзаны и заперты...

Спастись потеряна всякая возможность...

— Объявить всѣмъ: за малѣйшее безчинство разстрѣляю, какъ собаку! Женщинъ и дѣтей пальцемъ не трогать... Боже сохрани!.. Господа, собрать все въ порядокъ!..—говоритъ, нѣсколько картавя, начальникъ отряда, пробираясь сквозь весь этотъ хаосъ; а за нимъ треплется его значекъ, красный съ бѣлымъ, тянется пестрая вереница милиціонеровъ, трубачи-сигналисты продуваютъ свои запыленные рожки...

Солнце спускается за горизонтъ, багровое такое, туманное; наступаетъ темнота... Всѣ спѣшатъ воспользоваться остатками свѣта и водворить хотя какой нибудь порядокъ во всей этой сумятицѣ. Ночью это будетъ невозможно...

Лошадей выпрягаютъ изъ арбъ и отводятъ въ сторону, повозки сдвигаютъ тѣснымъ вагенбургомъ; несчастное населеніе этого вагенбурга предало себя волѣ Аллаха и тѣснится у своего добра. Все окружается цѣпью часовыхъ, казаки стягиваются и занимаютъ бивуачныя мѣста, вокругъ обоза...

Коней не разсѣдлываютъ всю ночь, никто не спитъ... всѣ на-сторожѣ и въ полной готовности къ бою.

Кто его знаетъ, что вотъ оттуда, изъ-за тѣхъ песчаныхъ холмовъ впереди, не покажутся свѣжія массы непріятеля, пришедшія на выручку своихъ семействъ и имущества!..

А на горизонтѣ, справа и слѣва, протягиваются какія-то подозрительныя полосы краснаго свѣта; тамъ какъ будто по-

жаръ... вотъ даже мигаетъ пятнистое зарево; вонъ поднимаются черные клубы густого дыма... Что это, горитъ степь?— нѣтъ, это горятъ только поля тюркменскія, ярко пылаетъ кѣмъ-то зажженная пшеница на полѣ, и пламя пожара, расходясь съ необыкновенною быстротою, подбирается уже къ сложеннымъ стогамъ, зимнему запасу наказанныхъ кочевниковъ...

XXI. Найдена.

Сергѣй Николаевичъ Ровичъ былъ при этомъ отрядѣ.

Понятно, въ какомъ лихорадочномъ состояніи провелъ онъ этотъ день. Его мучила неизвѣстность и сомнѣніе. Догонятъ или нѣтъ? если догонятъ, то найдетъ-ли онъ *тамъ*, что искалъ или нѣтъ?.. Нападетъ-ли хоть на какой-нибудь слѣдъ Натальи Мартыновны, или въ результатѣ предъ нимъ окажется все та же невыносимая, тяжелая неизвѣстность?..

Онъ рыскалъ теперь по обозу, присматривался ко всѣмъ повозкамъ, прислушивался, пытался разспрашивать плѣнныхъ,— все было напрасно. Ему не отвѣчали, онъ не могъ добиться ни слова на свои вопросы... Да и что могли отвѣчать эти несчастныя женщины и дѣти, обезумѣвшія отъ ужаса?..

Обозъ же былъ громаденъ—нѣсколько тысячъ арбъ... Все пространство, что было передъ глазами, все занято этими арбами... Чтобы ихъ пересчитать и осмотрѣть надо, по крайней мѣрѣ, сутки; а тутъ эта проклятая ночь, эта темнота, прекратившая всякую возможность дальнѣйшихъ розысковъ... Оставалось покориться необходимости и ждать.

О, какое мучительное ожиданіе!

А если *она* не здѣсь, если *она* въ другихъ обозахъ, успѣвшихъ скрыться? Что тогда?..

Эта идея невольно лѣзла въ голову, и еще болѣе увеличивала страданія Сергѣя Николаевича.

И не онъ одинъ былъ въ такомъ состояніи: всѣ офицеры тѣхъ сотенъ, что пришли изъ Ташкента, испытывали почти то же самое, хотя и не въ такой сильной степени... Офицеры Кавказскаго отряда, не знавшіе Натальи Мартыновны, но слышавшіе объ ней, тоже горячо помогали розыскамъ, хотя и относились къ дѣлу гораздо покойнѣе.

Но въ головахъ первыхъ роилась еще другая идея: «А

что если *ея* нѣтъ уже въ живыхъ?» Но эту мысль всякій невольно гналъ отъ себя прочь, не позволяя ей даже сорваться съ языка, хотя бы однимъ намекомъ.

«Это было бы совсѣмъ *несправедливо!*»—невольно думалось каждому,—несправедливо со стороны кого?.. Въ эти подробности не входилъ никто... Казалось только всѣмъ просто, что дѣло не могло, не должно окончиться подобной печальной развязкой.

Вагенбургъ былъ окруженъ цѣпью часовыхъ, туда, внутрь его, запрещено было впускать кого-бы-то ни было, хотя бы и офицеровъ.

Сергѣй Николаевичъ бродилъ пѣшкомъ около и все еще приглядывался къ ближайшимъ арбамъ, къ темнымъ фигурамъ, сидѣвшимъ неподвижно подъ ними... онъ ждалъ разсвѣта.

— Еслибы *она* была здѣсь,—говорилъ кто-то, недалеко отъ Ровича, — она бы сама вышла... не отвыкла же она совсѣмъ отъ русскихъ, не станетъ же она, въ самомъ дѣлѣ, отъ насъ прятаться!.. Она бы давно сама вышла.

— А если она, больная, лежитъ гдѣ-нибудь и подняться не можетъ?..—предполагалъ другой голосъ:—нѣтъ, братъ, надо будетъ искать.

Сергѣй Николаевичъ присмотрѣлся и увидѣлъ недалеко еще двухъ офицеровъ, повидимому пришедшихъ сюда съ тою же цѣлью, какъ и онъ.

Его начала разбирать нелѣпая, сумасшедшая ревность къ этимъ двумъ темнымъ силуэтамъ; онъ готовъ бы былъ уничтожить ихъ въ эту минуту...

«Только я одинъ имѣю право *ее* искать, *ее* ждать! чего они пришли сюда же? по какому праву?» думалъ Ровичъ...

Онъ былъ убѣжденъ, что онъ думаетъ совершенно основательно и справедливо.

— Жаль, фонаря нѣтъ, а теперь бы хорошо побродить и поискать отъ арбы къ арбѣ! можно попросить разрѣшенія...

— Поди, сунься; тамъ тебя, пожалуй, такъ пырнутъ ножемъ, что и сядешь на мѣстѣ. Онѣ вѣдь бѣдовыя, эти тюркменки.

Еще подошли двое, постояли съ минутку и пошли потихоньку вдоль цѣпи.

— И эти!..—бѣсновался Ровичъ и грызъ отъ злости пальцы своихъ перчатокъ.

— Тохта! (стой)—крикнулъ ближайшій часовой и приложился изъ винтовки.

Ровичъ вздрогнулъ и сталъ всматриваться въ темноту... Онъ ничего не видѣлъ.

— Ты чего кричишь?—спросилъ онъ у казака.

— *Какая-то* къ цѣпи подходила оттуда, да пропала вдругъ... Таперь не видно.

— Гдѣ-гдѣ?..

— Кто начальникъ отряда?..—послышался слабый голосъ около самаго Сергѣя Николаевича...

Это былъ голосъ женщины... Она говорила по-русски. Нѣсколько темныхъ фигуръ бросились къ ней навстрѣчу...

У Ровича закружилась голова, въ глазахъ забѣгали огненныя искры, ноги подкосились—и онъ опустился на землю, теряя сознаніе...

Женщина съ ребенкомъ на рукахъ была мгновенно окружена; къ ней протянулись десятки рукъ, ее подняли эти руки, и съ крикомъ торжества, съ самымъ дикимъ, неистовымъ «ура!», понесли къ ближнему бивуаку...

— Огня, огня! зажигайте костры... свѣту больше, свѣту!—кричали кругомъ.

— Урра!—неслось по лагерю безконечными перекатами; другіе слышали этотъ вопль, подхватывали его, не зная въ чемъ дѣло, и бѣжали къ мѣсту происшествія...

Наталья Мартыновна смѣялась и плакала, и опять эти слезы смѣнялись смѣхомъ. Она говорила что-то много и разомъ; также точно много и разомъ говорили и всѣ остальные... Никто никого не слушалъ, да это и не надо было никому; всѣ были безумно веселы и счастливы, и еслибы завтра спросить кого-нибудь: какъ все это случилось, кто что сказалъ, что сдѣлалъ,—то на эти вопросы, навѣрное, никто не въ состояніи былъ бы отвѣтить.

Очнулся Сергѣй Николаевичъ... быстро вскочилъ на ноги, бросился бѣгомъ туда, откуда неслись эти восторженные крики...

Яркій свѣтъ костра заливалъ своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ фигуру Натальи Мартыновны. Она была все въ той же рваной, тюркменской рубахѣ, босая, полуобнаженная; она сидѣла на коврѣ, держала въ своихъ дрожащихъ рукахъ большую чашку съ чаемъ. Маленькій Петя переходилъ съ рукъ на

руки и хохоталъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ... Офицеры толпились вокругъ; казаки суетились съ постановкою какого-то фантастическаго шатра изъ ковровъ, попонъ, всего, что попадалось подъ руку...

Сергѣй Николаевичъ видѣлъ все это и стоялъ на мѣстѣ. Онъ не въ силахъ былъ подойти *къ ней*...

На этотъ подвигъ у него не хватало рѣшимости.

XXII. Самое непріятное и трудное положеніе.

Да, дѣйствительно, не могло быть мучительнѣй того состоянія, въ которомъ находился Сергѣй Николаевичъ, съ той ночи, когда сбылась первая половина его надеждъ, завѣтныхъ желаній,—отысканіе Наташи. Теперь она найдена; остается только второе.

Какъ легко казалось это второе прежде, такъ стало теперь трудно, почти невозможно его исполнить...

Подойти къ ней, принести повинную, вымолить себѣ прощеніе, конечно получить его, это прощеніе (Сергѣй Николаевичъ въ этомъ не сомнѣвался нисколько)... Затѣмъ предложить ей, то бишь, униженно, съ колѣнопреклоненіемъ просить у ней руки, получить и это (ужъ въ этомъ-то и не могло быть сомнѣнія), сдѣлаться ея обладателемъ, мужемъ, законнымъ отцомъ своего ребенка... и въ концѣ-концовъ...

Вотъ это-то *въ концѣ-концовъ* особенно занимало голову Ровича... Несмотря на всю тягость своего нравственнаго состоянія, на всю сердечную боль, исковеркавшую даже его здоровую, цвѣтущую физіономію съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ, и превратившую ее во что-то похожее на мумію,— это «въ концѣ-концовъ» такъ было заманчиво, такъ интересно, что вызвало въ немъ невольную улыбку; а иногда даже и чуть слышный смѣхъ, сквозь зубы, смѣхъ, въ которомъ ясно слышалось и нѣкоторое злорадство, и полное самодовольство, и даже...

Какіе-же онъ носы наклеитъ всѣмъ *этимъ* и *тому* тоже!.. *Они* вотъ тутъ вертятся, увиваются, сохнутъ, а онъ... придетъ, возьметъ и увезетъ, развѣ скажетъ имъ въ вознагражденіе ихъ потери:

— Pardon, messieurs! que faire!.. Конечно, если-бы *это* не было желаніе самой Натальи Мартыновны, то я бы... Но

вы сами видите, господа, и потому надѣюсь, что наши дружескія отношенія... не прекратятся; и въ случаѣ, если кого-либо изъ васъ судьба заброситъ въ Петербургъ, то я буду радъ и моя жена тоже... запросто, безъ чиновъ...

И проч., и проч., и проч.

И много еще въ этомъ родѣ наговорилъ бы *имъ, этимъ-то*, Сергѣй Николаевичъ, только надо прежде, чтобы это все именно такъ случилось... А это случится все именно такъ просто, такъ просто, стоитъ только подойти къ ней и начать...

Но, вотъ, въ томъ-то и дѣло. Наташа провела уже въ лагерѣ всю ночь, провела утро, затѣмъ вотъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ отрядомъ второй переходъ—это значитъ еще день, и ночь, и половину слѣдующаго дня; всего почти трое сутокъ... Съ ней уже успѣли поговорить, хотя и не наговориться, не только всѣ офицеры отряда, но даже всѣ простые казаки, всѣ кто только ее зналъ прежде; даже многіе тѣ, кто и не знали ея; а онъ, ну вотъ какъ нарочно, до сихъ поръ еще не успѣлъ сказать ни полслова, даже подойти не рѣшился настолько близко, чтобы можно было начать разговоръ... Мало того, онъ даже до сихъ поръ съ ней и не поздоровался, онъ только одинъ имѣлъ видъ человѣка совершенно ею незаинтересованнаго, и держался далеко, въ сторонѣ... Разъ даже умышленно отвернулся, когда ему показалось, что она смотритъ въ его сторону...

«Знаетъ-ли она, что онъ, Сергѣй Николаевичъ, здѣсь?..— думалось ему:—очевидно знаетъ! ужъ не можетъ быть, чтобы ей не разсказали объ его присутствіи... вонъ *эти*, «проклятый народъ!» Неужели-же они такъ все и будутъ около нея толочься, словно стража какая-нибудь, почетная, безсмѣнная... А какъ-же начать говорить съ нею при этихъ неудобныхъ условіяхъ? Нельзя же разыгрывать глупую, смѣшную роль публично кающагося... Наконецъ, между нами очень много найдется такого, о чемъ говорятъ съ глазу на глазъ... Надѣюсь и она такъ думаетъ... Она сознаетъ всю неловкость моего положенія, понимаетъ его и сочувствуетъ... Воображаю, какъ невыносимы ей кажутся подчасъ эти незванные-непрошенные пажи за ея шлейфомъ!.. Пажи съ небритыми подбородками, въ красныхъ кожаныхъ штанахъ и грязныхъ рубахахъ... Да отстаньте же, наконецъ, вы, идіоты недогадливые!»

Такъ думалъ Сергѣй Николаевичъ и грызъ отъ злости сигару за сигарою, поминутно награждая ударами шпоръ своего коня, уже, конечно, ни въ чемъ неповиннаго...

«Однако, это чертъ знаетъ, что такое! это наконецъ должно-же кончиться... Надо рѣшиться—и разомъ!.. Что тутъ еще тянуть и откладывать?.. Можно, наконецъ, просто сказать имъ: «извините, господа, намъ нужно поговорить безъ свидѣтелей»... вотъ они и отъѣдутъ... Рѣшено!»

А все-таки, третій разъ солнце спускалось за горизонтъ, и третій разъ поднималось снова, а Сергѣй Николаевичъ ни какъ не могъ привести въ исполненіе свою рѣшимость, выказать въ данномъ случаѣ свою, до сихъ поръ ему не измѣнявшую, энергію.

А Наталья Мартыновна, окруженная своими старыми и новыми друзьями, путешествовала съ комфортомъ, какой только можно было доставать ей при настоящихъ условіяхъ.

Для нея выбрали лучшую арбу, а выбрать было изъ чего... Эту арбу устлали толстымъ слоемъ ковровъ, устроили надъ нею высокій тѣнистый навѣсъ... Предупредительные казаки вымазали даже курдючнымъ саломъ оси повозки, чтобы скрипъ и визгъ колесъ не безпокоилъ путешественницу.

Арба была запряжена двумя казачьими лошадьми, что позволяло ей итти скоро и не задерживать движенья легкаго отряда.

Счастливая и довольная, Наташа сидѣла въ этой арбѣ, съ своимъ сыномъ, и служила для всѣхъ предметомъ самыхъ заботливыхъ попеченій, самой нѣжной предупредительности... И откуда только находилась эта нѣжность у этихъ суровыхъ, запыленныхъ фигуръ, окружавшихъ ея повозку!

Корявый, угреватый сотникъ Подпругинъ изобрѣлъ какую-то особенную развѣску боковыхъ ковровъ, «чтобы — какъ онъ выражался — и солнцемъ-то не пекло, и значитъ, насчетъ вѣтру чтобы было слободно, продувало бы этакъ, легонько»... Эсаулъ Маслобойниковъ, не брезгавшій лично для себя водою изъ самаго соленаго, затхлаго степнаго колодца, завелъ для «*матушки Натальи Мартыновны*» такую баклагу, тыкву-горлянку, гдѣ мутная, глинистая вода арыковъ отстаивалась, даже на ходу, фильтровалась и предлагалась для чайниковъ

путешественницы въ самомъ чистомъ, наипрозрачнѣйшемъ видѣ... Лысый сотникъ Машкинъ, Козьма Федосѣевичъ, и юный хорунжій Колобковъ—тѣ даже въ сторону отлучились верстъ за пять, и съ опасностью жизни (потому все-таки сторона враждебная, въ нѣкоторомъ родѣ непріятельская) достали гдѣ-то еще несозрѣвшаго свѣжаго урюку (абрикосовъ) и нѣсколько кистей совершенно зеленаго, невозможнаго къ употребленію винограда.

— Такъ-то нельзя кушать,—объяснялъ сотникъ Машкинъ,—а ежели положить въ чай, чудесно, замѣсто лимона!—пожалуйте, я вамъ нажму въ чашечку!

Хорунжій Колобковъ нарвалъ—тоже гдѣ-то въ сторонѣ—розъ цѣлую торбу, да ужъ очень плотно уложилъ ихъ, а назадъ гналъ шибко, въ карьеръ все... ну, онѣ, эти розы, и того немного... навозъ-навозомъ стали...

— Эхъ, жаль, помялись какъ!—сѣтовалъ онъ, — виду точно нѣтъ въ нихъ теперь настоящаго, а духъ преотличный: еще лучше сталъ, какъ поразопрѣли!

— Дегтемъ пахнутъ ужасно! — хохотала отъ души Наталья Мартыновна...

— Это ничего, это отъ торбы... Ишь, подлецы, говорилъ имъ, чтобы дали чистую!.. Ничего-съ, это скоро пройдетъ... вывѣтрятся... Вотъ тутъ бутончики есть, извольте посмотрѣть... ежели ихъ, теперь, въ воду, за ночь распустятся... ей Богу-съ!..

Маленькій Петя—такъ тотъ только спать приходилъ въ арбу къ своей мамашѣ, а то всю дорогу переходилъ изъ рукъ въ руки, съ одного сѣдла на другое... и былъ въ восторгѣ, когда въ его крошечныя рученки вкладывали толстые ременные поводья, каковые онъ принималъ съ самою серьезною миною и даже нѣкоторымъ благоговѣніемъ...

Но, по временамъ, смѣющіеся веселые глаза ребенка принимали какое-то, совсѣмъ не дѣтское, пытливое выраженіе; онъ пристально всматривался въ черты лицъ окружающихъ его казаковъ, потомъ смотрѣлъ по сторонамъ и задумывался... Малютка словно отыскивалъ глазами какое-то одно лицо, здѣсь не находящееся; лицо, почему-то сохранившееся въ его памяти...

Но одинъ изъ спутниковъ въ подобную минуту изобрѣталъ что-нибудь новое, особенно занимательное, и ребенокъ

хохоталъ, снова переходя изъ рукъ въ руки, забывая на время о своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ.

За то Наталья Мартыновна, съ первыхъ же минутъ появленія своего въ русскомъ лагерѣ, окинула присутствующихъ точно такимъ же взглядомъ... Этотъ взглядъ былъ понятъ... ей дали отвѣтъ на него...

Отъ нея скрыли болѣзнь Головина, сказавъ, что онъ находится при другомъ отрядѣ. Впрочемъ, спустя нѣсколько времени, она знала уже все случившееся; да это и нетрудно было... Казачьи офицеры въ данномъ случаѣ оказались очень плохими дипломатами...

Ей разболтали даже и о Сергѣѣ Николаевичѣ, съ чисто степною наивностью, нисколько не соображая пріятно-ли будетъ ей или нѣтъ это напоминаніе. Ей даже указали на него, и Наташа нѣсколько разъ взглядывала на печальную фигуру щеголеватаго офицера, держащуюся всегда въ такомъ почтительномъ отдаленіи.

Несмотря на веселую обстановку своего путешествія, Наталья Мартыновна задумывалась все чаще и чаще, видимо начинала грустить, и это состояніе ея не прошло незамѣченнымъ...

Наивные казаки понимали однако, въ чемъ дѣло, но помочь не могли и ограничились только тѣмъ, что послали впередъ джигита въ лагерь съ запискою къ Головину, слѣдующаго содержанія:

«Любезный дружище, барыню-то нашли и веземъ... Ничего, слава Богу, здорова и сынишка тоже... Больно о тебѣ печалится, такъ ты уже, братъ, того, коли еще дышишь, да силы всѣ не потратилъ, сбирайся скорѣй, садись на лошадь, да выѣзжай навстрѣчу; а то, коли она тебя, чего Боже сохрани, найдетъ въ постели, въ плохомъ видѣ, сильнѣе того разстроится и пріѣдетъ совсѣмъ въ печальное положеніе, кое мы, всѣ сообща, стараемся разсѣять оное, и отчасти успѣваемъ въ своихъ стараніяхъ... Этотъ, питерскій, ѣздитъ все поблизости, сычъ-сычемъ, и на насъ косо поглядываетъ... Наталья Мартыновна видала его, мы ей показывали, да это ничего! Судя по ея выраженіямъ на сей предметъ, надо полагать, что ей наплевать на него, потому мазурикъ, одно ему слово... Петюкъ молодчина, слава Богу здоровъ, тебя тоже все спра-

*

шиваетъ... Малецъ первый сортъ — казакъ лихой будетъ. Пишемъ тебѣ секретно отъ Натальи Мартыновны, а потому она и не приписываетъ отъ себя ничего. Увѣдомляемъ тебя о семъ, дабы ты въ чемъ не сомнѣвался...

Сотникъ Иванъ Подпругинъ.
Эсаулъ Павелъ Маслобойниковъ».

Джигитъ-туземецъ, получивъ это письмо, тщательно запряталъ его въ поношенный кошель, засунулъ себѣ за пазуху, и поскакалъ впередъ, по знакомой дорогѣ. Ему дали десять кокановъ (2 рубля) при отправкѣ, и пообѣщали дать еще десять, если онъ въ этотъ же день будетъ въ русскомъ лагерѣ. А сумма въ двадцать кокановъ — слишкомъ почтенная сумма, что заставитъ джигита усерднѣе погонять своего аргамака, не жалѣя нагайки...

«Надо рѣшиться, надо рѣшиться!» думалъ все Сергѣй Николаевичъ и, наконецъ, рѣшился дѣйствительно...

А тутъ и случай представился, чрезвычайно удобный: отрядъ остановился на привалъ... Мѣстность была тѣсная, вся перегороженная стѣнами и арыками; нельзя было стать въ кучѣ всему отряду и сотни растянулись по дорогамъ, въ нѣкоторыхъ, одна отъ другой, разстояніяхъ.

Арбу Натальи Мартыновны завезли въ прохладный садикъ, немного въ сторону... Пока казаки отпрягали лошадей и хлопотали объ огнѣ для варки, офицеры разбрелись, каждый въ свою сотню, сдѣлать нужныя распоряженія, и Наталья Мартыновна осталась одна съ своимъ Петей. Мало того, она даже отошла отъ повозки, гдѣ все-таки торчали два казака, и сѣла у прудика, на разостланномъ коврикѣ, въ тѣни дерева... Петя же сидѣлъ на арбѣ, наблюдая, какъ казаки возились съ своимъ походнымъ хозяйствомъ...

Сергѣй Николаевичъ замѣтилъ все это и рѣшился болѣе не откладывать... Да и какъ откладывать, когда завтра къ обѣду разсчитываютъ уже прійти домой, а тамъ ужъ и подавно будетъ поздно!.. Тамъ вѣдь *тотъ* дожидается... и чертъ ихъ знаетъ, какія тамъ у нихъ отношенія!..

Ровичъ поспѣшно пробрался между коновязями, перескочилъ арыкъ, подъѣхалъ къ арбѣ, слѣзъ съ лошади и бросилъ

поводья казаку... Петя смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, широко раскрывъ свои глазенки.

«А, вотъ отлично!» мелькнуло въ головѣ Сергѣя Николаевича. Онъ сразу почувствовалъ неудержимый приливъ отеческой любви и нѣжности... «Съ ребенкомъ на рукахъ, съ моимъ сыномъ, я пойду къ ней, и тогда...»

— Не хочу!..—заплакалъ ребенокъ, упираясь ноженками и схватившись за коверъ руками.—Не хочу!.. Мама.

— Милый мой, родной... дитя мое!..—захлебывался Сергѣй Николаевичъ, стараясь поцѣловать барахтающагося мальчика и отцѣпить его руки.

А тутъ, какъ разъ передъ нимъ, словно изъ-подъ земли вынырнуло корявое лицо Подпругина и смотритъ на него изъ-за стѣнки, смотритъ просто, какъ вообще смотрятъ люди, ничѣмъ не волнуемые, а Ровичу показалось, что онъ смѣется, да какъ!— самымъ злымъ, самымъ дьявольскимъ смѣхомъ... ротъ до ушей, зубы напоказъ, глаза такъ и прыгаютъ, такъ и искрятся...

«Проклятый!..» чуть-чуть не вслухъ подумалъ Сергѣй Николаевичъ...

— Зачѣмъ вы его трогаете?—раздался вдругъ сзади знакомый мелодическій голосъ.

У Ровича и руки опустились; Петя вырвался и съ торжествомъ полѣзъ на плеча къ Подпругину; двое офицеровъ подошли еще (и откуда только они взялись?). Еще двое слѣзали съ запыленныхъ лошадей и отряхивались.

— Какого я сазана выволокъ изъ пруда... во, какого!.. Сейчасъ его, подлеца, жарить!.. — ревѣлъ откуда-то эсаулъ Маслобойниковъ.—И какъ это я его ловко сцапалъ на крюкъ! Эй, Васютка, волоки сала, соли и сковороду—живо!..

Дѣлать нечего; Сергѣй Николаевичъ попался окончательно... Онъ даже подумалъ въ первую минуту, что эсаулъ, говоря о сазанѣ, намекаетъ именно на него, Сергѣя Николаевича.

— Наталья Мартыновна,—началъ Ровичъ,—вы меня извините, что до сихъ поръ...

— Это ничего, — перебила его Наталья Мартыновна. — Сейчасъ сварятъ чай... Мы будемъ здѣсь всѣ завтракать... хотите съ нами?..

— Я, право...

— Садись, что же; все одно уже... нечего, братецъ Васютка, раздобудь въ сотнѣ еще одну чашечку-плоскенькую...— распоряжался Маслобойниковъ, имѣвшій привычку говорить съ перваго раза *ты*, лицамъ даже незнакомымъ вовсе.

А тутъ возня началась; притащили коверъ большой, стали его раскладывать, разостлали попонку вмѣсто скатерти, собрали посуду со всѣхъ концовъ и мѣстъ... Наталья Мартыновна принимала самое дѣятельное участіе, продолжать разговоръ съ нею было положительно невозможно, и Сергѣю Николаевичу оставалось только одно изъ двухъ: или удрать поскорѣе, незамѣтно, пользуясь всею этою суматохою, благо на него не обращали вниманія, или же оставаться завтракать вмѣстѣ со всѣми, и тутъ, въ общемъ разговорѣ, намекнуть Наташѣ о необходимости личной аудіенціи; авось она устроитъ эту аудіенцію удачнѣе, чѣмъ онъ, поможетъ ему въ этомъ дѣлѣ. Соображая выгоды того и другого положенія, Ровичъ дождался между тѣмъ конца всѣхъ хлопотъ и услышалъ окончательное приглашеніе Натальи Мартыновны, только обращенное не къ нему одному, а ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Господа, милости просимъ!—громко и весело произнесла Наташа и сѣла на коверъ около чайниковъ, а къ ней сейчасъ же подсѣли и другіе, образовавъ полукругъ, самое отдаленное мѣсто котораго досталось соображавшему Сергѣю Николаевичу.

Ровичъ сѣлъ; хотѣлъ было принять позу покрасивѣе, но все какъ-то приходилось, что ноги были выше всего остального: коверъ-то былъ разостланъ подъ горку и панталоны въ обтяжку мѣшали. Наконецъ, онъ сладилъ со своею позою, бросилъ задумчивый, полный чувства и тайной мысли взглядъ на хозяйку бивуака, вздохнулъ при этомъ и опустилъ глаза внизъ, теребя пальцами кисточку темляка на своей саблѣ.

— Вамъ отъ хвоста, или отъ головы?—спросилъ его Подпругинъ, распластывая сазана ножемъ и сосчитывая при этомъ число присутствующихъ.

Они тутъ все свои, а Сергѣй Николаевичъ все-таки чужой, гость, потому казакъ и обратился къ нему съ этимъ предупредительнымъ вопросомъ.

Сергѣй Николаевичь вздрогнулъ еще разъ, слегка вздрогнулъ, словно его пробудилъ изъ области поэтическихъ мечтаній этотъ прозаическій вопросъ, и тихо проговорилъ:

— Благодарю васъ, я уже завтракалъ...

— Когда это вы успѣли, дорогою, что-ли?.. Я что-то не видалъ...—посмотрѣлъ на него услужливый сотникъ.

— Да полно врать вамъ, ну чего церемониться—кушайте на доброе здоровье! извольте получить!—произнесъ Маслобойниковъ и протянулъ ему кусокъ рыбы на кончикѣ татарскаго ножа.—Берите что-ли, экой икряный!..

Сергѣй Николаевичъ совершенно растерялся отъ этой простоты и безцеремонности обращенія; до того растерялся, что взялъ этотъ кусокъ, конечно рукою какъ и всѣ, но позабылъ при этомъ снять свои бѣлыя перчатки, замѣтилъ потомъ это обстоятельство, а поправить дѣло было трудновато, положить опять кусокъ некуда; развѣ на коверъ? Да вишь какой онъ пыльный!.. вонъ и навозу немного къ нему присохло... На колѣна прямо? — тоже неспособно... А Наталья Мартыновна смотритъ, и должно быть смѣется. Ровичъ не видитъ этого, но чувствуетъ, и готовъ швырнуть въ сторону этотъ проклятый жирный кусокъ жареной рыбы... Вотъ онъ уже отнесъ руку съ этимъ кускомъ немного въ сторону... Вдругъ—цапъ!..

Черная кудлатая собака «Медвѣдка» выручила его изъ бѣды; она давно уже сидѣла сзади, и посматривала на аппетитную порцію, случай удобный представился — вотъ она и того, попользовалась.

Раздался общій взрывъ хохота, звонкій голосъ Пети покрывалъ почти все.

— Ну, вотъ вы теперь и безъ рыбы, потому всю уже роздали... Сами виноваты, — успокоилъ его одинъ изъ офицеровъ.

— Извините, господа... Я бы очень радъ, но... Но мнѣ надо быть сейчасъ у начальника отряда, столько работы, столько хлопотъ...—залепеталъ Сергѣй Николаевичъ и поднялся на ноги.

— А чаю?—спросила Наталья Мартыновна.

— Нѣтъ... Я бы...

Ровичъ опять попытался было во взглядѣ выразить ей все, что неудобно было выразить на словахъ, неловко раскланялся, попятился назадъ, чуть-чуть было не упалъ, споткнувшись на эту-же проклятую Медвѣдку, вертѣвшуюся у него подъ ногами, и поспѣшно вышелъ изъ садика, проклиная чуть не

вслухъ всѣ эти обстоятельства, мѣшавшія ему до сихъ поръ въ его завѣтныхъ, святыхъ намѣреніяхъ...

И вдругъ его осѣнила идея:

«А что, если написать?.. Конечно, въ письмѣ нельзя выразить всего, что въ живомъ словѣ, но однако все же можно сказать многое...» Къ тому-же это представлялся положительно единственный исходъ изъ его положенія, и исходъ, которымъ надо было спѣшить, въ виду близкаго прихода на мѣсто постоянной стоянки.

Весь этотъ переходъ, съ привала до мѣста ночлега, Сергѣй Николаевичъ обдумывалъ содержаніе своего письма; наконецъ обдумалъ окончательно, и, едва только стали на ночлегъ, тотчасъ-же принялся за работу...

Онъ написалъ все письмо по-французски, но потомъ вспомнилъ, что Наташа не сильна въ этомъ языкѣ и вѣроятно ничего не пойметъ... Пришлось переводить его на русскій языкъ, вышло что-то неладно... опять хоть за начало принимайся... Сколько листковъ бумаги перепортилъ Сергѣй Николаевичъ, сочиняя это второе письмо!..

«Что-то сдѣлалось со мною?—недоумѣвалъ онъ:—вѣдь какъ легко писались мною прежде подобныя письма, а тутъ вотъ—поди-жь-ты! чушь какая-то выходитъ... Просто отупѣлъ совсѣмъ, дуракомъ сдѣлался...»

Особенно затрудняла его вступительная фраза письма; все остальное шло уже гладко, эта досадная вступительная фраза никакъ не подвертывалась:—то выходило слишкомъ уже высокопарно, то недостаточно чувствительно... чертъ знаетъ что такое!

Вся ночь проведена была за этимъ письмомъ; наконецъ-таки побѣда осталась на сторонѣ Ровича, письмо было окончено, запечатано въ конвертъ и подписано... Казакъ драбантъ командированъ съ этимъ письмомъ... Осталось покориться судьбѣ и ждать.

И Сергѣй Николаевичъ, когда тронулись снова въ путь, принялся издали наблюдать, какъ его драбантъ подалъ письмо Натальѣ Мартыновнѣ, какъ она взяла его, распечатала, вопросительно посмотрѣла вокругъ, какъ она наконецъ стала читать его и вся вспыхнула до ушей, какъ опять подъѣхали къ ней эти несносные тѣлохранители.

«Что это? Боже милосердный! Она даетъ имъ въ руки это письмо... его читаютъ вслухъ... это ясно... Вонъ они всѣ какъ съ сѣделъ перегнулись, вслушиваются... Они смѣются—она тоже улыбается... О!.. если такъ, то это даромъ не пройдетъ ни ей, ни имъ, никому—они за это поплатятся...»

И Сергѣй Николаевичъ схватился обѣими руками за луку сѣдла, чувствуя, что теряетъ сознаніе и вотъ-вотъ упадетъ съ лошади.

Впрочемъ, онъ удержался.

XXIII. Письмо Сергѣя Николаевича и отвѣтъ на него.

«Милостивая государыня, Наталья Мартыновна»...

Такъ начиналось письмо Ровича, начало, надъ которымъ Сергѣю Николаевичу приходилось болѣе всего задумываться,—начало, которое, какъ казалось Ровичу, составляло чуть не труднѣйшую часть всего его сочиненія.

«Дорогая, незабвенная, милая, родная, горячо любимая, страстно любимая»... и пр., и пр., и пр., всѣ подобные эпитеты такъ и рвались отъ сердца, такъ и лѣзли подъ перо, на кончикѣ котораго нѣсколько разъ успѣвала засыхать капелька чернилъ,—но всѣ эти возгласы какъ-то не шли къ этому письму—къ посланію роковому, отъ котораго зависѣла вся дальнѣйшая судьба писавшаго, вся его будущая жизнь (это тоже такъ казалось Сергѣю Николаевичу)... «Тутъ—думалъ онъ—надо обдумать, надо взвѣсить каждое слово... Надо начать просто, даже холодно нѣсколько, чтобы не сразу дѣйствовать на ея нѣжное, легко увлекающееся сердце, заставить ее серіозно отнестись къ письму, взвѣсить, такъ сказать, каждое его слово, оцѣнить каждый намекъ. Надо писать такъ, чтобы, когда ей придется опустить руку съ письмомъ на колѣна, потупить прелестные глазки и погрузиться въ глубокую думу, тогда чтобы это самое письмо могло бы легко направлять ея мысли, давать впередъ всѣ отвѣты на тѣ вопросы и недоразумѣнія, которые зароятся у ней въ головѣ;—мало того—разбивать тѣ противорѣчащіе доводы, которые (весьма легко можетъ случиться) заявитъ ей кто нибудь изъ *тѣхъ, что тогда жрали руками жареную рыбу на привалѣ*,—эти несносные, оборванные пажи и рыцари... Затѣмъ, мало-по-малу,

страсть, охватывающая все существо писавшаго, должна высказываться все яснѣе и яснѣе, и подѣйствовать на ея сердце, вслѣдъ затѣмъ, какъ ея головка уже будетъ подготовлена умными и разсчитанными фразами...»

Вотъ какой планъ письменной атаки затѣялъ Сергѣй Николаевичъ (не даромъ такъ долго думалъ онъ надъ листомъ бумаги), планъ хитро-разсчитанный, планъ—передъ которымъ не устояла бы и болѣе опытная, свѣтская барыня, а не простодушное, наивное дитя степей, когда-то такъ довѣрчиво, такъ безпредѣльно его любившее...

Вотъ, согласно этого-то плана, письмо и начиналось оффиціальною фразою:

«Милостивая государыня, Наталья Мартыновна!

«Простите меня, если я начинаю съ воспоминаній, можетъ быть для васъ несовсѣмъ пріятныхъ, даже грустныхъ, но что-же дѣлать!.. Эти воспоминанія для меня лично еще болѣе тяжелы и безотрадны,—настолько, насколько могутъ быть тяжелы преступнику воспоминанія его преступленія; и если онъ, преступникъ, находитъ грустную отраду въ исповѣди своихъ проступковъ, то почему же и мнѣ не искать того же передъ лицомъ ангела, исповѣдуясь вамъ и разоблачая все то презрѣніе, которое я самъ къ себѣ въ настоящую минуту испытываю.

«Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я встрѣтился съ вами и вы полюбили меня... Вы даже предпочли меня человѣку, впослѣдствіи погибшему отъ этого предпочтенія... Я тоже полюбилъ васъ, былъ увлеченъ своею страстью, въ пылу которой не въ силахъ былъ взвѣшивать послѣдствій своего увлеченія... Я тогда былъ слишкомъ еще молодъ и не умѣлъ цѣнить истинныхъ чувствъ женщины, очевидно посланной мнѣ самимъ Провидѣніемъ.

«Подъ вліяніемъ понятій и потребностей того круга, къ которому я принадлежу, я долженъ былъ пожертвовать впослѣдствіи своею любовью... Обстоятельства мои сложились такъ, что нашъ бракъ былъ невозможенъ, и я вынужденъ былъ уѣхать, не простившись съ вами, чтобы избѣжать для себя самого, а также и для васъ, всей тяжести минуты прощанія... Я написалъ вамъ письмо, можетъ быть и нѣсколько холодное; но повѣрьте, что строки этого письма далеко не согласовались

съ голосомъ моего сердца,—далеко не выражали того, что я чувствовалъ въ тѣ тяжелыя минуты.

«Казалось, что между нами все кончено... Насъ раздѣлило разстояніе въ нѣсколько тысячъ верстъ. Впереди намъ не предстояло встрѣтиться снова... Мало-по-малу вы могли забыть обо мнѣ, полюбить другого, быть даже счастливой... Мало-по-малу и я, въ свою очередь, надѣялся потушить пламя моей страсти, огонь пожирающій мое сердце,—и тоже встрѣтить женщину, способную вытѣснить вашъ свѣтлый, ангельскій образъ. Но не все такъ дѣлается, какъ предполагается... Угрызеніе совѣсти мучили меня, вашъ образъ преслѣдовалъ меня всюду: и въ блескѣ петербургской жизни, въ чаду спектаклей, баловъ,—всѣхъ шумныхъ развлеченій большого свѣта, окружавшихъ меня, я не могъ забыть васъ, не могъ заглушить голоса моего сердца... Я проходилъ равнодушно передъ десятками и сотнями женщинъ, женщинъ, предъ которыми всѣ падали ницъ, готовые на все; я же не могъ даже смотрѣть на нихъ, занятый одною вами, и одинокій бродилъ съ болью въ груди, съ жестокимъ раскаяніемъ, не дававшимъ мнѣ ни минуты спокойствія...»

«Ужъ врать, такъ врать!» думалъ Сергѣй Николаевичъ; впрочемъ, ему казалось даже, что онъ и не вретъ, что это все такъ дѣйствительно и было, что это все такъ и должно было быть,—только онъ до сихъ поръ не замѣчалъ своихъ страданій, а вотъ теперь только увидѣлъ, убѣдился въ ихъ существованіи.

«Наконецъ это мое положеніе стало невыносимо... Я бросилъ все и рѣшился ѣхать снова въ эти дикіе края, отыскать васъ, пасть на колѣна и вернуть свое потерянное счастье... Я пріѣхалъ.

«Можете себѣ представить тотъ страшный ударъ, когда я узналъ обо всемъ, что случилось съ вами, я думалъ сперва, что не перенесу этого; я былъ близокъ къ самоубійству, но сила воли спасла меня отъ этого малодушнаго конца, и я рѣшился посвятить всю свою остальную жизнь разысканію васъ, если вы еще живы— и полному одиночеству въ стѣнахъ монастыря, если вы уже не существуете въ этомъ мірѣ...

«Провидѣніе привело меня сюда, это-же Провидѣніе сохра-

нило васъ. Не будемъ же итти наперекоръ Его святой волѣ и обсудимъ хладнокровно всѣ обстоятельства.

«Я виноватъ передъ вами, и я много страдалъ за это... Вы простите мнѣ мою вину, потому что нѣтъ преступленія, которое не могло бы быть прощено, а это преступленіе уже искуплено моими страданіями... Вы найдете во мнѣ вѣрнаго, преданнаго мужа; наше дитя—своего отца и имя... О, какъ я люблю этого ребенка! съ какою завистью издали смотрю я на тѣхъ, которые могутъ ласкать его безпрепятственно, когда я, его отецъ, не смѣю даже къ нему приблизиться!..

«Мы всѣ трое будемъ счастливы... Я горячо увѣренъ въ этомъ, и наша жизнь будетъ однимъ безконечнымъ веселымъ, свѣтлымъ праздникомъ...

«Отъ вашего взгляда, въ которомъ я уже читаю прощеніе,—отъ вашего одного слова зависитъ теперь все это роковое для меня слово!..

«Вы дороги мнѣ такъ, какъ никто и никому не можетъ быть дорогъ; вы необходимы для меня—и въ свою очередь я чувствую, что только одинъ я могу сдѣлать васъ вполнѣ счастливою. Мои средства настолько хороши, что ни вы, ни ребенокъ нашъ, никогда не будете видѣть нужды и лишеній. Я окружу васъ роскошью и довольствомъ и введу васъ въ блестящій кругъ моего общества, въ которомъ вы займете почетнѣйшее мѣсто... Сжальтесь-же надо мною, не отнимайте отъ меня этой чудной, свѣтлой надежды, не отнимайте отца у вашего сына и протяните мнѣ снова вашу добрую, дорогую руку...

«Каждое мгновеніе ожиданья вашего отвѣта кажется для меня вѣчностью, не томите же и безъ того измученнаго, истомленнаго... Я буду издали слѣдить за вами и съумѣю прочитать на вашемъ прелестномъ лицѣ отвѣтъ, прежде чѣмъ услышу его... О, Господи, какъ страстно, какъ пламенно люблю я васъ! я чувствую, что у меня сердце можетъ разорваться... я чувствую...

«...Горячо цѣлую ваши ноги, руки, вашу одежду, моя дорогая, единственная, святая Наталья Мартыновна... моя *Наташа!*»

Слово «Наташа» было подчеркнуто два раза и около него виднѣлось какое-то желтоватое, расплывшееся пятно. Это

была дѣйствительная, настоящая слеза Сергѣя Николаевича, не что либо другое; только упала она не нечаянно, а была тщательно направлена писавшимъ и даже слегка размазана пальцемъ. Тамъ и сямъ, на листѣ почтовой бумаги, еще виднѣлось нѣсколько подобныхъ же пятнышекъ—вѣскій аргументъ, усиливающій впечатлѣніе, подтверждающій искренность всего написаннаго...

Въ концѣ письма былъ, конечно, неизбѣжный PS, по которому значилось:

«Постарайтесь удалить тѣхъ, что постоянно васъ окружаютъ, чтобы я могъ поговорить съ вами глазъ-на-глазъ—это необходимо. Согласитесь, что есть вещи, о которыхъ нельзя говорить при постороннихъ свидѣтеляхъ».

Письмо было, на всякій случай не подписано. «Зачѣмъ подписывать, когда она ясно знаетъ отъ кого...» совершенно основательно соображалъ Сергѣй Николаевичъ.

Получивъ это письмо, Наталья Мартыновна на первое время озадачилась, и даже повертѣла конвертъ въ своихъ рукахъ, не рѣшаясь его распечатывать... Она невольно посмотрѣла вокругъ нѣсколько вопросительно и совершенно уже машинально спросила у посланнаго:

— Отъ кого?

— Отъ его благородія, ротмистра Ровича,—отрапортовалъ ей денщикъ Сергѣя Николаевича, — насчетъ отвѣту приказали, чтобы въ скорости, потому они изволятъ ожидать.

Это послѣднее денщикъ добавилъ отъ себя.

— Вотъ какъ!—улыбнулась Наташа и начала распечатывать... пальцы ея слегка вздрагивали при этомъ.

— Интересно прочитать, что это *они* такое сообщаютъ?—полюбопытствовалъ Подпругинъ и даже придвинулся поближе.—Весьма интересно...

Натальѣ Мартыновнѣ нисколько даже не показалось страннымъ такое неумѣстное, безцеремонное любопытство; она даже нашла его весьма естественнымъ.

— Уйдемъ!—шепнулъ Маслобойниковъ сосѣду, — зачѣмъ мѣшать!.. Мало ли что можетъ... ну-ка!..

Тотъ толкнулъ другого, другой—третьяго; стали всѣ перешептываться да соображаться.

— Куда же вы, господа?—опять совершенно машинально спросила Наталья Мартыновна.

— Да вотъ надо тутъ насчетъ сотни распорядиться... Урядника кликнуть бы, я ненадолго...

— Что это такъ въ арьергардѣ растянулись?.. поѣхать поглядѣть... можетъ...

Наталья Мартыновна тѣмъ временемъ распечатала письмо и стала читать; всѣ присутствовавшіе, несмотря на высказанныя ими надобности, однако таки остались...

Остальное все видѣлъ издали Сергѣй Николаевичъ, и это все видѣнное имъ вызвало у него припадокъ неудержимой злости, почти бѣшенства...

— Вотъ какъ! всѣмъ показывать! хвастаться!.. смѣяться надо мною!—повторялъ онъ чуть не весь переходъ, отъѣхавъ одинъ въ сторону отъ отряда и вымещая свою злость на ничѣмъ-неповинномъ конѣ.—О, они меня еще не знаютъ! я имъ покажу! я...

Къ вечеру этого дня, за нѣсколько минутъ до остановки, онъ получилъ отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ привезъ ему Маслобойниковъ.

— Приказали передать вамъ, господинъ ротмистръ,—сообщилъ хорунжій, подавая письмо, ловко перегнувшись съ сѣдла, и не безъ казачьей граціи приложивъ къ козырьку фуражки пальцы правой руки.—Отвѣтомъ просили не безпокоиться,—добавилъ онъ и повернулъ лошадь...

— Благодарю васъ,—процѣдилъ сквозь зубы Сергѣй Николаевичъ, принялъ отъ посланнаго даже незапечатанную четвертушку бумаги, отвѣтилъ такимъ же прикладываніемъ пальцевъ къ козырьку, и выждавъ когда Маслобойниковъ отъѣхалъ подальше, принялся за чтеніе.

Отвѣтъ Натальи Мартыновны былъ написанъ карандашемъ, крупнымъ, хотя и несовсѣмъ разборчивымъ почеркомъ — и не безъ грамматическихъ ошибокъ.

«Милостивый государь, Сергѣй Николаевичъ».

Такъ начиналось и это отвѣтное посланіе, хотя и не по тѣмъ же глубокомысленнымъ соображеніямъ, какими руководствовался Ровичъ.

«Вы напоминаете мнѣ о прошломъ и просите за это напоминаніе извиненія—я вамъ охотно прощаю эту неделикатность и надѣюсь, что вы ея не повторите болѣе.

«Я нисколько не сержусь на васъ; я даже благодарна

вамъ очень за урокъ, который научилъ меня правильнѣе оцѣнивать людей. — Это мнѣ очень пригодилось впослѣдствіи, и этимъ я вамъ даже нѣсколько обязана. Вы пишите, что вы были увлечены и не оцѣнили какъ должно послѣдствій; я согласна съ вами, скажу даже болѣе:—вы и теперь такъ же увлечены, и мое дѣло поправить ошибку вашего новаго увлеченія.

«Я вамъ отказываю именно по этимъ соображеніямъ. Я увѣрена, что послѣ вы сами будете благодарить меня за этотъ отказъ.

«Роскошь, которую вы мнѣ такъ обязательно предлагаете, для меня незнакома, а потому и не привлекаетъ меня нисколько, также какъ и ваше блестящее общество, въ которомъ я буду чувствовать себя совершенно чуждою»...

Когда Наташа писала эти послѣднія строки, она иронизировала...

— Напишите-ка ему, матушка, что вы наплевать хотите на его это общество, вотъ что! — совѣтовалъ ей Подпругинъ, видимо озлившійся на Ровича. — Чѣмъ наше общество хуже его, петербургскаго?.. эхъ! хлыщи они, фазаны пестрые—право!.. Ей Богу напишите: «наплевать» да и шабашъ!..

Однако Наталья Мартыновна на этотъ разъ не послушалась совѣтовъ сердитаго эсаула.

«Могу ли я довѣрить судьбу свою и своего ребенка человѣку, разъ уже меня обманувшему?» писала она. «И кто вамъ можетъ поручиться, что хотя вы и не забыли меня за это время, хотя вы и не увлекались болѣе ни одной женщиной (тутъ она опять пустила въ ходъ иронію, на этотъ разъ болѣе злую и ѣдкую), за то можетъ быть я не была настолько постоянной и могла увлечься снова, — найти человѣка, который съумѣлъ заставить меня забыть свою первую ошибку и заставилъ полюбить себя настолько, чтобы окончательно заслонить вашъ образъ, никогда, впрочемъ, меня особенно не безпокоившій...

«Впрочемъ, меня вѣчно преслѣдуетъ другой образъ — вы понимаете о комъ я говорю,—и изъ уваженія именно къ этому образу, я не могла бы припять вашего предложенія.

«Что же касается до имени моего сына, замѣтьте: не вашего, — то объ этомъ прошу тоже не безпокоиться: у него

навѣрное, будетъ свое, если и не такое блестящее, то во всякомъ случаѣ не менѣе честное и достойное уваженія.

«Да и кто вамъ сказалъ, что Петя—вашъ сынъ?.. что онъ мой — это несомнѣнно, но только это. Прошу понимать это какъ вамъ угодно.

«Мнѣ остается надѣяться, что этимъ моимъ письмомъ оканчивается всякая дальнѣйшая переписка между нами, — и я увѣрена, вы будете настолько обязательны, что прекратите всякое преслѣдованіе меня, какъ вашими краснорѣчивыми взглядами и вздохами, такъ ровно и объясненіями словесными и письменными».

Письмо Натальи Мартыновны тоже не было подписано и сопровождалось также PS, подъ которымъ значилось:

«Я посылаю вамъ мое письмо незапечатанное, а насколько публично было чтеніе вашего письма—вы наблюдали сами... Это должно васъ убѣдить, насколько я откровенно дѣйствую и не стѣсняюсь присутствіемъ возлѣ меня моихъ друзей, которыхъ впрочемъ вы, какъ я замѣтила, не жалуете... Почему? не знаю, да и не интересуюсь знать».

— Такъ его, подлеца, хорошенько!—даже на сѣдлѣ привскочилъ эсаулъ Подпругинъ.

— Уррра!—заревѣли Колобковъ и Маслобойниковъ.

— Эхъ, жаль, переписать не успѣлъ для себя, для памяти! — пожалѣлъ сотникъ Машкинъ; — особенно послѣднія строчки. Вѣрите-ли, матушка, въ ладонку зашилъ бы, да и таскалъ бы на груди подъ рубахою... честное слово!

— Къ Чандыру подходимъ!—послышались голоса впереди.

На горизонтѣ показались ряды деревьевъ и одинокія полуразвалившіяся сакли; тамъ, за ними, виднѣлись столбы дыма;— эти столбы поднимались съ бивуаковъ большого русскаго лагеря...

Впереди видно было густое облако пыли, оно быстро неслось навстрѣчу; въ пыли мелькали конскія головы, размахивающія гривами, блистало оружіе и бѣлѣлись кителя всадниковъ.

Ясно слышались крики: ура! ура! сливаясь съ топотомъ несущихся въ карьеръ лошадей.

— Наши выѣхали!.. навстрѣчу... Все какъ есть офицерство!—кричалъ Маслобойниковъ.

— Гляди, гляди, вонъ и солдатики бѣгутъ!.. эко валятъ какъ, конныхъ опережаютъ!..

Наталья Мартыновна, вся взволнованная, высунулась изъ-подъ навѣса арбы, приставила руку къ глазамъ отъ солнца и жадно всматривалась впередъ... Грудь ея порывисто дышала, глаза горѣли...

Эта женщина, въ тюркменской красной рубахѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ, чувствовала, что она, именно она виновница всей этой тревоги, всего этого оживленія. Она не выдержала болѣе и разрыдалась, прижимая къ сердцу своего ребенка... Но это были слезы веселыя, радостныя; такія слезы не искажаютъ лица, не придаютъ ему печальнаго, страдальческаго выраженія, а напротивъ того, еще болѣе усиливаютъ эффектъ веселой улыбки, какъ косыя струйки лѣтняго дождя усиливаютъ яркость свѣтящаго за ними солнышка.

— А вотъ мы посмотримъ, что скажетъ онъ завтра на барьерѣ!..—цѣдилъ сквозь зубы Сергѣй Николаевичъ, глядя на Головина, котораго онъ сразу замѣтилъ во главѣ выѣхавшей навстрѣчу кавалькады.

Джигитъ-посланецъ благополучно доскакалъ до русскаго лагеря подъ Чандыромъ, и прямо явился къ генералу. Вѣсть объ удачномъ набѣгѣ и его результатахъ мгновенно облетѣла весь лагерь. Все всполошилось и поднялось на ноги...

Пуговицынъ занятъ былъ въ это время дометываніемъ сто четвертой таліи, которая для него была необыкновенно счастлива; онъ убилъ уже третьяго валета и готовился прихлопнуть четвертаго; передъ нимъ накопилась уже порядочная кучка смятыхъ, засаленныхъ бумажекъ...

— Легче, братецъ!—недовольно произнесъ онъ, когда въ палатку влетѣлъ Кустиковъ и запыхавшись, чуть не опрокинувъ стола, не вскрикнулъ, а какъ-то выстрѣлилъ:

— Наталья Мартыновна здѣсь!..

— Что?—вытаращилъ глаза маіоръ...

Офицерство, забывъ разсчеты, выскочили стремительно вонъ, путаясь и спотыкаясь о палаточныя веревки...

— Везутъ, везутъ!—кричалъ подпоручикъ.—Джигитъ прискакалъ... везутъ... уже близко...

Внимательно посмотрѣлъ Пуговицынъ въ лицо Кустикову...

видитъ что-то похожее на правду... Прислушался, дѣйствительно, въ лагерѣ поднялась суматоха... слышенъ шумъ, лошадей сѣдлаютъ... Маіоръ снялъ свою фуражку, онъ даже въ палаткѣ сидѣлъ съ покрытою головою, и набожно перекрестился; потомъ крикнулъ:

— Архипъ, сѣдлать!

И, не спѣша, зашагалъ прямо къ палаткѣ своего пріятеля, хромого казака...

— Встревожатъ *его*,—размышлялъ маіоръ дорогою,—бухнутъ разомъ, а докторъ давеча говорилъ: «Боже сохрани всякое потрясеніе»... А какъ тутъ его уберечь?.. вѣдь вотъ встряхонутъ его, и здорово встряхонутъ... это вѣрно, какъ дважды два... Такъ и есть! ишь лупятъ прямо къ нему, шальные! Господа, господа, осторожнѣе, не сразу... надо подготовить сначала... да слушайте-же, эй!..

Но его никто не слушалъ. Человѣка четыре уже обогнали мѣшковатаго маіора и въ его глазахъ вскочили въ палатку Головина... Тамъ уже слышались восклицанія Кустикова, успѣвшаго опередить всѣхъ...

— Близко, совсѣмъ близко... — слышался его голосъ:— джигитъ говорилъ: идутъ скоро, сегодня должны быть... тамъ пыль видѣли... это они, навѣрное они...

Когда маіоръ вошелъ въ палатку, тамъ было такъ тѣсно, что трудно было даже повернуться. Головинъ, съ яркимъ, пятнистымъ румянцемъ на щекахъ, торопливо одѣвался и натягивалъ на свои ноги высокіе сапоги, но довольно неуспѣшно, слабыя руки не слушались и дрожали... На лбу больного проступили крупныя капли пота... Въ противоположность румянцу щекъ, лицо его было блѣдно, какъ полотно, глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ...

— Ты не волнуйся, голубчикъ... Эй, да помогите же ему одѣться!—говорилъ Пуговицынъ.—Ты не волнуйся-же, братъ, тебѣ очень вредно... ну, что толку?.. чего торопишься!.. Слава Богу нашли, ну и будь покоенъ...

— Сердце мое чуяло, сердце чуяло... — бормоталъ Головинъ. — Лошадь, ради Бога, лошадь!.. гнѣдого сѣдлайте, тотъ скачетъ лучше...

— Самъ ѣхать хочешь, что-ли? да гдѣ уже тебѣ!.. сиди и жди. Ну полно-же, что горячку порешь!..

— Мнѣ «гдѣ»? Да что я, издыхаю, что-ли?.. Я здоровъ! видишь: стою на ногахъ крѣпко. Я совсѣмъ здоровъ. Смотри!

И Головинъ такъ стиснулъ своею рукою руку Пуговицына, что тотъ невольно поморщился...

— Э-эхъ!.. — досадовалъ маіоръ. — И къ чему было ему говорить?.. Обрадовались!.. Вотъ глупость сдѣлали!.. Ну, Богъ съ тобою, тебя не удержишь. Постой, хоть я тебѣ сѣсть подсоблю. Казакъ, держи лошадь!.. Да что же мою не ведутъ, эй, вы тамъ черти, дьяволы! Проворнѣе!..

— Здѣсь, готово, ваше высокоблагородіе! — докладывалъ Архипъ, проталкиваясь впередъ и таща въ поводу упиравшуюся лошадь маіора.—Здѣсь! Пожалуйте. Извольте садиться.

— Ты хоть не скачи, поспѣемъ! — все еще уговаривалъ Головина Пуговицынъ.

А хромой казакъ, шатавшійся на ногахъ отъ слабости, словно преобразился, почувствовавъ подъ собою свое привычное сѣдло. Молодцовато сидѣлъ онъ на конѣ и уже несся въ карьеръ, опережая столпившуюся въ узкомъ проходѣ между бивуаками, общую кавалькаду.

И въ солдатскихъ рядахъ вѣсть о прибытіи Натальи Мартыновны надѣлала тоже не мало тревоги: оттуда уже бѣжали «бѣлыя рубахи», безъ шапокъ, кто какъ былъ, брали напрямикъ, перелѣзая черезъ изгороди, прыгая черезъ арыки, перебираясь гдѣ въ бродъ, гдѣ съ помощью рукъ, и не отставали отъ конныхъ.

— Ударь теперь на насъ тюркмены, въ этотъ переполохъ, ну, задали-бы они намъ чесу! — поговаривали между собою недовольные часовые и дежурные, недовольные ни тѣмъ безпорядкомъ, который они должны были бы предупредить по своей обязанности, ни тѣмъ, что эта проклятая обязанность удерживала ихъ самихъ отъ участія въ радостной встрѣчѣ своей «матушки-благодѣтельницы».

Вотъ эту то толпу пѣшихъ и конныхъ, такъ стремительно несущуюся впередъ, и встрѣтилъ казачій отрядъ, возвращавшійся со своего счастливаго набѣга, «*удачной рекогносцировки*».

XXIV. Рѣшеніе Натальи Мартыновны и результаты вызова Ровича.

И въ тотъ же вечеръ, въ палаткѣ Головина происходила слѣдующая сцена.

Хромой казакъ, выдержавъ такое страшное потрясеніе, совсѣмъ уже ему не по силамъ, лежалъ на постели, слабый, неподвижный, блѣдный какъ полотно, едва переводя чуть замѣтное дыханіе. Если бы кто взглянулъ на него въ эту минуту, тотъ бы навѣрное подумалъ, что видитъ передъ собою трупъ; но присмотрѣвшись пристальнѣй, съ должнымъ вниманіемъ, онъ могъ замѣтить, какъ много жизни сохранилось еще въ этихъ глазахъ, нѣжно устремленныхъ на сидѣвшую рядомъ, у постели, женщину... Но только эти глаза одни и говорили, они только и высказывали тѣ чувства, которыя переполнили душу больного и довели его до этого печальнаго состоянія.

Головинъ молчалъ, а какъ много хотѣлось ему говорить!.. Но онъ не говорилъ,—не потому, что языкъ его не въ силахъ былъ ворочаться въ пересохшемъ, воспаленномъ рту, а потому что въ ногахъ постели сидѣлъ еще человѣкъ, въ бѣломъ китель, изъ-подъ котораго выглядывала желтая, шелковая рубаха, съ докторскими погонами на широкихъ, нѣсколько приподнятыхъ плечахъ...

Этотъ человѣкъ чуть не сотый разъ повторялъ одну и ту же фразу: онъ произносилъ ее тотчасъ же, какъ только замѣчалъ въ больномъ желаніе воспользоваться своимъ языкомъ.

— Не смѣть говорить!..—повелѣвалъ докторъ,—только ротъ раскроете, чтобы болтать глупости, сейчасъ велю Натальѣ Мартыновнѣ выйти вонъ и не посѣщать васъ, впредь до моего на то докторскаго разрѣшенія... Поняли?..

А въ ту же минуту и рука Натальи Мартыновны нѣжно прикрывала ротъ больного и тотъ довольствовался въ такомъ случаѣ поцѣлуемъ этихъ тонкихъ, исхудалыхъ пальчиковъ.

На складномъ стулѣ посреди шалаша сидѣлъ Пуговицынъ, и тоже повторялъ все одну и ту же ободрительную фразу:

— Э, ничего! онъ у насъ будетъ молодцомъ... Вотъ поглядите, коли мы его въ мѣсяцъ не поставимъ на ноги... Вспомните тогда мои слова... какъ дважды два четыре...

Кустиковъ тоже пробрался въ палатку и ухитрился такъ

усѣсться, что могъ безъ труда прикладываться къ свободной рукѣ Натальи Мартыновны, что ему и не возбранялось, какъ присутствующими, такъ и самой той, кому эта рука принадлежала.

Подпругинъ и Маслобойниковъ, проходя мимо, то и дѣло навѣдывались въ палатку заглянуть, что тамъ дѣлается; а это было очень легко, ибо полы палатки, со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной, были приподняты для провѣтриванія.

У входа въ палатку стоялъ маіоръ Бирнапсъ, выхлопотавшій таки своему батальону право участвовать въ экспедиціи... Сосредоточенный и совершенно довольный собою, остзеецъ разставилъ ноги, засунулъ руки въ карманы и пускалъ изъ своей глиняной трубочки, которую онъ выдавалъ за пенковую необыкновеннаго качества, такія густыя, волнообразныя струи табачнаго дыма, что изъ-за нихъ совершенно невидимо было его широкое, красное лицо, обрамленное щетинистыми, желтоватыми бакенбардами.

Наталья Мартыновна переодѣлась уже изъ тюркменской рубахи въ свое собственное, сѣренькое платьице съ чернымъ фартукомъ и бѣлою полотняною накидкою, въ родѣ удлиненнаго пелерина. Ея одежда сбережена была Головинымъ и до сей минуты хранилась, какъ завѣтная святыня, въ его походныхъ чемоданахъ.

— Слушай-же,—говорила Наталья Мартыновна больному, положивъ свою руку на его потный и холодный лобъ: — я буду лѣчить тебя вмѣстѣ съ докторомъ: онъ будетъ лѣчить тѣло, а я твою душу—я хочу тебя вылѣчить и вылѣчу... для себя вылѣчу... Вѣдь я эгоистка, ты знаешь... Кромѣ тебя, дорогой мой, никто моимъ мужемъ не будетъ... такъ это ты и знай, а потому изволь выздоравливать...

— Э, ничего! онъ у насъ будетъ молодцомъ. Вотъ, поглядите-ка, какъ мы его въ мѣсяцъ на ноги поставимъ... Я посаженнымъ отцомъ буду... Такую свадьбу сыграемъ!..

— А я шаферомъ!—вылъ Кустиковъ.—Наталья Мартыновна, я у васъ шаферомъ буду... Вы никого кромѣ меня не берите въ шафера... да? не возьмете?..

— И какъ я на сей свадьбѣ буду напиваться... О, я буду напиваться!..—возгласилъ маіоръ Бирнапсъ, сквозь облако табачнаго дыма.

— Этимъ мы его пуще всякихъ лѣкарствъ поднимемъ,—говорилъ докторъ:—потому, если не поможетъ эта великая сила, то что же можетъ сдѣлать вся наша походная аптека? тьфу—одно слово! А впрочемъ, я все-таки принесу вамъ сегодня порошки и въ пузыркѣ одной весьма полезной дряни и все это вы аккуратно заставляйте его принимать, по инструкціи,—на ярлыкѣ означенной...

— Доживу-ли я?..—чуть слышно шепталъ больной.

— Тс!—закрывала Наталья Мартыновна ему ротъ, — ни слова!

— Молчать, а то сейчасъ выгоню всѣхъ безъ исключенія...

— Повиноваться господину доктору безпрекословно, какъ солдатъ своему генералу, ибо больной тотъ же солдатъ относительно доктора, я такъ полагаю...

— Да кончите ли вы вашу трубку? полную палатку дыму напустили,—прервала его разсужденія Наталья Мартыновна.

— Я ужъ оную окончилъ и кладу въ карманъ,—произнесъ маіоръ, укладывая въ карманъ всѣ принадлежности своего куренія.

— Вотъ бумага къ вашему высокоблагородію!—доложилъ солдатъ, вытянувшись въ струнку передъ палаткою и протягивая конвертъ.

— Отъ кого это?—спросилъ Пуговицынъ, принимая «эту бумагу».

— Отъ его высокоблагородія господина ротмистра Ровича.

— «Головину»,—произнесъ глубокомысленно маіоръ, — ну, братъ, извини, я за тебя распечатаю и прочитаю... Ого!..

Больному было не до писемъ въ эту минуту, отъ кого бы они ни были, и онъ не обратилъ даже вниманія на это послѣднее обстоятельство.

Пуговицынъ прочелъ и лице его даже передернуло отъ злости... Онъ протянулъ записку Ровича Бирнапсу, тотъ прочелъ, произнесъ: «хлыщъ и дубина» и передалъ Кустикову, тотъ тоже прочелъ и молча сунулъ бумажку въ руку доктора. Записка такимъ образомъ побывала у всѣхъ, за исключеніемъ именно того, кому она была адресована. Впрочемъ и Наталья Мартыновна чрезвычайно заинтересовалась ею, едва только замѣтила встревоженное, озлобленное выраженіе лица читавшихъ..

— Что тамъ?.. дайте сюда,—протянула она свою руку.

— А это до васъ, матушка, не касается,—безцеремонно отстранилъ ее Пуговицынъ и вышелъ изъ палатки, взявъ у доктора записку.

Записка эта была очень коротка, всего въ нѣсколько разгонистыхъ строчекъ, написанныхъ нервнымъ, нетвердымъ почеркомъ:

«Милостивый Государь!

«Всякія объясненія излишни... Вы сами должны убѣдиться, что дѣло между нами можетъ быть кончено только на барьерѣ... а потому, если вы не трусъ, я васъ буду ждать завтра, на разсвѣтѣ, за Чандырскою могилою, въ двухъ верстахъ отъ лагеря.

Ровичъ.

«У меня секундантовъ нѣтъ, можете явиться со своими— сколько бы ихъ ни было, это все равно».

Спустя полчаса, послѣ нѣкотораго совѣщанія между созванными по этому поводу офицерами, отвѣтъ былъ составленъ, написанъ и препровожденъ по назначенію. Въ этомъ отвѣтѣ, не менѣе краткомъ, какъ и самое письмо Ровича, значилось:

«Вы, милостивый государь, или совсѣмъ дуракъ, или пошлый нахалъ. Въ первомъ случаѣ да проститъ вамъ Богъ ваше убожество, а во второмъ вы заслуживаете просто-напросто быть высѣчены, во избѣжаніе чего и совѣтуемъ вамъ немедленно оставить отрядъ и убираться туда, откуда пожаловали.

Подписано: «По общей довѣренности, Пуговицынъ».

— Пойти и перестрѣлять ихъ всѣхъ, какъ собакъ!—рѣшилъ сгоряча Сергѣй Николаевичъ, прочитавши отвѣтъ на свой вызовъ, но потомъ сталъ соображать... Соображалъ долго, чуть не всю ночь, а къ утру пришелъ къ такимъ выводамъ: «связываться съ ними со всѣми неудобно по многимъ причинамъ... Тутъ, въ этихъ дикихъ мѣстахъ, при подобныхъ дикихъ, лишенныхъ цивилизаціи нравахъ, пожалуй и въ самомъ дѣлѣ выпорятъ... Дѣйствительно лучше уѣхать по-добру, по-здорову...» Кстати онъ замѣтилъ въ себѣ довольно утѣшительную перемѣну: его страстный пылъ къ Натальѣ Мартыновнѣ началъ вдругъ остывать, и чрезвычайно даже быстро... Итакъ, рѣшено! Записка, эта скандалезная, пасквильная записка, отвѣтъ Пуговицына, была немедленно сожжена, подвергнута пламени

спички, а денщикъ Ровича получилъ приказаніе укладывать господскіе чемоданы.

Оставалось только подать просьбу объ отпускѣ, получить его и отправляться. Къ тому же онъ получилъ еще вторую записку, отъ того же лица; въ ней обѣщались сохранить все дѣло въ тайнѣ, не разболтать о немъ и не компрометировать его, если онъ будетъ впредь вести себя прилично и не подастъ самъ къ тому повода. Эта вторая записка очень утѣшила и успокоила Сергѣя Николаевича, и онъ даже рѣшилъ, что хотя эти степные рыцари немножко и дики, но все-таки ничего, ребята добрые и зря не кусаются...

Въ отпускѣ Сергѣю Николаевичу отказано не было.

Эпилогъ.

Домикъ стараго пушкаря въ Чиназѣ оживился.

Давно уже, со смерти самого пушкаря, Мартына Федоровича Чижикова, а вслѣдъ засимъ его ворчаливой супруги, ставни безчисленныхъ оконъ этого домика были наглухо заперты, двери тоже; на замкахъ висѣли даже красныя сургучныя печати на шнурочкахъ, приложенныя властью, въ ожиданіи наслѣдниковъ...

Темно и сыро было внутри этого домика. Тонкіе какъ струйки, лучи солнечнаго свѣта прорывались иногда въ щели ставень и скользили эти лучи по стѣнамъ, покрытымъ паутиною, по угловатымъ выступамъ мебели, словно чахлами задернутой толстымъ слоемъ пыли... Сколько уже времени прошло, какъ ни одна нога не заходила сюда, ни одна рука, вооруженная щеткою, заботливо не прикасалась къ этой мебели... Запущено было все, покинуто, забыто...

Приволье мышамъ и крысамъ, раздолье паукамъ, заткавшимъ всѣ углы своею работою, протянувшимъ черезъ всѣ комнаты, съ печи на шкафъ, со шкафа на висячую лампочку, оттуда на горлышко забытой на окнѣ бутылки, оттуда опять въ уголъ, свои тонкія, колеблющіяся нити...

И вотъ, все это ожило разомъ, встрепенулось...

Двери распечатаны и стоятъ настежъ отворены, окна тоже... Свѣжій воздухъ стремительно врывается въ забытое жилище и свободно разгуливаетъ тамъ, тревожа отживающее свой

вѣкъ тряпье... Мебель вынесена на дворъ и заботливо тамъ выколачивается; двѣ бабы, подобравъ свои юбки къ поясу, напустили воды по щиколотку и бродятъ тамъ, съ тряпками и ведрами, стѣны штукатурятся вновь бѣлою какъ снѣгъ известкою...

И странно смотрятъ изъ щелей на всю эту суматоху сконфуженныя мыши, и думаютъ бѣдныя: «что это за безпорядки такіе, что за неумѣстныя, несвоевременныя реформы!.. то-ли дѣло было при насъ, въ наше старое, доброе время!..»

А пауки — тѣ уже, съ покорностью судьбѣ, давно выметены вмѣстѣ съ соромъ на дворъ, давно склеваны курами, а который уцѣлѣлъ—тоже не унываетъ: «что за бѣда! думаетъ:— чтобы я не нашелъ на Руси сорнаго мѣстечка, гдѣ опять могу какъ угодно раскидываться... вздоръ! земля наша велика и обильна... на нашъ пай хватитъ...»

Но тѣмъ, кто хлопоталъ объ очисткѣ домика стараго пушкаря, двумъ бабамъ и солдату, на помощь которому прислано было два казака изъ головинской сотни, не было никакого дѣла до разсужденія мышей и уцѣлѣвшихъ пауковъ... Они только одно знали, объ одномъ думали:

— Живо, ребята, живо!.. черезъ два дня господа пріѣдутъ изъ Ташкента, чтобы все готово было, безпремѣнно!

Вотъ они и спѣшили, и старались приготовить, освѣжить и очистить все къ пріѣзду господъ изъ Ташкента, а господа эти прибыли въ Ташкентъ изъ Казалинска, а въ Казалинскъ прибыли съ береговъ Аму, на пароходѣ «Перовскъ», по Аральскому морю...

Господа эти были Головинъ и его жена, Наталья Мартыновна съ сыномъ Петею.

Соединенныя силы доктора и любящей женщины взяли верхъ надъ болѣзнью хромого казака,—болѣзнью, гдѣ моральное разстройство и потрясеніе были главнѣйшею причиною... Спокойствіе, уходъ и ласка помогли природнымъ силамъ больного, поблекшія щеки загорѣлись свѣтлымъ, здоровымъ румянцемъ, окрѣпли силы и быстро зашагалъ счастливый паціентъ по дорогѣ къ выздоровленію.

Тамъ же, въ лагерѣ, была и веселая, хотя чрезвычайно простая по обстановкѣ, свадьба Головина съ Наташею... Срокъ службы хромого казака наступалъ—и онъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, счелъ лучшимъ остаться здѣсь, въ центральной

Азіи, гдѣ судьба послала ему счастье, нежели отправляться домой, къ себѣ на Яикъ, куда его, признаться, не тянуло вовсе. Мѣстомъ жительства избранъ былъ Чиназъ. Вотъ почему и поднялась такая тревога очистки и приведенія въ порядокъ забытаго домика стараго пушкаря.

Годъ тому назадъ, въ послѣднюю поѣздку мою въ центральную Азію, я былъ, между прочимъ, въ Чиназѣ, и навѣстилъ счастливую чету.

Домикъ стараго пушкаря просто невозможно было узнать, по крайней мѣрѣ очень трудно, настолько трудно, насколько трудно узнать дряхлую старушку, силою какихъ-нибудь таинственныхъ чаръ помолодѣвшую лѣтъ на пятьдесятъ.

Густыя массы вьющейся зелени заплели всѣ стѣны снаружи домика, и сквозь эту вырѣзную, изумрудную листву сверкали оконныя стекла и чистыя бѣлыя занавѣски. Палисадникъ пестрѣлъ яркими цвѣтами и зеленью, по усыпанному пескомъ, чисто-выметенному дворику прогуливались куры съ своимъ важнымъ пѣтухомъ-супругомъ, сытыя лошади ржали въ тѣнистыхъ конюшняхъ, вновь возведенныхъ хозяиномъ, любителемъ этихъ четвероногихъ.

Какимъ молодцомъ вышелъ на крыльцо, мнѣ навстрѣчу, самъ хозяинъ, такимъ, что любоваться надо! Статный, румяный, довольный и счастливый... кто бы могъ узнать въ этомъ богатырѣ прежняго больного, умиравшаго подъ гнетомъ предполагаемой, но не существовавшей впрочемъ, чахотки?! «Только нога-каналья все еще выдаетъ, говорилъ онъ,—безъ хромоты легонькой шагать не позволяетъ; ну, да это не бѣда! я вѣдь не пѣхотинецъ!..»

И Наталья Мартыновна сбросила съ себя наконецъ свой траурный, полумонашескій костюмъ сестры милосердія... похорошѣла еще больше, пополнѣла и...

Кажется, скоро Петя будетъ имѣть себѣ товарища своихъ игръ: брата или сестру,—пока неизвѣстно.

Остается только пожелать имъ всѣмъ тремъ и въ будущемъ такого же довольства и счастья, какимъ они пользуются въ настоящую минуту—«ибо, какъ говоритъ старая мораль, они этого вполнѣ заслуживаютъ».

И еще съ однимъ героемъ моего разсказа судьба столкнула меня вновь, и даже очень недавно, не дальше какъ нынѣшнею зимою, въ Петербургѣ.

Разъ какъ-то пришлось мнѣ завернуть къ Борелю поужинать. Тамъ, у одного изъ столовъ, покрытыхъ остатками роскошнаго ордеврa (такъ называютъ обыкновенно водочную подзакуску) сидѣли, если можно назвать эти позы сидѣньемъ, нѣсколько офицеровъ. Они ожидали заказаннаго ужина и пока разнообразили время веселою болтовнею, не лишенною ресторанно-милитарнаго остроумія...

— Да, господа, — продолжалъ одинъ изъ офицеровъ свой начатый разсказъ.—Да, это была любовь возвышенная, пылкая, полная самаго безкорыстнаго самоотвержинія...

— Ты бы ее сюда приволокъ, Сержъ!—раскачивался, сидя верхомъ на стулѣ, другой.

— Вотъ, нашелъ дурака! для степей она на безрыбьи еще куда ни шло... а сюда?! Ну что бы я дѣлалъ здѣсь съ этою «Гретхенъ», тѣмъ болѣе, что она выказала блестящія способности къ размноженію...

— Вѣрно!..—зарычалъ третій слушатель.—Господа, мѣсто! Омара волокутъ, омара-монстра, омара-колосса... Мѣсто!

— А потомъ пришлось мнѣ разсчитываться за мои донъ-жуановскія похожденія, — задумчиво говорилъ разсказчикъ, словно припоминая какія-нибудь непріятныя для него событія.

— Ихъ было шесть человѣкъ, я одинъ... Я предоставилъ имъ право стрѣлять первымъ. Я ждалъ... Шесть пистолетныхъ стволовъ были направлены противъ меня... Да, признаюсь откровенно, я не считаю себя трусомъ, но видѣть передъ своими глазами эти шесть зіяющихъ черныхъ точекъ — непріятно... Я вынулъ часы... Первый выстрѣлъ — пуля провизжала у самаго моего виска, второй—тоже, третій мимо, третьей пули я даже не слышалъ, четвертая взрыла песокъ и обдала меня пылью, пятая пронеслась, гдѣ-то надъ головою, шестая раздробила мой револьверъ.

— Господа!—сказалъ я,—это сама судьба щадитъ васъ! и показываю имъ мое исковерканное оружіе. — Надѣюсь, всѣ недоразумѣнія между нами теперь кончены. Тѣ ревутъ «ура, ура!», — бросились ко мнѣ, подняли на руки, принялись ка-

чать — пошлѣйшее обыкновеніе! — затѣмъ перепились, какъ свиньи, а я уѣхалъ въ Петербургъ, потому эта вся дичь, ей Богу, мнѣ надоѣла...

— И ты не врешь? — полюбопытствовалъ какой-то скептикъ.

Татаринъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ принесъ подносъ съ какими-то закрытыми кострюльками и господа принялись насыщать свои претендательные желудки.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Часть первая.

ГЛАВЫ.		СТР.
I.	„Двуногій волкъ“	3
II.	На добромъ мѣстѣ добрые люди	9
III.	Передъ грозою	13
IV.	„Заметались“	18
V.	Лагерь „бѣлыхъ рубахъ“	21
VI.	Плѣнный	25
VII.	Сестра милосердія	28
VIII.	Въ офицерскомъ кружкѣ	31
IX.	Тѣни	36
X.	Что разсказывалъ старый лауча Досщакъ своимъ товарищамъ	40
XI.	Переметка	48
XII.	Работники ограбленнаго каравана	53
XIII.	Доносъ	56
XIV.	„Атамкулъ“	58
XV.	Ката-джиль	65
XVI.	Печальное утро	72
XVII.	Въ разъѣздѣ	75
XVIII.	Выручка	79
XIX.	Ожиданіе	85
XX.	Корреспондентъ New York's Herald	88
XXI.	„Бѣлая рубаха“	94
XXII.	Слѣды	95
XXIII.	Адамъ-Крылганъ	95
XXIV.	Досщакъ и его бутылка	100
XXV.	На другихъ колодцахъ	103
XXVI.	„Сардыба-куль“ и „Учь-чучакъ“	107
XXVII.	Вѣсти	111
XXVIII.	Досщакъ лауча что-то замышляетъ	116
XXIX.	„Я — мать“	122

Часть вторая.

I.	Побѣгъ	127
II.	Внѣ русскаго лагеря	131
III.	Атамкулова курама	135
IV.	Разладъ	138
V.	Матъ-Мурадова ставка	141

ГЛАВЫ.	СТР.
VI. Гаремъ Муллы-Атамкула	148
VII. Сказка о ханѣ-женщинѣ	156
VIII. Провидѣніе	164
IX. Досщакъ лауча попался	169
X. Генеральское письмо	171
XI. Судъ и казнь	174
XII. Нѣсколько словъ о ханѣ и его подданныхъ	179
XIII. Опять въ офицерскомъ кружкѣ	181
XIV. Воспоминанія.—Старый знакомый	187
XV. Досщакъ и его багажъ	193
XVI. Суета и сборы	195
XVII. А что если?	202
XVIII. Нежданная-негаданная перекочевка	204
XIX. Враги	210
XX. Погромъ	212
XXI. Найдена	220
XXII. Самое непріятное и трудное положеніе	223
XXIII. Письмо Сергѣя Николаевича и отвѣтъ на него	233
XXIV. Рѣшеніе Натальи Мартыновны и результаты вызова Ровича	244
Эпилогъ	248

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ПОЛНЫЙ ТОМЪ ЖУРНАЛА

ПРИРОДА и ЛЮДИ

Мин. Нар. Пр. **РАЗРѢШЕНЪ** къ выпискѣ въ безпл. библ. и чит.

Съ безплатными за 1903 г. приложеніями:

12 КНИГЪ, свыше 2000 стран., СОЧИНЕНІЙ

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

Кн. 1. **Великая рѣка.** Очерки. Кн. 2 и 3. **Болотный миражъ.** Ром. Кн. 4. **Два разрыва.** Пов. Кн. 5. **У голубого моря.** Очерки. Кн. 6 и 7. **Скобелевъ.** Воспоминанія. Кн. 8. **Подъ горячимъ солнцемъ.** Очерки. Кн. 9. **Странники.** Повѣсть. Кн. 10. **На далекомъ окраинѣ.** Очерки. Кн. 11. **Случайныя встрѣчи.** Повѣсть. Кн. 12. **Въ захолустьяхъ.** Ром.

(Въ отдѣльной продажѣ стоятъ 9 рублей).

12 РОМАНОВЪ, свыше 2200 стран., съ 100 рисунк.

РАЙДЕРА-ХАГГАРДА.

(Въ отдѣльной продажѣ стоятъ 4 руб. 50 коп.).

Особ. Отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. народн. чит. и библ. а также въ учительск. библ. низш. учебн. зав., а равно могутъ быть пріобрѣтаемы по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ и въ ученич. библ. средн. учебн. зав.

ИЛЛЮСТР. ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

Сочиненіе всемірно извѣстнаго проф. русской исторіи **А. Г. Брикнера.** Роскошное изданіе большого формата, отпечатанное на плотной глазирован. бумагѣ, свыше 700 стр. съ 150 рисунками и портретами. Первое изданіе (А. С. Суворина) стоило 15 руб., а въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость и стоитъ до 25 руб.

Уч. Ком. Мин. Народн. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. старш. возр., библ. средн. учебн. зав., а равно въ безпл. нар. чит. и библ.; а также въ учит. библ. низш. учебн. зав.

и кромѣ того настольное иллюстрированное изданіе

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ

Поэма Вольфганга Гете.

Полн. перев. (безъ сокращ.) *М. Достоевскаго.* Съ 62 рис. худ. *Каульбаха.* Заграничное нѣмецкое изд. стоитъ около 30 р., русское—(А. Ф. Маркса)—12 р.

ЦѢНА за томъ «Природа и Люди» 1903 г. со всѣми выше перечисленными приложеніями **5** руб. безъ перес., съ перес. **7** руб. Желающіе имѣть журналъ и приложенія въ коленкоровыхъ переплетахъ доплачиваютъ: за переплетъ журнала „Природа и Люди“ 1 руб. за 4 пе епл. для 12 книгъ соч. В. И. Немировича-Данченко 1 руб. за 4 переплета для 12 книгъ соч. Райдера-Хаггарда 1 руб., за перепл. къ Исторіи Петра Великаго 50 к., за перепл. къ Рейнеке-Лисъ 75 к

Съ требованіями обращаться въ Книжный Складъ П. П. СОЙКИНА:
Спб., Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

ОСТАЛОСЬ ОГРАНИЧЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

ОСТАЛОСЬ ОГРАНИЧЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ ПОЛНЫЙ ТОМЪ ЖУРНАЛА

ПРИРОДА и ЛЮДИ

Съ безплатными за 1904 г. приложеніями:

18 КНИГЪ, свыше 3000 стран., СОЧИНЕНІЙ

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО

Кн. 1. Королева въ лохмотьяхъ. Ром. **Кн. 2 и 3. Подъ звонъ колоколовъ.** Ром. **Кн. 4. Святочные разсказы. Кн. 5 и 6. Горные орлы.** Истор. ром. **Кн. 7 и 8. Горе забытой крѣпости.** Ром. **Кн. 9. Кама, рѣка былыхъ легендъ.** Очерки. **Кн. 10 и 11. Уралъ.** Очерки. **Кн. 12. Соловки.** Воспомин. и разск. **Кн. 13. Женскій монастырь. Святыя горы. Кн. 14. Креотьянское царство. Часть I. Кн. 15. Креотьянское царство. Часть II. Кн. 16. Незамѣтные герои.** Повѣсть. **Кн. 17. Кулисы.** Ром. **Кн. 18. Городской голова.** Ром.

(Въ отдѣльной продажѣ стоятъ 15 руб.)

12 КНИГЪ 2,200 стран. **ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ**

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ:

БИБЛІОТЕКА РОМАНОВЪ.

Кн. 1. Царственный плѣнникъ. *А. Гопа.* **Кн. 2. Вулканъ и динамитъ.** *Поль д'Ивуа.* **Кн. 3. Неуловимый врагъ.** *Поль д'Ивуа.* **Кн. 4. Юные путешественники.** *Жюля Верна.* **Кн. 5. Герои Малахова кургана.** *А. Буссенара.* **Кн. 6. Западня любви.** *А. Марчмонта.* **Кн. 7. Подводное жилище.** *Маркса Пембертона.* **Кн. 8. Трагедія съ кораблемъ „Корооко“.** *Конанъ Дойля.* **Кн. 9. Отважные.** *Рудіарда Киплинга.* **Кн. 10. Гигантъ лазури.** *А. Лори.* **Кн. 11. Кровавое утро.** *Макса Пембертона.* **Кн. 12. Островъ д-ра Моро.** *Уэльса.*

(Въ отдѣльной продажѣ стоятъ 6 руб.)

ОПИСАНІЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

(СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ)

съ массою иллюстрацій, картинъ, рисунковъ и портретовъ

И ПРЕМІЕЮ

ВЪ ВИДѢ СЕНСАЦІОННОЙ ОПТИЧЕСКОЙ НОВИНКИ

СТЕРЕОБИХРОМОСКОПЪ

И КЪ НЕМУ

АЛЬБОМЪ КАРТИНЪ.

ОСТАЛОСЬ ОГРАНИЧЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

ОСТАЛОСЬ ОГРАНИЧЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Опредѣл. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. по начальному образ., утвержд. г. товарищемъ министра, постановлено: всѣ издан. въ 1904 г. прилож. и преміи къ журналу „Природа и Люди“ **РАЗРѢШИТЬ** къ обращ. въ безплатныхъ народн. читал. и библіот. за исключ. ром. „Кулисы“ (Журн. Мин. Нар. Пр. Апрѣль 1905 г.)

ЦѢНА за томъ «Природа и Люди» 1904 г. со всѣми выше перечисленными приложен. и преміею **5** руб. безъ перес., съ перес. **7** руб.

Желающіе имѣть журналъ и приложенія въ коленкоровыхъ переплетахъ доплачиваютъ: за переплетъ журнала „Природа и Люди“ 1 руб. за 5 перепл. для 18 книгъ соч. В. И. Немировича-Данченко 1 р. 50 к., за 4 переплета для 12 книгъ Библіотеки Романовъ 1 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Книжный Складъ П. П. СОЙКИНА:
Спб., Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

НЕДАВНЕЕ БЫЛОЕ.

Повѣсти и разсказы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Отремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 96, уг. Надежд.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 августа 1905 г.

Типографія П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

ВАРВАРА ЛѢПКО И ЕЯ СЕМЬЯ.

I.

Еще и не разсвѣло какъ слѣдуетъ, только золотая полоса разгораться начала на востокѣ и слабымъ силуетомъ вырисовывались на этой полосѣ далекія горы, а уже все селеніе поднялось на ноги; полный переполохъ, тоскливая тревога; никто еще не знаетъ путемъ, что случилось, чѣмъ кончится... Чуется только всѣмъ что-то недоброе: ряды висѣлицъ, такихъ, какъ мѣсяцъ тому назадъ, на Казанлыкской площади видали, невольно всѣмъ представляются...

Эфенди-Молла-Изединъ кончилъ свое земное существованіе...

Маленькій домъ, въ которомъ жилъ эфенди, отсюда не видѣнъ; только уголъ стѣны бѣлѣетъ изъ-за зелени, весь дворъ кругомъ обросъ густыми кустами, фруктовыми деревьями; старые, развѣсистые яворы всю крышу покрыли, изъ-за нихъ даже тонкой колонки минарета не видать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ десять тому назадъ, молніей раздробило самую его верхушку.

Съ одной стороны дворъ на самомъ краю крутого обрыва пришелся, отсюда и кошка къ нему не доберется, съ другой стороны покойный Молла велѣлъ глубокій ровъ подковою выкопать, двѣ недѣли тогда трудились болгаре надъ этимъ рвомъ, казалось Моллѣ, что недостаточно глубокъ и широкъ. Съ третьей стороны, откуда дорога подходила, тамъ каменная высокая стѣна была и ворота вѣчно запертые, а у воротъ караулка и въ караулкѣ четыре заптія жили, поочередно на часахъ стояли...

Шибко берегъ свою голову Молла Изединъ, безъ заптіевъ не выходилъ ни шагу; когда ѣздилъ куда, тоже бралъ съ собою конныхъ жандармовъ, да еще писалъ предварительно, куда ѣхалъ, чтобы ему экскортъ на дорогу выставляли.

Шибко должно быть замаранъ былъ хвостъ у Моллы, чуялъ онъ недобрый конецъ, вотъ и берегся, да должно быть плохо, не доберегся-таки и покончилъ, наконецъ, свое существованіе.

Годъ тому назадъ, какъ прибылъ Молла въ это селеніе. Пріѣхалъ онъ въ Казанлыкъ изъ самаго Стамбула. Въ Казанлыкѣ недолго жилъ, всего мѣсяцъ, судилъ по султанскому повелѣнію бунтовщиковъ: сто восемьдесятъ человѣкъ въ тюрьму запряталъ, двадцать одного повѣсилъ, а потомъ сюда перебрался онъ на жительство. Понравились Моллѣ эти мѣста, оттягалъ онъ этотъ домикъ со старою мечетью въ свою собственность и устроился въ немъ, какъ будто и вѣкъ здѣсь прожить сбирался... Покоится онъ въ сторонѣ, да въ затишьѣ, глазъ никому не мозолитъ, завистниковъ не размножаетъ, въ Порту отсюда не всякое ухо слово, не всякое дѣло дойдетъ... Разсчиталъ все это вѣрно эфенди, да судьба порвала разомъ всѣ его разсчеты.

Въ тѣ времена изъ Стамбула много наѣхало въ Болгарію разныхъ султанскихъ чиновниковъ—и большихъ, и малыхъ, на уселеніе постояннаго состава. Времена-то настали тяжелыя, все заговоры да бунты чудились пашамъ; аресты пошли ежедневные, на подсудимыхъ судей не хватало; опять же и разслѣдовать, разнюхивать, предварительныя и предупредительныя мѣры тоже принимать надо, усиленно и быстро карать усиленно и быстро развивающееся зло; на все это люди нужны были, и люди энергичные, свѣжіе, не то что старые кадіи и каймаканы, а настоящіе ревнители прочности престола падишахова. Вотъ въ числѣ такихъ же прибылъ сюда и Молла Изединъ, а до того былъ въ Стамбулѣ простымъ сверхштатнымъ писцомъ въ высокой Портѣ.

Пріѣхалъ сюда эфенди, устроился домомъ, укрылся въ немъ, завелъ заптіевъ, и пошелъ стараться... Началъ съ того, что въ третій разъ собралъ съ народа всѣ годовыя подати, не хотѣлъ провѣрить старыхъ квитанцій и счетовъ, а чтобы на чистоту было, потомъ новые налоги отъ себя постановилъ: на передѣлку своего дома единовременно сто лиръ, да на ре-

монтъ по пяти, на содержаніе команды по двадцати піастровъ ежедневно на каждаго, а продовольствіе на себя и на людей натурою чтобы шло. Особые списки составилъ тѣмъ, кто побогаче, сколько чего у кого въ этихъ спискахъ было у него обозначено. Сколько денегъ въ займы уже успѣлъ перебрать то у того, то у другого... Съ виду былъ тихій и ласковый, носилъ европейскую одежду, только феску красную; встрѣтится съ кѣмъ—раскланивался, улыбался, даже о здоровьѣ спрашивалъ, только глаза у него смотрѣли какъ-то особенно, не выдержишь, бывало, такого пристальнаго, такого прожигающаго насквозь взгляда, и долго потомъ, даже ночью, во снѣ глаза Моллы Изедина представляются...

Странныя вещи стали твориться въ селеніи и его окрестностяхъ съ тѣхъ поръ, какъ перебрался сюда Молла Изединъ, и творились эти вещи тихо, покойно, прилично такъ: ни палокъ, ни гвалту, ни публичныхъ пытокъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, ни арестовъ такихъ, чтобы съ шумомъ, со взломомъ дверей, а просто позоветъ Молла кого-нибудь къ себѣ въ гости (не пойти нельзя), поговоритъ съ нимъ, кофеемъ угоститъ, пошлетъ въ Казанлыкъ потомъ съ пакетамъ и жандарма дастъ въ проводники, а черезъ день-два слухъ доходитъ: повѣсили, молъ, бѣднягу.

Изединъ даже самъ соболѣзнуетъ, когда узнаетъ объ этомъ, семью навѣститъ, добро, что получше, къ себѣ на сохраненіе перетащитъ и печати новыя предварительно наложитъ.

Гаремъ себѣ завелъ, все изъ мѣстныхъ дѣвицъ, одну такъ даже замужнюю жену, заподозривъ, что ея мужъ въ горы ушелъ; и взялъ ее къ себѣ, не ради чего, а добра ей желая, чтобы избавить отъ суда и допросовъ, отъ тюрьмы и прочаго, такъ какъ, молъ, въ подозрѣніи она должна находиться въ сношеніяхъ съ бунтовщикомъ мужемъ. А мужъ и не думалъ бунтовать, просто по дѣламъ въ Габрово уѣхалъ недѣли на двѣ, а вернулся уже поздно, нѣтъ въ домѣ жены. Горячку пороль, жаловаться хотѣлъ, насилу убѣдили его друзья, чтобы лучше ужъ покорился и бросилъ дѣло, а то—того и гляди—пригласитъ его самого Молла Изединъ къ себѣ въ гости.

Онъ и пригласилъ его для переговоровъ, да поздно было: оскорбленный мужъ, Нопа Павловъ, ушелъ теперь уже дѣйствительно въ горы, пообѣщавъ даже скоро навѣдаться.

Былъ тоже одинъ, что ходилъ жаловаться въ Казанлыкъ на Моллу Изедина, да не дошелъ: подняли его на дорогѣ зарѣзаннымъ. Молла тогда строгое слѣдствіе произвелъ, по поводу этого убійства, и еще арестовалъ семерыхъ, якобы заподозрѣнныхъ...

Словно чума смертельная нивѣсть откуда нагрянула на селеніе и его окрестности. Затихло все, дышать вольно не смѣетъ... ни пѣсенъ не слыхать, ни громкаго говору, бродятъ всѣ, словно полумертвые, работа изъ рукъ валится, гнететъ дума тяжелая; всѣ другъ на друга подозрительно косятся. Семья Стефана Радоницы побросала и свой домъ, и сады, и добро все,—не выдержала—и въ темную ночь тайно ушла вся, слѣда даже по себѣ не оставила...

Попъ Михало грѣхъ смертный взялъ себѣ на душу, не выдержалъ, старый, тоски и тяжелаго предчувствія, въ умѣ помрачился и самъ у себя на воротахъ повѣсился...

Дурачекъ здѣсь былъ одинъ, мальчикъ, помѣшанный Станко, тотъ все по крышамъ лазилъ, «гдѣ горитъ?» у всѣхъ спрашивалъ; и разсказывалъ всѣмъ, какъ своими глазами видѣлъ онъ на небѣ овечку маленькую, бѣленькую, и та овечка большому волку горло перегрызла...

Пріѣзжалъ къ Моллѣ Изедину родственникъ его изъ Стамбула, прогостилъ два дня и уѣхалъ; съ нимъ эфенди шесть возовъ добра отправилъ, просилъ еще черезъ мѣсяцъ навѣдаться.

II.

Отперты настежъ ворота, заптіи не торчатъ у входа, а въ боковомъ сараѣ толкутся, подбѣгаютъ къ окну и заглядываютъ туда сквозь рѣшетку, да кулаками на селеніе грозятъ. Въ Казанлыкъ гонца угнали съ вѣстью о случившемся, и чиновника ждутъ теперь оттуда; половину, гдѣ женщины гаремныя, заперли снаружи и коломъ двери приперли. На дорогахъ часовыхъ поставили, чтобъ никто не ушелъ никуда, и объявили жителямъ, что только кто сунется, стрѣлять какъ собакъ будутъ...

Въ Кафанѣ, у помака Али Кадвелова, собралось десятка два народу, несмотря на такое раннее время, и толкуютъ о

случившимся; сюда забѣгалъ одинъ заптій Мустафа, пріятель хозяина кафаны, разсказалъ наскоро въ чемъ дѣло, отсюда и пошелъ слухъ по всему селенію...

Дѣло свершилось совершенно нежданное, негаданное, а теперь нашлись люди, которые говорили, будто бы они давно думали, что такъ и должно случиться, что Молла Изединъ-эфенди ничѣмъ другимъ и не могъ кончить, что даже обиды особенной отъ того не будетъ, потому и въ Казанлыкѣ на покойнаго эфенди послѣднее время косо смотрѣли. Пришлютъ, молъ, только на смѣну другого; хуже, молъ, не отыщутъ!..

Послѣднее, впрочемъ, говорилось тихо, шепотомъ, съ оглядкою... Неровенъ часъ, какъ скажется!

Страшно было открыто улицею итти,—такъ крадучись, у стѣнокъ, да задворками сходился народъ въ кафану помака Али Кадвелова, и чуть-чуть выглянуло изъ-за горъ солнце, порядкомъ сюда ужъ собралось народу.

— Это она еще ночью сдѣлала, а вовсе не утромъ,—въ десятый разъ сообщалъ Али Кадвеловъ.— И крика никакого никто не слышалъ... Она его зарѣзала, да прождала до утра, потомъ, какъ разсвѣтать начало, вышла, а у воротъ ее остановили,—погоди, молъ, справиться надо, позволитъ-ли эфенди тебя выпустить, можетъ ты самовольно ушла, воспользовалась, что заснулъ.—«Онъ спитъ что-ли?»—они у нея спрашиваютъ,—а она отвѣчаетъ: «спитъ...»

— Ахъ ты, Господи!

— Да, вотъ поди-жъ ты!—Да такимъ голосомъ сказала она это свое «спитъ», что Мустафа, заптій, даже отшатнулся, а другой, черный, тотъ говоритъ: «а въ чемъ это у тебя вся рубаха запачкана»?.. Засмѣялись всѣ, думали совсѣмъ не то, а какъ принесли огня,—ого, сколько крови! Нѣтъ, думаютъ, тутъ другимъ пахнетъ! бросились къ чиновнику, а онъ лежитъ,—ноги на диванѣ, а тѣло на полу, на коврѣ, горло перерѣзано; глаза ножемъ выковырены...

— Подлые, змѣиные глаза!—невытерпѣлъ кто-то изъ слушателей.

Призатихли всѣ и переглядываться начали, самъ кафеджи пріостановился разсказывать, глазами обвелъ публику.

— Поговаривать начинаютъ,—замѣтилъ онъ про себя, и продолжалъ разсказъ, помѣшивая въ котелкѣ съ кофейною гу-

щею.—Ты говоришь, утромъ... Нѣтъ, когда вошли,—Молла уже похолодѣлъ совсѣмъ и кровь вся у него выбѣжала, коверъ хоть выжми, лицо бѣлое какъ изъ мѣлу... Кто думаетъ, боролся, кто—будто соннаго зарѣзала; да гдѣ бороться, коли-бъ не соннаго, такъ все бы голосъ подалъ, на помощь позвалъ бы; недалеко вѣдь,—услыхали бы...

— Мустафа говорилъ вѣдь, что ночью храпъ странный слышали; въ самую полуночь.

— Да теперь многіе говорятъ, будто вздоръ. Дрыхли всѣ, небось, съ вечера нализались... Слышали!

— Вѣдь эдакая дѣвочка смирная! — вздохнулъ Савва — портной.

— Смирная... Съ виду смирна, а вся въ мать, только волосъ бѣлый, а чисто въ мать характеромъ.

— Помните, какъ вчера она еще на порогѣ стояла? какая красивая, нарядная! мать ей еще въ косу бусы вплетала... Кто бы могъ подумать!..

— Я бы эту самую мать притянулъ къ допросу... Съ ея вѣдома дѣло было, съ ея вѣдома, какъ Богъ святъ!

— А ты Бога свята къ такимъ рѣчамъ не примѣшивай!

Изъ толпы выдвинулся парень лѣтъ двадцати-пяти, въ бѣлой длинной рубахѣ, въ черной жилеткѣ, безрукавкѣ, широкимъ кожанымъ поясомъ подпоясанный, а за поясомъ рукоять ножа торчала. Это онъ-то и сказалъ, что невсегда слѣдуетъ Бога свята поминать, не ко всякому дѣлу.

— Ты что за человѣкъ?

— Сосѣдній. Тебѣ что за дѣло!? Твоихъ рѣчей послушаешь, такъ и впрямь подумать можно, что ты за зарѣзаннаго звѣря стоишь, а не за ту, что собою пожертвовала...

Всѣ отшатнулись отъ смѣльчака, многіе даже изъ кафаны бросились. Подошелъ къ парню старый Савва портной.

— Друже,—произнесъ онъ.—Уйди отсюда, не мути народъ! Кротость и покорность только и есть у насъ силы, на кротость только и надѣемся. Уйди, друже! молю тебя міромъ уйди. Каждое твое слово такое здѣшней головы будетъ стоить. У насъ и стѣны, и заборы, былинка всякая, уши и языкъ имѣютъ,—уйди!

— Уйду, когда надо будетъ,—угрюмо отвѣчалъ молодой

болгаринъ.—Я не къ вамъ! Я по своему дѣлу. Эй, хозяинъ, хлѣба давай. Мы четвертый день ничего не ѣли.

— Вотъ хлѣбъ! Бери самъ,—подъ носъ ссбѣ проворчалъ Али-Кадвеловъ, кивнувъ головою на хлѣбный ларь и отвернулся.

— Кабы вы не на кротость, а на что другое, поострѣе, надѣялись, тогда бы васъ не душили, какъ овецъ, сами бы могли за горло схватить кого слѣдуетъ,—говорилъ гайдукъ, накладывая въ мѣшокъ хлѣба.—Ну, прощайте, кроткіе, прощайте, бараны! Когда рѣзать васъ будутъ, орите громче, чтобы намъ въ горы слышно было, мы позабавимся... Прощайте!..

Кончилъ онъ, взвалилъ мѣшокъ на спину и пошелъ. И не гнался за нимъ никто, сторонились даже.

Черный заптій бѣжалъ ему какъ разъ навстрѣчу; болгаринъ мѣшокъ на землю положилъ, руку за поясъ сунулъ и ждетъ; заптій тоже за пистолетъ взялся, да бокомъ бокомъ, такъ и разминулись, не спуская глазъ другъ съ друга, вреда другъ другу не сдѣлавши.

Не любятъ волки трогать тѣхъ, кто зубы умѣетъ показывать.

III.

А гайдукъ, пройдя главную улицу, свернулъ влѣво узкимъ извилистымъ переулкомъ, и остановился шагахъ въ десяти отъ небольшого дома, съ высокою черепичною крышей, усѣянной разноперыми голубями.

Дверь снаружи заперта, окна ставнями заставлены, калитка тоже на запорѣ. Стучалъ, стучалъ гость, никто не отвѣчаетъ, никто на его призывъ не откликается... Перелѣзъ черезъ стѣнку, во дворъ, высадилъ плечомъ внутреннюю дверь... что-то зашуршало въ углу... слышно, что спрятаться пытается.

— Маришка, ты что-ли?

— Я,—отозвался дѣтскій голосокъ, видимо обрадованный знакомымъ звукомъ:—я, Марко, я... я думала...

— Мать гдѣ?

— Мамы нѣтъ... мама ушла... сестра Лена бѣду сдѣлала... мама туда ушла... сестра Лена...

— Знаю; бѣги къ матери; отыщи ее, сюда зови сейчасъ, а то не сюда, лучше за старую мельницу, гдѣ дубъ расколотый; на прежнее мѣсто зови, я тамъ дожидаться буду...

— Сестра Лена...—заплакала дѣвочка.

— Иди скорѣе... ждать, скажи,—некогда.

— Не убьютъ?..

— Некому здѣсь убивать... здѣсь тѣ... еще больше нежели ваши перетрусили; въ Казанлыкъ послали, оттуда нескоро толку дождутся!..

Дѣвочка робко выглянула на улицу, и, прижимаясь къ стѣнамъ, проворно засѣменила по камнямъ своими босыми ножками, а гайдукъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, проводилъ за уголъ глазами, и пошелъ кустами, по тропинкѣ, ведущей къ оврагу.

— Куда?!. назадъ!..—раздался надъ его головою голосъ, какъ только онъ вышелъ изъ чаши кустовъ на открытое мѣсто, какъ разъ подъ спускомъ.

Тамъ на верху появилась красная феска заптія и конецъ его карабина.

Марко шелъ, мелькомъ только взглянулъ на часоваго, не отвѣчая на окликъ.

— Стрѣлять буду... вернись!

«А стрѣляй на доброе здоровье», подумалъ гайдукъ, подумалъ—и тотчасъ-же услыхалъ унылый свистъ пули надъ головой и сухую щелкотню свинца по влажнымъ отъ утренней росы вѣтвямъ деревьевъ.

Гулко прокатился въ свѣжемъ воздухѣ ружейный выстрѣлъ; еще больше переполоху надѣлалъ онъ въ селеніи: подумали-было уже, не войско-ли идетъ сюда изъ города... Даже заптіи во дворѣ зарѣзаннаго эфенди ободрились, полѣзли даже на минаретъ, смотрѣть оттуда, не видать-ли чего по казанлыкской дорогѣ...

А въ Казанлыкѣ не очень-то торопились «распоряженіемъ».

Прискакалъ гонецъ съ вѣстью о совершенномъ преступленіи около полудня; жара страшная; начальство все поразсѣвалось и въ тѣнь попряталось; ставни и жалузи заперты были, въ конакѣ пусто, канцелярія хотя и отперта, да въ ней только писцы въ кости играютъ. Каймакамъ въ баню къ себѣ пошелъ, и тамъ на мраморныхъ плитахъ, окутанный мокрыми

простынями, нѣжится. Получилъ отъ старшаго заптія донесеніе и ухомъ не повелъ, часъ еще послѣ того нѣжился, кофе пилъ, кальяномъ затягивался, а потомъ на женскую половину отдыхать ушелъ, дѣла до вечера отложилъ, когда прохладнѣе станетъ и прочее начальство соберется. Не безпокоить же въ такой жаръ именитыхъ сановниковъ изъ-за малости! А малость эта такова была, что не только не встревожила слишкомъ казанлыкское начальство, а еще въ тайнѣ порадовала многихъ, и причины этой тайной радости были весьма основательны.

Покойный былъ не изъ своихъ, онъ былъ константинопольская креатура; онъ имѣлъ тамъ руку, и даже довольно сильную; его побаивались здѣсь, но относились далеко не дружелюбно.

Эфенди Изединъ ни съ кѣмъ не дѣлился изъ здѣшнихъ, здѣшніе даже пытались столкнуть его съ мѣста, доносы писали въ Стамбулъ, да изъ доносовъ этихъ проку не выходило никакого. Прочно сидѣлъ на мѣстѣ молла эфенди Изединъ; не удавалось здѣшнимъ посадить другаго, изъ своихъ, на это мѣсто, а тутъ, слава Аллаху, сама судьба за нихъ постаралась!

Одно только, что, молъ, принципъ самый страдаетъ,— нельзя допустить безнаказанности подобныхъ выходокъ; иначе, съ легкой руки какой-нибудь фанатизированной дѣвчонки, и ихъ собственныя горла пострадать могутъ. Ну, да зачѣмъ-же и оставлять преступленіе безнаказаннымъ, только особенно торопиться возмездіемъ незачѣмъ... Будь это возстаніе, бунтъ,— ну, дѣло другаго рода, нетерпящее отлагательства, а то, просто, гаремный эпизодъ... обидѣлась дѣвочка, ну и...

Сочувствіе даже возбудила эта дѣвочка въ здѣшнихъ властяхъ; повѣсить-то ее слѣдуетъ, повѣсить—наинепремѣннѣйшимъ образомъ, а все-таки и донести въ Стамбулъ слѣдуетъ, а донести въ такомъ духѣ: превышеніе власти, чрезмѣрная жестокость къ населенію, жадность къ быстрому обогащенію,— самое убійство ничто иное какъ результатъ полнаго отчаянія, и прочее, и проч., въ такомъ-же родѣ...

Вотъ, молъ, тебѣ, подлецу! Не умѣлъ дѣлиться съ нами! не совладали мы съ тобою при жизни, такъ хоть по смерти напакостимъ.

Въ донесеніи старшаго заптія-чауша значится, что преступница схвачена на мѣстѣ преступленія и арестована, значитъ—не уйдетъ отъ висѣлицы, а можетъ быть еще, да и навѣрное даже, красавица, такъ и позабавиться можно будетъ. Куда-же торопиться дѣломъ! Особенно въ такую жару, когда и рука не поднимается, чтобы за него браться...

Такъ, а можетъ быть и несовсѣмъ такъ, а въ такомъ только родѣ, думали власти казанлыкскія, и собрались они уже поздно вечеромъ, когда солнце садилось, обсуждать дѣла; собрались въ очень веселомъ расположеніи духа.

Протянули дѣло до ночи, вечеромъ больше о покойномъ толковали, недобромъ его поминали, а не о самомъ дѣлѣ, до другаго дня отложили; да уже на другой день послали чиновника слѣдствіе произвести, и привезти сюда въ городъ преступницу, а, буде найдутся, и соучастниковъ въ преступленіи.

А тѣмъ временемъ, въ селеніи чаушъ-заптій и его команда не знали, что дѣлать, какъ дальше поступить. Съ преступницею-то они уже устроились, заперли, связавъ предварительно, въ погребъ, и все ходили къ ней навѣдаться, все-ли въ порядкѣ. Къ гарему стражу приставили, чтобы не разбѣжались чего добраго жены овдовѣвшія. Никто особенно не горевалъ по убитомъ, кромѣ его слуги-грека, изъ Константинополя вмѣстѣ съ господиномъ прибывшаго; тотъ волосы на себѣ рвалъ отъ горя, вылъ на весь дворъ и посылалъ градъ проклятій на поганую райю. Онъ все требовалъ, чтобы немедленно зажечь со всѣхъ концовъ селеніе, всѣхъ перерѣзать, а съ самой преступницы кожу содрать заживо. Заптіи, конечно, не слушали подобныхъ приказаній и ждали настоящаго распоряженія отъ начальства.

Двое часовыхъ, что стояли на выходахъ изъ селенія, сами бросили свои посты и домой вернулись. Они рѣшили, что стоять тамъ въ одиночку небезопасно, пожалуй, еще тоже подрѣжутъ, да и люди будто-бы подозрительные показались поблизости; одинъ такъ даже въ селеніе приходилъ... Опасно, значитъ, а тутъ въ укрѣпленномъ дворѣ отлично, тутъ ихъ хоть и немного, а все-таки постоять могутъ, въ случаѣ чего поддержаться.

Страхъ, навѣянный первою вѣстью о случившемся мало по малу проходилъ; возмездіе, ожидаемое съ минуты на ми-

нуту, опоздало и утратило свое обаяніе, самый трупъ зарѣзаннаго не внушалъ жителямъ уже того тягостнаго, томительнаго ужаса, какъ живой молла Изединъ; у двора даже стали любопытные показываться и просились у заптіевъ взглянуть на тѣло.

Тутъ же по близости двора, со стороны оврага, въ кустахъ, сидѣла высокая, худощавая женщина, прикрытая чадрою. Она давно уже тутъ находилась. Неподвижно, словно изваяніе, а не живое существо, сидѣла она, опустивъ на колѣни свою голову. Ни стономъ, ни единою слезинкой не выдавала она своего великаго горя...

Это была мать убійцы, Варвара Лѣпко, мать, ожидающая участи своей преступной дочери.

Тутъ въ оврагѣ, у подножія крутаго обрыва, надъ которымъ возвышались стѣны «волчьяго гнѣзда», и нашла ее вторая ея дочь, маленькая дѣвочка Мариша.

IV.

Очень недавно, году еще не прошло съ того времени, какъ домъ Лѣпко лучшимъ домомъ считался въ селеніи.

Самъ старикъ, мужъ Варвары, розовымъ масломъ торговалъ, подряды даже бралъ небольшіе и погибъ онъ изъ-за этихъ подрядовъ. Деньги ему должны были въ Стамбулѣ, часть выслали оттуда чрезъ мѣстное начальство, а зарѣзанный эфенди задержалъ эту сумму. Вышла у него ссора съ старикомъ изъза этого. Старый Лѣпко на свою правоту, да на своихъ друзей надѣялся, а молла Изединъ на свою силу. Одолѣлъ молла.

Заподозрили старика въ сношеніяхъ съ партіей инсургентовъ въ горахъ (тогда только-что начали показываться крохотные отряды недовольныхъ), а заподозрить нетрудно было: его собственный, старшій сынъ, Петко, ни вѣсть куда исчезъ. Куда же, какъ не въ горы! Таскали, таскали старика по тюрьмамъ, отъ семьи всѣ земли отобрали, домъ на большой улицѣ; оставили только крохотную лачугу въ переулочкѣ, куда и перебралась Варвара съ своими дочерьми: старшей Еленой, лѣтъ шестнадцати, первою красавицей въ околоткѣ, и семилѣтнею чернушкою Маришею.

Старый не выдержалъ гнилого осторожнаго житья, не вы-

держалъ пытокъ, которыми угощали его два раза въ недѣлю, разъ, такъ даже въ присутствіи жены и обѣихъ дочерей. Все выпытывали, гдѣ его сынъ Петко, и когда втихомолку домой навѣдывается? Погасли послѣднія силы стариковскія и умеръ онъ, не проронивъ о сынѣ ни слова.

Тѣла его даже молла Изединъ не выдалъ семьѣ, потребовалъ выкупу, да Варвара не дала, нечего теперь давать-то было...

Въ семьѣ Лѣпко еще одинъ сынъ былъ, годомъ старше сестры своей Лены; этотъ сынъ давно уже былъ предметомъ великой материнской скорби, угрюмаго, безмолвнаго гнѣва отца, полнаго презрѣнія красавицы-сестры и широкоплечаго брата Петко... Только одна Маришка ничего такого враждебнаго къ своему брату не чувствовала; она даже залюбовалась имъ, когда увидала его разъ, проѣздомъ въ свитѣ тырновскаго паши... Ѣхалъ ея братъ Коста верхомъ, на маленькомъ темносѣромъ жеребчикѣ, красавецъ такой, волосы черные, змѣями вьются изъ-подъ красной фески съ золотою длинною кистью; на плечахъ куртка, рукава, откидные, по малиновому бархату золотомъ шитыя, грудь вся, словно огнемъ, галунами залита. На поясѣ чего-чего нѣтъ, и все изъ серебра чеканеннаго. Бѣлая фустанелла тонкая, безчисленными складками съ крутыхъ, женственныхъ бедеръ спускается, за плечомъ на перевязи короткое ружье англійское. Всѣ остальные вершники, что съ нимъ ѣхали, такъ передъ Костою словно воронье передъ фазаномъ,— смотрѣть не на что!

Коста прежде служилъ мальчикомъ-приказчикомъ въ лавкѣ, въ Тырновѣ, у дяди своего, да его сманилъ паша Дервишъ къ себѣ въ личное услуженіе; мальчикъ и соблазнился подарками, конемъ, да одеждою цвѣтною... Писалъ ему отецъ, чтобъ бросилъ дѣло, мать сама на выручку ѣздила, да ничего подѣлать не могла; паша Дервишъ говоритъ: «какъ онъ самъ хочетъ, я не неволю», а самъ подсмѣивается себѣ въ сѣдую бороду. Коста говоритъ: «на то воля его превосходительства, а, впрочемъ, мнѣ и здѣсь очень прекрасно»... Такъ и бросили.

Послѣ доходили слухи до семьи, будто бы Коста хвасталъ передъ пашою, какая у него сестра Лена подростаетъ красавица. Тогда Варвара цѣлыхъ два мѣсяца прятала свою старшую дочь: неровенъ часъ, пришлютъ отъ паши за сестрою, по наущенію брата-предателя...

Когда стараго Лѣпко арестовали, Варвара еще разъ ходила въ Тырново, у подлеца сына руки цѣловала, умаливала, чтобы тотъ пашу упросилъ заступиться. «Ты, говорила она, у паши Дервиша силу взялъ большую; Богъ уже тебя судить будетъ за это, уменьши же свой грѣхъ, употреби съ пользою хоть разъ силу эту, упроси за отца». А тотъ въ отвѣтъ:

— То вы меня хуже собаки по околотку ославили, то сами приходите лизаться; коли-бъ старый батька мой хорошимъ подданнымъ его величества падишаха былъ, такъ бы ничего худого ему и не было, а я бунтовщикамъ не заступа.

Это онъ про своего отца-то въ глаза матери сказать осмѣлился... Та бы навѣрное ему тутъ же на мѣстѣ зубами горло перегрызла, когтями очи его красивыя, бабьи,—выцарапала-бы, да ужъ очень сильно повліяла на нее рѣчь отступника, памяти лишила, сознанія,—и вынесли ея заптіи, какъ кулекъ на улицу.

А послѣ слухи дошли, что Коста уже не Коста теперь, а Селимъ называется, по мусульманскому закону обрѣзанъ, только кудри его черныя остались, вопреки закону, не сбритыми; красы ради, паша приказалъ оставить. Старшій мулла тоже разрѣшилъ. Говоритъ:—Ради исключенія можно,—до полной возмужалости.

Старшій братъ Петко, когда въ горы уходилъ, прощался съ матерью, та и слезинки не проронила.

— Давно пора!—говоритъ,—я тебѣ не намекала, все ждала, когда самъ скажешься. Ну, спасибо, утѣшилъ старуху. Заслужи передъ Богомъ и за себя, и за своего брата, окаяннаго. Съ Богомъ!

Благословила она его своимъ крестомъ шейнымъ, благословила и товарища его Марко изъ сосѣдняго села и до ущелья проводила; вернулась домой и, глядя на дочерей, вздохнула и тихо произнесла, словно про себя:

— Эхъ, какъ бы вы тоже обѣ, да не дѣвками, а парнями родились, пригодиѣе были бы по настоящему времени.

Маришка маленькая, глупая, та и не поняла путемъ намека, та промолчала, а старшая, Лена, не полѣзла въ карманъ за словомъ:

— Съумѣю и я пригодиться, жду только, когда мой собственный часъ настанетъ...

Пытливо поглядѣла на нее мать, а та спокойно выдержала материнскій взглядъ.

— Небось,—говоритъ,—такого, за что не похвалишь, не сдѣлаю...

Тогда уже царилъ въ ихъ околодкѣ молла Изединъ-эфенди, уже не дышалось никому такъ свободно, какъ прежде; что не восходъ солнца, то все новое и новое горе рождалось, къ каждой росѣ вечерней новыя и новыя слезы прибывали; и плакало все живое этими неслышными, боязливыми слезами.

Красавица Лена одна только ходила веселая, только ея пѣсня и слышалась по временамъ. Да смѣлая какая была она: другія дѣвки прячутся, а она сама на глаза эфенди Изедина выставляется... Встрѣтилъ онъ ее разъ, базаромъ проѣзжая, селямъ сдѣлалъ и даже улыбнулся ласково, и та улыбнулась въ отвѣтъ... Видѣли разъ, какъ подъ вечеръ разговаривала съ Изединомъ; тотъ на конѣ сидѣлъ, заптіевъ подальше отослалъ, а она черезъ заборъ на него смотритъ. Тотъ ее даже по головѣ погладилъ и розу изъ ея вѣнка вытянулъ.

Стали поговаривать всѣ: «пойдетъ, молъ, дѣвка подлая, по той же дорогѣ, какъ и братъ ея Коста». Даже самую Варвару и ту стало брать недоброе сомнѣніе.

Повела она разъ разговоръ по душѣ съ дочерью, исподоволь начала, а послѣ разгорѣлась, все ей высказала и строго, передъ крестомъ правдиваго отвѣта потребовала.

Та слушала молча, серьезно, поддакивала кивкомъ головы даже, а потомъ улыбнулась, свѣтло, такъ привѣтно и сама отвѣтную рѣчь повела.

— Мамо, мамо, какая ты, старая, разумная, а такого дѣла не понимаешь. Вѣдь коли-бы я пряталась, да отъ этого звѣря сторонилась, чтоже бы хорошаго вышло? Ужъ онъ давно обо мнѣ все развѣдалъ; развѣ оставилъ бы онъ меня въ покоѣ?.. Замужнія жены отъ его глазъ не уходили, не то что дѣвка, да еще изъ семьи опальной. Ну, схватили бы не нарокомъ, силою заперли бы какъ овцу въ гаремъ съ прочими, насыщались бы мною въ сласть... и терпи я всю жизнь, безсильная, опозоренная!.. А теперь не то... Несладка легкая, подневольная любовница, сладка та, что своею идетъ охотою, не гаремною женою владѣетъ господинъ, а у вольной самъ господинъ рабомъ, самъ ждать будетъ, когда ему улыбнутся ласково. Вотъ и Изединъ теперь ждетъ меня и долго ждать можетъ и никому пальцемъ до меня не позволитъ дотронуться.

Самъ меня сторожитъ отъ себя же. Не пересмѣивайся съ нимъ, не держи себя ласково, давно бы мнѣ быть у него въ клѣткѣ, а теперь, сама видишь, я еще вольная, на свободѣ хожу и дѣло свое могу вдосталь обдумать... Ты скажешь, можетъ, что бѣжать можно за время... Можно-то можно, только нелегко это, да и душа моя побѣгу не снесетъ. Бѣжать то всякая можетъ, а не такое теперь время; теперь надо не отъ общей бѣды, а противъ нея стоять, не свое горло подъ ножъ класть, а самой наровить схватить за вражье горло... вотъ что... Вотъ и пускай ждетъ Изединъ отъ меня такой ласки...

— И дождется?!— не то рѣшила, не то спросила только у дочери старая Варвара.

— И дождется,—произнесла Лена.

А у самой губы передернуло, лицо изъ красиваго страшное такое стало, блѣдное; сестра Мариша даже закричала со страху, когда это лицо увидала.

Черезъ недѣлю, ровно черезъ недѣлю, послѣ этого разговора, Янко-дурачекъ свой сонъ вѣщій видѣлъ и разсказывалъ всѣмъ, кого встрѣтилъ на улицѣ.

А скоро послѣ того и свершилась катастрофа во дворѣ моллы Изедина-эфенди.

V.

Мариша пробралась по самому днищу оврага, боязливо поглядывая вверхъ; она еще издали замѣтила свою мать, подбѣжала и тронула ее за плечо.

Варвара вздрогнула и подняла голову.

По исхудалому, когда то красивому, теперь мертвенно-строгому лицу старухи текли слезы.

— Мама, Марко пришелъ, онъ тебя у дуба дожидается, говоритъ—видѣть надо очень велѣлъ, сейчасъ итти.

— Марко!

Лицо Варвары Лѣпко словно прояснилось немного. Она даже сдѣлала попытку встать, но снова опустилась и отрицательно покачала головою.

— Никуда я не уйду! отсюда,— произнесла она глухимъ голосомъ...—Чу... Слышишь?

И мать, и ея малютка-дочь внимательно стали прислушиваться.

Тамъ наверху ходили люди. Слышно было какъ тяжело ступали по каменистой тропинкѣ ихъ ноги; мелкіе камешки, песокъ, по временамъ осыпались оттуда, и рикошетируя скатывались внизъ, звякала жандармская сабля о камень, доносились голоса. .

Онѣ обѣ сидѣли за выдающимся камнемъ. Развѣсистый кустъ ивняка, пустившаго свои безконечные корни въ самую воду ручья, бѣгущаго по днищу, совсѣмъ скрывали ихъ отъ взоровъ тѣхъ, кто ходилъ по гребню. Иногда голоса слышались отчетливо, ясно, и затѣмъ тѣ же голоса доносились уже глухо и совсѣмъ пропадали, смѣняясь новыми голосами. Говорившіе люди проходили тропинкою, входили подъ ворота двора. Женскій плачъ чуть слышно выдѣлялся въ этомъ говорѣ: Варвара чутко прислушивалась именно къ этому слабому звуку и тоскливо шептала.

— Не она, нѣтъ, не она... Лена моя, дочь моя родная, любимая.

— Мама, тебя Марко ждетъ.

— Не пойду отсюда. Скажи Марко, пускай выручаетъ невѣсту, если настоящимъ воиномъ себя считаетъ. Не пойду я отсюда.

Маринка не знала, что ей дальше дѣлать: здѣсь ли сидѣть съ матерью: домой ли бѣжать и опять спрятаться за печку, итти ли самой къ дуплистому дубу? Дѣвочка съ недоумѣніемъ глядѣла на мать, взглядывала наверхъ, перебѣгала своими испуганными растерянными глазенками по сторонамъ и только робко жалась къ Варварѣ, особенно, когда уже слишкомъ громко заговорятъ тамъ наверху эти с т р а ш н ы е люди.

— Ну, веди меня къ Марко!—неожиданно совершенно заговорила послѣ долгаго молчанія старуха и поднялась на ноги.

Она уже не плакала теперь, она бодро зашагала по тропинкѣ, зная хорошо дорогу; дѣвочка едва поспѣвала за нею, спотыкалась о камни, путаясь ноженками въ высокой травѣ.

Марко давно уже сидѣлъ подъ дубомъ, ожидая Варвары, здѣсь въ дуплѣ у него спрятано было длинное кремневое ружье; ятаганъ, пистолеты и сумка съ патронами. Неладно было показаться на селѣ во всеоружіи, онъ его тутъ оставилъ.

— Здравствуй, мать! — поклонился онъ въ поясъ старой женщинѣ.

— Здравствуй, сынъ!—отвѣчала та.

— Не привелъ Богъ настоящимъ сыномъ сдѣлаться,—произнесъ гайдукъ.

— У Бога милости много, можетъ...

— Нѣтъ, они ея въ живыхъ не оставятъ, можетъ и не оставили уже.

Помолчали съ минуту.

— Какія вѣсти? отчего Петко не пришелъ, матери не провѣдалъ?—спросила Варвара.

— Петко теперь за воеводу у насъ на мѣсто убитаго попа Милло.

Глаза старухи блеснули удовлетворительною гордостью при этихъ словахъ, она даже выпрямилась станомъ.

— А вѣсти хуже,—продолжалъ гайдукъ.—Изъ Габрова полтора табора на насъ выслали, мы не устояли, много народу легло, назадъ насъ отбросили, и изъ Медвѣжьяго лога выбили. Убыль у насъ великая, прибыли нѣту. Видно, насталъ конецъ землѣ Болгарской.

— Нескоро настанетъ.

— Мы всю ночь ту шли, день прятались, эту ночь тоже шли, мы теперь тутъ близко лежимъ, два сата и пулъ*) не будетъ; мало насъ — тридцати ружей нѣту... хворые есть межъ нами, раненые тоже... Петко меня сюда послалъ вывѣдать, стоятъ ли здѣсь низамы, или нѣтъ. Тебя велѣлъ провѣдать... Сестру Лену... И пришелъ я, къ Кадвелову захожу, въ кафану, слышу... Вотъ оно, что случилось!

Грустно, тяжело было Марко. По лицу его было видно, что испытывалъ гайдукъ, разсказывая свои дѣла Варварѣ.

— Выручки нѣтъ намъ ни откуда и помощи нѣтъ... Дошли слухи изъ подъ Шумлы: тамъ тоже нашихъ разбили, сто два человѣка въ плѣнъ взяли и повѣсили; скоро и нашъ конецъ придетъ... Только порѣшили мы всѣ, и Петко, на своемъ крестѣ, на томъ самомъ, что ты ему дала, клятву взялъ съ насъ со всѣхъ, живьемъ не отдаваться, всѣмъ лечь до единаго, а передъ смертію такого нагнать туркамъ страху, чтобы долго послѣ не забывали.

— И умирайте...

---

*) Два часа съ половиною ходу.

— Чтоже, помремъ. Времена такія пришли, что жить не стоитъ... Сербовъ побили турки, до Черныхъ горъ далеко, князю Николѣ не до насъ, изъ Россіи не идетъ войско на выручку, не слыхать ничего оттуда... И въ правду, что намъ болгарамъ умирать надо...

— И умирайте...

— Да что ты все: «умирайте», да «умирайте!» Ты говори толкомъ, много ли здѣсь силы турецкой?

— Гдѣ здѣсь? Въ Казанлыкѣ много, мало ли войскъ у султана; вездѣ разставлено; здѣсь вотъ въ селѣ у насъ нѣту, здѣсь чаушъ съ заптіями, девять человѣкъ; ну, да такъ, сброду наберется человѣкъ съ двадцать, вотъ и вся здѣшняя сила... Выручи Лену, хоть тѣло ея изъ поганыхъ рукъ выручи. Бѣги къ Петко, скажи все; онъ вѣдь... Выручите, сынки мои... Тамъ дальше, что будетъ, то будетъ, а хоть бы разъ [illegible]лянуть на нее...

Колѣна у старой Варвары сами собой подгибаться начали, опустилась она...

— Что ты, что ты, мамо!—подхватилъ ее Марко сильною рукою, и посадилъ бережно у дуба.

А Мариша тоже куксить начала; сама толкомъ ничего не понимаетъ, а лепечетъ сквозь слезы за матерью: — «выручи, да выручи, сестрицу... Ее бьютъ тамъ турки,—жгутъ огнемъ, можетъ, кожу заживо сдираютъ».

— Не можно мнѣ вѣрный отвѣтъ держать, — произнесъ Марко,—не мое то,—воеводское дѣло. Какъ Петко повелитъ, такъ и сдѣлаемъ. Я пойду скажу воеводѣ, а вы сидите. Два сата и пулъ отсюда, къ ночи можетъ и сюда поспѣемъ. Богу молитесь и ждите...

— Ступай же! — махнула рукою старая Варвара Лѣпко. Иди скорѣе до своего воеводы.

— Прощай!

Ушелъ Марко, захвативъ съ собою свою аммуницію, а Варвара услала дочь домой, а сама опять пошла на прежнее мѣсто въ оврагъ, подъ кручу... Пришла, а тамъ Янко-дурачекъ сидитъ, пѣсни поетъ и вѣнокъ плететъ изъ розъ, да изъ бѣлой ромашки.

— Покойницѣ овечкѣ на головку!—залепеталъ онъ, когда завидѣлъ Варвару.—Покойницѣ овечкѣ на головку. Овечка волка

зарѣзала, овечку другіе волки съѣли, головку только оставили; на эту головку Янко вѣночекъ сплелъ, хорошъ вѣнокъ, красивый, да колется; Янко палецъ укололъ... вонъ, смотри, кровь пошла. Много... Много крови... и еще много крови прольется.

Въ сердце кольнуло несчастную мать отъ этого глупаго лепета.

А наверху все теперь тихо. Тамъ накрѣпко заперлись заптіи и еще съ ними люди другіе изъ мусульманскаго сельца сосѣдняго. Вѣсти они получили не добрыя: мельникъ Измаилъ ѣхалъ на своемъ ослѣ изъ Манглиша и видѣлъ дымокъ за горою въ ущельѣ, а тамъ незачѣмъ дымку быть, мѣсто не жилое, да и не пастбищное. Арбу помака Гулова остановили чужіе люди; везъ онъ баранину на продажу, мясо забрали у него, а самого пустили, отобрали также ружье у него, то самое англійское, что отъ султана было выслано мѣсяцъ тому назадъ, когда много ружей такихъ прислали изъ Стамбула и по пяти лиръ за нихъ уплатить велѣли.

Али Кадвеловъ, у того носъ чуткій, тотъ не хуже охотничьей собаки, по вѣтру все чуетъ, тотъ ни съ того, ни съ сего кафану спозаранку свою заперъ; сосѣди подглядѣли, какъ онъ что-то на заднемъ дворѣ, подъ навозную кучу зарывалъ украдкою, да торопливо.

Еще одного гонца послалъ чаушъ къ Казанлыкъ, а самъ распорядился повыгнать со двора всѣхъ постороннихъ, захватилъ на всякій случай изъ селенія четырехъ заложниковъ изъ лучшихъ домовъ, и крѣпко-на-крѣпко съ своими людьми въ укрѣпленномъ дворѣ покойнаго Иззедина-эфенди затворился.

Въ сосѣднія деревни, гдѣ только правовѣрные мусульмане живутъ, тоже послали гонцовъ, чтобы въ случаѣ чего пришли на выручку, султану бы честью послужили за его высокія милости.

Тѣ пообѣщали и тоже стали къ чему-то готовиться... Что-то зловѣщее незримо носилось въ воздухѣ. Снова замерло, затихло все селеніе, двери и окна всѣ на-глухо позапирались.

Только одинъ Янко дурачекъ ничѣмъ не смущался; бѣгалъ онъ веселый, ободранный, почти что голый совсѣмъ по улицамъ, махалъ вѣночкомъ и палецъ свой, шипомъ наколотый, показывалъ.

VI.

Солнце только что спустилось за горы; затуманило въ долинѣ. Долгоногіе аисты слетаться начали на свои косматыя гнѣзда, всякій съ добычею: у кого ящерка малая, у кого змѣя лентою въ клювѣ по воздуху бьется... Замычали по хлѣвамъ да загонамъ коровы, чуя пойло и хозяйскій подойникъ, заревѣли поповы ослята на выгонѣ... Сошлись въ оврагѣ три старика: Савва портной, Нико Червный да Іоваиъ Голый... Собралъ ихъ всѣхъ Савва и иконы велѣлъ захватить съ собою.

Поодиночкѣ собрались они, нарочно съ разныхъ сторонъ подошли, чтобы никто изъ чужихъ ихъ сбора не примѣтилъ; сѣли рядкомъ, поперегъ тропы и образа—святыхъ передъ собою выставили. Ждутъ, да отъ назойливыхъ комаровъ вѣточками отмахиваются...

Часъ сидятъ, другой сидятъ... уже и стемнѣло совсѣмъ, небо синее вызвѣздѣло; весь оврагъ туманомъ затянуло... Любъ этотъ туманъ старикамъ, совсѣмъ ихъ собою закрываетъ,—сидятъ переглядываются, да тихонько разговоръ ведутъ между собою.

— Вотъ мы и ждемъ...—вымолвилъ Нико Червный, прошамкавъ своимъ беззубымъ ртомъ.

— Да и ждемъ-же,—согласился Іоваиъ Голый.

— Помози намъ, Владыко милостивый!—вздохнулъ Савва портной и икону поправилъ.

— Хлѣба-соли забыли взять. Съ хлѣбомъ солью лучше бы...—замѣтилъ Нико.

— Ни, ни!—замоталъ головою Савва.—Съ хлѣбомъ встрѣчаешь, къ себѣ зовешь, а мы отъ себя подальше молить будемъ; хлѣба-соли не надо. Вотъ дѣтокъ намъ бы набрать, ихъ заставить плакать... Добро-бы.

— Попрятались всѣ дѣти съ матерями, дѣтей взять не откуда; попа бы сюда, Павла...

— Твой попъ Павелъ, съ тѣхъ поръ какъ Михало повѣсился, а Дметро въ тюрьмѣ сгнилъ, и ризы свои въ землю закопалъ, бороду выстригъ и ходитъ не въ рясѣ, какъ подобаетъ, а по мірскому... Нѣту у насъ попа.

— А чего мы ждемъ! Можетъ и не придутъ.

— Придутъ. Ночью же сегодня придутъ, это вѣрно!

— Да почему такъ, вѣрно-то?

— А про то турки знаютъ, они недаромъ тревогу забили. У нихъ вездѣ глаза и уши, а мы, на ихъ глядя, тоже должны готовиться... Турки въ канакъ заперлись, значитъ — сильнѣе себя врага ждутъ... Придутъ... Это вѣрно!

— Варвара съ своей семьей всему дѣлу зачинщица. Вѣдь эка семья непокойная! Жили мы тихо и смирно, никакихъ бунтовъ не было... правда, тяжко было; охъ, какъ тяжко! а все лучше, чѣмъ...

— Тяжко!—вздохнулъ Нико Червный.

— Тяжко!—вздохнулъ и Іоанъ Голый.

— Теперь, ежели что, оборони Богъ! пропало все наше село! разбирать не будутъ праваго отъ виноватаго, всѣ въ отвѣтъ попадемъ... Господи, буди милостивъ къ намъ, грѣшнымъ!..

— Ну, идутъ!

Притихли всѣ; сердце у каждаго замерло, словно притаились, прислушиваются...

Тихъ, неподвиженъ окружающій ихъ стѣною туманъ, только на болотѣ слышенъ плескъ крыльевъ лягушки, на краю полувысохшей лужи раскваkались, въ сухой листвѣ змѣя прошелестила, чуть чуть, заунывною нотою пронесся крикъ муэдзина, на минаретѣ, словно шакалъ завылъ, легкую добычу почуя.

Страшно стало отживающимъ свой вѣкъ старикамъ, жутко однимъ тутъ сидѣть въ этомъ глухомъ, молчаливомъ оврагѣ, да и холодная сырость пронизываетъ ихъ тощее тѣло. Зѣвота одолѣваетъ Нико Червнаго, тотъ чекмень захватилъ съ собою суконный, съежился подъ этимъ чекменемъ и дремлетъ, опершись локтями на своего патрона, Николая чудотворца, въ почернѣлой бронзовой ризѣ.

Камень оборвался, покатился, еще съ собой захватилъ мелкой щебенки; еще сорвалось что-то и въ воду, невдалекѣ уже плеснулось... шаги... да, шаги теперь явственно слышно, ноги босыя, или въ мягкихъ опанкахъ, ступаютъ мѣрно по тропѣ... Говору нѣтъ, тихо, а шаги эти все ближе и ближе слышатся...

Высокая темная тѣнь мелькнула въ туманѣ, за нею другая, еще выше, маячитъ... тамъ дальше еще и еще... Вереницею, слѣдъ въ слѣдъ, шагъ въ шагъ, нога въ ногу идутъ

Петковы ратники. Самъ Петко впереди, ружье длинное за спиною, поперегъ тѣла, подъ локти продернуто, а руки самыя за поясомъ... шапка круглая, барашковая, лицо горбоносое, худое, глаза черные, материнскіе, а усъ чуть-чуть пробивается...

Петко идетъ, на лѣвую ногу прихрамываетъ, за нимъ старый Ноша Павловъ, изъ того-же селенія, тотъ чью жену скралъ себѣ въ гаремъ покойный молла-Изэдинъ. У Ношы голова тряпками обмотана и на тряпкахъ тѣхъ черныя пятна запекшейся крови проступили. За Ношею совсѣмъ чужой человѣкъ, и борода у него свѣтлорусая, курчавая, не по здѣшнему обычаю, и одежда иная совсѣмъ: рубаха холщевая, косоворотка, на плечахъ, сюртучекъ парусинный, за спиною плэдъ клѣтчатый, ноги не въ опанкахъ, а въ сапогахъ длинныхъ, только тѣ сапоги хуже опанокъ теперь стали, обезподошвились, снизу тряпками подвернуты, веревочками связаны, еле-еле на ногахъ держутся...

У этого воина ружье двуствольное, ятагана нѣту за поясомъ, а замѣсто него револьверовъ пара; за нимъ, цыганъ не цыганъ, да и не болгаринъ тоже, голый совсѣмъ, одна нога босая, самъ въ рваную свитку кутается, грудь впалая, косматая; хрипитъ, на всѣ лады, высвистываетъ въ этой груди... идетъ бѣднякъ, словно ракіи опился, шатается, и на длинное ружье, словно на костыль, всѣмъ тѣломъ налегаетъ...

За этимъ мальчишка лѣтъ тринадцати, тоже съ ружьемъ и глиняная сопелочка у него виситъ на поясѣ; за мальчикомъ здоровый, приземистый такой и на человѣка непохожъ, медвѣдь - медвѣдемъ, боченокъ на спинѣ тащитъ съ чѣмъ-то, слово шепотомъ вымолвитъ на ходу, такъ словно не изъ горла, а изъ этого самаго боченка рычаніе глухое слышится...

Это Кузьма Даниловъ, изъ дунайскихъ гирлъ некрасовецъ; промышлялъ онъ табакомъ контрабандным, на румынскую сторону возилъ его, да только этотъ товаръ былъ у него ради прилики, а настоящій товаръ — живой былъ; перевозилъ онъ болгаръ бѣдняковъ изъ-подъ ножа башибузуцкаго... Два раза въ тюрьмѣ сидѣлъ у турокъ, мѣсяцъ въ Кюстенджи, а четыре мѣсяца подрядъ въ ямѣ, въ Османъ-Базарѣ; ушелъ изъ подъ самой висѣлицы, четырехъ редифовъ искалѣчилъ при этомъ; пробрался до Елены города, здѣсь поджегъ казарму турецкую ночью, а двери снаружи припереръ... двадцать семь человѣкъ

тогда сгорѣли въ этой казармѣ, все отъ хедива египетскаго были солдаты, черные какъ уголь, а бѣлки на выворотъ... попалъ, наконецъ, въ горы, бродилъ съ Жуковой партіей, а покончили съ тою турки, къ попу Милло перешелъ, вотъ и теперь съ остатками отряда подъ начальство Петко попалъ и идетъ съ другими, воду ихъ тащитъ на себѣ, потому ни у кого такихъ плечъ здоровыхъ нѣтъ, какъ у Кузьмы Данилова, ничья спина такой ноши не выдержитъ.

За Кузьмою... Ну, да всѣхъ не перечесть, весь отрядъ Петковъ гуськомъ по овражному днищу вытянулся. Считалъ тогда Марко (онъ теперь въ хвостѣ отряда, послѣднимъ шелъ), до тридцати ружей насчиталъ, а на дѣлѣ и двадцати-пяти не было: пока онъ ходилъ двое умерли, одинъ отъ истощенія да болѣзни, а другой кровью истекъ: отъ жару, да ходьбы усиленной рана у него въ затылкѣ открылась, гдѣ засѣла турецкая пуля, во время не вынутая. . . . . .

Идетъ Петко впереди; что за чертъ, сидятъ тутъ словно грибы поперегъ дороги?.. Приглядѣлся воевода, видитъ иконы святыя, шапочку снялъ, перекрестился...

— А знакомые, свои старчи... съ какими рѣчами на встрѣчу вышли?

— Останови своихъ и выслушай,—началъ Савва портной.

— Молимо!—земной поклонъ ударили гайдукамъ Нико Червный и Іованъ Голый.

— О чемъ же молите?

Опустилъ Петко ружье на-земь, оперся на него, слушаетъ... И прочіе подтянулись, въ кучу сбились, курки ружейные тихо щелкаютъ... не знаютъ еще задніе, въ чемъ дѣло, на что тамъ наткнулись впереди, такъ на всякій случай, къ бою изготовились.

— Куда самъ идешь? Куда своихъ ведешь, на какое дѣло? Повѣдай ты намъ, Христа ради, — произнесъ Савва портной.

И прочіе двое за нимъ затянули слезливо, образа впередъ выдвигая...

— Повѣдай намъ, друже!..

— Повѣдаю... что же...—задумался на минуту молодой воевода,—повѣдаю... Идемъ мы то дѣлать, что всякій, кто въ истиннаго Бога вѣруетъ, у кого рука не отсохла, кому не

люба палка на спинѣ да вѣчный ножъ у горла, кому нелюбо добро свое трудовое задаромъ отдавать османамъ, кому честь дорога, кто свою жену про себя бережетъ, а не въ гаремъ собачій; кто землю свою чтитъ и любитъ и воли ей желаетъ. Кто... кто болгариномъ себя считаетъ истиннымъ—долженъ дѣлать... Идемъ мы съ турками биться, конакъ ихъ брать; пока за этимъ идемъ, а дальше что Богъ укажетъ...

— Бейся съ турками въ горахъ, коли есть охота, сюда ходить незачѣмъ... нѣтъ у васъ силы такой, чтобы всѣхъ насъ покрыть могли бы... одолѣютъ васъ—вы уйдете, мы отвѣтъ за васъ держать будемъ... каждая пуля, что изъ ружья вашего вылетитъ, десяткамъ головъ нашихъ отзовется, каждая капля крови турецкой—потокомъ нашей искупится... Нѣтъ у васъ силы на нашу защиту, не подводите же и насъ подъ бѣду, да подъ висѣлицу...

— Есть у насъ сила, да мало ея — правда!.. А почему мало, потому что вы вотъ всѣ обабались и своихъ продаете, чего сидятъ ваши по домамъ, что не поднимаются, всѣ до единаго; тогда и сила будетъ, и туркамъ, съ нашею землею, воедино возставшей, не справиться... Будемъ мы васъ беречь, когда сами беречь себя не хотите... и овцы, какъ волкъ къ стаду подходитъ, и тѣ въ кучи собьются, ногами топочутъ, а вы хуже барановъ, сами на себя ножи готовите, туркъ своимъ мясомъ добровольно кормите... сами же имъ подводчину служите, кулы строите, дороги чините... Въ васъ и силу-то свою врагъ черпаетъ, а безъ вашей бараньей подмоги давно бы истлѣли, истаяли его таборы...

— Нѣтъ у насъ силы... Мольбою, да покорностью головы свои бережемъ, подневольно служимъ, подневольно и подати платимъ, не своею охотою...

— Эки добрые какіе... головы берегутъ. Да на что вамъ ваши головы, коли какъ свиньи должны носить ихъ въ землю уткнувши... Эко добро какое, поди же ты, драгоцѣнное...

Злобно засмѣялся Петко, смѣхъ прокатился и въ рядахъ его дружины... Зарычалъ медвѣдемъ косолапый Кузьма Даниловъ, сидя на своемъ боченкѣ...

Тоскливо переглянулись старики, не выгораетъ дѣло, не идутъ на добро переговоры; озлился Нико-Червный; поднялся, да прямо къ воеводѣ, чуть не съ кулаками подступаетъ...

— Лживыя рѣчи твои, Петко,—шамкаетъ старикъ:—лживыя какъ есть!.. Не ради чего, ради себя идешь сюда только... Наговорилъ, наговорилъ, а всего и дѣла, что сестру свою выручить хочешь... Да напрасно... ее и въ живыхъ-то уже нѣту больше; цѣлый день какъ съ девятью сторожами просидитъ на привязи, такъ жива не останется дѣвка... Ступай назадъ лучше... и насъ оставь въ покоѣ...

— Кабы не старъ ты былъ, да умомъ не повредился отъ старости, не прошли бы тебѣ даромъ твои глупыя рѣчи,—покойно произнесъ воевода.—Сестрѣ Ленѣ спасибо: она дѣвка, да ножъ взять въ руки съумѣла, за себя постояла и другимъ службу сослужила: замучили ея, нѣтъ-ли, мнѣ все едино... Всѣ тамъ будемъ—тамъ и увидимся... Радостнѣй мнѣ было слышать то, что случилось, чѣмъ бы знать, что живетъ она въ добрѣ да въ холѣ, по своей волѣ, а то хоть бы и по такой, какъ ваша, покорностію въ гаремъ взятая...

— Онъ такъ сказалъ, не слушай его,—заговорили разомъ Савва и Іованъ и на колѣна стали...—Пощади, воевода, смилуйся... Дай хотя время намъ передумать...

— Въ Казанлыкъ знать дать, вѣрно... на это, молъ, время вамъ надо...—усмѣхнулся Марко...

— Да что толковать съ ними, выползло старье жабами на дорогу, только задерживаютъ...—нетерпѣливо выдвинулся впередъ Ноша Павловъ:—повели, воевода, трогаться...

— Ну, пошли старчи,—рѣшилъ Петко,—скажите своимъ, чтобы готовились. Коли живы будемъ—прикроемъ васъ, пока до горъ доберетесь... Найдутся межъ вами добрые болгары, не бабье, къ намъ, чтобы стремились, оружіе будетъ турецкое. Ну! убирай святыхъ, очищай дорогу... Браты, съ Богомъ!

Тронулся отрядъ, обходя бережно группу пріунывшихъ стариковъ, набожно крестясь на иконы, только Кузьма не осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, не могъ онъ разобрать въ потьмахъ стараго-ли письма иконы, или новаго образца; неровно послѣднія, такъ чтобы не согрѣшить...

VII.

Хорошо зналъ Петко эти мѣста, каждый закоулокъ, каждый домикъ, каждую мельчайшую тропинку. Самъ все это,

еще съ дѣтскихъ лѣтъ, исходилъ, и зналъ, куда теперь вести надо свою небольшую дружину.

Только миновали мельницу, Маришка-сестренка изъ-за куста выскочила, бросилась на шею брату; тотъ поднялъ ея и понесъ, а та ему на ухо лепечетъ:

— Мама тамъ, подъ самымъ конакомъ ждетъ; тамъ у ней и лѣстница спрятана... она говоритъ: «турки, думаютъ, высоко, не берегутся отсюда, да они еще ничего путемъ и не догадываются...» иди, Петко, только скорѣе. Мама знала, что придешь ты... мама знала и меня сюда выслала.

— Молодецъ дѣвка, — поцѣловалъ ее братъ,—молодецъ!.. Вотъ это изъ нашихъ, кровная болгарочка!..

— Съ мамою еще четверо есть... помнишь Чаплика, что кожами на выѣздѣ торговалъ... такъ вотъ онъ, и еще съ нимъ трое, только ружей у тѣхъ пѣту... Чапликъ и принесъ эту лѣстницу и веревокъ, много веревокъ принесъ.

— Добро!.. Ну теперь вотъ что: сиди здѣсь... спрячься... и не высовывай носа... подвернешься, неравно, моя умница... сиди здѣсь и ничего не бойся...

— Да я и такъ ничего не боюсь.. я съ тобою, Петко... я давно съ тобою не видалась...

— Ну, сиди, и жди, не разговаривай!

Петко опустилъ сестру на землю, а та знала хорошо брата, чтобы съ нимъ спорить... насупилась-было немного, а все-таки отошла въ сторону и сѣла подъ кустикомъ.

Сбились дружинники въ кучу, на совѣщаніе...

Тѣмъ временемъ во дворѣ покойнаго эфенди все уже приведено было въ порядокъ. Чаушъ, старый отставной низамъ, видавшій виды на своемъ вѣку, въ Черныхъ горахъ съ Омеромъ-пашою побывавшій, держалъ ухо востро.

Тѣло зарѣзаннаго было прибрано и въ порядкѣ уложено, ковромъ покрыто; къ гарему часовымъ вызвался стать слуга покойнаго грекъ; Сетшебъ и Азадъ, заптіи, на крышу поставлены карауломъ; Гассанъ и Терриkъ на минаретѣ засѣли, у воротъ Сали съ тремя товарищами, прочихъ чаушъ вмѣстѣ собралъ и на терассѣ поставилъ, а кто изъ добровольныхъ пришли, тѣ разложили костеръ посреди двора на плитахъ и сидѣли вокругъ огня... Лену-преступницу не стерегли, связали

просто руки за спиною, навзничъ повалили, ноги врозь— развязали тоже веревками... лежи, молъ, смирно въ такомъ видѣ!.. И лежала она... неподвижно... платье изодрано въ клочья... обнажилось ея молодое тѣло, глаза открытые закатились, бѣлки только видны... косы золотистыя по землѣ растрепались... чуть-чуть дышитъ, колышется ея грудь, хриплое дыханіе съ пѣною прорывается сквозь крѣпко, судорожно стиснутые зубы... что ее стеречь? не уйдетъ!.. опять же и безъ того, всѣ, по одиночкѣ, ходили къ ней навѣдаться...

Самъ старикъ чаушъ ходитъ по двору, волнуется: что это, молъ, нѣтъ никакого распоряженія изъ города?..

Полночь миновала. Темень такая стоитъ кругомъ, ни зги не видно: ночи-то лунныя, свѣтлыя прошли, хоть и чисто звѣздное небо наверху, а внизу все-таки хоть глазъ выколи... Только чуть-чуть свѣтлѣе лежитъ полосою дорога, да далеко внизу, словно змѣйка серебристая, сквозь туманъ рѣчка просвѣчиваетъ...

Сидитъ Террикъ заптій на минаретѣ и видитъ, словно... темное пятно проскользнуло черезъ дорожную полосу... за этимъ еще одно... что такое?.. Сталъ онъ присматриваться, товарища толкнулъ локтемъ, а тотъ заснуть уже успѣлъ, тревожно съ просонковъ озирается, и бормочетъ что-то...

Видитъ Террикъ, что еще пятно, уже не черезъ дорогу, а по самой дорогѣ движется, сюда направляется. Только съ поворотомъ поровнялось оно, и первыя два пятна вновь появились... разговариваютъ... никакъ борются... стонъ перехваченный донесся.

— Я стрѣлять стану!—шепчетъ Гассанъ. Разобралъ тотъ со сна, что дѣло неладно...

— Погоди!—удержалъ его руку Террикъ.

А что ждать! На самомъ дальнемъ концѣ деревни вдругъ появилось пламя, лизнуло по косматой крышѣ, краснымъ заревомъ освѣтило сосѣднюю стѣну, стволы старыхъ тополей, блеснуло на оконныхъ стеклахъ, и быстро, видно, что не само собою, стало разгораться настоящимъ пожарищемъ.

Закопошились въ селеніи,—народъ сталъ выбѣгать на улицу; буйволы испуганные забѣгали. Ловятъ скотину болгаре и спѣшно въ телѣги запрягаютъ.

— Тревога, тревога!

— Въ ворота ломятся!—кричитъ Сали-заптій.

— По мѣстамъ! командуетъ громкій голосъ чауша-ветерана.—По мѣстамъ, и держаться крѣпко!

Сбродъ-добровольцы засуетились. Кто огонь, ни съ того, ни съ сего, заливать началъ, кто саблею машетъ; нашлись такіе, что и за стрѣльбу принялись, прямо вверхъ, страха ради выпускаютъ патроны...

Засѣла половина отряда болгаръ-дружинниковъ у дороги въ канавѣ, а съ остальною половиною—Петко съ другой стороны забрался, гдѣ его мать съ лѣстницею. Марко съ тѣми, что на дорогѣ, сигнала ждетъ условнаго. И видитъ онъ, что кто-то по шоссе крадется, прямо къ конаку пробирается. Ближе подошелъ, узналъ:—Али Кадвеловъ-номакъ, а зачѣмъ идетъ, понятно! Турокъ увѣдомить! Навалились они вдвоемъ съ Кузьмою-некрасавцемъ на подлаго помака, за горло схватили, а тотъ все-таки барахтается, шумъ производитъ, застонать даже успѣлъ, пока его Кузьма прикончилъ. Думаютъ, услышали турки.

А какъ разъ въ эту минуту и сигналъ послышался. Сычъ прокричалъ два раза въ оврагѣ: «Съ Богомъ»!

Бросились они дружно къ воротамъ, наперли разомъ. Крѣпко! Только чуть вздрагиваютъ подъ напоромъ тяжелые затворы.

Кузьма Даниловъ «дубинушку» уже затянулъ, да никто ему не подтягиваетъ, не умѣютъ. Плечомъ налегъ медвѣдь, багровый сталъ съ натуги, помогаютъ и другіе, не выгораетъ дѣло!

А заптіи уже сверху, черезъ гребень стѣны стрѣляютъ, только въ «мертвый уголъ» попали дружинники: черезъ головы имъ летятъ пули турецкія.

— Ну, навались, ну, разомъ!—захлебывается, рычитъ Кузьма Даниловъ,—ну, братцы! ну, голубчики!

— Въ сѣкиры!—кричитъ Марко.

— Эдакъ-то ладнѣе будетъ!—отзывается некрасавецъ.—Полѣнце какое-нибудь достали бы, балочку что-ли!

Трещатъ воротныя доски подъ ударами сѣкиръ. Головки гвоздей сами собою вылетаютъ. Блеснула щель, блеснула другая. Выстрѣлы прямо, въ упоръ, черезъ ворота. Кто-то стонетъ, кто-то на землѣ, какъ лягушка, корчится.

— Ну, дружно! ну, разомъ!

А въ канакѣ — гвалтъ и стонъ идетъ; оттуда тоже голоса доносятся.

— Эхъ, а мы запоздали!—губы съ досады кусаетъ Марко.

Поддѣлъ топоромъ Кузьма подъ воротный пробой, приналегъ,—выворотилъ, рухнула на бокъ одна половина, а все пройти нельзя: чего чего съ той стороны къ воротамъ не подвалено. Кузьма впереди всѣхъ, такъ и разметываетъ все встрѣчное. Осатанѣлъ человѣкъ: своимъ даже глядѣть на него страшно,—уже и слобъ отъ него не слыхать человѣческихъ, ревъ одинъ гудитъ. Подвернулся ему кто-то подъ руку въ красной фескѣ, куртка со шнурами, заптій Сали,—его осколкомъ доски ошеломило—Кузьма и его, какъ снопъ, отшвырнулъ въ сторону.

— Смерть проклятымъ! Смерть! смерть!

Ворвались всѣ, а это сама Варвара Лѣпко стоитъ на крышѣ, сѣдые волосы треплются по вѣтру, руки въ крови, и пучкомъ соломы зажженной машетъ. Она и призываетъ смерть на головы «проклятыхъ».

Чаушъ съ четырьмя уцѣлѣвшими заптіями въ уголъ прижался, ощетинились штыками.

— Сдайся!—говоритъ ему Петко.

— Возьми!—вызываетъ его старый ветеранъ.

— Ну такъ и помирайте, не пожалѣю!—говоритъ воевода. Въ ножи ихъ, браты!

Черный заптій Гассанъ обезумѣлъ отъ страха, зубы скалитъ и желтыми бѣлками своими ворочаетъ. Ноша Павловъ большимъ камнемъ хватилъ ему прямо въ эти оскаленные зубы, только раздробленныя челюсти захрустѣли.

А по всему двору рѣзня идетъ, и уйти некуда защитникамъ.

Старая Варвара, какъ вѣдьма сказочная, носится съ пучкомъ горящей соломы. Запялось въ разныхъ мѣстахъ, подъ главною крышею задымило. Трое болгаръ Лену нашу, развязали и на середину двора вынесли.

Очнулась несчастная, свои родные голоса слышитъ, а ничего не понимаетъ...

— Убили они меня, убили...—шепчетъ Лена:—мамо, мамо,—гдѣ ты, мамо?!...

— Здѣсь, дочка моя здѣсь, голубь мой!...—стонетъ и волосы рветъ на себѣ Варвара Лѣпко: —сердце мое!...

— У...б...или... меня!...

— Спасибо, сестра... Молись на томъ свѣтѣ за несчастную землю болгарскую.

Это Петко сказалъ и на колѣна передъ тѣломъ сестры опустился, ноги ея окровавленныя цѣлуетъ.

— Спасибо...—шепчетъ и Марко женихъ... и глазами поводитъ:—ищетъ, не осталось ли хоть одного еще живаго, надъ кѣмъ бы потѣшиться можно было бы...

Вдругъ, въ гаремной саклѣ раздался визгъ, плачъ, отчаянные вопли: кинулись туда, а тамъ грекъ-слуга, рѣжетъ бѣдныхъ, чтобы ни себѣ, ни другимъ не доставались.

— Содрать съ него шкуру съ живаго!—кричитъ Ноша Павловъ.

— Въ огонь его ногами...

Выволокли за ноги тѣло Изедина-эфенди, ногами топчутъ... не люди, демоны всѣ сдѣлались, и лица у всѣхъ не людскія, злобно искаженныя...

Только Янко-дурачекъ—и откуда онъ только взялся?!... одинъ улыбается,—пѣсню свою поетъ... и сквозь толпу пробирается; бережно обходитъ мальчикъ мертвое, обезображенное тѣло, добрался до Лены и покрылъ ея головку вѣнкомъ изъ розъ и ромашки...

— Овечка моя, милая овечка, бѣдная,—лепечетъ ребенокъ...

И отъ этого лепета словно очнулись дружинники, въ себя приходить начали. Вспомнилъ Петко, что воеводою онъ тутъ, что можетъ еще не мало дѣла осталось... Что тамъ, за стѣнами конака, въ селеніи, народъ собирается, пожитки укладываетъ наскоро; чуя недобрый конецъ, въ горы выступать хотятъ... Вѣдь онъ же ихъ съ своею дружиною прикрыть обѣщался; много-ли у него осталось этихъ дружинниковъ?...

Стали считаться—семерыхъ не хватаетъ, да еще четверо никуда не годятся, еле движутся. Руссъ убитъ. Вонъ между двухъ турокъ его пальтишко парусинное бѣлѣетъ на землѣ. Вонъ еще трое у воротъ ничкомъ лежатъ... тамъ, за воротами тоже... у Кузьмы Данилова лѣвый глазъ чѣмъ-то вышибло, сопитъ медвѣдь, кулакомъ зажалъ рану и стоитъ столбомъ, ноги разставивши... Дѣла-то плохи!...

А издали, не по казанлыкской дорогѣ пока, а съ другой

стороны, слышно завязывается живая перестрѣлка, это мусульмане изъ сосѣднихъ деревень на выручку своихъ поспѣли...

Отъ этой стрѣльбы на улицѣ еще сильнѣй разъигралась суматоха, зря бѣгутъ люди къ оврагу; возы бросаютъ, сбиваютъ другъ друга на бѣгу; матери дѣтей растеряли,—стонъ, плачъ...

— Кто цѣлъ, выходи!—кричитъ Петко, — мамо, иди съ нами, бери дочь на руки... Эй! кто цѣлъ, къ воротамъ!..

— Поможетъ Богъ, до свѣту успѣемъ!—говоритъ Марко, сбирая дружинниковъ.

Вдругъ... далеко, раздался тяжелый ударъ, черезъ мгновеніе что-то шипя и завывая пронеслось въ воздухѣ, ударилось, треснуло о дорогу, еще громче прежняго хватило; и засвистѣли, во всѣ стороны брызнувшіе осколки.

Первая граната... За ней, черезъ минуту, вторая...

Это подходилъ на рысяхъ изъ Казанлыка взводъ артиллеріи и черкесская сотня, за ними, отставъ немного, бѣгомъ шла рота низамовъ...

VIII.

Не успѣли еще черкесы доскакать до селенія, Петко свелъ своихъ съ горы—и прикрылъ часть втянувшагося въ оврагъ обоза бѣглецовъ...

Не зная въ чемъ дѣло, какъ велики силы противника, черкесы не смѣли еще ворваться въ селеніе, загорѣвшееся въ нѣсколькихъ мѣстахъ; они рыскали около, безпрестанно стрѣляя прямо на огонь изъ своихъ превосходныхъ магазинныхъ ружей... Обѣ пушки, занявъ позицію, безъ толку посылали гранату за гранатою, взрывы которыхъ увеличивали общій переполохъ смятенія...

Конакъ горѣлъ громаднымъ костромъ, вокругъ котораго чернѣлись его стѣны и темныя арки воротъ. Въ этихъ воротахъ висѣло головою внизъ тѣло зарѣзаннаго, а потомъ повѣшеннаго, дважды казненнаго моллы Изедина-эфенди.

Всѣ мужчины - бѣженцы собрались къ Петко: ишь, вѣдь, ихъ сколько теперь стало: больше полусотни будетъ, да ружей для нихъ нѣту... для всѣхъ, впрочемъ... Распорядился воевода забрать все оружіе турецкое изъ конака, а все не хватаетъ...

Теперь и Нико Червный и Іованъ Голый, за міръ ходатаи, за ятаганы взялись, все равно умирать, только Савва упрямый на своемъ стоитъ, на кротости, да смиреніи... Дома остался блажной—двери настежъ,—на порогѣ хлѣбъ выложилъ и горстку соли на краюху насыпалъ, кувшинъ съ виномъ, самъ сидитъ и турокъ дожидается... «Тамъ какъ другіе, не знаю, а я, молъ, самъ гляди, не бунтую, не иду противъ султана.

Не всѣ успѣли сбиться въ оврагъ, много осталось еще въ селѣ народа, когда ворвались-таки въ него черкесы.

— Этихъ хоть спасу,—думаетъ Петко.

Поставилъ своихъ цѣпью поперегъ оврага, въ кустахъ да за камнями разсыпалъ, рѣшилъ держаться, пока не отойдетъ обозъ изъ-подъ выстрѣловъ...

Со свѣтомъ замѣтили турки, въ чемъ дѣло, къ оврагу... оттуда огонь имъ навстрѣчу, меткій, безъ промаха... тамъ, смотришь, летитъ съ коня черкесъ кувыркомъ, черезъ голову, тамъ и лошадь падаетъ...

— Близко подпускай, близко... не трать даромъ патроновъ!...—подбадриваетъ своихъ Петко воевода, и хвостъ обоза еще видѣнъ, двѣ арбы отставшія, одна на боку—такъ и лѣзутъ въ глаза своими бѣлыми наметами...

Грохотъ орудійныхъ колесъ по шоссе слышится, бичи щелкаютъ; галдятъ, понукаютъ лошадей артиллеристы...

— Будетъ намъ худо...—подползъ Марко къ воеводѣ...—смотри-ка въ ту сторону.

— Вижу,—мрачно говоритъ воевода:—вижу... Бога молю, пѣхота не подошла бы ихъ близко... съ этими справлюсь...

Опять ударъ... опять свистъ картечи по кустамъ... заревѣлъ быкомъ Ноша Павловъ, выскочилъ изъ-за камня и за бокъ держится руками, оружіе свое бросилъ. Поломало ему ребра картечью, печень наружу вывортило... такъ и брыжжетъ кровь изъ-подъ его пальцевъ.

— Отползай, брати, отползай потихонько!..—скомандовалъ Петко... Ты, мамо, зачѣмъ сюда вернулась?...

Стоитъ за нимъ Варвара; въ рукахъ ружье... только-что пальнула—стволикъ раструбомъ дымится.

— Я Лену на возъ положила... померла Лена,—говоритъ старуха...—Я теперь тутъ, съ вами.

— Штыки, штыки... низамъ подходитъ!

— Тише ты, дурень! что кричишь, людей мутишь?... самъ вижу... отползай, отползай, брати!

По тропѣ, подъ кустами искрятся свѣтлыя черточки— словно иглами поросла дорога. Солнце всходитъ и на концахъ штыковъ золотомъ разъигрывается... красныя фески, словно макомъ цвѣтущимъ, запестрѣли...

— Аллла! А...алла!—заунывное доносится...

А черкесы, словно дьяволы, такъ и носятся надъ обрывомъ оврага, ругаются оттуда, пострѣливаютъ на скаку... Десятка два косматыхъ папахъ спѣшились и внизъ сползаютъ, кинжалы въ зубахъ,—курки на взводѣ.

Уже сцѣпились съ ними на лѣвомъ крылѣ болгарской цѣпи... Марко тамъ въ ятаганы ихъ принялъ... Прибываетъ, все прибываетъ вражья сила.

— Отходи, отходи, братьи!—кричитъ Петко воевода.

И безъ его-то крика отходятъ — ужъ и обозный хвостъ нагнали, уже и между послѣднихъ возовъ столпились немногіе уцѣлѣвшіе дружинники, уже рвутъ на части, истязаютъ черкесы отсталыхъ раненыхъ: у Ноши Павлова во всю грудь крестъ вырѣзать успѣли; Нико Червный отсталъ, кричатъ ему турки «уссуръ», значитъ становись на колѣна, протягивая шею, а онъ словно не слышитъ, идетъ и зря ятаганомъ отмахивается, а образъ Николая Чудотворца съ нимъ, что дружинниковъ ночью встрѣчалъ да уговаривалъ,—подъ мышкою тащитъ...

Несказанное дѣло свершили черкесы съ старикомъ и его иконою.

Заиграли рожки турецкіе. Ближе и ближе. Стройнымъ фронтомъ идутъ въ атаку низамы. Бѣлая амуниція глаза рѣжетъ на солнцѣ. Вотъ пріостановились, команда доносится, дымомъ заволокло строй. Залпъ трещитъ, другой. Падаютъ болгары одинъ за другимъ. Лежитъ уже Марко навзничъ, руки крестомъ раскинувши, ползетъ воевода Петко съ перебитыми ногами, а все кричитъ своимъ.

— Сбивайся въ кучу!..

— А... а... аалла! аалла!..—Вотъ уже турки передъ самымъ носомъ. Въ штыки бѣгутъ.

Медвѣдь Кузьма Даниловъ, ярмомъ тяжелымъ отбивается, подступить къ нему низамы не смѣютъ, по одному человѣку залпъ дали, и рухнулъ богатырь поверхъ кучи набитыхъ имъ турокъ.

*

А впереди крики, плачъ; тамъ тоже стрѣльба идетъ; сталъ обозъ, не двигается; черкесы впередъ заѣхали и завалъ устроили поперегъ лощины.

Поднялось солнце на полдень; заглянуло и въ этотъ оврагъ, трупы, кровь; добро разметанное, арбы, ломанныя, мертвые, обезображенные бойцы, мертвыя женщины, мертвыя дѣти; воронье стаями слетается, деревья сосѣднія усыпали...

Слишкомъ уже много добычи для нихъ, слишкомъ уже много крови пролито, даже и этимъ пернатымъ могильщикамъ въ диковину. Каркаютъ, переглядываются, боязливо за нихъ принимаются; пугаютъ воронъ эти отдаленные выстрѣлы, что съ разныхъ концовъ по временамъ доносится; пугаетъ ихъ, этотъ тихій стонъ надъ общею могилою; и не разберешь кто это стонетъ, словно все дно оврага, эти кусты, кровью обрызганные, эти камни накаленные, воды ручья; воздухъ самый Богу на людскую злобу жалуются...

IX.

Только въ «вечернямъ», когда завыли муллы въ «Бешь-Агачѣ», размахивая руками на минаретахъ, ударили сборъ палачи.

Скоро собрался низамъ и у обгорѣлыхъ стѣнъ конака выстроился; не нашлось жилья цѣлаго, чистаго; пашѣ Нуръ-Али палатку раскинули. Сидитъ въ шатрѣ паша, каймакамъ съ нимъ казанлыкскій да два секретаря каймакамскіе, бимбаши, командиръ низама, тоже и Саудъ-бей, чиновникъ изъ Манглиша. Все начальство окрестное собралось. Черкесы со всѣхъ сторонъ съѣзжаются, коней не видать подъ добычею: ковры, одежда разная, до самой земли висятъ, галуны, кисти по грязи волочатся. Плѣнныхъ привели...

А плѣнныхъ этихъ всего только двое: Савва — старый портной и Костаки — грекъ, случайно заѣзжій сюда кафеджи изъ Карлова.

Были еще плѣнные, да это все дѣвушки и молодыя бабы, головъ пятнадцать всего. Тѣхъ сюда не привели, тѣхъ на особомъ, своемъ собственномъ бивуакѣ черкесы держали, верстахъ въ двухъ отсюда, за оврагомъ.

Слѣдствіе стали производить, допросы снимать. Саудъ-бей

съ конвоемъ селеніе обходилъ, дворъ Иззэдинаэфенди осмотрѣлъ, тѣло дважды казненнаго снять велѣлъ и въ коверъ зашить, чтобы въ Казанлыкъ везти съ собою. Пересчиталъ тѣла убитыхъ защитниковъ конака, пересчиталъ и трупы атаковавшихъ; выругался при этомъ, и тоже всѣхъ дружинниковъ убитыхъ велѣлъ рядомъ на гребнѣ стѣны повѣсить. Одно только тѣло, что не по болгарски одѣто было, то съ собою велѣлъ взять, для улики, какъ вѣрный подлинный фактъ въ слѣдствію.

Составили актъ за общими подписями. Въ томъ актѣ очень подробно и обстоятельно разсказано было, какъ жители селенія давно уже готовились къ возстанію, и что эти приготовленія своевременно замѣчены были предусмотрительнымъ начальствомъ, которое, то есть, начальство, все ждало полнаго созрѣванія преступнаго замысла, дабы захватить зло въ самомъ его полномъ развитіи, и со всѣми соучастниками, что жители селенія сговорились съ шайкою разбойниковъ болгаръ въ горахъ; что эти шайки подошли къ нимъ какъ разъ въ условленное время и подошли въ количествѣ десяти тысячъ человѣкъ, хорошо вооруженныхъ; какъ доказательство того, что все было условлено и жители приготовились съ почетомъ встрѣтить разбойниковъ, служитъ то обстоятельство, что у многихъ дворовъ найдены были хлѣбъ-соль и вино, выставленное на порогахъ для встрѣчи гостей, и что одинъ хозяинъ дома даже самолично схваченъ при такой подозрительной обстановкѣ, а здѣсь на слѣдствіи съ наглостью осмѣливается утверждать; будто-бы встрѣчалъ онъ не своихъ, а войска его величества султана и этимъ то войскамъ готовилъ почетную встрѣчу»...

Бѣдняга Савва! и не думалось тебѣ, миротворцу, кроткому, смиренному подданному падишаха, что такой конецъ печальный наступитъ твоему вѣрно-подданническому рвенію...

Разсказано было въ докладѣ, какъ, несмотря на многочисленность враговъ, храбро шли въ атаку султанскія побѣдоносныя войска. Какъ умѣло съ талантомъ и знаніемъ направлялъ ихъ самъ его превосходительство, паша Нуръ-Али, какъ бимбаша Ибрагимъ-бей, также талантливо исполнялъ его порученія, какъ даже самъ каймакамъ и его гражданскіе чиновники шли безъ страха въ огонь, съ готовностью положить голову въ славу Аллаха и его величества.

Тутъ вотъ недоразумѣніе вышло и споръ поднялся при составленіи протокола: каймакамъ-то съ секретарями пріѣхалъ поздно, когда уже все кончилось, значитъ въ бою не участвовалъ, а въ протоколѣ иначе сказано. Это паша заявилъ съ своей стороны. А каймакамъ заявилъ: «мало-ли что и какъ было! Тоже и болгаръ сотни не было, а не десять тысячъ, да и самъ его превосходительство во время боя заѣзжалъ къ знакомому агѣ, часъ ѣзды отсюда, куда и пуля ни одна не залетала, и ракію тамъ тянулъ, пока ему не доложили, что все благополучно покончилось...»

Поспорили, поспорили. Всякій больше не за себя лично, за правду стоялъ, и порѣшили, чтобъ протоколъ не измѣнять, а такъ и оставить, даже отъ себя можетъ всякій приписать, что ему надо, а подпишутъ всѣ сообща и печати всѣ приложатъ безпрекословно.

Отъ грека Костаки отобрали сорокъ лиръ, что при немъ оказалось, и выпустили; только грекъ не дуракъ, не идетъ, говоритъ: «нѣтъ уже я съ вами дойду до города, а то меня дорогою прикончатъ, въ одиночку».

Савва бѣдняга, какъ ни клялся, какъ отговаривался, а вздернули его на стѣну, рядомъ съ прочими. Да еще пытали часа два передъ этимъ, все о сообщникахъ допрашивали, нѣтъ ли у него знакомыхъ кого изъ богатыхъ болгаръ въ городѣ и въ окрестностяхъ?

Какъ понялъ Савва, что его конецъ приходитъ, сталъ молчать какъ рыба; какъ ни мучили его, слова не вымолвилъ, только молчалъ отъ боли и тосковалъ, зачѣмъ передъ смертью не подрался онъ также съ этими султанскими аскерами, какъ дрались его товарищи, такіе же какъ и онъ старики, Нико Черный и Іоаннъ Голый; по крайней мѣрѣ умирать бы такъ обидно, да и не позорно было-бы.

Бимбаши-Ибрагимъ-бей своего чауша послалъ съ десятью аскерами отобрать изъ черкесскаго лагеря часть скотины награбленной, низаму на продовольствіе: не всѣмъ же даровымъ добромъ однимъ черкесамъ пользоваться. Тѣ не даютъ; ссора вышла тамъ на ихъ бивуакѣ. Паша уже отъ себя долженъ былъ отдать приказаніе...

До самаго вечера поздняго возились, а къ ночи назадъ въ Казанлыкъ пѣхота и начальство все выступило и пушки

повезли; черкесы же еще, ради военныхъ соображеній, на мѣстѣ остались. Отсюда на «Сапотъ» хотѣли пройти, поразвѣдать, тамъ нѣтъ ли чего подозрительнаго, однако никуда не ходили, а всю ночь по селенію рыскали, до погреба разрывали.

Утромъ и эти наконецъ ушли. Другіе имъ на смѣну явились. Наѣлись тигры, настала шэкаламъ очередь. Изъ сосѣднихъ мусульманскихъ селъ забрели толпы, они тоже вѣдь участіе «въ усмиреніи» принимали...

Эти съ своими возами пришли... Одни возы нагрузятъ до верху, ушлютъ домой, другіе уже пустые возвращаются: тѣла даже всѣ поразѣли до-нага... тряпки не оставили, изъ огородовъ коренья повыкопали. Черная угольная пыль, тучею стояла въ воздухѣ отъ разрытаго, разворошеннаго пожарища. Кирпичи изъ трубъ, цвѣтные изразцы и тѣ повыломили... Изъ-за иного куска за ножи брались... Женщины въ чадрахъ, дѣти — и тѣ въ общемъ грабежѣ участіе приняли. Содомъ стоялъ надъ пепелищемъ, а со всѣхъ сторонъ все прибывали и прибывали новыя шайки грабителей...

Ужасъ напалъ на окрестныя села болгарскія, и тамъ все живое попряталось. Въ городъ старшинъ и поповъ выслали— заявлять свою покорность и вѣрность законному государю. Попъ Севастьянъ такъ даже проповѣдь по-турецки прочелъ въ церкви по тому поводу, а потому по-турецки, что болгарамъ-прихожанамъ все равно. они и по-турецки поймутъ, а ежели кто изъ чужихъ есть, такъ и тѣ чтобы поняли тоже и доложили о поповомъ рвеніи куда слѣдуетъ.

X.

Еще ночь прошла послѣ побоища.

Въ эту ночь очнулась Варвара Лѣпко. Рука лѣвая въ плечѣ сломана; ударомъ приклада оглушило ее, концемъ наскакавшимъ сбило чуть не въ самую воду ручья. Лежала такъ старуха почти двое сутокъ въ безпамятствѣ, очнулась одна живая между ограбленными мертвецами; сидитъ и словно помѣшанная озирается во всѣ стороны...

Холодно подъ утро; холодны воды ручья, а во всемъ тѣлѣ Варвары жаръ и мучительная истома... Мѣстечка нѣтъ здороваго, все избито, все ноетъ, болитъ невыносимо; во рту

пересохло, одервенѣлый языкъ не ворочается... Спасибо, близко вода, только нагнись—да и пей; а плечо сломанное не даетъ пошевелиться, такъ больнѣй чѣмъ наново ломаютъ... Кое-какъ ухитрилась страдалица, напилась; здоровою рукою голову намочила, полегче какъ будто стало...

Еще съ часокъ отдыхала; на ноги поднялась и побрела...

. . . . . .

День за днемъ проходитъ... Разбухли на жарѣ трупы; смрадъ пошелъ по оврагу и надъ селеніемъ... По вѣтру за часъ ѣзды нельзя стоять... И туркамъ не втерпежъ стало... Надо убирать тѣла—ямы рыть и туда сваливать; а самимъ нѣтъ охоты за такое нечистое дѣло приниматься; стали съ начальствомъ списываться — гоняли-гоняли пословъ; отдали приказъ, наконецъ, согнать болгаръ съ другихъ мѣстъ, и приказать имъ очистить всю эту мѣстность зараженную...

Сотни двѣ народу согнали на работу. Чиновникъ, что наблюдать былъ приставленъ, не вынесъ смраду, уѣхалъ... Ну, васъ, говоритъ, и безъ меня справите дѣло... Пріѣду я, посмотрю послѣ, чтобы чисто все было прибрано...

Занялись болгаре уборкою...

Тогда и нашли еле-живую, обезумѣвшую старуху Варвару... Тихонько къ себѣ увели и у дьякона Фотія, пчеловода, пріютили на пчельникѣ...

Бредила все Варвара... лежитъ навзничъ, глаза открыты; прямо на небо, и разговариваетъ все съ кѣмъ-то, говоритъ, ангеловъ Божіихъ видитъ: Лену, Маришу, Петко... Всѣ съ крыльями, всѣ въ вѣнкахъ розовыхъ... Говоритъ Варвара съ ними, словно они вотъ тутъ, надъ нею самой рѣютъ въ воздухѣ, и они говорятъ ей тоже, она слышитъ ихъ, отвѣчаетъ имъ.

Дивились самъ дьяконъ Фотій и его жена Зоффа... Только зорко больную берегли, на запоръ всѣ двери затворяли, когда тихій религіозный бредъ смѣнялся неожиданно цѣлымъ потокомъ самыхъ ужасныхъ проклятій на голову турокъ, на ихъ султана-собаку, на ихъ женъ, дѣтей, на все турецкое и отуречившееся.

Волосъ дыбомъ поднимался на сѣдыхъ головахъ милостивыхъ хозяевъ, аресты и пытки всю ночь во снѣ грезились... Да ничего, миловалъ Богъ. Стала крѣпнуть, попра-

вляться Варвара, руку у нея еще въ безпамятствѣ отняли (сосѣдъ, бывшій учитель школьный, понималъ немного это дѣло). Стала Варвара на ноги подниматься, прошелъ ея дикій, озлобленный бредъ и наступилъ теперь новый періодъ— тихаго, восторженнаго помѣшательства...

Толпами собирались болгары къ дому дьякона Фотія (конечно, когда этимъ сборамъ ничто извнѣ не грозило) и слушали добрыя предвѣщанія старухи, а та словно по книгѣ читаетъ, словно не отъ себя самой идутъ ея рѣчи, и говоритъ она, что скоро настанетъ иное время — радостное, славное; прійдутъ скоро братья ихъ съ дальняго сѣвера, сметутъ врага ихъ легіоны побѣдоносные, очистятъ отъ всякой нечисти землю болгарскую; что какъ на полѣ зерно, въ землю брошенное, родитъ многозерные колосья, такъ каждая капля крови мучениковъ родитъ новыхъ бойцовъ, новыхъ ратаевъ за правое дѣло. На пепелищахъ пожаровъ выростутъ новыя села, новые города; могилы цвѣтами заростутъ... Безъ слѣда, безъ остатка исчезнетъ съ Болгарской земли все злое, настанетъ царство добраго, настанетъ вѣковѣчное свѣтлое воскресеніе.

И плакалъ навзрыдъ народъ, слушая эти вдохновенныя Варварины рѣчи, молодежь кулаки сжимала, съ нетерпѣніемъ ожидая своего часу.

— Хоть бы дожить довелось! — вздыхали старики, крестясь, становясь на колѣна.

А дьяконъ Фотій слушаетъ, слушаетъ, дождется конца, когда замолчитъ утомленная пророчица и скажетъ: «аминь, аминь, аминь, Господи!»

XI.

Миновалъ ровно годъ.

Русскіе полки перешли Дунай. Ошеломленный врагъ далъ время нашимъ силамъ почти безъ боя перейти Балканы; на южномъ склонѣ этого вѣковаго оплота турецкаго владычества, появились наши отряды и ожилъ полураздавленный край, для того, чтобы потомъ испытать новое горе, горше перваго; до дна испить горькую чашу, далъ Богъ послѣднюю.

Насталъ второй періодъ войны... Плевна, Шипка—памятны для всѣхъ.

И теперь, кто уцѣлѣлъ въ дни этой эпической борьбы за голую вершину святаго Николая, помнятъ, между сотнями болгаръ, и мужчинъ, и дѣтей, и женщинъ, помогавшихъ нашимъ отстаивать свои позиціи отъ вдесятеро сильнѣйшаго врага, носившихъ солдатамъ воду подъ градомъ турецкихъ пуль, убиравшихъ нашихъ раненыхъ, заботившихся по пути о больныхъ, отсталыхъ. Между этими людьми многіе помнятъ высокую, худую, какъ скелетъ, сѣдую женщину съ одною только правою рукою...

Безъ страха, не отъ міра сего, вдохновенная, она появлялась то въ рядахъ защитниковъ, то на опасныхъ путяхъ сообщенія. Ея единственная рука работала безъ отдыха, безъ устали. То несетъ она кувшинъ студеной родниковой воды, добытой прямо изъ подъ черкесскихъ ружей; то накладываетъ эта рука мокрую тряпку на сомлѣвшую голову изнемогшаго бойца; то эта же самая рука, махая оружіемъ, мелькаетъ въ переднихъ рядахъ атаки...

Имени ея не знали солдаты, не знали ея и мѣстные болгары; и тѣ, и другіе просто звали ее матушкою, добавляя еще «сѣдая матушка»...

Кончился бой семидневный, пропала «сѣдая матушка» думали сгибла между прочими, костьми легла, а она послѣ, много времени спустя, опять появилась. Напрасно только многіе, мысленно, пожелали ей «царства небеснаго».

Второй разъ появилась Варвара Лѣпко уже зимою. Гдѣ она была до этого времени, никто не знаетъ. Уже послѣ взятія Плевны и плѣна арміи Османа-паши, когда расчищенъ былъ снова путь въ Балканы и, преодолѣвая непреодолимыя препятствія, наши солдаты, въ морозъ и мятели, переваливали горы, разметая турецкіе отряды. Тогда многіе изъ отсталыхъ, изъ заблудившихся въ горахъ спасены были Варварою Лѣпко; она являлась на помощь погибающимъ, она указывала заблудившимся путь; она знала горы, какъ добрая хозяйка свой поставецъ... Она разъ провела два нашихъ орудія тамъ, гдѣ это считалось невозможнымъ; она сбирала партіи болгаръ и во главѣ этихъ партій разыскивала полузамерзшихъ, занесенныхъ снѣгомъ...

Подвигъ слѣдовалъ за подвигомъ; она, окончивъ одно дѣло, уже шла на другое, она не теряла времени и не давала даже возможности спасеннымъ благодарить свою спасительницу...

О ней даже сказки въ горахъ составились, пѣсни сложились... Это былъ олицетворенный геній добра для нашихъ, — геній зла и смерти для враговъ... Для тѣхъ она не знала пощады... Партіи болгаръ, группировавшіяся около «безрукой», безъ пощады убивали всѣхъ турокъ на пути, дорѣзывали раненыхъ, портили отступающимъ дороги, — жгли ихъ шалаши... Они безумно мстили за все то, что было въ свою очередь вытерплено ими отъ турокъ.

Они безусловно считали себя правыми, возмѣщая зубъ за зубъ, око за око.

XII.

Въ день взятія Филиппополя, подъ вечеръ, отрядъ русскихъ войскъ расположился бивуакомъ на лѣвомъ берегу рѣки Марицы.

Съ сѣвера, съ окутанныхъ вечернею мглою, покрытыхъ тяжелыми, нависшими тучами горъ, дулъ рѣзкій, порывистый вѣтеръ; хлопья падающаго снѣга смѣнялись по временамъ потоками холоднаго дождя; по мутной поверхности рѣки плыли разрыхлѣвшіяся льдины, изрѣдка между этими льдинами, въ волнахъ проносились трупы людей и животныхъ, обломки разметанныхъ турками мостовъ, бревна заваловъ, остатки разбитой нашими гранатами какой-то береговой мельницы.

Нѣсколько добытыхъ казаками лодокъ, проталкиваясь шестами въ плывучемъ льду, безпрестанно сновали отъ одного берега къ другому, поддерживая сношеніе между отрядомъ этого берега и тѣми, чей бивуакъ уже на той сторонѣ, у лѣса, мигалъ своими безчисленными кострами.

Изнуренная большимъ переходомъ и боемъ, пѣхота не ставила палатокъ, да ихъ и не было при отрядѣ; солдаты массами въ повалку спали на мокрой, полупромерзшей землѣ, и ихъ темныя группы жались поближе къ огнямъ, щедрою рукою разведеннымъ по всей покатости берега... Дальше виднѣлись коновязи артиллерійскихъ лошадей, исхудалыхъ, понурившихъ свои головы, дрожащихъ отъ стужи, терпѣливо дожидающихся, когда раздобудутъ высланныя команды фуражировъ какого-нибудь съѣдобнаго матеріала, соломы хоть бы, и за ту спасибо... Еще дальше, на самомъ бугрѣ, стройно вытянулись ряды снятыхъ съ передковъ орудій, а за ними такіе же строй-

ные ряды зарядныхъ ящиковъ... Одиночные часовые и тамъ и тутъ!.. Дальше парныя звенья сторожевой цѣпи; а совсѣмъ далеко, за кустами, опять огни, опять тотъ-же порядокъ боевого лагеря... Много войскъ сюда стягивается, въ ожиданіи на завтра переправы, а затѣмъ, можетъ быть, новаго боя.

Конные офицеры группами и въ одиночку перѣзжаютъ отъ одного отряда въ другой, сообщаютъ новости дня... Пришли драгуны, лошадей не видать подъ ворохами сѣна... веселое ржаніе въ коновязяхъ слышится... Тамъ кучка пѣхотинцевъ никакъ съ упрямымъ воломъ не можетъ справиться... Коренастый, черный бугай таскаетъ ихъ за собою, не хочетъ безъ борьбы отдавать на солдатскую похлебку свое мясо.

Офицерскіе денщики, порасторопнѣе кто, нашли своихъ командировъ, прошли въ отрядъ съ вьючными лошадьми, повозка даже маркитантская подъѣхала... Тамъ усатое солдатское лицо самоваръ раздуваетъ, изо всей мочи дуетъ въ трубу... Тамъ что-то вродѣ палатки изъ шинелей строятъ... Все прибываютъ и прибываютъ команды дровосѣковъ... Горы топлива натаскали, всю ночь надо поддерживать костры и врагу на страхъ и себѣ тепла и просушки ради.

Мыскомъ выдвинулся берегъ, и тамъ огни разложены, красными дрожащими столбами въ водѣ отражаются... Черныя тѣни вокругъ бродятъ; словно камышины торчатъ пики донцевъ...

Музыканты хоромъ исполнили уже вечернюю зорю и «Коль славенъ», и съ батарей по выстрѣлу дали, люди помолились,—спать бы теперь. А все-таки весь лагерь копошится и двигается...

Темно... туманно... Если бы не эти огни, такъ не узнать бы мѣста, куда итти, куда ногою ступить... Вонъ конный кто-то, въ буркѣ, въ башлыкѣ, за нимъ два казака верховыхъ пятую батарею разыскиваютъ... Другой спрашиваетъ, не знаетъ-ли кто, гдѣ стоитъ третій батальонъ московцевъ?

Не сообразились еще какъ слѣдуетъ, не оглядѣлись путемъ съ похода и съ боя, прибывъ на совсѣмъ новое незнакомое для нихъ мѣсто...

Къ полуночи небо немного вызвѣздило, холоднѣе стало, морозомъ мокрую одежду сковало, а все лучше. Дождь пересталъ, свѣтлая ночь и огни теперь горятъ ярче, веселѣе; на

душѣ у солдатъ тоже посвѣтлѣло, должно быть... Пѣсня даже въ одной кучкѣ грянула, да остановили пѣвцовъ... Не во время, значитъ!

Въ одномъ только уголкѣ бивуака царила полная тишина; тамъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидѣло человѣкъ полтораста тоже солдатъ, только не нашихъ, а въ красныхъ фескахъ, въ синихъ шинеляхъ съ капюшонами; вокругъ нихъ стояли наши часовые; по близости тоже были разложены огни, чтобы и эти могли погрѣться... Около плѣнниковъ постоянно толпились группы любопытныхъ, больше офицеровъ, впрочемъ, заговаривали съ плѣнными, какъ умѣли. Малорослый офицеръ генеральнаго штаба, кутаясь въ свое клеенчатое пальто, черезъ казака-переводчика допрашивалъ все: какого полка, да какой роты, да кто начальникъ?.. и все это тщательно въ книжечку записывалъ. Товарищи надъ нимъ подсмѣивались, тотъ тоже отшучивался...

— А видѣли, господа, тамъ въ той сторонѣ, какой красавецъ сидитъ, чудо!

— Гдѣ?

— Да вотъ, за тою группою. Онъ, кажется, понимаетъ немного по-русски. Пойдемте.

Пошли туда офицеры, на указанное мѣсто; тамъ лежалъ, опершись на локоть, турокъ, и лицо закрылъ капюшономъ своей шинели.

— Это, кажется, офицеръ. Посмотрите, у него не куртка подъ шинелью, а длинный сюртукъ, у него даже что-то въ родѣ аксельбантовъ виситъ.

— Зачѣмъ же онъ здѣсь—отчего его не отдѣлили?

— Странно!

— Поговоримъ—Чучеладзе, вѣдь вы говорите по-турецки—разспросите его, пожалуйста.

Подошелъ хорунжій Чучеладзе изъ конвоя, отряхнулъ бурку, папироску попросилъ. Турокъ, замѣтивъ, что группа офицеровъ остановилась какъ разъ противъ него, привсталъ и сбросилъ шинель. Свѣтомъ громаднаго костра его освѣщало съ ногъ до головы.

Это былъ, дѣйствительно, красавецъ. Волосы черные какъ смоль, красивыми кудрями обрамливали его блѣдное овальное лицо. Феска была сдвинута на затылокъ, на лобъ до самыхъ

глазъ спускались эти кудри; темно-синіе, выразительные глаза, опушенные длинными рѣсницами, смотрѣли влажно, нѣсколько испуганно, это не были глаза волка, это были скорѣе глаза женщины; небольшой ротъ, чуть-чуть пробивающіеся почти незамѣтно усики, еще болѣе увеличивали это сходство. Средняго роста, изящно сложенный, перетянутый тонкимъ золотымъ поясомъ, онъ поддерживалъ руками свою сползающую на землю шинель и, стыдливо потупившись, стоялъ, видимо смущенный, что его такъ пристально разсматриваютъ.

— Mais c'est une femme!—раздалось въ кучкѣ офицеровъ.

— Peut-être... mais... Чучеладзе, спросите, голубчикъ, какъ его зовутъ.

Чучеладзе спросилъ.

— Селимъ-бей, бывшій адъютантъ его превосходительства Дервиша-паши, капитанъ, командиръ горной батареи, той самой, изъ которой ни одного орудія не попало въ ваши руки, прежде чѣмъ не пали всѣ ея защитники,—гордо отвѣчалъ плѣнный.

Конвоецъ перевелъ.

— Всѣ пали, защитники-то,—засмѣялся драгунъ.—Ну, а самъ командиръ какъ же? Онъ, кажется, и не раненъ. Что онъ говоритъ?

— Онъ говоритъ, что не былъ самъ при батареѣ, уѣзжалъ въ другое мѣсто, по назначенію Весселя-паши,—перевелъ хорунжій.

— Развѣ онъ понялъ мое замѣчаніе? — сконфузился немного драгунъ.

— Онъ знаетъ болгарскій языкъ, это такъ похоже.

— А?

— Однако, господа, пригласимте къ себѣ товарища. Вѣдь онъ офицеръ, да еще батарейный командиръ, зачѣмъ же онъ здѣсь съ простыми плѣнниками,—послышалось предложеніе.

— Прекрасно!.. Чучеладзе, скажите ему, чтобы шелъ съ нами; скажите ему любезность, что, молъ, русскіе офицеры, въ уваженіе оказанной его батареей необычайной храбрости и проч. и проч., просимъ пожаловать, закусить и выпить вмѣстѣ—что Богъ послалъ.

— Господа, ну, ей-Богу же, это женщина!

— Ты теперь какъ арабъ въ пустынѣ, которому вездѣ вода чудится, успокойся.

Офицеры засмѣялись, и весело направились къ единственной палаткѣ, прозрачнымъ фонаремъ виднѣвшейся за артиллерійскою коновязью.

Начальнику караула сказано было, что плѣннаго берутъ съ собою, на свою отвѣтственность; тотъ попросилъ дать записочку—дали, конечно, и Селимъ-бей, бывшій адъютантъ и проч., позванивая шпорами, бормоча что-то подъ носъ смущеннымъ голосомъ, волей-неволей послѣдовалъ за ними, подхваченный подъ руки своими новыми товарищами.

Черезъ нѣсколько минутъ въ палаткѣ уже раздавались веселые голоса. Требовался настойчиво штопоръ, предлагалось за неимѣніемъ сего полезнаго инструмента—проткнуть перстомъ, напѣвались мотивы «Perricolle»—и все еще по временамъ слышалось полное сомнѣнія замѣчаніе:

— Mais à nom de Dieu! c'est une femme!

Безрукая старуха какъ разъ въ это время проходила мимо офицерской палатки...

Она еще засвѣтло пришла въ лагерь, съ отрядомъ санитаровъ, и теперь шла отъ лазаретныхъ фуръ къ рѣкѣ... Она несла большой глиняный кувшинъ и, заслышавъ въ палаткѣ голоса, вздрогнула,—поставила на землю посуду и, какъ кошка, начала подкрадываться прямо къ этой мокрой прозрачной парусинѣ, на которой уродливо двигались темные силуэты...

Опять говорятъ... опять его голосъ отвѣчаетъ... Этотъ голосъ звучитъ теперь весело... довольно... она ясно слышитъ каждое слово, она узнала, кто это... у ней уже нѣтъ мѣста сомнѣнью.

— Меня въ Петербургъ отправятъ... Я хотѣлъ бы, чтобы меня въ Петербургъ отправили... Только не къ румынамъ, пожалуйста не къ румынамъ,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ—ты здѣсь останешься...—шепчутъ сухія губы старухи,—здѣсь... Вотъ тутъ—на этомъ самомъ мѣстѣ...

— Ты что тутъ!—схватилъ ее за плечо—широкоплечій, дюжій денщикъ... что за человѣкъ?..

— Оставь, пусти!.. Не трогай!..

Она рванулась, откинула мокрую парусинную полу — и вошла въ палатку...

— Говорятъ у васъ весело въ Петербургѣ... паша Рэшидъ былъ, онъ при мнѣ говорилъ Дервишу. Тамъ у васъ женщины красивыя, бѣлыя, полныя, тамъ...

Селимъ-бей прервалъ свою рѣчь разомъ, будто громомъ пораженный—стаканъ съ чаемъ выпалъ у него изъ рукъ—онъ пошатнулся даже, вскрикнулъ и замахалъ руками, словно отгоняя отъ себя это страшное, неожиданно появившееся передъ его глазами видѣніе...

Офицеры оглянулись... Въ палаткѣ, упираясь головою въ нависшій холстъ потолка, стояла высокая, безрукая старуха...

— Здравствуй, Коста... здравствуй, сынокъ мой ненаглядный... Вотъ гдѣ привелъ Господь таки свидѣться,—произнесла ясно, отчетливо Варвара Лѣпко...

— Коста... его мать... это интересно... Вѣдь это та самая,—послышались тихія восклицанья...

— Ну, что хорошаго скажешь, что новаго?.. Давно не видѣлись... Много, скажи, нашихъ порѣзалъ, много милостей отъ султана получилъ?.. Говори же... Теперь, чай, въ силу вошелъ, въ чины большіе: старуху-мать, калѣку, не забудь-же своими милостями...

— Мамо!..

— Что сынокъ? Что же ты ничего не разскажешь матери? или нечѣмъ похвастаться, что же самъ не спрашиваешь про своихъ... неужели знать не хочешь?!. Ну такъ я сама тебѣ разскажу, а ты послушай... Ты хорошій, ты вѣрный рабъ султану... а, мы, вѣдь бунтовщики—собаки... Батько твой, бунтовщикъ старый, зато и сгнилъ въ острогѣ, Петко—братъ, въ битвѣ палъ... Лену сестру... замучили до смерти, обезчестили такіе же, какъ и ты самъ, султанскіе честные воины, и Маришу-малютку черкесъ конемъ стопталъ... родные всѣ твои перебиты, дома наши сожжены все за то, что противъ султана бунтовали—по дѣломъ имъ, этимъ неспокойнымъ людямъ! Вотъ и мать твоя старуха—видишь безъ руки теперь,—калѣка!.. все за тоже... видишь?.. Ну, а ты хорошій, ты вѣрный, ты вотъ здоровъ, красивъ—такой красивый, какъ и я была сама съ молоду—да!

— Мамо!..

— А знаешь, отчего мнѣ одну руку только отняли... знаешь, зачѣмъ Богъ сохранилъ другую, вотъ эту... знаешь?..

Потупился Селимъ-бей, онъ-было на ноги встать хотѣлъ, да колѣна его ослабѣли, сами собою подгибались... Пристально,

прямо въ глаза ему смотрѣла мать, и прожигала насквозь несчастнаго этимъ страшнымъ взглядомъ.

— А затѣмъ одна рука у меня еще осталась, что Господь смилостивился, услышалъ мои молитвы—а молитвы у меня было три: первая—освободи, Господи, землю родную; вторая—помяни въ царствіи Твоемъ души павшихъ за родину мучениковъ,—а третья—приведи, Господи, еще разъ съ сынкомъ моимъ, милымъ Костою встрѣтиться... Вотъ, услыша эту мою третью молитву, и сохранилъ мнѣ Господь мою правую руку...

Въ палаткѣ произошло что-то странное, ужасное... минутная борьба, раздирающій душу крикъ, предсмертное хрипѣніе...

Селимъ-бей, красавецъ, лежалъ на землѣ, съ перерѣзаннымъ горломъ... его тѣло конвульсивно вздрагивало...

Варвара Лѣпко говорила:

— Онъ сынъ мой—я его мать. Помимо Бога и меня нѣтъ для него судьи иного...

XIII.

Немного времени спустя послѣ этого, въ Адріанополѣ, въ православномъ соборѣ,—служили благодарственный молебенъ.

Вокругъ собора, вся площадь, всѣ ведущія къ ней улицы были запружены ликовавшимъ, молящимся народомъ.

На колѣняхъ стояла безчисленная толпа, молилась и плакала; на колѣняхъ стояли сѣрыя колонны русскихъ солдатъ, на колѣняхъ стояла блестящая толпа генераловъ, а кони ихъ, словно понимая въ чемъ дѣло, благоговѣйно понурили свои красивыя головы.

Съ ночи еще забралась въ соборъ Варвара Лѣпко; съ ночи она жарко молилась... Навзрыдъ плакала безрукая женщина, припадая лицомъ къ холоднымъ плитамъ пола. Она молилась и за души павшихъ героевъ, и за благоденствіе освобожденной родной земли, и за славу русскихъ знаменъ, и за свой материнскій самосудъ,—прося у Бога помилованія ея сыну-отступнику...

Кончился молебенъ, ушли войска, разошелся народъ ликующій... нашли соборные сторожа безжизненное, мертвое тѣло Варвары Лѣпко.

Свѣтла, радостна, безъ страданій пришла къ ней желанна смерть...

ВЪ ОПАЛѢ.

Историческая быль.

Шестой годъ проходитъ, какъ въ опалѣ бояринъ Данило Ивановичъ. Конца этой опалѣ не предвидится.

Былъ бояринъ и богатъ, и властенъ, первый домъ на Москвѣ, первый къ царю приближенникъ и совѣтникъ. Молодъ еще былъ царь, опытомъ жизненнымъ не умудренъ еще—и рука наставника добраго надъ нимъ требовалась.

На большую высоту поднялся тогда Данило Ивановичъ, но умѣлъ никому не заслонять собою солнца—и хотя и говоритъ пословица будто «безъ враговъ и въ заячьей норѣ не проживешь», однако такихъ подпольныхъ враговъ у боярина что-то не обозначалось до поры до времени. Да и кто бы посмѣлъ подрыться да пошатнуть такой столпъ—поддержку престола царскаго? Кому бы и во снѣ приснилось такое дерзновеніе, такъ тотъ, проснувшись со страху, весь день протрясся бы въ лихорадкѣ, у Бога себѣ прощенія вымаливалъ бы.

Сила была, казалось, несокрушимая у боярина Данилы; однако пришла пора,—и его повалили.

Да и кто свалилъ, подумаешь! Безъ роду знатнаго, только и боярство начиналось всего съ прадѣда; къ царю самъ же, нынѣ опальный, бояринъ его приблизилъ. И лѣтами молодъ, и умомъ не гораздъ, по мѣсту всего подсокольничій царской охоты, а съумѣлъ пробраться къ «сердцу цареву» и потопилъ своего же благодѣтеля. Да такъ потопилъ, что теперь и не вынырнуть.

А виною всему была ненасытная гордыня боярина Данилы Ивановича. Поклоны любилъ, а самъ не кланялся... Только, когда уже совсѣмъ нельзя было безъ отвѣтнаго кивка, такъ

только, будто не голова, а шапка одна чуть колыхалась; не разберешь — не то и во истину почетъ оказала, не то такъ только на головѣ поправилась.

Хлѣбосоленъ былъ домъ у царскаго «пѣстуна-хранителя», да изъ дому того выходили не сыты, не пьяны: безъ ласкаваго слова, безъ привѣтливой улыбки хозяйской не лѣзетъ кроха въ ротъ, поперекъ горла становится.

Держался боярinъ на своей высотѣ не прихотью царскою, не поклонами да поблажкою капризамъ юнаго вѣнценосца, а только своимъ умомъ да правдою. Душою не кривилъ и самъ былъ неподкупенъ. Всѣ, кому нужда была до царскаго подножья, всѣ были равно доступны боярину, черезъ него и милости получали заслуженныя, а когда и кару справедливую, только помимо властнаго наставника уже нѣтъ, не суйся. Не любилъ этого великій царедворецъ и каралъ такого дерзкаго неумолимо. Подкупить боярина никто не могъ, потому что не корыстенъ онъ былъ, а богатъ — что и сосчитать невозможно было его богатства. «Не добавишь въ морѣ воды, хоть подливай въ него бочками сороковедерными».

Безродный Ильюшка Бастуковъ гордынею этою и воспользовался; нашелъ-таки слабое больное мѣсто. Началась Ильюшкина обида на боярина-благодѣтеля съ того самаго времени, какъ пожаловалъ царь «подсокольничьяго» дорогою шубою съ своего плеча, говорилъ съ нимъ очень милостиво и, за трапезою, блюдо послалъ ему золотое. За что пожаловалъ такъ щедро царь своего «холопа» длинное дѣло разсказывать, угодилъ значитъ чѣмъ ни на есть, но только всѣ бояре и не бояре, дьяки и подъячіе, попы даже самые отцы духовные,— всѣ пошли къ Ильѣ Бастукову съ поклонами и поздравленіями, а Данило Ивановичъ самъ не пошелъ, а за Ильею послалъ. Не посмѣлъ тотъ по старой привычкѣ ослушаться, явился, да и получилъ замѣсто поздравленія сухое:

— Спасибо за службу и отъ меня тоже.

Съ тѣхъ поръ и запала злоба у Ильѣ на боярина-*гордыню*, какъ его втихомолку всѣ величали, — и началась со стороны сокольничьяго дѣятельная, подпольная работа.

Охотниковъ помогать Бастукову въ его темномъ дѣлѣ нашлось достаточно: и большіе бояре, и малые, всѣ начали «стараться».

Самоувѣренность и гордость ослѣпили боярина, не замѣчалъ онъ долго этой черной работы, а спохватился тогда, когда было уже поздно.

Подошло дѣло къ допросу. Вотъ уже до чего дошло! Стали его пристава опрашивать, а свидѣтелей набралось видимо-невидимо: кто показываетъ, будто бояринъ, за трапезою, похвалялся своею властью, повыше царской ея возносилъ, кто доказывалъ будто бояринъ царя малолѣткомъ неразумнымъ обозвалъ сгоряча... Нашелся монахъ, ризничій, тотъ изъ-подъ пытки объявилъ, будто бояринъ бармы царскіе на свои плеча примѣрялъ и говорилъ: долго еще царю такихъ плечъ не откормить, чтобы бармы тѣ въ пору пришлись... Договорились даже до того, что хочетъ онъ царя и вовсе извести, а самому на его тронъ сѣсть...

На судѣ и допросѣ Данило Ивановичъ держалъ себя гордо и заносчиво—клеветниковъ и судей нехорошими именами обзывалъ. Отъ пытокъ и лютой казни только патріархъ своими моленіями его спасъ, и приговорили «Гордыню»-боярина лишить всего: и званія боярскаго, и всего имущества, отобрать на казну всѣ вотчины и угодья и сослать въ дальній монастырь, со всею семьею, на вѣчное заточеніе. Потомъ уже, тоже по патріаршему заступничеству, смягчили немного: перевели въ рязанскую вотчину, на самый татарскій рубежъ, дали пять дворовъ «*смерду*» на прокормленіе и указали жить тутъ до самой смерти безвыѣздно.

Забыли мало-по-малу объ опальномъ, когда-то всесильномъ бояринѣ. Словно въ могилу его закопали... Доходили до него вѣсти изъ Москвы, только отъ этихъ вѣстей еще горше приходилось Данилѣ Ивановичу.

Поднялись, рукою подлаго Ильюшки, до царскаго престола такіе людишки, что прежде они и на дворѣ настоялись бы. Пошли поборы лихіе, настало время суда неправаго... Жалѣли многіе о прежнемъ, да только втихомолку... Опасно было. Года три тому назадъ отъ Ивана Бартеньева, искренно преданнаго друга Данилы Ивановича, письмо пришло потайно, а въ письмѣ томъ написано, чтобы бояринъ, прочтя, сжегъ бумагу, потому что если узнаютъ про переписку, бѣда будетъ: и того кто писалъ сживутъ со свѣта и тому, кому написано сгибнуть. Вотъ въ письмѣ томъ и было все обозначено. Да и слухи пошли по

Руси про новые порядки, и такіе слухи, что больно, смертельно ранило сердце у опальнаго и закипѣла противъ враговъ та отчаянная злоба, что этою злобою послѣднія утѣхи, послѣднія радости заслонило.

Постучался у воротъ странникъ, глухою ночью, просилъ Христовымъ именемъ ночлега и хлѣба. Сынъ опальнаго, двадцати-лѣтній Юрій, первенецъ, впустилъ нищаго старика въ истрепанномъ монашескомъ одѣяніи. Отецъ не спалъ, пожелалъ поговорить лично.

Чуть дотронулся пришелецъ до хлѣба, хлебнулъ воды изъ ковша, долго молился передъ старыми почернѣлыми иконами, а потомъ и говоритъ:

— Тебѣ, бояринъ, только теперь и надежда на Бога, да на заступничество святого пророка Даніилы—моли его и денно и нощно, во прахъ пади головою... Смирись духомъ и моли за себя и за враговъ твоихъ. Помяни въ молитвахъ и Илью многогрѣшнаго...

Только промолвилъ старикъ послѣднія слова, какъ вскипѣлъ гнѣвомъ бояринъ, гостя своего обругалъ нехорошимъ словомъ да и говоритъ:

— Богу-то сверху все видно, что же онъ за меня не вступился? И передъ Нимъ и передъ паремъ я неповиненъ... За что же онъ покоралъ меня такъ неправедно?..

— За гордость твою,—кротко отвѣчалъ странникъ и тихонько вышелъ изъ горницы.

Дѣло клонилось къ вечеру.

Сидѣлъ бояринъ на лавкѣ у небольшого оконца, опершись на подоконникъ и думалъ свою обычную думу... Кто зналъ его прежде—теперь не сразу призналъ бы величавый образъ могучаго царедворца. Гдѣ та осанка и взглядъ орлиный, гдѣ плеча и ростъ богатырскій, гдѣ та борода курчавая—воронье крыло, гдѣ то лицо румяное и полное? Все слизала горечь злобы, какъ ржавчина съѣдаетъ поверхность блестящаго клинка. Только и живого въ лицѣ, что глаза какъ у волка горятъ изъ темныхъ глубокихъ впадинъ изъ-подъ тѣни косматыхъ, посѣдѣлыхъ бровей... Копошится за перегородкой боярыня Евдокія, горшками постукиваетъ, ужинъ мужу и семьѣ готовитъ, а семья, пока солнце не сядетъ, въ работѣ: дочь Елена, шест-

надцатилѣтняя красавица, въ капустный огородъ воду носитъ для поливки; отъ ручья въ гору съ тяжелою ношею поднимается. Скользятъ босыя ноги по мокрой отъ дождя глинѣ, тяжело несть ее, а все съ пѣснею... Серебряной волной до отцовскаго слуха эта пѣсня доносится, а сердце не радуетъ, а словно ножами рѣжетъ... Вонъ изъ окна видитъ и сына Юрія, торопится парень допахать до ночи полосу, всѣмъ тѣломъ на соху налегаетъ... Трудно ему, трудно и пѣгой лошаденкѣ...

И думается боярину опальному, глядя на своихъ дѣтей: «сидѣть бы тебѣ, красавица, въ свѣтломъ теремѣ, окруженной подругами ровнями, носить бы наряды яркоцвѣтные, да женихов поджидать достойныхъ сана своего и положенія, а не таскать ведра тяжелыя. Стоять бы тебѣ, добрый молодецъ, у трона царскаго, въ бѣломъ парчевомъ кафтанѣ, въ шапкѣ горлатной, съ золотою сѣкирою на плечѣ, а не мѣсить глину за мужичьей сохою, ради отцовскаго прокормленія... О, Господи, если ты справедливъ, смилуйся надо мною неповиннымъ, разрази Ильюшку дьявола, повергни враговъ моихъ подъ стопу мою!.. Охъ! тяжко мнѣ тяжко!.. Не дай Боже помереть не отомстивъ... Пошли ты, Всесильный, мнѣ эту послѣднюю радость. Охъ, тяжко!..»

— Что ты, Ивановичъ?—выглянула Евдокія изъ-за перегородки...—Господь съ тобою, испей кваску, полегчаетъ... Нако-сь, я принесу съ погреба.

«Вишь, не коритъ меня за долю свою,—подумалъ Данило Ивановичъ. Извелась - то сама какъ, узнать нельзя... О, проклятые недруги!..»

Солнце садится за лѣсомъ, кровавое такое, красное... Черною, зубчатою стѣною поднимаются вѣковыя ели и сосны, а уже понизу сизый туманъ потянулъ, низины словно саваномъ окутаны... Заскрипѣли ворота, то Юрій, окончивъ пахоту, лошаденку распрегаетъ. Звонкій голосокъ Елены-боярышни уже за перегородкою слышится... Дѣвка Малашка корову загоняетъ во дворъ, да справиться не можетъ... Куры давно уже на шестъ забрались, сжались комками и не слышно ихъ... А къ ночи гроза собирается, отъ востока тяжелая подвигается туча и далеко-далеко грохочутъ раскаты приближающагося грома.

Вся семья собралась за столомъ. Ужинъ не важный: картофельная похлебка да тюря изъ ржаного хлѣба съ квасомъ

и лукомъ... Помолились на образа,—взялись за ложки. Молодежь такъ и закладываетъ за обѣ щеки. Мать чуть черпаетъ деревянной ложкою, а самъ почти и не дотрогивается...

Были внѣ дома, трудились, легко было у всѣхъ на душѣ, а здѣсь присмирѣли, ужъ очень ихъ неутолимая отцовская скорбь тяготитъ... Поѣсть бы скорѣе, да спать—кому на сѣновалъ, кому въ свѣтелку.

— Изведешь ты себя въ конецъ, соколикъ,—произнесла боярыня Евдокія, сбирая со стола, искоса поглядывая на мужа...—Помолился бы пожарчѣй—отошло бы отъ сердца. Я же, вотъ, выплакалась и отмолилась. По мнѣ теперь все едино, хоть бы и не бывало совсѣмъ прошлаго... На дѣтей гляжу, радуюсь, а на тебя взгляну, словно камнемъ на душу повалило... Смирись ты духомъ, отецъ нашъ. Покорись волѣ Господней... Немного уже намъ жить съ тобою осталось... Ивановичъ, а Ивановичъ...

А съ ея Ивановичемъ что-то страшное отъ ея словъ сталося... Сжалъ кулакъ, хватилъ наотмашь по столу и проговорилъ:

— Уходи, старуха!

Ближе и ближе гроза. Уже молнія два раза освѣтила внутренность избы, во всѣ углы темные свѣтъ ея проникъ и озарилъ почернѣлые лики угодниковъ. Ночь наступала «воробьиная», разгоралась буря и застонала, загудѣла подъ ея напоромъ вѣковая лѣсная чаща.

Одинъ въ избѣ остался опальный бояринъ со своею тоскою, со своею неутомимою злобою.

Нѣтъ, кажись, не одинъ.

Вслѣдъ за особенно яркимъ блескомъ молніи грянулъ оглушительный ударъ. Отъ порыва вѣтра распахнулись ворота, хлопнула дверь въ сѣняхъ и съ петель сорвалась, отворилась и дверь въ горницу.

Сидитъ въ углу, у печки, нивѣсть откуда появившійся человѣкъ и пристально смотритъ на хозяина.

Въ избѣ темно, а пришельца видно довольно явственно: кафтанъ на немъ туго подпоясанный, на поясѣ сабля кривая, на головѣ шапка баранья, высокая. Одѣтъ, какъ гонецъ, а по виду не смахиваетъ на слугу, гордо такъ подперся рукою и шапки не снимаетъ, не глядитъ, что иконы въ переднемъ

углу и хозяинъ самъ передъ нимъ, даже не здоровается по обычаю, а прямо такъ говоритъ:

— Ну, вотъ и я... Давненько ты меня ждалъ, бояринъ, давно и я къ тебѣ собирался. Здорово!

— Ты что за человѣкъ? — грозно поднялся Данило Ивановичъ.

Кто его знаетъ: хотѣлъ либо онъ поучить наглеца за неучтивость, другое что, только вдругъ воззрился, схватилъ хлѣбный ножъ со стола и съ дикимъ крикомъ бросился на гостя.

— Ильюшка!—прохрипѣлъ бояринъ.

Выскочила изъ-за перегородки боярыня Авдотья, съ постели, не одѣтая, вбѣжалъ сынъ Юрій, прямо съ сѣновала, только сестра его такъ крѣпко заснула въ свѣтелкѣ, что отцовскаго крика не слыхала.

Опомнился бояринъ, нѣтъ никого посторонняго; ножъ изъ руки самъ выпалъ.

— Что же это мнѣ, спаси Господи, померещилось?..

А ничего не померещилось. Только всѣ, успокоенные, разошлись по своимъ угламъ, человѣкъ у печки опять появился, только уже не на Илью Бастукова похожъ лицомъ, тотъ смуглый, словно цыганъ, а этотъ съ тощею рыжею бороденкою, носъ длинный, заостренный, а одежа все на немъ та же самая.

Всталъ съ лавки незнакомецъ, низко-низко поклонился боярину, вся голова инда ушла въ плеча, словно змѣей изогнулся, а шапкою такъ по полу и ерзаетъ, пыль обтираетъ.

— Не серчай, бояринъ, говоритъ, на слугу своего самаго вѣрнаго. Я, говоритъ, давно къ тебѣ собирался, да все мнѣ мѣшали, все запретъ накладывали, а теперь разрѣшили, вотъ я къ тебѣ и явился, честь-честью... Все, что прикажешь, все для тебя сдѣлаю... А то, хочешь, самъ укажу себѣ службишку, да такую, что сердце твое огнемъ разгорится, радостнымъ... Не серчай, значитъ, а милостиво прикажи докладывать...

— Откуда Богъ прислалъ?—спросилъ Данило Ивановичъ, пытливо разглядывая гостя...

Съежился тотъ отъ такого вопроса, показалось даже боярину, что на иконы въ углу боязливо покосился и даже черезъ губу сплюнулъ, однако оправился и уклончиво отвѣчалъ:

— Издалека, родимый, охъ, издалека. Пока къ тебѣ шелъ, весь свѣтъ обошелъ и по-верху, и по-низу, и по сторонамъ...

— Былъ въ Москвѣ?

— Охъ! былъ, бояринъ, былъ... Много тамъ у меня дѣловъ было, наспѣу справился... Оттуда къ тебѣ прямо. Потому—все приспѣло.

— Что «тамъ»?

Спросилъ бояринъ, а самъ слово «Москва» не хотѣлъ вымолвить, потому что ни сама Москва ему помнилась, ни царь, ни бояре и ихъ дѣла, ни соборы великолѣпные, съ мощами святыми, все слилось въ туманѣ, только обида его и Бастуковъ Ильюшка остались въ памяти.

Не сразу странный гость сталъ отвѣчать на вопросъ. Долго въ черты лица боярскаго вглядывался и головою качалъ. Все высматривалъ, не осталось чего въ этихъ исхудалыхъ чертахъ для него неудобнаго, наконецъ, убѣдился должно быть, что все какъ слѣдуетъ быть и, не торопясь, началъ свою рѣчь.

Началъ то сперва съ поклона, а тамъ и на мѣсто сѣлъ, къ столу самому, а тамъ и къ образамъ пересѣлъ спиною, а дальше даже шапку снова надвинулъ на бекрень... Совсѣмъ завладѣлъ рѣчью своею душою и сердцемъ Данилы Ивановича.

А говорилъ онъ слѣдующее.

— Я самъ къ тебѣ, бояринъ, отъ моего царя посланъ, только мой царь не твой пока. Онъ государь могучій и сильный и все, что на землѣ творится, ему доподлинно вѣдомо. А коли вѣдомо, такъ значитъ и дѣло твое, правое, до его ушей достигло. Знаетъ онъ, что пострадалъ ты напрасно: знаетъ, что постигла тебя кара незаслуженная, что не мѣсто тебѣ пропадать напрасно въ изгнаніи, въ тяжелой нуждѣ и затѣченіи... Долго царь мой терпѣлъ эту кривду, долго ждалъ, да высматривалъ, а тутъ послалъ за мною, вѣрнымъ своимъ слугою, да и говоритъ:

— Слушай, князь,—я вѣдь тоже не простого роду—такъ вотъ онъ и говоритъ: слушай князь, надо бы бояринѣ тому, тебѣ то-есть, помочь... Ступай-ка, устрой ему дѣло...

А я его спрашиваю:

— Какъ же устроить это повелишь, государь великій?

А онъ:

— А вотъ какъ: надо чтобы кто-нибудь открылъ глаза и уши царю московскому; чтобы царь провѣдалъ про обиду боярскую, про дѣло неправое; чтобы царь указалъ воротить боярину опальному всѣ свои милости; чтобы Ильюшку, раба лукаваго, подъ пяту повергнуть твою, бояринъ, и чтобы онъ подъ твоею пятою просилъ себѣ у тебя милости и прощенія. А тебѣ сказать, чтобы ты не давалъ ему, лукавому, этой милости, подъ плетями палача его продержалъ до сыта, чтобы на дыбѣ всѣ жилы выкрутилъ, чтобы шкуру ему змѣиную ремнями изрѣзалъ бы и казнилъ потомъ лютою, позорною смертью... Изстрадался, молъ, душою неповинный бояринъ, пусть теперь отдохнетъ, вволю потѣшится... Да чтобы царь московскій такой листъ выдалъ бы боярину Данилѣ, за своею печатью царскою и подписью, а въ листѣ томъ ничего чтобы написано не было:—бояринъ, молъ, самъ впишетъ:—и имена впишетъ и что кому въ наказаніе полагается... Вотъ что, говоритъ, надо устроить для сердешнаго, неповиннаго боярина Данилы Ивановича. Что? Любо?

Замолчалъ странный гость, подперся обоими кулаками подъ бороду, смотритъ на боярина, такъ и пронизываетъ его насквозь огненными очами, и у самого все скуластое лицо отъ внутренняго смѣха лоснится.

— И ты *это* можешь сдѣлать?—промолвилъ Данило Ивановичъ глухимъ голосъ.

— Чего не можетъ сдѣлать вѣрный слуга по указу царскому! Чай, самъ знаешь? Коли мнѣ что приказано, значитъ такъ и исполнено.

— Такъ дѣлай!.. Дѣлай скорѣе!.. Дѣлай во имя правды... во имя...

— Не торопись,—прервалъ гость этотъ горячій призывъ...—Сами знаемъ, во имя чего служить надо, только, братъ, даромъ то тоже дѣлать не приходится...

— Все отдамъ! Царь вернетъ. Хочешь половину всего состоянія? Да что половину! Все забирай!.. Все для меня ни почемъ!.. Богатство—дѣло вздоръ, наживное. Съ ногъ до головы озолочу и дорогу твою, вплоть до дома твоего, золотомъ вымощу... Всю жизнь молить за тебя и родню твою стану Господа...

— Брось!—грозно окрикнулъ гость.—Мой царь и повелитель, да и я самъ его вѣрный слуга, много твоего царя и

властнѣй и богаче, а потребую я отъ тебя другую службу, не больно тяжелую, за то намъ радостную...

— Требуй!—перебилъ его въ свою очередь бояринъ.

— Гордо ты очень обошелся со мною, бояринъ, не за того, знать, призналъ. Ножомъ было пырнуть сгоряча собирался. А намъ это обидно. Къ тебѣ съ добромъ, а ты съ рожномъ... Не приходится какъ-то. А ты вотъ смирись, да честь-честью поклонись мнѣ, въ самыя ноги гордымъ лбомъ своимъ къ концу сапога моего прикоснись. Небось, не замараешься...

Отшатнулся бояринъ, вся кровь къ сердцу прихлынула, побѣлѣлъ лицомъ бѣлѣй столовой скатерти, а гость продолжаетъ:

— Тоже вѣдь и наша служба не малая... Ильюшка то теперь, знаешь, какая птица? Высоко летаетъ, рукою не достать... Царю московскому на плечо оперся и на ухо ему говоритъ, а царь только поддакиваетъ. О тебѣ вспоминаетъ на своихъ пирахъ, смѣется да бахвалится: «вишь какого, говоритъ, борова повалилъ, да и роднѣ его отъ меня, пока живъ, не будетъ покоя»!

— А кто мнѣ порукою, что ты сдѣлаешь все, что обѣщано?—пытаетъ гостя Данило Ивановичъ.—Отъ какого царя великаго посланъ ты,—мнѣ невѣдомо. Тебя самого впервые вижу... Вѣрить тебѣ хочу, всѣмъ сердцемъ алчу, а не вѣрится будто... Докажи мнѣ правду свою. Убѣди ты меня,—сжалься!.. Измучилъ ты меня своею рѣчью. Все сердце прокалилъ, какъ огнемъ, своею похвальбою.

Слезы текутъ изъ впалыхъ глазъ боярскихъ, изнемогъ Данило Ивановичъ, ослабъ, руками за столъ вцѣпился, чтобы со скамьи не свалиться, а посланецъ взялъ ножъ со стола, засучилъ себѣ лѣвый рукавъ по локоть да и говоритъ:

— Видишь!

Чуть только коснулся ножъ оголенной руки, темная кровь густою струею поползла; обмакнувъ палецъ въ эту кровь, посланецъ и сталъ водить по столу. Долго онъ мокалъ да водилъ, всю столешницу окровянилъ, а потомъ отряхнулъ палецъ, отеръ объ полу, облизалъ на рукѣ рану и говоритъ:

— Ну, на! читай, коли грамотенъ!

А на столѣ было написано:

«Ильюшкино горло подъ пяту боярина Данилы положить, враговъ его всѣхъ въ его руки предать, милость царя москов-

скаго всю вернуть съ лихвою, какъ сказано, и мнѣ отъ владыки моего приказано, исполнить обѣщаюсь; а коли не исполню—пусть самъ сатана душою моею владѣетъ и вволю надъ нею тѣшится»...

— Прочелъ?

— Прочелъ! Страшную ты клятву даешь...

— Я не изъ робкихъ. Что же, вѣришь теперь? Ну, исполняй приказъ мой, кланяйся!..

Гордо поправилъ на головѣ шапку посланецъ, лихо подбоченился и ногу свою впередъ выставилъ. Обезволилъ измученной боярынъ, сползъ совсѣмъ на полъ со скамьи робко оглянулся по сторонамъ.

— Небось! Всѣ уснули, никто не увидитъ... никто и знать объ этомъ никогда не будетъ... Ну? Что жъ?.. Я жду!.. Скоро заря займется, дорога мнѣ предстоитъ дальняя... работа моя не малая...

Застоналъ Данило Ивановичъ въ послѣднемъ усиліи, ничкомъ повалился на полъ и прямо лицомъ на сапогъ своего ночного гостя.

. . . . . .

Только утренняя заря разгорѣлась, вышла изъ-за своей перегородки боярыня Евдокія и руками всплеснула. Спитъ ея мужъ на полу, не раздѣвшись даже, да и спитъ-то какъ-то странно, ужъ не померъ ли, страдалецъ измученный?

Вбѣжалъ на ея крикъ молодой боярскій сынъ, прибѣжала и Елена боярышня, стали поднимать отца. Нѣтъ, слава Богу, дышитъ и во снѣ что-то бормочетъ. Воды принесли, спрыснули, воротъ разстегнули. Отошелъ совсѣмъ и проснулся...

Смотритъ на всѣхъ, словно разума лишившись, будто и своихъ не узнаетъ.

— Гдѣ же онъ, тотъ-то?—спрашиваетъ.

Переглянулись въ недоумѣніи.

— Про кого ты спрашиваешь, отецъ?—попытался сынъ Юрій.

— Господь съ тобою!.. Дай я тебя перекрещу,—сунулась старая боярыня.

— Тятенька, родненькій!—обняла его красавица дочка.

— Неужто все это мнѣ во снѣ померещилось?—тихо проговорилъ Данило Ивановичъ и хотѣлъ на образа перекреститься.

Икона черная, ликовъ не разберешь, да и глаза съ тяжелаго сна плохо видятъ. Хотѣлъ было боярин руку поднять для крестнаго знаменія, а рука, словно свинцовая, не поднимается. Подали холодной воды въ ковшѣ, полъ ковша выпилъ боярин, не отрывая воспаленныхъ губъ, будто отошло немного, глаза посвѣжѣли...

А тутъ шумъ на дворѣ поднялся необычный: бѣгутъ мужики изъ выселка, кого то тащатъ подъ руки и прямо въ боярскія ворота. Сказываютъ гонецъ изъ Москвы отъ боярина Ивана Бартеньева; гналъ, говорятъ, шибко, шестую лошадь загналъ дорогою, послѣдняя у самой ихней околицы пала и самъ ѣздокъ изнемогъ, проситъ только скорѣе допустить его къ самому боярину.

Гонецъ съ письмомъ. Письмо длинное, должно быть, тяжелое, за восковыми печатями и въ четыре платка заворочено. Вынули его у гонца изъ-за пазухи, крѣпко было между сукномъ кафтана и подкладкою зашито.

На силу этого гонца отпоили, чтобы хоть слово могъ вымолвить совсѣмъ, бѣднякъ, задохнулся съ перегону. Сталъ боярин читать.

Бережно, дрожащими руками, раскуталъ онъ платки, сломалъ печать и развернулъ вшестеро сложенную бумагу. Исписано кругомъ, не мелко, а тѣсно, строка къ строкѣ, рукою боярина Бартеньева.

Не дочиталъ половины, бумага изъ рукъ выпала; не поддержали бы родные, свалился бы; однако, лицо просвѣтилось, радостное такое. Говоритъ сыну:

— Дочитывай!

«Пишетъ недостойный рабъ, боярин Ванька Бартеньевъ, великому боярину и благодѣтелю, отцу милостивцу, свѣту боярину, свѣту Данилѣ Ивановичу и посылаетъ свой низкій поклонъ до сырой земли и боярынѣ его Евдокіи Юрьевнѣ тоже поклонъ до земли и сыну его свѣту Юрію, а также и дочери Еленѣ, своей крестницѣ, поклонъ и троекратное лобзаніе».

«Много, премного прегрѣшилъ злой воръ Ильюшка Бастуковъ и много народу извелъ, царя великаго обольстивъ рѣчами дьявольскими, а нынѣ заслужилъ кару достойную. Много было обиженныхъ его воровствомъ, много и жалобы на него было, только жалобы эти до царя не доходили, потому что

жалобщики всѣ въ подвалахъ ильюшкиныхъ сгнили, а то и просто находили смерть лютую подъ пытками. Только пришелъ однажды странникъ божій человѣкъ, въ иноческомъ одѣяніи, отягченный веригами, всю обѣдню отстоялъ на колѣняхъ, на соборной паперти и возгласилъ: «слава въ вышнихъ Богу и гибель антихристу». И до царя тѣ возгласы достигли, и велѣлъ царь привести передъ свои очи блаженнаго страца. Кто же есть антихристъ? вопросилъ его государь, а старецъ указалъ перстомъ на стоящаго подлѣ него Ильюшку, царскаго перваго совѣтника, и говорилъ: «вотъ тотъ, окаянный, кто тебѣ, царь, свѣтлыя очи твои отуманилъ, самаго обольстилъ и есть къ тому всѣ доказательства». Сталъ тогда старецъ про всѣ злыя Ильюшкины дѣла говоритъ, всѣхъ погубленныхъ имъ неповинныхъ людей по именамъ назвалъ, приговаривая: упокой Господи души ихъ праведныя. А когда грозно нахмурились очи царевы и вопросилъ царь Ильюшку окаяннаго, что сіе означаетъ, то Илья, аки волкъ глядя на старца, отвѣтствовалъ: «инокъ сей обманщикъ и воръ, можетъ онъ и не инокъ вовсе, а полагать надо если не воръ клеветникъ, то безумный». Просилъ Илья царя отдать ему инока для разслѣдованія всего дѣла, но царь, слыша ропотъ народный и внявъ моленію отца патріарха, доносчика и обличителя сего Ильюшкѣ на истязаніе не далъ, а повелѣлъ разобрать дѣло думнымъ боярамъ, безъ Бастуковскаго въ то дѣло вмѣшательства.

Начался великій розыскъ, а къ дому Бастукова стражу приставили. Вся правда въ розыскѣ томъ обозначилась, и тутъ я, Иванъ Бартеньевъ, съ патріаршаго благословенія, дерзнулъ напомнить государю о твоей горькой судьбѣ, прося за тебя милости царской.

Съ того розыска царь заболѣлъ даже отъ печали, а когда выздоровѣлъ, то повелѣлъ вернуть тебѣ всѣ вотчины и угодья, все твое состояніе и призвать тебя вновь къ подножью престола царскаго, а дѣломъ о розыскѣ и кому какъ воздать по заслугамъ приказалъ обождать до твоего прибытія, и передать тебѣ, на твою волю; какъ повелишь, такъ и будетъ поступлено. И приказалъ царь послать за тобою боярина князя Холмскаго, а съ нимъ четырехъ приставовъ, съ царскими дарами, съ ними и грамота высочайшая.

А чтобы упредить тѣхъ пословъ и имѣть великую радость

поздравить тебя первому, я снарядилъ стремянного Фомку, наказавъ ему не жалѣть ни коней, ни денегъ, а чтобы царскихъ пословъ окольною дорогою обогнать и принести тебѣ радостную вѣсть, аки голубь принесъ масличную вѣтвь заточенному въ ковчегѣ Ною, въ день его на Араратъ прибытья».

Вотъ что было написано въ письмѣ боярина Ивана Бартеньева, что громкимъ и яснымъ голосомъ, внятно прочиталъ молодой Юрій Даниловичъ.

Счастье и радость не валятъ съ ногъ человѣка. Развѣ когда уже очень неожиданно, такъ только на минуту изъ сознанія выбиваютъ, такъ и Данило Ивановичъ обомлѣлъ да сразу очнулся, и, опершись на столъ рукою, потупивъ очи, внимательно слѣдилъ за чтеніемъ сына, и горячія слезы счастія и умиленія текли по его впалымъ щекамъ, скатываясь по сѣдой, взъерошеной бородѣ.

Рыдала и боярыня Евдокія, на колѣняхъ стоя передъ иконами; боярышня Елена, та совсѣмъ къ отцу припала и все его по головѣ гладила. А молодой чтецъ только кудрями встряхивалъ, а какъ взглянулъ на всѣхъ, окончивъ чтеніе, такъ во всей избѣ словно свѣтлѣе стало.

Если что пока и туманило радость прощеннаго, оправданнаго, гордаго царедворца такъ это воспоминанье о ночномъ сновидѣніи. Данило Ивановичъ додумался, что это былъ сонъ, тяжелый сонъ, да вѣщій оказался, и порѣшилъ бояринъ постараться забыть объ этомъ снѣ и никому его никогда не разсказывать.

Свѣтелъ и радостенъ прошелъ день, незамѣтно было какъ ночь подкралась, а стемнѣло, новая вѣсть, мужики прибѣжали, сказывали:

«Дорога лѣсомъ больно трудная, колымаги стали, тьму переждать; да всего и недалеко, верстъ двадцать не болѣе. На зарѣ, если съ ночлега тронутся, къ утру прибыть безпремѣнно надо бы».

Никому въ домѣ не спится. Боярыня Евдокія захлопоталась, чтобы, хотя и по бѣдности великой, а встрѣтить царскаго посла честь честью.

Приготовили хлѣбъ—каравай, икону святую;—одежу, что получше, осмотрѣли да зачинили; легли спать больше для виду

только, потому что какой же сонъ, когда сердце въ груди, какъ перепелъ въ клѣткѣ, трепещется.

Крѣпится бояринъ, покойный видъ на себя напускаетъ. Не легко тоже. Вспомнилъ, что теперь въ самый разъ было бы вина фряжскаго добрую чару выпить, да гдѣ его взять? и простого, пѣннаго—давно уже духу не слыхано. Боярыня уже и съ курами своими ходила прощаться и въ хлѣвъ, съ коровою-пѣгашкою, не тащить же ихъ съ собою въ Москву, придется здѣсь оставить и боярыня Евдокія, хотя и радостно было у ней на душѣ, а все-таки съ тихою грустью смотрѣла на стѣны избы. Вѣдь сколько горя глубокаго эти стѣны видѣли, сколько горькихъ слезъ впитали въ себя эти сѣрыя половицы!..

Невысоко успѣло подняться надъ лѣсомъ утреннее солнце, а уже по дорогѣ пыль столбомъ закрутило, и въ тучахъ этой пыли засверкали красные кафтаны, золотая сбруя и бѣлыя гривы нарядныхъ коней замахали, и высоко надъ ними, тяжело колыхались, покачивались ковровые верхи царскихъ колымагъ, а за тѣми колымагами, подъ конвоемъ вооруженныхъ вершниковъ, длинный обозъ со всѣми пожитками и скарбомъ дорожнымъ.

Растворили ворота настежъ. На крыльцо вышелъ самъ боярин Данило Ивановичъ, съ образомъ въ рукахъ, рядомъ съ нимъ Евдокія Юрьевна съ хлѣбомъ-солью, а сзади стали сынъ Юрій и дочь Елена. Молодой бояринъ глядитъ соколомъ, а боярышня раскраснѣлась, какъ макъ, и за широкую спину отца прячется; народу полонъ дворъ набился, на крышахъ даже, чтобы видпѣе было, многіе разсѣлись. Дворъ выметенъ начисто и вся дорога отъ воротъ къ крыльцу свѣже-скошенною травою устлана.

Кто вчера еще видалъ Данилу Ивановича, не узналъ бы теперь: кафтанъ на немъ, хоть мужичій изъ грубаго сукна, лапти на ногахъ липовые, а сразу видно сановнаго боярина. Сгорбленная горемъ спина выпрямилась, плечи словно въ ширь раздались вдвое, стоитъ словно столбъ, глубоко въ землю врытый, только икона въ рукахъ чуть-чуть незамѣтно вздрагиваетъ.

Князь Холмскій, въ парчевомъ кафтанѣ, въ шапкѣ собольей, какъ завидѣлъ встрѣчу, тронулъ легонько своего аргамака и первый подъѣхалъ къ воротамъ. Съ нимъ двое стремянныхъ.

Не въѣзжая во дворъ, красавецъ князь лихо соскочилъ съ коня, бросилъ поводья стремяннымъ и пошелъ къ крыльцу пѣшкомъ, остановился не доходя первой ступени, приподнялъ шапку и отвѣсилъ поклонъ въ поясъ. Началъ онъ рѣчь держать такъ:

— Свѣтлымъ именемъ царевымъ кланяюсь тебѣ, боярынъ Данило Ивановичъ, а твоимъ безвиннымъ страданіямъ до самой земли!

Сказавъ это, посолъ хоть и не поклонился до земли дѣйствительно, а рукою этой самой земли коснулся. Перекрестился трижды на икону, приложился и трижды же облобызался съ хозяиномъ. Потомъ положилъ свою руку на хлѣбъ и низко поклонился Евдокіи Юрьевнѣ.

— Подросли какъ!—кивнулъ князь на молодежь и сталъ въ сторонку, потому что пристава подходили съ царскою грамотою и именнымъ указомъ. Тѣ тоже, не въѣзжая во дворъ, слѣзли съ коней и шли черезъ дворъ всѣ четверо въ рядъ, потому что были равные.

Навстрѣчу царской печати боринъ Данило, передавъ икону сыну, самъ спустился съ крыльца и, принявъ свертки, поклонился на всѣ четыре стороны, такъ что и пристава, и весь народъ, и самъ князь, искоса поглядывающій на боярышню, могли на свой счетъ принять, затѣмъ онъ ласково сказалъ приставамъ:

— Добро пожаловать, гости дорогіе. Милости просимъ въ мою убогую хижину! Прошу не побрезговать моею нищенскою хлѣбомъ-солью. Боярыня Евдокія, проси князя Холмскаго въ горницу.

— Не уходился еще!—подумалъ про себя князь, глядя на стараго боярина, — какъ онъ умѣетъ, даже въ такой радости необычайной, держать себи гордо и самоувѣренно.

— Окрылится вновь скоро,—подумали и царскіе пристава, поднимаясь на крыльцо.

— Меня такъ и признать не захотѣлъ,—замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— А меня такъ призналъ, головою кивнулъ такъ ласково,—добавилъ другой.

— Ври больше,—тихонько произнесъ третій.

А четвертый ничего не сказалъ: крыльцо-то узкое, четве-

рымъ въ рядъ невозможно, а онъ зазѣвался и пришлось итти позади другихъ, ну и обидно стало.

Пріѣдя въ избу, помолились и сѣли. Князь Холмскій на первое мѣсто, подъ образа, пристава по бокамъ, по двое, у конца стола самъ бояринъ съ сыномъ, а женщины сѣли поодоль, въ другомъ углу. Помолчали немного, по обычаю.

— Приступимъ! — перекрестился бояринъ Данило, всталъ и развернулъ свертокъ съ красною печатью на двойномъ золотомъ шнурѣ.

Передъ чтеніемъ царской грамоты всѣ тоже встали.

Данило Ивановичъ читалъ про себя, долго читалъ, впиваясь глазами въ каждую букву, въ каждое слово царскаго писанія... Всѣ стояли молча, даже дыханіе затаили, и слышно было, какъ шмель, влетѣвъ въ отворенное окно, гудѣлъ и бился, щелкаясь о старыя, замшеныя стѣны.

Кончилъ, наконецъ, бояринъ, трижды перекрестился, приложился къ царской печати и произнесъ:

— Слава Государю царю великому. Долголѣтія ему на землѣ, славы и здравія молю у Господа. Слава Ему, щедромилостивому ко мнѣ, рабу его, недостойному.

— По заслугамъ, бояринъ, по заслугамъ!—весело проговорилъ князь Холмскій.

— По заслугамъ! — хоромъ протянули пристава и низко поклонились.

На столъ, тѣмъ временемъ, сама боярыня поставила красную деревянную миску со щами, а хозяинъ, положивъ царскую грамоту подъ образа, тоже собственноручно, широкими ломтями принялся рѣзать каравай.

— Милости просимъ,—поклонился онъ, слегка, впрочемъ, гостямъ и первый взялся за деревянную липовую ложку.

— Безъ чары-то съ дороги, какъ будто ни того!—весело проговорилъ князь.

Строго взглянулъ на него бояринъ Данило Ивановичъ и произнесъ:

— Не взыщите. Не припасено, по моей бѣдности.

— Полно, Данило Ивановичъ, чего шутки шутишь! У тебя-то не припасено! Да въ обозѣ *твоемъ* видимо невидимо. Прикажи таскать! сдѣлай милость такую. Эй, Карташовъ, Мухрышка,—чего смотрите! живо!

Двое изъ приставовъ, несмотря на свою сановность, такъ и шарахнулись къ дверямъ, а черезъ минуту стали люди посольскіе таскать блюда золоченыя да сулеи, необычайныхъ размѣровъ, караваи сахарные, съ цвѣтными узорами. Дорогими стопками да ковшами весь столъ мигомъ уставили. А боярину хоть и обидно отъ своихъ гостей угощеніемъ пользоваться, да отказать было невозможно, потому что не ставятъ на столъ, все князь Холмскій приговариваетъ:

— Это, молъ, тебя, боярина, великій государь блюдомъ жалуетъ. Это, молъ, тебѣ чарою кланяется!

Все какъ есть царское, жалованное. Онъ, значитъ, боярина Данило и настоящій хозяинъ всему.

Соблюлъ только себя гордый хозяинъ и тутъ: чуть прикоснулся за столомъ къ жалованной чарѣ, своихъ щей похлебалъ, а то все гостямъ предоставилъ. Отговорился отвычкою, да тѣмъ, что старъ больно, великая радость и въ голову, и въ сердце ударила...

И началось въ избѣ и во дворѣ пированье великое. Посольскіе люди бочку для народа выкатили съ одного изъ возовъ. За оградою, вплоть до лѣса, шатры разставили, котлы на треногахъ, дымъ поднялся отъ варева да жаренья. Никогда еще эти тихія, глухія мѣста ничего такого и не видывали, и не слыхивали.

Однако, на царскій призывъ, хоть и милостивый, а мѣшкать долго нельзя. Сутки всего простоялъ у выселка шумный лагерь, на другія, въ походъ тронулись, въ обратный путь, на Москву.

Подвели боярину коня бѣлой масти, сбруя въ золотѣ, сѣдло расшитымъ чапракомъ покрыто, а бока у чапрака, съ кистями шелковыми до земли самой спускаются. Подвели вороного коня для боярина Юрія, тоже въ полномъ нарядѣ. Для боярыни Евдокіи съ дочерью, калымагу подкатили ковровую, четверкою цугомъ, конюхи-вершники.

Князь Холмскій поѣхалъ будто и позади боярина, а то какъ будто и сбоку его, и почетъ выходитъ и разговаривать можно, а пристава тоже въ свою колымагу полѣзли. Послѣ пира не сразу на сѣдло сядешь, голова очень раскачиваетъ, да и народъ уже молодой, одному-то лѣтъ уже за семьдесятъ.

*

Поскакали разные люди служивые, кто далеко впередъ, кто строемъ, за верховыми, кто по сторонамъ длиннаго обоза... Тронулись въ путь.

На привалахъ, а гдѣ и ночевать, становились станомъ, шатровымъ порядкомъ, потому что пока на этомъ пути поселки встрѣчаются рѣдко. Незамѣтно проходило время въ разговорахъ. Много было чего разспросить про порядки нынѣшніе, про все то, что въ отсутствіе боярина Данилы на Москвѣ творилось. Умѣлъ бояринъ разспрашивать, умѣлъ всю правду выпытать, а князь Холмскій человѣкъ болтливый, душа открытая; да и пристава другъ передъ дружкою старались угодить великой силѣ, вновь приближенному боярину.

Пошла теперь дорога узкая да колеистая и все глухимъ, непроглядным боромъ.

На шестой день пути около полудня надо бы миновать своротокъ влѣво, узкую лѣсную тропу, невѣсть кѣмъ проложенную. Кто говорилъ будто эта тропа, не иначе какъ къ воровскому притону ведетъ, къ разбойничьему, кто говоритъ будто къ скиту нѣкоего старца-затворника. А на самомъ поворотѣ стоитъ старая сосна и на корѣ того дерева огнемъ крестъ выженъ семиконечный, а кто это сдѣлалъ, никому невѣдомо.

Князь разсказывалъ, что еще когда сюда шли они, этотъ крестъ замѣтили. Дивное дѣло! Надо бы здѣсь лагеремъ стать, кстати и родникъ хорошій неподалеку. Такъ и полагали попасть къ крещевой соснѣ около полудни.

Выступили съ ночлега рано, день жаркій, и кони, и люди притомились. Князь Холмскій, на что говорливъ, а задремалъ въ сѣдлѣ. Дремлется и старому боярину.

— Ну, что, доволенъ моею службою?—раздался около него будто знакомый голосъ.

Вздрогнулъ отъ его звука бояринъ, чуть съ сѣдла не свалился. Глянулъ влѣво и кровь у него похолодѣла разомъ.

Ѣдетъ рядомъ съ нимъ, на рыжемъ конѣ, гонецъ отъ царя невѣдомаго, тотъ самый, что ночью ему, во снѣ яко бы, являлся, лукаво подсмѣивается и глазомъ подмигиваетъ.

— Что же молчишь, слова не промолвишь? Не радъ, что ли, со мною повидаться?

— Кто ты? Скажи мнѣ на милость?

— А ты и по сіе время не догадался?—ухмыльнулся незнакомый всадникъ. — Ну, да ладно! Все, вишь, сдѣлалъ для тебя, какъ обѣщано. Значитъ ты, бояринъ, теперь понимать долженъ, какая я сила. Я тебѣ теперь буду, по гробъ твоей жизни, первый указчикъ и совѣтникъ. Ты—царю московскому, я—тебѣ, и пойдетъ у насъ дѣло ладное. Да такъ пойдетъ, что вся-то Русь, ваша матушка, по нашей дудкѣ запляшетъ. Только ты меня во всемъ слушайся.

Жутко стало боярину такія рѣчи бахвальныя слушать. Осадить бы теперь наглеца, да боязно, сомнѣніе беретъ тяжелое.

— Ладно,—проговорилъ въ отвѣтъ Данило,—тамъ послѣ видно будетъ.

— Я вѣдь какъ хочешь поверну. Повернулъ такъ, по твоему, а захочу поверну и по своему...

Чуть въ сѣдлѣ держится бояринъ, голову ему мутитъ, сердце такъ защемило, что и выдержать трудно. Вся радость царской милости ни вѣсть куда отлетѣла.

— Послѣ видно будетъ, сказано! — повторилъ еще разъ Данило Ивановичъ и подумалъ про себя: — Сгинулъ бы ты, проклятый!

— Съ кѣмъ ты говоришь, отецъ?—подъѣхалъ тутъ Юрій Даниловичъ. — Смотрю я на тебя: не усталъ ли, думаю, можетъ быть, съ жары стомился очень. До крещенаго дерева, сказываютъ, небольно далеко, а ты бы слѣзъ съ коня, полежалъ бы въ колымагѣ... Подъѣзжаю ближе, ты говоришь съ кѣмъ-то.

Молодой голосъ сына радостно и успокоительно подѣйствовалъ на душу смущеннаго старика.

— Да вотъ!.. ты видишь?

— Никого не вижу,—осмотрѣлся Юрій по сторонамъ.

— Да вотъ человѣкъ невѣдомый ѣдетъ.

— Никого!—еще разъ оглядѣлся сынъ...

— Тьфу-ты, право!

Смотритъ теперь Данило и чудное дѣло ему показалось: ѣдетъ на рыжемъ конѣ ночной гость, конь горячо ступаетъ, такъ ногами и выворачиваетъ, а пыли отъ тѣхъ ногъ не видать. Дорога лѣсомъ узка, двоимъ только впору, да и то стремена другъ о дружку звякаютъ, а тотъ будто стороною, самою чашею ѣдетъ и словно дымъ межъ стволовъ старыхъ елей и сосенъ стелется, безъ задержки.

Сталъ старый бояринъ догадываться. Волосы дыбомъ поднялись подъ соболевою шапкою, ослабѣвшая рука поводъ выпустила. Качнулся въ сѣдлѣ, спасибо сынъ поддержалъ во-время.

А «тотъ» сердито такъ смотритъ, огненными глазами насквозь пронизываетъ и говоритъ:

— Смотри ты у меня, старина, будетъ тутъ на пути тебѣ великое искушеніе. Не выдержишь, погублю въ конецъ, горше прежняго. Какъ тебя, такъ и Ильюшу изъ неволи выпущу, большую силу ему дамъ, и на правежѣ тебя передъ нимъ поставлю. Все въ моей власти!..

Захрипѣлъ Данило Ивановичъ и, какъ снопъ оржаной, свалился съ лошади.

Подскакалъ тутъ князь Холмскій, онъ около дверецъ женской колымаги задержался, подбѣжали люди на помощь Юрію. Перенесли въ повозку сомлѣвшаго боярина, растегнули, стали отпаивать. Пришлось задержаться въ пути, немного не доѣзжая до Крещеной сосны, потому что привели въ чувство Данилу Ивановича нескоро.

Бредитъ старикъ: «гоните, молъ, рыжаго, гоните его окаяннаго!..» а кого гнать, никто не знаетъ.

Спрыснула его боярыня Евдокія святою водою, у ней всегда она про запасъ съ собою: полегче стало.

— А ты бы, бояринъ, чарочку фряжскаго, очень помогаетъ,—посовѣтовалъ кутила князь.

Но Данило Ивановичъ отъ вина отказался.

Тронулись въ путь далѣе.

По лѣсу прозвенѣла трель мѣдной трубы, откуда-то спереди на эту призывную трубу другая отвѣтила. То передавые вершники даютъ знать, что поровнялись со свороткомъ. Мѣсто привала устраиваютъ. Пошли ходче кони усталые, уши насторожили и стали пофыркивать.

Вотъ и сосна крещеная, отсюда уже крестъ этотъ виденъ явственнно. У самой сосны начинается боковая тропинка, а подъ смолистымъ, развѣсистымъ деревомъ стоитъ человѣкъ въ черномъ, иноческомъ одѣяніи. Шлыкъ съ бѣлымъ крестомъ полъ лица закрываетъ. Только и видно, что конецъ тонкаго, словно воскового носа, да впалыя щеки и по тѣмъ щекамъ слезы текутъ, по длинной сѣдой бородѣ на мшистую землю

скатываются. Въ рукахъ у инока четки кипарисныя и свѣча восковая, зажженная.

— Тотъ самый! — воззрился на божьяго человѣка князь Холмскій.

— Тотъ самый!-- вскрикнули и всѣ пристава.—Тотъ, что на паперти церковной. Илью передъ царемъ обличалъ.

— Тотъ самый! — подумалъ про себя и бояринъ Данила, вспомнивъ про посѣтившаго его въ изгнаніи божьяго странника. И стало все для него теперь ясно.

Шапка у боярина сама собою съ головы свалилась и объ землю ударилась, колѣна подогнулись. Съ глухимъ рыданіемъ припалъ онъ къ ногамъ инока.

— Отче, спаси, заступи и помилуй!..

— Не хотѣлъ Богу, кресту животворящему поклониться, поклонился дьяволу,—тихо проговорилъ отшельникъ, такъ тихо, что только бояринъ Данило его и слышалъ.

— Гордость свою не хотѣлъ сломить. Жажда мести дьявольская тебя одолѣла, куда идешь теперь?.. Куда? Врага рода человѣческаго тѣшить?..

— Съ тобою, святой отецъ, и за тобою!—простоналъ боярinъ. — Спаси погибшую душу мою... Вырви ее изъ когтей дьявольскихъ...

— Да будетъ душѣ твоей миръ! — проговорилъ громко и отчетливо инокъ и медленнымъ, широкимъ крестомъ благословилъ боярина Данилу Ивановича.

Всѣ, кто въ пути были, всѣ собрались вокругъ стоятъ и смотрятъ въ недоумѣніи.

Сталъ бояринъ имъ рѣчь держать:

«Слушай князь, Борисъ Алексѣевичъ, слушайте и вы слуги, пристава царскіе, слушай и ты, дорогая супруга моя, Евдокія Юрьевна, и вы милыя дѣти мои, и всѣ православные. Скажите царю московскому, государю великому, что бьетъ ему челомъ до земли окаянный рабъ его, бояринъ Данило. Благодарить за всѣ его милости и въ молитвахъ своихъ, по гробъ жизни, поминать станетъ. Что Данило старый, за него молитвенникъ, ему не слуга больше, что бремя правленія ему не по силамъ, чтобы свои милости оказалъ дѣтямъ моимъ, ежели заслужить они такія милости смогутъ. А мнѣ, рабу его, оказалъ-бы, ради спасенія души моей грѣшной, такую послѣднюю милость!

Ильюшку и его соучастниковъ на волю бы отпустилъ, казни лютой не предавалъ; пусть они живутъ и грѣхи свои отмаливаютъ. Самъ царь въ мои руки судъ надъ ними отдалъ, отъ слова своего царскаго да не отречется, а мой судъ—помилованіе. Вы же, дѣти мои дорогія, да будетъ мое надъ вами благословеніе. Служи, Юрій, государю вѣрою и правдою и всю душу свою на такую службу положи. Прощайте теперь всѣ и молитесь за меня, дабы Господь скорѣе удостоилъ меня великимъ саномъ смиреннаго инока. Благослови ихъ, отче, и веди меня. За тобою слѣдую!

— Отецъ, куда ты?—застонала Евдокія Юрьевна и повалилась въ ноги мужу.

— Что ты задумалъ?..—зарыдала Елена Даниловна.

А Юрій силою хотѣлъ загородить дорогу, но Данило Ивановичъ взглянулъ на нихъ спокойно и строго, и въ этомъ взглядѣ всѣ ясно прочли несокрушимую рѣшимость.

Медленно удалялись, шелъ, по узкой лѣсной тропѣ, инокъ съ горящею свѣчей, а за нимъ, какъ тѣнь его, удалялась широкая мощная спина боярина Данилы; долго еще видны были они, исчезая понемногу въ лѣсной чащѣ, а всѣ прочіе стояли неподвижно, глядя имъ вслѣдъ, робко творя крестное знаменіе...

Въ безпамятствѣ уложили въ колымагу боярыню Евдокію, силкомъ почти втащили туда же боярышню, а Юрій Даниловичъ тряхнулъ кудрями, бодро вскочилъ на коня и громко произнесъ:

— Воля отцовская, что воля Божья. На Москву, съ Богомъ!

ДОКТОРША.

Это случилось въ 1868 году въ Катта-Курганѣ.

Мы только мѣсяца три, не больше, какъ заняли этотъ, прежде Бухарскій, городъ, но по привычкѣ успѣли уже основательно въ немъ устроиться и завести знакомство съ главнѣйшими представителями его обитателей. Одинъ изъ нихъ сталъ даже большимъ моимъ пріятелемъ; почему мы съ нимъ особенно сошлись, трудно сказать,—просто, должно быть, по душѣ пришлись другъ другу.

По должности онъ былъ сборщикъ податей, значитъ по здѣшнему, сяркеръ, а звали его Годдай-Агаллыкъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, высокаго роста, статный, съ бородою длинною, черною и курчавою, съ большими, очень выразительными глазами и характерною особенностью въ очертаніи бровей:—двѣ правильныя черныя дуги—вплотную сходились надъ его крупнымъ, но правильнымъ носомъ, придавая всему выраженію лица видъ необыкновенно рѣшительный и энергичный, хотя мягкая, добродушная улыбка почти не сходила съ его устъ и говорила скорѣе въ пользу совершенно противоположныхъ свойствъ истинной души ихъ обладателя.

Сяркеръ былъ, по мѣстнымъ понятіямъ, человѣкомъ очень образованнымъ и даже начитаннымъ. Онъ зналъ хорошо коранъ и маріатъ въ особенности, помнилъ наизусть множество стиховъ изъ персидской поэзіи и любилъ ихъ цитировать, готовился въ духовныя лица въ первой молодости, но судьба устроила его иначе.

Лѣтъ въ двадцать онъ былъ уже извѣстенъ эмиру Мозофару, служилъ при его дворѣ, потомъ что-то тамъ случилось непріятное, имѣвшее своимъ, еще слава Богу счастливымъ, послѣдствіемъ переводъ его въ Катта-Курганъ; здѣсь онъ бол-

тался нѣкоторое время безъ дѣла, наконецъ, пройдя рядъ повышеній, достигъ довольно высокаго сана—сборщика податей, въ каковомъ и состоялъ до завоеванія города русскими. Многіе изъ мѣстныхъ сановниковъ бѣжали при нашемъ появленіи, Годдай остался и явился къ нашему генералу во главѣ покорной депутаціи отъ Катта-Кургана, вынесшей навстрѣчу побѣдителей хлѣбъ-соль и ключи отъ городскихъ воротъ.

Мы его оставили въ его должности, расширивъ только ея права и обязанности. Сяркеръ былъ очень доволенъ нами,—мы имъ. А такъ какъ бѣжавшія власти, послѣ окончательнаго разгрома бухарскихъ войскъ подъ Зарабулакомъ, увидавъ, что дѣла ихъ не повернулись особенно къ худшему, возвратились обратно, то по ходатайству Годдая-Агаллыка тоже получили свои прежнія назначенія, такъ что въ порядкѣ управленія покореннымъ народомъ въ сущности пока ничего не перемѣнилось.

Народъ былъ избавленъ ото всѣхъ воинскихъ повинностей, чему, конечно, былъ очень радъ, подати съ него немного облегчились, самый сборъ упорядочился, въ духовную сторону жизни народной завоеватели и не думали вводить ничего новаго: семья и всѣ связанныя съ нею отношенія остались въ вѣдѣніи духовныхъ судей, Каззы и Муллъ, по прежнему, только смертная казнь была изъята изъ вѣдѣнія этихъ судей и назначалась только за очень серьезныя, чисто уголовныя преступленія,—русскимъ военнымъ судомъ,—однимъ словомъ, побѣжденные очень скоро поняли, что дѣло вовсе не такъ худо, какъ ихъ пугали, и перестали, наконецъ, вѣрить нелѣпымъ розсказнямъ фанатиковъ изъ духовныхъ, говорящимъ, что *бѣлыя рубахи* пришли не по волѣ Господней, а отъ дьявола, дабы, ослѣпивъ правовѣрныхъ временною ласкою и терпимостью, мало-по-малу подготовить насильственный переводъ ихъ изъ лона истинной вѣры Магомета въ свою поганую вѣру.

Пробовали и такъ еще пугать, что будто бы русскія непремѣнно откроютъ всѣ двери ихъ гаремовъ и отберутъ всѣхъ женъ молодыхъ и красивыхъ, а оставятъ имъ только старыхъ, никуда уже негодныхъ.

Этому повѣрить было легче, потому что и сами правовѣрные такъ бы поступили со своими побѣжденными, но и эта попытка отклонить народъ отъ болѣе тѣснаго сближенія съ

гяурами не удалась также, опять-таки потому, что мы ничѣмъ не обнаружили такихъ именно завоевательныхъ наклонностей.

Городъ скоро зажилъ своею обыденною, мирною жизнью, базары закипѣли народомъ, лавки пооткрывались, стало даже какъ будто люднѣе, во всякомъ случаѣ, оживленнѣе чѣмъ прежде.

Богатые туземцы устраивали нашимъ офицерамъ вечера, гомашу съ мѣстною музыкою, достарханомъ, фокусниками и плясками батчей. Мы тоже, въ свою очередь, устраивали для туземцевъ скачки на призы и въ дни рамазана наши пушки салютовали съ крѣпостныхъ барбетовъ мусульманскимъ праздникамъ...

Все шло очень хорошо, пока одно обстоятельство чуть было не нагнало тучку на ясное небо нашего взаимнаго довѣрія и сыграло очень печальную роль въ жизни моего пріятеля, сяркера Годдай-Агаллыка.

Къ нашему доктору неожиданно, съ одною изъ почтовыхъ оказій, пріѣхала его жена, Нина Леонтьевна, красивая, полная блондинка, бойкая, развязная, а что самое главное, первая русская женщина, съ открытымъ лицомъ появившаяся въ Катта-Курганѣ,

Докторша была родомъ уральская казачка, воспитывалась въ уральскомъ пансіонѣ и прекрасно говорила по-киргизски, а отъ этого языка недалеко и до татарскаго. Съ помощью этихъ лингвистическихъ познаній, Нина Леонтьевна могла свободно понимать все, что говорили ей туземцы и быть, въ свою очередь, для тѣхъ вполнѣ понятною, однимъ словомъ объясняться со всѣми безъ переводчика.

Годдай-Агаллыкъ первый познакомился съ этою дамой, зайдя ко мнѣ на вечерній стаканъ чая и заставъ у меня доктора съ супругою.

— Какой онъ страшный!—вскрикнула Нина Леонтьевна при первомъ представленіи.

— Онъ однако очень интересенъ,—томно заключила она при разставаніи, въ концѣ вечера.

Самъ Годдай сначала былъ смущенъ до крайней степени видомъ этого веселаго женскаго лица, безъ застѣнчивости смѣющагося прямо ему въ глаза и красотою ея полнаго стана... (докторша, по случаю жары, была одѣта очень легко и даже значительно декольтирована), а мой пріятель немного хворалъ,

почему позволялъ добавлять въ свой стаканъ лѣкарство, въ видѣ коньяка (вино вѣдь строго запрещено кораномъ, а лѣчиться дозволяется), и въ концѣ вечера тоже развязно разговорился съ дамою, выразительно скользя своимъ взглядомъ по ея формамъ. Онъ даже рискнулъ осторожно прикоснуться пальцемъ немного по выше локтя Нины Леонтьевны и, приложивъ этотъ палецъ къ своимъ губамъ, произнесъ причмокнувъ:

— Чистый сахаръ!..

И докторъ, и я, а пуще всѣхъ сама соблазнительница, хохотали отъ души... Всѣмъ было очень весело.

— А сколько у васъ женъ?—такъ-таки прямо и спросила у Годдая Нина Леонтьевна.

Такого щекотливаго вопроса, признаться сказать, я, пріятель его, до сихъ поръ не рѣшался задавать, да и въ голову мнѣ не приходило удовлетворить въ этомъ направленіи свое любопытство. Я посмотрѣлъ на Годдая даже съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Штукъ двадцать, я думаю,—вмѣшался самъ докторъ.

— Неужели такъ много?..—протянула Нина Леонтьевна.—Ахъ какой вы нехорошій... Ай-ай, какъ не стыдно!..

Но Годдай-Агаллыкъ не даромъ получилъ при дворѣ эмира свѣтское воспитаніе; онъ смутился, правда немного, но оправился и отвѣчалъ:

— Сколько бы ихъ не было, а все-таки всѣ онѣ не стоятъ одного ноготка отъ такой ручки...

При этомъ онъ снова сдѣлалъ попытку повторить свое первое прикосновеніе...

— Онъ, право, очень милъ,—улыбнулась докторша, но эти слова произнесла уже по-русски...

— Вы ихъ запираете, бьете?.. Вы, говорятъ, очень нехорошо относитесь къ своимъ женамъ?—заговорила опять дама, по моему такъ даже не особенно прилично, такъ что мнѣ опять стало неловко.

— Да не говори, Нина, глупостей!—остановилъ ее и докторъ.

Но собесѣдница наша разошлась во всю и не унималась. Она настояла-таки на своемъ и добилась отъ Годдая, что тотъ пригласилъ насъ всѣхъ на другой же день къ себѣ и пообѣщалъ ей пустить ее въ гаремъ, но одну, конечно, безъ мужа, гдѣ она можетъ вполнѣ убѣдиться въ полной неосновательности слуховъ о гаремной жизни.

— Увидите сами,—говорилъ сяркеръ,—какъ я ихъ одѣваю, какъ кормлю на убой, и сами спросите, часто ли наказываю за малости... что-же имъ еще больше.

Уѣхали гости.

На другой день рано утромъ пріѣхалъ ко мнѣ Годдай просить заѣхать къ нему посмотрѣть, хорошо-ли онъ все приготовилъ для пріема гостей.

— Кого просилъ?—спрашиваю.

— Полковника, говоритъ, того, что пушками завѣдуетъ, адъютанта, доктора съ его бабой, такъ что съ тобою русскихъ будетъ шестеро, а изъ своихъ четырехъ аксакаловъ (старшинъ) пятаго самого Каззы. Не хотѣлъ было ѣхать, узнавъ, что русская женщина будетъ, да я уговорилъ. Самъ шестой, вотъ и ровное число, попарно.

Осѣдлали мнѣ коня, поѣхали мы съ Годдаемъ осматривать все устройство. Хорошо, очень хорошо украсилъ сяркеръ свое жилище.

На ворота коверъ повѣсилъ, дорогу черезъ первый дворикъ, гдѣ навѣсы для лошадей, войлоками устлалъ и по нимъ канаусовую дорожку проложилъ; второй, пріемный дворъ съ открытыми саклями для гостей, тоже сплошь убралъ коврами и цвѣтнымъ канаусомъ, посреди двора этого большой развѣсистый карагачъ росъ, на всю площадку густую тѣнь бросалъ, тутъ было огорожено фонарями мѣсто для музыкантовъ и приглашенныхъ батчей-плясуновъ; на глинобитномъ широкомъ возвышеніи, на узорныхъ скатертяхъ, чего-чего не было наставлено, пока еще кромѣ горячихъ блюдъ, одни лакомства, даже сахаръ лежалъ цѣлыми головами, въ синихъ бумажныхъ оберткахъ. А изъ этого дворика узенькая и низкая калитка вела на третій дворъ, гдѣ сакли для женъ были расположены; изъ-за стѣнки, въ которой эта калитка была пробита, видѣлась плоская крыша самой гаремной сакли, тоже вся въ тѣни отъ окружающихъ ея деревьевъ, и на стѣнѣ стояла растянутая на веревкахъ, перегородка изъ палаточныхъ боковинъ, и перегородка вся эта колыхалась, потому что во всѣ ея щели искрились любопытные глазки затворницъ, для посторонняго ока недоступныхъ; я кивнулъ было въ ту сторону, какъ бы спрашивая хозяина:

— Ловко-ли?

— Что жъ дѣлать! — пожалъ тотъ смиренно плечами, — всю ночь спать не давали, упрашивали... Ничего, пускай посмотрятъ!

Одобривъ всѣ заботы сяркера, я было хотѣлъ ѣхать назадъ, но хозяинъ задержалъ меня и повелъ въ саклю поговорить пока что и покурить кальяна.

Пошли и уютно засѣли за чай и табакъ.

Долго собирался сказать мнѣ что-то Годдай-Агалыкъ, даже кругомъ посматривалъ, одни-ли мы глазъ на глазъ, наконецъ прорвался.

— Слушай, говоритъ, ты мнѣ другъ?

— Ну, другъ,—отвѣчаю.

— Сколько докторъ возьметъ за свою бабу? Я дамъ хорошую цѣну!

Я такъ и покатился отъ смѣха. Годдай обидѣлся и говоритъ:

— Чего же ты смѣешься?

— Да у насъ развѣ такъ продаютъ, что ты это! Сколько же разъ я тебѣ разсказывалъ, какъ у насъ дѣлается, знать бы долженъ.

Задумался мой хозяинъ, долго молчалъ, тяжело затягиваясь дымомъ кальяна, а потомъ заговорилъ, словно про себя.

— Продаютъ... гм... Все продается, лишь бы цѣна была подходящая... за сто не продастъ, продастъ за тысячу, за тысячу не продастъ, отдастъ за десять... Все продается... Все купить можно, были бы деньги... Что бабу, пустяки! душу самую продаютъ другіе... Ты спроси и доктора... я все, все продамъ, все въ деньги обращу. Очень мнѣ уже баба его эта свѣтлая понравилась...

— И не говори глупостей,—успокаивалъ я его,—только меня, своего друга, осрамишь при другихъ такими рѣчами.

Годдай разгорячился.

— Ты вотъ говоришь, не продаютъ женъ, не продаютъ, да? А какже мнѣ говорили, что одинъ изъ вашихъ генераловъ у своего чиновника жену купилъ, да еще не за деньги, а за два чина и орденъ?.. Не было, скажешь?

Тутъ я и самъ опѣшилъ. Ну, какъ я ему объясню, какъ это и что это, и въ чемъ тутъ разница. Началъ было я путать, да и договорился:

— Это, говорю, потому такъ случилось, что жена чинов-

ничья очень генерала полюбила и ушла къ нему отъ мужа, а молъ чины и прочее — вродѣ какъ бы утѣшенія для мужа были доставлены, чтобы не убивался очень...

— Гм...—посмотрѣлъ на меня выразительно Годдай...—Теперь понимаю. Ну, вотъ, скоро и гости пріѣдутъ. Ты сиди здѣсь, спрашивай чаю, чего хочешь. Не я теперь—ты хозяинъ, а я пойду за ворота встрѣчать.

— Ѣдутъ!—вбѣжалъ запыхавшись одинъ изъ хозяйскихъ джигитовъ.

— Подъѣхали!—прибѣжалъ второй.

— Ну, вотъ, какъ разъ въ пору!—кивнулъ мнѣ Годдай-Агаллыкъ и, оправивъ свой роскошный парчевый халатъ, затканный розами, подпоясанный дорогимъ поясомъ, солидно и степенно пошелъ гостямъ на встрѣчу.

Пріѣхали наши, дѣйствительно.

Докторъ съ докторшей въ тарантасикѣ, полковникъ съ артиллеристомъ и адъютантомъ Бобковымъ верхомъ, и конвой для почета казачій съ ними. Всѣ въ чистыхъ кителяхъ и съ орденами, а докторша, Богъ ей прости, такъ вырядилась, такое декольте благоустроила, что даже джигиты всѣ выпучили глаза, какъ бараны на новые ворота.

— Матушка, Нина Леонтьевна, да вы бы... — замѣтилъ было я шепотомъ.

А она:

— А много вы понимаете!

Усѣлись по мѣстамъ, вокругъ досторхана, подушками шелковыми обложились. Такъ, прямо посерединѣ, на почетномъ мѣстѣ, Нина Леонтьевна съ полковникомъ рядомъ, а съ другой стороны у докторши сѣлъ артиллеристъ Мюндельбергъ, будто бы на зло прозѣвавшему позицію Бобкову, рядомъ съ полковникомъ мѣсто хозяину оставили, а около я съ докторомъ. Вслѣдъ за нашими и аксакалы вошли во главѣ съ самимъ Каззы, дряхлымъ старикомъ, очень злобнаго и ехиднаго вида. Эти давно уже за воротами оставались, да не входили, чтобы оказать почетъ полковнику.

Сѣли, помолчали минуты двѣ, Нина Леонтьевна потянулась за фисташками, лукаво улыбаясь Годдай-Агаллыку.

— Ну-съ,—началъ полковникъ ласковымъ и вмѣстѣ строго покровительственнымъ тономъ,—вотъ я и у тебя, почтеннѣйшій

Годдай-Агаллыкъ... Я долженъ тебѣ сказать, что генералъ тобою очень доволенъ. Эти персики изъ твоего сада?

Я перевелъ это начальственное вступленіе, замѣнивъ, конечно, ты словомъ вы, какъ здѣсь принято, и сообщеніе, вымышленное конечно, о довольствѣ генерала все-таки облекъ въ болѣе подходящую форму.

— Не имѣю словъ выразить мою признательность,—отвѣчалъ, отвѣсивъ низкій поклонъ, сяркеръ.—Когда сердце переполнено, уста грубое орудіе для выраженія его ощущеній.

Перевелъ и это я по-русски, позаботившись тоже, чтобы полковникъ понялъ всю тонкость отвѣта.

— Да, доволенъ!—кивнулъ головою тотъ.

— Что стоитъ вашъ прелестный халатъ? — спросила хозяина Нина Леонтьевна.

Годдай вздрогнулъ, всталъ и быстро исчезъ за ковромъ, скрывавшимъ внутренности сакли.

— Что съ нимъ? — удивленно взглянула на меня докторша.

— А вотъ увидите сами, какую вы неловкость сдѣлали, милая барынька,—укоризненно покачалъ я головой.—Ну, развѣ такъ можно? Вы хоть бы меня спросили.

— Да что жъ такое?

Но въ эту минуту появился вновь хозяинъ, извиняясь за невольное отсутствіе. На Годдаѣ теперь былъ надѣтъ другой халатъ, куда лучше перваго, голубой бархатный, весь сплошь залитый персидскимъ золотымъ узоромъ.

— Вы переодѣлись?—вскрикнула было Нина Леонтьевна, но я ее во-время остановилъ... и слава Богу!

— Тотъ халатъ отосланъ къ вамъ на домъ, —сообщилъ сяркеръ,—я такъ счастливъ, что моя одежда удостоится, быть можетъ, послужить вамъ ковромъ для ногъ.

— Какъ это мило...—сконфузилась наша барыня и потомъ добавила:—ну, Годдай-Агаллыкъ, такъ, кажется, васъ зовутъ, я не знала какой вы — теперь сами виноваты! Я ничего не буду хвалить у васъ въ домѣ, ничего,—сами виноваты.

— Что ты, душечка, пролопатала тамъ по-татарски? — переспросилъ ея мужъ.

— Ничего, не твое дѣло.

— То-есть, позволь, однако, мой ангелъ.

— Супруга ваша очень умно отвѣтила на любезность любезностью,—вошелъ я опять въ роль дипломата-переводчика.

— Очень, очень доволенъ!—покрутилъ усы полковникъ.

— Какъ все это дико!—вымолвилъ, наконецъ, слово и капитанъ Мюндельбергъ.

— Батчей ведутъ!—первый замѣтилъ Бобковъ приближеніе труппы танцоровъ.

— Наше угощеніе скромное и забавы, которыя мы можемъ предложить дорогимъ и высоко сановнымъ гостямъ, также скромныя, прошу извинить и не гнѣваться на нашу нищету—произнесъ Годдай-Агаллыкъ и, обратясь къ безбородому старику, хозяину труппы, сказалъ:

— Начинай, Мусса, свое представленіе!

Начали батчи.

И пѣли они, и плясали, и кувыркались, и разныя штуки представляли. Чалмоносные гости были очень довольны и смотрѣли даже съ жадностью, Нина Леонтьевна сначала заинтересовалась немного, потомъ ей это надоѣло. Бобковъ все ловилъ крайняго батчу за ногу, а тотъ ловко увертывался, Мюндельбергъ что-то сталъ въ книжку записывать, а полковникъ тщательно оберегалъ свое величіе, но ему ужасно мѣшали его ноги въ ботфортахъ:—на коврѣ сидѣть неудобно было въ геройской позѣ, сразу какъ будто бы и хорошо, а потомъ затекаютъ — и такъ и хочется ихъ вытянуть запросто, или подъ себя подвернуть калачикомъ.

Докторъ, должно быть, замѣчалъ пристальные, даже немножко особенные взгляды своей супруги, которыми та по временамъ дарила Годдай-Агаллыка, и начиналъ сердится.

— А что же вы меня обѣщали съ своими милыми женами познакомить? Я вѣдь, главное, за этимъ и пріѣхала,—встрепенулась наша дама и настойчиво повторила свое требованіе.

— Что она говоритъ?—также обращаясь ко мнѣ, встрепенулся и ея супругъ.

На этотъ разъ я не удостоилъ его своимъ переводомъ.

По лицу хозяина пробѣжала тѣнь.

— Если русская женщина захочетъ удостоить своимъ посѣщеніемъ мое низкое родомъ семейство, она можетъ войти.

— Отлично, идемте!

Нина Леонтьевна стремительно встала, довольно высоко

подняла свою юбочку, чтобы, совсѣмъ безцеремонно, перешагнуть черезъ блюда съ лакомствами и спросила:

— А куда же итти? Сюда?

Она очень догадливо указала именно то направленіе, куда слѣдуетъ, да и немудрено: палаточные полы на крышѣ внутренняго двора такъ энергично заходили, что сразу обнаружили помѣщеніе невидимыхъ зрительницъ нашего пиршества.

— А вамъ, господа, нельзя!—засмѣялась бойкая барыня по нашему адресу.

Годдай проводилъ ее до ковра, приподнялъ его полу, крикнулъ что то повелительное, и тяжелый коверъ снова опустился на свое мѣсто, проглотивъ пикантную фигурку нашей красавицы.

— Ну, теперь дамъ нѣтъ,—засуетился Бобковъ...—Попросите этихъ батчей показать намъ что-нибудь эдакое повольнѣе а, помните какъ...

Но желанію адъютанта не суждено было исполниться; Батчи и ихъ менторъ, безбородый мусса отказались наотрѣзъ отъ этой дополнительной программы, робко подмигнувъ въ сторону, гдѣ сидѣла по истинѣ страшная, молчаливая и злобная фигура стараго Каззы.

Принесли блюда съ горячимъ пловомъ изъ циплятъ, съ пупочками и печеночками, очень вкусно приготовленнымъ, а такъ какъ мы уже нагуляли легкій аппетитъ, то и принялись за угощеніе; хотя и трудновато было съ непривычки управляться безъ ложекъ, но такъ какъ я лично давно уже приспособился въ этомъ направленіи, то и не обращалъ особеннаго вниманія на затруднительность положенія моихъ товарищей по оружію.

— Горячо какъ однако, — замѣтилъ полковникъ, обтирая пальцы о края шелковой скатерти.

Для чалмоносныхъ гостей поставили особое блюдо, за которое и принялись они не только что съ аппетитомъ, а даже съ какимъ-то остервенѣніемъ, кромѣ самого Каззы, который, съ нескрываемою злобою, даже отвращеніемъ не спускалъ глазъ съ занавѣса гарема.

Годдай-Агаллыхъ сидѣлъ задумавшись, прислушиваясь къ шуму голосовъ и даже криковъ, доносившихся съ третьяго двора, изрѣдка покрываемыхъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ знакомаго намъ голоса Нины Леонтьевны.

Такъ прошло еще минутъ двадцать, а можетъ быть и болѣе. Вдругъ голоса стали приближаться, коверъ стремительно распахнулся и къ намъ вбѣжала Сартянка, съ закрытымъ толстою волосяною сѣткой лицомъ и въ халатѣ съ длинными, узкими рукавами, позади накинутомъ на голову.

Я, конечно, сразу узналъ закостюмированную докторшу, но всѣ остальные, особенно Годдай-Агаллыхъ, немного растерялись отъ такого сюрприза.

Проскользнувъ на свое прежнее мѣсто и сбросивъ сѣтку съ лица, Нина Леонтьевна, вся раскраснѣвшаяся, пропахнувшая мускусомъ и розовымъ масломъ, едва переводила духъ...

— Ахъ, какія онѣ смѣшныя!.. Ахъ, какія обезьяны!— говорила она,—хорошо хоть по-русски догадалась.—Онѣ меня всю общинали. Онѣ даже всѣ шпильки изъ головы повытаскивали...

И въ доказательство полнѣйшаго разгрома своей прически, докторша спустила съ головы халатъ и предстала, вся залитая густыми роскошными волнами своихъ золотисто-пепельныхъ волосъ.

Вышло настолько красиво, что Каззы не выдержалъ, кряхтя поднялся съ мѣста и, повернувшись къ намъ безцеремонно спиною, удалился куда-то въ темный уголъ.

— Однако, пора и ѣхать!—первый высказался докторъ.

— Пожалуй, пора!—согласился полковникъ.

Нина Леонтьевна стала заплетать свои косы и пока справлялась съ этимъ многотруднымъ занятіемъ, все поглядывала изъ-подъ руки на Годдая-Агаллыха.

— Я очень довольна вашими женами, — обратилась она къ нему.—Онѣ такія милыя, добрыя, а, главное, васъ очень хвалили. Это хорошо, очень хорошо, я ихъ обо всемъ разспрашивала, обо всемъ рѣшительно... очень хвалили... mercі!..

Все это она по-татарски сказала, а тутъ вдругъ почему-то французскимъ mercі закончила. Кто ихъ разберетъ, этихъ женщинъ, чѣмъ онѣ руководствуются?..

— Готова, матушка?—досадливо проговорилъ докторъ.

— Да, пожалуйста, не торопи меня, поѣзжай, коли хочешь; я могу и съ Бобковымъ уѣхать.

— Очень буду счастливъ,—встрепенулся адъютантъ, польщенный такимъ предпочтеніемъ.

— Это у него за сѣдломъ, верхомъ что-ли, по сартовскому положенію? а въ тарантасъ я его не пущу...

— Передайте, пожалуйста, хозяину, — обратился ко мнѣ полковникъ,—что я лично очень цѣню его службу и преданность русскому правительству. Это можетъ служить для другихъ прекраснымъ, достойнымъ подражанія примѣромъ и, кромѣ того, вообще ежели, а въ особенности, тамъ это, знаете, насчетъ своевременныхъ и аккуратныхъ взносовъ, какъ это тамъ называется?.. да: зякетъ и хераджъ, танапные сборы, однимъ словомъ, генералъ тоже очень, очень доволенъ, я ему доложу.

— Начальникъ очень доволенъ вашимъ пріемомъ и благодаритъ васъ за радушную хлѣбъ-соль. Онъ извиняется, что усталость мѣшаетъ ему дальше пользоваться гостепріимствомъ вашего дома.

Кажется, что я перевелъ рѣчь полковника довольно близко.

— Благодарю въ свою очередь, благодарю за высокую честь, оказанною моему скромному, убогому жилищу, и льщу себя надеждой, что Богъ еще разъ пошлетъ мнѣ это счастье,— съ умѣреннымъ поклономъ отвѣчалъ Годдай-Агаллыхъ.

— Прощайте, Годдай! — окончила таки прическу Нина Леонтьевна, встала и протянула хозяину руку.

Тотъ было хотѣлъ кинуться къ ней и, по восточному обычаю, зажать эту руку между двумя своими ладонями, какъ вдругъ отшатнулся и ограничился только тоже умѣреннымъ поклономъ.

Изъ темнаго угла, на него въ упоръ глядѣли два глаза, два единственныхъ признака жизни на этомъ изможденномъ, мертвенномъ лицѣ.

Я уже давно служилъ въ этомъ краѣ, хорошо зналъ всѣ мѣстные нравы и обычаи, да и говорилъ по-ихнему недурно, совершенно свободно, поэтому всѣ ко мнѣ обращались за разными свѣдѣніями, официальными и неофиціальными; вотъ и теперь, какъ только, простившись съ сяркеромъ, я догналъ нашу кавалькаду, какъ первый Бобковъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А можно будетъ этихъ батчей пригласить къ намъ въ лагерь?

— Можно,—говорю.

— А сколько надо платить за одинъ сеансъ? — полюбопытствовалъ Мюндельбергъ.

— То-есть, какъ это, за сеансъ?

— Ну да, то-есть, за одно представленіе.

— Разно бываетъ, отъ многаго зависитъ.

— Мнѣ пришла идея,— сообщилъ полковникъ, — нанять двухъ такихъ, въ видѣ какъ-бы вамъ выразиться. На Кавказѣ у князя Духанскаго были два въ пріемной, въ бѣлыхъ черкескахъ, съ кинжалами, въ такихъ же бѣлыхъ папахахъ и ярко-красныхъ башлыкахъ, они докладывали о посѣтителяхъ и когда князь выѣзжалъ верхомъ, ѣхали сзади, въ видѣ какъбы пажей. Очень красиво было. Здѣсь вѣдь это недорого, надѣюсь?..

— Это можно,—говорю я.—Хоть эскадронъ цѣлый сформировать можно.

— Право, эта идея недурна! Какъ вы думаете?..

— Скажите, пожалуйста, — обратилась ко мнѣ Нина Леонтьевна изъ глубины запыленнаго тарантаса. — Да подъѣзжайте поближе. Бобковъ, уступите ему свое мѣсто, только пылите мнѣ въ носъ.

— А онъ развѣ пылить не будетъ? — обидѣлся нашъ адъютантъ, а все-таки тронулъ коня и подался въ сторону.

— Вотъ эти всѣ обезьяны, онѣ вѣрны своему мужу, конечно, по неволѣ. Запрутъ за десять замковъ, будешь вѣрна, но все-таки бывали случаи измѣны. Я читала одну страшную исторію...

— Случается, но очень рѣдко, трудно, да и опасно...

— У нихъ вотъ,—промычалъ докторъ,—какъ что-нибудь подобное, такъ сейчасъ, какъ котенка, въ мѣшокъ и въ воду, и прекрасно...

— По этой теоріи,—обидѣлась красавица,—васъ-бы всѣхъ мужчинъ давно перетопить слѣдуетъ.

— Ну, матушка, сказала!.. Мужчины — статья совсѣмъ особенная...

— Только перебиваешь своими глупостями. Послушайте, я не договорила: бываетъ у нихъ, чтобы мужья измѣняли, да?

— Нѣтъ, этого не бываетъ — отвѣтилъ я весьма рѣшительно. «Эге, думаю, куда ты направляешься».

— Слышишь?—толкнула въ бокъ мужа докторша.

— Ну да, такъ я и повѣрю,—проворчалъ тотъ.

— Ахъ, да, я слышала про такія гадости, ужасъ! Неужели и этотъ Годдай-Агаллыкъ тоже?

— О нѣтъ! Мой другъ человѣкъ воспитанный,—вступился я за своего пріятеля,—къ тому же, онъ человѣкъ со вкусомъ, какъ я уже замѣтилъ.

Сказавъ это, я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Я тоже замѣтила,—улыбнулась очень кокетливо Нина Леонтьевна.

— Ниночка, — заворочался на своемъ мѣстѣ докторъ. — Или подушки съѣхали что-ли, или уже ты очень на меня навалилась. Сидѣть неловко, подвинься.

Но мы уже приближались къ своему расположенію, и доктору потерпѣть оставалось недолго.

— Приходите къ намъ пить чай сегодня вечеромъ, слышите, непремѣнно! Мнѣ еще о многомъ, о многомъ хочется поговорить съ вами. Придете?

Я сказалъ, что буду, и мы разстались на поворотѣ въ лагерь.

На другой же день, рано утромъ, пріѣхалъ ко мнѣ Годдай. Онъ явился поблагодарить лично полковника и офицеровъ за вчерашнее посѣщеніе, и къ первому заѣхалъ ко мнѣ.

— Что она вчера у тебя тамъ съ женами говорила?—спрашиваю,—воображаю.

Въ отвѣтъ на это Годдай-Агаллыкъ только махнулъ отчаянно рукой.

— Не говори!—сказалъ онъ.—Тамъ у меня старуха живетъ, мать Ассали, второй жены, та грозилась къ Каззы пойти съ жалобой.

— Что такъ?

— Да уже такъ. Говорить даже не хочется...

Посидѣлъ у меня сяркеръ съ полчаса, выпилъ чаю и поѣхалъ «съ визитами».

Вечеромъ встрѣчаюсь съ полковникомъ.

— Вы знаете,—говоритъ,—этотъ чудакъ прислалъ мнѣ на домъ массу всякихъ сладостей и даже блюдо съ пловомъ. Все, что отъ вчерашняго осталось. Развѣ это такъ у нихъ принято?

— Да, уже это обычай.

— Я все велѣлъ къ докторшѣ отнести. Куда мнѣ эта дрянь!

— И прекрасно сдѣлали.

Прошло дня три-четыре. Опять пріѣзжаетъ сяркеръ, какой-то странный, растерянный, докладываетъ:

— А она ко мнѣ еще разъ пріѣзжала.

— Одна?

— Нѣтъ, съ мужемъ своимъ; привезла полотенце вышитое, говоритъ, сама работала, очень хорошее полотенце: двѣ птицы цѣлуются и джигитъ на конѣ скачетъ. Мои дуры сейчасъ въ клочья изорвали, побилъ ихъ. Да вотъ это еще привезла, только отъ мужа тихонько сунула. Вотъ это!

— Годдай вынулъ неважный, подержанный, серебряный портсигаръ, а на портсигарѣ надпись: «отъ благодарныхъ паціентовъ».

Я даже расхохотался. Вотъ, думаю, въ какія руки попало.

— Ну, такъ что же?

— Да то, что опять къ женамъ ходила, цѣлый часъ тамъ сидѣла, а старуха не вытерпѣла и къ Каззы ушла.

— Чего же ты боишься? Вѣдь теперь власть Каззы, не Боцъ вѣсть, какая. Не бойся, не велитъ тебя зарѣзать, это прежде бывало...

— Не боюсь я Каззы. А злой онъ человѣкъ, строгой вѣры. Онъ у насъ ни надъ чѣмъ не остановится. Да и не въ томъ дѣло. А вотъ въ чемъ! Спроси, будь другъ, у доктора: сколько ему надо на *утѣшеніе?*

— Оставь ты эти глупости,—говорю я ему уже серіозно.— Вѣдь ты человѣкъ разсудительный, умный, не мальчикъ какой-нибудь взбалмошный. Неужели же она тебѣ такъ понравилась?..

— Сплю и во снѣ вижу,—чуть слышно проговорилъ сяркеръ и глубоко задумался.

«Вѣдь принесла-же нелегкая сюда эту Нину Леонтьеву, задумался и я. Дама, видимо, съ темпераментомъ, недаромъ объ ней слухи ходили разные. Юнкеръ тамъ одинъ проворовался, а послѣ пулю въ лобъ... Офицеръ одинъ казачій спился съ кругу. Дуэль была, да и не одна...»

— Не стоитъ она,—брякнулъ я вслухъ.

— Не говори, большихъ денегъ стоитъ, и сосчитать нельзя, чего нежалко за такую!—возразилъ мнѣ Годдай-Агаллыкъ.

Вотъ тутъ и разговаривай съ нимъ послѣ этого!

Опять прошла недѣля благополучно. За это время докторша надумала верхомъ учиться ѣздить. Лошади у меня въ конюшнѣ, по правдѣ сказать, были лучшія во всемъ округѣ, и между

ними одинъ жеребчикъ съ такимъ ходомъ, что стаканъ воды поставь на сѣдло, капли не выльется, а на поводу мягокъ такъ, что хоть шелковинки подвязывай,—и нравомъ смирный. Этого жеребца и выпросила у меня Нина Леонтьевна. Самъ я и училъ ее ѣздѣ, скоро поняла эту науку моя барынька. Да и безстрашна была. Сшила она себѣ юбку, такую съ разрѣзомъ, черную, да шаровары широкіе, суконные, чтобы верхомъ сидѣть было удобно. Выѣдемъ, бывало, кавалькадой съ господами офицерами; за нею не угонишься...

Докторъ-мужъ сердится, а что подѣлаешь! Офицеры въ восторгѣ, полковникъ одобряетъ и самъ въ прогулкахъ принимаетъ живѣйшее участіе. Разъ даже и Годдай ѣздилъ съ нами на своемъ золотомъ аргамакѣ. Послѣ такой поѣздки просили меня офицеры отобрать жеребчика у Нины Леонтьевны, а дать ей другую лошадь потише, а то гикнетъ она, вынесется впередъ, ничья лошадь, кромѣ годдаевскаго аргамака не поспѣваетъ. Охота имъ пыль глотать, когда тѣ ни вѣсть куда впередъ унесутся...

Докторъ сердился на меня почему-то и говорилъ:

— Этакъ и голову сломать недолго. Это съумасшествіе! А все вы затѣваете!

— Это на моемъ-то «Угольке» шею сломать,—вступался я за коня. — Будьте спокойны, ребенка не обидитъ и нога вѣрная...

Разъ влетаетъ ко мнѣ докторъ, а дѣло было часовъ въ восемь вечера, темнѣть уже начало.

— У васъ жена?

— Нѣтъ.

— Она присылала къ вамъ за лошадью?

— Присылала, и я отправилъ съ джигитомъ, Шарипомъ.

— А гдѣ джигитъ?

— Велѣлъ я состоять при Нинѣ Леонтьевнѣ безотлучно. Вы не безпокойтесь.

— Какъ не безпокоиться? Обѣжалъ я всѣ квартиры, всѣ дома, съ кѣмъ же она поѣхала?

— Да должно быть, съ Шарипомъ и поѣхала.

— Куда?

— Ну, этого я и самъ не знаю. Вернется, у ней и спросите.

— Что она со мною дѣлаетъ, что она дѣлаетъ!..

И вдругъ вижу я, докторъ мой присѣлъ на кровать, закрылъ лицо руками и давай плакать.

Посмотрѣлъ я на его фигуру, тощую, чахоточную, на эти длинныя ноги съ острыми колѣнами, впалую грудь, лысину во всю голову... Какъ сравнилъ этого мужчину съ моимъ другомъ-красавцемъ, жалко мнѣ его стало.

— Отправьте вы свою супругу назадъ, въ Россію; ну, погостила и довольно... Вотъ скоро въ походъ выступимъ... опасности, нужда, лишенія... Что ей съ нами, солдатами, дѣлать... Да и вы тоже сами несовсѣмъ въ порядкѣ здоровьемъ,—просились бы въ переводъ куда-нибудь, подальше отсюда, покойнѣе было бы...

Вздрогнулъ докторъ, будто кто его кнутомъ вдоль спины вытянулъ... Какъ вскочитъ онъ на ноги, да ко мнѣ:

— Какъ, и вы замѣтили?

— Что такое? Я просто, желая вамъ добра, а вовсе ни...

— Я этого сарта проклятаго пристрѣлю, какъ собаку!..

Сказалъ это докторъ, покачнулся и выбѣжалъ изъ моей сакли.

Ну, думаю: скверно!

Только, на другой день иду я мимо и глазамъ не вѣрю. Стоитъ аргамакъ Годдаевъ у докторской квартиры и держитъ его джигитъ. Окна отворены настежъ и слышенъ голосъ Нины Леонтьевны, да такой гнѣвный, крикливый, и говоритъ она смѣсью, половину по-киргизски, половину по-татарски... Слышу и доктора голосъ, только веселый и ободрительный:

— Такъ его, такъ его, хорошенько... Нажаривай!

Этотъ по-русски выражается, потому что по здѣшнему ни слова не понимаетъ.

Вхожу и вижу картину:

Сидитъ Годдай-Агаллыкъ около стола и голову потупилъ смиренно, но самъ, ничего, улыбается. Докторша сидитъ за самоваромъ, въ правой рукѣ чайникъ, а лѣвою кулакомъ по столу стучитъ, такъ, что даже посуда побрякиваетъ, докторъ по комнатѣ ходитъ и весело руки потираетъ.

— Вы,—говоритъ Нина Леонтьевна,—какъ пѣтухъ обзавелись курами... Всѣ онѣ дряпныя, глупыя, сложены прескверно, и серьги въ носу носятъ... Какъ вы объ эти серьги усы свои

и бороду не выщипали. Онѣ васъ цѣлуютъ, эти мерзавки... Какъ онѣ цѣлуютъ? говорите сейчасъ!.. Сразу всѣ вмѣстѣ, или поочередно? Онѣ обнимаютъ васъ, ласкаютъ... Вѣдь это животныя, звѣри безсловесные, вѣдь съ ними и говорить не о чемъ...

— Такъ его, такъ, хорошенько...

— Увидѣли меня...—Нина Леонтьевна вспыхнула вся и сразу смолкла. Годдай-Агаллыкъ взглянулъ на меня особенно, по праздничному, словно...

— А вотъ и вы!—бросился ко мнѣ навстрѣчу хозяинъ...— Слышали сейчасъ, какъ жена вашего пріятеля отдѣлывала...

— За что?

— Да за вчерашнее... Вашъ хваленый джигитъ, изволители видѣть, съ дороги сбился, а еще знаетъ хорошо окрестности, да, слава Богу, случайно встрѣтились вотъ съ нимъ, съ сяркеромъ этимъ... Нина Леонтьевна боялась послѣ Шарипу довѣриться, просила Годдая проводить до дому, а этотъ любезный кавалеръ отказался, сказалъ, что по службѣ идетъ... некогда... Сегодня пріѣхалъ извиняться, вотъ и нарвался... Ну все-таки, Ниночка, довольно; нажгла и довольно!.. Вѣдь, онъ азіатъ, гдѣ же ему нашей галантности набраться... Смѣни гнѣвъ на милость...

— И не смѣню, покуда не разгонитъ свой курятникъ поганый,—крикнула его Ниночка опять-таки по-татарски.

Ого! это она со мною даже не стѣсняется нисколько.

Однако мой приходъ все-таки оказался примирительнымъ. Нина Леонтьевна разливала чай уже нѣсколько покойнѣе, даже первый стаканъ подала сяркеру, пододвинувъ къ нему поближе сахарницу.

Въ тотъ же вечеръ, ложась спать, я свистнулъ Шарипу... Явился мой джигитъ, что листъ передъ травой.

— Разсказывай, да не ври!

— Приказала мнѣ барыня,—докладываетъ Шарипъ,—проводить ее до Чаганака, тамъ садъ прежній, бековскій, заброшенный, на берегу рѣки, тамъ и сяркеръ, одинъ безъ джигитовъ, оказался. Барыня велѣла мнѣ на дорогѣ съ лошадьми остаться, а сама въ садъ пошла... Потомъ вышла—и мы домой поѣхали... А больше ничего и не было.

— Вотъ оно уже до чего дошло... Рандеву по всей фермѣ... Что же это докторъ такъ радовался?.. Вотъ, думаю, самъ не

поѣду, а дождусь, когда Годдай меня навѣститъ, тогда и къ допросу его притяну, форменному. Что-то ты у меня запоешь, Донъ-Жуанъ халатный?..

Ждать долго не пришлось. Не прошло недѣли послѣ докторскаго чаепитія, пріѣзжаетъ ко мнѣ этотъ Донъ-Жуанъ, да поздно, часу въ одиннадцатомъ вечера.

— Я, говоритъ, къ тебѣ на всю ночь. Я тебя не стѣсню. Мнѣ хоть въ конюшнѣ, на сѣнѣ, выспаться, а домой ѣхать я не хочу.

— Что такъ?

— Дома у меня нехорошо, и не знаю даже, какъ теперь справиться съ ними...

— Съ кѣмъ это?

— Да съ женами и, главное, съ этою старухой проклятою...

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Годдай,—началъ я самымъ серьезнымъ тономъ. — Во-первыхъ, скажи, совершенно откровенно, считаешь ты меня своимъ другомъ?

— Считаю!

Годдай-Агаллыкъ вспыхнулъ, оживился, даже въ объятія ко мнѣ потянулся.

— Понимаешь,—говорилъ онъ,—понимаешь, моя душа— половина твоей души. Мой умъ — половина твоего, мои руки обѣ... вотъ онѣ, хоть отрѣжь сейчасъ и бери себѣ, обѣ для тебя.

— Постой, постой!.. рукъ твоихъ я рѣзать не стану, а вотъ, коли ты другъ, говори все по правдѣ. Да, смотри, ничего не скрывай—ни для чьей, для твоей же пользы спрашиваю. Говори всю правду... Ты вѣдь знаешь, что я никому и ничего не разболтаю, а боюсь, чтобы ты такихъ глупостей не надѣлалъ, что послѣ не будешь знать какъ и поправить. Давно видѣлъ эту докторшу? Видались послѣ того раза, когда чай пили у ея мужа?

— Ну, видались...

— Гдѣ же это вы встрѣчаетесь?

— Да у меня два раза, а разъ еще въ томъ саду, гдѣ тогда...

— Видишь самъ теперь, какая это женщина. Ну, станетъ-ли хорошая жена отъ мужа такія дѣла дѣлать, какъ думаешь?..

— Охъ какая хорошая! Это не женщина, а сама радость

небесная... Вотъ у насъ въ коранѣ обѣщано хорошему мусульманину на томъ свѣтѣ, будто бы гуріи обнимать, да цѣловать будутъ... Эти гуріи вѣдь то же, что наши жены, только получше, можетъ быть, а все вѣрно не такія... Гдѣ нашимъ такъ умѣть, какъ эта!.. О, если бы ты зналъ, какъ эта любить умѣетъ... И прикоснуться то къ ней страшно... Такъ и кажется, что вотъ-вотъ, самъ умрешь, потому сердце не выдержитъ, разорваться можетъ... Что мнѣ эти гуріи!.. А на своихъ обезьянъ безсловесныхъ я и смотрѣть теперь не желаю... Нина говоритъ мнѣ,—ты не сердись, она сама велѣла мнѣ называть ее просто Нина, только не при другихъ, а меня Годдашка-Агаллашка называетъ. —А то, говоритъ, ты мой джуль-барсъ прирученный... Такъ вотъ, Нина говоритъ мнѣ: разгони всю эту дрянь изъ твоего третьяго двора, чтобы никого, никого не осталось, тогда я мужа брошу и къ тебѣ на всю жизнь переселюсь... Ни тебѣ, ни мнѣ и вѣры мѣнять не нужно. Я послушалъ ее, сегодня утромъ объявляю своимъ, что отпускаю ихъ на всѣ стороны, что пока даю имъ садъ, за городомъ, тамъ у меня есть особенный, пускай тамъ живутъ, обѣщаю бумагу отъ Каззы вытребовать, чтобы онѣ полною волею пользовались, все равно какъ разведенныя жены... Что же онѣ, особенно эта Ассаль злая, что же онѣ сдѣлали?..

— Что такое?

— А помнишь мой халатъ голубой, двѣсти рублей по вашему стоитъ, помнишь?

— Ну, помню...

— Въ клочья изодрали.,. Въ самые маленькіе кусочки... Я только успѣвалъ закрывать лицо да бороду... Какъ онѣ Нину ругали, какими словами называли!.. Говорятъ: пускай еще разъ пріѣдетъ къ намъ, мы ее самое въ мелкіе клочья исщиплемъ... А отчего онѣ такъ забылись, отчего этой прыти набрались?.. какъ ты думаешь? Вѣдь онѣ не смѣли слова наперекоръ пикнуть, вѣдь когда я приходилъ, не то что сердитый, а просто не въ духѣ, онѣ по угламъ прятались, оттуда взгляды мои ловили. Между собою поссорятся, до драки дойдетъ дѣло, пригрожу, и стихнутъ... А тутъ, посмотри-ка: на меня съ кулаками... Отчего это, ты какъ полагаешь?

— Очень просто,—отвѣчаю,—Ассаль-Каззы пожаловалась, тотъ ихъ сторону держитъ. Вотъ и храбрятся.

— То-то, Каззы. Я вчера базаромъ ѣхалъ, въ меня кто-то грязью швырнулъ въ догонку... Я курбаши (полицеймейстеру) пожаловался, а тотъ говоритъ: «въ хорошаго человѣка не станутъ грязью швыряться». Этому какое дѣло?

— Большихъ тебѣ непріятностей надѣлаетъ этотъ Каззы,— говорю я,—положимъ, порядки теперь другіе, не зарѣжутъ, а все-таки могутъ такъ доканать, что хоть бѣги вонъ изъ города, въ другое мѣсто переселяйся... Вотъ то-то и дѣло. А все Нина твоя... Я тебѣ, какъ другъ, скажу откровенно: и твой-то пылъ пройдетъ, и она скоро въ другую сторону метнуться можетъ... Неужели же ты думаешь, что такъ навѣкъ и сойдетесь оба. Ни она къ вашей жизни не привыкнетъ, ни ты къ ея порядкамъ. Опостылите другъ другу такъ, что врозь разбѣжитесь, а скандалу сколько наберетесь — и ты, и она, упаси Господи!.. Вѣдь у насъ тоже хоть и полегче на такія дѣла смотрятъ, а ужъ коли черезъ край хватило, тоже не щадятъ... И мой совѣтъ тебѣ такой: приказъ о выселеніи твоихъ женъ отмѣни... Пообѣщай это докторшѣ, но отложи на неопредѣленное время, къ Каззы отошли хорошіе подарки и обѣщай принести повинную во грѣхахъ своихъ, это сильно поможетъ: во-первыхъ, грязью не станутъ швыряться, и довѣріе плательщиковъ къ тебѣ не будетъ подорвано. Вѣдь, посуди самъ, ты ѣдешь за сборами, а отъ тебя всѣ отвертываются. Самъ попадешь въ опалу. Теперь тебя хорошимъ слугою Бѣлому Царю считаютъ; слышалъ, говорилъ полковникъ, что самъ генералъ тобою доволенъ, а тутъ вдругъ смѣнить тебя придется... А это очень легко можетъ случиться. А насчетъ Нины Леонтьевны я самъ поговорю съ нею. Повѣрь мнѣ на слово, что эта блажь у нея пройдетъ скоро...

Поблѣднѣлъ мой Годда-Агаллыкъ, да какъ!.. Я уже думалъ не дурно-ли съ нимъ сдѣлалось, и говоритъ мнѣ глухимъ такимъ подавленнымъ голосомъ:

— Ты противъ меня говорить будешь?.. Да?..

— Зачѣмъ противъ, это не мое дѣло. Я даже въ твою пользу поговорю, только урезоню ее, чтобы она отъ тебя глупостей разныхъ не требовала... рада силу свою бабью надъ мужскою пробовать, недаромъ тебя джуль-барсомъ прирученнымъ называетъ...

— Что же, поговори. Я тебѣ вѣрю... Но помни: если ты

меня ты обманешь, я тогда ни одному русскому больше вѣрить не стану... Такъ и помни.

— Да ужъ будь покоенъ. А теперь коли усталъ, ложись спать у меня, а завтра утромъ отправляйся домой и улаживай дѣло какъ умѣешь. Скажи имъ тамъ, что вчера пошутилъ и только вѣрность ихъ хотѣлъ испытать... приласкаешь, да по платку подаришь, онѣ и растаятъ... Да и Ассаль подари чѣмъ-нибудь!.. Все пойдетъ по-старому...

— Я имъ матеріи ференчи подарю, а Ассаль шаи полосатой на халатъ... Она давно просила...

— Вотъ и прекрасно!

Полегли мы спать.

Какъ я ни уговаривалъ своего друга улечься у меня на отоманкѣ, онъ на своемъ уперся: пойду спать въ конюшню, къ джигитамъ, да и только. Такъ и ушелъ, отъ ужина предложеннаго отказался.

Раздѣлся я, легъ, свѣчу потушилъ... Только первый сонъ... Шумъ, гвалтъ у меня за окномъ, въ дверь стучатъ... Что случилось? Вскочилъ я, накинулъ пальто, револьверъ пристегнулъ поверхъ бѣлья наскоро, отворяю дверь, а мнѣ на-встрѣчу, прямо въ объятія, что-то теплое, мягкое и какъ-будто бы даже оголенное... слышу голосъ Нины Леонтьевны.

— Спасите, спасите!..

Прибѣжалъ Шарипъ-джигитъ, онъ былъ у воротъ дежурный, свѣтитъ фонаремъ, смотрю: передо мною докторша, босая, въ одномъ бѣльѣ и юбка какая-то на плеча накинута... Продрогла вся бѣдняжка, а лицо какъ у полоумной, глаза на выкатѣ, и волосы всѣ растрепаны.

— Онъ меня убить хотѣлъ... Онъ въ меня изъ револьвера цѣлился.

— Кто, что?

— Мужъ... Спасите! онъ за мною гонится!..

Взялъ я ее на руки, отнесъ на свою кровать (въ другой комнатѣ стояла), закуталъ въ халатъ и велѣлъ Шарипу самоваръ ставить поскорѣе... самъ съ разпросами.

Долго, минутъ этакъ десять, моя барынька путемъ въ себя не приходила. А я тѣмъ временемъ шепнулъ Шарипу, чтобы разбудилъ еще джигита, да вдвоемъ бы Годдая моего берегли, какъ бы не проснулся и тоже сюда не ворвался... Хорошо,

что конюшня далеко, за другимъ садомъ. Принесли кипятку, заставилъ я докторшу коньяку проглотить рюмочку, кипяткомъ разбавленнаго, сахарцемъ закусить... разсказываетъ:

— Насъ, говоритъ, вчера Бобковъ видѣлъ... Мужъ въ лазаретъ уходилъ, а Годдай пріѣхалъ... Бобковъ мимо проходилъ и въ щелку ставни подглядѣлъ, даже кулакомъ постучалъ, нахалъ этакій, а сегодня все мужу разсказалъ. Тотъ дождался ночи, да съ допросомъ. Я, кричитъ, не потерплю — я и себя, и тебя, пристрѣлю. Ударилъ меня, съ постели стащилъ на полъ и за револьверомъ потянулся, что на стѣнкѣ висѣлъ. Я насилу вырвалась, да въ дверь. Бѣжала, не помнила ничего... собаки гнались, лаяли... часовой хотѣлъ задержать. Все мнѣ казалось, что мужъ гонится и цѣлитъ въ меня изъ пистолета. Теперь къ вамъ, вы мое спасеніе. Не выдавайте меня, голубчикъ, миленькій. Вы такой добрый, хорошій!

И зачѣмъ я подошелъ такъ близко?! Если бы я подальше держался, можетъ быть, Нина Леонтьевна не кинулась бы опять обнимать меня и цѣловать даже мои руки.

— Успокойтесь, голубушка моя,—сталъ я ее по головкѣ гладить.—Вотъ вы опять распахнулись вся... простудитесь еще, Боже сохрани. Эхъ, да успокойтесь же. Вѣдь я тоже мужчина—не каменный истуканъ.

— А... «мужчина!»

Шарипъ въ эту минуту сунулся со стаканами чая на подносикѣ, чай то поставилъ на столъ наскоро, самъ отвернулся и назадъ ушелъ, дверь притворилъ.

Удивительныя право существа, эти женщины!

Только что эта Нина Леонтьевна стала успокаиваться, новая неожиданность; за дверью голосъ доктора.

— Жена у васъ?

Спрашиваю я у докторши.

— Пустить?

— Что вы... Ради Бога... Онъ меня убьетъ.

— При мнѣ не посмѣетъ. Я его въ первой комнатѣ приму.

Я отворилъ.

— Жена у васъ, не отпирайтесь!.. Мнѣ сказали, что она сюда побѣжала, я шелъ по ея слѣдамъ. Жена у васъ, и извольте мнѣ ее немедленно выдать.

Докторъ проговорилъ это все тономъ, не терпящимъ ни-

какихъ возраженій, и съ рѣшительнымъ видомъ взялъ стулъ и сѣлъ посреди комнаты.

Хотѣлъ было я отвѣтить ему на его тонъ какъ слѣдуетъ, да взглянулъ на эту печальную фигуру, даже жалко стало. Полуодѣтый, въ рукахъ одинъ кобуръ отъ револьвера, въ туфляхъ, безъ шапки, на щекахъ такъ и горятъ чахоточныя пятна, глаза, какъ уголья, а ротъ широко открываетъ, воздуху ему все мало, духъ перевести.

— Успокойтесь,—снова началъ я теперь уже супругу.

Докторъ увидѣлъ стаканъ съ чаемъ, жадно схватилъ его и принялся пить большими глотками, я тотчасъ же пододвинулъ другой, да кстати и тарелку съ виноградомъ, оставшимся отъ ужина.

— Благодарю, благодарю. Я такъ страдаю, такъ страдаю!.. Нина, Нина! Слышишь-ли ты меня?.. Я такъ страдаю. Сжалься ты надо мною. Вѣдь мнѣ жить уже немного осталось...

— А драться умѣешь, а изъ пистолета убить грозишься,— послышался за ковромъ голосъ Нины Леонтьевны.

— Ты здѣсь?..

Это былъ крикъ и болѣзненный, и радостный вмѣстѣ съ тѣмъ. Докторъ рванулся съ своего мѣста и упалъ къ ногамъ показавшейся въ дверяхъ своей супруги.

«Ну, думаю, слава Богу, кажется все сейчасъ уладится, супруги помирятся и меня въ покоѣ оставятъ».

Распорядился даже, чтобы поскорѣе запрягли арбу крытую и коверъ постлали, чтобы отвести ихъ домой; заупрямилась моя Нина Леонтьевна: «не поѣду да и только!»

— Послѣ всего, что случилось,—говоритъ,—вы, милостивый государь, меня больше не увидите. Вашъ Бобковъ, подлецъ, наклеветалъ за то, что я его ухаживанія отвергла, а вы повѣрили и позволили себѣ такъ гнусно оскорбить жену свою, данную вамъ самимъ Богомъ!.. Прочь съ моихъ глазъ, презрѣнный!..

— Ниночка, я виноватъ, я глубоко виноватъ, и скорблю. Вотъ передъ нимъ, передъ этимъ благороднымъ человѣкомъ, я даю тебѣ клятву... Нина, ангелъ мой, мои дни сочтены... Я вѣдь самъ докторъ, я понимаю...

— Вы мнѣ уже четыре года говорите, что дни ваши сочтены. Вы все меня обманываете.

— Нина, это жестоко!

— Нина Леонтьевна,—вмѣшался и я,—какъ я ни уважаю васъ, а нахожу, что это уже слишкомъ. Это можетъ лишить васъ моего покровительства.

— И вы, и вы... Ахъ вы этакій неблагодарный!

— Нина Леонтьевна, я очень цѣню, я вполнѣ доволенъ... Я даже могу сказать...

Я, можетъ быть, наговорилъ бы еще большихъ глупостей, такъ меня выбилъ изъ сѣдла укоръ въ неблагодарности, но докторша быстро измѣнила свое рѣшеніе: она слышала мое распоряженіе объ арбѣ и, обратясь къ входящему Шарипу, спросила:

— Готово?

— Есть!

— Ну, собирайся ты, чучело! Я вотъ халатъ беру съ собою, прощайте. И пожалуйста, чтобы объ этомъ завтра болтать поменьше. До свиданья!

Докторъ хотѣлъ было предложить ей руку, но она толкнула его впередъ, обернулась ко мнѣ, послала черезъ плечо воздушный поцѣлуй и скрылась въ темнотѣ южной, хотя и осенней, но еще довольно теплой ночи.

Лошадь заржала, заскрипѣло колесо арбы, лучъ свѣта изъ распахнутой настежъ двери скользнулъ на мгновеніе по гребню ея верха. Уѣхали примиренные супруги.

— Нѣтъ,—подумалъ я,—сюда женъ выписывать изъ Россіи пока рановато.

Конечно, я самъ не проболтался, за молчаливость и скромность моихъ джигитовъ я могу поручиться смѣло, но тѣмъ не менѣе, на другой же день, ночной скандалъ сталъ темою общихъ разговоровъ. Враги всѣ немилосердно говорили, что докторъ вызвалъ меня и Годдай-Агаллыка на дуэль, что полковникъ пишетъ въ Ташкентъ секретное донесеніе... То-есть, такихъ глупостей наговорили, что нашъ начальникъ дѣйствительно долженъ былъ вызвать меня для личныхъ объясненій.

Надѣлъ форменный китель съ орденами, пристягнулъ саблю, являюсь.

— Садитесь,—говоритъ полковникъ довольно суховато.

Сѣли.

— До меня дошли слухи, что какъ въ лагерѣ, такъ ровно и въ городѣ, это еще важнѣе, спокойствіе нарушено,

потрудитесь не перебивать, на базарѣ волненіе и представителей нашей власти, положимъ, туземныхъ представителей, безнаказанно оскорбляютъ... Кромѣ того нравственный принципъ, первое основаніе дисциплины, поколебленъ... Вамъ все это извѣстно болѣе, чѣмъ кому-либо другому, и потому сообщите подробно и обстоятельно все, что вы знаете по этому скандальному дѣлу.

— По какому? осмѣлюсь спросить.

— Какъ, по какому?.. Я говорю, что тамъ такое натворилъ ваше протеже, вашъ хваленый сборщикъ податей?

— До сихъ поръ онъ очень аккуратно и вполнѣ добросовѣстно исполняетъ возложенныя на него обязанности: по послѣдней ревизіи, всего мѣсяцъ тому назадъ, всѣ сборы приведены въ точность, цифры вѣрны и соотвѣтствуютъ оправдательнымъ документамъ, и жалобы отъ населенія на неправильность поборовъ ни откуда не поступало.

— Это все прекрасно, я не объ этомъ и спрашиваю васъ. Что тамъ у него съ этою докторшею случилось? Что за скандалъ?

— Ну, это его дѣло и дѣло докторши, а ко мнѣ вовсе не относится. И повѣрьте, господинъ полковникъ, вопросъ такой я могу, какъ офицеръ, счесть для себя даже оскорбительнымъ.

— Ну, вотъ вы и обидѣлись, эхъ какой вы! Конечно, я понимаю, но какъ же намъ быть, вѣдь нельзя же серьезно допускать, чтобы какой-нибудь туземецъ посягалъ на обладаніе русскою женщиною, скажу больше, русскою дамою и женой, хотя и доктора, но по чину все-таки штабъ-офицера. Вѣдь это, согласитесь сами, нѣкоторый подрывъ авторитета власти. Это можетъ повести къ такой политической ошибкѣ, вліять вредно на ходъ и развитіе русскаго принципа въ земляхъ, вновь завоеванныхъ и, замѣтьте, завоеванныхъ потомъ и кровью русскаго солдата, этою святою сѣрою шинелью, какъ выражается нашъ знаменитый полководецъ, а я этого сяркера намѣренъ смѣнить и выслать изъ края.

— Простите великодушно, полковникъ, вы придаете данному, чисто частному, эпизоду, совсѣмъ неподобающее ему значеніе. Вотъ, если вы дѣйствительно приведете въ исполненіе свое намѣреніе лишить должности и выслать неповинное

лицо, честно исполняющее относительно насъ свой долгъ, да еще безо всякаго суда, это дѣйствительно можетъ подорвать довѣріе къ справедливости русской власти, а на счетъ амурныхъ, такъ сказать, дѣлъ, при чемъ тутъ политика? Не понимаю,

— Да я и самъ не понимаю, однако надо же что-нибудь сдѣлать, надо же помочь нашему бѣдному Карлу Богдановичу, онъ человѣкъ больной, и, наконецъ, право же жалко и обидно, такая милая, красивая, образованная дама достается какому-то чумазому дикарю... это ни на что не похоже. Наши офицеры прямо-таки оскорблены... Я право ничего не желаю худого этому почтенному вашему пріятелю, но вы все-таки поговорите съ нимъ, постарайтесь его убѣдить... Наконецъ, нельзя-ли его услать куда-нибудь подальше, на время, дать очень почетное порученіе, а я возьму на себя трудъ лично воздѣйствовать на нашу милую шалунью... Она вѣдь сердцемъ такая добрая, неиспорченная, душа у нея, какъ я замѣтилъ, дѣтски-чиста и невинна. Ну, знаете, молодость, болѣзненность мужа, особенныя свойства южнаго климата... Я берусь съ нею поговорить и почти ручаюсь за успѣхъ, а вы обуздайте пока Годдая-Агаллыка... Какъ-никакъ, но этотъ скандалъ надо прекратить неотлагательно, такъ!.. Я вполнѣ-вполнѣ увѣренъ въ вашемъ содѣйствіи... Вы завтракали?

— Нѣтъ еще!

— И прекрасно!.. Раздѣлите со мною мою простую, солдатскую хлѣбъ-соль. А этого Бобкова я все-таки велѣлъ посадить на три дня подъ арестъ. Не дѣло офицера посматривать въ окна и послѣ звонить по лагерю... нехорошо!

— Вотъ съ этимъ я вполнѣ согласенъ.

— Не правда-ли?..

Позавтракали мы съ полковникомъ и рѣшили дѣйствовать.

Годдай-Агаллыкъ, слава Аллаху, проспалъ у меня въ конюшнѣ очень крѣпко и не подозрѣвалъ ничего, что произошло въ эту роковую ночь. По моему совѣту, онъ скоро устроилъ полное примиреніе со своимъ многочисленнымъ семействомъ и даже готовился къ новому празднеству, по случаю примиренія съ самимъ грознымъ Каззы. Онъ только сомнѣвался, удобно-ли теперь приглашать также и доктора съ его супругой, и можно-ли будетъ обойти ихъ приглашеніемъ, чтобы они не обидѣлись... Вопросъ этотъ, конечно, былъ весьма щекотливый.

*

Годдай за разрѣшеніемъ своего сомнѣнія обратился опять-таки ко мнѣ, и я могъ посовѣтовать ему лишь одно: не торопиться праздникомъ и отложить его на болѣе или менѣе неопредѣленное время. Отправилъ Годдая, пожелавъ ему еще разъ очнуться и стряхнуть съ себя безпокойныя чары чужеземной волшебницы, а самъ пошелъ въ лагерь; только поровнялся съ докторскою квартирой, сама меня изъ окна окликаетъ.

— Зайдите!

Зашелъ.

— Мужа дома нѣтъ. А позвольте васъ спросить: это вы на меня полковника натравили?..

— Это еще что такое, дорогая Нина Леонтьевна, я даже васъ не понимаю.

— Да какъ же,—говоритъ,—онъ началъ даже съ того, что будто по соглашенію съ вами, онъ это очень замысловато началъ... Говорилъ о разности расъ и возможности роковыхъ послѣдствій... Много говорилъ...

— Краснорѣчиво значитъ убѣждалъ?..

— Да какъ убѣждалъ, руки цѣловалъ, потомъ на колѣна сталъ... Я испугалась, покосилась на окно, а онъ говоритъ: не безпокойтесь, я Бобкова подъ арестъ запряталъ... Сколько ему лѣтъ?..

— Кому? Бобкову?

— Да нѣтъ, полковнику.

— Лѣтъ за пятьдесятъ, порядочно даже это *за*...

— Я такъ и рѣшила... А право онъ мнѣ сначала казался гораздо моложе съ вида, этакъ лѣтъ тридцать пять, не болѣе...

— Ну, какъ же,—спрашиваю,—вы покончили ваше объясненіе?

Нина Леонтьевна расхохоталась.

— Да такъ ничѣмъ и не окончили... Такъ на одномъ предисловіи и остановились. Полковникъ выразилъ мнѣ, что онъ все-таки надѣется.

— Такъ... Эхъ, дорогая моя барынька, и зачѣмъ это васъ принесло къ намъ, на передовую позицію!?.. Только мирный нашъ монастырь потревожили...

— А вы развѣ недовольны?

— Я? Нѣтъ, отчего-же, конечно, одни боевые лавры, безъ розъ, прѣсноваты, да шипы-то у этихъ розъ больно колючіе...

бѣды вы здѣсь какъ бы не натворили... Другъ Годдай совсѣмъ у меня съ ума сходитъ, а человѣкъ былъ солидный, и намъ очень нужный. Скажите откровенно, вы вѣдь сами на эту откровенность назвались, и не ошиблись, я человѣкъ вѣрный и отъ души вамъ желаю всякаго добра и счастья. Такъ вотъ и извольте говорить прямо, на чистоту: изволили вы шалить только съ прирученнымъ джулбарсомъ или дѣйствительно чувствуете къ нему серьезное влеченіе?..

Задумалась Нина Леонтьевна, замолчала, а я ей опомниться не даю, продолжаю:

— Правду говорите, потому мнѣ сяркера жалко, и я его отъ вашихъ шалостей защитить съумѣю и въ обиду не дамъ... Онъ хоть, по-вашему, и азіятъ небезынтересный, а по-моему, человѣкъ съ душою и сердцемъ, человѣкъ, что и межъ нами русскими, днемъ съ огнемъ поискать... Ну-съ, извольте исповѣдываться!

— Вы куда шли?—оборвала меня Нина Леонтьевна.

— Шелъ по дѣлу въ походную канцелярію.

— Такъ и идите своею дорогой... До свиданья!.. Знаю я вашу дружбу къ бѣдному Годдаю, съ тѣхъ поръ, какъ прибѣгала къ вамъ за помощью...

Почесалъ я затылокъ и тутъ только замѣтилъ, что сидѣлъ я у докторши, не снимая съ головы шапки, извинился, задѣлъ за коверъ шпорою и направился къ выходу.

— Назадъ пойдете, обѣдать къ намъ, слышите?!—крикнула въ слѣдъ докторша.

— Слушаю-съ!

Разговаривай послѣ этого серьезно съ барышнями!

Покончивъ дѣла, часу во второмъ — у насъ вѣдь не по аристократическому, встаютъ въ шесть часовъ утра, завтракаютъ въ восемь, сейчасъ же послѣ утренняго ученья, а обѣдаютъ въ два—захожу къ докторшѣ. Тамъ кое-кто собрались: Мюндельбергъ, два казачьихъ офицера, Шеломовъ и Подпругинъ, и пріѣзжій изъ Ташкента интендантскій чиновникъ. Минутъ черезъ десять пришелъ и самъ докторъ подъ руку съ полковникомъ. Оказалось—хозяйскія именины, по нѣмецкому календарю.

Сѣли обѣдать. Нина Леонтьевна веселая, любезная, нарядная, ну, просто бабочки такія бываютъ только, пестрокрылыя.

Полковничій денщикъ въ штатскомъ платьѣ при бѣлыхъ перчаткахъ блюда разноситъ. Парадъ полнѣйшій, одно слово!

Только ѣсть стали, вдругъ... трумъ-трумъ-бумъ!.. Музыка батальонная неожиданно на дворѣ заиграла, — Бобковъ съ гауптвахты распорядился.

Хозяйка пристала къ начальству: «выпустите, да выпустите».

— Если вы сами просите...—любезно чекнулся стаканомъ полковникъ,—противорѣчить не смѣю. Освободить!

Послали денщика съ запискою. Очень весело было за обѣдомъ, а сидѣлъ я рядомъ съ Ниною Леонтьевною, сама усадила; полковникъ съ другой стороны, докторъ напротивъ. Мюндельбергъ карандашомъ все что-то писалъ на лѣвомъ рукавѣ крахмальной рубашки, — напишетъ, губами пошепчетъ что-то и опять за карандашъ...

— Это онъ экспромтъ сочиняетъ,—вслухъ догадался интендантскій чиновникъ.

— И не думаю вовсе,—отозвался артиллеристъ.

Бобковъ влетѣлъ, какъ ураганъ, и прямо къ хозяйкиной ручкѣ; потомъ почтительно раскланялся съ полковникомъ и проговорилъ:

— Мерси-съ.

— Не меня. Вотъ кого извольте благодарить... Садитесь!

Дѣйствительно-ли такъ хороша собою была Нина Леонтьевна или это намъ только казалось на безбабьѣ, но ея роскошная фигура положительно электризовала все общество. Вѣдь вотъ теперь, много лѣтъ спустя, припоминаю. Да, довольно недурненькая, полненькая блондинка, какихъ у насъ въ Россіи сколько угодно, особенно въ Петербургѣ, изъ нѣмокъ; волосы, правда, изумительные, да и сама-то, собственно говоря, не первой молодости, а вѣдь поди же ты — фея сіяющая — сверкала межъ нами, явленіе волшебное изъ міра заоблачнаго! Помани глазкомъ, пальчикомъ кивни, — въ огонь и въ воду, къ черту на рога полѣзешь, не задумавшись. Или же, дѣйствительно, какъ говорилъ полковникъ, свойства такія у здѣшняго климата.

Даже Нина Леонтьевна подъ конецъ конфузиться начала, замѣтя какъ ее словно бичами хлещутъ со всѣхъ сторонъ нескромные взоры.

Подали шампанское. Полковникъ предложилъ первый тостъ: здоровье генералъ-губернатора. Выпили, крикнули «ура», музыка проиграла походный маршъ нашего баталіона. — Второй тостъ провозгласилъ казачій есаулъ Подпругинъ: здоровье именинника, гостепріимнаго хозяина дома сего — ура! Покричали, музыка отбарабанила тушъ. Третій тостъ, всѣ разомъ поднялись за хозяйку. Пошелъ дымъ коромысломъ, стулья отлетали въ сторону, кто-то посуду разбилъ, Бобковъ кричитъ: «качать!..» Насилу мы съ полковникомъ отбили хозяйку, а то-бы летать ей къ потолку, по лагерному обычаю.

Поднялся Мюндельбергъ и крикнулъ, почему-то, по-нѣмецки, должно быть:

— Силенсіумъ!..

— Что такое?

— Позвольте мнѣ, — торжественно заговорилъ артиллеристъ, — при семъ удобномъ случаѣ мнѣ пришелъ въ голову стихотворный экспромтъ...

— Позволяемъ!—кивнулъ головою полковникъ.

Мюндельбергъ откашлялся, посмотрѣлъ еще разъ на лѣвый обшлагъ. Онъ это очень сдѣлалъ, будто бы пенснэ золотое на носу поправилъ и началъ:

„Явились вы въ нашъ лагерь боевой
И поразили всѣхъ своею красотой...
О, для чего вы къ намъ явились?..
Безъ васъ мы скромно всѣ постились...
Теперь же безъ ума влюбились...
Въ карьеръ несемся къ вамъ мечтой...“

— Спи, ангелъ мой, спи, Богъ со тобой! — вставилъ отъ себя Бобковъ.

Мюндельбергъ разсердился, окинулъ строгимъ, холоднымъ взглядомъ адъютанта и отчетливо произнесъ:

— Это неприлично.

Ну, тутъ поднялся такой взрывъ восторговъ по адресу хозяйки дома, что она вскочила и выбѣжала въ другую комнату.

— Господа! — началъ было укоризненно докторъ, но ему помѣшалъ совершенно охмѣлѣвшій интендантскій чиновникъ, бросившись ему на шею и зарыдалъ во все горло.

— Ты мнѣ другъ... выпьемъ на ты...

Бобковъ принялся сливать всѣ остатки вина въ суповую чашку, обѣщая сдѣлать удивительную жженку, полковникъ по-

качнувшись, сунулся было за внезапно исчезнувшей Ниной Леонтьевной, но дверь оказалась запертою на крючекъ.

Я тихонько отыскалъ свою фуражку и, не прощаясь, вышелъ на воздухъ. И вдругъ почему-то мнѣ стала жалко нашу красавицу, да какъ жалко. Если бы я встрѣтилъ ее сію минуту, я бы бросился къ ея ногамъ, я бы умолилъ ее уѣхать отсюда, я бы можетъ быть и большихъ глупостей надѣлалъ, если бы не почувствовалъ, что моя собственная голова закружилась отъ излишне выпитой безобразной смѣси плохого маркитанскаго вина, и что мнѣ пора домой.

Только на другой день я узналъ, какъ кончился пиръ у нѣмецкаго именинника.

Интендантъ напился до того, что его должны были уложить, какъ тюкъ, въ его собственный тарантасъ, полковника на рукахъ, съ музыкой впереди, отнесли на квартиру, Мюндельбергъ вызвалъ на дуэль Бобкова, а Бобковъ—Мюндельберга, потомъ за импровизированною жженкой помирились и вдвоемъ уже написали такой мадригалъ въ честь хозяйки, что проспавшись не могли разобрать ни слова. Шеломовъ съ Подпругинымъ, войдя въ воинственный ражъ, подняли казачью сотню и произвели залихватское ученье, во время котораго есаулъ, свалившись съ лошадью вмѣстѣ, вывихнулъ себѣ колѣно, докторъ серьезно заболѣлъ и слегъ въ постель, а Нина Леонтьевна почему-то плакала всю ночь и писала какое-то длинное письмо. Это уже изъ собранія свѣдѣній моего любопытнаго Шарина, сведшаго особенную дружбу съ докторскимъ денщикомъ, тоже татариномъ.

О, Боже мой! до чего можетъ довести подавляющая скука боевого лагеря въ мирное время! Хотя бы въ походъ выступать скорѣе.

Утромъ я уѣхалъ по дѣламъ въ Пеншанби, довольно далеко отсюда, провелъ тамъ сутокъ трое; Годдая не видалъ, вернулся домой, а черезъ полчаса съ базара мальчишка сартенокъ и подалъ мнѣ письмо.

— Отъ кого бы?—думаю. Почеркъ твердый на конвертѣ, а все-таки похожій на женскій; распечатываю, смотрю на подпись: «Нина Блюмъ»; сталъ читать:

«Вы вызвали меня на откровенность, — извольте, я буду вполнѣ откровенна съ вами. Я знаю, что вы искренній другъ

Годдая и принимаете въ немъ теплое участіе. Наши считаютъ туземцевъ чѣмъ-то низшимъ, вы же относитесь къ нимъ иначе, особенно къ вашему избранному пріятелю. Вы спрашивали меня, шалю-ли я только сердцемъ Годдая, — или отношусь къ нему съ болѣе серьезными чувствами. Да, сначала я только шалила—онъ мнѣ понравился,—и даже очень. Вѣдь, не правда-ли, что онъ очень красивъ. Вѣдь, не назовете же вы мой выборъ неудачнымъ?.. Да?.. Я вѣтрена, я невѣрна своему мужу, я позволяю себѣ выходки, недостойныя порядочной женщины, а кто же меня втянулъ въ эту жизнь, кто поощрялъ на каждомъ шагу мои,—скажу совершенно откровенно,—чисто скотскіе порывы? Кто?..

«Предоставляю вамъ самимъ отвѣтить на эти вопросы, а сама перехожу къ дѣлу: я мужа не любила и любить не могу. Я никого, даже изъ тѣхъ, кто обладалъ мною, не любила также. Насъ такъ мало, русскихъ женщинъ, въ этомъ краѣ, вѣдь туземные гаремы для васъ недоступны, и каждая изъ насъ, появившись въ вашемъ кругу, дѣлается по-неволѣ центромъ всѣхъ вашихъ гнусныхъ вожделѣній. Вы всѣ только желали обладать не мною, а моимъ тѣломъ, вы всѣ клялись мнѣ въ любви, вымаливали каждую ласку у моихъ ногъ, даже на смерть дрались изъ-за меня, но не одинъ изъ васъ меня не любилъ. Временный обладатель забывалъ обо мнѣ до новаго прилива животной страсти, отверженный обливалъ меня помоями и грязью. Я была то предметомъ обожанія для другихъ, то предметомъ всевозможныхъ оскорбительныхъ сплетенъ и насмѣшекъ, но стоило мнѣ только ласково улыбнуться оскорбителю, онъ превращался немедленно въ обожателя, и наоборотъ.

«Васъ было много, я одна. Право и возможность выбора были на моей сторонѣ, я и выбирала, не стѣсняясь. То-есть, я дѣлала все то, что вы сами дѣлали тамъ, гдѣ женщинъ было болѣе. Но, я повторяю, ко мнѣ относились съ презрѣніемъ, прикрытымъ, впрочемъ, лестью и грубыми похвалами; я же, не прикрываясь, въ душѣ и на дѣлѣ, презирала васъ всѣхъ и, какъ вы замѣтили, никогда не льстила. Только тамъ, гдѣ вы разражались непристойною бранью—непремѣнно заглазною,—я платила вамъ нисколько не скрываемыми насмѣшками. А вы вѣдь всѣ думали: «какая, молъ, веселая барынька!»

«У васъ я познакомилась съ Годдаемъ. Онъ остановилъ мое вниманіе своею внѣшнею красотой. Чудный экземпляръ самца! Я намѣтила его. Почему же нѣтъ... это такъ ново и оригинально. Годдай тоже заинтересовался мною. Онъ, я думала, какъ и вы, смотритъ на эту бѣлую, сильно оголенную русскую женщину — тоже животными глазами. Вы помните, какъ я поощряла это чувство, разжигая эту дикую страсть. Я сама даже немного увлекалась такимъ же далеко нечистымъ, отвлеченнымъ чувствомъ. Вы знаете, что было при первомъ нашемъ свиданіи, глазъ-на-глазъ?.. Нѣтъ, вы не знаете. Въ отдаленномъ саду, далеко за городомъ, гдѣ никто, никакой Бобковъ, не могъ бы подглядѣть, я была у Годдая въ рукахъ. Онъ несъ меня, какъ ребенка, онъ, мощный мужчина, имѣлъ полную возможность обладать мною. Но я сдѣлала опытъ... довольно было одного моего взгляда... ни слова, ни мольбы,— одного только взгляда, и разъяренный, ослѣпленный страстью тигръ мгновенно сталъ человѣкомъ... я благословила небо за такой опытъ... я почувствовала въ это мгновеніе нѣчто новое, отрадное, поднявшее меня, падшую въ моихъ собственныхъ глазахъ. Этотъ человѣкъ меня уважалъ — инстинктивно или сознательно,—но ему дорого было то, что творилось въ моей душѣ. Вы недикіе, европейцы, способны-ли были бы на этотъ подвигъ? Вы не можете видѣть тѣхъ несчастныхъ созданій, что какъ звѣрки, заперты въ гаремѣ Годдая—я ихъ видѣла... Знаете ли вы, что тамъ есть двѣ женщины, — такія замѣчательныя красавицы, такія молодыя, что я, износившаяся кокетка, не стою ихъ мизинца. Развѣ я злилась бы и ругала ихъ, если бы дѣйствительно встрѣтила бы тамъ «чумазыхъ обезьянъ». Если вы тогда повѣрили мнѣ—вы, значитъ, совсѣмъ не знаете женщинъ. Сплетня Бобкова ложь. Годдай до вчерашней ночи не былъ моимъ любовникомъ. Этотъ проклятый обѣдъ, эта пьяная оргія, это постыдное мое положеніе между вами сдѣлали меня любовницею Годдая — я этого потребовала отъ него сама. Я молила его: возьми меня, запри подъ замокъ... дѣлай что хочешь, только избавь, вырви меня изъ нашей позорной свободы. И Годдай понималъ меня... онъ ласкалъ меня и плакалъ вмѣстѣ со мною. Онъ говорилъ мнѣ то, чего я никогда, никогда въ жизни ни отъ кого не слыхала. Простите, я увлеклась, я написала много лишняго, но мнѣ жалко за-

черкивать написанное. Теперь къ дѣлу. Выручайте меня, выручайте насъ, какъ умѣете. Я поѣхала къ сяркеру ночью, мой мужъ въ безпамятствѣ и бреду, около него фельдшеръ, я одѣлась въ платье джигита, Шарипъ мнѣ далъ и проводилъ въ городъ, Годдай былъ дома и меня ждалъ. Насъ застала эта мегера-Ассаль и подняла на ноги весь женскій дворъ. Я едва спаслась. Я должна видаться съ сяркеромъ—непремѣнно, это можно удобно только у васъ. Мы рѣшили такъ это пока, потому что мой тигръ-человѣкъ хочетъ непремѣнно посовѣтоваться съ вами. Онъ очень богатъ, онъ все продаетъ, превратитъ все въ деньги, отпуститъ женъ, просто броситъ ихъ, обезпечитъ вполнѣ ихъ существованіе, и мы уѣдемъ далеко, далеко, гдѣ, конечно, будемъ вполнѣ счастливы. Помогите же намъ все это устроить. Пришлите отвѣтъ, по возможности скорѣе.

Нина Блюмъ».

Подумалъ я надъ этимъ письмомъ; заговорило женское сердце, униженное, оскорбленное, озаренное новою, свѣтлою, чистою любовью... такъ и бьетъ живымъ ключемъ живое, горячее слово — и сила въ немъ, и правда слышатся. Заговорилъ практическій разсудокъ: что за бабья чепуха выходитъ!

«Продаемъ, разрушаемъ все, сжигаемъ корабли и летимъ, два голубка, искать какую-то Аркадію...»

А помочь надо. Вотъ въ эту-то минуту и надо показать себя истиннымъ другомъ, да кстати загладить и свою невольную провинность.

Рѣшилъ завтра же свести влюбленныхъ у себя, принявъ всѣ мѣры предосторожности, и тутъ обсудить всѣ дѣла, разумно, правильно и пристойно.

Но, увы! Въ ту же ночь случилось событіе, разрушившее разомъ всѣ наши планы.

Передъ самымъ разсвѣтомъ, въ слободкѣ, подъ лагеремъ, поднялась тревога. Шарипъ влетѣлъ, какъ бомба, ко мнѣ въ комнату съ крикомъ:

— Тюра! у доктора въ домѣ большая бѣда случилась.

Одѣлся я наскоро, побѣжалъ; что уже тутъ, думаю, разспрашивать, самъ на мѣстѣ узнаю въ чемъ дѣло. Прибѣгаю, а на

докторскомъ дворѣ уже большая толпа собралась, въ дверяхъ даже протискаться невозможно.

— Что такое?

— Да докторшу веревкою удавили... женщину одну поймали, старуху — она и удавила, вотъ въ углу ее связанную держатъ, гдѣ казакъ стоитъ съ шашкою.

— Умерла?

— Давно уже! Вся закоченѣла!

. . . . . .

АТЛАРЪ.

Повѣсть-быль изъ средне-азіатской жизни.

I.

Съ кургана «Атларъ-бекъ» далеко видно кругомъ. Куда ни взгляпешь, всюду разстилается привольная, безпредѣльная степь.

На той сторонѣ, гдѣ восходитъ солнце, тамъ еще синѣютъ два кургана, стоятъ рядомъ почти что, кажется, что совсѣмъ одинъ подлѣ другого, а ближе подъѣдешь, такъ нѣтъ,—далеконько! Это простые, неважные сторожевики-курганы, насыпанные еще на памяти старыхъ людей, по приказу бія Аблая-Кенисары, когда тотъ орду поднималъ противъ русскихъ. Подъ курганами не лежатъ богатырскія кости, и надъ ними не вѣетъ косматый бунчукъ надъ святою могилою. Далеко тѣмъ—до кургана Атларъ, съ его высокимъ мазаромъ *)!

Мазаръ этотъ сложенъ не просто изъ глины, а изъ плитнаго, жженаго кирпича, привезеннаго издалека; надъ мазаромъ хитро выведенъ высокій куполъ, у входа фронтонъ съ узорчатою рѣзьбою по карнизу и бортамъ смѣло очерченной арки, на внутреннихъ стѣнахъ полосами тянутся изображенія воиновъ, пѣшихъ и конныхъ, сцены охоты и боя, верблюжьи караваны, боевые доспѣхи, борзыя собаки и парящіе ястреба и орлы. Посреди мазара стоитъ тяжелый, съ трехъ сторонъ отесанный камень, а на его гладкихъ сторонахъ, еще и до сихъ поръ, видны слѣды временемъ источенныхъ надписей. Подъ этимъ камнемъ, чуть не на десяти-саженной глубинѣ, зарытъ великій богатырь и хранитель степной вольности, Атларъ-мулла. Слава о его подвигахъ прошла по всему свѣту,

---

*) Мазаръ—надмогильное сооруженіе.

изъ конца въ конецъ; разнесли по свѣту эту славу пѣвцы, да и по сихъ поръ поютъ ее. И нѣтъ никого, кто бы не слыхалъ и не зналъ про Атлара, не чтилъ бы свято его памяти и не преклонившись проѣхалъ бы мимо его могилы.

На самой вершинѣ кургана стоитъ знаменитый мазаръ, надъ его входомъ чернѣетъ наискось высокій шестъ съ мѣднымъ шаромъ на цѣпи и длиннымъ конскимъ хвостомъ. Въ его, мѣстами провалившійся куполъ, заглядываетъ золотой, солнечный лучъ, освѣщая на могильномъ камнѣ стертыя надписи, заливаетъ дождь, обильно смачивая почву въ разсѣлинахъ мостовыхъ плитъ; проросли оттого густымъ бурьяномъ эти разсѣлины... Лѣсъ лѣсомъ—высокіе стебли къ куполу тянутся, словно хотятъ выглянуть сквозь его пробоины на свѣтъ Божій...

Когда вѣтеръ, врываясь въ высокую, входную арку, вновь вырывается на свободу сквозь куполъ, мазаръ словно стонетъ протяжно и жалобно, и этотъ могильный стонъ далеко разносится по степи, пугаетъ народъ по ночамъ, и говорятъ тогда:

— Это Атларъ запѣлъ!.. къ непогодѣ, къ бѣдѣ какой-нибудь... навѣрное!

У подножія кургана разстилаются превосходныя овечьи пастбища, все солончаки, а на нихъ полынь, чеберъ и солянка, любимая пища барановъ. Несмѣтные отары бродятъ по степи, и полуголые пастухи съ мѣста на мѣсто перетаскиваютъ свои войлочные шалашики, дымкомъ сторожевого костра обозначая свою стоянку... Тамъ и сямъ поднимаются синеватыя струйки, а ночью красные огоньки искрятся въ степномъ туманѣ. Самыя кочевья далеко отсюда, верстъ двѣнадцать,— только съ вершины кургана чуть видны чернѣющіе верхи многочисленныхъ кибитокъ. Тамъ и рѣчка извивается серебряной нитью, обросшая густымъ камышомъ и кустами лозняка и вереска. Въ другую сторону смотрѣть, видна желтая лента караванной дороги, и за нею серебряная полоса соляного озера, съ бѣлыми берегами, на которыхъ вывѣтрившаяся соль, словно снѣгъ, сверкаетъ на солнцѣ.

Кочевья эти принадлежатъ богатому роду Букеевскому испоконъ вѣковъ, и никто, даже самъ грозный хивинскій ханъ, не посягалъ на ихъ, изстари насиженное, право.

Два пастуха, одинъ лѣтъ семнадцати, коренастый парень, широкоскулый съ сверкающими, крѣпкими, какъ у волка, зубами, другой, года на три моложе, только-что сняли съ огня котелокъ и покрыли его рваным, армячнымъ халатомъ, чтобы просо съ бараньимъ саломъ пропрѣло хорошенько. Старшій вытащилъ изъ сапога маленькую тыквянку, взялъ щепотку тертаго табаку въ ротъ и даже зажмурился отъ наслажденія, младшій ручкою нагайки поправлялъ еще горящую золу, подбидывая туда кусочки сухого кизяка... Обѣдъ готовъ, пора бы и поѣсть!.. да и время! Солнце далеко склонилось за полдень, тѣни стали длиннѣе и гуще... Послѣдній разъ поглодали всухомятку еще утромъ, по росѣ, какъ разъ теперь бы время, да третьяго товарища поджидаютъ.

— Джюра! кричи этого ишака Матъ-Ніаза,—сказалъ старшій младшему.

— Самъ кричи! Чего я одинъ кричать буду,—отозвался младшій.

— Ну, давай кричать вмѣстѣ,—уступилъ Джюра...—начинай!

Оба мальчика повернулись лицомъ къ мазару, наставили руки ко рту трубою, понатужились и крикнули...

Только дѣти степей умѣютъ издавать такіе пронзительные, рѣзкіе звуки... На всемъ пространствѣ, занимаемомъ отарами, меланхолическія овцы разомъ подняли свои головы и посмотрѣли, словно по командѣ, въ одну сторону. Дремавшій неподалеку ишакъ, подъ тяжелымъ вьючнымъ сѣдломъ, вздрогнулъ, вскочивъ на ноги, и испуганно повелъ своими длинными ушами, стая степныхъ куропатокъ, съ шумнымъ хлопаньемъ крыльевъ, снялась изъ густой заросли и низко, почти стелясь надъ землею, полетѣла дальше отъ безпокойныхъ криковъ людскихъ.

— Ма...атъ Ні...азъ!—повторили свой призывъ пастухи.

Чуть слышно откликъ донесся по вѣтру со стороны мазара. Тамъ, на самой вершинѣ купола чернѣлась крохотная точка; издали казалось, что эта птица спустилась на куполъ отдохнуть отъ далекаго полета. Точка эта быстро и ловко сползла внизъ на карнизъ мазара, пробѣжала по этому карнизу и осторожно стала спускаться по выступамъ и разщелинамъ кирпичной кладки. Прошло добрыхъ четверть часа, когда къ нашимъ пастухамъ присоединился третій, совсѣмъ ребенокъ, лѣтъ десяти не больше, стройный, черноглазый, съ прямымъ

тонкимъ носомъ и красивымъ овалomъ рта, совсѣмъ уже не монгольскаго типа...

— Ну, давай ѣсть!—произнесъ прибывшій и приподнялъ армякъ, закрывавшій котелокъ.

Пастухи принялись за ужинъ. Ѣли молча, усердно. Первый прервалъ молчаніе Джюра.

— Слышь, Матъ-Ніазъ,—поглядѣлъ онъ на младшаго товарища.—Я тебѣ говорю: — надоѣшь ты до смерти Атлару, онъ разсердится и превратитъ тебя или въ птицу, или въ ящерку, и будешь ты жить всегда въ мазарѣ... Помяни мое слово!

— Съ Атларомъ не шути!—добавилъ второй, Кадыкъ,— Атларъ не любитъ, когда на него лазятъ...

— Меня любитъ!—перебилъ Матъ-Ніазъ...—Я сижу тамъ и слышу, какъ онъ говоритъ:—Джанымъ Матъ-Ніазъ-Джанымъ-бала *)... Атларъ мнѣ все показываетъ. И волка показываетъ, когда тотъ къ нашимъ овцамъ подбирается,—и орла, когда тотъ ягненка украсть хочетъ, и дѣдушку Гайнулу, когда тотъ намъ изъ аула хлѣба везетъ... все вижу... Я даже вижу...— Мальчикъ вдругъ остановился, раздумался на минуту... покосился въ ту сторону, гдѣ солнце розоватымъ свѣтомъ окрасило высокія стѣны мазара, и повторилъ:—я много другого вижу... Много, много...

Матъ-Ніазъ глубоко вздохнулъ и замолчалъ.

— Что же ты еще видишь?—пытливо проговорилъ Джюра.

Ребенокъ будто не слышалъ вопроса.

— А я бы, кажется, ни за что на свѣтѣ не полѣзъ на Атлара,—произнесъ Кадыкъ,—я бы, если бы тамъ услышалъ что, умеръ бы со страха. Смотри!

Всѣ вздрогнули и взглянули по указанному направленію.

Два громадные орла, описавъ медленные круги надъ могильнымъ куполомъ, поочередно спустились одинъ на куполъ, другой на вершину бунчука—и сложили крылья.

— Вотъ этихъ больше всего бойся!—указалъ пальцемъ Джюра.—Ты тамъ сидѣть будешь... Ты маленькій... Налетитъ, такой, собака, клюнетъ, и нѣтъ Матъ-Ніаза... Полетишь ты оттуда внизъ кувыркомъ, костей не соберешь... А то и со-

*) Душа—Матъ-Ніазъ, душа мальчикъ.

всѣмъ унесетъ орелъ... На прошлой недѣлѣ у насъ какого барашка утащили орлы, а ты много ли больше самъ-то.

— Я орла не боюсь! у меня вотъ что есть!—храбрился Матъ-Ніазъ и вытащилъ изъ-за пазухи короткій ножикъ, въ кожаномъ чехольчикѣ.

— Ишь ты богатырь какой!—засмѣялся Джюра...—А не бойсь спать-то не пойдешь въ мазаръ—спать-то сюда, не бойсь, къ намъ въ шалашъ норовишь забраться...

— Отчего не пойти спать!—задумался Матъ-Ніазъ.—Я и спать пойду. Отчего не пойти... Меня Атларъ любитъ... любитъ...

— Ну такъ вотъ пойди сегодня!—подзадорилъ Кадыкъ.

— Пойду!..

— Не дури, не ходи! Это еще что выдумалъ?!

— Вчера къ намъ, въ аулъ-Бугай-бія, знахари пришли и тотъ старикъ, что въ прошломъ году все игралъ и пѣсни пѣлъ про Кениссару,—заговорилъ Кадыкъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Да ѣздилъ я утромъ вонъ туда, на косую балку; тамъ говорили.

У Матъ-Ніаза глаза разгорѣлись любопытствомъ, и уши насторожились.

— Только Бугай-бій не принялъ знахарей—они въ прошломъ году лѣчили у него рыжую лошадь его любимую, ее-то не вылѣчили, а девять жеребятъ угнали ночью.

— Почему же думаютъ, что они?

— А по слѣду видѣли! Бугай говоритъ... Только вотъ люди знающіе, опасные. Еще зла какого-нибудь наколдуютъ, нагонятъ черную силу, а то бы я ихъ выходилъ, плохо пришлось бы! Ну, пускай, говоритъ, лопаютъ, подавятся. А нынче не принялъ... Проходите, говоритъ, дальше, люди добрые—у меня все здорово, лѣчить некого.

— А Песанникъ?—спросилъ Матъ-Ніазъ.

— Песанникъ остался ночевать, а утромъ рано тоже уѣхалъ.

Мальчикъ вздохнулъ глубоко.

— Спать пора!—проговорилъ Джюра,—сходи, Кадыкъ, набери колючки на костеръ—этого не хватитъ до утра.

Снарядились пастухи, запаслись топливомъ, окликнули собакъ, Джюра сѣлъ на ишака и объѣхалъ кругомъ отару, пос-

билъ ее въ кучу потѣснѣе; забрались потомъ всѣ трое въ шалашъ, Матъ-Ніаза посреди̇нѣ положили, закрылись съ головами халатами и заснули.

А ночь стала холодная. Темное небо вызвѣздило ярко, словно кто алмазы разсыпалъ пригоршнею по темно-синему полю... Затихло все въ степи, только баранъ какой-то, по близости, больной, должно быть, заперхалъ и засопѣлъ, да собака старая, косматая,—во снѣ можетъ волка зачуяла,—глухо проворчала, открыла одинъ глазъ, снова зажмурила и вытянулась... успокоилась тоже.

II.

— Отчего Матъ-Ніазъ не пойдетъ ночью на Атлара? Почему же днемъ нестрашно, а ночью страшно?.. Вѣдь Матъ-Ніазъ любитъ стараго Атлара и его Атларъ любитъ... Матъ-Ніазъ такой маленькій, его и орелъ унести можетъ, а Атларъ большой, сильный... развѣ тяжело ему, когда такой малютка по немъ лазитъ... Нѣтъ, не тяжело!.. Атларъ ему днемъ все показываетъ, а что онъ покажетъ ночью? Что, если онъ будетъ добрый и покажетъ ему, что тамъ, гдѣ звѣзды, дѣлается... Пойти развѣ туда... чего бояться?..

Такъ думалъ Матъ-Ніазъ, лежа между товарищами и не спалось ему, все его тянуло къ старому другу... на этотъ таинственный, вѣковой куполъ.

Храпитъ Джюра, вторитъ ему Кадыкъ и не слышатъ, что мальчикъ поднялся и ушелъ, чуть шурша своими легкими ногами въ степномъ бурьянѣ.

Атларъ днемъ великъ, а ночью кажется еще больше,—ростутъ съ каждымъ шагомъ впередъ его громады, и высоко уходятъ въ небо грандіозныя очертанія купола...

«Не взлѣзть теперь пожалуй,—колеблется мальчикъ — Атларъ... святой, добрый Атларъ... можно?»..

И чудится Матъ-Ніазу, что вздохнулъ кто-то вверху, подъ темнымъ сводомъ, и тихо засмѣялся... да такъ привѣтливо, что ободренный онъ мигомъ отыскалъ знакомую трещину, а по ней привычную дорогу, все выше да выше, вплоть до самаго большаго отверстія, подъ карнизомъ, гдѣ теперь ярко искрились звѣзды, на темной синевѣ холоднаго, ночнаго неба.

Выбрался Матъ-Ніазъ на карнизъ наружу, ловко забрался на куполъ и сѣлъ... Хорошо такъ сидѣть, легко дышится и далеко разстилается вокругъ уснувшая степь, и не видно въ мракѣ, гдѣ она кончается, гдѣ это звѣздное небо начинается...

Задумался пастушокъ, къ дремотѣ клонитъ, а ночной холодъ дремоту разгоняетъ; закутался плотнѣй въ свой халатъ, свернулся въ комочекъ, съежился...

И чудится Матъ-Ніазу, что не камень подъ нимъ, а желѣзо... Ничего подъ головою не было, а теперь, словно дерево вѣковое, высокій султанъ колышется... не на куполѣ онъ сидитъ, а на богатырскомъ шлемѣ, и изъ-подъ шлема этого, теперь уже ясно, отчетливо, слышится голосъ человѣческій.

— Спасибо, малютка, что меня старика потѣшилъ, не побоялся притти навѣстить меня ночью, спасибо!.. Покажу я тебѣ много такого, что потомъ пригодится, покажу тебѣ то, что люди еще нескоро увидятъ. Даже то покажу, что твои внуки и правнуки развѣ дождутся... Смотри и вдумывайся!.. Поймешь,—твое счастье, не поймешь,—меня не спрашивай.

Только сказалъ это старый Атларъ, какъ вся степь освѣтилась, но не дневной это свѣтъ, не видно солнца, и по-прежнему темно небо. Ярко свѣтятъ на немъ только звѣздочки. И не степь это совсѣмъ, не то, что было прежде... нѣтъ ни озера, ни безконечной полосы караванной дороги, ни этой равнины съ отарами и черными точками закопченныхъ, киргизскихъ кибитокъ... развернулись теперь передъ глазами ребенка зеленые сады, поля золотистаго хлѣба, огороженныя, каменныя сакли, стройныя иглы минаретовъ. Всюду снуютъ люди на киргизъ совсѣмъ непохожіе, смуглые, горбоносые, съ большими черными глазами... женщины на поляхъ копошатся, дѣти рѣзвятся, а далеко за садами синія горы поднимаются. Что за страна такая невиданная!

— Смотри, смотри...—слышно изъ-подъ шлема,—смотри, это родина твоей матери.

И припомнилъ Матъ-Ніазъ, что давно какъ то, мать его, покойница, говорила ему сказку какую-то, а въ сказкѣ этой, ну вотъ точь въ точь такіе сады были и горы синѣлись вдали, высокія...

Жадно воззрился онъ и видитъ, что поднимается страшное смятеніе... пожарное зарево заливаетъ окрестность, черный

дымъ валитъ сплошными тучами, слышны кругомъ вопли страха и отчаянья.

Изъ-за дыма скачутъ дикіе всадники, жгутъ и рубятъ все, и въ полонъ берутъ... потоками льется кровь, лужами собирается въ низкихъ мѣстахъ.

— Смотри,—шепчетъ подъ шлемомъ старый Атларъ.

Пески, знойные и раскаленные... пропали сады, и поля роскошныя тянутся въ этихъ пескахъ, словно ныряя въ сыпучихъ барханахъ длиннаго каравана. Идутъ тяжело верблюды, навьюченные разнымъ добромъ, за ними гонятъ скотъ, и со скотомъ вмѣстѣ и людей, скованныхъ желѣзомъ, связанныхъ, падающихъ отъ изнуренія. Гонятъ ихъ все такіе дикіе всадники, а между тѣми всадниками много такихъ, что и на дѣда Гайнулу похожи, и на бія Бугая, и на Курмышъ-хана изъ сосѣдняго аула... совсѣмъ какъ наши букеевцы. Вотъ ѣдетъ одинъ на поджарой чалой лошади, сзади за сѣдломъ сидитъ женщина, руки и ноги у ней къ сѣдлу привязаны, сидитъ чуть жива и голову понурила. Молодая такая, красивая. Была бы старѣе, совсѣмъ на мать похожая.

— Мама,—шепчутъ губы Матъ-Ніаза...

— Смотри, — шепчетъ чуть слышно голосъ подъ шлемомъ.

Снова гулъ тревоги, снова смятеніе, лязгъ оружія, дикіе крики борьбы и проклятія.

Несутся изъ-за песчаныхъ бархановъ новые всадники, въ чалмахъ, въ цвѣтныхъ халатахъ, на стройныхъ прытких коняхъ, сшиблись съ тѣми, пески обагряются кровью, пыль поднялась кругомъ и все тою пылью затянуло. Пыль налетѣвшимъ вѣтромъ понесло въ сторону, а съ нею и все, что передъ этимъ видѣлъ обезумѣвшій отъ страха ребенокъ.

Мирно спятъ богатые аулы, счета нѣтъ кибиткамъ, счета нѣтъ дремлющимъ стадамъ. Широкая рѣка плавно катитъ свои воды, и густые камыши шелестятъ, волнуются на ея берегахъ... А за рѣкою уже сбирается что-то недоброе. Вотъ тихо, беззвучно плывутъ легкіе плоты, а на плотахъ люди... вонъ и просто верхомъ переправляются. Проснись, аулъ... врагъ подходитъ! Спитъ мирнымъ сномъ богатое становище, не чуетъ.

И опять голоса мольбы, злобы, отчаянія.

Снова собираются люди, правятъ оружіе, сѣдлаютъ ко-

ней... и готовятся къ мести кровавой. Что же, значитъ, опять прольется кровь?!...

— Смотри, смотри.

Площадь большого, богатаго города. По всѣмъ чѣтыремъ сторонамъ стоятъ громадныя зданія, хитрыми, цвѣтными узорами разукрашенныя. Кишитъ народомъ эта площадь и смотрятъ всѣ вверхъ, руками показываютъ. А тамъ, на высокихъ шестахъ, все головы и головы, и какихъ только головъ здѣсь не видно—и старыя, сѣдобородыя, и молодыя, безусыя. Черная кровь стекаетъ по шестамъ на землю, а тамъ, подъ роскошною аркою, сверкаетъ топоръ палача, и съ каждымъ взмахомъ его все новыя и новыя головы валятся.

Дрожитъ Матъ-Ніазъ, закрылъ глаза отъ ужаса, а топоръ все стучитъ и стучитъ... тукъ-тукъ-тукъ...

— Скоро ли это кончится?

— Смотри, смотри!

Снова ихъ степь, такая же какъ и днемъ, съ высоты Атлара видна, только на сѣверъ она гораздо дальше протянулась, а съ сѣвера, гора не гора, богатырь на бѣломъ конѣ, шагомъ ѣдетъ.

Весь серебромъ залитъ этотъ витязь, спокойно на югъ смотрятъ голубые глаза, въ одной рукѣ богатырь молнію держитъ, въ другой зеленую вѣтку, покрытую утренней росою.

Все, и старъ и младъ, поднялось навстрѣчу пришельцу съ сѣвера, собрались несмѣтныя полчища, дорогу загораживаютъ... и нельзя, силъ нѣтъ загородить ему путь, силъ нѣтъ остановить покойный, мѣрный шагъ его лошади.

Падаютъ передъ нимъ рядами люди вооруженные, встаютъ позади безоружные... другъ на друга глядятъ, словно отъ глубокаго сна очнулись. Льется потоками кровь передъ всадникомъ, цвѣтами и золотымъ хлѣбомъ позади его эта кровь разстилается.

И дальше, да дальше, все къ югу, да къ югу, ѣдетъ дивный богатырь, молніей разитъ впередъ, благотворной росою кропитъ то, что за нимъ осталось...

— Кто это? кто?

— Не спрашивай!—отвѣчаетъ голосъ подъ шлемомъ.— Поймешь самъ, другимъ разскажешь, и благо будетъ тѣмъ, кто тебя послушаетъ...

И чудится Матъ-Ніазу, что одна капелька росы съ волшебной вѣтки коснулась его лба. Покойно, тепло, радостно стало у него на сердцѣ, глаза сами собою закрылись, и глубокій сонъ овладѣлъ утомленнымъ мальчикомъ.

Проснулся пастухъ, когда солнце поднялось высоко и сильно нагрѣло каменный куполъ, а съ нимъ и его самого... Потянулся ребенокъ, смотритъ... Все тотъ же самый Атларъ, какъ и былъ, а со степи несутся рѣзкіе голоса...

— Ма-атъ-Ніааазъ! Шааайтанъ... Иди—ѣсть пора!..

— Иду!..—отозвался онъ и осторожно сталъ спускаться на землю.

III.

Весь день молчалъ Матъ-Ніазъ и ничего не отвѣчалъ на разспросы товарищей... Все ждетъ—не дождется—ночи, рѣшилъ итти снова къ Атлару... Тянула его туда непреодолимая сила... А на бѣду Джюра съ Кадыкомъ отогнали отары подальше, почти къ самому озеру, по ту сторону караванной дороги. Далеко теперь Атларъ, а все его какъ на ладони видно... Развѣ можно уйти такъ далеко, чтобы его совсѣмъ не видно было!

Ночь наступила, уснули пастухи... Снова тихо поднялся Ніазъ и пошелъ...

Вотъ и дорога караванная, какъ не темна ночь, а все-таки ея широкая, натоптанная полоса свѣтлѣетъ. Вотъ и мазаръ, теперь уже близко... Только что это, словно огонекъ тамъ краснѣетъ... чуть-чуть свѣтится?.. Никогда этого до сихъ поръ не было...

Пріостановился на минуту Матъ-Ніазъ...—Итти ли?.. подумалъ. — Отчего не итти... Атларъ не дастъ его злому духу въ обиду. Добрался ребенокъ до входа, заглянулъ; люди сидятъ,—трое, огонекъ развели и чайникъ грѣютъ... Узналъ онъ этихъ людей и струсилъ не на шутку. То были два знахаря бродячихъ, колдуны, что жеребятъ у дѣда Гайнулы украли, а съ ними сѣдобородый пѣсенникъ... Тихо подкрался мальчикъ, а люди у огня все-таки его услышали... И показалось Матъ-Ніазу, что не онъ,—малютка, а эти—трое большихъ—его испугались...

— Кто тамъ?—тревожно окликнулъ первый колдунъ.

— Затаси огонь!—посовѣтовалъ пѣсенникъ.

А третій забился за могильный камень и оттуда волкомъ выглядываетъ...

Но страхъ этотъ длился недолго.

Первый узналъ гостя сѣдобородый пѣсенникъ, поднялся на ноги и подошелъ къ Матъ-Ніазу.

— Э, да это мальчонка — персюкъ, изъ того аула,— Ніазка прозывается... Такъ, что-ли?

— Я Матъ-Ніазъ.

— Зачѣмъ сюда пришелъ?.. Убѣжалъ, что-ли, отъ хозяйки... Что жъ, это дѣло!

Обидно показалось Ніазу такое подозрѣніе.

— Нѣтъ, я не убѣжалъ... Я тутъ вотъ отары стерегу,— началъ онъ оправдываться...—Я не одинъ, со мною и Джюра и Кадыкъ... Насъ тоже, какъ и васъ, трое.

Переглянулись межъ собою собесѣдники, заговорили не поздѣшнему, руками замахали, сговорились...

— Садись!—снова обратился къ Матъ-Ніазу пѣсенникъ:— чаемъ тебя напоимъ, урюкомъ сладкимъ накормимъ... Садись съ нами, не бойся...

— Чаю дай, урюку дай, а лучше разскажи сказку... Помнишь ту, хорошую, про золотого хана и его вороную лошадь?—оживился мальчикъ, и, запахнувъ полы своего халатика, бойко и радостно присѣлъ у огонька на корточки...

— А ты любишь сказки?

У мальчика глаза заблистали, онъ утвердительно кивнулъ головою.

— А хочешь я тебѣ каждый день буду говорить сказки... Да какія!.. Что тамъ «золотой ханъ и его вороная лошадь»!.. Лучше, гораздо лучше... Разскажу я тебѣ про Китайскую царицу, про бѣлаго верблюда, про Тимурову саблю, заговоренную...

— И Кадыкъ любитъ сказки, и Джюра любитъ... Хочешь, я побѣгу, разбужу ихъ... Они тоже прійдутъ послушать.

— Такъ вотъ я и буду для этихъ ишаковъ свои слова тратить,—разсердился будто-бы пѣсенникъ...—Я тебѣ одному разсказывать буду, а ты съ нами ступай... Что тебѣ здѣсь, въ неволѣ пропадать... Ты здѣсь чужой... Подростешь—тебя бить будутъ, кормить, какъ собаку, а работать заставятъ какъ верблюда двужильнаго... Пойдемъ съ нами!

— Нельзя мнѣ итти,—замялся мальчикъ.—Кадыкъ утромъ кричать будетъ:—Матъ-Ніазъ... Иди, собака!..

Засмѣялся пѣсенникъ, засмѣялись и оба колдуна.

— Вишь ты—тебя даже за человѣка не считаютъ... Ну, да что тутъ разговаривать... Ложись спать, завтра пойдешь къ своему Кадыку...

— Я туда пойду...

— Куда это?

— А вонъ туда, на самую верхушку шлема Атларова.

Мальчикъ указалъ рукою кверху...

— Зачѣмъ?

— Атларъ мнѣ опять диво показывать будетъ... Онъ освѣтитъ степь—и пойдутъ по ней люди разные... Бѣлый витязь поѣдетъ... О, Атларъ много хорошаго покажетъ!..

Колдуны переглянулись межъ собою, не то со страхомъ, не то съ недоумѣніемъ, а старый пѣсенникъ долго и пристально всматривался въ разгоравшееся отъ волненія лицо мальчика, затѣмъ всталъ, подошелъ къ узлу, гдѣ у него всякій скарбъ хранился, и сталъ доставать и налаживать свой саазъ пятиструнный...

— Сегодня Атларъ тебѣ ничего не покажетъ... Онъ не любитъ, когда чужіе люди къ нему приходятъ, какъ мы вотъ сюда забрались... Слушай, малютка... Я тебѣ сегодня пѣть буду и сказки говорить, пусть и Атларъ ихъ послушаетъ... Не ходи наверхъ, сиди съ нами...

Сталъ затухать огонекъ, подбросилъ старикъ нѣсколько сухихъ былинокъ—свѣтлѣе стало... Сдвинулись плотнѣе колдуны... Тихо, тихо зарокотали струны сааза... и подъ высокимъ куполомъ Атлара раздался первый звукъ пѣсни-импровизаціи.

«Теплый, ароматный вѣтеръ Хорасана занесъ малое зерно въ безплодную дикую пустыню.

«Холодный вѣтеръ далекаго сѣвера занесъ туда же каплю воды и оросилъ засохшее зернушко.

«Жизнь пробудилась въ немъ и юный, зеленый глазокъ выглянулъ на свѣтъ изъ сыпучихъ песковъ.

«Стройнымъ, вѣтвистымъ кустомъ разросся зародышъ—и дивныя розы на немъ расцвѣли...

«Слава тебѣ, вѣтеръ Хорасана!»

«Долго ли пѣсть тебѣ, кустъ, здѣсь, въ угрюмой странѣ, гдѣ тебя солнце сожжетъ...

«Долго ль цвѣтамъ твоимъ яркимъ въ воздухѣ лить ароматъ... Жгучій, песчаный барханъ, сдвинувшись съ мѣста, тебя занесетъ.

«Съ солнцемъ и песчанымъ вихремъ борьба не по силамъ тебѣ».

«Слабые корни твои влаги тебѣ не разыщутъ—пить не дадутъ; розы поблекнутъ, сѣмя созрѣть не успѣетъ... Чуждый пришелецъ, погибнешь ты здѣсь безъ слѣда. И никто тебя здѣсь не помянетъ...

«Такъ говорили кусту грубыя здѣшнія дѣти пустыни: сѣрый джизганъ, соксаулъ и колючка»...

«Изъ чудныхъ долинъ Хорасана вѣтромъ сюда занесло сѣмя мое—съ нимъ и память о прошломъ,—далекомъ.

«Помню я, будто во снѣ, свилъ у меня соловей легкое гнѣздышко... Каждую ночь соловей дивныя пѣсни мнѣ пѣлъ. Въ пѣсняхъ его сила хранится моя...

«Въ полдень подъ тѣнь мою голубь съ подругой своей прилетали. Дивныя сказки, волшебныя, онъ ворковалъ... Любовью и нѣгою сказки эти дышали.

«Въ сказкахъ его сила хранится моя.

«Къ вечеру соколъ яснооκій съ охоты домой возвращался... Онъ говорилъ про войну, про кровавую тризну, побѣды, про сильныхъ героевъ, стяжавшихъ себѣ великую славу въ народѣ.

«Въ этихъ разсказахъ про битвы сила хранится моя»...

«И запѣлъ розовый кустъ, вспоминая былое,—полилась волною пѣснь соловьиная о Творцѣ, о красотахъ природы, полилась ручьемъ про любовь голубиная пѣснь, бурнымъ потокомъ хлынула пѣснь про дѣла богатырскія».

«Жгучій лучъ солнца словно мечъ размахнулся надъ дерзкимъ пришельцемъ, но заслушался пѣсней его и застылъ на взмахѣ, двинулся тяжкій, сыпучій барханъ — и сталъ, очарованный пѣснью... Грозный налеталъ ураганъ, но сильнѣе,

громче его завываній грянула дивная пѣснь... и смирился безпощадный разрушитѣль...

«Слава тебѣ, одаренное Богомъ, дитя Хорасана!»..

. . . . . .

— Спитъ!—шепнулъ одинъ изъ колдуновъ.

— «Слава тебѣ, одаренное Богомъ, дитя Хорасана!», понижая голосъ до шопота, повторилъ старый пѣсенникъ...

— Въ дорогу собираться... да тише. Вы берите мой мѣшокъ... Я его на рукахъ понесу... Живо въ дорогу!..

— Отсюда прямо, пройдемъ на волчью балку,—заговорилъ вполголоса младшій колдунъ...—Я знаю, этою балкою мы пройдемъ до разсвѣта, а тамъ день переждемъ... Такое есть мѣстечко тамъ, что самъ шайтанъ не розыщетъ...

— Гайда!—утвердительно кивнулъ старшій...

А пѣсенникъ, осторожно взявъ спящаго Матъ-Ніаза на руки, уже шагнулъ за порогъ Атларовой гробницы... и всѣ трое скоро скрылись во мракѣ ночи... Даже шаги ихъ босыхъ ногъ затихли... А до разсвѣта было еще далеко.

IV.

Какъ ни укутывалъ пѣсенникъ своего плѣнника халатомъ, но свѣжій вѣтеръ-утренникъ забрался въ его складки... Продрогнулъ Матъ-Ніазъ и проснулся.

Далеко уже ушли за ночь похитители, и глазамъ Матъ-Ніаза представилась теперь совсѣмъ незнакомая мѣстность... Справа и слѣва высились каменистые, оголенные уступы волчьей балки, въ разсѣлинахъ утесовъ чернѣлись лисьи норы, густой колючій бурьянъ мѣстами сплошь заростилъ дно оврага... никакой тропы здѣсь не было проложено.

Солнце всходило, и путники расположились на отдыхъ. Они выбрали глубокую разсѣлину, гдѣ ихъ никто не могъ замѣтить, а, на всякій случай, послали колдуна помоложе наверхъ, на самый гребень, выглядывать, не видать ли чего въ степи похожаго на погоню и поиски...

Заплакалъ ребенокъ, спрашиваетъ пѣсенника:

— Зачѣмъ же вы меня украли?

— Не украли,—отвѣчалъ старикъ,—на волю выпустили...

Тамъ ты былъ точно чужой, украденный. Выберемся изъ этихъ мѣстъ, хорошо тебѣ, вольно будетъ...

И сталъ разсказывать ему старый пѣсенникъ про его мать, умершую въ рабствѣ, которую онъ зналъ прежде, про печальную участь рабовъ, шіитовъ, про то, что его самого ожидало между этими разбойниками...

Заслушался Матъ-Ніазъ и помирился съ своимъ положеніемъ. Вспоминалъ только про Джюру и Кадыка: «Кого теперь они утромъ будутъ кликать?..» Но только представились его воображенію могучія очертанія Атлара, онъ тихо заплакалъ...

Словно угадалъ его мысли пѣсенникъ, погладилъ по головѣ.

— Атларъ тебя не забудетъ, какъ и ты его всю жизнь помнить будешь... Выростешь большой, захочешь, снова сюда верчешься на поклонъ. Можетъ, тогда, ты самъ то Атлару покажешь, что ему теперь и не выдумать...

Такъ утѣшалъ его старый пѣсенникъ, и скоро ребенокъ совершенно освоился съ своимъ новымъ положеніемъ...

Долго шли они, все на югъ да на югъ. Сначала ночью только шли, днемъ сидѣли гдѣ-нибудь, хитро спрятавшись, а потомъ и днемъ не боялись итти открыто. Старшій колдунъ, гдѣ-то, на пути ишакомъ раздобылся... Стало много удобнѣе. Навьючили на ишака мѣшки и поверхъ Матъ-Ніаза верхомъ посадили.

Останавливались иногда, на денекъ и на два, одного изъ колдуновъ оставляли съ плѣнникомъ, а пѣсенникъ съ другимъ колдуномъ куда-то ходили, приносили лепешекъ, а то и мяса— разъ даже привели хорошую бѣлую кобылу съ жеребенкомъ, да не справились съ непокорнымъ животнымъ; кобыла ушла отъ нихъ скоро, а жеребенка они зарѣзали и съѣли.

На двадцатый день пути выбрались изъ пустыни, и на горизонтѣ зазеленѣли сплошные сады, а за ними высокія стѣны города. Это былъ Кунградъ, тогда еще не заброшенный, опустѣлый, а жившій полною торговою жизнью.

Переночевавъ послѣдній разъ на пути и первый разъ подъ крышею пригороднаго караванъ-сарая, утромъ вступили въ тѣнистыя, мрачныя такія, городскія ворота, и прямо на базарную площадь.

Съ живымъ интересомъ, осыпая своего покровителя, старика-пѣсенника, вопросами, смотрѣлъ Матъ-Ніазъ на все окру-

жающее, до сихъ поръ имъ невиданное. На эти узкія улицы безъ оконъ, на высокіе куполы мечетей, на узорные фронтоны Медрессе, усѣянные по верхнимъ карнизамъ косматыми, аистовыми гнѣздами, на эти сумрачные прохладные базары, подъ сплошными навѣсами, съ сотнями настежъ отворенныхъ лавокъ, переполненныхъ разнообразными товарами, на пестрыя толпы кругомъ, на все живое, что суетилось вокругъ, шныряло въ узкихъ щеляхъ-переулкахъ, толпилось, живописными, говорливыми группами, у чай-хахе — или сидѣло молчаливо у лавочныхъ пороговъ, безстрастно и терпѣливо дожидаясь покупателей.

Видѣлъ Матъ-Ніазъ и пышную процессію. Ѣхалъ самъ Бекъ-Кунградскій, а за нимъ, богатою свитою, цвѣтисто одѣтые сановники... Впереди ѣхали по-парно мальчики, въ красныхъ халатахъ, расшитыхъ золотомъ, и грозно держали блестящія ружья-самопалы, а еще впереди ихъ бѣжали пѣшкомъ люди съ палками, оповѣщали о проѣздѣ властителя, расчищая дорогу...

Помѣстились наши путешественники близъ базара, на заѣзжемъ дворѣ... никогда не оставляли Матъ-Ніаза одного, всегда подъ охраною. Двое уходили, третій стерегъ... Вымыли его въ банѣ, хорошо кормили и чаемъ поили... Приходили къ нимъ разные люди, все больше старые такіе, солидные, смотрѣли на Матъ-Ніаза, спорили о чемъ-то, рука объ руку хлопали и прочь уходили... А разъ пришелъ одинъ, старый престарый, а бороды нѣтъ, голосъ тонкій да писклявый. Онъ его смотрѣлъ, заставлялъ его кричать, какъ можно громче, пѣть заставлялъ, а потомъ кинулъ мѣшокъ съ деньгами, вырвалъ изъ-за пояса у пѣсенника шелковый платокъ, разостлалъ этотъ платокъ на полу и сталъ бросать туда деньги.

Бросилъ десять золотыхъ монетъ, остановился и хлопнулъ рукою. Хотѣлъ по рукѣ пѣсенника, да тотъ отдернулъ. Разсердился старикъ, прикинулъ еще двѣ монеты, опять хотѣлъ по рукѣ хлопнуть, а пѣсенникъ не дается... Еще прибавилъ золотую монету и полѣзъ за другимъ мѣшкомъ, гдѣ у него серебро хранилось. Долго они все спорили, наконецъ, разсердился тотъ, загребъ всѣ деньги и назадъ хотѣлъ уйти. Тутъ уже и пѣсенникъ пошелъ на уступку... Сладили наконецъ, сговорились.

И вдругъ видитъ Матъ-Ніазъ, что этотъ противный старикъ взялъ его за руку и потащилъ съ собою... Вспомнилось ему, что такъ точно, у нихъ въ аулѣ, дѣдъ Гайнула покупалъ верблюдицу... Тоже подкидывали деньги на платокъ, тоже спорили и по рукамъ другъ друга хлопали... и повелъ чужую верблюдицу дѣдъ Гайнула къ своей кибиткѣ.

Оглянулся Матъ-Ніазъ на пѣсенника, сильно привязался къ нему за дорогу, хотѣлъ слово сказать... слезы на глазахъ навернулись а пѣсенникъ не смотритъ, стоитъ, отвернувшись, наступилъ ногою на платокъ съ деньгами, а не беретъ ихъ пока.

— Иди-иди, чего упираешься!—говорятъ Матъ-Ніазу колдупы,—иди! что сталъ въ самомъ дѣлѣ!.. Тебѣ очень хорошо будетъ... иди, не бойся!

И повели его опечаленнаго черезъ весь базаръ, покрыли только съ головою легкимъ шелковымъ халатикомъ. А дорогою Матъ-Ніазъ слышалъ, какъ одинъ изъ встрѣчныхъ почтительно привѣтствовалъ его новаго владѣльца и поздравлялъ съ выгодною покупкою.

V.

Очутился Матъ-Ніазъ на небольшомъ чистомъ дворѣ, кругомъ тянулись навѣсы на рѣзныхъ колонкахъ, подъ навѣсами, на возвышеніяхъ, разостланы были дорогіе ковры—и мутаки (подушки) узорныя. Посреди двора—бассейнъ съ водою и по четыремъ угламъ бассейна росли карагачи (чинары), покрывая весь дворъ своею тѣнью. Здѣсь новоприбывшій увидалъ еще мальчиковъ, такихъ же маленькихъ, какъ онъ самъ и побольше немного; тѣ его сначала обижать начали, но кроткій видъ Матъ-Ніаза и его все еще заплаканные глазенки смирили забіакъ, и миръ возстановился скоро, а за миромъ и дружба. По стѣнамъ висѣли саазы, бубны и разные инструменты, а въ сосѣднемъ дворѣ, стояли на привязяхъ красивыя лошади, ихъ покрывали дорогими попонами.

— Ужъ не къ Беку ли самому попалъ я? — подумалъ Матъ-Ніазъ, видя блестящую обстановку. Но до Бека и его дворца было еще далеко.

Нѣсколько дней прошло; новичка оставляли въ покоѣ. Онъ только долженъ былъ смотрѣть, что продѣлываютъ другіе мальчики.

Приходили два человѣка, въ рваныхъ, старыхъ, но когда-

то дорогихъ шелковыхъ халатахъ, одинъ бралъ большой бубенъ, а другой флейточку, и начиналась музыка. Мальчики по одному выходили на середину двора, къ бассейну, тамъ былъ разостланъ коверъ. Прислушиваясь къ такту, выбиваемому на бубнѣ, очередной мальчикъ долженъ былъ стать въ позу и сначала медленно раскачиваться всѣмъ корпусомъ, держась руками за бедра. Одни дѣлали это не ловко, не красиво, а были такіе, наловчившіеся, что описывали тѣломъ цѣлый кругъ, не сдвигая ногъ съ мѣста, смотрѣть даже было страшно, точно у него въ поясѣ все вытянуто да растянуто... Продѣлавъ это движеніе, онъ шелъ по ковру, стараясь не сойти съ его каймы, и шелъ особенною походкою, маленькими шажками, ни болѣе длины ступни, съ каждымъ шагомъ, чуть-чуть сгибая колѣни и быстро выпрямляясь... Затѣмъ онъ описывалъ этотъ кругъ бойчѣе, ускоряя тактъ, спиралью приближаясь къ серединѣ, дойдя наконецъ до центра, онъ продѣлывалъ какую-нибудь удивительную штуку, то перегибался назадъ, взмахнувъ надъ головою руками, доставая этими руками до своихъ пятокъ, то перекувыркивался черезъ голову назадъ, или, поднявъ, раскинутыми врозь крестомъ руками, полы своего халатика, начиналъ такъ быстро вертѣться на одной пяткѣ, что нельзя было услѣдить, гдѣ у него что... просто волчокъ-вертушка передъ глазами... останавливался разомъ и присѣдалъ на корточки. Разныя хитрыя вещи продѣлывали новые товарищи Матъ-Ніаза, а учитель ихъ, этотъ противный на видъ, но добрый и ласковый старикъ, говорилъ новичку, чтобы старался перенимать, пока какъ умѣетъ, а послѣ скоро его начнутъ учить всему по порядку.

Все это весьма интересовало Матъ-Ніаза, онъ легко и охотно перенималъ многое у своихъ старшихъ товарищей, много помогали ему природная сила и грація, а красивое почти дѣвичье личико ребенка и кроткій характеръ скоро сдѣлали его любимцемъ и баловнемъ всей школы.

Кормили дѣтей прекрасно. Подавали пловъ жирный съ мясомъ, чаю сколько хочешь, дынь и винограду вволю... Но за ворота не пускали... Эти тяжелыя двойныя ворота были всегда на замкѣ, какъ въ тюрьмѣ... Да и рѣдкіе посѣтители попадали сюда, въ узенькую и низкую калитку проползали чуть не на четверинкахъ.

Кромѣ того учили играть на флейтахъ и бить въ бубны. Заставляли пѣть разныя пѣсни и выучивать наизусть стихи.

Иногда по вечерамъ сюда, кромѣ музыкантовъ приходили еще странные люди, на видъ почтенные, но что они начинали дѣлать, такъ это повѣрить нельзя, самому не видѣвъ.

Одинъ набиралъ полный ротъ горячихъ угольевъ и бѣгалъ съ ними по двору, подъ музыку, а изъ его рта били фонтаны огненныхъ искръ, другой игралъ ножами, пуская ихъ кольцомъ вокругъ головы... того и гляди, что убьетъ себя на мѣстѣ... Ломались они такъ, будто кости у нихъ совсѣмъ мягкія, а то разыгрывали разныя сцены, такія смѣшныя, что во всемъ дворѣ поднимался дружный неудержимый хохотъ... И всѣ эти люди относились къ хозяину дома, какъ къ старшему, почтительно кланяясь при входѣ и также почтительно, отступая задомъ съ поклонами до самой калитки, при выходѣ.

Хозяинъ, купившій Матъ-Ніаза, былъ знаменитый въ свое время батча (мальчикъ-танцоръ), Турсукъ-бала, потомъ—извѣстный машкара-базъ (актеръ) при дворѣ самого хивинскаго хана, а теперь, подъ старость, живущій на пенсіи и содержащій школу батчей и машкара-базовъ.

Вотъ на какую дорогу попалъ пастухъ-рабъ Матъ-Ніазъ, и Турсукъ-бала, гладя его по головѣ, предсказывалъ ему великую, въ этомъ направленіи, будущность.

А Матъ-Ніазъ оказался батча способный и ловкій, отличный пѣвецъ и даже остроумный импровизаторъ. Когда начиналъ пѣть Матъ-Ніазъ, все стихало и слушало, затаивъ дыханіе, а у кое-кого, даже у самого Турсукъ-бала, на глазахъ дрожали слезинки.

И вотъ, не прошло и двухъ лѣтъ, со дня вступленія въ школу батчей Матъ-Ніаза, какъ объ немъ заговорили даже за предѣлами школы.

Говорили о новомъ батчѣ, какъ о какомъ-то чудѣ, который долженъ затмить даже самого Алиджана, нынѣшняго любимаго ханскаго батчу въ Хивѣ, но, конечно, говорили пока по слухамъ. Старый Турсукъ-бала не торопился хвастаться своимъ талантливымъ ученикомъ, поджидая для этого болѣе торжественнаго, подходящаго случая.

И случай этотъ скоро представился.

VI.

Однажды рано утромъ, къ воротамъ дома Турсукъ-балы подъѣзжалъ всадникъ. Конь былъ взмыленъ, его тонкія ноги дрожали, а всадникъ покрытъ потомъ и пылью, и отъ усталости едва переводилъ дыханіе, очевидно, тотъ и другой сдѣлали большой и спѣшный перегонъ, не тратя дорогого времени на отдыхъ.

Торопливо привязалъ всадникъ коня къ кольцу у воротъ и принялся стучаться, совсѣмъ безъ подобающаго уваженія къ дому отставнаго-батчи и машкара-база. Отворили ему ворота.

На-скоро проговоривши обычное привѣтствіе, новоприбывшій вытащилъ изъ-за пазухи, завернутую въ платокъ, узенько сложенную бумажку и подалъ ее хозяину.

— Отъ свѣтлѣйшаго Хаджи-Селимъ-бея. Велѣлъ передать, что тебя помнитъ,—коротко отчеканилъ посланецъ, и тотчасъ же, безъ всякой церемоніи, присѣлъ на коверъ, подъ навѣсомъ, и крикнулъ, обращаясь не къ кому-нибудь, а просто въ сторону, гдѣ толпились любопытные, чтобы подали ему чаю и коньякъ.

— Живѣе, козлята!—подтвердилъ его приказаніе и самъ Турсукъ-бала.

Пока готовили угощеніе, хозяинъ, почтительно приложивъ бумажку ко лбу, къ губамъ и сердцу, принялся разворачивать посланіе.

«Досточтимому увеселителю, славному изъ славныхъ, Турсуку-бала», сталъ онъ читать вслухъ и прибавилъ свое Ого... го!.. «Досточтимому увеселителю, славному изъ славныхъ, Турсуку-бала»... Въ четвергъ, въ третій день по новолуніи... Прибуду лично выразить тебѣ, Турсукъ, свое всегдашнее благоволеніе, а, кстати, посмотрѣть, что въ твоей школѣ объявилось новое... Надѣюсь, ты не лѣнишься и заботишься попрежнему о своемъ дѣлѣ, дабы доставить его высокому, недосягаемому, для обыкновенныхъ смертныхъ, величію, властителю земель и народовъ, и намъ, его ближайшимъ совѣтникамъ забаву и удовольствіе...

«Остановлюсь по пріѣздѣ въ Урдѣ, у моего покровителя и друга, Наурузъ-Инака, бека Кунградскаго, а въ тотъ же день,

по закатѣ солнца, посѣтимъ твой домъ... Гонца съ письмомъ посылаю я къ тебѣ за день впередъ, дабы ты успѣлъ приготовиться».

«Всегда къ тебѣ благосклонный, Диванъ-беги, величайшаго изъ величайшихъ, хана Хивинскаго

Селимъ-бей-Хаджа».

Прочитавъ это письмо, усиливая свой и безъ того крикливый голосъ по мѣрѣ чтенія, Турсукъ-бала чуть не прокричалъ конецъ, сложилъ бумажку и торопливо побѣжалъ къ себѣ въ саклю. Черезъ минуту онъ вернулся оттуда съ новымъ канаусовымъ халатомъ въ рукахъ и накинулъ его на плеча гостя-посланца.

— О, какой же ты сталъ щедрый! — засмѣялся тотъ,— видно, чуешь хорошую наживу отъ Селимъ-бея... Смотри, потомъ не забудь пошарить у себя въ сундукахъ... Вѣдь какъ гналъ-то!.. Выѣхалъ вчера передъ закатомъ солнца, а чуть стало всходить, я уже и тутъ... Вели-ка ввести лошадь, да поставь ее получше; конь дорогой, съ ханской конюшни.

Опять засуетился Турсукъ... онъ и къ коню отнесся съ должнымъ уваженіемъ... Самъ и ввелъ, самъ и сѣдло снялъ, легкою попонкою прикрылъ, и велѣлъ угощать гостя получше, да постлать ему отдохнуть помягче...

И начались во дворѣ Турсукъ-бала спѣшныя приготовленія къ встрѣчѣ высокихъ посѣтителей, на самую широкую ногу. Тутъ только увидѣлъ Матъ-Ніазъ, какія сокровища хранились въ темныхъ нѣдрахъ сакли, служившей спальною самого хозяина.

Пришли машкара-базы помогать, — пришли и просто нанятые люди съ базара, вытащили громадные, дорогіе ковры, завѣсили ими всѣ стѣны, весь мощеный дворъ устлали, вынесли куски красиваго канауса и адрасса и обвили ими стволы деревьевъ, протянули гирляндами между колоннъ и по коврамъ цвѣтныя дорожки вывели. Подушекъ навалили во всѣхъ углахъ горы-горами. Стали разставлять подносы со всякими сластями съ цѣлыми головами сахара, у тагана—вытянулся рядъ узорныхъ кунгановъ и фарфоровыхъ чашекъ для чая... кальянъ принесли такой, что у всѣхъ глаза разгорѣлись. Весь въ цвѣтныхъ камняхъ и бирюзѣ, даже камышинка во всю длину жемчужною ниткою была обвита.

Пришелъ «плоучи» съ базара,—Шаринъ-бай. Никто лучше его не готовилъ плова, на тридцать четыре способа умѣлъ онъ приготовлять это блюдо. Онъ серьезно выслушалъ заказъ хозяина, приговаривая все «хопъ да хопъ», и взялъ десять серебряныхъ монетъ задатку.

Всѣхъ перемыли и загнали во второй дворъ, въ большую саклю-уборную. Туда же имъ понесли цѣлые сундуки дорогихъ одеждъ и уборовъ и приставили къ нимъ двухъ машкарабазовъ—красителей и одѣвателей. Матъ-Ніаза Турсукъ подозвалъ къ себѣ и сказалъ, что онъ, его учитель, вполнѣ надѣется, что сегодня Матъ-Ніазъ оправдаетъ его надежды.

А пока шли эти торопливыя приготовленія, день догоралъ, и съ базара доносился глухой гулъ ликующей толпы: то встрѣчали конную процессію Диванъ-беги-Селимъ-бея, прибывшаго навѣстить своего друга,—бека Кунградскаго.

Только стемнѣло, — весь дворъ Турсукъ-балы загорѣлся огнями. Сотни разноцвѣтныхъ фонарей развѣшаны были по стѣнамъ и колоннамъ, а вокругъ бассейна изъ нихъ сдѣлана была сплошная огненная кайма; кромѣ того, — на крышахъ поставлены были высокіе треноги и на нихъ котлы съ паклею, пропитанною кунжутнымъ масломъ. Эти громадные факелы ярко пылали, отбрасывая на темномъ небѣ, далеко видимое, пожарное зарево.. Ворота были отворены настежъ, и въ нихъ появились, вооруженные палками, полицейскіе, чтобы сдерживать любопытныя массы народа, запрудившія сплошь всѣ узенькія улицы, ведущія къ дому. Скоро послышался, заглушаемый гуломъ толпы, топотъ конскихъ копытъ, и въ воротахъ стали показываться парные всадники;—они были въ красныхъ халатахъ и высокихъ черныхъ бараньихъ шапкахъ; гремя оружіемъ, они соскакивали съ лошадей и выстраивались по обѣимъ сторонамъ воротъ. Наконецъ появились гости, пышно одѣтые, въ бѣлыхъ чалмахъ, въ роскошныхъ халатахъ, и тоже стали слѣзать съ коней; все это были гости, приглашенные бекомъ, почетныя лица города. Наконецъ показались и самъ бекъ съ Селимомъ-Хаджею рядомъ. Эти, не слѣзая, прямо въѣхали въ ворота. Чудные кони, покрытые раззолоченными чапраками, бряцая дорогимъ наборомъ уздечекъ, пугливо поводили ушами, храпя и слегка упираясь, топтали копытами дорогіе ковры.

Турсукъ-бала стоялъ, согнувшись подъ прямымъ угломъ, сложивъ руки на животѣ... Онъ считалъ себя недостойнымъ прикоснуться даже къ лошадямъ своихъ высокихъ посѣтителей. Почетные жители города буквально на рукахъ сняли съ сѣделъ бека и Селимъ-бея и усадили ихъ на приготовленныхъ мѣстахъ. А у воротъ шумъ разомъ усилился до криковъ мало даже уважительныхъ, и разомъ все это заглохло, чутъ не стихло. Это—съ большимъ трудомъ затворили ворота, пропустивъ только приглашенныхъ.

Тогда бекъ, обращаясь къ хозяину, привѣтствовалъ его:

— Здравствуй, Турсукъ, давно не видались!

— Здравствуй, любезный Турсукъ, —проговорилъ и Селимъ-бей и протянулъ ему руку.

Тотъ кинулся стремительно, поцѣловалъ рукавъ халата своего гостя и полу одежды бека.

— Удостоенъ безъ мѣры... и мой бѣдный языкъ нѣмѣетъ передъ величіемъ.

— Хорошо. Я тобою доволенъ! — проворчалъ бекъ Наурусъ-Инакъ,—ты вѣрный слуга и хорошій человѣкъ.

А Селимъ-бей добавилъ просто:

— Угощай и показывай!

Началось представленіе.

Арка воротъ во внутренній дворъ была завѣшана тяжелыми коврами, посрединѣ эти ковры раздвигались невидимыми руками, когда надо было пропускать исполнителей.

Первыми оттуда появились четыре музыканта, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ галунными поясами, и въ парчевыхъ тюбетейкахъ. Музыканты, низко поклонившись гостямъ, сѣли въ рядъ на свои мѣста и стали налаживать инструменты.

Турсукъ-бей хлопнулъ въ ладоши и по этому сигналу изъза ковра стали выскакивать самые маленькіе мальчики, смѣшно одѣтые въ козьи шкурки. На ихъ головкахъ торчали рожки, и они принялись прыгать и рѣзвиться по двору, изображая дикихъ козъ.

Черезъ минуту показался охотникъ,—старикъ съ длинною подвязною бородою, въ рваномъ халатѣ, въ высокой мѣховой шапкѣ, съ фитильнымъ самопаломъ въ рукахъ.

Началось представленіе, изображающее удачную охоту.

Послѣ каждаго выстрѣла, падалъ очередной мальчикъ, сохраняя до конца свою позу. Позы же эти выбирались самыя смѣшныя, вызывавшія улыбки на губахъ гостей. Въ воздухѣ запахло порохомъ... представленіе нѣсколько затянулось, и бекъ проговорилъ:

— Довольно!

Моментально арена опустѣла. Выступили четыре мальчика, изъ старшихъ, въ богатыхъ парчевыхъ халатахъ, надушенные, и стали прислуживать гостямъ, подавая чай и подносы съ угощеніемъ.

Селимъ-бей внимательно осмотрѣлъ ихъ.

— Этотъ новый! — произнесъ онъ, указывая на одного изъ прислужниковъ,—какъ тебя зовутъ?

— Селимъ,—вполголоса проговорилъ мальчикъ, вспыхнувъ такъ, что краска разлилась по всему лицу.

— Ого! Тёзка! Запиши! — кивнулъ головою Диванъ-беги своему секретарю, сидящему поодаль.

Тотъ вытянулъ изъ-за пояса «календаръ» (приборъ для письма) и свертокъ съ бумагою.

По знаку Турсука появились еще два актера. Они, по костюмамъ и гримировкѣ, должны были изображать осла и ослицу. Реву и движеніямъ животныхъ они подражали удивительно вѣрно. Всѣ гости смѣялись и выражали свое одобреніе. Селимъ-бей даже бросилъ актерамъ нѣсколько монетъ.

Подъ звуки бубновъ и рокотъ литавръ началась пляска, сначала плавная, тихая, затѣмъ переходящая въ бурное настроеніе, снова затихающая и снова разгорающаяся съ удвоенною быстротою и силою.

— Освѣти!—произнесъ бекъ Наурузъ-Инакъ.

Двое изъ прислуживающихъ батчей взяли по фонарю и поднесли ихъ къ лицамъ плясуновъ, замершихъ на мгновеніе, въ причудливыхъ позахъ.

— Хороши!—кивнулъ головою бекъ.

Пляска батчей опять смѣнилась выходомъ машкара-базовъ. На этотъ разъ представленіе носило нѣсколько обличительный характеръ: двое нищихъ (байгушей) — разговаривали между собою, что бы сдѣлалъ каждый изъ нихъ, еслибы они были беками. Предложенія одного оспаривались другимъ, и въ этомъ-то спорѣ заключалась вся соль обличенія. Мѣстами выходило

даже очень смѣло и рѣзко, но такъ какъ конецъ былъ таковъ, что оба сошлись на одномъ: поступать такъ, какъ поступаетъ— «да продлитъ Аллахъ его жизнь на много вѣковъ» — нынѣ властвующій бекъ, великій Наурузъ-Инакъ, то гости были конечно довольны и не сердились на ядовитые намеки предшествующихъ разговоровъ.

Кунградскій бекъ велѣлъ выдать актерамъ по халату, что и было исполнено немедленно.

Наступила пауза, и появилась процессія съ горячими блюдами—шурпы, плова и жаренаго мяса.

— Не поздно ли будетъ! — замѣтилъ Селимъ-бей, поглядывая вверхъ на звѣзды.

— О, повелитель,—сталъ успокоивать его Турсукъ-бала. Ночь длинна, а солнце не будетъ торопиться, чтобы не помѣшать удовольствію такихъ рѣдкихъ и высокопоставленныхъ гостей.

Послѣ ужина представленіе продолжалось въ томъ же порядкѣ: батчи смѣняли машкара-базовъ, машкара-базы батчей. Наконецъ арена на нѣсколько минутъ опустѣла. Все стихло.

По срединѣ арены стоялъ Матъ-Ніазъ въ одной только длинной, бѣлой кисейной рубахѣ, подпоясанной высоко подъ мышками жемчужнымъ ожерельемъ, изъ-подъ тюбетейки, сплошь вышитой бирюзою, выбивались черныя, какъ смоль, вьющіяся пряди волосъ, падая по плечамъ, путаясь въ массѣ дорогихъ украшеній, на ногахъ были надѣты вызолоченныя цѣпи, на рукахъ тоже. Эти оковы видимо тяготили его. Онъ печально посмотрѣлъ вокругъ, и на его длинныхъ рѣсницахъ задрожали слезы. Глубоко вздохнулъ ребенокъ и началъ первый кругъ своей пляски. Его позы и выраженіе лица изображали глубокое страданіе.

Общее недоумѣніе... Старый бекъ вопросительно посмотрѣлъ на своего гостя, тотъ нахмурился и подозвалъ Турсукъ-балу...

— Это уже такое представленіе,—шепталъ тотъ, вовсе не обезкураженный первымъ впечатлѣніемъ...—Сейчасъ онъ пѣть будетъ, и все объяснится...

Матъ-Ніазу подали инструментъ. Онъ тихо сталъ перебирать струны сааза и остановился, дойдя до центра арены. Прелестный, мелодичный голосъ раздался отчетливо въ наступившей тишинѣ.

«Когда вѣтеръ свободно гуляетъ въ степи, онъ несетъ прохладу и влагу, освѣжая усталаго путника. Заслони ему дорогу, и солнце спалитъ все живое своими лучами...»

„Дай волю степному спасительному вѣтру".

«Когда роза цвѣтетъ, наполняя воздухъ своимъ ароматомъ, заслони отъ нея солнце, окутай ее мракомъ ночи... и она поблекнетъ, опадутъ ея лепестки... замретъ ароматъ...

„Дай свѣта красавицѣ розѣ".

«Когда быстроногій конь бодро несетъ тебя въ далекой дорогѣ, гони его день и ночь, гони безъ отдыха и ослабѣетъ конь, подогнутся его желѣзныя ноги, остановится запаленное сердце и падалью, трупомъ повалится онъ на горе всаднику».

„Дай отдыхъ коню быстроногому..."

«Когда веселье и радость играютъ въ сердцѣ человѣка, когда и въ трудѣ своемъ находитъ онъ утѣшеніе,—закуй его въ цѣпи и смолкнетъ веселая радость, изноетъ душа въ подневольной работѣ, угаснетъ человѣкъ, останется скотъ безсловесный».

„Сними съ него цѣпи во славу милосерднаго Аллаха..."

Смолкнулъ пѣвецъ... Молчатъ и всѣ слушатели... Только Турсукъ-бала стоитъ блѣденъ, какъ полотно, и со страха глаза поднять не смѣетъ. Онъ не ту пѣсню ожидалъ... другую, совсѣмъ другую... Такъ вотъ зачѣмъ Матъ-Ніазъ просилъ у него именно эти золотыя цѣпочки!.. Надѣлаетъ ему бѣдъ этотъ мальчикъ, Богомъ вдохновенный импровизаторъ...

Старый бекъ сидитъ нахмурившись, исподлобья глядя. Селимъ-бей опомнился раньше.

— А ну, снимите-ка съ него эти цѣпи... Посмотримъ!

Самъ Турсукъ бросился исполнять приказаніе.

Съ Матъ Ніазомъ мгновенно совершилось волшебное превращеніе. Его глаза засверкали огнемъ радости и веселья, всѣ гибкое, стройное тѣло затрепетало, лицо озарилось яркою улыбкою. Онъ глубоко вздохнулъ, потянулся и бойко ударилъ по струнамъ...

«Слава во-вѣки миръ и свободу даровавшему. Богъ пошлетъ ему радость и счастіе, побѣду надъ врагами, утѣшеніе въ семьѣ. Слава—миръ даровавшему...»

Матъ-Ніазъ отбросилъ инструментъ и ринулся въ пляску... Это былъ танецъ не похожій на все, что передъ тѣмъ видѣли гости. Глаза не успѣвали слѣдить за его быстрыми, полными граціи движеніями. Выраженіе лица горѣло неподдѣльною радостью, и когда онъ, окончивъ пляску, усталый, задыхающійся, опустился на коверъ, раздались рукоплесканія.

Участь Матъ-Ніаза, въ этотъ роковой для него вечеръ, была рѣшена.

Кончился пиръ незадолго до разсвѣта. По узкимъ, уже уснувшимъ улицамъ Кунграда, запылали факелы въ рукахъ красныхъ всадниковъ. Уѣхали гости. Осчастливленный, довольный Турсукъ-бала уже успѣлъ сосчитать барыши и говорилъ Матъ-Ніазу:

— Тебѣ хорошо тамъ будетъ... Всё счастье въ твоихъ рукахъ... все отъ тебя зависитъ... И когда ты будешь большой и славный—не забудь своего бѣднаго, стараго учителя.

Онъ не сообразилъ, что когда Матъ-Ніазъ выростетъ и войдетъ въ милость и славу—врядъ ли Аллахъ будетъ такъ милостивъ къ нему, Турсуку, что продлитъ на двойной вѣкъ его собственную грѣховную жизнь.

Но Турсукъ-бала былъ въ эту минуту счастливъ, и все ему представлялось въ розовомъ свѣтѣ.

VII.

Году не прошло, какъ всѣ заговорили о дружбѣ, завязавшейся между молодымъ четырнадцати-лѣтнимъ ханомъ-наслѣдникомъ, и новымъ придворнымъ пѣсенникомъ, Матъ-Ніазомъ.

Самъ старый ханъ полюбилъ Матъ-Ніаза и видимо доволенъ былъ выборомъ сына. Дѣти учились вмѣстѣ, а учитель у нихъ былъ большого ума и познаній, самъ Даулетъ-Хадка, двѣнадцать разъ на своемъ вѣку бывшій въ Меккѣ.

Ученый мулла пораженъ былъ способностями Матъ-Ніаза и его удивительною памятью, съ которою онъ сразу запоминалъ наизусть не только всѣ строфы корана, но даже цѣлыя страницы изъ избранныхъ персидскихъ и индійскихъ поэтовъ... Да Матъ-Ніазъ и самъ такъ говорилъ стихами, что его по часамъ заслушивались придворные ханскаго дворца...

Подросталъ молодой ханъ - наслѣдникъ, подросталъ и его молодой другъ. Много хорошаго ждалъ народъ отъ будущаго хана, предчувствуя, что тотъ будетъ править душою и сердцемъ Матъ-Ніазовымъ...

Старый ханъ любилъ воевать... Много народу гибло въ этихъ кровавыхъ распряхъ съ сосѣдями. Много народу разорялось до тла.

Любилъ молодой ханъ-наслѣдникъ на охоту ѣздить... Охота не охота, а такъ больше, по всѣмъ далекимъ угламъ ханства хивинскаго, и Матъ-Ніазъ всегда съ нимъ, неотлучно... Была ли польза кому отъ этихъ поѣздокъ, нѣтъ ли, еще не выяснилось, только нашлись около стараго хана люди, завидовавшіе близости «выскочки» и стали нашептывать властителю слова недобрыя...

Говорили, что Матъ-Ніазъ, самъ рабъ-персіанинъ, задумываетъ дѣло неладное, измѣну черную, учитъ молодого ханскаго наслѣдника совсѣмъ непутевому... Говоритъ, будто настоящіе, добрые подданные ханства плохіе слуги, нерадивые, неумѣлые, привыкли, молъ, только къ жизни праздной, на чужой счетъ, къ набѣгамъ, да разбоямъ, а все за нихъ работаютъ рабы подневольные, земляки Матъ-Ніазовы, да сродичи... Въ нихъ молъ и сила вся, имъ и надо поблажку давать и льготы всякія... Они, вишь, тѣ, и ученые, и искусники... Они всѣ лучшія зданія построили, хитрыми узорами изукрасили... Они и ковры лучшіе дѣлаютъ, и серебро чеканить умѣютъ, и грамотные чуть не поголовно, а наши... Куда имъ!.. Вотъ какія слова говорилъ-де на ухо хану-наслѣднику этотъ пѣсенникъ...

И не хочетъ ханъ слушать ядовитыхъ извѣтовъ, а слушаетъ, и не хочетъ вѣрить, а вѣрится...

Подарили Матъ-Ніазу большой садъ. Сталъ Матъ-Ніазъ строиться. Рабовъ у него было уже десять человѣкъ, все жалованные, не купленные за деньги... Подарили въ то же время садъ и Матъ-Мураду, дальнему племяннику ханскому, знаменитому воину, прославившемуся своими набѣгами, во главѣ туркменскихъ дружинъ, за персидскую границу... Этотъ тоже сталъ строиться. У Матъ-Ніаза десять человѣкъ принялось за работу, у Матъ-Мурада—сто... День за днемъ проходитъ, у перваго, на глазахъ, растутъ постройки, арки выводятъ, лѣпную и живописную работу начинаютъ... Питомники новые

разбиты, садики расчищены, а у второго—только еще кирпичи лѣпятъ, а надсмотрщиковъ за работами видимо невидимо, самъ Матъ-Мурадъ съ плетью гуляетъ...

Спросилъ самъ ханъ у Матъ-Ніаза: почему это такъ, что каждый изъ его рабовъ больше чѣмъ десять Мурадовыхъ строитъ?..

— У меня нѣтъ рабовъ,—отвѣчалъ Матъ-Ніазъ.—Они для меня все равно, что для себя строются... Мнѣ и стеречь ихъ не для чего...

— Отчего же они не убѣгутъ отъ тебя, если нѣтъ надъ ними стражи никакой?

— А зачѣмъ имъ бѣгать, когда сами волею и честью уйти могутъ, когда захотятъ... Развѣ имъ у меня худо?

Задумался ханъ, нахмурилъ свои сѣдыя брови, ничего не сказалъ своему любимцу... А ночью, въ своей саклѣ, у постели, письмо нашелъ, подметное, а въ письмѣ томъ значилось слѣдующее:

«Берегись, ханъ всемогущій! Надъ твоею головою гроза собирается: Матъ-Ніазъ всѣхъ рабовъ взбунтовалъ, и не только тебѣ, сыну твоему погибель готовятъ проклятые собаки-шіиты».

Всю ночь не спалъ ханъ, а рано утромъ первымъ на глаза ему Матъ-Мурадъ попался, пріѣхалъ съ поклономъ и жалобою.

Разсказываетъ, что у него половина рабовъ разбѣжалась, да, слава Аллаху, недалеко ушли, переловлены, что, молъ, двое изъ бѣглыхъ повинились; указываютъ на Ніаза: онъ, молъ, ихъ научилъ. Хорошій такой человѣкъ, этотъ Матъ-Ніазъ, даромъ что родомъ самъ персюкъ, а такими дѣлами занимается, и наслѣдному хану это порча одна, ничего больше!..

Разсердился властитель.

— Гдѣ эти рабы? Доставить мнѣ ихъ къ личному моему допросу!..

— Прости, великодушнѣйшій и справедливѣйшій ханъ,— сталъ виниться Мурадъ...—не выдержали пытокъ...

Стоитъ только хану нахмуриться, стоитъ только чуть немилость свою выказать къ сильному сановнику, всѣ враги, что тише воды были, сразу заговорятъ. Такъ и теперь. Со всѣхъ сторонъ пошли на голову Матъ-Ніаза извѣты да жалобы... не помогло и заступничество молодого хана-наслѣдника, и вмѣсто сада роскошнаго, вмѣсто новоселья въ дому,

на диво выстроенномъ, попалъ Матъ-Ніазъ въ темницу, подъ стражу, пока до суда и казни.

Безъ малаго годъ томился несчастный. Наслѣдника престола въ Чимбай сослали на это время. Выѣхалъ ханъ на молитву въ мечеть, на самой серединѣ площади конь испугался чего-то, взвился на дыбы и опрокинулся, прижавъ стараго властителя высокою, кованною золотомъ, лукою сѣдла, прямо противъ сердца... подняли хана, до дворца не успѣли донести, Аллахъ принялъ его душу.

Вступилъ на престолъ молодой, освободилъ своего друга, притихли враги, ждутъ своей погибели. Ханъ и не прочь бы жестоко наказать злыхъ клеветниковъ, да Матъ-Ніазъ заступился. Матъ-Мурада сдѣлалъ главнымъ военачальникомъ, а прочихъ при дворѣ всѣхъ оставилъ, только самъ, на мѣсто совсѣмъ больного, уже полоумнаго Селимъ-бея, Диванъ-беги сдѣлался... Это, говоритъ, такая должность, что работы много, что же васъ затруднять дѣломъ непосильнымъ.

Начались дни, а за днями годы мира и благоденствія для всего ханства хивинскаго...

Многіе годы прошли. Состарился Матъ-Ніазъ и по волѣ Божіей пережилъ своего царственнаго друга.

Наслѣдовалъ хану малолѣтній Сеидъ-Богадуръ, воспитателемъ же и полнымъ за него правителемъ, по завѣщанію покойнаго, назначенъ былъ бывшій батча, этотъ самый, Богомъ вдохновенный пѣсенникъ, нынче Диванъ-беги Матъ-Ніазъ, добровольно раздѣлившій власть и вліяніе съ своимъ, когда-то злѣйшимъ врагомъ, нынѣ другомъ, Матъ-Мурадомъ, инакомъ, всѣхъ силъ главнокомандующимъ.

VIII.

Много воды унесла Аму въ Аральское море, много песку нагнало вѣтромъ на окраины обработанныхъ полей, много народу родилось, много и повымерло, пока выросъ малолѣтокъ ханъ и черною бородою опушился. Много событій свершилось въ мірѣ, и пала грозная сосѣдка Бухара подъ ударами враговъ съ сѣвера...

Знали въ Хивѣ про все это и, конечно, лучше всѣхъ зналъ Матъ-Ніазъ, первый кормчій. Слухи-слухами, вѣсти-вѣ-

стями—разобраться трудно! Знали также, что этотъ самый врагъ не разъ въ сторону на Хиву ходить покушался и былъ посрамленъ по волѣ Аллаха... То погибалъ подъ мечомъ правовѣрныхъ, то не пускала его самимъ Богомъ сооруженная преграда, непроходимыя степи, песчаныя, лишенныя воды, дышащія смертельнымъ жаромъ... И вотъ этотъ самый врагъ, снова на свободу Аллахомъ хранимой Хивы посягаетъ, письма шлетъ, призывающія къ покорности, грозитъ боевою карою...

Матъ-Мурадъ съ пѣною у рта мечется, полки собираетъ, пушки готовитъ. Матъ-Ніазъ, хоть и врагъ пролитія крови, а тутъ воззваніе самъ пишетъ... Дѣло, не набѣгъ, не разбой, дѣло святое, защита отечества.

Призванные тюркменскія племена уже наводнили ханство и на ту сторону Аму-Дарьи въ пески ушли, навстрѣчу врагамъ съ сѣвера... Самъ ханъ со всѣми силами по эту сторону заняли три высокихъ холма на берегу, называемые Учь-чуханомъ... На одномъ изъ этихъ холмовъ, самомъ большомъ, раскинулась цвѣтными шатрами ханская ставка... Ждутъ съ полною вѣрою въ побѣду. Ждутъ не дождутся, когда прискачутъ съ вѣстью изъ передовыхъ отрядовъ о гибели вражескихъ полчищъ подъ сыпучими барханами «Адамъ-Крилгана», не даромъ же слово это человѣческую погибель означаетъ.

Скачутъ первые гонцы.

— Насъ сбили, говорятъ, гонятъ!.. Тихо, но вѣрно, все впередъ и впередъ идутъ «Акъ-кульмакъ» (бѣлыя рубахи), и пушки съ ними идутъ мѣдныя...

Скачутъ вторые гонцы:

— Сбили тюркменскія дружины... Бѣгутъ іомуды и чодары, портятъ за собою послѣднюю воду въ немногихъ колодцахъ... Все впередъ да впередъ идутъ бѣлыя рубахи...

Скачутъ третьи гонцы:

— Зной и песчаный вихрь слѣпитъ намъ очи; языки пересохли отъ жары, гибнутъ верблюды враговъ, весь путь своими тѣлами устлали... Медленно, вѣрно, все впередъ да впередъ идутъ бѣлыя рубахи!..

Скачутъ послѣдніе, съ размаха, съ крутого берега въ рѣку бросаются, послѣднія силы напрягаютъ, лишь бы на этотъ берегъ живыми выбраться и назадъ со страхомъ озираются...

— Воду уже чуятъ враги... близко за нами ѣдутъ... словно

змѣй великанъ растянулись въ пескахъ ихъ бѣлые баталіоны и песочная пустыня имъ покорилась.

И словно въ подтвержденіе роковой вѣсти, донесъ порывъ вѣтра съ той стороны глухіе раскаты далекаго грома...

Это русскія пушки подали свой голосъ.

Задумчиво стоялъ Матъ-Ніазъ на высокомъ холмѣ; подъ нимъ, далеко внизу, разстилалась безконечная въ обѣ стороны водная поверхность и причудливыми пятнами темнѣли на ней оголенныя отмели. Дальше ночная мгла скрывала противоположный берегъ, пока еще тихій, беззвучный, а вокругъ холмовъ, сколько глазъ могъ видѣть, все огни да огни несмѣтныхъ мусульманскихъ полчищъ... Слышно злобное ржанье коней, слышны командные клики, гулъ массоваго движенія, тяжелый грохотъ колесъ.

Длинными рядами вытянулись по гребнямъ холмовъ грозныя пушки, покрытыя святыми изреченіями корана... Вѣтеръ колышетъ группы знаменъ и бунчужныхъ хвостовъ... Все готовится къ бою на утро.

Матъ-Мурадъ седьмого коня мѣняетъ. Тигромъ мечется по всему стану. Ханъ Сеидъ сидитъ въ шатрѣ и сна ему нѣтъ, а кругомъ толпою льстивые придворные заранѣе хвалу воздаютъ, съ побѣдою напередъ поздравляютъ, клянутся въ вѣрности, въ полнѣйшей готовности за него сложить свои головы.

Смутенъ Матъ-Ніазъ и глазъ оторвать не можетъ съ того загадочно-тихаго берега... а дѣло къ разсвѣту близится.

Вотъ забѣлѣло на востокѣ. Вонъ Оріона мечъ высоко уже и двялся на небѣ, вонъ и утренняя звѣзда яркимъ алмазомъ догораетъ. Туманъ предразсвѣтный затянулъ рѣку и еще страшнѣе, еще таинственнѣе стала эта завѣса.

И вдругъ чудится Матъ-Ніазу, что изъ нѣдръ тумана выдвигается гора не гора, сіяющая холоднымъ свѣтомъ, а серебряный шлемъ богатырскій... Вотъ и лицо его покойно-грозное, вотъ и плеча, словно льдомъ покрытыя латами, вотъ и рука правая, вооруженная молніями, вотъ и зеленая вѣтвь росистая въ лѣвой рукѣ колышется...

И вспомнилъ старикъ свое далекое дѣтство, вспомнилъ высокій куполъ Атлара, вспомнилъ, что ему, ребенку, давно уснувшій праведникъ показывалъ въ вѣщемъ снѣ...

Схватился Матъ-Ніазъ за голову, шатаясь пошелъ къ ханской ставкѣ и говоритъ хану.

— Хочешь мнѣ вѣрить на благо твоего же народа, твое собственное?

— Говори, — пытливо смотритъ на него ханъ Сендъ-Богадуръ.

— Собирай полки, веди ихъ назадъ. Высылай посольство на ту сторону съ миромъ и покорностью... Я самъ во главѣ того посольства пойду, здѣсь мечъ безсиленъ. Воля Аллаха совершается.

Ропотъ послышался кругомъ.

— Состарѣлся, малодушный, трусъ,—загудѣли голоса. Хана смущаешь... не слушай его!.. Аллахъ намъ даруетъ побѣду, и солнце не успѣетъ подняться на небѣ, какъ окрасятся воды Аму вражескою кровью; жаль только вотъ, что неповинную воду опоганилъ...

Влетѣлъ ураганомъ Матъ-Мурадъ въ палатку... кричитъ, позабывъ все.

— Головою своею за побѣду отвѣчаю. Только и ты своею головою за нечестивыя рѣчи отвѣтишь. Персіянинъ льстивый.

Проснулась, знать, у Мурада вся изстари затаенная ненависть къ Диванъ-беги... сорвалась съ языка и вылилась.

— Мнѣ моей головы не жалко,—покойно отвѣчалъ Матъ-Ніазъ.—Я, можетъ быть, не свою спасаю, а съ твоею тысячи головъ правовѣрныхъ. Увидитъ солнце кровь, только не вражескую. Увидитъ солнце нашъ позоръ и посрамленіе. Послушай, какъ своего учителя, нынѣ слугу и раба вѣрнаго.

Не дали даже договорить старику. Передъ нимъ за часъ дрожали, пуще чѣмъ передъ самимъ ханомъ, тутъ чуть не силою изъ шатра вытолкали.

— Да свершится воля твоя!—вздохнулъ Матъ-Ніазъ и побрелъ снова на гребень вѣковой твердыни.

А солнце уже всходитъ и гонитъ туманъ своими первыми лучами. На томъ берегу таинственная завѣса поднимается, и, видно теперь ясно, какъ на желтыхъ пескахъ, словно снѣгъ бѣлѣютъ стройныя линіи. Вереницы верблюдовъ спускаются къ водѣ. У низкаго берега кипитъ спѣшная работа, желѣзныя лодки готовятъ.

Не дремлетъ Матъ-Мурадъ, по его знаку загрохотали ряды

пушечныхъ жерлъ. Густые клубы дыма покрыли все сплошь. Чуть слышно, словно эхо, отозвались пушки съ того берега, и съ адскимъ громомъ и визгомъ лопнули въ воздухѣ первыя гранаты, а съ ними пришла и первая смерть.

Гремятъ хивинскія пушки, громче ихъ рвутся снаряды враговъ. Стонъ раненыхъ, вопли, проклятія... Мелькаютъ тѣни бѣгущихъ то въ одиночку, то уже цѣлыми толпами. Охрипъ голосъ Матъ-Мурада... и грозитъ онъ, и молитъ, и святыя слова говоритъ, и мечетъ проклятіями...

Подали нукеры коня Матъ-Ніазу, чуть не силою посадили. Ѣдетъ шагомъ старикъ, сквозь дымъ и смерть, скользитъ конь въ кровавыхъ лужахъ.

— Гдѣ ханъ?—спрашиваетъ.

— Тамъ за холмомъ, тебя дожидается.

— Что же это тише стало? Что же наши пушки смолкаютъ?

— Бросили ихъ... бѣгутъ оробѣвшіе сарбазы...

Оглянулся кругомъ Матъ-Ніазъ. Какъ стада барановъ съ перепугу толпами бѣжитъ блестящее воинство... стонутъ раненые, корчась въ предсмертныхъ мукахъ. Грудами тѣлъ покрыты гребни и скаты кургановъ... взглянулъ вѣщій старикъ на рѣку, а уже вся поверхность рябитъ чужими, желѣзными лодками, сверкаютъ на лодкахъ штыки... и быстро къ берегу близятся.

Матъ-Мурадъ на окровавленномъ конѣ только-что въ безсильной злобѣ раскололъ черепъ одному изъ бѣглецовъ, ищетъ обезумѣвшимъ взоромъ новую жертву...

— Ты головою своею за побѣду ручался! — укорилъ его Матъ-Ніазъ...—эта кровь на твою падетъ голову.

— Молчи, колдунъ! а то и съ тобою то же будетъ!

Еле прикрыли старика его нукеры отъ наскока опозоренчаго полководца.

Продолжалъ путь Диванъ-беги и все тише да тише слышались ему звуки потерянnаго боя.

Вонъ впереди, въ пыльномъ облакѣ мелькаетъ парчевой халатъ хана и колышется его высокая черная шапка.

Молча поравнялись другъ съ другомъ, — рабъ-наставникъ съ властительнымъ ученикомъ. Молча обмѣнялись взглядами.

Замѣтилъ Матъ-Ніазъ слезу на рѣсницахъ хана, нагнулся къ нему съ сѣдла, крѣпко обнялъ.

— Дастъ Богъ, — сказалъ онъ ему. — Политые кровью мертвые пески оживутъ цвѣтущими садами... За тысячи смертей Аллахъ пошлетъ десятки тысячъ жизней... Сохранишь ты престолъ и доброе имя. И капля росы съ благотворной вѣтви упадетъ и на твою вѣнчанную голову.

— О какой вѣтви говоришь ты?—спросилъ изумленный ханъ.

Но Матъ-Ніазъ словно не слышалъ этого вопроса.

— Благословенъ крѣпкій, покорный волѣ Божіей, — продолжалъ онъ... и властнымъ движеніемъ руки подозвавъ нукеровъ, приказалъ имъ свернуть на Акъ-мазаръ, съ пути отступленія охваченныхъ паникою войскъ, и тамъ далеко, въ сторонѣ, готовить шатры для ханскаго ночлега.

ШКУНА «СМОЛКА».

Парусникъ, 800 тонъ вмѣстимости. Команда изъ восемнадцати человѣкъ, шкиперъ—Ѳома Кильватеръ. Грузъ гуано съ ост. Голопагосъ, курсъ на Антилы. Дабы избѣжать бурнаго огиба мыса Горнъ, рискнули пройти Магелановымъ проливомъ; на суднѣ одинъ случайный пассажиръ—я самъ.

Восьмой мѣсяцъ въ плаваніи, провизія на исходѣ, недѣлю уже на уменьшенной порціи. Полуденное опредѣленіе: 5° 30′N—0° 50′W.

Почти штилюетъ, ходу подъ всѣми парусами едва полтора узла. Ночь темная, но небо чистое, все усѣянное яркими звѣздами. Далеко за полночь, а не только вахтенные, но и весь экипажъ на палубѣ, позабывъ о снѣ, о необходимомъ отдыхѣ. Шкиперъ сильно озабоченъ и не отнимаетъ бинокля отъ своихъ глазъ. Матросы, Шкивъ и Буекъ, посланы на гротъ-мачту. Любопытный юнга Кнотикъ забрался на самый конецъ бомъ-утлегаря и виситъ тамъ какъ обезьяна, безъ боязни оборваться и попасть прямо въ пасть акулѣ, а этихъ кровожадныхъ тварей собралось особенно много, цѣлыми стаями играютъ вокругъ «Смолки», словно предчувствуютъ богатую поживу.

Необыкновенное явленіе далеко впереди насъ привлекло все наше вниманіе.

То, что происходило тамъ, было по истинѣ загадкою для всѣхъ, даже для нашего шкипера и его помощника Оверштага, а уже на что оба старые и опытные морскіе волки. Первый поминутно протиралъ стекла бинокля, а второй крѣпко стиснулъ зубами свою трубочку, не замѣчая вовсе, что та давно уже потухла.

А происходило вотъ что:

Часа два тому назадъ, надъ горизонтомъ замѣчены были странныя свѣтовыя пятна... Сначала два сразу, затѣмъ вскорѣ появились еще и еще. Пятна эти свѣтились неровнымъ бѣловатымъ блескомъ, то потухая на мгновеніе, то появляясь снова, мѣняя мѣста, то сливаясь выше на небѣ сплошнымъ полосымъ заревомъ. Иногда эти пятна вспыхивали особенно ярко, словно огни электрическихъ маяковъ, но безъ правильныхъ промежутковъ времени въ своемъ появленіи. Во всякомъ случаѣ это не могли быть маяки,— въ томъ направленіи никакой земли, никакихъ подводныхъ скалъ, а значитъ и маяковъ быть не могло,— значитъ предположить можно было только судовые огни, но откуда взялось ихъ такъ много вмѣстѣ?.. Да и зачѣмъ судамъ итти съ электрическимъ свѣтомъ на своихъ мачтахъ, въ открытомъ океанѣ? А свѣтъ былъ бѣловатый, напоминающій именно электрическій.

Эти таинственныя свѣтовыя явленія ясно дѣлились на двѣ группы, но разстояніе, отдѣлявшее одну группу отъ другой, мало-по-малу сокращалось.

— *Это* очень далеко!—замѣтилъ, наконецъ, шкиперъ Кильватеръ, принявшись снова за протирку стеколъ своего бинокля.

— Такъ далеко, что днемъ мы бы ничего не видѣли за горизонтомъ,—согласился Оверштагъ.

— Это мы видимъ только отраженіе огней на небѣ... оптическое, такъ сказать, явленіе,—пояснилъ шкиперъ.

— Если отраженіе, то должно быть и отражающее,—резонно заявилъ помощникъ — и не будь я подшкиперъ Оверштагъ, если это «отражающее» — огонь *купца*.

— Да, вы правы, тамъ «купцамъ» не мѣсто, не дорога!— согласился Кильватеръ.

— Это военные корабли!—возвысилъ голосъ Оверштагъ.

— Это эскадра... и не одна, а двѣ!

— Какія эскадры?.. Зачѣмъ онѣ тутъ... Куда идутъ?.. Странно, удивительно странно.

— Онѣ идутъ другъ на друга... Онѣ сближаются.

— Что же онѣ драться хотятъ, что-ли?

— Ну, вотъ!.. Если не ошибаюсь, господинъ шкиперъ, мы живемъ въ мирное время и ни о какой морской войнѣ мы до сихъ поръ не слыхали.

— Да, «если не ошибаюсь». Я тоже, если не ошибаюсь, долженъ вамъ замѣтить, что скоро восемь мѣсяцевъ, какъ мы съ вами не видали береговъ и не читали никакихъ газетъ.

— Это вѣрно!.. Смотрите... Смотрите...

— Потухло!—раздался хриплый голосъ матроса Шкива съ гротъ-марса.

Но и всѣ наблюдатели съ палубы и мостика замѣтили, что фантастическая игра свѣтовыхъ пятенъ на горизонтѣ прекратилась разомъ... Наступила полная темнота.

— Что же это *они*, въ самомъ дѣлѣ?..

— Кто они?

— Ну, да эти военные корабли.

— Да почему вы думаете, что это военные корабли—или даже вообще корабли?..

— А что же?..

— Просто можетъ быть игра природы, фосфоризація какая-нибудь... мало-ли что!

— Странно... очень странно!..

Прошло съ полчаса времени, матросы громко зѣвали, нѣкоторые пошли внизъ; нѣкоторые стали примащиваться на палубѣ. Ночь была душная, подъ палубою не продохнешь, а тутъ все-таки слегка провѣваетъ.

Подшкиперъ вспомнилъ о своей потухшей трубкѣ и сталъ набивать ее снова. Кильватеръ уложилъ уже свой бинокль въ тяжелый футляръ.

— Огни!—раздалось сверху.

— Огни! опять огни!—закричалъ дѣтскій голосъ съ бомъ-утлегаря.

И снова всѣ вернулись на свои мѣста продолжать наблюденія.

А явленіе это стало еще интереснѣе:—свѣтовыя электрическія пятна уже теперь не раздѣлялись на двѣ группы, они сплелись вмѣстѣ, и длинные бѣлые лучи энергично бичевали воздухъ, скрещиваясь и пересыпаясь другъ съ другомъ, словно гдѣ-то за горизонтомъ сказочные гиганты сразились мечами. Къ бѣлому свѣту мѣстами стали примѣшиваться вспышки красноватаго свѣта, чаще и чаще, и вдругъ яркое пожарное зарево вспыхнуло значительно выше горизонта и разомъ потухло... Спустя минуту, съ той стороны донесся, едва уловленный опыт-

нымъ морскимъ ухомъ, легкій гулъ, словно отголосокъ далекаго грома.

Красныя вспышки зачастили... громовой гулъ сталъ усиливаться... Опять мгновенное зарево, да еще два сразу... Въ сплошномъ гулѣ ясно можно было разслышать два отдѣльные удара... Бѣлые лучи стали какъ будто-бы меркнуть—за то красные огни забѣгали по горизонту усиленно... то стихая мѣстами, то разгораясь съ новою силою...

— Это идетъ бой!—понизивъ голосъ произнесъ шкиперъ, снялъ шляпу и набожно перекрестился...

Строгое торжественно настроеніе духа овладѣло всѣмъ экипажемъ...

— Помоги имъ Господь!—вздохнулъ кто-то въ тѣни за капитанской рубкою...

А кому помоги, противъ кого помоги?..

Подшкиперъ тоже въ полголоса, должно быть торжественность минуты того требовала, обратился къ своему начальнику:

— Вы обратили вниманіе... на *это?* Вы понимаете? это были взрывы... Одинъ, два, три... и вотъ смотрите, смотрите... четвертый, пятый... Вѣдь это взрывы, это цѣлые корабли летятъ на воздухъ...

— Да! я такъ думаю!—угрюмо кивнулъ головой Кильватеръ...

— Это очень страшно! Вѣдь это милліонныя суда, это крѣпости плавучія... я видѣлъ такія, я знаю,—это они гибнутъ! Вѣдь на нихъ тысячи людей, молодыхъ, сильныхъ, летятъ на воздухъ и гибнутъ въ пучинахъ океана... Опять, опять!..

— Вотъ съ чего это акулы разыгрались... имъ теперь лафа!..—раздался опять голосъ въ темнотѣ.

— Когда люди на деревянныхъ судахъ плавали, все-таки легче было,—замѣтилъ кто-то изъ матросовъ.—Я помню, бывало, изрѣшетятъ его въ дребезги, а оно все держится, все плаваетъ... А теперь—бумъ!.. хватило удачно и готово! или разомъ ко дну, или лети къ небесамъ...

— Стихаетъ... Стихаетъ...

Дѣйствительно, стало стихать... Бѣлые лучи больше не появлялись, только въ одномъ мѣстѣ упорно держалось яркое пятно пожарнаго зарева... Наступила полная тишина... Такая-же тишина воцарилась и на палубѣ нашей шхуны... Но теперь никто уже не собирался спать... настроеніе духа экипажа стало

особенно мрачное, даже веселый юнга Кнотикъ примолкъ и сталъ осторожно сползать съ своего опаснаго наблюдательнаго поста, боязливо глядя въ глубь черной бездны... А тамъ акула разыгралась не на шутку, бороздя начинающуюся зыбь, съ плескомъ выскакивая на поверхность, на половину туловища. Казалось, будто эти хищники раскачали шхуну, потому что «Смолка» стала, словно на мертвой зыби, медленно и мирно нырять то кормою, то носомъ...

— Хоть-бы разсвѣтало скорѣе!..—тяжело вздохнулъ шкиперъ Кильватеръ.

— Хоть-бы разсвѣтало скорѣе!—будто эхо откликнулось въ тонъ подъ парусами...

На востокѣ уже забѣлѣла заревая полоса. Въ этихъ широтахъ разсвѣтъ коротокъ,—разомъ вспыхиваетъ на горизонтѣ восходящее солнце.

Мракъ тропической ночи разсѣялся, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Но теперь уже въ двухъ кабельтовахъ ничего нельзя было видѣть. Молочный, розовато-золотистый туманъ поднялся надъ поверхностью океана и «Смолка», неся на своихъ мачтахъ всѣ отсырѣвшіе паруса, еле двигалась, окруженная этимъ туманомъ.

„Тореадоръ“.

Въ тропическихъ полосахъ — солнечный зной разгорается тотчасъ же послѣ восхода міроваго свѣтила. Подъ вліяніемъ его могучихъ лучей туманъ исчезалъ быстро, разряжаясь въ жаркомъ воздухѣ, и вахтенные «Смолки» замѣтили какую-то темную массу, медленно подвигающуюся на встрѣчу.

— Корабль подъ носомъ... — оповѣстилъ сторожевой матросъ.

— Корабль подъ носомъ!—откликнулся другой голосъ.

Въ люкѣ, ведущемъ въ капитанскую рубку, показалась голова шкипера, а за нею вслѣдъ, минуту спустя, и голова его помощника.

— Ага!—произнесъ первый.

— Это изъ *тѣхъ*,—процѣдилъ сквозь зубы второй.

Мало-по-малу темная масса стала опредѣляться, пріобрѣтать опредѣленныя очертанія.

Это былъ громадный эскадренный броненосецъ съ тяжелыми мачтами-башнями,—съ высокими, толстыми трубами, извергавшими густые клубы чернаго дыма.

Боевой колоссъ шелъ самымъ тихимъ ходомъ; его носовая часть глубоко зарывалась въ воду, весь его корпусъ былъ накрененъ на лѣво—очевидно, судно было сильно повреждено... за высокими бортами нельзя было видѣть, что происходило на его палубахъ, но на высокихъ мостикахъ суетилось нѣсколько темныхъ силуэтовъ, энергично размахивающихъ руками, перебѣгающихъ съ мѣста на мѣсто.

— Онъ подаетъ сигналъ!.. Это намъ!..—сказалъ Кильватеръ.

— Сигналъ!.. «терплю бѣдствія... прошу помощи»!—кивнулъ головою Оверштагъ, не отнимая глазъ отъ бинокля.

— *Онъ* проситъ подойти.

— Гм... это надо обдумать... минутъ черезъ пять мы пройдемъ у него по правому борту.

Оверштагъ подошелъ къ рулевому и самъ взялся за штурвалъ.

— Держи вотъ такъ!

Разстояніе между Смолкою и незнакомымъ кораблемъ стало сокращаться замѣтнѣе... Оттуда стали доноситься даже звуки, но какіе-то странные... Словно вся эта громадная, плавучая масса стонала и даже по временамъ вскрикивала отъ нестерпимой боли... И все это покрывалось тяжелыми, подавленными, хриплыми издохами поврежденной машины.

Солнечный лучъ прорвалъ послѣднюю пленку тумана и скользнулъ по носу раненаго богатыря, подъ его исковерканнымъ бугшпритомъ ярко засверкала золотая бычья голова, а подъ нею надпись: «Тореадоръ».

— Испанецъ! сказалъ Оверштагъ.

— Вотъ ужъ не могъ ожидать!... сказалъ и шкиперъ Кильватеръ.

— Съ кѣмъ же это онъ воюетъ?.. удивительно!

— Непостижимо!..

Морякъ положилъ бинокль; сложилъ у рта руки рупоромъ и, собравъ всю силу своихъ могучихъ легкихъ, прохрипѣлъ:

— Алло!..

— Здорово!—одобрительно произнесъ одинъ изъ мотросовъ.

Уже весь маленькій экипажъ Смолки высыпалъ на палубу,

позабывъ о снѣ, наэлектризованный интересомъ встрѣчи, такой необычною въ этихъ широтахъ океана.

— Алло!—чуть слышно донеслось со стороны испанскаго военнаго корабля.

— Они просятъ шлюпку съ офицеромъ,—прочелъ новый сигналъ съ «Тореадора» помощникъ шкипера.

— Пускай пришлютъ свою.

— У нихъ всѣ гребныя суда уничтожены.

— Удивительно!..—пожалъ плечами Кильватеръ, и громко, отчетливо скомандовалъ:

— На четверку!.. Ступай туда!.. А вы хотите?..

Я понялъ, что это предложеніе относилось ко мнѣ, и конечно, не заставилъ его повторить.

Проскрипѣли тали въ шлюпбалкахъ, дно четверки грузно шлепнулось о воду... Я съ Оверштагомъ, и четверо матросовъ уже были въ ней, оттолкнулись и ходко пошли къ борту «Тореадора»...

Громада броненосца съ каждою секундою росла передъ нашими глазами, и какую ничтожною щепкою казалась передъ нею наша крохотная шкуна.

Теперь мы уже ясно слышали голоса людей, разбирали отдѣльно слова, ясно также слышали болѣзненные стоны и крики...

Сердце сжималось подъ тяжелымъ предчувствіемъ чего-то ужаснаго, наши матросы дружно налегли на весла...

— Стопъ! Суши весла!..

Оверштагъ, ловкимъ движеніемъ руля, подвелъ бортъ шлюпки къ самой площадкѣ спущеннаго трапа.

Фалропные съ Тореадора стояли на своихъ мѣстахъ; ихъ смуглыя, усатыя лица, какъ я ни всматривался въ ихъ выраженіе,—были покойны. На верхней площадкѣ, у борта, виднѣлась щеголеватая фигура офицера, съ рукою, приложенной къ козырьку головного убора.

— Какая дисциплина!—тихонько обратился ко мнѣ Оверштагъ.

— А вѣдь, очевидно, погибаютъ,—отвѣчалъ я, тоже понизивъ голосъ.

И оба сняли шляпы, ради привѣта и уваженія къ серьезности минуты.

Мы поднялись... Насъ тотчасъ-же повели къ мостику, гдѣ насъ ожидалъ сѣдой, какъ лунь, капитанъ «Тореодора».

Страшную картину смерти и разрушенія представляла собою палуба испанскаго броненосца, сильно накрененная, усѣянная обломками шлюпокъ и частей рангаута. Рваныя пробоины ея брони зіяли словно раскрытыя могилы... Оттуда и слышались эти болѣзненные стоны и вскрикиванія... Густой дымъ топокъ валилъ не изъ одного, законнаго, такъ сказать, отверстія трубы, но и въ ея боковые прорывы, застилая удушливымъ смрадомъ искалѣченную палубу.

Было ясно, что лѣвая машина отказалась совсѣмъ работать,—ея топки были залиты... Уцѣлѣвшія помпы работали усиленно, отливая воду, мало по малу безпощадно побѣждавшую лихорадочно-спѣшный трудъ человѣка.

«Тореадоръ» находился въ состояніи смертельной агоніи... Не дни его, а часы были сочтены,—и кренъ его становился все грознѣе и грознѣе.

Судя по вздохамъ этихъ черныхъ, горластыхъ, изуродованныхъ трубъ, видно было, что и правая машина скоро прекратитъ свою работу... Вода фонтанами била въ щели и дыры отъ вылетавшихъ заклепокъ въ *непроницаемыхъ* перегородкахъ. Но люди экипажа работали усердно и покорно.

Стонали и жаловались раненые, умирающіе, но уцѣлѣвшіе угрюмо молчали, свято храня доблесть героической дисциплины.

Пока Оверштагъ велъ переговоры съ командиромъ «Тореадора», я спустился внизъ, въ это царство скорби и печали... Для того, чтобы описать то, что тамъ происходило, надо обладать силою таланта и фантазіи великаго Данта.

Вся вторая палуба была буквально завалена человѣческими тѣлами... Нога скользила по лужамъ крови... Искалѣченные, умирающіе конвульсивно ползали въ этихъ лужахъ и корчились въ предсмертныхъ судорогахъ.

Два доктора и нѣсколько человѣкъ санитаровъ не поспѣвали перевязывать и подавать какую-либо посильную помощь. Я попытался было приложить и свой трудъ, но съ непривычки голова моя закружилась, вся кровь отхлынула отъ сердца,—я чувствовалъ, что могу потерять сознаніе,—и едва-едва успѣлъ добраться наверхъ, съ грустнымъ чувствомъ безсилія передъ этою жатвою смерти.

Переговоры нашего подшкипера съ испанскимъ капитаномъ кончились скоро и опредѣленно. Истинные моряки умѣютъ говорить лаконично и быстро, съ полусловъ понимать другъ друга. Выводъ изъ этихъ переговоровъ былъ таковъ:

На палубѣ «Тореадора» находилось 450 ч. цѣлыхъ и легко раненыхъ, 350 тяжелыхъ и 123 трупа.—Эти, конечно, за бортъ.

Машина лѣвая затоплена, правая будетъ затоплена, по разсчету капитана, часа черезъ три, водоотливныя средства на исходѣ... Гребныя суда и паровые катера разбиты и снесены всѣ, ближайшая земля 900 миль... Спасенія для броненосца, для этого, такъ недавно еще полнаго жизни океанскаго страшилища, нѣтъ.

Помѣщенія на «Смолкѣ» едва-ли хватитъ человѣкъ на 200. Если выкинуть за бортъ весь нашъ грузъ, то число это можно удвоить, но разгрузка займетъ много времени, а роковая минута близится неумолимо.

Рѣшено—нашъ гуано за бортъ!

На «Смолкѣ» четыре шлюпки, изъ коихъ только одна 12-ти весельная... Все равно!.. Всѣ на воду и начать немедленно перевозку.

Провизіи на «Смолкѣ» осталось на мѣсяцъ не болѣе, и то на 20 человѣкъ, считая полупорціями.

Взять что можно, съ «Тореадора».

Принять всѣхъ испанцевъ на бортъ нашей шкуны, очевидно, было невозможно.

Оверштагъ предложилъ отдать предпочтеніе здоровымъ, онъ совершенно основательно предполагалъ, что большинство раненыхъ все равно обречено на смерть.

Капитанъ «Тореадора», дружно поддержанный всѣми его подчиненными, рѣшилъ спасать только раненыхъ. Не нашлось ни одного здороваго испанца, который пожелалъ-бы, при такихъ обстоятельствахъ, оставлять палубу «Тореадора».

Оверштагъ началъ было спорить, но я видѣлъ, какъ по его смоленой, изрытой глубокими морщинами щекѣ скользнула слеза, и онъ безнадежно махнулъ рукою.

Теперь «Смолка» держалась всего въ одномъ кабельтовѣ, и можно было переговариваться, не особенно даже возвышая голосъ. Я слышалъ, какъ нашъ шкиперъ распорядился при-

казать открыть всѣ люки трюмовъ, какъ скрипѣли наши ручныя лебедки, видѣлъ, какъ за бортъ одна за другою валились плетеныя корзины нашего груза.

Шлюпки уже начали перевозку. Работа кипѣла... но какая-то странная работа—безъ говора, безъ криковъ, безъ суеты, оглашаемая только стонами раненыхъ.

А сколько акулъ!.. Казалось, со всѣхъ океановъ міра, сюда, именно сюда, собрались всѣ эти зубастыя чудовища!.. Онѣ бѣшено рѣзвились вокругъ обоихъ кораблей, щелкая своими челюстями чуть не у самыхъ бортовъ, занятыхъ печальною работою нашихъ шлюпокъ.

— Мертвые за бортъ!..

Какой-то монахъ въ темнокоричневой рясѣ высунулся въ боковой илюминаторъ до половины своего худого старческаго тѣла, онъ лѣвою рукою держится за что-то, правою, торопливымъ благословеніемъ, провожаетъ покойниковъ...

Очистивъ сколько возможно было мѣста, «Смолка» приняла на бортъ только двѣсти пятьдесятъ раненыхъ съ «Тореадора», обоихъ докторовъ и семь человѣкъ санитаровъ... Патеръ не пожелалъ, ссылаясь на свою обязанность *напутствовать* оставшееся на «Тореадорѣ» большинство.

Вѣтеръ засвѣжѣлъ... Паруса «Смолки» стали выполняться, шлюпки наши были подняты на свои мѣста... Экипажъ шкуны выстроился вдоль борта, обнажилъ головы и, махая шляпами, прокричалъ:

— Да здравствуетъ Испанія!..

Но тутъ случился трогательный эпизодъ: — одинъ изъ испанскихъ офицеровъ, молодой, еще безусый мальчикъ, провожавшій своего раненаго брата, замѣшкался на нашей палубѣ. Онъ выскочилъ на верхъ, когда уже послѣдняя наша лодка была поднята... Онъ молилъ отпустить его къ *своимъ*, грозилъ намъ и даже пробовалъ сопротивляться, но нѣсколько дюжихъ рукъ, по знаку Кильватера, силою удержали его на мѣстѣ.

Ему доказывали, что остался онъ по счастливой для него случайности, что въ этомъ, очевидно, перстъ самаго Провидѣнія, что такъ значитъ угодно Богу и ничто не можетъ потревожить его совѣсти.

А «Смолка» тѣмъ временемъ все уходила и уходила. Разстояніе, отдѣлявшее ее отъ того колоссальнаго желѣзнаго гроба,

со многими сотнями живыхъ существъ, обреченныхъ на смерть, все увеличивалось и увеличивалось.

Испанецъ покорился и молча спустился въ капитанскую каюту къ своему искалѣченному брату.

Мы и успокоились всѣ на его счетъ. Теперь уже большинство нашего экипажа собралось на кормѣ и не спускало глазъ съ мало-помалу удаляющейся громады «Тореадора»... Вдругъ съ нимъ что-то случилось... Густые клубы бѣлаго пара поднялись надъ его палубою, весь его корпусъ будто вздрогнулъ и сталъ быстро опускаться...

И словно сонъ показалось намъ все, что передъ этимъ моментомъ сосредоточивало на себѣ все наше вниманіе.

«Тореадора» больше не существовало... безбрежно разстилался океанъ, съ его свинцовою, медленно дышащею поверхностью...

— Человѣкъ за бортомъ!—раздался тревожный крикъ сторожеваго.

Бросились къ шлюпкамъ... Кильваторъ безнадежно махнулъ рукою.

Акулы не дремали и спасать было некого.

— Экій упрямый испанецъ! — проговорилъ Оверштагъ и сталъ основательно набивать свою трубочку.

Первый день нашего печальнаго плаванія мы провели въ распросахъ и разговорахъ съ нашими новыми пассажирами. Оказалось, что американскій флотъ, состоящій изъ 12-ти первоклассныхъ броненосцевъ и 8-ми крейсеровъ подъ командою адмирала Іофана, нашелъ наконецъ въ океанѣ такой же приблизительно силы флотъ испанцевъ, подъ командою адмирала дона Хозе,—что испанскіе миноносцы, ловко пользуясь ночною темнотою, обошли боевую линію своихъ противниковъ и неожиданно атаковали его транспорта, пустивъ ихъ ко дну, что въ ту-же ночь и ихъ транспортныя, вспомогательныя суда потерпѣли туже печальную участь, вслѣдствіе тождественнаго маневра американцевъ, что въ слѣдующую ночь боевыя эскадры сошлись и вступили въ бой другъ съ другомъ, въ которомъ безспорно побѣда склонилась на сторону стараго льва Кастиліи, такъ какъ «Тореадоръ» остался единственнымъ свидѣтелемъ гибели всѣхъ остальныхъ судовъ обоихъ флотовъ. Наука разрушенія и насилія обогатилась новыми весьма доказательными фактами, а именно:

Непроницаемыя переборки — проницаемы; непробиваемыя брони—пробиваемы; непотопляемыя суда—потопляемы... Транспортные же и вспомогательные суда взаимно уничтожать опрометчиво.

Пароходъ добровольнаго флота «Святитель Николай» замѣтилъ въ океанѣ шлюпку въ безпомощномъ состояніи. Конечно, эта шлюпка была поднята на бортъ парохода. Въ ней оказалось двое живыхъ, но совершенно истощенныхъ пассажировъ и три трупа.

По приведеніи въ чувство живыхъ оказалось, что они со шкуны «Смолка», что эта шкуна три недѣли тому назадъ была свидѣтельницею боя двухъ враждующихъ флотовъ, что она рискнула принять непосильный для нея грузъ изъ нѣсколькихъ сотъ раненыхъ, которые быстро одинъ за другимъ умирали, отъ недостатка дезинфекціи, духоты, пищи и питья, что провизіи хватить не могло и что на ея палубѣ розыгрались такія страшныя сцены, передъ которыми должны поблѣднѣть ужасы гибели «Медузы» и «Экцельсіора». Несчастная шкуна потерпѣла вдобавокъ сильную аварію отъ двухъ штормовъ подрядъ и, наконецъ, съ совершенно истощенными, не могущими управляться остатками экипажа налетѣла на рифы и разбилась въ дребезги...

Еще за два дня до своей гибели, «Смолка» видѣла, въ четырехъ миляхъ отъ себя, большой купеческій пароходъ и подавала ему сигналы бѣдствія, прося помощи, но, увы! пароходъ шелъ подъ англійскимъ флагомъ, а потому и прошелъ мимо, не обращая вниманія на подаваемые сигналы.

Эти спасенные пассажиры «Смолки» были юнга Кнотикъ и я, вашъ покорный слуга, котораго судьба сохранила, вѣроятно, для того, чтобы быть свидѣтелемъ величайшаго акта человѣколюбія,—высшаго проявленія гуманизма, о которомъ я и разскажу вамъ въ слѣдующемъ или по крайней мѣрѣ ближайшемъ разсказѣ.

Въ Шербургѣ.

Телеграфныя проволоки всѣхъ концовъ міра, надземныя, подземныя и подводныя, быстро разнесли страшную вѣсть о гибели двухъ враждующихъ флотовъ. По мѣсту сраженія,—на

меридіанѣ острова Феро, бой этотъ рѣшили называть меридіональнымъ.

Разсказы двухъ, спасшихся чудомъ, пассажировъ «Смолки» такъ были ужасны, если можно такъ выразиться, такъ полны потрясающаго трагизма, что самыя пылкія фантазіи репортеровъ и корреспондентовъ ничего не могли прибавить къ нимъ еще болѣе ужаснаго.

Отовсюду посланы были легкія развѣдочныя суда на мѣсто катастрофы, но суда эти ничего не могли сообщить новаго, потому что глубина океановъ этихъ пунктовъ неизмѣрима, а самъ океанъ упрямо не выдаетъ своихъ тайнъ, неподкупенъ и безпристрастенъ...

Тысяча семействъ облеклись въ глубокій трауръ. Милліоны человѣческихъ сердецъ тоскливо сжались отъ состраданія и скорби, милліоны квадратныхъ метровъ батиста промокли отъ слезъ, но за то и милліоны мыслящихъ головъ занялись изобрѣтеніемъ средствъ возможно парализовать, на будущія времена, повторенія такихъ ужасныхъ бѣдствій.

Казалось, что лучшимъ, радикальнымъ, такъ сказать, средствомъ, было-бы отказаться отъ войнъ вообще, или по крайней мѣрѣ отъ морскихъ войнъ въ особенности, но это средство, по здравому обсужденію, найдено пока преждевременнымъ.

Стали повсюду собираться митинги, ферейны, съѣзды и сходки—печать заработала во всю, и наконецъ, въ массѣ всевозможныхъ проэктовъ и предложеній ярко выдвинулось одно, разомъ завоевавшее общія симпатіи—это средство было предложено Россіей, къ ея голосу первая присоединилась, конечно, Франція, за нею понемногу всѣ остальныя державы, даже Сіамъ и республика С. Морино; не присоединились только Англія и княжество Монако—первая потому, что пожелала остаться при особомъ мнѣніи, а второе такъ было занято внутренними осложненіями въ царствѣ рулетки, что просто прозѣвало всѣ текущія событія.

Въ чемъ же заключалось это средство, читатели ознакомятся основательно, прочтя слѣдующую корреспонденцію изъ Шербурга.

Шербургъ, 30 мартобря.

Нашъ портовой городъ неузнаваемъ... его населеніе, временно конечно, увеличилось по крайней мѣрѣ въ тысячу разъ,

давно уже не хватило помѣщенія для пріѣзжихъ гостей. Всѣ углы, всѣ крытыя каморки, сараи, пакгаузы, сторожевыя будки, баржи, стоящія на якоряхъ, все было занято пріѣзжими иностранцами, а поѣзда и пароходы прибывали ежечасно, подвозя новыя и новыя толпы туристовъ и любопытныхъ. Становились просто бивуаками на площадяхъ и улицахъ, даже на крышахъ, но несмотря на такой съѣздъ, всюду царилъ образцовый порядокъ, ибо всѣ были настроены умиленно и торжественно. Еще-бы!.. Завтра, ровно въ полдень должна сняться съ якоря и выйти въ море соединенная международная эскадра— «Мира и утоленія скорби и печали». Названіе это хотя и грѣшило немного длинnотой, но за то оно вполнѣ опредѣляло ея назначеніе и было принято на послѣднемъ собраніи единогласно.

Всѣ суда, входящія въ составъ этой эскадры, собрались въ Шербургъ и стройно вытянулись на его рейдѣ. Предложеніе Россіи наконецъ осуществилось: оно заключалось въ томъ, чтобы каждое государство соорудило, пока, на первое время довольно, только по одному громадному пароходу, типа океанскихъ транспортовъ вродѣ «Колумбіи», даже еще больше, если только возможно. Кромѣ экипажа, необходимаго для управленія судномъ, на немъ должны были находиться полные медицинскіе и санитарные персоналы, превосходно устроенныя больничныя помѣщенія, залы для перевязокъ и операцій, обильные склады медикаментовъ и аптеки. Мѣста было довольно, ибо на этихъ судахъ не допускалось ни одного орудія боя, ничего даже, что бы могло напомнить о смерти, а значитъ ни крюйкамеръ, ни кладовыхъ для смертоносныхъ минъ и никакихъ товарныхъ грузовъ, а только больные, страждущіе и все то, что для такой высокой цѣли признано необходимымъ.

Эскадра выступаетъ подъ флагомъ золотаго креста. Этотъ флагъ состоитъ изъ голубаго діагональнаго креста на бѣломъ фонѣ, а поперекъ его прямой крестъ изъ золотой парчи. Надо замѣтить, что этотъ флагъ утвержденъ и принятъ въ честь русской иниціативы въ такомъ святомъ дѣлѣ. Кромѣ того, каждое судно имѣло на кормѣ и свой національный флагъ.

Всѣ суда этой эскадры подчинены распорядительному комитету, находящемуся въ полномъ составѣ на флагманскомъ суднѣ «Жены мироносицы» (пароходъ съ русскимъ флагомъ на кормѣ),—отсюда идутъ всѣ назначенія и распоряженія.

Обязанность судовъ эскадры золотаго креста состоитъ въ томъ, чтобы, сопровождая флоты воюющихъ державъ, быть въ полной готовности оказать помощь, при катастрофахъ спасать утопающихъ, принимать на свои борта больныхъ и раненыхъ, безъ разбора воюющихъ сторонъ. Всѣ попавшіе на палубу подъ золотымъ крестомъ считаются исполнившими уже свой долгъ и свободными до окончанія войны отъ какихъ-либо, самыхъ патріотическихъ даже, обязанностей; ни въ какомъ случаѣ они не считаются военноплѣнными. Больные и раненые находятся подъ покровительствомъ золотаго креста до полнаго исцѣленія, здоровые могутъ быть высажены на берегъ, на мѣстѣ наиболѣе удобномъ для возвращенія на родину, причемъ они снабжаются свидѣтельствами, освобождающими ихъ отъ призыва вновь на службу до окончанія войны.

Всѣ націи, даже воюющія, обязаны полнымъ уваженіемъ къ нейтралитету флага золотого креста. Всякое враждебное дѣйствіе или насиліе, въ какой бы ничтожной формѣ оно ни проявлялось, хотя бы въ дѣлѣ таможенныхъ осмотровъ и задержекъ въ морѣ ради опроса и провѣрки документовъ, возбранялось строго.

Нападеніе же на такое священное судно прямо лишало нападавшаго покровительства законовъ. Обидчикъ признавался за пирата, для него запирались всѣ порты, и каждое военное судно имѣло право перевѣшать экипажъ разбойника на его же собственныхъ реяхъ.

Мѣшать правильному бою суда золотого креста не имѣли права, передавать какія-либо свѣдѣнія также, они должны были поспѣвать во время всюду, гдѣ ихъ гуманная помощь была необходима.

Въ мирное время эскадра «утоленіе скорби и печали» не расформировывалась, ибо и въ мирное время плаваніе въ моряхъ и океанахъ чревато бѣдствіями, а потому представляетъ обширное поле дѣятельности для благотворительности и милосердія.

Сформированіе одного такого судна, его снаряженіе и расходы по плаванію, конечно, не могли лечь очень уже тяжелымъ бременемъ на бюджетъ какого-либо государства; при этомъ вѣдь широко допускалась и частная благотворительность, кромѣ казеннаго кармана, но пока рѣшили ограничиться

только однимъ судномъ отъ каждаго государства—и все-таки шербургская эскадра оказалась весьма внушительною по численности. Хотя англійское правительство и на-отрѣзъ отказалось участвовать въ этой благой конвенціи, но англійское общество сформировало отъ себя громадный пароходъ, назвало его «Гладстономъ» и испросило себѣ право присоединится къ святому начинанію.

Оффиціальная же Англія на запросы любопытныхъ, почему это ей такъ претятъ всѣ общенародныя благія начинанія, отвѣчала черезъ свои органы печати, что по ея мнѣнію истинная государственная политика должна быть чужда всякой сантиментальности, что личная ея польза, и только личная, должна быть всегда на первомъ планѣ, «Англія только для самой Англіи», а что относительно боевыхъ катастрофъ, то ей опасаться нечего, она станетъ увеличивать постепенно свой боевой флотъ и введетъ въ свою тактику—нападать не иначе, какъ втроемъ на одного, избѣгать столкновенія при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не подвергаться риску бомбардировать береговыя батареи и крѣпости непріятеля, а осыпать ядрами только города незащищенные и брать съ нихъ контрибуцію. Что же касается до гуманитарныхъ цѣлей, то Англія не отказывается съ своей стороны быть отзывчивою, но только въ томъ случаѣ, когда она, поссоривъ изъ своихъ выгодъ два государства и втянувъ ихъ въ войну, пожелаетъ и даже обнаружитъ живѣйшую готовность способствовать заключенію мира между воюющими, конечно, за приличное съ обѣихъ сторонъ вознагражденіе.

Для перваго дебюта каждое государство, конечно, пожелало отличиться, и вся эскадра, «утоленія скорбей и печалей» являлась колоссальной международною выставкою гигіеническаго и санитарнаго благоустройства, военной техники и блестящей внѣшности. Эта величественная линія громадныхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ кораблей, представляла собою грандіозную картину...

Трубы пароходовъ извергали густые клубы дыма и пара, эскадра вѣдь готова была къ отплытію при первомъ сигналѣ... Сотни украшенныхъ флагами и цвѣтами пароходовъ сновали отъ пристаней на рейдъ и обратно, развозя любопытныхъ и представителей разныхъ корпорацій и учрежденій. У главной

пристани снаряжены были большіе частные пароходы, для желающихъ провожать бѣлую эскадру куда-нибудь подальше. Билеты на эти пароходы брались съ боя и за баснословную цѣну.

Торжественный моментъ отплытія приближался. А погода стояла превосходная. Солнце свѣтило особенно ярко, поверхность моря была покойна, какъ зеркало. Золотые кресты сверкали на голубомъ фонѣ синяго весенняго неба...

Ждали сигнальнаго выстрѣла...

Берега рейда, крыши домовъ Шербурга, его крѣпостные верки и длинныя дамбы были сплошь усѣяны зрителями... всѣ затаили дыханіе, не спуская глазъ съ этого чуднаго зрѣлища... Всѣ ждали сигнала... и... почему-то особенно тихій, едва донесшійся звукъ этого сигнальнаго выстрѣла, съ крайняго, самаго отдаленнаго форта, заставилъ разомъ всѣхъ обнажить свои головы...

Да благославитъ васъ Богъ! Въ добрый часъ!

БЛОКГАУЗЪ «ЧЕРВЛЕНЪ АСКЕРЪ».

I.

По дорогѣ, ведущей изъ Туртукая въ болгарскую деревню Червный-солникъ, ѣхалъ въ двухколесной телѣжкѣ, запряженной одною лошадью, болгаринъ Фома Шумовъ.

Это было въ недавнее смутное, тяжелое для болгаръ время, когда путешествовать по дорогамъ было далеко не безопасно не только для болгаръ, но даже и для прочихъ христіанъ, къ какой бы національности они не принадлежали, хотя бы съ того берега, иностранцами они были...

Каждый день доносились съ разныхъ пунктовъ путей сообщенія вѣсти о найденныхъ убитыхъ, раненыхъ, ограбленныхъ, а кѣмъ,—неизвѣстно!.. Болгары знали, что виновниками этихъ безчинствъ были турки, преимущественно иррегулярная, военная сволочь, которой въ послѣднее время порядочно нагнали въ эти мѣста;—они, то есть болгары, знали виноватыхъ и молчали,—ибо высказываться вслухъ въ подобномъ родѣ было очень рисковано. Турецкія власти тоже отлично знали виновныхъ и умалчивали о нихъ тоже, но по совсѣмъ другимъ причинамъ: для турецкихъ властей было гораздо удобнѣе сваливать всю вину на болгаръ: — «это, молъ, все болгары безчинствуютъ;— наградилъ же Аллахъ его величество падишаха такими безпокойными подданными!..»

Иностранные консулы въ городахъ, собирая отъ турецкихъ властей свѣдѣнія о безпорядкахъ для доклада своимъ правительствамъ, удивлялись только, что это за странный выборъ у

болгаръ-разбойниковъ исключительно самихъ себя рѣзать... но ихъ сомнѣнія разсѣивались разомъ только что полученнымъ отъ туртукайскаго «вали» извѣстіемъ о зарѣзанномъ турецкомъ солдатѣ значитъ, кто же виноваты какъ не болгары?!.

Правда, что этотъ турецкій солдатъ зарѣзанъ былъ еще годъ тому назадъ, при обстоятельствахъ, весьма сомнительныхъ, слѣдственнымъ путемъ нераскрытыхъ; но самое донесеніе о фактѣ тщательно береглось, какъ улика противъ болгаръ, и каждый разъ, съ переправленнымъ числомъ и мѣсяцемъ, появлялось для поддержки отзыва турецкихъ властей...

Мнимые болгары-разбойники даже въ дальнихъ деревняхъ появлялись, иногда даже среди бѣлаго дня, оставляя кровавые слѣды своихъ посѣщеній. Несчастные жители деревень съ оглядкою работали на своихъ поляхъ, съ оглядкою пасли свою скотину, съ оглядкою сбирались по воскресеньямъ въ приходскую церковь, съ оглядкою даже жили въ своихъ чистенькихъ домикахъ, боязливо выглядывая изъ щелей запертыхъ ставней на улицу при каждомъ подозрительномъ топотѣ копыта по пыльной, проѣзжей дорогѣ. Понятно, что путешествовать на болѣе дальнія разстоянія, при такихъ обстоятельствахъ между болгарами находилось очень мало охотниковъ и только крайняя безъисходная нужда заставляла ихъ пускаться въ такое рискованное путешествіе.

Родные и знакомые съ плачемъ, съ причитаніями и молитвами провожали до околицы такого подневольнаго путешественника, съ нимъ прощались какъ съ покойникомъ,— а тотъ и самъ готовился къ смерти, распоряженія дѣлалъ, исповѣдывался у попа и причащался.

Тяжелое время переживало тогда все болгарское населеніе Балканскаго полуострова...

И вотъ въ этакое-то именно время и ѣхалъ по дорогѣ въ Червный-солникъ болгаринъ Фома Шумовъ.

У Фомы Шумова было еще имя, другое; звали его также Алли-Иссa-бекъ... Для турокъ онъ былъ помакъ-мусульманинъ, для болгаръ—христіанинъ. Съ турками онъ ходилъ въ мечеть и даже ученикомъ моллы-Решада считался. Въ большіе праздники его всегда видѣли въ первыхъ рядахъ въ христіанской церкви, гдѣ онъ набожно творилъ крестное знаменіе и усердно

лѣпилъ тоненькія свѣчки изъ желтаго воску къ старымъ, точенымъ изъ дуба паникадиламъ.

Фому Шумова или Алли-Исса-бека знали въ каждой турецкой канцеляріи—онъ велъ дружбу съ командирами таборовъ съ черкескимъ бимъ-башею Джемилемъ, зналъ на перечетъ всѣхъ заптіевъ, поставлялъ низаму фуражъ по черезъ-чуръ дешевымъ цѣнамъ, подписывая въ качествѣ продавца покупочныя свидѣтельства на товаръ, котораго онъ самъ, продавецъ, и въ глаза не видалъ,—онъ первый сообщалъ кому слѣдуетъ обо всемъ, что творилось кругомъ; однимъ словомъ, былъ человѣкъ полезный, для котораго смутное время не представлялось чѣмъ-то гнетущимъ, тяжелымъ, а уподоблялось мутной водѣ съ удобствами для рыбнаго улова.

Онъ ухитрился и между болгарами не вызывать къ себѣ подозрѣній, энергично защищалъ ихъ на турецкихъ судьбищахъ, выручилъ Ношу-Бѣллова изъ тюрьмы, совершилъ еще нѣсколько гражданственно-патріотическихъ подвиговъ, а вообще заслужилъ между своими репутаціи человѣка, къ которому надо относиться если не съ глубокимъ уваженіемъ, то во всякомъ случаѣ съ нѣкоторымъ подчинительнымъ страхомъ, заставлявшимъ болгаръ снимать при встрѣчѣ съ Фомою Шумовымъ свои черныя барашьи шапки и привѣтствовать его словами: «здоровъ будь, Фома! Богъ надъ тобою!»

Фома на груди, за чапакомъ, носилъ замшевый мѣшочекъ съ турецкими золотыми лирами и еще бумагу одну, всю исписанную кудреватыми турецкими письменами, съ хитросплетенною печатью внизу и подписомъ самого вали туртукайскаго; ему стоило только показать эту бумагу въ опасную минуту, какъ та-же рука, что только что цѣлилась въ него изъ пистолета, прятала оружіе за поясъ и почтительно, со словами: Селямъ-Алейкюмъ-бей, прикладывалась ко лбу и къ сердцу...

— Алейкюмъ-Селлямъ! — отвѣчалъ тогда Фома Шумовъ; дабы не показать страха, дружески перекидывался двумя тремя фразами съ тѣмъ, кто хотѣлъ было воспользоваться его кошелькомъ и конемъ,—и, не торопясь, трогалъ возжами свою высокую, рыжую кобылу...

Солнце давно уже за полдень перевалило. По небу неслись легкія бѣлыя облака, отбрасывая на равнину свои бѣгучія тѣни.

*

Прохладный вѣтерокъ дулъ съ лѣвой стороны, гдѣ далеко, почти на самомъ горизонтѣ, виднѣлась свѣтлая полоса Дуная. Между рѣкою и дорогою широко раскидывалась низменная долина съ своими невылазными, поросшими камышемъ, топями и болотами, отдѣльными озерками, затонами. Кое-гдѣ торчали растрепанныя, приземистыя ивы, а на деревьяхъ неприметно уже чернѣлись косматыя гнѣзда аистовъ. Долгоногіе хозяева этихъ гнѣздъ мирно бродили по зеленой тинѣ болотъ, или задумчиво, стоя на одной ногѣ, неподвижно торчали, словно неживыя существа, а изваянія какія-то. Стаи утокъ и гусей неслись вереницами, съ шумомъ и плескомъ опускаясь на воду. Пронзительно вскрикивали въ воздухѣ чайки-рыболовы. На песчаныхъ, голыхъ накосахъ взапуски бѣгали крохотные кулички, словно разсыпанное мелкое серебро сверкая на солнцѣ, на темно-желтомъ фонѣ мокраго песку. Гдѣ то очень далеко синяя струя дыма поднималась. Большой, Богъ знаетъ какъ забредшій сюда, буйволъ залегъ въ тину, одна только черная косматая голова его видна съ откидистыми тяжелыми рогами; птичка зеленая усѣлась на этой головѣ и долбитъ ее носикомъ, разыскивая тамъ паразитовъ...

Справа голые, пустынные, необработанные холмы поднимаются,— постепенно переходя въ такой же оголенный, каменистый кряжъ... Нигдѣ не видно жилья, нигдѣ не видно человѣка, — ничего его напоминающаго. Пуста и безлюдна дорога сзади,—пуста и впереди... Слѣдъ за телѣжкою Фомы Шумова прокладывается свѣжій, единственный... Прядетъ ушами его рыжая кобыла,—идетъ словно упирается, словно чуетъ кого-то. Зорко посматриваетъ по сторонамъ помакъ, даже привсталъ на телѣжкѣ и руку козырькомъ сдѣлалъ отъ солнца.

— Ну, самъ Инглизъ виноватъ будетъ, если прозѣваетъ, а съ моей стороны дѣло сдѣлано,— проговорилъ онъ про себя, пошевеливая возжами...— Самъ Инглизъ виноватъ будетъ... Я одинъ что могу сдѣлать?!.

Проѣхалъ онъ еще съ полверсты; сдерживая лошадь, остановился, трубочку закурилъ... Долго возился съ огнемъ на вѣтру... Слѣзъ, телѣжку обошелъ, осмотрѣлъ, упряжь потрогалъ руками, согналъ двухъ упившихся оводовъ съ брюха своей лошади. Похрапываетъ кобыла, ноздри раздуваетъ, а никого не видать...

Только снова тронулся въ путь Фома,— заржала рыжая... чу! и ей отозвалось легкое ржаніе, — справа изъ небольшого оврага...

— Ишь вѣдь куда они засѣли!—подумалъ Фома и посвисталъ какъ-то особенно...

Высунулась, словно изъ-подъ земли, красная феска и черная курносая морда съ оскаленными зубами, поманила рукою Фому и спряталась... Помакъ слѣзъ съ телѣжки, притянулъ возжею морду своей кобылы къ концу оглобли, чтобы не испугалась чего, да не подхватила, и не торопясь пошелъ къ оврагу.

Тамъ, на самомъ днѣ балки, стоятъ три лошади, осѣдланныя, и двое людей сидятъ:—одинъ черный, негръ, въ красной фескѣ, въ бѣломъ парусинномъ пиджакѣ, въ замшевыхъ штиблетахъ на ногахъ, съ пуговками; у пояса два револьвера и ножъ съ роговымъ черешкомъ, а другой турокъ, въ солдатской, регулярной, кавалерійской формѣ...

— Ишь, вы гдѣ засѣли! — выругался Фома Шумовъ; — эдакъ и мимо проѣхалъ бы я, когда бы лошадь не заржала.

— А то гдѣ сидѣть?!—тоже выругался кавалеристъ.—На виду, по твоему!.. Здѣсь, вѣдь, за двѣ версты все видно; повернулъ-бы тотъ, кого ждемъ, поди послѣ гоняйся.

— Мистеръ Джэмсъ-Говардъ сказалъ мнѣ, — заговорилъ негръ Дикъ, — надо, чтобы вы къ ночи вернулись... Мистеръ Джэмсъ-Говардъ сказалъ; значитъ, надо непремѣнно вернуться къ ночи.

— А это какъ придется! —задумчиво произнесъ Фома Шумовъ,—какъ придется...

— Да, поѣдутъ-ли *они*,—недовѣрчиво спросилъ турокъ;— теперь они всѣ прячутся... не любятъ въ одиночку высовывать носы. Джемилъ, бимъ-баши, третьяго дня ночевалъ въ Червленъ аскерѣ, жаловался инглизу, что совсѣмъ опустѣли дороги...

— Поѣдутъ! — увѣренно произнесъ помакъ, — поѣдутъ! Давно уже у насъ *покойно*, близко ничего не слышно было; я *ему* писалъ, чтобы ѣхалъ и записку охранную выслалъ Рустемъ, секретарь вали, подписалъ—поѣдетъ!..

— А какъ, *одинъ* поѣдетъ?

— Что ему одному ѣхать!.. незачѣмъ! Возьметъ и ее съ собою. Для этого и поѣдетъ...

— А вотъ не видать-же!

— Увидите...

— Мы здѣсь съ почи ждемъ. Лошадей пельзя на траву пустить, замѣтно; все на приколахъ держимъ, а имъ тоже ѣсть надо: живая скотина, отощать можетъ—шутка-ли, восемь часовъ сюда гнали...

— Что-же не взяли ячменю. Недорогъ, вѣдь, онъ вамъ обходится... Взяли бы мѣшечекъ...

— Не додумались... полагали скоро вернемся. А то бы почему не захватить.

— Мистеръ Джэмсъ-Говардъ приказалъ, чтобы непремѣнно къ вечеру.

— Эка ему не терпится!.. Вотъ посмотрю, какъ онъ торопиться будетъ деньги мнѣ платить.

— Смотрю я на тебя, Исса-бекъ,—заговорилъ, помолчавъ немного, турокъ-кавалеристъ. — Какъ это, дивлюсь, тебя еще свои не повѣсили... знаешь, эдакъ, за шейку ремешкомъ, а то хоть и просто веревочкою.

— Дивиться я буду, какъ это тебя будутъ палками дуть въ Блокгаузѣ, когда я пожалуюсь инглизу на тебя за такія рѣчи, — поблѣднѣвъ отъ злости, заговорилъ въ отвѣтъ Али-Исса-бекъ.

— Шучу, вѣдь!

— Шути иначе... Смотри туда... Тамъ вонъ ложбиною, гдѣ идетъ дорога, отсюда не видно ея—я тамъ съ телѣжною ожидать буду, а вы здѣсь стойте... Если увидите телѣгу, не мою конечно, не трогайтесь съ мѣста, пока я, на тотъ холмъ не выѣду. Слышите-же... Не хочу я, чтобы вы на моихъ глазахъ старику горло рѣзали. Понимаете?..

— Что не понять...—угрюмо отвѣтилъ кавалеристъ.— Не нашелъ проклятый инглизъ кого другого вмѣсто меня послать на это дѣло... Такого, чтобы этому чернышу былъ подъ пару...

— Въ непривычку что-ли?.. — презрительно сжалъ губы помакъ, затягивая покрѣпче свой поясъ.

— А можетъ и въ непривычку

— Мнѣ все равно... Мистеръ Джэмсъ-Говардъ приказалъ... Масса-Говардъ, когда мы въ Испаніи у Донъ-Карлоса были, не то мнѣ еще приказывалъ... Я дѣлаю... а Богу отвѣчать будетъ Масса—по его приказанію дѣлаютъ руки Дика.

И негръ, засмѣявшись, вытянулъ, растопыривъ обѣ свои

черныя руки, на каждой изъ которыхъ симетрично не доставало по одному пальцу...

— Давай огня!..

Фома Шумовъ протянулъ кавалеристу свою докуренную, но еще дымящуюся трубочку.

— Правда-ли, говорятъ,—заговорилъ, улыбаясь, турокъ,— что у тебя уже больше десяти тысячъ лиръ накоплено?.. Скажи мнѣ по дружбѣ, гдѣ ты прячешь свое золото?..

Помакъ промолчалъ на эту выходку... отошелъ нѣсколько шаговъ по направленію къ своей повозкѣ, и, обернувшись, кивнулъ Дику-негру.

— Скажи Массѣ Говарду, что я послѣ завтра самъ къ нему заѣду — онъ уже знаетъ зачѣмъ. Такъ смотрите-же, дѣлайте, какъ я сказалъ... Пока не покажусь на томъ бугрѣ, не высовывайте носу.

— Знаемъ!—отозвался голосъ турка-кавалериста...—сообразили—нехитро вѣдь!..

— Такъ вотъ... выѣхали мы изъ Каира... Тамъ большая рѣка Нилъ... больше Дуная вашего будетъ... — продолжалъ негръ свой разсказъ, прерванный появленіемъ Фомы Шумова.

— Послушай, ты говорилъ, что крокодилъ можетъ съѣсть разомъ цѣлаго буйвола?..

— Можетъ... Не только буйвола—крокодилъ разъ драмодера утянулъ въ воду за ногу... я самъ видѣлъ...

— Аллахъ великъ! — вздохнулъ онъ; — все сотворить можетъ. Аллахъ и великаго падишаха сотворилъ и вотъ такую черную свинью, какъ ты...

— И такого ишака глупаго, какъ ты... — обидѣлся было за сравненіе слуга инглиза.

— Ну, продолжай... такъ что же; выѣхали вы съ господиномъ изъ Каира... дальше то что-же?..

. . . . . .

По дорогѣ, тѣмъ временемъ, пара здоровыхъ буйволовъ тащила телѣгу съ парусиннымъ тентомъ. На передкѣ телѣги сидѣлъ старикъ, смуглый, загорѣлый, длинные сѣдые усы его висѣли ниже ворота бѣлой, холщевой рубахи, сѣдые же волосы, прямыми космами выбивались изъ-подъ черной шапки; вышитая по воротнику рубаха, такая же какъ и наша малороссійская,

заправлена была въ широкія, турецкія, темно-синія шаровары, поддерживаемыя на бедрахъ тяжелымъ кожанымъ поясомъ, съ металлическими оковками, на поясѣ кисетъ съ табакомъ и трубка, за поясомъ заткнутый однимъ концомъ красный набойчатый платокъ для вытиранія лица и носа... Старикъ сидѣлъ на облучкѣ сгорбившись, лѣниво помахивая кнутомъ на буйволовъ, отмахивающихся на ходу своими хвостами отъ мріадъ назойливыхъ оводовъ и большихъ зеленыхъ мухъ, съ разлета щелкающихся о парусину телѣжнаго навѣса.

Тамъ, подъ навѣсомъ, лежала красивая дѣвушка лѣтъ семнадцати, закинувъ обѣ руки за голову. Дѣвушка по костюму болгарка-простолюдинка... Она то дремала дорогою отъ скуки, то, просыпаясь, заговаривала съ отцомъ, откидывала по временамъ полу навѣса, выставляла на солнце свое хорошенькое, нѣсколько худощавое личико и каждый разъ при этомъ говорила:

— Ахъ какая скучная, какая длинная дорога!.. Батько, а батько, скоро ли доѣдемъ?

И каждый разъ батько ей отвѣчалъ, періодически уменьшая число сатовъ *).

— Три сата и пулъ—то и достачнемо, дочка милая **)... Ты бы «заснула», Анна!

— Не спится, батько, и тяжело какъ-то мнѣ, томно на сердцѣ. Все мнѣ недоброе что-то чудится...

— А то-жъ дурь въ головѣ, оттого и чудится... А ты Богу молись... У меня бумага есть, вѣрная... съ этою бумагою и недобрые люди, не приведи Господь встрѣтиться, не тронутъ. Пріѣдемъ въ городъ, хорошо тебѣ жить будетъ, у консула въ нянькахъ—консулъ уже тогда тебя никому не дастъ въ обиду; и намъ старикамъ спокойнѣе будетъ, все меньше думы на сердцѣ. Мы съ мамою старухою никому не нужны, на насъ ни у кого глаза не разгорятся, а о тебѣ и днемъ, и ночью безпокоимся... Шустра ты очень стала, всѣмъ на глаза суешься. На тебя и инглизъ глаза таращилъ, и всякій чужой, кто только увидитъ, смотритъ по волчьи. Вотъ и тотъ венгерецъ, что здѣсь шляется тоже... Напрасно ты съ нимъ тогда долго

---

*) Часовъ.

**) Еще три съ половиною часа ѣзды—и доберемся.

разговаривала... Мы вѣдь съ матерью видѣли... напрасно!.. не свой человѣкъ, чужой... И Симко-женихъ говоритъ: напрасно... Времена теперь нехорошія, неспокойныя, а у консула тебя никто не тронетъ... жаль только вотъ, что консулъ не русскій, а то совсѣмъ хорошо было бы...

— Батько... А венгерецъ Михаилъ... Онъ мнѣ сказалъ, его Михаиломъ зовутъ... Онъ добрый, красивый, молодой... онъ худа не сдѣлаетъ... Онъ мнѣ говорилъ, что у него мама есть на родинѣ, а батьки нѣту... померъ...

— Не человѣкъ тотъ, кто по чужимъ землямъ шатается, не христіанинъ добрый, кто султану служитъ.

— Что же такое, что служитъ: султану всѣ служатъ — султану и мы подати платимъ...

— Не своей волею только, а *тотъ*... напрасно ты съ нимъ разговаривала, напрасно и...

Махнулъ старикъ кнутомъ по буйволовымъ спинамъ и не договорилъ конца своей рѣчи.

— Что же, батько, остановился?!—приподнялась на локтѣ дѣвушка и пристально посмотрѣла ему въ глаза... — что же, батько, не договариваешь, что такое «еще напрасно?..»

— Мать видала, говорила,—я не знаю, можетъ и неправда то, можетъ, и померещилось...

— Нѣтъ, правда. Я поцѣловала его... Я крѣпко поцѣловала его... Такъ, просто, взяла, обняла руками за шею и поцѣловала! А зачѣмъ я сдѣлала это и сама не знаю... потянуло меня къ нему, я и сдѣлала...

— Недобро дѣвкамъ съ мужчинами цѣловаться,—угрюмо проворчалъ старый батько...

— Знаю... а не могла... и опять увижусь, и опять поцѣлую... Мнѣ сердце что велитъ, то и сдѣлаю, а сердце у меня говоритъ, что «Михо» человѣкъ добрый, онъ не обманетъ, не насмѣется надъ дѣвушкою...

— Въ жены возьметъ... по-христіански повѣнчается... такъ что-ли?—усмѣхнулся батько.

Дѣвушка промолчала и задумалась. Телѣга, скрипя немилосердно своими немазанными осями, поднялась на отлогій берегъ, за которымъ разстилалась безконечно широкая, ярко зеленая, сверкающая своими обильными водами, береговая низменность Дуная...

Стукотня колесъ ѣдущей навстрѣчу, невидимой еще за бугромъ повозки, заставила старика осторожно вглядываться впередъ и даже прикрыть ширинкою полукруглое переднее отверстіе навѣса: «зачѣмъ, молъ, постороннему глазу видѣть, какую кладь везетъ телѣга».

Изъ лощины показалась рыжая съ бѣлою лысиною голова кобылы Фомы Шумова.

— Здравствуй, Кириллъ!—привѣтствовалъ помакъ...—Получилъ мое письмо, значитъ?

— Получилъ... Спасибо, Фома! — приподнялъ шапку Кириллъ. —Не чаялъ тебя встрѣтить дорогою. Письмо пришло отъ тебя, трехъ дней нѣту, думали — самъ, значитъ, нескоро будешь...

— Дочку везешь?

— А тутъ она!.. Какъ-же... везу! Спасибо тебѣ великое за хлопоты твои... спасибо! Анна дѣтей любитъ, она хорошая нянька будетъ... И намъ добро... заботы меньше... Мать глупая—печалится, она не понимаетъ.

— Баба понять не можетъ,—потупился Фома Шумовъ.—Просилъ меня консулъ: «найди», говоритъ, а я ему говорю: «есть такая, какъ разъ подходящая». Написалъ вонъ тебѣ...

— Спасибо! Ты къ намъ ѣдешь, въ Червный-Долъ, или куда въ другое мѣсто?

— А къ вамъ пока; дѣло есть!..

— Ну, прощай, еще разъ большое спасибо... Пріѣдешь—заходи къ моей старухѣ, будь милостивъ — скажи, что вотъ встрѣтилъ насъ, ѣдемъ благополучно... Ночевать въ Луковѣ будемъ, а завтра, пошлетъ Богъ, до полудня въ городъ прибудемъ... Прощай!..

— Прощай!..

Смутно на душѣ у помака-предателя, самъ и не глядитъ въ очи старику, сбрую будто поправляетъ.

— Богъ надъ тобою въ пути твоемъ да будетъ,—кричитъ отъѣхавъ немного Кириллъ старый...

Хотѣлъ и Фома также отвѣтить, да горло у него перехватило, языкъ одеревенѣлъ, не ворочается.

Тронулъ онъ кобылу рыжую, а самъ смотритъ впередъ на эту лысую вершину бугра—по самой этой вершинѣ идетъ дорога, какъ только онъ на нее взъѣдетъ, такъ сейчасъ...

Страшно стало Фомѣ Шумову, и, чудное дѣло! Вѣдь не разъ ему приходилось кривить душою и словомъ, не мало уже по его извѣтамъ да тайнымъ наговорамъ пострадало народу, а вотъ теперь, страшно — и совѣсть заговорила и деньгамъ онъ англизовымъ, обѣщаннымъ, не радъ и вернуть бы все хотѣлъ, самъ бы, пожалуй, теперь выручать изъ недобрыхъ рукъ Кирилла стараго и его дочку кинулся бы... страшно!..

А рыжая кобыла все идетъ, да идетъ, такъ и взбирается на бугоръ своими длинными ногами... Вотъ уже недалеко осталось... Надвинулъ себѣ шапку Фома на уши, зубы стиснулъ, глаза зажмурилъ...

Крикнулъ кто-то громко, пронзительно... женскій голосъ! Это она, красавица Анна!.. кому же больше. Вотъ говорятъ... спорятъ... Выстрѣлъ! Боже мой! Опять крикъ... возня какая-то...

Экъ, долго они возятся!.. барахтается, должно быть, сильно энергичная красавица... Снова крикъ... теперь громкій, отчетливый—такъ и застонало въ степи, пошло съ бугра на бугоръ отдаваться...

— Ратуйте, люди добрые, ратуйте!..

И опять тихо... словно чья-то рука зажала горло и оборвала разомъ этотъ отчаянный вопль... Топотъ копытъ слышится, рысью уходятъ всадники, буйволы мычатъ и кнутъ по ихъ спинамъ уже не легонько, по-хозяйски, а во всю мочь выхлестываетъ... Оглянулся, наконецъ, Фома Шумовъ...

Далеко уже видѣется бѣлый пиджакъ негра Дика, тянетъ онъ другую лошадь въ поводу, а на той лошади мѣшокъ не мѣшокъ, на человѣка тоже непохоже, что-то связанное и на-крѣпко прикрученное къ сѣдлу арканами, трепется... Поодаль, сильно отставши, видна синяя куртка и бѣлая перевязь карабина—этотъ воловъ чужихъ отпрягъ и гонитъ ихъ передъ собою хозяйскимъ кнутомъ... На дорогѣ, изъ-за бугра чуть бѣлѣетъ навѣсъ телѣги, а что около, тамъ что, не видно...

Холодный потъ каплями выступилъ на лбу и на вискахъ Фомы Шумова, янтарный кончикъ чубука откусили его крѣпко стиснутые зубы, сердце словно и биться совсѣмъ перестало... Ржетъ и безпокоится рыжая кобыла, глядя вслѣдъ удаляющимся конямъ, съ дороги сбилась, колеса телѣжки подпрыгиваютъ на кочкахъ... Опомнился, наконецъ, предатель—и...

Онъ перекрестился... Безсознательно, сама собою совершила

рука его крестное знаменіе, словно какая-то нечистая, темная сила толкнула ее на это дикое кощунство...

Всадники далеко уже угнали... Чуть-чуть виднѣются эти черныя точки... А большой, забытый буйволъ, испуганный крикомъ и выстрѣломъ, выползъ изъ грязи, чертъ-чертомъ, выбрался на зеленую траву и, выпуча глаза, словно съ укоромъ уставился прямо на предателя помака.

Лежитъ ничкомъ, поперекъ дороги, головою у телѣжнаго колеса старый Кириллъ, ни одна складка одежды его не колышется. Черная струя крови изъ пробитаго пулею виска сочится и въ дорожную глину всасывается... Не помогла Кириллъ его *вѣрная бумага!*

Думаетъ помакъ: взять ли это тѣло, отвезти въ деревню, или уже лучше тутъ его, на мѣстѣ, оставить.

Уже стемнѣло совсѣмъ, когда впереди, при въѣздѣ на гору, замелькали внизу въ долинѣ огоньки селенія «Червнаго-Дола».

Фома Шумовъ не рѣшился таки оставить тѣла старика на дорогѣ, въ добычу голоднымъ волкамъ. Этого звѣрья не мало теперь развелось въ здѣшнихъ мѣстахъ! И дорогою видѣлъ Фома въ сторонѣ, какъ его провожали какія-то темныя точки, перебѣгая изъ одной рытвины въ другую... Унылое вытье стало слышно уже послѣ заката солнечнаго, когда недалеко и до дому осталось.

Уложилъ тѣло помакъ къ себѣ на телѣжку, сорвалъ парусинный верхъ съ большого воза и прикрылъ имъ покойника. Страшно было очень Фомѣ смотрѣть на эти полуоткрытые, стекловидные глаза, на эти сѣдыя, окровавленныя космы... Всю дорогу казалось Фомѣ, что шевелится убитый старикъ... вотъ-вотъ приподниметъ рукою холстину и укоризненно спроситъ у него: «что-же это ты сдѣлалъ, друже?..»

Не хватило духу у предателя сѣсть самому въ телѣжку, рядомъ съ своею жертвою; всю дорогу шелъ онъ пѣшкомъ и велъ въ поводу свою пугливую, рыжую кобылу.

Оттого и пріѣхали *они* поздно въ Червный-Долъ, а пріѣхавши остановились не у дома вдовы-старухи, хозяйки Кириллиной, а подлѣ кафаны, на площадкѣ, гдѣ и заявилъ Фома

о случившемся; только разсказалъ дѣло несовсѣмъ такъ, какъ было, а ѣхалъ онъ, молъ, дорогою и наѣхалъ на мертвое тѣло, узналъ знакомаго въ убитомъ, и вотъ сюда его, на свое мѣсто, представилъ.

II.

Тогда много наѣхало въ Турцію иностранцевъ: венгерцевъ, англичанъ, поляковъ, отставныхъ папскихъ карабинеровъ, предлагать, въ виду ожидаемой войны съ Россіею, свои услуги турецкому правительству... Кто предлагалъ себя, какъ опытный инженеръ, кто, какъ ловкій организаторъ и полководецъ, кто скромно посвящалъ исламу свою умѣлую, боевую шпагу, кто такъ просто, готовый на все, что только ему не поручатъ. Много вообще наѣхало тогда добровольныхъ рыцарей ислама. Самъ падишахъ и большинство турецкихъ правительственныхъ людей отнеслись къ этой наѣзжей сволочи внимательно и любезно, немногіе только старые турки недовѣрчиво косились на нихъ и не ждали отъ ренегатовъ особаго прока.

Эти господа, похлопотавъ съ мѣсяцъ, другой, въ Константинополѣ, потолкавшись по корридорамъ Высокой Порты, въ пріемныхъ сераскеріата и у подъѣздовъ кіосковъ именитыхъ пашей, скоро получали хорошія назначенія, высокіе оклады жалованья и затѣмъ ѣхали въ провинцію на свои мѣста, высокомѣрно относясь къ мѣстнымъ должностнымъ лицамъ. Послѣднія, конечно, не долюбливали наѣзжихъ астребовъ, но боялись ихъ сильно, тѣмъ болѣе, что тѣ всегда разсказывали чудеса о своихъ константинопольскихъ связяхъ, о высокихъ особахъ говорили не иначе, какъ о своихъ старыхъ друзьяхъ, ужасно много изводили бумаги на переписку, адресуя всегда свои письма словами: «Стамбулъ, Высокая Порта—такому-то», и постоянно наклеивали на конверты казенные, даровые штемпеля...

Какой-нибудь мѣстный каймакамъ или вали поневолѣ труситъ, глядя на эти адресы: «А ну, какъ да въ такомъ пакетѣ таится доносъ на него самого, или что-нибудь не менѣе пріятное... Вѣдь бѣда будетъ». Поневолѣ приходится дружить съ ференгомъ, усердно прикладывать при встрѣчѣ руку ко лбу и къ сердцу, звать къ себѣ въ домъ, самому заходить, однимъ словомъ оказывать тьму внѣшнихъ любезностей, невсегда согласовавшихся съ внутреннимъ чувствомъ.

Въ числѣ такихъ «почетныхъ иностранцевъ» въ здѣшней мѣстности появилось двое.

Одинъ изъ нихъ былъ кровный англичанинъ инженеръ, года три уже жившій въ Турціи. Онъ служилъ старшимъ механикомъ на корабельной верфи въ Золотомъ Рогѣ и сюда на Дунай пріѣхалъ въ качествѣ военнаго инженера, для приведенія Дуная въ несокрушимое, непереходимое, даже вовсе недоступное для врага оборонительное положеніе... Онъ представилъ въ сераскеріатъ такой грандіозный планъ своихъ предполагаемыхъ сооруженій, что тамъ только руками развели... По этому плану каждая русская лодка, каждый дерзкій солдатъ, все должно было неминуемо летѣть на воздухъ. Мѣстами даже полагалось измѣнять на время, по своему произволу, быстроту теченія, высоту воды, даже самое направленіе русла, устраивать по телеграфу, въ данный моментъ, искусственныя наводненія, однимъ словомъ творить чудеса — и все за какіе-нибудь полтора, два милліона франковъ, которые турецкое правительство можетъ уплатить со временемъ и даже по частямъ, выдавъ только автору плана впередъ не менѣе трехсотъ тысячъ...

Этотъ геній инженернаго искусства былъ мистеръ Джемсъ Говардъ. Онъ немедленно получилъ отъ султана орденъ, былъ снабженъ открытыми предписаніями, надлежащими инструкціями и уполномочіями и поѣхалъ на Дунай.

Джемсъ Говардъ побывалъ въ Виддинѣ, оттуда спустился внизъ по теченію до самыхъ гирлъ, вездѣ побывалъ въ береговыхъ крѣпостяхъ, указалъ на необходимыя перестройки, послалъ въ Стамбулъ тысячи бумагъ съ дополнительными смѣтами и планами, затѣмъ вернулся въ Туртукай и здѣсь уже жилъ мѣсяца три, на дачѣ, выстроивъ на берегу хорошенькій коттэджъ въ индѣйско-британско-мавританскомъ стилѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился береговой блокгаузъ Червленъ-Аскеръ, перемѣстивъ сторожевой постъ къ себѣ на дачу.

Инженеръ часто уѣзжалъ отсюда, ѣздилъ даже на тотъ берегъ къ румынамъ, жуировалъ въ Бухарестѣ; говорятъ, будто бы много игралъ въ карты и тратилъ золото на черноокихъ румынскихъ красавицъ и рыжекудрыхъ, заѣзжихъ сюда француженокъ *изъ Вѣны*... Возвращаясь съ такихъ экскурсій, онъ скромно жилъ недѣльку другую въ своемъ коттэджѣ, пилъ только очень много при этомъ и немилосердно билъ своего слугу,

негра Дика, который несмотря на побои, отличался чисто собачьей преданностью къ своему хозяину.

Дикъ тоже пилъ не менѣе господина и навѣщая караульный домъ, разсказывалъ солдатамъ чудеса про свои похожденія съ массою Говардомъ. По его разсказамъ, гдѣ-гдѣ только они вдвоемъ не перебывали, прежде чѣмъ устроиться въ Стамбулѣ. Кажется не находилось на всемъ земномъ шарѣ квадратнаго аршина, не истоптаннаго ихъ ногами.

Наивные стражники слушали, вѣрили только десятой части разсказовъ Дика, но и этой десятой части было совершенно достаточно, дабы «не выпускать изо рта пальца удивленія».

Инженеръ дѣлалъ иногда и поѣздки во внутрь страны по болгарскимъ деревнямъ; онъ былъ страстный охотникъ и съ двухстволкою въ рукѣ исходилъ почти всѣ заливныя мѣста окрестностей... Во время такихъ прогулокъ онъ заѣзжалъ и въ Червный-Долъ, гдѣ особенно интересовался, конечно съ научно-этнографическою цѣлью, мѣстными, преимущественно женскими типами.

Его, впрочемъ, всегда огорчала дикая застѣнчивость и неподатливость болгарскихъ красавицъ; даже золото мистера Джемса Говарда было по большей части безсильно въ данномъ случаѣ...

Тогда онъ прибѣгалъ къ инымъ способамъ, отъ которыхъ хотя и смущалось немного его гуманное, европейское чувство, но это минутное смущеніе не останавливало его отъ новыхъ, сходственныхъ по характеру подвиговъ...

Онъ очень хорошо сознавалъ, что жаловаться на него некому, былъ убѣжденъ въ полной безнаказанности съ законной стороны, а что касается до возмездія иного рода, то онъ также хорошо зналъ прочность запоровъ воротъ Червленъ-аскера, силу обороняющаго его гарнизона и мѣткость своего превосходнаго ремингтоновскаго карабина, въ соединеніи съ парою револьверовъ слуги Дика.

Главная сила мистера Джемса заключалась въ томъ, что ему особенно энергично покровительствовали коменданты всѣхъ Дунайскихъ крѣпостей. Еще бы тѣмъ не покровительствовать геніальному инженеру: вѣдь, изъ-подъ его пера выходили всѣ эти смѣты и требованія денегъ на перестройки и приспособленія. Его же всегда назначали и инспекторомъ всѣхъ этихъ

построекъ, а инспекціи и донесенія о таковыхъ мистера Джемса всегда были крайне благопріятны для комендантовъ.

Что же за бѣда, если такой милый, обходительный, удобный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ и позабавиться иногда на счетъ этой жалкой райи, тѣмъ болѣе, что эта самая райя — такіе неблагодарные, такіе безпокойные подданные его величества падишаха.

Помакъ Фома Шумовъ не пропустилъ случая своевременно представиться знатному и всесильному иностранцу, оказалъ ему множество мелкихъ услугъ, сопровождалъ въ качествѣ проводника, превосходно знающаго мѣстность, въ его охотничьихъ экскурсіяхъ и частенько-таки навѣдывался въ «Червленъ-аскеръ», гдѣ принимался хозяиномъ хотя и не какъ почетный гость, однако милостиво.

Услуги Фомы Шумова не были безкорыстны конечно, но и самъ мистеръ Джемсъ-Говвардъ не любилъ безкорыстныхъ услугъ по той естественной причинѣ, что безкорыстныя услуги всегда обходятся гораздо дороже, чѣмъ заранѣе сторгованныя за опредѣленную плату.

III.

Другой иностранецъ, полюбившій почему-то за послѣднее время эту мѣстность—былъ венгерецъ, графъ Михаилъ Рослани.

Былъ ли онъ дѣйствительно графъ или только такъ, для особой важности, присвоилъ себѣ этотъ титулъ — это только самому Аллаху извѣстно. Мѣстныя же власти и отчасти населеніе знало о немъ только слѣдующее.

Рослани пріѣхалъ сюда прямо изъ Константинополя. Сераскеріату онъ былъ рекомендованъ Мехмедомъ-Али-пашею, какъ опытный боевой офицеръ и лихой кавалеристъ... Графу, именовавшему себя полковникомъ, былъ предложенъ сераскеріатомъ кавалерійскій полкъ гдѣ-то въ Малой Азіи, но онъ отклонилъ отъ себя эту честь и предпочелъ ѣхать на Дунай подъ предлогомъ формированія особаго, священнаго коннаго легіона венгерцевъ, который почти ничего не будетъ стоить турецкому правительству, ибо и кони, и содержаніе людей, обмундировка и оружіе, все это должно быть пожертвовано какимъ-то особымъ, тайнымъ венгерскимъ обществомъ, неизвѣстнымъ даже самому правительству Венгріи. Отъ сераске-

ріата требовалось только, когда понадобится, снабжать легіонъ боевыми припасами и — только.

Такое выгодное предложеніе было принято съ удовольствіемъ Портою, и графъ Михаилъ Рослани уѣхалъ на Дунай, дожидаться и устраивать тамъ имѣющихъ въ скоромъ времени прибыть сюда легіонеровъ.

Хотя эти легіонеры сюда еще почему-то не пожаловали, такъ точно и грандіозное минированіе Дуная не начиналось, но это, повидимому, не особенно смущало какъ графа, такъ и мистера Джемса Говарда. Оба они преспокойно поживали здѣсь, и графъ только особенно часто катался по великой рѣкѣ славянскаго міра, посѣщалъ укрѣпленные пункты и знакомился со внутренней страной, такъ же, какъ и Говардъ, слѣдуя влеченію своей страсти къ охотѣ.

Графъ только не строилъ себѣ коттэджа и вообще жилъ скромнѣе англійскаго инженера.

Несмотря на сходство положеній и занятій между графомъ Рослани и Говардомъ не было особенной дружбы, напротивъ даже, графъ относился къ инженеру съ видимымъ отвращеніемъ, тотъ въ свою очередь инстинктивно ненавидѣлъ графа, хотя до прибытія на эти мѣста, совершенно незнакомые другъ другу, они не имѣли никакихъ причинъ къ такой странной, взаимной ненависти.

Однако ссориться явно было неудобно ни тому, ни другому... Встрѣчаясь другъ съ другомъ, они любезно раскланивались, но только воздерживались отъ всякихъ диспутовъ, особенно послѣ того случая, какъ разговорившись на обѣдѣ у Рифатапаши въ Рущукѣ, они чуть было не кончили разговора револьверными выстрѣлами.

Графъ Михаилъ Рослани былъ даже раза два съ визитомъ у Говарда, въ его коттэджѣ; мистеръ Джемсъ Говардъ потому только не отдалъ этихъ визитовъ, что графъ не имѣлъ постояннаго и даже долговременнаго мѣста жительства.

Рослани, такъ же какъ и Говардъ, былъ снабженъ отъ Высокой Порты всякими рекомендательными документами, на основаніи которыхъ всѣ великія лица въ провинціи должны были оказывать ему и почетъ, и вниманіе, и полное содѣйствіе въ его мѣропріятіяхъ.

Наружность графа была очень привлекательна, что соста-

вляло рѣзкій контрастъ съ наружностью мистера Джемса. Рослани былъ средняго роста, изящно сложенъ; его черная, шитая тоже черными шнурами венгерка, плотно обрисовывала его почти женскую талію; онъ носилъ узкіе, шитые тоже чернымъ шнуромъ, синіе калаки и маленькіе гусарскіе сапоги, на головѣ, ради уваженія къ пріютившему его государству, красную феску съ золотою кистью.

У него была короткая, но густая, слегка вьющаяся свѣтло-русая борода, его большіе голубые глаза смотрѣли кротко и мягко, но когда нужно сверкали самымъ рѣшительнымъ блескомъ. Лихой наѣздникъ, онъ поражалъ даже турокъ своею смѣлостью и ловкостью на конѣ, замѣчательно стрѣлялъ изъ револьвера и никуда не выѣзжалъ безъ большого, превосходнаго бинокля и маленькой записной книжки, гдѣ не было ни одной буквы, ни одной цифры, а все какія-то странные рисунки и іероглифы.

Тогда еще только скоплялись на горизонтѣ боевыя тучи. русскія войска начинали стягиваться къ Кишиневу... Графъ все увѣрялъ, будто бы полъ-Румыніи наводнено его партизанами, но онъ пока держитъ ихъ еще на той сторонѣ изъ тонкихъ дипломатическихъ соображеній.

Недавно графъ Михаилъ Рослани вернулся изъ чрезвычайно рискованной экскурсіи, которую онъ исполнилъ блистательно. Графъ, изволите-ли видѣть, ѣздилъ, переодѣтый купцомъ грекомъ, въ Одессу, а оттуда пробрался даже, не узнанный, въ Кишиневъ... Въ отчетѣ о своей развѣдкѣ, посланномъ въ Константинополь, графъ писалъ о полной боевой неготовности Россіи—о слабости вооруженія береговъ, о плохой организаціи и даже печальномъ видѣ собирающейся въ русской Бессарабіи арміи и о повсемѣстномъ уныніи передъ войною всего русскаго населенія.

Этотъ отчетъ спустя ровно недѣлю послѣ полученія его въ сераскеріатѣ, появился въ переводѣ въ «Times», подъ видомъ наивѣрнѣйшей корреспонденціи изъ Турціи собственныхъ корреспондентовъ почтенной газеты...

Графъ терпѣть не могъ ѣздить въ экипажахъ; его нигдѣ не видѣли иначе, какъ—или верхомъ на маленькой, вороной, горячей лошадкѣ турецкой породы, или прогуливающимся неутомимо пѣшкомъ... Венгерецъ безъ устали могъ исходить въ

сутки не менѣе семидесяти верстъ, онъ удивлялъ всѣхъ тѣмъ, что могъ заснуть сидя и даже стоя, было бы только къ чему прислониться... Во снѣ онъ былъ необыкновенно чутокъ и малѣйшій шорохъ заставлялъ его открыть глаза... Онъ не пилъ ничего, кромѣ холодной воды; ложась спать никогда не раздѣвался, однимъ словомъ держалъ себя такъ, какъ будто бы каждую минуту долженъ былъ ожидать какой-нибудь тайной опасности.

Въ услуженіи у графа были два албанца-каваса, въ бѣлыхъ фустанеллахъ, въ расшитыхъ золотомъ куртках, съ длинными откидными рукавами, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія у пояса—оружія, блещущаго болѣе своимъ античнымъ достоинствомъ, чѣмъ боевой годностью.

Кавасы были преданы всею душою своему господину, но преданность эта была иного рода, нежели скотская привязанность Дика къ Джемсу Говварду.

Албанцы держали себя съ достоинствомъ относительно своего господина «кяфира» (невѣрнаго), а тотъ не позволялъ себѣ ничѣмъ оскорбить ихъ гордости, не безпокоилъ ихъ никакими несвоевременными требованіями услугъ, напримѣръ, въ минуту исполненія «намаза».

Въ противоположность мистеру Джемсу, Рослани всегда относился почтительно къ мусульманской религіи и даже, разговаривая съ муллою Рэшадомъ о коранѣ, благоговѣйно выслушивалъ безконечныя цитаты муллы изъ этого сочиненія Магомета и его послѣдователей.

Графъ превосходно говорилъ по-турецки и по-болгарски, зналъ даже русскій языкъ и не скрывалъ этого знанія. Разъ какъ-то пришлось встрѣтиться ему съ своимъ, случайно тоже заѣхавшимъ сюда земляком изъ Дебричина, въ Венгріи; понятно, что земляки разговорились на своемъ родномъ языкѣ, и собесѣдникъ замѣтилъ графу, что тотъ, вѣроятно, давно уже не слышалъ родного говора, ибо утратилъ уже нѣсколько истый венгерскій акцентъ...

Таковъ былъ венгерскій графъ, организаторъ будущаго священнаго коннаго легіона, Михаилъ Рослани.

Графъ не разъ бывалъ въ селеніи Червный-долъ. Онъ останавливался обыкновенно въ кафанѣ, на перекресткѣ главной

улицы, отдыхалъ тамъ часа два, а иногда и болѣе, выпивалъ большой ковшъ холодной родниковой воды, съѣдалъ тарелку поджаренной баранины, и шелъ дальше, стрѣлять по рѣчкѣ многочисленныхъ утокъ, по кустовымъ зарослямъ куропатокъ краснобровокъ.

Разговаривая въ кафанѣ съ болгарами посѣтителями, онъ уже перезнакомился почти со всѣмъ Червнымъ-Доломъ, зналъ хорошо и убитаго старика Кириллу Радоницу и жену его старуху и красавицу дочь, Анну. Съ послѣдней онъ даже раньше познакомился; дѣло происходило такимъ образомъ.

Графъ сидѣлъ на верандѣ, подъ навѣсомъ, курилъ и задумчиво смотрѣлъ вдоль улицы; въ это время гдѣ то легкіе шаги заставили его обернуться—онъ увидалъ тогда передъ собою хорошенькую дѣвушку, которая протягивала ему миску съ превосходными желтыми сливами.

— Это изъ нашего садика, — сказала болгарка,—я ихъ только что нарвала—это первые...

Михаилъ Рослани взялъ себѣ одну сливу, съѣлъ ее и взамѣнъ положилъ въ миску пяти-піастровую серебряную монету, слишкомъ большую плату за забранный товаръ.

Дѣвушка нахмурила брови, отдала назадъ деньги и недовольнымъ голосомъ произнесла:

— Анна Родоница не торгуетъ сливами, Анна принесла ихъ гостю, потому что онъ усталъ и хочетъ вѣрно пить, а сливы, сочныя и свѣжія, въ такой жарѣ будутъ очень пріятнымъ блюдомъ.

Тогда графъ улыбнулся, протянулъ ей руку и спросилъ, гдѣ она живетъ?

— А вотъ наша хата, — указала дѣвушка на уголъ черепичной крыши, выглядывавшей изъ-за зелени.

— Какая ты красивая!—сказалъ графъ, всматриваясь въ это выразительное личико.

— Ты тоже красивый, — просто безъ всякой застѣнчивости отвѣчала дѣвушка.

Этимъ и окончилась ихъ первая встрѣча. Анна высыпала сливы на столъ, кивнула на прощаніе головою и пошла черезъ улицу, оттискивая на мягкой пыли правильные, неиспорченные узкою обувью слѣды своихъ босыхъ ногъ. Графъ прослѣдилъ ее до поворота глазами и... дня черезъ три, снова

задумалъ охотиться въ окрестностяхъ Червнаго-дола, снова зашелъ отдыхать въ кафану на перекресткѣ.

Въ этотъ разъ Анна крикнула ему: «здравствуй!» когда онъ проходилъ мимо ихъ дома. Дѣвушка стояла въ калиткѣ, словно картина въ рамѣ, вся ярко освѣщенная вечернимъ солнцемъ. Она была чудно хороша въ эту минуту.

Около нея на завалинѣ сидѣлъ и старый баштанъ ея, Кирилло.

Михаилъ Рослани счелъ нужнымъ подойти къ старику и разговориться... Два часа битыхъ онъ распрашивалъ Кирилло о ихъ житьѣ-бытьѣ, не замѣчая вовсе плотнаго молодого парня, косо и недружелюбно поглядывавшаго на него изъза распряженнаго воза.

Онъ только тогда замѣтилъ этого парня, когда самъ Кирилло заговорилъ о немъ.

— Вотъ,—произнесъ старикъ, указывая въ сторону воза,— дочку просваталъ за него, человѣкъ рабочій, хорошій, да въ такія времена тяжкія и свадьбу играть невесело, старуха торопитъ, а я думаю подождать.

— И отлично сдѣлаешь, если подождешь... куда торопиться?—поддержалъ его графъ не безъ умысла.

— И я не хочу еще замужъ,—кокетливо заговорила Анна, хлопнувъ калиткою и уйдя въ горницу.

Черезъ минуту она появилась въ окнѣ, какъ разъ надъ головою сидящаго на завалинкѣ графа, вытирая мокрыя руки полотенцемъ и будто нечаянно задѣла его по фескѣ концемъ этого узорно «расшитаго рушника»...

Въ эту ночь Аннѣ Радоницѣ спалось плохо, но только не предстоящая свадьба волновала ее, не женихъ ея Симко Коссовъ ей снился...

Зачастилъ графъ въ селеніе Червный-Долъ, по два раза въ недѣлю сталъ пріѣзжать. Эти поѣздки возбудили и подозрѣніе, и любопытство въ мистерѣ Джемсѣ Говардѣ и тотъ притянулъ къ допросу Фому Шумова.

Изъ этихъ допросовъ инженеръ только узналъ, что кажется графу Рослани понравилась дѣвушка одна въ селеніи, что объ этомъ будто бы даже тамъ перешептываются, а впрочемъ... но одного этого было уже достаточно для Говарда, чтобы настаивать на немедленномъ, личномъ знакомствѣ съ этою дѣвушкою.

Фома Шумовъ доставилъ инженеру случай видѣть Анну издали, а затѣмъ Говарду удалось даже говорить съ нею, безцеремонно остановивши ее, когда она шла съ ведрами отъ родника.

— Ого! чертъ возьми! да ты дѣйствительно красавица,— захохоталъ Джемсъ Говардъ и хотѣлъ-было ее безъ церемоніи обнять.

Та вскрикнула, бросила ведра и съ плачемъ пустилась бѣгомъ домой, а инженеръ, озадаченный такимъ пріемомъ, выругался еще разъ и повелъ дѣло уже иначе...

Тогда-то именно встревоженные родные и пріятели Кириллы совѣтовали ему убрать куда-нибудь подальше свою красавицу-дочь и Кирилло съ своей старухою долго думали какъ бы это сдѣлать, когда, наконецъ, выручилъ ихъ изъ этого затруднительнаго положенія благопріятель, помакъ Фома Шумовъ.

Въ день убійства стараго Кириллы Радоницы и похищенія его дочери графъ былъ на томъ румынскомъ берегу Дуная, онъ не довѣрялъ почему-то султанской почтѣ своихъ писемъ, не довѣрялъ даже своимъ албанцамъ; въ этомъ случаѣ не бралъ даже ихъ съ собою на тотъ берегъ, а оставлялъ здѣсь, каждый разъ мѣняя мѣсто, гдѣ они должны были дожидаться его съ верховыми лошадьми.

На этотъ разъ свиданіе было назначено невдалекѣ отъ блокгауза Червленъ-аскера.

Когда лодка съ гребцами-румынами пристала къ берегу, Михаилъ Рослани, къ великому удивленію своему, не нашелъ своихъ кавасовъ на условленномъ мѣстѣ, кавасовъ, которые такъ аккуратны были всегда въ исполненіи своихъ обязанностей.

Не торопясь обвинять слугъ и раздумывая, какое бы тутъ могло выйти недоразумѣніе, графъ направился къ коттэджу, бывшему въ двухъ верстахъ отсюда, и уже видѣлъ его сторожевую башенку съ краснымъ флагомъ, какъ навстрѣчу ему попался Дикъ, глупая физіономія котораго только улыбалась, будто обрадованная такою неожиданною встрѣчей.

Негръ шелъ не торопясь—будто за своимъ дѣломъ, шелъ даже не тропинкою, а стороною, кустами. Съ хозяйскимъ ружьемъ въ рукахъ, съ ягташемъ, перекинутымъ черезъ плечо,

онъ вышелъ какъ видно на охоту, хотя позднее, ночное время подобной охотѣ вовсе не соотвѣтствовало.

— Дикъ!—вскрикнулъ Рослани и инстинктивно опустилъ руку въ карманъ, гдѣ его пальцы тотчасъ же коснулись рѣзной головки револьвера.

— Такъ поздно... здравствуйте, ваша свѣтлость. Если вы идете къ массѣ Говарду, онъ очень будетъ сожалѣть, что вы не застанете его дома... Ахъ, какъ будетъ сожалѣть масса Говардъ.

— Такъ его нѣтъ дома, это жаль! — пожалъ плечами графъ. «Странно, — подумалъ онъ, внимательно всматриваясь вдаль, гдѣ свѣтился небольшой зеленоватый четвероугольникъ.

Отсюда, гдѣ они стояли съ Дикомъ, было видно немного болѣе, чѣмъ двадцать шаговъ назадъ. Отсюда, кромѣ сторожки, виднѣлась и часть верхняго этажа блокгауза, а именно та, гдѣ приходился кабинетъ Джемса Говарда. Этотъ свѣтлый зеленый четвероугольникъ и есть его окно—тамъ огонь; значитъ, инженеръ дома; кромѣ его самого и Дика никто не можетъ заходить въ его кабинетъ. Дикъ здѣсь—Джемсъ Говардъ тамъ; а ему говорятъ, что нѣтъ его дома. Этотъ негръ видно нарочно высланъ ему навстрѣчу, значитъ его ждали отсюда и не хотятъ, чтобы онъ подходилъ даже къ воротамъ Червленъ-аскера, а не то, чтобы входилъ въ него.

— Я разсчитывалъ найти тамъ моихъ людей и лошадей,— задумчиво проговорилъ венгерецъ.

— Ваши люди, я знаю, они вернулись въ Туртукай, но если угодно подождать здѣсь, я сейчасъ распоряжусь, чтобы сюда подали лошадей массы Говарда и его кавассы будутъ къ вашимъ услугамъ.

«Гм!..—подумалъ снова графъ, — очевидно, меня хотятъ удалить отсюда во что бы то ни стало. Это черное животное говоритъ по заученной инструкціи...»

— Масса Говардъ...

— Скажи массѣ Говарду, когда онъ пріѣдетъ, что я былъ, то-есть хотѣлъ зайти; лошадей его и кавасовъ мнѣ не надо— я дорогу хорошо знаю, а ноги у меня крѣпкія, — раздражительно произнесъ графъ Рослани.

— Масса Говардъ будетъ очень, очень сожалѣть... Масса Говардъ будетъ бранить, быть можетъ, Дика...

Негръ приподнялъ феску и смущенно ерошилъ всею пятернею свою войлокообразную куафюру.

Но Рослани уже не слышалъ его сѣтованій—онъ, разсчитавъ, что отсюда до Лукова на туртукайской дорогѣ, немного дальше, чѣмъ до Червнаго-дола, несмотря на темноту и на мелкій, начинающій накрапывать дождь, энергично зашагалъ долиною, полагая черезъ четверть часа ходьбы выбраться на проѣзжую дорогу.

III.

Стая волковъ въ эту ночь, штукъ тридцать если не больше, почуя кровь, вереницею прибрела на мѣсто, гдѣ покончили турки стараго Кириллу. Обошли вокругъ телѣги голодные бродяги, обнюхали ее со всѣхъ сторонъ, обнюхали лежалое мѣсто, языками полизали и завыли, уныло, обиженно такъ завыли разочарованные звѣри...

Унесъ вѣдь-таки Али-Исса-Бекъ, ихъ же породы звѣрь, только съ двумя ногами, законную ихъ добычу!

Посидѣли тутъ съ полчасика волки, лазили въ телѣгу, заглядывали, сала кусокъ нашли на глотокъ одному изъ нихъ, прочь пошли, да тутъ же зачуяли и другую добычу... А другая эта добыча еще прежде ихъ замѣтила: буйволъ больной, еле ноги волочить можетъ, чуетъ бѣду неминуемую, опять забрался въ тину по уши и смотритъ оттуда, похрапывая только со страху... Окружили волки болотину, а лѣзть туда не охота, опасно!.. Опять вытье поднялось; на этотъ концертъ еще набрело съ полсотни; стонъ стоитъ въ ночномъ воздухѣ, далеко разносится... Графъ Михаилъ Рослани давно уже слышитъ этотъ концертъ,—стороною, полемъ большой кругъ огибаетъ: одинъ онъ, пѣшій, съ двумя револьверами, да «казенною бумагою»,—не отдѣлаешься отъ этой оравы...

«О, чертъ возьми! — злится графъ на свою щепетильность не кстати.—Лучше бы сдѣлалъ, если бы воспользовался услугами этого скота Дика, и взялъ бы предложенныхъ лошадей съ эскортомъ. Не вернуться-ли?!.»

Надоѣло-ли волкамъ сторожить издыхающаго въ болотѣ буйвола, замѣтили-ли ихъ зоркіе, воровскіе глаза человѣка въ степи одинокаго, только, видитъ графъ, что отдѣлилось ихъ

отъ общей группы штукъ десять и рысцею на перерѣзъ бѣгутъ... Дѣло-то плохо приходится...

Присѣлъ венгерецъ на землю, смотритъ вровень съ травою на свѣтлую полосу горизонта, чернымъ лѣсомъ стелется передъ его глазами степной бурьянъ, а дальше черпѣетъ что-то, много повыше, не то крыша хаты, не то шалашъ какой, не разберешь хорошенько, на жилье только похожее... Графъ туда скорѣе...

Ползкомъ, ползкомъ, приподнимаясь на рукахъ по временамъ, чтобы оріентироваться, Михаилъ Рослани уже былъ не болѣе какъ въ ста шагахъ отъ своей цѣли, когда на него съ съ дикимъ воемъ ринулась волчья стая...

Два выстрѣла почти одновременно блеснули въ темнотѣ, словно молніей озаривъ сухіе стебли бурьяна, нѣсколько острорылыхъ мордъ съ оскаленными зубами, холщевой бокъ телѣги покойнаго Кириллы... За этими двумя выстрѣлами еще загремѣли... Бросились волки назадъ, перепуганные неожиданностью и дали время графу добѣжать до повозки... Теперь онъ уже сидѣлъ въ ней, какъ въ крѣпости... Опомнились волки да поздно и задумали звѣри послѣ перваго неудачнаго штурма вести долговременную осаду...

Тѣмъ временемъ его кавасы албанцы, Рустемъ и Галебъ, въ Туртукай обратно не поѣхали. Они было повѣрили сразу посланцу отъ Джемса Говарда, да дорогой нашло на нихъ сомнѣніе... Дѣло-то непривычное: ихъ господинъ никогда не измѣнялъ разъ задуманнаго, да и не поручилъ бы такимъ людямъ, какъ Дикъ и его «инглизъ», передачи приказаній... Погнали сперва албанцы рысью, съ раздумья на шагъ перевели, тамъ и совсѣмъ остановились, а тамъ потолковавъ, да еще пособразивъ кое-что, вернулись на прежнее мѣсто, видѣли слѣдъ на берегу, узнали, видѣли даже лодку, только далеко, къ тому берегу уже подходила, поняли въ чемъ дѣло и поторопились поправить свой промахъ—отыскать скорѣе своего господина. Заѣхали они въ блокгаузъ, думали не тамъ-ли, нагнали негра у самыхъ воротъ, тотъ сообщилъ, что графъ, молъ, пѣшкомъ пошелъ—вонъ въ ту сторону...

Досталось-таки Дику отъ кавасовъ, но ему что! Твердитъ

одно: «я говорю, что мнѣ масса Говардъ велитъ, мой языкъ, его мысли! Мнѣ что за дѣло!..

Слышали албанцы выстрѣлы, слышали волчій вой... во весь духъ понеслись на выручку... Еще издали во все горло по своему окликнули, откликнулся и графъ по своему: «Э!.. Гой!.. Друзья!..»

Трусливое звѣрье, видя подмогу, двухъ человѣкъ съ длинными ружьями, во всѣ стороны прыснули... Храпятъ и бьются испуганные, разгоряченные скачкою кони, насилу справились съ ними, сѣли въ сѣдла и бойкимъ «проѣздомъ» направились по дорогѣ къ Червному-Солнику.

— Вы виноваты тѣмъ, что смѣли помимо меня всякую сволочь слушать,—сердито говорилъ графъ.

— Виноваты!—въ одинъ голосъ отвѣчали албанцы,—виноваты, господинь!

«Что-то тутъ неладно, что-то затѣвается,—думалъ Рославлевъ,—этотъ мерзавецъ Говвардъ...»

«Не спроста съ нами эту штуку продѣлали...» ломали свои головы албанцы дорогою, перешептываясь межъ собою на ходу, все еще смущенно поглядывая на статную фигуру графа, словно сросшуюся съ его горячимъ арабскимъ жеребчикомъ.

Еще до солнечнаго восхода прибыли они въ селеніе, просторно раскинувшееся въ своихъ садахъ, по обоимъ скатамъ оврага.

Несмотря на раннее время, въ селеніи, особенно на перекресткѣ, гдѣ стояла кафана Стефана Гуллы, толпился народъ и слышался оживленный говоръ. Бабы съ плачемъ перебѣгали отъ одной хаты къ другой, даже собаки выли, глядя на это необычное оживленіе, вторя бабьему плачу.

Сельское стадо только что сбиралось къ выгону; телята задравъ хвосты, скакали по улицамъ, черныя туши буйволовъ, поднимали ужасную пыль, пастухъ Марко забылъ про своихъ питомцевъ, и въ толпѣ у кафаны виднѣлись его вывороченный шкурою вверхъ бараній кожухъ и длинная крючковатая палка.

У самой кафаны, на землѣ, прикрытое ковромъ, лежало тѣло стараго батьки Кириллы.

Когда графъ съ своимъ эскортомъ подъѣхалъ къ площади, говоръ стихъ и народъ молча далъ дорогу пріѣзжимъ; сотни

глазъ смотрѣли на Михаила Рослани со страхомъ и ненавистью. Стефа Гулла, какъ-то глухо, неласково какъ всегда, произнесъ свое обычное: «Богъ надъ тобою!..»

А не успѣлъ графъ ступить на первую ступеньку крыльца, какъ къ нему подошла старуха, жена Кириллы, тронула его за плечо, грозно окинула взглядомъ и спросила:

— А гдѣ же дочь моя, Анна?

— Господь съ тобою, бабушка!—отшатнулся и даже поблѣднѣлъ отъ этого голоса графъ:—Господь съ тобою! Что случилось? Въ чемъ дѣло?—обратился онъ къ народу, косясь на коверъ, обрисовавшій своими темными складками углы ступней, колѣнъ и тощей груди трупа.

— Тебѣ лучше знать!—послышались въ толпѣ голоса.—Самъ знаешь... что спрашиваешь!..

Молча подошелъ къ графу Стефа Гулла и поставилъ передъ нимъ полпосикъ съ чашкою чернаго кофе.

— Что случилось?—спросилъ графъ.

— Мы и сами путемъ не знаемъ, что случилось,—уклончиво отвѣтилъ хозяинъ кафаны.

Дико, на весь дворъ завыла старуха, какъ кошка, ринулась на Михаила Рослани. Сама на колѣняхъ передъ нимъ ползаетъ, молитъ, а руки, какъ лапы звѣря разъяреннаго, уцѣпились за короткія полы графской венгерки, глаза какъ у бѣшеной разгорѣлись... цѣлуетъ ноги венгерца старуха, цѣлуетъ его руки, землю около него пѣлуетъ и страшны эти поцѣлуи ея тощихъ запѣнившихся губъ... ну, вотъ-вотъ, зубами вцѣпится.

— Ты убилъ моего Кириллу,—хрипитъ и стонетъ старуха.—Отдай дочь мою, Анну!.. Отдай!.. На что она тебѣ?!. Ну, потѣшился и отдай... Все равно вѣдь бросишь послѣ, слугамъ своимъ отдашь... Отдай ее лучше матери... Отдай, отдай!

Поблѣднѣлъ графъ, какъ полотно, голова у него закружилась. Онъ теперь понялъ въ чемъ дѣло.

Бережно поднялъ онъ старуху: «возьмите ее», говоритъ. Подошелъ къ ковру, приподнялъ, нахмурился, вглядываясь въ покойника, и долго стоялъ такъ, нервно кусая свои губы...

Ропотъ гудитъ въ толпѣ: «оставь, брось! Чего насмѣхаешься. Коли волкъ, такъ жри эту падаль, а не смѣйся... брось!.. Ишь вѣдь разглядываетъ, радуется».

— Молчать!—крикнулъ Михаилъ Рослани.

По этому крику его албанцы выдвинулись впередъ и взялись за плети. Дѣло знакомое!..

— Разсказывай!—обратился графъ къ Стефа Гуллѣ:—говори мнѣ всю правду!..

— Я не знаю,—мнется тотъ.—Привезъ тѣло Фома, а что и откуда, я не знаю... Спрашивай у него лучше.

— Гдѣ онъ?

— Да тутъ же, ему гдѣ быть?.. Эй, Фома! гдѣ ты тамъ? иди, разсказывай!..

— Фома, Фома! Да гдѣ же Фома?—послышалось въ толпѣ.—Сейчасъ тутъ былъ...—Эй, Фома!

— Былъ да уѣхалъ!—отозвался кто-то...—Какъ только вотъ эти показались у околицы, такъ сѣлъ въ повозку и угналъ... Я видѣлъ! Шибко такъ погналъ и не оглядывался.

— Гм!—процѣдилъ сквозь зубы графъ. Подозвалъ кавасовъ, шепнулъ имъ что-то на ухо, тѣ мигомъ сообразили, передали графскаго коня кафеджи Стефо на попеченіе, а сами вскочили въ сѣдла и ускакали.

А старуха опять опомнилась, да снова за полу уцѣпилась... Теперь и разобрать нельзя, что она бормочетъ.

Оглянулся графъ Михаилъ Рослани — венгерецъ, ренегатъ, слуга султана, — видитъ всѣ *свои* остались, албанцевъ и слѣдъ простылъ. Подошелъ онъ къ тѣлу, снова приподнялъ коверъ, сталъ на колѣна и поцѣловалъ въ лобъ стараго Кириллу.

— Найду я твою дочь, бѣдный батько... Богомъ истиннымъ клянусь тебѣ!.. Ты умеръ, не дожилъ, мы за тебя доживемъ до другого радостнаго времени... Спи съ миромъ, и молись тамъ за насъ грѣшныхъ...

Наотмашь перекрестился графъ Михаилъ Рослани, поднялся, сказалъ вслухъ такъ, чтобы всѣ, кто тутъ не былъ, слышали.

— Смотри! время теперь такое, что все, что кто видитъ и слышитъ, забыть надо, какъ словно того и не было вовсе.

А потомъ вынулъ десять золотыхъ, отдалъ ихъ Стефа и приказалъ ему взять бѣдную мать подъ свое попеченіе, беречь ее пуще глаза и съ почетомъ похоронить останки убитаго.

— Мы еще увидимся!—крикнулъ онъ народу, садясь на лошадь... И, не надѣвая фески, шагомъ проѣхалъ мимо тѣла,

грустно глядя въ ту сторону, гдѣ изъ-за массы зелени, краснѣлась черепичная крыша опустѣлаго дома Кириллы.

Перешептывались червно-солничане между собою: что такое за оказія!

— Не онъ, такъ «инглизъ»; больше некому!..—разсуждаютъ въ толпѣ...—Шшь ты: деньги далъ, Богу по нашему молился, добрыя рѣчи молвилъ... Не онъ, значитъ... У Кириллы бумага была вѣрная, никто бы не посмѣлъ бы его съ этою бумагою тронуть... А тронулъ кто, значитъ, такой, для котораго каймакамскія печати плевое дѣло!..

— Жалобу надо писать и отвезти эту жалобу въ городъ, что на нихъ смотрѣть! Наше дѣло правое!

— Правому дѣлу, прарымъ людямъ и мѣсто почетное... Тамъ за городомъ высокихъ висѣлицъ нагородили довольно! Жаловаться!.. Нѣтъ, жаловаться кому охота итти—иди, а я не согласенъ!.

— Они насъ, мы ихъ! вотъ что надо дѣлать!—высунулся впередъ Симко, женихъ бывшій Анны.

Пищаль какую-то старую досталъ, ржавленную, кремневую, лыкомъ связанную, лѣзетъ впередъ и кулаки сжимаетъ.

— Вотъ что надо дѣлать,—кричитъ.— Эхъ, ушелъ *этотъ*— я бы вамъ показалъ, какъ болгары жалуются. Я бы вамъ показалъ!..—Глаза осоловѣлые, рубаха распахнулась на косматой груди, въ дегтю вся перепачкана.

— Тише ты, блажной!—шарахнулись даже отъ него односельчане,—ако сумасшедшій!

— Отними у него ружье! Связать бы его пока! Бѣды надѣлаетъ сдуру, а тамъ всѣмъ селомъ отвѣчай.

— Бѣды, бѣды!—оретъ во все горло Симко,—за одно поколѣвать, а то хоть недаромъ!

Трое дюжихъ ребятъ насилу его угомонили и въ сарай заперли, остыть немного.

— Пьянъ.—говорятъ,—съ горя, такъ и разитъ отъ него ракіей... Вотъ отъ этого и куражится.

— Лучше бы прежде глядѣлъ, когда *та* съ другимъ любовалась, а то тогда, небойсь, все изъ-за воза да изъ-за стѣночки, а теперь, вишь ты, расходился!..

— Пьянъ онъ, это точно, а что сказалъ, такъ въ томъ не все бездѣлье, и дѣло найдется,—словно про себя промол-

вилъ другой парень, Илья Кубаевъ, махнулъ рукою и прочь пошелъ, глядя въ землю на свои мозолистые пальцы ногъ, выглядывающіе изъ-подъ рваныхъ опанокъ.

Догнали мигомъ албанцы телѣжку Фомы Шумова. Тотъ и самъ, видя, что за нимъ гонятся, сдержалъ свою рыжую кобылу, поѣхалъ потише... Все, молъ, не такъ подозрительно...

Да и чего ему бояться?! Онъ человѣкъ правый: ѣхалъ дорогою, видитъ тѣло, поднялъ, привезъ въ деревню; доброе дѣло сдѣлалъ, ничего больше. Какая можетъ быть за это отвѣтственность?..

— Стой!—наскалъ на него Галебъ,—погоди немного, дѣло есть до тебя, куда торопишься!..

— Селямъ алейкюмъ!—приложилъ Фома руку ко лбу и къ сердцу.—Тпру!.. Селямъ алейкюмъ, что надо?

— Господинъ нашъ говоритъ съ тобою хочетъ,—сообщилъ Галебъ.—Видѣлъ тебя. Дѣло есть, а ты уѣхалъ...

— И кобылу свою не жалѣешь,—добавилъ Рустемъ.—Какъ погналъ вскачь, словно волки за тобою гнались...

«Волки не волки, а хуже волковъ, пожалуй!»—подумалъ помакъ; вслухъ только не высказалъ своей мысли.

— А гдѣ же эфенди Рослани?—спросилъ онъ.—Я вернусь, если его милость до меня дѣло имѣетъ, я всегда съ головой и руками къ его милости...

И Фома началъ было уже заворачивать свою лошадь, взмыленную отъ усиленнаго бѣга.

— Здѣсь подождать велѣлъ,—произнесъ Галебъ.—Тутъ стой! Должно быть есть что-нибудь такое, что при людяхъ чужихъ не хочетъ высказываться.

— Здѣсь стой!—добавилъ Рустемъ:—и намъ велѣлъ, какъ тебя нагонимъ, такъ задержать и здѣсь дожидаться. Ты куда ѣхалъ-то?

— Да вотъ въ Червленъ-аскеръ... то, бишь, нѣтъ... зачѣмъ мнѣ туда! Домой, въ городъ ѣду,—спохватился помакъ

— Ну вотъ и намъ по дорогѣ. Раскури-ка трубочку... Эхъ, дѣла, дѣла! Гдѣ купилъ кобылу?

— Изъ Силистріи знакомый привелъ одинъ. Эхъ, спички отсырѣли... загороди-ка, другъ, съ этой стороны отъ вѣтра.

— Что тамъ вышло такое, кого убили? Пародъ галдитъ, волнуется! Что вышло такое?!

— Да я почемъ знаю!

Постояли съ четверть часа на мѣстѣ. Кошки на сердцѣ скребутъ у Фомы Шумова, а прикидываться равнодушнымъ надо. Просто сквозь землю готовъ бы онъ провалиться тутъ и съ телѣжкою своею, только бы отъ этихъ двухъ «разбойниковъ» подальше! Эти торчатъ тутъ, словно часовые, по обѣимъ сторонамъ телѣги, его же трубочку поочередно курятъ и въ длинные свои усы подсмѣиваются.

Нагналъ ихъ въ такомъ положеніи графъ Михаилъ Рослани, ничего не сказалъ, только рукою махнулъ и поѣхалъ впередъ шагомъ; за нимъ тронулась телѣжка, а сзади конвоемъ оба албанца.

Мало добраго для почака предвѣщалъ косой взглядъ графа Рослани, которымъ тотъ окинулъ Фому Шумова, проѣзжая мимо его телѣжки и оставивъ безъ отвѣтнаго привѣтствія.

Самъ заговорить Фома не рѣшился, молча идетъ за хвостомъ вороного жеребца; тотъ рысью пойдетъ — и его подгоняютъ албанцы, задержитъ тотъ свой шагъ и возжи рыжей кобылы натягиваются. Пытка да и только.

И тянулась эта пытка часа три, пока не пріѣхали какъ разъ на то самое мѣсто передъ оврагомъ, гдѣ и теперь неподвижно стояла посреди дороги повозка съ холщевымъ навѣсомъ. Гдѣ графъ остановился.

— Это тутъ и случилось?—произнесъ Михаилъ Рослани, ткнулъ даже пальцемъ для ясности.

— Здѣсь я тѣло его нашелъ,—отвѣчалъ Фома...—Ѣду я — уже къ ночи дѣло было—ѣду...

— Кто же убилъ его?—нахмурилъ брови графъ.—Можетъ быть ты и это знаешь? Вѣдь ты все знаешь!

— Откуда же мнѣ знать! — потупился Фома.—Аллаху все извѣстно, а я человѣкъ, я откуда знать могу.

— Такъ! А мнѣ вотъ по твоимъ лисьимъ глазамъ кажется, что знаешь. Ну-ка, скажи мнѣ, по дружбѣ.

Блѣденъ былъ графъ и губы у него дрожали, когда онъ спрашивалъ, еще блѣдній былъ Фома Шумовъ, дѣлая страшныя усилія, чтобы заставить себя спокойно взглянуть прямо въ глаза допросчику. Не слушаются проклятые глаза, сами собою тупятся въ землю, выдаютъ соучастника.

— Видишь это мѣсто?—графъ указалъ на черныя пятна высохшей крови на дорожной глинѣ,—видишь? И ты сдохнешь на этомъ же самомъ мѣстѣ, и сдохнешь прежде, чѣмъ молитву прочесть успѣешь, если сейчасъ же не скажешь мнѣ всю правду. Скажешь правду, самъ на себя покажешь и то отпущу цѣлаго, солжешь—умрешь. Ну, говори же теперь.

— Я ничего не знаю...—заплакалъ Фома Шумовъ...—я ничего не знаю. Сильный человѣкъ, ты можешь убить слабаго, невиннаго, я ничего не знаю. Клянусь пророкомъ, если я лгу, клянусь кораномъ... пусть...

— Осмотрите его!—распорядился графъ.

Албанцы мигомъ исполнили его приказанія. Изъ этого испытанія помакъ вышелъ чистымъ. Рослани подозрѣвалъ его въ убійствѣ, онъ думалъ найти у него оружіе, онъ этимъ путемъ хотѣлъ уличить его и до крови закусилъ губы съ досады.

А Рустемъ внимательно оглядывалъ окрестности, онъ даже отъѣхалъ въ сторону, затѣмъ вернулся и просилъ графа ѣхать вмѣстѣ.

Графъ и Рустемъ тронулись на поиски. Они переѣхали оврагъ, прошли лощиною и выбрались на мѣсто, гдѣ останавливался помакъ, когда ходилъ въ балку къ Дику и его товарищу. Слѣды его сапогъ отсюда тянулись какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ видны были слѣды бивуака конныхъ, отсюда эти слѣды поворачивали назадъ къ повозкѣ, а конскій слѣдъ шелъ въ другую сторону, прямо къ мѣсту катастрофы... Этими же конскими слѣдами истоптано было вокругъ телѣги, отпечатки кованныхъ копытъ сохранились еще довольно ясно, подъ безчисленными, волчьими слѣдками; сначала было Рустемъ принялъ ихъ за слѣды собственныхъ лошадей, они тоже толклись тутъ почью, но приглядѣвшись внимательнѣй узналъ между ними крупный оттискъ и европейскую подкову лошади Дика,—тотъ вѣдь былъ на англійской рослой кобылѣ своего господина. Это открытіе и повело его на идею изслѣдовать слѣды далѣе. Дѣло выяснилось, а съ нимъ вмѣстѣ выяснилось и участіе Фомы Шумова.

Мелкій дождь чуть было не испортилъ всего, и не сгладилъ предательскихъ отпечатковъ, но все-таки опытный воровской глазъ не могъ ошибиться. Несчастный предатель, въ какомъ-то полуобморочномъ, отупѣломъ состояніи наблюдать

за розысками. Ему въ голову пришли вдругъ несчастныя мысли бѣжать,—онъ вдругъ дико гикнулъ на свою кобылу и понесся по дорогѣ. Галебъ даже захохоталъ отъ этой попытки — ну гдѣ же въ телѣгѣ ускакать отъ трехъ конныхъ!? Въ два скачка онъ обогналъ бѣглеца и загородилъ ему дорогу.

— Однако ты неумный человѣкъ, а дуракъ, — укоризненно покачалъ головою албанецъ.

— Спаси меня! — прошепталъ помакъ.—Все, что у меня есть, все себѣ бери, спаси только.

— Ты еще глупѣе, чѣмъ я думалъ сначала,—насмѣшливо произнесъ Галебъ, отобравъ у него изъ рукъ возжи.

— Сколько получилъ ты за это дѣло?—подъѣхалъ какъ разъ въ эту минуту Михаилъ Рослани.

— Ничего, ничего...—простоналъ тотъ, вылѣзая изъ телѣги и опускаясь на землю,—не я убивалъ только. Мнѣ говорили, что крови не будетъ, я бы не взялся, если бъ зналъ. Клянусь пророкомъ. Мнѣ говорили...

— Кто говорилъ?

— Инглизъ, ефенди Говардъ.

— Она теперь тамъ въ Червленъ-аскерѣ?

— Тамъ.

— Она жива, она не ранена, ея не мучили... да? да? ну, говори скорѣе!

— Не знаю. Нѣтъ, нѣтъ, они не смѣли бы ее тронуть— тутъ былъ Дикъ, онъ наблюдалъ. Дикъ черный.

— Ну, слушай же.

Графъ говорилъ почти вполголоса, но каждое его слово, такъ и звенѣло въ ушахъ Фомы Шумова.

— Ну слушай же: я тебѣ дамъ бумагу; ты завтра, за часъ до полуночи, привезешь ее въ Червленъ-аскеръ. Ты скажешь, что эта бумага отъ бимъ-баши Джемиля; слышишь, и больше ничего. Ты не знаешь, что въ этой бумагѣ. Тебѣ велѣлъ ее отвезти и передать Чаушу Ибрагиму въ собственныя руки самъ бимъ-баши, понимаешь?

— Понимаю.

— Этимъ ты поправишь свое черное дѣло, заслужишь мою милость, а главное сбережешь свою голову, потому что... Слушай внимательно, ты можешь клясться и пророкомъ, и кораномъ, и хоть самимъ Аллахомъ, и тебѣ никто не повѣритъ, а

я и безъ клятвы скажу слово и такъ, по слову моему, и сбудется. Я тебѣ теперь говорю: ежели ты не исполнишь точно всего, что тебѣ мною велѣно...

— Исполню, въ точности исполню!

— Молчи, скотъ! Если ты испортишь мнѣ дѣло, кому-нибудь проболтаешься, минутою опоздаешь явиться съ бумагою въ Червленъ-аскеръ, шепнешь тамъ не по моему—ты будешь мною убитъ и ты отъ меня никуда не спрячешься и никто тебя не спрячетъ, развѣ успѣешь бѣжать вонъ изъ Турціи, такъ и тамъ, знай:—я рано или поздно отыщу тебя и покончу. Понялъ?

Фома Шумовъ только голову наклонилъ въ знакъ покорности и поцѣловалъ стремя Михаила Рослани.

— Завтра раньше часа передъ полуночью ты не долженъ быть въ Блокгаузѣ, ни видѣться съ Инглизомъ, ни съ кѣмъ изъ его слугъ,—убью все ровно тоже, если не исполнишь этого.

— Вернись назадъ въ Червный-солникъ и сиди тамъ. Тамъ за тобою слѣдить будутъ, проводитъ тебя Галебъ, — садись въ повозку и пошелъ!

— Это дѣло до васъ не касается!—кончилъ графъ, обращаясь уже не къ помаку, а къ своимъ албанцамъ.

— Мы дѣлаемъ, говоримъ, мы думаемъ только такъ, какъ повелитъ эфенди!—отвѣчалъ Рустемъ и за себя, и за товарища.

Графъ слѣзъ съ лошади, досталъ изъ кармана книжку, вырвалъ листокъ тонкой, желтоватой бумаги, написалъ карандашемъ по-турецки нѣсколько словъ, заклеилъ написанное въ конвертикъ и передалъ Фомѣ Шумову.

— Это ты отдашь Чаушу Ибрагиму, — повторилъ онъ, выразительно глядя на него.

— Отдамъ въ руки,—шепталъ тотъ, садясь въ телѣжку.

Графъ и Рустемъ прослѣдили его глазами, пока тотъ не скрылся и шагомъ поѣхали въ «Луково».

Тѣмъ временемъ пьяныя слова, сорвавшіяся въ хмѣльномъ горѣ жениха Симко, не пропали даромъ, на вѣтеръ. Кромѣ Ильи Кубеева нашлись ребята, которые въ душѣ болѣе сочувствовали дѣлу рѣшительнаго протеста, чѣмъ безцѣльныя жалобы по начальству.

Въ ту же ночь въ пустомъ сараѣ, за выгономъ, втихомолку собралось человѣкъ десять червно-солнечанъ, пристроился къ нимъ еще захожій торгашъ, гребенщикъ изъ Добруджа, Максимъ Пѣгашъ, и задумали они на этотъ хоть разъ выместить на чемъ да ни на-есть свою злобу, сорвать наболѣвшее сердце.

Теперь они обсуждали какъ бы дѣло сдѣлать такъ, чтобы лѣды схоронить, на другое, что еще лучше сберечь свои головы, пакость какую-нибудь сдѣлать, чтобы на самихъ турокъ нагнать страху, можетъ быть тогда, хоть подъ вліяніемъ возмездія, станетъ сноснѣе ихъ вѣчно тревожная, обездоленная жизнь.

Долго толковали ребята, горячились сначала шибко, особенно Симко, да Илья Кубеевъ, да опытный воръ Максимъ Пѣгашъ ихъ урезонилъ; повели дѣло чисто, всякую мелочь все обдумывали, всѣ случайности предугадывали, все разбирали по ниточкамъ.

Прежде всего наметили себѣ жертву. Этою жертвою долженъ былъ служить блокгаузъ Червленъ-аскеръ, со всѣмъ своимъ населеніемъ. Они ловко, инстинктивно угадывали своего настоящаго врага. Инглизъ вѣдь недаромъ увивался за Анной,—ужъ не одна болгарская дѣвушка въ его рукахъ перебывала, были и такія межъ ними, что возвращались домой живы, здоровы, еще и съ прибылью, съ деньгами да подарками, весело даже о своихъ побывкахъ говорили, добромъ вспоминали, но была и такая, что привезли ее назадъ въ деревню, еле живую, въ полгода все поправилось, а поправилось такъ только для того, чтобы на чердакъ подняться, да да тамъ на перекладинѣ повѣситься. Были и такія, что и вовсе не возвращались.

— А первый подлецъ всему дѣлу,—говорилъ Максимъ Пѣгашъ,—это Фомка Шумовъ. Вы вотъ всѣ ему челомъ бьете, за радѣльщика всему міру почитаете, а мы, тоже, пришлые, не здѣшніе, кое-что о немъ слышали.

IV.

Солнце еще до половины спряталось за низкую, темную тучу, надвигавшуюся съ запада, когда графъ Михаилъ Рославлевъ съ своими албанцами шагомъ подъѣхалъ къ воротамъ Червленъ-аскера.

Постройка резиденціи Мистера Джемса Говарда, знаменитаго инженера, были расположены слѣдующимъ образомъ. Продолговатый четвероугольникъ, занимаемый этими сооруженіями, одною своею длинною стороною примыкалъ къ берегу, съ остальныхъ трехъ сторонъ онъ былъ обведенъ глубокимъ рвомъ, въ который даже заходили воды Дуная. По внутренней сторонѣ рва возвышался невысокій, неправильной формы валъ, усиленный по гребню частоколомъ; передъ въѣздными воротами черезъ ровъ велъ постоянный мостикъ на козлахъ, другой мостъ, болѣе широкій, велъ съ другой стороны и назначался для въѣзда тяжелыхъ возовъ во дворъ Блокгауза; тамъ воротъ не было вовсе и въѣздъ оберегался надежными сторожами, двумя англійскими бульдогами Мистера Джемса, а кромѣ нихъ еще однимъ, менѣе надежнымъ сторожемъ, очереднымъ заптіемъ туркомъ, вѣчно занятымъ во время службы накладкою безчисленныхъ заплатъ на свои неизмѣримыя шаровары. По длинному, береговому фасаду четвероугольника высился красивый фасадъ въ восточномъ вкусѣ съ швейцарскими затѣями, съ верандою внизу и навѣсными балкончиками верхняго этажа, съ башенкой на плоской крышѣ и флагштокомъ... Это и былъ дворецъ Мистера Говарда. По берегу-же, нѣсколько отступя, тянулись конюшни, съ крошечными окошечками на Дунай, весьма удобно могущими въ случаѣ чего служить амбразурами; къ этой конюшнѣ примыкалъ каменный корпусъ, гдѣ помѣщались солдаты береговой стражи. Этотъ корпусъ тянулся до слѣдующаго угла, гдѣ симетрично возвышался самый сторожевой блокгаузъ, тоже въ два этажа съ балкономъ подъ самою крышею, съ башенкою и флагштокомъ; на томъ флагштокѣ, съ восходомъ солнца поднимался и съ закатомъ опускался большой казенный флагъ, красный съ бѣлою луною и тремя бѣлыми-же звѣздами, а на флагштокѣ Мистера Говарда такого флага не было, а вѣчно вертѣлся, скрипя на весь Дунай, затѣйливо вырѣзанный изъ жести показатель силы и направленія вѣтра.

Такимъ образомъ, всѣ постройки четвероугольника сдвинуты были къ водѣ; фасъ, обращенный къ сушѣ, былъ совершенно открытъ и часовой съ башни блокгауза могъ видѣть, какъ во всю ширь рѣки, такъ и этотъ открытый фасъ и на далекое разстояніе, даже за валомъ и рвомъ, на сколько поз-

воляла сосѣдняя пологая возвышенность, идущая параллельно руслу Дуная.

Берегъ рѣки въ этихъ мѣстахъ былъ обрывистъ и возвышался надъ водою футовъ на двадцать, но за коттэджемъ Мистера Говарда онъ круто понижался и переходилъ въ илистую отмель, густо поросшую тростниками... Прямо противъ блокгауза, на полъ-ружейнаго выстрѣла отъ берега, виденъ былъ островъ, въ водополье заливаемый водою, но теперь ясно и отчетливо рисующійся на золотистой, сверкающей водной зыби своими темными группами кустовъ и щетинистыми линіями травяныхъ зарослей.

Графъ въ данную минуту желалъ быть принятымъ хозяиномъ коттэджа. По праву своего ранга и званія онъ могъ всегда воспользоваться гостепріимствомъ оффиціальной части блокгауза, то есть помѣщеніемъ береговой стражи, но ему на этотъ разъ хотѣлось быть исключительно гостемъ Джемса Говарда.

Поэтому графъ былъ очень доволенъ, когда еще издали не отыскалъ въ свой бинокль часового на башенкѣ: набожный турокъ вѣрно молился, глядя на закатъ солнца, и когда копыта вороного жеребца загремѣли по мостовой настилкѣ, первыми возвѣстили о прибытіи гостей бульдоги, хрипло захлебывавшіеся въ своихъ прочныхъ ошейникахъ.

Джемсъ Говардъ былъ на дворѣ осматривалъ весьма даже заботливо новокованную ногу своей кобылы и не успѣлъ принять никакихъ предупредительныхъ мѣръ, относительно гостя,—ему оставалось только любезно раскланяться и сказать:

— А, очень радъ, чему обязанъ! — и просить графа пожаловать въ нижнюю столовую.

— А я еще болѣе радъ, что наконецъ-то засталъ васъ дома,—произнесъ Рослани, лѣниво слѣзая съ коня и передавая поводья албанцу Рустему.—Есть интересныя вѣсти изъ Константинополя и притомъ...

Графъ шепнулъ что-то Мистеру Джемсу по англійски, тотъ сдѣлалъ изумленную физіономію и огласилъ вечерній воздухъ восклицаніемъ:—Исс!.. однако!..

— Дикъ, еще приборъ и бутылку нумеръ семнадцатый!—распорядился инженеръ.

— Yes!—отозвался Дикъ откуда-то сверху...

— Прошу!..

— Сію минуту... Галебъ!..

Графъ на неизвѣстномъ Мистеру Джемсу нарѣчіи бѣгло заговорилъ съ своимъ кавасомъ, тотъ внимательно выслушалъ и кивнулъ головою—другой албанецъ тоже наклоненіемъ головы изъявилъ свое одобреніе и оба стали спокойно вываживать по двору взмыленныхъ коней.

Входя въ столовую, просторную комнату нижняго этажа, изъ которой вела лѣстница наверхъ, графъ внимательно осмотрѣлся: онъ искалъ какихъ либо признаковъ присутствія женщины въ этомъ домѣ, но пока его обзоръ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ... Подозрительнымъ могло только показаться развѣ то обстоятельство, что хозяинъ немедленно велѣлъ Дику запереть дверь, ведущую на лѣстницу, подъ предлогомъ сквозного вѣтра.

Сѣли за вечерній чай, разговорились.

Гость сообщилъ много интереснаго, хозяинъ въ свою очередь разговорился. Михаилъ Рослани велъ разговоръ чрезвычайно ловко и скоро окончательно усыпилъ подозрительность Мистера Говарда...

Въ широкомъ окнѣ мелькнулъ силуэтъ Галеба и конской головы. Албанецъ гладилъ коня по шеѣ и нѣжно цѣловалъ своего четвероногаго друга въ мягкія губы. Графъ слегка замялся на полусловѣ и нахмурился: онъ понялъ эти жесты... Его албанецъ уже успѣлъ распросить кое-кого изъ турецкихъ солдатъ, а условленными знаками передалъ своему господину результаты распросовъ.

Графъ теперь зналъ, что четыре дня тому назадъ сюда была привезена дѣвушка и что эта дѣвушка теперь здѣсь.

Между тѣмъ ночь надвигалась быстро... Дикъ уже внесъ въ столовую пару подсвѣчниковъ съ предохранительными колпаками.

— Какъ жаль, что я не могу сегодня помѣстить васъ, почтенный графъ, въ той комнатѣ гдѣ прежде: тамъ проклятымъ вѣтромъ выбило всѣ стекла и я велѣлъ пока ее запеветь вовсе... Удобно-ли вамъ будетъ здѣсь?..

— Э! пустяки! солдатъ не разборчивъ въ мѣстѣ ночлега... Здѣсь превосходно... Да и кто говоритъ о снѣ въ пріятномъ обществѣ!.. Еще въ могилѣ успѣемъ належаться вволю...

— Въ могилѣ... да... Ха ха!.. я тоже пока не имѣю ни малѣйшей охоты совать носъ въ подушку... Дикъ!

— Масса?..

— Столикъ и карты!..

— И вина тоже... у насъ, вѣрно, еще осталось то, которое вамъ прислалъ Делаваръ паша?

— Дикъ бутылку... двѣ... нумеръ двадцать семь!.. что тамъ такое, кого несетъ еще?.. Дикъ!?

— Это тотъ каналья, Фома!—выглянулъ графъ въ окно, приглядываясь къ тому, что дѣлается на дворѣ.

Въ комнату вошелъ чаушъ Ибрагимъ съ лоскутомъ бумаги въ рукахъ, раскланялся съ графомъ и протянулъ письмо хозяину дома. Мистеръ Говардъ быстро пробѣжалъ и произнесъ:

— Ну, такъ что-же?..

— Я съ частью людей долженъ ѣхать на то мѣсто, я даже оставлю здѣсь только двухъ, больше не надо, а съ остальными ѣду сейчасъ... Прочтите записку, эфенди!..

— Что тамъ пишутъ и кто?—полюбопытствовалъ графъ, покойно раскуривая сигару.

— Да вотъ пьяница Джемиль увѣдомляетъ, будто бы сегодня ночью, за «сомовьей губою» подойдутъ лодки съ того берега забирать бѣгунцевъ отсюда... Вотъ они и всполошились.

— Я велѣлъ уже сѣдлать, а пѣшіе уже выступили,—докладывалъ чаушъ Ибрагимъ.

— А не проѣхаться ли и намъ?—съ видимымъ удовольствіемъ предложилъ Мистеръ Говардъ:—я страшно люблю подобныя охоты—это, знаете, мнѣ немного напоминаетъ, когда въ Абиссиніи мы ѣздили на павіановъ. Презабавно!..

Англичанинъ схватился обѣими руками за предлогъ, выжить, по крайней мѣрѣ, на эту ночь гостя некстати... Идея! они всѣ поѣдутъ, протянутъ дѣло до утра, а тамъ... А тамъ венгерецъ не пожелаетъ же возвращаться назадъ въ блокгаузъ, когда отъ «сомовьей губы» ему уже прямая дорога къ городу... Идея!..

— Я не любитель подобныхъ охотъ, если хотите ѣхать, то пожалуйста не стѣсняйтесь мною, ради Бога, не церемоньтесь! я переночую, подожду завтра вашего возвращенія и посмотрю трофеи охоты... Поѣзжайте!

Какъ видите въ головѣ Михаила Рослани тоже блеснула недурная идея.

— Гм!—поперхнулся глоткомъ шери Мистеръ Джемсъ...— Боюсь только, что пьяница Джемиль опять поретъ горячку напрасно, какъ уже не разъ случалось, и мы даромъ только прокормимъ болотныхъ комаровъ своею кровью.

— Да кто привезъ записку?

— Помакъ привезъ... онъ говоритъ, что Джемиль лично вручилъ ему эту записку и просилъ ѣхать какъ можно скорѣе... я его сейчасъ позову... эй, Суффи! гдѣ помакъ? пошли сюда его... гдѣ онъ тамъ?!.

— А, дѣйствительно, пускай они ѣдутъ и гоняются за бѣгунцами, а мы... я на этотъ разъ попробую заложить разомъ сто тиллей, а то вы, милѣйшій графъ, очень энергично рвете мелкіе заклады.—Идетъ?..

— Идетъ!.. А, пріятель! давно тебя не видѣлъ; недѣли три кажется не видались...

— Привелъ Богъ свидаться!—низко поклонился графу вошедшій въ эту минуту въ комнату Фома Шумовъ.

Онъ былъ очень блѣденъ, его роль была опасна, едва ему по силамъ, онъ чувствовалъ себя между двухъ огней, а еще вѣрнѣе, въ положеніе человѣка, котораго помѣстили между двумя тиграми; оба звѣря на цѣпяхъ, между ними только крохотное нейтральное мѣсто, это мѣсто занято его собственною особою: малѣйшее неосторожное движеніе въ одну сторону,— смерть; движеніе въ другую,—тамъ тоже ждутъ страшныя, когтистыя лапы.

— Давно, давно не видѣлъ... Ну, что скажешь хорошаго? Былъ въ Червномъ-Солникѣ?—спросилъ графъ.

Болгаринъ-помакъ потупился, мистеръ Говардъ вспыхнулъ при этомъ вопросѣ и грозно взглянулъ прямо въ глаза Фомѣ Шумову, — тотъ понялъ этотъ взглядъ, говорившій: «вотъ только проврись мнѣ хоть однимъ словомъ!»...

— Ну, хорошо,—заговорилъ инженеръ...—Такъ ты теперь курьеромъ у бимъ-баши служишь... Мнѣ съ тобою еще надо переговорить кое о чемъ, а пока ночуй здѣсь, завтра увидимся... Дикъ, накорми его!

Фома поклонился и, пятясь задомъ, вышелъ изъ комнаты. Холодный потъ проступилъ у него на лбу, по спинѣ забѣгали

мурашки... Онъ хотѣлъ сію же минуту удрать изъ этого проклятаго мѣста, онъ чувствовалъ, что въ эту ночь здѣсь должно сотвориться что-то недоброе, онъ хотѣлъ бѣжать отсюда, а *тотъ* заставляетъ его ночевать, завтра говорить хочетъ... завтра?! А если завтра *онъ* не будетъ уже говорить... мертвые не говорятъ, вѣдь... Мертвые лежатъ молча, вотъ какъ *тотъ* лежалъ на дорогѣ... Завтра!..

— Будешь утку ѣсть? Хорошая, жирная утка и ветчина есть... Вѣдь вы, мусульмане, свиньи, вы не ѣдите хорошихъ вещей и потому — дураки! — говорилъ ему Дикъ за дверью.—Пойдемъ... Послушай... если правда, что пишетъ бимъ-баши, я бы съ удовольствіемъ и самъ поѣхалъ бы. Если бы не этотъ венгерецъ, мы бы съ господиномъ непремѣнно поѣхали Развѣ одному попроситься?! Пойдемъ скорѣе ужинать!..

Стройная фигура Михаила Рослани на минуту показалась въ ярко освѣщенномъ четвероугольникѣ отворенной двери и скрылась... По мостовой настилкѣ дробно прогремѣли копыта лошадей; уже за валомъ слышались голоса всадниковъ и лязгъ оружія... Оба бульдога снова захлебывались отъ злости, бѣгая на своихъ длинныхъ цѣпяхъ. Населеніе блокгауза уменьшилось значительно.

— Дама пикъ—уголъ!—говорилъ графъ,—эти двѣ карты я ставлю по піастру очко!

— Идетъ,—цѣдилъ сквозь зубы мистеръ Джемсъ Говардъ, окруживъ себя облакомъ ароматичнаго дыма кальяна.

. . . . . .

Банкъ въ сто тиллей уже былъ почти сорванъ. Мистеръ Говардъ слегка сердился, графъ игралъ нервно, рискованно и безпрестанно посматривалъ на часы... Еще двѣ-три карты и англичанинъ полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ для новаго закладa, графъ взялъ его за руки.

— Мы можемъ перемѣнить закладъ... Деньги надоѣли,— заговорилъ графъ. — Тамъ у васъ на верхушкѣ дѣвушка—я хочу играть на нее—согласны?!.

— Что, что вы сказали?!.

Говардъ сжалъ кулаки, вскочилъ такъ, что его стулъ отлетѣлъ въ сторону и вызывающимъ взглядомъ окинулъ своего гостя.

— Что за горячность!—хладнокровно отвѣчалъ Рослани.— Если хотите, я беру на себя заплатить Фомѣ Шумову вашъ долгъ за эту дѣвушку.

— Дикъ!

— Дикъ уѣхалъ съ жандармами на «интересную» охоту— я его отпустилъ вашимъ именемъ... Мои албанцы въ вашимъ услугамъ.

Мистеръ Джемсъ осмотрѣлся, какъ волкъ, попавшій въ яму.

— Я вамъ не совѣтую поднимать шума изъ пустяковъ,— продолжалъ графъ,—да и безполезно. То, что достигается путемъ убійства — непрочно. Если вы имѣете право на эту дѣвушку, то почему же и мнѣ не имѣть такого же на нее права. Не такъ ли?!. Будьте хладнокровны и взвѣсьте всѣ обстоятельства вашего положенія въ настоящую минуту... Я знаю, что у васъ въ карманѣ револьверъ, но вѣдь и это безполезно... Я за вами слѣжу и малѣйшее ваше движеніе будетъ стоить вамъ жизни. Я вамъ даю въ этомъ слово! Вы одни здѣсь, со мной мои слуги,—они у крыльца и ждутъ только моего знака. Если вы будете сопротивляться, тѣмъ хуже для васъ...

Вдругъ раздался выстрѣлъ. Вся комната наполнилась дымомъ; пуля изъ карманнаго револьвера мистера Джемса оторвала кисть отъ фески венгерца... за первымъ выстрѣломъ послѣдовали второй и третій, но за послѣднимъ ударъ тяжелой бутылки обрушился на голову англичанина и тотъ, застонавъ, опустился на стулъ, тупо ворочая воспаленными бѣлками глазъ. Албанцы ворвались въ комнату.

— Инглизъ очень скупъ,—сообщилъ имъ графъ Рослани,— ему жаль проиграннаго золота, и онъ предпочелъ разсчитаться свинцомъ—свяжите его за это...

— Разбойники! — простоналъ инженеръ, чувствуя, какъ тонкія веревки впивались въ его тѣло.

Въ эту минуту часовой на башнѣ блокгауза замѣтилъ на горизонтѣ, въ темной чащѣ камышей красныя вспышки, затѣмъ донеслось глухое щелканье ружейной перестрѣлки, кое кто изъ оставшихся солдатъ выскочили на шумъ. Они слышали тоже выстрѣлы... и тамъ, и тутъ, какъ будто въ самомъ домѣ инглиза-инженера.

Фома Шумовъ лежалъ ничкомъ въ своей телѣжкѣ, зажавъ

ушк, одинъ изъ бульдоговъ сорвался таки и свирѣпо скребъ лапами въ двери коттэджа.

Съ балкона верхняго этажа жилища мистера Джемса послышался спокойный, начальническій голосъ графа Рослани.— Венгерецъ кричалъ, чтобы всѣ оставшіеся въ блокгаузѣ немедленно шли на помощь къ товарищамъ...

А между тѣмъ Галебъ, оставивъ Рустема сторожить связаннаго, торопливо отвязывалъ маленькую лодку, стоявшую у пристани.

Анна слышала, какъ трещала дверь... Эту дверь выламывали чьи-то сильныя руки. Измученная горемъ и стыдомъ дѣвушка ждала своей послѣдней минуты; ей казалось, что вотъ-вотъ ворвется сейчасъ сюда толпа полузвѣрей, вотъ-вотъ начнутся мучительныя, постыдныя истязанія... Она не была изъ особенно слабонервныхъ, она не умѣла падать въ обморокъ, она жадно шарила руками въ потьмахъ, ища оружія, ища чего нибудь такого, чтобы хоть сколько нибудь могло сослужить ей подходящую службу... Она рѣшилась зубами вцѣпиться въ горло перваго, кто до нея докоснется...

— Анна! это я—Михо!..—говоритъ ей знакомый голосъ.

— Уйди, не прикасайся... Звѣрь... Уйди!..

— Анна, голубка моя!.. Анна! опомнись... это я.. Анна!.. А... ну, такъ поговоримъ послѣ. Рустемъ!

Съ трудомъ справились двое сильныхъ людей съ иступленной дѣвушкой. Ее вынесли на рукахъ, мимо связаннаго мистера Джемса.

Едва только отворилась наружная дверь, какъ въ комнату ворвался бульдогъ и вцѣпился въ бедро албанца.

— Проклятый шайтанъ!.. Ой!..

Собака даже визгомъ не отвѣтила на ударъ кинжала,— едва, съ помощью товарища, отдѣлался албанецъ отъ этого врага... Оглушенный ударомъ ятагана по головѣ, бульдогъ конвульсивно ползалъ по полу, обливая дорогой коверъ своею кровью...

Мистеръ Джемсъ находился въ безпамятствѣ; съ нимъ случилось нѣчто въ родѣ апоплексіи; онъ только мычалъ, и пѣна пузырями накипала на его стиснутыхъ губахъ.

Окутанную пледомъ дѣвушку уложили въ лодку. Рослани взялся за весла.

— А вы,—говорилъ онъ своимъ албанцамъ,—возвращайтесь домой и тамъ меня ждите... Я вернусь завтра... Прощайте, товарищи!.. Уѣзжайте сейчасъ же!..

— Если я не вернусь завтра, если три дня пройдетъ и меня не будетъ... Вы свободны—мои кони принадлежатъ вамъ, все мое—ваше... Прощайте!

Эти слова Михаилъ Рослани прокричалъ тогда, когда лодка уже на нѣсколько саженей отошла отъ берега.

— Господинъ, возвращайся! — кричалъ Галебъ. — Возвращайся!..

— Онъ не вернется!—мрачно произнесъ Рустемъ, держась обѣими руками за раненое бульдогомъ бедро.

Лодка все удалялась и удалялась... Она уже черною точкою колыхалась въ волнахъ, она уже миновала черноту островка.

— Куда ты везешь меня?!—холодно спросила дѣвушка.

— Туда, моя дорогая, гдѣ тебя ни одинъ злой палецъ не достанетъ, туда, гдѣ ты найдешь покой и свободу, туда,— гдѣ ты найдешь себѣ любимаго мужа, если можешь и хочешь любить меня такъ, какъ я тебя давно уже полюбилъ, моя бѣдная страдалица!

— А мать моя?

— Богъ, спасшій тебя, позаботится и о ея спасеніи.

. . . . . .

Издыхающая собака доползла кое-какъ до ногъ связаннаго господина и глухо выла, облизывая эти ноги. Она въ предсмертныхъ судорогахъ опрокинула столъ, разсыпанное золото зазвенѣло, одна свѣча потухла, другая упала какъ разъ у самой оконной драпировки, спускавшейся до полу и голубое пламя змѣйкою взвилось вверхъ, охватывая складки легкой ткани... Вотъ оно добѣжало до кипы газетъ, висѣвшей на гвоздикѣ—бумажные листья вспыхнули и закоробились... Комната мало-по-малу наполнилась дымомъ... Трудно дышать... жаръ невыносимый, зловѣщій трескъ слышится; пожарное зарево полосами бьетъ изъ оконъ...

— Спасите, спасите!—раздался отчаянный вопль мистера Джемса

Никто не слышитъ этого крика, кромѣ Фомы Шумова, но тотъ не тѣмъ занятъ, онъ уже проскочилъ черезъ мостикъ и во весь духъ гонитъ свою рыжую кобылу... Чудятся ему допросы, пытки, суды; чудятся, острые колья, высокія висѣлицы,; чудится волку близкая отплата за овечьи слезы...

Словно костеръ, ярко горитъ затѣйливый коттэджъ геніальнаго инженера, далеко кругомъ всю окрестность освѣщаетъ пожаръ, красный столбъ по Дунаю тянется.

Видѣлъ этотъ столбъ пламени и дыму графъ Михаилъ Рослани, причаливая къ тому берегу, видѣлъ и чаушъ Ибрагимъ, торопливо сбирая свой разбредшійся отрядъ послѣ свалки съ бѣгунцами.

Отыскалъ-таки чаушъ бѣгунцевъ, только не тамъ, гдѣ указывалъ въ запискѣ бимъ-баши Джемиль, а много не доѣзжая, за первымъ же плесомъ, и не такую силу встрѣтилъ, чтобы стоило всю команду поднимать на ноги,—всего только шесть человѣкъ и было, а дрались эти шестеро такъ, что и живьемъ взять ихъ не было возможности, пришлось покончить съ ними...

Первыми легли Симко-женихъ и Илья Кубаевъ, послѣднимъ Максимъ пѣгашъ. Этотъ даже чуть не ушелъ совсѣмъ изъ рукъ, а въ свалкѣ самому чаушу Ибрагиму камнемъ проломилъ голову...

Вернулась команда—только свои конюшни и успѣла отстоять отъ огня и на другой день отыскали въ грудахъ золы и угля обгорѣлыя кости мистера Джемса Говварда.

Надъ этими костями выли только двое: оставшійся въ живыхъ бульдогъ и черный Дикъ, прочіе всѣ неособенно горевали. Мало добраго слѣда покойникъ по себѣ оставилъ...

Ждали албанцы Рустемъ и Галебъ день, ждали другой, затѣмъ третій,—не возвращается ихъ господинъ съ того берега,—а тутъ ихъ къ допросу валій потребовалъ, тамъ къ коменданту потащили: говорятъ, будто пришла изъ Стамбула телеграмма: «Арестовать немедленно, живымъ или мертвымъ, и доставить въ Стамбулъ подъ строгимъ конвоемъ того, кто назывался венгерскимъ графомъ Михаиломъ Рослани!»

Тогда поняли албанцы, что имъ ждать уже некого; помянули добрымъ словомъ добраго господина, подѣлили все наслѣдство и отправились искать себѣ новой работы. Люди вольные!..

VI.

Миновалъ годъ.

Много воды утекло за этотъ годъ въ Дунаѣ; тысячи труповъ славянскихъ и турецкихъ унесены были водами въ Черное море; потоки русской крови оросили берега великой рѣки великаго славянскаго міра. Далеко за Балканы отброшены были турецкія полчища, ни одного краснаго флага не развѣвалось больше надъ свободной Болгаріей...

Освобожденный народъ, ликуя, встрѣчалъ своихъ освободителей.

У городской заставы толпился народъ... Веселый, радостный гулъ стоялъ въ воздухѣ... Все, что только дожило до этого праздника, все собралось сюда... Грудныхъ дѣтей забрали съ собою матери, приползли старцы на костыляхъ, бѣлые, исхудалые, словно съ того свѣта выходцы... Черные попы съ образами, крестами и хоругвями, почетные обыватели съ хлѣбомъ и солью, дѣти, дѣвушки съ цвѣтами, корзинами фруктовъ, съ кувшинами вина—все высыпало на встрѣчу русскому солдату...

Вотъ тянутся покрытыя пылью бѣлыя колонны, тысячи штыковъ сверкаютъ въ пыльныхъ тучахъ. Крики «ура!» «Да живетъ царь Александръ!» «Да живетъ Россія!»... покрываютъ военную музыку, глушатъ веселую дробь барабановъ...

Болгаринъ Фома Шумовъ стоитъ впереди всѣхъ, держитъ въ рукахъ большое рѣзное блюдо съ ковригою и солонкою. Въ землю поклонился, и, только что рѣчь кончилъ патріотическую, какъ слышитъ: тронулъ его кто-то за плечо, легонько...

Оглянулся помакъ и поблѣднѣлъ, чуть блюдо изъ рукъ не выронилъ.

На казачьемъ конѣ лихо сидитъ всадникъ, по одеждѣ русскій и чина не малаго, улыбается, глядя на переполохъ народнаго представителя, только не зло, а ласково такъ, словно радъ даже, что узналъ знакомаго...

— Здравствуй, Фома! Вотъ гдѣ и когда привелъ Богъ встрѣтиться!—говорилъ всадникъ.

И слова Фома Шумовъ въ отвѣтъ промолвить не можетъ.

— Приходи сегодня ко мнѣ... Вонъ въ томъ домѣ, гдѣ вали жилъ, мнѣ квартира отведена—приходи, дѣло есть! Придешь, поможешь—добро тебѣ будетъ, не придешь—не пеняй...

— Приду, господине, приду; вотъ тебѣ святой Богъ во свидѣтели...

— Вотъ какъ... Ну, а Аллаха-то теперь по боку-съ? Нѣтъ больше въ немъ надобности?

Засмѣялся всадникъ весело, да такъ весело, что и самому отступнику смѣшно даже стало, и какъ только прошли колонны прибылаго войска, поразмѣстились гости по обывателямъ, живо отыскалъ Фома указанную ему квартиру и уже съ полчаса тамъ дожидался, да и не одинъ дожидался, а тоже знакомую нашелъ... Анна Кириллова не такъ радушно его встрѣтила... Она даже отшатнулась, какъ только его въ первый разъ увидала, а потомъ сказала:

— Ну, Богъ съ тобою; теперь у насъ свѣтлый праздникъ: теперь и смертному врагу своему всякъ простить долженъ... Жива моя мать?

— Давно не былъ, а слышно, что жива... только ужъ очень стара стала, больная совсѣмъ...

Анна заплакала...

— Ну вотъ мы съ мужемъ уже говорили... Больше послать не кого за нею, какъ тебя. Поѣзжай и привези ее сюда, бережно, сохранно... Мужъ пріѣдетъ, дастъ тебѣ коляску и лошадей... Да вотъ и самъ онъ.

— И самъ я!..—соскочилъ съ коня бывшій венгерскій графъ.—Ну, радость моя, ты, кажется, уже съ нимъ переговорила...

— Хоть сейчасъ иду по твоему приказу, господинъ!—поклонился Фома Шумовъ.

— Передъ вечеромъ уѣдешь, а теперь мнѣ тебя еще многомъ распросить надо.—Ну, хозяйка, женушка милая, давай намъ обѣдать, по походному... Артемъ, убери коня!.

И «старый знакомый», обнявъ Анну за талію, вошелъ въ двери дома, а за ними, не разгибая согнутой спины, крестяся на образа, прошмыгнулъ и Али-Иссa-Бекъ — Фома Шумовъ...

МИЛЕНКА.

Гостиница «Сербской кроны» считалась почему-то лучшей во всемъ Бѣлградѣ; сюда собирались обѣдать и ужинать почти всѣ русскіе, наводнившіе за послѣднее время столицу Сербскаго княжества.

Здѣсь, подъ тѣнью развѣсистыхъ платановыхъ деревьевъ и старыхъ вѣтвистыхъ каштановъ, цѣлый день видны были оживленныя группы военныхъ и штатскихъ, мелькали цвѣтные зонтики и шлейфы дамъ, и вплоть до глубокой ночи не умолкалъ говоръ и возгласы посѣтителей, собравшихся чуть-ли не изо всѣхъ странъ міра, говорящихъ самыми разнородными языками и нарѣчіями. Въ послѣднее время, впрочемъ, сталъ господствовать языкъ русскій, заглушая все остальное, иноземное.

Въ этой гостиницѣ или, правильнѣе сказать, около нея, такъ какъ всѣ посѣтители, пользуясь превосходною погодою и уютною тѣнью деревьевъ, избѣгали душныхъ комнатъ ресторана, назначались всевозможныя рандеву, здѣсь обсуждались и военно-политическіе вопросы и обыденныя мелочи; здѣсь, не стѣсняясь ничѣмъ, выражались самыя рѣзкія мнѣнія; однимъ словомъ, здѣсь самъ собою образовался обширный, доступный для всѣхъ и каждаго, клубъ пріѣзжихъ въ Сербію, клубъ безъ устава, безъ контроля, безъ всякаго полицейскаго попеченія.

Съ перваго же дня пріѣзда моего въ Бѣлградъ я обѣдалъ постоянно въ «Сербской кронѣ».

Подъ однимъ изъ каштановъ, невдалекѣ отъ того столика, гдѣ я обыкновенно занималъ приборъ, постоянно сидѣла маленькая дѣвочка, сербка, лѣтъ десяти, можетъ быть немного болѣе. Это маленькое, граціозное существо съ перваго раза

было почти незамѣтно для глазъ наблюдателя: развѣсистый кустъ смородины, разросшійся у самаго корня каштана, и ярко-зеленая путаница виноградныхъ побѣговъ, почти скрывали малютку; только въ ту минуту, когда солнечный лучъ случайно прорѣзалъ листву, мелькалъ въ зелени бѣлый рукавъ ея рубашки или розовая пухлая щечка, покрытая пушкомъ смуглаго дѣтскаго тѣла. Дѣвочка была чрезвычайно миловидна и такъ напоминала дѣтей Мурильо; казалось, что эта граціозная фигурка выскочила прямо изъ рамокъ картины знаменитаго художника...

Растрепанные, темно-каштановые волосы, сбитые, нечесаные, висѣли низко за спиною, обрамляя смуглое, выразительное личико; большіе, черные глаза смотрѣли прямо; въ этомъ взглядѣ было столько грусти, но грусти дѣтской, безсознательной, казалось будто слезинка хотѣла было выкатиться наружу, да раздумала и разлилась по глазу, подернувъ его нѣжнымъ, темнымъ блескомъ. Маленькій носикъ, немного вздернутый, выражалъ нѣкоторую энергію, быть можетъ, пока еще дремавшую въ ребенкѣ; обрамленный пухленькими темно-малиновыми губками ротикъ вѣчно улыбался, что составляло поразительный и оригинальный контрастъ съ ея задумчивымъ, грустнымъ взглядомъ.

Одѣта эта дѣвочка была чрезвычайно бѣдно, даже нищенски: поверхъ грязной, порваной рубашки съ короткими рукавами и открытымъ воротомъ, только одна коротkая-же шерстяная юбочка, когда-то красная, но въ настоящую минуту утратившая отъ времени всякіе признаки своего первоначальнаго цвѣта. Эта юбочка мѣстами превратилась даже въ лохмотья и едва прикрывала голыя, худенькія ножки ребенка.

Въ первый день, когда я пришелъ обѣдать въ гостинницу, я не замѣтилъ этой дѣвочки; я обернулся, почувствовавъ, что кто-то тихонько дергаетъ меня сзади за полу сюртука и увидалъ крохотную фигурку, просительно протянувшую ко мнѣ свою грязную ручку.

Ребенокъ просилъ молча, но выразительно. Я вынулъ немного серебра и положилъ ей въ руку.

Дѣвочка взглянула на меня, потомъ на серебряныя монетки, ярко сверкавшія на солнцѣ въ ея черной ладони, улыбнулась и проговорила:

— Это для мамы, теперь для меня.

Меня, признаюсь, немного озадачила эта выходка; я вынулъ еще монетку и протянулъ ее ребенку.

— Нѣтъ,—покачала она головкой...—Для мамы нужны деньги, для Миленки не надо...

Я взглянулъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Что же тебѣ надо?

— А вона!

И дѣвочка указала глазами на какое-то пирожное, стоявшее противъ моего прибора въ стеклянной вазѣ.

Я расхохотался и отдалъ ей всѣ сладости изъ вазы.

Дѣвочка приложила свою руку къ губамъ, чмокнула и, передавъ мнѣ по воздуху этотъ поцѣлуй, сдѣлавъ при этомъ чрезвычайно граціозный, кокетливый жестъ, отошла и сѣла на свое мѣсто, подъ старымъ каштаномъ.

Каждый разъ я потомъ встрѣчалъ здѣсь эту дѣвочку. Она приходила утромъ къ гостинницѣ, сидѣла до конца обѣденнаго времени, потомъ исчезала куда то, а вечеромъ появлялась снова, просиживая иногда до полуночи.

Ее знали и баловали почти всѣ посѣтит линицы. Только и слышались возгласы:

— Миленка, поди сюда! Миленка, хочешь этого?! На, лови!

Миленка иногда пѣла по требованію какого-нибудь посѣтителя, иногда танцовала, но все это выходило у нея вяло, какъ-то нехотя, и дѣвочка, видимо, неохотно подчинялась этимъ требованіямъ.

Мнѣ разсказывали, что ребенокъ этотъ появился здѣсь всего съ недѣлю тому назадъ, что турки убили ея отца, истребили почти всю родню, сожгли до тла ихъ деревню, что ребенокъ этотъ Богъ вѣсть какимъ чудомъ уцѣлѣлъ и также Богъ вѣсть какимъ образомъ попалъ въ Бѣлградъ, будто бы даже съ своей больной, измученной матерью, для которой она и приходитъ сюда въ гостиницу собирать подаяніе.

Мнѣ хотѣлось подробнѣе разспросить ребенка, обстоятельнѣе узнать ея исторію, повидаться даже съ ея матерью, но я все откладывалъ да откладывалъ, пока не пришлось выѣхать изъ Бѣлграда.

Масса несчастій и бѣдствій того же рода поглотила все мое вниманіе и заставила на время забыть малютку подъ каш-

таномъ гостинницы «Сербская крона», пока самъ случай не напомнилъ мнѣ объ ея существованіи и не раскрылъ грустнаго эпизода ея жизни, одного изъ многочисленнѣйшихъ эпизодовъ колоссальной кровавой драмы, разыгравшейся за послѣднее время надъ несчастнымъ Балканскимъ полуостровомъ.

Возвращаясь съ одной изъ поѣздокъ своихъ по лагерямъ дѣйствующихъ войскъ, изъ Делиграда въ Бѣлградъ, я, въ Семендріи или, какъ называютъ здѣсь этотъ городъ, Смедерево, остановился пообѣдать и немного отдохнуть, почему и велѣлъ почтарю-кочеяшу не торопиться перепряжкою свѣжихъ лошадей, а заѣхать за мною въ гостинницу часа черезъ два, а то и немного попозже.

Кочеяшъ былъ почему-то очень доволенъ этимъ моимъ распоряженіемъ; снявъ шляпу и улыбаясь во всю ширину своего добродушнаго рта, онъ весело произнесъ: «фала, господине», — а слово «фала» значитъ «благодарю», — и, хлестнувъ длиннымъ кнутомъ уставшую, заморенную порядкомъ лошаденку, запрыгалъ въ своей двухколесной таратайкѣ по крупнымъ камнямъ плохо-мощенной улицы.

Я, отряхивая пыль съ плаща и фуражки, вошелъ въ залъ семендрійской гостинницы, весьма порядочной на видъ, положительно лучшей изъ всѣхъ, которыя мнѣ приходилось видѣть по сербскимъ дорогамъ.

Большая, длинная зала съ цѣлымъ рядомъ свѣтлыхъ, высокихъ оконъ, была уставлена посрединѣ опрятно сервированными столиками, въ углу помѣщался небольшой буфетъ съ претензіей даже на нѣкоторую роскошь, въ видѣ двухъ покрывшихся бронзовыхъ канделябровъ безъ свѣчей и стекляшной вазы съ засохшими кусочками какого-то пирожнаго. Стѣны залы, окрашенныя свѣтло-зеленою краскою, пестрѣли многочисленными гравюрами и литографіями, оправленными въ золоченыя рамочки; близъ буфета висѣла даже карта Сербіи, дешеваго пригазетнаго изданія и пожелтѣвшая отъ времени, наклеенная для прочности на картонъ, карта обѣда, помѣченная еще 4 іюня 1868 года, выслужившая, значитъ, почти десятилѣтнюю давность безъ измѣненій.

По этой-то древней картѣ я спросилъ себѣ обѣдъ изъ пяти блюдъ, въ два динара (немного больше нашего полтинника)

и, въ ожиданіи этого обѣда, сталъ разсматривать посѣтителей гостинницы.

Ближе къ буфету, за столомъ, чище прочихъ сервированнымъ, сидѣли двѣ дамы съ повязками краснаго креста на рукавахъ; съ каждою изъ этихъ дамъ сидѣло по два кавалера въ штатскихъ платьяхъ, вида весьма приличнаго. Какъ дамы, такъ и кавалеры видимо уже пообѣдали и кейфовали съ папиросами въ зубахъ, за чашечками чернаго кофе. Судя по разговору, а также и внѣшнимъ признакамъ, нетрудно было догадаться, что всѣ шестеро принадлежатъ къ персоналу здѣшняго временнаго госпиталя. Черезъ столъ отъ нихъ дремалъ, облокотившись обѣими руками и подперевъ ими голову, какой-то военный, въ темно-синей блузѣ, съ вышитыми звѣздочками на отложномъ воротничкѣ; тутъ же на столѣ лежала сабля его въ ржавыхъ металлическихъ ножнахъ и круглая форменная шапочка; передъ дремавшимъ стояла недопитая бутылка краснаго вина и половинка яблока. У средняго стола сидѣла самая оживленная и многочисленная компанія—все русскіе добровольцы, въ разнообразныхъ, еще неформенныхъ костюмахъ, кто въ штатскомъ куцемъ пиджакѣ, кто въ поддевкѣ, а кто такъ и просто въ красной кумачевой рубахѣ съ лихо застегнутымъ косымъ воротомъ, всѣ въ тяжелыхъ высокихъ сапогахъ, всѣ съ револьверами, одинъ такъ даже съ простымъ русскимъ топоромъ за поясомъ и съ тяжелою суковатою дубиною...

У буфета стояла оригинальная фигура колоссальнаго роста, въ короткомъ халатѣ поверхъ грязнаго бѣлья и въ туфляхъ на босую ногу. Голова и шея этой фигуры была обвернена бинтами и тряпками, и въ массѣ этихъ обертокъ, словно кожаная рукавица на снѣгу, чернѣло энергичное смуглое лицо, съ большимъ горбатымъ носомъ, съ бровями, рѣзко очерченными и длинными усами, висѣвшими прямо внизъ двумя черными прядями.

Добровольцы еще не были въ арміи, они недавно прибыли въ Бѣлградъ и только направлялись къ мѣсту дѣйствія. Здѣсь, въ Семендріи, былъ у нихъ отдыхъ, и они, въ ожиданіи заказанныхъ колъ (повозокъ), весело болтали, восторгаясь дешевизною обѣда, а главное вина, и «всякаго продовольствія», какъ они выражались, разсматривая поданный имъ трактирный счетъ.

Изъ сосѣдней комнаты, ходъ въ которую шелъ черезъ сѣни, слышалось щелканье бильярдныхъ шаровъ и разнообразные, приличные обстоятельствамъ возгласы игравшихъ. Нѣмецъ-буфетчикъ важно сидѣлъ за прилавкомъ, закрывшись какою-то газетою; трактирные мальчики въ красныхъ фескахъ и съ зелеными фартуками ловили мухъ на окнѣ отъ нечего дѣлать; красивая, толстая, съ румянцемъ во всю щеку сербка-судомойка, стоя въ дверяхъ, лихо подбоченясь, и глупо улыбалась, сверкая своими превосходными, бѣлыми зубами.

— Это удивительно!.. Это удивительно. Да у насъ въ Москвѣ за такія деньги селянки простой въ трактирѣ не получишь! Ей Богу, право!—щелкая всею пятернею по счету, восторгалась красная рубаха-косоворотка.

— Недорого,—снисходительно пожималъ плечами паруспиный пиджакъ.

— Вѣрите-ли, меня просто ошарашило... Пріѣзжаю въ Бѣлградъ, сейчасъ въ гостинницу. Ставятъ графинъ съ виномъ... вино ничего, сносное... Жажда страшная, жарища, сорокъ градусовъ, а то и больше...

— А можетъ и меньше?

— Нѣтъ, не меньше... Пью... спрашиваю: сколько?

— Все выпилъ?

— Что за вопросъ!.. Конечно! Говорятъ «четыре пары»—счета не знаю, не понималъ еще. Даю на всякъ случай три динара, смотрю, два назадъ и съ одного еще сдачи мѣдяками... Просто, даромъ!

— У насъ въ Черногоріи, въ Цетинье,—сиплымъ басомъ вмѣшалась забинтованная фигура въ халатѣ.

— А у васъ въ Черногоріи лежатъ въ койкѣ, если докторъ вставать не позволилъ!—замѣтилъ черногорцу довольно строгимъ тономъ одинъ изъ членовъ медицинскаго персонала.

— Скучно лежать... я на минутку, такъ только...—замялась фигура въ халатѣ.

— Ну, идите, идите! А то замѣчу еще разъ, не позволю въ гостинницѣ лежать, въ госпиталь переведу.

— Я пойду!—махнулъ рукою черногорецъ, захватилъ съ прилавка кисть зеленаго винограда и, шлепая туфлями по плитному полу, тихонько, съ видимымъ усиліемъ зашагалъ вонъ изъ комнаты.

— Экая сила у этого народа!—замѣтилъ докторъ, проводивъ глазами ушедшаго.—Пуля въ шеѣ, контузія въ голову и еще на ногахъ держится... Другой бы давно на тотъ свѣтъ отправился.

— Удивительно живучій народъ.. Я помогала одному ампутировать ногу; даже и не застопалъ,—замѣтила одна изъ дамъ.

Мнѣ принесли обѣдъ и я занялъ мѣсто на другомъ концѣ стола, за которымъ дремалъ господинъ въ военной куртѣ.

Мальчикъ, подавшій мнѣ суповую чашку, осторожно сталъ убирать лежавшую на столѣ саблю, но сдѣлалъ это очень неловко: сабля звякнула, чуть не выскочила у него изъ рукъ и опрокинула бутылку съ виномъ.

Дремавшій господинъ вздрогнулъ, встряхнулъ головою, медленно осмотрѣлся вокругъ, пристально посмотрѣлъ на меня, кивнулъ даже головою, словно кланяясь и извиняясь въ чемъ-то и, доставъ изъ кармана кожаный кисетъ съ табакомъ, принялся аккуратно свертывать себѣ папироску.

— Вы ѣдете въ Бѣлградъ?—спросилъ меня мой визави, кончивъ работу надъ своей папироской и потянувшись за спичкою.

— Да.

— Я тоже. Вотъ съ которыхъ поръ жду лошадей!.. Сижу-сижу... Это чертъ знаетъ что такое! Обѣщали къ вечеру, да кажется сегодня, все равно, не получу, ночевать здѣсь придется...

— Вы ѣдете одни?

— Одинъ...

Господинъ этотъ произвелъ на меня сразу чрезвычайно пріятное впечатлѣніе: у него была такая простая, симпатичная наружность, выраженіе его лица было такое открытое, честное, внушающее съ перваго раза полнѣйшее довѣріе. Мнѣ захотѣлось оказать ему маленькую услугу и, пользуясь особыми правами, которыя даетъ курьерская подорожная, я поспѣшилъ предложить ему мѣсто въ своей повозочкѣ.

— Я васъ можетъ быть стѣсню?—замялся онъ...—Положимъ, мнѣ очень хочется поскорѣе попасть въ Бѣлградъ... но...

— Безъ всякихъ *но*, черезъ полчаса подадутъ мнѣ лошадей и ѣдемъ,—прервалъ я его заминанія и сказалъ свою фамилію.

— Жучекъ, Матвѣй Захарычъ, капитанъ,—произнесъ онъ, рекомендуясь и протянулъ свою широкую руку съ мозолистою, грубою ладонью. Отпускъ взялъ короткій; времени на дорогу много потратилъ... тоже и назадъ надо будетъ скоро ѣхать... пожалуй, и трехъ дней не доведется пробыть въ Бѣлградѣ, — говорилъ онъ, пуская въ воздухъ кольца табачнаго дыма.

— А вы по дѣлу?

— Не то, что по дѣлу... Какія мои дѣла?! А такъ, повидаться надо тамъ, провѣдать одного человѣка... то есть не то, чтобы человѣка—женщина она... ну, дочка у нея есть... Такъ вотъ денегъ скопилъ немного, отвезти хочу...

Я не разспрашивалъ его подробно о томъ, какая это женщина съ дочкою и перевелъ разговоръ на то, что творится въ лагерѣ и его окрестностяхъ.

Капитанъ Жучекъ охотно удовлетворилъ моему любопытству и положительно увлекъ меня своимъ живымъ и простымъ разсказомъ. Онъ, оказалось, давно уже былъ въ Сербіи, т. е. не то, что въ Сербіи, а въ *въ другихъ мѣстахъ, по близости*, какъ онъ выражался, умалчивая, впрочемъ, о точномъ опредѣленіи этихъ *другихъ* мѣстъ, умалчивая даже о своей тамъ дѣятельности. Фамилію его я слыхалъ, и теперь не безъ уваженія взглядывалъ на этого почтеннаго, опытнаго агитатора-фанатика и вмѣстѣ съ тѣмъ поэта и героя болгарскихъ вспышекъ.

Скоро мы уже сидѣли рядомъ въ тряской таратайкѣ и неслись чуть не въ карьеръ по превосходной шоссейной дорогѣ, ведущей изъ Семендріи въ Бѣлградъ.

Дорога пролегала по горамъ, то взбираясь на довольно значительныя высоты, то спускаясь глубокими лощинами... Въ первыхъ случаяхъ, вправо отъ насъ раскидывалась широкая, безграничная панорама величественнаго Дуная, съ луговою стороною противоположнаго берега, съ разбросанными по ней безчисленными городками и селеніями австрійской Сербіи. Роскошная водная лента великой рѣки извивалась въ зеленыхъ рамкахъ, пестрѣя своими густо-поросшими островками и золотистыми песчаными отмелями... Тамъ и сямъ бѣлѣли паруса рыбачьихъ лодокъ, бороздя воду бѣжалъ пароходъ, а за нимъ тянулась безъ конца струя дыма, расходясь незамѣтно въ

нѣжно-лиловомъ вечернемъ воздухѣ. Солнце садилось, тихо и плавно спускаясь въ туманную полосу, освѣщая краснымъ свѣтомъ вершины горъ и кудреватыя кроны корявыхъ, развѣ-систыхъ сосенъ...

Стало замѣтно холодѣть, со дна лощинъ подымался сѣроватый паръ и заставилъ насъ поплотнѣе закутаться въ свои дорожные плащи.

Совсѣмъ стемнѣло, когда далеко впереди насъ замелькали огоньки бѣлградскихъ предмѣстій, блеснула затѣмъ другая водная лента большого притока Дуная, рѣки Саввы.

И снова наша таратайка загремѣла и запрыгала по плохо мощенымъ улицамъ.

На другой день, по обыкновенію, я отправился обѣдать въ «Сербскую крону».

Съ утра у меня было много хлопотъ, надо было сдѣлать съ десятокъ различныхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ визитовъ и я немного запоздалъ. Подходя къ «Великой Пьячѣ»,—большой площади въ центрѣ города,—я увидалъ высокую, плотную и широкоплечую фигуру, появившуюся изъ-за угла и шедшую впереди меня. Я узналъ въ этой фигурѣ Матвѣя Захаровича Жучка и поспѣшилъ его окликнуть. Тотъ обернулся.

На немъ положительно лица не было. Онъ былъ чѣмъ-то сильно взволнованъ, обезпокоенъ и едва только увидѣлъ меня, какъ чуть не бѣгомъ бросился мнѣ навстрѣчу, вскрикнувъ:

— А, это вы!.. Здорово, здорово!

— Что съ вами?—посмотрѣлъ я ему въ лицо, и посмотрѣлъ самымъ пристальнымъ образомъ.

— Со мною!.. Со мною ничего... А вотъ съ нею... А вѣдь у меня горе, большое горе!..

— Вижу! Въ чемъ дѣло?

Жучекъ помолчалъ съ минуту. Мы шли рядомъ, и чтобы не толкаться съ поминутными встрѣчными, свернули съ тротуара на немощеную площадь, поросшую кое-гдѣ чахлою, погорѣвшею на солнцѣ травкою.

— Помните...—началъ Матвѣй Захаровичъ, прервавъ молчаніе.—Помните, вчера дорогою я говорилъ вамъ о человѣчкѣ, то есть женщинѣ одной, съ дочкою еще?.. Помните?

— Ну, помню.

— Умерла...

Жучекъ произнесъ это слово какъ-то хрипло и тотчасъ же сильно закашлялся, словно его горло съ трудомъ пропустило этотъ недобрый звукъ.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ я и поспѣшилъ пробормотать какое-то неловкое, обыденное утѣшеніе.

— Да что ужъ тутъ!—махнувъ рукою, протянулъ капитанъ.—Померла, Господь съ нею... Эхъ, жаль только не дождалась меня... Я, вотъ, ей деньги везъ... Знаете, женщина безъ всякихъ средствъ... несчастіе съ нею большое было, оттого можетъ. Не привелъ Богъ... что дѣлать...

Матвѣй Захаровичъ слегка нахмурилъ брови и закусилъ нижнюю губу; глаза у него словно кровью налились, покраснѣли, и, желая, можетъ быть, скрыть слезы, онъ отвернулся и вытерся обшлагомъ своей суконной куртки.

— Вы мнѣ говорили,—началъ я, давъ капитану нѣсколько минутъ успокоиться,—что у нея и дочка есть... Ну, эту дочку, вы, конечно, застали здоровой... Ничего не случилось?

— Тоже умерла!—рѣзко отвѣтилъ Жучекъ и неожиданно остановился.

— Вотъ, вотъ чего я не пойму, не хочу понимать, не могу!..—чуть не кричалъ онъ, отшвырнувъ концемъ сапога какой-то злополучный кирпичный осколокъ.—Ну, умерла мать. Хорошо! Она могла умереть! Она была сильно, больно замучена... Послѣ *этого* долго не проживешь. Но дочка, дѣвочка зачѣмъ! Ей умирать не слѣдовало... рано... совсѣмъ некстати... Эхъ, Мила моя, Мила, что она только со мною, старымъ, сдѣлала?..

Жучекъ не выдержалъ и глухо зарыдалъ, стоя чуть не посреди площади. Мы увлеклись и незамѣтно уклонились съ дороги. Кое-кто изъ проходящихъ мимо съ любопытствомъ осматривалъ насъ съ ногъ до головы; мальчикъ, разнощикъ винограда, поставилъ даже на землю плетеную корзину съ своимъ товаромъ; выпучивъ глаза и засунувъ пальцы въ ротъ, онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на этого высокаго, сильнаго человѣка, плачущаго, какъ малый ребенокъ.

Я поспѣшилъ взять Матвѣя Захаровича подъ руку и, прекративъ всякіе дальнѣйшіе вопросы, торопливо повелъ его узкимъ переулкомъ, безлюднымъ и глухимъ, ведущимъ въ обходъ къ гостиницѣ «Сербская крона».

Жучекъ повиновался и шелъ безпрекословно. Пароксизмъ горя у него прошелъ, и онъ успѣлъ уже снова овладѣть собою.

Прежде чѣмъ итти обѣдать подъ каштанами, я увелъ Матвѣя Захаровича къ себѣ въ комнату, далъ ему время окончательно успокоиться, и онъ въ короткихъ словахъ разсказалъ мнѣ свою простую, въ высшей степени трогательную исторію. Эту исторію читатель узнаетъ ниже.

Его разсказъ растрогалъ до слезъ меня самого. Какъ глубоко я сочувствовалъ теперь его горю, какъ близко принималъ его къ сердцу.

Черезъ часъ мы спустились внизъ и заняли мѣста за однимъ изъ столиковъ.

— Что это сегодня Миленки не было?—громко произнесъ одинъ изъ обѣдавшихъ.

Жучекъ вздрогнулъ и выронилъ изъ рукъ ложку, звякнувшую по тарелкѣ.

Я невольно взглянулъ по направленію того мѣста, гдѣ обыкновенно сидѣла малютка. Тамъ ея дѣйствительно не было...

— Миленка, какая Миленка?—порывисто схватилъ меня за руку Матвѣй Захаровичъ.

— Дѣвочка, нищенка, хорошенькій ребенокъ... Она всегда тутъ сидѣла прежде... лѣтъ десяти смуглянка, съ длинными волосами...

— Вчера была, даже вечеромъ вчера приходила, а сегодня нѣтъ,—вмѣшался въ разговоръ первый, спросившій о Миленкѣ.

— Вчера была, даже вечеромъ,—протянулъ Жучекъ,—что же это такое въ самомъ дѣлѣ?.. Господи... Да эдакъ съума сойти можно!..

Онъ сильно отодвинулъ отъ себя приборъ и всталъ.

— Что вы, Матвѣй Захаровичъ.

— Пойдемте со мною, ради Бога пойдемте,—заговорилъ онъ.—Сейчасъ, сію минуту не теряя времени. Эхъ, жаль лошадей нѣтъ!

Онъ тоскливо поглядѣлъ вдоль улицы, поскребъ затылокъ съ досады: нигдѣ не было видно ни одной коляски, ничего даже похожаго на лошадей съ экипажемъ.

— Да, пойдемте пѣшкомъ, здѣсь близко, недалеко... Вотъ тутъ прямо можно. Идемъ! Что за странность, что за удивительныя вещи творятся. Вы говорите, вчера была, вечеромъ даже?

— Да, была.

— Смугленькая такая, Миленка зовутъ... Мила, Милочка?..

Жучекъ не вытерпѣлъ и, опрокинувъ по дорогѣ нѣсколько стульевъ, стремительно бросился черезъ улицу. Я, конечно, за нимъ, и едва догналъ его на поворотѣ.

Мы оба зашагали что есть мочи, опять черезъ большую площадь, прямо по направленію къ турскому кварталу. Черезъ минутъ десять мы взошли уже въ оригинальную, кривую и узкую дунайскую улицу, прихотливыми зизгагами спускающуюся прямо къ прибрежью.

День склонялся къ вечеру. Солнце спустилось низко, чуть не къ самому Дунаю, и его косые, яркокрасные лучи скользили по гребнямъ черепичныхъ крышъ, по стройнымъ вершинамъ тополей, золотя на своемъ пути всѣ встрѣчные предметы. Высокія башенки минаретовъ розовыми колоннами рисовались на темно-синемъ небѣ, остроконечный коническій куполъ надъ минаретомъ мечети Барьякъ-Джамиль, крытый жестью, сверкалъ какимъ-то гигантскимъ огненнымъ факеломъ, возвышаясь надъ всею массою характерныхъ построекъ полу-турецкаго, полуславянскаго типа. Узкая улица и ведущіе къ ней безконечно кривые переулки давно уже были въ тѣни, на нихъ господствовало необыкновенное оживленіе. Массы народа сновали во всѣ стороны по улицамъ, группировались въ тѣсные кружки у кафанъ и у входовъ въ лавки. Всѣ окна, всѣ двери и ворота были отворены настежъ, жалузи и всевозможные навѣсы и зонты—все было снято, вездѣ видѣлись мужскія и женскія лица. Множество дѣтей съ крикомъ и смѣхомъ шныряли и путались между ногами проходящихъ. Всюду слышался самый оживленный говоръ, смѣхъ, писки, горячіе, задорные споры, громкая перебранка черезъ улицу, гдѣ-то во дворѣ пронзительно кричалъ оселъ, жалобно визжалъ какой-то поросенокъ, котораго со связанными ножками усатый цыганъ тащилъ въ мясную лавку, глухо ревѣли буйволы, чуя, что ихъ гонятъ къ живительному водопою, кудахтали куры, усаживаясь на ночь на вѣтви фруктовыхъ деревьевъ, и, хлопая крыльями, торжественно оралъ красноперый пѣтухъ, выбравшись изъ слухового окна на самый конецъ черепичной крыши. Однимъ словомъ, все населеніе турецкаго квартала ожило и высыпало на улицу,

почуявъ конецъ невыносимо-жаркаго дня, наступленіе живительной вечерней прохлады.

Проталкиваясь сквозь всю эту пеструю, разношерстную толпу, мы быстро подвигались впередъ, спускаясь подъ гору все ниже и ниже.

Матвѣй Захаровичъ зналъ, куда идетъ, и шагалъ увѣренно, пристально глядя передъ собою, энергично отстраняя руками все, неуспѣвшее посторониться и очистить ему дороги, я шелъ за нимъ, не зная куда приведетъ насъ наше стремительное шествіе.

— Сюда!—произнесъ Жучекъ и круто повернулъ направо.

Мы совсѣмъ спустились къ Дунаю; повернувъ вправо, мы почти выбрались изъ города и на насъ повѣяло сыростью низменнаго рѣчнаго берега. Гладкая, какъ зеркало, поверхность широкаго Дуная подернулась легкими парами, затуманившими противоположный берегъ; тамъ, на той сторонѣ, виднѣлись только однообразные кубическіе домики самой казенной, казарменной архитектуры, австрійскіе кордоны, разставленные цѣпью въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Посреди рѣки неподвижно стояли на якоряхъ двѣ или три темныя барки съ подъемными кранами, словно висѣлицы торчащими въ воздухѣ. Нѣсколько оригинальныхъ рыбачьихъ лодокъ съ высокими, закрученными носами-грифами, накренившись, стояли на берегу, вытащенныя на песокъ, усѣянный мелкими ракушками, покрытый мѣстами мокрыми прядями темно-зеленыхъ водорослей. На трепогахъ и жердяхъ висѣли рыболовныя сѣти, то-же причудливо украшенныя такими же прядями водорослей; у одной изъ лодокъ мигалъ красноватый огонекъ, разложенный между двухъ большихъ камней; тамъ сидѣла молчаливая группа полуголыхъ рыбаковъ, занятыхъ варкою незатѣйливаго ужина. Мальчики-пастухи гнали отъ берега небольшое стадо воловъ съ водопоя, тяжелыя животныя лѣниво брели, грузно ступая по песку, фыркая и облизывая шершавымъ языкомъ свои мокрыя морды... Въ воздухѣ пахло сыростью, гнилью и рыбою.

— Сюда, сюда! — говорилъ по временамъ Жучекъ, и все шелъ и шелъ, не обращая вниманія ни на лодки, ни на рыбаковъ, ни на пастуховъ съ ихъ стадомъ, не обращая вниманія, не замѣчая даже, какъ чудно красивъ былъ покойный и величественный Дунай, отразившій въ эту минуту въ своихъ водахъ яркое зарево вечерняго заката.

Впереди насъ зачернѣла крыша какого-то строенія, съ высокими, причудливо выведенными верхушками законченныхъ трубъ. Стѣнъ этого строенія не было видно: высокій каменный заборъ и свѣсившіяся черезъ него вѣтви деревьевъ совершенно скрывали ихъ съ этой стороны. Въ этой стѣнѣ я не видѣлъ никакого входа, ничего похожаго на калитку или ворота.

— Я нарочно отсюда, я нарочно, — говорилъ Жучекъ.— Такъ лучше... не примутъ мѣръ, не поспѣютъ... Я подозрѣваю... я подозрѣваю...

Онъ остановился на мгновеніе, подойдя вплотную къ самой стѣнѣ, и тяжело перевелъ дыханіе; онъ даже рукою взялся за сердце, будто этимъ движеніемъ хотѣлъ утишить, унять его лихорадочное, усиленное біеніе.

Я самъ чувствовалъ себя далеко не въ нормальномъ состояніи духа и предчувствовалъ что-то недоброе. Я уже начиналъ догадываться въ чемъ дѣло, да это было и нетрудно, зная уже предварительно исторію умершей женщины и ея дочери и отношеніе къ нимъ моего спутника.

Невольно, почти инстинктивно, сунулъ я руку въ карманъ и ощупалъ револьверъ, мои пальцы скользнули по гладко-отполированной поверхности ствола, коснулись даже выступовъ патроновъ въ барабанѣ,—все было въ порядкѣ.

— Обойдите кругомъ, вотъ вдоль этой стѣнки, — тихо шепнулъ мнѣ Матвѣй Захарычъ, — тамъ есть перелазъ невысокій, за нимъ улица, увидите дверь на половину стеклянную и два олеандра въ кадкахъ, постучите и спросите Христину Зальманъ; не забудьте: Христина Зальманъ.

— Помню,—отвѣчалъ я и отправился по назначенію.

— Если не заперто, толкните и входите прямо... Мнѣ отсюда все будетъ слышно,—прошепталъ мнѣ вслѣдъ капитанъ.

Онъ схватился обѣими руками за вѣтви яблони, притянулся и въ одно мгновеніе очутился на гребнѣ стѣны; я замѣтилъ этотъ маневръ, прежде чѣмъ зашелъ за уголъ. Гдѣ-то, очень, впрочемъ, близко, хрипя и захлебываясь, залаяла собака; по лаю слышно было, что это животное на привязи. Я поспѣшилъ черезъ перелазъ, загороженный только одною сухою жердью.

Дверь со стекляннымъ верхомъ и два олеандра въ кадкахъ, сразу бросились мнѣ въ глаза; не раздумывая долго я

подошелъ и сильно толкнулъ эту дверь. Дверь была заперта снутри, но или очень ужъ плохо, или толкнулъ я ее черезъчуръ энергично, только ветхія половинки распахнулись настежъ и одно изъ верхнихъ стеколъ вывалилось, задребезжавъ по камнямъ своими осколками.

— Что такое! Кто тамъ?!—послышался мужской голосъ.— Тамъ колокольчикъ есть, не видѣли что-ли... Это разбой... это...

Фраза эта произнесена была по нѣмецки. Передо мною, словно изъ-подъ земли выросла высокая сгорбленная фигура въ красной фескѣ, въ большихъ темныхъ очкахъ и длинномъ парусинномъ балахонѣ, черезъ дворъ стремительно промелькнула еще одна фигура, женская, мелькомъ взглянула на меня и тотчасъ же спряталась въ какую-то дверку.

— Христина Зальманъ дома?—спросилъ я, помня наставленія Жучка.

— Фрау-Зальманъ?.. — переспросилъ бѣлый балахонъ и оглянулся.—Фрау-Зальманъ? гм...—Онъ замялся и видимо не зналъ, что ему отвѣтить.

— Да говорите-же, дома она или нѣтъ?! — настойчиво повторилъ я свой вопросъ и подвинулся впередъ, желая пройти внутрь помѣщенія.

Бѣлый балахонъ загородилъ мнѣ дорогу, растопыривъ руки.

— Вамъ зачѣмъ фрау-Зальманъ?.. приходите завтра... сегодня нѣтъ, то-есть она дома, но не можетъ, ничего не можетъ — больна.. Нѣтъ, нѣтъ! ея совсѣмъ нѣтъ дома, фрау Христина Зальманъ уѣхала изъ Бѣлграда въ Землинъ, совсѣмъ уѣхала...

— Ну, что ты, старый чертъ, врешь! — раздался голосъ Жучка.—Самъ видѣлъ, своими глазами видѣлъ, что дома... Ну, зови ее сейчасъ сюда.

Старикъ даже вскрикнулъ и присѣлъ отъ этой неожиданности, онъ совершенно растерялся и поспѣшно, словно удирая отъ насъ, заковылялъ черезъ дворикъ, къ той самой двери, за которою скрылась видѣнная мною женская фигура.

— Идемъ за нимъ, — быстро проговорилъ Матвѣй Захаровичъ.—Мѣшкать нечего, разъ уже одурачили, спрятали, еще разъ хотятъ... Нѣтъ, врешь!

Старикъ захлопнулъ было дверь и завозился снутри засовомъ. Сильный толчекъ капитанской ноги помѣшалъ ему въ этомъ.

Было уже темно и душно въ этомъ низкомъ помѣщеніи, гдѣ мы очутились. Мы натыкались поминутно то на углы какой-то мебели, на что-то мягкое, — я даже ощупалъ рукою сырые обручи винной бочки...

— Пустите, что вы меня душите! Зачѣмъ за воротникъ брать... не надо... это нехорошо, я честный купецъ... я не кто-нибудь... я не позволю, буду жаловаться... — бормоталъ и барахтался «честный купецъ», попавшій въ могучія руки моего товарища...

— Гдѣ Христина Зальманъ? — настойчиво спрашивалъ Матвѣй Захарычъ.—Говори-же!

Онъ вытащилъ старика снова на дворикъ, гдѣ все-такъ было не такъ темно, какъ въ этомъ подвалѣ, и еще разъ повторилъ свой вопросъ.

Или онъ уже очень сильно взялся за свою жертву, или жертва эта окончательно растерялась, только старикъ ничего не отвѣчалъ. Синіе очки свалились у него съ носу, и онъ глядѣлъ на насъ своими оловянными, безсмысленными глазами.

А время уходило.

— Постерегите его здѣсь, а я пойду разыщу эту вѣдьму— ужъ я ее разыщу!..

Матвѣй Захарычъ толкнулъ ко мнѣ «честнаго купца» и ринулся внутрь домика... Черезъ мгновеніе я уже слышалъ тамъ энергичную возню, громкое хлопанье дверями... Въ одномъ изъ оконъ мелькнулъ даже огонекъ и на красноватомъ фонѣ освѣщенныхъ изнутри стеколъ обозначилась черная рѣшетка мелкаго оконнаго переплета.

— А, ты вотъ гдѣ! попалась! — донесся громкій возгласъ Жучка.— Чего-же ты пряченься отъ меня!..

Тутъ Матвѣй Захарычъ вклеилъ такое крупное слово, что у меня даже въ ушахъ зазвенѣло.

— Попалась старая грѣшница... ну, иди, чего упираешься.

— Ай, помогите, помогите! разбойники! — раздался пронзительный женскій голосъ и разомъ оборвался. Должно быть ладонь Жучка прикрыла ей ротъ и прекратила этимъ отчаянные вопли фрау-Зальманъ.

Секунды черезъ двѣ, капитанъ вышелъ на дворикъ и почти на рукахъ вынесъ сильно барахтавшуюся женщину. Старикъ, котораго мнѣ поручено было стеречь, воспользовавшись, вѣ-

роятно, тѣмъ, что мое вниманіе было отвлечено эпизодомъ, происходившимъ внутри домика, скрылся.

— Гдѣ Мила?—приступилъ къ допросу Матвѣй Захарычъ, не выпуская изъ рукъ фрау-Зальманъ, вытащивъ ее на средину дворика, куда достигалъ падавшій изъ окна лучъ свѣта.

— Я говорила гдѣ... она тамъ... у Бога... Богъ взялъ ея мать, а за нею и дочку... я говорила.

— Врешь!..

Христина молчала.

— Говори, когда умерла дѣвочка?

— Давно... недѣлю... нѣтъ, раньше... дней десять...

— Врешь! Ее вчера видѣли... слышишь—вчера. Мертвые изъ гробовъ не встаютъ. Вчера видѣли... говори мнѣ всю правду—а то...

Матвѣй Захарычъ вынулъ изъ кармана револьверъ и приставилъ его къ виску женщины. Та задрожала всѣмъ тѣломъ и присѣла на землю.

— Ну!..

— Умерла...—чуть слышно прошептала Христина.—Умерла и похоронили..

У меня зашевелилось сомнѣніе въ нашихъ догадкахъ... Что-жъ, вѣдь очень можетъ быть, что и дѣйствительно умерла... случайное совпаденіе имени, — сходство... Да онѣ всѣ здѣсь черноглазыя, смуглыя, съ длинными волосами... Такія примѣты годятся чуть не для всякаго здѣшняго ребенка...

Я далъ это замѣтить Матвѣю Захаровичу.

— Сердце мнѣ говоритъ, что Мила моя жива, и эта вѣдьма, эта гадина, вретъ,—энергично отрѣзалъ мнѣ капитанъ на мое замѣчаніе.—Еще разъ повторяю тебѣ, говори правду!

Онъ щелкнулъ куркомъ револьвера.

Христина Зальманъ опустилась еще ниже; она совсѣмъ согнулась, почти вплотную прильнула къ мостовой. Шейный платокъ сбился на бокъ... Старческія сухія лопатки съежились, образовавъ два острыхъ горба... Она молчала...

Я уже ждалъ выстрѣла и бросился, чтобы оттолкнуть вооруженную руку...

Вдругъ Матвѣй Захарычъ вздрогнулъ, выпрямился во весь ростъ и выронилъ револьверъ.

— Что это?..

Мнѣ послышалось какъ будто гдѣ-то высоко чей-то дѣтскій голосъ крикнулъ: Батько!

— Мила... Мила, гдѣ ты?..

— Батько!—послышалось теперь уже ясно и отчетливо...

Я взглянулъ по направленію голоса. Въ небольшомъ слуховомъ окнѣ, отстоявшемъ аршина на два отъ карниза крыши закопошилось какое-то живое существо...

— Милочка моя! — бросился Матвѣй Захарычъ къ дому, вскочилъ на скамью, стоявшую у самой стѣны, и протянулъ кверху руки... Я бросился искать лѣстницы.

Тѣмъ временемъ маленькое существо вскарабкалось изъ окошка и осторожно поползло къ карнизу, цѣпляясь ручонками за выступы черепицы... Къ счастью, крыша была невысока; дѣвочка смѣло бросилась внизъ и протянутыя руки Матвѣя Захарыча поймали ее на-лету.

На улицѣ послышались голоса и приближающаяся топотня многочисленныхъ ногъ; по вѣтвямъ колючей акаціи замелькалъ отблескъ фонаря. Старикъ въ бѣломъ балахонѣ успѣлъ собрать цѣлую араву и во главѣ этого сборища появился въ воротахъ.

Я понялъ, что теперь и неудобно, и не время было разбирать, кто правъ, кто виноватъ; я видѣлъ, что дѣло безъ схватки не обойдется. Насъ было двое—тамъ... я видѣлъ, что во дворикъ вошло человѣкъ около шести—на улицѣ же еще толпилось довольно таки народу... Фрау-Христина, какъ разсвирѣпѣвшая кошка, ринулась на Жучка — тотъ отшвырнулъ ее сильнымъ ударомъ ноги...

— Очистить дорогу!.. Мы не воры... мы русскіе офицеры...—закричалъ я по-сербски.

— Хватай ихъ... вяжи... въ полицію!—хрипѣлъ, захлебываясь, бѣлый балахонъ.

Раздался выстрѣлъ.

Матвѣй Захарычъ пустилъ пулю надъ головами наступавшихъ.

— Ого!..—послышалось въ толпѣ испуганное восклицаніе... Вся арава, стремительно толкая другъ друга, ринулась къ выходу.

— Хватай ихъ... куда вы?!.—горячился старикъ.

— Хватай самъ... кому охота изъ-за чужого дѣла подставлять свою голову!—послышалось уже съ улицы.

Матвѣй Захарычъ съ Миленкою на рукахъ направился тоже къ калиткѣ; я за нимъ. Сзади насъ въ воздухѣ просвисталъ камень и съ глухимъ стукомъ ударился о каменную стѣну. Еще пронесся одинъ камень и звякнулъ чуть не у самой моей ноги...

Люди, собранные старикомъ, разбѣжались и попрятались... Только одинъ остался на мѣстѣ, снялъ свою феску и, вѣжливо раскланившись, приблизился къ намъ съ вопросомъ:

— Молимъ, господине!.. Разскажите въ чемъ дѣло... что такое случилось.

Матвѣй Захарычъ охотно исполнилъ его желаніе. Всѣ трое, не считая дѣвочки, мы снова выбрались на берегъ Дуная, и пошли обратно тою же дорогою.

Миленка разсказала, что мама ее умерла, и что — фрау-Христина нарочно посылала ее въ гостиницу; до смерти мамы она туда не ходила, а потомъ — каждый день. Ей запрещено было говорить, что мама ея умерла—вотъ почему она и говорила, что собираетъ деньги будто для мамы... Она очень много собирала и все собранное тотчасъ же отбиралось Христиною Зальманъ, у которой Матвѣй Захарычъ, мѣсяца три тому назадъ, имѣлъ неосторожность помѣстить больную женщину съ ея ребенкомъ... Изъ разсказа Миленки стало ясно что сегодня утромъ, когда капитанъ Жучекъ приходилъ туда, ее спрятали и велѣли сидѣть смирно, сказавъ, что это пришли ея искать баши-бузуки, а Миленка уже знала, что такое это за люди, и просидѣла на чердакѣ весь день, затаивъ дыханіе, забившись за корзины съ сухими плодами... Вечеромъ, когда мы пришли вдвоемъ, ее тоже успѣли спрятать, да она услышала знакомый голосъ Матвѣя Захарыча и рѣшилась окликнуть своего батьку.

— Экой народъ нехорошій, — качалъ головою сопровождавшій насъ сербъ. — У насъ уже былъ разъ такой случай: одна русская дама тоже привезла дѣвочку *изъ несчастныхъ*— изъ Рагузы, привезла ее сюда и помѣстила пока у одной женщины, а та спрятала ее, сказала тоже, что умерла,—барыня русская и повѣрила... сильно плакала и дала даже той женщинѣ десять дукатовъ за похороны — и что послѣ случилось: ухитрились какъ-то эти подлецы отправить дѣвочку въ Видинъ и продали тамъ ее... Не знаю за сколько, а хорошо,

говорятъ, взяли... Дѣвочка была лѣтъ уже двѣнадцати, красивая такая, изъ черногорокъ...

Матвѣй Захарычъ даже заскрипѣлъ зубами, слушая эти разсказни. Я настаивалъ, чтобы дѣла такъ не оставлять и довести до свѣдѣнія полиціи—что подобные возмутительные поступки не могутъ проходить безвозмездно, что нуженъ судъ...

— Не такое нынче время, — покачалъ головою сербъ. — Некогда *такими мелочами* заниматься... Все равно ничего не сдѣлаете, только хлопоты лишнія будутъ.

Матвѣй Захарычъ такъ былъ счастливъ благополучнымъ окончаніемъ нашихъ розысковъ, что совершенно согласился съ мнѣніемъ серба и поминутно цѣловалъ свою Милу, разспрашивая ее о болѣзни и смерти матери... Миленка разсказывала все, не пропуская ни малѣйшихъ подробностей...

Незамѣтно прошли мы уже опустѣлою Дунайскою улицею— и, не заходя подъ каштаны «Сербской кроны», прошли прямо въ скромную гостиницу Іована Кристича, гдѣ Матвѣй Захарычъ занялъ себѣ небольшую комнатку.

Матвѣй Захарычъ поразилъ меня своею нѣжностью и умѣніемъ ухаживать за дѣтьми. Самая опытная нянька далеко отстала бы отъ него въ этомъ отношеніи. Но какъ попала Миленка въ Бѣлградъ, кто была ея мать и въ какихъ отношеніяхъ находился къ нимъ Матвѣй Захарычъ? Вотъ вопросы, для разъясненія которыхъ нужно вернуться нѣсколько назадъ.

Раннею весною, въ началѣ прошедшаго марта, въ восьми сатахъ *) отъ Виддина, по дорогѣ къ Зайчару, случилось слѣдующее.

Недалеко отъ сербской границы, на полускатѣ горы, подножье которой огибаетъ каменистая проѣзжая дорога, находился небольшой хуторъ въ два или три домика, со множествомъ всякихъ домашнихъ и хозяйственныхъ пристроекъ; этотъ хуторъ назывался Рушникъ.

Съ проѣзжей дороги видны были только верхушки черепичныхъ крышъ, да тонкая башенка Богъ вѣсть зачѣмъ пріютившагося тутъ же турецкаго минарета. Все остальное бу-

*) Мѣра разстоянія, сатъ — часъ. Почти на всемъ Балканскомъ полуостровѣ разстояніе измѣряется часами пѣшей ходьбы.

вально утопало въ массахъ молодыхъ, только что распускавшихся листовыхъ почекъ ярко-бѣлыхъ и нѣжно-розовыхъ цвѣтовъ яблонь, грушъ и сливъ густого фруктоваго сада. Дальше, вверхъ по скату горы, обращенному на солнце, высоко поднимались разрыхленные четвероугольники виноградниковъ, пестрѣвшіе новенькими колышками и корявыми, узловатыми корнями еще будущихъ лозъ винограда.

Въ хуторѣ жилось привольно и покойно, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ доходили самыя неутѣшительныя извѣстія, самые тревожные слухи... Въ хуторѣ жили всего двѣ семьи христіанъ, турецкихъ сербовъ. Они обработывали свой виноградникъ сообща, сообща же выдѣлывали вино, не хуже извѣстнаго неготинскаго, были довольны своимъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ не желали мѣнять его на что-нибудь неизвѣстное и сильно боялись хотя чѣмъ-нибудь скомпроментировать себя въ глазахъ турецкаго вали. Ихъ пока никто не трогалъ и они уже думали, надѣялись, что «тяжка година» пройдетъ мимо нихъ, не задѣвъ даже концемъ своего бича. Но вышло не такъ, какъ они думали.

Къ Виддину прибыли толпы баши-бузуковъ и черкесовъ, людей чужихъ еще въ этомъ округѣ. Шайки этой сволочи живо разсыпались по окрестностямъ, наводнивъ особенно тѣ изъ нихъ, которыя ближе примыкали къ восточнымъ границамъ Сербіи. Уже раза два перепуганные обитатели Рушника видѣли дикихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, всадниковъ, проѣзжавшихъ внизу по дорогѣ. По какому-то особенному случаю эти всадники миновали уютный хуторокъ и оставили жителей его въ покоѣ. Разъ только одинъ изъ проѣзжавшихъ шакаловъ замѣтилъ что-то бѣлое, мелькнувшее за живою изгородью, и попробовалъ на этомъ бѣломъ свое новополученное оружіе хитроумной англійской системы. Оружіе оказалось превосходнымъ, потому что за изгородью, тотчасъ же послѣ выстрѣла, раздался дѣтскій крикъ, а затѣмъ на одной изъ крышъ показалась женщина, державшая на своихъ рукахъ убитаго ребенка. Эта женщина съ проклятіемъ протянула къ убійцамъ трупъ своего сына, потомъ бережно положила его около трубы и оторвавъ одну изъ черепицъ, въ безсознательномъ бѣшенствѣ пустила ею въ баши-бузуковъ; тяжелый осколокъ не пролетѣлъ и десятой доли должнаго разстоянія и, обломавъ нѣ-

сколько вѣтвей, тяжело рухнулъ въ кусты,—но все-таки этотъ осколокъ имѣлъ роковое послѣдствіе для хутора и его обывателей.

Баши-бузуки въ данную минуту не рѣшились изслѣдовать подробно домика на скатѣ горы. Должно быть они боялись встрѣтить тамъ болѣе сильное сопротивленіе. Звѣри ограничились на первыхъ порахъ нѣсколькими выстрѣлами, пущенными на удачу и, пообѣщавъ скоро вернуться снова, поскакали по дорогѣ къ крѣпости.

Въ слѣдующую же ночь надъ хуторомъ Рушникъ свершилась катастрофа.

. . . . . .

Утро на другой день было пасмурное, туманное. Солнце не хотѣло, видно, смотрѣть на тѣ безобразія, что творились на землѣ, и взошло, закутанное въ сѣрыя, тяжелыя тучи. Густой столбъ чернаго дыма поднимался надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наканунѣ еще виднѣлись красныя крыши съ бѣлыми трубами... Изъ-за деревьевъ торчали теперь черные, закопченые, обгорѣлые остовы. Десятка два осѣдланныхъ лошадей стояли въ рядъ, привязанныя къ изгороди; внизу на дворѣ стояли два большихъ, воловьихъ воза, безпорядочно нагруженные всякихъ добромъ. По тропинкамъ, выводящимъ на эту дорогу, оборванные баши-бузуки и черкесы въ своихъ косматыхъ папахахъ таскали еще награбленное въ хуторахъ добро и сваливали на возы.

Поперекъ такой тропинки лежалъ ничкомъ трупъ въ длинной бѣлой рубахѣ; черезъ этотъ трупъ много разъ шагали хищники, спотыкаясь и наступая на тѣло, не давая себѣ даже труда оттащить его въ сторону.

Еще нѣсколько труповъ тамъ и сямъ валялось подъ деревьями садика; на черномъ фонѣ виноградниковъ тоже виднѣлись крестообразно лежащія бѣлыя рубахи... Двѣ или три головы, обезображенныя до нельзя, торчали на кольяхъ... Одна изъ этихъ головъ была съ длинными черными волосами, слипшимися отъ крови и грязи и висѣвшими вплоть до самой земли, до той грязно-бурой кровавой лужи, накопившейся у кола... Масса воронъ крикливою стаею носилась надъ несчастнымъ хуторомъ. Крылатые хищники остерегались еще спуститься совсѣмъ внизъ, пока не уберутся тѣ двуногіе хищники въ человѣческомъ образѣ.

Только двое изо всѣхъ обитателей хутора Рушникъ остались въ живыхъ... Женщина—красивая, молодая—за свою красоту и уцѣлѣвшая, хотя дорого за нее и поплатившаяся... Безъ чувствъ, безъ всякихъ признаковъ жизни, лежала она у воза, прикрытая рваным холстомъ... Только глаза ея, тупо смотрящіе въ небо, сохранили еще нѣкоторые признаки жизни—все остальное было измучено, истомлено, разбито и неподвижно.

Еще одно существо уцѣлѣло, случайно. Внизу, у ручья, въ густыхъ зарослях ивняка и прибрежной осоки, притаилось крохотное созданіе — дѣвочка... Самый зоркій глазъ хищника не замѣтилъ бы ея, погрузившуюся до самой головы въ зеленую, вязкую тину...

Вдругъ, по близости, изъ-за гребня горы, раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Хищники всполошились и бросились къ лошадямъ... Двое изъ нихъ упали, простр'ѣленные пулями...

Шесть человѣкъ, всего только шесть, съ крикомъ «за праваго Бога!» прыгая черезъ изгородь, стремительно бѣжали съ горы къ хутору, махая длинными ружьями. Словно тигры бросились они на оторопѣвшихъ баши-бузуковъ... тѣ бѣжали, бросивъ и возы съ награбленнымъ добромъ, и лежавшую около нихъ женщину... Въ догонку бѣжавшимъ прогремѣло еще нѣсколько выстрѣловъ... одинъ изъ заднихъ кувырнулся съ лошади, и поволокло его, зацѣпившагося ногою за стремя... прочіе еще быстрѣе поддали ходу... Стукотня копытъ скоро замерла за горою... Шесть побѣдителей остались одни на завоеванной мѣстности и собрались въ кругъ для совѣщанія...

Эти убѣжали, другіе прійдутъ скоро и придетъ ихъ много... Горсть богатырей не въ силахъ будетъ справиться съ этими новопридущими... Горсть эта уже и то потеряла много людей на своемъ походѣ. А они шли далеко — изъ-за горъ, гдѣ не удалось имъ дѣло, шли къ сербской границѣ, предчувствуя, что скоро тамъ нужны будутъ ихъ могучія, привыкшія къ бою руки... Недалеко уже осталось до этой спасительной границы, часа три ходьбы, не больше. Надо спѣшить, пока не нагнали ихъ турки... Шестеро, на основаніи такихъ соображеній, рѣшили уходить немедленно...

И они ушли, захвативъ съ собою несчастную, измученную женщину... Они не хотѣли ее брать съ собою—все равно умретъ ей, что здѣсь, что дорогою... Но одинъ изъ нихъ на

стоялъ и, взваливъ ее къ себѣ на широкую спину, прихвативъ поясомъ для прочности, понесъ на себѣ, поклявшись, что не броситъ ея, пока не переступитъ сербской границы.

Они пошли на прямикъ, прямо черезъ ручей вбродъ...

— А вотъ и еще одна!..—сказалъ передній.

— Мама моя, мама,— пропищала вытащенная изъ грязи дѣвочка, узнавъ мать въ печальной ношѣ за спиною...

— Мила...—чуть прошептала женщина и заплакала...

Не у одного изъ богатырей навернулась слеза и потекла по смуглымъ щекамъ, по длиннымъ усамъ съ просѣдью...

Взяли, конечно, и дѣвочку...

Не повезло богатырямъ... Почти у самой границы, въ виду сербскихъ постовъ, нагнали ихъ турки... Много турокъ легло при этой свалкѣ... легли и пятеро богатырей. Только одинъ изъ нихъ спасся... тотъ, что былъ съ тяжелою ношею... Вынесъ онъ и мать, и ея ребенка и, обезсиленный, потерявъ сознаніе, упалъ безъ чувствъ между выручавшими его сербскими воинами.

Этотъ богатырь и былъ Матвѣй Захаровичъ Жучекъ.

Возвращаясь позднею осенью въ Россію, я проѣздомъ черезъ Пештъ, встрѣтилъ Матвѣя Захарыча и его Милу... ребенокъ узналъ меня и улыбнулся...

Матвѣй Захарычъ везъ ее въ Малороссію, въ свой хуторокъ, гдѣ хотѣлъ оставить ее подъ присмотромъ одной старушки, своей далекой родственницы, а самъ намѣревался снова вернуться въ Сербію, говоря, что онъ еще тамъ понадобится.

Послѣднія неудачи сербовъ нисколько его не обезкуражили. Капитанъ Жучекъ фанатически вѣрилъ въ хорошій исходъ всего дѣла, на служеніе которому посвятилъ себя всецѣло...

— Теперь я положимъ, неодинокій бобыль, какъ прежде,— весело говорилъ онъ мнѣ. — Вотъ Богъ дочку послалъ—Милочку... Думалъ и жена будетъ, да не вышло, не захотѣлъ Господь... что дѣлать... И если я самъ того не стою, такъ сбережетъ Онъ меня для моей Миленки. Батько будетъ съ турками драться, а дочка пускай за батьку молится—пойдетъ все ладно!..

Пошли Богъ тебѣ счастія, честный борецъ! Пошли Богъ, чтобы сбылись твои свѣтлыя вѣрованія!..

ОШИБКА.

Было смутное, нехорошее, недоброе время.

Въ высокой, неуютной комнатѣ, со сводчатымъ потолкомъ, съ узкими готическими окнами, сидѣлъ человѣкъ въ длинной, сшитой въ обтяжку одеждѣ. Человѣкъ этотъ былъ гладко обритъ, лицо у него было точно восковое, щеки впалыя, губы сжатыя, еле пропускающія сдержанное дыханіе, глаза безцвѣтные, тусклые; но эти глаза обладали страннымъ, тяжелымъ свойствомъ, эти глаза не смотрѣли прямо на собесѣдника, а куда-то въ сторону, но собесѣдникъ, однако, чувствовалъ, что отъ этихъ глазъ не ускользнетъ ни одна, хотя бы мимолетно скользнувшая перемѣна въ выраженіи его лица, могущая выдать его затаенныя мысли...

Бритый человѣкъ сидѣлъ въ старомъ, готическомъ креслѣ и пыталъ своимъ замкнутымъ взглядомъ на этотъ разъ не собесѣдника, а собесѣдницу.

Молодая, стройная, красивая женщина съ голубыми глазами, полными слезъ, одѣтая въ глубокій трауръ, только что вошла и не успѣла еще воспользоваться предложеннымъ ей табуретомъ. Она держала на рукахъ крохотную дѣвочку, увы, тоже одѣтую уже въ черное платьице.

— Садись, моя дочь. Я очень радъ, что мой посланный тебя разыскалъ. Садись.

Она сѣла и спустила ребенка на полъ... Дитя прижалось къ колѣнямъ матери и робко изподлобья смотрѣло на этого неласковаго, строгаго дядю съ голымъ черепомъ, какъ у ея куклы, когда у той отклеился золотистый, пеньковый паричекъ.

— Я посылалъ за тобою пана органиста... Ты не торопилась, однако, на мой призывъ.

— Отецъ мой! къ намъ пришли москали... такъ было страшно... Панъ органистъ говорилъ, что нельзя ходить днемъ,— надо дождаться вечера...

— Тяжелое время!..—кивнулъ головою Бритый,—за тяжкіе грѣхи наши Господь посылаетъ...

Онъ вынулъ изъ-за пазухи книжечку, раскрылъ ее и пробормоталъ какую-то молитву...

— Давно не видала своего мужа?.. Не слышала ли чего... не имѣешь ли какихъ-либо извѣстій?..

— Отецъ мой! Насъ посѣтило страшное горе... — простонала женщина.

— Знаю!—опять кивнулъ головою Бритый.

— Мой бѣдный мужъ, мой коханый Игнатій, погибъ ужасною смертью. О, да будутъ прокляты тѣ, кто это сдѣлали!

— Слушай, твой мужъ былъ доблестный и вѣрный сынъ святой церкви, онъ покинулъ тебя для того, чтобы бороться съ врагами отчизны, съ тиранами, давно обреченными аду и проклятію. Ты отпустила его съ глубокою скорбью въ душѣ, но и съ покорностью передъ святымъ долгомъ. Изъ своего далека, терпя нужду и лишенія боевой жизни, подвергая себя опасностямъ, твой Игнатій заботился о тебѣ, думалъ о тебѣ одной и о вашей малюткѣ.

— О, не говори, отецъ, — разрыдалась женщина въ траурѣ. — У меня сердце разрывается на части отъ горя...

— Оно должно теперь биться жаждою святой, справедливой мести.

Женщина вздрогнула отъ этихъ словъ и будто хотѣла подняться на ноги.

— Кому мстить?..—прошептала она.—Воля Всевышняго...

— И испытаніе, посланное тебѣ Тѣмъ же Всевышнимъ.

— Испытаніе?

— Сиди покойно и слушай.

Бритый человѣкъ откинулся на спинку кресла, возвелъ глаза къ небу и набожно сложилъ тонкія, цѣпкія кисти рукъ на груди. Онъ началъ говорить ровнымъ, монотоннымъ голосомъ, будто бы молился — но это не были кроткія, успокоивающія слова молитвы.

— Твой мужъ, — говорилъ онъ, — давно-давно не видѣлъ своей возлюбленной, дорогой Анели, давно не испытывалъ ея

ласкъ, давно не видѣлъ улыбки своей малютки Юзи... Войско ихъ стояло близко—тогда... за волчьимъ порубежьемъ... недалеко. Стояли скрытно; никто не зналъ, никто еще ихъ не видалъ... Дай, думаю, провѣдаю,—попытался Божій воинъ и попался... Ночь была темна, счастье было такъ близко... О, съ какимъ душевнымъ трепетомъ пробирался панъ Игнатій глухою тропою... но злые люди ѣхали тою же дорогою... Они встрѣтились... Панъ Игнатій, герой, подвижникъ, мужъ твой возлюбленный, поздно замѣтилъ опасность... Онъ погибъ.

Женщина въ траурѣ закрыла лицо руками и глухо рыдала; дѣвочка, глядя на маму, заплакала тоже. Бритый недовольно сдвинулъ брови и немного помолчалъ.

— Успокой ребенка, — строго произнесъ онъ, — и внимательно слушай! Мужа твоего ударили саблею по лицу... Онъ выпустилъ поводья и протянулъ безоружныя руки съ мольбою о пощадѣ... Двѣ казачьи пики впились ему въ бока, прокололи сердце, и несчастный со стономъ, съ предсмертнымъ, страшнымъ хрипѣніемъ повалился на землю...

— О, Езусъ-Марія!

— Шелъ дождь и дорога была грязная, мракъ былъ непроницаемъ, но въ минуту кроваваго преступленія тучи разверзлись, лучъ луннаго свѣта озарилъ истерзанное тѣло погибшаго мученика и голосъ съ неба произнесъ:

— Ты будешь отмщенъ!

— ...Въ ужасѣ бѣжали гнусные убійцы... О, дочь моя, вслушивайся, вслушивайся... Пусть каждое мое слово глубоко проникаетъ въ твою душу, неизгладимо врѣзывается въ твое сердце! Мы вышли тогда изъ лѣсной чащи... Я кинулся къ умирающему и принялъ его послѣдній вздохъ, а съ этимъ вздохомъ слилось твое имя:

— «Анеля, отомсти!..»

— Кому же я мстить должна, отецъ мой?

— Я укажу тебѣ убійцу.

— Чѣмъ я могу отомстить, какъ? Я—слабая, безпомощная женщина?

— Я дамъ тебѣ оружіе мести... Помни голосъ съ неба, помни призывъ твоего мужа — его послѣднюю, предсмертную волю. Клянись мнѣ исполнить его святую волю...

Бритый человѣкъ поднялся во весь ростъ и положилъ свою

костлявую руку на плечо женщины; этимъ движеніемъ онъ заставилъ ее опуститься на колѣна. Та не выпустила своего ребенка, она только сильнѣе прижала его къ своей прекрасной, молодой, красиво развитой груди и впилась глазами въ скульптурный ликъ Мадонны, стоявшей на кронштейнѣ, надъ высокимъ аналоемъ съ двумя ступенями для колѣнопреклоненія.

Бритый приподнялъ покрывало аналоя и въ его рукѣ сверкнулъ тонкій, какъ остріе циркуля, стальной кинжалъ.

— Повторяй за мною!— произнесъ онъ.— Повторяй ясно! Ты передъ лицомъ Самого Бога, передъ лицомъ Его Пречистой Матери... Говори!

И Бритый вполголоса, но ясно сталъ диктовать ей слова клятвы:

— «Клянусь святою церковью, спасеніемъ моей души... Счастьемъ, здоровьемъ и жизнью моего ребенка... проколоть этимъ оружіемъ гнусное, проклятое небомъ сердце убійцы моего мужа, врага святой, католической церкви...

— Клянусь! — повторила еле слышнымъ шепотомъ вдова пана Игнатія.

— Завтра, послѣ вечерней службы... иди на площадь. Тамъ спроси стодолъ жида Захарія. Въ томъ стодолѣ, въ самой глубинѣ двора, въ отдѣльной комнатѣ квартируетъ русскій офицеръ. Онъ теперь боленъ и ты его застанешь дома. Тебя впустятъ... Вѣдь москали такъ охотно принимаютъ молодыхъ, красивыхъ женщинъ... Взойдя, ты запри дверь за собою... Но смотри,—не бросайся сразу,—будь тиха, скромна, но привѣтлива... заговори съ нимъ, играй глазами,—прими его ласки и нащупай рукою точно мѣсто, гдѣ бьется у него въ груди... Тогда рази... Но не съ размаха, а незримо, надвинь только, сожми его въ своихъ объятіяхъ, этотъ клинокъ самъ вопьется, самъ проложитъ себѣ дорогу... заглуши поцѣлуемъ его предсмертный крикъ, выжди и уходи покойно, не торопясь... Прикрой только тѣло, чтобы кровь не сразу въ глаза бросилась... Тогда, незамѣтно, пробирись къ двери ризницы, гдѣ тебя встрѣтитъ панъ органистъ и проведетъ въ безопасное мѣсто. Я же, колѣнопреклоненный передъ престоломъ, буду молиться о спасеніи твоей души — объ успѣхѣ новой Юдифи,— о гибели новаго Олоферна... Да будетъ надъ тобою, дочь моя, благосло-

веніе небесъ. А это спрячь и берегись уколоть имъ себя, хотя бы только слегка оцарапаться... Теперь ступай!

Женщина съ ребенкомъ поцѣловала благословляющую руку и шатаясь, словно больная, ослабѣвшая, направилась къ двери.

— Остановись! Стой такъ и смотри мнѣ прямо въ глаза!

Съ минуту они созерцали другъ друга...

— Иди! О, какъ ты прекрасна!—простоналъ сквозь зубы Бритый, когда тяжелая дверь, глухо стукнувъ, заслонила собою стройную фигуру молодой красавицы.

Прошелъ роковой день — и въ стодолѣ жида Захарія, на большой площади, ничего особеннаго не случилось. Панъ органистъ вечеромъ докладывалъ Бритому, что самъ видѣлъ, своими глазами, какъ пани Маевска входила въ квартиру офицера-москаля, какъ сначала, еще во дворѣ остановилъ ее солдатъ, а потомъ она что-то сказала ему, и тотъ ее пропустилъ, только ухмыльнулся, подмигнувъ глазомъ...

Самъ панъ органистъ держался на той сторонѣ площади, подальше, и видѣлъ все... Онъ ясно видѣлъ отсюда дверь той квартиры и ждалъ долго, очень долго, даже страшно ему стало, и онъ, на минуточку только, забѣжалъ къ шинкарю Іоселю подкрѣпиться... Дождался, наконецъ. Вышла пани поздно, далеко послѣ полуночи. Она шла, не торопясь, спокойно и несла младенца на своихъ рукахъ. И зачѣмъ только она съ собою дитя брала, когда шла на такое дѣло. Глаза у пани были заплаканы, а не тревожны... Очень она уже испугалась, даже ребенка чуть изъ рукъ не выронила, когда передъ ея носомъ словно изъ-подъ земли самъ панъ органистъ появился, когда тотъ потребовалъ, чтобы она немедленно шла за нимъ слѣдомъ... и вотъ они пришли.

— Ты исполнила волю небесъ?—спросилъ ее Бритый.

— Нѣтъ, отецъ мой.

— Ты не сдержала своей клятвы!

— Не могла, отецъ мой!.. Рука не поднялась... Я послѣ... Потомъ... Тогда не могла...

Красавица зарыдала и преклонила колѣна.

— Слабая и малодушная! Разсказывай все, но ничего не утаивай, не я одинъ здѣсь: Она тебя также слушаетъ.

Бритый указалъ рукою на статую Мадонны.

— Я пришла къ нему... Онъ лежалъ больной... у него

рука ранена, онъ очень ослабѣлъ... Хотѣлъ подняться мнѣ навстрѣчу, но былъ не въ силахъ... онъ спросилъ меня, что мнѣ отъ него нужно? а я ему сказала: — а развѣ пану непріятно, что его навѣстила красивая полька? Мнѣ, говорю, ничего больше не нужно. А панъ говоритъ: — «Вы говорите неправду. У васъ лицо такое печальное, у васъ на душѣ большое горе... Если вы ко мнѣ пришли съ этимъ горемъ, такъ, значитъ, думаете, что я могу вамъ помочь чѣмъ-нибудь. Говорите откровенно». — Я не выдержала и говорю: «Ты, панъ, — убійца моего мужа!..» Такъ и сказала прямо. Онъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ даже весь, и произнесъ:

— Какое несчастье!

— Онъ разсказалъ мнѣ все. Онъ былъ очень со мною ласковъ — онъ только не такъ разсказывалъ, какъ ты, отецъ. Онъ говорилъ, что на ихъ патруль ночью «наши» напали; они отбивались и панъ ударилъ саблею того, кто въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета.

— И ты слушала все это покойно?! Ты забыла, что съ тобою благословенное оружіе мщенія! Ты не нащупала его проклятаго сердца?

— Когда я вспомнила, отецъ мой, это сердце было прикрыто тѣломъ моего ребенка. Я боялась поранить мою Юзю. Дѣвочка увидѣла у пана на шеѣ золотую цѣпочку съ образками, и потянулась за цацкой, а панъ взялъ ее здоровою рукою, прижалъ къ своей груди и изъ его глазъ такъ и полились слезы на головку моей дитятки. Панъ много говорилъ мнѣ тогда: онъ говорилъ, что война, да еще между братьями, — страшное бѣдствіе... онъ говорилъ мнѣ, что самъ не знаетъ, что легче: — убивать или быть самому убитымъ... онъ говорилъ, что руку воиновъ, полетъ пуль и ядеръ направляетъ рука Божія! онъ говорилъ мнѣ, что онъ сирота, что у него никого нѣтъ родныхъ, — что онъ былъ бы счастливъ, если бы своею смертью могъ вернуть мнѣ моего несчастнаго мужа... тутъ вотъ и случилось страшное дѣло!..

— Что такое?

Я уронила кинжалъ. Оружіе со звономъ покатилось по каменнымъ плитамъ пола... У меня въ головѣ помутилось .. сердце перестало биться... Не знаю почему, я опустилась на колѣна: хотѣла ли я ножъ поднять, или... А онъ горько улыбнулся и говоритъ:

— Бѣдная моя, бѣдная страдалица... теперь этого нельзя, очень опасно... Васъ, говоритъ, видѣли солдаты, когда вы ко мнѣ входили. Васъ арестуютъ, будутъ судить и повѣсятъ... А я, убитый, заступиться за васъ не въ силахъ... Если же моя смерть можетъ принести вамъ душевный покой, то это можно сдѣлать, только погодите; я самъ устрою для васъ это дѣло, чтобы лично васъ не могло коснуться никакое подозрѣніе... Подымите, говоритъ, этотъ кинжалъ, и положите сюда на столъ... Вотъ такъ! Вы можете его взять потомъ у меня, когда захотите... Бѣдная моя, бѣдная!..

— Я разрыдалась и стала... О, прости, святой отецъ! я стала цѣловать его руку, ту больную, всю обвязанную... я не замѣчала, что этимъ причиняю ему тяжкую боль, а онъ все улыбался, гладилъ меня по головѣ такъ нѣжно, такъ ласково... Дѣвочка моя Юзя, какъ припала къ панской груди, сползла немного на бокъ, да и заснула... Мы стали тихо такъ говорить, чтобы не разбудить ребенка...

— Проклятая! Несчастная! Лживая, скверная развратница! Любовница москаля-схизматика, убійцы своего мужа.

— О, молчи, отецъ! Этого не было, этого не могло быть... Онъ такъ чистъ, такъ молодъ, такой красавецъ!.. Дѣлай со мною, что хочешь, я не могу поднять на него своей руки.

— Я и сдѣлаю! — грозно произнесъ Бритый, — я заморю тебя постомъ и молитвою, я наложу на тебя тяжкую эпитемію, чтобы искупить твой тягчайшій грѣхъ. Я отлучу тебя отъ церкви, я лишу тебя...

— Подожди, отецъ! Не надо проклинать... Ты знаешь,— онъ спросилъ меня, потомъ, совсѣмъ потомъ, — кто научилъ меня сдѣлаться убійцею?..

— Ты сказала, несчастная!?

— Нѣтъ, я не сказала. Я не назвала твоего имени. Я сказала только, что служитель церкви передавалъ мнѣ велѣніе неба, какъ ангелъ Израиля, во снѣ внушилъ Юдифи итти въ лагерь Олоферна. А онъ мнѣ на это:— «Скажи же тому, что онъ не служитель церкви, а служитель ада и дьявола, что служители церкви должны внушать въ души и сердца своей паствы миръ и любовь и что клинокъ кинжала не можетъ служить орудіемъ богослуженія»...

— Такъ все и сказалъ.

— Молчи, отступница! Я тебѣ языкъ твой кощунственный вырву! Сгною въ подвалахъ костела!..

Въ ужасѣ отступила къ двери пани Маевска; съ мольбою о защитѣ взглянула она на Мадонну...

Лунный ли лучъ въ окнѣ заигралъ на костяномъ лицѣ изваянія, золотистый ли свѣтъ лампады скользнулъ по выпуклостямъ лика,—Святая Заступница кротко улыбнулась...

. . . . . .

Долго не могъ притти въ себя ошеломленный бритый человѣкъ. Онъ дрожалъ и задыхался въ безсильной злобѣ. Въ припадкѣ бѣшенства онъ не замѣтилъ исчезновенія своей жертвы и, словно она еще присутствовала здѣсь передъ нимъ, осыпалъ ее проклятіями.

А панъ органистъ остатокъ этой ночи проспалъ покойно, а потомъ, и до обѣдни, и послѣ нея, все думалъ: и какъ это могутъ такія большія ошибки дѣлать такіе умные люди, умнѣйшіе даже и проницательные, какъ самъ панъ прабощъ? Вѣдь, онъ видѣлъ и знаетъ этого ненавистнаго для него москаля. Молодъ, красивъ, какъ архангелъ Михаилъ, что у нихъ въ костелѣ... А пани Маевска тоже молода и красива, какъ сама святая Сесилія, даже еще красивѣе, полнѣе и румянѣе. Что покойный мужъ пани Анели былъ, хотя и добрый католикъ, но человѣкъ пожилой, лысый, съ замѣтнымъ брюхомъ и краснозизымъ носомъ, и что отъ пана покойничка, при жизни, конечно, не то водкою пахло, ни то чѣмъ еще того хуже... Удивительное дѣло! Какъ это можно такія непоправимыя ошибки дѣлать!..

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Варвара Лѣпко и ея семья	3
Въ опалѣ	50
Докторша	73
Атларъ	109
Шкуна „Смолка“	144
Блокгаузъ „Червленъ-аскеръ“	161
Миленка	208
Ошибка	232

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. Н. КАРАЗИНА.

„ВЪ ПЕСКАХЪ“

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе П. П. Сойкина.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Отремянная, 12, соб. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій, 98, уг. Надежд.

Дозволено цензурою. Спб., 23 октября 1904 г.

Типографія И. Н. Сойкина. С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

ДАУДЪ-КАРАВАНЪ-БАШЪ.

(Повѣсть-легенда).

Во время моего продолжительнаго пребыванія въ центральной Азіи, мнѣ не разъ приходилось совершать весьма длинныя путешествія съ торговыми караванами.

Время тогда было трезожное, пути далеко не безопасны, какъ теперь, и ѣздить въ одиночку было бы крайне рискованно.

Однажды я узналъ, за недѣлю еще, о выступленіи большаго каравана изъ Бухары, справился о его направленіи,—оказалось попутное моему, и, переговоривъ съ караванъ-башемъ, перебрался съ багажемъ и людьми на караванный бивуакъ.

Выступили. Караванъ оказался изъ большихъ, головъ въ полтораста, и велъ его одинъ изъ извѣстныхъ своею опытностью караванъ-башей. Товаръ принадлежалъ знакомому мнѣ купцу, который самъ съ двумя приказчиками рѣшилъ сопровождать его до мѣста назначенія. Такимъ образомъ, кромѣ лаучей (т. е. верблюдовожатыхъ), насъ, вооруженныхъ изрядно путешественниковъ, оказалось человѣкъ шесть, значитъ,—уже сила, и мы выступили въ походъ въ самомъ прекрасномъ расположеніи духа.

Наша путевая обстановка была довольно комфортабельна. Была взята большая четырехугольная бухарская палатка, достаточно ковровъ, даже двѣ складныхъ кровати. Провизіи, сухой, конечно, захватили достаточно. Только въ водѣ, годной для питья и чаю, чувствовался иногда недостатокъ. Дорога пролегала громадною пустынею бассейна Аму, мѣстами песчаною, мѣстами солонцевою. Колодцы попадались часто съ водою горько-соленою, да еще съ отвратительнымъ, гнилымъ сѣрни-

стымъ запахомъ, — годною развѣ только для пойла неприхотливымъ верблюдамъ.

Надо было пользоваться болѣе рѣдкими колодцами хорошей—сладкой воды, какъ ее здѣсь называютъ, и набирать ея въ кожаные турсуки, про запасъ, до новыхъ хорошихъ колодцевъ. Для возки воды были назначены спеціальные верблюды, подъ особымъ надзоромъ самого караванъ-баша.

Томительное однообразіе нашего путешествія нарушалось изрѣдка разнаго рода встрѣчами, иногда весьма подозрительными, когда насъ выручало наше сравнительное многолюдство и хорошее вооруженіе—иногда-же совершенно мирными. Попадались торговые караваны, идущіе навстрѣчу, часто даже прибывающіе къ ночлегу въ одно время съ нами. Тогда съ обѣихъ сторонъ начинались самые подробные и разнообразные разспросы, сообщались свѣдѣнія, болѣе или менѣе интересныя... Бесѣдовалось оживленно и весело,—и часто вся ночь напролетъ проходила въ такихъ сообщеніяхъ.

А ночи здѣсь не то, что на сѣверѣ—ночи длинныя, равныя дню, темныя и холодныя...

Рѣзкій холодъ, наступающій почти сразу послѣ вечернихъ сумерекъ, усиливающійся еще отъ контраста съ сорока-градуснымъ жаромъ дня, давалъ себя чувствовать изрядно. Всѣ свободные лаучи занимались сборомъ въ окрестной степи убогаго топлива, въ видѣ колючки, прошлогоднихъ стеблей ревеня и высохшаго помета; разводились костры, и у этихъ костровъ собирались собесѣдники, образуя живописно освѣщенныя, характерныя группы.

Чего-чего нельзя было-бы наслушаться вволю, подойдя и присѣвъ къ одной изъ такихъ группъ. Были разговоры политическіе—о ханахъ, разныхъ правителяхъ, о самомъ эмирѣ даже... Азіаты вообще большіе любители политическихъ темъ—перетолковывая все по своему, освѣщая серьезныя, часто величественныя роковыя событія своимъ юморомъ, доходящимъ иногда до злой и мѣткой сатиры... Вѣдь тутъ свобода: кругомъ мертвая пустыня, все свои,подслушать некому, риска никакого...

Разсказывались разнообразныя дорожныя происшествія, случаи охоты и войны... Хвастовство доходило иногда до предѣловъ гомерическихъ; говорили о вещахъ изъ міра таинствен-

наго:—о злыхъ духахъ, о привидѣніяхъ, о разныхъ такихъ ужасахъ, что у наивныхъ лаучей потому только волосъ на головѣ не поднимался дыбомъ, что, по мусульманскому обычаю, головы должны быть всегда гладко обритыми... Суевѣріе азіатовъ развито до крайнихъ предѣловъ—и фантастическій міръ чудесъ здѣсь богатъ, какъ нигдѣ, давая безконечный матеріалъ для бесѣдъ—особенно ночью, когда нервы лучше дял того настроены и не развлекаются обыденными заботами деннаго перехода.

Разъ какъ-то, выступивъ съ ночлега передъ самымъ восходомъ солнца, мы почти до полудня любовались удивительно яснымъ и красивымъ миражемъ—степнымъ маревомъ... Сначала надъ горизонтомъ протянулась блестящая полоса—ну, совершенно водная поверхность... за нею появились точно синѣющія горы и отразились въ мнимой водѣ, усиливая иллюзію... Значительно выше этихъ горъ появились правильныя очертанія фантастическихъ зданій—какихъ-то куполовъ и минаретовъ; надъ ними, еще выше, эти очертанія повторились въ опрокинутомъ положеніи... и вдругъ,—ну, совершенно ясно, довольно высоко надъ горизонтомъ показалась фигура верблюда, за нимъ другая и такъ цѣлый караванъ, медленно двигающійся съ сѣвера на югъ, пересѣкая свѣтлый лучъ солнца, пронизывающій поверхность озера-призрака... Минуты двѣ тѣни фантастическихъ верблюдовъ дефилировали въ воздушномъ пространствѣ и какъбы растаяли въ ослѣпительномъ блескѣ утренняго солнца; но именно они—эти верблюды—произвели на людей нашего каравана потрясающее впечатлѣніе. .

Стихъ разговоръ... лаучи боязливо стали переглядываться... даже самъ старикъ караванъ-башъ нахмурился, почесалъ свой загорѣлый затылокъ и всю дорогу сохранялъ молчаніе—только его сухія губы шевелились, творя молитвенныя заклинанія...

Сначала я не обратилъ особеннаго вниманія на впечатлѣніе, произведенное миражемъ; я не зналъ еще, что его произвело именно это красивое и капризное зрѣлище, но когда мы пришли на ночлегъ—дѣло объяснилось...

Подойдя къ огню, гдѣ собрались лаучи, я услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ произнесъ:

— Ну, не быть добру!..

— Не быть!—безнадежно вздохнулъ другой.

— Ужъ если проклятый «Даудкинъ» караванъ видѣли,— тогда уже что!.. Хоть ворочайся... Экое горе!..

— Напрасно!—перебилъ тутъ третій. — Видѣть его такъ, какъ мы видѣли, еще полъ-бѣды... мы вѣдь бубенцовъ не слыхали... не на встрѣчу намъ шелъ, а мимо... даже не пересѣкъ дороги, совсѣмъ въ сторонѣ—это не бѣда!

— Говори!.. А все лучше, коли-бы его вовсе не видать!

— Лучше-то лучше...

— Разъ было со мною...—началъ, помолчавъ, первый.— Стали мы ночлегомъ у Иркибая... Ну, ничего—стоимъ... Ночь темная-претемная, костеръ догоралъ, чуть тлѣетъ... Всѣ заснули, а мнѣ не спится—лежу да думаю... Вдругъ, слышу: динь-динь-динь, да такъ явственно... Опять: динь-динь-динь, да близко... Только подумалъ, да и похолодѣлъ весь... слышу, сопитъ верблюдъ, другой за нимъ... бубенцы динь-динь... а не наши; наши-то въ той сторонѣ паслись, а эти тутъ вотъ проходятъ. Аллахъ милосердный, думаю, не попусти — и, охъ, братцы мои!.. Слышу, какъ кости застучали... пощелкиваютъ одна о другую... словно кто ихъ въ мѣшкѣ встряхиваетъ... Ну, смекаю, самъ «Даудка!»—Пропали теперь наши головы! Хочу молиться—языкъ остылъ, не ворочается; хочу вскочить, людей будить—словно приросъ къ землѣ. Послѣ уже разсказываю, а они, дьяволы, не вѣрятъ, смѣются... Что-же бы вы, думали?—На слѣдующую-же ночь, только успѣли скотину развьючить, налетѣли изъ за бархановъ черти текинцы, изъ подъ Мерва—двоихъ зарѣзали, скотину забрали, товаръ весь тоже... и насъ увели въ неволю... Хорошо-успѣлъ убѣжать съ дороги, а то и по сихъ поръ томился-бы у этихъ собакъ, да у чигирей, какъ ишакъ, воду-бы накачивалъ...

— Бываетъ!

— Да, вотъ что значитъ Даудкинъ караванъ, не то что видѣть,—услышать только... Бѣда!

Эти разговоры заинтересовали меня настолько, что я рѣшилъ добиться подробнаго объясненія; но охотниковъ просвѣтить меня на этотъ счетъ оказалось разомъ такъ много, что нельзя было добиться никакого толку. Спасибо, выручилъ самъ караванъ-башъ, но онъ не рѣшился разсказывать ночью, а пообѣщалъ сдѣлать это днемъ, во время перехода.

И вотъ, что онъ мнѣ разсказалъ про страшный караванъ-призракъ Даудки-колченогаго.

Волею Божьею умеръ богатый, старый караванъ-башъ *) Джемаль-Магометъ и передъ смертью успѣлъ распорядиться своимъ громаднымъ состояніемъ.

Остались послѣ покойнаго большія деньги — тѣ пошли родственникамъ поровну; остались двѣ тысячи верблюдовъ — тѣхъ подѣлилъ покойный между своими слугами, и подѣлилъ такъ справедливо, что недовольныхъ не оказалось.

Старый Джемаль-Магометъ любилъ своихъ верблюдовъ, заработавшихъ ему своими спинами и почетъ, и богатство, и не хотѣлъ отдавать ихъ въ чужія руки. Кто ходилъ за ними, кто ихъ кормилъ и холилъ, тотъ и сталъ ихъ хозяиномъ. Послѣдній лауча **) и тотъ получилъ свою долю.

Такимъ образомъ, лѣнивый, неповоротливый, послѣдній между товарищами лауча, забитый, заруганный—Даудка-колченогій—и тотъ сталъ владѣльцемъ семи верблюдовъ, съ сѣдлами, войлоками, съ цвѣтисто-убранными уздечками, съ полнымъ запасомъ волосяныхъ вьючныхъ аркановъ.

Поднялъ свою голову батракъ, собралъ жалованную вязку ***), гордо сѣлъ на спину передняго верблюда и отправился въ путь, подальше отъ насмѣшекъ, отъ завистливыхъ глазъ, отъ всего, что ему напоминало прежнюю жизнь, прежнія отношенія.

Несмѣтнымъ богатствомъ казались ему эти семь здоровыхъ, широкоребрыхъ верблюдовъ, шагавшихъ мѣрною поступью, побрякивавшихъ своими бубенчиками... И въ головѣ ихъ новаго владѣльца весело играли, одна нагоняя другую, разнообразныя, радостныя мысли и предположенія.

Не легко было сообразить Даудкѣ-колченогому—сколько именно будетъ онъ заработывать спинами этихъ семи верблюдовъ, семью, значитъ, полными двойными вьюками... Многое надо принимать въ разсчетъ: и куда нанимаютъ товаръ везти, и какой товаръ,—въ какое время года, на какіе сроки... все вѣдь условія разныя... Гдѣ тутъ сообразить! Младшіе кара-

*) Караванъ-башъ—глава каравана.

**) Лаучи—рабочіе при караванѣ—верблюдовожатые.

***) Вязка — партія верблюдовъ — цѣпью безъ перерыва, не болѣе семи.

ванъ-баши, подручные покойнаго Джемаля,—тѣ живо смекали, какъ и сколько взять надо, а гдѣ-же Даудкѣ - колченогому! Онъ и счета не зналъ больше какъ до ста, да и то десятки зубомъ на камышинѣ надкусывая.

Соображалъ только Даудъ, что деньги теперь будутъ, и не малыя, что прошла пора лишеній и проголоди, что, пожалуй, можно будетъ и самому принять работника и надъ тѣмъ работникомъ вволю куражиться, свое былое вымещать.

Весело Даудкѣ колченогому, не вспомнилъ на радостяхъ даже, что надо-бы зайти поклониться, проститься передъ отходомъ, на могилу великодушнаго стараго хозяина.

Шелъ Даудъ день, шелъ всю ночь, напоилъ только верблюдовъ передъ заходомъ солнца и къ утру пришелъ въ городъ, прямо на базарную площадь.

Здѣсь онъ уложилъ верблюдовъ кольцомъ, головами внутрь, засыпалъ имъ свѣжаго саману, а самъ зашелъ въ чай-хане, гдѣ спросилъ себѣ чаю, лепешку и дыню и объявился, что, дескать, новый караванъ-башъ прибылъ, ждетъ нанимателей, купцовъ съ товаромъ, что верблюды у него отмѣнные, на всемъ базарѣ лучшіе. А уже какъ везти товаръ, какъ его вьючить и отъ непогоды хранить, это все самъ караванъ-башъ отлично знаетъ, потому—недаромъ лучшимъ подручникомъ считался у извѣстнаго, досточтимаго Джемаля-Магомета, — «да устроитъ Аллахъ его душу на самомъ лучшемъ положеніи»!

Посчастливилось Дауду-колченогому.

Немного за полдень перешло, и купецъ наниматель съ товаромъ нашелся: какъ разъ семь верблюдовъ понадобилось и требовались верблюды надежные, кормленные, нахоженные, потому что путь предстоялъ трудный, длинный, черезъ мертвую пустыню, по сыпучимъ пескамъ, до города Ургенча.

Сто разъ солнцу подняться надо, сто разъ спуститься, пока до того города добраться можно...

Стали торговаться, сговариваться.

— Почемъ съ верблюда возьмешь?—спрашиваетъ купецъ-наниматель.

Молчитъ, соображаетъ Даудъ... Въ потъ его ударило, а сообразить никакъ не можетъ.

— Ну, что-же ты?

Вздрогнулъ Даудъ, посмотрѣлъ тоскливо,—надо же слово

вымолвить...—По два тилля!—говоритъ. — Только настоящихъ золотыхъ, чтобы безъ обрѣза и безъ дырочекъ...

Много народу собралось въ чай-хане слушать торгъ... Да какъ всѣ расхохочутся... Гулъ пошелъ подъ базарными сводами...

Понялъ Даудъ, что это надъ нимъ смѣются, а не можетъ понять, въ чемъ именно дѣло, что его на смѣхъ поднимаютъ?.. Не запросилъ ли зря больно дорого?..

— Я... что-же,—забормоталъ онъ...—Оно можно и сбавить... Поторгуемся... Гляди—верблюды-то каковы!..

А хохотъ на базарѣ еще громче, еще веселѣе гремитъ... подсвистывать даже начали...

— Да ты самъ ходилъ-ли по этому пути одинъ?—спросилъ Дауда наниматель.

— Какъ не ходить!.. Ходилъ!.. Я дорогу вотъ, все равно, какъ вотъ эту ладонь, знаю!

И Даудъ развернулъ ладонь и сталъ водить по ней своимъ пальцемъ.

— А сколько же бралъ съ верблюда твой бывшій хозяинъ Джемаль?

— А я почемъ знаю!.. Я въ хозяйскія дѣла не мѣшался... Мнѣ что! Я свое дѣло справлялъ: «Даудка-собака, качай воду!..» Накачалъ... «Даудка, тяни конецъ!»—Потянулъ. «Даудка, паси верблюдовъ!»—Пасу.—Вотъ мои дѣла... А дорогу я хорошо знаю!

— Простота ты, я вижу,—говоритъ наниматель.—Да такой для меня лучше. Уговоръ сдѣлаемъ здѣсь, при свидѣтеляхъ. Мулла вотъ и запишетъ въ книгу и товаръ мой перепишетъ, потому товаръ цѣнный,—не хлопокъ повезешь, не пшеницу, а шелкъ, бархатъ, парчу и цѣнныя ткани изъ невѣрныхъ земель,—ференчи настоящія... чай дорогой—зеленый, и одинъ тюкъ травъ лекарственныхъ... Все это требуетъ упаковки тщательной, подлежитъ строгому охраненію, потому за одинъ только полувьюкъ всѣхъ твоихъ верблюдовъ купить можно!

Даже холодомъ обдало Дауда при исчисленіи всѣхъ этихъ сокровищъ; глубокимъ вниманіемъ проникся онъ къ нанимателю.

— Дѣлай какъ знаешь, разсчитывай по своему. Приказывай!..

Пришелъ мулла, съ нимъ два базарныхъ аксакала, четвертымъ свидѣтелемъ—хозяинъ чай-хане. При всѣхъ утвердили сдѣлку: по семи тиллей за вьюкъ: половину сейчасъ, половину по доставкѣ товара на мѣсто. Отсчитали деньги караванъ-башу,

а у того руки трясутся, и спрятать такую уйму золота ему некуда... однако догадался. Спустилъ рукавъ халата, завязалъ внизу на-крѣпко ссыпалъ туда, какъ въ мѣшокъ, и еще перевязалъ сверху. Ладно будетъ!

— Смотри, не снимай халата, когда спать будешь ложиться!—смѣются зрители.

— Накорми скотину свою получше,—сказалъ наниматель,— а завтра приводи ко мнѣ на дворъ... Саидъ-Азима-бая всѣ здѣсь въ городѣ знаютъ!

— Ладно!—пріободрился Даудъ колченогій, пошевеливая плечомъ, каково пріятно потягиваетъ золотоносный рукавъ.— Будь благонадеженъ!.. Будутъ готовы верблюды... Завтра повьючимся спозаранку и выступимъ до жара!

— Дешево нанялся!—хлопнулъ его по плечу хозяинъ чайхане, когда Саидъ-Азимъ-бай удалился.

— Что-же, заказывай для всѣхъ свидѣтелей чаю, да вели пловъ варить... Не знаешь, что-ли, обычая!

— Что-же, коли такой обычай есть—готовь!.. Я не отступаю!

— Вотъ молодчина! Ты знаешь-ли, что у того купца самая легкая рука во всемъ городѣ. Съ его руки далеко пойдешь!.. Другіе по недѣлѣ стоятъ, нанимателей ждутъ, прохарчатся до послѣдней нитки, задолжаются, а тебѣ сразу повезло. Иди подъ навѣсъ, садись на почетное мѣсто, ты вѣдь угощаешь... Распоясывайся!

И торжествующаго Даудку колченогаго, теперь уже ставшаго Даудъ-баемъ, повели подъ руки и усадили на груду стеганыхъ ватныхъ одѣялъ, да еще подушку ковровую подложили подъ локоть.

Далеко за полночь пропировали названные друзья и пріятели, угощаясь на счетъ «многоуважаемаго караванъ-баша, Даудъ-бая почтеннѣйшаго». Платилъ тотъ,—про себя только ругался... жалко стало рукавъ развязывать; зато и научился нашъ Даудъ многому:—каждый норовилъ совѣтъ дать да поученіе, каждый объяснялъ и указывалъ, что съ деньгами можно сдѣлать, какъ изъ одного тилля—два дѣлается. Особенно одинъ, кто-то, все на самое ухо нашептывалъ и откуда появился этотъ, неизвѣстно. Между свидѣтелями договора его не было... Лицомъ черенъ, а халатъ красный, какъ огонь, гово-

ритъ тихо, губами сухими не шевелитъ, никто его другой будто и не слышитъ, а въ ушахъ Дауда только его слова и звенятъ, чужія рѣчи заглушаютъ...

— Деньги, другъ мой, все! Съ ними и почетъ, и счастіе! За деньги и чести, сколько угодно, купить можно,—говоритъ красный халатъ,—а безъ денегъ что?.. «Даудка, собака, качай воду!.. Дуй по затылку Даудку-собаку!» Такъ-то!..

. . . . . .

Опился чаемъ Даудъ, вволю наѣлся плова, поясъ пришлось перепоясывать... отоспался къ утру и, помня договоръ, привелъ свою вязку къ росписнымъ воротамъ Саидъ-Азимовой сакли.

Стали вьючить драгоцѣнную кладь. Самъ купецъ наблюдалъ за вьючкою, ковры цвѣтные вынесли, чтобы сверху покрыть... Красота!.. Словно самого эмира кладь везутъ...

Саидъ-Азимъ снаряжалъ въ путь съ этимъ караваномъ своего младшаго сына любимаго, красавца Ахмета, — что свою начиналъ торговлю.

Стали прощаться отецъ съ сыномъ. Утеръ Саидъ-Азимъ слезу парчевымъ рукавомъ халата, махнулъ рукою и ушелъ въ глубину воротъ.

— Ну, расторговывайся! Начинай свое самостоятельное дѣло... Богъ тебѣ на помощь... не забывай родителей!..

— Прощай, отецъ!.. Вернусь живъ-здоровъ... Благополучно... Тайда!

Тронулся караванъ.

На переднемъ верблюдѣ караванъ-башъ Даудъ, за нимъ, голова къ хвосту, на вольной привязи, остальные шесть верблюдовъ, сзади, на росломъ темно-сивомъ ишакѣ Ахметовъ работникъ Джюра, а самъ Ахметъ, верхомъ на статномъ рыжемъ аргамакѣ, гарцовалъ то съ одного бока, то съ другого, гдѣ ему по вѣтру удобнѣе, куда пыль не относитъ, воздухъ полегче.

Тихо потянулся нарядный караванъ по узкимъ, глухимъ улицамъ города... Вотъ базарную площадь миновали... Народъ галдитъ, руками машетъ, всѣ счастливаго пути желаютъ молодому купцу Ахмету. Видитъ Даудъ—стоитъ его вчерашній знакомецъ, красный халатъ... далеко отъ него, чуть не черезъ всю площадь отсюда, а слышитъ караванъ-башъ, какъ тотъ говоритъ:

— Что? хорошо быть купцомъ богатымъ?.. Лучше чѣмъ Даудкою-собакою?..

— А чтобъ ты сквозь землю провалился!—проворчалъ Даудъ.

И только онъ это слово промолвилъ, сгинулъ красный халатъ. Огонь большой развелъ пельменьщикъ въ той сторонѣ, такъ дымомъ того затянуло.

Прошли еще съ полчаса улицами. Пространно раскинулся городъ... Добрались до наружной стѣны. Въ темной рамѣ растворенныхъ воротъ заблистала изумрудами яркая зелень окрестныхъ садовъ.

Къ ночи дошли до предѣловъ послѣдней воды, и передъ путешественниками развернулась въ своей мертвой тишинѣ безпредѣльная пустыня, озаренная багровыми лучами заходящаго солнца.

Стали готовиться къ первому ночлегу.

Положили верблюдовъ, распустили арканы, и вьюки сами собою стали на землю, подняли верблюдовъ, вывели, пустили пока на волю, чтобы спины отошли, обвѣтрились... Джюра коверъ разостлалъ, пологъ отъ комаровъ для хозяина разставилъ, сталъ звякать кунчаками мѣдными, чай готовить...

— Что-же ты зѣваешь?—крикнулъ онъ Дауду.—Набирай топливо! Тащи воду!.. Знай свое дѣло!..

— Вотъ и этотъ, такой-же работникъ, какъ и я былъ, а на меня, караванъ-баша, покрикивать смѣетъ!—подумалъ Даудъ.

А все-таки послушался и смиренно, захвативъ турсукъ, сталъ спускаться на дно оврага стараго рѣчнаго ложа, гдѣ чуть змѣилась тонкая свѣтлая черточка.

Напился чаю Ахметъ, спать забрался подъ пологъ; убралъ коня и ишака своего Джюра, подогрѣлъ кунчакъ, самъ напился, поѣлъ холодной баранины, тоже залегъ.

— Смотри, бай, изготовь верблюдовъ до свѣта! Не засыпайся! Дорога дальняя, зѣвать нечего... Аа-а-а!..

Сладко зѣвнулъ и потянулся Джюра.

— Карауль теперь ихъ... не доспи, не доѣшь...—шепчетъ на ухо кто-то Дауду-баю... Знакомый какъ будто голосъ, а никого не видно поблизости. Шуршитъ что-то въ кустахъ неподалеку, да то шакалки, должно-быть, съѣстное почуяли...

. . . . . .

Вода—жизнь, нѣтъ воды—смерть.

Оросила вода раскаленную почву, и проросла эта почва яркою цвѣтущею зеленью, сторицею воздавъ за трудъ человѣку; изсякла послѣдняя капля воды—и нѣтъ удержу безпощадному зною, все спалитъ въ пепелъ, и занесетъ вѣтеръ сыпучими барханами всѣ слѣды долговременныхъ человѣческихъ усилій.

Велика, могуча была рѣка Заръ, въ старину, говорятъ, къ самой Аму доносила свои воды, а теперь всю на ходу разобрали люди, израсходовали на свои поля и прочую потребу, отвели по сторонамъ безчисленными арыками—и не хватило ея даже на половину прежняго тока. И залегла вокругъ мертвая пустыня, съ безконечнымъ караваннымъ путемъ, съ одинокими полу-солеными колодцами... Знаютъ караванъ-баши эти колодцы, не собьются съ дороги, какъ ни заноси вѣтеръ слѣды путевые; только и велики-же промежутки между этими станціями! Есть переходы, что даже конному не одолѣть въ однѣ сутки...

По такой-то пустынѣ и предстоялъ путь нашему каравану...

Зной палитъ. Туманная, сизая мгла кругомъ даль застилаетъ; понурили головы верблюды, идутъ мѣрнымъ, тяжелымъ шагомъ, дремлетъ Ахметъ, глубоко усѣвшись въ свое мягкое сѣдло, дремлетъ работникъ Джюра на своемъ ишакѣ. Думу думаетъ Даудъ караванъ-башъ и думу не свою, а чужую,—словно другой кто эту думу ему въ уши нашептываетъ.

Миновалъ второй день пути. Небо еще не потухло совсѣмъ, не все еще вызвѣздило,—пришли вторые колодцы.

И пошла изо дня въ день все та-же работа.

«Развьючивай, Даудъ! Качай воду, гони верблюдовъ, да стереги ихъ хорошенько!..»

Ахметъ съ Джюрою лежатъ да нѣжатся... Проснутся съ зарею, чаю напьются...

— Эй, караванъ-башъ! Пошевеливайся!

— Ну,—думаетъ Даудъ,—вотъ этотъ караванъ сведу самъ, а уже тамъ, деньги получу остальныя, найму себѣ работника—лаучу... пока одного хоть, и буду на него самъ покрикивать!

— Только бы попался парень хорошій, прыткій, не такой лѣнтяй, какимъ самъ онъ былъ у покойнаго Джемаля-Магомета.

Жарко ли стало ночью, за день-ли надремался на сѣдлѣ вволю, не спится что-то Ахмету, не спится и Джюрѣ—его работнику. Разговариваютъ между собою потихоньку, а Даудъ убрался, сидитъ неподалеку и слушаетъ.

— Вотъ, хозяинъ, вернешься, продавъ товаръ, много выручишь денегъ!—говоритъ Джюра — Назадъ пріѣдемъ, еще жену себѣ возьмешь... Говорятъ, у Серкера-Годдая дочь подросла,—краше розы. Если не за тебя, за кого и отдавать такую?

— А что-жъ, и возьму Годдаеву дочку въ жены... отчего не взять? На калымъ, что-ли, не хватитъ?..—говоритъ Ахметъ.

— Какъ не хватитъ! Новый домъ себѣ выстроишь съ тремя дворами, въ сакляхъ велишь потолки роспи́сать съ позолотою, стѣны алебастромъ выбѣлить и узорами вырѣзать!

— Да, знаешь, какъ у бека Чарджуйскаго, все такими полочками, да впадинками... Помнишь—видѣли?..

— Какъ не помнить!.. Вотъ теперь плоховато намъ съ тобою приходится, хозяинъ... Конечно, дѣло дорожное... А пріѣдемъ, зато слаще все покажется... наварятъ бабы всего, пажарятъ... на мягкіе ковры спать уложатъ... пѣть станутъ, а ты дремли, знай, на сытое брюхо, да рукою поманивай...

— Нн-да!—потянулся Ахметъ.—Это точно...

— А мы, знаешь что,—мы какъ въ Ургенчъ пріѣдемъ... кто насъ тамъ знаетъ?! Мы тамъ еще веселую томашу справимъ...

— Да. А отецъ какъ узнаетъ?.. Вѣдь ты знаешь моего родителя. Онъ баловства не любитъ!

— А откуда ему узнать... ты на слугу своего вѣрнаго, на меня, Джюру, смѣло положиться можешь—я, что могила, ничего не выдамъ...

— Такъ-то такъ!

— А ты знаешь-ли, хозяинъ, мнѣ говорили, что за городъ этотъ Ургенчъ и чего только тамъ нѣту...

Тутъ словоохотливый разсказчикъ такую сталъ рисовать картину наслажденій и нѣги, что молодой, пылкій Ахметъ только сплюнулъ и махнулъ рукою.

— Да ну; не дразни,—оборвалъ онъ, смѣясь,—безъ того не спится!

— Съ такими деньгами, какія мы за товаръ выручимъ, не то день покутить—на всю-то жизнь раздолья хватитъ...

— Хватитъ!

— А что, хозяинъ, получимъ золотомъ да серебромъ, увеземъ въ коржумахъ за сѣдломъ, или особо прикупить коня придется...

— Тамъ увидимъ... Спи!

— А, пожалуй, что и время—покойной ночи, хозяинъ!

Заснули, наконецъ, болтуны.

Не спится только Даудкѣ колченогому. Кажется ему, что у ближняго вьюка стоитъ кто-то, въ упоръ на него смотритъ и такую рѣчь держитъ:

— Конечно, дружище, честнымъ трудомъ нажить можно себѣ и почетъ, и достатокъ. Вотъ ты тоже деньгу получишь, опять сходишь караваномъ, еще получишь, верблюдовъ прикупишь, людей принаймешь. Опять десять разъ промѣряешь степь съ востока на западъ... Наживешься... Если на бѣду не патянешься дорогою... бываетъ, что грабятъ, добро отнимаютъ, бываетъ, что моръ нападетъ, верблюды валиться станутъ... все можетъ въ пути случиться... А ты терпи, начинай сначала, иди наниматься лаучею при чужихъ верблюдахъ... А время идетъ... годъ за годомъ, что дни бѣгутъ,—старость не́ за горами... Повывалятся зубы, потухнутъ глаза, согнется спина—много-ли тебѣ тогда нужно будетъ?.. Только что молодость вспоминать...—«шелъ я, молъ, за верблюдами—туда, шелъ назадъ, вьючилъ да пасъ—пасъ да вьючилъ... лакалъ бурду, мучную подболтку.. да слушалъ, какъ другіе про сласти говорятъ—молодыми женами похваляются... дворцы себѣ строить собираются...

— Оставь ты меня... пропади!.. Что смущаешь?—шепчетъ въ отвѣтъ на эти рѣчи бѣдняга Даудъ, а самому слушать хочется... Дыханіе затаилъ и во тьму, гдѣ рядами темнѣютъ верблюжьи вьюки, словно какъ котъ на мышь воззрился...

Мраченъ и молчаливъ былъ караванъ-башъ весь слѣдующій переходъ. А Ахметъ съ Джюрою словно на зло ему разболтались... Разыгралось у молодого хозяина пылкое воображеніе... Чудеса строитъ—Джюра только поддакиваетъ...

Милостивъ пока Аллахъ къ нашимъ путникамъ... Увѣренно мѣрно идутъ сильные верблюды... Много пустыни уже за собою оставили. Стали подходить къ одиннадцатымъ колодцамъ, а про колодцы тѣ всегда изстари еще дурная слава ходила.

Когда святой Хазретъ на своемъ бѣломъ ишакѣ проѣхалъ всю степь, благословляя колодцы,—онъ миновалъ именно эти одиннадцатые... и лишилъ тѣмъ ихъ своего благословенія...

Какъ мѣсто испытанія для правовѣрныхъ — оставилъ онъ ихъ во власти шайтана, и кто изъ путниковъ подходитъ къ нимъ съ молитвою, безъ нечистыхъ мыслей, тѣхъ злой духъ тронуть не смѣетъ; кто-же забудетъ въ пути слова молитвы, легкомысленно отнесется къ мѣсту этого ночлега, того ждетъ бѣда неминучая...

«Кара-Кудухъ» называются эти колодцы, а слово кара значитъ черные.

Просчиталъ, должно быть, молодой Ахметъ или по счету сбился... Позабылъ, должно быть, примѣты бывалый Джюра. Ничего никому не сказалъ Даудка колченогій, и прибылъ, наконецъ, караванъ на роковое мѣсто...

Пришли, стали на ночлегъ, расположились,—все по обыденному. Солнце зашло, а заря красная еще верхи барановъ золотитъ... Тихо кругомъ, только пыхтятъ усталые верблюды, тяжело вздыхаютъ, да бубенчиками позванивaютъ...

Откуда ни возьмись, изъ-за ближняго бархана выѣхалъ одинокій всадникъ и смѣло приблизился къ расположившемуся бивуакомъ каравану.

— Счастливо-ли шли путемъ-дорогою?—спрашиваетъ.

— Откуда?—отвѣтилъ Даудъ...

— Не всю воду, чай, изъ колодцевъ выпьете, и на мою долю хватитъ!—говоритъ пріѣзжій и съ коня слѣзаетъ.

— Для всѣхъ вода!—говоритъ Даудъ...—Самъ откуда ты?

— Оттуда!—отвѣтилъ гость, махнувъ рукою на барханы.

Пристально смотритъ на него караванъ-башъ и глазамъ не вѣритъ: все тотъ-же самый красный халатъ, то-же черное, какъ уголь, лицо, тотъ-же голосъ... и конь вороной подъ нимъ, дивное дѣло, тощій претощій, словно костякъ одинъ, обтянутый шкурою, а храпитъ, на лошадь Ахметову косится, ногою землю роетъ, и глаза у него горятъ, словно угольи...

Только теперь уже не одному Даудкѣ неожиданный гость мерещится, а видятъ его въявь и Ахметъ съ Джюрою...

«Кто его знаетъ, что за человѣкъ?»—думаетъ молодой хозяинъ.—«Одинъ онъ, положимъ, да за барханомъ, можетъ

быть, ихъ, такихъ-то, волчья стая залегла—не быть-бы бѣдѣ!..»

Осмотрѣвъ оружіе, Ахметъ шепчетъ Джюрѣ:

— Смотри въ оба!..

— Давно-ли въ дорогѣ? — спросилъ онъ у краснаго халата.

— День за днемъ, ночь за ночью—мы не считали!—отвѣчалъ тотъ и усмѣхнулся. — Про то хозяинъ знать долженъ!..

— А кто-же хозяинъ твой?

— А вонъ сидитъ,—не знаете, что-ли?..

Задрожалъ Даудъ... видитъ, что тотъ на него, какъ на хозяина, указываетъ.

— Когда-же я панималъ тебя?.. Что-то не помню!..— спросилъ онъ.

— Память коротка, значитъ!.. Или не доволенъ?.. Кажется, службу свою несу исправно!.. Разсчетомъ не безпокою, не тревожу...

— «Шшь, шутникъ!»—подумалъ Ахметъ...

— Разбойникъ, это вѣрно!..—смекнулъ Джюра...

А назвавшійся работникомъ, не спѣша, разсѣдлалъ своего коня, поставилъ на короткій приколъ, подбросилъ сухого помета на костеръ, обошелъ, осмотрѣлъ вьюки,—все какъ слѣдуетъ, отъ чашки чая, предложенной ему Ахметомъ, торжественно отказался.

— Ну,—говоритъ, обращаясь къ Дауду,—хозяинъ, ты теперь спи себѣ покойно, я и напою верблюдовъ, и выпасу ихъ за ночь... я свое дѣло хорошо знаю... будетъ тебѣ со мною и покойно, и прибыльно... Рука у меня больно легкая!..

Сказалъ все это красный халатъ и скрылся въ темнотѣ, пошелъ, знать, въ ту сторону, гдѣ верблюды бродили, подбирали на пескѣ одинокія сухія былинки...

Перемигнулся Джюра съ Ахметомъ...

— Одолжи-ка мнѣ твоего коня на полчасика,—шепнулъ слуга господину.—Я поразнюхаю, нѣтъ-ли кого тамъ подальше... Дозоромъ вокругъ объѣду...

— Ладно!—шепнулъ въ отвѣтъ сынъ Саидъ-Азима.

Сказано—сдѣлано...

Вернулся черезъ часъ Джюра... Въ мылѣ «рыжій», боками поводитъ...

— Нѣтъ,—говоритъ,—все благополучно... Ничего не замѣтилъ подозрительнаго. А все-таки эту ночь надо спать въ полъ-глаза...

— Пободрствуемъ!—согласился Ахметъ.

А какъ на бѣду—очи такъ и слипаются... сонъ клонитъ несдержимо... нѣтъ силъ бороться со сномъ... гаснетъ, догорая, костеръ... безпечная дума туманитъ голову: «авось, Богъ помилуетъ!..»

Вспорхнулъ Джюра, вздрогнулъ, приподнялся было на локоть и снова склонился къ изголовью...

Ровно дышитъ уснувшій Ахметъ, храпитъ, какъ верблюдъ, Даудъ на своей кошмѣ... Только рыжій конь безпокойно топчется на привязи, ушами поводитъ и дрожитъ всѣмъ тѣломъ... недоброе чуетъ.

. . . . . .

— Заснули!—зашепталъ кто-то надъ самымъ ухомъ Дауда...

Какъ тихо подошелъ тутъ незваный работникъ... не слыхать шаговъ его, словно босой по мягкому ковру ступаетъ.

— Цѣлы-ли въ рукавѣ деньги, хозяинъ? Покажи-ка, дай я пощупаю...

— Уйди, каракъ! *)—крикнулъ испуганный Даудъ, отшатнулся въ сторону и за ножикъ схватился.

— Хе-хе!.. Что ты, хозяинъ, аль не узналъ?.. Ты меня не бойся!.. Зачѣмъ мнѣ твои деньги, да и много-ли ихъ у тебя?.. Этакими-то деньгами у насъ ребятишки по водѣ швыряются...

— Какія ни на есть—мои, не твои!..—буркнулъ караванъ-башъ... «Вотъ,—думаетъ,—привязался не во время».

И вдругъ вспомнилъ,—на какомъ мѣстѣ они теперь ночуютъ... Вспомнилъ и похолодѣлъ со страху.. «Безъ молитвы, безъ омовенія подошли они къ этому мѣсту... Не пусти, Аллахъ многомилостивый»!

— Поздно спохватился! — произнесъ красный халатъ, словно угадавъ мысль хозяйскую

Хочетъ молиться Даудъ... съ трудомъ вспоминаются молитвенныя слова, а въ нить не вяжутся... Дрожитъ какъ-бы въ

*) Каракъ—разбойникъ.

лихорадкѣ... и рука дрожитъ, а въ рукѣ ножикъ... Какъ выхватилъ его тогда изъ ноженъ, такъ и замерло кривое лезвіе въ судорожно стиснутыхъ пальцахъ...

Крѣпко спятъ Ахметъ съ Джюрою...—Закутили уже оба въ снѣ... золотыя, сладкія грезы ихъ одолѣли... Занесли въ тридесятое царство...

— Не дури...—говоритъ искуситель,—а меня лучше слушай:—приведешь караванъ ты одинъ. Сядешь ты вонъ на коня того, надѣнешь халатъ шелковый, голову шалевою чалмою повяжешь. На базаръ въ Ургенчъ прямо попадешь и живо расторгуешься... Я тебѣ все, какъ слѣдуетъ, улажу и покупателей предоставлю. Не Даудка ты колченогій будешь, а купецъ-бай изъ Мозара, Ибрагимъ что ли, Абдурахманъ,—все едино, именъ-то вѣдь много! Наложишь золотомъ полные куржумы за сѣдло увяжешь, верблюдовъ продашь—на что они тебѣ тогда?!. Поѣдешь въ караванъ-сарай ханскій...—Подъ руки тебя съ коня снимутъ, на почетное мѣсто усадятъ, станутъ пловъ подавать, угощеніе разное. Къ ночи отведутъ тебя въ саклю ковровую, духами накуренную, кальянъ подадутъ; батчи придутъ плясать и пѣть пѣсни, ханымъ чудная съ черными глазами, какъ котенокъ, подсядетъ, начнетъ ласкаться... тѣло у ней гладкое, полное, зубы жемчужины, засмѣется-словно колокольчики заиграютъ.. Подарокъ попроситъ... а тебѣ что... тебѣ не жалко! Вынешь изъ кармана горсть золота, скажешь: «на, знай, молъ, меня, Ибрагима, купца именитаго... люби только...»

— И будетъ-же она тебя любить, будетъ ласкать и нѣжить... духъ займется, засверкаютъ въ глазахъ огни разноцвѣтные... А что, любила-ли тебя хоть разъ, хоть одна красивая, вольная женщина?.. Что-то братъ не припомню!..

— А потомъ...—продолжалъ красный халатъ, такимъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

Вплотную подсѣлъ и рукою обнялъ...

— Потомъ, уѣдешь ты изъ Ургенча, тамъ долго не ладно оставаться будетъ... А куда ѣхать!?. Что-жъ, не мало мѣстъ, гдѣ ни тебя Даудку, ни даже хозяина твоего, ни отца его, Саидъ-Азима, никто не знаетъ, не слыхалъ даже про такихъ... Покойнаго Джемаля-Магомета и того не знаютъ... Будутъ знать только одного пріѣзжаго богача, Ибрагима-бая... Садъ купишь, саклю

выстроишь, работниковъ наймешь, жену раздобудешь, да и не одну, купишь себѣ персіянку черноглазую, стройную, да что персіянку!—Можно будетъ еще и такую достать... знаешь: съ золотистыми волосами, съ тѣломъ бѣлымъ, какъ мраморъ, съ глазами, какъ небо, синими... помнишь, съ сѣвера привезли разъ наѣздники, къ эмиру въ гаремъ прямо доставили?.. Да, это все можно съ такими деньгами... большія деньги—большая сила!.. Не то, что тѣ, что у тебя рукавъ зря оттягиваютъ... Хорошую говорю тебѣ сказку... занятно слушать... а?.. И не сказка это вовсе, а твоихъ рукъ дѣло, да и дѣло-то самое пустое, плевое!.. Что это у тебя въ рукѣ торчитъ?.. А?.. Покажи-ка!.. Такъ, такъ, это самое, что нужно... Разъ—и готово съ однимъ, два—и другой спитъ на вѣки...Да ты не бойся—спѣшить не надо... Это дѣло само собою сдѣлается... Да?..

Потянулся, словно прозябъ немного, красный халатъ, всталъ, поглядѣлъ на небо, зѣвнулъ, снова потянулся...

— Заболтался я съ тобою, почти всю ночь на пролетъ, спать пора! Сосни-ка ты тоже, хозяинъ, до утра... Дорога-то, вѣдь, еще дальняя... Спи покойно, на работника своего положись—не выдамъ...

И дѣйствительно, чувствуетъ, словно очарованный, Даудъ, что и его клонить ко сну неудержимо стало... Показалось ему, будто онъ вставалъ, ходилъ справляться къ Ахмету съ Джюрою: крѣпко-ли спятъ, покоятся... А проснулся, когда солнце уже высоко поднялось и сильно припекать стало... Вздрогнулъ, вскочилъ на ноги, смотритъ—и глазамъ своимъ не вѣритъ...

Собранъ караванъ, навьюченъ какъ слѣдуетъ, — да какъ навьюченъ! На диво! Прочно, легко, не раскачается дорогою!.. Верблюды напоены, вонъ и ведро его кожанное на арканѣ привѣшено къ переднему верблюду, мокрое еще, не просохло. Конь... рыжій осѣданъ, ишакъ тоже подъ вьюкомъ, —на томъ палатка и коржумы хозяйскіе... На Даудѣ, на немъ самомъ, халатъ не верблюжій трепаный, что прежде былъ, а шелковый полосками,—такой, какъ еще вчера на Ахметѣ былъ... подарили, знать, не припомнитъ только Даудъ, какъ и когда. А самъ Ахметъ еще спитъ, не просыпался... спитъ также рядомъ съ нимъ и работникъ его Джюра, только что-то черное изъ подъ нихъ течетъ и въ горячій песокъ всасывается...

Краснаго халата,—ночнаго спутника, какъ будто и не было... не осталось даже и слѣдовъ отъ ногъ его вороного коня...

Вскочилъ Даудъ караванъ-башъ на рыжаго, ударилъ его погайкою... и ходко погналъ передовика семиголовой вязки... дальше и дальше уводя караванъ съ этого недобраго мѣста... Дальше и дальше...

Боязно Дауду оглянуться... чуется, будто бѣгутъ за нимъ проснувшіеся Ахметъ съ Джюрою, руками машутъ, а кричать не могутъ... только хриплый свистъ слышенъ изъ перерѣзаннаго горла...

Сильнѣе припекаетъ солнце къ полудню... Запарились отъ усиленнаго хода верблюды... косятся на хозяина и удивляются:—что это онъ сноровку настоящую забылъ, какъ водить караваны надо!.. Гонитъ зря, не бережетъ силъ своихъ «животовъ»: или шелковый халатъ совсѣмъ его съ толку сбилъ, голову затуманилъ?..

Широко раскинулся городъ Ургенчъ... Тамъ, гдѣ теперь мертвые пески вплотную подступаютъ къ разрушеннымъ, полузанесеннымъ стѣнамъ, тамъ, въ то время, цвѣтущіе сады и поля широкимъ кольцомъ охватывали богатый городъ. Долго надо было ѣхать въ прохладной тѣни тутовыхъ деревьевъ и карагачей, прежде чѣмъ эту ароматную тѣнь смѣнялъ сумракъ базарныхъ навѣсовъ, уютная прохлада многолюдныхъ чай-ханэ и караванъ-сараевъ... Длинныя, извилистыя улицы, тихія, безгласныя, вели на просторную площадь главнаго рынка, по сторонамъ котораго высились вѣковыя сооруженія временъ, еще помнившихъ Тимура и его предковъ. Узорные карнизы изъ цвѣтной поливы вились вокругъ арокъ, опоясывали колонны минаретовъ, вѣнчали стройные купола, сверкая на солнцѣ переливами драгоцѣнныхъ камней... Благочестивые старцы, въ громадныхъ свѣтло-зеленыхъ чалмахъ, молчаливыми группами виднѣлись въ темныхъ аркахъ мечетей и медрессе, а передъ ними, словно муравейникъ, кишѣла кипучею жизнью базарная площадь...

Въ правомъ углу этой площади стоялъ знаменитый въ то время ханскій караванъ-сарай, большое каменное зданіе, съ просторнымъ навѣсомъ вокругъ, съ двухъ-ярусным балкономъ. Въ этомъ караванъ-сараѣ могли найти пріютъ болѣе сотни путешественниковъ; тутъ толпились посредники по куплѣ и

продажѣ, здѣсь заключались крупныя торговыя сдѣлки, и золото грудами переходило изъ рукъ въ руки. Гостямъ прислуживали самые красивые батчи въ женскихъ костюмахъ, пѣли пѣсни — импровизаціи, били въ бубны, играли на саазахъ; хоръ слѣпыхъ музыкантовъ приходилъ съ утра, располагался на кошмахъ передъ чай-хане и уходилъ только послѣ заката солнца... Передъ этимъ караванъ-сараемъ вдохновенные диваны — странствующіе проповѣдники били себя въ грудь и произносили самыя пламенныя рѣчи... А черезъ площадь, какъ разъ напротивъ, высилась круглая площадка со столбомъ и плахою, гдѣ казнили всенародно ханскихъ ослушниковъ и преступниковъ противъ Корана и Шаріата, заслужившихъ позорной смерти своими дѣяніями...

Занятное вообще мѣсто былъ караванъ-сарай, названный «ханскимъ», потому что самъ грозный владыка страны, посѣщая Ургенчъ, любилъ здѣсь останавливаться, пилъ чай, слушалъ батчей, судилъ народъ, раздавалъ свои милости и каралъ подвергшихся его справедливому гнѣву.

Къ вечеру, когда смирился солнечный зной, и только-что замерли въ пыльномъ воздухѣ послѣдніе призывы на молитву, тяжело шагая, пришелъ на базарную площадь запыленный, усталый караванъ изъ семи верблюдовъ и остановился какъ разъ передъ ханскимъ караванъ-сараемъ...

Бывалъ здѣсь Даудъ нашъ и прежде, но кто-бы могъ узнать ледащаго, рванаго лаучу въ его новомъ видѣ.

Степенно слѣзъ онъ со взмыленнаго коня и сталъ управляться съ караваномъ, десятки услужливыхъ рукъ стали помогать ему въ этомъ дѣлѣ... Уложили верблюдовъ вплотную, отвязали веревки, бережно спустили дорогіе вьюки и завели животныхъ во дворъ караванъ-сарая; убрали и коня, ишака развьючили, разсѣдлали и къ яслямъ поставили... Дауда-колченогаго, теперь уже Ибрагимъ-бая, купца изъ Мозара, ввели подъ руки подъ навѣсъ и на подушки посадили... важно.

Справился хозяинъ объ имени гостя, откуда и съ какимъ товаромъ, долго-ли прогоститъ у нихъ, что закупать понадобится.

Купецъ отвѣчалъ толково, много не болталъ зря... надумался, знать, вволю дальнею дорогою.

— Гдѣ-же люди твои, господинъ? Неужели одинъ, безъ рабочихъ, дорогою маялся?..

— А люди мои съ большимъ караваномъ дня на три отстали! — отвѣчалъ Даудка-колченогій. — Я взялъ только одного съ этимъ переднимъ, да въѣзжая въ городъ, назадъ къ тѣмъ отправилъ его, чтобы поторапливалъ... А гдѣ у васъ здѣсь музыка?.. И чтобы того... ги!..

Онъ сказалъ что-то на ухо одному изъ слугъ.

— Хопъ-тюра, хопъ-таксыръ!*) Все будетъ, что прикажешь... Все!

— То-то!.. Послѣ такого труднаго и далекаго пути пріятно отдохнуть, какъ слѣдуетъ...—зѣвнулъ Ибрагимъ-бей...—Кальянъ подать, да самый лучшій. Вонъ тотъ, что съ бисерною кисточкою...

Подали кальянъ, постлали передъ новымъ гостемъ семь подносовъ съ дасторханомъ... Батча-Селимъ подсѣлъ поближе, отпилъ чаю изъ зеленой чашки и протянулъ эту чашку Дауду...

— Эхъ!.. Хорошо быть богатымъ купцомъ!!.

— Кто сказалъ?..

Никто не говорилъ... это такъ въ ушахъ прозвенѣло... знакомый голосъ только одному Дауду послышался.

. . . . . .

Хорошо, покойно и сладко спать на мягкихъ коврахъ подъ тихую музыку и пѣсню батчей... Никакой заботы... ни поить верблюдовъ, ни пасти, ни стеречь отъ звѣря и злого человѣка... Въ ханскомъ караванъ-сараѣ обо всемъ позаботятся, и не пропадетъ нитки единой изъ дорогого товару, подъ охраною зоркихъ сторожей, нарушающихъ тишину ночи глухими ударами въ тяжелый бубенъ...

Спитъ Даудъ крѣпко, свыкнувшись уже давно съ мыслью о случившемся на проклятыхъ черныхъ колодцахъ, и совѣсть его, должно быть, уснула съ нимъ вмѣстѣ, давно его безпокоить перестала.

Такой товаръ, что привезъ купецъ изъ Мозара, сбыть не трудно. Такія диковины здѣсь не залеживаются... Въ первый-же день набѣжали купцы, другъ у друга рвутъ... посредники едва деньги успѣвали сосчитывать. Валили серебромъ, валили мѣдью, золото устанавливали столбиками, и дивно звенѣло это

---

*) Хорошо, господинъ, хорошо.

золото при счетѣ да пересчетѣ... Полные вьючные коржумы наполнилъ Даудъ дорогимъ металломъ и сдалъ пока на храненіе хозяину ханскаго караванъ-сарая. . Разлѣнился было на сладкой жизни, а тутъ пришли звать къ правителю пріѣзжаго купца именитаго.

Оробѣлъ Даудъ, поблѣднѣлъ даже весь, да ему говорятъ: «не бойся, расторговался-то хорошо, все продалъ, надо и поклонъ отдать беку, подарки снести, какъ слѣдуетъ по чину... Одѣнься получше, да и съ Богомъ». Хозяинъ чай-хане самъ взялся подарки отобрать: четыре куска расцвѣченной парчи, кусокъ бархату голубого, двѣ головы сахару русскаго и кисеи индійской, съ золотыми концами, для чалмы... Отправились.

— А, ну, какъ?..—безпокойно шевелилось въ преступной головѣ Дауда.

— Нашъ бекъ добрый, ласковый, онъ тебя халатомъ пожалуетъ... — говоритъ дорогою провожатый... — Знаешь-ли ты, почтеннѣйшій Ибрагимъ-бей, какой великій почетъ получить отъ самого бека халатъ?..

— Какъ-же не знать... знаю!.. Мало-ли я получилъ ихъ отъ другихъ бековъ, отъ вашего только не доводилось!— разхвастался ободрившійся Даудъ...

И вспомнилось ему, какъ однажды его бывшій хозяинъ Джемаль-Магометъ, получивъ отъ эмира халатъ почетный, на радостяхъ великій пиръ народу сдѣлалъ. Халатъ-то былъ не больно важный, простой шелковый, красная цѣна ему на базарѣ четыре тиля, а на пиръ, да угощеніе Джемаль-Магометъ не пожалѣлъ. Не въ цѣнѣ халата, значитъ, сила...

Пришли ко дворцу.

У темныхъ воротъ стоятъ пушки, а у пушекъ люди въ красныхъ халатахъ съ саблями на-голо. Вошли подъ ворота, стоятъ въ два ряда сановники въ большихъ чалмахъ, въ дорогихъ одеждахъ и всѣ съ бѣлыми палками въ рукахъ. Прошли первый дворъ, опять сановники, еще пышнѣе, еще богаче одѣтые; вошли въ третій—въ глазахъ у Дауда помутилось...

— Кланяйся въ землю! — шепчетъ голосъ провожатаго.

Растянулся Даудка ничкомъ и не только встать, головы поднять не смѣетъ...

Что уже говорилъ съ нимъ бекъ, каковъ собою видомъ—

ничего не помнилъ Даудъ; какъ подарки отдалъ, какъ что— все изъ головы вылетѣло, словно и не было точно вовсе.

Очнулся только за воротами на площади... Съ нимъ народу много, всѣ тѣснятся къ нему, поздравляютъ... Только теперь замѣтилъ Даудъ, что на немъ, поверхъ его прежняго халата, накинутъ на плечи другой, новый, полосами желтыми по красному. Гремитъ просто съ каждымъ движеніемъ и во всѣ стороны топорщится...

Понялъ, сообразилъ и возгордился...

— Что, братъ, доволенъ своимъ вѣрнымъ работникомъ?— гудитъ надъ ухомъ дьявольскій голосъ.—Хорошъ-бы ты былъ теперь, если-бы совѣта моего не послушался... Сидѣлъ-бы на солнцепекѣ у караванъ-сарая, да зубами щелкалъ, глядя на Ахмета, на его почетъ и славу...

И не вздрогнулъ даже Даудъ по прежнему, при звукахъ этого голоса: теперь ему самъ чортъ не страшенъ... Шутка-ли: богатъ, счета нѣтъ капиталамъ, взысканъ милостью самого грознаго правителя... Только не пора-ли?..

Дальше-бы теперь отсюда. Пролитая кровь долго дымится, видный слѣдъ оставляетъ, а время бѣжитъ... То самое время, которое въ степи, съ караваномъ, ползло медленнымъ, тяжелымъ, верблюжьимъ шагомъ, теперь летитъ, какъ конь, неудержимо, какъ вихрь, несется... Тяжелое, томительное предчувствіе мучитъ Даудкину душу, зломъ добытыя радости отравляетъ...

Порѣшилъ Ибрагимъ-бей съ завтрашнимъ-же утромъ забирать капиталъ и въ путь снаряжаться... Куда-бы идти только, гдѣ-бы мѣсто такое найти, куда-бы до него никто не добрался, гдѣ-бы слѣдъ, какъ ножомъ, отрѣзало?

Рѣшено-сдѣлано.

Утромъ рано, еще первою прохладкою, собрался Даудъ-колченогій, привязалъ за сѣдломъ коржумы съ золотомъ, позабылъ только про верблюдовъ своихъ, вспомнилъ теперь и не знаетъ: съ собой-ли ихъ вести, или здѣсь продать. На кой они ему прахъ!?. Поглядѣлъ на скотину, и жалко ему стало разставаться, чуть даже слезы на глазахъ не показались.

Только заговорило въ немъ сердце—какъ тутъ, словно изъ подъ земли, выросъ передъ нимъ его вѣрный работникъ...

злобно сверкаютъ огневые глаза; зубы, какъ у волка, щелкаютъ.

— Нѣтъ, хозяинъ, шалишь,—проговорилъ онъ,—этакъ ты у меня, пожалуй, отъ рукъ отобьешься—за такою слезою, какъ-бы другія не появились... дорога намъ знакомая... только уходить тебѣ надо живѣе... Саидъ-Азимъ по слѣду идетъ... Сонъ ему такой приснился. Собралъ людей и скоро на тѣла набѣжитъ... Куда тебѣ съ верблюдами тянуться! Удирай конный, я тебѣ покажу дорогу... Гайда—не мѣшкай!..

Говорилъ все это красный халатъ одному Дауду, а видѣли его теперь всѣ.

— Кто это?—спросилъ купца хозяинъ караванъ-сарая.

— Приказчикъ его главный—вотъ кто!—отвѣтилъ черный.—Тотъ, что съ задними караванами остался... Такъ ты поѣзжай, хозяинъ, я здѣсь распоряжусь съ верблюдами. Догоню дорогою...

Выручилъ красный халатъ... Уѣхалъ Даудъ на рыжемъ конѣ, съ золотымъ вьюкомъ. Пошелъ его приказчикъ къ верблюдамъ во дворъ, да больше и не показывался.

Поразумали люди Ургенча, глядя на все, нашлись такіе, что стали сговариваться, а къ ночи коней сѣдлать... Сторона здѣсь вольная, бродячаго народа много шляется... А вѣдь такую уйму денегъ зря упускать не приходится... не нагонимъ-ли, молъ, гдѣ, въ глухомъ мѣстѣ?..

Всю ночь ѣхали по слѣду, не нагнали... Шибко-же удираетъ купецъ, счастлива твоя сиротская доля!..

Прошла недѣля... Пришли еще сюда въ Ургенчъ караваны. Были, что шли тою-же дорогою. Вѣсти принесли не добрыя... Загудѣло на базарѣ... Прошла еще недѣля, прискакали передовые гонцы Саидъ-Азимъ-бея... Тѣ уже прямо о дѣлѣ справляются... Верблюдовъ узнали, говорятъ:—эти самые!

Беку доложили. Выѣхали конные люди на настоящіе уже розыски. Какъ въ воду канулъ Даудъ-колченогій, что купцомъ изъ Мозара, Ибрагимомъ назвался... Диву дались просто... Степь велика, положимъ, да дорога по степи одна, по колодцамъ которая идетъ, въ сторону податься некуда! Съ дороги сойдешь, никакое золото не поможетъ... Ужъ не самъ-ли шайтанъ появился въ образѣ караванъ-баши преступника?

Прибылъ и самъ Саидъ-Азимъ, лица на немъ нѣтъ отъ

горя и печали, золотомъ сыпетъ, только сыщите мнѣ *того*, живого или мертваго...

Все по напрасну... Такова, значитъ, воля Аллаха.

А Даудъ все ѣдетъ да ѣдетъ, плеткою погоняя своего рыжаго.

Давно уже миновалъ онъ зеленую полосу, давно уже осталась позади вольная вода, давно уже сыпучими песками тянется унылая караванная дорога... Миновалъ онъ тѣ колодцы, отъ которыхъ на другой, индійскій трактъ дорога поворачиваетъ, свернулъ по ней, и вотъ уже надо-бы новымъ колодцамъ быть, а нѣтъ ихъ... Конь-ли усталъ, пошелъ тише, давно-бы пора прійти на воду, незамѣтно что-то... Ночь наступила, изморился рыжій безъ пойла, усталъ и Даудъ... Отдохнули оба немного, всю ночь шли... Дорога—вотъ она!.. Вотъ слѣды караванные, вонъ веревки обрывокъ валяется, вонъ кто-то кальянъ курилъ, золу выкинулъ; путь настоящій, не сбился!—Гдѣ же колодцы? Неужели мимо проѣхалъ?..

«Дѣлать нечего!»—думаетъ Даудъ,—«Если мимо, такъ ужъ много хватилъ второго перегона—отдохну, напьюсь, напою коня на вторыхъ... Совсѣмъ становится рыжій, спотыкается... нѣтъ воды, да и только»...

Тяжелая тоска охватила душу путника.

«Съ деньгами жизнь сладка... деньги великая сила!»—шепчетъ кто-то и словно посмѣивается...

Вытянулъ плетью коня Даудъ-Колченогій, вздрогнулъ конь, а шагу не прибавилъ нисколько... Идетъ, понуривъ голову, уставился впередъ помутившимися глазами и сухой ротъ одервенѣлъ, не чувствуетъ повода.

Еще ночь прошла.

Эка сила у лошади! Другая давно-бы пріустала, сдохла-бы, пожалуй, а эта все идетъ, да идетъ... Еле сидитъ въ сѣдлѣ Даудъ, ноги онѣмѣли, голова закружилась... Остановился-бы, прилечь хоть на часъ! Потянулся за поводъ, а толку нѣтъ, будто къ передку арбы привязанъ поводъ, тяни, не тяни, все арба катится... Хочетъ соскочить на ходу, ноги словно приросли къ сѣдлу.

Ѣдетъ караванъ-башъ преступникъ, и у самого глаза потускнѣли; какъ и рыжій его, глядитъ Даудъ впередъ безсмысленно, тупо.

Солнце всходитъ мутнымъ шаромъ—озера-марева потянулись по горизонту... будто лѣсъ густой виденъ, далеко, отражаясь въ зеркалѣ водъ. Купола какіе-то, башни изъ туманной мглы поднимаются... И видитъ всадникъ, что вдали передъ нимъ тою же дорогою идетъ караванъ.

Страхомъ и радостью встрепенулось его сердце.

«Вотъ нагоню»,—думаетъ, «разузнаю... Идутъ люди—есть вода... Догоню-ли?»

Съ каждымъ шагомъ коня сокращается разстояніе .. Виднѣе и виднѣе караванъ, чуть доносятся до уха его въ ладъ подобранные бубенчики... Вонъ уже и люди видны: одинъ конный стороною ѣдетъ, другой на ослѣ труситъ за послѣднимъ верблюдомъ... Что за диво!..

Воззрился Даудъ хорошенько и глазамъ не вѣритъ... Смертельный страхъ охватилъ его... Это вѣдь Джюра! Его желтый халатъ, его широкая спина, его загорѣлый затылокъ и тюбетейка на бритой головѣ... А тотъ конный—Ахметъ... Рыжій конь свѣтлымъ хвостомъ помахиваетъ—и мултукъ за спиною всадника болтается...

Смотритъ Даудъ на верблюдовъ, — его верблюды... Вонъ полосатый коверъ на заднемъ вьюкѣ, вонъ и котелъ походный виситъ сбоку, вонъ и, почти бѣлая, любимица его верблюдица идетъ отъ конца третья... Передовикъ съ косматою гривою гордо степь оглядываетъ... Только на спинѣ его нѣтъ Дауда караванъ-баша, самого его нѣтъ, волочится по землѣ волосяной поводъ, а Даудки не видно...

Все ближе, да ближе караванъ. Вотъ совсѣмъ нагналъ, поровнялся, рядомъ ѣдетъ, окликнуть хотѣлъ,—голоса нѣту, и не глядятъ на небо ни Ахметъ, ни Джюра... и тутъ только замѣтилъ Даудъ, что у обоихъ зіяютъ кровавые рубцы поперекъ горла.

Идетъ мертвый караванъ, а не даетъ пыли, словно земли не касается... а изъ подъ ногъ коня, что подъ Даудомъ—клубами валитъ эта пыль, вѣтромъ ее крутитъ, въ сторону относитъ...

Вотъ подхватило, взнесло на гребень высокаго бархана, закрутило столбомъ, высоко, высоко... и въ этомъ столбѣ вьется, кружится черный всадникъ въ красномъ халатѣ, хохочетъ на всю степь и кричитъ:

— Здорово, хозяинъ! Служилъ тебѣ вѣрою и правдою,— пора и къ разсчету!

—Бери все!—говоритъ Даудъ.

Хочетъ отцѣпить мѣшокъ съ проклятымъ золотомъ, швырнуть его проклятому дьяволу... руки не повинуются.

Чувствуетъ Даудъ, что холодѣетъ его конь, что уже сквозь сѣдло проходитъ могильный холодъ, трупнымъ смрадомъ отдаетъ, что сдохъ давно его рыжій и идетъ не своею волею. И давно ужъ идетъ, безъ конца, безъ времени провожаетъ караванъ-призракъ,—и самъ онъ трупомъ сталъ, а сидитъ въ сѣдлѣ, ѣдетъ, не валится.

Дни проходятъ за днями, обычною чередою, — — несется неудержимое время, все колышатся въ воздухѣ громадныя тѣни верблюдовъ и ихъ мертвые спутники... Призраки нетлѣнны. А тотъ, кто ихъ сопровождаетъ вѣчно, давно уже сгнилъ, давно оголились его кости... Сидитъ недвижимо костякъ-человѣкъ на костякѣ-конѣ, и звенитъ въ истлѣвшемъ мѣшкѣ за сѣдломъ проклятое, неправдою добытое золото.

И такъ, до тѣхъ поръ, пока не замолитъ кто-нибудь передъ Аллахомъ великій грѣхъ корыстолюбиваго Дауда,—тогда Милосердый освободитъ его душу изъ подъ власти духа тьмы... исчезнетъ караванъ-призракъ, и рухнутъ на землю грѣшныя кости, настанетъ для души преступной миръ и вѣчный покой.

Аллахъ многомилостивъ и справедливъ.

ТАУКЪ.

(Изъ записной книжки развѣдчика).

I. Часы раздумья.

Мой Даудъ положительно начинаетъ меня тяготить.

Когда я его нанималъ, онъ казался мнѣ такимъ простоватымъ, добродушнымъ малымъ; онъ даже обнаруживалъ свойство нѣкоторой преданности. Конечно, я долженъ былъ знать,—и зналъ,—что имѣю дѣло съ первокласснымъ негодяемъ...

Человѣкъ молодой, чуть не мальчикъ,—ему вѣдь всего двадцать два года—успѣвшій уже набродиться вволю съ шайкою конокрадовъ, предавшій главнаго вожака этой шайки въ руки казачьяго правосудія, изъ-за почетнаго халата, бронзовой медали и сотни серебряныхъ кокановъ,—не можетъ внушать особаго довѣрія... но... Вотъ тутъ-то и являются эти «но», обыкновенно разрушительно дѣйствующія на логику мышленія... Когда я его въ первый разъ увидѣлъ,—это было какъ разъ въ ту минуту, когда его вели на ротный дворъ, гдѣ его ожидала по крайней мѣрѣ дюжина ударовъ нагайки за попытку присвоенія чужаго ковра на базарѣ,—онъ показался мнѣ такимъ симпатичнымъ... Онъ такъ весело и бодро шелъ на истязанія, словно его приглашали на жирный пловъ и добрую выпивку... Я тогда не мѣшалъ правосудію, но, выждавъ конецъ, вступилъ въ переговоры съ пострадавшимъ...

Онъ превосходно зналъ всѣ самыя малѣйшія горныя тропинки, ему знакомы были всѣ самые сокровенные уголки су-

ровой, недоступной страны (еще-бы ему не знать всего этого!); онъ отлично ухаживалъ за лошадьми, зналъ ихъ свойства, понималъ, что онѣ думаютъ, и умѣлъ заставлять ихъ понимать себя... Онъ не трусъ; это рѣдкость между киргизами; онъ даже не разъ доказалъ это на дѣлѣ... Онъ былъ очень сообщителенъ и разговорчивъ... Онъ успѣвалъ всегда прежде всѣхъ узнать всѣ болѣе или менѣе интересныя новости... Правда, онъ вралъ невыносимо... почти ни одному слову его нельзя было повѣрить, — однако «почти»... Даудъ былъ необыкновенно находчивъ, а находчивость великое качество въ нашемъ опасномъ, многотрудномъ и весьма рискованномъ дѣлѣ...

А все-таки онъ меня начинаетъ тяготить... особенно вотъ эти послѣдніе девять дней... И мнѣ кажется, будь я одинъ, совсѣмъ одинъ, въ этой ужасной пустынѣ, я-бы чувствовалъ себя покойнѣе... Я-бы спалъ не такъ, какъ теперь: спишь и все видишь и слышишь. Цѣлый рой сновидѣній носится передъ глазами; сонныя грезы уносятъ далеко-далеко, рисуютъ давно оставленные милые, дорогіе образы... а тутъ же слышишь, какъ лошадь хрумкаетъ, пережевывая сухой бурьянъ, какъ трещитъ, коробясь, сырая вѣтка, попавшая на раскаленные уголья потухающаго костра, какъ гудитъ вѣтеръ, вырываясь изъ узкой боковой лощины, какъ эхомъ разносится въ горахъ глухой гулъ далекаго обвала... И сквозь рѣсницы не закрытыхъ вплотную, а нерѣдко прищуренныхъ глазъ—видится красноватый отблескъ огня на оледенѣлыхъ сталактитахъ пещеры, яркая звѣзда—къ щели темно-синяго холоднаго неба, видится и широкая спина моего спутника въ ватномъ стеганомъ халатѣ, словно бронзовый, мясистый затылокъ и растрепанныя космы его бараньей шапки... Онъ, вишь-ты, тоже спитъ... А можетъ быть, прикидывается спящимъ?.. Мнѣ вотъ такъ и кажется, что, засни я, какъ слѣдуетъ,—онъ тихо повернется, прислушается, незамѣтно пододвинется побліже... и..

Онъ вооруженъ очень хорошо. Я ему далъ нарѣзной карабинъ—превосходный!—и къ нему сотню патроновъ... Такой же точно, какъ и у меня самого... Впрочемъ, револьверы оба при мнѣ: одинъ, поменьше, бульдогъ,—у меня въ карманѣ, другой, большой,—въ кобурѣ сѣдла... У Дауда нѣтъ револьверовъ; это мое передъ нимъ преимущество... Я и большой

перемѣстилъ изъ сѣдла къ себѣ за поясъ: тяжеловато, но покойнѣй!.. У насъ у обоихъ по ножу,—такъ называемые псяки, для всякаго случая, такіе кривые, съ ехидно загнутыми, острыми, какъ шило, кончиками... Даудъ превосходно распоряжается своимъ... Я видѣлъ не разъ, какъ онъ имъ обработываетъ баранье бедро... удивительно! Стальное лезвіе такъ ловко, такъ послушно играетъ въ его неуклюжихъ пальцахъ!..

Я положительно начинаю тяготиться своимъ спутникомъ...

«Надо все тщательно обдумать, взвѣсить и на что-нибудь рѣшиться!..» И вотъ я начинаю обдумывать... Вмѣсто того, чтобы послѣ такого труднаго, утомительнаго перехода пользоваться удачными часами отдыха, набираться въ здоровомъ снѣ новыхъ силъ для слѣдующаго, неизвѣстнаго, можетъ быть, гораздо труднѣйшаго завтра,—я гоню прочь неотвязные обрывки тревожнаго сна и думаю:

«Что знаетъ Даудъ, что онъ можетъ предполагать, каковы могутъ быть его дальнѣйшія намѣренія?..»

По порядку!..

Даудъ знаетъ, что я, его господинъ, плачу ему по пяти кокановъ въ сутки, и получить эту очень хорошую плату онъ можетъ только по благополучномъ возвращеніи... Вотъ я уже почти мѣсяцъ брожу съ нимъ по горамъ... Можетъ быть, еще придется бродить столько же, можетъ, и дольше... День возврата не опредѣленъ... все зависитъ отъ обстоятельствъ а главное отъ воли Аллаха... Вѣдь, вернувшись благополучно, Даудъ можетъ разсчитывать на цѣлый капиталъ! Это—что-нибудь да значитъ! Стоимость моихъ коней, оружія и одежды,—можетъ быть, нѣсколько и больше составитъ, но вѣдь тамъ—законное пріобрѣтеніе, почетная заслуга, а здѣсь—дѣло темное... это тоже что-нибудь да значитъ! Такихъ поѣздокъ вѣдь не одна!.. Разъ зарекомендовавъ себя хорошо,—честный джигитъ имѣетъ всѣ шансы на новое приглашеніе... Это уже составляетъ, то есть, должно составлять, для Дауда прямой разсчетъ! Онъ не такъ глупъ, чтобы не понимать этого...

Дауду извѣстна и цѣль моей поѣздки... Не можетъ же онъ знать то, что я знаю только одинъ... Онъ знаетъ хорошо, что я повѣренный торговаго дома братьевъ Хмуровыхъ. Онъ слыхалъ не разъ объ этой богатой, извѣстной по всей Средней Азіи, купеческой фирмѣ. Мои хозяева отправляютъ караваны

съ товарами въ страны, совершенно не извѣстныя, не изслѣдованныя; не могутъ же они посылать эти товары зря! Вѣдь можетъ случиться, что, не зная потребностей обитателей, они пришлютъ такой товаръ, котораго здѣсь не нужно... Цѣнная клажа протаскается по горамъ даромъ, а возить ее крайне дорого стоитъ... Надо прежде узнать, какой товаръ нуженъ, что можно разсчитывать продать безъ остатка, что взамѣнъ купить можно, чтобы не съ пустыми руками возвращаться... Наконецъ, какъ провезти этотъ товаръ? Можно-ли еще провезти? Бываетъ такъ, что не во всякое время есть дороги... Надо знать,—когда и куда именно слѣдуетъ направлять караваны... Вотъ это-то все я и долженъ сдѣлать,—то-есть: разспросить, запомнить дорогу, переговорить съ беками и старшинами разныхъ горныхъ и долинныхъ племенъ и родовъ и затѣмъ уже, все подготовивъ, везти караваны съ товарами. Вотъ настоящая цѣль моей поѣздки! И Дауду это все разсказано мною самимъ. Правда, онъ не удовольствовался только моими объясненіями; онъ сдѣлалъ видъ, что не повѣрилъ... и я знаю хорошо, какъ онъ рыскалъ и выпытывалъ все передъ отъѣздомъ, но это ничего!.. Можетъ провѣрять, сколько угодно! Вездѣ онъ могъ получить и получилъ на самомъ дѣлѣ только подтвержденіе всего, мною уже ему сказаннаго.

Даудъ, когда намъ случалось находить по пути аулы и селенія полудикихъ обитателей области, всегда начиналъ первый объясненія, какіе мы важные люди, и что въ будущемъ году мы тоже вернемся, только уже не одни, а съ цѣлыми богатѣйшими запасами товаровъ, на тысячѣ верблюдовъ... Да что тысячи! Гораздо больше!..—Что товары такіе прибудутъ съ нами, какихъ и во снѣ не всякому доводилось видѣть... потому что кто же не знаетъ богатѣйшей въ мірѣ фирмы братьевъ Хмуровыхъ?! А если они, эти невѣжды, и не знаютъ, то онъ, первый повѣренный Хмуровскаго повѣреннаго, имъ сейчасъ объяснитъ и все растолкуетъ.

Тутъ, обыкновенно, Даудъ пускался въ такіе фантастическіе разсказы, что мнѣ становилось за него подчасъ совѣстно... Впрочемъ, наивные дикари ему слѣпо вѣрили и молча сидѣли, не спуская глазъ съ разскащика, не вынимая изо ртовъ «пальца удивленія».

Все это было весьма успокоительно. Вѣдь эти полудикари весь вѣкъ свой промышляющіе больше грабежемъ, чѣмъ своимъ убогимъ скотоводствомъ, могли также сообразить, что гораздо выгоднѣй оказать мнѣ ласковый пріемъ, чѣмъ посягнуть на мою голову ради небольшой наживы и лишиться въ такомъ случаѣ возможности ограбить фантастически-богатые караваны въ недалекомъ будущемъ...

Одно, что меня смущало, это—его, съ нѣкоторыхъ поръ, привычка шептаться при случаѣ съ людьми, ему совершенно незнакомыми; и всегда такіе переговоры сопровождались косыми, воровскими взглядами въ мою сторону... Другое,—что Даудъ мой сталъ немного зазнаваться... Онъ, напримѣръ, первый входилъ въ гостепріимно отворенную кибитку и, забывая о своей прямой обязанности остаться при лошадяхъ,—первый же приступалъ къ предложенному угощенію. Онъ какъ будто-бы хотѣлъ приравнять себя ко мнѣ въ глазахъ туземцевъ или какъ будто даже возвышаться надо мною... Онъ всегда очень усердно и съ пытливостью опытнаго слѣдователя подвергалъ меня самому тонкому допросу относительно мельчайшихъ подробностей моего порученія и моихъ обязанностей.

Мнѣ все припоминался одинъ подобный же слуга. Года три тому назадъ въ Бухару былъ посланъ также одинъ изъ прикащиковъ—другой торговой фирмы; съ нимъ ѣхалъ и вольнонаемный джигитъ, переводчикъ. Прикащикъ не вернулся домой.. Его убили разбойники, гдѣ-то по дорогѣ, а джигитъ пріѣхалъ и прекрасно выполнилъ порученіе, завѣщанное ему Якоби—покойнымъ Этотъ джигитъ получилъ достойную награду за свой подвигъ, доказавшій преданность его хозяйскому дѣлу, пользовался впослѣдствіи большимъ почетомъ и уже теперь самъ исполняетъ обязанности немаловажныя и доходныя. А былъ онъ прежде «байгушъ» (бѣднякъ) бездомный и годился только развѣ на простую джигитскую службу...

«Пожалуй,—думалось мнѣ,—и этотъ вздумаетъ на моемъ горлѣ построить себѣ блестящую карьеру?»

Затѣмъ Даудъ сталъ уже очень интересоваться политикой. Такіе разговоры начинались обыкновенно съ вопроса религіознаго.

— Зачѣмъ вы держитесь,— спрашивалъ онъ,—своей вѣры, а не переходите въ нашу?..

— Въ какую?—задавалъ я ему вопросъ, въ свою очередь.

Отвѣтъ, видимо, затруднялъ Дауда: онъ самъ не зналъ, какой онъ вѣры, и потому отдѣлывался обыкновенно неопредѣленно:

— Да въ нашу, настоящую!

— Богъ велѣлъ всякому держаться въ той вѣрѣ, въ какой онъ родился!—отвѣчалъ я тоже уклончиво.

— Говорятъ!.. А почему же вашу вѣру называютъ собачьей вѣрой?..

— Это опредѣленіе взаимное!—отвѣчалъ я, пытаясь переводить вопросы на другую почву.

Я въ себѣ не чувствовалъ призванія къ миссіонерству и потому не считалъ нужнымъ распространяться въ данномъ направленіи.

— Ну, да мнѣ все равно!..—кончалъ, обыкновенно, Дадуъ...—«Было-бы мясо, а зубы найдутся!»

Это была его любимая поговорка.

— А что,—начиналъ онъ снова,—кто сильнѣе? Вашъ ли царь, или Коканскій ханъ? (Тогда еще Коканъ было сильное, независимое ханство, и мы только ощупью подбирались къ его предѣламъ).

— Нашъ царь конечно сильнѣе!—отвѣчалъ я съ увѣренностью.

— Не думаю!—возразилъ Даудъ...—Я бывалъ въ Коканѣ, былъ и въ Кашгарѣ... Я во многихъ городахъ здѣсь бывалъ и видѣлъ ханскую силу... Съ такою силою никто помѣряться не смѣетъ, развѣ эмиръ Бухарскій...

— А у нашего царя, думаешь, мало силы?

— У вашего!.. Гм... Это три пушки, что въ крѣпости стоятъ, да двѣсти солдатъ?.. Это немного!.. Ружья у васъ хороши, это точно, а силы мало!

Конечно, Даудъ не былъ виноватъ, что дальше маленькаго пограничнаго форта онъ къ намъ не забирался. Когда же я ему разсказывалъ, онъ мнѣ не особенно вѣрилъ; онъ судилъ, конечно, по себѣ. Меня только этотъ предубѣжденный взглядъ моего спутника наводилъ на мысль: не вздумаетъ-ли онъ выслужиться передъ могучимъ и сильнымъ коканскимъ ханомъ?.. Впрочемъ, вѣдь онъ не зналъ, кто я въ дѣйствительности. Вотъ если-бы зналъ,—тогда другое дѣло!.. Тогда...

И вотъ послѣднее время мнѣ стало чудиться, что въ голову моего хитраго джигита запало легкое подозрѣніе.

Разъ онъ сыгралъ со мною, по наивности конечно, пресквернную шутку; да и не глазъ на глазъ, а, словно нарочно, въ присутствіи нѣсколькихъ окружавшихъ насъ оборванцевъ, самаго неуспокоительнаго вида.

— Что это, скажи мнѣ, у тебя въ карманѣ, на что ты посматриваешь такъ часто?—задалъ онъ мнѣ ошеломляющій и совершенно неожиданный вопросъ.

Надо сказать, что при мнѣ была маленькая карманная буссоль,—инструментъ, крайне для меня необходимый. Я обыкновенно отмѣчалъ ходомъ коня, уже изученнымъ до точности, пройденныя разстоянія,—отмѣчалъ цифрами часы и минуты хода. Два ряда параллельныхъ цифръ—показывали румбы направо и налѣво... На поляхъ я дѣлалъ необходимыя замѣтки, на всякій случай, по французски... Если-бы моя книжечка попалась кому-нибудь здѣсь въ руки, то, пожалуй, нашелся-бы индивидуумъ изъ бѣглыхъ, который-бы могъ докопаться до истины,—съ французской же грамотою можно было быть совершенно на этотъ счетъ покойнымъ. Такимъ образомъ въ моей крохотной карманной книжечкѣ образовался мало по малу рядъ данныхъ, по которымъ, на мѣстѣ, можно было съ приблизительною вѣрностью возстановить маршруты пройденныхъ пространствъ.

Вотъ эта-то буссоль и заинтересовала моего проныру.

Находчивость въ данную минуту выручила меня, можетъ быть, и изъ очень большихъ непріятностей. Я тотчасъ же задалъ вопросъ Дауду, и нарочно громко, чтобы всѣ слышали:

— А съ какой стороны дуетъ самый сѣверный для пути вѣтеръ?

Даудъ сталъ соображать, гдѣ долженъ быть сѣверъ,—и указалъ направленіе, хотя и не совсѣмъ точно. Это подтвердили и остальные собесѣдники, хотя между ними и возникъ легкій споръ по точности опредѣленія.

— Ну, такъ вотъ, возьми эту штуку въ руки—и посмотри, куда указываетъ кончикъ стрѣлки!

Я вынулъ буссоль и передалъ ее Дауду.

Тотъ посмотрѣлъ внимательно, покачалъ головою и улыбнулся. Его вплотную окружили члены встрѣченной нами шайки, и я видѣлъ, какъ мой Даудъ пытливо провѣрялъ истину моихъ словъ. Ужъ онъ вертѣлъ-вертѣлъ буссоль, а все стрѣлка упорно

показывала одно и то же направленіе. Наконецъ, онъ передалъ мнѣ инструментъ, сплюнулъ на сторону сквозь зубы и проговорилъ:

— Гм!.. Шайтанлыкъ (чертовщина)! Впрочемъ, у *насъ*, у русскихъ, и не такія хитрыя штуки водятся!—добавилъ онъ, совершенно уже неожиданно для меня подчеркнувъ слово у *насъ* и окинувъ гордымъ взглядомъ всю оборванную компанію.

— Ну, гайда своею дорогою!—крикнулъ онъ.— Мы своею, а вы своею... Да держись подальше, а то знаешь!

И онъ выразительно прищелкнулъ рукояткою нагайки по орѣховому прикладу своей винтовки.

А все-таки я очень сожалѣлъ, что, вмѣсто этого проныры, не взялъ другаго джигита, который самъ ко мнѣ напрашивался. Тотъ былъ совсѣмъ кретинъ, а все-таки было-бы лучше! Лучше, если бы я совсѣмъ одинъ поѣхалъ... Покойнѣй было-бы на душѣ; а то сонъ клонитъ до невозможности, а не спится... все думы въ голову лѣзутъ черныя... Да и ночь какая-то длинная, унылая. Вѣтеръ гудитъ, словно кто-то прирѣзанный храпитъ и стонетъ... Щелкнуло желѣзное стремя объ окованный ремень, словно колоколъ, отдалось подъ сводами... И мѣдный кунганъ съ чаемъ, придвинутый къ потухающимъ угольямъ, пересталъ бурлить весело, полегоньку, а затянулъ какую-то тоскливую, печальную пѣсню...

Хоть-бы разсвѣтало скорѣе!..

II. Аркаръ.

Было ясное, морозное утро.

Какъ безконечно далеко видно кругомъ! Невооруженный глазъ свободно выслѣживаетъ покрытыя вѣчными льдами очертанія главнаго хребта, параллельные кряжи, безконечную, хитрую путаницу боковыхъ отроговъ... Ни одного облачка на зеленовато-голубомъ фонѣ неба. Прозрачныя тѣни причудливо борятся съ серебрянымъ свѣтомъ, змѣями сползаютъ въ глубину ущелій, сгущаясь въ бездонныхъ провалахъ. Свободно разносится малѣйшій звукъ, безконечно подхватываемый эхомъ... Разстоянія исчезаютъ, обманывая глазъ, и чудится, будто вотъ эта красная, отвѣсная скала сейчасъ тутъ передъ вами

нѣсколько шаговъ,—и вы у ея подножія... Нѣтъ, между путникомъ и этою скалою—еще не одинъ день пути! Много спусковъ и подъемовъ придется преодолѣть, прежде чѣмъ вы туда доберетесь. Это вѣдь отрогъ главнаго хребта, это тамъ, по ту сторону долинъ, новый хребетъ поднимаетъ одну изъ своихъ безчисленныхъ главъ... И вотъ, вы подвигаетесь впередъ и видите, какъ, словно изъ-подъ земли, словно со дна глубокихъ ущелій, выростаютъ одинъ за другимъ новые отроги, заслоняя собою и эту красноватую скалу, и голубые ступенчатые ледники, огибающіе ея подножье зубчатымъ полукругомъ... Волшебная картина!..

Дорога наша шла прихотливымъ карнизомъ, самою природою, Богъ вѣсть по какой причудѣ, сооруженнымъ по склону хребта... Слѣва, прямо изъ подъ ногъ нашихъ коней, поднимались почти отвѣсныя скалы, грозно нависая надъ головами; справа—чуть не бездонная пропасть... Полоска карниза то расширялась, образуя даже небольшія площадки, то безжалостно съуживалась передъ путникомъ, съуживалась до такой степени, что даже привычные горные кони пугливо поводили ушами, тревожно фыркали заиндевѣлыми ноздрями и робко, ощупью нытая почву, переступали своими кованными на острые шипы копытами... Не тронь коня, не понуждай его въ такую минуту!.. Предоставь ему полную волю... или, ужъ если не хватаетъ у тебя мужества довѣриться своему четвероногому спутнику, слѣзь съ него, пусти его впередъ, а самъ хоть ползкомъ, пробирайся за нимъ слѣдомъ...

А Дауду все равно!.. Онъ распустилъ поводья и бѣсомъ вертится въ сѣдлѣ... Онъ ѣдетъ впереди и все оглядывается, все болтаетъ разный вздоръ... За нимъ тянется на волосяномъ арканѣ нашъ вьючный чалый, а за чалымъ я... Хоть Дауду говорить со мною и не такъ удобно, а поговорить, должно быть, хочется...

— Гей, тюра (начальникъ),—кричитъ онъ,—вонъ тутъ года три тому назадъ, два человѣка *нашихъ* пропало...

— Какъ такъ?

— Да такъ... Отогнали мы косякъ китайскій, да запоздали... Въ ночь ушли недалеко... Въ косякѣ матки съ жеребятами попались, а бросать не хотѣлось... За нами погнались... Мы и ушли по этой самой дорогѣ... Солнце, подлецъ, подог-

рѣло, подгрызло сверху... Оттуда какъ шарахнутъ на насъ камни... много камней... одинъ такой, что больше комендантскаго дома у васъ въ фортѣ будетъ... Стали послѣ считать,— двухъ нѣту... Тамъ они... фюю!..

И Даудъ выразительно свистнулъ и указалъ на гребень обрыва.

— Нашли?—спросилъ я.

— Зачѣмъ?..—пожалъ плечами Даудъ.

И правда!.. Зачѣмъ искать то, что съ грудою камней горнаго обвала, какъ ничтожныя соринки, унесло въ бездонную глубь, завалило сверху и затянуло синимъ, клубящимся туманомъ?!. Да и какъ искать?!. Кому?..

Громадный, старый грифъ безъ шума, словно не летя, а плавая, наискось прорѣзалъ воздухъ какъ разъ надъ нашими головами и скрылся за уступомъ... За нимъ другой синею тѣнью скользнулъ по ярко-освѣщенному снѣгу, испуганно и сердито крикнулъ, словно ржавое желѣзо о желѣзо лязгнуло, и, повторивъ взмахъ могучихъ крыльевъ, вытянулъ впередъ когтистыя лапы, ткнулся ими въ гребень выступа, задержался на лету, качнулся разъ, два и, сложивъ крылья, солидно усѣлся, гордо осматривая насъ: «что вы, молъ, за люди, и за какими такими дѣлами принесло васъ сюда, въ мое поднебесное царство?..»

— Вотъ эти, можетъ быть, когда-нибудь «отыщутъ»! — промелькнуло у меня въ головѣ.

— Не къ добру!—произнесъ Даудъ.—Ишь, собака, кровь чуетъ!.. И чего это онъ сидитъ, не летитъ?!. Вотъ и тогда тоже такъ было...

— Шаговъ сто двадцать... Славный выстрѣлъ!.. Промаха не дамъ!..—думается...

Да стрѣлять-то нельзя: какъ разъ бѣдовое мѣсто!.. Ноги коней чуть-чуть устанавливаются на ленточкѣ карниза. Косогористо больно!.. Вьюкъ трется о камни, шуршитъ зловѣще... Даудъ, тотъ даже сползъ на крупъ, прилегъ вплотную къ сѣдлу... и одобрительно бормочетъ...

— Ого-го-го!.. Гайда... Трогай, душа моя!.. Джирайда... Джирайда!.. *).

*) Одобрительное—„ходко".

Выручили небесныя силы! Кому помогъ Аллахъ, кому Никола угодникъ. Перебрались...

И оба грифа,—первый тутъ же присосѣдился,—недовольны остались, надо полагать: проскрипѣли злобно, снялись и полетѣли дальше...

Свистнулъ имъ вслѣдъ Даудъ и захохоталъ громко.

— Жрать хотѣлось тоже!.. Гей, тюра! Даудка тоже жрать хочетъ... Мяса у насъ давно ужъ нѣту, а отъ чая да сухарей только животъ пучитъ напрасно!..

Это точно, что у насъ мяса съ недѣлю уже не было... Въ эту пору въ горахъ охота трудна... да и звѣрь тоже зябнетъ, книзу больше держится... Ауловъ тоже давно не попадалось... Страна была мертвая, совсѣмъ безлюдная... Привычныя кони совсѣмъ подвели животы... Не разъѣшься на тощихъ былинкахъ, что кое-гдѣ, примерзшія на крѣпко, торчатъ изъ-подъ льда, кроются подъ толстымъ слоемъ плотно спаяннаго морозомъ снѣга...

— Гляди!

Гляжу пристально...

Понизилъ голосъ Даудъ, прошепталъ чуть слышно это «гляди», и сердце у меня словно биться перестало, замерло, остановилось...

На той сторонѣ, близко, шаговъ за триста, немного больше, словно изваяніе, стройное, неподвижное, стоитъ красавецъ аркаръ, вытянувъ по вѣтру свою голову, украшенную чудными колоссальными, загнутыми назадъ и въ стороны, могучими рогами.

Не руками, нѣтъ... Богъ вѣсть какъ... сама собою вылетѣла изъ чехла винтовка... Пыхнулъ синеватый дымокъ... И не выстрѣлъ самъ, а одно эхо выстрѣла, то дробью разсыпчатое, то далекое, металлически гулкое, замирающее коснулось уха..

Аркаръ исчезъ...

— Промахъ!—показалось мнѣ въ первую минуту.

— Свалился! — весело захохоталъ Даудъ, разсѣявъ мое сомнѣніе.

Ему виднѣе было... Не онъ стрѣлялъ, а я...

Гдѣ же теперь искать убитаго? Куда онъ свалился?.. Глаза какъ ни напрягаются, нигдѣ не видятъ и признаковъ трупа...

— Живъ не буду, не найду если!—рѣшилъ тутъ Даудка и даже слюну подхватилъ языкомъ на лету.

Онъ уже мысленно освѣжевалъ аркарью тушу, уже онъ и хребтовину вырѣзалъ, и стяги отдѣлилъ, и на угольяхъ поджаривалъ вкусное, сочное мясо, пережевывая сырьемъ обрѣзки жира, пока, на досугѣ...

— Найду!.. Намъ, тюра, спѣшить некуда... Солнце еще высоко, до ночи вернусь... Я знаю, какъ его найти... Я пойду...

И въ голосѣ моего спутника послышалась просительная, заискивающая нота.

— Иди! Ищи!..—согласился я.

Даудъ захлопоталъ... Онъ приладилъ коней, сбивъ ихъ головами вмѣстѣ на зазубренномъ желѣзномъ приколѣ, распустилъ подпруги... Снялъ съ себя лишнюю одежду, остался въ одномъ суконномъ бешметѣ, потуже подтянулъ ременный поясъ; а самъ, пока собирался, сообщилъ мнѣ скороговоркою планъ предстоящихъ многотрудныхъ поисковъ... Онъ, вишь ты, хотѣлъ вернуться назадъ версты три, не больше: тамъ замѣтилъ онъ боковую трещину,—слѣдъ лѣтняго размыва,—эта трещина пересѣкала нашъ карнизъ и спускалась извилисто на дно лощины... Тамъ,—говоритъ Даудъ,—можно, а дальше—видно будетъ...

— Ужъ найду же я его!—проговорилъ онъ еще разъ и неуклюже зашагалъ по тропинкѣ.

— Что же... Намъ, дѣйствительно, спѣшить некуда!—рѣшилъ я и приготовился къ продолжительному ожиданію...

Однако, за полдень стало морозить не на шутку... Хорошо еще, что небо чистое, ни откуда не предвѣщаетъ вѣтра... А поднимись этотъ вѣтеръ, разгуляйся онъ по ущельямъ, подними, взбудоражь эти, пока, до времени, покойно лежащіе снѣга .. Гм!

— И чортъ возьми этого, не кстати подвернувшагося аркара! Чортъ возьми эту нелѣпую охотничью горячку!.. Вѣдь надо же было не промахнуться!

Завернулся я въ бурку поплотнѣе, раскурилъ трубочку, прилегъ, прикрылъ ноги Даудовой шубою... «Что же, подождемъ»!..

Чалый, вытянувъ лысую, горбоносую голову, снѣгъ нюхаетъ; буланый глаза прищурилъ, дрожитъ слегка, значитъ—дремлетъ... Мой пѣгашъ одинъ только глядитъ бодро и ухомъ рѣзаннымъ пошевеливаетъ...

Тихо такъ стало... Словно замерло...

Часъ прошелъ, другой... Солнце много уже прошло своего пути... Гдѣ прежде, словно алмазы, сверкали освѣщенные льды, тамъ теперь синею дымкою затянуло... По верхамъ закраснѣлось... Согрѣлся подъ шубою; давнымъ давно докурена трубка... Самому дремлется...

Встревожился пѣгій и заржалъ вполголоса: чалый тоже насторожился, даже соня-буланый и тотъ встряхнулся... Ясно слышенъ стукъ копытъ конскихъ за утесомъ... Навстрѣчу намъ, по одной дорогѣ, ѣдутъ люди, да и порядочно ихъ... Невидать пока, а слышно, что не одна, не двѣ лошади, много больше будетъ.

Поднялся я на ноги, спустилъ съ плеча бурку, обошелъ коней съ той стороны, гляжу пристально... выжидаю: кого это Господь посылаетъ,—друга или недруга?..

Нѣтъ Даудки моего! Наказалъ ему голосъ подавать, когда возвращаться будетъ... Пока ничего въ той сторонѣ похожаго не слышится.

Изъ-за утеса показалась конская голова, за нею высокій бараній малахай передоваго всадника. Чумазая, скуластая рожа испуганно откинулась и затянула поводъ... Конь всталъ, какъ вкопанный.

— Геть!—послышался тревожный окликъ.

— Что тамъ такое?—послышались и другіе невидимые голоса.

— Человѣкъ на дорогѣ!—объяснилъ первый, осадилъ еще коня своего и совсѣмъ спрятался.

Я стою, прижавшись къ отвѣсу, молчу, выжидаю, что дальше будетъ...

Говорятъ за откосомъ такъ тихонько, шопотомъ, а больше не показываются... Положилъ я около себя и Даудову винтовку, револьверъ изъ кобуры вынулъ, изготовился... Чувствую, что позиція моя хорошая... Сколько-бы ихъ не было, больше, какъ вдвоемъ, не сунутся... У нихъ тѣсно, у меня просторнѣе... Чу, переговоры начинаютъ!

— Эй! Что за человѣкъ тамъ, на дорогѣ, сидитъ?..

— Божій!—отвѣчаю я.

— Мы всѣ Божьи...—слышу въ отвѣтъ.—Откуда и куда?

— Ѣду съ того мѣста, гдѣ былъ, а туда—гдѣ буду...—отвѣчаю.

Опять загалдѣли межъ собою, ничего не разберешь...

— Одинъ ты, или съ тобою еще есть люди?—опять начинаютъ...

— Нѣтъ, не одинъ!..—совралъ я, на всякій случай.

— Насъ тоже много... Насъ больше тысячи!—слышу, хвастаютъ за утесомъ.

— У Бога еще больше!..—соглашаюсь я.

Снова продолжительная пауза,—переговоры промежъ своихъ.

— Ну, думаю, держись теперь крѣпко!.. Путнаго человѣка сюда не принесетъ нелегкая... Извѣстно, какого сорта народъ шляется въ горахъ въ эту пору...

И самому смѣшно стало... Вѣдь вотъ меня-то съ Даудкою носитъ нелегкая!..

— А вѣдь, дорога, братъ, не твоя только...—начинаются разговоры...—Дорога-то для всѣхъ Аллахомъ предназначена...

— Это вѣрно!—соглашаюсь я.

— Такъ мы пойдемъ...

— Идите!

— А ты стрѣлять будешь?

— Буду!

— Мы тоже стрѣлять станемъ... У насъ ружья хорошія!.. Наши ружья далеко и мѣтко стрѣляютъ, Мирза! Проѣдемъ—я говорю?..

— Проѣдемъ!—отвѣчаетъ невидимый Мирза...—У насъ и пушка есть съ собою!—добавляетъ онъ и кричитъ кому-то сзади:—Эй, тащите сюда скорѣе пушку, что на колесахъ... Самую большую!..

Экіе черти, брехуны! Даже смѣхъ разбираетъ... А все-таки жутко на душѣ... Вотъ принесла же ихъ чертова сила!..

Стихли опять разговоры. Теперь надолго... Косматый малахай нѣтъ-нѣтъ да и высунется изъ-за утеса... Высматриваетъ...

— Урусъ, должно быть!—слышу я ясно...—Этотъ начнетъ палить, такъ и не перестанетъ... У нихъ ружья сами стрѣляютъ... безъ счету!

Догадался, значитъ... Ну, ничего! Это мнѣ же на руку... Не такъ охотно впередъ суются... А Даудки все нѣтъ, какъ нѣтъ!..

Впрочемъ, теперь, въ компаніи, не такъ скучно... Подождемъ, чѣмъ все это кончится!..

Темнѣть стало... На нашей высотѣ еще сумерки, внизу совсѣмъ ночь залегла, а наверху, на самомъ дальнемъ, высокомъ хребтѣ еще ярко играютъ лучи заходящаго солнца... Скоро и они потухнутъ: вотъ, уже все багровѣе и багровѣе становятся... И малахай за утесомъ не такъ уже замѣтенъ... Уже онъ въ полуфигурѣ высовывается... Темнота подбодряетъ...

— Э-ге-ге-ге!.. Ау! — чуть-чуть доносится, а откуда!?— путемъ не разберешь... Словно Даудкинъ голосъ...

— Эгей!—откликнулся и я.

За утесомъ завозились.

Прошло еще съ полчаса.

По тропинкѣ тяжелый шорохъ слышенъ,—и дыханіе усталое. Это, очевидно, Даудъ аркара нашелъ таки и тащитъ... Молодчина!

— Даудъ, ты?

— А то кто же? Вотъ я и приволокъ!.. Ухъ... да и тяжелый же!..

Еле говоритъ джигитъ мой отъ изнеможенія.. Шаговъ десяти не доволокъ аркарьей туши, повалился и говоритъ:

— Постой, дай отдышаться!

Далъ я ему отдышаться, а самъ говорю:

— Даудъ, а у насъ тутъ неладно... Чужіе люди завелись, а кто,—не знаю!

— Гдѣ люди?

— Тамъ, за утесомъ! Я уже часа три съ ними разговариваю. Теперь вотъ примолкли...

— Много?

— А кто ихъ знаетъ!

— Погоди, отдохну... Я ихъ провѣдаю... Больше некому быть, какъ чиргалинскимъ...

Стерегу я утесъ, а самъ однимъ глазомъ на аркара убитаго любуюсь. Что за чудесный звѣрь! И какъ его доволокъ Даудка?—Въ однихъ рогахъ, думаю, до двухъ пудовъ будетъ... страсть какіе!

— Что же? Мы такъ и ночевать будемъ?—донеслось изъза утеса...

— А вѣдь это Джюра-подлецъ! — встрепенулся мой джигитъ, забывъ усталость...

— Даудка, ты?—послышалось съ вражеской стороны...

— Можетъ, и Даудъ... А съ тобою кто?..

— Со мною наши... Шарипъ и Мирза-бай... Массолъ-бека нѣтъ, не бойся!

— Да мнѣ чего бояться!.. Я ничего не боюсь... Я и самого хана не испугаюсь... Что мнѣ твой Массолъ,—все равно, что блоха на кошкѣ... А гдѣ онъ?

— А его еще въ прошломъ году старшина Нарынскій на колъ посадилъ. Онъ на вороной кобылѣ попался...

Не безъ любопытства прислушивался я къ этимъ дружескимъ разговорамъ старыхъ пріятелей...

— Ты посиди здѣсь, постереги!.. —произнесъ Даудъ.— Я подойду поближе, потолкую... Это свои, не тронутъ!..

Пошелъ Даудъ. «Ну, ничего,—думаю—«своихъ» встрѣтили»...

Вернулся джигитъ мой скоро. Съ нимъ и малахай косматый, и руку мнѣ протянулъ привѣтствія ради...

— Это ничего... Это... они, видишь ты, девять лошадей скрали—и гонятъ, а ты имъ помѣшалъ... Боятся, какъ-бы время не ушло даромъ,—нагнать могутъ... Эти ничего,—это хорошіе люди... Такъ Массола,—ты говоришь вѣрно,—на колъ посадили? Это тоже хорошо! Онъ братъ будетъ Аблаю и поклялся меня, рано или поздно, зарѣзать... Вотъ и зарѣзалъ!.. Самъ на колъ усѣлся! Ха, ха!..

Отношенія теперь для меня выяснились. Аблай и былъ тотъ вожакъ конокрадовъ, слишкомъ уже извѣстный близъ нашихъ предѣловъ, вѣроломно преданный моимъ честолюбивымъ Даудомъ,—а эти встрѣчные господа—остатки его разрозненныхъ шаекъ.

Что же, не бѣда! Человѣку въ такомъ положеніи и при такомъ дѣлѣ, какъ я, надо быть не слишкомъ щепетильнымъ въ выборѣ общества... Переночуемъ въ пріятной компаніи...

Заглянулъ и я за утесъ... При моемъ приближеніи двое оборванцевъ благоразумно попятились... Видно мнѣ, что гуськомъ по карнизу вытянулась вереница отощалыхъ, сильно загнанныхъ коней, всѣ вольно, т. е. безъ сѣделъ и уздечекъ, прямо косячные... Скорючило ихъ, бѣднягъ, отъ холода и начинающаго уже пронизывать ночного вѣтра, щелевой тяги; здѣсь, у насъ, за откосомъ, тепло и тихо, а тамъ пробираетъ... Сзади всѣхъ, чуть видны двѣ осѣдланныхъ лошади и около нихъ

тоже двое людей, значитъ, съ двумя передними четверо... А вонъ еще пятый, не то ребенокъ, не то карликъ, горбатый, головастый, жмется межъ коней и откосомъ и сюда потихнькоо пробирается... Ружей за плечами ни у кого не торчитъ... Гм...—«Пропустить развѣ ихъ всѣхъ, по одиночкѣ?.. Что ихъ, въ самомъ дѣлѣ, задерживать... Еще бѣду наживутъ изъ-за насъ»...

Даудъ переговоры ведетъ.

— Мы,—говоритъ,—вотъ какъ сдѣлаемъ: вы всѣ проходите и за нами по ту сторону станете, а мы тутъ ночевать будемъ, передъ вами... Куда вамъ теперь идти?! Всѣ обезножили... Тамъ, на лысомъ камнѣ,—погибель, пожалуй, найдете... Теперь темно... Мы, вотъ, и засвѣтло, и на свѣжія силы,—еле переползли... Вы теперь ночуйте... Если къ утру кто нагонять станетъ, мы подзадержимъ, поразговоримся, пока что... А вы ноги уносите... Мы вѣдь долго разговаривать будемъ... Такъ лучше!.. Проползай по одиночкѣ!..

Вернулся я къ нашимъ лошадямъ, попятилъ ихъ къ горѣ поближе, самъ впереди сталъ, револьверъ подъ полою держу...

— Ну, трогайся!

Посуетились немного, погалдѣли... Стали перебираться...

Чуть-чуть бредутъ измученныя лошади, скользятъ, спотыкаются... Одна бѣлая матка на трехъ ногахъ дыбаетъ, правую заднюю приподняла, и изъ опухшей бабки кровь капаетъ: засѣклась больно!

Карликъ, какъ добрался до аркарьей туши, думаетъ, что я не вижу... Отколоппулъ комокъ замерзшей крови, вмѣстѣ съ шерстью въ ротъ засовалъ и сосетъ съ наслажденіемъ.

— Эй, ты!—обратился къ нему Даудъ...—Гайда наверхъ, за дровами!..

Вздрогнулъ уродъ, откатился отъ аркара и стоитъ истуканомъ,—словно но понимаетъ, что ему такое приказано...

Даудъ и Джюра принялись объяснять, оба разомъ, въ перебой:

— Тамъ, повыше, съ полверсты назадъ, горный кустарникъ поросъ, съ гребня заиндевѣлымъ кружевомъ свѣшивается, такъ вотъ туда иди, наруби, сколько подъ силу станетъ, и сюда тащи...

Порученіе нелегкое, особливо для этого истощеннаго

урода... А идти надо... Кто-то сжалился надъ карликомъ, помогать вызвался... Пошли вдвоемъ и исчезли въ густомъ мракѣ вполнѣ уже воцарившейся ночи...

А пока что,—вся вереница лошадей продефилировала передъ моими глазами, злобно закладывая уши при приближеніи къ нашимъ, тоже нѣсколько взволнованнымъ конямъ... Одинъ изъ шайки ушелъ впередъ, заслонить дальнѣйшій ходъ «вязкѣ»—не ушли-бы сами собою... Джюра съ другимъ остался, двое ушли, да двое насъ—какъ разъ семеро, самое счастливое число у воровъ...

Даудъ уже съ аркаромъ возится... Замерзъ звѣрь,—тяжело поддается промерзшая, хрустящая шкура... Мнѣ больше всего роговъ жалко... Рѣдкіе рога! Хоть въ любой музей! Да тащить не подъ силу... Развѣ порознь разнять, расколовъ темя на двое?.. Нѣтъ, придется, надо полагать, бросить!..

Кряхтитъ Даудъ, ругается непечатно вполголоса, сталъ ножъ о камень натачивать; Джюра тоже хлопочетъ, за заднія ноги держитъ аркара, самъ верхомъ на него усѣлся...

А ночь стала совсѣмъ горная, только небо вверху яркими алмазами вызвѣздило... И нѣтъ отъ этихъ звѣздъ свѣту, словно на сукно нашитыя, — дрожатъ онѣ, искрятся, переливаются...

Вернулись черезъ часъ посланные, — притащили двѣ громадныя охапки мерзлаго хворосту... Карликъ принялся костеръ устраивать... Трудное дѣло разложить яркій костеръ съ такимъ поганымъ матеріаломъ! Однако привычныя руки справились, и скоро багровый свѣтъ озарилъ часть нашей площадки, косматую фигуру Джюры, присѣвшую у огня на корточки,—широкія плечи Дауда, съ засученными рукавами, управлявшагося съ мясомъ, карлика, уже дремлющаго и подползшаго къ самому огню, морды нашихъ коней... Все остальное исчезало и тонуло, расплываясь въ густомъ мракѣ... Снѣжинка, другая—замелькала, закрутилась подъ нами... Погода-ли сдавать начала, огнемъ-ли разогрѣло,—только какъ будто потеплѣло...

Гуууу!.. Загудѣло далеко въ горахъ... Обвалъ, должно быть...

— Гдѣ захватили?

— А въ камышахъ, на рѣчкѣ, отъ ауловъ полъ таша, не больше... Нельзя было всѣхъ... Мало насъ... Захватили больше.

да дорогою отбились... Тутъ есть одинъ жеребецъ, хорошій... Я его знаю: карій съ лысиною... Я уже давно до такого добирался...

— Никто не видалъ?

— Одинъ видалъ, должно быть,—теперь уже онъ ничего не видитъ!

— Зарѣзали?

— Зачѣмъ такъ?!—Задушили... Онъ спалъ...

— Гм!.. Ты куда это сдвигаешь, дьяволъ?.. Не тронь!..

— А тебѣ мало, что-ли?.. Что, вы вдвоемъ его—что-ли сожрете?

— Отдали тебѣ передки,—и довольно... Намъ еще далеко ѣхать... Не тронь!

— Ну, не трону...

— Эй, Таукъ! *)—донеслось издали.

Карликъ встрепенулся и заморгалъ глазами.

Теперь только, при свѣтѣ огня, я разглядѣлъ эту странную, обезображенную судьбою и природою личность: старческое, скуластое лицо, безъ признаковъ бороды и усовъ, съ косо разбѣгающимися вверхъ и въ стороны бровями, съ широкимъ расплющеннымъ носомъ, съ беззубымъ ртомъ до ушей, съ кончикомъ жесткой косы, комично торчащей изъ-подъ рванаго, словно собаками изгрызаннаго, малахая... Крохотная, не болѣе аршина съ четвертью фигура, руки длинныя, какъ у обезьяны, такія же косматыя... Только глаза,—хитрые, прехитрые,—такъ огоньками и бѣгаютъ... И не злые совсѣмъ,—а больше испуганные, забитые... Щенки иногда такъ смотрятъ, которые попадаются изъ понятливыхъ.

— Ты принеси и мнѣ, хоть кусочекъ!—доносится издали.

Это тотъ, что голову табуна стережетъ, голосъ подалъ... Почуялъ его голодный носъ запахъ жаренаго.

Часу не прошло, и ужинъ былъ готовъ. Жареное на угольяхъ аркарье мясо—блюдо вкусное, особенно съ голоду, а Даудъ кунганы мѣдные поставилъ, снѣгомъ набилъ и чай заварилъ—пиршество полное! Подѣлились съ новыми пріятелями,—жрутъ, какъ волки!.. Даудъ бросилъ карлику кусокъ, тотъ не взялъ, не замѣтилъ, должно быть. Пододвинулъ я

*) Курица.

этотъ самый кусокъ,—схватилъ моментально, всосался въ него просто, и глаза его заискрились весело, весело. Тѣ—попрошайки страшные, все имъ мало! Одного не доѣли, за другимъ кускомъ тянутся, мычатъ съ полными ртами, пальцами куски поправляютъ, а Таукъ молчитъ, рукъ не протягиваетъ, только глазами проситъ и все у меня... Посмотритъ,—и нельзя отказать... отъ своего куска отрѣзалъ-бы...

Поѣли,—стало тепло, даже жарко, какъ будто... Ко сну клонитъ. Таукъ самъ вызвался сторожить съ одной стороны. Шарипа послали смѣнить передняго товарища. Джюра свернулся клубкомъ, какъ собака, и захрапѣлъ.

— Ты, тюра, первый спать будешь, я послѣ!—рѣшилъ Даудъ и сталъ поправлять огонь.

— Да, ужъ обоимъ намъ спать тутъ съ этими не приходится!..

Завернулся я въ бурку поплотнѣе, къ камню прижался спиной, ноги къ огню поближе. И опять начинаетъ томить меня одна и та же неотвязная мысль. На душѣ опять, чортъ знаетъ что, стало несообразное дѣлаться.

Тихо все кругомъ. Косится Даудъ въ мою сторону, храпитъ Джюра съ товарищемъ. И мнѣ самому черезъ силу дремлется...

Вздрогнулъ я чего-то и открылъ глаза. Много-ли, мало-ли спалъ,—не знаю. Еще темно, и на востокѣ признака свѣта не показывается. Только вершина одна ледяная, дальняя, словно фосфорическимъ, золотистымъ свѣтомъ подернулась.

Даудъ мой спитъ во всю мочь. Хорошъ сторожъ! Джюры нѣтъ на мѣстѣ... Гляжу: къ моимъ лошадямъ подбирается ползкомъ и изъ моего вьюка что-то тащитъ... Чуть краснѣются полупотухшіе уголья костра, въ темнотѣ не видно...

— Ты это что, собака паршивая!?—крикнулъ я.

— А ты развѣ не спишь?

— Нѣтъ!

— Ну, хорошо! Если не спишь,—я и трогать не стану. Я думалъ, ты заснулъ: Даудъ заснулъ, и ты заснулъ... А коли не спишь, я у тебя ничего не трону; я лучше опять спать буду. До утра далеко!..

Сказалъ это, мошенникъ, и, какъ ни въ чемъ не бывало,

свернулся опять въ три узла, пытаясь поплотнѣе завернуться въ свои рваныя охлопья.

Чу! Не то котенокъ мяучитъ, не то ворчитъ кто-то за камнемъ. Прислушался: это карликъ Таукъ. Тотъ стережетъ и, отъ скуки, должно быть, мурлычетъ какую-то пѣсню.

III. Таукъ.

Съ полнымъ разсвѣтомъ разстались мы, наконецъ съ своими случайными товарищами по ночлегу. Тѣ пошли своею дорогою, мы—своею.

Одному карлику, кажется, очень не хотѣлось продолжать путь съ шайкою Джюры,—онъ такъ просительно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, да я, признаться, не понялъ тогда его истиннаго желанія;—я думалъ, что это онъ больше насчетъ съѣстнаго... Мнѣ и въ голову не могло придти, что этотъ, обиженный судьбою, странный человѣкъ будетъ мнѣ впослѣдствіи очень полезенъ, даже болѣе, чѣмъ только полезенъ.

Конокрады услали его передовикомъ. Джюра при этомъ наградилъ его подзатыльникомъ, мой Даудъ тоже поусердствовалъ, толкнувъ карлика подъ задъ носкомъ сапога. Таукъ безропотно снесъ обиду отъ перваго, но зато на моего оруженосца посмотрѣлъ такъ, что даже мнѣ стало холодно. Въ жизнь свою я не видалъ такого злобнаго, полнаго ненависти взгляда. Даудъ даже со смѣха прыснулъ.

Посадились на коней,—разъѣхались.

Даудъ думаетъ, даже увѣряетъ меня, что еще дня два надо будетъ подниматься, прежде чѣмъ мы достигнемъ высшей точки перевала; я же думаю, что это должно случиться нѣсколько скорѣе. Я даже увѣренъ, что, если-бы мы сегодня не запоздали, а вышли до свѣту, то, пожалуй, сегодня же и были-бы на этой высшей точкѣ. Подождемъ, увидимъ! Дорога стала нѣсколько разнообразнѣе, она поворачиваетъ вправо, почти подъ угломъ двадцати пяти градусовъ. Даудка ѣдетъ впереди и занятъ чѣмъ-то у себя въ бородѣ. Я справляюсь съ буссолью и отмѣчаю. Становится теплѣе, даже замѣтно. Показываются кое-гдѣ жидкія заросли серчи и еще какой-то кустарной растительности; дальше, впереди синѣютъ уже сплошныя

чащи, а за этими лиловато-синими пятнами горныхъ пролѣсковъ ярко бѣлѣетъ усѣянный круглыми валунами, серпообразный ледникъ. Объ этомъ ледникѣ мнѣ давно уже говорили, только тотъ-ли это самый, пока не особенно увѣренъ.

Справляюсь съ моими таблицами, мысленно возстановляю маршрутъ, соображаюсь съ разстояніемъ. Должно быть—тутъ!

Еще часъ пути,—и вправо открылся пологій скатъ, чуть прикрытый снѣгомъ, сквозь который всюду пробиваются стебли прошлогодней травы. Обильное пастбище,—брезговать нельзя. Наши лошади долго не видали такой роскоши. Было-бы безчеловѣчно и неразсчетливо отказать имъ въ этой законной потребности. Порѣшили сдѣлать двухчасовой привалъ.

Не разсѣдлывая, только облегчивъ вьюки и ослабивъ подпруги, мы стреножили коней и пустили ихъ продовольствоваться, а сами стали завтракать. Теперь у насъ на этотъ счетъ обильно.

Слышу я: гонитъ кто-то, — и шибко, — съ той стороны, откуда мы пріѣхали.

— Это Таукъ!— присмотрѣлся изъ-подъ руки мой оруженосецъ.

И впрямь онъ!

Карій жеребецъ съ лысиною во весь лобъ скачетъ утомленнымъ галопомъ, сопитъ ноздрями такъ, что сюда слышно, спотыкается... На спинѣ у него, безъ сѣдла треплется жалкая усталая фигурка горбуна—цѣпко, по-обезьяньи, держится... Доскакалъ, свалился—и прямо ко мнѣ... Присѣлъ на корточки и смотритъ просительно...

— Что ты?

Молчитъ... Только подползъ вплотную, ухватилъ обѣими руками мой сапогъ, цѣлуетъ его и къ глазамъ своимъ воспаленнымъ прикладываетъ.

— Что тебѣ надо?

— Я съ тобой пойду... Не хочу съ тѣми!.. — пробормоталъ, наконецъ, карликъ.

— Ну, тебя къ дьяволу!—гаркнулъ Даудъ.

Таукъ даже глазомъ не мигнулъ въ его сторону... Опять пробормоталъ просительныя слова.

— Я, — говоритъ, — отъ нихъ ушелъ. Я сзади ѣхалъ, нарочно на этого жеребца сѣлъ, — онъ у нихъ самый лучшій, —

чтобы не догнали. Отставалъ, отставалъ, да и совсѣмъ отсталъ... Имъ нельзя было гнаться. Гдѣ имъ, собакамъ, гнаться?! Они боятся назадъ вернуться, а я не боюсь... Я хоть сейчасъ подъ ножикъ, только чтобы съ тобой идти...

Что, молъ, за пылкая такая привязанность?..—думаю. Подозрительно, признаться, стало. Въ моемъ положеніи простительно, даже очень, быть подозрительнымъ... Однако соображаю дальше: съ уродомъ хуже, чѣмъ съ собакою, обращались, а вѣдь человѣкъ тоже! Жизнь ихъ была тоже хуже собачьей! Голодно, холодно, да и коломъ грозитъ судьба ежечасно... А тутъ все-таки покойнѣе и сытнѣе. Вотъ съ нимъ обошлись хорошо, накормили, не побили, слово сказали ласковое,—онъ и размякъ, разчувствовался. Дѣло понятное... Тяготы не составитъ... Лошадь вѣдь есть запасная, пригодится дорогою... Взять развѣ?

— У насъ не воровской притонъ!—вмѣшался мой Даудъ.—Увидятъ тебя съ нами,—бѣды наживешь!

— Меня-то не узнаютъ,—тебя не узнали-бы!—отвѣтилъ карликъ, волкомъ глянувъ въ его сторону.

— Я тебя!—Даудъ замахнулся нагайкою.

— Не тронь! — остановилъ я, и остановилъ энергично, такъ что мой джигитъ даже потянулся.

— Будешь со всякою дрянью знаться,—такъ тебѣ и повѣрятъ, что ты купеческій повѣренный!

Засмѣялся Даудъ сквозь зубы и отошелъ въ сторону.

«Къ чему это онъ сказалъ? Нѣтъ... что онъ хотѣлъ сказать этими словами?..»

Сердце мое сжалось болѣзненно. Я почувствовалъ, что поблѣднѣлъ, какъ полотно. Слой грязи и копоти на моемъ, уже мѣсяцъ немытомъ лицѣ, конечно, достаточно скрылъ охватившее меня волненіе. Но, клянусь Богомъ, что если-бы у меня, въ настоящее мгновеніе, кобуръ револьвера былъ разстегнутъ, если-бы мои дрожащіе пальцы могли мигомъ справиться съ этою оледенѣлою, плотно врѣзавшеюся въ ременный прорѣзъ пуговицею,—я-бы пустилъ пулю прямо въ низкій лобъ моего проныры.

— Ты поѣдешь съ нами! Я тебя беру!—обратился я къ Тауку.

Тотъ оскалилъ зубы, захохоталъ и снова кинулся къ моимъ сапогамъ.

У чалаго сѣдло поползло на-бокъ: вотъ, вотъ свалится. Даудъ пошелъ поправлять и что-то очень медленно возился съ такимъ простымъ дѣломъ. Вернулся, какъ ни въ чемъ не бывало...

— Чай варить, что-ли?

— Вари!

Таукъ кинулся подбирать сухой пометъ по дорогѣ и разныя, годныя для огня былинки.

. . . . . .

Такимъ образомъ Таукъ остался съ нами. Карликъ-конокрадъ клялся всѣми, и святыми, и черными силами, что его въ тѣхъ кочевьяхъ, куда мы направляли путь, не знаютъ, но все-таки вороного жеребца взять ему я не позволилъ: краденую лошадь навѣрное-бы признали, съ перваго нашего появленія, и это навлекло-бы на насъ подозрѣніе. Я обѣщалъ купить ему коня при первомъ случаѣ, а пока предложилъ воспользоваться вьючнымъ конемъ, благо недалеко ѣхать осталось, и дорога начиналась на спускъ, все легче и легче.

Измученный вороной конь, едва передвигавшій ноги, попытался было потащиться за нами, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, печально заржалъ намъ вслѣдъ и принялся щипать выбивающіеся изъ-подъ снѣга, должно быть, вкусные на голодные зубы,—стебли.

IV. Пришли на Нарынъ.

А вѣдь дорога-то все идетъ на спускъ! Характеръ долинныхъ предгорій обозначается ясно. Перевалъ, очевидно, пройденъ. Самая высокая точка—это мѣсто нашего послѣдняго ночлега. Загляну въ свою записную книжечку...

Стало замѣтно теплѣе. Перейденный нами хребетъ стоялъ за нами прочнымъ заслономъ отъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Въ долинѣ, подъ ногами у насъ, лентою вьется туманная полоса,—это Нарынъ, свободный отъ льда. Далѣе за нимъ чуть видны очертанія главнаго хребта, а влѣво безобразно громоздятся одна на другую дикія, причудливыя высоты. Это—группа Чаргалинскихъ предгорій... Конечно, такъ!.. Тамъ предгорія богаты небольшими долинками, котловинами, гдѣ кочуютъ полузависимыя орды горныхъ киргизовъ.

— Вы гдѣ коней скрали?—спросилъ я у новаго моего спутника.—Тамъ, что-ли?

Я указалъ нагайкою въ сторону предгорій.

— А тамъ! — отвѣтилъ Таукъ, пристально всматриваясь въ даль.—Послушай, тюра! Намъ дорога теперь все правѣе и правѣе. Вонъ туда, гдѣ густая арга ростетъ... Не ходи туда влѣво... не надо!

Шопотомъ сказалъ мнѣ это Таукъ, а Даудъ все-таки разслышалъ.

— Ты что за проводникъ?!—крикнулъ онъ на карлика.—Твое дѣло?! Это онъ боится съ чаргалинцами встрѣтиться... Я и то жду съ минуты на минуту... Чаргалинцы спохватились уже и въ погоню за конями своими пошли,—вотъ онъ и боится...

— А что мнѣ бояться?.. Меня никто не видалъ, никто не знаетъ...

— А я вотъ и укажу на тебя... Вотъ, молъ, берите, это изъ тѣхъ самыхъ!

— Не посмѣешь!

Карликъ произнесъ это рѣшительно и съ увѣренностью въ голосѣ, однако на меня посмотрѣлъ такими просящими заступничества глазами, что я поспѣшилъ ободрить его утвердительнымъ кивкомъ головы.

И это мое движеніе не укрылось отъ глазъ наблюдательнаго Дауда.

— Смотри, тюра,—процѣдилъ онъ сквозь зубы,—наживешь бѣды съ этою чумазою обезьяною!

— Съ тобою не нажилъ бы... Что ты про меня знаешь худого, что?

Карликъ оживился, глаза его загорѣлись недобрымъ огонькомъ. Онъ заговорилъ торопливо, быстро, словно задыхаясь отъ злости...

— Что знаешь... что?..—повторилъ онъ.—Аблай меня на дорогѣ нашелъ... Я совсѣмъ издохъ... Онъ кормилъ меня, онъ поилъ... Онъ меня рѣдко билъ, а ты часто... За что дрался? Я не заманивалъ Аблая, я не продавалъ его... А ты это сдѣлалъ... Ты хуже собаки!.. Ты и этого добраго тюра-уруса продашь... Я тебя по глазамъ понимаю... «Таукъ коней стереги, дрова таскай!»... Таука всѣ обижаютъ, а Таукъ умнѣе васъ

всѣхъ... Я пропаду,—ты пропадешь раньше... Я все скажу, что знаю... Вотъ что!..

Признаюсь, эта пылкая тирада меня озадачила, а моего Дауда еще больше. Онъ вдругъ будто смирился, — пожалъ плечами, улыбнулся и кротко, насколько могъ только поддѣлать свой голосъ на этотъ ладъ, произнесъ:

— Ну, что окрысился?.. Я пошутилъ... Отчего не посмѣяться отъ скуки?..

— То-то!—проворчалъ Таукъ и самодовольно повернулъ своего вьючка на боковую тропинку, круто поворачивавшую вправо и прихотливыми зигзагами спускавшуюся въ самую гущу зарослей.

Мы съ Даудомъ послѣдовали за нимъ.

Какъ тутъ хорошо!.. Какая разница съ тѣмъ обледенѣлымъ, опаснымъ карнизомъ, который мы, слава Богу, уже миновали. Совсѣмъ тепло. Я даже сбросилъ бурку со спины и приторочилъ ее за сѣдломъ. Заросли становились все гуще... По мѣрѣ того, какъ мы спускались все ниже и ниже, къ аргѣ стали примѣшиваться и другіе виды предгорной растительности; кое-гдѣ бѣлѣлись даже кривые стволики нашей родной березки; круглые, поросшіе густымъ мхомъ камни проглядывали изъ-подъ талаго, разрыхленнаго оттепелью снѣга... Ноги лошадей мѣстами вязли по колѣна. Часто въ кустахъ слышался шорохъ и шумный взлетъ куропатокъ... Красавецъ фазанъ раза два перебѣжалъ нашу тропинку... Сама тропинка была проложена не человѣческими, даже не конскими ногами, и на ней виднѣлись безчисленные кабаньи слѣды... Экая дичь! Экое приволье для охотника!..

Я было приготовилъ свою двустволку...

— Не надо, тюра, не надо!—испуганно остановилъ меня, поймавъ мое движеніе, Таукъ.—Не надо шуму... надо тихонько!.. Ты выстрѣлишь здѣсь, а тамъ, далеко, услышатъ.. Смотришь,—пойдутъ... Не надо, чтобы тебя видѣли...

— Да мы и не прячемся... Даудъ, разскажи ему, кто мы такіе...

— Стану я всякому разсказывать...—отвѣчалъ мой джигитъ.—Онъ, все равно, не пойметъ... Мы вотъ съ нимъ послы, къ самому хану Кокандскому ѣдемъ... Вотъ кто мы такіе!..

— До хана далеко еще—сомнительно покачалъ головою

карликъ,—а тутъ народъ такой, что и на хана не посмотритъ. Тише пойдемъ, скоро пройдемъ... Никто не увидитъ, — цѣлѣе будемъ...

— Тише, такъ тише... Что же, провизіи у насъ пока довольно!

Однако мы забирались въ такую непролазную глушь, что движеніе наше становилось, съ каждымъ часомъ, все труднѣе и труднѣе. Лошади уставали замѣтно. Короткій день догоралъ, сумерки сгущались быстро... Надо было засвѣтло позаботиться о мѣстѣ ночлега...

Первое условіе стоянки, важнѣйшее,—это вода по близости. Въ настоящемъ нашемъ положеніи—это условіе могло быть легко устранено: кругомъ снѣгъ, значитъ, вода,—становись, гдѣ хочешь, гдѣ кони стали. Мы на южномъ склонѣ, теперь тепло... Сырыя облака, впрочемъ, окутываютъ насъ со всѣхъ сторонъ, медленно ползутъ, цѣпляясь за выступы скалъ, и группы хвойныхъ деревьевъ, осаживая на наши одежды легкій слой серебристаго инея, а все-таки тепло,—не такъ, какъ тамъ, на проклятомъ перевалѣ. Станемъ хоть тутъ, здѣсь вотъ посуше какъ будто... Сейчасъ огонь разложимъ, чаю заваримъ, напьемся, да и спать...

Даудъ говоритъ:

— Ну, ты, обезьяна принимайся за свое дѣло,—собирай дрова, зажигай огонь!..

— И огня не надо... и такъ тепло!..—отвѣчаетъ карликъ.—Огонь ночью далеко видно... Тамъ скажутъ: что такое тамъ за огонь?.. Мѣсто не жилое, а огонь!.. Смотрѣть придутъ... Не надо на насъ смотрѣть... нехорошо!..

— Да что мы, дьяволъ ты этакій, воры что-ли?—закричалъ Даудъ.—Отъ кого намъ прятаться?.. Теперь-бы намъ прямо на кишлаки идти, въ «чай-хане» бы съ людьми сидѣли хорошими, разговоры-бы вели дѣльные... Ужъ и такъ тюра тебя послушался, въ сторону взялъ, а тебѣ все мало...

— «Съ людьми хорошими!»—передразнилъ его Таукъ.—Съ хорошими людьми еще успѣешь наговориться. Дай время худымъ уйти сначала!

— А откуда худые люди пришли? Ты почемъ знаешь?

— Лисица бѣжала,—хвостомъ махала: вотъ я и понялъ... Я, вѣдь, и по лисьему понимаю!..

— Кто такіе

— Сарбазы ханскіе, краснохалатники, вотъ кто!

— Видѣлъ, что-ли?

— Нѣтъ, не видалъ, а по времени ждать надо: семь дней на Рабатъ стоялъ, въ трубы трубилъ, горломъ громко кричалъ и бумагой махалъ... Пять дней Чимъ-Буланъ приходилъ, Шарипа-бая ограбилъ, двѣ дѣвки увезъ, да шесть барановъ... Бумага махалъ, опять громко кричалъ и въ трубы трубилъ, два дня на Нарынъ лошадей купалъ... Броду нѣтъ, каикъ (лодка) развалился, переправы нѣтъ... очень ругался, прочь пошелъ... Ему на эту сторону надо, а гдѣ переправа? Ты знаешь?

— Переправа?..—Даудъ задумался и началъ что-то соображать.—Переправа... гм...—повторилъ онъ...—Если на Чимъ-Буланѣ нѣту, въ Кара-су есть...

— А гдѣ Кара-су?

— Кара-су?..

— То-то, забылъ, должно быть...

— Близко...

— Какъ разъ противъ насъ, внизу... Свѣтло было-бы,—видно было-бы...

— Вотъ оно что! Надо тюра моему доложить...—рѣшилъ мой джигитъ...—Я вотъ ему скажу все и посовѣтую, какъ дальше идти и что дѣлать надо... Тюра, ты спишь?..

Я откликнулся не сразу. Прилегши на бурку, я притворился дремлющимъ, а между тѣмъ внимательно вслушивался въ разговоры моихъ спутниковъ, хорошо освоившись съ ихъ особеннымъ воровскимъ жаргономъ. Сообщеніе Таука о ханскихъ сарбазахъ меня болѣе чѣмъ заинтересовало, даже не на шутку встревожило. Очевидно, въ долинѣ бродятъ ханскіе отряды. Съ какою цѣлью?.. «Бумага махалъ, громко кричалъ, трубы трубилъ»—ясно, что съ отрядомъ ѣздили глашатаи, о чемъ-то объявляющіе народу, а о чемъ именно?.. Вотъ тутъ-то и представляется широкое поле для всякихъ предположеній и опасеній... А ну, какъ дѣло касается именно меня, или моего товарища К., выѣхавшаго мѣсяцемъ раньше, съ подобною же, также замаскированною цѣлью... Положимъ, что документы мои всѣ въ порядкѣ, даже свидѣтельство коканскаго посла въ Ташкентѣ съ его собственною печатью, а все-таки надо быть

очень и очень осторожнымъ... Это вотъ и карликъ смекнулъ разомъ, и разсуждаетъ дѣльно... Конечно, гораздо лучше не встрѣчаться на пути съ ханскими сарбазами, да и вообще избѣгать густонаселенныхъ мѣстностей. . Все это хорошо, но очень стѣснительно... А все-таки, о чемъ объявляли ханскіе глашатаи,—надо узнать непремѣнно... Дауда одного послать развѣ туда внизъ, а самому переждать?..

Слышу, Таукъ говоритъ моему джигиту:

— Знаешь что? Ты здѣсь оставайся съ тюра, а я пѣшкомъ схожу одинъ. Тутъ меня не знаютъ... то-есть, хоть и видали, да худаго я ничего не сдѣлалъ имъ: пѣсни пѣлъ да милостыню собиралъ, это ничего... Я опять въ чай-ханэ Мурадъ-бія зайду и все тамъ разузнаю: у Мурада много народу собирается... онъ на дорогѣ сидитъ и все знаетъ... Нигдѣ, какъ у него, сарбазы чай пили... Поразузнаю и приду сюда сказать... Ты посиди здѣсь, я живо сбѣгаю: день пройдетъ, да еще полночи,—я и назадъ ворочусь... Только напои меня чаемъ да мяса дай... Таукъ очень ѣсть хочетъ!

«Планъ не дуренъ»,—подумалъ я.

— Это я все скажу тюра, ты не въ свое дѣло не суйся!—замѣтилъ, подумавъ немного, Даудъ и, подтянувши кушакъ, снова подошелъ ко мнѣ:

— Проснись, тюра, дѣло есть и даже очень важное дѣло!

— Ну, что скажешь?

— Да вотъ, узналъ я, что внизу казенный человѣкъ...

— Какой казенный?..

— Ну, какой? Извѣстно, который самому хану служитъ,—сарбазъ, значитъ, самый, можетъ, первый у хана человѣкъ будетъ, и ему попадаться на глаза не слѣдуетъ...

— Да ты почемъ знаешь?

— Кто, я-то?..—хвастливо воскликнулъ мой провонидкъ.—Да я все знаю, я сквозь землю вижу. Я по звѣздамъ могу читать. Вотъ, что! Развѣ ты меня не знаешь, кто я?

— Знаю.

— То-то... Такъ чѣмъ намъ идти внизъ, лучше я самъ одинъ съѣзжу, все разспрошу,—ну, и тамъ это окажется... Намъ, положимъ, бояться некого, сами мы не послѣдніе люди, а все-таки лучше узнать...

— Съѣзди...

— Или лучше Таука послать... Пускай скажетъ тамъ, что молъ такіе-то важные гости къ нимъ ѣдутъ, чтобы приготовили все, что слѣдуетъ... Я велю, чтобы Таукъ ѣхалъ? Что ему, даромъ что-ли хлѣбъ нашъ жрать?—Пускай служитъ!..

— Ну, скажи Тауку!..

Наглый тонъ моего слуги положительно началъ меня раздражать не на шутку, и я пристально сталъ вглядываться въ глаза Дауда. Тотъ смутился слегка и сталъ почему-то усиленно разглаживать складки своего лѣваго рукава.

— Сказать?..—пробормоталъ онъ, потупившись...

— Теперь скоро свѣтать будетъ!—заговорилъ я покойно, но только не въ тонѣ сообщенія, а прямо въ видѣ приказанія.—Вотъ уже бѣлѣетъ туманъ на верху. За тѣмъ камнемъ ты разведи самый маленькій огонь,—его не видно будетъ. Согрѣй чайникъ и накорми Таука; онъ очень голоденъ. Таукъ не поѣдетъ, а пойдетъ пѣшкомъ и въ полночь назадъ вернется. Онъ и узнаетъ, что тамъ читали *казенные люди*, и куда пошли, и сколько ихъ было,—все узнаетъ...

— Ты слышалъ развѣ?..

— Я все слышу и больше тебя знаю. Такъ и помни! Ты подумать еще не успѣлъ, а я ужъ знаю, что у тебя въ головѣ. Ты видѣлъ это?

Я протянулъ правую руку и показалъ перстень съ печатью на своемъ указательномъ пальцѣ.

— Знаешь-ли ты, что это такое?

— Кольцо... Какъ-же, знаю... — смущеннымъ голосомъ пробормоталъ, видимо, опѣшившій Даудъ.

— Такъ вотъ видишь, какое это кольцо. Мнѣ стоитъ только повернуть его печатью на ладонь,—и я сейчасъ скажу, что у человѣка на душѣ, а захочу, чтобы дурного человѣка скорчило въ три погибели, такъ сейчасъ, какъ подстрѣленный волкъ, сдохнетъ передо мною... Ты знаешь это?

— Я тебѣ преданъ, тюра, я за тебя въ огонь и въ воду... Я знаю, что ты сильный и властный... За что же ты на меня сердишься?..

Сказать откровенно, такъ я и самъ не зналъ, за что именно я на него разсердился, даже до угрозъ, но чтобы не уронить себя въ глазахъ моего пройдохи, я покойно добавилъ:

— Пока я не сержусь, а худо будетъ, если ты провинишься

передо мною... Вотъ и старайся... Вари чай, да съ огнемъ осторожнѣе!..

— Слушаю, господинъ... Сейчасъ будетъ готово...—и Даудъ принялся за бивуачное хозяйство.

Разсвѣтало. Туманъ наверху подернулся золотистымъ отливомъ утренней зари, стало свѣжѣй, и съ невидимой еще внизу рѣки повѣяло холодомъ. Дремавшія лошади стали пофыркивать и шумно отряхивались отъ насѣвшаго на нихъ за ночь инея. Въ воздухѣ протянулась струйка дыма отъ нашего костра, и аппетитно запахло гарью и копотью мѣднаго чайника, дразня усиленный аппетитъ.

V. Сарбазы.

Пока Даудъ варилъ чай, а Таукъ, чтобы не терять времени, запихивалъ за обѣ щеки остатки холоднаго мяса аркара, я соображалъ свое настоящее положеніе.

Обогнувъ озеро Иссыкъ-Куль съ сѣверо-восточной стороны, мы направились на западъ, вдоль хребта Терекъ-Тау, и перевалили на южную его сторону у День-Герме. Затѣмъ мы отыскали перевалъ черезъ Джатымъ-Тау; этотъ очень важный поревалъ—Суокъ, что значитъ «Холодный», былъ какъ разъ тотъ, гдѣ мы встрѣтили конокрадовъ. Переваливъ черезъ него мы могли бы сразу спуститься въ населенную долину Нарына, но предпочли уклониться отъ многолюдства и долго шли въ въ полугорьѣ, пока не стали ночлегомъ на данномъ мѣстѣ. Вся долина—подъ нами, и сквозное сообщеніе съ этою долиною найдено. Болѣе половины моей задачи, именно основная ея часть рѣшена. Все это сдѣлано въ самое невыгодное время года, зимою, когда о перевалѣ Суокъ ходили слухи, что онъ только лѣтомъ переходимъ, и то для пѣшаго человѣка, въ крайнемъ случаѣ для вьючныхъ пшаковъ. Открытіе безцѣнное и важное! Собственно говоря, я могъ-бы съ вполнѣ спокойною совѣстью вернуться назадъ тою же, уже знакомою дорогою.

Можно положимъ, рискнуть двинуться въ горный лабиринтъ, лежавшій на сѣверо-западѣ и совершенно не изслѣдованный, держась направленія на Аудіэ-Ата, но это слишкомъ рискованно, почти неодолимо. Вернуться назадъ спокойнѣе,

но зато крайне неудобно по нѣкоторымъ соображеніямъ, чисто психическаго свойства. Мы, довѣренные приказчики извѣстнаго торговаго дома Хмурова и Комп., ѣдемъ съ цѣлью показать образцы нашихъ товаровъ, разспросить мѣстныхъ жителей о томъ, что имъ именно надо, и вдругъ, не видавъ почти этихъ жителей, повернемъ оглобли, да какъ разъ въ такую минуту, когда ханскіе люди ѣздятъ и объ чемъ-то объявляютъ! Неловко! Прямо, значитъ, болѣе, чѣмъ навлечь на себя подозрѣніе,—просто выдать настоящую нашу миссію... Передъ кѣмъ, однако, выдать? Передъ Даудомъ, да этимъ юродивымъ карликомъ? Да хоть-бы и передъ ними! Впрочемъ, и то сказать опасность есть, безспорно; но развѣ эта опасность стала больше, чѣмъ прежде? Можетъ быть, даже встрѣча съ этими ханскими сарбазами не только для насъ не опасна, но даже очень полезна: я сильно возлагаю свои надежды на свидѣтельство Хакимъ-бая, коканскаго посланника въ Ташкентѣ. Именно передъ ханскими чиновничками эта бумага должна имѣть бо́льшую силу и значеніе, чѣмъ передъ безграмотнымъ полукочевымъ населеніемъ горъ Агели. Подъ охраною этихъ бумагъ, мнѣ удастся попасть въ такіе людные центры ханства, какъ Намангань, можетъ быть, даже самый Коканъ. О, какъ-бы это было хорошо! Какое-бы это было блистательное исполненіе возложеннаго на меня порученія! А развѣ уже это такъ опасно? Все-таки, пускай сходитъ, попытается Таукъ, а когда онъ вернется, мы тотчасъ же спустимся на Нарынъ, переправимся на ту сторону и поѣдемъ на настоящую, уже разработанную, культурную дорогу. Дальше видно будетъ, смотря по обстоятельствамъ. Но почему только этотъ карликъ думаетъ, что встрѣча съ ханскими чиновниками можетъ имѣть роковыя для насъ послѣдствія? Почему онъ предполагаетъ, что я долженъ всѣми силами стараться избѣгать этой встрѣчи? Почему онъ такъ, видимо, оберегаетъ меня отъ этой встрѣчи? Все это тоже вопросы, еще не совсѣмъ рѣшенные. Во всякомъ случаѣ, нужно держаться крайне осмотрительно...

— Я ѣду, тюра!—перебилъ мои размышленія Таукъ.

Онъ дожевывалъ что-то, и изо рта его валилъ паръ отъ горячаго чая.

— Я ѣду, тюра!—повторилъ онъ и, проходя около меня такъ близко, что даже задѣлъ своимъ малахаемъ, шопотомъ

добавилъ:—А ты Дауду не вѣрь и меня жди... слышишь? Жди!!

Черезъ минуту онъ скрылся въ чащѣ арчи, быстро не то сбѣгая, не то скатываясь по разрытымъ, усѣяннымъ камнями склонамъ обрыва.

— Вѣрь мнѣ, тюра,—не то обиженно, не то, пророчески, во всякомъ случаѣ очень многозначительно, произнесъ Даудъ·—этотъ горбатый чортъ не доведетъ до добра... Не къ хорошему онъ къ намъ привязался... Гналъ-бы его въ шею, а то лучше мнѣ-бы позволилъ спустить его, какъ и куда слѣдуетъ!

— Это не твое дѣло!—замѣтилъ я своему джигиту.—Думай только о томъ, что, когда я вернусь и буду тобою вполнѣ доволенъ, то получишь медаль и денегъ гораздо больше, чѣмъ могъ-бы получить на службѣ у самаго коканскаго хана... Вотъ объ этомъ думай. Да помни объ этомъ также!..

И я снова показалъ ему перстень на пальцѣ.

Даудъ даже вздрогнулъ и, потупясь, произнесъ:

— А я развѣ тебѣ, тюра, не вѣренъ?

— Пока—да! Ну, давай и мнѣ чаю... Ты заварилъ свѣжаго?

— Готово, тюра.

Тѣмъ временемъ солнце высоко взошло надъ горами, и его животворные лучи окончательно разогнали туманъ; только высоко, подъ снѣжною пеленою глетчеровъ, неслись золотистые разорванные клочья облаковъ, отбрасывая на сверкающихъ граняхъ скользящія голубыя тѣни. Внизу, подъ нашими ногами, не болѣе, какъ въ одной верстѣ, вилась широкая, сизо-свинцовая лента Нарына, съ берегами, поросшими рѣдкою растительностью. Густыя камышевыя заросли широко расползались въ сторону долины, гдѣ виднѣлась почти отвѣсная стѣна матераго берега; далѣе, кое-гдѣ прорѣзывали легкую дымку тумана группы садовъ, и чернѣлись закопченные верха кибитокъ и сакель. Дальше всего поднимался гребень дальнихъ горъ, мѣстами оголенныхъ, мѣстами покрытыхъ снѣгомъ; въ самой долинѣ снѣгъ лежалъ только по впадинамъ, да по сѣвернымъ склонамъ невысокихъ холмовъ, изрѣдка увѣнчанныхъ сторожевыми вышками и глинобитными куполами могильныхъ сооруженій. Въ мой сильный бинокль можно было хорошо разсмотрѣть и узкую полосу дороги, тянувшейся къ рѣкѣ отъ

ближайшаго кишлака, и стадо верблюдовъ, уныло бродившее по оголенной почвѣ. Но что особенно обратило на себя мое вниманіе,—это конная группа, столпившаяся у самого берега, тамъ, гдѣ въ камышахъ виднѣлись двѣ большихъ лодки (каика) съ тяжелыми носами, кормами и низкими, почти въ уровень воды, бортами. Здѣсь были разложены костры, поднимавшіе къ небу густые столбы дыма, и стояло нѣсколько шалашей изъ камыша, покрытыхъ черными, прокопченными войлоками.

Люди у берега видны были совершенно ясно, чему особенно помогали ихъ красные халаты. Очевидно, это и были сарбазы; у двоихъ ярко сверкали на солнцѣ большія мѣдныя трубы за плечами. Лошади были на привязяхъ и разставлены просторно: значитъ, это злые жеребцы, разобщенные, чтобы не бились другъ съ другомъ. Дальше виднѣлись и вьючные, скромные кони, столпившіеся въ плотную кучу. Доносился по временамъ даже неясный гулъ голосовъ, особенно въ тѣ минуты, когда вѣтеръ, повинуясь непонятному капризу, мѣнялъ направленіе и дулъ въ нашу сторону.

— Слышалъ?

— Теперь они по нашему пути вплоть до Суока пойдутъ... Это они, вѣрно, за тѣми конокрадами гонятся... Только ау!— Не догнать .. *Наши* теперь уже за вторыя горы прошли, они уже далеко теперь. Не догонятъ... опоздали... ха, ха!..

Даудъ, видимо, радовался, что *наши* ушли, а тѣмъ не догнать, но онъ навѣрное ошибался. Ошибался не въ томъ, что сарбазамъ не догнать воровской шайки, а въ самой цѣли слѣдованія ханскаго отряда: стали-бы тѣ съ такою силою гоняться за нѣсколькими безоружными ворами?!.

— Вотъ тѣ сарбазы, о которыхъ Таукъ говорилъ!—протянулъ руку Даудъ.—Ишь, вѣдь, хорошо, что мы въ сторону съ дороги сошли, да повыше забрались, а то-бы какъ разъ имъ встрѣтились Они сюда, на нашу сторону переправляться хотятъ,—надо быть, въ Чирѣевскіе аулы, больше некуда. Это тѣ аулы, что мы ночью стороною объѣхали... Еще собаки лаяли... Слышалъ?

Съ усиленнымъ нетерпѣніемъ я ждалъ ночи и возврата моего посланнаго, который навѣрное сообщитъ мнѣ истинную причину появленія военнаго отряда въ этомъ захолустьѣ.

— Ты думаешь?—улыбнулся я.

— А то зачѣмъ же имъ шляться здѣсь?.. Они сюда и не заглядываютъ во вѣки. Послѣдній разъ, я еще маленькимъ былъ, когда приходили сарбазы. Тогда чирѣвцы ханскаго сборщика податей зарѣзали и казну ограбили. Тогда приходили... Да *мы всѣ* ушли!.. Что мы, ихъ ждать, что-ли, станемъ?!. Какъ прослышали, что идутъ и ханскій гнѣвъ несутъ, мы сейчасъ всѣ въ горы и скотину отогнали. Они пришли, саклюшки пожгли, да ни съ чѣмъ и ушли; а больше вотъ по сіе время не приходили. Зачѣмъ имъ сюда ходить?

— А ты развѣ самъ чирѣвецъ?

— Я-то? Я-то не здѣшній, да все равно, я вѣдь маленькій тогда былъ, сказано, совсѣмъ... Я сборщика не рѣзалъ... Я вѣдь еще не понималъ ничего. Вотъ Джюра,—тотъ помнитъ, да Моссолъ покойный помнилъ; это онъ сяркера рѣзалъ, а я еще маленькій былъ... Я тогда курицу не могъ-бы зарѣзать... Гдѣ же мнѣ, ребенку глупому?!

Я успокоилъ провравшагося слугу, сказавъ, что мнѣ рѣшительно все равно, рѣзалъ-ли онъ кого, или не рѣзалъ. Я приказалъ ему только не увлекаться и не высовываться очень изъ-за утеса, да лошадей нашихъ убрать куда-нибудь подальше.

Даудъ понялъ, что это давно пора было сдѣлать и, забравъ въ руки всѣ три чумбура, повелъ коней выше, въ первую попавшуюся расщелину, а я остался на своемъ удобномъ наблюдательномъ посту.

Между тѣмъ переправа уже началась. Всѣ вьюки и люди забрались на каики, кромѣ одного, который раздѣлся до нага и, сидя на разсѣдланной бѣлой лошади, смѣло погналъ коня въ воду. Нѣсколько человѣкъ пѣшихъ, оставшихся на берегу, съ крикомъ, махая палками и плетьми, погнали весь табунъ за бѣлою передовою лошадью; слышно было, какъ вода съ плескомъ раздалась, принимая въ себя эту живую кучу конскихъ тѣлъ. Первая лодка, полегче, оттолкнулась шестомъ съ отмели и поплыла вслѣдъ за табуномъ; вторая, большая, послѣдовала за ними. Всю плывущую группу сильно сносило по теченію. Я разсчитывалъ, гдѣ-бы они могли пристать къ этому берегу, и, слѣдя вдоль береговаго ската, только теперь замѣтилъ еще двухъ человѣкъ, тоже конныхъ, но не краснохалатниковъ, которые скакали во всю прыть, ныряя въ бере-

говыхъ зарослях, махая руками и указывая плывущимъ удобное мѣсто пристани.

Откуда же эти люди явились? Раньше-ли успѣли переправиться, какъ мѣстные, знающіе жители, или провели ночь на этомъ берегу вмѣстѣ съ нами,даже такъ близко?..

— Это не здѣшніе!—замѣтилъ Даудъ.—И кони у нихъ не здѣшніе: смотри, какіе хорошіе! Лучше, чѣмъ у сарбазовъ, казенные! Не знаю, что за люди, а узнать надо... Вотъ, посмотримъ, вмѣстѣ-ли пойдутъ, когда переправятся, или дальше своею дорогою погонятъ... И что за люди такіе появились?..

— Смотри, не шли-ли они за нами, по нашему слѣду?— говорю я.

— За нами—можетъ, а по слѣду—нѣтъ: какой тутъ слѣдъ, когда снѣгъ мететъ? Никакого слѣда нѣтъ. Да мы и не дорогою шли, все стороною держались... Я нарочно такъ велъ. Вотъ, погоди, увидимъ... Хочешь, я поближе подойду, повидпѣе будетъ?

— Сиди со мною! Лошадей хорошо-ли припряталъ?

— Шайтанъ не скоро найдетъ... Экъ, опять задымилъ, проклятый!

Это уже относилось къ остаткамъ нашего угренняго костра, который Даудъ поспѣшилъ окончательно притушить комьями грязи со снѣгомъ...

— Такъ-то лучше!

Передовой бѣлый жеребецъ уже достигъ отмели и въ галопъ вынесъ своего голаго всадника на сухое мѣсто. Поднимая тучи водяныхъ брызгъ, съ шумомъ и плескомъ выбрался и весь табунъ, перехваченный всадниками съ этого берега... Стали подтягиваться и немного отставшія лодки...

Голый сейчасъ же соскочилъ съ лошади и сталъ бѣгать и кричать, размахивая руками и щелкая себя по бедрамъ: озябъ, должно быть, сильно, бѣдняга. А одинъ изъ загадочныхъ всадниковъ спѣшился тоже и сталъ набирать сушняка для костра... Я наблюдалъ внимательно за всѣмъ, что происходило внизу... Мнѣ казалось, что отрядъ ханскихъ сарбазовъ, переправившись, немедленно осѣдлаетъ коней и поѣдетъ дальше: судя по расположенію бивуака на томъ берегу, они тамъ провели всю ночь,—значитъ, и сами отдохнули, и лошадей выкормили. Надо-бы имъ пользоваться яснымъ днемъ: вѣдь,

азіаты никогда по ночамъ не ѣздятъ, а между тѣмъ, судя по всему, что творилось, сарбазы, очевидно, готовились стать продолжительнымъ лагеремъ... Уже не одинъ, а нѣсколько костровъ ярко пылали на берегу, съ вьюковъ поснимали котлы и приладили ихъ къ огню, даже шалашъ начали строить и лошадей своихъ, снова осѣдланныхъ, расположили въ порядкѣ на приколы. Что-бы это могло значить? Удивленіе мое возросло еще болѣе, когда я увидѣлъ, что человѣка три конныхъ, теперь съ лошадьми уже, снова размѣстились на большомъ каикѣ и тронулись обратно, на тотъ берегъ; съ ними отправился и одинъ изъ этихъ новыхъ всадниковъ: другой остался на этомъ берегу. Что за причта такая? Что за перемѣна диспозиціи?.. Очевидно также, что виною всему эти двое новыхъ. Оставшійся здѣсь что-то очень энергично говоритъ съ начальникомъ отряда... Не слыхать только, но за то въ мой бинокль видно отлично... А Даудъ такъ и безъ бинокля лучше моего видитъ!..

— А вѣдь я его узналъ этого, что въ бѣлой чалмѣ,— говоритъ мой джигитъ:—это, помнишь ты, тотъ Андижанскій купецъ, что мы въ Вѣрномъ видѣли. Это онъ самый... Чего его сюда принесло, собаку?!

Да, конечно, они становятся здѣсь лагеремъ... Я даже вздрогнулъ, и въ сердцѣ у меня похолодѣло: мнѣ показалось, что этотъ Андижанскій купецъ показываетъ рукою въ нашу сторону... Я даже попятился немного. Даудъ,—должно быть, ему тоже это показалось,— припалъ головою къ самой землѣ и затаилъ дыханіе.

Ну, это, положимъ, вздоръ... Мы ихъ видимъ—это точно; но чтобы они могли видѣть насъ,—это невозможно: мы такъ хорошо скрыты и этимъ утесомъ, и широко расползшимися вѣтвями арчи, что никакой острый глазъ не могъ-бы открыть нашего убѣжища... И дѣйствительно, это просто случайность... Вотъ они уже и не смотрятъ въ нашу сторону, а спокойно усѣлись оба у огня, и старшій даже заглянулъ въ котелъ, открывъ на минуту его крышку... Это случайность, не болѣе...

— Это вотъ онъ что видѣлъ, — шепчетъ Даудъ:—видишь, орелъ надъ нами летаетъ, вонъ и другой тоже... Экіе разбойники! Что имъ, гадинамъ, надо? Это они орловъ увидали... ничего!...

— Должно быть, орловъ!

— Когда стемнѣетъ, мы совсѣмъ отсюда уйдемъ. Мы вонъ туда пойдемъ, вверхъ, а послѣ спустимся къ водѣ, верстъ за двадцать отсюда. Пускай стоятъ, стерегутъ, — намъ не мѣшаютъ, и мы имъ также!

— Вотъ ночью подождемъ Таука!

— Не жди ты его, дьявола, тюра: ну, его, къ чорту!.. Безъ него все хорошо было, а съ нимъ—какъ-бы хуже не вышло! Не жди!

Но я все-таки рѣшилъ дождаться карлика: я былъ убѣжденъ, что мы отъ него больше узнаемъ, чѣмъ отъ всѣхъ нашихъ догадокъ и предположеній, и опять послалъ Дауда навѣдаться къ лошадямъ, не прерывая лично своихъ наблюденій надъ всѣмъ, что происходило въ лагерѣ.

Такъ прошелъ томительно-длинный день,—хоть и зимній, сравнительно короткій, но мнѣ показавшійся длиннѣе всякаго лѣтняго... Спустилась ночь и съ нею неразрывно связанный густой туманъ. Теперь мы были въ полной безопасности. Проголодались мы оба ужасно; послѣднее мясо было доѣдено на разсвѣтѣ. Огонь для чаю разложить вновь было крайне опасно... Горныя козы подходили близко, почти на пистолетный выстрѣлъ, да стрѣлять нельзя: положеніе свое выдать... И не дремлется, сна нѣтъ, а Таука тоже нѣтъ, какъ нѣтъ... Вернется-ли еще?..

И самого меня стало одолѣвать сомнѣніе, не тронуться-ли въ путь, не теряя времени, подальше отъ подозрительнаго лагеря?

— А какъ ты думаешь,—обратился я къ Дауду,—найдетъ-ли насъ Таукъ, если мы уйдемъ отсюда?

— Лучше-бы не находилъ!

— Ты все свое!

— Жаренымъ будетъ пахнуть, — найдетъ... Вотъ хоть-бы такъ, какъ оттуда!..

Дѣйствительно, снизу, гдѣ виднѣлись три багровыхъ, расплывающихъ въ туманѣ свѣтовыхъ пятна, до нашего голоднаго носа доносился вкусный запахъ жаренаго сала.

— Знаешь что, тюра?—вдругъ встрепенулся мой джигитъ.— Они ночью крѣпко спятъ, и часовой заснетъ... Я знаю, всегда часовые спятъ, а собакъ съ ними нѣту. Я тихонько спущусь

и все мясо у нихъ выкраду. Право, выкраду... Я разъ такъ изъ-подъ носа у сарбазовъ цѣлаго барана унесъ и еще халатъ въ придачу... Тогда и собаки были, да я ихъ отманилъ и прирѣзалъ, а барана скралъ. Я это сдѣлаю. Вотъ погоди только, уснутъ покрѣпче!

Предложеніе это было очень правдоподобно, но я все-таки строго запретилъ приводить его въ исполненіе.

Вдругъ къ моимъ ногамъ подкатилось какое-то жалкое живое существо. И какъ оно незамѣтно подкралось?!

— Это я, тюра!—послышался голосъ Таука, и я почувствовалъ поцѣлуй на своей рукѣ. — Это я... Только тише...

— Пришелъ!—недовольнымъ голосомъ проговорилъ Даудъ

VI. Роковое извѣстіе.

Бѣдный карликъ, должно быть, очень утомился: онъ присѣлъ на корточки и пригоршнями глоталъ снѣгъ. Онъ даже не могъ сразу заговорить толково отъ утомленія и только бормоталъ:

— Надо бѣжать... сейчасъ бѣжать... Я знаю, куда!.. Бѣжать надо!..

— Погоди!—остановилъ я его.—Переведи духъ и говори покойно, толкомъ, въ чемъ дѣло?

Отдышавшись и оправившись немного, Таукъ сообщилъ мнѣ всѣ подробности своей рекогносцировки. Во-первыхъ, онъ еще вчера переправился на тотъ берегъ. Связавъ нѣсколько охапокъ камыша, онъ усѣлся на этотъ плотикъ, и его снесло по теченію, какъ разъ противъ селенія Нарынъ. Пользуясь предъутреннею мглою, онъ перебѣжалъ песчаныя дюны рѣки и незамѣтно очутился въ самомъ центрѣ базара, гдѣ въ чай-ханѣ какого-то Кассимъ-бая еще горѣли огни и, несмотря на раннюю пору, толпилось очень много народа. Одно это несвоевременное собраніе въ чай-ханѣ заставило его усилить вниманіе. Самъ же онъ не могъ интересовать собою никого особенно: бѣдный уродъ, нищій оборвышъ, просящій подаянія, — кто могъ обратить на него вниманіе? Онъ покойно пристроился въ проѣздныхъ воротахъ чай-ханѣ, откуда было все и видно, и слышно. Здѣсь онъ узналъ, что въ томъ же чай-ханѣ, въ особой саклѣ, лежалъ

связанный урусъ, а около, прикрытый кошмою, трупъ его проводника, джигита, котораго прирѣзали ханскіе сарбазы. Двое изъ этихъ сарбазовъ караулили дверь, ведущую въ саклю плѣннаго. Этотъ урусъ былъ съ маленькою рыжею бородою, средняго роста и съ темнокраснымъ пятномъ на лѣвой щекѣ...

Бѣдный мой товарищъ Кутаевъ: по описанію Таука, это былъ онъ!..

Урусъ этотъ уже недѣлю какъ жилъ въ чай-хане, говоря, что поджидаетъ своего товарища. Онъ выдавалъ себя за прикащика богатаго торговаго дома Хмурова, показывалъ образцы товаровъ, хвасталъ, что при первой лѣтней дорогѣ приведетъ богатые караваны, показывалъ бумагу отъ самаго Хакимъ-бая, посланника въ Ташкентѣ,—перваго человѣка у хана коканскаго,—и эта бумага вызвала такое уваженіе къ урусу со стороны даже старшинъ всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ, что къ нему пріѣзжали на поклонъ и даже привозили цѣнные подарки. Эта-то бумага и погубила его окончательно... Сначала пошли разные темные слухи. Джигитъ, слуга рыжебородаго уруса, совѣтовалъ ему не ждать товарища, а ѣхать дальше, но урусъ не послушался, все чай пилъ съ самимъ хозяиномъ и умные разговоры разговаривалъ. А тутъ, нежданно-негаданно, пришли конные сарбазы ханскіе, затрубили въ трубы, и юсбаши прочелъ бумагу ханскую, въ которой было сказано, что по ихъ сторонѣ бродятъ злые люди съ русской стороны, развѣдчики, узнаютъ про пути и дороги, все записываютъ да запоминаютъ, чтобы лѣтомъ придти съ войскомъ и все ханство покорить подъ своего «Бѣлаго Царя» и всѣхъ въ свою поганую вѣру обратить, мечети и мазары срыть, а народъ погнать въ холодную сторону, на смерть лютую,—и чтобы тѣхъ людей непремѣнно изловить и доставить, живыми или мертвыми, предъ свѣтлыя очи хана Худояра; а кто изловитъ, тому за живого пятьсотъ золотыхъ тиль, а за мертваго—половину, а тѣхъ собакъ, что ихъ водятъ,—изъ нашей земли перебѣжчиковъ,—рѣзать на мѣстѣ, или какой угодно казни предавать, чтобы другимъ потомъ неповадно было.

А узнать этихъ людей можно вотъ по какимъ примѣтамъ: оба поѣхали дорогами разными: одинъ съ черною бородою и съ молодымъ джигитомъ, на трехъ коняхъ,—буланомъ, кауромъ и чаломъ,—съ хорошими ружьями и съ пистолетами

такими, что по шести разъ кряду стрѣлять могутъ. А товара съ нимъ немного, и бумаги у него какъ будто-бы настоящія, есть и открытый листъ, какъ и у другаго, съ подписью и печатью Хакимъ-бая,—потому что русскій генералъ, который въ Ташкентѣ живетъ, — мирзу Хакимъ-бая обманулъ, сказалъ, что купцы ѣдутъ, а самъ послалъ своихъ ученыхъ людей съ совсѣмъ другимъ дѣломъ, злымъ для хана нашего и опаснымъ для всего ханства... Другой же нехорошій человѣкъ—съ бородою рыжеватою и красною мѣткою на щекѣ и ѣдетъ на двухъ лошадяхъ, обѣ вороныя. Такъ вотъ, чтобы по этимъ вѣрнымъ примѣтамъ изловить ихъ непремѣнно... Не изловятъ,—великій ханскій гнѣвъ будетъ на всю страну, а отъ гнѣва ханскаго спрятаться некуда...

Все это сарбазы говорили, а юсбаши читалъ и еще разъ въ трубы трубилъ. Хозяинъ же Кассимъ-бай очень испугался и говоритъ: «у меня такой есть уже одинъ, какъ разъ по примѣтамъ подходитъ». А урусъ этотъ спалъ, выходитъ и спрашиваетъ: «въ чемъ дѣло?» Юсбаши говоритъ: «тебя-то намъ и надо!» Велѣлъ его сейчасъ вязать... Урусъ за пистолетами было назадъ, въ саклю метнулся, да хозяинъ Кассимъ-бай его поперекъ тѣла схватилъ, а другіе подъ ноги бросились, связали накрѣпко... Урусъ кричалъ, что у него бумага Хакимова, а юсбаши смѣется и говоритъ: «эта-то бумага намъ и нужна, по ней-то и знаемъ мы теперь, что ты за птица»!

— Я какъ узналъ все это, такъ сейчасъ же скралъ на дворѣ мѣшокъ лепешекъ,—разсказывалъ Таукъ,—да назадъ къ тебѣ, тюра, поскорѣе. Вотъ и мѣшокъ приволокъ... Бѣгу межъ кустовъ, ближе напрямикъ взялъ дорогу и какъ разъ набѣжалъ опять на сарбазовъ, что къ рѣкѣ пошли еще съ ночи. Вижу, что переправу готовятъ, я съ ними и остался, только не совсѣмъ съ ними, а съ каикчи, лодочниками; говорю имъ: дадите горячаго чаю поѣсть, я вамъ помогать буду. Каикчи мнѣ сказали, что дадутъ: нищему калѣкѣ и Богъ велѣлъ давать ѣсть... Вотъ я остался и все слушалъ, что сарбазы говорили. Хотѣли они переправиться и по нашей дорогѣ на Суокъ идти, да встрѣтились люди, двое, купцы нашангонскіе, и сказали имъ про тѣхъ, кого сарбазамъ надобно, что они купцы, все по слѣду нашему шли и дня три всего какъ слѣдъ потеряли, а что теперь негдѣ быть имъ, какъ

тутъ гдѣ-нибудь, по-близости... Вотъ и порѣшилъ юсбаши стать на переправѣ лагеремъ и развѣдку къ Суоку послать... Сами, говоритъ, наѣдутъ: дѣться имъ некуда больше; не станутъ же въ горахъ съ голода и холода дохнуть?!

— Скажи, тюра, вѣдь у тебя тоже есть Хакимова бумага?.. Вѣдь ты тотъ самый, чернобородый, на трехъ коняхъ: чаломъ, кауромъ и буланомъ?.. Вѣдь ты тотъ самый, что намъ зло и погибель несешь?.. Да?..

— Видишь, что тотъ самый!—произнесъ я, стараясь быть возможно покойнымъ.

Карликъ нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на меня и вдругъ горько заплакалъ.

— Бѣдный я, Таукъ, бѣдный... За что только Таука такъ Аллахъ наказываетъ?..

— Ну, что же?! Ты теперь бѣдный, а можешь богатымъ быть: пятьсотъ золотыхъ тилей большія деньги... Поди, скажи сарбазамъ, что ты меня здѣсь нашелъ, и веди ихъ сюда. Я тоже скажу на тебя, что ты никто иной, какъ мой поимщикъ. Будешь богатый, сытый... Всю жизнь просидишь въ чай-хане, на мягкомъ коврѣ. Довольно съ тебя маяться въ голодѣ да холодѣ... Хочешь?

Таукъ молчалъ и все пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Въ темнотѣ ночи я чувствовалъ на себѣ этотъ насквозь пронизывающій взглядъ. Потомъ онъ вдругъ вскочилъ и бросился приводить въ порядокъ лошадей.

— Скорѣе, скорѣе, тюра, пока темно... ночь еще длинная, мы далеко уйдемъ... Я знаю такое мѣсто, гдѣ насъ никто не отыщетъ... только скорѣе, скорѣе!

Къ горлу моему подступили слезы, я сдѣлалъ усиліе, чтобы не разрыдаться и не броситься обнимать моего карлика. Холодною водою обдалъ меня другой голосъ, настолько измѣнившійся, что я его узналъ не сразу.

— Такъ ты говоришь, что того джигита зарѣзали?—спросилъ Даудъ у карлика.—Ты говорилъ, что этихъ джигитовъ, что водятъ русскихъ лазутчиковъ, велѣно лютой казни предавать?

— Да!—проговорилъ Таукъ...

— Гм... Такъ вотъ ты, тюра, на какое дѣло меня съ собою взялъ! Что-жъ, поймаютъ тебя и Даудку! Кому хуже будетъ, не знаю... Какъ ты думаешь,—ты, вѣдь, ученый,—что пятьсотъ

тилей больше будетъ того, что получу отъ вашего коменданта, или меньше?

Не помня себя отъ гнѣва, я выхватилъ револьверъ и приставилъ его почти въ упоръ ко лбу джигита...

Даудъ, словно предвидя это движеніе, ловко согнулся и однимъ прыжкомъ спрятался за лошадь.

— Что же, стрѣляй!.. Авось, тамъ услышатъ... Они только и ждутъ того, чтобы имъ голосъ подали... Ой!..

Я видѣлъ, что голова моего джигита, выглядывавшая изъ-за конскаго крупа, вдругъ исчезла, и что-то тяжелое, какъ грузный мѣшокъ, повалилось на землю...—Охъ!—еще разъ, чуть уже слышно, прохрипѣлъ Даудъ и стихъ... Я бросился туда. Бѣдняга лежалъ, скорчившись на боку, и его тѣло только вздрагивало въ послѣдней агоніи... Таукъ сидѣлъ передъ нимъ на корточкахъ и смѣялся.. Да какъ смѣялся!! Сердце леденило отъ этого истинно дьявольскаго, тихаго, чуть слышнаго смѣха.

— Ха-ха-ха... Это тебѣ за Аблая... его собственнымъ ножемъ... вотъ этимъ самымъ... слышишь... да слышишь же?!.. Это не отъ меня,—это отъ Аблая, это онъ тебя прирѣзалъ, собаку продажную,—онъ! Слышишь: Аблай, Аблай...

Страшный карликъ нагнулся къ самому уху убитаго, отогнулъ ему воротъ чапана, оттянулъ наушникъ шапки и все настойчиво продолжалъ:

— Отъ Аблая, отъ него самаго, собака паршивая!

Да, этой минуты, этой страшной драмы, разыгравшейся въ темную ночь, въ горахъ, я никогда не забуду. Этотъ ужасный смѣхъ до сихъ поръ еще звучитъ въ моихъ ушахъ, когда что-нибудь, случайно, напомнитъ мнѣ далекое прошлое моей полной приключеній, скитальческой жизни.

VII. Въ пещерѣ.

Дѣло было сдѣлано. Свершилось что-то роковое, безповоротное. Маленькій человѣчекъ, самою судьбою мнѣ посланный, сталъ моимъ руководителемъ. Это приниженное существо овладѣло моею волею. Мнѣ казалось даже, что не онъ, а я сталъ торопливо помогать ему готовить лошадей къ трудному ноч-

ному переходу. Таукъ сунулъ мнѣ въ руку лепешку, и я ее машинально ѣлъ, торопливо проглатывая куски; я вѣдь былъ, собственно говоря, очень голоденъ, но какъ будто неясно сознавалъ это ощущеніе. Карликъ быстро обобралъ трупъ: снялъ съ него верхнее платье, богатую лисью шапку, обшарилъ карманы убитаго, забралъ сумку съ патронами и даже его дорожный ножъ и все это пристроилъ къ вьючному сѣдлу. Затѣмъ онъ куда-то исчезъ, и я видѣлъ, какъ лошади, настороживъ уши и слегка похрапывая, тронулись въ путь,—это Таукъ повелъ въ поводу передняго коня,—я пошелъ слѣдомъ... Мы все удалялись отъ того мѣста, проклятаго мѣста, на которое я-бы ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ вернуться, и съ трудомъ вытягивали ноги изъ глубокаго снѣга. Мы все шли и шли... Куда?—не знаю... Я шелъ за Таукомъ, а тотъ знаетъ... Я былъ глубоко убѣжденъ, что мой новый джигитъ, мой преданный другъ, ведетъ меня совершенно сознательно.

Давно-ли я встрѣтилъ его? Въ какомъ видѣ? Въ какомъ сообществѣ?! Но я ему вѣрилъ безгранично.

Мы шли такимъ образомъ по глубокому снѣжному замету, очевидно, лощиною, часа два. Туманъ все становился гуще и, наконецъ, окуталъ насъ сплошнымъ, непроглядным облакомъ... Я едва различалъ крупъ буланаго коня, хотя могъ достать до него рукою. Наконецъ, дорога стала тверже, подъ ногою чувствовался камень; мы, значитъ, перевалили заметъ... Здѣсь мы остановились на минуту. Таукъ что-то соображалъ, и результатомъ этихъ соображеній было его одобрительное:—сюда!

Началась густая чаща, кони поминутно спотыкались объ оголенные корни... Мелкій камень съ шумомъ и зловѣщимъ шуршаніемъ скатывался куда-то далеко внизъ. Мы же подымались все круче и круче, снова остановились на совершенно чистой площадкѣ и опять перевели духъ... Не знаю, оттого-ли, что ужъ очень мы высоко забрались и вышли изъ облачнаго слоя, но стало какъ будто-бы свѣтлѣе, и я могъ различать туманные силуэты всѣхъ трехъ лошадей и крохотную фигуру Таука, сидѣвшаго на корточкахъ передъ мордой передней лошади.

— На дорогѣ?—спросилъ я вполголоса.

— Эге!—отвѣтилъ онъ громко, вовсе горло, и засмѣялся.—

Теперь можно!—добавилъ онъ, какъ-бы оправдывая свою неосторожность.—Теперь они насъ не услышатъ!.. Теперь и стрѣлять можно,—не бѣда!. Скоро свѣтать будетъ... А намъ еще до свѣта надо орлиное гнѣздо обогнуть... Гайда!..

Немного спустились, повернули совсѣмъ на сѣверъ и опять стали подниматься, все выше и выше, но этотъ подъемъ былъ горше перваго... Только привычныя, горныя, каракиргизскія лошадки, да еще кованныя только на переднія ноги, могли взбираться на эти скользкія, изрытыя крутизны... Иногда конь срывался и нѣсколько шаговъ скользилъ назадъ, безсильно царапаясь передними ногами, но все-таки справлялся и, гдѣ нельзя было иначе, скачкомъ одолѣвалъ препятствіе, да еще въ такую минуту, когда я невольно хватался за хвостъ, чтобы самому не потерять равновѣсіе...

— Ну, тюра, теперь смотри въ оба... Сейчасъ поворачивать станемъ.. Береги лѣвую сторону!.. — говоритъ Таукъ и почему-то тревожно понижаетъ свой голосъ...

«Берегу лѣвую», а почему,—не знаю... и слѣва, и справа одинаково молочный туманъ стоитъ стѣною; а кони храпятъ и жмутся усиленно вправо: они, знать, инстинктивно чувствуютъ опасность... Вдругъ что-то произошло... Тамъ, гдѣ должна была находиться средняя, то-есть, вторая вьючная лошадь, что-то усиленно зашуршало и смолкло... Этотъ шорохъ еще разъ повторился, но уже гдѣ-то далеко внизу и опять смолкъ...

— Тюра!—испуганно крикнулъ Таукъ...

Мнѣ показалось, что онъ находится далеко впереди, гораздо дальше, чѣмъ я думалъ.

— Гей!—отозвался я.

— Что тамъ?..

— Не знаю...

— Иди осторожно... бѣдовое мѣсто... идешь?

— Иду!

А какъ идти, когда мой конь передо мною заупрямился и боится ступить ногою? Онъ совсѣмъ сѣлъ назадъ и испуганно храпитъ...

— Ай, ай, ай! Бѣда!—говоритъ Таукъ.—Теперь совсѣмъ близко... Пропалъ конь каурый... и вьюкъ весь пропалъ... Ну... небось... ну, впередъ!..

Эти возгласы относились уже къ моей лошади: Таукъ взялъ ее за поводъ и тащилъ за собою...

— Подгони ее сзади!..

Подогналъ... Тронулся конь, и я за нимъ... Ступилъ ногою на камень, но камень тотъ зашатался и выскользнулъ изъ-подъ ноги... Я ухватился руками за землю и присѣлъ, чтобы удержаться... А Таукъ все говоритъ:

— Иди, не бойся!.. Все равно, пропадать надо!..

И то правда! Всталъ, я, шагнулъ, куда Богъ приведетъ,— держусь... еще шагъ, еще два...

— Теперь хорошо! Спускаться станемъ!..—веселѣе перевелъ духъ мой новый покровитель...

Точно. Мы стали спускаться, и лошади пошли бодрѣе и прытче.

— Сядемъ!—сказалъ Таукъ.

— Сядемъ!—рѣшилъ и я.

Усѣлись верхомъ... Ого было и кстати: ноги сильно разболѣлись въ колѣняхъ, спину ломило отъ сильнаго напряженія... Но, увы! Недолго тянулся этотъ отдыхъ,—мы снова должны были слѣзть и вести коней въ поводу... Вновь пошла такая заросль, такая невылазная чаща, что приходилось пробиваться силою, оставляя клочья одежды на колючихъ вѣтвяхъ арчи и горнаго можжевельника.

Опять остановился Таукъ и опять сталъ соображать что-то... Теперь я видѣлъ, что прямо передъ нами поднимается какая-то безконечно высокая стѣна. Далеко-ли, близко-ли эта стѣна отъ насъ, разобрать трудно: должно быть, что близко, потому что она ростетъ и ростетъ съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ.

— Казакъ!—говоритъ Таукъ, показывая нагайкою въ сторону.—Теперь скоро!..

Утро разгоралось, Все становилось свѣтлѣе и свѣтлѣе. Если-бы не этотъ туманъ, можно было-бы прекрасно осмотрѣться, но эта мертвая, убійственно холодная мгла томитъ душу,—отнимаетъ вѣру въ прочность самой почвы подъ ногами.

Вотъ слышно, вода гдѣ-то стремительно падаетъ съ высоты и разбивается брызгами... Вотъ захлопали тревожно незримыя крылья... Какъ будто-бы пахнуло тепломъ... Стало еще свѣтлѣе... Я взглянулъ наверхъ. Тамъ, подъ туманомъ, въ недося-

гаемой высотѣ, на голубомъ небѣ, загорѣлся золотой гребень горъ и вдругъ погасъ смѣнившись неожиданно словно внезапно охватившимъ насъ мракомъ ночи...

— Что это?—вскричалъ я невольно.

— Пришли!—возвѣстилъ веселый голосъ Таука...—Пришли... Теперь ау! Теперь насъ не отыщетъ.. Тотъ собака зналъ, тотъ-бы нашелъ... знаешь, тотъ, кого Аблаевъ ножъ прирѣзалъ... Тотъ зналъ,—я знаю. Аблай зналъ, да Массолъ, что на колъ посадили, а больше никто не зналъ на свѣтѣ. Погоди... сейчасъ тепло, хорошо будетъ... теперь долго отдыхать будемъ, пока совсѣмъ на недѣлю не выспимся... Чай варить будемъ!—добавилъ онъ съ особенною торжественностью и сталъ разсѣдлывать нашихъ лошадей, теперь, увы, уже только двухъ... Объ участи третьей, нашего злополучнаго вьючка, я не могъ себѣ составить еще полнаго понятія... Я догадывался только, что она оборвалась... Но мы-то почему остались, почему не оборвались всѣ вмѣстѣ? Всѣ шли ощупью; значитъ, ужъ каурому участь такая, печальная, досталась.

Я сталъ, однако, соображать, что мы потеряли вмѣстѣ съ конемъ? Что было во вьюкѣ? Припоминаю:—ягдаши съ образцами товаровъ, ну, это къ лучшему: теперь эти образцы безполезны! Котелъ походный... жалко, очень жалко!.. Нашъ запасъ чаю и...

— Таукъ, посмотри, тамъ у тебя, на сѣдлѣ, есть ковровые коржумы?

Спрашиваю, а самому даже страшно сдѣлалось... что скажетъ?

— Есть! Эти, что-ли?

Не вижу, что онъ показываетъ.

— Сейчасъ огонь буду раскладывать,—бормочетъ Таукъ.—Ого-го!.. Никто безъ насъ не былъ. Шестой годъ никто не приходилъ!.. Вонъ и дрова наши остались... Кш!..

Цѣлая туча летучихъ мышей, задѣвая за носъ, пролетѣла всоимъ беззвучнымъ полетомъ. Послышался ихъ характерный писк, похожій скорѣе на легкое, тихое ворчаніе... Утомленные кони только тряхнули своими понуренными головами, побрякивая пряжками уздечекъ.

— Спички давай!

— Вотъ!..

Вспыхнуло пламя; затрещали смолистыя, высохшія за шесть лѣтъ вѣтви арчи, и быстро разгорѣлось веселое, яркое пламя. Мы осмотрѣлись.

Это была высокая пещера, съ узкимъ, сходящимся сверху сводомъ. Всѣ стѣны этой пещеры были изборождены глубокими трещинами, и въ этихъ трещинахъ копошились миріады летучихъ мышей, гроздьями вися на когтяхъ заднихъ лапокъ, головками внизъ... Свѣтъ нашего костра произвелъ сильную тревогу между ними: онѣ залетали надъ нашими головами, испуганно шарахаясь въ сторону, попадая въ густой столбъ кострового дыма...

Почва пещеры была мягкая, усѣянная отбросами вампировъ и птичьимъ пометомъ. Въ одномъ мѣстѣ лежала порядочная груда топлива, и виднѣлись клочья истлѣвшей отъ времени кошмы. Кое-гдѣ бѣлѣли кости, и блестѣла, Богъ знаетъ, какъ уже сюда попавшая старая жестянка отъ сардинокъ... Сколько я ни осматривался, понятно, сильно заинтересованный нашимъ новымъ убѣжищемъ, но чикакъ не могъ понять, какъ мы сюда попали... Утро, а я нигдѣ не вижу его свѣта... Гдѣ входъ, тамъ долженъ же проникать сюда хотя-бы одинъ лучъ яснаго свѣта? Должно быть, сдѣлали нѣсколько поворотовъ по корридорамъ этой пещеры. Я спросилъ Таука, тотъ сказалъ:— «тамъ» и добавилъ:

— А гдѣ же чай?..

— Въ коржумахъ... въ тѣхъ, ковровыхъ...

Но, послѣ самаго тщательнаго осмотра этого вмѣстилища тамъ оказались только кусокъ мыла, двѣ пачки патроновъ и совершенно обрѣзанная ножемъ, оглоданная даже зубами аркарья кость... Чаю не было, а запасъ былъ порядочный!..

Мы внимательно осмотрѣли вьюки, чтобы опредѣлить точно, что же погибло вмѣстѣ съ бѣднымъ конемъ. Оказалось,—увы!— многое истинно необходимое... Погибло бѣлье, погибъ чай и сахаръ, погибли бутылки съ остатками коньяка и спирта, погибъ мѣшокъ съ сухарями, запасная одежда, оружіе Дауда. постельные войлоки, коверъ, складная палатка и, какъ я уже сказалъ, походный котелокъ и ягдташъ съ образцами товаровъ— за исключеніемъ послѣдняго, все крайне для насъ необходимое, Кромѣ мѣшка съ десяткомъ сухихъ лепешекъ, что Таукъ скралъ въ кишлакѣ, у насъ не осталось никакой провизіи.

Я сообщилъ все это Тауку. Тотъ закачалъ головою, поскребъ затылокъ, такъ что его косматый малахай сползъ на самое лицо, и проговорилъ:

— Ой-ой-ой! Плохо... Надо доставать... Вотъ отдохнемъ, пойдемъ смотрѣть, можно-ли будетъ добраться, гдѣ лежитъ каурый?

— И то правда! Можетъ быть, и найдемъ трупъ нашего вьючка, можетъ, что-нибудь и уцѣлѣло.

Таукъ все-таки сбѣгалъ куда-то, на четверть часа, принесъ мѣдный кунганъ, что всегда висѣлъ за моимъ сѣдломъ, снѣгу, да еще набралъ этого снѣгу въ свою шапку и прикладилъ къ огоньку.

— Иссыкъ-су... Якши иссыкъ-су... (т. е. хорошо горячая вода) тоже, что и чай... Нѣту чаю, иссыкъ-су есть. Будемъ ѣсть лепешки, да спать ляжемъ. Ой-ой... какъ спать хочется!..

Но прежде, чѣмъ лечь спать, онъ опять отправился на поиски, на этотъ разъ что-то долго, и вернулся съ цѣлою охапкою свѣжаго хвороста для корма лошадей. Новый джигитъ заботливо разсѣдлалъ ихъ, осмотрѣлъ спины и положилъ принесенный кормъ. Голодныя животныя съ жадностью принялись хрумкать своими могучими челюстями, перемалывая это грубое подобіе сѣна.

— Ну, готово! Ложись спать, тюра! Выспимся, голова лучше думать будетъ!

Сказалъ это Таукъ и свернулся комочкомъ, закрывшись съ головою потникомъ сѣдельнымъ.

Устроился на покой и я и скоро заснулъ, какъ убитый, заснулъ покойно, безъ боязни, заснулъ, какъ дома, такъ какъ уже много, охъ, какъ много ночей мнѣ не доводилось спать. Вѣдь я теперь своему джигиту вѣрилъ.

VIII. За чужимъ добромъ.

Долго-ли мы спали, тотъ-ли еще день тянулся, или другой начался,—сказать трудно: часы мои, на бѣду, остановились. Проснулись мы въ совершенномъ мракѣ: костеръ потухъ; мы снова зажгли огонь и отправились на развѣдки. Я чувствовалъ себя бодрымъ и сильнымъ, только голоднымъ до крайней степени.

Кое-какъ, утоливъ мученія этого голода опять все тѣми

же лепешками, мы выбрались къ выходу изъ пещеры. Послѣ двухъ крутыхъ поворотовъ, мы замѣтили, значительно выше насъ, небольшое отверстіе, сіявшее чуднымъ, голубоватымъ свѣтомъ дня. Чуть не бѣгомъ бросился я туда и черезъ минуту зажмурилъ глаза, ослѣпленные свѣтомъ солнечнаго полудня, вдыхая полною грудью чистый горный воздухъ. Къ этому отверстію велъ узенькій карнизъ, исчезая неподалеку за отвѣснымъ утесомъ, но по этому карнизу можно было еще идти довольно удобно, только чтобы не смотрѣть пристально внизъ, въ эту зіящую подъ нашими ногами бездонную пропасть... Пройдя съ полъ-версты по своимъ же слѣдамъ, которые сохранились довольно ясно мѣстами, мы очутились надъ пологимъ спускомъ, густо поросшимъ горною растительностью. Отсюда спускъ становился все круче и круче. Мы оглянулись назадъ, и Таукъ мнѣ показалъ на маленькую черную точку, надъ которою клубились еле замѣтное дымное облачко.

— Тамъ!—сказалъ онъ.

Я полагалъ, что это былъ входъ въ нашу пещеру. Да, это нашъ ночной путь: вонъ—сломанныя вишни; вонъ—клочья нашей одежды и цѣлая прядь съ гривы буланаго... И какъ это мы могли идти ночью, да еще въ такой туманъ, этою непролазною чащею?.. Но удивленіе мое достигло крайнихъ предѣловъ, когда мы выбрались-таки изъ зарослей и, спустившись пологимъ откосомъ, усѣяннымъ валунами, добрались до края пропасти, вдоль которой змѣился карнизъ, вдвое уже перваго. Въ одномъ мѣстѣ карнизъ почти прервался... Тамъ торчали выступающіе изъ горнаго массива остроконечные камни, осколки, и виднѣлись свѣжіе слѣды горнаго обвала... Тамъ идти нельзя. Даже теперь, днемъ, и то я не рѣшался болѣе ступить ногою...

— Что же, пойдемъ!—понукалъ меня Таукъ.

— Не могу!

Я уже прямо попятился, оказавъ вожаку легкое сопротивленіе, когда тотъ одобрительно потянулъ меня за полу.

— Вѣдь, шелъ же за лошадью... Темно было—шелъ, свѣтло стало—боишься!

— По этой дорогѣ не ходятъ!

— А это что?

Я взглянулъ по указанію горбуна и ясно увидалъ отпечатки кованныхъ ногъ конскихъ и мои собственные слѣды...

— Не могу!—отрицательно закачалъ я головою...

— И никто не можетъ!—строго и внушительно произнесъ Таукъ.—А мы пойдемъ... Это — великая дорога, дорога Божья... По этой дорогѣ люди не ходятъ, а ихъ самъ Богъ переноситъ. Когда человѣку, все равно, помирать надо, онъ идетъ, и если Богъ захочетъ спасти его,—перенесетъ... Намъ, все равно, помирать приходилось, мы пошли... Видишь, живы: перенесъ Аллахъ. Теперь этотъ самый Аллахъ насъ изъ бѣды выручитъ, а все-таки и мнѣ страшно... Пополземъ какъ-нибудь... Уже очень хочется посмотрѣть, что съ конемъ сталося?..

Да, мы буквально поползли, цѣпляясь руками, плотно прилегая всѣмъ тѣломъ къ обледенѣлымъ камнямъ, тщательно выбирая мѣсто, гдѣ хоть на минуту можно было болѣе или менѣе надежно опереться ногою... Если-бы не явные слѣды, я могъ-бы не повѣрить, что это наша вчерашняя, уже, значитъ, знакомая намъ дорога!.. Однако, трудно... Я весь въ поту отъ непосильнаго напряженія... Таукъ ползетъ впереди. Вотъ онъ остановился и пристально смотритъ внизъ...

— Здѣсь!—сказалъ онъ и безнадежно махнулъ рукою.

Какъ ни приглядывался я, ничего не могъ разсмотрѣть на днѣ пропасти, да еще затянутой легкимъ, быстро скользящимъ облакомъ.

— Пропало все!... Ни отсюда, ни снизу нельзя добраться... Птицы, тѣ склюютъ, а больше ни комуне дотронуться... Что же? Будемъ и безъ чаю, и безъ араку... Пополземъ назадъ, — нечего тутъ больше дѣлать...

Поползли... Ухъ! Съ какою отрадою я ступилъ послѣ на болѣе надежную дорогу... Сѣли отдохнуть.

— Аблай ходилъ два раза, Мосолъ три, Даудъ одинъ разъ, а я четыре!—вспоминая минувшее, заговорилъ Таукъ.—Вотъ это, съ тобою,—четвертый... За нами гонялись, какъ разъ до того мѣста, гдѣ Даудка, паршивая собака, лежитъ, они ходили тутъ... много ходили, да всѣ лежатъ тамъ, гдѣ наша лошадь... только мы уцѣлѣли... Божья дорога, не для человѣка она сдѣлана!..

Отдохнули, вернулись въ оставленную нами пещеру... Та-

укъ сводилъ коней на снѣгъ «попоить». Затѣмъ мы стали обдумывать свое дальнѣйшее положеніе. А оно было поистинѣ безвыходное: въ горахъ погибнешь, здѣсь сидѣть безъ пищи— погибнешь тоже, внизъ спуститься, въ долину, другою дорогою, которую Таукъ знаетъ хорошо, — чего только Таукъ не знаетъ?—это теперь стало моимъ несокрушимымъ убѣжденіемъ. Ну! Идти въ долину: тамъ, межъ людьми, послѣ опубликованія нашихъ, т. е. теперь только моихъ примѣтъ, послѣ всего, что случилось съ бѣднягою Кутаевымъ, это значитъ идти тоже на вѣрную смерть или плѣнъ, еще горше перваго, а потомъ, всетаки, публичную казнь. Нѣтъ, и внизъ идти очень опасно!.. Да, но здѣсь, въ горахъ, смерть неизбѣжна, а тамъ?.. Все-таки тамъ, внизу, есть хоть какой-нибудь шансъ на спасеніе...

Я думалъ, и Таукъ думалъ... И, кажется, додумались мы до одного и того же, только у моего джигита вылилось это въ особую, своеобразную форму...

— Я пойду внизъ, я два дня пропадать буду, можетъ, и больше, я пойду за хлѣбомъ, за мясомъ, за чаемъ... только араку не будетъ, араку тамъ нигдѣ нѣту!

— Я тебѣ дамъ денегъ. Этого добра у меня много!.. Можно купить...

Не успѣлъ я докончить своего предположенія, какъ Таукъ громко расхохотался и фамильярно толкнулъ меня въ бокъ кулакомъ...

— Какъ мы можемъ покупать?—хохоталъ онъ,—Я покажу деньги, сейчасъ спросятъ, откуда, что за человѣкъ?.. Нѣтъ, мы покупать не можемъ.. Украсть надо... Красть мы можемъ, а покупать нельзя... Только когда я пойду красть, назадъ вернусь, ты сдохнешь отъ голода!—Не вытерпишь...

— Очень можетъ быть, если очень долго!—согласился я съ такимъ основательнымъ предположеніемъ.

И порѣшили мы идти воровать вмѣстѣ. Планъ похода былъ совмѣстно разработанъ и представлялъ много вѣроятія въ успѣшности исполненія.

Тѣ сарбазы, что мы оставили бивуакомъ на берегу Нарына, противъ переправы, получивъ свѣдѣніе отъ каманганскихъ купцовъ, будутъ или дожидаться насъ на переправѣ, или пойдутъ намъ навстрѣчу, разыскивая насъ на пути; вѣдь,

они не знаютъ, что мы уже предувѣдомлены о предстоящей намъ опасности. Они вполнѣ увѣрены, что, ничего не подозрѣвая, мы станемъ открыто продолжать нашъ путь и, по примѣру уже одного такого пойманнаго, посѣтимъ людныя, населенныя мѣста ханства; сами, такъ сказать, попадемся имъ въ лапы... Вотъ если-бъ они могли предполагать, что мы знаемъ, въ чемъ дѣло, и отъ нихъ скрываемся,—они, можетъ быть, и пошарили-бы поаккуратнѣе въ окрестныхъ предгоріяхъ... Но азіаты лѣнивы на поиски и на бродяжничество въ дикихъ пустынныхъ мѣстахъ, да еще въ таковую бѣдовую, зимнюю пору. Да, они, навѣрное, стоятъ на мѣстѣ, или пошли низомъ, удобною дорогою, къ подошвѣ Суока, перевала, единственнаго сообщенія съ долиною Нарына, а то, можетъ быть, что всего вѣроятнѣе, вернулись въ кишлаки, если не пошли на Камангань и Коканъ, удовольствовавшись пока первою поимкою.

Значитъ, если мы осторожно, съ оглядкою спустимся сами, конечно, ночью, прячась днемъ гдѣ-нибудь въ камышахъ прибрежья, то сарбазы никакимъ образомъ не могутъ подозрѣвать насъ такъ близко въ своемъ сосѣдствѣ. Сарбазы такіе-же люди и также тогутъ уставать, а послѣ спать, какъ и всѣ. Мы будемъ только уставать, когда они спятъ, и отдыхать скрытно, когда они бодрствуютъ. Таукъ выразилъ это положеніе въ такой лаконической образной формѣ:

— Сарбазъ спитъ—мы ходимъ... Сарбазъ заходилъ — мы легли спать. Хорошо будетъ! — и добавилъ при этомъ: — Мы на сарбаза смотримъ въ оба и знаемъ, что онъ дѣлаетъ. Сарбазъ на насъ не смотритъ и ничего объ насъ не знаетъ. Только вотъ бѣда! Сарбазъ знаетъ, что у насъ кони буланый да чалый. Не надо ему лошадей показывать,—сарбазы знаютъ, что урусъ съ черной бородою. Черныхъ бородъ и у нихъ много, да шапка баранья, высокая, и кафтанъ съ буркою, вотъ гдѣ бѣда,—и объ этомъ надо подумать...

Значитъ, измѣнивъ нѣсколько бороду, а, главное, платье, можно и днемъ, съ осторожностью, гдѣ нибудь показаться; значитъ, эту мѣру предосторожности принять непремѣнно надо.

Итакъ, чѣмъ съ голоду пропадать, рѣшено было идти внизъ, въ долину, другою дорогою, преобразившись, сколько возможно, и, конечно, оставивъ лошадей здѣсь, хотя-бы на

время, до подходящаго случая. Жаль было оставлять добрыхъ, выносливыхъ, такъ много мнѣ послужившихъ коней. Но что было дѣлать? Оставлять ихъ гдѣ-нибудь въ камышахъ опасно: джулъ-барсъ слопаетъ ночью, днемъ какъ-нибудь ржаніемъ отзовутся, людей наманятъ и слѣдъ покажутъ.

Таукъ увѣряетъ, что они кони умные, далеко отсюда сами не пойдутъ, поглодать что-нибудь сами отыщутъ и въ бурю снѣжную сами теперь найдутъ знакомую дорогу въ пещеру-убѣжище, и что вообще Аллахъ не только къ людямъ, но и къ скотамъ очень милостивъ и попасетъ нашихъ лошадокъ, пока мы что не устроимъ къ лучшему!

Изъ остальнаго платья я выбралъ самое подходящее; рваный чапакъ Даудкинъ, что онъ подстилалъ вмѣсто войлока, остался мнѣ въ наслѣдство, а шапку мою черную, барашковую, смѣнила сѣрая чалма, свороченная изъ двухъ поясовъ-полотенецъ. Цвѣтъ же моей бороды до такой степени измѣнился отъ слоя грязи и копоти, что врядъ-ли отличался отъ цвѣта самаго лица. Револьверы я взялъ съ собою, одинъ далъ Тауку, показавъ, какъ надо съ нимъ обращаться, съ винтовкою же мнѣ очень жаль было разставаться, и я ухитрился-таки, хоть въ разобранномъ видѣ, спрятать ее въ полахъ халата.

Мы сняли недоуздки съ обѣихъ лошадей, погладили ихъ, поласкали на прощаніе и тронулись въ путь послѣ полудня, разсчитывая засвѣтло пройти опасныя мѣста, не тотъ карнизъ—Боже упаси!—а другую дорогу.

— Тоже Божью?—недовѣрчиво спросилъ я Таука.

— Нѣтъ, человѣчью... Тамъ даже и аркары ходятъ... Медвѣдь разъ ходилъ, я видѣлъ, ничего; а у него нога такая же, какъ и наша... Тамъ ничего, можно!

Эту возможную дорогу мы, хотя и съ большимъ трудомъ, однако одолѣли засвѣтло. Мы даже подвигались довольно быстро и къ закату солнечному были верстахъ въ пятнадцати отъ пещеры. Когда мы остановились отдохнуть, то отсюда снова ясно была видна долина Нарына, окрашенная багрянцемъ заката. Совсѣмъ было темно, когда мы вошли въ густую чащу камышей, и мой Таукъ обнаружилъ чувство не только робости, но даже замѣтнаго страха. Но онъ боялся не людей. Нѣтъ, его пугала возможность встрѣчи со страшнымъ оби-

тателемъ джунглей, съ полосатымъ джулъ-барсомъ, и онъ мнѣ шопотомъ разсказывалъ неимовѣрные ужасы про свирѣпость этого колоссальнаго хищника. Я поспѣшилъ собрать винтовку, увѣряя его, что съ этимъ оружіемъ никакой джулъ-барсъ не страшенъ.

Благополучно пользуясь кабаньими тропами, мы добрались до воды и принялись изготовлять плотъ для переправы. Таукъ очень ловко справлялся съ этимъ дѣломъ, устройствомъ *саллы*, и скоро все было готово.

Мы улеглись, и насъ тихо понесло по теченію. Связавъ нѣсколько камышинъ потолще, мы сдѣлали что-то вродѣ руля и полегоньку направляли плотъ наискось. Однако, насъ долго еще тащило все ниже и ниже, унося отъ мѣста отправленія. Тяжелое сопѣніе и какое-то грузное шлепанье по полузамерзлой грязи обратило на себя наше вниманіе. Мы замѣтили нѣсколько черныхъ тѣлъ у самой воды. Это были кабаны. Животныя, пришедшія на водопой, даже вниманія не обратили на какую-то кучу камыша, проплывшую отъ нихъ шагахъ въ десяти, не болѣе; мы, конечно, тоже не пытались ихъ побезпокоить и продолжали свой путь.

Выбрались мы, наконецъ, на отмель, у пологаго песчанаго берега, оттолкнули саллы, чтобы тѣ продолжали свой путь и не указывали-бы мѣста пристани, и зашагали по ровной и мягкой дорогѣ. Судя по звѣздамъ, было около полуночи. До свѣта было еще часовъ семь, не считая утренней мглы. Времени довольно! Впереди мигали красноватые огоньки селенія, только не того, что мы видѣли прежде, гдѣ попался бѣдный Кутаевъ, а другого. Таукъ говорилъ, что и этотъ кишлакъ онъ знаетъ: «Алты Агачь» называется, а отъ кишлака Нарынъ—верстъ сорокъ, если не больше. Говоритъ также, что сюда сарбазы еще прежде приходили, что черезъ Алты-Агачь ведетъ большая арбянная дорога на Наманганъ, и что этотъ кишлакъ и больше Нарына, и богаче, а караванъ-сараевъ съ чай-хане два...

Когда мы подошли, конечно, обойдя съ задовъ, къ селенію, огни были только въ караванъ-сараѣ. На базарной же улицѣ, гдѣ находились крытыя лавки, и въ узенькихъ переулкахъ было темно и тихо. Народъ спалъ крѣпко.

Мы забрались на какой-то пустой дворикъ, всполошили

было съ десятокъ собакъ, поднявшихъ лай, похожій скорѣе на волчье вытье, но моего путеводителя нисколько не безпокоившій: полаютъ да и отстанутъ, а лай ночью—дѣло привычное и никого не потревожитъ. Съ этого дворика мы пролѣзли черезъ какое-то отверстіе въ глинобитной стѣнкѣ и попали на другой просторный. Противоположная сторона этого дворика была повыше;—это, значитъ, задняя стѣна примыкающей къ дворику сакли. Правѣе стѣнка, была полуразрушена, и сквозила узкая щель боковаго переулка. Таукъ оставилъ меня на полчаса одного: ему надо было сдѣлать развѣдку поподробнѣе. Когда онъ вернулся, онъ сказалъ мнѣ рѣшительно:

— Пойдемъ!

Мы вышли въ переулокъ и скоро очутились на широкой улицѣ, ведущей къ базару.

— Я смотрѣлъ, сторожа нѣтъ. Одинъ только человѣкъ спитъ тутъ неподалеку, подъ арбою, а тамъ верблюды лежатъ и большіе мѣшки, батманы цѣлые, съ рисомъ. Я и торбу захватилъ съ арбы, наберемъ рису, пригодится!

Дѣйствительно, тихо пройдя мимо распряженной арбы, мы нашли верблюдовъ и соблазнительные мѣшки, и Таукъ, проковырявъ пальцемъ ближайшій, насыпалъ полную торбу. Тутъ онъ повелъ носомъ и, какъ кошка, шмыгнулъ куда-то въ темноту. Я тоже за нимъ.

— Сиди и жди!—шепнулъ онъ.

Я послушался.

Черезъ минуту Таукъ появился съ большимъ бараньимъ стегномъ въ рукахъ, тщательно пряча эту добычу подъ полою.

— Вотъ бери все и ступай назадъ, въ переулокъ,—я къ караванъ-сараю пройду, съ тобою неловко... Ты вѣдь пока непривычный!

Забралъ я все это некупленное добро, и рисъ, и мясо, и пошелъ въ переулокъ, присѣлъ тамъ въ темнотѣ, прилегъ даже въ арыкъ и дыханіе притаилъ. И кажется мнѣ, что мое сердце бьется такъ сильно, такъ громко, что удивляюсь, какъ это безпечные, сонные обитатели кишлака не слышатъ и не проснутся съ грознымъ крикомъ:

— Держите, ловите... Воры... Разбойники!

Но спитъ мертвымъ сномъ аулъ, только собаки на всѣ

голоса надрываются. Тукъ, тукъ, тукъ—чуть донеслись съ другого, дальняго конца базара сонные удары въ бубенъ сонnаго сторожа и смолкли... Какъ это хорошо для воровъ устроено,—подумалъ я,—постучитъ, и слышно, гдѣ ты, сторожъ, сидишь, ну, и покойно!

Казалось мнѣ, что долго я ждалъ Таука, очень долго, однако дождался. Прибѣжалъ, тяжело чѣмъ-то навьюченный, и говоритъ:

— Довольно пока, пойдемъ, а то не дотащимъ, пожалуй...—Мы пошли торопливо, только не тою дорогою къ рѣкѣ, откуда пришли, а совсѣмъ въ другую сторону. Я выразилъ свое недоумѣніе Тауку, а онъ отвѣтилъ, что скоро утро наступитъ, что, все равно, къ Нарыну не поспѣемъ, что тамъ опасно теперь, а ночевать, то есть, проводить день, совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ будемъ.

Мы довольно долго шли садами, между стѣнъ, пока не вышли за предѣлы селенія. Здѣсь мы свернули по направленію большой дороги, пересѣкли ее и направились къ дальнему мазару, куполъ котораго темнымъ силуэтомъ отчетливо выдѣлялся на поблѣднѣвшей уже восточной полосѣ горизонта.

Почти разсвѣтало, когда мы подошли къ мазару. Это могильное сооруженіе, увѣнчанное полуразвалившимся куполомъ, стояло особнякомъ отъ другихъ могилъ, и надъ входомъ его торчалъ длинный шестъ съ навязанными тряпками, приношеніями богомольцевъ.

— Здѣсь никто не ходитъ. Когда только хоронятъ, тогда приходятъ, а сегодня и вчера никто въ кишлакѣ не померъ!

— Ты почему знаешь?

— Знаю... Померъ-бы кто, всю ночь-бы выли, и огни горѣли; народъ-бы собрался и плавъ жралъ-бы всю ночь,—а ничего не слышно такого... всѣ, значитъ, живы!

— Ну, и слава Богу!

Перелѣзли мы высокій порогъ у входа въ мазаръ. Тамъ стояло, что-то въ родѣ глинобитнаго саркофага, и полъ весь бурьяномъ заросъ; мы за этими саркофагами и пріютились. Разобрали *покупки*.

Кромѣ мѣшка рису и бараньяго стегна, Таукъ еще стащилъ—говоритъ, въ самомъ караванъ-сараѣ—мѣшокъ лепешекъ, связку сальныхъ свѣчей, кунганчикъ чугунный и, о,

радость! Цѣлый каншукъ съ зеленымъ чаемъ, да еще двѣ дыни, въ оплетенныхъ камышевыхъ сѣткахъ. Ихъ такъ подвѣшиваютъ для сбереженія: почти до половины зимы хорошо сохраняются.

— Я-бы еще много кое-чего набралъ... весь коржумъ могъ-бы у одного проѣзжаго стащить, да не надо... зачѣмъ обижать? Можетъ быть, въ коржумѣ у него деньги. Не надо обижать проѣзжаго человѣка!

Варить что-либо было опасно. Поѣли мы лепешекъ да одну дыню. Таукъ даже сырой баранины поглодалъ немного, и стали дожидаться дня. А день-то не за горами! Стало свѣтать; послышались голоса; верблюды заревѣли: значитъ, вьючить ихъ стали; заскрипѣло немазанное колесо арбяное, и надъ плоскими крышами просыпающагося аула тамъ и сямъ поднялись густые столбы хозяйственнаго дыма.

За рабочую ночь да предшествовавшій тяжелый переходъ съ переправою мы уста..и-таки порядочно. Таукъ на всякій случай зарылъ добычу въ землю подъ саркофагомъ, велѣлъ мнѣ спать, обѣщая посторожить, пока не разбудитъ меня на очередную сторожу, и я заснулъ снова очень крѣпко, заснулъ съ совершенно спокойною совѣстью: вѣдь мы, дѣйствительно, совершили всѣ ночныя дѣянія по необходимости и никого, въ сущности, не обидѣли...

Я выглянулъ изъ мазара. Отсюда открывалась панорама всей окрестности. Верстахъ въ полутора ясно виднѣлась проѣзжая арбяная дорога, еще не оживленная путешественниками. За нею изрѣзанныя водопроводными арыками поля маиса, джугары и рису,—все это уныло торчало изъ-подъ тонкаго снѣжнаго покрова своими пожелтѣлыми комлями, за полями туманная полоса рѣки. За этимъ туманомъ — знакомыя намъ горы, гряда надъ грядою, все выше и выше, сливаясь, наконецъ, своими скатными группами тяжелыхъ кучевыхъ облаковъ. Правѣе—обнаженные отъ листвы сады и сакли ауловъ. Лѣвѣе, значительно далѣе, тоже сады и тотъ же синеватый дымъ жилаго мѣста.

— Знаешь?—прервалъ мои наблюденія Таукъ.—Идемъ!

— Куда? Теперь, когда такъ свѣтло?

— Смотрю я на тебя и думаю,—произнесъ мой новый джигитъ,—и думаю,—повторилъ онъ,—ну, кто признаетъ въ

тебѣ того, чѣмъ ты былъ? Да если-бы я самъ тебя встрѣтилъ, то призналъ-бы за своего, такого же бездомнаго бродягу. Идемъ въ аулъ!

— Идемъ!—согласился я, безропотно проглотивъ этотъ особенный комплиментъ.

— Мы все это злѣсь оставимъ... это наше будетъ складочное мѣсто. Много накопимъ, а потомъ *купимъ* ишака и повеземъ все къ намъ, въ горы. Только тогда уже опять пойдемъ ночью, украдкою. Ту дорогу имъ показывать не годится. Только вотъ что: ты не говори, ни слова не говори... я скажу, что ты нѣмой, отъ роду такъ уродился... языкъ есть, а говорить не можешь, такъ и скажу, а то тебя по говору урусомъ признаютъ. Такъ-то будетъ лучше. Я даже скажу, что ты ногами слабъ... Мы пойдемъ тихонько; только вотъ теперь надо осторожно выползти, чтобы кто не замѣтилъ, откуда мы вышли!

Покуда было нелюдно, мы и выползли, пробираясь за могилами кладбища, вплоть до первой садовой стѣнки, принимая всевозможныя предосторожности, и, наконецъ, выбрались на дорогу, но все-таки пошли стороною, дерзко держа путь прямо къ кишлаку.

IX. Въ караванъ-сараѣ.

Немного не доходя до въѣзда въ селеніе, мы встрѣтили три одноконныхъ, тяжело нагруженныхъ арбы. Сытыя, отдохнувшія за ночь лошади бодро шли по мерзлой дорогѣ, побрякивая своими наборными уздечками. Верховые арбакеши весело болтали между собою и на насъ не обратили ни малѣйшаго вниманія. Потомъ, минуту спустя, попался намъ старикъ, шедшій за своимъ навьюченнымъ ишакомъ. Этотъ окликнулъ:

— Откуда Богъ несетъ, вы, убогіе?

— А идемъ изъ Божьей стороны въ Божью сторону добрыхъ людей искать: не попадутъ-ли намъ что-нибудь, бѣднымъ!—уклончиво отвѣтилъ Таукъ.

— Эге!—утвердительно мотнулъ головою старикъ и почему-то сплюнулъ сквозь зубы въ сторону.

— Видишь, ничего!—толкнулъ меня карликъ.

— Ничего!—согласился я.

И дѣйствительно, я чувствовалъ себя въ прекрасномъ, самомъ безпечномъ состояніи духа. Все это теперь казалось мнѣ такимъ естественнымъ, ну, положительно, не внушающимъ никакого подозрѣнія. Мнѣ казалось даже, что я самъ отлично вхожу въ безобидную роль нищаго бродяги, чуть не забываю даже, что я изъ себя представляю такое въ дѣйствительности.

Вошли въ улицу. Тутъ сломалась арба и задержала путь остальнымъ. Собралась толпа, шумящая на всѣ лады. Мы протѣснились осторожно, даже помогли поддержать ось, покуда арбакешъ крѣпилъ колесо, и снова очутились на просторѣ. Пройдя еще нѣсколько уличныхъ поворотовъ, мы замѣтили вправо крытый туннель базара, мѣсто нашихъ ночныхъ подвиговъ. Тамъ теперь слышался неумолкаемый гомонъ, и пестрѣлъ народъ. Нѣсколько нищихъ сидѣло при входѣ, поставивъ передъ собою деревянныя чашки для подаянія. Эти посмотрѣли на насъ недружелюбно, одинъ даже комъ грязи пустилъ въ догонку. Таукъ огрызнулся и отвѣтилъ тѣмъ же.

Кое-кто изъ толпы громко засмѣялся, а пекарь, въ выпачканномъ мукою халатѣ, сунулъ въ руку карлика цѣлую горячую лепешку.

Таукъ идіотски засмѣялся, пробормоталъ какую-то молитву, должно быть, показалъ нищимъ обидно сложенные пальцы правой руки, разломилъ лепешку на двое, одну половину началъ съ аппетитомъ ѣсть, другую—подалъ мнѣ.

— Ишь, добрый, дѣлится!—замѣтилъ кто-то изъ глубины ближайшей лавки.

Мы, однако, въ базарный сводъ не нырнули, а своротили къ караванъ-сараю, ближе къ выѣзду на большую дорогу, смѣло вошли подъ его ворота.

— Хозяину благословеніе Божіе!—крикнулъ Таукъ, присѣвъ передъ огнемъ на корточки.

— Спасибо!—отозвался хозяинъ, пожилой сартъ, въ хорошемъ суконномъ халатѣ и другомъ, бараньемъ, въ накидку.

— Очень озябли, вотъ и онъ тоже. Всю-то ночь шли... дорога длинная, а онъ ногами слабъ. Шли тихо!—началъ жалобно Таукъ.

— Грѣйся!—лаконически отвѣтилъ хозяинъ.

Таукъ и мнѣ приказалъ мимикою погрѣться.

— Нѣмой!—сожалительно почмокалъ онъ губами на вопросительный взглядъ хозяина.

Намъ дали маленькій кунганчикъ съ чаемъ и двѣ чашечки изъ зеленой глины, да еще лепешку въ придачу.

— Только сядьте тамъ, гдѣ подальше, — приказалъ хозяинъ,—ишь, со своею грязью, на чистый коверъ лѣзутъ!

— Коверъ грязный вымыть можно... душу грязную не скоро отмоешь. Ты хорошій... ничего... у тебя душа чистая. Аллахъ тебѣ много золота пошлетъ за нашъ чай и за хлѣбъ... а мы не заплатимъ!—заговорилъ Таукъ, впадая въ роль и тонъ бродячихъ юродивыхъ «дуване».—У меня много денегъ, много золота, а за чай не плачу... я коплю деньги...

— На что же ты копишь деньги, лавку, что-ли, открыть хочешь, купцомъ станешь? — спросилъ одинъ изъ посѣтителей чай-хане и толкнулъ сосѣда локтемъ: послушаемъ, дескать, что будетъ молоть горбатый дуване, должно быть, шутъ-забавникъ.

— Ишака хочу купить, моего безногаго дурака возить, а то у него ноги плохи... идетъ, а все охъ, да охъ!

— А много же накопилъ?

— Много! Вотъ!

Таукъ долго рылся въ своихъ лохмотьяхъ и вытащилъ, наконецъ, оттуда двѣ мѣдныя чеки, да костяную пуговицу.

—Ого-го-го!—загоготалъ онъ, встряхивая на ладони свое богатство.

Всѣ загоготали тоже.

— Что-же, теперь немного уже собирать осталось!— снисходительно улыбнулся и самъ хозяинъ.

Таукъ замурлыкалъ пѣсенку. Я свернулся въ темномъ уголкѣ навѣса, за плетеной корзиной со снопами клевера, и скоро все общество занялось своими дѣлами, позабывъ даже о нашемъ существованіи.

А мы сидѣли и наблюдали.

Высокій человѣкъ, въ рваномъ халатѣ, пришелъ откуда-то изъ внутреннихъ отдѣленій двора и принесъ большое деревянное блюдо съ дымящимся жирнымъ пловомъ. Человѣкъ этотъ поставилъ кушанье передъ посѣтителями, а самъ принялся раздувать громадный самоваръ, стоящій на спеціально

для сего устроенномъ глинобитномъ возвышеніи. Внѣшность этого человѣка крайне меня заинтересовала. Это не былъ ни сартъ, ни узбекъ, ни горный киргизъ—совсѣмъ не тѣ черты... это, положительно, былъ русскій. Моя догадка обратилась въ полную увѣренность, когда онъ, недовольный, должно быть, поведеніемъ самовара, вслухъ выругался.

— А чтобъ тя разорвало, окаяннаго!

Это было произнесено и русскимъ языкомъ, и чисто русскимъ тономъ.

— Узнай, кто это!—шепнулъ я Тауку.

— Узнаю!—отозвался тотъ также шепотомъ.—Хозяинъ,—крикнулъ онъ громко,—у тебя скотины много?

— А тебѣ что?—отозвался тотъ.

— Здорова скотина?

— Ничего, Богъ милостивъ!

— А я такія слова знаю, что «Албасты» (горный духъ) не любитъ и прочь бѣжитъ. Когда скотина больна, это Албасты ее мучитъ, а я всякаго чорта прогнать могу. Я слово такое знаю...

— Это бываетъ,—заговорилъ оживленно одинъ изъ гостей,—это дѣйствительно бываетъ, и вотъ такіе божьи люди, не всѣ конечно, а слова знаютъ!

— Ну, вотъ, увидимъ,—усмѣхнувшись, согласился хозяинъ,—у меня есть одна кобылица, кормъ перестала ѣсть и второй годъ ходитъ яловая, по пусту... Ну-ка, попробуй!

— А что дашь? Дашь ишака?—сталъ торговаться Таукъ.

— Ого, какъ много запросилъ! — захохоталъ кто-то.

— Да ты прежде вылечи!—замѣтилъ другой.

— Отчего не дать,—кивнулъ головою хозяинъ,—дамъ, если поможетъ твое слово!

— Не возьму съ тебя ишака... Ты добрый, ты чистый человѣкъ... тебѣ даромъ сдѣлаю!—польстилъ Таукъ.

Хозяинъ караванъ-сарая, видимо, былъ и польщенъ, и тронутъ этою лестью.

— Иванъ,—крикнулъ онъ,—покажи ему рыжую кобылу!

Теперь мы знали, что того, заинтересовавшаго насъ человѣка, звали Иваномъ.

— Пойдемъ!—сказалъ Иванъ.

Таукъ пошелъ, а я остался въ своемъ уголкѣ. Остался

одинъ—и мнѣ стало неловко, все стало казаться, что люди смотрятъ какъ-то особенно внимательно и подозрительно въ мою сторону. Но мнѣ это только казалось: въ сущности же, никто и не думалъ о моемъ присутствіи.

Помогъ или нѣтъ съ перваго раза Таукъ рыжей кобылѣ, не знаю, но, вернувшись черезъ полчаса, онъ сообщилъ мнѣ, что Иванъ плѣнный солдатъ, урусъ, взяли его три года тому назадъ изъ подъ Токмака, когда большое сраженіе было, продали сюда, Шарипу-баю,—хозяину здѣшняго караванъ-сарая,—за триста тенегъ, потому что очень хорошій работникъ, сильный и старательный, умѣлый очень, и что хозяинъ имъ очень дорожитъ и ему вѣритъ, а бѣжать солдату Ивану нельзя: дороги не знаетъ и все ждетъ, не выкупитъ-ли ихъ генералъ, или не размѣняютъ-ли плѣнныхъ .. Захочетъ бѣжать, все равно, поймаютъ и зарѣжутъ за такое дѣло... Лучше уже, порѣшилъ, какъ самъ Богъ укажетъ... Можетъ быть, и пошлетъ ему милость повидать свою родину... Вотъ что узналъ Таукъ, пока лечилъ рыжую кобылу Шарипа-бая.

Грустно стало на душѣ, а еще грустнѣе, когда я вспомнилъ про злосчастную судьбу моего товарища, котораго ждалъ уже не простой томительный плѣнъ, а неслыханныя мученія пыточной казни.

Все пока шло хорошо и вполнѣ благополучно для насъ. Намъ даже дали вволю поѣсть горячаго плова съ бараниной, чего же лучше!.. Ждали ночи для новыхъ подвиговъ по сбору продовольствія, для отступленія на нашу горную стоянку, но незадолго послѣ полудня свершилось событіе, измѣнившее рѣзко всѣ наши планы, событіе, взволновавшее все населеніе кишлака.

Часа въ два пополудни передъ воротами караванъ-сарая остановилась конная группа путешественниковъ. Они прибыли изъ Нарынскаго кишлака, изъ того самаго, гдѣ квартировали ханскіе сарбазы.

Группа состояла изъ двухколесной арбы и сопровождавшихъ ее трехъ всадниковъ, въ темнокрасныхъ халатахъ, въ бараньихъ черныхъ шапкахъ и съ фитильными ружьями, мултуками, за плечами. Это были ханскіе сарбазы. Арба остановилась у воротъ, и изъ нея вытащили измученнаго до-нельзя человѣка, съ крѣпко связанными назадъ руками. Я узналъ

несчастнаго сразу: это былъ бѣдняга Кутаевъ. Несмотря на то, что онъ и такъ былъ связанъ довольно надежно, его все-таки привязали къ столбу навѣса, и одинъ изъ сарбазовъ остался при немъ на часахъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ все населеніе кишлака густою толпою собралось передъ караванъ-сараемъ. Азіатское любопытство высказалось здѣсь во всей красѣ и полнотѣ: пестрые халаты, цвѣтныя чалмы буквально лѣзли одинъ на другого, чтобы поближе разсмотрѣть плѣнника. Всѣ сосѣднія крыши, заборы, даже вѣтви деревьевъ усѣялись зрителями. Шумъ, крикъ поднялся такой, что нельзя было разобрать ни слова. Объ этомъ плѣнникѣ, вѣроятно, уже знали по слухамъ, и въ говорѣ толпы ясно слышалось озлобленіе. Комья грязи полетѣли въ несчастнаго со всѣхъ сторонъ, но сарбазы пригрозили стрѣлять,—и толпа немного притихла...

Кутаева напоили чаемъ и покормили немного изъ рукъ. Тотъ смотрѣлъ апатично вокругъ, словно въ какомъ-то забытьѣ, и по временамъ стоналъ, вздрагивая и поводя плечами: очевидно, что веревки на локтяхъ и кистяхъ затекшихъ рукъ причиняли ему невыразимыя мученія..

— Хозяинъ,—ломая кое-какъ татарскій языкъ, заговорилъ Иванъ, подойдя къ Шарипу-баю, — попроси ихъ хоть развязать-то его... Неужели же ихъ столько одного боятся?!

— Ну, его собаку!..—отозвался хозяинъ.—*Тамъ* хуже будетъ!

Изъ своего угла я съ Таукомъ видѣли и слышали все ясно.

— Ты что?—нагнулся близко къ моему лицу мой карликъ.—Ты, никакъ, плачешь?..

И онъ обтеръ мнѣ лицо рукавомъ своего халата. Я крѣпко сжалъ его руку...

— Ц... ц...—зачмокалъ онъ.—Спасибо Аллаху, что не ты на его мѣстѣ... Ой-ой, бѣда!.. Лежи здѣсь, смирно-смирно. Пойду я опять къ Ивану, еще пошепчу шалду-балду на рыжую кобылу...

Опять я остался одинъ съ тяжелою тоскою на сердцѣ и не въ состояніи былъ оторвать глазъ отъ этой измученной фигуры у столба, въ неестественной позѣ не то сидящей, не то лежащей на своей привязи.

Видѣть товарища въ бѣдѣ, въ такомъ ужасномъ поло-

женіи, безъ всякой возможности ему помочь,—пытка нестерпимая... Казалось, легче было-бы самому раздѣлить съ нимъ его участь.. Хоть-бы уйти отсюда поскорѣе! Но Таука нѣтъ, безъ него страшно, да и волненіе мое можетъ выдать... А Таукъ, какъ нарочно, замѣшкался... Охота ему пришла дурачить хозяина со своимъ знахарствомъ!.. Часъ прошелъ—его нѣтъ, другой, мучительный часъ безъ конца тянется... Темнѣть начинаетъ, и солнце къ краю горъ давно спустилось, а я все слушаю, что говорятъ сарбазы, не успѣвающіе отвѣчать на сыплящіеся со всѣхъ сторонъ вопросы.

А разсказывали сарбазы вотъ что:

«Одного захватили, другого скоро поймаютъ. Юсбаши съ отрядомъ на слѣду стоитъ; тѣмъ не миновать влопаться, купцы пріѣзжіе говорили, что за тѣми шли; сами пришли, а тѣхъ собакъ изъ глазъ упустили... Должно быть, въ горахъ, гдѣ, поблизости, слоняются. Назадъ черезъ Суокъ ходу нѣтъ, тамъ застава поставлена конная, а сюда должны выбраться непремѣнно. Юсбаши на переправѣ смотритъ, куда же дѣться?.. Хотѣли было этого пойманнаго въ Коканъ, къ хану, везти, да теперь поджидаютъ, чтобы всѣхъ заразъ... Джигита, проводника казнили и за ноги на висѣлицу вздернули. Пускай виситъ, пока птицы не склюютъ, пусть всѣ видятъ, какъ по волѣ ханской казнятъ предателей... А что этому будетъ, такъ этого и разсказать нельзя... Для этого и бережемъ, живьемъ веземъ... Юсбаши приказалъ имъ сюда перебраться и здѣсь ожидать его приказаній; четверыхъ ихъ послалъ, да четвертый все дорогою хитрый пистолетъ разглядывалъ, что у русскаго за поясомъ былъ, все хотѣлъ узнать, какъ изъ него шесть разъ стрѣлять можно, а пистолетъ какъ выпалитъ у него въ рукахъ, да въ самую печенку, такъ насквозь и пробилъ; теперь лежитъ бѣдняга, умираетъ у муллы въ мечети... Какъ доложитъ юсбаши теперь, не знаютъ, какъ-бы не осерчалъ: человѣкъ на счету, изъ ханскаго конвоя, и десятникъ къ тому же».

— А долго-ли ждать здѣсь будете? — спросилъ хозяинъ.

— А сколько придется! — отвѣчаютъ. — Можетъ быть, день, а, можетъ быть, и три. Какъ тѣхъ поймаютъ, такъ сейчасъ и поведутъ въ Коканъ!

— А вы-бы и вправду его развязали... Ослабѣлъ человѣкъ

очень, смотрите, не выдержитъ дороги... Взяли, молъ, живого, а привезете къ хану на расправу падаль... Тоже за такія дѣла не похвалятъ...

— Да какъ-же его устережешь несвязаннаго?

— А очень просто!.. У меня вонъ сакля крѣпкая, я въ ней зерно берегу, и дверь одна всего, да и та съ замкомъ, а стѣны толстыя, надежныя... Опять же и посматривать будете... Васъ же трое да и наши помогутъ!

— А покажи саклю!—спрашиваютъ сарбазы.

— Да вотъ, съ воротами рядомъ, а дверь во внутрь, во дворъ выходитъ. Я и засовъ дамъ здоровый!

Отвязали плѣнника, отвели въ указанное мѣсто, а тотъ едва ноги переставляетъ; чуть живой и въ самомъ дѣлѣ. Развязали, стали руки отъ плечей до кистей натирать, спрашиваютъ: «Можешь поднять кверху?..» Попробовалъ плѣнникъ—трудно... «Ну, ничего, говорятъ, скоро отойдетъ, на волѣ кровь найдетъ свою дорогу, отмашется!..

Лошадей сарбазовыхъ во дворъ ввели, разсѣдлали и на руки работнику сдали, а работникъ, самъ Иванъ, пришелъ за конями, взглянулъ мелькомъ въ мою сторону и опять быстро отвернулся, потомъ на дверь сакли, куда посадили уруса, посмотрѣлъ и вздохнулъ тяжело.

— Что-же колдунъ нашъ горбатый,—спросилъ мимоходомъ хозяинъ,—вылечилъ, что-ли, рыжую кобылу?

— Вылечитъ, небось!—отвѣтилъ Иванъ.—Все разсказалъ мнѣ, какъ слѣдуетъ. Все, что эту ночь надо дѣлать, что завтра...

«Зачѣмъ онъ такъ громко сказалъ это?—подумалъ я.—Все говорилъ тихо, а эти послѣднія слова громко»...

Сталъ народъ расходиться къ ночи. Да что и смотрѣть, когда уруса отъ нихъ спрятали?!. Подъ воротами два фонаря засвѣтили, а ворота толстою жердью перегородили, чтобы кто изъ скотины, или лошадь какая-нибудь, сорвавшись съ привязи, не вышла-бы на улицу... Темно стало, и въ кишлакѣ стало все тише да тише... Только въ темномъ базарѣ, подъ навѣсомъ, фонари бумажные мелькаютъ, купцы свои лавки запираютъ и ко сну готовятся.

Неслышно подошелъ ко мнѣ Таукъ, прилегъ рядомъ и шепчетъ на ухо:

— Задумали мы дѣло съ Иваномъ и порѣшили попытать

еще разъ милость Господню... Ужъ коли Аллахъ насъ надъ Орлинымъ гнѣздомъ перенесъ, значитъ—Онъ къ намъ еще милостивъ... Ты лежи, да не спи... Въ полночь я опять уйду ненадолго... Увидишь огонь—не шевелись, не поднимай тревоги. Какъ только того уруса выведутъ сарбазы изъ сакли, ты вплотную подойдешь и стрѣляй изъ твоего пистолета, шуму не бойся, а то лучше перваго ножомъ пырни, вотъ этимъ,—Аблаевымъ ножемъ, хорошимъ,—а тамъ уже слушай Ивана, онъ остальное сдѣлаетъ, а тутъ и я подоспѣю. Мнѣ вѣдь далеко обѣжать надо... Смотри же, помни все, что я говорилъ, а я опять уйду, базаръ запалю съ того конца... Вотъ онѣ, спички, мнѣ Иванъ далъ цѣлую коробку...

Я слушалъ эту тираду, и сердце мое словно биться перестало; голова заработала ясно, усиленно. Всѣ мелочи предстоящаго, безумно смѣлаго и рискованнаго предпріятія ясно, отчетливо складывались у меня въ мозгу. Ставилась ва-банкъ роковая карта... удастся, о, Господи, пошли ты намъ эту свѣтлую радость!—Не удастся—и ему, и себѣ въ лобъ по пулѣ. Пускай потомъ надъ трупами издѣваются, сколько угодно...

А ночь брала свое—и скоро мертвая тишина воцарилась въ аулѣ.

У дверей сакли-тюрьмы сидѣлъ, прислонившись, часовой-сарбазъ, держа поперекъ колѣнъ свой мултукъ, неподалеку улеглись остальные двое, покрывшись съ головами общею кошмою.

Показался работникъ Иванъ съ маленькимъ фонаремъ... Посмотрѣлъ, все ли въ порядкѣ, и сталъ неторопливо приготовляться къ ночлегу на своемъ обычномъ мѣстѣ, у подворотни... Онъ долго стоялъ на колѣняхъ, все крестился и шепталъ что-то, и я ясно слышалъ его вздохъ:

— О, Господи! Да будетъ Твоя святая воля!..

Вдругъ далеко за базаромъ вспыхнуло красное зарево. Это зарево разгоралось быстро; черезъ минуту показались даже длинные языки пламени... Еще-бы! Всѣ эти навѣсы, зонты для тѣни, камышевые заслоны, все это сухое, чудный, горючій матеріалъ... Громадный пожаръ разростался съ невѣроятною быстротою... послышались испуганные вопли, усиленный бой сторожевыхъ бубновъ, ревъ животныхъ... поднималась отчаянная тревога...

Шарипъ-бай выскочилъ, полураздѣтый, и крикомъ сбиралъ

работниковъ... Сарбазы быстро подпялись на ноги и не растерялись нисколько...

— Выводи уруса скорѣе, а я за лошадьми пойду!—крикнулъ старшій и бросился во дворикъ.

Другіе двое бросились въ саклю и чуть не на рукахъ вынесли Кутаева...

— Настоящій моментъ наступилъ.—Я долженъ исполнить свое дѣло; тѣ должны знать свое...

Однимъ прыжкомъ очутился я около сарбаза, державшаго за шиворотъ моего несчастнаго, обезумѣвшаго товарища, и всадилъ ему Аблаевъ ножикъ въ бокъ по рукоятку... Тотъ выпустилъ плѣнника, кинулся было на меня, потомъ отшатнулся отъ втораго удара въ грудь и упалъ навзничь.

Второй сарбазъ, видимо, не сразу понялъ, въ чемъ дѣло: мы были въ тѣни воротъ, и разглядѣть, что именно происходитъ, было трудно... Я не далъ ему опомниться, и Аблаевъ ножъ снова сдѣлалъ свое дѣло: я поберегъ выстрѣлъ... Не надо, когда можно сдѣлать все безъ шума.

Но меня толкнуло что-то очень сильно,—я еле устоялъ на ногахъ... Это была высокая, мощная фигура Ивана...

— За мною, вашъ благородіе!—проговорилъ онъ и, схвативъ Кутаева буквально на руки, исчезъ въ темнотѣ двора.

Я кинулся за нимъ...

А пожаръ обхватилъ уже половину базарной улицы, и огненная стѣна, съ ужаснымъ ревомъ и шипѣніемъ, шла по направленію къ караванъ сараю...

— Иванъ! — послышался отчаянный призывъ Шарипабая...

Мы пробѣжали дворъ, черезъ калитку выскочили въ садъ, а тамъ уже ждали наготовѣ всѣ три сарбазскихъ лошади, храпя и боязливо глядя на пожарное зарево... На одной изъ нихъ уже сидѣлъ Таукъ и торопилъ насъ въ путь... Иванъ взялъ Кутаева къ себѣ на сѣдло, и мы погнали вслѣдъ за Таукомъ, показывавшимъ намъ настоящую дорогу...

— Какъ это просто... какъ это легко!.. — думалось мнѣ...—Видимая помощь Господня... Да насъ и не скоро хватятся: гдѣ тутъ, когда весь кишлакъ скоро будетъ въ огнѣ... Когда всѣ растерялись, охваченные паникою, и не сообразятъ ни что, ни откуда...

Но мы выскочили уже на ярко освѣщенную полосу дороги... мы неслись по ней... и насъ, вѣрно, замѣтили... Судя по измѣнившимся крикамъ, кажется, что замѣтили... Топотъ погони... нѣтъ... кому же гнаться?.. Это стадо испуганныхъ пожаромъ верблюдовъ ураганомъ вынеслось изъ-подъ пылающихъ навѣсовъ и съ дикимъ ревомъ сокрушало все встрѣчное на своемъ пути... Ужасная картина!

X. Погоня.

Мы скоро повернули по направленію къ прибрежной полосѣ. Лошади хороши, свѣжи и выкормлены сыто... Ихъ понуждать не надо; только лошадь подъ Таукомъ навьючена изрядно: наскоро привѣшенные, тяжелые коржумы болтаются, бьютъ по бокамъ и затрудняютъ бѣгъ.

— Гайда, гайда!—весело кричитъ мой горбунъ.

И мы несемся полнымъ галопомъ, этимъ типичнымъ, размашистымъ галопомъ аргамаковъ, отъ котораго на карьерѣ отстанетъ любая лошадь...

Таукъ веселъ необычайно, хохочетъ и даже пѣть принимался... Онъ, видимо, опьянѣлъ отъ этой необычайной удачи.

— Хозяинъ Шарипъ обѣщалъ ишака!—кричитъ онъ.— Аллахъ намъ послалъ трехъ аргамаковъ... и мяса вдоволь, и хлѣба вдоволь, и всего много... ха-ха-ха-ха! Гайда! Гони сильнѣе!.. Скоро прискачемъ!..

«О какомъ мясѣ онъ вспомнилъ, о какомъ хлѣбѣ?—подумалъ я.—Эге, такъ вотъ чѣмъ у тебя твоя лошадь навьючена!..»

Справа и слѣва уже поднимаются степи камыша... Слышенъ теплый паръ отъ рѣки... Что-то глухо бурлитъ впереди... Это Нарынъ... Если поспѣемъ за ночь переправиться, мы въ сравнительной безопасности.

Созвѣздіе Оріона высоко поднялось на небѣ, типичная утренняя звѣзда ярко горѣла надъ горизонтомъ... Скоро разсвѣтъ...

Мы перевалили уже дюны и, наконецъ, остановились на самомъ берегу...

— Теперь «саллы» строить!—засуетился Таукъ.

— Верхомъ переплывемъ, можетъ, ваше благородіе?

Это было первое слово солдата... Всю дорогу онъ не проронилъ ни звука.

— Господи, что-же это? — простоналъ Кутаевъ. — Ты?— онъ назвалъ меня по имени.—Я твой голосъ узналъ... Какое чудо!..

— Послѣ, послѣ!—успокоилъ я его.—Можешь теперь стоять на ногахъ, можешь двигаться?.. Помогай намъ... Послѣ все узнаешь!..

Тѣмъ временемъ Иванъ съ Таукомъ рѣзали камышъ и вязали въ пучки...

— Эй, вы, тамъ, разсѣдлывайте коней, снимайте вьюки!— повелительно обратился къ намъ горбунъ.

— Ты, что же это, лѣшій, на господъ кричишь,—нѣшто можно!?—по-русски упрекнулъ его Иванъ, надсаживаясь надъ громадною охапкою.

— Только-бы джулъ-барсъ не пришелъ... Придетъ джулъ-барсъ, бѣда будетъ!—опять забезпокоился Таукъ.

Но джулъ-барсъ не пришелъ, и въ часъ времени «саллы» было сложено. Связали мы коней цѣпочкою, уздами къ хвосту, Таукъ сѣлъ на переднюю, сложили багажъ на плотъ, сами усѣлись и тронулись на ту сторону, но теперь насъ сносило еще больше того раза: должно быть, плотъ сидѣлъ глубже. А разсвѣтъ все усиливался и усиливался... Мы были уже почти у берега, когда Таукъ испуганно вскрикнулъ...

Онъ замахалъ руками, говоря торопливо:

— Смотри, тюра, смотри туда... Вотъ бѣда будетъ... Свѣтло станетъ, пропадемъ... Смотри!..

Я взглянулъ по указанному направленію и замѣтилъ въ туманѣ нѣсколько темныхъ точекъ, быстро приближавшихся къ мѣсту нашей высадки.

— Юсбаши со своими сарбазами!—вскрикнулъ Таукъ.

— Что же, насъ теперь четверо, пусть сунется!—ободрилъ я своего вѣрнаго слугу.

Но все-таки серьезное безпокойство закралось и въ мою душу. Мы уже уцѣпились за крутизну берега, задержали саллы и торопливо стали сбрасывать грузъ на твердое мѣсто. Таукъ уже выбрался на сушу, бросивъ лошадей на произволъ судьбы,— большая, непростительная оплошность: свободные кони замѣтили тоже приближающихся всадниковъ и навострили уши...

Иванъ бросился было къ нимъ и только что ухватился за узду передней лошади, какъ громадное полосатое тѣло съ страшнымъ ревомъ выскочило изъ чащи и насѣло на задняго аргамака. Тотъ рухнулся на землю, жалобно застонавъ и задрыгалъ ногами... Таукъ припалъ ничкомъ и сталъ творить молитвы...

— Не стрѣляйте, ваше благородіе, этотъ не страшенъ!.. Вотъ уже поволокъ коня въ кусты, насъ не тронетъ... берегите патроны... Берегись!..

Пуля съ унылымъ визгомъ пролетѣла надъ моею головою... Изъ тумана ясно выдвинулась конная фигура, стремительно несшаяся прямо на нашу группу. Я прицѣлился навѣрняка, шаговъ на пятьдесятъ, не болѣе, и выстрѣлилъ... Всадникъ взмахнулъ въ воздухѣ обѣими руками и повалился съ сѣдла.

Еще послышались выстрѣлы, еще показался близко конный сарбазъ. Свѣтло было настолько, что ясно можно было разсмотрѣть красный цвѣтъ его халата. Я приготовилъ револьверъ и ждалъ его вплотную. Мою винтовку заряжать было некогда.

Наскочившій сарбазъ, видимо, не ожидалъ такого большого общества. Ему, можетъ быть, показалось число враговъ большимъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Онъ пригнулся къ сѣдлу, выругался и круто повернулъ назадъ... Я понималъ необходимость беречь патроны и не стрѣлялъ ему вслѣдъ... Убѣгающій сталъ что-то кричать своимъ, отставшимъ...

— Ихъ только трое... не посмѣютъ!—замѣтилъ Иванъ.— Куда же теперь дальше?

Выстрѣлы вывели моего Таука изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ находился все время по милости уже забытаго джулъ-барса. Одна только лошадь осталась въ нашемъ распоряженіи,—другая сорвалась и куда-то исчезла... Мы наскоро навьючили ее коржумами, добытыми Таукомъ... Кутаевъ уже могъ идти самъ, и мы стали забираться въ самую глубь густыхъ зарослей, по направленію къ предгорьямъ.

Къ нашему счастью, эти заросли все сгущались и сгущались, и къ полному свѣту, за полчаса до восхода солнца, мы были у подножья перваго ската.

Теперь вся забота была въ томъ, чтобы убѣдиться, продолжается-ли преслѣдованіе, и если да, то какія принять

мѣры. Какъ только мы вышли изъ джунглей, Таукъ вошелъ въ свою роль .. Боязнь тигровъ смѣнилась прежнею находчивостью и умѣніемъ пользоваться всѣми обстоятельствами.

Онъ первый всползъ на утесъ и сталъ осматриваться...

— Одинъ ускакалъ!—докладывалъ онъ со своего обсерваціоннаго пункта.—Двое далеко стоятъ,—чуть видно... Они убитаго поднимаютъ... Ихъ только и было всего четверо...

Первый подъемъ былъ не крутъ. Можно было воспользоваться ложемъ вымерзшаго потока. Кутаева все-таки пришлось посадить на коня, а тотъ тяжело поводилъ боками и спотыкался подъ двойною ношею.

Мы еще сдѣлали одинъ подъемъ, свернули направо и часа черезъ четыре выбрались на знакомую Тауку кабанью тропу, по которой мы спускались съ горъ на первую нашу переправу.

Здѣсь мы рѣшили сдѣлать маленькій привалъ, занявъ уступъ, спускающійся въ сторону долины отвѣсною стѣною... По карнизу этого уступа высокою грядою накопились валуны, отлично насъ прикрывавшіе. Конечно, мы оставили за собою весьма замѣтный слѣдъ; по этому слѣду могла безошибочно направиться погоня, но мы понимали, что надо много времени, чтобы эту погоню организовать.

Пожаръ произвелъ въ аулѣ панику... Онъ еще даже не утихъ... Отсюда очень далеко, а все-таки виденъ дымъ пожарища. Два сарбаза убиты мною, участь третьего неизвѣстна. Военныя лошади уведены, плѣнника нѣтъ. Пока соберутъ частныхъ людей, да и соберутъ-ли еще охотниковъ гоняться за проклятыми, а главное опасными, урусами?! О насъ, то есть, о двухъ нищихъ бродягахъ, никто и не спохватится, развѣ хозяинъ видѣлъ мое участіе въ побѣгѣ и выручкѣ плѣнника, да до того-ль ему было... Нѣтъ, изъ кишлака погони ждать пока не слѣдуетъ, а вотъ тотъ сарбазъ, что ускакалъ послѣ перестрѣлки, тотъ представляетъ опасность, довольно солидную... Онъ всполошитъ отрядъ юсбаши, и тогда дѣло станетъ значительно серьезнѣе. Но пока онъ доскачетъ до мѣста бивуака, это верстъ тридцать отсюда, если не болѣе, да юсбаши со своими придетъ сюда на нашъ слѣдъ,—пройдетъ не менѣе сутокъ, время, слишкомъ достаточное для того, чтобы мы далеко ушли въ горы къ нашей неприкосновенной пещерѣ, куда ведутъ только *дороги Божьи*.

Удача придаетъ смѣлости, доходящей даже до нахальства. Таукъ на этомъ привалѣ рѣшилъ варить чай и жарить мясо. Онъ увѣрялъ меня настойчиво, что Кутаеву надо хорошенько подкрѣпиться...

— Увидишь,—сдохнетъ, если кормить его плохо... Пускай жретъ... Ушелъ, хорошо, отъ смерти, пускай теперь лопаетъ...

И мы всѣ, дѣйствительно, очень усердно принялись за подкрѣпленіе своихъ силъ передъ тяжелою многотрудною дорогою.

— Не ждалъ... не ждалъ... Всѣ уже счеты съ жизнью покончилъ!—бормоталъ Кутаевъ, запихивая въ ротъ мясо большими кусками.

— Хорошо, хорошо!—ласково гладилъ его Таукъ по спинѣ.

— И какъ же вы, ваше благородіе, сами сюда попали и въ какомъ-такомъ видѣ?! Ахъ, ты, Господи!..—суетился Иванъ, быстро входя въ роль настоящаго, бывалаго вѣстового при господахъ офицерахъ.

Однако, времени все-таки терять нечего,—поѣли, и въ путь.

Подниматься гораздо труднѣе и медленнѣе, чѣмъ спускаться... То пространство, что мы нѣсколько дней тому назадъ сдѣлали въ одну ночь,—теперь не одолѣешь и въ двое сутокъ.

Первую вольную ночь мы провели, не доходя и половины пути до нашей пещеры.

XI. Возвращеніе.

На второмъ переходѣ нашъ аргамакъ окончательно выбился изъ силъ и отказался отъ дальнѣйшей службы. Нѣжный сынъ степей и равнинъ не вынесъ безкормицы и трудностей горнаго похода; онъ остановился, зашатался и слегъ.

Мы его бросили, разобравъ вьюки на свои собственныя плечи; здоровый силачъ Иванъ принялъ на себя добрую половину. Весь день шли мы, одолѣвая кажущіяся съ перваго взгляда неопреодолимыми препятствія, и все-таки стали опять на ночлегъ, не рѣшившись рисковать на послѣдній подъемъ къ карнизу пещеры. Таука очень интересовала участь

оставленныхъ нами лошадей, и онъ пустился въ путь одинъ, обѣщая встрѣтить насъ завтра утромъ... Онъ ушелъ, какъ я его ни уговаривалъ подождать утра и идти всѣмъ вмѣстѣ.

— Да вѣдь ты, тюра, теперь самъ знаешь дорогу... Вотъ сейчасъ, какъ обогнете тотъ трехголовый камень,—тамъ мягко, и слѣды наши, я думаю, еще видны,—такъ прямо наверхъ, а дальше будетъ все ледъ поперекъ лежать; гдѣ треснуло,—оттуда подальше держи, а потомъ опять твердо пойдетъ, а я самъ тамъ буду и голосъ подамъ... Ты вѣдь знаешь?..

Пришлось отпустить Таука.

Ночью мы спали крѣпко, дерзко разложивъ большой огонь, а то, дѣйствительно, въ нашей рваной одеждѣ можно было замерзнуть. Иванъ взялся постеречь и поддерживать костеръ.

Благополучно дождались утра, быстро собрались въ путь, нашли и трехголовой камень, и отрогъ ледника, переходъ по которому оказался гораздо опаснѣе, чѣмъ я предполагалъ,—и едва сдѣлали съ десятокъ шаговъ по твердому мѣсту, какъ ясно услышали веселый призывъ нашего добраго генія Таука, крохотной точкою виднѣвшагося на краю карниза.

Часа черезъ два были *дома*. Въ пещерѣ горѣлъ уже костеръ, и обѣ лошади стояли тутъ же, привѣтствуя насъ веселымъ ржаніемъ. Хорошо было у всѣхъ на душѣ, и о предстоящихъ лишеніяхъ будущаго похода, похода по совершенно невѣдомымъ горнымъ пустынямъ, зимою, въ самый разгаръ снѣжныхъ мятелей, мы и не думали.

Здѣсь мы рѣшили сдѣлать дневку, отдохнуть, какъ слѣдуетъ, и привести въ порядокъ путевые запасы: узнать, не больно-ли мы роскошничали въ теченіе истекшихъ двухъ сутокъ.

Да, мы немножко перехватили: у насъ осталось около двухъ пудовъ лепешекъ, пудъ сырой баранины, мѣшокъ, около фунта, чаю и мѣшокъ пшеничной муки пуда въ два, если не больше.

— А у насъ еще мясо есть и мѣшокъ рису!—замѣтилъ Таукъ.

— Гдѣ?

— А тамъ, въ мазаркѣ, помнишь, подъ святого зарыли... Сходить, что-ли... или, можетъ быть, ты, тюра, за нимъ сбѣгаешь?

Сказалъ и самъ расхохотался, довольный вполнѣ своею шуткою.

— А мы-то думали,—продолжалъ онъ,—чего-чего не наворуемъ!! Всю зиму думали жить въ аулѣ, да воровать, а потомъ все сюда-бы перетащили и зажили-бы совсѣмъ, какъ горные беки... Чѣмъ мы ихъ хуже!..

Справился я по своимъ замѣткамъ и сталъ соображать наивыгоднѣйшее направленіе къ отступленію. Кутаевъ предполагалъ, что лучше идти на Сонъ-Норъ,—озеро такое есть, на западъ отсюда, въ горахъ. Тамъ, молъ, можно будетъ у мѣстныхъ немногочисленныхъ, а потому совершенно мирныхъ, инородцевъ запастись и провизей, и свѣдѣніями. Таукъ говорилъ, что надо идти къ большому озеру Иссыкъ-Кулю на сѣверо-западъ, что онъ знаетъ немного туда дорогу, даже отсюда найти ее можетъ, и что тамъ есть рѣчка Кора-Годжуръ, а по ней мы дойдемъ до другой рѣки побольше—Кочкуръ, а дальше не знаетъ, но думаетъ, что до урусовъ уже немного останется, потому что покойный Аблай на Кочкурѣ часто краденыхъ лошадей откармливалъ на подножномъ кормѣ и потомъ уже водилъ ихъ къ урусамъ, въ Токмакъ, на продажу... Поведетъ—продастъ, а черезъ шесть дней назадъ пригонитъ другихъ,—тѣхъ, что у урусовъ накрадетъ... А его, Таука, онъ къ урусамъ не бралъ, и потому Таукъ урусовъ, только насъ троихъ, въ первый разъ видитъ и очень этими урусами много доволенъ.

— Ну, и спасибо на добромъ словѣ!

— Только вотъ что,—добавилъ онъ, понизивъ нѣсколько тонъ,—вѣдь урусы Аблая повѣсили за то, что коней воровалъ и разбойничалъ, а что же Тауку будетъ, когда узнаютъ, что онъ тоже изъ Аблаевой шайки?!

Наперерывъ мы всѣ трое принялись успокаивать его насчетъ его будущей участи, а солдатъ Иванъ увѣрялъ, что медаль ему повѣсятъ золотую, на Георгіевской лентѣ, халатовъ цвѣтныхъ надарятъ, видимо-невидимо, и денегъ отсыплютъ столько, что и коней воровать не надо больше будетъ.

Насчетъ медали Таукъ ничего не понялъ, а къ къ другимъ посуламъ остался довольно равнодушенъ, онъ только долго и пытливо старался уловить взглядъ моихъ глазъ, а такъ какъ я самъ догадался, наконецъ, помочь ему въ этомъ,—то мой карликъ весело разсмѣялся и порѣшилъ:

— Нѣтъ, вотъ что: мнѣ Иванъ говорилъ ночью, что ты

большой тюра... Ты возьми меня въ старшіе и почетные джигиты... Возьмешь, не прогонишь?...

Я поклялся ему Аллахомъ, что, если самъ онъ не захочетъ уйти, оставлю при себѣ хоть на всю жизнь, и мой горбунъ, совершенно довольный и успокоенный, принялся за приготовленіе къ отъѣзду.

Выступили мы рано утромъ, когда уже совершенно разсвѣло. Впереди Таукъ, какъ знающій дорогу, за нимъ Иванъ съ вьючными лошадьми, а сзади, въ видѣ арьергарда, мы съ Кутаевымъ... Патроновъ было у насъ достаточно, и кромѣ опасностей, представляемыхъ самою суровую горною природою, никакихъ другихъ не предвидѣлось болѣе.

Однако и знакомая Тауву дорога, если можно назвать дорогою то, по чему мы шли, прокладывая слѣдъ впервые!.. Это все сплошь тянулась дорога Божья, и мы по ней подвигались верстъ по 5—6 въ цѣлый день, если еще не менѣе. На седьмыя только сутки, почти окончательно выбившись изъ силъ, мы перевалили главный гребень отрога и стали спускаться въ долину, правильнѣе лощину Кара-Годжура... Узкая горная рѣчка, замерзшая только у береговъ, стремительно неслась по острымъ камнямъ частыхъ обваловъ, образовавъ довольно большое кишащее пѣною озеро тамъ, гдѣ недавній, должно быть, скатный обвалъ временно перегородилъ ей дорогу... Надо было, спустившись съ горъ, переправиться ниже этой ненадежной плотины—выше ея было невозможно,—и надо было совершать такую переправу подъ страхомъ ежеминутнаго прорыва плотины...

На переправу мы рискнули только на другой день по прибытіи въ долину. Утомлены мы были окончательно, хоть ложись, да помирай, да и припасы наши стали подходить къ концу. Таукъ увѣряетъ, что въ этихъ мѣстахъ попадаются горные бараны, а дальше, по Кочкуру, есть и свиньи въ прибрежной заросли... только кто же будетъ ѣсть эту погань?.. «Вы, говорятъ, урусы, это жрете, а намъ на то закону не положено»!

Каждый день варили мы горячую пищу: разболтывали горсть муки въ снѣговой водѣ, крошили туда же одну лепешку и пробавлялись этимъ незатѣйливымъ супомъ. Но кто пострадалъ болѣе людей, это наши лошади: отъ сытыхъ и бодрыхъ

горцевъ остались одни, еле двигающіеся скелеты. Буланый совсѣмъ захирѣлъ, и я думалъ, что намъ съ нимъ придется разстаться на-вѣки. Таукъ, однако, говоритъ, что бросать не надо, — а что по Кочкуру пойдетъ много хорошаго конскаго корма, и тамъ лошади поправятся живо.

— Вѣдь Аблай поправлялъ же своихъ, а гналъ табунъ этою же дорогою!

Ходили осмотрѣть плотину... Мѣстами внизу вода проложила себѣ ходы и вырывалась съ ревомъ, ворочая громадные камни, расшвыривая эти громады по берегамъ... Казалось намъ, что завалъ еще продержится..

На косогорѣ, да еще съ подвѣтренной стороны, долго мѣшкать было неудобно. Необходимо переправляться...

Выбрали мѣсто поудобнѣе и помельче и перебрались вбродъ... Богъ помогъ...

Намокшая одежда намерзла и стояла коломъ... Опять костеръ, опять остановка... но странно, едва только мы очутились на той сторонѣ Кара-Годжура, стало теплѣе: таково вліяніе горныхъ заслоновъ съ сѣвера. Уже тутъ мы нашли весьма порядочное пастбище; трава была хотя прошлогодняя, но все-таки этой буроватой, сухой растительности достаточно выбивалось изъ-подъ неглубокаго снѣга. На откосѣ ближайшей горы я замѣтилъ даже стаю горныхъ куропатокъ-кеклуковъ, для насъ соблазнительныхъ, но недосягаемыхъ, не бить же ихъ пулями изъ винтовки или револьверовъ?.. А дробовика съ нами не было.

Дня черезъ два мы добрались и до Кочкура... Здѣсь уже былъ сравнительный рай... Шли мы все по берегу, противъ теченія. Дорога была почти ровная. Намъ только изрѣдка приходилось обходить стороною, горами, тѣ мѣста, гдѣ вода плотно прижималась къ береговымъ утесамъ, перегораживая намъ путь.

Таукъ сообщаетъ, что скоро придемъ совсѣмъ къ бывшимъ Аблаевымъ стоянкамъ, а дальше онъ дороги не знаетъ.

Но мы сами сообразили уже, въ чемъ дѣло. Я отчетливо видѣлъ на той сторонѣ Кочкура знакомыя мнѣ очертанія хребта и узналъ типичное сѣдло перевала Шамси... За этимъ переваломъ мы уже дома. Тамъ наша сторона — долина Токмака... Токмакъ уже годъ, какъ занятъ нашими войсками,—

онъ на боевомъ пути нашего наступленія, черезъ Кастекъ, изъ Вѣрнаго, на Мерке и Ауліэ-Ата.

Я сообщилъ свое открытіе товарищамъ. Всѣ пришли въ восторгъ, въ какую-то дѣтскую, живую радость. Только Таукъ сталъ задумываться... Онъ какъ будто чувствовалъ, что его роль добраго генія сама собою кончается...

Я удвоилъ свои ласки относительно моего преданнаго горбуна, и тотъ немного успокоился...

На половинѣ перевала мы нашли маленькую стоянку калмыковъ,—три семьи съ небольшимъ стадомъ козъ,—и этой группѣ рваныхъ, жалкихъ, прокопченыхъ дымомъ, вонючихъ и полныхъ паразитами кибитокъ обрадовались, какъ роскошной столицѣ... Это было все-таки человѣческое жилье, и населяющіе его были все-таки люди.

Съ трудомъ успокоили мы перепуганныхъ нашимъ неожиданнымъ появленіемъ дикарей и добыли у нихъ козу на жаркое. Лукулловское пиршество!..

До верхней точки перевала Шамси можно добраться въ одинъ только переходъ. Съ той стороны я поднимался и дорогу знаю теперь отлично. Мы отлично устроились на ночлегъ, намъ очистили одну изъ кибитокъ. Къ утру меня разбудилъ Таукъ тревожнымъ крикомъ:

— Тюра... бѣда!.. Сарбазы!

— Откуда?.. Не можетъ быть... Неужели гнались за нами по слѣду?

Всѣ трое мы вскочили и выбѣжали изъ кибитки. Къ намъ рысью, дѣйствительно, приближался небольшой отрядъ всадниковъ, и приближался со стороны перевала. Это были дѣйствительно сарбазы, только для насъ неопасные, наши. Это были оренбургскіе казаки изъ Токмака, гнавшіеся по слѣду за какой-то, Богъ вѣсть куда, исчезнувшей, воровскою шайкою.

Наша опасная и многострадальная Одиссея, наконецъ, окончилась.

НОЧЬ ПОДЪ СНѢГОМЪ.

Въ почтовой землянкѣ собралась небольшая компанія невольныхъ собесѣдниковъ, а на дворѣ разыгралась одна изъ тѣхъ страшныхъ степныхъ мятелей, извѣстныхъ по всему сибирскому и средне-азіатскому краю подъ именами пурги и бурана.

Разыгрывающіяся на полномъ просторѣ безконечныхъ степей, не встрѣчая себѣ на пути никакихъ препятствій, эти мятели достигаютъ ужасающихъ размѣровъ. Снѣжный ураганъ бушуетъ въ степи на страхъ и гибель всему живому, и горе путнику, котораго онъ застигнетъ не въ самой близи цѣли своего путешествія... Грозные признаки пурги обнаруживаются за часъ, не болѣе, до полнаго разгула стихій, и опытные степняки дорожатъ каждою секундою времени, чтобы или успѣть уйти до разгула, или-же, когда это за отдаленностью разстоянія положительно невозможно, приготовиться къ встрѣчѣ врага на мѣстѣ. Въ первомъ случаѣ не щадятъ конскихъ силъ и пускаютъ тройку въ карьеръ, къ завѣтной цѣли, къ чернѣющимся вдалекѣ закопченнымъ кибиткамъ аула, или къ дымкамъ, на огонекъ—одинокой степной станціи. Сами животныя чуятъ опасность и не нуждаются въ кнутѣ; вытянувшись во всю длину, забывая усталость длиннаго перегона, словно не чувствуя тяжести саней и сѣдоковъ, они мчатъ во всю прыть, раздувъ ноздри, дико косясь на эту черную дымную полосу, грозно надвигающуюся отъ горизонта, на первые, пока еще одинокіе и незначительные скатные смерчи, тамъ и сямъ срывающіеся легкими пыльными винтами. И хорошо знаетъ опытный, косоглазый ямщикъ, что ежели хотя полверсты будутъ отдѣлять его отъ станціи въ моментъ налета перваго шквала, жизнь его

уже не обезпечена, эти полверсты стапутъ такою-же преградою, какъ и весь перегонъ, и только случай счастливый, да особенное, спасительное чутье стараго коня приведетъ его къ пункту спасенія. И не разъ случалось, что послѣ бурана, завалившаго степь горами, сугробами бѣлаго, сверкающаго на солнцѣ снѣга, находили и отрывали замерзшихъ путниковъ, саженяхъ во ста, а то и менѣе отъ крытыхъ загоновъ и жилого мѣста.

Но если предвидятъ буранъ въ такое время, что успѣть добраться до жилья нѣтъ никакой возможности, то тутъ уже приходится рисковать и *отсиживаться*. Главное дѣло—надо приготовиться къ отсиживанью и временному погребенію раньше, чѣмъ снѣжная мятель сбила васъ съ дороги; иначе васъ не разыщутъ, если вы не въ силахъ будете послѣ откопаться сами. Къ отсиживанью приготовляются такимъ образомъ: выпрягаютъ лошадей и пускаютъ ихъ на волю, предоставляя ихъ своему собственному инстинкту самосохраненія,—эти-же лошади окажутъ вамъ большую услугу, явясь на станцію молчаливыми вѣстниками вашего несчастья. Затѣмъ опрокидываютъ сани, подрываютъ подъ ними снѣгъ, чтобы просторнѣе было, стелютъ тамъ свои одежды и войлоки и ложатся, предоставляя себя въ руки Провидѣнія. Безъ запаса съѣстного и питейнаго по степи никто не ѣздитъ, и случаи голодной смерти въ подобномъ положеніи вещь небывалая, тѣмъ болѣе, что рѣдко пурга гуляетъ подъ-рядъ болѣе трехъ сутокъ, но случаются такіе снѣжные наносы подъ мѣстомъ самопогребенія, что погребеннымъ, безъ посторонней помощи, выбраться на евѣтъ Божій уже невозможно, особенно если катастрофа случилась съ ними тогда, когда, упрямо борясь со снѣжнымъ ураганомъ, они, какъ я уже сказалъ, сбились съ пути, съ той линіи, по которой, хоть изрѣдка, да проѣзжаютъ люди, по которой только и мыслимы какіе-нибудь розыски. Вѣдь эту безпредѣльную равнину покрытой снѣгомъ степи не перероешь!

Такъ вотъ, именно одна изъ такихъ страшныхъ мятелей соединила наше маленькое общество на почтовой станціи большого степного тракта, ведущаго отъ «Омска» на «Семипалатинскъ» и «Вѣрное».

Въ то время трактъ этотъ не отличался особенными

удобствами для проѣзжающихъ. Станціи—избы, съ просторными горницами и крытыми теплыми конюшнями попадались рѣдко, и то, когда приходились въ населенныхъ пунктахъ, или южнѣе, въ казачьихъ станицахъ. Зачастую на мѣстѣ станціи были вырыты просто землянки для проѣзжихъ, для семьи казака-смотрителя и ямщиковъ. Простой камышевый заборъ обозначалъ мѣсто загона для неприхотливыхъ киргизскихъ лошадокъ, два три стога сѣна по близости да колодезь солоноватой воды,—вотъ и всѣ принадлежности; и въ данномъ случаѣ, судьба заперла насъ именно на такой убогой станціи, «Ахметовскомъ полустанкѣ», «Джаманъ-кудукъ» тожъ.

Кромѣ меня самого, наше общество состояло изъ слѣдующихъ лицъ: областная акушерка Елена Ивановна, дама не такъ, чтобы очень красивая, но еще не старая, лѣтъ за тридцать съ небольшимъ, довольно полная, румяная, съ большими, добрыми сѣрыми глазами и мило улыбающимся сочнымъ ртомъ, особа къ путешествіямъ дальнимъ, по своему ремеслу, привычная, мужчинъ не стѣсняющаяся, да и сама не стѣсняющая, домовитая даже въ дорогѣ, запасливая и привѣтливая, съ добрымъ словомъ на языкѣ, съ теплымъ участіемъ къ горю каждаго встрѣчнаго... Много она на своемъ вѣку видала, много испытала и чернаго, и краснаго, натура закаленная, но съумѣвшая сохранить въ себѣ всю прелесть и обаяніе женственности, и даже небольшого кокетства. Я ее и прежде знавалъ, когда она еще замужемъ была за военнымъ докторомъ; потомъ она овдовѣла, похоронила мужа и хотя успѣла скопить себѣ за трудовую службу, свою и мужнину, небольшой достатокъ, но продолжала честно и дѣятельно служить своему дѣлу и была у всего степного населенія общею любимицею и гостьею почетною.

Попали сюда въ землянку и губернаторскій чиновникъ по особымъ порученіямъ, баронъ Онегоузенъ, изъ остейзскихъ рыцарскихъ потомковъ, изящный блондинъ, съ длинными свѣтлорусыми бакенбардами и зелеными глазами; попали и два купца изъ Ирбита, Толченовъ да Моченовъ, купцы, какъ купцы, одинъ постарѣе, другой помоложе: у одного полный дорожный погребецъ былъ рябиновки, у другаго полыновки, шубы у обоихъ лисьи, широкополыя, а подъ шубами барашковые полу-

шубки... Казачій есаулъ Гвоздевъ,—Иванъ Кузьмичъ, тоже мой старый знакомый, ѣхавшій на побывку съ мѣста боевого служенія, сѣдоусый, коренастый мужчина, съ насупленными грозно сѣдыми-же усами и лысою головою, ну, точно Тарасъ Бульба, или другой какой изъ типичныхъ героевъ былого казачества. Былъ еще одинъ проѣзжій, котораго никто изъ насъ не зналъ, но о которомъ я поговорю поподробнѣе, такъ какъ онъ давно уже служилъ предметомъ моего внимательнаго наблюденія.

Это былъ человѣкъ, пожалуй, еще не старый, но съ перваго раза производившій впечатлѣніе старика пятидесятилѣтняго. Его голова была гладко острижена, и формы умнаго, развитого лба очерчивались ясно, выразительные темные глаза тонули въ глубокихъ синеватыхъ провалахъ, борода длинная, съ замѣтною просѣдью, выраженіе лица кроткое, меланхолическое, словно таящее въ себѣ глубокое, неизлечимое, безвыходное горе. Онъ былъ въ наглухо застегнутомъ полушубкѣ, черезъ плечо котораго тянулся узенькій черный ремень дорожной сумки, и въ высокихъ валеныхъ сапогахъ; багажа съ нимъ было немного, всего только тощій чемоданчикъ, обвязанный на крестъ веревкою, и ѣхалъ онъ со станціи на станцію, какъ оказалось, по сообщенію казака-смотрителя, съ случайными попутчиками, приплачивая за одну лошадь; сюда онъ попалъ на облучкѣ купеческаго возка, и очень смущался, что господа купцы не хотятъ съ него денегъ брать за дорожное продовольствіе. Отъ полынной-же и рябиновой отказывался наотрѣзъ, что заставляло купцовъ подозрительно коситься на своего страннаго попутчика.

Выбралъ онъ себѣ въ землянкѣ самое неудобное мѣсто, недалеко отъ входной двери, изъ которой немилосердно дуло и даже зашибало мелкою снѣжною пылью, и выбралъ, очевидно, съ цѣлью предоставить другимъ лучшее. На Елену Ивановну онъ поглядывалъ особенно часто и особенно внимательно, и когда та предложила ему стаканъ чаю, то растерялся такъ, что взялъ стаканъ пальцами, оставивъ блюдечко въ рукахъ хозяйки. Отъ соблазнительной закуски, разложенной на синихъ листахъ сахарной бумаги и на обрывкахъ всевозможныхъ газетъ, забился въ уголъ такъ, что и вызвать его оттуда не было возможности, а четверть часа спустя я своими глазами видѣлъ, какъ онъ, войдя въ землянку ямщиковъ-киргизовъ, съ

большимъ апетитомъ похлебалъ невозможной бурды изъ мучной подболтки и вонючаго бараньяго сала,—значитъ, голоденъ былъ изрядно.

Заговорить съ этимъ скромникомъ пытались всѣ, кромѣ губернаторскаго чиновника, который до этого не снисходилъ; больше всѣхъ приставали къ нему купцы и называли при этомъ «милымъ человѣкомъ», а то и просто «сердешнымъ».

Всѣ разговаривали весело, смѣялись, купцы даже пѣть начинали, да баронъ на нихъ посмотрѣлъ строго очень, они и притихли,—а этотъ «милый человѣкъ» не проронилъ до сихъ поръ ни слова, только все, знай, поглядываетъ на нашу акушерку, да и то украдкою, чтобы другіе не очень замѣтили.

Выходилъ я къ смотрителю,—посмотрѣть, кто такой? Оказалось въ книгѣ, что съ купцами записанъ онъ «будущимъ», то есть, ровно ничего не оказалось.

А буранъ въ степи разыгрывался все сильнѣе и сильнѣе, и не только продолжать путь, но даже носа высунуть на дворъ не было ни малѣйшей возможности.

— Помилуй насъ, Боже, помилуй! Что такое только дѣется!—проговорилъ казакъ-смотритель, притащивъ намъ въ печку новую охапку кизяку для поддержки топлива.—Я уже, господа, въ сѣняхъ снѣгу нагребъ въ кадку, въ случаѣ, коли самовара не хватитъ, а то колодезь-то, вотъ онъ, въ двѣнадцати шагахъ всего, а поди, доберись! Пожалуй, и назадъ не попадешь... Окошки-то занесло совсѣмъ, свѣту не видно!..

— У насъ такъ-то вотъ барскій лакей суповую чашу несъ изъ кухни, къ ужину, да не попалъ на крыльцо и назадъ не попалъ въ кухню, такъ и отыскали на другой день въ дровахъ. Сидитъ, бѣдняга, уже остылъ совсѣмъ, и супникъ въ рукахъ держитъ...—тряхнулъ волосами купецъ помоложе.

— А что-же, это бываетъ!—подтвердилъ казачій эсаулъ.

— Я полагаю, что это уже изъ области фантастическихъ сказокъ!—пожалъ плечами баронъ.

— Почему-же вы такъ полагаете?—рѣзко обратился къ нему казакъ.—На основаніи какихъ-такихъ соображеній?

— А вы попробуйте, «ваша милость»,—заговорилъ купецъ постарше,—за какимъ ни на есть дѣломъ, или такъ, для собст-

веннаго времяпрепровожденія, прогуляться малость, хоть вотъ черезъ дворъ, до воротъ, такъ оно сами увидите,—какія-такія это сказки въявь выходятъ!

— Зачѣмъ-же я буду это пробовать?—презрительно улыбнулся баронъ, скручивая папиросу.

— Оно точно, что не зачѣмъ. Это вы, ваша милость, весьма основательно изволили замѣтить!

— Въ прошломъ годѣ,—заговорилъ смотритель,—семья у насъ одна проѣзжала трактомъ, да попала вотъ этакъ же въ пургу... съ дороги-то сшиблись маненечко... занесло ихъ, гора горою! Лошади-то пришли, и ямщикъ пріѣхалъ верхомъ, а тѣхъ-то только на шестой день разыскали, да и то случай такой вышелъ, что замѣтили, будто волки что-то все на одномъ мѣстѣ рылись да нюхали,—по ихъ рытью и нашли,—женщина одна была, чиновница изъ Сергіополя, съ двумя дѣтками и мужемъ. Большаки-то пережили, отошли, какъ на станцію доставили, да теплымъ отпоили, а малолѣтокъ Господь прибралъ. Такъ-то!

— Это какъ Господь кому положилъ предѣлъ, такъ оно и быть должно!—глубоко вздохнулъ купецъ постарше.—Кому въ огнѣ сгорѣть положено, кому въ водѣ утопною смертью погибнуть,—кому какъ... И ты уже, что хошь, гордостью своею измышляй, а супротивъ предопредѣленія Божія ничего не подѣлаешь!

— Это онъ вѣрно!—оживился товарищъ помоложе.—Семенъ Ивановъ,—это ты какъ разъ!—У насъ въ Краснохолмскѣ, господа честные... и по сю пору живетъ, чаемъ торгуетъ Уточкинъ, купецъ первой гильдіи: — такъ что-же онъ сдѣлалъ! Забрался въ чистый понедѣльникъ съ товарищемъ на колокольню, къ часамъ звонить, дѣло-то было еще съ угару масляничнаго, въ головѣ жернова мололи, кузнецы нажаривали... Вотъ забрались они, Уточкинъ и говоритъ: «что ты думаешь, другъ, коли мнѣ, купцу первой гильдіи, не положенъ такой предѣлъ, чтобы, съ колокольни ахнувши, жизнь свою положить, долженъ я расшибиться, аль нѣтъ?—Коли не долженъ, такъ цѣлу мнѣ быть, ежели прямымъ трактомъ, а коли долженъ, такъ ты меня хоть подъ руки своди съ лѣстницы, а быть мнѣ внизу въ раздробленіи... Только онъ это сказалъ, да, перекрестившись, и бултыхъ черезъ перила...

— Ну, что-же?—послышалось въ землянкѣ рядомъ нѣсколько вопросовъ.

Молчаливый собесѣдникъ и тотъ словно встрепенулся и приподнялъ голову.

— А ничего... Народу много внизу было, всѣ видѣли, какъ его съ карниза да объ карнизъ валяло, на зонтъ потомъ кинуло, да съ зонта объ земь. Два ребра сломалъ, печенку зашибъ, да ногу пониже колѣна пополамъ, а то живъ остался, выходился, таперича съ костылькомъ только гуляетъ... Недавно старостою церковнымъ обществомъ выбрали, потому куполъ позолотилъ на свой счетъ и крестъ на колокольню новый поставилъ...

— Это именно потому такъ и обошлось благополучно,— объяснилъ баронъ,—что вашего купца, какъ вы изволили выразиться, «съ карниза да объ карнизъ валяло», и потомъ зонтъ помогъ тоже ослабилъ ударъ... иначе-бы...

— Да ужъ тамъ,—по тому-ли, по другому-ли, а все не безъ предопредѣленія...

— Я читала, у Лермонтова это есть,—заговорила своимъ нѣжнымъ голоскомъ Елена Ивановна,—что какой-то офицеръ тоже, испытывая судьбу, себѣ въ лобъ выстрѣлилъ, но пистолетъ осѣкся, а когда онъ второй разъ въ фуражку...

— Былъ у насъ сотникъ одинъ,—перебилъ эсаулъ Гвоздевъ, —шибко ему не везло въ жизни. Влюбился бѣдняга,—невѣста измѣнила, играть началъ,—продулся до нитки, запилъ горькую и порѣшилъ съ собою покончить... Только въ Бога онъ вѣровалъ и самъ на себя рукъ не хотѣлъ накладывать, а дѣло было въ Севастопольскую еще кампанію. Такъ вотъ стоитъ нашъ редутъ... (эсаулъ показалъ при этомъ на большой кусокъ швейцарскаго сыра), а такъ вотъ, впрочемъ, немного поближе (тутъ онъ тронулъ рукою половину холодной жареной курицы и даже дѣйствительно пододвинулъ ее поближе къ сыру)— такъ вотъ французскіе ложементы, камнемъ рукою перешвырнуть можно было, не то что изъ ружья пулею. Сидѣли мы въ своихъ норахъ смирно—и стерегли другъ друга... Палецъ кто шутя выставитъ, назадъ не уберетъ,—готово! Не то что выйти самому наружу... Вотъ этотъ самый сотникъ и надумалъ. Выйдетъ совсѣмъ на брустверъ, сготовитъ трубочку, ходитъ, да попыхиваетъ... Трескъ просто пойдетъ по фран-

пузскимъ ложементамъ, дымомъ все застелетъ, а ему хоть-бы что! Ни одна шальная не задѣваетъ!.. Дня три такъ гулялъ, а потомъ французы стихли; изъ ихъ траншеи тоже вышелъ одинъ штабъ-офицерскаго званія.—Позвольте, говоритъ, мою сигару изъ вашей трубочки закурить!.. Руку пожалъ, карточку свою сунулъ и прочь пошелъ. Наши, конечно, француза того не трогали,—да и французы просили, письмо присылали, чтобы «*сетъ бравъ руссъ*» больше не ходилъ, потому его трогать не приказано, что-же войнѣ-то мѣшать своимъ порядкомъ продолжаться?!.

— Потому предѣлу ему не было положено, чтобы отъ пули!—обрадовался купецъ.

— Положимъ, что это все довольно странно, но все-таки я полагаю, что все это не больше, какъ стеченіе обстоятельствъ,—принесъ и отъ себя баронъ лепту на общее время—препровожденіе,—со мною тоже было нѣчто въ этомъ родѣ. Былъ я однажды командированъ Его Превосходительствомъ, по очень важному и секретному дѣлу, а главное, времени терять нельзя было ни одной секунды, потому что каждый лишній часъ могъ принести не мало трудныхъ политическихъ осложненій!

Баронъ пріостановился на минуту, чтобы всѣ мы могли всласть проникнуться смысломъ всего сказаннаго, уразумѣть сіе и отнестись съ должнымъ вниманіемъ и къ разсказу, и къ самому разсказчику.

— Да, на чемъ, бишь, я остановился?.. Да, поднялась метель, вотъ такая-же, даже, можетъ быть, сильнѣе, а мнѣ ѣхать необходимо. Смотритель отговариваетъ, ямщики боятся и отказываются наотрѣзъ везти,—но мнѣ необходимо, понимаете-ли: «*необходимо*!»—Я вынимаю револьверъ и спрашиваю: «кто очередной ямщикъ?» Мнѣ указываютъ какого-то идіота, и я ему, приставивъ дуло пистолета ко лбу, говорю ясно и внушительно: «выбирай, негодяй, изъ двухъ положеній:—или ты не ѣдешь—и я, все равно, размозжу тебѣ голову,—или рискуй вмѣстѣ со мною и, въ случаѣ счастливаго перегона, золотой на водку!..» Идіотъ, понятно, рискнулъ, и мы поѣхали... О, это были долгіе часы, часы страшныхъ мученій, но энергія и сила воли взяли верхъ надъ стихіями, и я доѣхалъ благополучно...

— Вѣрно заметь была легонькая,—не то что вотъ какъ нонѣшняя!—усумнился эсаулъ.

— Я говорю, настоящая, невозможная пурга, какъ говорятъ по здѣшнему!—настаивалъ баронъ.

— Сумнительно, ваше благородіе,—вставилъ и казакъ-смотритель...—Пурга-то вѣдь звѣрь; она, все равно, какъ ураганъ лѣтомъ, она съ ногъ валитъ, верблюду не выстоять... она, вѣдь, каторжная, сразу всю память, духъ весь изъ мозговъ вышибетъ... ошалѣешь!.. Она...

— Значитъ, не изъ всякихъ мозговъ духъ она вышибаетъ, какъ ты говоришь, любезный!—улыбнулся баронъ, и, замѣтивъ, что Елена Ивановна потянулась за чѣмъ-то черезъ столъ, ловко пододвинулъ къ ней желаемое...

— А я, господа, отношусь къ пургѣ даже съ нѣкоторою признательностью,—заговорила Елена Ивановна.—Я вѣдь ей обязана двѣнадцатью годами счастливѣйшей жизни...

— Это какъ-же?—полюбопытствовалъ баронъ.

— То-есть, какимъ манеромъ?—въ одинъ голосъ спросили купцы.

— Сообщите-съ, сударыня!—пробасилъ, крутя сѣдой усъ, эсаулъ Гвоздевъ.

Я уже зналъ прежде эту исторію, а все-таки подвинулся съ своимъ табуретомъ поближе. Даже молчаливый «сердешный» вдругъ встрепенулся и, широко раскрывъ свои кроткіе глаза, словно замеръ, затаивъ духъ, весь сосредоточившись въ одномъ напряженномъ вниманіи.

— Меня тоже разъ, давно это было,—начала свой разсказъ Елена Ивановна,—застигла на дорогѣ пурга. Это случилось на длинномъ перегонѣ, такъ что до станціи верстъ двадцать оставалось, а лошади мнѣ попались прескверныя, усталыя, и ямщикъ—совсѣмъ мальчишка. Я хотя и слышала много страшнаго про эти самыя пурги да бураны, но самой лично испытать не доводилось... Я и не думала тогда объ опасности, опустила рогожи у кибитки и кричу ямщику:—пошелъ!.. А гдѣ тутъ гнать, ничего не видно!.. Сани то туда, то сюда швыряетъ, очевидно, мы дорогу-то потеряли и попасть на нее не можемъ... Ямщикъ - мальчишка озябъ, плачетъ, бросилъ возжи и ко мнѣ въ кибитку полѣзъ; кони стали... Вдругъ, прислушиваюсь я... колокольчикъ... брякъ-брякъ,—да близко,

вотъ сейчасъ передъ нами... Наша тройка заржала, и въ отвѣтъ, слышу, тоже ржатъ лошади... Это мы вплотную съѣхались, такъ и уперлись другъ въ друга... Кто-то подошелъ, подъ рогожу заглянулъ... Залѣпило снѣгомъ глаза, ничего путемъ не видно... Окликаетъ. Я отозвалась.—«Ахъ, это вы, говоритъ, по имени называетъ, а я признать не могу... Такъ, говоритъ, нельзя, такъ и жизнь покончить можно; а давайте уже «отсиживаться», какъ слѣдуетъ, вмѣстѣ... Что уже они послѣ со своимъ ямщикомъ дѣлали, какъ сани ворочали, какъ, что,—я и не помню... Зябнуть я шибко стала; именно, что «пурга мозги отшибла».— Только оглядѣлась я уже, когда все готово было. Лежимъ мы оба подъ возкомъ, снѣгу намело поверхъ, что темно стало,—и этотъ-то, Богомъ посланный, фонарикъ засвѣтилъ, все еще копается, войлоками обкладываетъ меня и говоритъ:

— А вы, голубушка, вотъ хлебните глоточекъ,—это очень помогаетъ въ данномъ положеніи. Я хлебнула—разговорились... Я, говоритъ, къ вашему папенькѣ, въ прошломъ году, въ фортѣ являлся; помните,—докторъ съ рыжею бородою? Вы мнѣ еще чай подавали, ромомъ угощали? Я ему говорю:—какъ-же съ, теперь помню.—Только папенька мой померъ, а я теперь... Ну, однимъ словомъ, разговорились, какъ слѣдуетъ...

Елена Ивановна покраснѣла слегка, потупилась, поправила пуховой платокъ на шеѣ и проговорила:

— А не хотите-ли, господа, еще по стаканчику?.. Я свѣжаго заварила чайку... Прикажете?

— Я бы готовъ вынести десять бурановъ подъ-рядъ, чтобы быть на мѣстѣ этого доктора!—плотоядно осклабился баронъ и почему-то пододвинулся поближе къ нашей хозяйкѣ, хотя всѣмъ намъ казалось, что онъ и безъ того сидитъ къ ней довольно близко.

Молчаливый собесѣдникъ очутился, какъ-то незамѣтно, тоже почти у самаго стола и въ данную минуту, судя по выраженію его лица, ничего и никого не видѣлъ и не слышалъ, кромѣ самой разсказчицы.

Та тоже посмотрѣла на него особенно пристально, словно припоминая что-то, но, очевидно, ничего не припомнила — и занялась разливаніемъ чая по стаканамъ.

— Долго-ли отсиживаться пришлось?—прервалъ молчаніе эсаулъ Гвоздевъ.

— Ахъ, да!.. Я не помню хорошо, но, вѣроятно, дня два, немножко больше... Вотъ лимонъ... Положить кусочекъ?..

— О, я понимаю,—опять осклабился баронъ...—счастливые часовъ, да что часовъ, и дней не замѣчаютъ... Чѣмъ же вся эта романическая исторія кончилась?

— А тѣмъ кончилась,—рѣзко отодвинулась отъ него Елена Ивановна,—что по пріѣздѣ въ городъ мы обвѣнчались и двѣнадцать лѣтъ прожили вполнѣ счастливо... Вотъ чѣмъ это, господинъ баронъ, окончилось!

— Вотъ и опять пурга... и опять...—заговорилъ молчаливый нашъ собесѣдникъ.

И заговорилъ такимъ глухимъ, подавленнымъ, нервнымъ голосомъ, что обратилъ на себя общее вниманіе... Началъ онъ было свою фразу и оборвалъ, не кончилъ, быстро спрятался въ свой уголъ, отвернулся и, ни съ того, ни съ сего, заплакалъ. Заплакалъ тихо, беззвучно, но этотъ плачъ слышали всѣ, кромѣ барона, кажется...

Вдругъ, словно надъ нашею головою, чуть-чуть звякнулъ колокольчикъ, крыша землянки дрогнула, и на головы нашн посыпались мелкіе кусочки глины... Звукъ колокольчика повторился еще разъ...

— А вѣдь это кого-то еще Богъ привелъ!—снялся съ мѣста эсаулъ и выскочилъ въ сѣни...

Казакъ-смотритель бросился за нимъ, купцы почему-то стали запахиваться и креститься, а баронъ замѣтилъ, что если и прибылъ кто-нибудь, то это для него, прибывшаго, весьма счастливая случайность, не болѣе...

— Только гдѣ-же тутъ умѣстится этотъ новый пріѣзжій?—вопросительно поглядѣлъ онъ вокругъ себя и, на всякій случай, раздвинулъ свои чемоданы и протянулъ ноги, чтобы заблаговременно захватить лично подъ свою особу мѣсто попросторнѣй.

Застегнулъ полушубокъ и я, надѣлъ шапку и вышелъ въ сѣни, вслѣдъ за есауломъ и смотрителемъ... Тамъ уже толпилось два или три ямщика и, при свѣтѣ фонаря, дружно работали лопатами, расчищая себѣ выходъ изъ дверей, до крыши заваленныхъ уже снѣгомъ.

Бряканье колокольчика повторилось еще, теперь много яснѣе, чѣмъ намъ послышалось въ землянкѣ. Гремя сбруею, встряхнула и фыркнула усталая лошадь... Окликнули, но на громкій окликъ смотрителя никто не отозвался.

— Окоченѣли, поди, сѣдоки-то!—тряхнулъ головою казакъ.

Лопаты заработали дружнѣе.

Сильный порывъ вѣтра внесъ къ намъ въ сѣни массы мелкаго, пушистаго снѣга и задулъ одинъ изъ фонарей, но, при слабомъ мерцаніи другого, можно было чуть-чуть различить конецъ дуги и заиндевѣвшую морду коренного.

Съ громадными усиліями, завязая по поясъ въ снѣгу, помогая, а больше мѣшая другъ другу, мы добрались таки до саней и начали ихъ изслѣдовать.

— Экъ навалило, не дороешься!—ворчалъ смотритель...— Почтенный, а почтенный! Какъ васъ звать-то?.. Вставайте, что ли... Пріѣхали!.. Ребята, расчищай снѣгъ у головы, бери подъ плечи!..

«Почтенный» ничего не отвѣчалъ и не шевелился, изображая изъ себя неподвижную, окоченѣлую глыбу, длинный, скутанный свертокъ насквозь промерзшей одежды.

— А ямщика-то нѣту!—замѣтилъ кто-то изъ рабочихъ.

— Ищи въ передкѣ!

— Да искали—нѣту... Чортъ его знаетъ, не распознаешь путемъ—чья тройка!

— Подъ доску не сбился-ли?

— Нѣту!

— Ну, такъ, помяни добромъ его душу!.. Сгибъ, значитъ... Онъ, можетъ, дорогу пошелъ нащупывать, ну, и шабашъ!

— Много тутъ дороги нащупаешь... Да убери фонарь, что въ глаза суешь, косоглазый, только мѣшаешь... Ну, поднимай! Бери разомъ... У-ухъ!

— Отвороти лошадь маленько... Да что глядишь, братцы, распрягай, что-ли... Пущай сами по загону дороются... Эки олухи!

— Руки знобитъ... застыли совсѣмъ, Евстратъ Игнатьевичъ...

— Ладно, разговаривай... Подняли, что-ли?

— Тащимъ!

Кое-какъ, общими силами, мы подняли изъ саней пріѣзжаго

и внесли его въ сѣни. Это была просто неуклюжая, снѣжная масса, и уже въ сѣняхъ, въ относительномъ затишьѣ, можно было разсмотрѣть часть мѣхового воротника и ноги въ высокихъ сапогахъ.

Въ сѣняхъ же я замѣтилъ, что самое дѣятельное участіе въ розыскахъ и подниманіи тѣла принималъ нашъ молчаливый собесѣдникъ, хотя и оставшійся сначала, какъ намъ казалось, въ землянкѣ, но успѣвшій пробраться впередъ.

Онъ теперь очень суетился и все упрашивалъ не вносить «пріѣзжаго» сразу въ тепло, а дать ему отлежаться въ сѣняхъ, облегчить отъ лишней одежды и, вообще, принять мѣры, хорошо всѣмъ намъ извѣстныя въ подобныхъ случаяхъ.

— Дышетъ!—первый же замѣтилъ онъ, засунувъ руку подъ шубу и пальто незнакомца, лицо котораго трудно было разсмотрѣть подъ башлыкомъ и слоемъ инея, густо залѣпившаго брови, усы и бороду...

Въ сѣни вышла къ намъ и Елена Ивановна и остановилась на порогѣ, зябко запахиваясь въ свою, на скоро накинутую шубку.

Сунулся и я свидѣтельствовать больного, нашелъ, что сердце еще билось, хотя довольно слабо, значитъ, внести въ тепло не представляло особенной опасности.

Порѣшили вносить.

Тутъ уже всѣ принялись хлопотать... И купцы, и наша дама, всѣ, кромѣ только барона, который осыпалъ насъ совѣтами, хотя самъ лично и не трогался съ своего мѣста.

Пріѣзжаго раздѣли, уложили на полъ, подостлавъ предварительно разной мягкой рухляди, вытерли водкою лицо, руки, грудь, разули и осторожно влили въ ротъ ложечку теплаго рому.

Больной повиновался намъ совершенно безсознательно и, казалось, находился въ полномъ безпамятствѣ... Его прикрыли сверху двумя тулупами. Елена Ивановна предложила оставить его пока въ полномъ покоѣ.

— Самъ отойдетъ черезъ часикъ,—говорила она...—Я знаю, я видала такихъ многихъ на своемъ вѣку... Самъ отойдетъ и заговоритъ, тогда и можно будетъ въ волю отпоить горяченькимъ, а пока не надо.

— Ему бы полынной рюмочку пропустить—она живо дѣйствуетъ!—предложилъ старшій купецъ.

— А нѣтъ того лучше, какъ ежели прямо въ баню, да на полокъ!—предложилъ младшій.

Но такъ какъ бани подъ руками не было, то этотъ дикій совѣтъ не грозилъ больному своимъ осуществленіемъ.

Всѣ въ землянкѣ заговорили тише, въ полголоса, всѣ стали сдержаннѣй, только баронъ замѣтилъ:

— Ну, вотъ и не безъ драматическаго эпизода... прекрасно!

При этомъ баронъ почему-то счелъ нужнымъ засмѣяться, и даже довольно громко, но этотъ смѣхъ остался безъ всякаго отвѣта и сочувствія.

Настало неловкое, даже какое-то особенно тяжелое молчаніе. Всѣхъ словно смущало присутствіе этого лишняго, полумертваго человѣка... Купцы нервно зѣвали и крестили рты, есаулъ усиленно пыхтѣлъ трубочкою, баронъ, должно быть, измышлялъ еще что-нибудь поостроумнѣе, Елена Ивановна второй разъ принялась мыть и перетирать чайные стаканы.

Веселая развязность, съ которою мы бесѣдовали до сихъ поръ, словно испарилась, даже казакъ-смотритель и тотъ видимо, чувствовалъ себя не въ духѣ и, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, перечитывалъ правила о проѣзжающихъ, висѣвшія въ крашенной рамкѣ, за разбитымъ, закоптѣвшимся стекломъ.

— Вотъ говорили недавно, господа, о Божьемъ предопредѣленіи,—послышался дрожащій голосъ молчаливаго собесѣдника... Вогъ и они-съ говорили... И вотъ они тоже-съ...

— Да подойдите поближе сюда... Сядьте здѣсь...—засуетилась Елена Ивановна, на мѣстѣ даже задвигалась.—Баронъ, уберите пока ваши ноги, дайте мѣсто... Вотъ сюда...

— Нѣтъ, зачѣмъ-же... Ахъ, Боже мой, не извольте безпокоиться!—покраснѣлъ «сердешный», очевидно, глубоко тронутый и вмѣстѣ смущенный вниманіемъ.

— Мало васъ что-ли продуло-то, у дверей сидючи... Идите сюда!—скомандовалъ есаулъ.

— Подь, подь, милый человѣкъ, погрѣйся тоже... Вотъ ихъ высокоблагородіе убрали ножки... Занимай лавку!..—заговорили и оба купца...

— Садитесь!—пригласилъ и баронъ, дѣйствительно, убирая свои длинныя ноги.

Но «молчаливый» такъ и остался на своемъ прежнемъ мѣстѣ, робко и пристально поглядывая во всѣ стороны.

И въ его взглядахъ такъ и сквозила мысль: «ну, вотъ, молъ, не утерпѣлъ, съ души сорвалось, съ сердца прямо... Языкъ глупый подхватилъ это, а теперь что же, какъ же теперь... Неужели разсказывать?..»

— Вы, голубчикъ, начали что-то, — заговорила Елена Ивановна.—Все вы молчали, а вотъ теперь начали, ну и разскажите намъ... пожалуйста... а мы слушать будемъ... Я уже слушаю... Ну!..

— Елена Ивановна... я могу... я вамъ могу... извините, господа... я... я... вотъ насчетъ какъ Богъ велитъ, какъ кому указано...

— Выпей рюмочку, накось!—толкнулъ его подъ локоть одинъ изъ купцовъ. Выпей—ничего!

Но «молчаливый» отвелъ руку со стаканомъ и, наконецъ, заговорилъ.

Сначала разсказъ его не особенно вязался, прерывался и путался, но послѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ овладѣвалъ общимъ вниманіемъ, лицо его оживилось, онъ смотрѣлъ прямо въ глаза Еленѣ Ивановнѣ, словно одной ей разсказывалъ свою исторію. Голосъ зазвучалъ сильнѣе, короткія, опредѣленныя мысли и образы—лились плавно, картинно складываясь въ одно цѣлое.

— Было это давно, лѣтъ десять тому... нѣтъ, нѣтъ—больше, гораздо больше!.. Десять лѣтъ это особенныхъ, а передъ этимъ года два, да послѣ вотъ третій идетъ... значитъ... такъ вотъ тогда и было это... Ну... Господа, вы меня извините, пожалуйста—Бога ради... Ну, право-же, это совсѣмъ неинтересно... Я лучше...

Разсказчикъ умоляющими глазами окинулъ собраніе, его смущеніе было полное... Глядя на него, казалось, что ему легче было-бы провалиться сквозь землю въ эту минуту, чѣмъ быть предметомъ общаго вниманія.

— Нѣтъ, братяга, шалишь!—принадвинулся къ нему младшій купецъ...—Завелъ машину, выкладывай! Трогай!..

— Говорите! — произнесла Елена Ивановна, и какъ-то особенно произнесла... Не приказаніе это было не просьба, а что-то другое,—такое, чего нельзя ослушаться, нельзя не исполнить... Она взглядомъ и жестомъ заставила разсказчика подняться съ своего неудобнаго мѣста и занять другое, подлѣ стола, такъ близко отъ нея самой, что рукою достать можно

было бы, и... Баронъ сдѣлалъ кислую гримасу, очевидно, замѣтивъ то, что и всѣ мы видѣли; а видѣли мы, какъ Елена Ивановна наложила свою пухлую, красивую ручку на тощую заскорузлую руку «сердешнаго» и крѣпко сжала ее, повторивъ еще разъ при этомъ свое: «говорите!»

Вздохнулъ человѣкъ легко и отрадно, словно гору съ плечъ скинулъ, только рукавомъ полушубка смахнулъ что-то заискрившееся у него въ глазахъ и уже теперь заговорилъ безъ перерывовъ.

— У меня невѣста была тогда, то есть, нельзя сказать, чтобы совсѣмъ невѣста, какъ вотъ бываютъ объявленныя. Я дѣвушку одну шибко любилъ, такъ любилъ, что и въ сердцѣ у меня ни для кого мѣстечка бы не оказалось, мать родную, а и ту, покойницу, вытѣснила у меня эта дѣвушка и совсѣмъ взяла себѣ мою душу... и она меня тоже... не знаю, впрочемъ!

— Ну, вѣрно любила и очень тоже—я такъ думаю!— вставила Елена Ивановна.

— Любила,—чуть слышно повторилъ за нею разсказчикъ...— Такъ вотъ, отецъ ейный видѣлъ это и молчалъ, а меня принималъ, и какъ хорошо принималъ, называлъ просто по имени, такъ, Яшею... «Яша, говоритъ, сходи туда; Яша, сдѣлай то...» Все одно, какъ за родного сына считалъ... Онъ говорилъ мнѣ разъ: «ты, Яша, погоди немного, оно прочнѣе будетъ. Теперь вотъ тебя въ подпоручики произвели, ты человѣкъ трезвый, непьющій—тебѣ непремѣнно роту дадутъ... Тогда ты человѣкъ съ положеніемъ будешь, а это не уйдетъ».

— Конечно, понималъ я, къ чему тутъ рѣчь идетъ, отчего не подождать, мы не въ разлукѣ вѣдь были: какъ не на службѣ, все время вмѣстѣ, только ночевать бѣгалъ въ свою квартиру, а то все вмѣстѣ... Тутъ и ждать долго не пришлось... Стряслась бѣда у насъ съ командиромъ третьей роты; полѣзъ въ прорубь купаться, въ Крещеніевъ день, выпивши былъ очень, не выдержалъ послѣ, захворалъ и померъ отъ тифа. Глядь, приказъ по баталіону... «принять, молъ, роту подпоручику Чижикову, на законномъ основаніи». Захлопотался я, засуетился, дѣло то вѣдь не шуточное, ежели, чтобы все было въ порядкѣ; однако, въ двѣ недѣли управился... Ну, докладываю у своихъ... готово! Лена рада-радешенька, сама за меня ротные списки и рапорты писала. Отецъ тоже

смѣется да усы сѣдые крутитъ... Я, ужъ что говорить, земли подъ ногами не слышу... Только, зовутъ меня къ генералу...

— Одѣлся по формѣ, прихожу... и—чтобы вы думали?!. «Собирайтесь, говоритъ, сейчасъ въ дорогу, да и не близкую»..., Дѣло въ томъ оказалось, что казначей нашъ заболѣлъ внезапно а ему надо было ѣхать, дѣло было въ Екатеринбургѣ, казенное, большое дѣло, и съ собою деньги везти, да не много—не мало сорокъ двѣ тысячи... «Я,—говоритъ генералъ,—кромѣ васъ никому этого поручить не могу, поѣзжайте съ Богомъ!»

— Я было заикнулся насчетъ своего положенія, а генералъ улыбнулся... Знаю, говоритъ, знаю, какъ вернетесь назадъ, самъ и посаженымъ у васъ буду... А теперь... маршъ!

— Прихожу «къ своимъ»—разсказываю... Старикъ мнѣ въ отвѣтъ: «что-жъ, отъ службы не отказываются, командировка хорошая и почетная, въ формуляръ занесется»... Лена оторопѣла было маленько...

— Вотъ уже нисколько!—чуть слышно прошептали губы Елены Ивановы...

— Собрался я однимъ днемъ, простился, запряталъ въ сумку на грудь деньги и бумаги, сѣлъ въ сани и погналъ, не переводя духу... День за днемъ, ночь за ночью... На шестыя сутки прискакалъ въ Омскъ, тамъ надо было остановку, тоже по казенному дѣлу, на двое сутокъ имѣть... Тоже знаю какъ поступать, инструкцію выучилъ наизусть. Сейчасъ въ казначейство... «Потрудитесь принять на храненіе, до выѣзда! Сдалъ деньги, квитанцію выправилъ, думаю: «отдохну покойно!» За шесть то сутокъ непрерывнаго гону всего разломало!

— Написалъ письмо къ Ленѣ, все подробно въ этомъ письмѣ обозначилъ, выспался, заглянулъ въ общій залъ, пообѣдать тоже захотѣлось по-человѣчески... Вотъ тутъ и началось оно самое...

— Я уже и щи свои отхлебалъ, и бифштексъ съѣлъ, закурилъ папироску, подходитъ ко мнѣ господинъ одинъ, фуражка въ рукахъ форменная, одежда въ порядкѣ и сумочка черезъ плечо.

— А мы,—говоритъ,—съ вами товарищи. Вы вѣдь господинъ Чижиковъ!

— Такъ точно, отвѣчаю, моя фамилія Чижиковъ!.

— Я васъ въ казначействѣ сегодня утромъ видѣлъ; мы

съ вами тамъ по одному дѣлу. Вы вѣдь деньги сдавали на храненіе, до отъѣзда?

— Да, говорю, деньги сдавалъ казенныя...

— Я тоже... Опасно, знаете, держать при себѣ въ трактирѣ такую сумму... Мало ли, что можетъ случиться... Я вотъ теперь въ Екатеринбургъ ѣду, деньги, положимъ, не казенныя везу, а своего довѣрителя, однако, большія, тысячъ за сто будетъ... Тоже сдалъ пока на храненіе!

— Да и я тоже въ Екатеринбургъ! —бухнулъ я сдуру.

— Знаю. И вотъ мнѣ очень пріятно познакомиться... Здѣсь мѣста пойдутъ весьма небезопасныя, народъ все подлецъ на подлецѣ... Такъ не поѣдемъ-ли вмѣстѣ... Ахъ,—говоритъ,—виноватъ, позвольте познакомиться: Гуровскій, Станиславъ Ивановичъ...

— Познакомились мы... Думаю я эдакъ: оно хоть, положимъ, неудобно съ попутчикомъ при казенной суммѣ, однако, все же вдвоемъ смѣлѣе какъ-то... Вишь, онъ говоритъ «мѣста опасныя», народъ воръ. Онъ тоже деньги везетъ большія... Однимъ словомъ, попуталъ меня лукавый!

— А тотъ, Гуровскій-то этотъ, сейчасъ распоряженіе сдѣлалъ... Подали бутылку шампанскаго, затѣмъ другую... Меня, впрочемъ, не неволилъ пить, чокнулись только бокалами; я одинъ всего и выпилъ, а то все Гуровскій одолѣлъ... Взялъ онъ съ меня слово, чтобы выѣхать вмѣстѣ... Въ свое время и выѣхали...

— И что за душа человѣкъ оказался этотъ мой попутчикъ, такой открытый, такой честный, всю мнѣ душу свою на первыхъ двухстахъ верстахъ выложилъ... разсказывалъ, какъ онъ влюбленъ, какъ невѣста его любитъ, меня на откровенность вытянулъ... Тьфу!.. Только имя дорогое опоганилъ... А ѣхали мы по моей подорожной, потому моя казенная изъ курьерскихъ, а у того, говоритъ, частная...

— На вторыя сутки къ ночи, верстъ мы уже безъ малаго четыреста пятьдесятъ отъ Омска отъѣхали, остановились мы ночевать. Зналъ я, что этого не допускается тоже по положенію, да уговорилъ, собака... Притворился, что его разбило очень, упросилъ хоть часика три простоять... А станція попалась первѣйшая, шпалерами оклеена и съ особою горницею... Эту-то горницу мы и заняли... Осмотрѣлъ онъ замки у две-

рей, окна освидѣтельтвовалъ, сумку подъ голову свою положилъ и револьверъ около. Самоваръ намъ подали... А уже больше, вотъ хоть убей, ничего не помню!

— Проснулся я, головы поднять не могу, во всемъ тѣлѣ, ну, ни капли силы не осталось, руки, ноги, какъ плети, лежатъ на постели... и уже комната не та, а смотрителева, и смотритель самъ, спиною ко мнѣ, сидитъ за столомъ и въ книгу пишетъ... Окликнулъ—не сразу и голосъ мой заслышали, однако, обернулся смотритель и говоритъ: «ну, слава Богу!.. А я уже и увѣдомленіе послалъ въ городъ, думалъ, помрете здѣсь, на станціи»...

— Хватился я за грудь... сумку ищу... Раздѣтъ я до гола, въ одной рубашкѣ лежу подъ одѣяломъ. Ударило меня въ голову, и опять забытье настало... Послѣ мнѣ уже разсказывали, что безъ малаго двѣ недѣли я въ память не приходилъ, метался, бредилъ... Фельдшеръ какой-то пріѣзжалъ, поглядѣлъ и уѣхалъ, пузырекъ только лекарства оставилъ... Какъ все объяснилось—смотритель мнѣ говоритъ:—«Вы, ваше благородіе, меня въ такіе дѣла не путайте, а что Гуровскаго я никакого не знаю, попутчикъ же вашъ, это точно, еще разсвѣтать путемъ не начинало, выѣхалъ, по своей собственной подорожной, васъ будить не приказалъ... Да у меня, говоритъ, и въ книгѣ его подорожная записана; вотъ, извольте читать: мѣщанинъ красноярскій Ефимъ Мохровъ по частной надобности»... Сообразилъ я, въ чемъ дѣло, да сообразивши, представивши все, опять чуть и памяти, и разсудка не рѣшился. Первымъ дѣломъ въ церковь пошелъ, потомъ письмо написалъ къ Ленѣ—все ей-же, кому же больше. Что же, думаю, тутъ оставаться, надо либо въ Омскъ, либо въ Екатеринбургъ, до Омска-то все-таки ближе, рѣшилъ туда и ѣхать, заявить по начальству. Далъ мнѣ смотритель такую записку, чтобы изъ станціи на станцію на обратныхъ препровождали, потому денегъ у меня не осталось ни копѣйки. Все обокралъ, прок...

Чижиковъ оборвалъ на половинѣ бранное слово, пристально посмотрѣлъ туда, гдѣ лежалъ пріѣзжій больной, и продолжалъ разсказъ.

— Дотащился до Омска, явился... тѣнь тѣнью, на человѣка даже не похожъ сталъ, не то что на порядочнаго офицера. Посадили меня подъ караулъ, начали слѣдствіе... Только и утѣ-

шенья мнѣ было, что писать къ Ленѣ, а отъ нея нѣтъ ни слова въ отвѣтъ.. Послѣ уже отъ отца получилъ коротенькое письмо. Пишетъ, что, молъ, если оправдаюсь, обѣлюсь, тогда еще посмотритъ, какъ и что, а чтобы теперь я не докучалъ дочери письмами, и безъ того ей горе неподсильное...

— Безъ малаго два года шли розыски, да слѣдствіе... Свидѣтелей все разыскивали, нашлись такіе, что показали, какъ я въ гостиницѣ шампанское пилъ, кутилъ, говорятъ, шибко... Да куда же я могъ деньги-то, сорокъ тысячъ дѣть... Вѣдь деньги, хоть-бы и прокученныя, слѣдъ широкій оставляютъ, видный слѣдъ. И приговорили меня, за небрежное храненіе и умышленную растрату якобы казенной суммы, по лишеніи всѣхъ правъ и личныхъ, и по преимуществу, въ острогъ на четыре съ половиною года, да на пять съ половиною на поселеніе, безвыѣздно и подъ присмотромъ... Убили человѣка... Душу убили, не тѣло... Тѣлу что! Тѣло-то вотъ выдержало, до сихъ поръ держится... И осталась у меня одна отрада, одно утѣшеніе—это, что приведетъ же Богъ встрѣтиться когда-нибудь съ злодѣемъ своимъ, съ воромъ окаяннымъ... Этою мыслью и жилъ я только, объ этомъ одномъ и денно, и нощно молилъ Всевевышняго...

— Все, что было для меня дорогого, все прошлое, все острогомъ и каторгою отгорожено, заслонено на глухо...

— А объ Ленѣ вашей вы тоже забыли?—нервнымъ, взволнованнымъ голосомъ спросила Чижикова Елена Ивановна.

— Съ опоганенными устами къ причастной чашѣ не прикасаются!—понурилъ голову разсказчикъ.

— А того подлеца такъ и не разыскали?—спросилъ сѣдоусый эсаулъ.

— Нашелъ!—тихо-тихо, чуть слышно проговорилъ Чижиковъ... и опять покосился въ ту сторону, гдѣ больной лежалъ.

Всѣ мы невольно взглянули туда же, и видимъ, какъ тотъ приподнялся на локоть и смотритъ на насъ страшными глазами, безцвѣтными, безжизненными, словно у трупа... Лицо его исказилось, нижняя губа отвисла... Онъ силился подняться на ноги, но не могъ... Онъ страшно страдалъ. Это видно было, но никто изъ насъ не въ силахъ былъ броситься къ нему на помощь... Противно, гадко какъ-то стало, словно пе-

редъ нами не человѣкъ страдалъ, а корчилось въ предсмертной агоніи отвратительное, ядовитое животное...

— Нашелъ!—повторилъ снова Чижиковъ...—Самъ Богъ привелъ Своею святою волею!.. Богъ привелъ, Богъ и накажетъ тебя, или проститъ... какъ... какъ... ну—хоть какъ я тебя прощаю...

Мучительно, болѣзненно застоналъ больной, рванулся еще разъ и вытянулся... А тутъ, слышимъ мы, и съ Еленою Ивановною что-то странное приключилось... Рыдаетъ она, какъ ребенокъ малый, обняла шею Чижикова, припала къ нему на плечо головою, только и можно разобрать что: «Яша, да Яша мой бѣдный, мой дорогой»...

— Вотъ такъ оказія!—сталъ тутъ на отмашь креститься старшій купецъ...—Это точно Божье предопредѣленіе... Перстъ—онъ самый Господень!

Баронъ тоже спохватился, засуетился по своему—говоритъ, что арестовать надо немедленно сего заподозрѣннаго, что онъ это можетъ губернаторскою властью, что онъ доложитъ и прочее...

Только хлопоты его ни къ чему не повели, потому что къ утру арестовать было не кого, не кого и судить судомъ человѣческимъ...

Вынесли въ сѣни мертвое тѣло, прикрыли лицо шинелью, а тутъ и разъясниваться стало, даже солнышко выглянуло, и вся степь озарилось, бѣлая, безконечная, вся сверкающая чудными брилліантами.

Всѣмъ намъ было въ одну сторону, всѣ мы разомъ и выѣхали, да сейчасъ же остановились, на слѣдующей станціи—потому, какъ купцы говорили: «тамъ оно не сподручно было, въ виду... упокой, Господи, его душу многогрѣховную, а здѣсь расчудесно—поздравить жениха съ невѣстою!..»

Елена Ивановна охотно приняла это предложеніе, есаулъ троекратно провозгласилъ: ура! Купцы просто заходили около своихъ погребцовъ... Даже баронъ не погнушался и выпилъ, чтобы ни того, ни другого не обидѣть, и полыновой, и рябиновой.

НАУРУСЪ И ДЖЮРА, БРАТЬЯ „КУДУКЧИ“ *).

— У переката галдятъ!---сказалъ Джюра Наурусу.

А Наурусъ и самъ слышитъ, что галдятъ; лучше Джюры слышитъ. Братъ-то его сидитъ на корточкахъ, по вѣтру ухо настораживаетъ. Вѣтеръ завываетъ въ степи, гонитъ шквалами мелкій песокъ, такъ и стачиваетъ голыя вершины бархановъ; забрался вѣтеръ въ саксаульникъ смолистый, трескъ пошелъ отъ лома въ степныхъ зарослякъ; выпесся вѣтеръ сюда, на просторъ, винтомъ вскинулъ высоко золу потухшихъ костровъ, захватилъ своимъ крыломъ и братскій огонишко, затрещали красныя искорки, впившись въ отрепья Наурусова халата... Гулко въ степи подъ вечеръ; холодно, не спокойно... А въ этихъ природныхъ звукахъ, въ этомъ гулѣ степей, въ короткій мигъ затишья, нѣтъ-нѣтъ да и прорвутся иные звуки, не то крикъ—голосъ человѣческій, не то посвистъ погонный, не то озлобленный ударъ сухой саксаулины по тощимъ бокамъ верблюжьимъ...

Наурусъ лучше своего брата слышитъ, въ чемъ дѣло. Онъ, уже часъ скоро, какъ въ растяжку лежитъ на пескѣ, ухомъ къ землѣ прижавшись. Ему мало вѣтеръ мѣшаетъ, прямо въ чуткое ухо его посторонніе звуки отдаются...

Понимаетъ Наурусъ, что это ѣдутъ, тянутся трудною степною дорогою тяжелыя арбы русскія, четырехколесныя, съ хитрымъ ходомъ, желѣзомъ окованнымъ, съ кожаными откидными крышками; такія арбы вмѣстительныя, что цѣлый домъ

*) Колодезные мастера, землекопы, отъ слова „кудукъ“ — колодезь.

въ нихъ запрятанъ, со всѣмъ скарбомъ, со всѣми путевыми запасами. Тянутъ эти арбы по пескамъ сыпучимъ пятерики верблюжьи, тянутъ еле-еле, надрываются, тянутъ во всю свою мочь—да и больше того: отъ тяги непосильной, непривычной съ натуги околѣваютъ...

Много скотины этой горбатой по сторонамъ караваннаго шуруханъ-казалинскаго тракта валяется, много бѣлыхъ, оголоданныхъ волками костей изъ-подъ песка топорщится. Въ зимнюю пору, когда снѣжные бураны разгуляются, и «вѣшить» дорогу не надо,—трудно потерять ее путнику, коли чуть не сплошною полосою по этой дорогѣ падаль на снѣгу чернѣетъ... Проложили этотъ путь-прямикъ черезъ кызылкумскую пустыню мертвую, костями верблюжьими его устлали эти самыя дековинныя арбы русскія.

Чу! Вонъ усталый конь заржалъ за барханами, верблюдъ рявкнулъ и застоналъ болѣзненно, другой ему вздохомъ жалобнымъ вторитъ. Щелкотня по бокамъ зачастила, усилилась, словно не по живому тѣлу бьютъ, а пыль изъ кошмы выколачиваютъ... Должно быть, глубоко, выше ступицы, колеса арбяныя въ песокъ врѣзались. Ни съ мѣста! Ни впередъ, ни въ бокъ ходу нѣтъ, да и назадъ не попятишься...

— Это, что въ прошлую ночь пескомъ путь пересыпало,— шепчетъ Джюра Наурусу,—это «они» тутъ вотъ и засѣли... Барханъ-то во-какой навертѣло!.. Гдѣ перебраться!

— «Тюра урусъ *) въ арбѣ спитъ, не слышитъ, голосу не подаетъ... я знаю! — говоритъ Наурусъ своему брату. — «Тюячи» **) одни съ верблюдами возятся, ну, вотъ и стали. Тюра-урусъ проснется, вылѣзетъ... ну... ну, тогда, какой хочешь, барханъ наворачивай—не остановишь!

— Это вѣрно!.. Урусы слова такіе знаютъ...—замѣтилъ Джюра.

— Слова...—призадумался Наурусъ. — Да... Отъ такого ихняго слова у Мамуна... Помнишь, Мамуна-тюячи, что прошлымъ годомъ «чабаромъ» здѣсь проѣзжалъ, еще ножикъ укралъ у русскаго?.. Ну, такъ вотъ у этого Мамуна восемь недѣль шея болѣла; такъ и смотрѣлъ все внизъ, себѣ подъ ноги...

---

*) Русскій господинъ.
**) Проводники.

— Это не отъ слова...—это...

— Ну-кось! Отойдемъ подальше...—Ну, ихъ! Вѣдь вотъ проснулся, вѣрно, урусъ, переѣхали!..

— Двѣ арбы ѣдутъ,—двѣ! Караванъ, гляди, съ ними, вонъ... одинъ, другой, третій, четвертый... Ого-го! Тюра-то ѣдутъ важные!.. Ты чего?

— Сполземъ вонъ туда, пониже...

— Ничего, сиди смирно,—не тронутъ! Чего боишься?

— Чего боюсь! Ничего, вотъ, не боюсь я... Вотъ нисколько!—ворчитъ Наурусъ...

А самъ уже не валяется въ растяжку, сѣлъ на песокъ чинно, будто не въ степи сидитъ, а въ мечети, дѣлаетъ видъ, будто и не хочетъ глядѣть въ ту сторону, а только такъ, нехотя, нечаянно глаза свои коситъ, бѣлками ворочаетъ.

Темно стало въ пустынѣ. Черными, волнистыми грядами вырѣзаются барханы на ночномъ небѣ, да и то впереди которые, совсѣмъ близко ежели; а за ними что, все сплошь въ густомъ мракѣ сливается, ни зги не видно... Что ни сѣдловина между наносами, что ни трещина вѣтромъ оголенной изъ подъ сыпучаго песка твердой породы,—все за дорогу кажется... Легко въ такую темную, погодную ночь въ степи съ дороги сбиться, легко въ такую трущобу забрести, что и въ жизнь не выберешься. Верблюдъ подъ вьюкомъ, караванный, тотъ ничего, найдетъ послѣ дорогу, развѣ отъ колодцевъ отобьется, да безъ питья сдохнетъ, не выдержитъ, а съ арбами русскими бѣда! Никто изъ русскихъ въ такую ночь и не тронется въ путь съ арбами, развѣ кого подъ конецъ уже перегона захватитъ запоздалаго.

Эти арбы, что издалека еще братьями были заслышаны, эти тоже немного успѣли съ дороги сбиться; не совсѣмъ ладно къ колодцамъ «Баймуратъ» выѣхали; еще бы правѣе забрали немного, такъ и совсѣмъ бы мимо колодцевъ промахнули, благо во время джигитъ съ ними былъ шустрый, тотъ огонекъ завидѣлъ. Маленькій огонекъ братскаго костришки чуть-чуть теплился, чуть-чуть маячило во тьмѣ красное заревцо.

Покачиваясь, поскрипывая, побрякивая гайками, медленно двигались, словно не на колесахъ катились, а на животахъ

ползли по пескамъ, два большихъ тарантаса, казанской превосходной работы. Спускались эти тарантасы въ котловину, гдѣ на твердомъ, утрамбованномъ верблюжьими ногами, усыпанномъ сухимъ пометомъ и остатками костровъ днищѣ зіяли три черныя дыры колодезныхъ отверстій. Тюячи въ поводу вели верблюдовъ, изо всей мочи ихъ за рваныя, окровавленныя ноздри волокли. Тюра урусы,—кто пѣшкомъ идетъ около, а кому лѣнь вылѣзать, тѣ изъ тарантасовъ выглядываютъ. Что-то много ихъ виднѣется! За тарантасами, сторонкой, пробирается караванъ небольшой, вьючный, шесть верблюдовъ. Вьюки все разные, не то что подъ одинъ ладъ—купеческіе, товарные. На одномъ, вонъ, чемоданы въ холщевыхъ чехлахъ, петербургской работы, а поверхъ ихъ клѣтки съ живыми курами, на другомъ ягтаны бухарскіе переметные, тамъ торчитъ длинный футляръ съ желѣзною, складною кроватью, тамъ узлище паворочанъ съ гору, въ ватномъ одѣялѣ, стеганномъ. И нѣтъ въ этихъ вьюкахъ грузу большого, на ишака малаго такъ въ пору, а хлопотъ за ними больше, чѣмъ за двадцатипудовымъ вьюкомъ купеческимъ; не уладишь никакъ: ни съ того, такъ съ другого бока валится...

Что ни шагъ, то: «стой!.. перевьючивай!» Вотъ и сейчасъ (немножко, саженей десять не дотянулись до колодцевъ вплотную), высокій, старый «наръ» *) заревѣлъ благимъ матомъ, брыкаться началъ своими длинными, мускулистыми ногами, подъ самое брюхо сползъ ему ящикъ какой-то, а въ ящикѣ, словно горохъ въ пузырѣ, гремитъ что-то, пересыпается, еще пуще пугаетъ пара горбатаго.

— Эй, черти!.. Дьяволы!.. Ахъ, подлецы, подлецы!.. Аманъ-бай, ступай туда... живо!.. — кричитъ одинъ русскій тюра, привставъ на экипажной подножкѣ.

— Эхъ! Какъ-бы они тамъ мой «амонитъ» не изуродовали!—слышится другой голосъ изнутри тарантаса.

— Что, никакъ пріѣхали? — зѣваетъ кто-то сладко, только проснулся сейчасъ.

— Чаю, чаю, Аманъ-бай!..Живо! Эй! Тимофей, наливай чайники, ставь котелки!..

— А что, варить будемъ?

---

*) Наръ—одногорбый верблюдъ бухарской породы.

— Ну, его съ варкою! А который часъ, господа?

Къ братьямъ кудукчамъ подъѣхалъ джигитъ конный въ зеленомъ халатѣ алачевомъ, въ высокой бараньей шапкѣ черной. Конишко его, заморенный, сапатый, чуть ноги переставляетъ.

— Что за люди?

— А это мы...—началъ было Джюра.—Мы люди казенные... мы вотъ... видишь-ли...

— Эй, живо, тащи уттунъ! *) Иди, собирай, тащи сюда!—кричитъ, словно въ своемъ собственномъ дворѣ, а не въ вольной степи хозяйничаетъ, джигитъ.

— Су-якши-ма? **)

— Су джаманъ. Тузъ баръ ***)!—проговорилъ Наурусъ и сплюнулъ сквозь зубы.—Вонъ дрова! Сколько хочешь, бери. Мы и еще принесемъ. Отчего не принести—принесемъ!.. Ну, Джюра, побредемъ за дровами!..

Побрели братья кудукчи. Шаговъ десять отошли, можетъ, и больше немного, а уже совсѣмъ пропали въ темнотѣ. Ухмыльнулись себѣ каждый подъ носъ и опять сѣли на корточки смотрѣть, что станутъ дѣлать русскіе, какъ съ почлегомъ да водопоемъ управляться будутъ...

— Такъ вотъ и станемъ тебѣ дрова таскать, ладно!—ворчитъ Джюра.—У самихъ васъ руки есть. А мы что! Мы люди сами по себѣ, казенные... дрова таскать... ишь-ты!

— Оно-бы отчего не набрать,—раскидываетъ умомъ Наурусъ,—урусы, можетъ, «силлау» ****) дадутъ... А можетъ, по шеѣ достанется за услугу?—тотчасъ же беретъ его тревожное сомнѣніе.

А джигитъ Аманъ-бай тѣмъ временемъ не зѣвастъ, съ коня своего тощаго слѣзъ, бросилъ такъ, безъ привязи, уйти некуда. Лихо, скоро управляется своимъ дѣломъ и руками загребастъ, и ногами подкидываетъ. Поверхъ братскаго огонька большой ворохъ сухого саксаульника навалилъ. Затрещало, закоробило сухой колючій хворостъ, высоко взвились кверху красные языки пламени, далеко кругомъ степь освѣтили.

---

*) Дрова.
**) Вода хороша.
***) Вода дурная, соленая.
****) На водку.

Паурусъ и Джюра еще саженей на пятокъ отползли, за кусты засѣли.

— Ну, ихъ, право! Отъ грѣха подальше!

Эхъ, какъ свѣтло отъ костра. Глядѣть любо, весело! Каждая былинка видна на землѣ. Вонъ подковки кусокъ, а, можетъ, и стекло отъ битой бутылки торчитъ изъ подъ воза, словно камень драгоцѣнный сверкаетъ, вонъ мышенокъ между корнями колючаго кустика пробирается. Паукъ большой, косматый, шарикомъ прокатился и сгинулъ... все видно! Разостлали джигитъ Аманъ-бай съ Тимофеемъ, русскимъ слугою, кошму большую, сѣрую, поверхъ кошмы одѣяло байковое. «Тюра-урусъ» притащилъ корзинку изъ тарантаса, другой «тюра» узелокъ и свертокъ въ бумагѣ; развернули какъ, такъ у братьевъ кудукчей глаза разбѣжались, и языки мокнуть стали... Посами потянули Джюра и Паурусъ, въ животахъ ихъ отощалыхъ закололо... Чего-чего русскіе изъ этихъ свертковъ да изъ корзинки на кошму не выложили!

Вытащили большую ногу баранью, жареную, холодную, сухарей насыпали, все бѣлыхъ, пшеничныхъ, сахару колотого пѣлый мѣшокъ, жестяныхъ коробокъ разныхъ, и круглыхъ, и четвероугольныхъ; такъ и сочится масло сквозь прорѣзанныя спайки крышекъ. Весело на этихъ блестящихъ коробкахъ играетъ, искрится костровое пламя.

Вонъ еще два тюра подошли: эти принесли яицъ вареныхъ, тоже въ запасѣ были. Достали они, все изъ тарантаса же, веревку длинную, тонкую, и по этой веревкѣ черезъ каждую сажень красные лоскуточки были навязаны, на самомъ концѣ камень припутанъ. Пошли «тюра» въ колодезныя дыры заглядывать. Одинъ сядетъ на самый край и веревку туда спуститъ, сколько влѣзетъ, другой считаетъ узлы, да въ книжку записываетъ... Промѣряютъ, сейчасъ въ пескѣ, въ глинѣ, изнутри вывороченной, что тутъ же грудою лежитъ, копаться начинаютъ и этого добра тоже наберутъ понемногу, да все въ карманы.

— И на что это имъ всѣмъ только надобно?—недоумѣваетъ Паурусъ.

— Гляди, гляди, вонъ туда...—шепчетъ, задыхается даже отъ волненія Джюра. — Гляди, какъ тотъ, вонъ съ бородою

черною, какъ онъ это самое мясо въ ротъ запихиваетъ! Эхъ-ты... ой-вой!..

Заерзалъ голодный Джюра на мѣстѣ отъ жгучаго чувства зависти, словно собака подхватилъ слюну на лету языкомъ...

— Сейчасъ они аракъ пили,—шепчетъ онъ, словно самъ про себя,—вонъ изъ этой бутылки пили... наливали до самыхъ краевъ, полныя чашки наливали и пили. Черный—тотъ бѣлый аракъ пилъ, а вонъ, что рыжая бородка торчитъ,—этотъ красный. Изъ коробки рыбку вытащили маленькую, жирную!.. Тоже съѣли... э... эхъ!..

— Э...эхъ!—одною рукою за брюхо, другую за ротъ схватился Наурусъ, такъ неожиданно, да громко ему икнулось...

Киргизы-тюячи, что пришли съ русскими, тѣ тоже управляются съ своимъ дѣломъ: верблюдовъ развьючили, изъ тарантасовъ вынутали, огонь себѣ разложили особый и котелъ поставили. «Тоже никакъ жрать собираются»... Вьюки поставили полукругомъ отъ вѣтра, чтобъ жаръ отъ огня не относило,—тепло имъ спать будетъ!

Былъ съ ними одинъ маленькій такой, старый, придурковатый—Рахманомъ его звали,—этого угнали въ степь съ верблюдами, на пастьбу. Побрелъ за Рахманомъ-дуракомъ его мальчишка лѣтъ четырнадцати, толстомордый такой, краснощекій, и не по-киргизски совсѣмъ одѣтъ, а въ чалмѣ синей, бумажной, какъ купеческіе сыновья въ городѣ носятъ. И чего его чудака въ степь понесло, въ холодъ, да въ вѣтеръ, когда здѣсь и тепло, и свѣтло, и котелъ, вонъ, закипать начинаетъ?..

— А ну-ко,—думаетъ про себя Наурусъ,—я потихоньку насбираю сухолому саксаульнаго, много его тутъ-то валяется, да къ огню русскимъ принесу. Принесу да и сяду. Посижу мало-мало... «Аманъ»—скажу, все, какъ слѣдуетъ, и хорошаго конца пути пожелаю... Не сразу же вѣдь бить начнутъ! Что же... ну, если и ткнутъ разокъ—въ скулы... что за бѣда! Я вотъ что... я дровъ наберу, много наберу и спрошу «урусовъ» о добромъ здоровьѣ... скажу, что молю Аллаха и день, и ночь... Тамъ все скажу, что самому «уѣздкому» въ прошломъ году даукаринскій мулла говорилъ... бить за что же?.. Бить не слѣдуетъ... Закона нѣтъ такого, чтобъ за это бить... Вишь, вѣдь!.. Чуть только срѣзали мясо съ кости и кинули!.. А тамъ еще много—ухъ, какъ много можно найти хорошаго!.. Пѣтъ, иду за дровами!..

Поднялся Наурусъ, глядитъ на товарища, а тотъ уже полный подолъ своего рваного халатишка набралъ саксаульнику, на плечо пудовую каргу вскинулъ и межъ кустовъ къ русскому огню пробирается.

— Ишь, ты, какой, собака, прыткій!

Братья Наурусъ и Джюра были не то, что совсѣмъ уже старики, да и не то, чтобы молодыми могли назваться. Ни тотъ, ни другой сами не могли бы даже приблизительно опредѣлить свой возрастъ. Всю жизнь они таскались по степи, отъ колодца къ колодцу; рѣдко когда къ жилымъ мѣстамъ, на окраины кызылъ-кумскихъ песковъ выходить доводилось. Когда еще ребятами были, тогда тоже дѣлали, только не одни, а при другихъ двухъ,—старыхъ. Кто эти старые имъ доводились, тоже Аллахъ вѣдаетъ. Наурусъ и Джюра не помнили. Одинъ старый, давно уже это было, замерзъ зимою во время бурана, занесло его снѣгомъ, такъ сгинулъ; нашли уже весною въ верстѣ отъ колодцевъ «Таджи-казгана» и то случайно набрели. Другой старый тоже давно померъ отъ болѣзни какой-то. Крючило его, крючило, трясло, трясло; солнце палитъ жарко, а ему все холодно казалось, все въ горячій песокъ зарывался, такъ и померъ въ пескѣ, и наслѣдство Джюрѣ съ Наурусомъ оставилъ: два ведра кожанныхъ съ распорками, двѣ веревки,—одну старую, гнилую совсѣмъ, а другую хорошую, новую, крѣпкую такую, ножикъ оставилъ еще съ поясомъ вмѣстѣ, кетмень чугунный, кошму сѣрую, чашку большую деревянную, съ одного бока надколотую, и котелокъ желѣзный; да еще къ тому же ишака чернаго подпалинами, плоховатаго ишачишку, хромого на заднюю ногу, а ничего,—могла еще возить скотинка...

Разбогатѣли братья, завладѣвъ такимъ наслѣдствомъ, да по наслѣдству же при дѣлѣ томъ же остались.

Когда имъ, до прихода сюда русскихъ, доводилось бывать въ шураханахъ или въ Чимбаѣ городѣ, тамъ имъ на казенный дворъ къ беку былъ доступъ. Придутъ—имъ ѣсть дадутъ, иной разъ халатъ старый подарятъ... Называли ихъ тамъ «уста»—мастерами колодезными «кудукчи». Такъ они и сами о себѣ думали. Впрочемъ, за колодцами они мало-мало

приглядывали, изрѣдка въ нутро лазили; разъ даже въ «кукчахъ» волчицу дохлую изъ колодца вытащили... И какъ только она туда попала? Былъ разъ случай, что даже новый колодезь рыть принимались, чуть было даже до воды не дорылись, уже сочиться стало по бокамъ сквозь зеленую глину, да обвалилась тогда ихъ работа, и едва-едва не погибъ Джюра на днѣ этой имъ же вырытой для себя могилы. Выкарабкался онъ таки на свѣтъ Божій, только съ тѣхъ поръ у него плечо одно стало сохнуть, и рука въ локтѣ разгибаться не ладно начала.

По привычкѣ въ бековскій дворъ въ Чимбаѣ навѣдываться изрѣдка, они разъ какъ-то туда и направились. Приходятъ... что за диковинка? Мѣсто тоже, только люди другіе. Стоятъ у воротъ сарбазы (солдаты) съ ружьями, въ бѣлыхъ шапкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, такіе, какъ въ Казалинскѣ прежде были, только русскіе, значитъ, и начальство все русское... Урусъ тюра какой-то, голосъ словно въ трубу трубитъ, куда страшнѣй прошлаго бека. Тотъ больше все дремалъ подъ навѣсомъ и разговаривалъ все какъ то, словно во снѣ бредилъ; изъ себя сановитый былъ, толстый, а этотъ куда прытче! Этотъ, новый, все самъ обѣгаетъ, все самъ оглядитъ, самъ и кулакомъ кого пожалуетъ, и выругается самъ же. Этотъ не лѣнивый! А вѣдь ничего, сначала только страшный, а потомъ, какъ оглядѣлись братья,—такъ добрымъ даже показался... Накормить велѣлъ, разспросилъ обо всемъ, что и какъ, и назадъ въ стень прогналъ; сказалъ имъ, чтобы они—того: дѣло свое дѣлали строго и поглядывали, а ежели что, такъ у него это живо... не то что по старому... разъ, два, и готово!..

Долго послѣ этого соображали братья таинственный смыслъ и значеніе этой инструкціи, всю дорогу отъ Чамбая до Доиъ-Казгана раздумывали и порѣшили на томъ, чтобы на всякій случай изъ стени носъ свой на жилыя мѣста высовывать какъ можно порѣже.

Привыкли они къ этой собачьей, бродячей жизни въ пустынѣ, да, пожалуй, съ дѣтства не только образъ свой человѣческій и языкъ бы утратили, когда бы не изрѣдка проходящіе пустынями караваны купеческіе да проѣздъ случайный.

Этими караванами больше и кормились братья кудукчи. Кто къ котлу своему подпуститъ, то и ладно.

Братья-ли они были на самомъ дѣлѣ, того не знали, другіе ихъ такъ называли, ну, и ладно! Только сходства родственнаго между ними и тѣни не было. Матери своей тоже не знали, да и вообще о женщинахъ представленіе имѣли самое смутное. Не по достатку имъ была эта роскошь.

Сжились они съ пустыней, свыклись со всѣми ея невзгодами, знали ее вдоль и поперегъ, знали каждый кусточекъ, каждый барханъ, каждую балочку. Куда хочешь, приведи ихъ съ завязанными глазами, оглядятся только и найдутъ дорогу. Знали они всякую живую тварь, что въ степи водилась, знали, какой вѣтеръ когда и откуда дуетъ, знали всѣ погодные и не погодные признаки Знали и то, что не всякому знать приходится. Они знали всѣхъ духовъ, и злыхъ, и добрыхъ, что степь сторожатъ; знали, чѣмъ прогнѣвить можно котораго, чѣмъ умилостивить. Они ихъ всѣхъ по голосамъ въ завываніяхъ вѣтра узнавали, въ свистѣ смерчей песчаныхъ, въ шелестѣ кустовъ, въ подземномъ гулѣ, глухомъ, что иногда изъ колодцевъ слышится. Они знали вѣдь и тѣхъ духовъ, что подъ землею, какой въ какомъ колодцѣ живетъ. Они умилостивляли однихъ тѣмъ, что клочки своей одежды собственной развѣшивали на видномъ мѣстѣ, на высокихъ саксаулинахъ, другихъ тѣмъ, что, прежде чѣмъ начать свою работу, окликали колодезную дыру, благословенія оттуда спрашивали и кусочки сухого помета отъ бѣлой верблюдицы туда бросали. Этотъ матерьялъ всегда былъ или у того, или у другого за пазухою припасенъ. Какъ завидятъ гдѣ въ караванѣ бѣлую верблюдицу, такъ и идутъ за нею, пока не запасутся, чѣмъ надо.

Разъ только они маху дали, наткнулись нежданно на совсѣмъ незнакомаго духа, этотъ ихъ цѣлую ночь гонялъ съ бархана на барханъ, врозь разогналъ, и очнулись они только на другой день, утромъ, не сразу даже нашли другъ друга, а въ головахъ у нихъ весь день точно мыши въ норѣ скреблись. Это было тогда, когда они законъ нарушили, соблазнились аракомъ у русскаго купца на томъ-же «Таджи-козганѣ». Пилъ купецъ, и они тутъ подошли. Далъ имъ по чашкѣ купецъ, они и выпили. Ожгло ихъ сразу, словно огнемъ, и не прошло

часу даже, какъ натолкнулись они на этого злого, незнакомаго духа, чуть было не заблудившаго обоихъ братьевъ, и Джюру, и Науруса. . . . . .

. . . . . .

Поѣли русскіе вдоволь, чаю напились по горло, братьевъ, что дровъ имъ припасли, не били, даже накормили, какъ слѣдуетъ, и чаемъ напоили. Одинъ въ чудной шапкѣ такой, все черезъ Аманъ-бая, джигита-переводчика, про колодцы разспрашивалъ и каждое слово записывалъ. Этотъ даже монетку далъ серебряную и папироски окурокъ.

Спать легли.

Спали крѣпко киргизы-тюячи, плотно прижавшись другъ къ другу, спалъ и Аманъ-бай джигитъ съ Тимофеемъ слугою, подъ общей кошмою, спали и тюра русскіе, по двое въ тарантасахъ, плотно кругомъ застегнувъ кожанные фартуки, спалъ и Рахманъ горбунъ придурковатый, бросивъ въ степи ввѣренныхъ его наблюденію верблюдовъ, спали и Наурусъ съ Джюрою, и въ ихъ животахъ тепло такъ, сладко русскій чай съ сахаромъ переливался...

Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, чуть только бѣловатая полосочка протянулась на востокѣ—всѣ еще спали на бивуакѣ, а братьевъ и слѣдъ простылъ. Скрали они коробку початую жестяную съ рыбками въ маслѣ, скрали еще передокъ бараній сырой, что въ запасѣ былъ за арбою худо привязанъ, да и ходу подальше. Стоялъ еще очень удобно большой чайникъ мѣдный, ложку забылъ слуга Тимофей на котлѣ, дорогую ложку, серебряную. Поглядывали было косо братья на эти предметы, да нѣтъ,—очень ужь страшно!.. Такъ страшно, что вотъ и съ бараниною они четвертую версту по глубокому песку рысью дуютъ, а чтобы было, если-бы у нихъ за плечами чайникъ мѣдный ворованный побрякивалъ?

Поднялись урусы на ноги, собираться стали пропажи своей нустяшной даже не замѣтили, только другая бѣда съ ними случилась:

Пошелъ Рахманъ придурковатый утромъ верблюдовъ собирать въ степи; пошелъ съ нимъ и мальчишка въ синей чалмѣ; верблюдовъ собрали и къ колодцамъ пригнали, да не всѣхъ: одной верблюдицы молодой не досчитались. Пошли опять искать. Искали, искали, нѣту, да и только. Просто сквозь землю провалились! Что дѣлать?

Старшій тюячи, Достъ-Магометъ, побилъ Рахмана, обругалъ всѣхъ словами крѣпкими, второй за нимъ тоже съ кулаками къ загорбкамъ дурака лѣзетъ. Урусы бранятся, ждать не хотятъ; говорятъ, что для того и нанимали запасныхъ верблюдовъ, чтобы задержки не было. А вѣдь, какъ его, верблюда пропавшаго, бросить! Скотина цѣнная: шестьдесять монетъ дать, такъ не всегда купить можно. Однако, въ степи тоже не стоять и ѣхать надо. Попытались еще разъ; всѣ разошлись по барханамъ. Кричатъ, зовутъ, выглядываютъ; только и слышно на разные голоса: «казъ-казъ-казъ!» — призывные крики. Нѣтъ, какъ нѣтъ, пропавшей верблюдицы! Въ слезы ударился Достъ-Магометъ, реветъ и его товарищъ, реветъ благимъ матомъ и мальчишка въ чалмѣ, реветъ и самъ Рахманъ-придурковатый и, какъ виновный, чувствуетъ свою провинность; безъ ропота тычки и пинки переноситъ.

Запрягли тарантасы, навьючили верблюдовъ, покричали еще: «казъ-казъ-казъ!» и тронулись. Только передъ отходомъ Достъ-Магометъ съ мальчишкою въ чалмѣ перешепнулись о чемъ-то межъ собою, такъ, чтобы, главное, джигитъ, что при русскихъ былъ, не слышалъ да своимъ господамъ не передалъ бы.

Заскрипѣлъ, занырялъ снова между барханами караванъ урусовъ. Быстро стыла на морозѣ-утренникѣ зола ихъ костровъ, разнесло вѣтромъ ихъ окурки папиросные, подхватило клокъ бумаги синей промасленной и на колючемъ кустѣ, словно на милость духовъ степныхъ, развѣсило.

Далеко ушли тѣмъ временемъ братья кудукчи отъ этого мѣста.

Сидятъ Наурусъ съ Джюрою опять у огонька на забытыхъ, заброшенныхъ колодцахъ, часовъ шесть пути въ сторонѣ отъ караваннаго тракта, и баранину жарятъ на угольяхъ. Короткіе дни здѣсь въ глубокую осень; много-ли прошли за день, а уже снова стемнѣло, да еще какъ, пуще вчерашняго. Сидятъ братья, въ огонь дрова подбрасываютъ, пальцами въ мясо тычатъ, все пытаютъ, не поспѣло-ли. Волки гдѣ-то неподалеку подвываютъ; то одинъ начнетъ, то другой ему завторитъ. Ящерица степная на огонь выползла, на переднихъ ла-

пахъ приподнялась, выставила изъ-за кучки помета свою большую голову и на людей смотритъ. Вскрикнуло что-то высоко-высоко въ воздухѣ, да рѣзко такъ, словно желѣзомъ по желѣзу скребнуло. Вздрогнулъ Джюра и на брата покосился, вздрогнулъ и Наурусъ и шепчетъ:

— Албасты-бассу *) пролетѣлъ. Кому-же больше?

Досталъ ножикъ изъ-за пояса, отрѣзалъ кусочекъ баранины, крохотный, пошепталъ на него и высоко его кверху подкинулъ: «на, молъ, тебѣ, намъ не жалко!»

Вдругъ колоссальная фигура верблюда разомъ показалась передъ ними въ освѣщенномъ кругѣ костра, а на спинѣ у этого верблюда сидитъ мальчишка въ чалмѣ, тотъ самый, что съ русскими шелъ. Сидитъ такой веселый, радостный, узкіе глазенки его такъ и свѣтятся изъ-за выпуклыхъ скулъ.

— А, друзья-пріятели, здорово! Какъ Аллахъ, милостивъ ли къ вамъ? Вотъ опять пришлось свидѣться!

— Здравствуй! — бормочетъ, растерявшись, Наурусъ.— Спасибо, какъ ты, здоровъ-ли?

— Здравствуй!—бормочетъ и Джюра.

Выхватилъ кусокъ мяса изъ огня и прикрылъ его полою своего рванаго халата.

Подумалъ сдуру, не за этимъ-ли послали урусы мальчишку на верблюдѣ ворованную баранину розыскивать.

— Ну, ужь я съ вами переночую,—говоритъ пріѣзжій, слѣзая черезъ шею съ верблюда.—Темно, вѣдь, гдѣ же теперь догонять арбы, и на дорогу-то, поди, не выберешься! А я давно гляжу,—огонекъ вдали, такъ вотъ на огонь и выѣхалъ, а хоть пропадай совсѣмъ! Верблюдъ усталъ, еле ноги переставляетъ... Эхъ, ты, бѣдная, бѣдная!

Ласкаетъ мальчикъ свою верблюдицу, гладитъ ея по мордѣ запѣнѣнной, гладитъ грязною, корявою рукою по большимъ, чуднымъ, чернымъ, какъ уголь, глазамъ, чуть не плачетъ отъ радости.

— А вѣдь я ее нашелъ,—разсказываетъ мальчуганъ.—Цѣлый день искалъ! Сколько исходилъ—страсть! Все пѣшкомъ! Уже подъ-вечеръ, гляжу: а она лежитъ между барханами,

---

*) Собственное имя одного изъ злыхъ духовъ степей—изъ миѳологіи номадовъ.

только чуть спина видна, просто другой мимо-бы прошелъ, не увидалъ, а я вотъ увидѣлъ и сразу замѣтилъ. Достъ Магометъ хотѣлъ Рахмана оставить отыскивать—гдѣ ему, дураку слѣпому, найти... Да онъ бы не сталъ искать, онъ у насъ лѣнивый, онъ бы легъ, гдѣ помягче, да и пролежалъ-бы цѣлыя сутки. Я уже самъ просился у Достъ Магомета остаться. Мы это тихонько отъ русскихъ, а то тѣ бы, поди, не позволили: «народу и такъ, говорятъ, мало». Какъ арбы пошли, а я и Рахманъ съ вьючными верблюдами поотстали немного, будто бы вьюки поправляли, джигитъ ихъ впередъ уѣхалъ,—я и остался. Я лепешекъ взялъ двѣ за пазуху, думалъ, однимъ днемъ не розыщу. Вотъ лепешки, хорошія лепешки, совсѣмъ почти не черствыя. На вотъ—ѣшь! Хочешь? Ѣшь, бери, ничего, очень хорошія лепешки!

Вытащилъ мальчикъ изъ-за пазухи два исковерканныхъ сухихъ блина, цвѣтомъ, будто кожа дубленая, угощаетъ братьсвъ. А тѣ уже оправились, сообразили, въ чемъ дѣло. Отъ лепешки куда не прочь; думаютъ только, «дѣлиться ли мясомъ съ этимъ случайнымъ гостемъ, или уже такъ обойдется?».

— Иди къ огню; ночуй съ нами!—сказалъ Наурусъ.— Такъ ты нашелъ свою верблюдицу?

— Какже; вотъ вѣдь она. Вѣдь это изъ всего каравана лучшая, молодая, да еще жеребая. Я уже ее не пущу въ степь на ночь, самъ лучше корму наберу, да ей сюда принесу. Вѣдь за такую верблюдицу сто монетъ дать не жалко!

— Денегъ много!—словно про себя промолвилъ Джюра.— А что, далеко ушли русскіе?

— Далеко. Теперь, я думаю, «сайгачью балку» перевалили, да, пожалуй, и дальше. Мнѣ Достъ Магометъ велѣлъ: коли найду верблюдицу скоро, такъ чтобы сейчасъ догонялъ, а коли не скоро, такъ уже чтобы лучше домой на ней возвращался.— Теперь, можетъ быть, еще нагнать успѣю!

— Успѣешь!—произнесъ Джюра.

— Какъ не успѣть, — согласился съ нимъ Наурусъ. — Только, гляди, какъ-бы кто дорогою тебя не обидѣлъ. Всяко вѣдь бываетъ въ степи. Степь не то, что жилое мѣсто. Степь дѣло другое!

— А что?—пододвинулся къ огню мальчишка и тотчасъ

же началъ переобуваться, снявъ сапоги и развертывая безконечное тряпье своихъ портянокъ.

— Да то, что злые люди,—слыхалъ я, тамъ нынче показались!

— Гдѣ-же это?—разинулъ даже ротъ отъ удивленія его товарищъ Джюра.

— Гдѣ?! А въ этой сторонѣ самой, куда ушли русскіе. Въ той самой!

Хотѣлъ было возражать Джюра, потому откуда такіе могли появиться здѣсь въ степи злые люди, да почувствовалъ, какъ его толконулъ Наурусъ колѣномъ, и замолчалъ.

— Ну,—подумалъ онъ,—значитъ, такъ надо!

Покормились. Братья лепешки-то обѣ обработали, такъ какъ-то это у нихъ незамѣтно случилось, мальчикъ и оглядѣться не успѣлъ. Подкинули еще дровъ въ огонь, легли спать и гостя вплотную между собой положили. Любо старымъ свои кости около молодого тѣла грѣть, крѣпко обхватили мальчишку, тотъ бы и радъ подальше, да гдѣ же одному съ двумя справиться. Ну, думаетъ, чортъ съ вами, собакй эдакія!

Ночь прошла; пить захотѣлось, да и верблюдицу поить нужно; она вонъ морду свою на длинной шеѣ косматой къ самой дырѣ колодезной протянула, сопитъ прорѣзными ноздрями, и глаза у ней помутились.

Взялъ Джюра ведро свое кожаное съ распоркою, спустилъ въ дыру на веревкѣ, потряхиваетъ, покачиваетъ во всѣ стороны. Стучитъ распорка внизу, сухо ерзаетъ кожа ведра по днищу; воды-то нѣтъ тамъ ни капли. Попытались у другого колодца, тамъ тоже. Тамъ совсѣмъ ведро стало: опустилось саженъ на пять, да и стало, а дальше не спускается. Подобралъ Наурусъ камешекъ гладкій, бросилъ, прислушивается, булькнуло! Вода есть, значитъ, что же ведро не идетъ, не черпаетъ? Легъ ничкомъ Джюра, опершя руками на края, приглядывается, говоритъ:

— Засорилось, гляди, немного, что надъ самою водою; обкладочное бревно выперло, а на немъ мелкій хворостъ лежитъ, кинулъ кто сверху. Вотъ это-то самое и задерживаетъ ведро. Камень-то прошелъ ладно, а ведро стало!

— Надо туда лѣзть!—[illegible] Наурусъ.

— Надо, значитъ,—согласился и его товарищъ.

Сталъ раздѣваться Наурусъ. Халатъ снялъ, рубаху свою окрутилъ вокругъ тѣла вплотную. Началъ было веревкою уже опоясываться.

— Да пусти меня, я полѣзу!—сказалъ тутъ мальчишка.— Я вѣдь легче васъ, да мнѣ и просторнѣе будетъ. Вы только веревку держите крѣпче, я тамъ все, какъ слѣдуетъ, управлю!

— А и то правда! Полѣзай!—говоритъ Наурусъ.

— Вотъ якши, вотъ барракельди *)! — хлопнулъ руками по бедрамъ Джюра.

— Ну, давай веревку-то!

Обвязали мальчишку; двойною петлею подъ мышки подхватили. Нагнулся тотъ надъ дырою, а оттуда, словно съ задняго двора, гдѣ барановъ рѣжутъ и потроховъ сроду не убираютъ, разитъ.

— Позатухла вода-то! — замѣтилъ Наурусъ.—Долго откачивать придется!

— А вѣдь какая хорошая была. Я помню,—мотнулъ головою Джюра,—такая вода, что на Дарьѣ-бы, такъ впору... Ну, полѣзай, что-ли!..

Страшно стало мальчишкѣ. Черно тамъ внизу такъ, холодомъ оттуда вѣетъ, словно изъ могилы разрытой. Вонь страшнѣйшая. Вотъ, думаетъ, дуракъ, напросился!

— Ну, чего-же ты сталъ!?

Голосъ у Науруса совсѣмъ перемѣнился, глухо такъ вышло, захлебисто. Сказалъ онъ это: «ну, чего-же ты сталъ?» поглядѣлъ на него Джюра, да и назадъ обернулся на всякій случай: нѣтъ-ли здѣсь, молъ, кого «третьяго»?..

Спустился мальчикъ въ дыру всѣмъ тѣломъ, а руки на виду еще; словно крючки желѣзные, впились его пальцы въ оплетъ верхней рамы; тряхнулъ разокъ веревкою Джюра.

— Да ну, небось! Полѣзай, что-ли!..

— Ты вотъ за вѣнцы перехватывай... Ползи знай, ничего... веревка крѣпкая!

Скрылись руки мальчишки.

— Держи веревку крѣ-пче!..—изъ дыры слышится его голосъ.

— Держимъ! Ладно. Ползи, знай, ползи!

— Ползи!

---

*) Молодецъ.

— Ползи!

Тише и тише шепчутъ свое «ползи» братья-кудукчи. Тяжело дышатъ, сопятъ, словно верблюды запаленные, торопливо такъ травятъ конецъ веревки.

— Ты чего это?—схватилъ Джюра Наурусову руку.

И не знаетъ онъ, не сознаетъ хорошо, чего ему жальче: веревки-ли своей новой, или того, кто тамъ, внизу, чей шорохъ изъ дыры слышенъ, того, который теперь тамъ, гдѣ гулко такъ булькаютъ осыпающіеся комочки песка и зеленой глины.

Тупой ножъ совсѣмъ, чуть подается волосяная, туго свернченная веревка, пилитъ, пилитъ Наурусъ и не замѣчаетъ, что совсѣмъ не тою стороною ножа, спинкою лезвія по аркану ерзаетъ.

Зубъ на зубъ не попадаетъ у обоихъ братьевъ, трясетъ ихъ лихорадка злая, жаръ въ головѣ и въ груди. У Джюры вонъ губа нижняя отвисла, какъ у покойника, и слюни бѣгутъ.

Обвалилась подъ его колѣномъ пудовая глыба песчаника и рухнула внизъ, прыгая съ вѣнца на вѣнецъ, дробясь въ мелкую пыль о стѣны колодца.

— Ооо!—тихо застонало внизу.

Бросилъ ножъ свой Наурусъ, уши зажалъ кулаками и на спину откинулся.

А Джюра теперь уже и руками, и ногами работаетъ; весь свой край пообломалъ; пыль столбомъ надъ дырою вьется.

Верблюдица тяжело поднялась на ноги. Она вѣдь видѣла, что люди дѣлаютъ,—воды ждала. Поднялась горбатая скотина, подошла къ колодцу, просунула свою голову между братьями, и глаза ея кроткіе, черные довѣрчиво такъ, ласково смотрятъ на нихъ.

— Ооо!—опять послышалось снизу.

Бросили братья и веревку свою, и ножъ, бросилъ Наурусъ и халатъ свой, что снялъ передъ этимъ, и оба—ноги ихъ плохо слушались, подколѣнки сами собою гнулись—на четверенькахъ, словно звѣрье какое, а не люди, за песчаный барханъ поползли, да тамъ и засѣли, другъ на друга оловянными глазами уставились.

. . . . . .

Бродитъ тихими шагами по глубокимъ пескамъ верблюдица, поводъ у нея по землѣ волочится, то и дѣло наступаетъ на конецъ аркана широкая, мозолистая ступня, больно за ноздри животнаго каждый разъ крючкомъ дергаетъ. Сидятъ на этой верблюдицѣ оба брата, крѣпко другъ за друга держатся. Ѣдутъ молча, ни слова не вымолвятъ.

Вотъ остановилась верблюдица, кустъ саксаула начала оглядывать. Поглодала немного, по сторонамъ посмотрѣла, вздохнула тяжко и опять пошла, опустивъ низко такъ, къ самой землѣ свою голову. Въ сторону свернула, тамъ опять зеленые молодые побѣги завидѣла, опять поглодала, опять пошла бродить. Сидятъ братья, молчатъ, слова не вымолвятъ.

Будто не люди живые, а такъ—тюки товарные... Бродитъ верблюдица, видимо, своею волею, куда хочетъ, туда и идетъ. Совсѣмъ вонъ въ сторону отбилась, и близко тропы никакой не видно. Съ самаго утра, когда братья «воду доставали», до сихъ поръ бродитъ.

А низко уже совсѣмъ солнце, засинѣлись барханы, только по верхамъ самыхъ высокихъ красноватый свѣтъ скользитъ, сбѣгаетъ; быстро ночная темь приближается. Сидятъ братья, молчатъ, слова не вымолвятъ.

И чудится имъ, что приковала ихъ къ спинѣ верблюдица, крѣпко держитъ, слѣзть, уйти не даетъ страшная сила, невидимая.

Какъ усѣлись они вдвоемъ на скотину цѣнную, теперь уже ихъ собственную, такъ замерли, окаменѣли, другъ въ друга вцѣпившись.

Ни голосу нѣтъ, ни силы. Сознаніе, память, все отшибло. Только слухъ ихъ одинъ, острый, привычный, степной слухъ неустанно, чутко работаетъ. И слышатъ они, какъ вокругъ нихъ, и впереди, и съ боковъ, и сзади, воютъ, хохочутъ, зубами щелкаютъ всѣ злые духи пустыни. Всѣ собрались сюда, всѣ, какихъ только знали Наурусъ и Джюра, даже и тотъ прилетѣлъ, что гонялъ ихъ давно по степи послѣ арака русскаго... Всѣ на лицо!

А верблюдицѣ эти звуки не страшны совсѣмъ, не пугаютъ они ее нисколько. Она и не слышитъ ихъ, покойно себѣ бродитъ, да саксаульникъ оглядываетъ.

Ночь наступила; прилегла верблюдица подъ кустами, въ

затишьѣ, подогнувъ подъ себя свои сильныя ноги. Все сидятъ у нея на спинѣ братья кудыкчи. Сидятъ молча, слова не вымолвятъ.

— Что за диво?—думаетъ скотина. — Пора бы, кажется, и развьючивать!

Вонъ на гребнѣ бархана черною тѣнью пара острыхъ ушей мелькнула, вонъ другая показалась рядомъ. По сыпучему скату скользнуло что-то неслышно и спряталось... Вонъ и ближе, въ кустахъ два глаза сверкнули; будто искорки красныя загорѣлись...

Разомъ вскочила на ноги верблюдица, такъ тряхнула братьевъ, что сѣдло даже конопное треснуло, никакой бы вьюкъ не выдержалъ этого толчка, черезъ шею скотины свалился бы. Крѣпко, цѣпко, не своею, чужою волею оба брата на сѣдлѣ держатся...

Унылое, жалобное вытье пронеслось въ воздухѣ, кольцомъ, цѣпью шарахнулась волчья стая, ринулась впередъ съ перепугу верблюдица, изо всей своей мочи понеслась по глубокимъ пескамъ, летятъ изъ подъ ея ногъ комья во всѣ стороны; пыль поднялась, бѣглянку окутала, словно отъ голодныхъ волковъ прячетъ пустыня свое кровное дѣтище.

Ураганомъ летитъ по степи верблюдица, а за нею, съ бархана на барханъ, вразсыпную дуетъ волчья стая: чуютъ звѣри добычу важную!

Тѣмъ временемъ шелъ степью изъ Казалинска въ Шураханъ обратный караванъ налегкѣ.

Пришли на колодцы, верблюдовъ въ кругъ положили, самаю имъ насыпали кучу; сами «тюячи» огонь развели большущій, котелъ поставили, сидятъ у огня и вшей въ одеждѣ ловятъ.

Вдругъ, совсѣмъ нежданно-негаданно съ размаха налетѣло на нихъ что-то громадное, тяжелое, рухнулось со всѣхъ ногъ между ними, разметало костеръ и захрипѣло въ смертельной агоніи.

Шарахнулись съ перепугу верблюды, мечутся, какъ ошалѣлые, разбѣжались «тюячи» во всѣ стороны; не скоро догадались, въ чемъ дѣло, не скоро опомнились.

Видятъ, что за диковина?

Лежитъ мордою въ самый огонь издыхающая верблюдица, сидятъ на ея спинѣ два чудища, крѣпко-крѣпко руками другъ за друга держатся, слова не вымолвятъ.

Долго стояли «тюячи» около, никто дотронуться не смѣетъ, никто спросить, окликнуть нежданныхъ, чудныхъ гостей не рѣшается.

Смрадъ пошелъ отъ паленой шерсти верблюжьей, шипитъ на огнѣ сало изъ пролитаго котла, словно не живые, холодные, окостенѣлые, сидятъ братья Наурусъ съ Джюрою.

Ну, не все же стоять да глядѣть; всякому страху своя мѣра. Поразобрались «тюячи». Оттащили отъ огня верблюдицу околѣвающую, сняли съ ея спины братьевъ, стали допрашивать. Слова не добились. Совѣтъ повели: тутъ-ли ихъ бросить, самимъ сниматься скорѣе, да другого мѣста ночлежнаго искать; взять-ли съ собою несчастныхъ и въ Шураханъ везти. Долго, чуть не до самаго утра толковали, спорили, къ солнечному восходу рѣшили послѣднее...

Опомнились, очнулись братья кудукчи уже съ новою весною. Никому ничего не сказали, назадъ пошли въ степь, прямо на тѣ колодцы самые.

Согнула ихъ болѣзнь въ три погибели, сгорбила, чуть-чуть ноги переставляли братья, по пескамъ идучи, три недѣли шли, добрались-таки. Принялись за работу. Плохо ихъ ослабѣлыя руки слушаются; что прежде однимъ днемъ бы справили, теперь имъ трехъ восходовъ солнечныхъ мало. Поработаютъ, поработаютъ на сторонних, забытыхъ колодцахъ, на дорогу выйдутъ караванную, покормятся отъ проходящихъ, назадъ вернутся и опять за дѣло.

Очистили таки роковой колодезь, вытащили оттуда полусгнившее тѣло мальчишки толстомордаго, зарыли въ песокъ и высокій курганъ надъ нимъ насыпали. Наберутъ саксаульнику, наложатъ слой цѣпкій, сверху песку навалятъ, тамъ опять саксаульнику для скрѣпы, опять песку,—нагородили столько, что за шесть верстъ издалека видно было и воду хорошую заблудшему, истомленному путнику указывало. Покончили работу свою, здѣсь и жить стали. Одинъ уйдетъ на дорогу за покормкою, другой сидитъ, сторожитъ воду, какъ наберется, сейчасъ ведромъ откачиваетъ, чтобы не гнила, не застаивалась

Скоро слухъ пошелъ по степи о братьяхъ поителяхъ. Чаще и чаще караваны стали со старой дороги сворачивать. Старая трона глохнуть начала, пескомъ ее мало- по -малу засыпало, новая твердою лентою въ пескахъ протянулася.

Не коритъ никто братьевъ, старымъ грѣхомъ не попрекаетъ, а всѣ знаютъ, что такое они сдѣлали. Сами-же братья о своемъ горѣ, о своемъ несчастіи повѣдали. Да и по сіе время еще сидятъ на колодцѣ, воду берегутъ и въ грѣхѣ своемъ проѣзжему люду каятся.

ТЮРКМЕНЪ СЯРКЕЙ *).

На его головѣ громадная, косматая шапка изъ бурой овчины, сильно повытертой отъ долгой носки, выгорѣвшей на солнцѣ, въ колтунъ сбитой отъ порывовъ капризнаго степного вѣтра. Рослый, матерой баранъ цѣликомъ пошелъ на эту шапку. На плечахъ его, узкихъ, сухихъ, угловатыхъ, словно на вѣшалкѣ, а не на живомъ тѣлѣ, заношенный халатъ изъ буро-красной алачи **) съ мелкими черными полосками, а подъ этимъ халатомъ-отрепьемъ,—когда-то, можетъ быть, и бѣлая, грубая бумажная рубаха, къ ткани которой капля воды не прикасалась съ тѣхъ поръ, когда она впервые прикрыла его сухое, старческое тѣло. На босыхъ, мозолистыхъ ногахъ его, какъ защита отъ острыхъ кремней-ракушекъ песковъ, отъ колючихъ шиповъ степной растительности, отъ укуса ядовитаго скорпіона и тарантула, надѣто что-то похожее на туфли изъ заскорузлой сыромятины.

Впрочемъ, неизвѣстно еще, что было-бы прочнѣе и неподатливѣе: эта-ли сыромять, или его собственныя подошвы, истоптавшія на своемъ вѣку десятки тысячъ верстъ безконечнаго степного пространства.

Странный видъ имѣетъ эта крохотная фигурка въ своихъ отрепьяхъ и въ этой громадной, косматой сказочной шапкѣ. Когда смотришь сзади, то кажется, что и шапка эта, и буро-красные лохмотья надѣты на колъ и назначены для пуганья птицъ на поляхъ дозрѣвающей джюгары ***), но когда смо-

*) Собственное имя.
**) Родъ мѣстной бумажной ткани.
***) Китайское просо.

тришь прямо, то видишь, какъ пристально, лукаво, подсмѣиваясь, «себѣ на умѣ», прямо такъ вотъ въ душу и глядятъ два черные, какъ уголь, глаза, искорками сверкая въ тѣни грязныхъ косм бурой овчины. Ниже этихъ глазъ лоснятся сильно выдающіяся, рѣзко, словно у черепа, очерченныя скулы; глубокія, темныя, изрытыя слѣдами злой оспы впадины щекъ оттѣняютъ маленькій, тонкій, острый и крючковатый, какъ у ястреба, носъ; подъ этимъ носомъ жидкая, черная съ просѣдью щетинка подстриженныхъ усовъ; тонкія, сухія, внутрь сжатыя губы и крохотная козья бородка, прикрывающая глубокій, зубчатый шрамъ на горловыхъ хрящахъ, идущій направо назадъ, за ухо, вплоть до жилистаго раздвоеннаго затылка.

Его ноги коротки, чтобы поспѣвать шагъ въ шагъ за широкимъ, размашистымъ шагомъ верблюда, онъ наверстываетъ и время, и разстояніе частымъ, дробнымъ переставленіемъ этихъ ногъ. Онъ ходитъ словно все спѣшитъ, торопится куда-то, ходитъ разслабленною, старческою походкою, но ходитъ долго, ходитъ, не зная устали,—можетъ идти по двадцати часовъ въ сутки, дѣлая въ часъ не менѣе трехъ верстъ и по сыпучему, глубокому песку, съ бархана на барханъ, и по блестяще-гладкому, ровному такыру *) одинаково.

Таковъ тюркменъ Сяркей. Таковымъ я увидѣлъ его въ первый разъ на колодцахъ «Кукчи» въ «Кызылъ-кумахъ», и странно, что всѣ, кто его знали и знаютъ, только такимъ его видѣли и помнятъ многіе годы тому назадъ.

Колесный караванъ нашъ прибылъ къ колодцамъ «Кукчи» передъ закатомъ солнца.

Пока распрягли и развьючили горбатыхъ «кораблей пустыни» и пустили ихъ на паству, на окрестные песчаные барханы, поросшіе рѣдкимъ сухимъ саксаульникомъ и гребенщикомъ, пока разложили огонь для варки пищи и чаю, пока устроились кое-какъ на мѣстѣ ночлега, солнце уже закатилось, и на западѣ протянулась ярко-красная полоса угасающей зари, обѣщающая намъ на слѣдующій день, а можетъ, еще и

---

*) Солонцевато-осадочныя горизонтальныя пространства степи.

съ этою ночью рѣзкій, холодный степной «джаманъ-джиль» (т. е. дурной вихрь, злой), какъ называютъ здѣсь періодическій сѣверо-восточный вѣтеръ, свирѣпствующій въ степяхъ на горе путникамъ какъ разъ въ данное время года, выпавшее на долю нашего переѣзда черезъ пустыню.

Вотъ на этой-то красной полосѣ осенняго заката, разомъ, словно выросли изъ сыпучихъ песковъ, показались два черныхъ силуэта. Одинъ силуэтъ изображалъ собою верблюда, худого одногорбаго «нара» съ узкою, длинною мордою, съ широкимъ разставомъ ногъ, тонкимъ перехватомъ въ пахахъ, однимъ словомъ, со всѣми характерными признаками уроженца степныхъ пространствъ, лежащихъ по ту, лѣвую сторону Аму. Другой силуэтъ, это былъ, должно быть, человѣкъ, впрочемъ, скорѣе походившій на обезьяну, съ необычайно громадною косматою головою — голова эта оказалась потомъ шапкою, но такихъ необыкновенныхъ размѣровъ, что наши лаучи (верблюжьи вожатые) начали сперва потихоньку, а потомъ, ободренные безнаказанностью, и явно подсмѣиваться.

Верблюдъ былъ навьюченъ тремя тяжелыми мѣшками съ джюгарою и маленькимъ мѣшечкомъ рису поверхъ вьюка. Онъ шагалъ лѣниво, оттягивая на ходу лѣвую заднюю ногу, и поминутно испускалъ невыносимо противный, болѣзненный, хриплый ревъ. «Шапка-великанъ» словно скатилась съ откоса бархана, натянула волосяной арканъ, соединяющій ее съ надорванною уже поздрею верблюда, тотъ снова зарычалъ и тяжело опустился на переднія колѣна... Мѣшки его вьюка колыхнулись впередъ, потомъ назадъ, опять впередъ, словно поклонъ отдали, и, легко покачавшись изъ стороны въ сторону, успокоились. Косматая шапка принялась распутывать узлы поддерживающихъ вьюкъ веревокъ, быстро и ловко управилась съ этимъ привычнымъ дѣломъ, затѣмъ откатилась — именно откатилась — нѣсколько шаговъ въ сторону и присѣла на песокъ на корточки, держась поодаль, особнякомъ, отъ нашего бивуака, не входя даже въ свѣтовой кругъ нашего костра.

Мы почти не обратили никакого вниманія на это появленіе; меня, какъ художника, заняло оно только со стороны своей картинности, эффекта черныхъ силуэтовъ на красномъ фонѣ вечерней зари. Увлекшись горячимъ часмъ и походнымъ ужиномъ, мы и забыли о сосѣдѣ, сидѣвшемъ неподвижно все на

томъ же мѣстѣ, и о его верблюдѣ, переставшемъ, наконецъ, реветь и вздыхать, мертвою глыбою дремавшемъ между своихъ вьюковъ, и сами, забравшись въ тарантасы, затянули фартуки, спустили зонты и крѣпко заснули, завернувшись въ бурки и бараньи шубы.

Ночь была очень холодна. Началось уже то время осени, когда днемъ солнце нагрѣваетъ песокъ до двадцати пяти градусовъ жара, а ночью температура падаетъ ниже нуля, градуса на три, на пять, а то и болѣе.

Мы еще спали, когда лаучи, за полчаса передъ разсвѣтомъ, запрягли напоенныхъ вволю верблюдовъ и тронулись въ путь; мѣрное покачиванье тарантасовъ не особенно способствовало пробужденію, и, когда я, проснувшись, наконецъ, отъ яркаго солнечнаго луча, заглянувшаго ко мнѣ во внутрь тарантаса въ боковой просвѣтъ фартука, выглянулъ на свѣтъ Божій, нашъ караванъ уже отошелъ отъ колодцевъ «Кукчи» верстъ восемь, а кругомъ насъ разстилалась гладкая, какъ паркетъ, блестящая, точно окаменѣвшее озеро, поверхность большого такыра. Вдали, впереди, словно берега этого озера, видѣлась гряда сыпучихъ, барханистыхъ песковъ, и тамъ чуть-чуть маячила какая-то крохотная живая точка...

Шапки-великана и его горбатаго нара не было съ нами. Остался-ли онъ на колодцахъ, ушелъ-ли раньше, пошелъ-ли въ сторону? Эти вопросы насъ не интересовали, да никто изъ насъ и не вспомнилъ о сосѣдѣ по мѣсту ночлега.

Составъ нашего каравана былъ таковъ: два тарантаса, запряженныхъ каждый четверикомъ верблюдовъ, сильныхъ и выдержанныхъ, кромѣ того, шесть верблюдовъ запасныхъ подъ вьюкомъ, которые и тащили на своихъ спинахъ весь экипажный грузъ, за исключеніемъ только пасажировъ; иначе нагруженные тарантасы такъ-бы глубоко рѣзали своими колесами песокъ, что и десяти верблюдамъ не вытащить-бы ихъ на барханистыхъ подъемахъ. А этихъ подъемовъ на нашемъ пути предстояло столько, что и счетъ имъ давнымъ-давно утерянъ людьми, въ степяхъ бывалыми.

На нашемъ пути особенно затруднительныхъ мѣстъ пока еще не встрѣчалось, но впереди предстояли такія, что заставляли нашего караванъ-баша — Достъ-Магомета — задумываться и уныло поглядывать на проклятыя русскія арбы, совсѣмъ уже

къ странствованію по пескамъ не приспособленныя. Одно изъ такихъ мѣстъ находилось даже очень близко, именно тамъ, впереди, на выѣздѣ съ такыра, гдѣ прямо крутымъ скатомъ сбѣгаютъ на такырную гладь сыпучіе пески, едва скрѣпленные на поверхности узловатыми корневищами гребенщика и саксаульника.

Наши лаучи и сопровождавшій насъ конный джигитъ, киргизъ Аманъ-Бай, видимо, озабоченные предстоящимъ подъемомъ, вели между собою совѣщаніе, и я, еще не вылѣзая изъ экипажа, слышалъ, какъ Достъ-Магометъ произнесъ:

— Проклятый джиль (вѣтеръ) занесъ пескомъ старыя колеи... Порѣжемъ мы тамъ свою скотину!

— Гей... Таппаузинъ сигейнъ! — провздыхалъ другой лауча—Джаулъ-Бай—свое излюбленное ругательство.

— А мы вьюки снимемъ и всѣхъ припряжемъ!—говорилъ Аманъ-Бай джигитъ.

— Толку не будетъ,—замѣтилъ караванъ-башъ.—Путаться только будутъ; взяться имъ не ловко, всѣмъ-то...

— Въ прошломъ году на этомъ самомъ мѣстѣ полковникъ проѣзжалъ съ семьею, тремя бабами и дѣтьми, — сообщилъ Джаулъ-Бай,—мои верблюды тоже были. Такъ трое сутокъ на одномъ мѣстѣ бились... Такъ и не выѣхали...

— Бросили повозки?

— А то что же дѣлать?! Бросили!.. Бабъ и дѣтей навью или на верблюдовъ и пошли дальше. А время было холодное, позднѣе этого. Съ Донъ-Казгана бураны завертѣли... Одна баба дорогою сдохла, другую довезли до Казалы совсѣмъ захирѣвшую... Дѣти всѣ переколѣли... Бѣда!..

— Пріятная перспектива, нечего сказать!—подумалъ я, слушая эти разговоры, и вылѣзъ изъ экипажа.

Смотрю, и спутники мои тоже вылѣзли изъ передняго тарантаса, оба пѣшкомъ идутъ и по временамъ останавливаются, вглядываясь во что-то впереди съ помощью бинокля.

Вооружилъ и я свои глаза. Гляжу,—а на одномъ изъ крайнихъ бархановъ торчитъ знакомая фигура одногорбаго нара и рядомъ косматая шапка...

— Вишь, ты, гдѣ уже онъ!—произнесъ я вслухъ.

— Онъ еще до свѣту вышелъ, — сообщилъ мнѣ тутъ Аманъ-Бай.—Чаю у насъ просилъ немножко, да я не далъ...

Эхъ,—говорилъ онъ,—давно чаю не пилъ, чай хорошо, чай лучше водки вашей!.. Ха, ха!..

— Отчего-же не далъ?

— Да и такъ обойдется,—за что его чаемъ поить! Опять-же ты уже спалъ, а мѣшокъ у тебя въ головахъ былъ, потяну, думалъ, разбужу, ругаться станешь!

Передній тарантасъ остановился, остановился и мой; кое что лопнуло въ запряжкѣ, кое что спуталось; принялись за исправленіе; опять послышались противный ревъ и вздохи верблюжьи...

А впереди, прямо передъ нами, пересѣкая дорогу, гребнемъ протянулся, очевидно, свѣже-нанесенный вѣтромъ сыпучій песчаный перекатъ, за нимъ ярусомъ другой, тамъ третій, тамъ опять чуть замѣтными параллельными линіями обозначились косогоромъ полузасыпанныя старыя колеи, и опять цѣлыя горы песку, желтаго, чистаго, точно просѣяннаго... Бѣда, да и только!

Опытный Достъ-Магометъ тупо, апатично поглядывалъ на эти, казалось, неодолимыя преграды, предавая и себя, и верблюдовъ своихъ на волю всемогущаго Аллаха; джигитъ Аманъ-Бай отправился кормить крошками сухарей куръ,—нашъ дорожный запасъ «живья», въ клѣткѣ привязанный за тарантасомъ.

— Вотъ теперь это, — указалъ рукою Джаулъ-Бай,—еще хуже того, что тогда съ полковникомъ было...

— Обидно!

Къ Достъ-Магомету подошелъ въ эту минуту человѣкъ въ большой шапкѣ, оставивъ на волѣ своего пара.

Онъ началъ что-то быстро говорить нашему караванъ-башу, указывая рукою то туда, то сюда, въ разныя направленія.

— Ой, якши, ой, копъ якши!.. (хорошо, очень хорошо)!— раздавались одобрительные возгласы Достъ-Магомета, сопровождавшіе каждый жестъ большой шапки.

Оказалось, что этотъ прохожій человѣкъ, незванный, непрошенный, да еще обиженный отказомъ въ чаѣ, позаботился о нашей печальной участи заблаговременно. Онъ предвидѣлъ эти песчаные заносы, раньше насъ прибылъ на мѣсто и все копался тутъ, отыскивая возможность выбраться. Онъ высмотрѣлъ

всѣ повороты и изгибы барханов и перекатовъ, онъ, съ громадною опытностью обитателя песчаныхъ пустынь, съумѣлъ ориентироваться въ этомъ лабиринтѣ мертвыхъ песковъ и теперь сообщилъ караванъ-башу свой планъ перетаскиванія нашихъ тарантасовъ.

— Баракельды!—хлопнулъ его Достъ-Магометъ по плечу.

И мы отдались въ руки этого непрошеннаго, добровольнаго путеводителя.

Боже мой, какой мучительный день провели мы здѣсь! Мы одолѣвали десять, пятнадцать шаговъ пространства и отдыхали часъ, мы осиливали одну преграду для того, чтобы тотчасъ наткнуться на другую, еще труднѣйшую.

Тюркменъ Сяркей, какъ звали нашего путеводителя, былъ душою всей этой гигантской работы, всей этой массы труда верблюжьяго и человѣческаго.

Лавируя зигзагами между барханами, прокладывая себѣ путь тамъ, гдѣ песокъ былъ менѣе глубокъ, руками разрывая его подъ колесами экипажей, увязавшихъ по ступицу, мы, шагъ за шагомъ, подавались впередъ, а все-таки впередъ, и къ вечеру, окончательно измучивъ животныхъ, выбившись изъ силъ сами, съ разбитыми, ноющими поясницами, съ охрипшими отъ крика голосами, мы въ изнеможеніи расположились на отдыхъ, по ту сторону всей группы перекатовъ, на спускѣ къ новому, гладкому, какъ скатерть, «такыру».

Киргизъ Аманъ-Бай, нацѣдивъ изъ турсука воды въ чайники, егозилъ и заискивалъ у «косматой шапки»: онъ, видимо, хотѣлъ смягчить свой вчерашній отказъ въ чаѣ и, разводя огонекъ, десятый разъ повторялъ.

— Чаю много пей... сколько душа хочетъ, пей... ничего... чай хорошій... съ сахаромъ пить будешь... Ц... ц... охъ, хорошій человѣкъ... ха, ха!

И онъ хлопалъ тюркмена Сяркея по плечу, бѣгалъ къ своимъ [illegible]камъ, опять къ нему съ ласковымъ привѣтомъ, а тотъ молча сидѣлъ на корточкахъ, и только его черные быстрые глаза ласково и добродушно подсмѣивались надъ хлопотами и ухаживаніями мальчика-джигита.

На этомъ привалѣ мы познакомились съ тюркменомъ Сяркеемъ покороче, а дорогою сошлись съ нимъ настолько, чтобы о немъ вполнѣ сохранилось самое отрадное воспоми-

наніе, какъ о лучшемъ другѣ, какъ о человѣкѣ, Провидѣніемъ самимъ брошенномъ въ эти печальныя пустыни, на благо и добро ея полудикимъ кочующимъ обитателямъ, на благо занесеннымъ сюда судьбою временнымъ посѣтителямъ...

Сколько лѣтъ тюркмену Сяркею, этого и онъ самъ не могъ бы опредѣлить; судя по внѣшнему виду—около пятидесяти, но многіе старики помнятъ, что еще въ своей молодости видали и знали его такимъ же.

У Сяркея нѣтъ и не было постояннаго дома, у него не было даже кибитки собственной. Все его съ нимъ двигалось по степи, изъ конца въ конецъ, по всему громадному пространству Кызылъ-кумовъ и день, и ночь, и зиму, и лѣто...

Если и случалось ему посидѣть на мѣстѣ, гдѣ нибудь въ аулѣ, то день-два, но не больше; все-же остальное время, за исключеніемъ ночлеговъ и часового отдыха, поглощалось торопливымъ передвиженіемъ его коротенькихъ сухихъ ножекъ, размашистымъ, неуклюжимъ шагомъ его постояннаго спутника, вьючнаго верблюда.

Тюркменъ Сяркей занимался торговлею, почему носилъ громкій титулъ — купца. Тюркменъ Сяркей зналъ коранъ и исаріатъ наизустъ, даже, какъ говорятъ, побывалъ въ Меккѣ, почему къ титулу купца добавляли иногда еще почетнѣйшій титулъ муллы и даже хаджи.

Торговыя операціи Сяркея были самаго простого свойства: онъ преимущественно покупалъ на берегахъ Аму у мѣстныхъ тюркменъ и каракалпаковъ джюгару, покупалъ не много, столько, сколько можно навьючить на одного верблюда, и везъ этотъ товаръ черезъ всѣ Кызылъ-кумы, на берега Сыръ-Дарьи, гдѣ продавалъ втрое дороже покупки.

Громадный трудъ перевозки черезъ пустыню, занимающій туда и обратно иногда болѣе мѣсяца времени, оплачивался шестью или семью рублями разницы въ пользу купца, но тюркменъ Сяркей ничуть не становился отъ этого богаче: онъ на барыши накупалъ въ Казалинскѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ занятомъ русскими пунктѣ, цвѣтныхъ платочковъ, бумажной дешевой матеріи, разныхъ бездѣлушекъ, и все это расходилось у него по ауламъ или совсѣмъ безплатно, или-же съ такимъ вознагражденіемъ, съ котораго, хотя, по поговоркѣ,

«шубы и не сошьешь», но все-таки ему тепло и весело было жить на свѣтѣ. Онъ просто на просто раздаривалъ свои диковинные подарки.

Тюркменъ Сяркей былъ самый желанный гость въ каждомъ аулѣ. Всѣ—и старъ, и младъ — радовались его приходу, печалились его уходомъ, косо на него смотрѣли только—да и то не всѣ—муллы и мирзы, поучавшіе народъ и правившіе нравственной «чистотою истинной вѣры пророка».

Сяркей самъ былъ сторонникъ корана и добрый сынъ пророка, но какъ-то умѣлъ добродушно и тонко подсмѣиваться надъ охранителями вѣры и находить вѣчное противорѣчіе въ словахъ святыхъ муллъ и ихъ поступкахъ.

Онъ былъ посвященъ и въ нѣкоторыя тайны природы: онъ зналъ много цѣлебныхъ травъ и средствъ, удачно лѣчилъ людей, дѣтей преимущественно, а также овецъ, лошадей и верблюдовъ. Для тѣхъ и другихъ аптеки его и методы леченія были совершенно одинаковы.

За это къ его уже имѣющимся двумъ почетнымъ титуламъ добавлялся третій: «хакимъ» (мудрецъ).

Тюркменъ Сяркей зналъ исторію всего края Не было ни одной пѣсни, ни одной сказки, ни одной легенды, которая была бы ему неизвѣстна, и на всѣхъ пирахъ и празднествахъ ему, какъ пѣвцу, поэту, барду степей, отводилось почетнѣйшее мѣсто.

Тюркменъ Сяркей не былъ никогда женатъ. Самые злые языки степныхъ сплетницъ не могли бы уязвить его репутаціи, не могли бы указать ни на одну женщину, связанную съ нимъ какимъ бы то ни было романическимъ эпизодомъ, но, несмотря на это, у него было много дѣтей. У него было ихъ столько, ровно столько, сколько у всѣхъ обитателей степи было вмѣстѣ.

Это потому случилось, что всѣ дѣти были его дѣти, онъ ихъ всѣхъ любилъ ровно и настолько, что, во всякомъ случаѣ, ни одинъ настоящій отецъ не могъ бы любить болѣе.

И сколько этихъ поколѣній дѣтскихъ выростало на его глазахъ, выходило изъ рамокъ его заботливости и попеченій, уступая свое мѣсто новымъ легіонамъ крохотныхъ, полуголыхъ, чумазыхъ питомцевъ!

Понятно, что такой «отецъ» не могъ помнить не только по именамъ, но и по мѣсту рожденія и жительства всѣхъ своихъ

дѣтей, но за то всѣ дѣти отлично помнили и знали своего отца, хотя и не разъ отплачивали ему черною неблагодарностью.

Разъ одинъ изъ такихъ сыновей, выросши уже большимъ скуластымъ болваномъ, укралъ у него во время сна его верблюда и, когда черезъ годъ случайно встрѣтился съ обиженнымъ лицомъ къ лицу, въ одномъ изъ ауловъ, то Сяркей, подманивъ сынка-вора пальцемъ, спросилъ:

— А ты никому объ этомъ не разсказывалъ?

— Чего говорить-то! — пробормоталъ, потупясь, воръ.— Никому не хвасталъ...

— Ну, то-то; а то, пожалуй, скажутъ про тебя: «экъ, какой Джюра дурной человѣкъ!.. Джюру бить надо, за него самой лядащей дѣвки замужъ отдать нельзя!..» Не хорошо будетъ! Смотри-же, молчи, никому не разсказывай...

Такъ этотъ Джюра, послѣ такого разговора, не ѣлъ, говорятъ, цѣлую недѣлю, не спалъ даже, пока еще двухъ верблюдовъ не укралъ, гдѣ-то близъ Дау-Кара, и не привелъ ихъ Сяркею взамѣнъ перваго.

Природу своихъ степей тюркменъ Сяркей изучилъ до тонкости. Онъ зналъ всѣ мельчайшіе признаки, указывающіе перемѣны погоды; онъ умѣлъ отсиживаться и отъ песчаныхъ урагановъ лѣтнихъ, и отъ снѣжныхъ бурановъ зимою. Время года не стѣсняло его походовъ. Онъ зналъ всѣ созвѣздія въ небѣ и умѣлъ ими пользоваться для ріентировки въ степи; онъ зналъ чуть не каждый вершокъ этой однообразной пустыни, и, привези его, откуда угодно и куда угодно, съ завязанными глазами, — онъ безошибочно и точно могъ бы указать пунктъ своего мѣстонахожденія.

Нечего и говоритъ, что онъ зналъ не только, гдѣ въ данное время лучшій подножный кормъ, но даже, гдѣ и въ какое время такого корма надо ожидать навѣрное... а вѣдь степь на этотъ счетъ куда какъ капризна и прихотлива. Его совѣтами пользовались кызылъ-кумскіе киргизы въ своихъ перекочевкахъ.

Когда на эти пустыни грозило еще нашествіе русскихъ, когда къ русскимъ относились здѣсь со страхомъ, недовѣріемъ и ненавистью, тюркменъ Сяркей не раздѣлялъ этихъ чувствъ; онъ всегда говорилъ, что всѣ люди, какъ люди, всѣ хороши;

а между всѣми, кто бы они не были, одинаково есть и злые, и добрые, а добрые всегда сильнѣе злыхъ, всегда вверхъ возьмутъ.

Онъ подкрѣплялъ свою теорію наглядным практическимъ примѣромъ: онъ говорилъ, что «бѣлое всегда яснѣе и лучше видно вдали, чѣмъ черное».

Года два тому назадъ, старый капитанъ, Ларіонъ Марковичъ Скобленый, дослужившійся до своего почтеннаго чина изъ солдатъ и все въ степи, чуть не съ самаго рекрутства, собирался устроить новоселье по случаю полученія, наконецъ, подъ старость, теплаго, постояннаго мѣстечка, смотрителя складовъ сухарныхъ, въ фортѣ на Аму, и ждалъ только пріѣзда своей семьи изъ Казалинска, съ которою уже списался по этому поводу, увѣдомивъ, что «молъ, фатерка обстроена первымъ сортомъ и даже съ небѣлью». — «Чистая половина особо, хоть генерала принимать, такъ въ пору, и кладовыя есть съ ледникомъ... А денегъ на дорогу выслано черезъ купца Мудренаго тридцать пять рублей, а ежели что не хватитъ, то доплачено будетъ здѣсь, на мѣстѣ».

Получивъ такое посланіе, Алена Васильевна Скобленая, третья жена уже, съ двумя малолѣтками, однимъ грудным даже, снарядила свой тарантасикъ, наняла киргизика съ тройкою верблюдовъ и, благословясь, тронулась въ дальній путь черезъ пустыни Кызылъ-кумскія...

А дѣло было уже поздно, въ концѣ октября мѣсяца, морозы начались сильные, и Джаманъ-джиль не на шутку разгуливалъ по степи.

Ну, да что за бѣда! Баба Алена Васильевна была сама степнячка привычная, тарантасикъ исправный и легкій, киргизъ Бутуз-бай надежный, съ медалью, а верблюды кормленые до сыта... чего-бы не доѣхать!

Дорогою, еще до настоящихъ песковъ не дотянулись, въ Кара-башлыкскомъ урочищѣ обогнали ихъ чабаръ-почтовый о дву-конь и прапорщикъ Курлубаевъ; выпили водочки изъ запаса у «мадамъ Скобленой», пожелали счастливаго пути, обѣщали мужа увѣдомить, что молъ выѣхала и все благополучно, и дальше погнали.

Только дѣло-то подъ конецъ вышло странное:

И чабаръ давно уже прибылъ, сдалъ въ фортѣ свою почту,

обратную уже повезъ, и прапорщикъ Курлубаевъ, увѣдомивъ Ларіона Марковича, вторую недѣлю уже какъ живетъ при батальонѣ, а все нѣтъ да нѣтъ Алены Васильевны съ ея чадами...

Сталъ капитанъ Скобленый сильно по этому поводу безпокоиться и первымъ дѣломъ, конечно, снарядилъ джигитовъ въ степь, по казалинскому тракту, за развѣдками...

А всю прошлую недѣлю такіе бураны снѣжные гуляли по степи, что свѣту не видно было! Дорогу караванную мѣстами совсѣмъ завалило, даже мазарки, что у колодцевъ Кукчей въ сторонѣ виднѣются, занесло съ куполами. Да на бѣду еще морозы закрутили... По Аму «сало» пошло сплошными массами, а мелкіе протоки и совсѣмъ стали.

Вернулись гонцы-развѣдчики дней черезъ восемь, говорятъ: прошли до самаго того мѣста, гдѣ послѣдній разъ барыню видѣли, доѣхали, никого не встрѣтили и слѣду даже экипажнаго не видѣли.

— Врутъ, подлецы, собачьи дѣти!—выругался Ларіонъ Марковичъ и самъ въ путь снарядился.

Велѣлъ коней себѣ сѣдлать, двухъ джигитовъ взялъ, всякаго запасу дорожнаго наклалъ въ переметныя суммы. Изъ знакомыхъ офицеровъ, кто посвободнѣе были да добромъ поминали кулебяки скобленовскія, тоже вызвалась на розыски, снарядились и тронулись.

Чего-чего не натерпѣлись въ степи новые развѣдчики, самъ Ларіонъ Марковичъ до самой Казалы промахалъ; волкомъ взвылъ съ горя... Видимое дѣло, покончила свое земное существованіе его Алена Васильевна съ ребятками, занесло ее снѣгомъ, сбило бураномъ съ дороги, а какъ искать до весны? Степь-то всю не перероешь лопатами!

Разузнали тутъ въ Казалѣ, что киргизъ Бутузъ-бай съ медалью, взявшійся везти русскую барыню, гдѣ-то по близости въ аулахъ проявился, послали искать его, нашли, привели къ допросу.

Плачетъ бѣдняга, разсказываетъ, что и самъ чуть не погибъ, одного только верблюда привелъ домой, разорился!.. Говоритъ, точно сбились съ дороги и трое сутокъ бродили ни вѣсть въ какомъ урочищѣ, что какъ завалило ихъ, такъ самъ поѣхалъ дорогу искать или аулишка какого-нибудь случайнаго. Аула и дороги не нашелъ, да не нашелъ и мѣста, гдѣ тарантасъ остался.

Запилъ съ горя Ларіонъ Марковичъ, взялъ даже отпускъ для запою форменный на одиннадцать дней и панихиду отслужилъ по усопшимъ рабамъ Божіимъ и отрокамъ — имя рекъ. Прочіе тоже его горю весьма сочувствовали...

Такъ дѣло тянулось вплоть до конца февраля мѣсяца.

Въ одно прекрасное утро, какъ разъ къ этому времени, въ домикъ капитана Скобленаго, какъ ядро пушечное, влетѣлъ прапорщикъ Курлубаевъ съ крикомъ:

— Алена Васильевна пріѣхали-съ!..

И точно, въ воротахъ двора показались два верблюда съ войлочными качалками, одна даже съ верхомъ, крытая, въ которыхъ возсѣдала сама мадамъ Скобленая, оба ея дѣтища и киргизъ Джюра, тотъ самый, что скралъ верблюдовъ у стараго Сяркея.

Переполохъ поднялся въ фортѣ страшный. Все населеніе воспылало радостью великою и любопытствомъ острѣйшаго свойства.

Алена Васильевна предстала предъ всѣми живая, здоровая, дѣти ея тоже, да еще располнѣли несказанно. Только грязи на нихъ и копоти кибиточной накопилось столько, что чуть не цѣлый день вся семья въ банѣ отмывалась.

Спросы да разспросы пошли... Самъ полковникъ съ супругою своею въ тотъ день къ Ларіону Марковичу обѣдать пришли, за-просто, а отецъ Иридій просфору прислалъ фунтовую съ тройною вырѣзкою.

Изъ разсказовъ Алены Васильевны оказалось слѣдующее:

На четвертый день пути они сбились съ дороги. Узнали объ этомъ поздно, когда уже почти цѣлый день проплутали, не попавъ къ ночи къ колодцамъ. Верблюды сильно измучились да и киргизъ тоже обезсилѣлъ. За ночь ихъ замело такъ, что пришлось къ утру откапываться. Прошло еще нѣсколько часовъ, пока верблюды кое-какъ могли тащить повозку и уже на второмъ ночлегѣ, такъ и не попавъ на дорогу, дѣла путешественниковъ приняли оборотъ окончательно трагическій.

Киргизъ Бутузъ-Бай просто бѣжалъ, видя гибель, все равно, не минучую, а снѣжный ураганъ дѣлалъ свое дѣло и скоро намоталъ у экипажа колоссальный сугробъ, въ нѣдрахъ котораго суждено было погибнуть несчастному семейству.

Двое сутокъ мать и дѣти находились въ такомъ положеніи.

Провизіи пока еще хватало на пропитаніе, но запасы уже подходили къ концу,—приходилось и замерзать, и умирать съ голоду.

О спасеніи нечего было и думать. Объ немъ и не думали. Опытная и понимающая хорошо данное положеніе Алена Васильевна мысленно простилась со всѣмъ, что ей было дорого въ этой жизни, и поручила себя провидѣнію.

Это провидѣніе явилось къ ней въ лицѣ маленькаго старичка въ громадной мѣховой шапкѣ. Старичекъ случайно наткнулся на нихъ и пріѣхалъ на большомъ одногорбомъ верблюдѣ. Онъ закуталъ мать съ дѣтьми вмѣстѣ въ коверъ, привьючилъ на своего верблюда, бросивъ въ снѣгъ свои собственные вьюки, и послѣ двухсуточнаго странствованія по глубокимъ снѣгамъ привезъ въ аулъ-зимовку къ киргизамъ перовскаго уѣзда, такъ какъ, оказалось, путешественники отбились отъ настоящаго направленія влѣво, верстъ на полтораста.

Сильные бураны, свирѣпствовавшіе чуть не всю зиму, не позволили оставить этого гостепріимнаго аула раньше конца зимы, и мать съ дѣтьми провела почти три мѣсяца въ кибиткѣ Нурмедъ-хана, куда помѣстилъ ее маленькій старичекъ въ большой шапкѣ.

Теперь ее доставили сюда прямо изъ этого аула, старичекъ провожалъ ихъ почти всю дорогу, но на послѣднемъ переходѣ сдалъ на руки этому самому Джюрѣ, а по какимъ причинамъ не захотѣлъ самъ явиться въ фортъ, то Аленѣ Васильевнѣ осталось неизвѣстнымъ.

Денегъ, предложенныхъ Аленой Васильевной, ни хозяинъ Нурмедъ-ханъ, ни старичекъ не взяли, послѣдній еще отъ себя подарилъ дѣтямъ по жестяной погремушкѣ и по крашенному пряничку.

Притянули къ допросу Джюру. Тотъ говоритъ, что ничего не знаетъ, а это, молъ, хакимъ Сяркей приказалъ ему доставить «русскую бабу съ ребятами въ крѣпость, бережно и сохранно, а больше ничего...» «и бить его Джюру за это не за что, потому что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ... онъ сдѣлалъ только то, что велѣно ему хакимомъ Сяркеемъ...»

Джюрѣ, конечно, сказали, что его бить не будутъ, но, должно быть, онъ имѣлъ основаніе не вѣрить этому и, улучивъ свободную минуту, какъ только стемнѣло, ловко удралъ изъ форта съ обоими своими верблюдами.

Поговорили обо всемъ случившемся день-другой; жизнь форта вошла въ свою обыденную колею, и скоро забыли и о бѣжавшемъ Джюрѣ, и о названномъ имъ тюркменѣ хакимѣ Сяркеѣ, хотя для очистки совѣсти комендантъ форта и послалъ обо всемъ форменное донесеніе съ приложеніемъ ходатайства «о награжденіи вышеозначеннаго киргизина Сяркея бронзовою медалью за спасеніе, для нехристіанъ установленною».

Недавно мнѣ пришлось побывать въ Казалѣ, проѣздомъ изъ Ташкента. Дѣла, а главное полная неисправность почтоваго тракта между Казалою и Терекли задержали меня здѣсь сутокъ на двое.

Скука была бы невыносимая, да, спасибо, попался старый пріятель-охотникъ, узналъ, что я остановился въ гостинницѣ Морозова, зашелъ, а черезъ часъ-другой мы уже, вооружившись двухстволками, поплыли на тотъ берегъ, въ заводи, стрѣлять дикихъ гусей и утокъ.

Стрѣляли удачно, выходили верстъ двадцать и уже къ вечеру подошли къ перевозу на «Сырѣ».

Вечеръ былъ чудный.

Солнце садилось чисто; на зеленоватомъ тонѣ неба ни одного облачка, мазарки на курганахъ рисовались отчетливыми лиловатыми силуэтами надъ береговыми камышами стлался легкій туманъ, а на томъ берегу рѣки привѣтливо вились дымки изъ печныхъ трубъ, и ярко искрились окошки скромныхъ домиковъ казалинскихъ предмѣстій.

Весь берегъ у перевоза былъ буквально загроможденъ верблюжьими вьюками. Это было время перекочевокъ, и длинныя коши *) бивакировали на берегу, а изъ степи мѣрнымъ шагомъ, позвякивая бубенцами, подтягивались все новыя и новыя вереницы косматыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ домашнею утварью номадовъ и разобранными частями юламеекъ.

Коши останавливались въ ожиданіи очереди переправы, подальше, поскромнѣе, развьючивались и пускали верблюдовъ на пастьбу, торговые караваны съ русскими приказчиками жались къ самому берегу,— эти были менѣе терпѣливы и взаимно мѣ-

---

*) Караванъ не торговый, а исключительно перекочевочный.

шали другъ другу, производя неимовѣрный безпорядокъ на переправѣ.

Спускъ къ тому мѣсту, гдѣ причаливаетъ желѣзный паромъ, устроенъ очень дурно, правильнѣе сказать, не устроенъ вовсе, глинистый берегъ безпрестанно размываетъ волною прибоя, и рушитъ толчками самого парома, сходней никакихъ... Верблюды, чуя опасность подобнаго спуска, ревутъ, упираются; ихъ тащутъ на паромъ или съ парома на берегъ силою. Человѣкъ десять хватаютъ несчастное животное, за что попало, бьютъ немилосердно, орутъ дикими голосами, въ воздухѣ стоитъ непрерывный гулъ болѣзненнаго верблюжьяго рева, дикой ругани человѣка и щелканье нагаекъ и палокъ по живымъ костямъ и тѣлу.

Кончится пытка на этомъ берегу, нагрузятъ паромъ, отчалятъ, а черезъ полчаса на томъ берегу поднимается такой-же гвалтъ, снова повторяется та же мучительная верблюжья и человѣческая пытка.

Я съ своимъ пріятелемъ, пробравшись кое какъ чрезъ лабиринтъ тюковъ съ хлопкомъ и товарныхъ ящиковъ, подошли къ спуску на перевозъ и сѣли на самомъ обрывѣ погрѣться у огонька, разложеннаго для заварки чаю татарами паромщиками. Желѣзный паромъ только что нагрузился на томъ берегу и уже отчалилъ. Тяжелая масса этого судна медленно двигалась на веслахъ, наискось сносимая теченіемъ рѣки. У каждаго весла работали по нѣсколько человѣкъ, кряхтѣли и надсаживались такъ, что даже сюда ясно доносилось ихъ хоровое кряхтѣніе; длинныя весла въ тактъ ударяли по водѣ, за паромомъ тянулась длинная борозда, живымъ золотомъ сверкая на заходящемъ солнцѣ.

На паромѣ, доминируя надо всѣмъ остальнымъ грузомъ, возвышался громадный семейный тарантасъ съ бѣлымъ холщевымъ верхомъ, на его дрогахъ и козлахъ громоздились тяжелые кованые сундуки, кожаные баулы и чемоданы всѣхъ сортовъ и величинъ, изъ окна тарантаса выглядывала какая-то женская фигура, и копошились дѣтскія головки.

— Это, видите-ли, кто!—замѣтилъ мой товарищъ, указывая трубочкою по направленію парома.—Это Скобленіиха съ дѣтьми назадъ возвращаются... Вонъ и самъ на кормѣ стоитъ, слышите, какъ ругается, паромщиковъ подбадриваетъ?

Дѣйствительно, присмотрѣвшись, я увидѣлъ и самого стараго капитана; его характерная фигура, высокая, сутуловатая, съ сѣдыми щетинистыми усами, торчала на кормовомъ помостѣ. Одна капитанская рука вооружена была нагайкою, другая грозно сжималась въ кулакъ и внушительно жестикулировала въ воздухѣ. Вокругъ капитана, по крайней мѣрѣ въ раіонѣ дѣйствій его могучихъ рукъ, чувствовался нѣкоторый трепетъ и смущеніе.

— Знакомы?—обратился ко мнѣ мой пріятель.—Помните, еще когда во второй ротѣ въ Коттакурганѣ стояли!

— Какже... хорошо знакомъ!—отвѣчалъ я.

— Онъ теперь зашибъ деньгу не малую, отъ первой жены сына въ офицеры вывелъ, отъ второй обѣихъ дѣвочекъ, помните Полиньку и Лушу... ну-съ, въ институтъ пристроилъ на казенный. Теперь шабашить хочетъ со службою, говоритъ: «довольно, пора и мѣру знать, по новымъ порядкамъ какъ-бы подъ судъ не угодить вмѣсто безпорочной отставки съ пенсіономъ». Эхъ, долго мы здѣсь проваландаемся, солнышко-то ужъ совсѣмъ сѣло...

Дѣйствительно, сумерки замѣтно сгущались, отъ костровъ замигало красное зарево, черныя линіи тюковъ и лежащихъ между ними верблюдовъ слились въ сплошныя массы... Туманомъ сплошь затянуло низовую сторону. Паромные сторожа подвалили на костеръ вязанки сухого камыша, и яркій столбъ трескучаго пламени взвился высоко-высоко, освѣщая багровымъ свѣтомъ мѣсто причала...

Паромъ уже подходилъ, гоня передъ собою грязную пѣнистую волну, плеско ударяющую въ берегъ.

— Бери причалы... Гей! — словно надтреснутая басовая труба, раздался чуть не надъ самымъ ухомъ капитанскій голосъ.

Казалось, берегъ дрогнулъ отъ могучаго толчка парома, на паромѣ что-то затрещало, все живое на немъ колыхнулось, качнулась даже на своихъ ногахъ и длинная фигура Скобленаго.

— Черти, дьяволы... легче!.. Ку... да... Подлецы... Берись за тарантасъ прежде всего... Доски сюда живо... Ты, Алена Васильевна, не вылазь, сиди, чего ноги-то мочить!

Щелкъ!

Это скобленовская нагайка прогулялась по спинѣ какого-то киргизенка, попытавшагося было проскочить съ своимъ ишакомъ преждевременно...

— Громовержецъ!—понизивъ голосъ, замѣтилъ мой пріятель охотникъ.

Паромщики принялись вытаскивать тарантасъ. Съ шумомъ, съ гамомъ они кое-какъ приподняли передокъ и перевалили его за края борта. Экипажъ скрипѣлъ весьма подозрительно... Капитанъ Скобленый начиналъ уже выходить изъ себя и сгонялъ народъ на подмогу.

Кое-какъ подсунули доски подъ переднія колеса, надвинули, тарантасъ сильно качнуло на бокъ. Алена Васильевна невозмутимо засѣдала въ немъ со своими чадами и даже вытащила имъ изъ мѣшка по ватрушкѣ.

— Лег...че!.. — надсаживался капитанъ. — Подопри плечомъ, суй багоръ подъ колеса... Да тащите-же тамъ спереди что-ли!.. Эко, проклятый народъ!

Вдругъ доска изъ подъ колеса выскользнула, и тарантасъ накренило такъ, что даже сама невозмутимая «мадамъ Скобленая» взвизгнула благимъ матомъ.

Нѣсколько человѣкъ киргизовъ, сидѣвшихъ на берегу праздно, безъ всякаго призыва ринулись съ кручи на помощь.

Они чуть не зубами вцѣпились въ тарантасъ. Мнѣ казалось, что эта грузная махина непремѣнно должна раздавить кого-нибудь изъ этихъ косоглазыхъ оборвышей.

Алена Васильевна выпрыгнула прямо въ воду и вытащила своихъ ребятъ; съ мокрымъ подоломъ, скользя и спотыкаясь, она выкарабкалась на берегъ и принялась отряхиваться.

Капитанъ Скобленый разсвирѣпѣлъ. Весь багровый, съ какимъ-то неестественнымъ ревомъ онъ ураганомъ обрушился на кучку киргизъ-добровольцевъ, выхватилъ на удачу одного изъ нихъ и принялся крушить...

Все отхлынуло прочь въ какомъ-то паническомъ ужасѣ и замерло... Даже старый, бѣлый ишакъ, начавшій уже пронзительно вопить, разомъ смолкъ, попятился и рысью скрылся въ темнотѣ.

А капитанъ все тузилъ и тузилъ свою жертву. Все это было дѣломъ мгновенія, но въ это мгновеніе много было сдѣлано, благодаря капитанской энергіи.

Большая косматая шапка, сбитая ударомъ кулака, взвилась въ воздухѣ и отлетѣла шаговъ на десять, обнаживъ голый, обритый черепъ.. У этого черепа заискрились выразительные черные, какъ уголь, глазки, беззубый ротъ зазѣвалъ, какъ у рыбы, вытащенной на берегъ. Крохотная фигурка попавшейся жертвы капитанской необузданности, словно мячъ, каталась въ могучихъ рукахъ Ларіона Марковича, каталась молчаливо, безъ стоновъ, безъ криковъ, безъ жалобъ.

Вдругъ раздался отчаянный дѣтскій крикъ и вслѣдъ за этимъ звукомъ гнѣвный голосъ Алены Васильевны.

— Папа, папа... не бей... оставь дѣдушку... не бей!— слезливо кричалъ ребенокъ.

— Да, оставь же ты, оглашенный! — взывала Алена Васильевна.—Оставь. Кого бьешь, не знаешь!

— Дѣдушка, дѣдушка!

— Сяркеюшка голубчикъ!

Ларіонъ Марковичъ остолбенѣлъ и, словно очнувшійся отъ страшнаго кошмара, безсмысленно ворочалъ глазами во всѣ стороны.

— Что за чортъ, — бормоталъ онъ, — Сяркей... Какой Сяркей?.. Ахъ, да... Вотъ такъ оказія... будь я проклятъ... эко, дѣло какое!..

Вдругъ онъ зарыдалъ, зарыдалъ безъ слезъ, дико, по-собачьи словно залаялъ, и, какъ подкошенный, ничкомъ рухнулъ прямо въ ноги своей жертвы.

— Прости ты меня окаяннаго...—стоналъ капитанъ, лицомъ ерзая по глинѣ.

Нѣсколько человѣкъ изъ присутствующихъ подбѣжали къ нему и поставили на ноги.

Капитана трясло, какъ въ лихорадкѣ, перепачканное лицо его было невозможно безобразно въ эту минуту... Онъ неожиданно вырвался, кинулся на валявшуюся подлѣ нагайку и принялся ее рвать, ломать и грызть зубами.

— Трижды будь я проклятъ... разрази меня Господь,— хрипѣлъ онъ,—если хоть разъ возьму тебя въ руки анафемскую!..

— Ларіонъ Марковичъ, да очнись ты, Бога ради!—подошла тутъ къ нему Алена Васильевна.—Не хорошо... народу сколько... Вонъ тамъ господа чужіе сидятъ..

— Что мнѣ народъ! Пущай на мое окаянство смотрятъ... Такъ мнѣ, старому чорту, звѣрю каторжному, и надо... Сяркеюшко, отецъ... Да прости же ты меня!.. Прости... родненькій!

А Сяркей уже оправился отъ трепки, только шапки своей не нашелъ пока и, утирая рукавомъ рванаго халата кровь, текущую у него изъ беззубаго рта, бормоталъ смущеннымъ голосомъ:

— Не надо прости... зачѣмъ прости... Богъ прости... Сяркею не больно совсѣмъ... прошла ужь... не надо прости...

— Ой, якши, ой, барракелды!—слышались кругомъ одобрительные голоса.

— Какой матка у тебя болшой сталъ балла, виросла, батырь будить... якши балла... узнала мене... якши...

— Сяркеюшка...—гладила его по бритой головѣ полная ручка Алены Васильевны.

— Погоды... постой... А, таннаузинъ, куда же она дѣвалась?! А тутъ, баръ, баръ...

Сяркей полѣзъ въ карманъ своихъ кожанныхъ шароваръ, вытащилъ оттуда конфетку въ красной бумажкѣ, обмотанную золотой ниточкою, и совалъ ея въ ротъ младшему ребенку, приговаривая:

— Си...ладка... болно с...ладка кушай, балла, кушай, пожалиста!

. . . . . .

Я незамѣтно проскользнулъ за толпою, забрался на паромъ и усѣлся тамъ на кормѣ, не желая обнаруживать своего присутствія и смущать еще болѣе и безъ того до нельзя смущеннаго, растерявшагося Ларіона Марковича.

Это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлъ тюркмена Сяркея, но не отчаяваюсь видѣть его еще разъ, а, можетъ быть, и болѣе, когда судьба снова приведетъ мнѣ бродить по пустынямъ Кызылъ-Кумскимъ. Тогда, вѣроятно, я узнаю еще что-нибудь объ этомъ «добромъ геніи пустыни», а узнавъ, не замедлю разсказать вамъ, ибо разсказъ «о хорошемъ человѣкѣ» и старому, и малому всегда на радость и пользу.

КАКЪ ЧАБАРЪ МУМЫНЪ БЕРЕГЪ ВВѢРЕННУЮ ЕМУ КАЗЕННУЮ ПОЧТУ.

Передъ дверьми маленькаго домика, гдѣ помѣщалось комендантское управленіе Глухого форта, съ утра, чуть не съ солнечнаго восхода, дежурилъ приземистый, коренастый киргизъ-чабаръ съ своими конями.

Чабара звали Мумынъ; товарищи — Мумынъ-бай, русскіе-же, всѣ безъ исключенія, отъ самаго коменданта до послѣдняго пьянаго кузнеца, шесть съ половиною дней въ недѣлю пребывавшаго въ арестантской ямѣ,—Мумынкою.

Мумынъ былъ представитель чистѣйшаго типа степного бѣгуна чабара. Его кости были ничуть не слабѣе желѣза, его мышцы не знали усталости, его прищуренные, заплывшіе жиромъ, узкіе, словно щелочки, косопрорѣзанные глаза видѣли въ даль даже ночью лучше комендантской трубки съ хитрыми стеклами. Прилегши ухомъ къ землѣ, онъ могъ за часъ до встрѣчи распознать какое угодно движеніе въ степи: сайгаки-ли перебѣгаютъ по Такыру, верблюдъ-ли бродитъ гдѣ отставшій, конные ѣдутъ-ли, какимъ шагомъ и сколько. Слѣды въ степи онъ разбиралъ и толковалъ безошибочно, даже и не особенно свѣжіе, недѣлю спустя этакъ, а то и больше. Къ русскимъ въ услуженіе поступилъ давно, во время большого похода степного, когда маленькимъ былъ еще, при своемъ братѣ Бикетаѣ, убитомъ во время ночного нападенія тюркменъ на русскій транспортъ, и теперь за мирнымъ временемъ служитъ чабарную службу, то-есть, возитъ черезъ степь почти на шестисотъ верстное разстояніе казенную почту изъ форта Глухого до форта

Заброшеннаго, а жалованья получаетъ за это по восьми рублей бумажныхъ за конецъ съ обратнымъ.

Кони его собственные, одежда его, харчи тоже и для себя, и для коней, а сумка кожанная для пакетовъ—казенная. Просрочки, по договору, «чтобы ни Боже мой!» Потерь или утраты—«оборони Господь». Подмочки—«и не кажи глазъ лучше». Ну, а разсчетъ за службу—это все равно, хоть по мѣсячно, хоть по третно, хоть за каждый разъ получай особо, однимъ словомъ, когда коменданту удобно будетъ досужно такимъ мелкимъ дѣломъ заниматься, тогда и приходи.

Впрочемъ, Мумынъ рѣдко безпокоилъ комендантскій денежный сундукъ своими требованіями. Года три тому назадъ у него конь одинъ издохъ отъ чумы, ну, тогда точно выдали ему двадцать семь рублей сорокъ три копѣйки съ четвертью. Мумынъ такъ считалъ, что это все за прошлое время, и что еще за комендантомъ осталось, а начальство ему заявило, будто это впередъ ему по особому довѣрію и расположенію выдано.

Мумыну послѣднее это было настолько лестно и пріятно, что онъ уже и не допытывался провѣрки въ счетахъ. «Пускай, молъ, будетъ по вашему впередъ, если только по особому довѣрію и расположенію...»

Такъ вотъ теперь этотъ самый Мумынъ-чабаръ и сидѣлъ передъ дверьми комендантскаго домика въ ожиданіи, когда ему комендантскій писарь вынесетъ хорошо знакомую, обвязанною веревкою съ припечатанными концами, кожанную сумку и большую старую книгу, гдѣ Мумынъ долженъ приложить свою тамгу въ удостовѣреніе того, что все содержимое сумки принято имъ «полностью и въ исправномъ видѣ».

Мумынъ сидѣлъ на корточкахъ въ тѣни своихъ собственныхъ лошадей и дремалъ, пригрѣтый мартовскимъ весеннимъ солнышкомъ; кони его, понуривъ свои большія, неуклюжія головы съ надрѣзанными ушами, дремали тоже.

Одного коня сѣраго звали «куцый», а другого, чалаго, «карноухій», ибо они имѣли соотвѣтствующія кличкамъ приметы. Оба коня были осѣдланы одинаково, только на куцомъ черезъ сѣдло перекинуты были вьючные ковровые коржумы съ ячменемъ и кое-какимъ дорожнымъ запасомъ самаго Мумына и небольшой козій мѣхъ съ водою. У сѣдла «карнаухаго», пред-

назначеннаго «съ мѣста» для самаго хозяина, висѣлъ мѣдный закопченный кунганчикъ для чая и узорчатый съ ременною кистью «калмыкъ-башъ» для чашекъ.

На головѣ Мумына поверхъ засаленной тюбетейки былъ надѣтъ рогатый, разрѣзной малахай лѣтній, изъ бѣлаго войлока, а на плечахъ три халата: нижній—алачевый-полосатый, средній—канаусный, подарокъ проѣзжаго полковника одного, что бралъ его въ провожатые, а верхній—изъ желтаго верблюжьяго сукна; шаровары у Мумына были кожанные, сохранившіе еще слѣды вышивного шелками узора, а сапоги изъ нечерненаго выростка съ острыми, загнутыми кверху носками и острыми-же, окованными жестью каблуками.

Оружіе на случай недоброй встрѣчи чабаръ нашъ завелъ себѣ не кое-какое: у него сабля, клынчъ, и ножъ у пояса были обыкновенные, положимъ, но за то ружье не кремневое, а ударное, двухствольное, тульской работы; только одинъ и былъ небольшой недостатокъ у этого ружья, что иногда оно стрѣляло изъ обоихъ стволовъ разомъ, хотя на такую двойственность пальбы и не было личнаго желанія стрѣлявшаго.

Изъ этого описанія видно было, что Мумынъ-чабаръ былъ во всѣхъ отношеніяхъ исправный и что таковому довѣрять «казенное» дѣло было вполнѣ не опромѣтчиво.

Долго, очень долго сидѣлъ и дожидался посылокъ чабаръ-Мумынъ.

Солнце уже высоко поднялось и перешло на эту сторону комендантскаго домика, скользнуло по войлочнымъ ставнямъ, задѣло косякъ двери съ приклееннымъ листомъ бумаги: «входъ постороннимъ строго воспрещается», заиграло на галунахъ и пуговицахъ комендантскаго мундира, вывѣшаннаго для просушки послѣ вчерашней подмочки на имянинахъ у купца-маркитанта Онучина, алмазами разсыпалось на бутылѣ особенной настойки отъ всѣхъ недуговъ, полыновки и камышевки вмѣстѣ, отбросило фигурную тѣнь отъ самовара, выставленнаго на порогѣ деньщикомъ Кочетковымъ и уже ничинавшаго пускать струйки поющаго пара.

Должно быть, теперь самъ комендантъ скоро долженъ проснуться, вытянуться, зѣвнуть и выругаться. Пора бы! Мухи до-

кучныя копей мумыновыхъ донимаютъ, ему самому дремать мѣшаютъ, роями надъ потнымъ, мѣдно-краснымъ затылкомъ вьются и на носъ десятками усаживаются.

Вотъ, наконецъ, ставень одинъ самъ собою отъ толчка изнутри выскочилъ, вотъ другіе два деньщикъ Кочетковъ торопливо выставилъ и по пути въ трубу самоварную дунулъ. Вотъ красивая, полная тѣломъ солдатка Анисья изъ заднихъ дверей шмыгнула и украдкою, по застѣнками, пошла въ слободку. Писарь Ардальоновъ съ подбитымъ глазомъ квасу потребовалъ въ полголоса. Словно въ нѣдрахъ старинныхъ стѣнныхъ часовъ передъ боемъ, захрипѣло на разные лады въ комендантскомъ горлѣ и послышался знакомый всему форту начальствующій басъ:

— Послать къ попадьѣ за ботвиньей!..

. . . . . .

Большую на этотъ разъ «почту» навалили на спины «купаго» и «карноухаго!» Уже по одной описи, къ которой приложилъ свою «тамгу» чабаръ Мумынъ, видно было, что дѣло не шуточное.

Во-первыхъ, шесть отношеній комендантскаго управленія форта Глухого въ комендантское же управленіе форта Заброшеннаго (одно отношеніе стихами), два фунта чаю и четыре фунта самохваловскаго табаку, въ общемъ ящикѣ съ тремя казенными печатями и надписью «весьма цѣнное», полушубокъ и сапожный товаръ на шесть человѣкъ, отправленныхъ еще въ прошломъ году изъ форта Глухого въ Заброшенный на пополненіе тифозной убыли въ вышеозначенномъ фортѣ, шляпка для госпожи комендантши въ особомъ ящикѣ, циркуляры начальника края срочные, по недоразумѣнію залежавшіеся въ фортѣ Глухомъ, вотъ уже скоро два года, семь книжекъ «Русскаго Вѣстника» и семьдесятъ два листа газеты «Русскій Инвалидъ». Кромѣ этой казенной клади еще сумка съ частною перепискою и двѣ баночки превосходной ваксы—издѣлія самого писаря Ардальонова, предназначенныя въ подарокъ товарищу, писарю форта Заброшеннаго Кутималинову.

Даже чалый запрялъ остаткомъ своего уха и попятился, завидя ношу, готовую залечь на его спину, а купый-сѣрый фыркнулъ и затопался на мѣстѣ, косясь выразительно глазомъ на своего хозяина: «что же это, другъ ты нашъ, съ нами хотятъ дѣлать?..»

— И чтобы вполнѣ сохранно, потому дѣло первой важности! — грозя чубукомъ изъ окна, пробасило само начальство.— Особенно этотъ вотъ ящикъ, чтобы... ни Боже мой! Ни одной трещинки. Понимаешь!?. Ардальоновъ, укажи ему тотъ самый ящикъ съ казенными цѣнностями... Не этотъ, дуракъ!.. Эхъ! Да вонъ тотъ, куда вчера эту глупую шляпку Анисья укладывала!..

— Хопъ!—кланялся Мумынъ, прижавъ руки пониже желудка.—Хопъ, тюра, хопъ! Все цѣла будытъ... казонной бумага знаю... Голова ни жалка, казна жалка... все цѣла будытъ!

— Ну, гайда, съ Богомъ!

— Мумынка, слушь,—шепнулъ ему деньщикъ Кочетковъ,— поѣдешь, дружище, назадъ, захвати въ Заброшенномъ шиповъ соленыхъ, покрупнѣе, парочку, тамъ они дешевы... Теперь не жарко, можетъ, не попрѣютъ дорогою-то...

— Эй, ты, косоглазый! Дорогою по ауламъ не шляться, по пустому не засиживаться... Везти акуратнѣй!

— Хопъ, тюра... Вашу белагородію, хопъ!.. Ми свое дѣло хорашо понымаимъ...

— Ну, то-то!

Выбрался-таки чабаръ Мумынъ изъ комендантскаго дворика и дробнымъ шажкомъ, переступью погналъ своихъ навьюченныхъ казенною почтою коней къ степному выѣзду изъ форштадской слободки.

Хорошо, привольно въ степи раннею весною!

Молодая травка еще не пригорѣла на солнцѣ, зелено кругомъ и пестро, цвѣтисто. Краснѣютъ въ травѣ головки полевыхъ тюльпановъ, желтыя звѣздочки подснѣжниковъ, бѣлая кашка, лиловые ирисы. На высокихъ мѣстахъ, раньше просохшихъ, выглянули на свѣтъ Божій пепельно-сѣрые побѣги молодой полыни; на низкихъ мѣстахъ, около лужъ солонцеватыхъ, щеткою поросла темно-зеленая осока, тамъ и старыя прошлогоднія стебли желтаго камыша виднѣются. По глубокимъ балкамъ кудрявый гребенщикъ раскинулся, а дальше на низовомъ выходѣ изъ балки, словно зеркало, сверкаетъ мелководное озеро, мелкимъ живымъ серебромъ копошатся въ соленой грязи тысячи крохотныхъ куличковъ, чайки кивикаютъ въ воздухѣ, орлы въ безпредѣльной синевѣ рѣютъ, и звонко, гулко, разносисто слы-

шенъ въ чистомъ, ароматномъ, степномъ воздухѣ ихъ гортанный клёкотъ.

Тамъ несмѣтнымъ числомъ овечьи атары бродятъ, дымокъ на пригоркѣ вьется, пастухи огонь развели. Тамъ верблюжій табунъ на пастьу выгнали, караванъ гдѣ-то далеко-далеко идетъ, не видать береницы верблюдовъ, только мелодичный звонъ бубенцевъ слышится; пара всадниковъ выскакала на бугоръ и опять въ лощину спряталась. Худой, поджарый волкъ за кочками прячется, къ овцамъ киргизскимъ подбирается.

Ѣдетъ Мумынъ-чабаръ «о дву-конь», посвистываетъ, нагайкой помахиваетъ, пѣсню подъ носъ мурлычитъ. А пѣсня у него какая! Что только видитъ глазъ, что только слышитъ ухо, что ни взбредетъ зря въ голову, все въ эту пѣсню безконечную, монотонную укладывается.

„Что ты это, сѣрый мой, спотыкаешься?
„А вѣдь это бродятъ верблюды каты-магометовы...
„Козонный пошта вези, давай все коменданту въ порядкѣ..
„Э... гей, колдашъ-бай, здорово!.. Куда ѣдешь, таннаузинъ-сигейпъ?
„Стой, карноухій! Вижу третъ тебѣ брюхо подпруга. Сейчасъ поправлю!
„Утки на болото сѣли, беркутъ сѣрый ударить на нихъ наровитъ...
„Ого... го... гой!..“

— Мумынъ-бай... Ама...а...а...нъ!—доносится съ кургана, гдѣ пастухи у огня сидятъ кучкою.

— Аманъ... бала... Ама...а...анъ!—зѣваетъ имъ въ отвѣтъ Мумынъ.

Куда уже солнце за полдень перевалило. Бѣгутъ ровно, покойно привычные ходоки, кони чебарскіе, поту не даютъ даже. Въ важномъ ящикѣ казенномъ что-то болтается, постукиваетъ, кунганчикъ мѣдный позваниваетъ своею крышкою. Карноухому, знать, мошки въ носъ набились, трясетъ на ходу головою горбоносою, пофыркиваетъ.

Къ вечеру чабаръ до озера соленаго «Кокъ-сай» добѣжитъ, тамъ и привалъ первый сдѣлаетъ. Такой уже у него маршрутъ заведенъ издавна, кони сами этотъ маршрутъ наизустъ заучили, хоть однихъ пусти, такъ не собьются.

Вонъ она, эта мертвая, песчаная степь впереди синѣетъ волнистою линіею своихъ сыпучихъ бархановъ, вонъ и «Кокъ-сай» — озеро блеснуло, окаймленное черными, илистыми берегами. Вонъ и могила мазаръ на курганѣ. У подножья этой могилы что череповъ бараньихъ круторогихъ валяется! Были

они тутъ сложены кучею высокою, да года три тому назадъ наѣзжали сюда русскіе, ученые какіе-то, не военные, всю кучу перерыли; подъ самый мазаръ даже подкапывались. Какіе почуднѣе были черепа, что уже теперь и нѣтъ такихъ, съ собою увезли; эти вотъ раскидали зря. Вотъ она, эта могила самая...

А солнце уже низко-низко спустилось, уже зеленая живая степь, что позади осталась, дымкою синеватою затянулась. Табунчикъ сайгачій подходилъ сторожко да чутко къ озеру, водопоя ради, да назадъ въ пески шарахнулся съ перепугу. Тѣни, вишь, длинныя очень отъ коней мумыновыхъ протянулись, чуть было робкаго звѣря не догнали.

— Тпру!.. Стой!.. Вотъ тутъ и передохнемъ мало-мало!

Отъ старыхъ костровъ золы много накопилось здѣсь, а на холодной, отсырѣвшей на мокромъ солонцѣ золѣ кружечки отъ кунгановъ отпечатаны. Подошва старая лежитъ, съ одного бока подгорѣлая. Ишь-ты! Папиросный окурокъ валяется!.. Знать, кто изъ русскихъ былъ недавно!.. Вонъ и слѣдъ коня, на шипы кованнаго...

— Это тотъ рыжебородый, что отъ чумы скотину лѣчитъ и людямъ ришту перевязываетъ, это тотъ здѣсь шатался!— сообразилъ Мумынъ, приглядѣвшись къ кованнымъ слѣдамъ пристально.

«А у Мумына спычка есть хорошая, огонь давать будитъ, пожалуста!..

«Мумынъ чай варитъ хочешь. Яяя...кши чай и лепешка баръ, сухаря русскаго мало-мало...

«Ну, куцый, чего чухаешься!.. Поди разсѣдлаю, тогда и валяться станешь...»

Ловко управляется чабаръ со своимъ дѣломъ, все у него кипитъ подъ руками. И коней разсѣдлываетъ, и ногою сухой пометъ въ кучку сдвигаетъ. Минуты двѣ всего прошло, а уже бивакъ сложенъ, кони, освобожденные отъ тяжести вьюковъ, по песку вываливаются, спины чешутъ, кровь разбиваютъ. Тонкая струйка синяго дыма поднялась надъ кунганомъ, красные язычки его копченое дно снизу облизываютъ, аппетитно бурлитъ и всхлипываетъ что-то въ серединѣ.

Заботливо чабаръ Мумынъ оглядѣлъ добро казенное, пуще всего особенно цѣнный ящикъ, что дорогою постукивалъ.

— Ничего, славу Богу, кажись, пока все въ полной исправности!

Еще темно было, чуть-чуть только бѣловатая полоска протянулась на востокѣ, а уже чабаръ коней посѣдлалъ и навьючилъ и пустился въ дальній путь.

Печальнѣй и печальнѣй развертывалась передъ его глазами мертвая пустыня. Давно уже позади спряталась за барханами мазаръ-могила, давно и озеро соленое въ послѣдній разъ блеснуло; все пески вокругъ, словно волны мертваго моря окаменѣвшаго, кое-гдѣ лишь барханами сухой саксаулъ буреетъ...

Солнце только показалось, а уже припекать стало. Быстро нагрѣвается сухой воздухъ, быстро знойная мгла даль затягиваетъ, дрожитъ, словно сѣтка, искрится блестками, слѣпитъ глаза, маревыми озерами, лживыми манитъ.

Шагъ въ шагъ, нога въ ногу, ровнымъ, степеннымъ ходомъ бѣгутъ куцый съ карноухимъ, сидитъ въ сѣдлѣ Мумынъ, малахай на глаза надвинулъ, покачивается.

А тишина какая кругомъ! Ящерка за сто саженъ проползетъ по песку, и ту отчетливо слышно.

Къ полудню, къ самому сильному зною, верстъ сорокъ отмѣрялъ Мумынъ и у степного колодца, давно заброшеннаго, пескомъ засыпаннаго до краевъ, остановился приваломъ.

Вода для чаю съ собой есть, а кони до ночи обойдутся безъ пойла. Часа два перестоять да и съ Богомъ.

Опять гонитъ чабаръ - Мумынъ, опять все также пески кругомъ мертвые. Наторенная тропа то отчетливо, ясно видна, извиваясь змѣею, то теряется вовсе подъ пескомъ, то на самый гребень бархана взбѣгаетъ, то лощиною тянется и слѣдовъ на ней свѣжихъ только тѣ, что самъ Мумынъ проложилъ прошлымъ мѣсяцемъ.

На третій день пути встрепенулся Мумынъ.

— Что за диковина такая!.. Дѣло какъ будто джаманъ— не больно ладное!.. Чужіе конскіе слѣды по песку залегли, да все свѣжіе. Вчера, не позднѣе того, здѣсь топтались.

Сталъ Мумынъ слѣды эти разглядывать, про себя раздумывать, да мозгами раскидывать.

— Вотъ эти сюда было шли, да назадъ повернули. Эва! Какую сайгачью петлю загнули! Вонъ одинъ останавливался,

знать, что пересѣдлывалъ, слѣзалъ... сапоги новые, кованые... Вонъ обгоняли другъ дружку... Все больше пароконные, двое, всего одиночекъ, а лошади у нихъ не наши, а тюркменскія долгоногія... Сколько же ихъ всего тутъ?.. Разъ, два, три... Аллахъ, Аллахъ, цѣлыхъ восьмеро!.. И чего они тутъ гуляли?

Купый съ карноухимъ тоже трясутъ головами въ недоумѣніи, свѣжій пометъ обнюхиваютъ, на хозяина косятся, а тотъ скребетъ себѣ пятернею загорѣлый затылокъ, да такъ усердно, что малахай его войлочный совсѣмъ на носъ надвинулся.

— И чего только они здѣсь гуляли?

Понятное дѣло, не за добрымъ дѣломъ! Видимо, вольный народъ съ того берега на поиски сюда въ степь пришелъ, къ русской грани добираются, либо на трактъ караванный хотятъ выѣхать, пограбить товару купеческаго, перехватить кого, для выкупу годнаго. Вотъ, можетъ, такого же чабара съ казенною почтою выловить,—почту забрать, а самого прирѣзать. Зачѣмъ, молъ, собака, гяурамъ проклятымъ службу служишь! Вотъ для чего гуляютъ здѣсь въ степи люди недобрые.

Стоятъ они теперь на сайгачьихъ колодцахъ, а пришли съ «тюя-кудука», больше не откуда. Отъ сайгачьихъ колодцевъ на востокъ пять сутокъ иди—до воды не дойдешь, а на закатъ солнца на третьи только попадешь къ водѣ, да и то такой, что и верблюды нюхать не станутъ. Сюда, въ нашу сторону, ладно; сюда вода на дорогѣ скоро будетъ; сюда они и пойдутъ съ сайгачьихъ колодцевъ. Они и шли сюда, да чего-то раздумали, или что недоброе зачуяли,—кто ихъ знаетъ!

Теперь и Мумыну нашему на сайгачьи колодцы дорога. ему тоже податься больше некуда, только какъ же ѣхать теперь? Какъ разъ на тѣхъ начешешься! Развѣ отойдти за барханы въ сторону, да переждать мало-мало. Какъ пройдутъ каракчи, такъ и ѣхать по ихъ же дорогѣ, только въ разныя стороны.

Надумалъ Мумынъ хорошо, да все неладно: хорошо пойдутъ они ночью, его слѣдовъ не разглядятъ, время дадутъ ему выиграть; а днемъ ежели побѣгутъ засвѣтло, тогда чѣмъ свою дорогу спутать, чѣмъ слѣдъ замести? Погода же стоитъ, какъ на зло, тихая, безвѣтренная, ни одинъ бархашъ не курится.

«Назадъ развѣ гнать, удирать опять въ фортъ Глухой, къ коменданту сердитому? Не повѣритъ шайтанъ пучеглазый, скажетъ: «ты, собака лѣнивая, нарочно такъ сдѣлалъ отъ

лѣпи, а не со страха вернулся! Что, молъ, сказки разсказываешь! Откуда такое, при моей, молъ, бдительности и предусмотрительности, разбойники въ степи появились? Такъ-то ты, такой-сякой, казенную почту къ сроку доставляешь!.. А еще тебѣ деньги впередъ выданы за службу по особому довѣрію!.. Нѣтъ, назадъ удирать не приходится!..»

Долго, долго такъ-то соображалъ чабаръ Мумынъ и рѣшилъ, наконецъ, отдаться на волю Аллаха, на его всеблагое предопредѣленіе.

Отъѣхалъ онъ осторожно съ полверсты въ сторону, коней за крутымъ барханомъ на приколы поставилъ, самъ на гребень влѣзъ, малахай снялъ, чтобы не очень въ глаза издали кидалось, прилегъ на брюхо и зорко, внимательно оглядываетъ дорогу.

Прождалъ до глубокой ночи, ничего не слышно и не видно.

— Что же они тамъ на сайгачьихъ колодцахъ лѣтовать, что-ли, собираются?

Прождалъ Мумынъ всю ночь, глазъ не смыкалъ ни на минуту—все никого не видать. Что за диковина!

А кони-то его уже сильно притомились; измучила ихъ не дорога дальняя, а это скучное выжиданіе на мѣстѣ, да подъ вьюкомъ тяжелымъ въ жару знойную, безъ корму, безъ пойла. Ждать еще такъ-то—и до сайгачьихъ колодцевъ не добредутъ, пожалуй.

У чалаго глаза совсѣмъ помутились, ноздри ссохлись, языкъ слюны не даетъ, тронулъ чабаръ рукою, — ну, напилокъ напилкомъ! Сѣрый бока подтянулъ такъ, что подпруги не держатъ, ослабли, а пахи ямами глубокими завалились. Да и самому чабару не подъ силу стало.

Все равно, пропадать, если еще двое сутокъ стоять на мѣстѣ. А тѣ, можетъ быть, и не держатся вовсе на сайгачьихъ колодцахъ, можетъ, давно назадъ ушли...

— Эхъ! И вода-то на этихъ колодцахъ какая холодная, свѣжая, вкусная!..

Передъ свѣтомъ Мумынъ тронулся въ путь... А разсчиталъ такъ, чтобы до сайгачьихъ колодцевъ еще до солнца доѣхать, пока не такъ видно въ степи, все выглядѣть, неравно стоятъ еще тѣ, такъ самому прежде ихъ подозрить, чѣмъ тѣ его.

Кони чуютъ воду живую, бодро идутъ, послѣднія силы напрягаютъ, чалый тянетъ на поводу, даже впередъ забѣгаетъ.

Мумынъ ружье свое снялъ, оглядѣлъ, курки пощупалъ, въ стволину посовалъ пальцемъ и поперегъ сѣдла положилъ.

Ѣдетъ.

Чу, никакъ конь заржалъ! Далеко, далеко, а слышно... Да, вѣрно!.. Вонъ и куцый запрялъ ушами... Того гляди, откликнется..

Вонъ опять... Вонъ какъ будто и человѣческій голосъ... Дымкомъ-то давно уже явственно въ воздухѣ утреннемъ предразсвѣтномъ попахиваетъ.

— Охъ, стоятъ проклятые на сайгачьихъ колодцахъ! Будь вотъ Мумынъ—не Мумынъ, не чабаръ казенный, особливо довѣренный, если не стоятъ!..

— И что только они тамъ дѣлаютъ?

Загнулъ чабаръ большой крюкъ въ сторону, заѣхалъ къ колодцамъ съ полуденной стороны,—тамъ, вишь ты, саксаульникъ погуще. Слѣзъ съ коня, пробрался пѣшкомъ по сыпучему песку, переползъ на брюхѣ открытую прогалину. Теперь ему все, какъ на ладони, видно.

Вонъ они въ ложбинкѣ, на низовомъ утоптанномъ мѣстѣ сайгачьи колодцы чернѣютъ, вонъ и люди чужіе сидятъ. Одинъ въ сторонѣ бродитъ, сухой валежникъ собираетъ. Вонъ и огонекъ курится. Кони на приколахъ просторно стоятъ, въ разгонку, пара высокихъ, подъ попонами полосатыми, на шеяхъ тоже попоны съ наушниками. Вонъ вьюки лежатъ, ружье торчитъ изъ-за одного тюка. Барантачи въ кружокъ сидятъ, промежъ себя въ полголоса разговариваютъ. Тотъ, что саксаулъ подбираетъ, сюда въ Мумынову сторону глядитъ пристально, кричитъ громко товарищамъ, а что кричитъ, не разберешь. путемъ, потому не по нашему, а по тюркменскому...

— Неужели меня подозрилъ?—струсилъ Мумынъ и сталъ ракомъ пятиться.

Нѣтъ, слава Богу! Обошлось благополучно. Вонъ никакъ въ путь собираются. Коней поить хотятъ. Сами-то, чай, въ досталь налакомились! Лошакъ съ ними есть одинъ, рослый кряжистый, долгоухій. Этотъ подъ вьюкомъ ходитъ. Вонъ ег тюркменъ ногою въ бокъ толкнулъ, тотъ вскочилъ, хвостомъ махнулъ, встрепенулся... Такъ и есть—вьючатъ!.. Эко народъ не проворный, какъ копаются!..

Ну, слава Аллаху, садятся! Куда поѣдутъ только... такъ и есть, въ нашу сторону!..

Теперь бы обождать въ засадѣ, чтобы дальше отъѣхали, назадъ бы зачѣмъ не вернулись, да и самому на ихъ мѣсто.

Ждетъ Мумынъ часъ, ждетъ другой, ждетъ терпѣливо, хотя и манятъ его больно колодцы съ водою холодною, свѣжею. Отъ вида этихъ колодцевъ пуще жжетъ его жажда смертельная, языкъ просто во рту не ворочается.

Давно прошли тѣ воровскою вереницею, давно уже послѣдній отзвукъ копытный былъ слышенъ. Теперь, знать, далеко отъѣхали, можно съ мѣста тронуться.

Вернулся чабаръ къ своимъ конямъ, взялъ ихъ за поводья, поволокъ. Живо у колодцевъ оставленныхъ справился... Воды въ турсукъ набралъ, чайничекъ поставилъ, коней поить началъ было. Вдругъ голосъ громкій такъ и зазвенѣлъ въ тишинѣ, такъ и рѣзанулъ Мумына по уху.

— Э, гей, сюда! Вонъ онъ, чьи слѣды мы видѣли!

Встрепенулся чабаръ да къ конямъ. А уже на барханѣ двѣ черныя, косматыя шапки торчатъ, изъ-за бархана слѣва еще выѣзжаютъ рысцею четверо. Бѣда! Влопался!..

Только успѣлъ Мумынъ вскочить на сѣраго, а уже барантачи полукругомъ охватили колодцы, только въ одну сторону и можно кинуться.

Слава Богу, что еще кони чабарскіе не были развьючены.

— Погоди,—думаетъ Мумынъ,—я тебя угощу перваго, кто прытче окажется!

Обернулся въ полповорота на сѣдлѣ, да какъ пальпетъ изъ обоихъ стволовъ сразу, инда скулу ему прикладомъ чуть не своротило.

Взвился конь тюркменскій на дыбы, задомъ поддалъ, словно турсукъ съ водою, свалился на песокъ барантачъ въ черной шапкѣ, да не совсѣмъ, съ сѣдломъ вмѣстѣ подъ брюхо съѣхалъ, а прочь отъ коня не отдѣляется.

Злой жеребецъ бьетъ и задомъ, и передомъ, по барханамъ вскачь понесся, а сѣдокъ за нимъ слѣдомъ волочится...

Кто къ товарищу на выручку кинулся, кто издали ругается да саблею машетъ. Замялись на мгновеніе барантачи, оторопѣли отъ выстрѣла неожиданнаго. А Мумынъ уже съ четверть версты угналъ на своихъ, перевелъ на рысь.

— Эхъ,—молится, — уноси Аллахъ... помоги выручать почту казенную!.. А тутъ солнце взошло уже, и опять по вчерашнему припекать стало. Кони Мумыновы хоть и попоены

мало-мало, а все-таки подбились изрядно, идутъ черезъ силу, того и гляди, пристанутъ...

Погоня близка, она вотъ за спиною чуется. Ударился чабаръ отъ дороги въ сторону, какъ разъ на востокъ, именно туда, гдѣ хоть пять сутокъ гони, до воды не догонишь. Отобьется, этакъ на сутки, пожалуй, и на колодезную дорогу не хватитъ силъ выбраться.

Сторона-то та глухая, мертвая.

Пока за барханами ничего не видно, а вонъ какъ переваливалъ Мумынъ гребешокъ, такъ ясно, отчетливо видѣлъ, какъ тѣ, не спѣша, кучкою его выслѣживаютъ; знаютъ, собаки, что торопиться, мучить коней не слѣдуетъ,—на живомъ слѣду, какъ на арканѣ, дѣться некуда...

Гналъ такъ Мумынъ до полудни, гналъ и послѣ полудня, а къ вечеру его сѣрый со всѣхъ ногъ грянулся на земь и ногами задрыгалъ... Ноги-то конскія еще бѣгутъ словно, а уже голова косматая лежитъ неподвижно, глаза на выкатѣ, ноздри раздуло, и кровь изъ нихъ на песокъ сочится.

Покончился.

Заторопился Мумынъ, забылъ и про турсукъ съ водою, главное ящикъ казенный тотъ самый отвязать поскорѣе, да на чалаго прикинуть.

До слезъ коня жалко, а плакать некогда. Повелъ въ поводу чалаго, гдѣ уже тому, усталому, двойную ношу тащить...

Тянется чалый на поводу, еле ноги переставляетъ, тянется вплоть до заката солнечнаго, посвѣжѣлъ было немного съ вечернею прохладою, да не надолго... Въ темнотѣ сталъ на подъемѣ, уперся и ни съ мѣста...

Звалъ его чабаръ, звалъ, манилъ, манилъ; воды обѣщалъ вволю, вотъ только до колодцевъ доберутся, еще немного... А чалый не вѣритъ, самъ знаетъ, что въ той сторонѣ никакихъ колодцевъ нѣтъ...

Бился, бился чабаръ, видитъ, дѣло плохое, не минучее... Стащилъ со спины присталаго коня почту казенную, на себя взвалилъ и пошелъ дальше.

А чалый, только ношу сняли, такъ и прилегъ на песокъ тихонько, словно ноша эта его на ногахъ держала — прилегъ, морду подогнулъ подъ себя, ноги вытянулъ судорожно... и глаза у него, какъ у сѣраго «покойника», начали таращиться...

Гдѣ-же теперь Мумыну-чабару уйдти пѣшему!

Вотъ онъ и подумалъ:—«Самъ, молъ, пропаду, а сберегу почту казенную».

Зарылъ онъ ящикъ въ песокъ, саксаулу накидалъ поверхъ, самъ вернулся къ коню своему, придѣлъ на корточки и началъ творить намазъ-молитву...

— Э-ге-гей!..—слышно въ темнотѣ.

— Э-ге-гей!—отзывается ближе.

— Вотъ онъ!—опять тотъ-же голосъ, что впервой Мумынъ услыхалъ еще на сайгачьихъ колодцахъ.

Пуля провизжала въ воздухѣ и въ мертваго коня ударила.

— Аллахъ, Аллахъ!—молится, бормочетъ про себя Мумынъ.—Пускай уже я пропаду, какъ собака, если нагрѣшилъ что, не по твоему закону сдѣлалъ, если гнѣвъ твой праведный самъ накликалъ на свою голову. Спаси только, сохрани ты, Аллахъ, почту казенную!..

Прошло полтора года.

Привели разъ къ коменданту форта Заброшеннаго человѣка, киргизина оборваннаго, больного, исхудалаго... Сквозь тряпье одежды голое тѣло на всѣхъ мѣстахъ сквозило, на спинѣ рубцы кровавые, застарѣлые, одного уха нѣтъ совсѣмъ, а другое до половины обрѣзано, на рукахъ пальцевъ не хватаетъ большого и мизиннаго.

Притащилъ тотъ человѣкъ ящикъ да сумы переметныя, говоритъ, будто это почта изъ Глухого форта казенная.

Смѣхъ да и только!

Вскрыли ящикъ и сумы и вправду почта, только больно уже давнимъ числомъ помѣченная.

— Гдѣ-же это ты шлялся, собака, сколько времени нужную почту везъ, гдѣ пропадалъ?

— Подъ арестъ его, канальо, а послѣ къ допросу, вотъ какъ его благородіе пообѣдаетъ...

Допросили въ свое время.

Разсказывалъ чабаръ Мумынъ коменданту, какъ его дорогою хивинскіе барантачи застукали, какъ онъ уходилъ отъ нихъ, какъ почту въ пескѣ схоронилъ, какъ его самаго накрыли и на тотъ берегъ Аму пѣшкомъ между двухъ коней все гнали, какъ онъ у тюркменъ въ работникахъ жилъ всю зиму и лѣто, и еще зиму, какъ ушелъ оттуда да не смѣлъ въ фортъ безъ почты вернуться и пѣшкомъ къ самому Иркибаю въ пески

ходилъ, какъ нашелъ онъ добро казенное и сюда приволокъ,— жаловался, что боленъ совсѣмъ, что брюхо болитъ, и грудь болитъ, и въ головѣ злой духъ поселился, руки и ноги трясутся... Просилъ очень, чтобъ ему денегъ дали коней купить, а то пѣшкомъ тяжело таскать почту будетъ, не подъ силу ему, больному, калѣчному; просилъ, чтобы ему штрафъ за просрочку впередъ за службу зачли, денегъ бы только на коня дали.

Все разсказалъ Мумынъ чабаръ на комендантскомъ допросѣ, ничего не утаилъ, только ему денегъ пока не дали; обѣщали, впрочемъ, списаться по начальству, куда слѣдуетъ, какое тамъ, молъ, будетъ разрѣшеніе на этотъ экстраординарный расходъ въ семьдесятъ пять цѣлковыхъ, считая по тридцати пяти рублей за конскую голову.

Написали.

Впрочемъ, Мумыну не пришлось больше возить почту казенную. Подобрали его дня черезъ четыре за заборомъ въ пустомъ дворикѣ мертваго и отдали тѣло муллѣ схоронить на казенный счетъ...

Такъ чабаръ Мумынъ и покончилъ свое земное странствованіе, по пескамъ, между фортами Глухимъ и Заброшеннымъ. Пришелъ онъ таки и успокоился на своихъ послѣднихъ колодцахъ, а случилось это... какъ бы это опредѣлить хорошенько время... Да случилось это тогда именно, когда—помните?—полковникъ одинъ изъ интендантскихъ везъ почтовымъ трактомъ денегъ тридцать двѣ тысячи рублей сорокъ одну и три четверти копѣйки, да не довезъ до мѣста. Говорилъ, что будто на него разбойники дорогою напали, самого чуть не убили и деньги всѣ отобрали, какъ есть всѣ тридцать двѣ тысячи сорокъ одну и три четверти копѣйки. Тогда еще полковникъ рукавъ пальто показывалъ, будто-бы саблею просѣченный.

Слѣдствіе производили тогда и точно что разбойники, по слѣдствію, оказалось; чудно только всѣмъ прочимъ, не служащимъ, было: откуда такое въ той сторонѣ разбойники выискались?

Тогда-то именно и померъ чабаръ Мумынъ, полковникъ еще этотъ самый смѣялся:

— Вотъ,—говорилъ,—чудакъ косоглазый, изъ-за дрянной шляпенки да двухъ баночекъ ваксы, муку такую на себя принялъ!

КОНЕЦЪ.

01443

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3467
K33
1904
t.2

Karazin, Nikolai Nikolaevich
Polnoe sobranie sochinenii